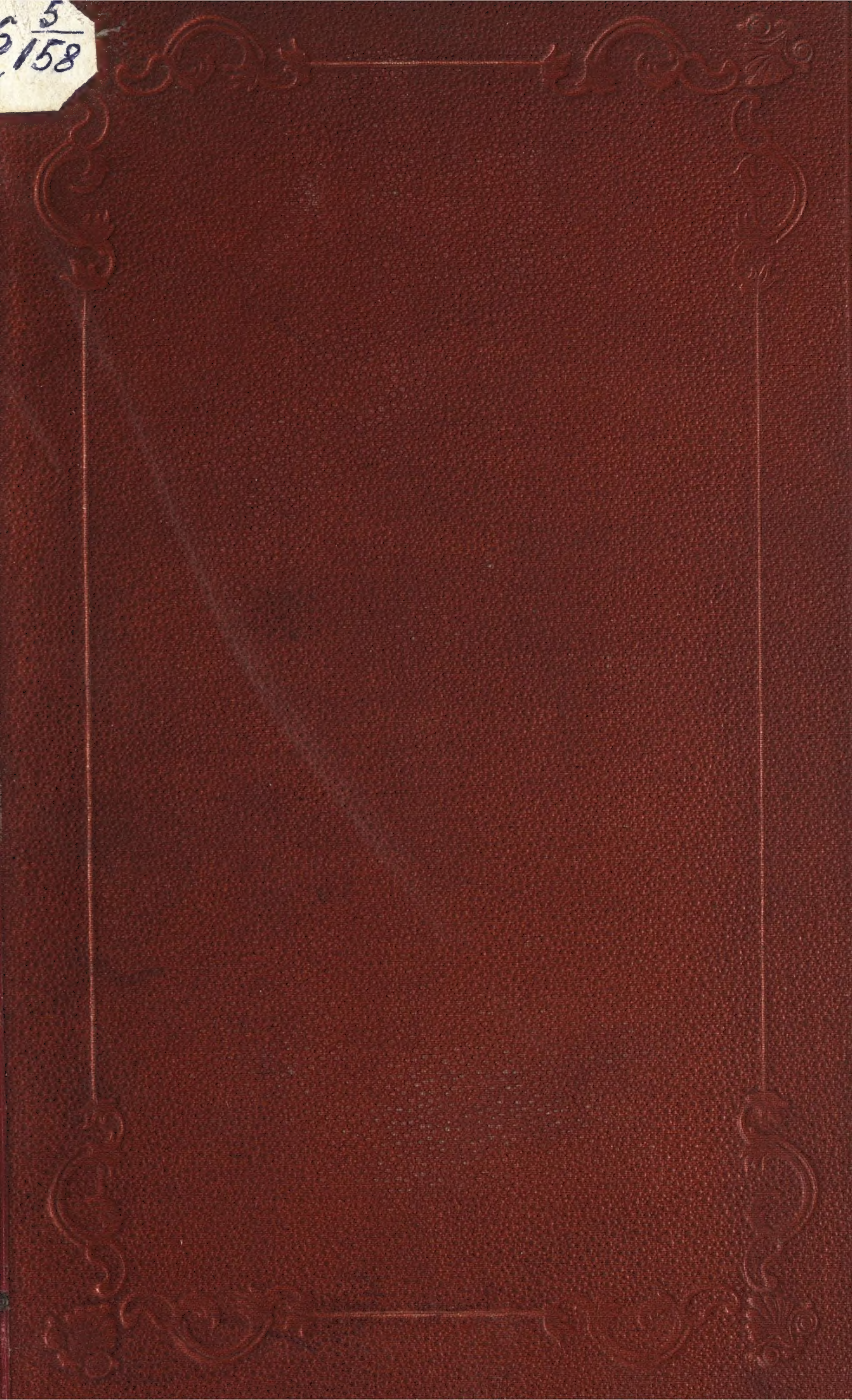

Сборникъ военныхъ разсказовъ

Содержание IV тома:

С. Петербургъ

Изданіе Кн. В. Мещерскаго

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремян. ул. д. № 12.

СБОРНИКЪ
ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ
1877 — 1878

СБОРНИКЪ
ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

СОСТАВЛЕННЫХЪ

ОФИЦЕРАМИ-УЧАСТНИКАМИ ВОЙНЫ

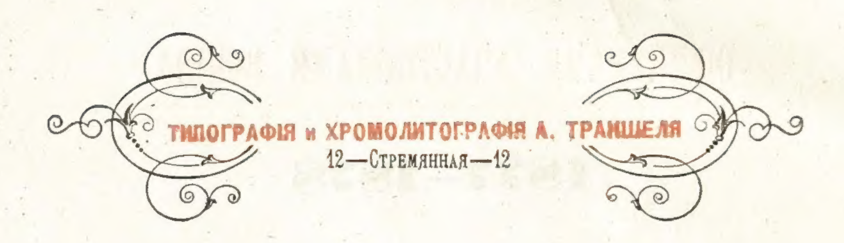
1877—1878

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Кн. В. Мещерскаго

1879

ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ
12—Стремянная—12

Предисловіе.

Въ этотъ томъ, согласно обѣщанному читателямъ, вошли дневники и статьи отдѣльно по полкамъ. Въ пятый томъ (имѣющій выйти вмѣстѣ съ шестымъ, въ Сентябрѣ) войдутъ статьи о Кавказской арміи, шестой томъ будетъ продолженіемъ четвертаго.

Просимъ убѣдительно полки и части могущіе и желающіе помѣстить свои эпизоды или исторію похода, доставить оныя до 1-го Іюля.

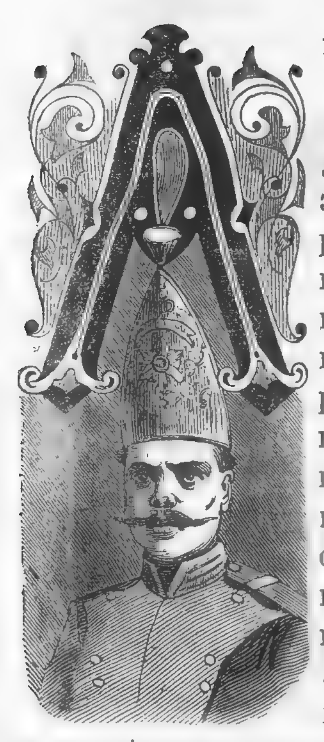
Кн. В. Мещерскій.

Изъ дневника Офицера

ЗА ПОХОДЪ 1877—78 ГОДОВЪ.

1-го Октября 1877 года.

вгустъ и Сентябрь миновали. Наступилъ Октябрь. Послѣ безобразно тяжелаго перехода, во все время котораго шелъ дождь, мы вступили наконецъ въ деревню Зимницу. По страшной грязи прошли мы эту деревушку; перешли по мосту черезъ одинъ изъ рукавовъ Дуная и затѣмъ расположились бивуакомъ на одномъ изъ низкихъ острововъ послѣдняго. Дунай, воспѣтый въ легендахъ и пѣсняхъ столькихъ народовъ, а для насъ, русскихъ, ставшій еще интереснѣе послѣ молодецкой переправы 15-го іюня, въ которомъ принимали участіе и наши товарищи по полку, былъ наконецъ передъ нами. Я сгоралъ отъ нетерпѣнія добраться поскорѣе до этихъ береговъ и снова посмотрѣть на его мутныя воды. Кромѣ общаго у насъ, у всѣхъ, желанія самимъ помѣриться поскорѣе съ врагомъ—а отъ Дуная онъ былъ недалеко,—здѣсь прекращалась моя тяжелая обязанность полковаго квартирьера, которую я исполнялъ почти въ теченіи всего похода по Румыніи. Надоѣла она мнѣ, какъ говорится, до одури, да и измучила порядочно.

Обыкновенно, наканунѣ выхода полка изъ какого-либо села или города, я и одинъ офицеръ—полковой жалонеръ, поручикъ П., за нѣсколько часовъ до вечера, отправлялись впередъ, съ жалонерами, квартирьерами, артельными и ротными повозками. Обязанность наша заключалась въ томъ, чтобы выбрать для полка бивуакъ, опредѣлить жалонерами мѣста для батальоновъ, помѣстить кухни и начать варку, которая должна была быть готова къ приходу полка, осмотрѣть продукты, отвести квартиры для

штабовъ, такъ какъ съ нашимъ полкомъ шли дивизіонный и бригадный штабы, для заболѣвшихъ офицеровъ и т. п. Покуда время было хорошее и теплое, мы не ооободенно унывали, проходили большую половину дороги, останавливались въ полѣ, какъ цыгане, выпрягали лошадей, разводили костры, варили себѣ чай и затѣмъ спали до разсвѣта, такъ часа четыре или пять и потомъ утромъ, если не проспимъ, пили чай и продолжали свой путь. По пріѣздѣ отыскивали магистратовъ города или мэровъ села и требовали, чтобы они указали мѣсто для бивуака полка и дали полицейскаго для указанія квартиръ для офицеровъ. Очень рѣдко, кто изъ мущинъ-румынъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ, румынскаго же мы сами не знали, поэтому объясняться съ ними обыкновенно было затруднительно, и у насъ выработалась въ этихъ крайнихъ случаяхъ снаровка объясняться съ ними, если возможно, при посредствѣ ихъ женъ, сестеръ и т. п., такъ какъ большинство румынокъ говорятъ на разныхъ языкахъ. Но иногда приходилось терять много времени, покуда удастся съ ними объясниться. Получивъ проводниковъ, мы раздѣлялись,—товарищъ шелъ устраивать бивуакъ, а я хлопоталъ о квартирахъ. Обыкновенно, чтобы отвести шесть квартиръ, нужно было осмотрѣть по крайней мѣрѣ тридцать, такъ какъ помѣщенія сначала всегда указывали самыя худыя и только послѣ самыхъ настоятельныхъ требованій рѣшались указать что нибудь сносное.

Кромѣ того, въ порядочныхъ домахъ терялось много времени на ожиданія, такъ какъ, по случаю ранняго часа, барыня обыкновенно была не одѣта и просила подождать, а безъ нея комнатъ не показывали. Это скучное ожиданіе продолжалось рѣдко менѣе получаса; наконецъ барыня выходила, обстоятельно разспрашивала, кого именно я предполагаю помѣстить у нея, просила, чтобы непремѣнно генерала или, по крайней мѣрѣ, полковника, и только послѣ усиленныхъ просьбъ и обѣщаній съ моей стороны показывала наконецъ комнату. Все это было страшно скучно и утомительно, и я обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждалъ той минуты, когда я кончалъ свое дѣло и могъ отправиться верхомъ на встрѣчу полка. Приходилъ полкъ, провожали его на бивуакъ, за тѣмъ нужно было проводить командира полка на его квартиру, а другимъ офицерамъ, которымъ были отведены квартиры, сообщалъ ихъ адресы.

Обыкновенно я успѣвалъ съ этимъ справляться къ тому времени, когда солдаты уже обѣдали, и такъ какъ обыкновенно ихъ бивуакъ располагался нѣсколько въ сторонѣ отъ города, то мы едва успѣвали возвратиться въ лагерь и наскоро пообѣдать, какъ наступало время снова отправляться; вслѣдствіе этого очень часто случалось, что мы были принуждены уходить дальше голодными и ждать нашего ночнаго привала; тамъ же, для того, чтобы приготовить себѣ обѣдъ, приходилось отнимать время у сна. И такъ, тотчасъ послѣ солдатскаго обѣда, котлы, въ которыхъ варилась пища, вымывались, укладывались въ повозки, и мы затѣмъ отправлялись въ путь.

Но съ приближеніемъ къ Дунаю погода стала сильно портиться. Бивуаки ночью, на шоссе, потеряли свою прелесть и оригинальность, благодаря дождямъ и холоду, которые положительно не давали заснуть, и кромѣ того, движеніе, вслѣдствіе присутствія обоза, стало значительно тише. За четыре перехода до Зимницы мы оставили шоссе и пошли по проселочнымъ дорогамъ. Здѣсь уже мѣра нашихъ страданій переполнилась. Неповоротливыя, тяжелыя, неуклюжія повозки часто доводили насъ чуть ли не до слезъ. Холодъ, дожди, проливные или постоянные, страшно рыхлый грунтъ, небольшія горы, куча ручейковъ, усталыя, не втянувшіяся лошади, невозможность достать проводниковъ, вслѣдствіе чего приходилось выбирать на авось дорогу, чтобы пробраться къ назначенному мѣсту,—все это, кажется, соединилось для того, чтобы заставить насъ выпить полную чашу горя. Телѣги вязли такъ, что лошади ни какимъ образомъ не могли ихъ вытащить; едва солдаты вытащатъ одну, смотришь—приходится вытаскивать другую телѣгу, измучишься до нельзя, а нечего дѣлать,—нужно идти впередъ. Тутъ и просьбами, и строгими мѣрами, и чѣмъ только не заставляли мы солдатиковъ помогать надорвавшимся усталымъ лошадямъ. И людямъ идти было не легче: грязь, смѣшавшись съ высохшею травою, прилипала къ ногамъ и заставляла тащить на каждой ногѣ чуть ли не по полупуду. Стряхнешь ее,—она снова пристанетъ чрезъ нѣсколько шаговъ. Полкъ тоже не могъ двигаться такъ скоро, какъ прежде, но все-таки едва не догонялъ насъ, не смотря на то, что мы выходили на много часовъ раньше его. Въ послѣднемъ переходѣ полкъ догналъ эту, порученную намъ, часть обоза въ Зимницѣ, когда послѣдній застрялъ въ страшной, невылазной грязи этой послѣдней румынской деревушки. Принуждены были нарядить рабочихъ изъ ротъ, и только при помощи длинныхъ веревокъ, привязываемыхъ къ вагамъ, за которыя съ каждой стороны тянули десятки солдатъ, возможно было провести обозъ по этому морю грязи, мѣстами глубиною по поясъ. Хорошо еще, что, подходя къ Зимницѣ, я догадался оставить обозъ, а самъ разыскалъ въ Зимницѣ коменданта, который и посовѣтовалъ мнѣ объѣхать нѣсколько этотъ городишко; не сдѣлай я этого, а поѣзжай я съ обозомъ по прямой дорогѣ, мы навѣрно попали бы такъ, что не знали бы какъ и выпутаться изъ этой бѣды.

Самыя худыя воспоминанія у меня связываются съ путешествіемъ вмѣстѣ съ обозомъ, не смотря на то, что подъ нашимъ начальствомъ была только часть полковаго обоза. Большое же число повозокъ шло подъ начальствомъ нашего завѣдывающаго хозяйствомъ сзади полка. Это движеніе было такъ трудно, что мнѣ и жалонеру эта обязанность путешествовать съ телѣгами казалась такою тяжелою, что ею совершенно свободно можно было замѣнить самое строгое наказаніе. Въ хорошую погоду обозъ еще шелъ, но и тутъ замученныя и надорванныя лошади иногда останавливались и имъ приходилось помогать людьми. Поэтому легко можно себѣ пред-

ставить, каково было это движеніе во время дождей и грязи. Особенно неудобны для походовъ эти ротныя телѣги. Ихъ громадный вѣсъ, неповоротливость, большой грузъ, который они поднимали, положительно дѣлали ихъ неспособными для большихъ передвиженій, зарѣзывая прекрасныхъ сотенныхъ лошадей.

Уже послѣ перваго перехода по проселочнымъ дорогамъ мы убѣдились, что обозы съ лошадьми не могутъ ни коимъ образомъ двигаться дальше, въ виду чего и стали брать воловьи подводы, на которыя перекладывали большую часть вещей. Но лошади были измучены до такой степени этою убійственною дорогою, что иногда отказывались везти даже почти пустыя телѣги. Не мало горя набрались мы и съ этими воловьими подводами. Правда, что волы, хотя значительно тише, но все же везли телѣги. За то сборъ ихъ требовалъ и хитрости, и смѣтливости, и большаго труда. Обыкновенно онѣ отводились мэромъ по наряду, за извѣстную плату, хорошую въ хорошую погоду и дорогу и очень ограниченную при плохой дорогѣ. Но такъ какъ по этому тракту прошла значительная масса войскъ, бравшая также эти подводы для облегченія своего движенія и поэтому замучившая воловъ, то и не мудрено, что какъ только мы требовали себѣ подводъ, мэръ и хозяева съ волами изчезали и отыскать ихъ подчасъ было невозможно.

Отъ души перекрестились мы, когда дошли до Дуная, перейдя который лично намъ, развѣ только случайно, могла выпасть участь вести обозы.

И такъ, едва только мы вывезли обозъ изъ Зимницы и довезли его до полка, который этимъ временемъ уже давно устроился на бивуакѣ, какъ къ намъ вернулись и хорошее настроеніе духа и аппетитъ. Кстати дождь прекратился и я отправился обѣдать въ Зимницу. Дорогою я поймалъ одного сапера-рядоваго и узнавъ, что онъ былъ при переправѣ, просилъ его разсказать, что онъ зналъ и что видѣлъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, что онъ мнѣ разскажетъ что-нибудь новенькое, но, къ сожалѣнію, онъ могъ только указать мнѣ мѣсто, гдѣ приставали наши лодки, мельницу, гдѣ наши герои-солдаты въ одиночку аттаковали турокъ, гдѣ была турецкая батарея, и еще кое-что, что давно уже всѣмъ намъ было извѣстно.

Такъ ничего не узнавъ новаго, я догналъ моихъ товарищей и мы скоро пробрались въ Зимницу. Здѣсь грязь была непроходимая, на большей части улицъ она была выше колѣнъ и мѣстами доходила до пояса. Часто телѣга вдругъ, по срединѣ улицы, такъ глубоко ныряла въ какую-нибудь яму, что лошади сразу останавливались, затѣмъ, вслѣдствіе какъ дождь сыпавшихся на нихъ ударовъ кнута и палокъ, подхватывали, но, не будучи въ состояніи вывезти, такъ и оставались здѣсь въ прежнемъ положеніи. Тогда конюху приходилось обращаться за помощью къ глазѣющимъ солдатамъ. Но уговорить ихъ на это было не легко. Въ большинствѣ случаевъ

они предпочитали лучше съ мѣста выражать свое сочувствіе, чѣмъ по поясъ въ грязи вытаскивать какую-нибудь интендантскую фуру.

Но не смотря на эти крайне неудобные пути сообщенія, въ Зимницѣ жизнь кипѣла: шумъ, говоръ, крикъ какого-нибудь упавшаго въ грязь солдата, ругань измучившихся конюховъ, у которыхъ застряли лошади,—все это смѣшивалось въ страшный хаосъ, въ которомъ было трудно что-нибудь разобрать.

Мы остановились въ одномъ небольшомъ трактиришкѣ, устроенномъ подъ навѣсомъ, и сравнительно очень недурно пообѣдали, хотя за чрезвычайно дорогую цѣну. Здѣсь намъ передали полученныя за послѣднее время письма. Этого было довольно, чтобы въ данную минуту позабыть все. Нетерпѣніе овладѣвало такъ сильно, что это удовольствіе врядъ ли кто рѣшился бы отложить. Покуда мы ихъ читали и перечитывали десятки разъ, день уже сталъ клониться къ вечеру, и намъ нужно было засвѣтло добраться до бивуака, иначе наше обратное путешествіе могло завершиться для насъ очень непріятно.

Мы отправились домой, какъ и пришли, въ компаніи, но, стараясь найти мѣсто посуше, совершенно неожиданно очутились на чрезвычайно крутомъ берегу Дуная. Прямо противъ насъ стоялъ памятникъ. Онъ былъ поставленъ моряками въ память ихъ товарищей, павшихъ при Систовской переправѣ. Онъ былъ небольшой, но мраморный, на гранитномъ фундаментѣ, простой, но очень красивый. На немъ были вырѣзаны имена убитыхъ и также тѣхъ, отъ кого онъ былъ поставленъ. Совсѣмъ ночью вернулись мы на нашъ бивуакъ.

2-го Октября.

Сегодня у насъ здѣсь была дневка. Необходимо было отдохнуть людямъ, а особенно лошадямъ. Проснулся я въ прекрасномъ настроеніи духа, главнымъ образомъ, отъ радости, что мы уже распрощались съ румынами. Не знаю, какой народъ мы встрѣтимъ впереди, но трудно себѣ представить что либо антипатичнѣе этихъ гордыхъ потомковъ римлянъ. Поэтому не мудрено, что мое путешествіе по Румыніи оставило на меня далеко не благопріятное для румынъ впечатлѣнія.

Не сходились мы съ этимъ народомъ, да и не могли сойтись, такъ какъ невозможно найти ни одной общей черты въ характерахъ русскихъ и румынъ. Къ тому же, въ это время румыны были опьянены побѣдою — взятіемъ Гривицкаго редута, которую они приписывали исключительно своимъ войскамъ. Они кричали объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, писали объ этомъ неимовѣрныя вещи въ своихъ журналахъ, и чтобы еще рельефнѣе выставить эту воображаемую храбрость своихъ новыхъ войскъ, унижали и втаптывали въ грязь нашихъ солдатъ, крича объ ихъ трусости.

Эти мнѣнія и статьи, направленныя противъ нашего патріотическаго чувства, сильно насъ оскорбляли, и оскорбленія эти становились тѣмъ чувствительнѣе, что мы сами были сильно возбуждены. Повсемѣстность же и постоянство этихъ разсказовъ возбуждали насъ еще больше и возстановляло противъ нашихъ союзниковъ. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ границы, тѣмъ чаще стали попадаться эти проявленія безумной радости, и тѣмъ чаще и тѣмъ грубѣе были формы, въ которыя были облечены эти проявленія. Въ самохваленіи румынъ неподражаемъ. Все у себя онъ видитъ въ блестящемъ видѣ, всѣмъ онъ хвастаетъ передъ нами, русскими — варварами. Онъ возноситъ себя надъ нами, чванится своими великими предками, и неутомимо толкуетъ о своемъ родствѣ съ Европою и никоимъ образомъ не допускаетъ въ насъ ни образованія, ни развитія. (Если бы не было въ нашей арміи румынскихъ генераловъ и войскъ, мы навѣрно давно бы погибли). Но въ душѣ румынъ почти что трусливъ, и сознаніе, и боязнь нашей силы проглядываютъ въ немъ въ каждомъ его словѣ, въ его безпокойныхъ, блуждающихъ взглядахъ, въ его разстерянныхъ движеніяхъ, когда приходилось останавливать его за обидныя для насъ, русскихъ, дерзкія, дикія выходки. Онъ гордъ, напыщенъ, когда чувствуетъ свою силу; слабъ, молодушенъ, приниженъ и услужливъ, когда онъ васъ боится.

Въ своемъ хвастливомъ увлеченіи онъ забываетъ наши силы. Могущественная Румынія объявила туркамъ войну, въ союзѣ съ не менѣе могущественною Россіею. Не румыны къ намъ приданы, а мы къ нимъ. Мы необразованы, мы варвары, ихъ послѣдній солдатъ образованнѣе и развитѣе насъ. Мы грубы и развращены,—наша пѣсня спѣта. Они же призваны, чтобы играть роль и со временемъ займутъ первенствующее положеніе въ Европѣ.

Вотъ взгляды, съ которыми намъ приходилось постоянно сталкиваться въ Румыніи, которые оскорбляли насъ сначала и на которые впослѣдствіи мы отвѣчали смѣхомъ и презрѣніемъ,—но смѣхомъ обиднымъ, такъ какъ въ основаніи его лежало дѣйствительно существующая и видимая для всѣхъ причина. Мы указывали образованнымъ, нравственнымъ румынамъ на ихъ семейную жизнь.

Семейной жизни у рымынъ, *въ буквальномъ смыслѣ слова*, нѣтъ, особенно въ большомъ классѣ и въ городахъ. По моему мнѣнію, это въ высшей степени неудачная копія картины сельской жизни въ западной Европѣ и, преимущественно, Франціи, которой они стараются подражать изо всѣхъ силъ. Въ Румыніи женщины, чрезвычайно красивыя, злоупотребляютъ своею свободою и, подобно своимъ мужьямъ, рѣдко сидятъ дома. Ее вы можете встрѣтить на улицѣ, въ трактирѣ, на очень сомнительныхъ гуляньяхъ. Здѣсь она заводитъ знакомство, которое часто продолжается и дома. Мужъ рѣдко принимаетъ участіе въ этихъ прогулкахъ своей жены и только какая нибудь рѣзкая выходка жены заставляетъ его заявить свое неудо-

вольствіе. Но чаще всего онъ не вмѣшивается въ ея дѣла. Познакомиться съ румынкою не трудно, такъ какъ большинство румынокъ говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, тогда какъ рѣдкій мужчина говоритъ на двухъ языкахъ, а чаще всего ограничиваются однимъ только нѣмецкимъ.

На улицѣ румынка всегда элегантно и хорошо одѣта и предпочитаетъ черный цвѣтъ, дома же она ходитъ болѣе, чѣмъ просто одѣтая, и часто я встрѣчалъ барыню въ такомъ костюмѣ, что принималъ ее за горничную, и не очень хорошую, но потомъ приходилось узнавать, къ своему смущенію, что разговариваешь съ самой хозяйкою очень богатаго и знатнаго, въ околодкѣ или городѣ, дома. Вообще, какъ въ домѣ, такъ и въ жизни, у румынъ все разсчитано на эффектъ. Пріемныя комнаты убраны богато и раскошно, домашнія же жилыя комнаты отличаются простотою, граничащею съ бѣдностью. Тамъ ковры, зеркала, бронза; тутъ простые столы и стулья, плохія занавѣски и т. д. Эта двойственность, какъ я уже сказалъ, проглядываетъ и въ самомъ характерѣ румынъ. Полагаться на обѣщаніе румына—болѣе, чѣмъ рисковано. Онъ исполнитъ добровольно данное имъ обѣщаніе или тогда, когда онъ васъ боится, или тогда, когда онъ самъ очень заинтересованъ этимъ дѣломъ. Поэтому всѣ эти магистраты не отказываются отъ взяточекъ.

Особенно грустное впечатлѣніе произвели на меня Яссы, въ которыхъ у насъ справлялся полковой праздникъ. Давно ли этотъ городъ принадлежалъ намъ и тамъ все было русское! Теперь совсѣмъ не то. Всѣ позабыли о своей старой родинѣ и уже гордятся тѣмъ, что городъ ихъ сталъ считаться второю столицей Румынскаго княжества. Вездѣ слышна румынская рѣчь, и только извощики-сектанты кое-какъ объясняются еще по русски. Однако, я сильно увлекся румынами, перейдемъ лучше къ Зимницѣ.

Утромъ мы занялись немного церемоніальнымъ маршемъ, такъ какъ всѣ ожидали Государя. Затѣмъ мы компаніями отправились въ Зимницу, кто для того, чтобы дѣлать закупки, другіе потому, что на бивуакѣ было страшно скучно, а день былъ прекрасный. Конечно, прежде всего нужно было закусить, вслѣдствіе чего мы и направились въ лучшій трактиръ—Одессу. Трактиръ помѣщался въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ; въ верхнемъ этажѣ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ, находился самый трактиръ, а въ нижнемъ—игорный домъ. Въ одной комнатѣ играли въ рулетку, въ другой метали банкъ. Въ обѣихъ стояли десятки столовъ, съ громадными кучами золота и серебра, смущавшихъ неопытныхъ попытать счастья. Накурено здѣсь было до-нельзя; въ трехъ шагахъ еще можно было различать фигуру человѣка, но лицо было неясно видно даже въ разстояніи не больше шага. Офицеры безпрестанно входили и уходили. Почтенные жиды, сидя, какъ говорится, на золотѣ, любезно предлагали свои услуги облегчить ваши карманы. Не довольствуясь личными предложеніями, они даже вступали въ договоры съ другими, чрезвычайно разбитными, личностями, которыя, сами не играя, употребляли всѣ усилія, чтобы заманить сюда офицеровъ и подбить ихъ на

игру. Нѣкоторые изъ этихъ милыхъ commis, къ несчастью, носили русскій офицерскій мундиръ, ради чего ихъ свидѣтельству давалась большая вѣра, за которое, конечно, и платили иногда и очень дорого. Я не былъ въ этомъ вертепѣ шулеровъ, но о нихъ разсказывали мнѣ мои товарищи, изъ которыхъ нѣкоторые узнали это послѣ собственнаго опыта. Игра ихъ была самая обыкновенная: въ началѣ они незамѣтно давали вамъ выиграть, но потомъ, когда кліентъ начиналъ очумѣвать въ этой одуряющей обстановкѣ, они его обирали до-чиста. Полиція сюда, конечно, не входила и вѣроятно даже объ этомъ не слыхала, не смотря на то, что объ игрѣ говорилось открыто. Общипанные до-чиста выходили отсюда, чтобы завтра отъиграться, такъ какъ сіи господа жиды не играли иначе, какъ на чистое золото или серебро. Къ счастью, мы здѣсь оставались очень не долго и не успѣли сбыть лишнее золото.

3-го Октября.

Вечеромъ вышелъ приказъ о нашемъ выступленіи очень рано 3-го числа. Обозъ выходилъ раньше полка, во первыхъ, для того, чтобы онъ успѣлъ переправиться по мостамъ Дуная и его рукавовъ, и чтобы подошедшій къ этому времени полкъ могъ втащить его на крутую гору противуположнаго берега. Погода стояла прекрасная, теплая и уже много пообсушила грязи. Но не смотря на все это, дорога была такъ страшно тяжела, что полкъ, выступивъ изъ бивуака въ семь часовъ утра, пришелъ на свой новый бивуакъ при деревнѣ Царевичь только въ шесть часовъ вечера, пройдя за время въ одиннадцать часовъ разстояніе ни коимъ образомъ не болѣе девяти верстъ, причемъ были испробованы и употреблены въ дѣло всѣ мѣры, которыя хоть сколько нибудь могли облегчить или ускорить движеніе полка вмѣстѣ съ его обозомъ. Переправа чрезъ Дунай по мостамъ не была затруднительна и, благодаря порядку на мостахъ, она совершилась скоро и быстро; но движеніе отъ моста на эту гору и затѣмъ подъемъ по горѣ были таковы, что лошади, конечно, не могли вывезти телѣгъ, которыя поэтому принуждены были тащить на людяхъ, вслѣдствіе чего на эти три версты ушло большее число часовъ, употребленныхъ на весь переходъ. Сверхъ того, еслибы не были употреблены нѣкоторыя мѣры въ видѣ рекогносцировокъ и очищенія дальнѣйшаго пути, то мы, навѣрно, не могли бы пройти и этихъ несчастныхъ верстъ. Для этой цѣли командиръ полка отправилъ меня съ полуротою солдатъ. Пройдя версты три по такой страшной грязи, что даже пѣшимъ солдатамъ было чрезвычайно трудно идти, такъ какъ они были принуждены безпрестанно останавливатьея и переводить духъ, мы наконецъ поднялись на первый хребетъ, идущій параллельно Дунаю. Далѣе дорога шла по небольшому пологому скату и почти совершенно просохла, еще далѣе она упиралась въ новый, еще болѣе высокій и крутой хребетъ. Давъ людямъ со-

браться и нѣсколько отдохнуть, мы продолжали нашъ путь. Въ хребтѣ, который былъ передъ нами, саперы проложили очень широкое ущелье, при помощи динамита, взрывая громадныя скалы; дорога шла, нисколько не поднимаясь въ гору. Кругомъ отвѣсно высились страшныя скалы. Это была гигантская работа и вѣроятно она стоила большихъ трудовъ и издержекъ, но все таки была исполнена съ такимъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла, что ее можно было смѣло поставить за образецъ. Прорытое ущелье тянулось болѣе, чѣмъ на версту и вездѣ было устроено одинаково съ большимъ знаніемъ дѣла. Благодаря этому ущелью, значительно облегчалась и укорачивалась дорога, которая раньше поднималась на очень большую высоту и затѣмъ очень круто спускалась.

Не доходя съ полверсты до ущелья, постепенно стало попадатьcя все больше и больше телѣгъ; передъ самымъ ущельемъ уже стояли, стѣснившись, цѣлые транспорты съ сухарями, съ сѣномъ, однимъ словомъ, со всевозможными припасами и вещами. Пробираться впередъ постепенно становилось все труднѣе и труднѣе. Наконецъ я былъ принужденъ оставить лошадь. Въ самомъ же ущельѣ лошади и телѣги стояли, такъ плотно прислонившись другъ къ другу, что нельзя было не выразить удивленія, какъ могли они такъ сжаться, а чтобы пройти впередъ, нужно было скакать съ одной телѣги на другую. Многія лошади уже околѣли и валялись подъ колесами другихъ телѣгъ, другія были очень близки къ такому же концу; нѣсколько телѣгъ было сломано, и, къ довершенію всего, я во всемъ ущельѣ не встрѣтилъ ни одного хозяина или возницы. Забравшись въ эту массу телѣгъ, шедшихъ безъ всякаго порядка, и видя полную невозможность выбраться отсюда, такъ какъ задніе напирали и загораживали обратный выходъ, хозяева, вѣроятно, предпочли лучше побросать все это на волю Божію, а самимъ отправиться въ Систово за помощью. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ мнѣ одинъ болгаринъ, у котораго пара лошадей стояла тутъ же и который тоже готовился ихъ бросить. Движеніе было очень большое съ двухъ сторонъ, такъ какъ покуда это была главная тыловая дорога нашей арміи. Самое ущелье было очень широко и разсчитано на подобное движеніе, и, конечно, послѣднее производилось бы безъ помѣхъ, если бы только очищали ущелье отъ первыхъ сломавшихся телѣгъ и павшихъ лошадей, и, вообще, если бы былъ кто нибудь, на обязанности котораго лежало бы слѣдить и распоряжаться этимъ движеніемъ. Но такого лица не было, сломанныя телѣги оставались тамъ, гдѣ сломались, заднія наѣзжали, старались проѣхать, цѣплялись другъ за друга, ломались въ свою очередь и останавливали обозъ, запрудивъ такимъ образомъ все ущелье. Помочь въ этомъ дѣлѣ можно было только рѣшительными мѣрами. Живо поставилъ я часовыхъ, съ приказомъ даже близко неподпускать къ ущелью, а желающимъ непремѣнно проѣхать впередъ указывать старую дорогу по горѣ; другимъ солдатамъ приказалъ разгонять эти сбившіеся транспорты и ставить ихъ въ порядокъ въ котловинѣ, въ другую

сторону послалъ своего унтеръ-офицера съ людьми его взвода съ приказаніемъ дѣлать тамъ тоже, что и я.

Въ десятомъ часу принялся я за это дѣло, при чемъ работалъ съ двухъ сторонъ, и только къ четыремъ часамъ успѣлъ очистить это ущелье настолько, что уже можно было проѣхать: только средина его была еще завалена. Устали и измазались мы страшно; платье, руки, все было покрыто толстымъ слоемъ грязи. Въ это время мнѣ пришли доложить, что какой-то человѣкъ изругалъ моего часоваго и во что бы то ни стало требуетъ, чтобы его пропустили. Предполагая, что у него дѣйствительно есть какое нибудь экстренное порученіе, я отправился къ нему. Прекрасная коляска, запряженная четверкою, толстый кучеръ въ отличномъ синемъ кафтанѣ, наконецъ, на немъ на самомъ прекрасная шуба сразу расположили меня не въ его пользу. Едва онъ меня увидѣлъ, какъ началъ кричать, что это чортъ знаетъ, что такое, какъ смѣю я задерживать его, что онъ на меня будетъ жаловаться, что онъ мнѣ покажетъ, кто онъ такой и т. п. Я былъ взбѣшенъ до-нельзя и рѣшился его проучить; я спросилъ его, ѣдетъ ли онъ по частной или по казенной надобности; онъ долго кричалъ, не отвѣчая прямо на вопросъ; наконецъ выяснилось, что онъ догоняетъ свой транспортъ; тогда я приказалъ своимъ солдатамъ, не обращая уже на это никакого вниманія, повернуть его лошадей назадъ и указать ему, если онъ такъ торопится, старую дорогу по горамъ, заявивъ, что для него я не намѣренъ мѣнять свои распоряженія. На его послѣдующіе крики я отвѣчалъ, что если онъ не уймется, или не уѣдетъ сейчасъ же, то я его арестую и представлю своему командиру полка. Опасность пуститься по старой дорогѣ въ этомъ прелестномъ экипажѣ была большая, его можно было легко испортить, почему этотъ ревностный интендантскій исполнитель и рѣшился лучше успокоиться и ждать. Но время шло, а его все не пропускали; тогда онъ рѣшился перемѣнить свое обращеніе до такой степени, что, замѣтивъ, что я приказалъ вскипятить себѣ чаю въ солдатской манеркѣ и приготовлялъ для этого свой гутаперчавый стаканчикъ, и заключивъ, вѣроятно, что я голоденъ, онъ самъ разложилъ на салфеткѣ холодную закуску съ водкой и пригласилъ меня. Конечно, я отказался; тогда онъ обратился уже съ просьбою пропустить его. Я отвѣчалъ, что когда настанетъ его очередь, я очень буду радъ видѣть, что онъ уѣзжаетъ, но до тѣхъ поръ, конечно, онъ не уѣдетъ. Бѣшенство моего интенданта было страшное, тѣмъ болѣе, что на его глазахъ проѣхало впередъ десятка полтора-два телѣгъ, прибывшихъ раньше его. Но я чувствовалъ силу и право на моей сторонѣ и былъ бы очень радъ, если бы только онъ позволилъ себѣ еще что нибудь сказать. Я бы его дѣйствительно задержалъ до пріѣзда командующаго полкомъ.

Вскорѣ затѣмъ показался и нашъ полкъ, затѣмъ обозъ, и мы, измученные, усталые, голодные въ шестомъ часу дотащились до своего бивуака при деревнѣ Царевичъ. Деревня была раззорена, но я такъ усталъ, что ничего

не видѣлъ и былъ очень счастливъ, когда, завернувшись въ пальто, прилегъ у костра, въ ожиданіи чая.

4-го Октября.

Не далеко еще отошли мы отъ Дуная, а слѣды войны дѣлались все очевиднѣе и очевиднѣе. Деревня Павло, очень большая, раздѣленная на двѣ части дорогою, носила на себѣ всѣ признаки близкой драмы, тѣмъ рѣзче бьющей въ глаза, что раззореніе одной ея части было такое же полное, какъ благосостояніе другой. Въ началѣ я думалъ, что вижу здѣсь проявленіе фанатизма и звѣрства турокъ, потѣшавшихся надъ беззащитными болгарами, но былъ несказанно удивленъ, узнавъ отъ послѣднихъ совсѣмъ другое. Разграблена и раззорена была не болгарская, а, напротивъ, турецкая часть, раззорена при этомъ такъ, что не только не было оставлено камня на камнѣ, но даже фруктовыя деревья были срублены подъ корень; на землѣ оставались только слѣды, что здѣсь стоялъ домъ, что кругомъ его были расположены сады. Камень, изъ котораго обыкновенно здѣсь дѣлаются постройки, и тотъ былъ разобранъ и снесенъ въ болгарскую часть. Пепелъ, зола, уголья, перемѣшавшись съ пескомъ дороги, придавали землѣ какой то странный сѣро-черный цвѣтъ. Мѣстами изъ земли высились обгорѣлыя черныя балки. Подлѣ было расположено турецкое кладбище съ небольшими памятниками изъ сѣраго камня. Глядя на это пепелище и кладбище, вамъ казалось, что все это одно громадное поле могилъ, такъ эти обуглившіяся балки были похожи на стоявшіе рядомъ съ ними памятники турецкаго кладбища, и вы удивлялись только, почему въ одномъ всѣ памятники чернаго цвѣта, тогда какъ въ другомъ—сѣраго. Въ болгарской части деревни жизнь текла своимъ чередомъ, тамъ каждый и каждая занимались своимъ обыденнымъ дѣломъ; братушка запрегъ воловъ въ телѣгу и поѣхалъ куда то, женщина мыла бѣлье на крыльцѣ своего дома. Дѣти бѣгали и кричали на улицахъ.

Я былъ радъ, что подъѣхавшія двѣ телѣги, которыхъ я поджидалъ, отозвали меня отъ этой картины, и вмѣстѣ съ ними поспѣшилъ отправиться на бивуакъ, расположенный черезъ ручей.

При выступленіи сегодня утромъ съ бивуака, командующій полкомъ поздравилъ полкъ съ переходомъ чрезъ Дунай и объявилъ, что намъ очень скоро, можетъ быть, дня черезъ два, доведется помѣряться съ турками. Увѣренность въ скоромъ дѣлѣ раздѣляли и мы всѣ, при чемъ предполагали, что мы можемъ попасть въ отрядъ Наслѣдника. Предполагалось это тѣмъ охотнѣе, что подъ Плевной было несомнѣнно интереснѣе; что разъ только Плевна падетъ (а въ скоромъ паденіи ея мы не сомнѣвались)—мы навѣрно двинемся далѣе, увидимъ новыя мѣста и т. п.

Но здѣсь на бивуакѣ было получено новое извѣстіе, сильно насъ опечалившее; во первыхъ, что мы остаемся въ этой деревнѣ и не извѣстно,

когда уйдемъ отсюда; второе, что мы поступаемъ въ Рущукскій отрядъ и остаемся въ резервѣ у Наслѣдника, которому нужны были подкрѣпленія, вслѣдствіе возможной вторичной попытки Сулеймана-паши, смѣнившаго Али-пашу, снова испытать счастье переправиться черезъ Ломъ. Первая попытка, сдѣланная недавно, едва не удалась: правый нашъ флангъ былъ уже въ рукахъ у турокъ, когда молодецкая аттака двухъ батальоновъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Тимофѣева и еще другаго (фамиліи его не знаю) опрокинули турокъ и отбросили ихъ обратно. Предпріимчивость и рѣшительность Сулеймана были извѣстны по его дѣйствіямъ въ Черногоріи и на Шибкѣ, поэтому было вѣроятно, что онъ постарается сдѣлать завтра то, что не удалось ему сегодня.

5-го Октября.

Утромъ 5-го числа, когда я былъ на фуражировкѣ сѣна для полка, въ полкъ пріѣхали графъ Шуваловъ и генералъ Розенбахъ, командующій нашею дивизіею, и бригадный командиръ и поздравили полкъ съ двумя побѣдами: одной въ Азіи, подъ Карсомъ, надъ Мухтаромъ-пашею, при чемъ было взято тридцать шесть орудій и очень много плѣнныхъ, другой—Наслѣдника надъ Сулейманомъ, отброшеннымъ такъ, что онъ и не могъ думать въ настоящее время о наступленіи. Они сообщили также о новомъ нашемъ маршрутѣ: завтра мы выступаемъ подъ Плевну, пройдемъ чрезъ Горный Студень, гдѣ насъ встрѣтитъ Государь и, обойдя нѣсколько Плевну, должны взять какой то редутъ на Софійскомъ шоссе, укрѣпиться и отбиться въ немъ, въ случаѣ, если у турокъ явится желаніе отобрать его отъ насъ обратно. Желаніе поскорѣе подраться было очень сильное и это извѣстіе было принято съ большею радостію, чѣмъ извѣстіе объ одержанныхъ побѣдахъ. Возвратясь съ фуражировки, я засталъ офоцеровъ, разсуждающихъ объ этомъ и о новомъ назначеніи, которое получилъ нашъ полковникъ А., получившій одинъ изъ полковъ дивизіи генерала Скобелева. Въ полку его любили, но особенно онъ пользовался большимъ расположеніемъ офицеровъ своего батальона, кромѣ того, мы въ немъ теряли хорошаго начальника, съ прекраснымъ военнымъ образованіемъ. Намъ было очень жалко разставаться съ нимъ какъ разъ передъ боемъ. Вечеръ завершился ужиномъ, который ему давали офицеры его батальона.

6-го Октября.

Мы оставили Павло и направились на деревню Овчу-Могилу. Дорога шла мимо Горнаго Студня и всѣ ожидали, что увидятъ Государя. Ожиданіе оправдалось. Государь, дѣйствительно, встрѣтилъ полкъ, но я не могу ничего разсказать объ этой встрѣчѣ кромѣ того, что Государь также поздравилъ

полкъ съ предстоящимъ боемъ. Я не былъ при ней и догналъ полкъ уже послѣ того, какъ его объѣзжалъ Государь. Жара была страшная; отъ солнца не спасала даже бѣлая фуражка, и я черезъ силу дотащился до бивуака отъ страшной головной боли.

7—10-ое Октября.

Переходы 7-го, 8-го и 9-го октября, при чемъ мы прошли Радоницы, Пелишатъ и прибыли въ Боготъ, памятны мнѣ по поводу моей командировки въ деревню Радоницу для сбора хлѣба, закупленнаго графомъ Шуваловымъ для своей дивизіи. Хлѣбъ запроданъ былъ графу Шувалову турецкимъ старшиною въ количествѣ трехъ тысячъ хлѣбовъ и больше, при чемъ старшина обязался собрать этотъ хлѣбъ утромъ 7-го числа и сдать его назначенному для этого офицеру. Это назначеніе пало на меня, но такъ какъ старшинѣ все таки же не особенно довѣряли, то меня уполномочили употребить въ дѣло строгія мѣры. Собравъ телѣги отъ своей дивизіи, я отправился въ деревню. Село было очень большое, на половину болгарское, на половину турецкое, совершенно цѣлое и не раззоренное. Какъ турки, такъ и болгары преспокойно занимались своими работами, или же сидѣли, поджавъ ноги, у своихъ домовъ и курили изъ трубокъ съ длиннѣйшими тростниковыми чубуками, выкрашенными въ красную и бѣлую краски; болгарки съ открытыми лицами перебѣгали черезъ улицу или ходили за водою къ фонтанамъ; изрѣдка какая нибудь старая турчанка, вся закутанная въ длинное покрывало чернаго, краснаго или другаго какого либо цвѣта, рѣшалась выйти изъ дома. Особенно бросалось въ глаза то, что совсѣмъ не было видно молодыхъ мужчинъ, какъ въ болгарской, такъ и въ турецкой части. На мой вопросъ по этому поводу старшины отвѣтили, что вся молодежь въ турецкомъ войскѣ, часть ушла добровольно, какъ это сдѣлали турки, а болгары были взяты силою. Еслибы только не особенно сильное движеніе войскъ и транспортовъ, проходившихъ нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни, то въ послѣдней ничто бы не указывало на близость военныхъ дѣйствій. Еслибы это было село русское, то, судя по его величинѣ, собрать въ немъ указанное количество хлѣба ничего бы не стоило, но здѣсь это оказалось дѣломъ невозможнымъ. Во первыхъ, потому, что, вслѣдствіе повсемѣстнаго недостатка печей, здѣсь былъ во всеобщемъ употребленіи оригинальный и незнакомый мнѣ способъ печенія хлѣбовъ. Тѣсто засыпали горячею золою и ставили къ костру. Времени для выпеченія хлѣба при такомъ способѣ требовалось гораздо больше и нельзя было выпечь одновременно такого количества хлѣба, которое выпекается въ русской печкѣ. Во вторыхъ, готовой муки въ селѣ было очень мало, мельницы были только ручныя и скорое приготовленіе муки въ большомъ количествѣ было такимъ образомъ невозможно. На мой вопросъ: какъ старшина могъ рѣшиться запродать такое количество хлѣба и при томъ къ

сроку,—старшина, говорившій по болгарски, отвѣчалъ, что онъ разсчитывалъ не на одну эту деревню, а и на сосѣднія села, но что онъ потомъ узналъ, что тѣ села не хотятъ и не могутъ принять на себя этотъ подрядъ, что даже это село не можетъ доставить больше стапятидесяти хлѣбовъ и то въ томъ случаѣ, если я останусь здѣсь до завтра. Я видѣлъ отлично, что меня хотятъ обмануть и отвязаться отъ меня, въ виду чего и распорядился, чтобы старшину не отпускали одного никуда, и что если мнѣ къ вечеру не будетъ выпечено по хлѣбу съ каждаго дома, то я уже самъ раздѣлаюсь съ тѣми хозяевами, которые не исполнятъ моего приказанія. Угроза помогла, и мнѣ къ вечеру, хотя съ большимъ трудомъ, доставили четыреста большихъ хлѣбовъ, и я, окончательно убѣдясь въ томъ, что они дѣйствительно не могли доставить мнѣ больше хлѣбовъ, передъ утромъ выѣхалъ съ повозками изъ деревни и догналъ полкъ, когда онъ уже снимался съ бивуака.

Вечеромъ 9-го числа полкъ нашъ пришелъ въ Боготъ и остановился бивуакомъ около этой деревни. 10-го числа ему здѣсь дана была дневка и сдѣлано было распоряженіе, чтобы солдаты оставили здѣсь свои ранцы, а вещи свои укутывали въ шинель, башлыкъ и выданные для этой цѣли мѣшки; чтобы офицеры оставили здѣсь свои вещи и взяли бы съ собою только самое необходимое бѣлье на нѣсколько дней. Кромѣ того здѣсь устраивалось хлѣбопеченіе для всей нашей дивизіи и отъ нашего полка былъ назначенъ капитанъ А., нашъ полковой квартермистръ, завѣдывающимъ хлѣбопеченіемъ для своей дивизіи. Въ помощь ему отъ каждаго полка долженъ былъ быть назначенъ одинъ офицеръ съ командою нижнихъ чиновъ, на обязанности котораго лежало продовольствіе своего полка хлѣбомъ. Эта командировка, очень важная, легко могла обратиться въ постоянную и лишала назначеннаго офицера возможности раздѣлять судьбу своихъ товарищей, ставила его внѣ всякой опасности и осуждала его на постоянныя сношенія съ интендантскими чиновниками и товариществомъ продовольствія, уже успѣвшими заработать себѣ хорошую славу между офицерами. Убирая свои чемоданы, мы разсуждали объ этой командировкѣ и мнѣ и въ голову не приходило, что я смѣялся самъ надъ собою и что я уже былъ назначенъ. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я принялъ это за шутку, которую въ тоже время счелъ крайне неумѣстной, что и замѣтилъ офицеру, сообщившему мнѣ объ этомъ назначеніи; но когда меня убѣдили въ дѣйствительности, то я и совсѣмъ потерялъ голову. Болѣе оскорбительной командировки для меня не могло быть; въ другое время я взялъ бы ее, но въ настоящую минуту, лично для меня, она казалась невозможною. Ни увѣренія, ни увѣщанія моихъ товарищей,—ничто не могло перемѣнить моего убѣжденія, и я бросился къ командующему нашимъ полкомъ. Сгоряча, не обдумывая, я высказалъ ему свой взглядъ на эту командировку и просилъ о назначеніи болѣе подходящаго для этого дѣла офицера. Дѣло это вѣроятно и устроилось бы, еслибы только не нашлись люди, сильно стоявшіе за назначеніе именно меня въ эту

командировку,—и моя судьба рѣшилась. Мнѣ приказали принять команду и немедленно приступить къ постройкѣ печей.

Руки какъ-то совсѣмъ опустились, когда я получилъ этотъ приказъ. Сознавая отлично важность этой командиромки, я все таки не могъ примириться съ этою мыслію, даже до такой степени, чтобы видѣть своихъ людей и отдать имъ распоряженія; а дѣло было чрезвычайно экстренное, полкъ былъ обезпеченъ хлѣбомъ не болѣе, какъ на три дня, а въ это время нужно было привести въ порядокъ свою команду, устроить для нея варку пищи, приготовить мѣсто для постройки земляныхъ печей, отыскать и наносить подходящіе камни, отыскать какія нибудь вещи въ видѣ кадокъ, корытъ, яслей, въ которыхъ можно было бы растворять муку, въ очень большомъ количествѣ навозить дровъ, чтобы потомъ печеніе хлѣба шло безостановочно, приготовить самыя печи и сдѣлать еще кучу другихъ распоряженій. Устроить это было совсѣмъ не легко, во первыхъ, потому, что хотя отъ каждой роты было оставлено нѣсколько человѣкъ, которые были печниками, или которые говорили, что они печники, не имѣя на самомъ дѣлѣ ни малѣйшаго понятія о кладкѣ печей, и больные, съ сильно потертыми ногами, вообще люди, немогшіе никоимъ образомъ слѣдовать за полкомъ, и вслѣдствіе этого плохіе исполнители отданныхъ приказаній. Ко всему этому нужно прибавить, что я самъ не имѣлъ ровно никакого понятія объ этомъ дѣлѣ. Съ печами я еще могъ устроиться такъ или иначе, но не могъ отличить хорошей муки отъ худой, не зналъ, какъ производится самое печеніе хлѣба, сколько должно выпекаться хлѣба и т. п. Вотъ положеніе, въ которомъ я очутился совсѣмъ неожиданно. Кое-какъ удалось мнѣ переломить себя и вступить въ исполненіе своей новой обязанности.

11-го Октября.

Полки ушли и я остался одинъ. Тоска охватила еще сильнѣе, но сидѣть сложа руки не приходилось и работа много помогала тому, что она совсѣмъ не завладѣла мною. Вскорѣ послѣ ухода полковъ подошелъ и госпиталь и остановился рядомъ съ нашимъ бивуакомъ, живо стали разбивать большія палатки и уже къ вечеру госпиталь имѣлъ видъ небольшаго городка. Вечеромъ я узналъ, что за деревнею расположился другой госпиталь, именно Цесаревны. Сегодня во время работы, когда я стоялъ вмѣстѣ съ офицеромъ ихъ, къ намъ подошла молоденькая сестра милосердія, чрезвычайно милая и симпатичная, съ просьбою, не можемъ ли мы оказать ей услугу, отославши ея письмо въ одинъ изъ полковъ, ушедшихъ вмѣстѣ съ нашимъ. Во время этого разговора подошелъ еще одинъ офицеръ, у котораго была аказія, именно въ этотъ полкъ, почему онъ и взялся исполнить ее порученіе. Мы весело проболтали нѣсколько минутъ, затѣмъ она ушла. Послѣ ея ухода этотъ офицеръ сообщилъ намъ, что она

невѣста одного изъ его товарищей. Изъ разговора съ нею оказалось, что она предполагала, что вѣроятно будетъ какое нибудь сраженіе, но не знала когда именно и на какія потери можно было разсчитывать. Мы, конечно, не считали себя вправѣ высказывать ей наши предположенія и, такимъ образомъ, она ушла отъ насъ въ такомъ же невѣдѣніи, въ какомъ и пришла къ намъ.

12—14-го Октября.

Часть печей уже была готова, и мы съ нетерпѣніемъ ждали прибытія транспорта съ мукою; послѣдній уже просрочилъ и явился только сегодня къ вечеру. Принимать муку для меня было очень трудно и я предварительно разспросилъ объ этомъ А. А., видя мое бѣдственное положеніе, не только помогъ мнѣ совѣтами, но даже отправился вмѣстѣ со мною. Пріемка, конечно, не обошлась безъ хлопотъ. Прежде всего интендантъ, привезшій муку, выразилъ желаніе, чтобы мука была принята по тому вѣсу, который былъ обозначенъ на каждомъ кулѣ, вѣсъ, значительно разнившійся отъ настоящаго вѣса, конечно, надписанный былъ гораздо болѣе, это первое; второе, что бы вся мука шла въ счетъ, т. е., что мы не имѣли права выдѣлять кули съ прогорклою и слежавшеюся мукою. Онъ даже попытался угрожать намъ, что если мы не примемъ требованій, вполнѣ законныхъ по его мнѣнію, то онъ прекратитъ сдачу и увезетъ муку обратно. Но мы, не обращая никакого вниманія на его заявленія, достали въ артиллеріи вѣсы, провѣсили всю муку, и приняли ее такъ, какъ мы хотѣли; А. вскорѣ ушелъ принимать сухари, привезенные на всю дивизію, а я, выдавъ интенданту росписки въ пріемѣ, немедленно началъ хлѣбопеченіе.

Извѣстій отъ полковъ не было никакихъ, никто не зналъ, былъ ли бой или нѣтъ, и когда именно онъ будетъ. Напрасно я ходилъ и разспрашивалъ,—никто ничего не зналъ. Госпиталя были уже совершенно готовы къ пріему раненыхъ и въ нихъ покуда текла самая заурядная жизнь; доктора и сестры или приготовляли корпію и перевязки, или шатались по этимъ громаднымъ, пустымъ палаткамъ.

Но бой дѣйствительно былъ и, какъ говорятъ, страшный, если только судить по громадному числу оставшихся тутъ. Ночью на 13-е число въ Главной Квартирѣ, стоявшей въ это время въ Боготѣ, получена была телеграмма объ этой побѣдѣ, причемъ было прибавлено, что потеря въ людяхъ очень большая. Мнѣ сообщилъ объ этомъ ординарецъ Великаго Князя, но къ несчастію, онъ самъ не зналъ ничего больше и не могъ удовлетворить моего любопытства. День, этотъ также, какъ и утро 14-го, были страшно тяжелы. Стали ходить слухи о громадномъ числѣ выбывшихъ офицеровъ; что эти слухи были вѣрны, въ этомъ никто не сомнѣвался, и имъ вѣрили слѣпо всѣ тѣ, которые знали духъ этого войска. Но кто

знаетъ, можетъ быть въ числѣ этихъ первыхъ жертвъ находились мои самые близкіе пріятели.

Нетерпѣніе сжигало меня до такой степени, что я рѣшился ѣхать на встрѣчу этимъ транспортамъ, которые все еще не приходили; но чтобы сдѣлать это, раньше нужно было отдать приказанія, причемъ мнѣ пришлось проходить мимо госпиталя. Тутъ кучка докторовъ и студентовъ, столпившись, разсуждали объ этомъ дѣлѣ, подробностей никто не зналъ никакихъ, но уже было получено извѣстіе, что транспорты съ ранеными прибудутъ завтра очень рано утромъ, что число раненыхъ замѣчательно велико и что для нихъ вѣроятно не хватитъ мѣста, не смотря на то, что тутъ стояли два госпиталя. Разговаривали объ этомъ громко, и когда я хотѣлъ отойти отъ нихъ, такъ какъ эти разговоры и мнѣ были невыносимы, я увидалъ въ сосѣдней палаткѣ ту сестру милосердія, которая просила насъ объ отправкѣ письма. Она перемѣнилась до такой степени, что узнать ее было очень трудно. Она вся какъ-то осунулась, работала вяло и, очевидно, не думая о томъ, что дѣлала. Я подумалъ, что вѣроятно она получила извѣстіе о смерти жениха, но потомъ узналъ, что и объ его судьбѣ, также какъ и о судьбѣ многихъ другихъ, ничего не было извѣстно.

Отсюда я пришелъ къ мѣсту, гдѣ мои люди пекли хлѣбъ. Тутъ одинъ солдатъ совершенно неожиданно заставилъ меня обернуться своимъ восклицаніемъ: ваше благородіе, да никакъ это нашъ полковникъ М.!—Дѣйствительно, вдали шелъ М. вмѣстѣ съ докторомъ. Бросивши все, я быстро подбѣжалъ къ нему, расцѣловался съ нимъ, поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ вернулся живымъ и только тутъ разсмотрѣлъ, что онъ былъ весь въ крови, что его рука была на перевязкѣ, на лицѣ запекшаяся кровь. Онъ былъ сильно возбужденъ, но разсказалъ, что потери въ нашемъ полку были громадныя, что много офицеровъ убито и много ранено, что онъ съ двумя офицерами пришелъ сюда пѣшкомъ, иначе ему пришлось бы дожидаться завтрашняго дня. Въ это время мы подошли къ госпиталю Цесаревны. М. приподнимаетъ полотно въ одной палаткѣ, въ которой сидѣло нѣсколько человѣкъ докторовъ и сестеръ, и входитъ въ нее со словами, что онъ сдержалъ свое обѣщаніе и навѣстилъ ихъ очень скоро. Онъ уже давно кончилъ говорить, но никто не шевелился, появленіе его было такъ неожиданно, что всѣ на него смотрѣли и на всѣхъ лицахъ отражалось полное недоумѣніе, какъ онъ могъ попасть сюда въ такомъ видѣ. Но наконецъ таки они пришли въ себя,—окружили его и принялись за нимъ ухаживать. Сюда же пришли и два другіе мои товарища,—одинъ былъ раненъ въ голову, другой въ руку. Мнѣ очень хотѣлось остаться вмѣстѣ съ ними, но имъ стали дѣлать перевязки и, кромѣ того, они всѣ были въ такомъ возбужденномъ состояніи, что меня попросили удалиться. Къ вечеру прибылъ первый транспортъ съ ранеными. Были нижніе чины всѣхъ полковъ, были и тяжело и легко раненые; послѣдніе были веселы и, кажется, радовались, что

отдѣлались такъ легко. Тяжело раненые страдали сильно, многіе жаловались на чрезвычайно трясскія телѣги, въ которыхъ ихъ перевозили, но, къ несчастію, пособить этому было невозможно. Перевозить ихъ всѣхъ въ фургонахъ было немыслимо и приходилось довольствоваться средствами, находящимися подъ рукою. Разсказывали они объ этомъ боѣ ужасныя вещи; говорили, что офицеры ихъ всѣ перебиты, также какъ и большая часть ихъ товарищей. Большая часть изъ тѣхъ, съ которыми я говорилъ сегодня, была ранена въ началѣ боя, хотя многіе уже лежали въ это время въ маленькомъ редутѣ, шагахъ въ двѣсти отъ главнаго. Уваженіе къ офицерамъ было очень большое. Одинъ знакомый мнѣ солдатикъ, тяжело раненый, сильно стоналъ, когда его переносили въ палатку и просилъ, чтобы оставили; я былъ подлѣ и слышалъ эти жалобы; я подошелъ къ нему со словами, что жалко, что онъ не видѣлъ своихъ офицеровъ, когда имъ дѣлали перевязку, иначе онъ бы не сказалъ ни слова и далъ бы себя перенести и перевязать. Этого было довольно,—онъ уже болѣе не стоналъ и не жаловался во все время переноски и перевязки.

Доктора, студенты и сестры суетились, размѣщая и укладывая раненыхъ и дѣлая имъ перевязки, но число ихъ все-таки было такъ велико, что почти всѣ мѣста въ разбитыхъ уже палаткахъ были замѣщены.

15—18-го Октября.

Утромъ, по случаю того, что привезли еще раненыхъ, я снова навѣстилъ эти два госпиталя; какъ тотъ, такъ и другой были переполнены, мѣста уже всѣ были заняты и раненые лежали тутъ же на соломѣ, несмотря на то, что ночью были разбиты новыя запасныя палатки. Хорошо еще, что погода стояла хорошая и только ночью было холодно. Офицеры лежали въ нѣсколькихъ большихъ палаткахъ. Я, конечно, поспѣшилъ ихъ навѣстить, въ полной увѣренности, что найду здѣсь кучу знакомыхъ, и дѣйствительно не ошибся; съ большинствомъ изъ нихъ я былъ знакомъ и встрѣчался съ ними при совершенно другой обстановкѣ. Но долго оставаться тутъ я не могъ,—такъ тяжелъ былъ видъ этихъ раненыхъ. Тяжелый переѣздъ на безобразно трясскихъ телѣгахъ, при чемъ только очень не многимъ пришлось переѣхать въ болѣе покойныхъ фургонахъ, сильно ихъ утомилъ. Кромѣ того, большей части изъ нихъ еще не была сдѣлана перевязка. Большинство сильно страдало, нѣкоторые были въ такомъ видѣ, что ихъ невозможно было узнать. Безпрестанно то въ одномъ, то въ другомъ углу раздавались оханье и стоны; все это такъ сильно раздражало, что оставаться здѣсь было очень трудно, и невольно, глядя на этотъ медицинскій персоналъ, особенно на сестеръ, думалось, что ихъ обязанность тяжелѣе нашей и что нужно много доброй воли и хорошіе нервы, чтобы выносить эти часто раздирающія сцены. Кстати, сестра, съ которою мы познакоми-

лись, опять перемѣнилась: оказалось, что ея женихъ былъ тутъ-же и къ тому же легко раненъ; на лицѣ ея уже нельзя было и прочитать о томъ, что ей пришлось вынести въ два дня. Когда же я посѣтилъ госпиталь вторично среди дня, то его нельзя было и узнать. Говоръ, споры, смѣхъ, разсказы о сраженіи, когда, какъ и при какой обстановкѣ кто былъ раненъ, острые отвѣты докторамъ и сестрамъ, толкотня,—все это, если бы только не повязки и время отъ времени раздающіеся стоны, могло заставить васъ забыть о томъ, что вы находитесь среди кампаніи людей третьяго дня совершенно здоровыхъ, а сегодня калѣкъ. Въ нижнемъ госпиталѣ было нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей; изъ нихъ я былъ особенно друженъ съ Л., раненнымъ въ руку на вылетъ и контуженнымъ въ шею; я ему могъ оказать услугу только тѣмъ, что скрутилъ ему нѣсколько папиросъ.

Здѣсь служитъ также другой мой пріятель, поручикъ Кучинскій,—считаю себя вправѣ назвать его полную фамилію, такъ какъ онъ впослѣдствіи умеръ отъ раны. Когда я его навѣстилъ, то онъ лежалъ въ такомъ видѣ, что я боялся, что онъ болѣе не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Худой, желтый, слабый, онъ съ трудомъ могъ пошевельнуться на постели. Рана его была не особенно серьезна, но сильная потеря крови ставила его жизнь въ большую опасность. Онъ самъ сознавалъ это и почти не надѣялся на выздоровленіе. Привычка ставить всегда исполненіе долга выше своихъ личныхъ ощущеній выдвинула его и теперь, въ Горномъ Дубнякѣ. Во время первой или второй аттаки онъ забрался съ людьми своего взвода въ редутъ съ горжи и началъ тамъ хозяйничать, поджигая соломенные и древесные шалаши. Турки его разстрѣливали, но онъ упорно держался, разсчитывая, что вотъ-вотъ придетъ помощь и поддержитъ его. Стрѣлки, которыми онъ командовалъ, не теряли даромъ время и своими мѣткими выстрѣлами наносили такой чувствительный вредъ непріятелю, что турки, чтобы выгнать его отсюда, направили на него черкесовъ. Съ гикомъ и крикомъ бросились послѣдніе на эту ничтожную кучку храбрецовъ, но каждый разъ были отбиваемы, а подъ конецъ и совсѣмъ прекратили свои нападенія. Но и ихъ также сильно разстрѣливали и ряды солдатъ Кучинскаго сильно рѣдѣли; тогда, не видя поддержки, Кучинскій принужденъ былъ отступить въ разсыпную изъ редута. Ему самому остается пробѣжать нѣсколько шаговъ и онъ будетъ въ безопасномъ мѣстѣ, но пуля догоняетъ его, ударивъ въ мягкія части ноги, и, къ несчастью, прямо въ артерію. Съ страшными усиліями проползаетъ онъ эти нѣсколько шаговъ и затѣмъ падаетъ въ обморокъ. Только тогда, когда онъ пришелъ въ себя, ему перевязываютъ его рану и относятъ на перевязочный пунктъ. Такъ кончился день этого героя, безъ сомнѣнія, перваго русскаго офицера, который былъ въ большомъ редутѣ.

Впослѣдствіи Кучинскому была сдѣлана операція и кончилась она благополучно, такъ какъ удалось остановить теченіе крови, но въ тотъ моментъ, когда въ немъ проснулась надежда на жизнь, съ нимъ дѣлается рвота и,

отъ сильнаго напряженія, едва затянувшаяся артерія лопается снова—и бѣдняга Кучинскій умираетъ.

Мы не могли его не жалѣть, особенно тѣ, кто его зналъ хорошо; въ немъ мы теряли прекраснаго товарища и человѣка, человѣка съ громаднымъ характеромъ, прекрасно образованнаго, выдѣлявшагося своимъ развитіемъ изъ среды офицеровъ, остроумнаго, живаго, добраго и теплаго.

Но и полкъ терялъ въ немъ офицера, рѣдкаго, по такому сознательному отношенію къ своему долгу, офицера, прекрасно подготовленнаго и, благодаря его могучей силѣ воли и твердому характеру, способнаго достигнуть самыхъ важныхъ ступеней общественной лѣстницы. Эта сила и твердость проглядывали въ немъ во всемъ, въ каждомъ его словѣ и поступкѣ, и настолько наполняла его всего, что заставляла предполагать въ немъ желѣзное сложеніе, тогда какъ самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ далеко не крѣпкій и почти постоянно больной. Обладая живою, воспріимчивою натурою, онъ относился сочувственно ко всему, что только дѣйствительно было хорошо и глубоко страдалъ отъ несправедливости. Онъ рѣдко дѣлился своимъ горемъ съ самыми близкими своими друзьями, и то только тогда, когда у него не хватало болѣе силъ, что тоже бывало очень рѣдко, несмотря на то, что горя у него всегда было очень много. У него это было просто потребностью высказаться, облегчить душу, такъ какъ онъ обыкновенно неохотно выслушивалъ совѣты и почти никогда не слѣдовалъ имъ. Онъ старался всегда самъ дойти до чего нибудь и разъ онъ рѣшался на что нибудь, его уже нельзя было отклонить отъ этого рѣшенія. Еще ребенкомъ началъ онъ эту борьбу, и хотя горе часто гнуло его, но никогда не могло сломить. Самъ, ребенкомъ еще, опредѣлился онъ въ гимназію, также блестяще кончилъ въ ней курсъ, какъ и въ Константиновскомъ училищѣ, и вышелъ затѣмъ въ нашъ полкъ. Здѣсь онъ готовился въ академію, и навѣрно поступилъ бы, если бы только не объявленіе мобилизаціи, заставившее его отложить мечты объ академіи, и, какъ оказалось, на всегда.

Кучинскій лежалъ тогда въ госпиталѣ Цесаревны, въ отдѣльной палаткѣ, вмѣстѣ со своимъ ротнымъ командиромъ, Ш. К. Г...., получившимъ также нѣсколько ранъ; между прочимъ, пуля ударила его въ кошелекъ, согнула лежавшее тамъ золото и серебро и, сплюснувшись, осталась тамъ въ кошелькѣ. Не будь кошелька, она навѣрно раздробила бы ему кость въ ногѣ.

И такъ въ обоихъ госпиталяхъ было нѣсколько человѣкъ моихъ однополчанъ, но очень многіе еще были оставлены въ Чуриковѣ, на перевязочномъ пунктѣ, по случаю своего безнадежнаго положенія. Многихъ называли по фамиліямъ, но навѣрно не знали, сколько тамъ еще осталось раненыхъ и кто именно убитъ. По ихъ разсказамъ, судя по потери, бой принималъ дѣйствительно гигантскіе размѣры; уже я въ Боготѣ насчитывалъ по этимъ разсказамъ болѣе половины наличнаго состава офицеровъ въ нашемъ полку выбывшими изъ строя; но судьба многихъ была неизвѣстна. Что же

тамъ осталось въ строю? И что это былъ за бой! Не воображеніе ли, настроенное и потрясенное страшною картиною солидныхъ потерь и страшною массою страданій, еще болѣе увеличивало размѣры этихъ послѣднихъ, не нервы ли, напряженные до-нельзя этимъ адомъ и кровью своихъ близкихъ, не ужасъ ли дополнялъ то, чего не видалъ и глазъ, заставлялъ только предполагаемое выдавать за дѣйствительное!

Но нѣтъ! Эти разсказы не есть плодъ воображенія, иначе они не были бы до такой степени похожи одинъ на другой, не смотря на то, что ихъ разсказывали люди съ разныхъ концовъ, люди, выбывшіе въ разные моменты этого боя. Я ожидалъ серьезнаго, я ожидалъ и былъ подготовленъ къ солиднымъ потерямъ, но въ дѣйствительности все на много превышало то, что я могъ предполагать. Мой мозгъ отказывался соображать, я не могъ смотрѣть на этотъ бой, какъ на бойню. А всѣ разсказы сводились на это. Никто не отвѣчалъ смертью же за смерть и раны близкихъ, а открытою грудью принималъ въ себя эту страшную массу пуль, обертывающую каждаго какъ будто бы тысячами змѣй, всѣ только бѣжали впередъ, не останавливаясь. Что это за редутъ, выбрасывающій такую массу свинца, какіе гигантскіе размѣры принималъ онъ въ моемъ воображеніи и какой громадный подвигъ должны были совершить тѣ, которые захватили эту страшную твердыню. Я смотрѣлъ, какъ на героевъ, на этихъ людей, принесшихъ свою лепту Отечеству и въ своемъ увлеченіи ихъ великими подвигами я не замѣчалъ ихъ настоящаго вида, а воображеніе рисовало мнѣ ихъ богатырями, подъ стать тѣмъ миѳическимъ богатырямъ, которыми богатъ нашъ сказочный міръ. Грудь волновалась отъ массы чувствъ, безпрестанно смѣняющихъ одно другое. Я былъ счастливъ, что я принадлежу къ числу этихъ людей, я былъ счастливъ, что я русскій. Я могъ гордиться и завидовать такимъ товарищамъ. И жутко, и пріятно было слышать про подвиги отдѣльныхъ лицъ при исполненіи ими своего долга. Увлекались и сами раненые, при разсказѣ они забывали о своихъ ранахъ, и только боль въ потревоженномъ больномъ членѣ напоминала имъ о воздержанности. Было все равно, знакомы ли вы или нѣтъ, стоило вамъ только выразить расположеніе слушать разсказъ, и рѣчь текла и текла, разсказывалось не только, что дѣлалъ самъ разсказщикъ, но что дѣлала вся часть, что дѣлали отдѣльныя ея части, разсказывалось безъ послѣдовательности, а такъ, какъ оно припоминалось. Особенно богаты были разсказы егерей; потеря ихъ была значительно больше нашей, и пришлось имъ за этотъ день порядочно переиспытать, чтобы обезпечить намъ нашу побѣду.

Моя работа, требовавшая постояннаго моего присутствія, лишала меня возможности проводить съ ними свое время. Вечеромъ пришелъ слухъ, что Государь завтра посѣтитъ оба госпиталя. Въ госпиталяхъ засуетились, все чистилось, приводилось въ порядокъ; правда, утромъ, когда я вынималъ хлѣбъ изъ печей, Государь, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Нико-

левичемъ Старшимъ, въ сопровожденіи большой свиты, проѣхалъ изъ верхняго госпиталя въ нижній. Я уже хотѣлъ отправиться поразспросить въ госпиталяхъ объ этомъ посѣщеніи, когда мнѣ пришли доложить, что меня требуетъ къ себѣ нашъ полковникъ, завѣдывающій хозяйствомъ, только что пріѣхавшій изъ полка. Онъ мнѣ передалъ письменное приказаніе сдать свою должность пріѣхавшему вмѣстѣ съ нимъ нашему младшему штабъ-офицеру М., а самому немедленно ѣхать въ полкъ. Онъ самъ уѣзжалъ чрезъ нѣсколько часовъ, и мнѣ нужно было въ это время передать все этому офицеру, чтобы затѣмъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ я не зналъ дороги и у него была телѣга, на которую я могъ положить кой-какія свои вещи. Такимъ образомъ я не успѣлъ даже проститься съ своими товарищами и не имѣлъ времени разспросить о пребываніи Государя въ госпиталяхъ. Лично я самъ былъ очень радъ, что меня вызвали обратно въ полкъ, отъ котораго я уже не разсчитывалъ больше отдѣляться. Живо собрался я и, совершенно счастливый, оставилъ эти мѣста, съ которыми у меня связывались не веселыя, тяжелыя впечатлѣнія. Мы проѣхали до поздней ночи, ночевали въ полѣ, при чемъ насъ вымочилъ дождь, и къ двѣнадцати часамъ утра 17-го числа мы были уже въ Чуриковѣ. Здѣсь движеніе было большое; кромѣ громадныхъ госпиталей, здѣсь были расположены артиллерійскіе парки и остановилась на привалѣ большая партія плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ. Они всѣ стояли въ кружкѣ и ихъ было такъ много, что я въ началѣ думалъ, что это солдаты. У каждаго былъ деньщикъ, одна или двѣ вьючныя лошади, нагруженныя ихъ пожитками, покрытыми коврами. Я предложилъ одному офицеру чрезъ солдата, говорившаго по турецки, продать мнѣ одинъ коверъ. Онъ нашелъ это вѣроятно крайне неумѣстнымъ, такъ какъ, не отвѣчая ни слова, повернулся ко мнѣ спиною. Кругомъ стояла большая толпа нашихъ солдатъ и офицеровъ и разговаривала съ турками чрезвычайно добродушно; особенно отличался тутъ небольшаго роста толстенькій, кругленькій паша, видимо, нисколько не стѣснявшійся своимъ положеніемъ. Всѣ они были прекрасно одѣты и имѣли бодрый, хорошій видъ. Мы оставили ихъ, перебрались въ бродъ чрезъ рѣку, которую также въ бродъ перешли наши ночью на 12-е Октября, при аттакѣ Горнаго Дубняка, и по проселочной дорогѣ отправились дальше. Часу въ десятомъ вечера, мы пріѣхали на мѣсто; ночь была очень темная, кругомъ стояло нѣсколько полковъ и мы долго блуждали, покуда не отыскали своего полка. Не заходя въ палатки своихъ товарищей, я отправился являться къ командующему полкомъ. Здѣсь онъ разсказалъ мнѣ подробности этого замѣчательнаго боя для нашей нынѣшней военной исторіи. Я, въ свою очередь, отдалъ ему отчетъ о моей дѣятельности. Пробывши у него около часу, я отправился въ свой прежній баталіонъ. Всѣ офицеры помѣщались въ двухъ палаткахъ и многіе уже спали, но мнѣ такъ хотѣлось повидать поскорѣе ихъ всѣхъ, что я, конечно, не стѣснился и разбудилъ тѣхъ, кто спалъ; поцѣлуямъ не было конца,

также какъ поздравленіямъ и разговорамъ, и только дѣйствительно поздній часъ заставилъ насъ отложить разговоры до завтрашняго дня. Здѣсь я узналъ подробности подвиговъ, о которыхъ слышалъ и раньше. Одинъ изъ моихъ пріятелей, командующій одной изъ стрѣлковыхъ ротъ, поручикъ Б., уже знакомый съ ощущеніями боя, такъ какъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Сербіи, особенно отличился въ этомъ дѣлѣ. Бросившись со стороны Горжи на редутъ, онъ вышибъ турокъ изъ занимаемыхъ ими ложементовъ, приспособилъ ихъ для своей обороны, и въ началѣ общей аттаки первымъ забрался во главѣ своей роты съ этой стороны въ редутъ. Прибѣжавшіе за тѣмъ офицеры и солдаты застали его уже неоднократно отдающимъ приказанія среди страшнаго ада рукопашной, послѣдней отчаянной схватки, при заревѣ шалашей, соломы, среди страшнаго треска патроновъ и свиста пуль. И офицеры, и солдаты единогласно указывали на него, какъ на перваго, который вошелъ въ редутъ и требовали ему Георгіевскаго креста, котораго онъ, по общему убѣжденію, заслужилъ честно и славно.

Также выдѣлился изъ общей массы офицеровъ и другой офицеръ. Ему не выпало на долю счастье и честь совершить такой же высокій подвигъ, какъ это сдѣлалъ Б., но его расторопность, толковыя распоряженія, полное презрѣніе опасности, когда ему десятки разъ приходилось перебѣгать по самымъ страшнымъ мѣстамъ для передачи приказаній, глубоко прочувствованныя слова, которыми онъ обадривалъ и уговаривалъ солдатъ до конца исполнить свой долгъ, его собственный примѣръ, однимъ словомъ, вся его дѣятельность была такова, что даже въ Боготѣ солдаты мнѣ указывали на него, и выдѣляли его и Б. изъ этой массы людей, лихо, молодецки исполнившихъ свой долгъ въ этотъ страшный день суда, когда заговорили особенно сильно эти тяжелыя ощущенія, связывающія человѣка съ жизнью и показывающія ему въ рельефныхъ картинахъ, что̀ онъ теряетъ вмѣстѣ съ нею. И какъ велики должны быть подвиги тѣхъ людей, на которыхъ указываютъ и которыхъ выдѣляютъ изъ своей среды тѣ самые люди, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, заслуживалъ самыхъ лучшихъ эпитетовъ, которыми принято называть высшія военныя качества какъ солдата, такъ и офицера.

Утромъ я явился своему новому баталіонному командиру, въ баталіонъ котораго я былъ назначенъ адъютантомъ. Прошло не болѣе недѣли, а все уже перемѣнилось: тѣ, кого я оставилъ ротными командирами, теперь командовали баталіонами, а очень молодые субалтернъ-офицеры приняли роты; въ ротахъ, въ которыхъ было по нѣсколько офицеровъ, теперь оставался одинъ, да и самыя роты приняли такія миніатюрные размѣры, что называть ихъ ротами было нѣсколько странно. Потери полка были солидныя и особенно замѣтны мнѣ, такъ какъ я оставилъ полкъ въ полномъ боевомъ комплектѣ, а его теперешнее состояніе подходило скорѣе къ мирному. Не мѣнѣе странно было видѣть и то, что эти люди, вынесшіе такой страшный

бой, стояли на одиночномъ ученьѣ. Необходимость этого обученія для меня выяснилось очень скоро, но тутъ она меня рѣзко поразила.

Здѣсь у баталіоннаго командира нѣсколько человѣкъ офицеровъ и я сговорились сейчасъ же ѣхать въ Чуриково навѣстить одного нашего офицера, князя В., раненнаго въ грудь на вылетъ и не отправленнаго далѣе изъ Чурикова, по случаю своего безнадежнаго состоянія. Въ полку было извѣстно, что онъ былъ живъ третьяго дня, но не знали ничего объ его настоящемъ положеніи. Мы долго искали его въ Чуриковѣ и случайно только наткнулись на домъ, гдѣ онъ лежалъ. Но можно себѣ представить наше удивленіе, когда онъ при нашемъ входѣ всталъ, чтобы пойти намъ на встрѣчу; онъ имѣлъ бодрый и хорошій видъ и доктора говорили ему, что завтра они его отпустятъ посидѣть на дворѣ. За нимъ ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ, одинъ отставной военный, съ которымъ князь сошелся еще въ то время, какъ былъ въ Сербіи; въ настоящее время онъ былъ при этомъ госпиталѣ и узнавъ, что князь сильно раненъ, совсѣмъ переселился къ нему. Мы его застали съ громадною иглою въ рукахъ, онъ съ большимъ трудомъ чинилъ разорванный мундиръ. Такъ какъ князю было запрещено говорить, то онъ и далъ намъ за него самыя утѣшительныя, обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи его здоровья. Мѣсяца черезъ два князю обѣщали, что если онъ станетъ также быстро поправляться, какъ теперь, то онъ будетъ въ состояніи присоединиться къ полку, что составляло его самое страстное желаніе, а про рану ему говорили, что она не будетъ имѣть очень опасныхъ послѣдствій на его будущее состояніе здоровья. Его почти не лечили и онъ долгое время оставался съ тою перевязкою, которую ему сдѣлали солдаты на полѣ сраженія, гдѣ ему пришлось вылежать довольно долго подъ страшнымъ огнемъ, при чемъ его мысли были не столько заняты вопросомъ, убьетъ ли его на повалъ какая нибудь изъ тѣхъ пуль, которыя избороздили кругомъ его все поле, а больше тѣмъ, что не попадетъ ли ему какая либо изъ нихъ въ носокъ. Мои товарищи уѣхали раньше меня и я черезъ часъ, простившись съ княземъ и пожелавъ ему полнѣйшаго и скорѣйшаго выздоровленія, догналъ своихъ товарищей уже передъ нашимъ бивуакомъ. Видъ послѣдняго за наше отсутствіе совершенно измѣнился; солдаты стояли въ ружье, палатки были сняты, все имѣло видъ скораго выступленія. Дѣйствительно, мы оставили этотъ бивуакъ и подвинулись къ Дольнему Дубняку, на оставленныя турецкія позиціи.

19—25-го Октября.

Съ этого дня, т. е. съ 18-го, вплоть до 27-го числа, мы оставались на одномъ мѣстѣ и скучали страшно. Попавъ въ глубокій резервъ, мы имѣли удовольствіе слышать каждодневную стрѣльбу у генерала Скобелева и у румынъ, но сами не принимали никакого участія въ безпрестанныхъ стычкахъ подъ Плевной. Отъ полнаго бездѣлья и скуки, даже не безъ удоволь-

ствія, ходили на каждодневныя одиночныя ученья, уже сильно пріѣвшіяся намъ въ Петербургѣ. Адъютантовъ эта скука доѣдала еще не до такой степени, такъ какъ ихъ очень часто посылали на фуражировки сѣна, ячменя и овса, верстъ за восемнадцать или двадцать отъ полка на рѣку Големый Искеръ, въ роскошной долинѣ котораго, окруженной крутыми, обрывистыми и довольно высокими горами, находились такіе запасы сѣна, что ихъ хватило бы на нѣсколько полковъ на двѣ, на три недѣли. Эти фуражировки не ограничивались только фуражемъ; вначалѣ прихватывали овецъ или телятъ изъ покинутыхъ жителями — турками селъ, въ которыхъ оставались въ это время только эти стада, да еще тощія, худыя собаки, да и тѣ постепенно разбѣгались отъ голода. Большія стада всякаго скота паслись въ долинѣ безъ всякаго присмотра, ихъ даже не брали болгары; изъ боязни ли, что возвратятся турки, или вслѣдствіе невозможности ихъ никуда спрятать, только первое время они даже сами предлагали намъ свои услуги поймать па той сторонѣ скотъ и пригнать его къ намъ на эту сторону; впослѣдствіи они стали опытнѣе и начали заявлять претензіи на такое пріобрѣтеніе нами скота.

Начальство приняло ихъ сторону и строго запретило брать скотъ не только даромъ, но даже и за деньги, а въ случаѣ нужды обращаться къ коменданту села, у котораго по назначеннымъ цѣнамъ можно было пріобрѣсти всякаго рода живность. Обыкновенно на каждую фуражировку уходилъ цѣлый день, и такъ какъ сильно устанешь, то проспишь ночь прекрасно, и такимъ образомъ скоротаешь время. Другіе же офицеры были лишены такой возможности уставать и обыкновенно сновались изъ одной палатки въ другую, не зная, что дѣлать и куда убить время; зайдутъ они къ нашему маркитанту, бравшему за все сумасшедшія цѣны, такъ напр. обыкновенная французская булка стоила бумажный рубль; сходятъ въ Дольній Дубнякъ, но въ деревнѣ никого не было; дома стояли пустые. Правда, народу тамъ всегда было очень много, особенно, когда пріѣхалъ туда и открылъ тамъ торговлю корпусный маркитантъ Львовъ, ходившій, для большаго почета, всегда въ военной фуражкѣ съ офицерскою кокардою, которая не избавила его однако отъ чрезвычайно непріятныхъ исторій. Первое время, когда онъ пріѣхалъ, добраться до его лавки было чрезвычайно трудно: около его дверей постоянно стояла сплошная толпа офицеровъ и солдатъ, желающихъ запастись, кто дѣйствительно необходимыми продуктами, а кто разными сладостями и напитками, вкусъ которыхъ мы уже начали позабывать. Обыкновенно въ дни пріѣзда подводъ нечего было и думать самому идти къ Львову; приходилось стоять на улицѣ по часу и затѣмъ, потерявъ всякое терпѣніе, уходить, ничего не купивъ, а къ утру все уже было разобрано. Львовъ не ограничилъ этимъ свою дѣятельность, а ухитрился даже открыть ресторанъ, и, какъ говорятъ, кормилъ очень сносно, но въ тоже время не стѣснялся и цѣною. Но наши офицеры ходили

къ нему обѣдать рѣдко, такъ какъ это было не совсѣмъ удобно: деревня отъ бивуака была довольно далеко, а второе, что у насъ у самихъ въ это время былъ очень сносный столъ. Обыкновенно офицеры обѣдали по-батальонно, причемъ одинъ, по общему выбору, завѣдывалъ столовою. Кромѣ того, это постоянное бездѣйствіе способствовало къ тому, что мы всѣ сильно измѣнились, не хотѣлось выходить никуда изъ раіона своего расположенія; къ тому же погода стояла сѣренькая, время отъ времени шелъ дождь и повсюду была страшная грязь. Здѣсь мы вторично увидѣли князя В. Онъ уже настолько поправился, что ему было разрѣшено переѣхать въ коляскѣ изъ Чурикова въ Дольній Дубнякъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ намъ въ лагерь и мы, съ радости, что видимъ его, устроили ему цѣлыя оваціи. Здѣсь мы его часто навѣщали и это, хоть немного, но помогало намъ коротать наше время.

Едва только впечатлѣнія боя при Горномъ Дубнякѣ начали успокаиваться, благодаря тихой, спокойной жизни, которую мы принуждены были вести въ это время, какъ совершенно неожиданно пришлось ихъ вызвать снова, участвуя въ печальной церемоніи отдачи послѣдней чести тѣлу нашего бывшаго товарища, флигель-адъютанта полковника Рунова, которое отправляли въ Россію, по приказанію Государя. Въ Петербургѣ приходилось довольно часто провожать покойниковъ, но тѣ люди были намъ чужіе, мы ихъ не знали и поэтому не цѣнили, наконецъ, и самая обстановка была совершенно иная; здѣсь почти каждый только-что пережилъ такія чувства, которыхъ онъ уже навѣрно не забудетъ, покуда будетъ живъ. Здѣсь каждый слишкомъ живо чувствовалъ и страдалъ отъ потери товарищей, съ которыми онъ давно уже привыкъ дѣлить и радость, и горе. Вспомнился не одинъ только Руновъ, съ которымъ мы теперь прощались, а вспомнились и тѣ, которые давно уже лежали въ могилѣ. Но настроенное воображеніе не довольствуется тѣмъ, что въ памяти возникаютъ эти образы, украшенные своими лучшими качествами,—оно мнѣ рисовало еще минуты ихъ геройской смерти. Вонъ сидитъ кучка офицеровъ впереди своего баталіона, залегшаго въ ста шагахъ отъ редута. Лучшіе стрѣлки изъ редута хладнокровно разстрѣливаютъ этихъ молодцовъ, собирающихся съ силами докончить свой геройскій подвигъ. Но они не обращаютъ вниманія на эти рѣдкія, но мѣткія пули, постепенно, одного за другимъ, выводящія ихъ изъ строя. Это Руновъ, Ширманъ и другіе. Но вотъ съ страшнымъ трескомъ разрывается между ними граната и разбрасываетъ ихъ въ стороны. Но эта кучка уже не слышитъ этого треска, всѣ ошеломлены и только нѣкоторые безсознательно начинаютъ ощупывать себя, желая убѣдиться въ томъ, ранены ли они или нѣтъ: нѣкоторые ранены и контужены осколками гранаты, а другіе валяются или безъ движенія, или въ страшныхъ мукахъ,—это Руновъ и Ширманъ: граната упала какъ разъ между ними и вырываетъ Рунову бокъ, а Ширману отры-

ваетъ обѣ ноги. Руновъ стоически переноситъ свою боль, но неимовѣрныя, не человѣческія страданія Ширмана заставляютъ послѣдняго просить револьвера, для того, чтобы покончить съ жизнью самоубійствомъ... но руки не поднимаются исполнить его просьбу и Ширманъ умираетъ черезъ два часа. Рунова относятъ на перевязочный пунктъ, но его никто уже не спасетъ. Руновъ сознаетъ это, своею страшною волею заглушаетъ онъ свои страданія, онъ освѣдомляется безпрестанно, какъ идетъ бой, что дѣлаетъ нашъ полкъ, что дѣлаетъ его баталіонъ; вечеромъ ему говорятъ о побѣдѣ; съ трудомъ проводитъ онъ эту ночь и на другой день утромъ требуетъ, чтобы его отнесли въ его баталіонъ,—онъ хочетъ проститься съ своими молодцами, осмотрѣть взятый ими редутъ и затѣмъ умереть среди побѣдителей. Его отговариваютъ, убѣждаютъ не дѣлать этого. Ему говорятъ, что качка при переноскѣ усилитъ его страданія,—онъ не хочетъ слышать, а приказываетъ себя нести. Но предсказанія оправдываются; въ редутъ приносятъ только его трупъ, но носильщики приносятъ его въ его баталіонъ и передаютъ тамъ его предсмертное желаніе и послѣднія слова. Моментально собирается кругомъ тѣла громадная толпа, головы обнажаются, и сотни устъ шепчутъ вѣчную память тому, кто не могъ забыть ихъ даже въ минуты страшныхъ мученій и смерти.

Страшная судьба этихъ двухъ друзей, во многомъ она была сходна, и какъ будто какая то невидимая сила привлекла ихъ въ Горный Дубнякъ, гдѣ они одинаково и отъ одной гранаты окончили жизнь въ страшныхъ мукахъ.

Руновъ командовалъ нашимъ первымъ баталіономъ, когда передъ войной получилъ назначеніе въ конвой Государя, гдѣ и былъ сдѣланъ начальникомъ всего конвоя. Его умъ, тактъ, образованіе, все дѣлало его достойнымъ этого высокаго поста. Еще до прихода полка онъ участвовалъ въ дѣлахъ съ турками, обратилъ на себя вниманіе своимъ хладнокровіемъ, храбростью и совѣтами, получилъ большія награды, все ему улыбалось, когда разнесся слухъ, что онъ по волѣ Государя Императора возвращается въ полкъ, съ первымъ баталіономъ котораго онъ долженъ былъ участвовать въ бою—къ полку онъ и присоединился передъ Горнымъ Дубнякомъ. Чрезвычайно элегантный, статный, красивый Ширманъ тоже былъ въ командировкѣ въ Болгаріи и по своимъ внутреннимъ качествамъ не могъ не составить себѣ хорошую и блестящую будущность, но вѣсть о походѣ полка заставляетъ и его хлопотать о возвращеніи въ полкъ. Онъ успѣваетъ, получаетъ въ полку роту Его Величества и вмѣстѣ съ Руновымъ умираетъ отъ одной гранаты подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Но вотъ возникаетъ новая картина. Вотъ рота, по командѣ своего ротнаго командира, прилегла было за небольшимъ пригоркомъ на курганѣ; съ ротою прилегли и ея офицеры. Но вновь раздается команда, всѣ встаютъ, встаетъ и старшій субалтернъ-офицеръ этой роты, и только что хотѣлъ

потянуться по своей привычкѣ, какъ быстро наклоняется и падаетъ за сосѣдній кустикъ. Рота бѣжитъ впередъ, а онъ остается; съ удивленіемъ подходятъ къ нему, но слова замираютъ, когда замѣчаютъ на его обыкновенно подвижномъ, а теперь спокойномъ лицѣ, небольшое черное пятно, какъ разъ между бровями. Это Тимоховичъ. Но вотъ умираетъ другой добрый, старый мой товарищъ, вернувшійся совершенно цѣлымъ изъ одной компаніи, заслужившій тамъ среди этихъ отчаянныхъ людей, для которыхъ жизнь была копѣйкой, названіе храбраго и товарища. Пуля ударяетъ его въ мягкія части ноги и заставляетъ присѣсть, рота убѣгаетъ впередъ, но съ нимъ остается унтеръ-офицеръ, который хочетъ прикрыть его собою и перенести въ болѣе укрытое мѣсто; но онъ не позволяетъ ему сдѣлать это, вслѣдствіе какого-то страшнаго предчувствія, съ которымъ онъ отправленъ еще изъ Петербурга, а снимаетъ обручальное кольцо и торопится передать его солдату, со словами, чтобы онъ его передалъ его невѣстѣ и поклонился бы ей и его братьямъ. Среди этихъ словъ вторая пуля ударяетъ его въ ту же рану и раздробляетъ ему кость; почти не обращая на нее вниманія, онъ продолжаетъ говорить, когда третья пуля, едва не раздробивъ руки солдата, ударяетъ его въ грудь и кладетъ на мѣстѣ. Миръ праху твоему, добрый товарищъ! твое предчувствіе оправдалось и вторая компанія стоила тебѣ жизни. Я вспомнилъ о предчувствіи Мамаева, и мнѣ начинаетъ рисоваться смерть Баталина. Онъ входилъ въ бой съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ будетъ убитъ. Ночью, передъ боемъ, онъ идетъ мириться съ тѣми, съ которыми былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Его разувѣряютъ, но онъ остается при своемъ, и съ этимъ убѣжденіемъ храбро бѣжитъ впереди своей роты; онъ уже пробѣжалъ самое опасное мѣсто, ему остается только упасть, чтобы быть въ мертвомъ пространствѣ и тогда вся опасность миновала. Но предчувствіе его не обмануло,—онъ падаетъ въ мертвое пространство, но уже мертвымъ. Пуля поражаетъ его въ моментъ паденія.

Что же сказать о другихъ моихъ легшихъ тутъ товарищахъ. Многіе страшно и долго мучились прежде, чѣмъ смерть явилась для нихъ облегченіемъ ихъ горькой и подчасъ непосильной муки. Я же набросилъ тутъ только смерть нѣкоторыхъ; сослужили же службу здѣсь и молодые, только что выпущенные со школьной скамейки и совершенно незнакомые съ жизнью, и люди, уже настолько познакомившіеся съ нею, что готовились принять на себя обязательство брака, и, наконецъ, люди, имѣвшіе уже семейства, отъ которыхъ они были неожиданно оторваны; но какъ тѣ, такъ и другіе одинаково были проникнуты чувствомъ долга и чести и одинаково храбро и доблестно положили свою жизнь во имя великой идеи помощи ближнему, во имя Престола и Отечества. Каждый изъ нихъ умиралъ героемъ и своимъ примѣромъ побуждалъ и другихъ на такой же высокій подвигъ самопожертвованія.

Прилагаю при семъ списокъ убитымъ офицерамъ нашего полка въ этомъ дѣлѣ: флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ, командиръ 1-го баталіона, штабсъ-капитанъ Ширманъ, командиръ роты Его Величества. Штабсъ-капитанъ Баталинъ, командиръ 12 роты. Поручикъ Айкановъ, адъютантъ 3-го баталіона, умеръ на другой день въ страшныхъ мученіяхъ. Поручикъ Тимоховичъ; поручикъ Видгантъ умеръ на другой день также въ страшныхъ мученіяхъ; подпоручикъ Полонскій, поручикъ Кучинскій, умершій впослѣдствіи отъ раны въ Боготѣ; подпоручикъ Мамаевъ 3.

На другой день въ маломъ редутѣ были погребены тѣла нѣкоторыхъ изъ убитыхъ, а 15 числа торжественно, съ отданіемъ воинской чести, были погребены тѣла всѣхъ убитыхъ въ четырехъ громадныхъ могилахъ, вырытыхъ не вдалекѣ отъ редута, по шоссе къ Плевнѣ. Обозначили это мѣсто бренныхъ останковъ героевъ простыми бѣлыми деревянными крестами.

26 и 27-го Октября.

26 числа получено было извѣстіе въ полку, что Государь посѣтитъ насъ завтра. Жизнь Государя въ Горномъ Студнѣ была извѣстна намъ всѣмъ. Мы знали, чего стоила ему эта жизнь, полная неудобствъ и лишеній, знали также ту тяжелую обязанность, которую онъ принялъ на себя, ободряя нашихъ раненыхъ и заботясь о нихъ, для облегченія имъ всевозможными способами и мѣрами ихъ тяжелыхъ страданій. Все великое значеніе этой дѣятельности можетъ понять только тотъ, кто или самъ лежалъ ранепымъ, далеко отъ родныхъ, среди людей, сурово смотрящихъ на приглядѣвшіяся имъ страданія другихъ, или тотъ, кому много пришлось вынести и видѣть, какъ другіе отворачиваются или не могутъ и не хотятъ помочь ему. Мы знали, что Онъ своимъ задушевнымъ, теплымъ словомъ ободрялъ и поддерживалъ духъ у тѣхъ, у которыхъ страданія и увѣчья отнимали и разбивали всѣ надежды, какъ горячо принималъ Онъ къ сердцу ихъ огорченія, какъ не стѣснялся Онъ ни ночною порою, ни дождемъ, ни непроходимою грязью, и всегда встрѣчалъ и обходилъ въ транспортѣ всѣхъ раненыхъ. Опять таки я повторю, что цѣну и все значеніе этого великаго подвига милосердія можетъ только понять тотъ, кому выпало на долю видѣть къ себѣ это вниманіе и слышать Его ласковый, ободряющій голосъ. Мы слышали все это отъ нашихъ раненыхъ и съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда мы будемъ въ состояніи выразить Ему наши чувства и всю глубокую благодарность за Его вниманіе и участіе въ нашихъ страданіяхъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Того, Кто намъ Русскимъ такъ священенъ и дорогъ, за Котораго мы съ охотою отдали бы свою жизнь. Мы знали, что теперь мы можемъ смѣло смотрѣть Ему глаза, что мы заслужили тѣ милости, которыми Онъ награждалъ насъ раньше, что мы не поколебали Его къ намъ довѣрія и высоко цѣнили и понимали этотъ новый знакъ Его любви къ намъ.

Извѣстіе о Его пріѣздѣ быстро распространилось по всему полку. Все засуетилось, забѣгало, вездѣ чистили и приводили все въ порядокъ, не жалѣли, да и не думали о хлопотахъ. Лагерь быстро сталъ принимать новый веселенькій видъ; развѣшенное между палатками бѣлье, спряталось, ко́злы съ ружьями приняли благообразный видъ и выровнялись, и уже на другой день лагерь нельзя было узнать: онъ совсѣмъ напоминалъ намъ наши маневры подъ Краснымъ Селомъ; солдаты были хотя сильно загорѣлые, но выбриты, также чисто и хорошо одѣты, грязныхъ мундировъ не было видно, такъ какъ всѣ, у кого были мундиры поплоше, попрятались въ заднія шеренги, пуговицы блестѣли, на околышахъ не было пятенъ. Также чисто и хорошо была одѣта кучка офицеровъ, собравшихся на правомъ флангѣ полка, кучка, правда, очень небольшая, такая маленькая, что на это нельзя было не обратить вниманія, но за то уже обстрѣленная,—да какимъ еще огнемъ,—доказавшая, что она способна сдѣлать и оправдавшая возлагаемыя на нее надежды. Едва мы собрались, какъ пріѣхалъ генералъ Гурко и проѣхалъ по фронту. Вскорѣ вдали показалось бѣлое знамя съ большимъ синимъ крестомъ, а затѣмъ и коляска, въ которой ѣхалъ Государь съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. Не доѣзжая до полка, они остановились и пересѣли на лошадей. Государь проѣхалъ въ стоявшій тутъ гусарскій полкъ, Великій Князь Николай Николаевичъ подъѣхалъ къ нашему полку и остановился на правомъ флангѣ вблизи офицеровъ. Съ нетерпѣніемъ, увеличивавшимся съ каждою минутою, ждали мы, когда подъѣдетъ къ намъ Государь, и едва только Онъ поравнялся съ кучкой офицеровъ, какъ полкъ не выдержалъ и грянуло могучее, громкое «ура». Государь хотѣлъ говорить, мы Его окружили, но этотъ страшный крикъ мѣшалъ и говорить и слушать. Государь подождалъ немного, но крикъ не уменьшился; тогда Онъ наклонился къ намъ и сталъ насъ благодарить за примѣрную храбрость, далеко превзошедшую его ожиданія и надежды; храбрость, которую Ему засвидѣтельствовали видѣнные Имъ наши раненые солдаты въ Боготѣ. Часто принужденъ Онъ былъ останавливаться и повторять одно и тоже, такъ какъ «ура» гремѣло неумолкая, и стоило Ему только немного выпрямиться на сѣдлѣ, чтобы это «ура» загремѣло съ новою и большею силою. Еще сильнѣе и неудержимѣе загремѣло оно, когда, поцѣловавъ командующаго полкомъ, Онъ поѣхалъ по фронту полка, сопровождаемый нашими офицерами и Своею свитою. На лѣвомъ флангѣ 4-го баталіона Онъ остановился и передалъ намъ поклоны отъ раненыхъ товарищей, отъ которыхъ мы за эти дни не имѣли извѣстій. Года за полтора до похода, нашъ 4-й баталіонъ получилъ новое знамя; въ Горномъ Дубнякѣ оно было окрещено и пробито въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Докладывая объ этомъ Государю, командующій полкомъ разсказалъ и о геройской смерти носившаго это знамя, знаменщика Митрофана Иванова. Смертельно раненый, онъ все таки не могъ рѣшиться разстаться съ довѣренною ему святынею, не смотря на уговоры окружав-

шихъ его ассистентовъ и только за нѣсколько секундъ до своей смерти передалъ онъ его изъ рукъ въ руки одному изъ окружавшихъ его унтеръ-офицеровъ. Но едва новый знаменщикъ принимаетъ знамя, какъ его самаго ранитъ пуля; но умершій выбралъ себѣ достойнаго преемника: послѣдній перевязалъ свою рану и съ гордостью понесъ обрызганное его же кровью знамя опять впередъ. Выслушавъ этотъ разсказъ геройской преданности своему долгу и знамени, Государь выразилъ желаніе посмотрѣть послѣднее и проѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло знамя. Отсюда же Государь проѣхалъ во 2-ю артиллерійскую бригаду, стоявшую рядомъ съ нами, и, возвращаясь опять, проѣхалъ чрезъ нашъ полкъ. Снова также дружно и громко загремѣло наше «ура», провожая Его до коляски.

Грустно сдѣлалось намъ, когда мы возвратились, проводивъ Государя. Много роднаго, хорошаго вспомнилось каждому, вспомнилось Красное Село, объѣзды, вспомнились тѣ, которые пріѣзжали къ намъ на эти праздники и снова сильною волною нахлынули уже былыя, полузабытыя впечатлѣнія и жутко стало, когда вспомнилось, какъ далеко мы были въ настоящее время отъ всего этого и какъ много настоящее разнилось отъ прошедшаго, а когда намъ удастся вернуться къ этому дорогому прошедшему, да и удастся ли! Дѣло наше, ради котораго мы пришли сюда, было еще въ началѣ, а первые опыты этой компаніи заставляли думать, что кончить ее будетъ не легко, навѣрно найдутся среди разлагающейся турецкой арміи люди, преданные своему отечеству и сознавшіе его бѣдственное положеніе, которые предпочтутъ отчаянную защиту и смерть позорному плѣну; они насъ, конечно, не остановятъ, но задержатъ и, можетъ быть, на долго, такъ какъ впереди Балканы,—ихъ не перелетишь птицей, а придется брать каждую гору. Я вернулся домой въ какомъ то тихомъ и грустномъ настроеніи духа, которое долго меня не оставляло, какъ я ни старался не поддаваться ему. Не помогла мнѣ разсѣяться и предпринятая, въ обществѣ нѣкоторыхъ товарищей, поѣздка къ мосту черезъ Видъ къ туркамъ. Черезъ цѣпь насъ не пропустили, и мы, почти ничего не видавъ, возвратились назадъ.

28-го Октября—1-го Ноября.

Прошло и это торжество и снова потекла наша тихая, скучная жизнь, изрѣдка прерываемая только слухами, которымъ какъ-то плохо вѣрилось. Пойдетъ ли кто нибудь въ деревню, увидитъ ли офицера другаго полка, первый вопросъ, который задается,—что новаго? Если была какая нибудь новость, то она немедленно приносилась въ полкъ и тамъ разсказывалась, затѣмъ узнавался новый разсказъ, часто совсѣмъ отрицавшій первый. Не мудрено, что переставали вѣрить подобнымъ разсказамъ, будучи нѣсколько разъ ими обмануты. Въ это время очень упорно держался слухъ, что будто Сулейманъ-паша, оставивъ свою армію, принялъ на себя командованіе ар-

міею Шевкета-паши и идетъ на помощь къ Плевнѣ. О положеніи же самаго Османа-паши ходили самые разнообразные слухи: говорили, что уже не будутъ брать Плевну приступомъ, а, обложивши ее, постараются взять голодомъ; этому охотно вѣрили и потому уже, что наши дѣйствія клонились къ тому, чтобы запереть Османа въ Плевнѣ. Но на сколько времени запасся Османъ провіантомъ, никто навѣрно не зналъ. Правда, Османъ выгонялъ отъ себя лишніе рты, но изъ этого не слѣдовало, что онъ уже въ настоящее время нуждается въ хлѣбѣ, эта мѣра могла быть только предусмотрительною мѣрою. Поговаривали, что у него нѣтъ муки и сѣна, чтобы прокормить тѣ стада, которыя турки выгоняли на рѣку Видъ, и по которымъ ежедневно практиковалась румынская артиллерія. Не смотря на всѣ эти разнообразные слухи, всѣ сходились на одномъ, что паденіе Плевны составляло теперь уже не болѣе, какъ вопросъ времени. Никто не могъ только опредѣлить путь, который выберетъ Османъ, чтобы выйти изъ этого положенія, и что онъ предпочтетъ, прямо ли сдаться безъ боя, или же попробуетъ счастье и постарается пробиться. Большинство склонялось на послѣднее предположеніе. Также неизвѣстно было большинству, какую роль лично мы будемъ разъигрывать въ разрѣшеніи Плевненской задачи. Судя по постояннымъ фуражировкамъ и собираемымъ запасамъ сѣна и фуража и также потому, что одинъ нашъ баталіонъ былъ отправленъ въ Червенибрегъ, село на рѣкѣ Искерѣ, для печенія хлѣбовъ для полка и что уже однажды наши два баталіона ходили на ночь въ дежурную часть къ Медовану, легче всего было предположить, что мы долго останемся тутъ подъ Плевной. Перспектива препровожденія времени въ будущемъ такимъ образомъ была далеко непріятная. Скверная погода, скучная, однообразная мѣстность и еще болѣе скучная жизнь сильно портили наше настроеніе. Въ такомъ настроеніи возвращались мы изъ Медована, когда дорогой узнали новость, сразу перемѣнившую наше расположеніе духа. Мы оставляемъ Плевну и идемъ на Софію.

2—5-го Ноября.

Собираться было не долго и мы 2-го числа распрощались съ Дольнимъ Дубнякомъ и Плевной, и, *пожелавъ послѣдней поскорѣе перейти* въ руки нашихъ, болѣе несчастныхъ, товарищей, остававшихся стеречь Османа, и къ вечеру сильно усталые, мы добрались до Радомирцъ. Здѣсь къ нашему полку присоединился нашъ первый баталіонъ, который, какъ я уже говорилъ, былъ посланъ въ Червенибрегъ для печенія хлѣбовъ; мысль о печеніи хлѣбовъ самими войсками принадлежала нашему бригадному командиру генералъ-маіору фонъ-Розенбаху, сильно раненому при Горномъ Дубнякѣ, и впервые была приведена въ исполненіе еще въ Боготѣ, гдѣ было устроено хлѣбопеченіе для всей дивизіи. Отъ Плевны къ

Радомирцамъ мы все время шли по шоссе и проходили Горный Дубнякъ и Телишъ.

Екнуло сердце, когда мы узнали, что мы должны проходить мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ каждому пришлось такъ много и такъ долго страдать. Всѣ эти пережитыя, горькія чувства вспыхнули снова страшнымъ пожаромъ и причиняемая ими острая, жгучая боль отразилась на лицахъ и у солдатъ, и у офицеровъ. Замолкли и разговоры. Брови нахмурились, въ потупленныхъ въ землю глазахъ, когда вамъ удавалось поймать ихъ взглядъ, засвѣтился какой-то особый фосфорическій свѣтъ. Мускулы на лицахъ напряглись и все лице приняло какое-то угрумое, мрачное, а подчасъ свирѣпое выраженіе. Чѣмъ ближе подходили мы, тѣмъ напряженнѣе дѣлались эти взгляды, тѣмъ больше старались они разъискать эти мѣста, которыя запечатлѣлись въ ихъ памяти, тѣмъ лихорадочнѣе дѣлался шагъ. Таже мертвая гробовая тишина не нарушалась, слышался только какой-то глухой шумъ тысячи ногъ толпы солдатъ, идущихъ не въ ногу. Мы уже приближаемся къ редуту. Словно по командѣ снялись у солдатъ фуражки и солдаты нервно, торопливо стали креститься. Минута, дѣйствительно, была торжественная. Страшно напряженные нервы не выдержали, и у многихъ солдатъ на глазахъ показались слезы. Нѣкоторые почти невольно останавливались, но другіе, напротивъ, такъ сильно страдали отъ вызванныхъ вновь впечатлѣній, что не могли допустить подобную остановку и толкали другъ друга все впередъ и впередъ; если бы можно было, то этотъ торопливый шагъ, которымъ они шли отъ редута, могъ легко перейти въ бѣгъ.

Но, вызванныя видомъ поля сраженія, чувства были далеко не такъ тяжелы, какъ тѣ, которыя испытывали эти люди раньше на этомъ полѣ сраженія. Въ груди отзывалась страшная, жгучая боль, которая испытывалась тогда отъ тѣхъ чувствъ, которыя мучили и волновали васъ въ тѣ страшные часы, но уже сомнѣніе и боязнь исчезли и замѣнились какою-то тайною тихою радостью оправданныхъ надеждъ, успокоеннаго самолюбія, гордости и сознанія важности того, что было нами куплено такою дорогою цѣною. Эта тихая радость нисколько не заглушала боли, но примѣшивала къ ней какъ-бы какой-то бальзамъ, который отнималъ отъ нея всю ея ѣдкость и остроту, и доставлялъ минуты такого тягостно-пріятнаго состоянія, которое напрягало ваши нервы до нельзя, томило васъ и заставляло васъ то бѣжать отсюда куда нибудь подальше, то останавливаться и прислушиваться къ тому, что дѣлается внутри васъ.

Я самъ не испытывалъ въ эту минуту въ той же мѣрѣ всѣ эти чувства, которыя волновали моихъ товарищей, такъ какъ я самъ не участвовалъ въ этомъ бою. Я, правда, страдалъ, и страдалъ много, но мои страданія не могли быть такъ сильны и остры, какъ у тѣхъ, которые пережили минуты 12-го октября. Еслибы я проѣзжалъ это поле одинъ, вѣроятно, я страдалъ бы еще

меньше, такъ какъ сильныя страданія кругомъ меня до нѣкоторой степени захватывали и меня, какъ члена этой страдающей семьи, заставляли меня волноваться и быть впечатлительнѣе и нервнѣе. Но и меня это гнетущее, тяжелое состояніе духа заставляло стараться поскорѣе оставить эти мѣста, не для того, чтобы разсѣяться, нѣтъ,—эти страданія были слишкомъ дороги, чтобы съ ними можно было разстаться такимъ образомъ, — а только оттого, что все это было черезчуръ сильно, и я не могъ выносить всего того, что клокотало у меня въ груди.

Деревня Горный Дубнякъ лежала въ сторонѣ отъ шоссе, въ оврагѣ; по обѣимъ же сторонамъ шоссе были построены два редута, одинъ очень большой по правую сторону, если идти отъ Плевны, шагахъ въ ста пятидесяти отъ шоссе, другой небольшой по лѣвую сторону шоссе, шагахъ въ пятидесяти отъ послѣдняго. Этотъ маленькій редутъ взяли съ налета молодцы Гренадеры, но дальше не могли идти, вслѣдствіе сильныхъ потерь, которыя они понесли въ это время и принуждены были поджидать помощи отъ шедшихъ лѣвѣе ихъ Павловцевъ, а правѣе стрѣлковой бригады.

Нашъ полкъ вмѣшался въ это дѣло двоякимъ образомъ; большая часть заняла эту ближнюю дистанцію по распоряженію командующаго нашимъ полкомъ, другая же, меньшая часть, поспѣшила на помощь Гренадерамъ раньше этого распоряженія. Вышло это отъ того, что когда нашъ полкъ наступалъ, развернувшись въ двѣ линіи, къ правому флангу нашего полка подбѣжалъ генералъ Любовицкій, безъ шапки, въ разорванномъ мундирѣ, окровавленный, съ крикомъ: «Ребята, спасайте Гренадеръ.» Разстояніе до редута было уже небольшое, пули давно уже причиняли сильный вредъ и многихъ уже выбили изъ строя. Нервы уже были сильно напряжены и подобное воззваніе о помощи въ такую минуту не могло быть отвергнуто никоимъ образомъ. Роты, слышавшія эти слова, мигомъ поднялись и, также какъ и Гренадеры, не останавливаясь, заняли позиціи, около маленькаго редута и по шоссе. Перебѣжать это мѣсто было трудно: впередъ бѣжали всѣ, но до мѣста добѣжала только часть, остальная осталась на этомъ полѣ. Такъ вступили въ дѣло роты нашего праваго фланга. Остальныя роты заняли свои послѣдующія позиціи уже по приказу командующаго полкомъ, послѣ того уже, какъ генералъ Любовицкій, двинувши въ бой своими словами нашъ правый флангъ, отыскалъ нашего командующаго полкомъ у .... баталіона и обратился къ нему съ тѣми же самыми словами. Занявши такимъ образомъ позиціи, полкъ сдѣлалъ много неоднократныхъ попытокъ броситься въ аттаку, но былъ отбиваемъ страшнымъ, убійственнымъ на этомъ разстояніи, огнемъ турокъ (не болѣе ста пятидесяти шаговъ), но какъ ни тщетны казались эти попытки, онъ успѣлъ занять караулку, домъ, стоявшій у шоссе, между редутами, и канаву, пролегающую вдоль всего шоссе, и далѣе ближайшій къ редуту гребень, идущій отъ оврага. За этими предметами, сравнительно укрывав

шими солдатъ отъ огня, они могли отдохнуть, собраться съ силами и за тѣмъ завершить это дѣло блестящимъ взятіемъ редута. Съ налета многіе пробѣжали до самаго редута и укрылись въ его глубокомъ рвѣ, гдѣ и просидѣли все сраженіе, но силы ихъ были все же таки недостаточны, чтобы самимъ попытаться аттаковать турокъ, которые только благодаря нашему огню не рѣшались ихъ оттуда выгнать, но они очень много облегчили послѣднюю общую аттаку, закончившуюся взятіемъ редута. Я не указываю здѣсь на геройскіе подвиги нижнихъ чиновъ, такъ какъ ихъ преданность своему долгу, мужество, храбрость, самопожертвованіе могутъ наполнить цѣлыя страницы и будутъ приведены мною въ концѣ этихъ записокъ. Когда я осматривалъ редутъ, то всѣ трупы были уже убраны, валялись неприбранными только павшіе буйволы, лошади и быки. Среди редута находилась большая возвышенная батарея, которая однако не выполнила своего назначенія, такъ какъ представляла хорошую цѣль нашей артиллеріи, живо сбившей и заставившей замолчать непріятельскую; земля въ редутѣ была вся изрыта нашими гранатами, не смотря на то, что, какъ разсказывали, наша артиллерія стрѣляла больше шрапнелью. Редутъ самъ по себѣ не представлялъ ничего особеннаго, хотя профиль его была больше обыкновенныхъ полевыхъ укрѣпленій, но онъ вообще казался недоконченнымъ, такъ—въ немъ даже не были устроены траверсы; построенъ онъ былъ последовательно изъ ряда дерну и слоя песку, и имѣлъ широкій и глубокій ровъ. Во время боя посреди редута, были расположены шалаши и землянки для войскъ, занимавшихъ это укрѣпленіе, но они были сожжены нашею артиллеріею; въ то время, когда я разсматривалъ, оставались только вырытыя углубленія, обозначавшія ихъ мѣста. Выходъ изъ редута былъ направленъ къ сторонѣ Плевны. Съ мѣста, гдѣ былъ расположенъ редутъ, все окружающее поле было видно прекрасно и на громадное пространство. На немъ не было почти никакихъ закрытій; оно было почти совершенно ровное и только тысячи на полторы шаговъ начинался кустарникъ, но такой, который не могъ служить серьезнымъ закрытіемъ; еще далѣе шли небольшія возвышенности, на которыхъ были расположены наши батареи. Со стороны Телиша, мѣстность къ редуту шла, постепенно понижаясь, и была покрыта очень мелкимъ кустарникомъ, и за тѣмъ уже передъ самымъ редутомъ она переходила въ очень крутой оврагъ, совершенно защищенный отъ выстрѣловъ съ редута, но для его обстрѣливанія по ближайшему къ редуту гребню были устроены ложементы, въ которыхъ турки продержались, однако, очень не долго и были живо выбиты, а ложементы частью приспособлены для нашей обороны. Еще лучше былъ видъ съ возвышенной батареи, съ которой вся мѣстность была видна на нѣсколько верстъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ редута къ Плевнѣ, виднѣлись большія длинныя насыпи, съ стоящими на нихъ крестами; это были могилы нашихъ павшихъ товарищей.

Полкъ ушелъ уже далеко и я поспѣшилъ поскорѣе уѣхать съ поля, чтобы разсѣять тяжелое, гнетущее чувство, постепенно охватывавшее меня, пока я осматривалъ эти мѣста; но отдѣлаться отъ нихъ было не легко, и эти впечатлѣнія были настолько тяжелы, что, когда мы затѣмъ остановились на привалѣ у редута при деревнѣ Телишъ, передъ которымъ легло такъ много егерей, я старался заняться чаемъ, вмѣсто осмотра мѣстности. Повсюду передъ редутомъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ, и по шоссе лежали на землѣ въ большомъ количествѣ маленькія пульки отъ нашей шрапнели, которою страшно разстрѣливали турокъ 16-го числа и заставили сдаться тотъ редутъ, который такъ несчастно аттаковали егеря 12-го октября. Когда мы проходили черезъ редутъ по шоссе, пролегавшему чрезъ одинъ изъ его фасовъ, мы увидѣли большую кучу собранныхъ вмѣстѣ русскихъ гвардейскихъ погонъ; стоявшій тутъ солдатикъ-артиллеристъ, присутствовавшій при сдачѣ редута, объяснилъ, что это погоны убитыхъ и раненыхъ егерей и разсказалъ намъ о звѣрствахъ, совершенныхъ турками надъ ранеными и убитыми. Слухъ объ этомъ варварствѣ дошелъ до насъ еще во время нашей стоянки въ Дольнемъ Дубнякѣ, но теперь нервы были такъ сильно потрясены этими вновь вызванными впечатлѣніями, что слушать этотъ разсказъ было невыносимо,—я отошелъ и сѣлъ къ сторонѣ. Временами порывъ вѣтра доносилъ до меня фразы и слова этого разсказа, и я прислушивался къ нимъ противъ воли. Къ счастью, мы здѣсь простояли недолго и затѣмъ продолжали наше движеніе въ Родомірцы, куда и пришли въ десять часовъ вечера. Живо устроились мы на бивуакѣ, въ полной увѣренности, что завтра будемъ продолжать наше движеніе, но весь слѣдующій день мы простояли на мѣстѣ. Настоящей причины этой дневки я не знаю, но слухи приписывали эту остановку Осману-пашѣ, по мнѣнію однихъ, предполагавшему сдѣлать вылазку, и уже сдѣлавшему ее, по увѣреніямъ другихъ, вслѣдствіе чего, въ ожиданіи выясненія обстоятельствъ и мы были остановлены въ Радомірцахъ, а вся первая дивизія — въ Телишѣ.

Съ Радомірцъ уже намъ предстояло вступить въ болѣе гористую мѣстность; вслѣдствіе этого, движенія наши становились труднѣе и для того, чтобы нашъ обозъ не задерживалъ насъ, для офицеровъ были выданы на каждый батальонъ по три вьючныхъ лошади,—конечно, ихъ было мало на весь батальонъ, тѣмъ болѣе, что вьючныя сѣдла нельзя было сдѣлать и пригнать съ такимъ тщаніемъ, какое было необходимо для того, чтобы лошади не стирали себѣ спины; кромѣ того, всѣ лошади были уже порядочно измучены предъидущею работою, и могли поднимать только очень небольшія тяжести. Но многіе офицеры успѣли завести лично для себя вьючныхъ лошадей иословъ, на которыхъ и перетаскивали свои вещи. 4-го числа мы перешли Петровинъ, а 5-го, къ вечеру, были уже въ Яблоницахъ. Когда мы подходили къ Яблоницамъ, погода совершенно испорти-

лась, подулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, поднялась мятель и вьюга; было такъ холодно, что я ежился на сѣдлѣ, а солдаты прибавляли шагу. Въ это время насъ обогналъ генералъ Гурко, въ одномъ сюртукѣ, подпоясанномъ шарфомъ; его окружала большая свита, кутавшаяся кто въ пальто, кто въ пальто и бурку. Генералъ поздоровался съ нами и проѣхалъ впередъ въ Яблоницы.

Горы съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ становились все больше и больше, и тотчасъ за Яблоницами заканчивались громадною Драговицкою Планиною, возвышавшеюся на очень большую высоту надъ самой деревней, которая, вслѣдствіе этого, казалась лежащею въ глубокой долинѣ, не смотря на то, что въ дѣйствительности она была расположена очень высоко, и намъ за это время приходилось гораздо чаще подниматься въ горы, чѣмъ спускаться съ нихъ. Дорога, не смотря на горы, была хороша, спуски и подъемы отлоги и удобны для движенія. Безпрестанно открывались все новые и новые виды, подчасъ такіе роскошные, что невольно останавливаешься полюбоваться ими. Горы по большей части не были обработаны, какъ по причинѣ своей крутизны и трудности подъемовъ, такъ и потому, что часто были совершенно обнажены отъ земли и представляли громадныя скалы самой разнообразной формы, окрашенныя во всевозможные цвѣта; иногда, мѣстами, на горахъ виднѣлись рощи большихъ густыхъ деревьевъ; часто по обѣимъ сторонамъ дороги шелъ мелкій дубовый и буковый кустарники. Особенно красива была мѣстность у деревни Блазничево, на берегу рѣки Панеги, наполняемой въ этомъ мѣстѣ множествомъ родниковъ, бьющихъ изъ громаднаго утеса, совершенно обнаженнаго отъ всякой растительности; съ другой стороны шли не менѣе высокія, но до половины обработанныя и не столь обрывистыя горы; по утесу на верхъ турки проложили дорогу и на самой вершинѣ выстроили редутъ, одинъ изъ цѣлой линіи укрѣпленій, защищавшихъ входъ въ это ущелье и въ Балканы, но, къ несчастію для турокъ, не исполнившія своего назначенія и перешедшихъ безъ боя въ наши руки. Сама деревня, довольно большая, съ ея бѣлыми минаретами, была чрезвычайно красива и лежала по ту сторону рѣки, какъ разъ у подножія этого величественнаго утеса. Когда мы проходили мимо нея, то наше вниманіе привлекла на себя собака, съ аппетитомъ ѣвшая женскій трупъ. Попавшіеся братушки объяснили мнѣ, что это трупъ молодой турчанки, не успѣвшей выбраться изъ села одновременно съ бѣгствомъ остальныхъ турецкихъ семействъ и передъ этимъ долгое время мучившей жившихъ въ этомъ селѣ болгаръ своими непомѣрными поборами и принужденіемъ къ безплатной на нее работы. Покровительство турецкой власти спасало ее отъ мести, но ошибка, что она не бѣжала одновременно съ другими, стоила ей продолжительныхъ мученій прежде, чѣмъ изступленные болгары лишили ее жизни. Мнѣ показалось, что у братушекъ, которые сообщали мнѣ все это, у самихъ рыльце было въ пушку: съ

такимъ самодовольствомъ и съ такимъ жаромъ разсказывали они эту исторію, при чемъ другіе съ не меньшимъ вниманіемъ слѣдили за разсказомъ, поправляли и дополняли его. Замѣтивъ же, что ихъ разсказъ произвелъ на меня далеко не такое дѣйствіе, какое онъ оказывалъ на нихъ, и опасаясь, вѣроятно, расправы за это преступленіе, они постарались поскорѣе скрыться. Преслѣдовать ихъ было некогда, такъ какъ этотъ случай происходилъ во время движенія впередъ полка, почему я и долженъ былъ только любоваться ихъ ловкостью и силою, когда они поднимались по этимъ крутымъ горамъ, гдѣ вскорѣ и исчезли за скалами. Вообще физіономія братушекъ здѣсь замѣтно перемѣнилась: такіе же крѣпкіе и рослые, какъ и ихъ соплеменники, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло до Балканъ, они отличались отъ послѣднихъ болѣе гордымъ, независимымъ видомъ, и не смотрѣли, подобно тѣмъ, изъ подлобья.

6—9-го Ноября.

Шестаго, седьмаго, восьмаго и девятаго числа мы простояли въ Яблоницахъ, гдѣ въ это время расположился штабъ командующаго нашимъ отрядомъ генерала Гурко, дивизіонный штабъ графа Шувалова и бригадный. Здѣсь собралось много войскъ, тутъ стояла наша бригада, стрѣлковая бригада и 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. Время уходило на постройку укрѣпленій, при выборѣ мѣстъ, для которыхъ присутствовали всѣ баталіонные и ротные командиры. Кромѣ того, многіе офицеры старались взобраться на эту планину. Но до вершины добрались только очень немногіе, вслѣдствіе страшной крутизны и высоты этой горы. 7-го числа получено было приказаніе приступить къ постройкѣ землянокъ. Офицеры, узнавъ объ этомъ распоряженіи, были увѣрены, что мы скоро двинемся впередъ, такъ какъ приказъ о постройкѣ землянокъ, случайно или нѣтъ, но всегда приходилъ передъ началомъ движенія впередъ. Обманывали ли этимъ турокъ, вездѣ имѣвшихъ своихъ шпіоновъ, или это дѣлалось вслѣдствіе того, что обстоятельства давали возможность предполагать болѣе или менѣе продолжительную стоянку, но только съ нами случалось это уже нѣсколько разъ, и мы нисколько не сомнѣвались въ томъ, что на дняхъ отправимся далѣе. Въ этотъ же день тоже получено было извѣстіе о взятіи Карса, но ему повѣрили только, когда по этому поводу на другой день было отслужено молебствіе въ присутствіи графа Шувалова. 9-го числа приказано было нарядить отъ полка семь офицерскихъ патрулей, указали каждому конечный пунктъ и приказали изслѣдовать по этому протяженію мѣстность, забирать всѣхъ подозрительныхъ людей и составить кроки пройденному пути, слѣдовать же къ назначеннымъ пунктамъ не по дорогамъ, а прямо по горамъ. Въ число этихъ офицеровъ попалъ и я.

Мы всѣ имѣли компасы, и это путешествіе было бы не трудно, еслибы только не горы, характеръ которыхъ въ этомъ мѣстѣ много перемѣнился и

принялъ совершенно дикій и мрачный колоритъ. Но виды за то были такіе, что не хотѣлось и уходить. Впереди насъ все время высились громадныя бѣлыя вершины, стоявшія все впереди, на какую бы высоту мы тутъ не поднимались. Глубокія долины съ расположенными въ нихъ селами, глядя на которыя сверху кружилась голова; тропинки, едва доступныя для пѣшеходовъ, вьющіяся надъ страшными пропастями съ одной стороны и громадными каменными стѣнами съ другой,—все это было такъ хорошо и ново, что, несмотря на холодную дождливую погоду, я позабывалъ объ усталости и боли и былъ очень доволенъ, что на меня пришелся этотъ нарядъ. О прямой дорогѣ нечего было и думать, можно было пользоваться только тропинками, но и тѣ подчасъ проходили надъ такими безднами, что не всегда были удобны для движенія.

Вернулись мы всѣ уже поздно, къ вечеру, измученные, усталые, разбитые, не найдя, конечно никого, такъ какъ всегда было очень легко спрятаться за этими камнями и въ пещерахъ, о которыхъ мы не имѣли и понятія. Посылка этихъ патрулей была вызвана тѣмъ, что третьяго дня два стрѣлка, шатаясь по горамъ, наткнулись на пять человѣкъ вооруженныхъ турокъ, въ очень не далекомъ разстояніи отъ нашего бивуака, вступили съ ними въ схватку, прогнали ихъ и принесли ружье, брошенное однимъ раненымъ туркомъ; влѣдствіе этого и было приказано ежедневно наряжать патрули, подъ командою офицеровъ, поочередно отъ Финляндскаго и нашего полковъ.

10 и 11-то Ноября.

Но мнѣ все же-таки эта прогулка не обошлась даромъ,—я сильно простудился и ночью у меня сдѣлалась лихорадка, а утромъ мы выступали и должны были идти въ резервѣ за колоннами, аттакующими Правецъ и Этрополь. Мнѣ предлагали лечь въ фургонъ, но я на эту мѣру не могъ рѣшиться, и хотѣлъ лучше черезъ силу идти или ѣхать, чѣмъ оставить свой батальонъ, который легко могъ уйти безъ меня въ бой. Было очень холодно и сыро. Ѣхать верхомъ въ такую погоду при лихорадкѣ было невозможно, сойдешь съ лошади и попробуешь идти пѣшкомъ, но ноги подкашиваются и нѣтъ силы ихъ передвигать. Я попросилъ двухъ солдатиковъ поддерживать меня съ двухъ сторонъ, и такимъ образомъ, съ ихъ помощью, кое-какъ разошелся и добрелъ до пересѣченія шоссе съ дорогою въ Големый Болгарскій Изворъ, гдѣ мы должны были оставаться впредь до особаго приказанія; намъ не позволили развести костры и разбить палатки, чтобы кое-какъ прикрыться отъ холода и вѣтра. Мнѣ кто-то одолжилъ конецъ своей бурки и я легъ на него. Но холодъ былъ страшный, я дрожалъ, лихорадка стала усиливаться, и пароксизмы стали повторяться все чаще и чаще; я съ ужасомъ думалъ, что

если моя болѣзнь будетъ такъ усиливаться,—я буду принужденъ оставить полкъ, да въ добавокъ еще въ такой моментъ, когда батальонъ мой можетъ уйти въ первую линію. Наконецъ получили позволеніе развести костры, и это уже было большое облегченіе, не смотря на то, что грѣться около нихъ было нельзя,—сырыя дрова плохо горѣли, дымили и недавали никакой теплоты, но за то можно было согрѣть воды въ чайникахъ и напиться чего нибудь горячаго. Сахаръ и чай я держалъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ, и первый у насъ уже нѣсколько дней какъ вышелъ, не смотря на чрезвычайно экономный его расходъ; занять же его у кого нибудь тоже было невозможно, такъ какъ всѣ находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и мы.

Но чай, хотя и пропитанный дымомъ и безъ сахару, оказалъ мнѣ большую пользу, согрѣвъ меня хотя на нѣкоторое время. Выпить же больше одного стакана чаю было невозможно, такъ какъ онъ былъ противенъ. Доктора, по приказанію командира полка, уѣхали впередъ на позицію для того, чтобы открыть тамъ перевязочные пункты или присоединиться для помощи къ открытымъ уже. Позванный мною фельдшеръ далъ мнѣ пріемъ хины, но слабый и нисколько не уменьшившій лихорадки, и безъ доктора не рѣшался дать двойной порціи.

Всѣ скучали не меньше моего и не знали, какъ убить время. Кто-то крикнулъ, что ведутъ плѣннаго турка, всѣ мы бросились его смотрѣть,—турокъ былъ какъ турокъ, особеннаго ничего не было, провожатые сами ничего не знаютъ, и всѣ возвращаются на оставленныя мѣста. Проѣдетъ казакъ, толпа его сейчасъ же остановитъ и начнетъ разспрашивать. Казакъ хотя иногда ѣдетъ съ позиціи, но обыкновенно ничего не знаетъ, его отпускаютъ, и снова съ нетерпѣніемъ ждутъ какихъ-либо новостей.

Въ третьемъ часу пришло приказаніе, чтобы одинъ изъ полковъ шелъ впередъ на позицію.

Очередь была за Финляндскимъ полкомъ, онъ и отправился. Въ седьмомъ часу пришло приказаніе, чтобы мы остались на ночь на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли. Чрезъ четверть часа я уже лежалъ въ палаткѣ, укрывшись всѣмъ, чѣмъ только было можно. Къ этому же времени нашъ полковникъ, завѣдывающій хозяйствомъ, досталъ какимъ-то образомъ и откуда-то сахаръ и привезъ его намъ. Теперь, съ сахаромъ, чай уже не былъ такъ противенъ, и вмѣстѣ съ новымъ пріемомъ хины, сдѣлалъ свое дѣло. Лихорадка къ утру уменьшилась. Мы простояли здѣсь цѣлое утро, и только къ вечеру подвинулись еще версты на четыре или на пять впередъ къ деревнѣ Ушковицы. Что за губительный климатъ въ этихъ мѣстахъ: жара и холодъ мѣняются здѣсь такъ часто, что не мудрено, что неожиданно утромъ просыпаешься въ страшнѣйшей лихорадкѣ. Такъ, очень сильный холодъ вчерашняго дня—сегодня утромъ смѣнился такою жарою, какая бываетъ у насъ лѣтомъ. Было очень тяжело идти въ пальто,

но не успѣли мы придти на мѣсто и нѣсколько пообсохнуть, какъ погода къ вечеру опять страшно измѣнилась, подулъ холодный, сырой, рѣзкій вѣтеръ, и хотя было еще рано смеркаться, но наступила такая темнота, что въ двадцати пяти шагахъ не было видно другъ друга. Это не былъ туманъ, — послѣдній никогда не бываетъ до такой степени плотнымъ и чистымъ,—и мы предположили, что вѣроятно это опустившееся облако. Бѣлье и платье наше было еще совершенно сырое и не успѣло еще высохнуть послѣ этого перехода, поэтому не мудрено, что сильный холодъ былъ еще болѣе чувствителенъ для насъ, и мы всѣ ходили насупившись, покуда не получили позволенія разбить палатки, въ которыхъ хоть сколько нибудь можно было укрыться отъ непогоды; послѣднее же позволеніе дано было по полученіи парольнаго приказанія, которое привезли только въ десятомъ часу вечера. Но за то откуда-то прошелъ слухъ, что около трехъ тысячъ турокъ изъ Плевны, съ оружіемъ въ рукахъ, передались намъ; не зная источниковъ, откуда пошелъ этотъ слухъ, наши ему плохо вѣрили: но за то, вслѣдъ за этимъ, узнали уже несомнѣнную новость: наши заняли Правецъ, съ очень незначительными потерями; удачу приписывали особенно нашимъ девяти-фунтовкамъ, которыя были втащены на страшныя высоты на рукахъ, и сдѣлали то, чего не могли сдѣлать четырехъ-фунтовки, именно—обстрѣляли лежащіе на большомъ разстояніи турецкіе редуты, чрезвычайно сильные по своему положенію. Зашедшая уже въ тылъ къ нимъ наша пѣхота приняла на себя въ безпорядкѣ отступавшихъ турокъ и сильно ихъ здѣсь побила; болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній не было, говорили только, что тамъ мѣстность еще круче, выше, обрывистѣе и что это маневрированіе, закончившееся нашею побѣдою, было колоссальною борьбою нашего войска съ природою, въ продолженіи двухъ дней. До нѣкоторой степени я могъ судить объ этомъ движеніи, сравнивая его съ моимъ путешествіемъ съ патрулемъ къ Болгарскому Извору, мѣстностъ около котораго я уже описалъ раньше, указывая особенно на страшную дикость горъ, но мѣстность все же-таки была удалена отъ вершины значительно больше, чѣмъ Правецъ и Этрополь,—какова же она должна была быть тамъ, около указанныхъ пунктовъ, если уже тамъ было почти невозможно двигаться, не пользуясь тропинками; я говорю п о ч т и, потому что прежде думалъ, а теперь окончательно убѣдился въ томъ, что еслибы только серьезно приказали пройти тамъ, то мы бы прошли, не смотря ни на какія трудности. Я умалчиваю, при этомъ, о времени, въ которое можно было бы пройдти одну версту, о потеряхъ которыя были бы слѣдствіемъ этого безобразно труднаго движенія; эти вопросы приходится рѣшать не намъ, а тѣмъ, кто нами командуетъ, но что солдаты исполнили бы то, что имъ приказано, въ этомъ нельзя было и сомнѣваться; въ нашихъ войскахъ крѣпко вкоренилась увѣренность въ свое начальство и необходимость безусловнаго ему подчиненія—качества, кото-

рыя всегда давали возможность предпріимчивому начальнику дѣлать съ русскими солдатами то, на что не рѣшались бы другіе начальники съ другими войсками, ничуть не уступавшими нашимъ въ храбрости.

О дѣйствіяхъ Этропольской колонны ничего не было извѣстно. Успѣла ли она или нѣтъ, но, судя по всему, если ея движеніе и не увѣнчалось такимъ же блестящимъ успѣхомъ, какъ въ Правецкой колоннѣ, то все же-таки ея дѣла шли не очень плохо; это прямо слѣдовало изъ того, что о насъ совсѣмъ позабыли и не требовали на помощь.

12—16-го Ноября.

12-го Ноября утромъ меня позвали къ командующему полкомъ, который и поручилъ мнѣ розыскать дивизіонный или отрядный штабъ и получить приказанія о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для полка. Для этого нужно было ѣхать въ Правецъ или Этрополь, такъ какъ никто не зналъ, гдѣ помѣщаются въ настоящее время эти штабы. Въ Правецъ шло шоссе, которое дѣлало безпрерывные повороты, для обхода чрезвычайно большихъ и крутыхъ горъ. Мѣстами шоссе состояло на половину изъ присыпной земли, сдерживаемой толстыми бревнами, мѣстами дорога была вырублена въ скалахъ. Вдали на страшной высотѣ высились большія насыпи—турецкіе редуты; брать ихъ съ фронта нечего было и думать,— до такой степени эти подъемы были круты и высоки. Само селеніе Правецъ было расположено въ небольшой долинѣ, образуемой полувысохшимъ, въ это время, горнымъ ручейкомъ. Въ деревню я не заѣзжалъ, такъ какъ встрѣтилъ командира гусарскаго полка и отъ него узналъ, что графа Шувалова здѣсь нѣтъ, и что такъ какъ Этрополь уже взятъ нами, то, вѣроятно, я его найду тамъ, штабъ же генерала Гурко навѣрно уже въ этомъ городѣ. Горная дорога изъ Правецъ въ Этрополь шла мѣстами по долинѣ этого ручья, мѣстами прямо по его руслу, по ней уже были разставлены гусарскіе станціи для передачи приказаній.

Сбиться тутъ было невозможно, потому что это былъ единственный путь, по которому могла идти лошадь,—кругомъ возвышались страшныя горы и само русло было далеко не ровное и очень часто переходило то въ крутой и очень большой обрывъ, то также круто и обрывисто поднималось вверхъ, иногда эта дорога переходила въ тропинку и становилась такою узкою, что лошадь не могла пройдти, и приходилось безпрестанно искать объѣздовъ. На мое несчастье, по этой же дорогѣ шелъ Финляндскій полкъ, тащившій орудія. Растянулся послѣдній страшно, да это и не могло быть иначе, такъ какъ дорога была на столько трудна, что часто на прохожденіе вмѣстѣ съ орудіями нѣсколькихъ саженъ уходили цѣлые часы. Выступивъ въ шесть часовъ утра, голова этой колонны пришла въ Этрополь въ восьмомъ часу вечера. Конечно, ихъ сильно задерживали орудія, безъ которыхъ они

давно уже были бы въ Этрополѣ, но, въ свою очередь, они задержали меня, и я только одновременно съ головою этой колонны подъѣхалъ къ городу. Здѣсь мнѣ впервые пришлось видѣть, что значитъ тащить орудія. Это было нисколько не легче того, какъ я шелъ по Румыніи съ телѣгами, но здѣсь къ страшной грязи прибавлялись еще горы и ужасная, подчасъ невозможная дорога. Лошади часто не могли ничѣмъ помочь людямъ при протаскиваніи орудій въ какомъ нибудь узкомъ обрывистомъ мѣстѣ, ихъ приходилось выпрягать и вытаскивать тяжелое орудіе на уступъ на рукахъ, съ опасностью спустить его въ оврагъ. Уставали и лошади, и люди, работающіе съ самаго утра, и солдаты только время отъ времени подходили отдохнуть на нѣсколько минутъ къ разложеннымъ уже по всей дорогѣ кострамъ, около которыхъ составлялись въ козлы ихъ ружья. Движеніе идетъ безъ остановки, тутъ уже не дѣлается ни большихъ, ни малыхъ приваловъ, каждый отдыхаетъ только по нѣсколько минутъ, когда, вытащенное совмѣстными усиліями десятка или двухъ солдатъ, орудіе пойдетъ по дорогѣ и затѣмъ снова остановится, задержанное другимъ орудіемъ, застрявшимъ въ какой нибудь новой ямѣ или косогорѣ. Здѣсь уже нѣтъ ни варки или какой нибудь горячей ѣды, солдаты довольствуются однимъ сухаремъ, если только они его не съѣли раньше, да еще кой-когда наскоро выпитымъ стаканомъ чаю. Та же пища и у офицеровъ. А придутъ они на бивуакъ, ночью, трудно искать дровъ, и приходится мокрому, голодному и холодному ложиться прямо въ грязь. Счастье еще что вы устали тутъ такъ, что вамъ нѣтъ и времени особенно раздумывать объ этихъ неудобствахъ и отъ души радуетесь, что наконецъ-то вы добрались до мѣста, вы живо укладываетесь, и еще скорѣе засыпаете, и только на другой день соображаете, при какихъ условіяхъ вы провели эту ночь. Но бѣда уже прошла, вы отдохнули, и она вамъ кажется не такою страшною, и вы миритесь съ нею. Подъѣзжая къ городу уже почти ночью, я встрѣтилъ казака, который и проводилъ меня въ штабъ графа Шувалова. Пріѣхалъ я весьма кстати, такъ какъ уже готовилось приказаніе нашему полку идти въ Этрополь. Но такъ какъ экстреннаго ничего не было, то я могъ здѣсь переночевать. Я уже располагалъ провести кое-какъ эту ночь вмѣстѣ съ ординарцами графа Шувалова, когда меня позвали къ нашему бригадному командиру, пріѣхавшему сегодня въ Этрополь. Онъ остановился у генерала Сиверса. Когда я явился къ нему, онъ отдалъ мнѣ свои распоряженія и предложилъ мнѣ переночевать у него, приказалъ принести сѣна и предложилъ пальто, которое было очень кстати, такъ какъ я зналъ, что къ утру въ комнатѣ будетъ холодно. Здѣсь онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторыя подробности о дѣлѣ при Правцахъ, гдѣ онъ самъ участвовалъ вмѣстѣ съ Финляндскимъ полкомъ. Генералъ Гурко отдалъ ему сначала приказаніе, чтобы орудія, находящіяся при полку, были втащены на эти горы волами втеченіи нѣсколькихъ дней. Но такъ какъ воловъ найдти въ достаточномъ количествѣ было очень трудно, да къ тому же они и не

могли доставить всей пользы, которой отъ нихъ ожидали, вслѣдствіе страшно крутыхъ подъемовъ на гору, то, по приказу бригаднаго командира, руководившаго этимъ движеніемъ, въ орудія впряглись люди и втащили въ горы скорѣе, чѣмъ это можно было ожидать. Совершенно неожиданная стрѣльба съ высотъ, которыя турки считали неприступными, много помогло въ дѣлѣ при Правцахъ.

Утромъ въ Этропольскомъ соборѣ, въ присутствіи генерала Гурко и всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ это время въ Этрополѣ, была отслужена торжественная литургія, послѣ которой болгарскій проповѣдникъ при штабѣ генерала Гурко, сказалъ рѣчь къ собравшимся болгарамъ, въ которой объяснилъ настоящее положеніе дѣлъ и приглашалъ жителей содѣйствовать русскимъ по мѣрѣ возможности. Я получилъ приказаніе быть готовымъ къ восьми часамъ утра, но бумаги меня задержали до окончанія обѣдни; не смотря на это, я не могъ отлучиться далеко отъ штаба и лично присутствовать на литургіи, вслѣдствіе чего сообщаю только то, что слышалъ отъ возвратившихся офицеровъ. Городъ почти не былъ раззоренъ, какъ объяснили, потому, что любимая супруга настоящаго султана была родомъ изъ этого города, славившагося какъ извѣстно изъ описаній древнихъ греческихъ писателей, красотою своихъ женщинъ и ихъ разгульнымъ образомъ жизни, отъ того городъ и получилъ свое названіе γετερα πολις. Турки, уходя изъ города, захватили только нѣсколько священниковъ и именитыхъ гражданъ, которыхъ и увели съ собою въ видѣ аманатовъ.

Возвращеніе мое назадъ было очень непріятное, благодаря снова рѣзко перемѣнившейся погодѣ, которая какъ хороша была утромъ, такъ отвратительна была теперь,—дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, снѣгъ шелъ громадными хлопьями, холодно было до такой степени, что коченѣли и руки, и ноги; дорога была страшно грязная, да къ тому же не знакомая, такъ какъ я теперь уже возвращался по прямой дорогѣ, пролегавшей по долинѣ Малаго Искера; по этой же дорогѣ наступала наша Этропольская колонна. Не смотря на то, что я ѣхалъ очень скоро, было до такой степени холодно, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погрѣться у костра, разложеннаго нѣсколькими солдатами Преображенскаго полка, гнавшими скотъ въ свой полкъ. Сюда же завернуло и болгарское семейство, состоявшее изъ молодой матери съ четырьмя маленькими дѣвочками, старшей было не больше семи, восьми лѣтъ, и молодаго малаго лѣтъ двадцати пяти. Всѣ они были въ страшныхъ лохмотьяхъ, нисколько не прикрывавшихъ ихъ отъ холода. Всѣ посторонились и дали имъ мѣсто, но женщина долго не рѣшалась подойдти къ костру и остановилась сначала въ сторонѣ, и только послѣ настоятельныхъ приглашеній посадила ребятъ на подложенныя для нихъ дрова. Видя, съ какимъ жаднымъ взглядомъ слѣдили дѣвочки за тѣмъ, какъ солдаты ѣли сухари, солдаты предложили ихъ и дѣтямъ и старшимъ; вскорѣ завязался разговоръ, и женщина стала жаловаться на свою

судьбу. Жила она съ мужемъ, около Этрополя, въ небольшомъ селѣ, жила не богато и не бѣдно, были, правда, поборы и притѣсненія, но къ нимъ уже привыкли, да къ тому же богатая природа съ избыткомъ вознаграждала то, что брали у нихъ силою, стоило только трудиться, не разгибая спины и тогда можно было удовлетворить своимъ ограниченнымъ потребностямъ. Слыхали они о лучшей жизни, гдѣ уважаются жизнь, честь и собственность каждаго, гдѣ проступки и преступленія наказываются, хотѣлось и имъ пожить также, какъ живутъ въ другихъ странахъ. Молодежь стала жаловаться; но старики ихъ останавливали, зная по опыту, что добиться этой новой лучшей жизни не легко, что это стремленіе, если не удастся, повлечетъ за собою новыя угнетенія и даже смерть, и молодежъ ихъ слушалась и первое время сдерживалась. Но послѣдніе годы ихъ жизнь обратилась въ каторгу, турки отбирали у нихъ даже хлѣбъ, и били ихъ, если они не могли имъ дать того, чего отъ нихъ требовали, а эти требованія становились ужасны, ихъ нельзя было удовлетворить при всемъ желаніи. Селянамъ приходилось уже не въ моготу, да уже и старики ихъ болѣе не удерживали, и всѣ разбѣжались, кто куда могъ. Они тоже бѣжали, захвативъ съ собою только самое необходимое, но бѣжали на встрѣчу русскимъ, голодъ заставилъ ихъ снова вернуться въ свои родныя горы и прятаться въ нихъ до времени. Теперь, услыхавъ, что русскіе заняли ихъ село, они возвращаются назадъ къ себѣ. Одна дѣвочка заплакала, ей огонь сильно нагрѣлъ колѣнку, но она не догадалась отодвинуться; я взялъ дѣвочку и посадилъ ее подальше отъ костра; женщина замолчала и стала укутывать своего младшаго ребенка, котораго она все время держала на рукахъ. Я подумалъ, что дѣйствительно эта новая жизнь не легка,—вотъ и теперь, полуголыя, они полторы версты шли три часа, въ этотъ страшный холодъ, и сколько еще переиспытаютъ, пока доберутся до села, да и тамъ найдутъ ли они свою хату, не сожжена ли она уже на дрова турками или нами же русскими, на которыхъ они такъ много возлагали надеждъ, и сколько еще горя сулитъ имъ зима и весна, гдѣ достанутъ сѣмена, и вотъ тогда-то, во время повсемѣстнаго голода и бѣдствія, откуда придетъ имъ помощь...

Простившись съ солдатами, я снова продолжалъ свою дорогу. Въ полку меня ждали съ нетерпѣніемъ, опасались, не попалъ ли я въ руки турокъ, да и наконецъ отъ меня можно было узнать новости. Даже и тѣ немногія, которыя я привезъ, мнѣ пришлось разсказывать по нѣсколько разъ. Въ свою очередь, я узналъ, что вчера, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, двѣ роты съ баталіоннымъ командиромъ ходили въ Правецъ конвоировать артиллерію и что мнѣ уже не приходится жаловаться на свою судьбу, такъ какъ они принуждены были остаться тамъ ночевать, въ этой сырой долинѣ, и что офицеры, благополучно заснувъ на землѣ, въ повалку, въ одной палаткѣ, вскорѣ проснулись въ цѣлой лужѣ воды и та-

кимъ образомъ, не спавъ ночью, совершенно мокрыми вернулись сюда назадъ сегодня, не задолго до моего прибытія. Меня тоже промочилъ дождъ насквозь и я отправился поскорѣе перемѣнить бѣлье. Жившій со мною офицеръ ушелъ и я одинъ съ трудомъ скороталъ эти нѣсколько часовъ. Скверная погода нагоняла еще большую тоску и я отъ души пожалѣлъ, въ первый разъ, зачѣмъ отдалъ въ Боготѣ взятую мною изъ Петербурга книгу одному моему раненому товарищу. Не менѣе скучно прошло и утро. Правда, было получено приказаніе, чтобы двѣ роты заняли лежащій впереди нашего бивуака редутъ, мой сожитель командовалъ одною изъ этихъ ротъ, и, устраивая ее на новомъ мѣстѣ, открылъ большую землянку, вырытую стоявшими здѣсь раньше турками. Возвратясь, онъ такъ живописно описывалъ ея достоинства, что соблазнилъ меня перебраться въ нее.

Въ землянкѣ особеннаго не было ничего, но она была очень просторна и, въ ней, если развести огонь въ устроенномъ для этого очагѣ, было очень тепло; послѣднее-то обстоятельство, при холодѣ и дождѣ въ полѣ, смѣло можно было поставить въ число главныхъ условій, которыми можно было соблазнить хоть кого.

Осмотрѣвъ ее, мы рѣшили, что не только сами переберемся сюда, но что даже устроимъ у себя обѣдъ и вечеръ. Живо разосланы приглашенія и заказанъ обѣдъ. Но вечеру не суждено было состояться, конечно, не вслѣдствіе недостатка гостей, да и самый обѣдъ, мы кончили торопясь...

Въ пять часовъ мы выступили въ Этрополь. Мнѣ, какъ уже до нѣкоторой степени знакомому съ дорогою, пришлось замѣнить проводника, котораго невозможно было достать въ этой мѣстности. Холодъ былъ страшный, дорога отвратительная: грязь, горы, ущелья, броды—все это такъ затрудняло наше движеніе, что мы только въ первомъ часу ночи пришли на бивуакъ. Первая половина дороги прошла еще кое-какъ незамѣтно, благодаря пущенной кѣмъ-то уткѣ, будто бы генералъ Овандеръ объявилъ сегодня своимъ артиллеристамъ, и что даже сегодня вечеромъ отдадутъ объ этомъ въ приказѣ, что будто бы Плевна сдалась и Османъ-паша задавился или застрѣлился, что въ Плевнѣ сильная зараза и что русскимъ войскамъ запрещено вступить въ городъ. Мы боялись этому вѣрить, такъ же какъ и не вѣрить, тѣмъ болѣе, что этого паденія мы ждали съ нетерпѣніемъ. На всякій случай командующій полкомъ рѣшился спросить объ этомъ генерала Овандера, замѣшаннаго въ этомъ разсказѣ, тѣмъ болѣе, что мы догнали послѣдняго въ то время, какъ онъ переправлялъ свой обозъ черезъ одно опасное ущелье. Какъ и слѣдовало ожидать, генералъ отвѣчалъ, что онъ ничего подобнаго не только не говорилъ, но и не слышалъ. Вторая половина дороги была самая отвратительная. Выйдя изъ ущелья, мы попали въ долину, въ которой распо-

ложенъ Этрополь; здѣсь была страшная грязь и намъ пришлось въ ней долго помучиться, покуда насъ отыскалъ нашъ жолонерный офицеръ, заблаговременно высланный для того, чтобы пріискать для полка мѣста бивуака. Подлѣ стоялъ Финляндскій полкъ, солдаты сбѣгали туда занять дровъ, такъ какъ искать ихъ ночью было негдѣ, и затѣмъ, вырывъ себѣ на двухъ, на трехъ человѣкъ, во всю длину человѣческаго роста, ямы въ промерзшей и покрытой сверху снѣгомъ землѣ, завалились въ нихъ, укрывшись сверху палатками.

Но не судьба была нашимъ непріятностямъ окончиться съ приходомъ на бивуакъ: оказалось, что почти всѣ офицерскія вьючныя лошади съ нашими вещами и палатками остались такъ далеко назади, что нечего было и разсчитывать на ихъ скорый приходъ. Кромѣ того, у многихъ даже возникла мысль, не потеряемъ ли мы совсѣмъ тутъ наши небольшія пожитки, такъ какъ часть деньщиковъ, бывшихъ при лошадяхъ, оставили послѣднихъ, а сами отправились догонять полкъ, и вотъ они-то и смущали насъ разсказами, что та или другая лошадь упала, и, не смотря на всѣ усилія, не встаетъ, и что конюхи въ полномъ отчаяніи, не зная, что съ ними дѣлать. Благодаря этимъ разсказамъ, надежда уснуть въ палаткахъ уже пропала и каждый старался только какъ можно удобнѣе примоститься къ костру, но это не удавалось отъ страшнаго холода: то промоченныя мокрыя ноги, въ рваныхъ дырявыхъ сапогахъ, такъ сильно станутъ мерзнуть, что во чтобы то ни стало нужно перемѣнить положеніе, чтобы пододвинуть ихъ къ костру, а ляжешь такъ—смотришь, черезъ нѣсколько времени или бокъ, на которомъ лежишь, промокъ насквозь, или же сильный, рѣзкій вѣтеръ такъ пронизываетъ васъ, что нужно опять отыскивать новое положеніе.

Только страшно сильное утомленіе наконецъ превозмогало всѣ эти неудобства, и мы засыпаемъ крѣпкимъ сномъ на нѣсколько минутъ, чтобы затѣмъ холодъ опять поднялъ насъ на ноги.

Только къ очень немногимъ офицерамъ подошли палатки, и въ нихъ тотчасъ же набралось столько офицеровъ, сколько онѣ могли помѣстить, но такихъ счастливцевъ, какъ я уже сказалъ, было немного, и мы всѣ съ командующимъ полкомъ проспали эту ночь тякимъ образомъ у костровъ, а къ утру представляли изъ себя снѣжные сугробы вокругъ потухающихъ костровъ.

Къ утру съ трудомъ подошли наши вьюки и мы тогда только стали устраиваться, такъ какъ было извѣстно, что мы сегодня не пойдемъ дальше; но мнѣ заняться этимъ дѣломъ не удалось, такъ какъ пришлось вести въ городъ команду изъ солдатъ, желавшихъ себѣ что-либо купить. Отправились мы, т. е. я и моя команда, съ самыми радужными надеждами сдѣлать тамъ кой-какія покупки, главнымъ образомъ хлѣба и чего нибудь съѣстнаго, но исходили мы этотъ маленькій городишко вдоль и

поперегъ, шныряли и по главной улицѣ, и по закоулкамъ, заглядывали въ дома, въ амбары, но не нашли ровно ничего; правда, въ одномъ мѣстѣ продавали немного сыру, и довольно вкуснаго, охотниковъ на него нашлось много, но болгаринъ не могъ размѣнять денегъ; въ другомъ мѣстѣ продали хлѣбъ, небольшія лепешки, три на франкъ, но опять таки въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что большинству пришлось удовольствоваться ожиданіемъ передъ этою лавкою. При этомъ рысканьѣ по городу, мы нашли нѣсколько домовъ съ запертыми на замокъ и скованными желѣзомъ дверями; оказалось, что это оставленные турками запасы съ мукою и сухарями и т. п. Вдали гдѣ-то все время слышалась стрѣльба. Нѣсколько человѣкъ братушекъ, собравшись кучкою, напряженно прислушивались къ ней, но мы, занятые нашими поисками, не особенно интересовались ею. Боясь запоздать, такъ какъ нашъ бивуакъ стоялъ далеко отъ города, и убѣдившись въ томъ, что здѣсь уже мы ничего болѣе не достанемъ, мы отправились въ обратный путь.

Безъ меня не только разбили палатку, но даже вырыли внутри землю, такъ что въ ней уже можно было стоять и сидѣть, не поджимая ноги, по турецкому обычаю, а по европейски, однимъ словомъ, если бы только не сильный холодъ и грязь въ этой палаткѣ, то она представляла бы очень комфортабельный и уютный уголокъ.

17-го Ноября.

17-го утромъ мы узнали, что наши сосѣди Финляндцы ушли ночью; сдѣлалось это извѣстно, главнымъ образомъ, по шуму въ нашемъ полку, такъ какъ солдатики массами бѣгали въ оставленный бивуакъ за сѣномъ, соломою и дровами. Вчера ночью, съ парольнымъ приказаніемъ, у насъ былъ полученъ приказъ генерала Гурко о движеніи по горамъ вмѣстѣ съ артиллеріею, каждое орудіе прикомандировывалось къ ротѣ вмѣстѣ съ своимъ зряднымъ ящикомъ, при чемъ при движеніи полуроты должны были чередоваться,—одна везла раньше орудіе, другая зарядный ящикъ, а потомъ на оборотъ. Всякое движеніе должно было начинаться очень рано утромъ, покуда еще было темно и оканчивалось потомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заставала ночь; въ этомъ же самомъ порядкѣ, какъ шли, они должны были располагаться на ночь, на бивуакѣ, и за тѣмъ до свѣта начинать снова свое движеніе. Для обезпеченія отъ внезапныхъ нечаянныхъ нападеній небольшихъ непріятельскихъ партій, на фланги приказано было высылать патрули. Этотъ приказъ на большую часть офицеровъ произвелъ пріятное впечатлѣніе. Такого рода распоряженіе было самое лучшее, такъ какъ оно значительно облегчало самое движеніе тѣмъ, что давало каждой ротѣ возможность двигаться до нѣкоторой степени самостоятельно и не стѣсняться движеніемъ другихъ ротъ.

Правда, для офицеровъ этотъ приказъ вызвалъ маленькія неудобства, потому что кухни въ батальонахъ были общія и въ одной палаткѣ, или вслѣдствіе недостатка послѣднихъ, или вслѣдствіе общаго хозяйства, жили офицеры разныхъ ротъ, а здѣсь приходилось дѣлиться на партіи, но это неудобство было временное, а выгоды этого движенія были такъ чувствительны, что на это неудобство нечего было и обращать вниманія. Сегодня пришла моя очередь ѣхать за парольнымъ приказаніемъ, обыкновенно приходившаяся на четвертый или третій день. Отправился я рано и заѣхалъ въ городъ на задній караулъ; здѣсь я нашелъ уже кучу офицеровъ стоявшаго около соннаго города Егерьскаго полка, они были сильно заняты новостью, будто одинъ изъ нашихъ полковъ, производя рекогносцировку, забрался на страшно высокія горы, но вслѣдствіе какихъ-то причинъ не занялъ ихъ и ушелъ обратно, что турки воспользовались ихъ отсутствіемъ и за ночь устроили тамъ укрѣпленія, которыя теперь и останавливаютъ наше движеніе впередъ.

Долго отыскивалъ я штабъ генерала Гурко въ этомъ лабиринтѣ улицъ и переулковъ, которыми отличаются всѣ восточные города, а городъ Этрополь, кажется, преимущественно передъ другими. Наконецъ, какой-то солдатъ указалъ мнѣ домъ. Пробравшись по двору, между телѣгами и разнымъ домашнимъ хламомъ, я отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Она была наполнена офицерами, сидящими во всевозможныхъ позахъ,— кто писалъ, кто разбиралъ бумаги. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ генерала Гурко верхомъ на скамейкѣ, диктующаго ровнымъ голосомъ что-то генералу Нагловскому и въ промежутки что-то весело насвистывающаго. Лобъ генерала Гурко былъ нахмуренъ, но на его серьезномъ лицѣ нельзя было прочесть ничего, кромѣ полнаго спокойствія. Я засмотрѣлся на него, стараясь запомнить черты его лица, и только тогда пришелъ въ себя, когда одинъ изъ его адъютантовъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: что мнѣ нужно. Я объяснилъ зачѣмъ пріѣхалъ и онъ приказалъ казаку проводить меня въ избу, въ которой обыкновенно дожидались офицеры, пріѣхавшіе за парольнымъ приказаніемъ.

Кстати здѣсь приведу одинъ случай, разсказанный мнѣ однимъ лицомъ, имѣвшимъ свободный входъ къ генералу во всякое время. Поздно ночью заходитъ онъ разъ къ генералу, кругомъ всѣ давно уже спятъ. Не спалъ только одинъ генералъ; погруженный въ чтеніе какой-то книги, онъ не замѣтилъ вошедшаго и послѣднему пришлось подождать и затѣмъ уже отвлечь генерала отъ чтенія. Переговоривши съ генераломъ, онъ ушелъ, но передъ уходомъ ему удалось удовлетворить свое любопытство и посмотрѣть книгу, которую онъ читалъ въ этотъ поздній часъ, не смотря на страшную усталость. Это было одно изъ наиболѣе знаменитыхъ сочиненій по военной исторіи. Вотъ чему генералъ Гурко удѣлялъ минуты своего сна и отдыха!

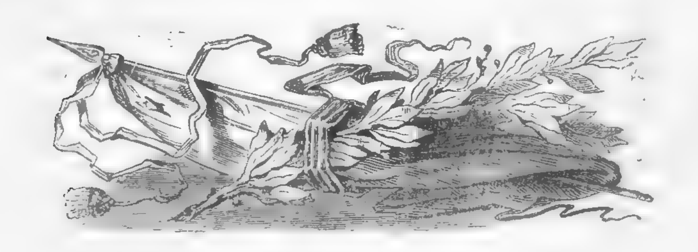
У генерала Гурко ждать мнѣ пришлось очень долго въ страшно натопленной комнатѣ, въ которой тутъ же сидѣло болгарское семейство съ замѣчательно красивыми дѣтьми. Поздно ночью, наконецъ, пришелъ подполковникъ баронъ Криденеръ, продиктовалъ собравшимся здѣсь адъютантамъ приказаніе и сообщилъ намъ, что только-что получено извѣстіе о взятіи Вратешки и Орханіи, что подробности еще неизвѣстны, но что это извѣстіе заставило перемѣнить уже составленное парольное приказаніе. Я его спросилъ, скоро ли мы-то двинемся впередъ, но онъ ничего не могъ на это отвѣтить или не хотѣлъ, но только я остался въ такомъ же полномъ невѣдѣніи относительно нашей дальнѣйшей судьбы, въ какомъ и былъ, задавая свой вопросъ. Благополучное мое возвращеніе назадъ, причемъ я не выкупался, не слетѣлъ вмѣстѣ съ лошадью въ какую либо яму или канаву, не сломалъ себѣ ничего, было дѣломъ чисто случая,—и днемъ-то проѣхать по этой мѣстности было очень трудно, тѣмъ болѣе, что приходилось все время ѣхать безъ дороги, каково же должно было быть это возвращеніе ночью, когда нельзя было разглядѣть не только что подъ ногами у лошади, но даже и ея головы; къ тому былъ сильный туманъ, закрывавшій и тѣ костры на бивуакѣ, которые еще не погасли.

18-го Ноября.

Я еще былъ въ постели, когда меня потребовалъ къ себѣ командующій полкомъ и приказалъ мнѣ отправиться съ командою санитаровъ нашего полка и дивизіонными въ Этрополь. Вслѣдствіе полученнаго неожиданно приказанія выслать всѣхъ санитаровъ и отъ полка, и дивизіонныхъ въ штабъ 2-й Гвардейской дивизіи, въ Этрополѣ, за городомъ, уже были собраны санитары отъ Преображенскаго и Егерьскаго полковъ, и я присоединился къ нимъ со своею командою. Графъ раздѣлилъ всю эту команду на двѣ партіи, поручилъ ихъ мнѣ и Д., преображенскому офицеру, и приказалъ отправиться впередъ на позицію. Въ проводники намъ дали жандорина, гнавшаго два, три десятка воловъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, стоявшій на той же позиціи. Мы должны были явиться къ командиру этого полка, по прибытіи на мѣсто, и поступить затѣмъ въ его распоряженіе. Хлопоты о нашемъ отправленіи заняли много времени и едва мы успѣли пройти небольшую часть пути, какъ уже наступила ночь. Дорога была отвратительная, или лучше сказать, дороги не было никакой, приходилось постоянно скакать черезъ ручьи, рытвины и все вверхъ и вверхъ. Къ довершенію нашего несчастья, жандоринъ вмѣстѣ съ волами куда-то скрылся и мы очутились въ самомъ безпомощномъ положеніи, не зная куда идти; чтобы не плутать даромъ, мы остановили нашихъ людей и стали совѣщаться о мѣрахъ нашего спасенія. Къ счастію, съ позиціи, на которую мы шли, шелъ транспортъ съ ранеными, они указали намъ до-

рогу и предупредили, что тамъ ожидается на утро большой бой. По приходѣ на мѣсто, намъ приказали присоединиться къ отдѣленію «Краснаго Креста». Главнымъ докторомъ здѣсь былъ докторъ Гаусманъ, и я зналъ почти всѣхъ его подчиненныхъ еще въ Боготѣ, гдѣ они были въ госпиталѣ Цесаревны. Они приняли въ насъ большое участіе, тѣмъ болѣе, что отправляя насъ изъ полка, насъ не предупредили о столь продолжительной командировкѣ, и я даже не запасся табакомъ. Они напоили насъ чаемъ, накормили консервами, но не могли ничѣмъ помочь намъ, когда зашелъ разговоръ относительно сна. Провелъ я ночь тутъ же у костра, но отъ страшнаго холода, конечно, большую часть времени принужденъ былъ провести поправляя огонь, чтобы нѣсколько согрѣться. Командировка наша оказалась почти напрасною, такъ какъ вскорѣ послѣ нашего прихода докторъ Гаусманъ получилъ предписаніе отправиться съ своимъ отдѣленіемъ обратно въ Этрополь, всѣ же раненые, находившіеся на его попеченіи, за эту ночь были перевезены туда же, а оставались три, четыре человѣка, которыхъ они хотѣли взять съ собой завтра утромъ.

(Продолженіе въ концѣ книги).

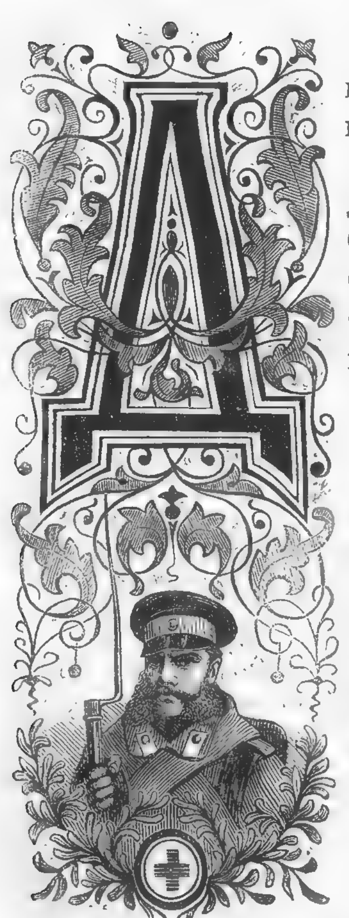
Эпизоды

изъ исторіи Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

I.

4-й батальонъ подъ Горнымъ Дубнякомъ

12-го Октября 1877 г.

виженіе гвардіи изъ Горнаго Студеня началось въ концѣ сентября 1877 года; ее направили вдоль Плевненскихъ позицій, т. е. чрезъ Порадимъ, Боготъ, Тученицу, Ралево, Беглышъ къ Софійскому шоссе, для того, чтобы преградить Осману послѣдній путь подвоза провіанта изъ Софіи. Для этого предназначенъ былъ весь гвардейскій корпусъ подъ общимъ начальствомъ генерала Гурко.

10-го Октября 1-я гвардейская дивизія и гвардейская стрѣлковая бригада собрались у деревни Эски-Баркачъ и ожидали похода второй и третьей дивизій, чтобы совмѣстно дѣйствовать за рѣкою Видомъ.

10-го Октября Измайловскій полкъ перешолъ съ бивуака у деревни Беглышъ къ деревнѣ Эски-Баркачъ и, не доходя ея, расположился на краю крутаго оврага.

Кухни полка были расположены въ самомъ оврагѣ, что составляло большое затрудненіе для солдатъ, такъ какъ подъемъ за водою и обѣдомъ былъ страшно труденъ и ни одинъ солдатъ не въ состояніи былъ его сдѣлать безъ отдыха.

11-го Октября 4-й батальонъ былъ назначенъ на работу: требовалось прорубить широкую просѣку въ кустахъ, окружающихъ окрестно-

сти рѣки Вида;—каждой ротѣ данъ былъ свой участокъ и работа закипѣла подъ руками стрѣлковъ.

Никому въ голову не приходило, что завтра самимъ же придется идти по этой дорогѣ, а многимъ даже въ послѣдній разъ въ жизни по какимъ бы то ни было дорогамъ.

Работа кипѣла; сучья валились подъ ударами топоровъ; стрѣлки работали на столько усердно, что ихъ не приходилось подбодрять. Единственно, что часто слышалось со стороны офицеровъ, это напоминаніе, чтобы рубили сучья ниже; а то, идя ночью, можно споткнувшись произвести безпорядокъ въ колоннѣ и задержать движеніе.

Впереди мѣстность все понижалась къ рѣкѣ Виду, а на той сторонѣ между кустовъ, какъ на ладони, обрисовывалось Софійское шоссе, Телишъ, Горный и дольный Дубняки; а между ними какія то неопредѣленныя темныя массы, оказавшіяся впослѣдствіи редутами. По шоссе сплошь тянулся турецкій обозъ, запряженный быками и охраняемый густыми массами пѣхоты.

Какъ по венамъ человѣка течетъ безпрерывно кровь, такъ и по полотну Софійскаго шоссе безпрерывно одинъ за другимъ тянулись обозы съ продовольствіемъ и снарядами въ заколдованную Плевну. Но не думали и турки, что это послѣдній день ихъ торжества на шоссе, и что завтра же хвостъ этого обоза попадетъ въ руки русскихъ гвардейцевъ и не будетъ онъ больше мозолить глаза вѣчнымъ своимъ движеніемъ съ юга на сѣверъ.

Тутъ же узнали мы всю неосвовательность извѣстій, что Плевна окружена желѣзнымъ кольцомъ... Нѣтъ! до 12-го октября была непрерывно въ дѣйствіи, хотя, правда, одна, но за то главнѣйшая жизненная артерія Плевны—Софійское шоссе. Оно служило связывающимъ звеномъ Плевны съ Софіею, Филиппополемъ и Адріанополемъ, а потому, не взявъ шоссе, нельзя было прекратить подвозъ провіанта въ армію Османа и, слѣдовательно, надѣяться, что самъ онъ выйдетъ къ намъ въ открытое поле.

По всему шоссе настроены были укрѣпленія, такъ что кавалерія генераловъ Крылова и Лошкарева не могла препятствовать подвозу въ Плевну провіанта. Въ Дольномъ-Дубнякѣ было кромѣ ложементовъ четыре громадныхъ редута, построенныхъ изъ землянаго кирпича; въ Горномъ Дубнякѣ на краю крутаго оврага и на вершинѣ пологаго холма были расположены два редута и множество ложементовъ и траншей; въ Телишѣ же было громадное открытое съ горжи укрѣпленіе и два редута, не считая ложементовъ. Что же тутъ могла подѣлать кавалерія? Развѣ только, прибиваясь малыми частями на шоссе, отбивать одиночныхъ людей, лошадей и повозки. Вотъ каково было положеніе дѣлъ до 12-го октября 1877 года.

Во время работъ пріѣхалъ генералъ Гурко и, войдя на курганъ, лежащій сѣвернѣе просѣки, сталъ разсматривать шоссе въ подзорную трубу; затѣмъ, поздоровавшись съ людьми, тихо проѣхалъ назадъ.

Въ головѣ его уже рѣшенъ былъ планъ аттаки на завтра; онъ смотрѣлъ на солдатъ и, можетъ быть, думалъ о томъ, котораго изъ нихъ отмѣтилъ рокъ лечь на завтра за правое дѣло. Кругомъ же его эти самыя обреченныя жертвы весело гудѣли за работой и не думали и не предполагали ничего худаго. Они всецѣло отдали себя Россіи и были увѣрены, что не ихъ дѣло заботиться о себѣ,—то дѣло начальства.

По приходѣ съ работы на бивуакъ, полкъ обходилъ генералъ Раухъ. «Стрѣляй рѣдко, коли штыкомъ крѣпко», повторялось имъ передъ каждымъ баталіономъ. Тутъ только мы узнали, что на завтра затѣвается дѣло и тутъ только каждый подумалъ о себѣ и о своихъ, оставленныхъ на далекой родинѣ, семьяхъ, родныхъ и знакомыхъ.

«Гг. офицеры повторилъ генералъ Раухъ, помните—стрѣльба рѣдкая, какъ на ученьи! Смѣны частей не будетъ,—кому придется начать дѣло, тотъ его и доканчивай, а патроны и сухарь беречь больше глаза.

Разбрелись офицеры, пошли сборы и хлопоты о вьюкахъ. Вышелъ приказъ, что при отрядѣ не будетъ ни одного колеса и вотъ надо было все принаравливать къ вьюкамъ.

Думали ли въ Петербургѣ, отпуская войска въ походъ съ громоздкими офицерскими фургонами и артельными повозками, что все это будетъ брошено и офицеру придется навьючить кой-какія свои пожитки на спину лошади, выданныя изъ полка на каждыя двѣ роты по одной.

Въ батальонахъ доходило до 16 и 17 офицеровъ, а слѣдовательно на каждую лошадь по восеми или девяти человѣкъ. Загружать лошадь было нельзя, всякій это понималъ,—животное непревычное. Лучше хоть что нибудь довести, чѣмъ все потерять. И вотъ за вѣшаніемъ и перевѣшиваніемъ, сборами и переборами прошелъ вечеръ, а когда вышелъ приказъ, что въ два часа ночи выступать къ переправѣ чрезъ рѣку Видъ, то оказалось, что спать-то и некогда.

Ночь наступила темная. Между нечастымъ кустарникомъ расположены были всѣ четыре полка 1-й гвардейской дивизіи, одинъ за другимъ. Ярко горѣли огни костровъ, солдаты, кучками усѣвшись и разлегшись около нихъ, вели обычные свои разговоры. Изрѣдка словно пролетитъ тихій ангелъ надъ толпою,—все замолкнетъ. Каждый—задумавшись, да и какъ было не задуматься, когда многимъ были присланы письма изъ дому, которыя и розданы были лишь въ одинадцать часовъ ночи. Кто не получилъ, тотъ видѣлъ, что другой жадно пожираетъ вѣсти съ далекой родины; а тутъ невольно лѣзетъ въ голову мысль, что на завтра готовится что-то новое, не виданное и не бывалое. Ученье, маневры и все чему учили прежде—все это не то; тутъ что-то такое, чего еще ни-

кто изъ окружающихъ не видалъ и не знаетъ, у каждаго невольно рождаются разные вопросы, на которые не можетъ дать отвѣтъ солдатская голова.

Не страхъ пугаетъ солдатъ,—да и не въ русской натурѣ это чувство,—а ожиданіе чего то новаго, незнакомаго невольно заставляетъ сжиматься сердце.

Не успѣло еще совсѣмъ стихнуть въ лагерѣ гвардейцевь, еще въ воздухѣ носились послѣдніе звуки засыпающихъ борцовъ, а уже дневальные начали обходить ихъ и тихо повторяли обычную фразу: «Вставать, вставать!»

Не по обыкновенному, не громко и не рѣзко, не поначальнически раздавался этотъ рѣзкій въ обычное время, крикъ, а какъ то потоварищески, любовно выходилъ онъ изъ устъ дневальнаго: «Вставай, дескать, братцы, пора и за работу.» Зашевелился бивуакъ, загудѣлъ просыпающійся народъ, затемнѣли пятнами мѣста, на которыхъ раньше были раскинуты походныя палатки, и вотъ, черезъ какіе нибудь полчаса, на томъ мѣстѣ, гдѣ было такъ тихо, затолпились темныя массы народа, въ ожиданіи своихъ вожаковъ-офицеровъ. Вышли и эти наконецъ: по рядамъ начали раздаваться не громкія и неотчетливыя вскрикиванія «зрава.... же—тво....», а тихое, *толковое пожеланіе* здоровья своему офицеру.

Начальники обходили и отдавали послѣднія приказанія: «Помни, братцы! — турки не цѣлятъ, не всѣхъ убьютъ, авось и возвратимся къ своимъ; когда впередъ, такъ ломи: турокъ не любитъ поля, спрячется въ редутъ, не давай опомниться, выковыривай его оттуда. Береги патронъ, да и товарища оберегай, не выдавать другъ друга, а мы уже позаботимся, чтобы и рота не выдавала роты и своимъ всегда бы была поддержка, смотри впередъ веселѣй, прямо въ глаза врагу, турки этого не любятъ; не кланяйся свистящимъ пулямъ,—что свистнула, то не твоя,—своей не услышишь; иди за офицерами, мы будемъ впереди, а тамъ, что Богъ дастъ. Въ добрый часъ, братцы,—трогай. Ружье вольно, впередъ!—Вотъ уставъ, и вотъ натація! Куда дѣвалася выправка, гдѣ эти уставные командные возгласы—все пропало, все забыто, осталось одно: «впередъ, съ Богомъ, въ добрый часъ;» а затѣмъ ничего, да и къ чему, говорили всѣ, то хорошо на ученьи и маневрахъ, а тутъ лишь бы дѣло сдѣлать, а если же оно сдѣлано безъ устава, то не бѣда, не взыщутъ.

Еще не наступилъ разсвѣтъ, а темныя массы гвардейцевъ уже направляются къ Виду. Густой сдержанный гулъ стоитъ подъ движущеюся волной. Тишина соблюдается почти полная, громко разговаривать запрещено, солдаты идутъ весело и поминутно задѣваютъ встрѣчныхъ и обгоняющихъ ихъ людей. Подошли къ рѣкѣ, батальоны останавливаются; у кого худые сапоги, снимаютъ ихъ; а офицеры уже по два и по три раза перешли рѣку туда и назадъ и показываютъ людямъ, гдѣ мельче. Въ воздухѣ раздалось вспле-

скиваніе воды отъ сотенъ ногъ, переходившихъ рѣку. Всѣ стараются молчать и шумѣть какъ можно меньше. Всѣ понимаютъ, что критическая минута настаетъ, всѣ стараются невольно отдалить ее.

За рѣкою массы собираются и батальонъ за батальономъ изчезаютъ въ утреннемъ туманѣ. Измайловцы, перейдя рѣку, были остановлены до выясненія обстоятельствъ; но такъ какъ утро было страшно холодное, то солдаты сильно продрогли и старались согрѣться, ложась близко одинъ къ другому. Часа черезъ полтора полкъ двинулся по дорогѣ къ деревнѣ Кришевица, т. е., къ сторонѣ Плевны.

Въ предположеніи было рѣшено, что Преображенцы, Семеновцы и Измайловцы будутъ составлять оплотъ противу Плевны, на случай, если Османъ рѣшится подать помощь Горному Дубняку, противъ котораго дѣйствовала 2-я гвардейская дивизія и гвардейская стрѣлковая бригада.

Около семи часовъ влѣво отъ Измайловцевъ раздались первые выстрѣлы; сначала они были одиночные,—повидимому, стрѣляли аванпосты,—но вотъ перестрѣлка начала усиливаться, раздались пушечные выстрѣлы и дѣло приняло большіе размѣры.

При первыхъ же выстрѣлахъ головы невольно обнажились, каждый мысленно твердилъ молитву о дарованіи побѣды правому дѣлу. Молились о тѣхъ, кто находился уже въ объятіяхъ смерти; о тѣхъ, кто идетъ на встрѣчу ей, и о себѣ, конечно, чтобы Всевышній благословилъ снова увидѣть давно покинутую родину. Подошелъ полкъ къ колодцамъ, закричали: «насильщикамъ выдѣлиться и составить ружья, здѣсь будетъ перевязочный пунктъ». Выдѣлились носильщики, а полкъ пошелъ дальше.

Вотъ вдали уже видна деревня Кришевица. Передъ полкомъ ѣдетъ генералъ Раухъ со свитою, за нимъ командиръ полка съ адъютантами, а сзади въ батальонныхъ колоннахъ въ двѣ линіи стройно подвигаются Измайловцы. Вдала двигаются полки 1-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, впереди же всего несутся казаки и освѣщаютъ мѣстность. Полку приказано остановиться. Люди легли и начали снимать шинели, такъ какъ взошедшее солнце стало сильно подогрѣвать. Скатавши шинели, снова двинулись по направленію между деревнями Кришевица и Горнымъ Дубнякомъ.

Люди начинали уставать, ходьба по кукурузнымъ полямъ, а затѣмъ по лугу, покрытому какою-то вьющеюся травою, которая поминутно цѣплялась за ноги; идущіе то и дѣло спотыкались и падали. Но вотъ вдали показалась завѣтная мечта—Софійское шоссе. Батальоны остановились на отдыхъ. Здѣсь приходилось ждать развязки дѣла, чѣмъ кончится все затѣянное въ этотъ день.

Вдали пальба то умолкала, то снова возгаралась до невѣроятныхъ размѣровъ; понять ничего было нельзя. Наши ли бьютъ и турки уходятъ, или нашимъ не одолѣть,—Богъ знаетъ?! Офицеры собрались въ кружки и уже

разсуждали о томъ, что, видно, сегодня не придется понюхать пороху, какъ вдругъ прискакалъ адъютантъ съ приказаніемъ: двумъ батальонамъ Измайловцевъ двинуться для аттаки главнаго редута. Живо и весело поднялись батальоны, раздались обычныя команды и эти первые Измайловцы тронулись, чтобы пролить кровь свою за свободу славянъ. Остальные два батальона вступили въ дѣло часомъ позже. Перейдя шоссе, батальоны развели на полные интервалы, а подойдя къ кургану, раздалась звонкая команда генерала Эллиса 2-го: «батальоны, по ротно въ двѣ линіи, стройся!». И, странное дѣло, тамъ у Эски-Баркача все шло спустя рукава, слово «впередъ» обозначало все; а здѣсь, подъ огнемъ, въ глазахъ смерти, все воротилось къ старому, къ школьной выправкѣ. Люди подтянулись, пошло равненіе, ротные командиры отчетливо скомандовали своимъ ротамъ, и вотъ батальоны колоннами двигаются на встрѣчу смерти. Ровно, стройно и дружно идутъ Измайловцы, высоко держатъ головы внуки Бородинскихъ героевъ. Они чувствуютъ въ себѣ силу не пострамить своихъ дѣдовъ.

Проходятъ мимо Гурко; по старой привычкѣ, одинъ изъ молодыхъ ротныхъ командировъ, подтягивая своихъ людей, въ полголоса подсчитываетъ «лѣвой, лѣвой» и люди идутъ, равняясь и держа голову къ сторонѣ начальника.

Командиръ задней роты уменьшаетъ шагъ своихъ чиновъ, чтобы держать установленную уставомъ дистанцію, когда же въ это время свистнула первая пуля, то онъ, обратившись спокойно къ своимъ стрѣлкамъ, сказалъ только: «первая»—но вотъ и вторая, третья свистятъ своимъ жалобнымъ заунывнымъ свистомъ. Впереди батальона ѣдетъ полковникъ. «Шапки долой», раздалась его команда! «Въ добрый часъ, братцы, не пострамить своихъ дѣдовъ, Бородинскихъ героевъ!» говоритъ онъ, и стрѣлки на ходу живо и размашисто крестятся. Батальонъ началъ спускаться въ оврагъ, пули уже не по одиночкѣ, а цѣлыми роями летятъ черезъ головы стрѣлковъ, но они дружно и стройно продолжаютъ идти себѣ впередъ, не обращая ни малѣйшаго на нихъ вниманія.

Перешли оврагъ, головныя роты поднимаются на гребень, переднія полуроты выбѣжали, словно на ученьи, въ цѣпь; вотъ грянула первая Измайловская винтовка по исконному врагу русскихъ! Раздался другой, третій выстрѣлы, и пошла не частая, но мѣткая стрѣльба. Изрѣдка раздавалась «на шесть сотъ шаговъ прицѣлъ», «цѣлься по гребню»; «такъ», «не торопись», «ложись». Роты легли, пули продолжали свистѣть, но ухо немного уже попривыкло къ ихъ пѣнію и солдатики лежали себѣ спокойно. Но вотъ изъ 14-й роты раздался голосъ: «Носилки!» Непріятно подѣйствовалъ онъ на всѣхъ. Это были первыя носилки, уносившія раненаго на глазахъ батальона; живо подбѣжали носильщики и понесли бѣднаго стрѣлка, пробитаго насквозь пулею. Такимъ образомъ, стрѣлки лежали

около часу, какъ пришло два приказанія, одно вслѣдъ за другимъ. Первое,—было не стрѣлять, а второе—по девятому орудійному залпу всѣмъ идти въ аттаку. По цѣпи раздалась команда: «не стрѣлять», почти моментально, какъ на ученьи, смолкла стрѣльба Измайловскихъ стрѣлковъ, и съ этого момента они до вечера пролежали подъ страшнымъ огнемъ противника, не смѣя отвѣтить ни однимъ выстрѣломъ.

Стали стрѣлки дожидать девятаго залпа, чтобы благославясь двинуться къ послѣднему расчету съ врагомъ.

Вотъ загудѣлъ первый залпъ, восемь орудійныхъ выстрѣловъ прогремѣло въ воздухѣ надъ головой, со страшнымъ шумомъ пронеслось восемь смертоносныхъ снарядовъ и восемь шрапнелей разорвались надъ редутомъ въ мигъ, прекративъ на время турецкую стрѣльбу. «Разъ», считали офицеры 13-й роты, лежащіе рядомъ съ командиромъ полка и батальона.

Грянулъ другой залпъ и другія восемь шрапнелей, пролетя надъ головами разорвались надъ редутомъ и также офицеры сосчитали «два» потомъ три, четыре, пять, шесть... Но что это тамъ? Никакъ грянуло «ура!» значитъ, наши пошли. Неужели же мы останемся, мелькнуло у каждаго на умѣ и всѣ роты, какъ одинъ человѣкъ, поднялись со своихъ мѣстъ.

Опять, словно на ученьи, скомандовали командиры: «Ружье вольно, шагомъ маршъ!»—и тронулись стрѣлки. Но что въ это время произошло трудно описать... Турки буквально осыпали насъ градомъ пуль, нельзя уже было различить отдѣльнаго выстрѣла или полетъ пули; стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ грохота мартинокъ и отъ шума летѣвшихъ пуль. Не дождь пуль, а стѣна свинца неслась на встрѣчу наступающимъ стрѣлкамъ, но тѣ шли ровнымъ дружнымъ шагомъ. Невольно только головы у всѣхъ наклонились впередъ и, подавъ весь корпусъ на колѣна, словно протаскиваясь сквозь густую массу чего-то, шли они на гору. Оказалось, что вправо сдѣлали съ крикомъ ура простую перебѣжку впередъ и, такимъ образомъ, передъ редутомъ стоялъ открыто на ногахъ одинъ только 4-й баталіонъ Измайловскаго полка; очевидно, аттака не могла продолжаться при такихъ условіяхъ, потому что до редута было еще по крайней мѣрѣ шаговъ пять сотъ. Всѣ ротные командиры скомандовали своимъ людямъ ложиться и снова пришлось ждать послѣднихъ трехъ залповъ; но ждать пришлось уже не подъ горою, въ закрытомъ мѣстѣ, а на ровномъ полѣ въ пятистахъ шагахъ отъ бруствера. Все равно было, что лежать, что идти впередъ, тѣмъ болѣе, что остальныхъ залповъ не раздавалось. И вотъ, по иниціативѣ ротныхъ командировъ, начали перебѣгать сначала линія стрѣлковъ, а потомъ и колонны. При первой перебѣжкѣ образовался интервалъ между 14-ю и 15-ю ротами, который и былъ занятъ 4-мъ взводомъ 13-й роты; подвигаясь по этой долинѣ смерти, стрѣлковый батальонъ почти въ четверть часа потерялъ до пятидесяти чело-

вѣкъ рядовыхъ и подпоручика Шведова. Затѣмъ, сдѣлавши вторую перебѣжку, былъ раненъ въ ногу командиръ 14-й роты поручикъ Головковъ 1-й.

Доказательствомъ того, на сколько былъ силенъ огонь, можетъ служить то, что когда поручикъ Головковъ 1-й поползъ назадъ съ разбитой ногой, то его ранила вторая пуля въ руку, а когда подбѣжали къ нему носильщики, рядовые 13-й роты, Клюшниковъ и Пяткинъ и фельдшеръ 14-й роты Савельевъ, и положили его на носилки, то третья пуля пробила Головкову другую ногу. Въ лицѣ его батальонъ лишился славнаго офицера и добраго и честнаго товарища.

Дѣло такимъ образомъ тянулось до шести съ половиною часовъ вечера, стрѣлки и сосѣднія части, т. е. 3-й батальонъ, а слѣва 2-й батальонъ подавались впередъ. Въ это время около редута вдругъ вспыхнулъ шалашъ. Всѣмъ показалось это удобнымъ моментомъ для атаки. Люди моментально вскочили и съ крикомъ «ура» бросились къ редуту. Страшная была картина! Пожаръ палатокъ и шалашей освѣщалъ людей, несущихся, словно ураганъ, къ редуту. Турки, видя атаку со всѣхъ сторонъ, не выдержали и бросились къ шоссе, но встрѣченные здѣсь съ одной стороны людьми *2-го батальона*, аттаковавшими со стороны шоссе, а съ другой—*ротами 4-го батальона*, дали сначала два залпа и затѣмъ бросили оружіе. Ночная тьма покрывала страшное побоище. Массы убитыхъ и раненыхъ валялись кучами, а между ними ликующіе гвардейцы, упоенные первою побѣдою, кричали громовое русское «ура!» Далеко раздавалось оно и, вѣроятно, не одно сердце правовѣрнаго, сидящаго въ Плевнѣ, дрогнуло при звукѣ его.

Части смѣшались, люди обнимались между собою, цѣловались и плакали, словно дѣти, до того простирался восторгъ гвардейцевъ. Да и какъ имъ было не радоваться: на нихъ возлагала надежды вся Россія, ихъ берегли до послѣдняго момента и вотъ послали для окончательнаго удара Осману. Задача исполнена, надежды оправданы,—какже не радоваться истинному русскому воину. Правда, много пало хорошихъ, добрыхъ и честныхъ товарищей; но такъ, видно, Богу угодно; да и побѣда заставляетъ забыть все. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда батальонъ, прикрывая 1-ю *артиллерійскую бригаду*, пришелъ на позицію лицомъ къ Плевнѣ, гдѣ и расположился на ночь, ожидая нападенія Османа *).

Саперы все время строили укрѣпленія и мало кто былъ спокоенъ и ожидалъ спокойно провести ночь. При томъ, только что пережитыя минуты волновали кровь и потому далеко за полночь по бивуаку ярко горѣли костры и раздавались веселые голоса бойцовъ. А тамъ, сзади въ

*) Всѣ четыре батальона полка, атаковавшіе редутъ съ разныхъ сторонъ, потеряли почти по ровну.

редутѣ и кругомъ его, при свѣтѣ потухавшихъ шалашей, команда смиренныхъ тружениковъ съ повязками Краснаго Креста на рукавѣ трудились въ разборкѣ убитыхъ отъ раненыхъ. Тамъ было тихо, лишь изрѣдка стонъ несчастнаго нарушалъ ночную тьму, и сейчасъ же на этотъ стонъ являлись носильщики. Страшенъ и грозенъ русскій солдатъ въ бою! Но надо его посмотрѣть за уборкою раненыхъ. Какъ нянька обращается съ малымъ дитятей, такъ онъ бережно перекладываетъ пострадавшаго на носилки; легко дѣйствуютъ его загрубѣлыя руки и нѣжно укладываютъ, поворачиваютъ и перевязываютъ раненаго. День, проведенный въ трудѣ, а ночь за работой,—онъ молчитъ, лишь изрѣдка перекрестится и снова продолжаетъ свой святой трудъ. Не для отличія работаетъ этотъ труженикъ, да и какъ ему отличиться, когда всѣ взоры командировъ обращены туда, впередъ, откуда несется смерть, а онъ работаетъ, хотя и подъ тѣми же пулями, но въ сторонѣ отъ начальничьяго взгляда. Единственная его награда—это привѣтъ товарища, которому удалось помочь. «Спасибо, землякъ, дай Богъ тебѣ здоровья!»—вотъ и вся награда. Ночь наступила совсѣмъ; передъ фронтомъ позиціи, въ лощинѣ, ярко горѣла деревня Горный Дубнякъ, неизвѣстно кѣмъ зажженная. Снопы пламени и дыма высоко вздымались къ небу, словно давая знать туда въ Плевну: берегись, дескать, Османъ, дойдетъ и до тебя дѣло.

Н. Зноско-Боровскій 1-й.

Правецъ 11-го Ноября 1877 г.

9-го ноября, бросивъ позицію у д. Яблоницъ, войска *) придвинулись впередъ, чтобы форсировать балканскіе проходы. Предполагалось послать одну часть противъ прохода у г. Этрополя, другую по шоссе къ деревнѣ Правецъ, третью для демонстраціи къ Орханіе и, наконецъ, для прикрытія праваго фланга расположенія назначено было занять двѣ деревни Ведраръ и Своды на правомъ флангѣ *ротами л.-гв. Измайловскаго полка.*

Въ дер. Ведраръ досталось идти ротамъ Е. В. и 4-й, въ Своды же 3-й и 10-й, подъ командою полковника Кандаурова. Роты эти выступили еще съ бивуака у дер. Яблоницъ и шли цѣлыя сутки до мѣста своего расположенія. Дорога была до того убійственна, что на каждомъ шагу приходилось или спускаться съ страшной крутизны или подниматься на почти недоступные подъемы или же, что еще хуже, перехо-

---

*) Гвардейскаго отряда генерала Гурко, дѣйствовавшаго на Софійскомъ шоссе.

дить по колѣно въ водѣ черезъ безчисленные ручьи, протекающіе на каждомъ шагу между скалами Балканъ. Хотя по картѣ эти деревни и значились не далѣе пятнадцати верстъ отъ дороги, но, идя напрямикъ съ хорошимъ проводникомъ, отрядъ полковника Кандаурова пришелъ на мѣсто только на другой день.

Въ это же время отъ полка отдѣлились 2-я, 5-я и 9-я роты для починки дорогъ и мостовъ въ тылу отряда и такимъ образомъ, остался нетронутымъ только 4-й батальонъ, которому и пришлось съ того дня принять на себя большую часть труда.

Погода стояла все время пасмурная, по ночамъ было довольно свѣжо и очень сыро. Палатки намокали страшно и отягощали собою солдата при его передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто. 10-го числа оставшіяся части полка были расположены по правую сторону Софійскаго шоссе за ложементами, заранѣе построенными Московскимъ полкомъ для того, чтобы въ случаѣ еслибы турки перешли въ наступленіе по шоссе, желая разрѣзать наше расположеніе, мы могли бы ихъ встрѣтить за укрѣпленной позиціей и имъ бы не дешево обошлась ихъ попытка.— День 10-го ноября былъ проведенъ въ ожиданіи похода, а потому пищи не варили и солдаты довольствовались только сухарями да лепешками, которыя принесли намъ болгары.

Съ довольно высокихъ холмовъ нашей позиціи открывался глазу прелестный видъ на долину Малаго Искера, который, изгибаясь, бѣжитъ изъ Этропольскаго прохода на сѣверъ. На право вдали виднѣлась брошенная мельница, около которой не было ни живой души. Изрѣдка по долинѣ проскачетъ линейный казакъ, везя какое нибудь донесеніе. Вдали по холмамъ, виднѣлись изрѣдка стада быковъ и овецъ, и болгаринъ, закутавшись въ овчину съ огромной палкою въ рукѣ, монотонно прогуливается около своего стада. Со стороны деревни Колукрово появлялись иногда по одиночкѣ, а то и партіями, болгары съ огромными мѣшками на спинахъ. Ротные командиры сейчасъ же высылали къ нимъ унтеръ-офицеровъ для покупки хлѣба. Болгаринъ обыкновенно, увидя подходящихъ солдатъ, останавливался въ нерѣшительности, но когда солдаты показывали ему на стоящаго на верху офицера, то болгаринъ сейчасъ же принималъ спокойный видъ и шагалъ по направленію капитана, зная, что при немъ его не обидятъ.

Болгары вѣрили въ русскихъ офицеровъ безусловно и только имъ позволяли рыться въ своихъ мѣшкахъ безконтрольно.

Обыкновенно онъ или стоитъ, понуря голову, или присядетъ на корточки и на каждый непонятный вопросъ произноситъ стереотипную фразу: «добре, братушко». Часа въ три изъ за праваго холма показалось стадо быковъ и ротные командиры немедленно же распоряди-

лись послать артельщиковъ съ унтеръ-офицерами купить для ротъ быковъ. Торгъ продолжался недолго, быки приведены, мясники въ каждой ротѣ имѣются. Живо быки были убиты, шкура снята, мясо разрѣзано на четыре части и началась дѣлежка. Обыкновенно собираются взводные ефрейторы, вмѣстѣ раздѣлятъ мясо на четыре части, заставятъ одного изъ ефрейторовъ отвернуться и, показывая послѣдовательно на куски мяса, спрашиваютъ «кому»? Отвернувшійся ефрейторъ, не оборачиваясь, говоритъ номеръ взвода, какой ему придетъ на умъ раньше и такимъ образомъ судьба, или лучше жребій, рѣшаетъ, какому взводу какой достанется кусокъ. Во взводахъ повторяется таже исторія, только дѣлятся на десятки и т. д. Замѣчательно вѣрно и безобидно дѣлится людьми между собою все, отпускаемое имъ отъ казны: «мясо, хлѣбъ, сухари, крупу, соль, всегда слышно въ разныхъ концахъ роты, кому? кому»? Живо солдаты разложили костры; веселѣй стало на позиціи отъ появившихся огоньковъ, каждый сталъ хлопотать около своей манерки, потянулись команды внизъ къ Искеру за водою. Позиція ожила!.. Каждому нашлась работа: тотъ рубитъ дрова, другой разводитъ костеръ, тотъ пошелъ съ тремя манерками за водой, а тамъ уже сидятъ на корточкахъ и глубокомысленно смотрятъ на закипающіе котелки. Незамѣтно наступаетъ вечеръ, солдаты приткнулись къ задней отлогости ложементовъ и ведутъ между собою такіе разговоры: вспоминаютъ они свою родину, поля, луга, а кругомъ становится все тише и тише, шаговъ часовыхъ почти не слышно туманъ собирается надъ Искеромъ, точно молочная рѣка течетъ по долинѣ. Вотъ полоса его набѣгаетъ на холмы и они окутываются, словно бѣлымъ саваномъ,—ночь наступила совсѣмъ.

Въ двѣнадцать часовъ ночи пришло приказаніе сняться съ позиціи и стать на прежнее мѣсто. Снова пошло движеніе и сборы, но не долги они у походнаго человѣка.

Черезъ четверть часа уже потянулись батальоны и вскорѣ снова успокоилось на позиціи, лѣвѣе шоссе. Въ четыре часа утра 11-го ноября, полкъ поднялся и потянулся по шоссе; прошелъ Осиково, или, какъ его иначе называли, Усиковица, и въ девять часовъ утра втянулся въ Правецкое дефиле, поперегъ котораго расположились турки, желая преградить намъ путь слѣдованія на Орханіе, Арабъ-Конакъ и далѣе въ Софійскую долину.

По дорогѣ попался бивуакъ дивизіоннаго лазарета и у самаго моста черезъ шоссе батальонъ Пензенскаго полка. Здѣсь роты остановились и солдаты начали кипятить себѣ воду. Погода была теплая и ясная; вдали изрѣдка похлопывали орудійные выстрѣлы, видимо дѣло было спокойное.

Не долго простоялъ здѣсь полкъ. Не успѣли солдаты сварить себѣ чаю, а уже скомандовали 4-му батальону двигаться впередъ. Сначала по-

требовали 13-ю и 14-ю роты, но потомъ взяли и двѣ другія, такъ что весь батальонъ потянулся по шоссе по направленію къ деревнѣ Правецъ.

Отъ самаго мѣста дорога начинаетъ подниматься немного въ гору, дѣлаетъ крутой поворотъ на лѣво, потомъ она круто поворачиваетъ направо, пересѣкаетъ ручей Правецъ и снова дѣлаетъ крутой поворотъ налѣво, идя у подножія крутаго и громаднаго горнага кряжа. Выйдя на Правецкую долину, она снова поворачиваетъ круто направо и этимъ-то послѣднимъ поворотомъ обрѣзываетъ горный кряжъ, на которомъ расположились турки. Такимъ образомъ, турецкая позиція было расположена на узкомъ, вдавшемся клиномъ въ долину, хребтѣ. Они имѣли передъ собой и сзади себя шоссе и могли свободно обстрѣливать каждаго человѣка. рискнувшаго проѣхать по шоссе.

Наши войска расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣнадцать орудій правѣе шоссе въ ту образуемость дорогою отъ продолженія перваго поворота со вторымъ, за ними стоялъ батальонъ Московцевъ, Финскій стрѣлковый батальонъ расположился на горѣ противъ фронта позиціи турокъ, вкативъ туда два конныхъ орудія Донской батареи. Деревня Правецъ не была занята ни той, ни другой стороной.

Почти часъ нужно было, чтобы выбраться стрѣлковому батальону Измайловскаго полка на эту кручу. При выходѣ изъ-за поворота первой горы вправо открылась для глаза вся позиція турокъ, расположенная въ нѣсколько ярусовъ на страшной крутизнѣ. Ложементы ихъ пересѣкали гору во всѣхъ направленіяхъ и доходили до самаго мыса повисшаго надъ деревнею Правецъ. Здѣсь были два ложемента съ блиндированнымъ верхомъ, такъ что наши снаряды не причиняли никакого вреда турецкимъ стрѣлкамъ.

На полдорогѣ батальонъ былъ остановленъ и приказано снять шинели и скатать ихъ, что и было исполнено солдатами съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ день былъ теплый и подъемъ на кручу страшно труденъ. Придя на гору, 13-я и 14-я роты расположились въ первой линіи, а 15-я и 16-я во второй, причемъ правый флангъ составляли 13-я и 15-я роты, а лѣвый двѣ остальныя.

По приходѣ наверхъ сейчасъ же были вызваны изъ строя люди, знающіе саперное дѣло и имъ поручено было построитъ ложементы для орудій, которыя тащилъ снизу Финляндскій полкъ. Такъ какъ подъемъ былъ страшно труденъ, то на помощь Финляндцамъ были вызваны люди Измайловскаго батальона, но Финляндцы сами хотѣли докончить свое дѣло и съ крикомъ, пѣснями и смѣхомъ бѣгомъ вкатили двѣ девяти фунтовки на гребень горы. Въ это же время оставшіяся роты полка были посланы на усиленіе колонны генерала Рауха, обходившаго турецкую позицію съ нашего праваго фланга. Батальонъ, слѣдуя къ мѣсту своего назначенія, перенесъ страшныя трудности, идя весь день и всю ночь по

страшнымъ крутизнамъ, безъ дорогъ, не имѣя права разложить огонь, чтобъ согрѣть окоченѣвшіе члены. Солдаты страдали невыносимо, но все таки исполнили свою задачу,—пришли къ отряду генерала Рауха, но только для того, чтобы узнать, что дѣло кончено и ихъ помощи не нужно. Отдохнувъ немного, батальонъ тою же дорогою потянулся снова назадъ и къ мѣсту пришелъ только къ семи часамъ вечера. Въ девять же часовъ весь полкъ выступилъ въ Гонъ-Бругенъ, куда и пришелъ на другое утро.

На позиціи становилось скучно. Пролетавшія пули уже не занимали своимъ свистомъ привыкшія къ нимъ уши стрѣлковъ и они, лежа на землѣ, изрѣдка перекидывались замѣчаніями надъ полетомъ гранатъ, пускаемыхъ съ батареи, расположенной внизу. Противъ позиціи турокъ нельзя было ничего предпринять до того времени, пока посланные въ обходъ стрѣлковый батальонъ Его Величества и Семеновскій полкъ не окончатъ своего дѣла и не собьютъ турокъ съ гребня горы.

На гору пріѣхалъ генералъ Гурко и, выйдя на самый гребень, жадно пожиралъ глазами турецкія позиціи и, въ особенности, ихъ лѣвый флангъ, откуда долженъ былъ появиться генералъ Раухъ. Но вотъ на самой вершинѣ появился дымокъ, сначала одинъ, потомъ два, три,—и пошла обычная трескотня изъ ружей: то стрѣлки 1-го батальона, и Императорскіе взобравшись на гребень, начали угощать турокъ изъ своихъ берданокъ. Задымилась гора, раздалась страшная трескотня и всѣ съ напряженіемъ ждали исхода ея. Наши батареи открыли огонь шрапнелью и бѣлые клубы отъ рвавшихся снарядовъ смѣшались съ дымомъ винтовокъ.

Не долго пришлось ждать. Турки скоро дрогнули и, не выдержавъ даже перваго натиска, бросились бѣжать, преслѣдуемые огнемъ восемнадцати орудій съ нашей стороны. Съ верху турки бѣжали, но на скатахъ они остались, и въ особенности въ крытыхъ ложементахъ. Отрядъ же генерала Рауха, вѣроятно не предполагая, что впереди есть еще непріятель, не подвигался далѣе и остался на занятой позиціи.

Тогда генералъ Гурко вызвалъ охотниковъ Измайловскаго полка для выбитія турокъ изъ ложементовъ.

Трудно вообразить, что произошло по этой командѣ! Какъ одинъ человѣкъ, поднялись люди всего батальона и требовали, чтобы ихъ взяли въ охотники.

Генералъ Гурко засмѣялся и объявилъ, что такихъ солдатъ слишкомъ много для турокъ и достаточно будетъ всего двухъ-сотъ человѣкъ.

Дѣло теперь приняло такой оборотъ, что надо было взять изъ каждой роты по пятидесяти человѣкъ, которыхъ выбрать не было физической возможности, потому что идти хотѣли всѣ безъ исключенія, какъ солдаты, такъ и офицеры. Наконецъ, и то съ большимъ трудомъ, удалось отобрать должное число людей и отъ каждой роты по одному офи-

церу, и охотники тронулись подъ командою поручика Головкова внизъ подъ гору. Первымъ взводомъ командовалъ подпоручикъ Гулинъ, вторымъ—подпоручикъ Скрябинъ и третьимъ—подпоручикъ Васильевъ.

Спустились охотники внизъ и пошли вдоль подножія горы, но тутъ ихъ встрѣтилъ страшный ружейный залпъ изъ ложементовъ. Въ мигъ стрѣлки пригнулись и, живо перебѣгая опасное мѣсто, собрались у подножія непріятельскаго кряжа въ мертвомъ пространствѣ. Въ это время подпоручикъ Гулинъ, выбравшись на отвѣсъ скалы съ нѣсколькими стрѣлками, былъ осыпанъ пулями; желая укрыться, онъ оборвался и полетѣлъ съ высоты нѣсколькихъ саженъ внизъ, отдѣлавшись только поврежденіемъ платья и нѣсколькими царапинами. Тутъ они отдохнули и отсюда же посланъ былъ подпоручикъ Скрябинъ къ лейбъ-гвардіи Московскому полку съ извѣстіемъ, что Измайловцы идутъ брать турецкіе ложементы.

Устроившись у подножія, поползли наши молодцы потихоньку на верхъ по лощинѣ, продѣланной высохшимъ горнымъ ручьемъ. Въ это время спустился густой туманъ и совсѣмъ заволокъ турецкую позицію, такъ что наши оріентировались, казалось, только покатостью горы. Ползя отъ камня къ камню, выбирая мѣсто стока воды, стрѣлки, словно волки, скрадывающіе свою добычу, подползали все ближе и ближе къ турецкому расположенію. На срединѣ дороги пристала къ нимъ собака, которая и слѣдовала до самаго конца съ удальцами.

На полдорогѣ поручикъ Головковъ остановилъ людей и, взявъ нѣсколькихъ только съ собою, ползъ впередъ, чтобы узнать, правильно ли они подвигаются. Подползя на самое близкое разстояніе, онъ увидѣлъ, что забрали влѣво и потому направилъ всю команду вправо.

Оставшіеся люди 4-го батальона расположились въ долинѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и стояли цѣлый день. Живо загорѣлись бивуачные огоньки и пошла обычная солдатская стряпня, только съ тою разницею, что не было слышно: «кому, кому?» Нечего было выдавать, нечего, стало быть, и дѣлить было стрѣлкамъ, но объ этомъ не горевали: нагрѣютъ воды и пьютъ съ сухарями—вотъ и чай!

Командиры 13-й и 16-й ротъ повели по полуротѣ въ цѣпь, на полъгоры внизъ.

Ночь была лунная и еслибы не туманъ, носившійся между горными кряжами, то все было бы видно, какъ днемъ. Густою бѣлою рѣкою разливался онъ по ущельямъ горъ и словно живое чудовище ползъ, надвигаясь на горныя твердыни.

Все было тихо и далекій трескъ разгорающихся костровъ сливался съ ночною тишиною.

Но вотъ грянуло вдали могучее русское «ура!» Казалось, оно летѣло изъ тысячи могучихъ грудей, гремѣло безпрерывно въ воздухѣ! Чутьемъ

чувствовалось, что это не простое «ура», маневръ или фальшивой или неудачной аттаки,—нѣтъ, это сразу видно было, что дѣло сдѣлано на чистоту. Между страшнымъ перекатомъ «ура» раздался одинъ выстрѣлъ, потомъ другой, третій и все замолкло. Движеніе на бивуакѣ прекратилось, всѣ быстро повскакали съ своихъ мѣстъ, головы сразу обнажились и зачерствѣлыя солдатскія руки задвигались, творя крестное знаменіе, а губы шептали обычную теплую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самую простую русскую молитву: «Господи помилуй, Господи помилуй!» твердили сотни могучихъ воиновъ, закаленныхъ въ перенесеніи трудовъ, лишеній и тягостей. И теперь, какъ малыя дѣти, съ усердіемъ твердили они свою молитву за отважныхъ товарищей. Не выдержали стрѣлки своихъ чувствъ—и вотъ на вершинѣ горы Лигница раздалось дружное отвѣтное «ура», словно напоминающее и дающее понять тѣмъ храбрецамъ, что ваши друзья здѣсь и готовы вамъ помочь въ случаѣ надобности.

Но вотъ затихло громовое «ура» стрѣлковъ и снова ночная тишина вошла въ свои права. Мало по малу солдатики снова разговорились, но уже теперь все вниманіе ихъ было сосредоточено на тѣхъ, которые только что бились съ врагомъ среди мрака и темноты ночи. Что же произошло тамъ, откуда раздались эти побѣдные клики? Что сталось тамъ съ этими отважными борцами? А ничего. Дѣло вышло очень просто, по мнѣнію солдата. Ползли, ползли наши охотники и доползли до того, что вдругъ въ десяти шагахъ передъ ними раздается восклицаніе на турецкомъ языкѣ: «кто идетъ?» и вслѣдъ затѣмъ слова, видимо обращенныя въ ложементъ: «руссъ». Что было дѣлать? задумываться не приходилось: какъ одинъ, вскочили двѣсти человѣкъ на ноги и, грянувъ свое молодецкое «ура», ворвались въ ложементы.

Подпоручикъ Гулинъ, ворвавшійся однимъ изъ первыхъ, увидалъ въ траншеѣ огонекъ отъ курящейся папиросы. Не долго думая, онъ наноситъ по этому направленію нѣсколько сабельныхъ ударовъ и бѣжитъ далѣе. Когда же бой окончился, то онъ пожелалъ узнать по комъ гуляла его сабля, но, не смотря на всѣ поиски, трупа найти не могли и только послѣ уже нашли вдали отъ траншеи трупъ, съ штыковою раною въ груди и со слѣдами сабельныхъ ударовъ на овчинномъ архалукѣ. Оказалось, что офицерская сабля не причинила никакого вреда турку и онъ, убѣгая, попалъ на болѣе дѣйствительное: на штыкъ солдата.

Что успѣло бѣжать, то бѣжало, а запоздавшіе легли подъ ударами ворвавшихся молодцовъ.

Паника была полная и турки бѣжали, оставивъ даже въ палаткахъ зажженныя свѣчи и въ очагахъ недопекшіяся лепешки.

Очистивъ ложементы, охотники двинулись дальше преслѣдовать турокъ и нагнали ихъ на Семеновскихъ, стоявшихъ на верху горы. Всего было

взято въ плѣнъ сорокъ семь человѣкъ, а остальные, пользуясь покровомъ ночи, успѣли разбѣжаться по ущельямъ. На другой день охотники спустились внизъ и соединились съ своимъ батальономъ, тоже спустившимся съ горы, и пошли на бивуакъ къ мосту. Но недолго пришлось отдохнуть. Въ девять часовъ вечера приказано было выступить по дорогѣ въ Этрополь, на помощь колоннѣ генерала Дандевиля, отъ которой еще не было извѣстій. И такъ, выйдя 9-то числа на позицію, батальонъ простоялъ тамъ ночь съ 10-то на 11-е. Ночью же совершилъ переходъ на другое мѣсто. Днемъ, 11-го, сдѣлалъ переходъ до Правца, простоялъ цѣлый день подъ огнемъ, выдѣлилъ отъ себя охотниковъ, совершившихъ ночной подвигъ съ 11-го на 12-е число. Часть полка прогулялась въ отрядъ генерала Рауха и обратно, придя только къ семи часамъ вечера и находясь въ походѣ цѣлыя сутки, а въ девять часовъ вечера, т. е. въ ночь съ 12-го на 13-е совершила переходъ до Гонъ-Бругена. Такимъ образомъ, три дня и три ночи батальоны провели въ трудахъ, лишеніяхъ, не успѣвая согрѣть себѣ даже простаго кипятку.

Лишенія эти не считаются даже за заслугу солдату, его не похвалятъ за то, даже забудутъ, только потому, что не было блестящаго дѣла, никто не отличился и было мало убитыхъ, раненыхъ и искалеченныхъ, а о павшихъ отъ истощенія и болѣзней, сбившихъ себѣ ноги по скаламъ Балканъ, проводившихъ въ рваномъ пальтишкѣ холодныя ноябрскія ночи,—въ реляціяхъ не упоминаются.

И. Зноско-Боровскій I-й.

Форсированный маршъ

на Шандорникъ и Большіе Балканы.

Вслѣдствіе полученнаго отъ генерала Дандевиля извѣстія, что его отрядъ аттакованъ въ превосходныхъ силахъ турками, командующій 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Раухъ лично приказалъ мнѣ немедленно выступить съ бивуака и, по случаю болѣзни командующаго полкомъ, принять начальство надъ отрядомъ, состоящимъ изъ трехъ ротъ 1-го батальона, ротъ: Его Величества, 3-й и 4-й, трехъ—2-го батальона 6-й, 7-й и 8-й, и двухъ ротъ 4-го батальона 15-й и 16-й, всего восемь ротъ; безъ артиллеріи и обоза, слѣдовать фарсированнымъ маршемъ; для указанія пути назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ.

Мгновенно все было готово къ выступленію и въ шесть часовъ вечера, 16-го ноября 1877 года, отрядъ подъ моимъ начальствомъ выступилъ изъ Этрополя къ перевалу Вратешки.

Съ самаго выступленія начался рядъ трудныхъ препятствій: батальоны слѣдовали, вмѣсто дороги, по руслу рѣки Малаго Искера, по колѣно въ водѣ, до Преображенскаго бивуака, гдѣ былъ малый привалъ. Командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, князь Оболенскій предложилъ мнѣ четырехъ своихъ солдатъ, быть проводниками къ Шандорнику, дорога которымъ была отчасти извѣстна, но какъ мнѣ слѣдовало идти на Вратешки, то я и не воспользовался этимъ предложеніемъ, а положился на двухъ проводниковъ изъ мѣстныхъ болгаръ и третьяго проводника, состоящаго при генералъ-адъютантѣ Гурко, учителя изъ Эски-Загры.

Съ Преображенскаго бивуака наступила непроницаемая темнота, полилъ дождь, въ перемѣжку со снѣгомъ, а при подъемѣ въ горы начало морозить: сдѣлалась гололедица, безъ палки никто не могъ сдѣлать шага, скользили, обрывались и падали назадъ, у многихъ, въ томъ числѣ и у меня, были двѣ палки; это и дало мнѣ возможность послѣ нѣсколькихъ паденій не отставать отъ авангарда, въ которомъ слѣдовала рота Его Величества. Дорога, скорѣе тропинка, была такъ узка, что двумъ рядомъ идти было невозможно; отрядъ растянулся на нѣсколько верстъ. Долѣзли до бивуака 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка двѣнадцатаго три четверти часа ночи; непріятельская канонада начала стихать, по временамъ пробѣгала дробью ружейная стрѣльба.

Тутъ въ лощинѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ отряда генерала Дандевиля, на который уже было снесено значительное число раненыхъ Великолуцкаго пѣхотнаго полка; стоны и вскрикиванія ихъ отъ боли, при постоянныхъ толчкахъ носильщиковъ, ноги которыхъ скользили по гололедицѣ и грязи, производили тяжелое впечатлѣніе; поэтому я рѣшился отодвинуть путь слѣдованія отряда, болѣе вправо, чтобы избѣжать по возможности этихъ кровавыхъ картинъ и неминуемыхъ разспросовъ моихъ солдатъ у раненыхъ и носильщиковъ, о только что начавшемся геройскомъ Великолуцкомъ боѣ, послѣдствія котораго еще не были извѣстны никому, а мы полные гордостію двухъ уже бывшихъ боевъ: 12-го октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и 11-го ноября подъ Правцемъ, гдѣ 4-й батальонъ Измайловскаго полка выбѣжалъ весь впередъ въ охотники—дышали боемъ.

Желая дать часовой отдыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ собрать отрядъ, я, къ сожалѣнію, этого не могъ исполнить. Встрѣтившій меня помощникъ начальника штаба отряда генерала Гурко, полковникъ Сухотинъ, объявилъ, что отрядъ генерала Дандевиля находится въ опасномъ положеніи; добраться до его позиціи требуется много времени, можетъ быть нѣсколько

часовъ, и поэтому онъ въ присутствіи командира 4-го драгунскаго полка, полковника Ребиндера, передалъ мнѣ приказаніе отъ имени генералъ-адъютанта Гурко: безостановочно слѣдовать на перевалъ Вратешки въ распоряженіе генерала Дандевиля.

Въ двѣнадцать съ четвертью часовъ ночи выступилъ, нѣтъ — скорѣе поползъ опять въ горы; Государеву роту изъ авангарда смѣнилъ 15-ю ротою. Съ драгунскаго бивуака подъемъ былъ изумительной крутизны, такъ крутъ, что съ помощію посоховъ, какъ упомянулъ выше, возможно было влѣзть, но спуститься обратно не представляло никакой возможности, по случаю выпавшаго снѣга и гололедицы; въ - проводники, кромѣ упомянутыхъ выше трехъ проводниковъ, командиръ 4-го драгунскаго полка, далъ только что бывшаго на перевалѣ офицера, которому я приказалъ быть въ авангардѣ вмѣстѣ съ проводниками, но, къ нашему большому затрудненію, пошелъ въ горахъ густой съ хлопьями снѣгъ; мы сбились съ дороги; два проводника болгарина скрылись. Положеніе сдѣлалось очень затруднительное, тѣмъ болѣе, что была каждая минута дорога, я это понималъ.

Простояли на одной вершинѣ около часа, снѣгъ сталъ проходить; опять бѣда, нашло облако, мгновеніе было хуже снѣга; промокли до костей, трудно было дышать; люди стали застывать, въ особенности ноги, потому что у рѣдкихъ были сапоги цѣлые, но почти у всѣхъ—не исключая даже офицеровъ—ноги были обернуты разнымъ турецкимъ тряпьемъ и суконками отъ ихъ же мундировъ. На другой сосѣдней вершинѣ, пониже нашей, показались бивуачные огни, значительно большаго фронта и глубины. Чей бивуакъ, кто былъ? осталось неизвѣстно. Отрядъ я поднялъ, пошелъ на слѣдъ выѣхавшаго впередъ драгунскаго офицера, который отыскалъ тропу.

Отрядъ слѣдовалъ въ такой тишинѣ и съ такими мѣрами предосторожности, что въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно бы узнать: курить, разговаривать, или какіе либо давать сигналы—я строжайше воспретилъ, манерки и тесаки приказалъ крѣпко подвязать. Появился на тропѣ въ виду огонекъ, обрадовались мы, но негостепріименъ онъ былъ: догоралъ маленькій костеръ, стояло четыре ружья въ козлѣ и тутъ же страшно изуродованныхъ уже мертвыхъ нашихъ сотоварищей Великолуцкихъ: вѣроятно, патруль, но этотъ примѣръ былъ назидателенъ на всю кампанію; всему отряду пришлось по одиночкѣ пройти у этой безпечно-несчастной группы, нѣкоторые крестились и посылали Царство Небесное, другіе съ содроганіемъ отворачивались; дѣйствительно, картина ужасная. Послышался скрипъ носилокъ и стоны несомыхъ раненыхъ. Опять огонекъ, но возлѣ его палатка и докторъ дѣлаетъ перевязку; далѣе по дорогѣ начали попадаться убитые и умершіе отъ ранъ, которыхъ не носили на перевязочный пунктъ, но тутъ же на дорогѣ съ боку оставляли. Наконецъ, по-

казался на лошади; посланный генераломъ Дандевилемъ мнѣ на встрѣчу, казачій офицеръ, который и провелъ меня къ ставкѣ.

Засталъ я генерала сидящимъ у костра, въ нѣсколькихъ шагахъ у орудій была разбита палатка, въ которой лежалъ генералъ-маіоръ Красновъ, при видѣ меня поднялся на локоть и проговорилъ: «Ну, спасибо, полковникъ, скоро такъ не ждали, а тутъ было за револьверы схватились съ генераломъ и артиллеристами. Проклятый турка хотѣлъ было сѣсть на наши пушки, съ утра опять начнетъ, но слава Богу, мы подкрѣпчали, гвардія на выручку пришла; авось съ туркой совладаемъ», и повернулся на другой бокъ.

Мнѣ предложенъ былъ артиллерійскими офицерами 1-й гвардейской бригады—Адамовскимъ и Ермаковымъ—чай, явившійся по случаю выпавшаго снѣга, такъ какъ воды не было прежде; чай такъ меня подкрѣпилъ, что, не успѣвъ допить, я свалился на плечо сосѣда и уснулъ нѣсколько минутъ. Слышу голосъ генерала Дандевиля, не спавшаго всю ночь: «полковникъ, пора на позицію: турки зашевелились». Я вскочилъ на ноги, скомандовалъ въ ружье, въ нѣсколько минутъ все было готово; приказалъ снять шапки: перекрестились и пошли на позицію впередъ. Наши орудія начали стрѣлять шрапнелью по турецкой батареѣ и только что стянулся 2-й батальонъ л.-гв. Измайловскаго полка, какъ прилетѣла и лопнула отвѣтная турецкая граната. Флигель-адъютантъ полковникъ Кршивицкій, командиръ 2-го батальона, бывшій при мнѣ, сказалъ иронически: «первая». Вслѣдъ за нею вторая, и открыли турки частый, но не мѣткій огонь изъ трехъ редутовъ, обстрѣливающій вдоль и вкось наше движеніе; въ этотъ день много разрывалось гранатъ.

Пройдя съ ротами 2-го батальона и 16-го болѣе версты подъ артиллерійскимъ огнемъ, кажется, мы имѣли не болѣе двухъ или трехъ выбывшихъ изъ строя отъ гранатъ; это обстоятельство отлично дѣйствовало на духъ солдатъ.

Генералъ Дандевиль, опередя батальонъ, приказалъ мнѣ остановить его, укрыться отъ непріятельскихъ снарядовъ, и затѣмъ, какъ только турецкая батарея, обстрѣливающая подступъ нашъ, замолчитъ, начать рыть ровики для артиллеріи, а стрѣлкамъ ложементы. Онъ назначилъ меня, по случаю болѣзни командира Великолуцкаго полка, командовать правымъ флангомъ позицій съ присоединеніемъ ко мнѣ двухъ батальоновъ Великолуцкаго пѣхотнаго полка, стрѣлковыя роты котораго ночью заняли гребень горы и держались до утра. Я приказалъ: полковнику Кршивицкому, бывшему верхомъ, смѣнить цѣпь Великолуцкихъ своими стрѣлками, а именно—16-ю ротою подъ командою штабсъ-капитана де-Пона, и вырыть ложементы, что было исполнено подъ сильнѣйшимъ анфиладнымъ артиллерійскимъ огнемъ не болѣе какъ въ полчаса времени подъ руководствомъ штабсъ-капитана де-Пона, съ замѣчательною точностію. Въ это время полурота

6-й роты, подъ командою поручика Долгаго, сдѣлала ровики для артиллерійской прислуги, поставила два девяти-фунтовыхъ орудія л.-гв. 1-й артиллерійской бригады штабсъ-капитана Адамовскаго и, измѣривши дистанцію дальномѣромъ полковника Мартишева, начала очень удачно отвѣчать туркамъ; однимъ изъ выстрѣловъ, послѣ наводки поручикомъ Ермаковымъ, удалось попасть въ турецкій таборъ, слѣдовавшій на нашъ правый флангъ, выстрѣлъ произвелъ замѣтное замѣшательство въ таборѣ, но не остановилъ его движенія даже и другой мѣткій выстрѣлъ; турки спрятались за гребень горы. 7-й ротѣ приказалъ я, на указанномъ мнѣ мѣстѣ генераломъ Красновымъ, тоже сдѣлать ровики для артиллеріи, что и было исполнено подъ артиллерійскимъ огнемъ командиромъ роты штабсъ-капитаномъ барономъ Розеномъ, которымъ было взято поставленное и дѣйствовавшее уже такъ удачно орудіе, поднято наверхъ въ новые ровики, съ которыхъ штабсъ-капитанъ Адамовскій открылъ удачный огонь по Арабъ-Конаку, гдѣ былъ турецкій лагерь. Въ нѣсколько часовъ мы стали твердою пятою на новой позиціи противу грознаго и неприступнаго Шандорника съ сосѣдними его редутами, противу четырнадцати или шестнадцати дальнобойныхъ орудій, которые буквально засыпали чугуномъ всю нашу позицію; ранѣе того вся позиція была засыпана новыми турецкими патронами Генри Мартина, буквально сотнями тысячъ; не было мѣста гдѣ бы ихъ массами не валялось; были брошены турками даже цѣльные цинковые ящики съ патронами; все это свидѣтельствовало, что турки отступили къ редутамъ и къ Гюльдисъ-Табіи въ страшнѣйшемъ паническомъ страхѣ и въ полномъ разстройствѣ. Судя по брошеннымъ патронамъ можно было судить, что тутъ была вся армія; солдаты смѣялись, говоря, что это вѣрно съ того свѣта такая гибель патроновъ, что съ ними можно пройти курсъ стрѣльбы всему гвардейскому корпусу, да жаль тетрадей нѣтъ...

Въ часъ дня, турки усилили бомбардированіе, слышимъ впереди—передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ закипѣла ружейная перестрѣлка съ криками «ура»; въ это время пріѣхалъ генералъ Раухъ; будучи самъ нѣсколько очевидцемъ перестрѣлки и желая отвлечь огонь, какъ оказалось, отъ двухъ ротъ Псковскаго полка, бросившихся на турецкій редутъ, которыя и были уже въ редутѣ, но превосходными силами выбитыя изъ него, и все еще державшіяся у редута,—приказано мнѣ было отправить для демонстраціи одинъ 2-й батальонъ Измайловцевъ, который вышелъ въ колоннѣ изъ середины съ барабаннымъ боемъ, какъ на ученьи, развернулся поротно въ двѣ линіи, выслалъ въ цѣпь, привлекъ на себя и сосредоточилъ огонь всѣхъ батарей и редутовъ и подошелъ такъ близко къ редуту Шандорника (Гюльдисъ-Табія), что началъ нести уронъ отъ ружейнаго огня. Скоро и 1-й батальонъ вслѣдъ за 2-мъ былъ отправленъ подъ командою полковника Кандаурова, для той же цѣли и исполнена имъ таже

роль; на позиціи осталось всего два батальона Великолуцкаго полка, бывшіе во 2-й линіи, но вслѣдъ за выходившими Измайловцами послѣдовавшіе, занимать мѣста.

Измайловскіе батальоны отвлекли вниманіе турокъ отъ отступавшихъ двухъ ротъ Псковцевъ и много способствовали стройности и порядку при отступленіи, они дали возможность Псковцамъ убрать часть раненыхъ и даже убитыхъ, и сами отступили въ возможномъ порядкѣ на свою, облитую турецкою кровію, позицію.

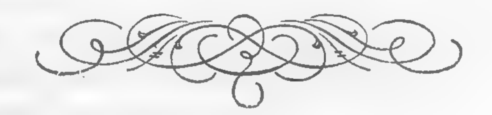
Потери 17-го ноября въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку въ обоихъ батальонахъ: одинъ офицеръ контуженъ, двѣнадцать нижнихъ чиновъ убито и двадцать восемь раненыхъ.

Усталость дошла до полнѣйшаго изнеможенія: люди тяготились оттащить тѣла убитыхъ турокъ, ночь провели между трупами страшно изуродованныхъ штыками, прикладами и артиллерійскимъ огнемъ. Утро 18-го началось артиллерійскою стрѣльбою, которая не утихала во всю ночь; наша артиллерія стрѣляла залпами цѣлыхъ батарей, начиная съ семи часовъ вечера черезъ два часа до одиннадцати часовъ утра 19-го ноября. 18-го пріѣхалъ на позицію генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Гурко и благодарили людей за бой.

Послѣдствіемъ этого боя было окончательное укрѣпленіе позиціи у Шандорника (Гюльдисъ-Табія) Арабъ-Конака, и 17-го же ноября съ вечера начался рядъ труднѣйшихъ работъ въ каменистомъ грунтѣ, съ малымъ числомъ шанцеваго инструмента, подъ выстрѣлами редутовъ и батарей, при измѣнившейся погодѣ, прежде ненастья съ вѣтрами, а съ 20-го ноября при морозахъ, доходившихъ до семнадцати и болѣе градусовъ; съ людьми безъ полушубковъ, получавшихъ по полуфунту сухарей, а иногда и того менѣе, въ сутки на человѣка; при ослабѣвшемъ организмѣ напряженіе доходило до крайнихъ предѣловъ; были случаи, что замерзали люди на аванпостахъ. Нарядъ на службу былъ, по малочисленности отряда, безъ отдыха и сна: сутки на аванпостахъ одинъ батальонъ, другой батальонъ въ дежурной части, а прочіе, всѣ остающіеся—на двѣ смѣны на фортификаціонныя работы. Когда прибылъ на позицію лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ подъ командою полковника Шмита, служба сдѣлалась полегче. Затѣмъ начали прибывать и оставшіяся роты лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка изъ Этрополя съ девяти-фунтовыми орудіями 4-й и 5-й батарей лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады.

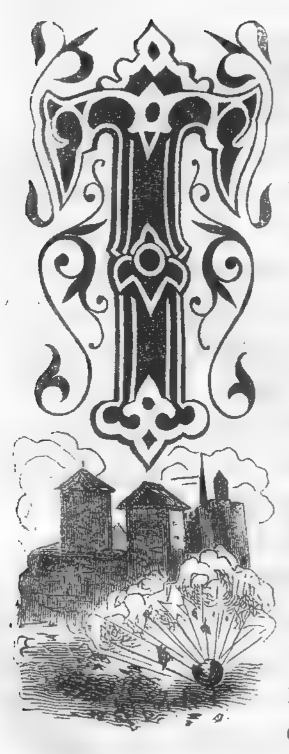
Д. Р.

Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ
подъ Плевной.

(съ 12-го октября по 2-е декабря 1877 г.).

I.

Только 12-го октября было сомкнуто желѣзное кольцо, охватившее Плевну. Въ этотъ день былъ взятъ Горный Дубнякъ, лежащій на Софійскомъ шоссе, единственной дорогѣ, остававшейся до сихъ поръ въ рукахъ Османа для сообщенія съ остальными турецкими войсками и подвоза припасовъ. Горный Дубнякъ взятъ, какъ извѣстно, 1-ю и 2-ю гвардейскими дивизіями, а остальныя войска, находившіяся подъ Плевной, демонстрировали противъ Плевны, съ цѣлью отвлечь на себя силы Османа-паши и лишить его возможности подать помощь Горному Дубняку; въ томъ числѣ и 3-я гвардейская дивизія, находившаяся на лѣвомъ флангѣ русскаго расположенія плевненской арміи. Первые три полка дивизіи находились у деревни Ральево, а четвертый, лейбъ-гвардіи Волынскій, былъ выдвинутъ верстъ на семь лѣвѣе, къ деревнѣ Медованъ, на правомъ берегу рѣки Вида, для наблюденія за Софійскимъ шоссе, проходившимъ по ту сторону рѣки.

На 12-е октября по диспозиціи лейбъ-гвардіи Волынскому полку назначалось двинуться въ деревню Трнино и, если будетъ возможно безъ большихъ потерь, занять ее. Трнино лежитъ въ равнинѣ на правомъ берегу Вида. Влѣво отъ нея, за рѣкой, разстилается громадная равнина, а правый ея конецъ примыкаетъ къ подножію довольно крутыхъ и высокихъ горъ, съ которыхъ деревня великолѣпно обстрѣливается. Ясно, что

занять только деревню, не имѣя въ своихъ рукахъ прилежащихъ горъ, представлялось рискованнымъ и во всякомъ случаѣ можно было не на долго, если на горахъ присутствуетъ непріятель. Что онъ тамъ находится, это было несомнѣнно, потому что противъ нашей позиціи виднѣлись турецкіе ложементы. Но сколько его? Для разрѣшенія этого вопроса и вообще для рекогносцировки впереди лежащей мѣстности отъ 4-го батальона вызваны были охотники, по пяти человѣкъ съ каждой роты, а вмѣстѣ съ ними вызвался охотникомъ же субалтернъ-офицеръ 13-й роты подпоручикъ Алексинъ. Предпріятіе было, конечно, рискованное, такъ какъ нужно было пробраться довольно далеко отъ своей позиціи, перебраться черезъ рѣчку Чернявку, впадающую въ Видъ, и затѣмъ еще влѣзть на крутую гору. Много шансовъ было за то, что они не вернутся, по крайней мѣрѣ, не всѣ. Ихъ проводили почти на вѣрную смерть и всѣ съ замираніемъ сердца прислушивались въ мертвой тишинѣ ночи къ тому, что происходитъ впереди. Что испытывалъ самъ Алексинъ во время рекогносцировки—воспроизвести трудно,—нужно быть на его мѣстѣ. Долго тянулось это томительное ожиданіе. Но, къ счастію, рекогносцировка удалась вполнѣ благополучно. Всѣ цѣлы и невредимы возвратились обратно часовъ около двухъ ночи. Алексинъ забрался версты за три отъ своего бивуака. На этомъ разстояніи турокъ вовсе не оказалось. Есть ложементы, но никѣмъ не занятые. Подобрались къ турецкому бивуаку, видѣли турецкія палатки, но сколько именно тамъ было турокъ, опредѣлить трудно, такъ какъ Алексинъ видѣлъ только тѣ палатки, которыя стояли по скату горы, обращенному къ нему, а сколько палатокъ за гребнемъ горы,—сказать, конечно, трудно. Но вообще можно сказать, что отрядъ не очень значительный, судя по кострамъ и говору. Стоятъ турки безъ всякихъ предосторожностей, вслѣдствіе чего Алексину и удалось подойти довольно близко. Очевидно, что туркамъ и не снилось, чтобы съ этой стороны имъ угрожала какая-либо опасность.

12-го октября, въ исходѣ шестаго часа утра, полкъ уже былъ готовъ къ выступленію. Построились въ глубокомъ молчаніи. Командиры здоровались съ солдатами въ полголоса, приказанія отдавались чуть не шопотомъ, изъ опасенія неосторожнымъ крикомъ выдать свое присутствіе туркамъ. Ротные командиры обходили ряды, осматривали все ли въ порядкѣ и отдавали послѣднія приказанія. Всѣ ожидали, что сейчасъ же начнется «дѣло», всѣ были торжественно серьезны и сосредоточены. Тишина еще больше придавала торжественности этой минутѣ приготовленія къ первому бою. Но не смотря на эту серьезность и сосредоточенность, у всѣхъ на душѣ былъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. «Наконецъ-то и мы идемъ въ дѣло», думалось каждому, «наконецъ-то дождались!» Душа неудержимо рвалась скорѣе, какъ можно скорѣе, впередъ. Сознаніе, на основаніи многихъ данныхъ, говорило, что дѣло будетъ жаркое, опасное. Но именно

эта-то большая опасность еще болѣе разжигала воображеніе, еще въ болѣе заманчивомъ свѣтѣ представляла «дѣло». Тамъ впереди пули, можетъ быть, рана, можетъ быть, смерть. Жутко какъ-то, но хорошо-жутко. Скорѣе, скорѣе туда...

Наконецъ, въ исходѣ шестаго все было готово. Полкъ двинулся, опять соблюдая наивозможную тишину, точно охотникъ, на двадцать шаговъ подобравшійся къ дичи и неосторожнымъ движеніемъ опасающійся спугнуть ее. Но ушли не далеко. Скоро дошли до ущелья, выходящаго въ равнину, по которой протекаетъ Видъ. Вся равнина покрыта густымъ туманомъ. Еле-еле только вдали обрисовались черезъ нѣсколько времени высокіе тополи. Это деревня Трнино, которую намъ предстояло занять. Мы остановились за горой, 4-й и 2-й батальоны. Остальные ушли куда-то вправо, на гору. Къ намъ сюда присоединился одинъ батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, пришедшій къ намъ на подкрѣпленіе. Въ Главной квартирѣ очень опасались въ этотъ день за нашъ полкъ, оставшійся совершенно особнякомъ, вдали отъ другихъ войскъ. Вся дивизія, какъ я сказалъ выше, была верстахъ въ семи вправо, а слѣва ужъ и совершенно никого не было. Поэтому лишній батальонъ много значилъ.

Ждемъ и усиленно всматриваемся въ туманную даль. Наконецъ къ намъ подъѣхалъ командиръ полка, генералъ-маіоръ Мирковичъ. Вызываетъ командующаго 13-й ротой, поручика Доможирова, приказываетъ роту поручить подпоручику Алексину, а самому со взводомъ отправиться по равнинѣ къ Трнино, разузнать, занята ли деревня непріятелемъ. Они ушли, командиръ полка уѣхалъ, а мы остались на томъ же мѣстѣ. Но скоро и 4-му батальону пришло приказаніе двинуться впередъ къ батареѣ, построенной полкомъ еще раньше. Первоначально разсчитывали, въ случаѣ наступленія турокъ, принять бой на Медованской позиціи, а потому заблаговременно укрѣпили ее. Построенъ былъ люнетъ, батарея, вырыты траншеи. У батареи 4-й батальонъ былъ оставленъ. Отсюда мы уже должны наступать въ боевомъ порядкѣ, здѣсь должны получить послѣднія приказанія отъ командира полка относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Во время этой остановки мы увидѣли, что внизу, по равнинѣ мимо насъ къ Трнину, скорымъ шагомъ идетъ капитанъ Рыдзевскій во главѣ своей 6-й роты, за нимъ 7-я рота и весь 2-й баталіонъ. Съ страшною завистью смотрѣли мы на этихъ счастливцевъ, уже идущихъ къ Трнину. Съ завистью и почти съ обидой, на то, что не насъ, стрѣлковъ, законныхъ, такъ сказать, по своему назначенію, зачинателей всякаго дѣла, пустили первыхъ. Но 2-й батальонъ стоялъ уже почти на дорогѣ, въ лощинѣ, а намъ еще надо было преодолѣть много препятствій, чтобы спуститься къ Трнину. А тамъ между тѣмъ произошло вотъ что. Поручикъ Доможировъ вошелъ въ деревню безпрепятственно. Она была не занята турками. Поэтому онъ послалъ одного изъ Астраханскихъ драгунъ,

данныхъ Доможирову генераломъ Мирковичемъ, сказать, что деревня пуста. Но черезъ нѣсколько времени Доможировъ замѣтилъ, что вдали, съ горъ спускается турецкая колонна. А тутъ вдругъ и изблизи на него посыпались пули, (оказалось, что турки) съ мельницы, находившейся на той сторонѣ рѣки. Доможировъ обо всемъ этомъ далъ знать и вотъ на помощь къ нему былъ посланъ 2-й батальонъ. Капитанъ Рыдзевскій, подойдя къ деревнѣ и узнавши, въ чемъ дѣло, прямо бросился въ рѣку и съ крикомъ «ура» перебѣжалъ съ ротой къ мельницѣ, откуда турки моментально шарахнулись на утекъ, обрубивъ постромки у лошадей, запряженныхъ въ телѣги. Ихъ было человѣкъ около двадцати, пріѣхавшихъ на мельницу за мукой. Было и нѣсколько баши-бузуковъ, которые начали было гарцовать по той сторонѣ рѣки, стрѣляя въ деревню, но нѣсколько мѣткихъ пуль съ нашей стороны, ссадивши съ лошадей трехъ изъ этихъ наѣздниковъ, заставили и остальныхъ убраться во свояси. 2-й батальонъ остался въ Трнинѣ, а поручикъ Доможировъ присоединился къ батальону, услыхавъ трескотню выстрѣловъ на горѣ. Въ это время ужъ и до насъ дошла очередь. Мы было уже совершенно отчаялись быть сегодня въ дѣлѣ и съ грустнымъ разочарованіемъ ожидали у батареи. Но вотъ и намъ приказано развернуться въ боевой порядокъ, показано, куда направиться. Съ батареи, какъ на ладонкѣ, видна была впереди лежащая мѣстность. Передъ нами сейчасъ проходило Картужеванское ущелье, по которому протекала рѣчка Чернавка. За нею тремя гребнями поднималась опять высокая гора, названная потомъ Волынскою. На лѣвомъ гребнѣ виднѣлся турецкій ложементъ. Поротно въ двѣ линіи, 2-я и 3-я роты въ первой линіи, пошли мы наконецъ впередъ. Лѣвый флангъ 3-й роты долженъ былъ идти на турецкій ложементъ, который оказался пустымъ. Добравшись до гребня горы, сдѣлали маленькій отдыхъ и осмотрѣлись. Гора спускается полого внизъ, но идти ничуть не легче: начались кусты терновника, который на каждомъ шагу цѣплялся за платье. Пройдя немного, совсѣмъ остановились. Передъ нами опять глубокая лощина, вся сплошь покрытая терновникомъ. За лощиной снова гора еще выше. Дальше идти довольно трудно, да, наконецъ, и цѣли нѣтъ. Мы остановились даже дальше, чѣмъ намъ было нужно, впереди Трнина, слѣдовательно, деревня въ нашихъ рукахъ и задача наша выполнена. Забираться дальше невозможно было уже и потому, что мы и такъ далеко забрались, а сила наша всего пять батальоновъ, да батарея. По донесенію же подпоручика Алексина, на слѣдующей горѣ въ прошедшую ночь располагались турки. Надо было узнать, что тамъ теперь находится. Вправо былъ посланъ со взводомъ 13-й роты подпоручикъ Рославлевъ, слѣва тоже со взводомъ подпоручикъ Шкинскій. Обоимъ было приказано, въ случаѣ открытія непріятеля, отступать на фланги, чтобы не помѣшать своей стрѣльбѣ. Остальные два батальона остались на гребнѣ

Волынской горы, такъ что наше расположеніе вышло клиномъ, переднюю часть котораго занялъ 4-й батальонъ. На правомъ флангѣ расположился 1-й батальонъ, отъ котораго впередъ также были посланы патрули съ поручикомъ Ѳоминымъ и подпоручикомъ Погорѣцкимъ. Патруль послѣдняго накрылъ нѣсколько человѣкъ турокъ, мирно бесѣдовавшихъ у колодца въ лощинѣ и не подозрѣвавшихъ, что врагъ такъ близко. Замѣтя русскихъ, они опрометью ударились бѣжать, оставивъ въ добычу Погорѣцкому всѣ свои сумочки съ кукурузой и хлѣбомъ и прочія кой-какія пожитки, и между прочимъ, завязанную въ платкѣ цѣлую горсть серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ.

Итакъ, стало быть, турки были здѣсь, на горѣ. Черезъ нѣсколько времени, впрочемъ, они болѣе осязательнымъ образомъ заявили о себѣ. Цѣлый залпъ раздался въ той сторонѣ, куда пошелъ подпоручикъ Рославлевъ, а затѣмъ посыпались пули и на насъ, провожая отступающій взводъ Рославлева. Мы начали копать ложементы, впрочемъ, только въ цѣпи, такъ какъ для резерва не хватило лопатъ, и онъ долженъ былъ на первое время ограничиться воображаемымъ прикрытіемъ—кустами терновника.

Трудно дать себѣ отчетъ въ томъ ощущеніи, которое я испытывалъ, находясь подъ первыми пулями. Находясь въ ажитаціи подъ вліяніемъ того же чувства праздника на душѣ, я какъ бы игнорировалъ опасность, которой угрожала каждая, свистѣвшая около меня, пуля. Хотя и шевелилось въ мозгу сознаніе, что каждая пуля, возьми она другое направленіе, можетъ положить меня на мѣстѣ, но это сознаніе было гдѣ-то такъ далеко и такъ незначительно, что на него не обращалъ ни малѣйшого вниманія. Тѣмъ болѣе, что съ другой стороны была какая-то необъяснимая, но глубокая увѣренность, что ни одна пуля не задѣнетъ меня, точно всѣ эти пули свистятъ только для моего удовольствія, и я стоялъ и ходилъ взадъ и впередъ совершенно спокойный за себя. А въ это время двоихъ уже успѣли ранить, одного во взводѣ Рославлева, другаго у меня въ резервѣ. Цѣпь между тѣмъ успѣла вырыть ложементы и залечь въ нихъ. Стрѣлять было не въ кого,—турки залегли за гребень и оттуда окрещивали насъ. Резервъ тоже залегъ по кустамъ. Наконецъ, видя, что я одинъ служу видимою цѣлью, тоже прилегъ за кустомъ. Вотъ тутъ ужъ совершенно другое чувство пошло. Пока я ходилъ отъ цѣпи къ резерву и обратно, пока былъ въ дѣятельности, я плохо сознавалъ опасность, а тутъ сознаніе начало пробиваться сильнѣе. Хотя увѣренность моя и не была поколеблена, однако, находясь въ полномъ бездѣйствіи, не слыша никакихъ другихъ звуковъ, кромѣ рѣдкаго журчанія пуль, слышнаго издалека, волей-неволей начинаешь слѣдить за этимъ журчаніемъ. Слѣдомъ за этимъ и сознаніе начинаетъ работать дѣятельнѣе, сознаніе, что журчаніе это опасно, что пуля можетъ попасть. А при мысли, что самъ можешь только пассивно выжидать, чѣмъ все это кончится,

это сознаніе невыразимо скверно дѣйствуетъ на физическое и моральное состояніе человѣка. Всякое неопредѣленное состояніе не хорошо. Самый дурной исходъ, но исходъ уже извѣстный, успокоиваетъ человѣка больше, нежели томительная неизвѣстность. Тутъ, заслышавъ издали пулю, недолго ждать конца неопредѣленнаго состоянія. Но моментъ стоитъ дорого. Неопредѣленность граничитъ между жизнью и смертью. Да и моментовъ этихъ много. Не задѣла одна, а вотъ летитъ другая и—опять моментъ томительной неизвѣстности. «Задѣнетъ или не задѣнетъ?» Страннымъ, можетъ быть, покажется, что я слышалъ полетъ пуль издалека, такъ какъ обыкновенно бываетъ, что ужъ если слышишь пулю, значитъ она далеко перелетѣла назадъ, значитъ она не страшна. Еслибы стрѣльба была частая, очень можетъ быть, что я могъ ошибиться, но при той рѣдкой стрѣльбѣ, которая была въ концѣ перестрѣлки, когда слышишь каждый отдѣльный выстрѣлъ и слѣдомъ за нимъ журчаніе пули, трудно ошибиться, что это другая пуля шлепнулась около тебя, а не та, которую слышалъ. Очень можетъ быть, что пули были уже на излетѣ и потому скорость полета была медленна. Впрочемъ, трудно вдаваться въ какія бы то ни было объясненія, также какъ трудно проанализировать вообще то состояніе духа, въ которомъ находишься подъ пулями, да еще въ полной бездѣятельности. Каждый разъ находишься чуть ли не въ различныхъ положеніяхъ. Могу только сказать одно, что въ тысячу разъ лучше находиться подъ градомъ пуль, нежели вотъ такъ подъ пулями, отпускаемыми, что называется, черезъ часъ по столовой ложкѣ. Это я испыталъ на себѣ подъ Ташкисеномъ.

Перестрѣлка для перваго раза была небольшая. Вскорѣ все стихло. Убыль была не велика,—трое раненыхъ. Въ ночь мы окопались, и,—засѣли на своей горѣ на полтора мѣсяца.

II.

На другой день пріѣхалъ на нашу позицію Великій Князь Главнокомандующій, выразилъ намъ свою похвалу за удачное занятіе горы, которую въ честь нашего полка и назвалъ Волынской Онъ опасался только, что турки не простятъ намъ такого близкаго сосѣдства и по всей вѣроятности постараются оттѣснить насъ отсюда. Поэтому приказалъ начальнику отряда генералъ-маіору Бремзену просить себѣ подкрѣпленія. Въ тотъ же день вечеромъ присоединился къ намъ С.-Петербургскій Гренадерскій полкъ; а нѣсколько дней спустя къ нашей позиціи собралась и вся остальная дивизія. Мы же начали укрѣплять свою позицію. Еще 12-го числа была построена одна батарея на гребнѣ горы, за стрѣлками. На другой день, 13-го, начали строить другую, правѣе первой. Но въ этотъ день и у турокъ оказались уже орудія, изъ которыхъ они начали угощать

нашихъ рабочихъ (7-я рота), строившихъ батарею. Замѣчательно быстро подвигаются роботы подъ выстрѣлами! Не успѣли мы оглянуться, какъ передъ нами, послѣ первыхъ двухъ турецкихъ снярядовъ, выросла насыпь довольно значительной высоты. Я въ это время со своимъ субалтернъ-офицеромъ, подпоручикомъ Ромашовымъ, наблюдалъ изъ своего резервнаго ложемента за работой 7-й роты и за дѣйствіемъ турецкихъ гранатъ. Дѣйствіе это было, впрочемъ, очень плохое: гранаты не попадали куда слѣдуетъ, за исключеніемъ одной, упавшей въ самую насыпь вновь испеченной батареи, но не принесшей ни малѣйшаго вреда. А кромѣ того, наши орудія съ готовой уже батареи скоро заставили замолчать турецкія. Артиллерійское состязаніе происходило, впрочемъ, ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду. Но борьба была неровная; на каждый одинъ турецкій выстрѣлъ съ нашей стороны отвѣчали нѣсколькими залпами изъ возведенныхъ нами батарей, число которыхъ впослѣдствіи дошло до шести. Такъ что состязаніе было туркамъ не подъ силу и потому они скоро замолкли. Но интересное зрѣлище было во время этого артиллерійскаго состязанія. Обыкновенно,—особенно въ первые девять, десять дней,—ружейная перестрѣлка почти не умолкала. Съ самаго ранняго утра турки начали сыпать въ наши ложементы. Пальца нельзя было выставить изъ ложемента, чтобы не посыпался на него цѣлый градъ пуль, такъ что днемъ по позиціи ходили только по необходимости. Мы тоже не допускали турокъ свободно разгуливать по ихъ позиціи. Поэтому и съ той, и съ другой стороны сидѣли въ ложементахъ, не показываясь. Но какъ только раздавался первый артиллерійскій выстрѣлъ — и съ той и другой стороны моментально высыпали изъ-за бруствера и, совершенно какъ будто забывая другъ о другѣ, съ любопытствомъ слѣдили за дѣйствіемъ гранатъ. Чуть замолкали орудія, — опять вспоминали другъ про друга, опять начиналась трескотня. Турки замѣчательно не жалѣли патроновъ. Стоило только показаться на позиціи одному человѣку, по немъ сейчасъ же открывали бѣглый огонь изъ всѣхъ турецкихъ ложементовъ. Если же на нашей позиціи никого не было видно, или мы не обращаемъ вниманія на ихъ стрѣльбу, турки постреляютъ, постреляютъ по комъ нибудь, да и перестанутъ, пуская затѣмъ только изрѣдка пули, чтобы мы не забывали, должно быть, объ ихъ присутствіи. Но стоитъ намъ только одну пулю пустить въ нихъ, чтобы наказать слишкомъ смѣло высунувшагося изъ-за бруствера стрѣлка, мѣшающаго нашимъ ходить по позиціи, или въ цѣлую группу, собравшуюся у какого нибудь турецкаго ложемента, — въ отвѣтъ на это получали цѣлый градъ пуль въ ложементы. И много времени надо было пройти, чтобы они успокоились и прекратили свою трескотню. Часто, особенно когда стало холодно, турки спускались внизъ въ лощину, рубить кустарникъ для костровъ. Ну и пусть ихъ. Христосъ съ ними, тоже вѣдь холодно, погрѣться хо-

чется. Такъ нѣтъ, вѣдь: видятъ, что ихъ пускаютъ безпрепятственно, они кромѣ топоровъ забираютъ съ собой и ружья, да подобравшись по кустарникамъ поближе къ нашимъ ложементамъ, давай оттуда стрѣлять по насъ. Ну ужъ за это, конечно, пощады не было. Какъ только начнутъ турки съ вязанками взбираться къ своимъ ложементамъ, тутъ ихъ сейчасъ и накрываютъ пулями. Моментально всѣ вязанки долой, и скрючившись, а иногда ползкомъ, скорѣй давай Богъ ноги въ ложементы. Ужъ въ этотъ день развѣ ночью удавалось имъ подобрать свои вязанки.

Въ другой разъ мы замѣтили, что большая масса турокъ занята работой на ихъ лѣвомъ флангѣ, — они что-то усиленно строили. Мы открыли по нимъ огонь, сначала рѣдкій, чтобъ узнать дистанцію, а потомъ залпами по шести человѣкъ. Боже мой, какую трескотню открыли по насъ за это турки! Мы раздѣлились по частямъ,—одни стрѣляли по рабочимъ, другіе по ложементамъ. Но всѣ наши усилія сводились почти ни къ чему,—послѣ залпа турки присѣдали, но потомъ опять принимались за свое.

Ихъ заставляли работать довольно энергично. Въ подзорную трубку я увидѣлъ турецкаго офицера, съ сильными жестикуляціями распоряжавшагося работами. Я приказалъ направить выстрѣлы въ него. Послѣ перваго же залпа онъ моментально скрылся, но работы все таки продолжались. Наконецъ къ намъ на помощь пришла артиллерія, выпустила нѣсколько гранатъ въ рабочихъ, послѣ чего они прекратили совсѣмъ работу. Но затѣмъ, въ слѣдующіе дни, артиллерія все-таки должна была обращать свое вниманіе на это мѣсто, такъ какъ работы продолжались. Но большая часть работъ у нихъ производилась, по всей вѣроятности, ночью, такъ какъ въ концѣ концовъ имъ удалось настроить здѣсь множество землянокъ, названныхъ нами муравейникомъ вслѣдствіе того, что тутъ постоянно турки копошились, какъ муравьи, работая свои жилища.

Но этотъ день, въ который мы въ первый разъ открыли сильный огонь по турецкимъ рабочимъ, былъ, можно сказать, и послѣднимъ, въ смыслѣ жаркой перестрѣлки. Потомъ мы уже перестали такъ недоброжелательно относиться къ нимъ. Во-первыхъ, рабочіе были слишкомъ далеко для мѣткой стрѣльбы изъ ружей — это мы предоставили уже артиллеріи. А во-вторыхъ, на насъ изъ другихъ батальоновъ, расположенныхъ сзади, начали сыпаться нареканія, что мы своимъ огнемъ мѣшаемъ имъ заняться чѣмъ бы то ни было, и также принуждаемъ ихъ сидѣть въ ложементахъ. Поэтому мы старались не возбуждать стрѣльбы турокъ и въ концѣ концовъ добились обоюднаго соглашенія: мы не стрѣляемъ, и они молчатъ, и даже ужъ позволяютъ намъ свободно ходить по позиціи, за рѣдкими исключеніями. Пуститъ какой нибудь нетерпѣливый турокъ пулю, но видитъ, что на него не обращаютъ вниманія, и перестанетъ. И имъ, и намъ надоѣло стрѣлять. А сначала, въ первые дни, такъ и по на-

ступленіи темноты опасно было нѣсколько времени выходить изъ ложемента. Перестрѣлка кончилась, совершенно темно стало. Всѣ рады вылѣзть изъ ложемента, порасправить члены отъ дневнаго сидѣнья. Ну, подождутъ немного послѣ послѣдняго выстрѣла, чтобы убѣдиться, что турки дѣйствительно перестали стрѣлять и начинаютъ вылѣзать, точно кроты изъ норъ. Начинается бѣганье и возня около ложементовъ. Все тихо. Вдругъ—тахъ, выстрѣлъ, другой—и опять тихо. Пули какъ разъ угодятъ въ самый ложементъ. А это турки установятъ днемъ ружье въ извѣстномъ направленіи на сошкѣ, а потомъ вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ, пускаютъ еще нѣсколько пуль, разсчитывая на то, что теперь всѣ вышли изъ ложементомъ. Несчастныхъ случаевъ, впрочемъ, ни одного не было отъ этихъ коварныхъ выстрѣловъ.

Въ концѣ концовъ позиція нашего полка приняла такой видъ: впереди, по склону горы, 4-ый баталіонъ въ двухъ линіяхъ ложементовъ — для цѣпи и для резерва. Непосредственно за нимъ въ началѣ располагались ложементы 2-го баталіона. Впослѣдствіи они были оставлены и 2-й баталіонъ находился въ резервѣ—въ землянкахъ. За линіей ложементовъ 2-го баталіона, на гребнѣ горы, всѣ наши батареи. Правѣе батарей, по склону же горы находились ложементы 1-го баталіона. 3-й баталіонъ въ резервѣ при знаменахъ. Такой видъ позиціи опредѣлялся самой мѣстностью. Передъ ложементами 4-го баталіона, какъ я упоминамъ выше, находилась глубокая лощина, раздѣлявшая нашу позицію отъ турецкой, бывшей на гребнѣ и по склону впереди лежащей горы. Затѣмъ у праваго фланга 4-го баталіона эта лощина загибалась въ нашу сторону, обнимала 4-й баталіонъ справа и снова поворачивала вправо, по направленію къ Крышинскому редуту. Въ нее выходилъ оврагъ отъ Картожуванскаго ущелья, ограничивающій съ правой стороны позицію 1-го баталіона. Для несенія службы въ ложементахъ баталіоны чередовались между собою, за исключеніемъ, впрочемъ, 4-го баталіона, который въ теченіи первыхъ двѣнадцати дней безвыходно сидѣлъ въ своихъ ложементахъ. Роты 4-го баталіона смѣнялись только между собою: два дня двѣ роты сидѣли въ переднихъ ложементахъ, въ цѣпи, а двѣ другія шагахъ въ полутораста или двухъ стахъ сзади, въ резервныхъ. Черезъ два дня наоборотъ. Смѣшно вспомнить бывало въ нашемъ тогдашнемъ положеніи бывшую городскую караульную службу, отчасти сходную съ сидѣньемъ въ ложементахъ,—и тамъ и тутъ надо быть на готовѣ каждую минуту, и тамъ и тутъ все время во всеоружіи,—какъ бывало послѣ караула весь день чувствуешь себя какъ будто разбитымъ, потому что «цѣлыя сутки» приходилось сидѣть застегнутымъ, подтянутымъ. Въ караулъ приходилось ходить самое большое разъ въ недѣлю. Сабелька — мышеколка, револьверъ по большей части «пустой» системы. Стало быть, трудность положенія заключалась только въ томъ, что приходилось пробыть сутки не раздѣваясь, въ теплѣ, въ

креслѣ, за чтеніемъ, можетъ быть, интереснаго романа. Поневолѣ станетъ смѣшна эта трудность въ сравненіи съ траншейной службой, когда пришлось не однѣ сутки, а цѣлыхъ двѣнадцать просидѣть на чеку, да еще большемъ, не раздѣваясь также, имѣя на обоихъ бокахъ боевую саблю и револьверъ уже настоящей, Смита и Вессона, системы, подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ, на сырой землѣ, въ грязи, не перемѣняя бѣлья... И тѣмъ не менѣе все это, взятое вмѣстѣ, переносилось самымъ благодушнымъ образомъ, никто отъ этого не похудѣлъ, не заболѣлъ, напротивъ, всѣ выглядывали, какъ нельзя лучше. Никто и не думалъ, что можетъ быть лучше. Очевидно тутъ совсѣмъ другое имѣетъ вліяніе. Тамъ, въ городѣ, сидя въ караулѣ, знаешь, что это же время можно провести болѣе пріятнымъ образомъ, видишь проходящихъ, гуляющихъ, людей свободныхъ. А тутъ всѣ въ одинаковомъ положеніи: и генералъ, и солдатъ—всѣ пользуются одинаковымъ комфортомъ, всѣ переносятъ одинаковые труды и лишенія, а на людяхъ и смерть красна, говоритъ пословица. Тутъ ужъ эти труды и лишенія являются законной мѣркой, законнымъ положеніемъ вещей,—всякое другое было бы анормальнымъ. Кромѣ того знаешь, что не затѣмъ сюда и пошелъ, чтобы располагаться комфортабельно. Стало быть, трудность-то вся заключается только въ окружающей обстановкѣ и только ею одною измѣряется. Одно только всѣхъ смущало—это сидѣнье на мѣстѣ. Ни шагу впередъ. Вся гвардія ушла дальше къ Орханіе, а мы все еще тутъ сидимъ. На ихъ мѣсто пришелъ Гренадерскій корпусъ и расположился за Видомъ. А насъ никто не смѣняетъ, точно мы пріобрѣли гору для постояннаго на ней жительства. Напротивъ, укрѣпляемся еще болѣе, связываемъ свою позицію съ позиціей Скобелева.

Между нами и Скобелевымъ оставался довольно значительный промежутокъ. Въ случаѣ, если бы Осману-пашѣ надоѣло сидѣть въ Плевнѣ и онъ вздумалъ бы направиться къ Картожуванскому ущелью, для него легко было бы пройти въ этотъ промежутокъ. Онъ навѣрное и воспользовался бы имъ. Чтобы поставить ему преграду на этомъ пути, генералъ-маіоръ Мирковичъ предложилъ построить на этомъ промежуткѣ два редута. Первый изъ нихъ, названный по его имени, былъ построенъ 21-го октября. Работами завѣдовалъ командированный въ нашу дивизію инженеръ-подполковникъ Старинкевичъ. Въ помощь ему отъ нашего полка назначенъ былъ командующій 8-ю ротой, поручикъ Замятнинъ, пробывшій годъ въ Николаевской инженерной академіи и, по случаю кампаніи, возвратившійся въ полкъ. На работу назначенъ отъ нашего полка 3-й баталіонъ, а отъ 4-го баталіона въ цѣпь, для отраженія могущей быть аттаки турокъ, 1-я и 4-я стрѣлковыя роты. Эта командировка для нихъ была все таки развлеченіемъ и мы имъ очень завидовали, тѣмъ болѣе, что первоначально въ цѣпь назначены были 2-я и 3-я роты, но, къ нашему сожалѣнію, въ

этотъ день, 21-го числа, намъ пришла очередь заступить въ передніе ложементы, и такъ какъ смѣна происходила обыкновенно чуть свѣтъ и мы уже заступили, то взяли къ редуту 1-ю и 4-ю роты, а ихъ мѣсто въ резервныхъ ложементахъ заняла стрѣлковая же рота лейбъ-гвардіи Литовскаго полка.

Едва турки увидѣли наши работы, какъ открыли неумолкаемый огонь съ Крышинскихъ редутовъ. Кто то изъ офицеровъ 3-го баталіона велъ счетъ непріятельскимъ гранатамъ и насчиталъ ихъ сто сорокъ три штуки. Но работы продолжались неутомимо и не переставая, да и дѣйствіе турецкихъ гранатъ было незначительно: вся убыль отъ этихъ ста сорока трехъ гранатъ состояла изъ восьми человѣкъ, изъ которыхъ трое убито, остальные ранены. Но турки не ограничились одной стрѣльбой изъ редутовъ. Показались и войска въ нѣсколькихъ колоннахъ, съ густою цѣпью впереди. Съ пѣхотой выѣхала и артиллерія, которая открыла огонь по цѣпи и по рабочимъ. Наша цѣпь быстро пристрѣлялась и держала турокъ на почтительномъ разстояніи отъ себя. Сначала было турки довольно смѣло начали свое наступленіе, но встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, не рѣшились двигаться ближе, какъ на восемъ сотъ шаговъ. Потомъ наши ходили на то мѣсто, гдѣ находилась турецкая цѣпь и нашли, что въ этомъ мѣстѣ (именно около восьми сотъ шаговъ отъ расположенія нашей цѣпи) вся земля изрыта нашими пулями. Наши стрѣлки впервые еще видѣли турокъ, наступающихъ въ открытомъ полѣ, и вывели невыгодное для нихъ заключеніе, что турки могутъ хорошо держаться только иъ своихъ ложементахъ, а въ открытомъ полѣ не выдерживаютъ нашего огня. Какъ только наша цѣпь открыла огонь, сейчасъ же всѣ назадъ, залегли въ какую-то канаву, а для стрѣльбы выскочитъ, выстрѣлитъ, нисколько не цѣлясь, и моментально бухъ опять въ канаву; такъ что наши солдатики начали подстерегать: какъ только покажется,— тра-та-та-та (не даромъ же на Мокотовскомъ полѣ учились трѣлять по выскакивающимъ мишенямъ). Такъ что и отсюда турки должны были скоро уйти. Тутъ, впрочемъ, помогъ и Скобелевъ. Какъ только показались изъ Крышинскихъ редутовъ турецкія колонны, дано было знать Скобелеву. Нашу собственную позицію нельзя было ослаблять, такъ какъ и безъ того уже было взято для постройки редута нѣсколько баталіоновъ. Часа черезъ полтора Скобелевъ явился, его артиллерія развернулась и залпами начала угощать какъ турецкія колонны, такъ и редуты. Къ этому времени и въ нашемъ редутѣ установили уже орудія, изъ которыхъ послали нѣсколько гостинцевъ туркамъ, послѣ чего Крышинскій редутъ замолчалъ. Редутъ генерала Мирковича оконченъ, осталось только нѣсколько усовершенствовать детали. Онъ былъ занятъ однимъ баталіономъ С.-Петербургскаго Гренадерскаго полка. Вскорѣ послѣ постройки перваго редута нашу позицію посѣтилъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Осмотрѣвъ

ее, онъ замѣтилъ, что позиція превосходная; «чтобы овладѣть ею», сказалъ онъ, «надо по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ. Только напрасно вы заняли и такъ укрѣпили ее. Ваша задача заключалась только въ томъ, чтобы сдѣлать демонстрацію. А вы тутъ укрѣпились и этимъ приковали себя къ позиціи. Ну, теперь и держитесь здѣсь до конца».

Какъ холодной водой облили насъ эти слова. Итакъ, мы прикованы къ своей позиціи, сами себя заковали здѣсь, пока Осману самому не вздумается освободить насъ изъ этихъ цѣпей, развязать намъ руки и ноги. А когда это ему еще вздумается, опредѣлить трудно. Полная блокада только что еще началась.

Начинало становиться довольно холодно. Начались дожди и туманы. Сырость поэтому кругомъ страшная. Нужно было подумать о кровѣ, о землянкахъ, чтобы хоть часть людей могла имѣть мѣсто обсушиться и отдохнуть. Сдѣланы были распоряженія по доставкѣ матеріаловъ. Въ переднихъ ложементахъ, конечно, этого невозможно было сдѣлать, поэтому хоть въ резервныхъ нужно было вырыть землянку. Для офицеровъ землянки были сдѣланы отдѣльно въ самыхъ ложементахъ, а для солдатъ начали копать по близости ложемента. Моя землянка поспѣла чуть-ли не въ одинъ мигъ. Поводомъ къ постройкѣ моей землянки послужило слѣдующее обстоятельство. 18-го октября я съ ротой былъ въ караулѣ при знаменахъ, въ глубокомъ резервѣ, вслѣдствіе чего можно было отдохнуть послѣ недѣльнаго напряженнаго состоянія, а главное—раздѣться. Для караула при знаменахъ былъ вырытъ особый ложементъ, впереди маленькій ложементъ для офицеровъ. Днемъ было довольно сносно, хотя небо и смотрѣло нѣсколько мрачно. Къ вечеру началъ моросить маленькій дождичекъ. Я легъ спать въ одной фуфайкѣ, а отъ дождя прикрылся сверхъ драповаго еще резиновымъ пальто. Ночью просыпаюсь и чувствую, что правая рука совсѣмъ мокрая, такъ какъ во время сна все мое одѣяніе сползло съ руки. Это грустное обстоятельство повело меня на мысль сейчасъ же назначить себѣ конвойныхъ, которымъ и поручить на завтра-же устройство для себя прикрытія отъ непогоды въ своихъ стрѣлковыхъ ложементахъ. Во время военныхъ дѣйствій каждому офицеру предоставляется право выбрать изъ подчиненной ему части четырехъ конвойныхъ, или, такъ называемое, прикрытіе, обязанность которыхъ заключается, главнымъ образомъ, въ ближайшемъ охраненіи офицера во время боя и въ раздачѣ приказаній своего офицера. Это послѣднее особенно важно для баталіонныхъ и ротныхъ командировъ. Но замѣчательно, что этимъ правомъ пользовались только подъ Плевной, именно въ то время, когда въ нихъ особой надобности не имѣлось. Да и пользовались только офицеры исключительно 4-го баталіона. Во время-же дѣлъ, въ которыхъ полку приходилось бывать впослѣдствіи, почти ни у кого никакихъ конвойныхъ не было.

У меня подъ Плевной, до описаннаго мною эпизода, тоже не было конвойныхъ,—не встрѣчалось надобности. Ну, а при назначенiи ихъ въ данномъ случаѣ мною руководила та мысль, что заставлять рыть для себя землянку рабочихъ отъ роты значитъ отрывать ихъ отъ своей землянки или отъ отдыха, между тѣмъ какъ конвойные, сдѣлавъ землянку для меня, найдутъ тутъ-же и себѣ мѣсто, и во ксякомъ случаѣ, находясь при мнѣ, будутъ пользоваться нѣкоторыми преимуществами и работа для меня и ротныхъ офицеровъ землянки для нихъ не будетъ лишнимъ трудомъ. И дѣйствительно, молодцы-конвойные какъ только возвратились въ ложементы, мигомъ принялись за работу и—къ ночи землянка была совершенно готова. А одинъ изъ конвойныхъ такую печку смастерилъ, что хоть хлѣбы пеки. Впрочемъ, тотъ же самый конвойный если не хлѣбы, то мамалыгу, или, лучше сказать, лепешки изъ мамалыги, очень исправно пекъ мнѣ въ этой печкѣ чуть-ли не каждый день къ завтраку. На эти лепешки обыкновенно въ нашей землянкѣ сходились офицеры и другихъ стрѣлковыхъ ротъ, преимущественно первой. Въ переднихъ ложементахъ 1-я стрѣлковая рота также состряпала для офицеровъ землянку, хоть и не такую теплую, но все таки защищавшую отъ непогоды. А солдатики въ ложементахъ-же понадѣлали себѣ также печки, у которыхъ отогрѣвались и варили мамалыгу и разогрѣвали свои пайки, а зачастую ночью занимались и истребленiемъ различнаго рода враговъ. Такимъ образомъ, мы уже, что называется, обсидѣлись въ своихъ ложементсхъ, стали мало по-малу приспособляться къ своему настоящему положенiю. Но въ это время наше непрерывное сидѣнье въ ложементахъ окончилось: 25-го октября насъ смѣнилъ 4-й-же баталiонъ лейбъ-гвардiи Литовскаго полка, а насъ отвели въ резервъ, далеко назадъ, въ Картожуванское ущелье и расположили около рѣчки Чернавки бивуакомъ.

III.

Какъ прiятно было чувствовать себя на свободѣ. Послѣ двѣнадцатидневнаго сидѣнья можно было наконецъ расправить свои члены, идти куда угодно, во всякое время, снять съ себя всю свою аммуницiю, умыться, раздѣться, перемѣнить бѣлье, имѣть, наконецъ, возможность спать по человѣчески, раздѣтымъ, подъ одѣяломъ. Всю прелесть этого положенiя можетъ испытать только человѣкъ походный.

Впослѣдствiи, возвратясь уже въ Россiю, однажды я былъ невольнымъ слушателемъ разговора одного доктора съ дамой. Докторъ, между прочимъ, разсказывалъ, что когда онъ изъ армiи прiѣхалъ въ Бухарестъ и въ первый разъ послѣ долгаго времени легъ въ чистую постель, на пуховую перину, онъ закричалъ отъ удовольствiя. Именно, говоритъ, буквально такъ-таки и закричалъ. Можетъ быть, не будучи самъ посвя-

щенъ во всѣ прелести походной жизни, я въ душѣ посмѣялся бы надъ такимъ выраженіемъ восторга, можетъ быть даже не повѣрилъ бы. Но теперь могу только вполнѣ согласиться съ нимъ. Дѣйствительно, можно съ ума сойти при такомъ контрастѣ.

25 и 26-го отдыхали дѣйствительно. На третій день начались уже разныя командировки. 27-го отъ 4-го баталіона составлена была сводная рота въ 150 человѣкъ, для работъ во вновь построенномъ редутѣ генерала Мирковича. Нужно было еще кое-что отдѣлать внутри и вырыть траншеи передъ редутомъ. А на 28-е назначена была постройка втораго редута, правѣе перваго, еще ближе къ Крышинскому редуту и къ позиціи генерала Скобелева. Для этой цѣли посылался отрядъ въ четыре баталіона: два—нашего полка, одинъ—Прусскаго и одинъ—Литовскаго. Потомъ пришелъ еще одинъ баталіонъ Австрійскаго полка, такъ что всего составилось пять баталіоновъ. Нашъ 4-й баталіонъ весь назначался для прикрытія работъ, въ цѣпь, 2-й баталіонъ и рота гвардейскихъ саперъ—для работъ; остальные въ резервѣ, а также для помощи рабочимъ, для носки фашинъ и пр. Предпріятіе было довольно опасное, въ виду очень близкаго расположенія турокъ, а кромѣ того и по мѣсту, избранному для редута: насъ, стрѣлковъ, турки могли разстрѣливать съ трехъ сторонъ: спереди, слѣва и сзади. Это потомъ и случилось, но только, благодаря безпечности турокъ или чему-нибудь другому, огонь съ тылу и съ фланга былъ совсѣмъ не энергичный. Такъ что, идя на постройку втораго редута, чуть-ли не па носъ къ туркамъ, мы разсчитывали или совсѣмъ не вернуться или вернуться при помощи другихъ. 28-го числа съ самаго утра былъ густѣйшій туманъ,—еле-еле можно было различать предметы въ двадцати шагахъ въ окружности. Погода, стало быть, какъ на заказъ для нашего предпріятія. Но почему-то выступленіе наше съ бивуака назначено было только въ пять часовъ дня. Да мы еще немного опоздали, пришли къ редуту генерала Мирковича, когда уже начало смеркаться. А до назначеннаго мѣста было довольно далеко. Кромѣ того, предполагали прямо отъ редута разсыпать въ цѣпь 4-й баталіонъ и въ такомъ порядкѣ двигаться впередъ, пока онъ не отойдетъ шаговъ на тысячу отъ избраннаго для редута мѣста. Ночью, въ густой туманъ, да еще по мѣстности, покрытой кустарникомъ, такое движеніе было бы крайне затруднительно. Сбиться съ надлежащаго направленія весьма легко, да и цѣпью, не видя ея, распоряжаться невозможно. А въ это время прямо передъ нами началось что-то такое, чему и имени подобрать невозможно. Скобелевъ бралъ Зеленыя горы... Страшно подумать, что происходило тамъ, въ этой тьмѣ кромѣшной!.. Хорошо было бы для насъ въ это время быть уже на работѣ. Но идти въ эту темень теперь отыскивать еще мѣсто было бы очень рисковано. Поэтому постройку редута отложили до слѣдующаго утра, а отрядъ расположился ночевать у редута генерала Мирковича.

Скверную ночь провели мы тутъ, на сырой землѣ, насквозь прохватываемые туманомъ...

На другой день, 29-го, около шести часовъ утра мы благополучно добрались до высоты, на которой предполагалась постройка редута, прошли ее и только что разсыпались, какъ пули засвистали надъ головами. Тумана уже не было, рабочіе были видны. Двое изъ нихъ были убиты первыми-же пулями. Стрѣляли, судя по свисту пуль, войска не регулярныя, а сторожевая цѣпь, составлявшаяся у турокъ обыкновенно, на сколько мы могли замѣтить изъ своихъ ложементовъ во время сидѣнья подъ Плевной, изъ разнаго сброда, стариковъ и пр., вооруженныхъ чѣмъ попало. Затѣмъ послышались пули и регулярныя, изъ Пибоди. Но мы заставили скоро отойти ихъ къ своимъ редутамъ, такъ что пули ихъ перелетали черезъ насъ, но не долетали до рабочихъ и щелкали больше по кустамъ у подножія холма, на которомъ строился редутъ. Доставалось, конечно, и цѣпи. Въ 15-й ротѣ двое были ранены, а нѣсколько человѣкъ отдѣлались только счастьемъ. Одному солдатику, напримѣръ, пуля разстегнула портупею, такъ какъ сбила пряжку, но его не задѣла. Другому попала въ лопату, которую онъ несъ за спиной; третьему весь обшлагъ рукава *испортила*, не зацѣпивши тѣла. Но это случалось только въ *первое время*, пока мы не окопались, хотя нужно замѣтить, что, по недостатку лопатъ, окапыванье должно было длиться очень медленно. Въ ротѣ было не больше десяти лопатъ, въ нѣкоторыхъ даже и меньше, такъ что одни звенья копали для себя прикрытіе, а другія только смотрѣли на нихъ и ожидали своей очереди. Да и у копавшихъ было по одной лопатѣ, такъ что остальные люди въ звенѣ помогали ужъ руками и горстями выбрасывали землю изъ своего ложементика. Но вотъ мы уже совсѣмъ почти окопались, вырыли довольно глубокія траншеи,—пули начали летать слѣва, вдоль по ложементамъ. Приходилось и съ этой стороны устраивать траверсы. Но огонь слѣва, какъ я уже упоминалъ, былъ не энергичный,—по всей вѣроятности, тамъ засѣло всего нѣсколько человѣкъ. Хотя съ этой стороны и были турецкіе редуты, но, какъ видно, ни войскъ, ни орудій въ нихъ не было. Очевидно, все было переведено къ главному Крышинскому редуту, противъ позиціи генерала Скобелева, вслѣдствіе его вчерашней аттаки Зеленыхъ горъ. Скоро слѣва перестали, да и спереди огонь сталъ стихать мало по-малу. Но за то черезъ нѣсколько времени съ Крышинскаго редута начали угощать рабочихъ болѣе чувствительно. Одна за другой полетѣли въ нихъ гранаты. Хотя всѣхъ гранатъ было выпущено, сравнительно съ количествомъ, выпущеннымъ по первому редуту, и очень мало,—всего штукъ пятнадцать, но убыль отъ нихъ была гораздо значительнѣе,—вдвое болѣе *),

*) Изъ шестнадцати человѣкъ, семь пришлось на нашъ 2-й баталіонъ, четверо или

чѣмъ на первомъ редутѣ, причемъ семь человѣкъ рабочихъ было выведено изъ строя одною картечною гранатою, чуть-ли не первою за все время, какъ мы заняли Волынскую гору. Это привело насъ къ убѣжденію, что турки берегутъ свои картечныя гранаты на случай новаго нашего штурма. Все вниманіе было обращено на Крышинскій редутъ и чуть тамъ покажется бѣлый дымокъ, тотчасъ-же слѣдуетъ рабочимъ команда: «ложись», чѣмъ и избавлялись отъ значительныхъ потерь. Но турки успѣли одно орудіе перевезти ближе къ намъ, въ такъ называемый, Рыжій редутъ, и въ то время, какъ у насъ смотрѣли на Крышинскій редутъ, раздался выстрѣлъ слѣва. Опоздала, конечно, команда «ложись», опоздали рабочіе скрыться за насыпь—и семь человѣкъ были накрыты гранатой. Этому несчастному случаю способствовало другое обстоятельство—наши удачные выстрѣлы изъ только что поставленныхъ орудій по Крышинскому редуту, заставившіе забыть осторожность. Во время нашихъ работъ у генерала Скобелева шла живая перестрѣлка, да и праздновали взятіе Зеленыхъ горъ, — у него въ ложементахъ играла музыка. Все это подбадривало нашихъ рабочихъ.—«Ишь ты», говорятъ, «Скобелевъ-то спуску не даетъ, и музыку на зло туркѣ поставилъ: на-те, говоритъ, веселитесь!»—Работа кипѣла. Генералъ Мирковичъ, видя, какое впечатлѣніе производитъ на солдатъ подобная, на зло туркамъ выставленная, музыка, приказалъ полковому адъютанту, штабсъ-капитану Мягкову вытребовать къ редуту и свой полковой хоръ. Явились музыканты. Сначала положили свои инструменты, за работу взялись, надо было еще амбразуры дерномъ обложить—дернины таскать начали. Но вотъ все готово. Мигомъ на рукахъ вкатили артиллерію. Три залпа изъ орудій дали знать туркамъ о своемъ существованіи. Генералъ Мирковичъ самъ наблюдалъ за паденіемъ снарядовъ. Оно было очень удачно—разорвались надъ самымъ Крышинскимъ редутомъ. Крики «ура» и гимнъ «Боже Царя храни» раздались вслѣдъ за этимъ. Минута была торжественная. Послѣ того, что было на душѣ у каждаго въ это утро, особенно у рабочихъ, беззащитно рывшихъ землю, — эта удача, этотъ успѣхъ дѣла долженъ былъ сильно отозваться въ сердцѣ. Восторгъ на лицѣ каждаго. Крики «ура» гремятъ и проносятся съ одного конца до другаго. Музыка играетъ уже полковой маршъ. Еще залпъ изъ нашихъ орудій: все, что было на редутѣ, устремило глаза къ Крышинскому... Въ это-то время слѣва раздался турецкій выстрѣлъ... Команда «ложись!» крикнута была уже въ то время, когда снарядъ разорвался надъ нашимъ редутомъ и семеро уже плавали въ крови...

Но это былъ уже послѣдній турецкій выстрѣлъ. Весь остальной день

пятеро убыло изъ саперной роты, остальные изъ Литовскаго и Австрійскаго полковъ, подносившіе фашины на редутъ.

рабочіе спокойно оканчивали редутъ. Къ вечеру онъ былъ совершенно готовъ и окрещенъ именемъ инженера—подполковника Старинкевича.

Въ семь часовъ вечера стрѣлковую цѣпь смѣнила аванпостная цѣпь отъ 3-го баталіона Прусскаго полка; въ редутѣ остался баталіонъ того-же полка. Трудно представить то ощущеніе, съ которымъ мы возвращались обратно домой. Всѣ ожидали, что предстоитъ очень жаркое дѣло; что, пожалуй, не придется и домой вернуться, а между тѣмъ турки доставили намъ такое пріятное разочарованіе. Съ какимъ наслажденіемъ растянулись мы на своихъ походныхъ земляныхъ постеляхъ, покрытыхъ бараньими овчинками вмѣсто перины, съ какимъ пріятнымъ чувствомъ предвкушали мы пріятную перспективу вознаградить себя за предыдущую ночь и поспать всласть, выспаться и за прошедшее и за будущее, такъ какъ черезъ день намъ предстояло вновь заступить въ свои передовые ложементы. Не успѣли мы отогрѣться чаемъ и завернуться въ одѣяла, какъ заснули словно убитые. Но на войнѣ ни на что нельзя разсчитывать навѣрное. Ночью вдругъ слышу:—«Ваше благородіе, ваше благородіе, роту требуютъ на правый флангъ, на новый редутъ турки крѣпко насѣдаютъ».—Вскочили, одѣлись. Было три часа ночи. Вышли изъ палатки—весь баталіонъ стоитъ. Черезъ двадцать минутъ мы ужъ снова шагали къ новому редуту. Темнота ужасная, того гляди, собьешься съ дороги. Но замѣчательно, всѣхъ насъ поражала мертвая тишина вокругъ. Нигдѣ ни звука, ни выстрѣла. Неужели, думаемъ, турки успѣли завладѣть редутомъ и перерѣзать всѣхъ его защитниковъ. Подошли, наконецъ, къ первому редуту. Тамъ никто ничего не знаетъ, никакой перестрѣлки не слышали во второмъ редутѣ; была дѣйствительно перестрѣлка, но на правомъ флангѣ, можетъ быть, у генерала Скобелева. На второмъ редутѣ тоже все обстоитъ благополучно, никто ихъ не тревожилъ. Съ тѣмъ и вернулись домой. Но было уже шесть часовъ утра, сонъ пропалъ, да и не время уже. Тревога же произошла вслѣдствіе перестрѣлки, довольно сильной, по всей вѣроятности, у генерала Скобелева. Генералъ Мирковичъ, опасаясь за новый редутъ, такъ близко построенный къ туркамъ, услышавъ ночью въ той сторонѣ перестрѣлку, предположилъ, что турки воспользовались ночью, чтобы уничтожить наше близкое сосѣдство. Поэтому моментально снарядилъ 4-й бяталіонъ на помощь новому редуту.

Но, благодаря этой тревогѣ, мы простояли лишній день на отдыхѣ. Вмѣсто 31-го октября заступили въ свои ложементы только 1-го ноября. (Этому, впрочемъ, была и другая причина). Но за то 31-го октября у насъ было ротное и баталіонное ученье. А вечеромъ раздалась музыка справа отъ насъ въ Прусскомъ полку, сзади въ Литовскомъ. Право, вечеромъ чувствуешь себя словно на Мокотовскомъ полѣ. Но тамъ заря съ церемоніей бывала только по торжественнымъ днямъ, здѣсь-же ежедневно. Эта музыка, впрочемъ, не нравилась, должно быть, туркамъ, потому что очень часто

случалось, что аккорды молитвы «Коль славенъ» сливались съ аккордами разрыва турецкой гранаты, пущенной съ турецкаго редута по направленію музыки.

Не смотря однако на всѣ удовольствія отдыха, мы были очень довольны, когда 1-го ноября пришли опять въ свои ложементы. Здѣсь мы чувствовали себя, какъ дома. Съ турками мы ужъ обжились, другъ другу оказываемъ джентельменскую вѣжливость, не безпокоимъ одинъ другаго, гуляемъ свободно по своимъ позиціямъ, а, главное, знаемъ, что отсюда насъ ужъ никуда по тревогѣ не двинутъ, развѣ сами турки вздумаютъ. Ну, да объ этомъ еще ничего не слышно, знать продовольствія въ Плевнѣ еще много. А такъ ни съ того, ни съ сего турки не пойдутъ ночью, это ужъ мы хорошо знали. А еслибъ даже и пошли—секреты въ двухъ стахъ шагахъ отъ турокъ, караулъ въ ложементахъ: остальные, стало быть, спи спокойно. Неудобно, можетъ быть, спать во всеоружіи, но—къ этому ужъ мы успѣли привыкнуть и приспособиться.

Однако наши предположенія насчетъ безопасности отъ турецкаго нападенія скоро были поколеблены. 3-го ноября командиръ полка собралъ всѣхъ ротныхъ командировъ и предложилъ имъ, а въ особенности стрѣлковымъ, удвоить предосторожности. Съ 3-го по 8-е ноября у турокъ обыкновенно бываетъ большой праздникъ, замѣчательный тѣмъ, что, по повѣрію турокъ, всякое предпріятіе, начатое въ теченіе этого праздника, сопровождается успѣхомъ. На основаніи этого предполагали, что Османъ-паша вздомаетъ воспользоваться повѣрьемъ, чтобы вырваться изъ сжимающаго его кольца.

Съ этого дня началась положительная порча нашихъ нервовъ. Съ одной стороны полнѣйшее бездѣйствіе, неизвѣстность, когда окончится это сидѣнье, а съ другой, ежедневное ожиданіе, что вотъ сегодня Османъ начнетъ прорываться,—томительное, напряженное ожиданіе. Но каждый новый день не приносилъ съ собой ничего новаго. Описать то состояніе духа, то положеніе, въ которомъ мы находились съ этого момента до сдачи Плевны, теперь довольно трудно,—трудно воспроизвести тѣ впечатлѣнія, которыя ощущались въ то время, съ такою же живостью. Поэтому для болѣе полной характеристики этого періода, я считаю лучшимъ привести здѣсь мои письма, писанныя мною за это время къ моему другу въ Россію.

IV.

9-го Ноября 1877 года.

«Нынче я дома, милый другъ мой Н., и вотъ принимаюсь за письмо къ тебѣ. Не подумай, чтобы я находился передъ этимъ гдѣ-нибудь въ отсутствіи. Нѣтъ, но сегодня окончена наша землянка и мы располо-

жились въ ней съ полнымъ шикомъ. Сейчасъ вотъ одинъ изъ моихъ сотоварищей по землянкѣ, Измайловъ, говоритъ мнѣ: «а что, если бы привести сюда кого нибудь изъ Россіи, навѣрно воскликнетъ: Господи, въ какой же бѣдности они тутъ, несчастные, живутъ! А ему въ отвѣтъ: «а мы-то думаемъ, что мы чуть-ли не въ раю, или, по крайней мѣрѣ, все равно, что въ Варшавѣ, въ Европейской гостинницѣ *) остановились». Да, и это совершенно вѣрно. Чѣмъ больше мы строимъ, тѣмъ больше набираемся опытности, тѣмъ комфортнѣе, т. е. тѣмъ удобнѣе и просторнѣе располагаемся. Эта уже третья землянка, и землянка наша, собственная. Первая—въ передовомъ ложементѣ, въ цѣпи, самая неудобная, неуютная, подверженная вѣтрамъ, вслѣдствіе многочисленныхъ дыръ, но—прикрытая вмѣсто двери полотнищемъ палатки, дающее все-таки нѣкоторую теплоту и защищающее отъ непогоды. Ты, впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, увидишь ее въ «Всемірной Иллюстраціи». Алексинъ изобразилъ нашу Волынскую гору, вокругъ которой, по полямъ, помѣстилъ нѣсколько картинокъ съ натуры изъ нашей настоящей жизни, между прочимъ и эту землянку. Рисунокъ этотъ уже у командира полка, а онъ не замедлитъ отослать ее въ редакцію **).

Вторая землянка—тоже на стрѣлковой позиціи, въ резервномъ ложементѣ. Эта ужъ гораздо теплѣе и удобнѣе, хотя, впрочемъ, и есть одно очень непріятное неудобство: всегда нужно помнить, что крыша понижается къ одной сторонѣ, а забудешь это, такъ балки очень невѣжливо напомнятъ. Поэтому ходишь, наклоняя голову. Ну, да въ первыхъ линіяхъ и не слѣдъ заводить излишняго комфорта, а то, пожалуй, забудешь, что постоянно нужно быть наготовѣ.

Теперь третья. Ты помнишь, на отдыхѣ мы располагались бивуакомъ у подножія Волынской горы, около рѣчки Чернавки. Стояли мы въ палаткахъ, а между тѣмъ по начамъ началъ пробирать холодъ. Поэтому приказано дѣлать землянки и въ резервѣ. Для нашего баталіона отведено мѣсто на лѣвомъ гребнѣ горы. (Если помнишь, когда мы наступали 12 октября, такъ на лѣвомъ гребнѣ, я писалъ тебѣ, виднѣлось турецкое укрѣпленіе; ну, такъ вотъ немного пониже его). Тутъ же и для 2-го баталіона назначено, а 1-й и 3-й баталіоны строятся за правымъ флангомъ позиціи. Ну, такъ вотъ здѣсь-то сегодня и окончена наша землянка. Наученные прежними опытами, мы построили ее и просторнѣе и выше. На сколько будетъ тепла, пока неизвѣстно, но нашъ дядя Митяй (Тютчѣй) соорудилъ что-то въ родѣ голланки. Длина землянки семь шаговъ, ширина—пять. По длинѣ съ обѣихъ сторонъ четыре кровати, земляныхъ, такъ какъ насъ въ землянкѣ четверо: Измай-

*) Лучшая гостинница въ Варшавѣ.

**) Къ сожалѣнію, рисунокъ этотъ напечатанъ не былъ.

ловъ, два моихъ субалтерна, Ромашевъ и Ларіоновъ, и я. Посреди одной длинной стороны—печь, а другой—входъ. Вмѣсто двери пока тоже еще палатка. Между каждыми двумя кроватями, по короткимъ стѣнамъ, столъ, наконецъ-то столъ! хотя тоже земляной. На немъ вотъ и пишу теперь тебѣ, а то все приходилось или на колѣняхъ или лежа. Покрылъ его газетной бумагой вмѣсто салфетки, положилъ письменныя принадлежности, книги даже нѣкоторыя вынулъ изъ чемодана — чѣмъ не кабинетъ! Для васъ-то, городскихъ жителей, подобное жилище показалось бы, пожалуй, и не по вкусу, у васъ тамъ каждый дворникъ имѣетъ лучшее помѣщеніе, ну а для насъ, полевыхъ кротовъ, такая квартира — рай.

Что-жъ тебѣ сказать новаго? Право, ничего не могу. Каждый день и каждую ночь—въ особенности, ждемъ, что вотъ-вотъ Османъ-паша начнетъ прорываться. Чуть перестрѣлка болѣе или менѣе сильная,—а на Скобелевской позиціи она каждую ночь—ужъ и думаешь, не начинаетъ ли,—ждешь и у себя. А Османъ сидитъ себѣ въ Плевнѣ и не идетъ, и томитъ насъ. И вслѣдствіе всего этого нервы страшно напряжены—малѣйшій звукъ принимаешь за выстрѣлъ, чуть заговорятъ посильнѣе, зашумятъ, думаешь—тревога, крикнутъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ непріятеля—не идетъ ли, молъ. Это началось съ 4 числа. У турокъ какой-то праздникъ, въ который, по ихъ вѣрованіямъ, все предпринимаемое ими удается. Объявили, что надо ждать нападенія 4 и 5 числа, и что по всей вѣроятности Османъ-паша сдѣлаетъ круговую демонстрацію, по всей линіи. Слѣдовательно, надо быть осторожнѣе, а намъ въ особенности, потому что настоящую аттаку, прорывъ, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ или на нашу позицію или на гренадерскую, какъ самые удобные для него пункты. 3-го числа я писалъ тебѣ объ этомъ, послѣ того, какъ намъ это объявили. Кончивши письмо, я пошелъ ходить по цѣпи. Перепалка на Скобелевской позиціи увеличивалась. Мало того, и правѣе ея далеко гдѣ-то, тоже начались пушечные переговоры. Думаю: теперь пойдетъ круговая, разбудилъ часть спавшихъ людей. Прислушиваюсь, что дѣлается впереди, у непріятеля. Сначала замѣтилъ огоньки, вспыхнутъ и погаснутъ, то двигаются точно съ фонаремъ по позиціи. Потомъ слышу крики, шумъ отъ говора, собаки у нихъ начали лаять. Но—къ намъ никто не двигается. У Скобелева ужъ затихло. Слушалъ, слушалъ у себя—все тоже. Наконецъ въ пять часовъ утра пошелъ присѣсть въ землянку и — заснулъ. Въ шесть часовъ командиръ баталіона, полковникъ Агапѣевъ, прислалъ сказать, чтобы всѣ люди встали и были наготовѣ. Въ семь часовъ пришли Литовцы и смѣнили насъ на три дня, на 4, 5 и 6-е число. Эти дни прошли благополучно. Но праздникъ у турокъ продолжается до 8-го, поэтому приказано держать ухо востро. 7-го мы опять заступили, а сегодня утромъ, совершенно неожиданно, Ли-

товцы опять смѣнили насъ. Говорятъ, теперь будемъ чередоваться съ ними черезъ двое сутокъ.

Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, по слухамъ, выразилъ мнѣніе, что больше двухъ недѣль Османъ не продержится. Это будетъ, стало быть, около 20-го. Да и въ самомъ дѣлѣ тамъ дѣла, кажется, не особенно хороши по части продовольствія. Почти ежедневно къ намъ перебѣгаютъ то по одному, то по нѣскольку человѣкъ турокъ. Забавныя, комичныя сцены происходятъ иногда съ этими перебѣжчиками. Разскажу тебѣ нѣсколько случаевъ, бывшихъ недавно у насъ.

Надо тебѣ сначала сказать, что шаговъ на 50 впереди и шаговъ на 300, 400 правѣе праваго фланга нашихъ стрѣлковыхъ ложементовъ находится горка. Ни мы, ни турки ее не занимаемъ и потому мы называемъ ее нейтральною. Покрыта она мелкимъ кустарникомъ, дубнякомъ, а правый склонъ ея, находящійся уже передъ ложементами линейныхъ ротъ шагахъ въ 400, изрѣдка усѣянъ даже и большими деревьями. Вотъ на эту-то горку наши солдатики, вооружаясь одними тесаками, отправляются для рубки дровъ на свои траншейныя печки. Разъ приходятъ туда два солдатика, срубили дерево, собираются ужъ идти назадъ. Вдругъ изъ-за кустовъ—турка. Тѣ было опѣшили отъ такого сюрприза, однако ждутъ, что будетъ дальше. Турка одинъ, въ рукахъ только тесакъ, что-то бормочетъ и прикладываетъ руки къ сердцу. „Должно полагать, перебѣжчикъ", смекнули наши, но для большей безопасности показываютъ ему, чтобы онъ бросилъ свой тесакъ. Онъ бросаетъ. Наши къ нему. Тотъ ничего, только началъ что-то говорить. Его, конечно, не понимаютъ. Попытались сами съ нимъ заговорить, тотъ не понимаетъ. Ну видятъ, толку мало, идутъ къ своему бревну, не обращая ужъ на турку вниманія. Одинъ кладетъ на плечо одинъ конецъ бревна, другой—другой конецъ, взяли бревно на плечи, потащили. Турокъ, не долго думая, скокъ подъ средину бревна и тоже положилъ его къ себѣ на плечо. Прошли немного, а солдатъ сейчасъ смекнулъ. „Ослобони-ка", говоритъ товарищу, „плечо-то маленько, пусть его такой-сякой тащитъ". Въ концѣ концовъ оказалось, что турка одинъ дотащилъ все бревно. Подошли къ ложементу, сбросили бревно. Съ того, бѣднаго, потъ градомъ катился—умаялся. Ну за работу давай кормить его. Дали кусокъ хлѣба препорядочный,—турокъ чуть-ли не однимъ глоткомъ проглотилъ его. Дали манерку щей—съѣлъ. Дали другую—и ту съѣлъ, не запинаясь. Ну, накормили и отправили дальше по начальству.

Другой случай, подобный-же. Нарубили наши солдатики вязанку дровъ, стали рубить другую. Окончили, приходятъ на то мѣсто, гдѣ оставили первую—нѣтъ ея, пропала. Искали, искали, не нашли: должно полагать, кто стащилъ. Дѣлать нечего, давай рубить третью. Нарубили, идутъ домой. Идутъ и за разговоромъ не обращаютъ вниманія, что сзади

дѣлается. Подходятъ къ траншеѣ, сваливаютъ вязанки около. Не успѣли отойдти — бухъ еще вязанка. Оборачиваются и, къ немалому своему изумленію, видятъ турка. А тотъ бросилъ вязанку къ костру, руки протягиваетъ, — озябъ, надо полагать.

А то вотъ на дняхъ еще интереснѣй былъ случай съ перебѣжчикомъ. Явился къ намъ на позицію армейскій солдатикъ и съ нимъ два турка. Оказалось, что солдатъ былъ въ плѣну у турокъ. Тамъ его заставляли работать и приставили двухъ конвойныхъ. Но эти вмѣсто того, чтобы его стеречь, сами предложили ему идти къ русскимъ. По показанію этого солдата, сначала его хорошо накормили, даже водкой напоили, а потомъ чуть-ли не голодомъ морили. Вообще, всѣ перебѣжчики согласно показываютъ, что турецкимъ солдатамъ отпускается въ день по 100 граммъ хлѣба — это 1/4 фунта — на человѣка, и черезъ три дня въ четвертый по 1/4 фунта мяса.

Но тотъ же солдатъ объявилъ намъ очень грустную вещь. Тамъ у турокъ противъ нашей позиціи есть много нашихъ плѣнныхъ, которыхъ турки заставляютъ работать свои редуты. Какое, я думаю, безотрадное чувство у этихъ плѣнныхъ, которые въ тысячѣ шагахъ видятъ русскихъ — и не могутъ съ ними соединиться. Мало тото, еще хуже: недавно турки строли редутъ противъ нашего лѣваго фланга и для постройки этого редута употребляли нашихъ плѣнныхъ — и многіе изъ нихъ ранены и убиты нашими же гранатами.

Съ нашими сосѣдями-турками мы теперь совсѣмъ мирно живемъ. И намъ и имъ надоѣло стрѣлять, такъ что перестрѣлки почти не бываетъ, развѣ командиръ полка придетъ показать кому-нибудь нашу позицію и прикажетъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, чтобы показать, какой эффектъ они производятъ. А въ послѣднее время у насъ много гостей перебывало; между прочимъ, былъ и одинъ англичанинъ, корреспондентъ газеты «Times». Или иногда кто-нибудь изъ нашихъ не вытерпитъ, выпуститъ пулю въ кучу турокъ, — ну, изъ вѣжливости и они отвѣтятъ намъ нѣсколькими выстрѣлами. Сами же перестрѣлки не затѣваютъ и мы спокойно расхаживаемъ на позиціи. Мало того, разъ вышелъ такой курьезный случай. Рубитъ нашъ солдатикъ дубнякъ на той же нейтральной горкѣ. Вдругъ видитъ — неподалеку отъ него турокъ занимается тѣмъ-же дѣломъ и тоже съ однимъ только тесакомъ. Турокъ тоже въ это время обернулся. Увидѣвши другъ друга, оба опѣшили. Наконецъ, турокъ снимаетъ феску и раскланивается. Солдатъ тоже снялъ шапку, поклонился, и послѣ взаимной любезности разошлись каждый въ свою сторону. Но 7-го ноября, послѣ такихъ любезностей, мы сдѣлали туркамъ весьма непріятный сюрпризъ, по крайней мѣрѣ очень ихъ напугали. Въ этотъ день по случаю взятія Карса приказано было по всей линіи къ двѣнадцать часовъ изъ всѣхъ передовыхъ батарей сдѣлать три залпа, а послѣ залповъ

продолжительное ура по всѣмъ ложементамъ. Передъ нашей позиціей турки мирно занимались каждый своимъ дѣломъ,—кто дрова рубилъ, кто землянки рылъ. Изъ ложементовъ они спокойно сошли къ своему муравейнику. Многіе такъ на солнышкѣ грѣлись—день былъ хорошій, солнечный. Ровно въ двѣнадцать часовъ—залпъ, другой, третій. Затѣмъ ура. И это по всей лиціи! Боже, какой переполохъ сдѣлался у турокъ! Точно дѣйствительно муравьиную кучу тронули—все закопошилось и мечется, кто куда. Кто дрова рубилъ—бросили всѣ свои инструменты и дрова и во всѣ лопатки къ ложементамъ. Кто спалъ—вскакиваетъ, поспѣшно одѣвается и тоже бѣжитъ. А нѣкоторые, ужъ не знаю для чего, такъ наоборотъ, съ себя поскидали куртки. Я нарочно передъ двѣнадцатью часами вооружился подзорной трубой и наблюдалъ за турецкой позиціей все время. По всей вѣроятности, турки предположили, что это общая аттака на Плевну. Ну, а потомъ видятъ, что ничего нѣтъ, начали опять вылѣзать мало по-малу изъ ложементовъ, хотя, впрочемъ, ужъ ме такъ довѣрчиво. А Скобелевъ такъ вечеромъ объяснилъ туркамъ, въ чемъ дѣло: онъ въ своихъ ложементахъ велѣлъ большую иллюминацію устроить, сдѣлалъ громадныхъ размѣровъ транспорантъ и на немъ по турецки было написано: «Карсъ взятъ, пора и вамъ сдаваться». По этому транспоранту турки открыли страшнѣйшую пальбу. А мы тутъ на своей позиціи, не зная, въ чемъ дѣло, предположили, что Османъ на насъ идетъ и всѣхъ на ноги поставили.

Ну, мой дорогой, пора и кончить. Больше писать пока нечего, новаго пока ничего нѣтъ, кромѣ того только, что скука страшная, да эта новость ужъ старая. Да вотъ еще, въ прошломъ письмѣ я забылъ написать тебѣ. 3-го ноября у насъ происходила вторая *) торжественная раздача георгіевскихъ крестовъ солдатамъ. За постройку втораго редута на полкъ пожаловано девять георгіевскихъ крестовъ участвовавшимъ въ постройкѣ редута. Командиръ полка присудилъ четыре 2-му баталіону и четыре нашему, а одинъ, какъ и въ прошлый разъ, на санитаровъ.

15-го Ноября 1877 г.

Вчера принялся было за письмо къ тебѣ, да не удалось много написать. По случаю дождливой погоды всѣ мои сожители были дома, ну и конечно трудно писать посреди разговора и пѣнія. Потомъ пріѣхалъ братъ, онъ тутъ въ десяти верстахъ, въ Митропольѣ стоитъ. Сошлись два брата рядомъ на позаціи! Онъ просидѣлъ до пяти часовъ. Послѣ

---

*) Первая раздача крестовъ происходила 22-го октября. Пожаловано за занятіе Волынской горы 17 солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ: 8 крестовъ присуждено командиромъ полка на 4-й баталіонъ, 8 на остальные и 1 санитарамъ.

него Замятнинъ явился, но просидѣлъ, впрочемъ, не долго, на кончикѣ кровати, во всемъ полномъ снаряженіи, выпилъ стаканъ чаю и скорѣе бѣжать домой. Вообще, мы въ гости другъ къ другу въ другіе баталіоны ходимъ рѣдко; больше всего по своимъ баталіонамъ вертимся, въ своемъ кругу. А если и пойдешь въ другой баталіонъ, такъ норовишь скорѣй домой: все какъ-то спокойнѣе у себя-то на всякій случай, а особенно въ настоящее время. Еще во 2-й баталіонъ, который построился рядомъ съ нами, можно пойти, ну а въ 1-й и 3-й баталіоны—благодарю покорно, чуть-ли не верста, да по оврагамъ, да по этой слякоти, которая у насъ теперь непрерывна. По уходѣ Замятнина потолковали немного да и на боковую, потому что сегодня наша очередь заступать въ ложементы. А теперь вотъ я совершенно одинъ, потому что съ нынѣшняго дня въ передніе ложементы заступаютъ вмѣсто четырехъ только три роты, четвертая назначается въ прикрытіе къ нашей лѣво-фланговой батареѣ. Въ переднихъ ложементахъ, по прежнему, остались двѣ роты, а третья расположилась въ ложементахъ, занимавшихся прежде двумя ротами, такъ что каждый офицеръ въ резервномъ ложементѣ имѣетъ по отдѣльной землянкѣ. Сегодня моя рота въ резервныхъ ложементахъ и я занялъ адъютанскую землянку, Измайловскую, расположенную ближе къ лѣво-фланговымъ ложементамъ. И вотъ теперь на просторѣ и въ тишинѣ принимаюсь за письмоводство.

Замѣчательно быстро бѣжитъ здѣсь время! Давно ли, кажется, писалъ къ тебѣ, будто вчера или третьяго дня, а посмотришь на число, глядишь—цѣлая недѣля пролетѣла. Въ общей сложности кажется, будто мы здѣсь и не вѣсть сколько времени, а изъ Варшавы почитай, что тысячу лѣтъ тому назадъ вышли. А между тѣмъ дни, недѣли мелькаютъ передъ глазами со скоростью секундной стрѣлки. Да и не мудрено. Сидишь двое сутокъ въ ложементахъ, то да другое,—не видишь, какъ и день, прошелъ. Да еще рано встанешь, такъ днемъ успешь лишнее. А въ резервъ уйдешь, отдохнуть опять таки надо за недоспанное, да разныя хлопоты то для роты, то по собственному устройству въ своемъ логовищѣ, опять не видишь, какъ и день пролетѣлъ. А тамъ опять смѣна, опять тащись въ ложементы чрезъ два дня. А теперь куда какое пріятное удовольствіе идти сюда и сидѣть здѣсь. Опять начались дожди, кругомъ грязь невылазная, мокро, гадко, скверно.... А ночи—зги не видно. Скорѣй бы ужъ Османъ надумался сдаваться. А то вѣдь тоска смертная сидѣть такъ-то вотъ, сложа руки, хуже того,—постоянно ожидая, что онъ будетъ прорываться. Нервы напряжены до крайности, раздражаешься въ высшей степени отъ малѣйшихъ пустяковъ. Ни съ кѣмъ говорить нельзя, — начнешь спорить, того и гляди, поругаешься. А спросить изъ-за чего! въ обыкновенное время расхохотался бы, пожалуй. На всѣхъ печать раздраженія. А тамъ, у Балканъ, наша гвардія все идетъ да идетъ, все впередъ да

впередъ и забираетъ мало по-малу на пути городъ за городомъ. 11-го взятъ Правецъ, въ десяти верстахъ отъ Орханіе, а 12-го занятъ и Этрополь... Да 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи поисхудали въ рядахъ, порѣдѣли. Предполагали иначе, совсѣмъ иначе. И мы, да и всѣ гвардейцы думали, что наша дивизія пойдетъ впереди всей гвардіи, первая попробуетъ турецкихъ гостинцевъ. А вышло наоборотъ. Первая-то испробовала 1-я дивизія, первымъ пострадалъ Егерскій полкъ. А наша очередь быть впереди наступитъ, по всей вѣроятности, ужъ за Балканами. Да, дѣйствительно многіе изъ моихъ товарищей кончили уже кампанію, нѣкоторые на вѣки. Ты представить себѣ не можешь, до какой степени больно было мнѣ читать въ спискѣ убитыхъ имена своихъ товарищей. И особенно больно было при имени Романова. Какъ нарочно, я только съ нимъ однимъ и видѣлся и поговорилъ на походѣ, изъ всѣхъ моихъ петербургскихъ товарищей. Въ первый и послѣдній разъ послѣ Петербурга я встрѣтился съ нимъ въ Радоницѣ. Въ училищѣ онъ былъ въ одной ротѣ со мной, мало того—въ одной компаніи, которая, въ числѣ пяти членовъ, постоянно засѣдала за чаемъ,—зимой въ курилкѣ, лѣтомъ у маркитанта. Въ остальныхъ гвардейскихъ полкахъ тоже многихъ изъ товарищей уложила турецкая пуля.

У насъ новостей никакихъ нѣтъ. Впрочемъ, какъ новость могу сообщить, что турки поступаютъ съ нашими офицерами по джентльменски. Недавно случилось такое происшествіе. Нашего полка поручикъ Куткинъ и Литовскаго поручикъ Рябинкинъ, оба состоящіе ординарцами у генерала Тотлебена, недавно возвращались съ лѣваго фланга, изъ Дольняго Дубняка, домой. Проѣзжая черезъ нашу позицію, Рябинкинъ заѣхалъ повидаться въ свой полкъ, а Куткинъ къ намъ. Въ 3 часа они поѣхали домой. Самая близкая дорога—ѣхать по позиціямъ. Отъ насъ направились къ редуту генерала Мирковича, а оттуда черезъ второй редутъ думали попасть на Скобелевскую позицію. Первый редутъ проѣхали благополучно. Ѣдутъ дальше. Ѣдутъ, ѣдутъ, кажется, ужъ давно пора ко второму редуту подъѣхать. Да на ихъ бѣду въ этотъ день сильнѣйшій туманъ, ничего не видно впереди. Наконецъ подъѣхали къ редуту. Никого не видать и спросить некого. Гдѣ тутъ входъ, Богъ его знаетъ. «Эй, кто тамъ», кричитъ Куткинъ, «выдь сюда, покажи, куда тутъ дорога въ Тученицу (на Скобелевскую позицію)». Въ редутѣ что-то засуетились и — не успѣли наши герои опомниться, какъ были окружены красными фесками. У героевъ и душа въ пятки. Это они вмѣсто нашего-то редута изволили къ Крышинскому подъѣхать!... Что тутъ дѣлать? Куткинъ нашелся. Недавно въ Литовскомъ полку былъ полковой праздникъ. У него и явилась мысль разыграть роль парламентера, пріѣхавшаго будто бы просить турецкаго пашу не стрѣлять на слѣдующій день по нашимъ

позиціямъ, такъ какъ въ одномъ полку большой праздникъ и русскіе хотѣли бы справить его спокойно. Куткинъ передалъ свою мысль Рябинкину, а самъ досталъ изъ кармана носовой платокъ и перевязалъ имъ руку. Ихъ между тѣмъ повели къ коменданту редута, которому Куткинъ и передалъ свое порученіе. Но комендантъ объявилъ, что это не въ его власти, что объ этомъ нужно доложить самому Осману-пашѣ. Поэтому ихъ направили въ Плевну съ надлежащимъ конвоемъ, а между тѣмъ къ Осману-пашѣ посланъ былъ адъютантъ. Уже подъѣзжали они къ Плевнѣ, какъ этотъ адъютантъ мчался имъ на встрѣчу и передалъ имъ, чтобы они вернулись назадъ и въ редутѣ ожидали отвѣта. По возвращеніи къ редуту они увидѣли, что для нихъ въ сторонкѣ разбита палатка, куда ихъ и попросили войти. Съ ними былъ еще казакъ. Слѣзая съ лошади, Куткинъ подозвалъ къ себѣ казака подержать стремя, а самъ въ это время передалъ ему пакетъ, въ которомъ находились важныя бумаги. Въ палатку пригласили и казака. Но Куткинъ замѣтилъ пашѣ, что это нижній чинъ, а у русскихъ не принято, чтобы нижніе чины находились въ одной палаткѣ съ офицерами,—и казака удалили. Въ палатку подали кофе. Предложили курить, причемъ Куткинъ въ свою очередь предложилъ пашѣ свою папиросу. Кромѣ паши пришли въ палатку еще нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Но они молчали. А Куткинъ бесѣдовалъ съ пашой на французскомъ языкѣ. «Въ жизнь свою не помню», разсказывалъ потомъ Куткинъ, «чтобы я когда-нибудь такъ хорошо изъяснялся по французски. Откуда брались слова, выраженія! Самъ-то паша не особенно смыслилъ во французскомъ языкѣ, а остальные и вовсе не понимали. Ужасное было состояніе. Я курилъ папироску за папироской, стараясь скрыть свое волненіе, стараясь показать себя какъ можно равнодушнѣе. Нервы были напряжены до послѣдней возможности. Я молилъ Бога только объ одномъ: чтобы въ это время съ нашей позиціи не вздумали стрѣлять. Семь часовъ заставилъ Османъ-паша высидѣть насъ въ этой проклятой палаткѣ, на волоскѣ отъ смерти. Наконецъ явился посланный отъ Османъ-паши и объявилъ, что Османъ-паша съ удовольствіемъ соглашается исполнить просьбу русскихъ. Послѣ этого насъ вѣжливо проводили и указали дорогу. Одинъ Богъ только знаетъ, что я почувствовалъ, очутившись на свободѣ......». Казака тоже турки приняли очень любезно. Ему также предложили кофе, и онъ, отродясь не пивши такого напитка, да еще въ турецкомъ вкусѣ, выпилъ по этому случаю цѣлыхъ пять чашекъ. Я думаю, турки не мало подивились такому аппетиту, такъ какъ сами они никогда болѣе одной чашки не пьютъ. Затѣмъ турки угостили казака табакомъ, а онъ, отплачивая за любезность любезностью, предложилъ имъ своей махорки, которая туркамъ очень не понравилась, и они взамѣнъ ея снабдили казака своимъ турецкимъ табакомъ.

Въ тотъ же вечеръ съ нашей стороны раздалась обычная канонада по турецкимъ позиціямъ. Вотъ, я думаю, турки локти-то потомъ кусали, что попались въ просакъ!

Сегодня почему-то опять ждутъ нападенія Османа. Вотъ сейчасъ (12 часовъ ночи) раздаются на лѣвомъ флангѣ, противъ гренадеръ, рѣдкіе ружейные выстрѣлы. Нужно посмотрѣть, что тамъ дѣлается. До свиданья пока.

Ну, это Богъ знаетъ гдѣ, чуть-ли не съ противоположной стороны Плевны. А ночка, не дай Господи,—ничего не видно. Вотъ и сиди тутъ да жди каждую минуту... Нѣтъ ничего хуже и утомительнѣе подобнаго напряженнаго ожиданія. А турки, перебѣжчики съ другой стороны, показываютъ, что Османъ нашей аттаки ожидаетъ. Вотъ ты тутъ и разбери. Но—назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Роптать не приходится — служба. Конечно, хотѣлось бы учавствовать въ болѣе активномъ дѣйствіи, въ аттакѣ какого-нибудь важнаго пункта, заявить, что и Волынскій полкъ и 3-я гвардейская дивизія существуютъ на бѣломъ свѣтѣ. Но—нужно полагать, что наша очередь впереди еще. Будемъ надѣяться.

А теперь пока мы воспользовались своей стоянкой. Третьяго дня я былъ... ты и не догаешься гдѣ—въ банѣ! Это послѣ трехъ мѣсяцевъ пыли, грязи и прочихъ удовольствій. Какое наслажденіе — выразить трудно. Только мнѣ не даромъ обошлось оно—еле выползъ, да тутъ-же передъ дверью и бухъ на солому,—угорѣлъ страшно: паръ-то съ дымкомъ былъ. Но какъ легко стало послѣ, совсѣмъ другой человѣкъ сдѣлался, облегченный отъ всей грязи. Это ужъ нужно Гаврилову, нашему командиру нестроевой роты, спасибо, и великое, сказать. Удружилъ.

Пока, кажется, все. Это письмо отправляю завтра чуть свѣтъ опустить въ свой почтовый ящикъ—солдатскую патронную сумку, висящую около землянки полковаго командира, чтобы завтра-же утромъ оно и отправилось по назначенію. Кстати объ этомъ почтовомъ ящикѣ: — корреспонденція отсюда идетъ громадная. Четыре раза въ день опорожняютъ и каждый разъ она биткомъ бываетъ набита.

20-го Ноября.

Въ ожиданіи письма отъ тебя, дорогой мой другъ Н., приготовляю тебѣ свое. Завтра должна прійти корреспонденція. За нею ужъ поѣхали.

Новаго опять таки ничего, скука все таже. Не правда ли, и тебѣ скучно читать, что новаго ничего нѣтъ? Только и новаго, что на дняхъ, именно третьяго дня, насъ опять потревожили во время нашего отдыха. Съ 18-го на 19-е легли спать пораньше, часу въ одинадцатомъ, такъ какъ на слѣдующее утро въ ложементы надо было заступать. Только...

виноватъ: еще передъ тѣмъ, какъ легли, у Скобелева страшнѣйшая перепалка была, не смотря на то, что пальца передъ глазами нельзя видѣть—и ночь темная, и туманъ страшный. Наконецъ утихла. Заснули. Вдругъ: «ваше благородіе!» Просыпаюсь, узнаю голосъ одного изъ своихъ конвойныхъ.—«Что такое?» «Ваше благородіе!»—«Что тебѣ?» Онъ громче и я громче. Разъ двѣнадцать перекликались, а онъ все не слышитъ—изъ землянки въ наружу совсѣмъ, оказывается, голоса не слышно. Наконецъ онъ догадался войти въ землянку. «Въ чемъ дѣло?»—«Баталіонъ сейчасъ выступаетъ.»—«Куда?»—«Не могу знать.»—Поднялись на ноги и остальные мои сожители. Одѣваюсь, выхожу изъ землянки—лобъ расшибешь и не увидишь, обо что, развѣ искры изъ глазъ освѣтятъ. Разбудили роту. Выходятъ, строятся ощупью. Тишина. Изрѣдка кашель со спа. «Господа офицеры къ генералу!» раздается откуда-то. Иду на голосъ. Стопъ, наткнулся на кого-то. «Кто это?» голосъ генерала.—Поручикъ Л., ваше пр—ство.» «А полковникъ Агапѣевъ?» — «Сейчасъ тутъ былъ.» Туда, сюда—пропалъ въ тьмѣ ночной. Наконецъ собрались всѣ. «Вотъ что, господа,» раздается сдержанно-спокойный голосъ командира полка, «во первыхъ, будьте какъ можно спокойнѣй, отдавайте приказанія не суетясь, потому что отъ спокойствія начальника зависитъ и спокойствіе подчиненныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Сейчасъ прислано отъ генерала Ганецкаго (командира гренадерскаго корпуса, расположеннаго за Видомъ) извѣстіе, что къ сторонѣ деревни Блазевацъ (по направленію къ Плевнѣ) слышится шумъ колесъ. Сегодня получена депеша отъ графа Шувалова изъ Лондона, что на военномъ Совѣтѣ въ Перѣ рѣшено, чтобы Османъ оставилъ Плевну. По свѣдѣніямъ отъ генерала Скобелева турки сегодня не отвѣчали весь день ни съ одного форта, а вечеромъ сами аттаковали. Поэтому вы сейчасъ отправитесь въ деревню Трнино и будете находиться въ распоряженіи начальника дивизіи, въ резервѣ, за Литовскимъ баталіономъ. Спѣшите скорѣе... Ужъ безъ десяти минутъ два часа,» закончилъ генералъ, посмотрѣвши при фонарѣ на часы.

Пошли. Спустились съ горы чуть не кувыркомъ. Добрались до деревни. Явились въ штабъ дивизіи—приказано расположиться въ деревнѣ и ждать до разсвѣта. Зажгли костры, послали за чайниками, спасибо не далеко идти за ними. Такъ въ кружкѣ около костра и провели время до 9-ти часовъ утра. Въ ложементы ужъ не ходили, отдыхали дома.

Вчера и сегодня мы ужъ на своей горѣ редутъ строимъ за стрѣлковой позиціи, противъ нейтральной горки. На правомъ флангѣ, около перваго баталіона, тоже возводимъ, другой. Турки ничего,—позволяютъ; были одиночные выстрѣлы, ружейные, одного солдата С.-Петербургскаго полка убили. Другихъ попытокъ помѣшать работамъ не было. Объ орудіяхъ цѣлый мѣсяцъ съ турецкой позиціи ни гу-гу. Было прежде нѣсколько, да, должно полагать, на Крышинскій редутъ перевезли, или въ

другое какое мѣсто. Противъ насъ хотя и построили два редута, но ни однимъ орудіемъ до сихъ поръ не вооружили. Ужасно нервы напряжены и разстроены. Вотъ сейчасъ начались выстрѣлы въ ложементахъ передъ редутами. Я тебѣ забылъ написать, что редуты генерала Мирковича и полковника Старинкевича отданы уже въ распоряженіе генерала Скобелева, а С.-Петербургскій полкъ отвели изъ нихъ опять назадъ. Богъ ихъ знаетъ тамъ, въ чемъ дѣло. Только ужасно скверно всякая перестрѣлка тамъ на нервы дѣйствуетъ. Можетъ быть и пустяки—секреты какъ нибудь столкнулись, а тутъ ужъ безпокоишься; въ концѣ концовъ оказывается, всю ночь глазъ не сомкнешь. Трудно сказать, что лучше, идти ли все время впередъ и драться или сидѣть вотъ такъ и напряженно ждать. Говорю это къ тому, что иногда во время нашихъ разговоровъ по поводу нашего сидѣнья подъ Плевной на выраженія желанія какъ можно скорѣе отсюда вырваться, на выраженія зависти къ остальному гвардейскому отряду, который все идетъ впередъ, нѣкоторые офицеры возражали, что еще, можетъ быть, и хорошимъ придется помянуть Плевну, можетъ быть, потомъ придется сказать, что лучше бы въ Плевнѣ сидѣть. «Какъ бы то ни было, какова ни на есть наша землянка, а все-таки въ ней и тепло, и сухо, дождь не мочитъ, туманъ не пронизываетъ насквозь. А поди-ка теперь, у нихъ тамъ куда какъ хорошо въ эдакую-то вотъ ночь подъ дождемъ спать, на сырой землѣ. А мы вотъ тутъ сидимъ себѣ, да чаи распиваемъ».

Ну, да и тутъ не сладко. Всѣ раздражены, изъ за малѣйшихъ пустяковъ чуть не ссора. Положимъ, что поругавшись, изливши свое сердце, потомъ опять по старому, не на долго все это, да самое настроеніе-то это скверно, коли ищешь хоть на чемъ-нибудь сорвать сердце, придираешься иногда къ сущей бездѣлицѣ. А все этотъ Османъ виноватъ. Извини, ужъ больше и писать не могу, потому настроеніе духа не то. Подожду лучшаго. А пока пройдусь по ложементамъ, посмотрю, что у меня тамъ дѣлается, да потомъ сосну, можетъ быть, чтобъ хоть во снѣ забыть про этого Османа и очутиться, можетъ быть, въ Россіи. До свиданья.

23-го Ноября.

Сегодня получилъ твое письмо и спѣшу поскорѣе отвѣтить. Вообще, теперь я какъ можно скорѣе стараюсь сбыть письмо съ рукъ, потому что чѣмъ скорѣе отправишь его, тѣмъ лучше. Пишешь письмо и думаешъ: дай Богъ поскорѣе кончить его, поскорѣе сдать, чтобы тревога не помѣшала, чтобы оно скорѣе отсюда-то изъ полка вышло. Сдашь письмо и спокойнѣй станешь.

Ну, кажется, и до посылокъ чередъ пришелъ,—стали приходить. Сегодня вотъ нѣсколько офицеровъ получили посылки, въ томъ числѣ и

Ларіоновъ, изъ Рязани, кажется (спросилъ бы, вѣрнѣе, да спитъ ужъ онъ). Послана была въ сентябрѣ, числа 20-го. Можно надѣяться, стало быть, что и моя когда-нибудь дойдетъ. Хорошо только будетъ, очень кстати, если полушубокъ придетъ къ лѣту!

Когда война кончится—это одному Господу Богу извѣстно. А главное—когда мы вернемся. Пожалуй, дѣйствительно, можно сказать почти съ увѣренностью, что съ паденіемъ Плевны дѣла примутъ быстрый и рѣшительный ходъ. Но когда эта Плевна падетъ? вотъ вопросъ, вопросъ жгучій. Изъ предыдущихъ моихъ писемъ тебѣ извѣстно, что мы ожидаемъ этого со дня на день, ожидаемъ еженощно, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно, наконецъ, а между тѣмъ....вотъ скоро этому будетъ уже мѣсяцъ! Государь высказывалъ увѣренность, что больше десяти дней Плевна не продержится, а генералъ Тотлебенъ прибавилъ отъ себя еще пять дней. Это было 12-го числа. Съ одной стороны, отъ перебежчиковъ получаются свѣдѣнія, что кормежка въ Плевнѣ плохая, а съ другой, отъ другихъ перебѣжчиковъ, наоборотъ,—хлѣба даютъ много. Вотъ тутъ поди и разбирай. И ничего не знаешь. Ждешь и сейчасъ, думаешь: и мѣсяцъ еще простоишь тутъ.

Ну, да во всякомъ случаѣ вѣдь вотъ ужъ другой мѣсяцъ съ 12-го октября, какъ подвоза провіанту въ Плевну нѣтъ никакого. Слѣдовательно, на долго не хватитъ. А въ тотъ день, какъ мы въ Трнинѣ были, 19-го, у турокъ и мяса поуменьшилось. Замѣчательный тутъ у насъ унтеръ-офицеръ есть, въ 3-й стрѣлковой ротѣ, Мицура по фамиліи. Его вся дивизія знаетъ. Кажется, ему все нипочемъ. Куда только нужно въ охотники, сейчасъ онъ является. Онъ и съ Алексинымъ тогда ходилъ, съ 11-го на 12-е октября, да и потомъ нѣсколько разъ путешествовалъ къ турецкимъ ложементамъ. А теперь вотъ 19-го ноября онъ вызвался посмотрѣть, что подъ Плевной дѣлается. Его отпустили, и забрался онъ Богъ знаетъ куда. Высматривалъ, высматривалъ и въ концѣ концовъ усмотрѣлъ цѣлое стадо воловъ. Сообразилъ онъ, что недурно было бы для ротныхъ щей мяса прибавить. Не долго думая—къ стаду. Какъ ему удалось изъ-подъ носу у турокъ вытащить цѣлое стадо—Богъ его вѣдаетъ, но кончилось тѣмъ, что онъ одинъ пригналъ въ полкъ 70 штукъ турецкихъ воловъ.

Впрочемъ, были и еще охотники ходить въ Плевну. Одного еле удержали. Это было еще въ октябрѣ, послѣ первой раздачи георгіевскихъ крестовъ. Между прочимъ, достался крестъ одному изъ охотниковъ, ходившихъ съ Алексинымъ, моей роты рядовому Грицько. А въ 12-й ротѣ у него былъ землякъ, рядовой-же Церковный, изъ одной деревни. Забрало за ретивое Церковнаго, что Грицько получилъ крестъ. «Какъ же это», говоритъ, «вернемся мы изъ похода, придемъ въ деревню, у Грицька есть крестъ а у меня нѣтъ; подумаютъ, что я гдѣ-нибудь подъ кустами сидѣлъ и

въ дѣйствіи не былъ». Но Грицько получилъ крестъ за то, что охотникомъ былъ, къ туркамъ ходилъ. Сталъ и онъ проситься. Хотѣлъ Грицька перещеголять, въ самую Плевну пробраться... «Отпустите меня, ваше высокоблагородіе», проситъ онъ ротнаго командира, «я въ самую Плевну пойду, всѣ силы турецкія высмотрю и вамъ предоставлю, чтобы знать потомъ, куда и съ какими силами налегать нужно». Просилъ онъ такъ убѣдительно, такъ пламенно, что ротный командиръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія командира полка, а этотъ послѣдній, при посѣщеніи нашей позиціи генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ, представилъ Церковнаго ему. Генералъ Тотлебенъ похвалилъ Церковнаго за его намѣреніе, но замѣтилъ ему, что ужъ если онъ такой молодецъ, такъ дѣло отъ него не уйдетъ, еще успѣетъ сослужить службу, а теперь въ Плевну пока ходить нѣтъ надобности. «Мы и такъ знаемъ, сколько силъ въ Плевнѣ». Такъ и остался Церковный въ большомъ горѣ, что услуги его не приняли и креста онъ заслужить не можетъ *).

Мы продолжаемъ укрѣпляться. Сегодня я съ ротой ходилъ на работу—строили батареи еще на лѣвомъ флангѣ, на спускѣ горы, надъ самымъ Трниномъ. Ложементы передъ батареей такіе крутые, что еслибъ снѣгъ, такъ на санкахъ можно кататься съ верхняго конца ложемента въ нижній. А внизу, вдолинѣ Вида, наравнѣ съ Картожуванскимъ ущельемъ, Австрійцы еще два редута построили. Это все на тотъ случай, коли Османъ сюда направится. А мы въ этомъ направленіи и ждемъ его, больше, впрочемъ, на Видъ. На нашу позицію врядъ-ли онъ пойдетъ: не разсчетъ ему по горамъ-то потомъ путешествовать. Да и не поздоровится ему: больно много препятствій преодолѣть нужно потомъ.

29-го Ноября.

Н., дорогой мой, милый мой,—свершилось!—Плевна взята!.... Больше ничего не могу сказать. Я живъ и здоровъ. Подробности послѣ. Теперь ничего не въ состояніи. Голова кружится. Столько ждали, что теперь и невѣрится. Теперь здѣсь, что на старой квартирѣ: вещи всѣ перевезены на новую, остался старый хламъ, и ходишь изъ угла въ уголъ, не зная, куда прислониться. Такъ и здѣсь теперь чувствуется. Готовимся къ дальнѣйшему походу, куда—не знаю. До свиданья.

Обѣщанныхъ подробностей о сдачѣ Плевны я такъ и не написалъ въ послѣдующихъ письмахъ. Пока находились еще подъ Плевной—некогда, да и не до того было. Плевна такъ намозолила сердце, такой бо-

*) Впослѣдствіи онъ получилъ наконецъ крестъ и радовался ему, какъ ребенокъ.

лѣзненный нарывъ тамъ сдѣлала, что когда онъ прорвался, не охота и вспоминать о немъ было. А главное, настоящее такъ хорошо было, что трудно и возвращаться къ старому. Самъ чувствуешь себя выше земли, на воздухѣ, а на душѣ такой праздникъ, такой праздникъ, что и сравненія ему не пріищешь. Всѣ съ такими радостными, сіяющими лицами встрѣчаютъ и поздравляютъ другъ друга. И погода такая великолѣпная, на небѣ ни облачка, солнце тоже будто радуется вмѣстѣ съ нами—свѣтитъ и грѣетъ насъ съ утра до вечера. Въ землянкѣ и сидѣть не хочется. Точно дѣти послѣ экзамена, радуются всѣ наставшимъ каникуламъ. Хочется вознаградить себя за все просиженное время, походить, погулять на свободѣ, на полной свободѣ.... Взглянешь на турецкую позицію, и невѣрится какъ-то, что ужъ нѣтъ ничего враждебнаго. Всѣ турки, которые были тамъ, теперь ужъ сидятъ у насъ на позиціи, въ плѣну. Идешь смотрѣть на нихъ, а ихъ ужъ формируютъ въ отдѣльные отряды для отсылки въ Россію. Хочется посмотрѣть на мѣсто побоища, на Гренадерскую позицію. Нужно съѣздить къ брату, узнать, что́ онъ, живъ, цѣлъ? Нужно и на пресловутую Плевну посмотрѣть, что это такое за городъ, около котораго мы сидѣли столько времени. Нужно приготовиться и къ дальшему походу, запасы сдѣлать.

Ну, а потомъ во время похода и подавно некогда было возвращаться къ Плевнѣ: много другихъ новыхъ впечатлѣній явилось на сцену.

Поэтому паденіе Плевны приходится описать по памяти. Впрочемъ, картина послѣдняго дня Плевны такъ живо и ясно отражается въ моемъ воображеніи, какъ будто я вотъ сейчасъ все вижу передъ глазами.

V.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію 28-го ноября, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

Я уже упоминалъ о нейтральной горкѣ и говорилъ, что ее не занимали ни мы, ни турки. Но на ночь мы постоянно высылали на нее усиленный секретъ. Въ послѣдніе-же дни явилась мысль занять ее и на день. Для секретовъ тамъ былъ уже вырытъ маленькій ложементъ; предполагалось удлинить его и послать туда цѣлую роту. Для наблюденія за непріятелемъ мѣсто дѣйствительно было выгодное, такъ какъ оттуда можно было наблюдать и за позиціей турокъ противъ насъ, и вправо, до самаго Крышинскаго редута, мѣстность видна, какъ на ладонкѣ, передъ первымъ и даже вторымъ редутами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе наблюдающихъ очень незавидно. Лежи цѣлыя сутки безъ движенія,—турки въ трехъ стахъ шагахъ впереди. Огня разводить не смѣй, а холодъ по всѣмъ косточкамъ пробираетъ, дождь и туманъ безъ милосердія пронизываютъ. Первый разъ туда послана полурота отъ моей роты подъ коман-

дою подпоручика Ромашева, 24-го ноября. Досталось, помню, мнѣ за него отъ командира баталіона. Въ этотъ день нашъ баталіонъ заступалъ въ ложементы. Моя рота назначалась въ прикрытіе къ батареѣ, а батарея была на половинѣ разстоянія отъ землянокъ до нашихъ ложементовъ. Поэтому и выступленіе изъ землянокъ было обыкновенно нѣсколько позднѣе. Я вышелъ съ ротой, а Ромашевъ остался еще въ землянкѣ, не успѣвъ еще собрать всѣ свои пожитки, да и не торопился особенно, потому что до расположенія роты у батареи было не особенно далеко. Только что подошелъ я къ батареѣ, меня встрѣчаетъ баталіонный командиръ.

— А гдѣ подпоручикъ Ромашевъ?

— Онъ сейчасъ идетъ, остался въ землянкѣ.

Ну, мнѣ за это головомойка, за то, что офицеры не на мѣстахъ. А Ромашевъ оказался нуженъ: полуроту подъ командой офицера нужно послать на нейтральную горку, а такъ какъ въ ложементахъ и безъ того оставалось три роты, то эту полуроту приходилось взять отъ прикрытія къ батареѣ. Но распоряженіе объ этомъ нѣсколько опоздало, такъ что я ничего не зналъ.

— Пошлите сейчасъ-же поскорѣе одну полуроту на горку съ подпоручикомъ Ларіоновымъ, приказалъ мнѣ полковникъ Агапѣевъ,—и поторопите подпоручика Ромашева, чтобы онъ успѣлъ во время смѣнить подпоручика Ларіонова, пока туманъ еще не разсѣялся.

Я послалъ за Ромашевымъ и по приходѣ его объявилъ ему злополучную участь отправиться на нейтральную горку. А мы только передъ тѣмъ толковали съ нимъ, что настоящіе ложементы будутъ для насъ спокойны, потому что у батареи все равно, что дома. Грустное разочарованіе было для Ромашева. Жаль мнѣ было его, когда онъ поплелся къ своей полуротѣ, и я рѣшился какъ-нибудь выручить его оттуда.

Часовъ въ двѣнадцать или въ часъ смотрю—идетъ ко мнѣ мой унтеръ-офицеръ Данилецкій изъ первой полуроты. Лѣвой рукой поддерживаетъ правую.

— Что съ тобой?

— Да вотъ прострѣлили, ваше б—діе.

Оказалось, что онъ и Грицько (оба бывшіе въ охотникахъ 11-го октября—оба уже съ крестами) не усидѣли въ ложементахъ—не видно оттуда ничего было за туманомъ—вышли изъ ложемента впередъ и взобрались на дерево, чтобы удобнѣе видѣть, что у турокъ дѣлается. Но здѣсь ужъ и ихъ турки увидѣли и—ссадили Данилецкаго съ дерева.

Вечеромъ я отправился къ полковнику Агапѣеву внизъ, въ ложементы, и онъ первымъ-же распоряженіемъ приказалъ мнѣ отозвать Ромашева съ горки, оставивъ тамъ только одинъ секретъ. Что за несчастные явились оттуда: мокрые, грязные, дрожа отъ холода. Этимъ разомъ и

ограничились—больше уже не посылали на горку цѣлой полуроты: признано безполезнымъ.

Тѣмъ не менѣе нейтральная горка скоро опять появилась на сцену. Приказано занять ее цѣлою ротою, но только временно и уже съ другою цѣлью.

28-го ноября опять была наша очередь смѣнять Литовцевъ изъ ложементовъ. Наканунѣ полковникъ Агапѣевъ, возвратясь съ обычнаго вечерняго собранія баталіонныхъ командировъ отъ командира полка, потребовалъ къ себѣ ротныхъ командировъ. Когда всѣ собрались, онъ объявилъ намъ слѣдующее предположеніе и распоряженіе на слѣдующій день:

Въ виду того, что на турецкихъ позиціяхъ уже два дня не замѣтно никакого движенія, а съ другой стороны, съ каждымъ днемъ получаются все настойчивѣе и настойчивѣе свѣдѣнія, что Османъ-паша приготовляется къ прорыву,—является подозрѣніе, что всѣ войска гдѣ-нибудь сосредоточиваются, а на позиціяхъ оставлены только незначительные отряды. Чтобы разузнать это болѣе достовѣрно, рѣшено составить сводную роту отъ нашего и Литовскаго полка, которую завтра съ разсвѣтомъ отправить на нейтральную горку. Какъ только разсвѣтаетъ, ротѣ сдѣлать рекогносцировку на турецкую позицію, и если турокъ тамъ дѣйствительно не много, то и ударить на нихъ. А изъ ложементовъ поддержать рекогносцировку огнемъ.

— Ну такъ вотъ теперь, заключилъ полковникъ Агапѣевъ,—тяните жребій: кто вытянетъ, отъ той роты одна полурота съ офицеромъ и ротнымъ командиромъ и пойдетъ завтра. А командовать ротой будетъ старшій изъ ротныхъ командировъ, нашъ или Литовскаго полка.

Жребій вытянулъ поручикъ Ивановъ, командующій 1-й стрѣлковой ротой, а изъ полуротныхъ командиръ 2-й полуроты подпоручикъ Рославлевъ. Изъ Литовскаго полка вытянулъ жребій штабсъ-капитанъ Нандельштадтъ.

На другой день, еще было совсѣмъ темно, какъ мы уже явились на смѣну Литовцамъ. Но только что мы стали располагаться по ложементамъ, какъ Литовцы снова вернулись и тоже стали размѣщаться въ ложементахъ.

— Что такое? Зачѣмъ вы сюда?

— Не могимъ знать, ваше б—діе, приказано вернуться опять въ ложементы.

Что такое? стою и ничего не понимаю. Офицеровъ Литовскихъ не вижу, спросить некого. Иду назадъ,—натыкаюсь на Алексина.

— Не знаешь-ли ты, что это за исторія творится?

Тотъ тоже ничего не знаетъ. Спросить некого. И Литовскіе офицеры пришли и тоже ничего не объяснили, за исключеніемъ того, что имъ приказано оставаться въ ложементахъ. А мы-то куда? Назадъ идти нельзя,

въ ложементахъ Литовскіе... Ей Богу, ничего не понимаю. Собралъ опять роту, послалъ къ баталіонному командиру за приказаніями. Наконецъ является приказаніе: всему 4-му баталіону отойти назадъ и расположиться въ редутѣ. «Зачѣмъ это?» переспрашиваемъ другъ у друга. Никто, конечно, объяснить не можетъ, но каждому чувствуется что-то необычайное. Неужели сегодня Османъ прорываться начнетъ? Еще раньше были сдѣланы распоряженія на случай тревоги, кому гдѣ расположиться. Одному баталіону, между прочимъ, предназначалось занять редутъ.

Пришли мы въ редутъ. Расположились. Было еще темно. Напряженно слушаемъ и смотримъ во всѣ стороны, не взовьется-ли гдѣ нибудь ракета. Вездѣ тихо. Такъ простояли мы тутъ часа полтора. Въ редутъ пришелъ командиръ полка и подтвердилъ нашу догадку. Дѣйствительно, получены достовѣрныя извѣстія, что Османъ-паша нынѣшній день назначилъ для прорыва. Мало того, извѣстно было даже и то, куда именно: черезъ мостъ на Видѣ, по Софійскому шоссе, на Гренадерскую позицію. Для поддержки гренадеръ и для преграждения дальнѣйшаго пути туркамъ, отъ нашей дивизіи отдѣлены были С.-Петербургскій и Кексгольмскій полки и вмѣстѣ съ 16-й дивизіей направлены къ Дольнему-Дубняку. У генерала Ганецкаго и сигнальныя ракеты приготовлены, чтобы всюду дать знать, когда турки наступать начнутъ.

Полурота 1-й стрѣлковой роты съ подпоручикомъ Рославлевымъ, подъ командой поручика Иванова, все-таки отправилась на нейтральную горку; Литовская полурота также. Мало того, полковникъ Агапѣевъ распорядился послать еще одинъ взводъ отъ 3-й стрѣлковой роты подъ командой унтеръ-офицера на лѣвый флангъ, къ шпилю. Противъ лѣваго фланга нашей позиціи, на турецкой сторонѣ, возвышался холмъ въ видѣ сахарной головы, который мы называли шпилемъ. Покатость его къ сторонѣ Вида сливалась съ общей покатостью горъ, спускающихся въ долину. Кругозоръ оттуда долженъ быть обширный. Вся долина Вида съ него видна, какъ на ладонкѣ, поэтому онъ служилъ какъ-бы каланчей для турецкаго начальства. Черезъ нѣсколько времени послѣ занятія нами Волынской горы шпиль мало по-малу былъ укрѣпленъ турками ложементами, идущими спиралью снизу до верху. Захвативши въ свои руки этотъ шпиль, можно было обстрѣливать во флангъ всю турецкую позицію и съ большимъ успѣхомъ помочь сводной ротѣ, находившейся на правомъ флангѣ, на нейтральной горкѣ.

Взводъ ушелъ. Противъ насъ на турецкой позиціи точно вымерли, ни малѣйшаго движенія. Начало разсвѣтать. Мы уже предполагали, что Османъ-паша и на этотъ разъ отложилъ свое намѣреніе.

Вдругъ въ долинѣ Вида, у генерала Ганецкаго, взвилась ракета. Это было въ половинѣ девятаго. За ней слѣдомъ другая, третья. Сомнѣнія нѣтъ: Османъ-паша идетъ. Все вниманіе устремилось внизъ, въ долину

Вида. Жаль, что намъ изъ редута виднѣлся только одинъ уголокъ долины. Но и то, что мы видѣли, произвело на насъ такое впечатлѣніе, которое никогда не изгладится изъ нашей памяти.

Первое, что мы увидѣли, это — турецкая цѣпь, усѣявшая черными точками всю долину. Это не была правильная цѣпь съ поддержками. Поддержекъ, колоннъ мы еще не видали, но—отдѣльныя точки, иногда соединявшіяся въ группы. Между пѣхотинцами кой-гдѣ отдѣльные-же всадники. Переднія точки уже далеко зашли влѣво, а сзади все прибавляются и прибавляются новыя точки. Сомкнутости ни малѣйшей нигдѣ. Съ нашей стороны заговорили орудія, посылавшія свои снаряды куда-то вправо, въ кого—отъ насъ не видно. Потомъ движеніе точекъ какъ будто остановилось. Маленькое колебаніе впередъ и назадъ. Нѣсколько минутъ— и всѣ эти точки такъ-же плавно начали обратное движеніе къ Плевнѣ. Начали скрываться за угломъ горы, заслоняющей отъ насъ всю долину вправо. Но вотъ—что такое? непонятно: точки, турецкая цѣпь, уходятъ назадъ, а между тѣмъ изъ-за горы начинаютъ выдвигаться какія-то фуры: одна, другая, цѣлая вереница, длинной лентой потянулись онѣ по шоссе. Что это? неужели обозъ идетъ первымъ, обозъ начнетъ прорываться сквозь наши позиціи? Странно... А, теперь понятно. За обозомъ, правѣе его, опять показались войска, опять наступаютъ. Обозъ остановился. Онъ долженъ служить прикрытіемъ отъ нашего огня, съ нашей позиціи. Вѣрнѣе, впрочемъ, не отъ огня, а отъ могущаго съ этой стороны прибыть подкрѣпленія, нашей аттаки. Тогда обозъ—готовый брустверъ. А одинъ артиллерійскій нашъ огонь не страшенъ. Пробовали стрѣлять съ лѣво-фланговой батареи—далеко, огонь не дѣйствителенъ. Кромѣ того, чрезъ нѣсколько времени артиллерія выѣхала ближе къ туркамъ, на открытое поле. Выстрѣлы, видимо, направлялись въ турокъ, судя по дыму, который вылеталъ изъ орудій въ ихъ сторону. Трудно было сказать, чья это была артиллерія, наша или турецкая, потому что незадолго передъ тѣмъ на этомъ мѣстѣ были турки. Изъ боязни разстрѣливать свою артиллерію, выстрѣлы съ нашей позиціи прекратились. Остается только быть нѣмымъ зрителемъ этой кровавой драмы, разыгрывающейся на этой громадной сценѣ—долинѣ рѣки Вида.

А изъ-за горы войска все прибываютъ и прибываютъ, все чернѣй и чернѣй становится поле за обозомъ. Идутъ ужъ не такъ плавно и вяло, какъ прежнія точки. Да теперь ужъ и не точки—густая цѣпь стрѣлковъ. Идутъ смѣло, быстро, рѣшительно. Вдругъ точно плотина прорвалась тамъ, за горой—цѣлый черный потокъ разомъ хлынулъ оттуда. Нѣтъ, не потокъ—бурная рѣка вырвалась изъ своихъ береговъ и бѣшено мчится впередъ, грозя разрушить все на своемъ пути. Ревъ орудій, шумъ и крики доносятся къ намъ оттуда въ общемъ хорѣ. Вдругъ вся масса остановилась. Переднимъ, видно, жутко пришлось. Заколебались. Стоятъ. А сзади

все новыя и новыя массы. Все столпилось на одномъ мѣстѣ. Невольно я вспомнилъ, какъ бывало на югѣ, на Кавказѣ, приходилось видѣть громадныя тучи саранчи, до того громадныя и плотныя, что на нѣсколько времени скрывали собою солнце. Какъ бывало эта туча сядетъ на поле и на полъ-аршина покроетъ собою землю. Сравненіе массы турецкихъ войскъ, столпившихся теперь тамъ въ долинѣ, съ такою тучей саранчи невольно пришло мнѣ въ голову. Буквально вся долина была покрыта такой-же плотной массой, какою саранча садилась на поле. Наша артиллерія неустанно громила эту массу, снаряды такъ и рвались надъ ея головою. Но переднимъ ужъ некуда было отступать. Еще болѣе плотная, масса напирала сзади. Нѣсколько времени они стояли, какъ ошалѣлые подъ нашими гранатами. Но наконецъ напоръ сзади превозмогъ — и все, что только было на полѣ, неудержимо ринулось впередъ. Наша артиллерія замолкла. Турки смѣшались съ нашими. Оттуда доносились до насъ одни только ружейные залпы, превратившіеся скоро въ одинъ неумолкаемый гулъ... Наконецъ и залпы прекратились... Все скрылось подъ непроницаемымъ покровомъ дыма... Воцарилось грозное молчаніе...

Съ замираніемъ сердца напряженно всматривались мы въ этотъ густой дымъ, стараясь проникнуть его и узнать, что происходитъ тамъ въ эту минуту... Но вотъ опять послышался трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, усиливающійся все болѣе и болѣе. Вслѣдъ за этимъ нашимъ глазамъ представилась та-же масса турокъ, но уже двигающаяся обратно. Сначала отдѣльныя группы, а потомъ все, что было на поле, ринулось опять къ Плевнѣ... «Слава Богу!», съ облегченнымъ сердцемъ вздохнулъ каждый, «отбита!..» И на всѣхъ лицахъ просіяла радость.

Вдругъ справа отъ насъ гдѣ то далеко раздалось ура, и катится все ближе и ближе къ намъ. Скоро разъяснилось: Крышинскій редутъ въ нашихъ рукахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ командиру полка доложили, что патруль отъ 3-й линейной роты, изъ трехъ человѣкъ, посланный командующимъ ротою Голембатовскимъ разузнать, что дѣлается на турецкой горѣ передъ право-фланговымъ редутомъ, занятымъ 1-мъ баталіономъ, дошелъ до Рыжаго редута и, не найдя тамъ турокъ, прислалъ одного изъ патрульныхъ донести объ этомъ. 3-я рота немедленно была послана вся для занятія редута.

А между тѣмъ и наша позиція оживилась. Еще въ то время, какъ въ долинѣ только что начали свое наступленіе турки и мы высунулись изъ-за бруствера, чтобы наблюдать за этимъ движеніемъ, въ насъ время отъ времени начали стрѣлять съ противолежащей турецкой позиціи. Но стрѣльба эта была вялая и давала поводъ подозрѣвать, что турокъ тамъ немного. Полковникъ Агапѣевъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ послать отъ моей роты также взводъ къ шпилю, на поддержку взвода

3-й стрѣлковой роты. Взводъ немедленно былъ отправленъ подъ командою своего взводнаго унтеръ-офицера Юрьева. Такъ я и не видѣлъ его до самаго вечера.

А черезъ нѣсколько времени открыла свои дѣйствія и сводная рота на нейтральной горкѣ. Тамъ началась страшная трескотня, такъ что скоро вся горка закурилась. На помощь ротѣ явилась наша артиллерія и пошла сыпать залпами по муравейнику. Турокъ тамъ оказалось довольно много и они положительно засыпали нашу роту своими пулями. Ну, и наши пощады не давали, и съ нашей стороны огонь былъ страшный. Впослѣдствіи оказалось, что въ одной полуротѣ нашего полка выпущено было въ теченіи этого страшнаго получаса до двухъ тысячъ патроновъ. Убыли, впрочемъ, у насъ было очень немного. Между прочимъ, замѣчательна смерть одного унтеръ-офицера 1-й стрѣлковой роты, Наумова. Турки открыли сильный огонь по ротѣ, не давши ей еще дойти до ложемента, въ которомъ обыкновенно помѣщался секретъ (удлиненнаго 24-го ноября, когда туда была послана цѣлая полурота). Рота прилегла. Но увидѣвши впереди ложементъ, ротный командиръ приказалъ ротѣ перейти туда. Рота перебѣжала, но Наумовъ остался лежать на совершенно открытомъ мѣстѣ. Подпоручикъ Рославлевъ обратилъ на него вниманіе и приказалъ также перебѣжать въ ложементъ. «Не могу, в. б.,—ноги не двигаются.» А до ложемента оставалось всего десять шаговъ. Поручикъ Ивановъ тоже крикнулъ на него за неисполненіе приказанія и назвалъ его трусомъ. Наумовъ поднялся черезъ силу и—успѣлъ добѣжать до ложемента, въ который и рухнулся со всѣхъ ногъ. «Ну, вотъ теперь погоди-жъ ты, такой-сякой турка, теперь и я тебя поподчую, потачки не дамъ.» Вкладываетъ патронъ въ ружье, начинаетъ прицѣливаться, но—турецкая пуля угодила въ самый лобъ. Должно быть, предчувствовалъ свою смерть, потому что до тѣхъ поръ за нимъ не замѣчалось и признаковъ трусости, а наканунѣ, узнавши, что онъ назначенъ съ полуротой въ эту экспедицію, всѣ свои деньги и нѣкоторыя вещи передалъ ротному командиру, прося въ случаѣ его смерти переслать все это его женѣ, адресъ которой тоже написалъ наканунѣ.

Литовцы изъ ложементовъ съ своей стороны поддерживали огнемъ сводную роту и тѣ два взвода, которые пошли противъ шпиля.

Генералъ Мирковичъ хотѣлъ послать баталіонъ на турецкую позицію, чтобы окончательно выбить оттуда турокъ. Но бывшій тутъ все время начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Каталей просилъ подождать, пока обстоятельства выяснятся болѣе опредѣлительно, но не прочь былъ послать баталіонъ вправо, на поддержку 1-му баталіону, ушедшему вслѣдъ за 3-й ротой.

4-му баталіону приказано незамѣтно выйти изъ редута и, собравшись сзади его за гребнемъ горы, откуда туркамъ ужъ не видно его

будетъ, слѣдовать мимо праваго нашего редута въ лощину, а затѣмъ по лощинѣ до редута турецкаго (Рыжая батарея), который и занять.

По выходѣ изъ редута мы наскоро позавтракали и отправились въ путь. До лощины шли благополучно. Но затѣмъ одна за другой во флангѣ намъ начали свистать пули. Богъ ихъ знаетъ, въ насъ ли онѣ летѣли. Скорѣе, что нѣтъ, потому что будь тамъ кто нибудь, кто бы открылъ наше движеніе, навѣрное не такой бы огонь открыли по насъ. По всей вѣроятности, это были пули, перелетавшія черезъ сводную роту.

Въ лощинѣ мы нагнали 1-ю линейную роту, оставшуюся отъ 1-го баталіона и, до соединенія съ своимъ баталіономъ, поступившую въ распоряженіе полковника Агапѣева, который и употребилъ ее для замаскированія нашего движенія, разсыпалъ ее влѣво. По мѣрѣ нашего движенія и она поддавалась вправо. Такимъ образомъ, произошло довольно странное явленіе: линейная рота въ разсыпномъ строю прикрывала сомкнутый стрѣлковый баталіонъ.

Наконецъ подошли мы и къ редуту. Но еще не доходя до него, полковникъ Агапѣевъ остановилъ баталіонъ, во первыхъ, чтобы дать баталіону нѣсколько отдохнуть, а во вторыхъ, чтобы узнать, что происходитъ въ редутѣ. Самъ полковникъ Агапѣвъ съ адъютантомъ, поручикомъ Измайловымъ, отправились къ редуту. Чрезъ нѣсколько времени и баталіону приказано идти туда-же. Подходя къ редуту, мы увидѣли, что поручикъ Измайловъ стоитъ на бруствере и показываетъ намъ въ рукахъ развернутый бѣлый платокъ. Неужели турки бѣлый флагъ выставили? мелкнуло у каждаго, а разобрать, что кричалъ намъ Измайловъ, было трудно—еще далеко.

Наконецъ мы и въ редутѣ. Турки ушли оттуда; оставался одинъ только старый и, по всей вѣроятности, больной турокъ, которому ужъ видно не въ моготу было слѣдовать за своими. Бѣлый платокъ въ рукахъ Измайлова обозначалъ дѣйствительно бѣлый флагъ, вывѣшенный турками на слѣдующемъ, ближе къ Плевнѣ, редутѣ. Тамъ передъ редутомъ въ это время уже находилась 3-я линейная рота. 2-я и 4-я роты съ командиромъ баталіона полковникомъ Коссовичемъ были еще около того редута, въ который теперь взошли мы. А поручикъ Голембатовскій, еще не доходя до редута, отправилъ къ полковнику Коссовичу записку, прося на всякій случай подкрѣпленія, такъ какъ хотя турки и выказали намѣреніе сдаться, вывѣсили бѣлый флагъ, однако онъ опасается всего съ одной ротой войти въ редутъ. Полковникъ Коссовичъ немедленно со 2-й и 4-й ротой двинулся къ поручику Голембатовскому. Они были уже около редута, какъ туда-же мимо насъ направлялся какой-то армейскій полкъ, такъ что опасаться за наши роты было уже нечего. 4-й баталіонъ, поэтому, оставался въ занятомъ редутѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній такъ какъ дальше идти не представлялось никакой цѣли.

Убѣдясь, что редутъ, къ которому направился полковникъ Коссовичъ, тоже уже взятъ, мы обратили свои бинокли на турецкую позицію, находившуюся передъ нашей стрѣлковой. Она была видна изъ редута. Перестрѣлка сводной роты давно уже прекратилась. Тамъ было тихо и почти безъ движенія. Позади турецкой позиціи также проходило довольно глубокое ущелье. Въ его отверстіи виднѣлась часть долины Вида. Ружейная стрѣльба еще доносилась оттуда, долина была наполнена дымомъ. Но сквозь этотъ дымъ я замѣтилъ, что какихъ-то двѣ турецкихъ части стояли какъ будто развернутымъ фронтомъ и на обоихъ своихъ флангахъ имѣли по два бѣлыхъ флага, одинъ большой, другой маленькій. Стало быть, сомнѣнія нѣтъ, турецкія войска сдаются. Но вотъ по ущелью изъ долины поднимаются группа за группой:—турецкія войска. Поднялись на верхъ, собираются все больше и больше, строятся на позиціи. Потомъ сразу всѣ отошли въ сторону. На томъ мѣстѣ, гдѣ они строились, остались ружья, правильными рядами составленныя въ козла. Вотъ къ нимъ слѣва (отъ насъ) поскакалъ всадникъ, за нимъ другой съ желтымъ флагомъ. А, это, значитъ, поѣхалъ къ нимъ ординарецъ нашего начальника дивизіи. Вотъ и еще нѣсколько всадниковъ поѣхало туда-же. Съ турецкой стороны къ нимъ вышла цѣлая группа. Потомъ все смѣшалось въ одну группу.

Вскорѣ за этимъ къ намъ подъѣхалъ генералъ Мирковичъ. За нимъ шли 2-й и 3-й баталіоны, остававшіеся до сихъ поръ на своей позиціи на Волынской горѣ. Генералъ Мирковичъ приказалъ и 4-му баталіону присоединиться и затѣмъ повелъ полкъ въ Плевну. Я съ ротой, къ сожалѣнію, былъ отдѣленъ отъ полка. На позиціи совсѣмъ ужъ не осталось пѣхоты. Поэтому генералъ Мирковичъ приказалъ полковнику Агапѣеву отправить одну роту отъ баталіона назадъ на позицію, въ прикрытіе къ артиллеріи.

Возвращался я на свою позицію уже по дорогѣ, ведущей на турецкую позицію, противъ которой мы простояли столько времени. Эта дорога черезъ нейтральную горку ведетъ какъ разъ на право-фланговый стрѣлковый нашъ ложементъ. Но я взялъ немного правѣе и прошелся по части турецкихъ ложементовъ. Превосходно, дѣйствительно, устроены у нихъ ложементы. Передній ложементъ проходитъ сплошь по всей позиціи однимъ траншейнымъ ходомъ. Тутъ же вырыты и землянки, крыши которыхъ вровень съ брустверомъ. Съ нашей стороны ихъ и не видно было. Да впрочемъ и не мудрено. Турецкая позиція значительно превышала нашу. Намъ-то она казалась изъ ложементовъ гораздо ниже. Но теперь посмотрѣлъ я отсюда на бывшую нашу позицію—и я просто удивленъ былъ. На нее чуть-ли не внизъ надо было смотрѣть. Вся позиція на ладони. Не видно только, что за гребнемъ горы дѣлается. А наши стрѣлковые ложементы на перечетъ.

На своей позиціи, у землянки командира полка, я нашелъ цѣлую массу плѣнныхъ офицеровъ. Это были взятые на нашей позиціи, т. е. бывшіе наши сосѣди. Замѣчательно добродушныя у нѣкоторыхъ лица. Но видимо, по образованію они мало отличаются отъ простыхъ рядовыхъ солдатъ, да и по физіономіи этого отличія не видно. На сколько это вѣрно—ручаться не могу, но я слышалъ, что изъ турецкихъ офицеровъ только въ штабъ-офицерскихъ чинахъ встрѣчаются люди съ образованіемъ. По образованію ихъ и назначаютъ на мѣста. Оберъ-офицеры-же всѣ изъ тѣхъ-же рядовыхъ, произведенныхъ за отличіе. И рядовые относятся съ ними за панибрата. При офицерахъ находилось нѣсколько солдатъ-слугъ. Одинъ изъ нихъ, желая что-то сказать офицеру, попросту началъ дергать его за руку, такъ какъ тотъ не слышалъ его словъ. И офицеръ, нисколько не стѣсняясь такимъ обращеніемъ, обернулся къ солдату и началъ съ нимъ бесѣдовать.

На лицахъ плѣнныхъ не отражалось ни малѣйшаго признака огорченія тѣмъ, что они были взяты въ плѣнъ. Напротивъ, они даже какъ будто были довольны такимъ исходомъ. Всѣ они предобродушно смотрѣли на насъ и очень любезно разговаривали черезъ переводчика. Нѣкоторые знали два-три слова по французски. Кто-то изъ нашихъ офицеровъ предложилъ одному изъ нихъ папиросу. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ десятка полтора рукъ протянулись къ его портсигару и въ моментъ очистили портсигаръ. Нѣкоторые, такъ просто подходили къ нашимъ офицерамъ и, показывая свой пустой портсигаръ, просили табаку.

Болѣе важныя турецкія особы расположились въ нашей канцеляріи. Тѣ вели себя немного лучше; нѣкоторые вовсе не выходили изъ землянки и держались съ достоинствомъ. Тамъ были паши.

Вечеромъ для всѣхъ плѣнныхъ былъ приготовленъ ужинъ. Плѣнныхъ солдатъ помѣстили въ нашъ редутъ, изъ котораго утромъ мы наблюдали аттаку Османа-паши. Офицеровъ-же взяли на себя угощать офицеры 1-го баталіона. Нѣкоторые паши, въ благодарность за радушіе русскихъ офицеровъ, отдарили ихъ богато убранными саблями и кинжалами. Оружіе было оставлено офицерамъ при взятіи ихъ въ плѣнъ.

Итакъ, Плевна сдалась. Все кончено. Какъ-то не вѣрилось. Все произошло гораздо проще, чѣмъ ожидалось. Мы ожидали, что наша позиція будетъ также аттакована, что Османъ-паша сдѣлаетъ демонстраціи во всѣ стороны, чтобы отвлечь наши силы отъ пункта прорыва. А на самомъ дѣлѣ вышло гораздо проще: Османъ-паша сосредоточилъ всѣ силы передъ мостомъ на Видѣ и отсюда прямо бросился на гренадерскія позиціи, оставивъ всѣ свои позиціи почти безъ обороны. Гуссейнъ-паша, командовавшій турецкими войсками противъ насъ и взятый нами въ плѣнъ, говорилъ, что на военномъ совѣтѣ, собравшемся у Османа-паши, съ цѣлью рѣшить, куда направить аттаку для прорыва, голоса раздѣли-

лись поровну: одни на Видъ, другіе—на нашу позицію, (въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ Гуссейнъ-паша) и только голосъ самого Османа-паши далъ перевѣсъ первымъ голосамъ. Что было бы лучш—есказать трудно. Въ долинѣ на ровномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, все гораздо скорѣе кончилось,—виднѣе, чья взяла, а тутъ поди-ка, по горамъ да по кустамъ, разбери, на чьей сторонѣ перевѣсъ. Но Гуссейнъ-паша, видимо, очень недоволенъ былъ этимъ рѣшеніемъ, и имя Османа-паши было для него хуже остраго ножа.

30-го числа въ дивизіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Каталей обратился къ офицерамъ съ искренними и прочувствованными словами по поводу только что оконченныхъ трудовъ и лишеній въ теченіи полутора-мѣсячнаго сидѣнья подъ Плевной.

На 2-е декабря назначенъ былъ смотръ Государя нашей дивизіи, гренадерскому корпусу и румынскимъ войскамъ. Смотръ состоялся на мѣстѣ славнаго побоища 28-го ноября, въ долинѣ Вида, у Софійскаго шоссе.

По объѣздѣ Государемъ всѣхъ войскъ, бывшихъ на смотру, 3-я гвардейская дивизія прямо со смотра двинулась въ походъ по Софійскому шоссе къ Балканамъ, для присоединенія къ гвардейскому корпусу.

А. Луганинъ.

Л.-гв. Волынскаго полка

Унтеръ-офицеръ Мицура.

Въ началѣ октября 1877 года лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, въ числѣ прочихъ полковъ гвардіи, подходилъ къ Плевнѣ, которая въ то время еще упорно оборонялась Османомъ-пашой. Съ 6-го на 7-е число полкъ сдѣлалъ ночной переходъ съ бивуака на горѣ у деревни Эски-Баркачъ, или съ Голодной горы, какъ называли ее солдаты, и передвинулся къ деревнѣ Медованъ, находящейся къ югу отъ Плевны, недалеко отъ рѣки Вида, гдѣ и расположился на Медованскихъ высотахъ.

12-го октября, одновременно съ нападеніемъ 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій на Горный Дубнякъ, полкъ нашъ, составляя отдѣльный небольшой отрядъ (баталіона Волынскаго полка и 1 баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго), былъ двинутъ впередъ, перешелъ Картожабинское ущелье, глубоко врѣзался въ расположеніе турецкихъ войскъ и, послѣ оживленной перестрѣлки, отбилъ у турокъ деревню Трнинъ, въ долинѣ на берегу Вида, и сосѣднюю большую гору, на которой и расположился въ ложементахъ. Гора эта въ честь полка была названа главнокомандующимъ Волынской горой, почему и мы въ нашемъ разсказѣ будемъ такъ называть ее.

Въ первую-же ночь по занятіи Волынской горы мы начали копать на ней ложементы и постепенно все увеличивали ихъ число, протяженіе и профиль, опасаясь, чтобы турки, опомнившись отъ неожиданности и замѣтивъ нашу малочисленность, не вздумали отбить назадъ прежнія свои позиціи. Но турки, повидимому, не имѣли охоты переходить въ наступленіе. Они построили противъ насъ ложементы и нѣсколько редутовъ и съ этихъ поръ началась траншейная война, столь знакомая всѣмъ, бывшимъ подъ Плевной и Шибкой. Съ разсвѣтомъ съ какой либо стороны посылался первый выстрѣлъ, какъ бы привѣтствіе съ добрымъ утромъ. Онъ служилъ обыкновенно сигналомъ къ начатію перестрѣлки, которая то затихала до того, что прекращалась совсѣмъ на нѣсколько часовъ,

то возобновлялась и учащалась такъ, что отдѣльные выстрѣлы сливались въ одинъ общій гулъ. Пули съ воемъ и визгомъ проносились надъ нашими ложементами, шлепаясь по близости въ землю. Сидѣть въ ложементахъ было, относительно, безопасно, но ходить по позиціи—не совсѣмъ. Каждый, кто появлялся какъ на нашей, такъ и на непріятельской сторонѣ, тотчасъ привлекалъ на себя вниманіе и выстрѣлы лучшихъ стрѣлковъ.

Это дало поводъ взаимно подшучивать другъ надъ другомъ. Шутка состояла въ томъ, что какой либо весельчакъ выходилъ изъ ложементовъ и, часто съ опасностью жизни, устраивалъ чучело, изъ земли или изъ палки, съ навѣшаннымъ на нее тряпьемъ, котораго у насъ было въ то время вдоволь. Непріятель поднималъ по чучелу усиленную пальбу, что вызывало общій смѣхъ и шутки.

При занятіи Волынской горы 12-го октября впереди всѣхъ шелъ нашъ 4-й баталіонъ. Онъ такъ и остался впереди и устроилъ свои ложементы на горѣ въ первой линіи, шагахъ въ 800 и до 1200 отъ непріятеля. Насъ раздѣлялъ оврагъ, западная часть котораго подходила къ рѣкѣ Виду и была довольно глубока, а восточная мелка и покрыта кустарникомъ. За оврагомъ, почти параллельно нашему фронту, тянулась линія турецкихъ траншей, расположенныхъ на гребнѣ горы, командовавшей надъ нашей, почему намъ не было хорошо видно, что дѣлалось на турецкой позиціи и что было за ихъ горой.

Послѣ взятія Горнаго Дубняка, Телиша и Дольняго Дубняка и обложенія Плевны со всѣхъ сторонъ для всѣхъ насъ стало ясно намѣреніе генерала Тотлебена—овладѣть Плевной посредствомъ крѣпкаго обложенія. Каждый изъ насъ старался, конечно, по мѣрѣ силъ своихъ способствовать этой общей цѣли и мы бдительно день и ночь слѣдили, чтобы никто и ничто не проникло въ Плевну и изъ нея. При такихъ обстоятельствахъ, время ея обороны сводилось, главнымъ образомъ, къ количеству заготовленныхъ Османомъ-пашой продовольственныхъ припасовъ.

18-го октября, часа въ три пополудни, обходя траншеи нашего баталіона, я замѣтилъ, что изъ-за турецкой горы вышло большое стадо буйволовъ, коровъ и овецъ на водопой къ Виду и осталось пастись на его берегу. Хотя стадо было за линіей турецкихъ ложементовъ, но всего въ верстахъ полуторы или двухъ отъ передовыхъ нашихъ траншей.

— Вотъ бы хорошо захватить это стадо, сказалъ я въ одной изъ нашихъ траншей. Восклицаніе это вырвалось у меня невольно; подумавъже хорошенько, я пришелъ къ заключенію, что отбить стадо подъ выстрѣлами цѣпи и нѣсколькихъ турецкихъ батарей—дѣло очень трудное и если возможное, то развѣ только для кавалеріи, которой при нашемъ отрядѣ не было.

Стрѣльбы на позиціи не было, и я, обойдя весь баталіонъ, вернулся въ офицерскую землянку, устроенную тутъ-же въ траншеяхъ. Въ ней, по обыкновенію, горѣлъ огонекъ въ земляной печкѣ и грѣлся мѣдный чайникъ. Питье чаю составляло самое любимое наше занятіе и времяпрепровожденіе. Не успѣлъ я приняться за чай, какъ въ землянку вошелъ унтеръ-офицеръ 15-й роты Андрей Мицура. Это былъ чистокровный хохолъ, Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда; говорилъ съ ужаснѣйшимъ малороссійскимъ акцентомъ; первоначально поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, дослужился въ немъ старшаго унтеръ-офицерскаго званія и въ 1876 году былъ уволенъ въ запасъ арміи. При мобилизаціи въ 1877 году онъ попалъ въ нашъ Волынскій полкъ, въ 4-й баталіонъ, въ 15-ю роту.

«Ваше в—діе, я себѣ подобралъ десять охотниковъ, позвольте намъ отправиться къ турецкому скоту, а можетъ возьмемъ».

— Отправляйся, только смотри—далеко не забирайся. Сегодня только высмотри да узнай, куда скотъ загоняютъ на ночь,—ночью легче захватить.

Я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. 10 человѣкъ охотниковъ съ ружьями стояли около землянки. Объяснивъ, съ какой стороны лучше подходить, я назначилъ имъ сборный пунктъ, куда они должны были сойтись незамѣтно по одиночкѣ и откуда имъ слѣдовало уже двигаться цѣпью ползкомъ, подъ руководствомъ Мицуры.

Число людей въ передовой траншеѣ, противъ стада, было увеличено съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности, они частымъ огнемъ могли поддержать охотниковъ и облегчить имъ отступленіе.

Я самъ помѣстился въ этой траншеѣ и, съ биноклемъ въ рукахъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разыгрывавшейся на нашихъ глазахъ сценой. Одиннадцать охотниковъ, собравшись по одиночкѣ къ передовой группѣ деревьевъ, стали оттуда цѣпью и ползкомъ подвигаться къ непріятелю. Вотъ они достигли послѣдней лощины и стали подыматься по скату. Каждое ихъ движеніе должно быть видно непріятельской цѣпи, къ которой они подползли шаговъ на четыреста. Чѣмъ ближе придвигались охотники къ непріятелю, тѣмъ движенія ихъ становились медленнѣе, осторожнѣе. Подползя шаговъ на двѣсти, восемь охотниковъ пріостановились, какъ бы сознавая невозможность дальнѣйшаго движенія, а трое подвигались все дальше и дальше, пока наконецъ совсѣмъ скрылись изъ нашихъ глазъ за горой, занятой непріятельскими передовыми траншеями. Прошло полчаса—охотники лежатъ на прежнихъ мѣстахъ; у непріятеля все тихо. Я начиналъ безпокоиться за участь храбрецовъ и внутренно упрекалъ себя, что разрѣшилъ охотникамъ идти. Вдругъ всѣ охотники начали быстро отползать назадъ; изъ за-горы показались три точки, которыя также ото-

двигались къ намъ. Съ непріятельской стороны раздался выстрѣлъ, за которымъ посыпался по охотникамъ бѣглый огонь. Чтобы привлечь винвиманіе непріятеля на себя, мы подняли усиленный огонь. Черезъ полчаса всѣ одинадцать охотниковъ возвратились на позицію, благодаря Бога, совершенно благополучно.

Изъ разсказа Мицуры оказалось, что недалеко за непріятельской горой лежитъ деревня, *) что скотъ выгнанъ на пастбище, вѣроятно, изъ этой деревни, что при стадѣ было нѣсколько человѣкъ болгаръ, что восемь человѣкъ охотниковъ, подкравшись близко, остановились, а онъ съ двумя рядовыми, Авижиловымъ и Чикуринымъ, подкрался къ самому скоту, прошелъ мимо болгаръ, которые, видимо испуганные ихъ неожиданнымъ появленіемъ, оставались безъ всякаго движенія, что наконецъ они были замѣчены непріятелемъ, и онъ, Мицура, видя невозможность угнать скотъ тремъ пѣшимъ людямъ, въ такой близи отъ непріятельской цѣпи, далъ знакъ отойти назадъ.

На слѣдующую ночь Мицура попросился идти съ патрулемъ изъ десяти человѣкъ въ деревню Блазевацъ, развѣдать о непріятелѣ и скотѣ. Его уговаривали, представляли всю опасность идти въ деревню, занятую непріятелемъ, но онъ до тѣхъ поръ просился, пока ему не разрѣшили. Ночь была темная, осенняя; мелкій дождикъ то начиналъ, то прекращаля. Секреты, которые мы каждую ночь располагали впереди своихъ траншей, были выдвинуты въ эту ночь далѣе обыкновеннаго. Я нѣсколько разъ въ теченіи ночи выходилъ изъ землянки, повѣрялъ патрули и часовыхъ, прислушивался, не слыхать ли чего съ непріятельской стороны, но все было тихо и спокойно. Мицура вернулся только часовъ въ семь утра, когда было совершенно свѣтло. Вотъ его безъискуственный разсказъ объ этомъ геройскомъ ночномъ похожденіи.

«Пройдя свои передовыя траншеи и секреты и предупредивъ ихъ, чтобы они не приняли насъ при возвращеніи за непріятеля и не стрѣляли, мы осторожно и безъ малѣйшаго шума подходили къ непріятельской позиціи. Было такъ темно, что рѣшительно ничего не было видно. Мы прошли оврагъ, раздѣлявшій насъ отъ непріятеля и, судя по времени и пройденному разстоянію, должны были подходить уже къ деревнѣ Блазевацъ. Вдругъ мы услышали шаги нѣсколькихъ человѣкъ и разговоръ на турецкомъ языкѣ. Мы прилегли въ сторонкѣ и пропустили мимо себя турецкій патруль, солдаты котораго шли безпечно и громко разговаривали, зная что они далеко отъ нашихъ траншей. Мы не тронули патруль, не желая производить шумъ. Скоро послѣ встрѣчи съ патрулемъ, мы напали на дорогу въ деревню, которая, повидимому, была очень

*) Деревня Блазевацъ, какъ я узналъ по картѣ.

близка. Но тутъ на насъ напали огромной стаей деревенскія собаки. Поднялся страшный лай. Опасаясь, чтобы этотъ шумъ не привлекъ турокъ и не открылъ бы насъ, и видя, что трудно пройти въ деревню всѣмъ вмѣстѣ, я приказалъ патрулю отойти нѣсколько назадъ, остановиться и ждать меня до разсвѣта, а самъ рѣшился идти вправо, пройти позади турецкихъ ложементовъ и войти въ деревню съ другой стороны—со стороны Плевны. Солдаты патруля отговаривали меня, увѣряя, что я самъ лѣзу въ руки туркамъ. Но одинъ, а именно рядовой Данило Мочанъ сказалъ, что онъ меня не оставитъ и пойдетъ всюду вмѣстѣ со мною. Мы простились и пошли вправо на гору. Поднявшись на нее, мы увидѣли слабый отблескъ огней въ турецкихъ ложементахъ, которые были, такимъ образомъ, между нами и нашими ложементами. Мы шли по гребню высоты—вправо и влѣво былъ скатъ—дошли до курганчика, въ серединѣ котораго была яма, я понялъ, что это тотъ самый курганъ, на которомъ днемъ всегда виднѣлся турецкій часовой; при орудійныхъ выстрѣлахъ съ нашей стороны онъ прятался въ яму. Подъемъ на гору утомилъ насъ,—мы остановились на курганчикѣ и посидѣли съ четверть часа въ ямѣ. Тронувшись далѣе, мы вошли въ кусты. Черезъ каждые пятнадцать и двадцать шаговъ мы останавливались и прислушивались. Въ одну изъ такихъ остановокъ, вдругъ неожиданно раздался изъ-за куста, шагахъ въ пяти отъ насъ, кашель турецкаго часоваго. Мы поторопились поскорѣй отойти отъ него въ сторону. Забирая все влѣво, мы часа черезъ три странствованія по турецкимъ позиціямъ попали въ туже деревню, но съ другой стороны. И здѣсь насъ встрѣтили собаки, но гораздо въ меньшемъ количествѣ и не такъ шумно».

«Было, вѣроятно, часа четыре утра, разсвѣтъ чуть начинался. Я все думалъ, какъ бы отыскать скотъ. Деревня настроена безъ всякаго ладу, улицъ не разберешь,—гдѣ попало, тамъ и домъ. За одной глиняной стѣной я услышалъ, какъ звенѣли колокольчики на шеяхъ коровъ; вотъ онъ скотъ, подумалъ я, и началъ отыскивать двери въ середину двора. Но мы оба съ Мочаномъ ходили въ темнотѣ вокругъ этой стѣны и никакъ не могли отыскать дверей, а перелѣзать было высоко. На одномъ изъ поворотовъ мы неожиданно наткнулись на маленькую, лѣтъ двѣнадцати, дѣвочку и окликнули ее. Она страшно перепугалась, закричала благимъ матомъ и бросилась въ избу. Въ избѣ послышался шумъ и голоса нѣсколькихъ людей. Не зная, кто и какъ насъ встрѣтитъ, мы поторопились уйти отъ этой избы. Во многихъ болгарскихъ избахъ одинъ скатъ крыши упирается въ землю, а другой оканчивается отъ земли на высотѣ около сажени. Мочанъ, полагая, что лѣзетъ на бугоръ, взобрался по скату крыши одной избы и оборвался съ другой ея стороны. Онъ надѣлалъ шуму и изъ хаты выскочилъ болгаринъ. Увидя, что мы русскіе, болгаринъ сталъ ласково звать насъ въ избу. Сначала мы было опасались,—какъ заходить

въ гости на непріятельской сторонѣ,—а потомъ ничего, взошли. А у нихъ въ избѣ, вотъ все равно, какъ бы и у насъ, хозяйка затопила печку и хлопочетъ на счетъ ѣды, по хатѣ бѣгаютъ ребятишки. «А, русскій аскеръ, русскій аскеръ», закричали дѣти, «здорово, братушки», и насъ усадили къ огню».

«Прежде всего хозяйка подала намъ кувшинъ. Я понюхалъ, думалъ—водка, нѣтъ—не водка. Хозяинъ показалъ мнѣ, что это вода для мытья. У нихъ, видно, такой обычай: какъ кто пришелъ, сейчасъ нужно дать воды помыться. Намъ это было кстати,—мы уже недѣли три не мылись. Снявъ шинели, мы помылись, потомъ усѣлись къ огню; хозяйка стала угощать, а ребятишки взлѣзли на колѣни, цѣлуются и скоро совсѣмъ съ нами подружились. Хозяинъ часто выходилъ на улицу, видимо боялся, чтобы не зашли турки. Часовъ въ шесть утра онъ вошелъ въ хату и закричалъ намъ: «Гайда, братушки, до дому, турецкій аскеръ на ка́раулъ». (Недалеко отъ деревни на горѣ, на высокомъ курганѣ, днемъ всегда стоялъ турецкій часовой).

«Дѣти уцѣпились за насъ, не хотѣли пускать; мы ласково со всѣми простились, вышли съ Мочаномъ на улицу, прошли незамѣтно деревней, соединились съ ожидавшимъ насъ патрулемъ и благополучно вернулись въ роту. Отъ хозяина я узналъ, что скотъ ихъ, деревенскій, что турки отобрали у нихъ нѣсколько штукъ скота и теперь они боятся, что отберутъ весь остальной».

— Такъ отчего-же они не перегонятъ скотъ на нашу сторону? — спросилъ я.

— А ужъ не могу знать. Трудно съ хозяиномъ разговориться, не понимаемъ другъ друга. Лучше я приведу его сюда къ вамъ, пусть онъ самъ все разскажетъ.

— Какъ сюда! онъ сюда не пойдетъ, да и тебѣ не къ чему больше ходить въ деревню.

— Мнѣ въ деревню теперь пройти ничего не стоитъ,—я знаю дорогу. А хозяинъ со мной придетъ, онъ мнѣ повѣритъ, мы съ нимъ пріятели.

На слѣдующую ночь Мицура опять ходилъ съ Мочаномъ въ деревню Блазевацъ и подъ утро привелъ съ собой болгарина. Это былъ невзрачный, простоватый болгарскій мужичекъ. Ему нельзя было возвращаться назадъ днемъ, почему онъ цѣлый день провелъ у насъ въ передовой траншеѣ. Онъ съ удивленіемъ и разинутымъ ртомъ смотрѣлъ на ту странную обстановку, въ которую онъ такъ неожиданно попалъ. Онъ, видимо, не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что вокругъ его дѣлалось. Когда турки начали стрѣлять и пули падали около него, онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нихъ и оставался стоять открыто, не сознавая опасности.

Пришлось толкнуть его въ траншею, чтобы помѣстить въ безопасное мѣсто. Мы угощали его, какъ могли. Была водка, чай, чорный ржаной хлѣбъ и супъ съ мясомъ. Онъ, видимо, былъ доволенъ и угощеніемъ, и пріемомъ. На всѣ разспросы: почему они не перегоняютъ скотъ на нашу сторону и не переселятся сами? онъ твердилъ одно: что онъ ничего не знаетъ, что какъ громада и старшина, такъ и онъ, что скота у нихъ рогатаго головъ двѣсти, что нѣсколько штукъ скота отнялъ турокъ, а когда хозяева не хотѣли отдавать, то турки двухъ изъ нихъ зарѣзали, одного до смерти, а другой и теперь лежитъ больной, что онъ не можетъ говорить за другихъ, а лучше приведетъ старосту.

Поздно вечеромъ Мицура завелъ его въ деревню, а въ полночь они возвратились обратно втроемъ со старшиной. Это былъ плотный, бойкій мужикъ, съ умнымъ лицомъ.

Онъ объяснилъ намъ, что положеніе крестьянъ ихъ деревни невыносимо, что всѣ они живутъ въ постоянномъ страхѣ, что придутъ турки и всѣхъ ихъ вырѣжутъ, что каждый день надъ ихъ деревней летаютъ гранаты, и то съ одной стороны го-го-го-го-бумъ, то съ другой—стороны го-го-го-го-бумъ *), что переселиться они бы очень хотѣли, но не могутъ, потому что нужно забрать женъ, дѣтей, скотъ и нѣкоторое имущество, уложиться въ телѣги, а сдѣлать все это тихо и незамѣтно отъ турокъ—невозможно, а если бы турки замѣтили, то всѣхъ бы ихъ вырѣзали, какъ и обѣщали уже сдѣлать. Староста еще сообщилъ намъ, подъ большимъ секретомъ, что у нихъ въ деревнѣ зарыто въ землѣ зерно и что если они уйдутъ, то турки непремѣнно найдутъ и возьмутъ этотъ хлѣбъ. О положеніи турокъ онъ зналъ мало,—болгарамъ не позволяли ходить въ Плевну и по турецкимъ позиціямъ; полагалъ только, что продовольственныхъ припасовъ у турокъ, вѣроятно, мало, если турецкіе солдаты силою отнимаютъ у нихъ скотъ. Такъ какъ рано или поздно скотъ ихъ, по всей вѣроятности, будетъ отобранъ турками, то староста предлагалъ весь скотъ ихъ деревни въ подарокъ русскимъ войскамъ. Мы, конечно, отказались отъ подарка, а совѣтовали перегнать скотъ, подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ довѣренныхъ крестьянъ ихъ деревни, на нашу сторону и потомъ, смотря по желанію, оставить его для себя или продать на мясо нашимъ войскамъ. Староста соглашался, просилъ только, чтобы переходу скота дать такой видъ, какъ будто мы насильно его захватываемъ, иначе онъ боялся мести со стороны турокъ. Для этого онъ предлагалъ, чтобы въ условленный день и часъ солдаты вышли изъ засады и захватили скотъ, который они въ этотъ день нарочно подгонятъ ближе къ нашей линіи.

Я обѣщалъ и съ этимъ мы разстались. Мицура, по обыкновенію,

---

*) Это была правда: позади деревни стояла турецкая батарея, съ которой наши батареи часто перестрѣливались.

завелъ ихъ домой. Утромъ я доложилъ объ этомъ дѣлѣ по начальству. Но мои хлопоты не имѣли успѣха. Начальникъ дивизіи генералъ Каталей нашелъ, что не стоитъ изъ-за нѣсколькихъ штукъ скота вступать въ перестрѣлку и ввязываться въ дѣло, которое можетъ стоить жизни нѣсколькихъ человѣкъ. Мысль о перегонѣ болгарскаго скота на нашу сторону была оставлена. Одинъ Мицура не успокоился. Съ настойчивостью хохла, онъ продолжалъ преслѣдовать свою мысль и желалъ ее выполнить, хотя-бы своими единичными силами. Онъ продолжалъ по временамъ прокрадываться въ деревню и наконецъ, не знаю уже какими средствами, успѣлъ таки перегнать часть деревенскаго скота на нашу сторону. Въ половинѣ ноября, зайдя разъ рано утромъ въ штабъ нашей дивизіи, я засталъ тамъ Мицуру и человѣкъ восемь болгаръ со стадомъ скота, головъ въ восемьдесятъ. Мицура, по обыкновенію, добродушно доложилъ мнѣ, что онъ ночью провелъ болгаръ, пожелавшихъ переселиться на нашу сторону со скотомъ, что хотѣлъ было вести ихъ въ полкъ, но часовые передовой цѣпи направили его въ штабъ дивизіи, гдѣ онъ теперь и сдаетъ болгаръ и ихъ скотъ. Болгары съ довѣріемъ окружали Мицуру, всѣ звали его по фамиліи и, видимо, смотрѣли на него, какъ на своего покровителя и ходатая за свои интересы.

Наступалъ конецъ ноября. Въ воздухѣ чувствовалась близость катастрофы. На позиціяхъ была тишина, перестрѣлка почти прекратилась. Вотъ, наконецъ, приснопамятный день 28-го ноября, описаніе котораго не относится, впрочемъ, къ нашему разсказу.

30-го ноября, т. е. на третій день послѣ паденія Плевны, я поѣхалъ осматривать турецкія позиціи и потомъ, переправившись черезъ р. Видъ, выѣхалъ на поле сраженія, на которомъ въ то время лежало до пяти тысячъ раненыхъ и труповъ. Возвращаясь къ себѣ на бивуакъ, съ гнетущими впечатлѣніями всего мною видѣннаго, я случайно попалъ въ деревню Блазевацъ, мѣсто подвиговъ Мицуры. Изъ обзора мѣстности я убѣдился, какъ вѣрны были всѣ свѣдѣнія, сообщенныя Мицурой о положеніи деревни, о расположеніи непріятельскихъ траншей и редутовъ, и какой страшной опасности подвергался онъ, посѣщая деревню, лежащую далеко за линіей турецкихъ ложементовъ. На улицѣ деревни играли болгарскіе ребятишки. Сердце содрогалось при мысли, что эти дѣти видѣли и вынесли на себѣ весь ужасъ осады Плевны; вѣроятно они, такъ-же какъ и теперь вели свои дѣтскія игры и при громѣ орудій и свистѣ гранатъ.

2-го декабря мы двинулись по Софійскому шоссе къ Балканамъ, 13-го начался переходъ черезъ горы, а 19-го полкъ нашъ аттаковалъ уже непріятеля по другой сторонѣ горъ, занимавшаго сильныя укрѣпленія на высокихъ горахъ, близъ деревни Ташкисенъ. Полкъ долженъ былъ идти въ аттаку на горы, по совершенно открытой мѣстности, занесенной глу-

бокимъ снѣгомъ. Имѣя впереди командира полка генерала Мирковича и всѣхъ офицеровъ, Волынскій полкъ, не смотря на жестокій артиллерійскій и ружейный непріятельскій огонь, стройно, съ барабаннымъ боемъ, двинулся въ аттаку. Сердце командира полка не выдержало и онъ въ восторгѣ закричалъ: «Молодцы, ребята». «Рады стараться», прогрѣмѣло по линіи полка, идущаго впередъ, подъ страшнымъ градомъ пуль. Солдаты еще подъ Плевной привыкли видѣть своего любимаго командира полка всегда впереди, гдѣ только была наибольшая опасность, и теперь съ полнымъ довѣріемъ и точностью исполняли всѣ его приказанія.

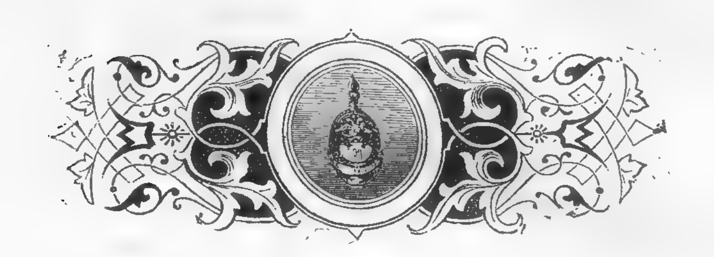
Въ первой линіи, на самомъ правомъ ея флангѣ, шла въ аттаку 15-я рота. Желая обезпечить себя съ правой стороны, ротный командиръ штабсъ-капитанъ Неовіусъ, выслалъ патруль изъ десяти человѣкъ рядовыхъ, при одномъ унтеръ-офицерѣ. Унтеръ-офицеромъ этимъ былъ Мицура. Онъ отдѣлился и повелъ патруль, по обыкновенію забирая болѣе впередъ, чѣмъ вправо. Мѣсто, по которому пришлось проходить патрулю, особенно сильно осыпалось пулями, но, не смотря на это, патруль подвигался впередъ вслѣдъ за своимъ героемъ-начальникомъ. Первымъ изъ патруля былъ раненъ Мицура—въ руку на вылетъ, но онъ необратилъ вниманія на рану и продолжалъ идти впередъ. Вторая пуля попала ему въ щеку и затѣмъ послѣдовательно онъ получилъ восемь ранъ, не смотря на которыя, этотъ желѣзный человѣкъ все шелъ впередъ, не обарачиваясь даже, чтобы посмотрѣть, идетъ ли кто нибудь за нимъ или нѣтъ. А между тѣмъ изъ восьми человѣкъ патрульныхъ осталось всего только двое: Бѣлихъ и Гаврильскій; остальные были переранены или отстали.

Вдругъ неожиданно на этихъ трехъ человѣкъ выскочило изъ-за камней человѣкъ тридцать турокъ и бросилось на нихъ въ штыки. Гибель храбрецовъ, казалось, неизбѣжна; израненные и измученные, они не имѣли силы бѣжать по снѣгу. Мицура остановился и началъ стрѣлять въ передовыхъ турокъ; двоихъ онъ успѣлъ свалить, но остальные продолжали бѣжать и уже были отъ него шагахъ въ пятидесяти. Еще двѣ-три минуты — и было бы все кончено. Но въ это самое время правѣе ихъ, шагахъ въ трехъ стахъ, показался изъ-за горы баталіонъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка. Офицеръ, командовавшій имъ, видя бѣгущихъ впередъ турокъ и безпомощность трехъ нашихъ солдатъ, открылъ частый ружейный огонь. Большинство преслѣдующихъ турокъ легло на мѣстѣ, а остальные поспѣшили скрыться за камни. Мицура и его товарищи были спасены.

Бѣлихъ поднялъ Гаврильскаго, у котораго обѣ ноги оказались прострѣлеными, и повелъ его на перевязочный пунктъ. Мицура-же самъ дошелъ до перевязочнаго пункта, куда принесъ, не смотря на сквозную рану въ рукѣ, свое ружье и патронныя сумки, чтобы сдать ихъ въ по-

рядкѣ. Съ перевязачнаго пункта онъ былъ отправленъ въ госпиталь, и съ этихъ поръ полкъ, не смотря на справки, не имѣетъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Что сталось съ героемъ, живъ онъ или нѣтъ?—намъ неизвѣстно. Какъ личные очевидцы подвиговъ Мицуры, мы считали своимъ нравственнымъ долгомъ разсказать о нихъ нашему обществу — для свѣдѣній, а молодымъ собратамъ по оружію—на поученіе.

П. Агапѣевъ 1-й.

Балканскій и Забалканскій походъ

Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка

въ 1877—1878 гг.

Переходъ черезъ Балканы и сраженіе при деревнѣ Ташкисенѣ.

Со 2-го декабря начинается для полка, и вообще для всей 3-й гвардейской дивизіи, жизнь, совершенно противоположная только что пережитой подъ Плевной. Какъ тутъ мы лишены были всякаго движенія, такъ, выйдя изъ-подъ Плевны, мы были даже съ избыткомъ вознаграждены за долгій застой бе-безостановочнымъ движеніемъ до самаго заключенія мира. Еще въ первую половину нашего движенія были пункты, въ которыхъ мы засиживались по нѣсколько дней. Это было въ первый мѣсяцъ по выходѣ изъ Плевны до 30 декабря. А затѣмъ до 16 января, до прихода въ Адріанополь, мы уже не шли, а мчались безустанно, безостановочно, гнались по пятамъ бѣжавшаго передъ нами непріятеля, чтобы не дать ему опомниться ни на минуту. Но за то не было времени опомниться и намъ самимъ.

Мы не успѣли оглянуться, какъ отмахали нѣсколько сотъ верстъ. Этотъ походъ, этотъ, можно сказать, бѣгъ въ погоню за непріятелемъ, остался теперь въ воспоминаніи какъ сонъ, скорѣе даже, какъ отрывки какого-то тяжелаго сна... Да, не разъ дѣйствительно случалось потомъ вспоминать наши землянки подъ Плевной...

Но извѣстно уже, что человѣкъ рѣдко бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ. 2 декабря, однако, мы были вполнѣ довольны и счастливы, что развязались наконецъ съ этой противной Плевной и идемъ дальше, довольные еще болѣе тѣмъ, что идемъ съ сознаніемъ вполнѣ уже оконченнаго дѣла. Плевны болѣе не существуетъ, одной арміей въ турецкихъ войскахъ меньше, а мы составляли частицу той силы, которая сокрушила и уничтожлиа эту армію.

I.

Съ перваго-же дня нашего движенія, погода опять попортилась. Солнышко показалось на нѣсколько дней какъ будто только для того, чтобы порадоваться вмѣстѣ съ нами паденію Плевны. Съ 1-го декабря оно надолго съ нами простилось. Весь день пасмурный, небо все время угрожаетъ дождемъ или снѣгомъ, съ которымъ мы и познакомились впервые, входя въ Балканы. Но время все таки было еще теплое, снѣгъ не держался, таялъ и по дорогамъ обращался въ грязь. Трудно было пѣхотинцу волочить свои ноги по этой грязи, но тысячу разъ больше трудности представлялось обозу и артиллеріи.

Артиллерія шла вмѣстѣ съ нами только первый переходъ, отъ Дольняго Дубняка до Телиша, пока мѣстность была еще довольно ровная. Обозъ двигался нѣсколько быстрѣе, но и то только успѣвалъ догонять насъ, приходилъ на мѣсто ночлега къ тому времени, когда нужно было отправляться уже дальше. Варить что нибудь времени уже не хватало, такъ что до самаго Врачеша приходилось довольствоваться сухариками. Офицеры, благодаря тому, что пріобрѣли послѣ паденія Плевны турецкихъ лошадей, не чувствовали особенно сильно отсутствія обоза.

Сухая закуска лежала въ кобурахъ, постель во вьюкахъ или за сѣдломъ. Ну, а для солдата кромѣ того, что онъ имѣлъ при себѣ, никакихъ запасовъ близко не было. Въ виду этого сдѣлано было распоряженіе, чтобы хоть воловъ-то держать по близости, чтобы по приходѣ на ночлегъ раздать на руки сырые пайки мяса, ну а тамъ, съ грѣхомъ пополамъ каждый солдатъ съ своемъ собственномъ горшкѣ—манеркѣ состряпаетъ какъ нибудь обѣдъ.

Около Осикова однако и обозъ нашъ окончательно застрялъ. Да и было отъ чего. Начались настоящія горы. Дорога крутыми подъемами вьется вверхъ, лѣпясь съ одной стороны къ высокимъ скаламъ, съ другой ограниченная глубокою пропастью. Подъемъ и безъ того труденъ, а толстый слой густой грязи, доходящей иногда буквально до ступицы колеса, окончательно задерживалъ дальнѣйшее движеніе. До какой степени трудно и медленно было это движеніе, можно судить по тому, что 14 лошадей, впряженныхъ въ одно такое орудіе, послѣ долгихъ усилій и криковъ, едва-едва провозили орудіе на пять шаговъ впередъ и снова на долго останавливались, будучи не въ состояніи тащить его дальше.

На картину подъема артиллеріи и обоза я вдоволь насмотрѣлся 7-го декабря. Наканунѣ полкъ пришелъ въ Правицы изъ Осикова. Получили здѣсь донесеніе, что у Осикова обозъ застрялъ; командиръ полка назначилъ 4-ю стрѣлковую и мою 2-ю стрѣлковую роты на помощь къ обозу. Намъ приказано было вытащить повозки изъ грязи и помочь имъ взобраться на гору, а затѣмъ въ тотъ-же день присоединиться къ полку. Но на дѣлѣ исполненіе этого распоряженія было довольно трудно. Наканунѣ трудно было и представить себѣ ту картину, свидѣтелями которой мы были на другой день,

когда по этой-же дорогѣ взбирался обозъ. Обозу набралось видимо-невидимо. Повозки перемѣшались съ артиллеріей; все это главнымъ образомъ столпилось передъ узенькимъ деревяннымъ мостикомъ, перекинутымъ черезъ глубокое ущелье. На самомъ мосту и около—грязь хотя и по ступицу, но довольно жидкая, а затѣмъ, пройдя мостъ, повозки положительно увязли въ густой грязи. Артиллерія загромоздила всю дорогу и не позволяла остальному обозу двигаться впередъ. А съ какой скоростью подвигалась она сама, я уже сказалъ выше. Нѣкоторымъ повозкамъ удалось все таки пробраться за мостъ раньше артиллеріи. По счастью для насъ, это были наши артельныя повозки, шедшія впереди всего обоза, которыя намъ оставалось вытащить изъ грязи и втащить по горѣ. Полковой-же обозъ такъ и остался въ Осиковѣ, даже и лошадей не запрягали въ виду большаго скопленія передъ мостомъ.

Но и безъ того цѣлый день съ 8 часовъ утра и до 5 вечера пришлось просидѣть на дорогѣ. Люди промерзли изрядно, ворочаясь въ грязи подъ хлопьями снѣга. Вдобавокъ всѣ были еще на тощій желудокъ: мяса наканунѣ не получали, такъ какъ волы остались при обозѣ.

Я тоже въ этотъ день испыталъ три, совершенно новыя для меня, вещи. Промерзнувши на дорогѣ, я хотѣлъ погрѣться спасительнымъ чаемъ. Но чайники, посуду—все это деньщикъ увезъ въ вьюкѣ вмѣстѣ съ полкомъ, во-первыхъ, разсчитывая, что я скоро вернусь, а во-вторыхъ, чайникъ былъ общій съ другими офицерами. Дѣлать нечего, пришлось обратиться къ единственному сосуду—солдатской манеркѣ. Въ нее положили снѣгу, такъ какъ воды по близости не было, а снѣгу подъ руками вдоволь. Процессъ кипяченія невыносимо долгъ, потому что постоянно нужно добавлять снѣгу, пока манерка не наполнится водой. Наконецъ кипятокъ готовъ, чай засыпанъ прямо въ манерку, остается только пить, но какъ безъ кружки? Ее замѣнила солдатская деревянная ложка. Не знаю, какъ пришелся бы по вкусу такой напитокъ городскимъ чаепійцамъ, но я по крайней мѣрѣ чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, похлебывая этотъ благодѣтельный некторъ. Впослѣдствіи намъ не разъ еще приходилось обращаться къ этому способу чаепитія.

Въ 5 часовъ вечера, когда уже стемнѣло, мы возвратились обратно въ Правецъ и уже на другой день присоединились къ полку во Врачешѣ.

Во Врачешѣ дивизія принуждена была остановиться вмѣстѣ съ прочими войсками, предназначенными для перехода черезъ Балканы. Въ слѣдующій переходъ предстояло уже перевалить черезъ Балканы, перевалить по тропинкамъ. Надо было разработать эти тропинки на столько, чтобы можно было провести артиллерію. Обозы должны были оставаться въ Орханіе и Врачешѣ,—слѣдовательно, надо запастись всѣмъ необходимымъ.

Во время нашей стоянки во Врачешѣ фотографъ Ивановъ сдѣлалъ снимки группъ каждаго полка. Къ сожалѣнію, не всѣ офицеры нашего полка участвовали въ этой группѣ.

Между приготовленіемъ къ дальнѣйшему походу и отдыхомъ служба шла своимъ чередомъ,—приходилось ходить на аванпосты. Здѣсь впервые намъ пришлось познакомиться съ горами, съ влѣзаньемъ на нихъ безъ дорогъ. Деревня Врачешъ лежитъ точно въ котловинѣ, окаймленной высокими и крутыми горами, съ однимъ только выходомъ въ Орханійскую долину. На этихъ-то горахъ и пришлось распологаться аванпостами.

11-го декабря на аванпосты назначены были отъ нашего полка 1-й и 4-й баталіоны. Чтобы добраться до вершины Финской горы, которую предстояло занять нашему 4-му баталіону, мы употребили ни много, ни мало, всего полтора часа! Мы смѣнили цѣпь Финскаго стрѣлковаго баталіона и расположились такимъ образомъ: 4-я рота осталась въ редутѣ, построенномъ на горѣ, въ общемъ резервѣ; 3-я немного впереди, непосредственно за цѣпью, въ которую выслана была 1-я рота, а 2-я назначена дежурною частью на правомъ флангѣ. Но дежурная часть у Финскихъ стрѣлковъ находилась внизу, въ Орханійской долинѣ, или, собственно говоря, на скатѣ горы, спускающемся въ эту долину. Такъ что я совершенно напрасно прогулялся съ ротой черезъ гору.

Въ редутѣ и въ расположеніи 3-й роты были еще кой-какіе шалашики, но въ дежурной ротѣ кромѣ одного офицерскаго ровно ничего не было. Время, впрочемъ, до того было еще довольно сносное, не морозно. А тутъ, на грѣхъ, завернулъ морозъ и ночью достигъ градусовъ до 15. Такъ что солдатики нарубили лѣсу, котораго кстати подъ руками было въ изобиліи, и, устроивши костры, расположились около нихъ кружками. И офицерскій шалашъ былъ устроенъ на подобіе тѣхъ, какіе, по всей вѣроятности, строили себѣ аркадскіе пастушки,—выходъ совершенно былъ открытъ. Къ вечеру, впрочемъ, солдаты нарубили вѣтвей и кой-какъ имъ удалось закрыть его.

На другой день, 12-го, былъ нашъ полковой праздникъ. Разсчитывая на скорую смѣну, мы надѣялись во время попасть домой, чтобы хотя не роскошно, но чѣмъ Богъ послалъ, отпраздновать этотъ день въ кругу полковой семьи. Къ сожалѣнію, всѣ наши разсчеты оказались совершенно напрасными. Перешло уже за двѣнадцать часовъ, а смѣны нѣтъ еще. Посылаю къ капитану Рыдзевскому, командовавшему нашимъ баталіономъ, въ резервъ. Въ два часа посланный возвратился съ извѣстіемъ, что ничего неизвѣстно, о смѣнѣ еще не слыхать, а приказано, коли смѣны не будетъ, въ пять часовъ отправлять роту по-взводно въ деревню на обѣдъ. До пяти часовъ смѣны не было и я отправилъ первый взводъ, приказавши захватить съ собой манерки еще на два взвода, чтобы тѣмъ понапрасну не ходить, такъ какъ туда и назадъ надо было употребить около двухъ часовъ времени. Вмѣстѣ съ первымъ взводомъ я послалъ и къ себѣ на квартиру захватить и для себя съ субалтернъ-офицеромъ Ларіоновымъ какой-нибудь закуски, такъ какъ, въ надеждѣ на скорую смѣну, мы утромъ послѣ чаю всѣ свои пожитки отправили въ деревню.

Въ восемь часовъ вечера 1-й взводъ возвратился, но съ пустыми руками,—обѣда съ собой не принесъ. Въ деревнѣ имъ сказали, что смѣна уже пошла на гору. Поэтому они побѣжали обратно за ружьями, надѣясь насъ встрѣтить уже на дорогѣ. Мой посланный воротился тоже ни съ чѣмъ и на томъ-же основаніи. Но вмѣсто закуски онъ принесъ намъ важное извѣстіе: на завтрашній день (13-го) въ пять часовъ утра назначено выступленіе изъ Врачеша.

Зная изъ собственнаго опыта, какъ трудно карабкаться по горамъ, мы терпѣливо ожидали, что вотъ-вотъ прикарабкается, или скорѣе скатится, смѣна и къ намъ. Однако, цѣлый часъ прошелъ еще,—никого не видно. Ларіоновъ прикорнулъ у костра, разложеннаго въ шалашѣ. Глядя на него, и я, завернувшись въ солому, вмѣсто одѣяла, послѣдовалъ его примѣру, надѣясь сномъ сократить скучное время ожиданія смѣны. Время прошло дѣйствительно незамѣтно: просыпаюсь, смотрю на часы—уже двѣнадцать... а смѣны все нѣтъ, какъ нѣтъ... Что же это такое? Неужели насъ совсѣмъ забыли? Въ пять часовъ выступать, а между тѣмъ надо еще приготовиться къ выступленію... Я послалъ вторично на гору, но на этотъ разъ уже не въ резервъ, а въ расположеніе 1-й стрѣлковой роты, въ цѣпь, узнать, что тамъ дѣлается. Но 1-й стрѣлковой роты тамъ уже не оказалось; на мѣстѣ ея стояли уже армейскіе стрѣлки, давно смѣнившіе нашихъ. Вслѣдствіе этого я предположилъ, что насъ, дѣйствительно, забыли. Такъ какъ въ армейскихъ баталіонахъ стрѣлковые баталіоны состоятъ только изъ трехъ ротъ, то, по всей вѣроятности—подумалъ я—онѣ и смѣнили наши три роты, стоявшія на горѣ, а про четвертую, находившуюся внизу, не на виду, при смѣнѣ окончательно забыли. Поэтому я послалъ въ деревню къ капитану Рыдзевскому Ларіонова доложить объ этомъ и за приказаніемъ, что дѣлать, а въ то же время отправилъ на гору къ начальнику стрѣлковъ донесеніе, что одинъ постъ до сихъ поръ еще не смѣненъ имъ.

Наконецъ, уже въ три часа ночи, съ одной стороны пришла смѣна—полурота съ фельдфебелемъ, а съ другой — приказаніе капитана Рыдзевскаго: идти немедленно въ деревню, доложивши объ этомъ предварительно командиру смѣнившаго насъ баталіона.

Въ четыре часа утра 13-го добрались мы, наконецъ, до своихъ хатъ, а черезъ три часа шагали уже изъ деревни къ перевалу.

II.

Переходъ нашихъ войскъ, и въ особенности западнаго отряда, черезъ Балканы столько разъ уже и такъ живо и наглядно описанъ и перомъ, и карандашемъ, что мое описаніе показалось бы слабымъ. А кромѣ того, разъ онъ описанъ—слѣдовательно, много о немъ и распространяться нечего. Мнѣ

остается прибавить только нѣкоторыя частности, которыя записаны въ моемъ дневникѣ, веденномъ во время этого перехода.

Вышедши изъ Врачеша по шоссе, мы почти тотчасъ-же свернули съ него вправо и вошли въ ущелье. Прошли однако очень немного. Верстахъ въ семи отъ Врачеша дивизія была остановлена, такъ какъ авангардъ еще не вошелъ на гору, бились съ втаскиваніемъ туда артиллеріи. Остановились переждать, пока авангардъ очиститъ намъ мѣсто. Думали, по всей вѣроятности, что это сдѣлается очень быстро, и потому не приказано было даже и располагаться особенно, а быть ежеминутно готовыми двинуться дальше. Разсчеты однако оказались не вѣрны. Пришлось въ концѣ концовъ расположиться тутъ-же и на ночлегъ. Ночлегъ былъ не изъ пріятныхъ: чуть не по поясъ въ снѣгу... рѣзкій, холодный вѣтеръ...

На другой день двинулись дальше. Но прошли еще меньше, чѣмъ наканунѣ,—не болѣе одной версты. Думали, что артиллерія уже прошла, но оказалось, что подняли на гору только два орудія. Остальная артиллерія авангарда была еще въ ущельѣ. Но продвинувшись дальше, мы повернули по ущелью почти въ перпендикулярномъ направленіи. Здѣсь точно климатъ перемѣнился—мы были въ затишьѣ, защищены отъ вѣтра и поэтому стало значительно теплѣе. А кромѣ того, здѣсь мы расположились болѣе удобно. Генералъ Каталей, начальникъ дивизіи, видя, съ какимъ трудомъ подымается артиллерія, рѣшилъ: сначала пустить впередъ одну только нашу артиллерію, пѣхотѣ-же приказалъ расположиться бивуакомъ и варить пищу.

Разставили палатки и послѣ неизбѣжнаго чая улеглись вознаградить себя сномъ за предыдущую ночь. Нашъ баталіонный поваръ состряпалъ намъ въ это время обѣдъ. Но, не смотря на то, что я не обѣдалъ три дня, послѣ первой-же ложки я отказался отъ супа—онъ былъ сваренъ безъ соли. Соли ни у кого ни крошки. Долго послѣ этого я даже вспомнить не могъ равнодушно о вкусѣ этого супа. Жаркое я еще ухитрился посолить. У меня былъ кусокъ колбасы, замѣчательно соленый. Она дѣлалась еще солонѣй, если ее поджарить на сковородкѣ. Къ ней-то я и прибѣгнулъ; поджаривши, я разрѣзалъ ее на мелкіе кусочки, которые и ѣлъ вмѣстѣ съ кускомъ жаркого. Но и запасъ колбасы былъ очень незначительный. Поэтому я послалъ въ Орханіе къ маркитанту добыть соли или колбасы. Но у маркитанта хоть шаромъ покати, все разобрано: ни соли, ни колбасы, ни сахару... Осталось только полфунта чаю, который посланный догадался захватить съ собою.

Цѣлый день и цѣлую ночь гора оглашалась криками, надолго засѣвшими въ наши уши: разъ—два, три-бери!.. По ущелью еще кой-какъ лошади тащили орудія, потомъ онѣ оказались совершенно безполезными,—пришлось солдатскимъ рукамъ и спинамъ взять на себя обязанности лошадей... Одно орудіе не удержали и солдаты—полетѣло съ кручи, придавивши двухъ несчастныхъ...

Въ двѣнадцать часовъ дня 15-го числа двинулись и мы на горы. Шагъ впередъ и два часа на мѣстѣ, еще шагъ впередъ и еще два часа на мѣстѣ... Уже темнѣло, а мы все еще были въ виду своего бывшаго бивуака. Съ наступленіемъ темноты движеніе еще болѣе замедлилось. Каждый шагъ не вѣренъ. При крутизнѣ дорога, еще скользкая, обледенѣла. Темень страшная, увеличивающаяся еще болѣе густымъ и высокимъ лѣсомъ. Куда ставишь ногу—и самъ не знаешь, норовишь куда-нибудь на снѣжокъ или на землю, кажется, сталъ на твердую почву, хочешь перенести другую ногу—хлопъ на землю и—очутился десять шаговъ назади. Да еще того гляди, слетишь въ пропасть. Дорога все время почти по краю пропасти, а вдобавокъ узка. Въ концѣ концовъ все перемѣшалось: пѣхота, кавалерія, артиллерія. Приходилось пробираться по одиночкѣ. Въ одномъ мѣстѣ орудіе остановилось въ такомъ мѣстѣ, что и обойти трудно: справа гора, слѣва пропасть, но хоть не обрывистая, съ нѣкоторою покатостью. Стали кой-какъ по снѣжку пробираться по этой покатости. Одинъ деньщикъ вздумалъ было и осла съ вьюкомъ провести здѣсь-же. Но оселъ какъ-то оборвался и полетѣлъ внизъ, да къ счастью его, налетѣлъ на дерево и остановился.

Наконецъ кой-какъ, по одиночкѣ, между артиллеріей и кавалеріей, 4-му баталіону удалось выбраться на свѣтъ Божій. Мы очутились на ровномъ мѣстѣ, впереди уже не виднѣлось никакого подъема на гору. Мы были на самомъ гребнѣ Балкановъ... Это было уже въ двѣнадцать часовъ ночи. Стало быть, ровно двѣнадцать часовъ мы употребили на то, чтобы дойти до гребня. Хотя, впрочемъ, это количество часовъ не можетъ служить мѣркою времени, употребленнаго для этой цѣли нашимъ отрядомъ. Выбрался только нашъ 4-й баталіонъ, да и то не весь.

Насъ встрѣтилъ командиръ полка, поздравилъ съ переходомъ черезъ Балканы и объявилъ радостную вѣсть, что Потопъ и Елешница заняты уже нашими войсками, которыя выгнали турокъ изъ этихъ деревень и отбили турецкій транспортъ.

Намъ приказано было остановиться лѣвѣе дороги и послѣ отдыха къ четыремъ часамъ утра быть готовыми къ дальнѣйшему движенію. Былъ уже часъ ночи, когда мы совсѣмъ остановились и расположились. Но отдыхъ не въ отдыхъ. Не смотря на то, что мы перешли Балканы, вѣтеръ дулъ такой-же рѣзкій, какъ и передъ Балканами. Въ первый моментъ, впрочемъ, онъ показался какъ будто теплѣе. Но это была только игра воображенія, разсѣянная очень скоро дѣйствительностью. Почва тоже не располагала къ отдыху, такъ какъ, сидя на промерзлой землѣ, чувствуешь, что и самъ какъ будто примерзаешь къ ней. Мы расположились около костра и принялись за спасительный чай.

Вокругъ то тамъ, то здѣсь, поминутно раздавался кашель. Послѣднія нѣсколько ночей, проведенныхъ на голомъ снѣгу, давали себя чувствовать. Простуда горла чуть не всеобщая. И впослѣдствіи она очень долго давала

себя знать. Пока идешь — все тихо, но чуть стоитъ остановиться — моментально начинается всеобщій кашель.

Только что мы расположились у костра, къ намъ подошелъ командиръ полка и просилъ капитана Рыдзевскаго повѣрить число рядовъ. Передъ выступленіемъ онъ тамъ обѣщался быть. Выступленіе отсрочено еще на часъ.

Выступили, однако, около шести часовъ. Теперь предстояло уже спускаться внизъ. Дѣло, кажется, не мудреное, не въ примѣръ легче, чѣмъ подниматься. На дѣлѣ однако вышло совсѣмъ не такъ легко. Въ одномъ мѣстѣ спускъ по дорогѣ былъ окончательно невозможенъ по причинѣ крутости и скользкости. Пришлось обходить по глубокому снѣгу. Затѣмъ спускъ за спускомъ, съ одной террасы на другую. На послѣдней террасѣ мы догнали авангардъ, артиллерію и Измайловцевъ. Здѣсь съ артиллеріей возни и мученій было гораздо больше, чѣмъ при подъемѣ. Нужно спускать орудія почти до 45 градусной покатости, саженъ двадцать-тридцать высотою. Здѣсь несчастный случай зависѣлъ отъ малѣйшей неосторожности спускавшихъ. Заряды и снаряды, каждый отдѣльно, переносились солдатами на рукахъ. Пріятное положеніе солдата, спускающагося съ такой кручи съ подобной ношей! Тутъ и съ пустыми-то руками еле удерживаешься, чтобъ не сорваться съ какого нибудь коварнаго камешка и не посчитать всѣхъ остальныхъ выдающихся камней. Представляю-же себѣ положеніе солдата съ какой нибудь гранатой, котораго предупредили предварительно, что упусти онъ эту гранату изъ рукъ—она разорвется и онъ можетъ остаться на мѣстѣ... Ни одна нянька въ свѣтѣ, я думаю, такъ нѣжно и заботливо не относится къ ребенку, какъ этотъ солдатъ къ своей гранатѣ. И нужно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не выпустилъ изъ рукъ и бережно доносилъ до мѣста своего страшнаго ребенка.

Наконецъ преодолѣли мы и эту послѣднюю преграду, спустились въ Чурьякское ущелье и до самаго Чурьяка, версты четыре, шли уже по ровной и хорошей дорогѣ.

Въ Чурьякѣ обѣщанъ былъ двухдневный отдыхъ. Но по тѣснотѣ мѣста вся дивизія не могла помѣститься въ этой деревнѣ. Поэтому на другой день 2-я бригада, С.-Петербургскій гренадерскій и лейбъ-гвардіи Волынскій полки, были продвинуты верстъ на семь дальше, въ деревню Потопъ, уступивши свое мѣсто 1-й бригадѣ. Потопъ—деревушка тоже небольшая, на баталіонъ пришлось не больше четырехъ избъ, слѣдовательно, ночлегъ тоже для большинства на снѣгу, на открытомъ воздухѣ. Офицеры въ баталіонахъ имѣли по одной избѣ, гдѣ и набились, какъ сельди въ боченкѣ. Но—благо тепло!

Утромъ 18-го числа генералъ-адъютантъ Гурко съ начальниками отдѣльныхъ частей произвелъ рекогносцировку непріятельскихъ позицій, расположенныхъ на Софійскомъ шоссе близь деревни Ташкисенъ.

Начиная отъ этой деревни и до Орханіе Софійское шоссе идетъ у подножія Балкановъ, извѣстныхъ подъ именемъ Баба-Конака. Горы эти кру-

тыми обрывами спускаются къ шоссе. На этихъ-то горахъ и засѣли турки, чтобы преградить намъ дальнѣйшее движеніе по Софійскому шоссе изъ Орханіе. И безъ того неприступныя по природѣ позиціи—они укрѣпили множествомъ редутовъ. Поэтому и предпринято было обходное движеніе, чтобы, зашедши съ тылу, заставить турокъ очистить свои позиціи и освободить Софійское шоссе для сообщеній. Главная масса турецкихъ войскъ сосредоточилась на Арабъ-Конакѣ. Противъ нихъ стояла до сихъ поръ 2-я гвардейская дивизія на Шандорникѣ (Арабъ-Конакъ и Шандорникъ—отдѣльныя высоты на Баба-Конакскомъ гребнѣ). Остальная часть турецкихъ войскъ была расположена ближе къ Софіи и фронтомъ къ этому городу, около деревни Ташкисена. Всѣхъ турецкихъ войскъ, занимавшихъ обѣ эти позиціи, по свѣдѣніямъ, было около 40,000. Вотъ эти-то позиціи у Ташкисена и предстояло намъ аттаковать.

По возвращеніи съ рекогносцировки генералъ Мирковичъ собралъ къ себѣ баталіонныхъ командировъ и сообщилъ имъ планъ предстоящихъ намъ дѣйствій. Суть его заключалась въ слѣдующемъ: 19-го числа къ разсвѣту намъ нужно, перейдя Софійское шоссе, пройти незамѣтно мимо лѣваго фланга турецкой позиціи и въ то время, когда съ фронта начнется аттака колонны генерала Рауха, ударить на лѣвый флангъ и въ тылъ турокъ и отрѣзать имъ путь отступленія на Златицу. Къ этому же времени по Златицкому шоссе должна прибыть къ намъ лѣвая обходная колонна генерала Дандевиля, направленная черезъ Златицкій перевалъ. За Ташкисеномъ Софійское шоссе раздѣляется на два: одно идетъ на Орханіе, другое на Златицу. Для выполненія нашей цѣли выступленіе наше изъ Потопа назначалось въ 12 часовъ ночи съ 18-го на 19-е, по ближайшей горной тропинкѣ на деревню Негошево, а оттуда, послѣ двухчасоваго отдыха, приблизительно около пяти часовъ утра, уже дальнѣйшее движеніе къ мѣсту нашей цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ полка приказалъ сообщить какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ, что при аттакѣ весьма значительныхъ высотъ, на которыхъ расположился непріятель, стрѣльба вверхъ не можетъ принести ни малѣйшей пользы, а потому самое лучшее будетъ, если люди, не останавливаясь для напрасной стрѣльбы, а держа ружья вольно, постараются по возможности скорѣе добраться до вершины. Хотя, прибавилъ при этомъ генералъ Мирковичъ, движеніе это будетъ очень затруднительно, такъ какъ горы сплошь покрыты глубокимъ снѣгомъ. Поэтому онъ надѣется, что каждый употребитъ всѣ свои силы и энергію, чтобы поддержать честь и славу полка.

Ровно въ 12 часовъ ночи двинулись мы изъ Потопа, опять черезъ горы, по тропинкѣ. Впереди насъ шелъ Костромской пѣхотный полкъ, прикомандированный къ нашему отряду. С.-Петербургскій гренадерскій полкъ направленъ былъ по другой горной тропинкѣ, артиллерія прямо по дорогѣ въ Негошево.

Переходъ до Негошева былъ не великъ—всего верстъ десять, но переходъ отвратительный. По узкой горной тропинкѣ по необходимости надо было идти въ одиночку, гуськомъ. Въ темнотѣ трудно различить дорогу, вмѣсто тропинки нога попадаетъ въ глубокій снѣгъ или спотыкается о какой нибудь камень. Споткнешься, упадешь,—задерживаешь остальныхъ. Можно, поэтому, представить себѣ, до какой степени медленно должно быть движеніе.

Часамъ къ тремъ мы выбрались къ Негошеву. Здѣсь мы простояли до половины пятаго. Затѣмъ двинулись дальше. Но въ темнотѣ проводникъ нашъ сбился въ направленіи, и мы буквально своимъ движеніемъ по деревнѣ сдѣлали въ ней крестъ отъ одной околицы до другой, пока наконецъ не вышли на надлежащую дорогу. Эта путанница стоила намъ часа времени.

Сначала шли по дорогѣ. Слѣва возвышались горы, справа какая-то равнина. Вотъ, наконецъ, впереди высоко гдѣ-то, словно въ воздухѣ, замелькали чуть замѣтные огоньки. Это турки сидятъ тамъ на своихъ горахъ. «И не дуютъ и не гадаютъ», подумалъ я, глядя на эти огоньки, «что имъ вотъ тутъ, въ какой нибудь верстѣ отъ нихъ, приготовляется сюрпризъ, собирается гроза. Сидятъ себѣ совершенно спокойно, размышляя только о томъ, скоро-ли кончится это сидѣнье на морозѣ, на вѣтру. Русскихъ тутъ и въ поминѣ нѣтъ по близости. Потревожили было какіе-то смѣльчаки, да много ли ихъ тутъ? Вотъ завтра пойдемъ, захватимъ этихъ удальцовъ и опять русскимъ духомъ тутъ не будетъ пахнуть. По шоссе имъ трудно пройти до насъ, какіе у насъ редуты-то тамъ понастроены—ста человѣкъ противъ одного мало. А больше-то и идти имъ некуда. По горамъ-то развѣ орелъ пролетитъ безпрепятственно, да еле-еле одиночный человѣкъ проберется, куда-же тутъ армія-то пройдетъ? Смѣшно, кто и подумаетъ-то это... Нѣтъ, долго, долго еще придется сидѣть здѣсь, да мерзнуть на холодѣ...»—Жестоко ошибаетесь, голубчики, мысленно бесѣдовалъ я съ тѣми, что сидѣли теперь вонъ тамъ, у костровъ своихъ, на горѣ. Оглянуться не успѣете, какъ кончится это ваше сидѣнье. Вотъ еще два три часа—и вы горько будете разочарованы въ вашемъ заблужденіи... Сегодня... да, что-то будетъ сегодня? обратился я уже къ своему положенію. Сегодня предстоитъ важное и серьезное дѣло, можно сказать, первое дѣло для насъ. Мы будемъ аттаковать. Этого до сихъ поръ не приводилось дѣлать. Сознаніе важности и серьезности дѣла какъ-то особенно торжественно настроило душу, но тутъ была уже не та торжественность, какая была въ первый разъ подъ Плевной, 12-го октября, а болѣе серьезная. Въ воображеніи рисовалось чуть не генеральное сраженіе. Этому настроенію еще болѣе помогли войска генерала Рауха, мимо которыхъ мы проходили въ это время. Приготовленія, построенія, дѣлавшіяся здѣсь для предстоявшей аттаки, невольно вызвали въ моей головѣ одну изъ тѣхъ картинъ, которыя обыкновенно представлялись мнѣ при чтеніи описанія какого-нибудь генеральнаго сраженія.

Колонна генерала Рауха стояла далеко правѣе дороги, по которой мы двигались. Но видя турецкіе огни прямо передъ собою, а вправо чернѣвшія какія-то войска, мы предположили, что и намъ слѣдуетъ направиться къ нимъ. Поэтому свернули тоже вправо съ дороги. Но намъ нужно было пройти значительно дальше колонны генерала Рауха, чтобы выбраться только на Софійское шоссе, а затѣмъ слѣдовать уже на дер. Чеканчеву, лежащую правѣе шоссе.

Дороги уже нѣтъ,—сплошной, глубокій снѣгъ. Движеніе крайне медленное, еще больше замедлявшееся артиллеріей. Намъ то, пѣхотѣ, еще туда-сюда, всякая мѣстность способна, хоть и съ большимъ трудомъ, а отовсюду выкарабкаешься. Ну, а артиллеріи туго приходилось по цѣлику странствовать. А безъ нея нельзя, надо и ее тащить съ собой, все духу больше поддаетъ. Вотъ и сидишь да ждешь, пока она выберется изъ снѣгу.

Однако время-то ужъ поздно. Съ этимъ снѣгомъ, да съ путанницей въ Негошевѣ много времени мы просрочили. Стало свѣтать, когда мы вышли на шоссе. Изъ утренняго тумана уже выдѣляется по немногу обрисъ Ташкисенскихъ высотъ. Надо спѣшить, торопиться, пока совсѣмъ не разсвѣло пройти къ Чеканчеву. Дожидаться, пока выйдетъ вся артиллерія, уже некогда. Спасибо, хоть два орудія выкарабкались, и то слава Богу. Скорѣе впередъ. Генералъ Мирковичъ, приведя 4-й баталіонъ на шоссе, указалъ направленіе, въ какомъ идти. Проводникъ служилъ только для указанія болѣе удобнаго пути. А что тутъ удобнаго,—вездѣ одинаково удобно, вездѣ снѣгъ по колѣна, иди, куда хочешь.

Пересѣкли шоссе, идемъ за проводникомъ, оглядываясь, что назади дѣлается. Съ шоссе намъ машутъ рукой. Посланъ туда баталіонный адъютантъ: приказано построиться въ ротныя колонны и въ этомъ видѣ идти къ Чеканчеву. Повернули налѣво, построились въ одну линію ротныхъ колоннъ. Костромской полкъ идетъ по шоссе. Колонна генерала Рауха начала фронтальную аттаку, начала, собственно, двигаться къ турецкимъ позиціямъ. Было уже свѣтло. Незамѣтно обходить турецкія позиціи уже поздно. Раздалось два-три ружейныхъ выстрѣла, вѣроятно, изъ сторожевой турецкой цѣпи: турки увидѣли насъ.

Мы продолжали свое движеніе. Остальные баталіоны слѣдовали за нами. Къ Чеканчеву равнина съуживается и втягивается въ проходъ между двухъ горъ; слѣва отъ Ташкисена поднимаются Ташкисенскія высоты, правѣе Чеканчева также гора. Интервалы между ротами почти исчезли. Вышелъ баталіонъ въ развернутомъ строю, уменьшенномъ на половину.

Мы спѣшимъ къ Чеканчеву, чтобы вознаградить потерянное время, выйти скорѣе на лѣвый флангъ турокъ. Вдругъ надъ головами пропипѣла граната и ударилась въ гору, зарывшись тамъ въ снѣгъ и не причинивши намъ ни малѣйшаго вреда. За нею послѣдовала другая, третья, съ тѣми-же послѣдствіями. Мы продолжали свой церемоніальный маршъ мимо позиціи

турокъ, все ближе и ближе подходя подъ жерла турецкихъ пушекъ. Наконецъ поровнялись. Приказано дальше пробѣжать бѣгомъ это опасное пространство. Пробѣжали шаговъ двѣсти. Передъ глазами неожиданное препятствіе: маленькая рѣчонка, не стоящая своего названія, но на столько все таки широкая, что перескочить нельзя. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остался ледъ. Къ этимъ естественнымъ мостикамъ столпились кучками. Непріятельскія гранаты зачастили въ это мѣсто. Одна наконецъ попала въ цѣль, выхватила нѣсколько жертвъ изъ 2-го баталіона. А проклятая рѣчонка умудрилась сдѣлать еще нѣсколько поворотовъ. Наконецъ избавились отъ нея. Приказано баталіону зайти правымъ плечомъ впередъ и разсыпаться въ цѣпь. Какимъ образомъ это случилось... но когда роты перешли черезъ рѣчку и разсыпались въ цѣпь, то оказалось, что 2 стрѣлковая рота очутилась на лѣвомъ флангѣ баталіона, правѣе 1-я стрѣлковая, а на правомъ флангѣ 3-я и 4-я роты. Разсыпались, стало быть, по мѣрѣ перехода черезъ рѣчку. Но дѣло, конечно, не въ этомъ, такъ какъ роты все таки остались въ порядкѣ и скоро разобрались. Пока разсыпались въ цѣпь и заходили плечомъ остальныя роты, лѣво-фланговыя легли. Мой субалтернъ-офицеръ, подпоручикъ Р... такъ и рухнулся въ снѣгъ. Онъ страдалъ сердцебіеніемъ и предъидущее ускоренное движеніе, бѣгомъ по снѣгу, дало себя знать. Но не долго ему пришлось отдыхать. Минутъ черезъ пять снова приказано двинуться, но не прямо впередъ, а принимая вправо. Разсыпавшись, мы стали лицомъ къ Ташкисенскимъ высотамъ; деревня Ташкисенъ находилась отъ насъ влѣво и впереди, Чеканчево сзади. Турки, замѣтя наше движеніе сюда, выслали противъ насъ на гребень горы также цѣпь. Она ожидала, куда мы направимъ свою аттаку. Увидя, что мы принимаемъ вправо, турки на горѣ стали принимать влѣво (отъ себя). Сколько ихъ тамъ было—опредѣлить трудно, еле виднѣлась только черная линія, которую, сразу не вглядѣвшись, и не признаешь за людей; да и то замѣтили ихъ только тогда, когда они стали двигаться, а то можно было принять эту линію за кусты, росшіе по гребню.

Но вотъ мы кончили свое приниманіе вправо, приказано двигаться прямо на гору. Мы поровнялись съ 3-мъ баталіономъ, тоже разсыпаннымъ въ цѣпь лѣвѣе насъ. Командиръ полка генералъ Мирковичъ стоялъ на правомъ флангѣ 3-го баталіона. Дойдя до него, наша цѣпь остановилась отдохнуть. Намъ предстояло пройти еще по равнинѣ только до подошвы горы, шаговъ четыреста, не говоря уже о влѣзаніи на самую гору; тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее движеніе придется, вѣроятно, идти уже подъ огнемъ. И дѣйствительно, только что мы двинулись снова, какъ цѣлый ливень пуль полился на насъ сверху... О наступленіи правильной цѣпью и думать было невозможно. Проваливаясь на каждомъ шагу по колѣна въ снѣгъ, каждый старался идти, гдѣ удобнѣй. Передніе прокладывали дорогу, задніе шли по ихъ слѣдамъ. Такимъ образомъ, цѣпь двигалась глубокими шеренгами, оставляя за собой тропинки. Точно бороной прошлись по снѣжной равнинѣ.

Видя, какъ трудно идти, генералъ Мирковичъ приказалъ ротнымъ музыкантамъ играть наступленіе. Хотя объ аттакѣ, конечно, нельзя было еще и думать на такое громадное разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ турокъ и въ ширину и въ высоту, но музыка какъ-то особенно подбадривала духъ и хоть отчасти заставляла отвлекаться и отъ снѣгу, и отъ пуль, роемъ сновавшихъ между рядами. Особенно хорошо выдѣлывалъ трели на флейтѣ флейтистъ 12 роты, шедшей рядомъ. Вдругъ новый рой налетѣлъ на насъ слѣва. Турки начали угощать насъ перекрестнымъ огнемъ. Раздалось ура и — до такой степени велика сила привычки, сила мирной подготовки — не смотря на мѣстность, совсѣмъ не соотвѣтственную, съ крикомъ ура, по привычкѣ, все бросились бѣгомъ впередъ. Но этотъ порывъ очень скоро былъ остановленъ дѣйствительностью. Черезъ двадцать, двадцать пять шаговъ все опять перешло въ самый серьезный шагъ, нога въ ногу, все опять замолкло: груди не хватало, чтобы продолжать крикъ, ноги были словно чужія отъ всего предъидущаго.

Едва раздались первыя турецкія пули, то тутъ, то тамъ начались вскрики, стоны, просьбы не оставить.... Но въ это время самъ становишься какимъ-то другимъ человѣкомъ: ничто уже, никакіе крики, никакія раны, не производятъ на тебя никакого впечатлѣнія. Нервы точно задеревенѣли. Самого точно тянетъ что впередъ и впередъ, останавливаться некогда. А остановиться нужно, нужно хоть немного дать отдыхъ ногамъ. Онѣ закоченѣли отъ усталости, большаго усилія стоитъ передвинуть ихъ съ мѣста на мѣсто,—до такой степени большаго, что моментами является малодушное желаніе, чтобы хоть ранили и доставили возможность лечь и не двигаться дальше.... силы окончательно оставляютъ.... Но пока еще цѣлъ и невредимъ,—надо идти впередъ. И идешь, точно заведенная машина, не чувствуя, какими силами тянетъ тебя впередъ.

Офицеры шли впереди ротъ, опираясь кто на саблю, кто на палку. Около меня шелъ мой другой субалтернъ-офицеръ, подпоручикъ Ларіоновъ; правѣе Ромашевъ; еще правѣе поручикъ Ивановъ; дальше передъ баталіономъ капитанъ Рыдзевскій. Посмотрѣлъ я влѣво—тамъ верхомъ на лошади ѣхалъ самъ командиръ полка, генералъ Мирковичъ, посреди цѣпи 3-го баталіона. Цѣпь сгруппировалась около него и клиномъ выдалась впередъ, обогнавши остальную цѣпь.

Послѣ бѣга съ крикомъ ура и здѣсь, какъ на учебномъ плацдармѣ, цѣпь перемѣшалась: кто обогналъ товарищей, кто отсталъ. Ларіоновъ перегналъ меня, шелъ шагахъ въ двухъ передо мною. Слышу, кричитъ: «подберите подпоручика». Взглянулъ на него, онъ смотритъ на право. «Ну, думаю, значитъ Ромашевъ ужъ попался». Не успѣлъ послѣ этого Ларіоновъ пройти и пяти шаговъ—вижу быстро поднялъ было лѣвую руку, хотѣлъ, видно, схватиться за голову, но—не донесъ. Въ то-же время мнѣ послышалось что-то въ родѣ «ай», но звукъ еле-еле слышный, оборвавшійся на первой буквѣ «а...»

не докончилъ, колѣни подогнулись, руки тоже, не донесенныя до головы, согнулись, и въ этомъ положеніи онъ рухнулся лицомъ въ снѣгъ. Все было дѣломъ одного мгновенія — когда я подошелъ къ нему, онъ былъ уже безъ движенія, — съ виска сбѣгала алая струйка крови.... Все было кончено... Жаль бѣднаго, онъ въ томъ году только что выпущенъ былъ изъ военнаго училища и, не смотря на очень короткое время, что онъ былъ въ полку, успѣлъ уже заслужить всеобщую любовь товарищей.

Мы приблизились, наконецъ, къ подошвѣ горы. Пули стали замѣтно перелетать черезъ голову. Вправо шла канава, въ которой отдыхала уже добравшаяся сюда часть 1-й стрѣлковой роты съ своимъ командиромъ, поручикомъ Ивановымъ. Мы направились тоже въ эту канаву, рады радехоньки, что можно наконецъ отдохнуть хоть немного. Какъ снопъ, я рухнулся въ снѣгъ подлѣ Иванова. Минутъ черезъ пять мы встали, подняли и солдатъ, начали взбираться на гору уже между кустами дубняка. Но много не въ состояніи пройти. Ивановъ опять легъ. Я прошелъ нѣсколько дальше и тоже повалился. Ни рукой, ни ногой... Въ это время проскакалъ мимо полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Мягковъ. На лету спрашиваетъ, не видѣлъ ли кто командира полка. Не знаю почему, но мнѣ представилось, что генералъ Мирковичъ раненъ. Онъ дѣйствительно былъ раненъ, но я тогда еще не зналъ объ этомъ. Странно, пока онъ ѣхалъ верхомъ въ массѣ столпившихся около него солдатъ, онъ оставался цѣлъ и невредимъ, подъ нимъ ранена была только лошадь. Онъ былъ раненъ уже въ въ то время, когда слѣзъ съ лошади.

Тяжелый моментъ переживали мы въ этотъ періодъ аттаки. Трудно было сказать чѣмъ она кончится, не смотря на непреодолимое убѣжденіе, что въ концѣ концовъ мы выгонимъ турокъ съ ихъ горъ. А сказать было трудно потому, что въ то время дѣлалось кругомъ. Вездѣ тишина, съ нашей стороны ни звука, мертвое молчаніе. Измученные, усталые всѣ отдыхали по скату горы. Изрѣдка только то здѣсь, то тамъ раздавались одиночные крики «ура» тѣхъ, кто забрался повыше, собрался съ духомъ и приглашалъ остальныхъ крикомъ: «сюда, сюда!». Въ кустахъ не видно было, кто гдѣ расположился. Роты окончательно перемѣшались между собою. Солдаты прямо группами собирались около офицеровъ, своей ли онъ роты или чужой—это все равно. Вообще, нужно сказать, что они съ неограниченнымъ довѣріемъ смотрѣли на своихъ офицеровъ, точно къ матери подъ крылышко собираются и смотрятъ въ глаза,—указывай только, что дѣлать, куда идти, а ужъ они постоятъ за себя.

А пули все свищутъ да хлещутъ по кустарнику или, ударясь о камень, отлетаютъ отъ него съ жалобнымъ воемъ на разные лады.

Собралъ я около себя кучку солдатъ разныхъ ротъ и полѣзъ съ ними опять въ гору. Тутъ были даже стрѣлки С.-Петербургскаго полка, шедшіе слѣдомъ за нами. Налѣво отъ меня смотрю, идетъ капитанъ Рыдзевскій, не-

много ближе поручикъ Ивановъ, выше капитанъ Вервингъ. За каждымъ куча солдатъ.

Вдругъ сверху раздался снова крикъ «ура», но на этотъ разъ уже не одиночный. Что-то торжествующее слышалось въ этомъ крикѣ. Тѣ, что забрались повыше, уже отдохнули и ожидали только подмоги, чтобы сдѣлать послѣднiй натискъ. Подмога подошла снизу, а направо показался С.-Петербургскiй полкъ. Дружнымъ ударомъ выбили наши турокъ, засѣвшихъ за большiе камни, разбросанные по всему гребню и образовавшiе природные ложементы. Турки не выдержали и обратились въ бѣгство на слѣдующую гору, отбиваясь пулями оттуда. Когда я дошелъ до этихъ каменныхъ ложементовъ, моимъ глазамъ представилась цѣлая куча турокъ, приконченныхъ нашими штыками въ самыхъ ложементахъ.

Я присѣлъ отдохнуть на одинъ изъ камней и взглянулъ внизъ, на ту равнину, по которой мы начали свое наступленiе. Сердце облилось кровью при видѣ картины, представившейся моимъ глазамъ. По всей равнинѣ чернѣла широкая полоса труповъ, рельефно выдѣляясь на бѣломъ снѣгу...

Съ слѣдующей горы турки также скоро были отброшены, и мы послѣдовательно заняли еще двѣ горы. Далѣе передъ нами былъ крутой и высокiй спускъ, а затѣмъ возвышалась еще гора, раздѣлявшая насъ отъ Софiйскаго шоссе. Но идти дальше не было никакой возможности да и основанiя. Наша задача была выполнена. Во время занятiя нами послѣдней горы, турки бѣжали уже со своихъ позицiй, бросили свои редуты и поспѣшно ретировались на шоссе. Преслѣдовать ихъ и брать слѣдующую гору, занятую еще турками, было уже трудно съ тѣми силами, которыя были подъ руками: 3-й и 4-й баталiоны до крайности утомленные предыдущими аттаками и страшно разстроенные, надо было собрать и привести въ порядокъ. Но и этого пока невозможно было сдѣлать, такъ какъ турки, засѣвшiе на противоположной горѣ, сыпали въ насъ пулями немилосердно. Пока, до окончанiя перестрѣлки. мы расположились за природными закрытiями, деревьями и камнями, въ изобилiи разбросанными по всей мѣстности.

Удивительно, право, какъ въ походѣ человѣкъ можетъ закалиться противъ атмосферическихъ влiянiй. Взобравшись на горы, поневолѣ разгорячишься, полушубокъ хоть выжми—весь мокрый. И въ этомъ мокромъ полушубкѣ ложишься прямо въ глубокiй снѣгъ, лежишь часъ два. Поди-ка, попробуй сдѣлать подобную вещь дома—на другой-же день неминуемый тифъ хватитъ. А тутъ ничего. На другой день дѣйствительно чувствовалось что-то въ родѣ простуды, но разъ двинулся опять въ походъ, все какъ рукой сняло, какъ будто ничего и не было.

Налѣво отъ насъ, тамъ, гдѣ были турецкiе редуты, давнымъ давно все кончилось. Только снизу отъ караулки на шоссе время отъ времени турки пострѣливали въ насъ изъ орудiя, но гранаты преблагополучно пролетали черезъ наши головы. Только одинъ изъ осколковъ гранаты попалъ въ знамя

2-го баталіона. Знамена, развернутыя, шли въ началѣ аттаки за своими баталіонами, но потомъ ихъ соединили вмѣстѣ къ 2-му баталіону, который шелъ вслѣдъ за нами и остановился на гребнѣ первой горы у бывшихъ турецкихъ каменныхъ ложементовъ.

Противъ насъ уже турки вели неумолкаемую стрѣльбу. Одно время они было перестали. Наступала ночная темнота, кромѣ того еще до ея наступленія насъ окуталъ такой густой туманъ, что и въ пяти шагахъ ничего не было видно. Но черезъ нѣсколько времени стрѣльба снова возгорѣлась съ прежнею силою. Началась она правѣе насъ. Туда, въ обходъ туркамъ, посланы были 1-й баталіонъ нашего и 1-й баталіонъ С.-Петербургскаго полка, Славно поработали тутъ пруссаки! на другой день проходя мимо побоища, мы полюбовались на ихъ работу: цѣлыя груды турокъ наложены были штыками! Массы положенныхъ ружей, тесаковъ валялись повсюду.

Наконецъ темнота ночи положила конецъ всякимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Все успокоилось. Тѣмъ не менѣе опредѣленнаго мы всетаки не знали о томъ, чѣмъ кончилось сегодняшнее дѣло. И вслѣдствіе такой неопредѣленности положеніе было крайне тяжелое.

Къ намъ на гору на усиленіе пришелъ баталіонъ Костромскаго полка. Онъ занялъ аванпостною цѣпью половину нашего расположенія. Другая половина была занята аванпостами отъ нашего баталіона. Остальная часть баталіона отведена назадъ. Здѣсь разложили костры, около которыхъ и просидѣли почти всю ночь напролетъ, кое какъ отогрѣваясь отъ немилосердно пробиравшаго холода.

По окончаніи перестрѣлки стали повѣрять ряды. Я такъ и ахнулъ, взглянувши на свою роту. Недочетъ былъ большой. Но потомъ нѣсколько человѣкъ подобрались еще. Отставши на горѣ, они присоединились къ знаменамъ, не зная гдѣ искать роту. За ночь подобрались всѣ отсталые. Тѣмъ не менѣе все-таки убыль была большая, у меня въ ротѣ выбыло въ этотъ день 35 человѣкъ убитыми и ранеными. Слѣдующая затѣмъ по убыли была 12-я рота. Всего вообще изъ двухъ баталіоновъ 3-го и 4-го выбыло 280 человѣкъ. Изъ офицеровъ убитъ былъ, какъ я сказалъ, подпоручикъ Ларіоновъ, ранены: командиръ полка, генералъ маіоръ Мирковичъ, въ голову и шею, поручикъ Измайловъ, подпоручикъ Михайловъ 2-й и прикомандированный подпоручикъ Гончаренко; контужены: капитанъ Вервингъ, въ ногу, и штабсъ капитанъ Ставровскій, въ палецъ правой руки. Подпоручикъ Ромашевъ остался цѣлъ и невредимъ: онъ упалъ послѣ бѣга отъ вторичнаго припадка сердцебіенія.

Ночь провели прескверно и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи. И холодно, и голодно и достать негдѣ. У солдатъ и сухариковъ очень мало осталось,—у нѣкоторыхъ порастряслись, а другіе такъ и нарочно сбрасывали съ себя всякую лишнюю тяжесть во время аттаки и карабканья на горы. У офицеровъ тоже ничего съ собой не было. Деньщики остались въ

Негошевѣ. Нѣкоторые догадались, нашли въ Чеканчевѣ яицъ и притащили на горы. Мой-же гдѣ-то запропастился и я увидѣлъ его уже только 20-го числа часовъ въ 9 вечера.

На другой день полковникъ Оберъ, вступившій, за раною генерала Мирковича, въ командованіе полкомъ, приказалъ намъ двигаться дальше по направленію къ Златицкому шоссе и ожидать тамъ, пока подойдутъ всѣ баталіоны нашего полка и вся остальная дивизія. Турокъ передъ нами уже не было—въ ночь они успѣли отступить, очистивши не только Ташкисенскую, но и свою неприступную Арабконакскую позицію. Они отступили по Златицкому шоссе. Утромъ намъ видны были еще черныя полоски ихъ арріергарда, поднимавшагося по шоссе за Дольними Комарцами.

Жаль, что колонна генерала Дандевиля была застигнута мятелью на Златицкомъ перевалѣ, помѣшавшей ему во время прійти къ намъ. Не ушли бы такъ турки, много ихъ осталось бы на Софійскомъ шоссе.

И безъ того, впрочемъ, пораженіе ихъ было полнѣйшее. Нравственный духъ ихъ упалъ до самой низкой степени. Это видно ужъ изъ того, что они поспѣшили оставить неприступную позицію у Арабъ-конака. А кромѣ того нагляднымъ доказательствомъ этого служило не отступленіе, а безпорядочное бѣгство со своихъ позицій. Надо было видѣть Златицкое шоссе, по которому они бѣжали. Оно было буквально усѣяно разными предметами, которые они бросали для облегченія бѣгства. Громадная масса патроновъ и снарядовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ и цѣлыми ящиками, зарядные ящики, повозки, арбы, палатки, разные предметы солдатскаго обихода и въ заключеніе масса труповъ, по всей вѣроятности, больныхъ или раненыхъ, не могшихъ слѣдовать за своими и замершихъ на дорогѣ—все это валялось въ безпорядкѣ по всему пути.

Итакъ, цѣль нашего отряда вполнѣ достигнута. Софійское шоссе свободно, сообщеніе черезъ Балканы открыто. Турецкая армія въ безпорядкѣ бѣжитъ передъ нами. Остается только преслѣдовать ее, не дать ей опомниться, собраться съ силами и доконать ее окончательно. Для этой цѣли назначена была наша, 3-я гвардейская, пѣхотная дивизія (всѣ остальныя части гвардейскаго корпуса направлены были на Софію). Такъ что 3 гвардейская дивизія соединилась съ корпусомъ только при переходѣ черезъ Балканы и въ Ташкисенскомъ бою, а затѣмъ опять она надолго разстается съ нимъ; 20-го декабря всѣ гвардейскія части, участвовавшія въ дѣлѣ подъ Ташкисеномъ двинулись къ Софіи, а 3-я гвардейская дивизія выступила совершенно въ противоположную сторону, по Златицкому шоссе, для преслѣдованія турецкой арміи.

За сраженіе подъ Ташкисеномъ полкъ удостоился получить въ награду знакъ отличія на головномъ уборѣ съ надписью: „за Ташкисенъ, 19-го декабря 1877 года“.

Дѣло подъ Мечкой 25-го Декабря 1877 г.

Предыдущій свой разсказъ я закончилъ тѣмъ, что 3-я гвардейская дивизія была направлена для преслѣдованія турецкой арміи, бѣжавшей съ Арабконакской и Ташкисенской позицій по Златицкому шоссе. Преслѣдованіе это началось съ 20-го декабря.

Судя по тому безпорядку, по той поспѣшности, съ которой она уходила отъ насъ, можно было предполагать, что турки не скоро остановятся для того, чтобы дать намъ какой-бы то ни было отпоръ. На дѣлѣ однако это не оправдалось. Турки съумѣли воспользоваться благопріятной мѣстностью у Петричева, чтобы задержать насъ и дать себѣ возможность хотя нѣсколько привести въ порядокъ свои разстроенныя части. Передъ Петричевымъ намъ приходилось проходить по ущелью, окруженному высокими горами, на которыхъ очень удобно было поставить даже незначительныя силы, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему нашему движенію. Этимъ мѣстомъ турки и воспользовались. 21-го числа произошло дѣло съ турецкимъ арріергардомъ, на цѣлый день задержавшимъ наше движеніе. Только благодаря обходу двумя баталіонами турецкихъ позицій, турки въ ночь принуждены были отступить и очистить намъ путь. Въ этотъ день, какъ извѣстно, мы потеряли начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Каталея, и командира 1-й бригады, генералъ-маіора Философова. Оба ѣхали впереди отряда и оба пали отъ первыхъ-же пуль, генералъ Каталей на повалъ, а генералъ Философовъ смертельно раненъ и умеръ на другой-же день.

Въ этомъ дѣлѣ, единственномъ во всю кампанію въ нашей дивизіи, нашъ полкъ былъ въ резервѣ и не принималъ участія. Впереди шла 1-я бригада, лейбъ-гвардіи Литовскій и Кексгольмскій гренадерскій полки.

Ночь съ 21-го на 22-е провели на бивуакѣ, кажется, самомъ отвратительномъ изъ всѣхъ. Чтобы поставить палатку, надо было предварительно разгрести довольно глубокій снѣгъ. Но это несчастіе еще не такое большое; главное заключалось въ томъ, что подъ снѣгомъ оказалось чуть-ли не болото; мѣсто было очень низкое, а по равнинѣ протекала рѣка. Вслѣдствіе оттепели почва оттаяла и потому свои постели приходилось стлать прямо на водѣ.

На другой день, 22-го, мы двинулись дальше. Ночлегъ назначенъ былъ въ Понбренѣ. Но войдя въ Петричевъ, мы узнали, что нашъ маршрутъ измѣненъ. Штабъ дивизіи остался въ Петричевѣ, а нашему полку приказано идти въ деревню Смольску. Смольска лежала вправо отъ нашего пути и даже назади. Мы недоумѣвали о причинѣ такого поворота назадъ вмѣсто преслѣдованія турокъ. Но скоро пронесся слухъ, что въ Смольскѣ намъ назначенъ отдыхъ до 28-го декабря.

Такому извѣстію мы несказанно обрадовались. Послѣ продолжительнаго и утомительнаго перехода черезъ Балканы и слѣдомъ за нимъ Ташкисен-

скаго боя пріятно было отдохнуть. А кромѣ того представлялась не менѣе пріятная перспектива справить на сколько возможно по христіански праздникъ Рождества Христова.

Первыя-же слова нашихъ квартирьеровъ, встрѣтившихъ насъ у деревни, какъ нельзя болѣе оправдывали наши ожиданія. Они объявили, что жители-болгары очень зажиточны, провизіи всякой у нихъ въ изобиліи и они всѣмъ надѣляютъ съ большой радостью. И дѣйствительно, болгары приняли насъ очень радушно и не скупились на угощенія. Только что я вошелъ въ отведенную мнѣ комнату—я такъ и растаялъ отъ пріятной теплоты и чистоты помѣщенія. Первый разъ еще съ тѣхъ поръ, какъ я ступилъ на непріятельскую землю, мнѣ попалась такая славная квартирка. Всѣ прежніе наши стоянки и ночлеги были въ бѣдныхъ и раззоренныхъ деревушкахъ, въ которыхъ кромѣ крова отъ непогоды трудно было и требовать другихъ удобствъ. До сихъ поръ, впрочемъ, теплота еще не играла значительной роли на нашихъ стоянкахъ—на дворѣ было довольно тепло, ну, а теперь и морозъ ужъ началъ входить въ свои права. Тѣмъ больше настоящая моя квартира показалась мнѣ раемъ, что представляла громадный контрастъ съ ночлегомъ въ предыдущую ночь. Однимъ словомъ, я былъ счастливъ. А тутъ, кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, присоединилось и еще одно. Не успѣлъ я раздѣться и протянуть свои усталые и продрогшіе члены на свою походную постель-овчинку, какъ хозяйка явилась ко мнѣ съ разной закуской, которую я и уничтожилъ съ большимъ аппетитомъ.

Солдатикамъ стоянка тоже была по вкусу, благодаря радушію хозяевъ, которые старались на сколько возможно ублаготворить своихъ постояльцевъ. И имъ тутъ можно было привести себя немного въ порядокъ, починиться чѣмъ Богъ послалъ, аммуницію справить, ружье почистить, а главное—отдохнуть, мозоли свои починить и грѣшное тѣло отогрѣть. А насчетъ продовольствія ужъ мы начали хлопотать. Какъ ни велика и ни богата деревня, все-таки не могла она изготовить, напечь хлѣба на цѣлый полкъ. Да къ тому же надо было позаботиться еще приготовить кое-что и къ празднику. Поэтому разосланы были гонцы во всѣ окрестныя селенія, чтобы достать какъ можно болѣе насущнаго хлѣба, соли и прочихъ необходимыхъ припасовъ, чтобы хватило и на будущее время.

До сихъ поръ мы питались, чѣмъ Богъ послалъ. Передъ переходомъ черезъ Балканы мы должны были оставить свой обозъ, за невозможностью везти его по кручамъ. Въ надеждѣ-же скоро очистить Софійское шоссе для движенія обозовъ мы взяли съ собой хлѣба только на три дня. Недостатокъ въ провіантѣ оказался, конечно, очень скоро. Въ особенности плохо пришлось раненымъ подъ Ташкисеномъ. Здоровому,-то еще туда-сюда, ну, а больному туго приходится безъ пищи. Но, благодаря дѣятельности и распоряженіямъ нашего командира полка, генерала Мирковича, который, не смотря на свою собственную тяжелую рану, обходилъ и ободрялъ раненыхъ на пе-

ревязочномъ пунктѣ, хлѣбъ для раненыхъ нашего полка былъ доставленъ въ ту-же ночь изъ Врачеша. Генералъ Мирковичъ, видя, что раненые страдаютъ и отъ недостатка пищи, послалъ 19-го же числа музыкантовъ за хлѣбомъ во Врачеши по той-же дорогѣ, по которой мы шли сюда.

Но наше положеніе нисколько не улучшилось относительно продовольствія по очищеніи Софійскаго шоссе. Обозъ не могъ поспѣть за нами, и мы такъ и простились съ нимъ на долгое время. Только черезъ два мѣсяца, по приходѣ въ Адріанополь, онъ присоединился къ намъ. Ну, и питались все это время болгарскими лепешками, которыхъ и русскій желудокъ подчасъ не переваривалъ.

Наканунѣ праздника все было готово. Кстати изъ Орханіе прибыли двѣ повозки съ кой-какими припасами. Между прочимъ привезли и нѣсколько боченковъ водки. Значитъ, праздникъ совсѣмъ на славу выйдетъ. Для солдата кусокъ хлѣба и чарка водки—и онъ забылъ свои труды и лишенія, запѣлъ пѣсни, точно ему и горя мало, что вокругъ него дѣлается.

Итакъ, мы радовались, что проведемъ праздникъ по христіански, сходимъ въ сельскую церковь, а затѣмъ и покушаемъ на славу. Вдругъ приказъ: «3-му и 4-му баталіонамъ выступить завтрашняго, т. е. 25-го, числа къ Петричеву для занятія аванпостовъ по указанію штаба дивизіи». Трудно себѣ и представить, какъ этотъ пріятный сюрпроизъ подѣйствовалъ на насъ. А намъ, стрѣлкамъ, еще грустнѣе. Недавно полковой свой праздникъ справляли на аванпостахъ у Врачеша, а теперь такое-же удовольствіе предстоитъ и для перваго дня Рождества. Но какъ ни грустно, ни тяжело, однако разсуждать нечего,—нужно собирать пожитки и готовиться къ выступленію.

На другой день, чуть забрезжилось утро, выступили мы къ Петричеву. Морозъ былъ истинно рождественскій. Непріятно было покидать теплую хату, имѣя еще въ перспективѣ просидѣть цѣлыя сутки подъ открытомъ небомъ въ такой морозъ да еще на горахъ. До Петричева добрались мы часовъ около десяти утра. У селенія оба баталіона были остановлены, а командиры баталіоновъ—4-го капитанъ Рыдзевскій и 3-го штабсъ-капитанъ Михайловъ со своими конвойными отправились въ селеніе, въ штабъ дивизіи, за полученіемъ подробныхъ инструкцій. Около получаса танцовали мы, согрѣвая свои окоченѣлые члены въ ожиданіи рѣшенія нашей участи. По слухамъ мы знали, что одному баталіону придется выйти еще верстъ за пять отъ Петричева по дорогѣ въ Понбренъ, а другой долженъ расположиться по горамъ у самаго Петричева, а часть даже и въ Петричевѣ. Естественно, интересно было поскорѣе узнать, кому выпадетъ этотъ послѣдній, счастливый жребій. Наконецъ, изъ деревни выходятъ двое конвойныхъ нашихъ баталіоновъ. «Ну что, куда?» еще издалека посыпались на нихъ вопросы.—«Да слава Богу!» кричитъ одинъ изъ нихъ, взбираясь къ намъ на площадку. «Какъ слава Богу?!» переспрашиваемъ его въ недоумѣніи, «что такое слава Богу»?—«Да на фатеры идемъ, аванпосты отказаны. Приказано всѣмъ идти къ

штабу дивизіи». У каждаго полегчало на сердцѣ. Хотя, конечно, никто не зналъ, въ чемъ дѣло, но понятно было одно, что мы идемъ не на аванпосты, а куда-то въ деревню, стало быть, ночевать все таки будемъ въ хатѣ.

Когда мы вошли въ Петричево и собрались у штаба дивизіи, вышедшіе къ намъ баталіонеры объяснили, въ чемъ дѣло. Мы идемъ на квартиры въ деревню Мечку, еще верстъ семь за Петричево. Въ Мечкѣ уже стоитъ одинъ баталіонъ Прусскаго полка и экскандронъ драгунъ. Завтра къ намъ присоединятся и остальные два баталіона. «Ну», думаемъ, «для насъ сюрпризъ хорошъ, каковъ- то онъ покажется оставшимся въ Смольскѣ, надѣющимся отдыхать тамъ до 28-го числа».

Ближайшая дорога на Мечку шла черезъ горы, на которыя мы и полѣзли, какъ только оба баталіона собрались и построились у выхода изъ Петричева. Впереди пошелъ 4-й баталіонъ, за нимъ 3-й. Въ это время выглянуло солнышко, пригрѣло насъ и увеличило еще болѣе наше хорошее настроеніе духа. Мы разсчитывали еще за-свѣтло попасть въ Мечку и устроиться тамъ хорошенько. Однако время шло, пора бы ,кажется, и деревнѣ показаться, а ея все нѣтъ, какъ нѣтъ. Ноги чувствуютъ, что сказанныя семь верстъ давно какъ будто прошли. Можетъ быть, впрочемъ, тутъ и въ самомъ дѣлѣ было верстъ семь съ хвостикомъ, да горы эти противныя ужасно обманываютъ—и ноги устаютъ, карабкаясь съ горы на гору, и настроеніе духа понемногу становится все хуже и хуже. Идешь, идешь на гору, чуть не подъ самыя небеса забираешься, вотъ-вотъ сейчасъ въ рай попадешь. «Дай» думаешь, «взобраться на вершинку, тамъ тебѣ сейчасъ внизу и деревня откроется, потому выше и горъ не видно». Взобрался на вершину, смотришь — впереди вмѣсто деревни опять такая-же гора, чуть ли не выше, опять лѣзешь съ тойже надеждой и опять разочарованіе. Досадно станетъ, ругнешь эти противныя горы и опять карабкаешься вверхъ. Такимъ маперомъ путешествовали мы съ горки на горку, не спѣша, въ самомъ мирномъ настроеніи духа, ежеминутно ожидая увидѣть Мечку и помышляя объ отдыхѣ. Вдругъ въ правой сторонѣ отъ насъ какъ будто выстрѣлы. Прислушиваемся,—дѣйствительно. «Тахъ.... тахъ.... тахъ-тахъ....» турецкіе выстрѣлы, сухіе, рѣзкіе и отчетливые. Звукъ совершенно отличный отъ нашей берданки. Нашихъ выстрѣловъ обыкновенно и не слышно бывало въ перестрѣлкѣ, особенно издали. Вслѣдствіе этого всегда ощущаешь непріятное впечатлѣніе: не знаешь, на сколько силенъ нашъ огонь, слышишь только, что турки палятъ безъ умолку, а нашихъ какъ будто и нѣтъ совсѣмъ. Послышались даже одинъ или два пушечные выстрѣла. Чѣмъ дальше подвигаемся, тѣмъ чаще и чаще становятся выстрѣлы. Гдѣ-жъ они, однако? Вправо отъ насъ долженъ быть Понбренъ. Онъ занятъ былъ турками. Туда былъ высланъ баталіонъ Литовскаго полка. Стало быть, тамъ что нибудь случилось. Однако выстрѣлы все таки такъ близки, что и намъ нужно на всякій случай быть готовыми. Надо подтянуть баталіонъ, который волей-неволей растянулся по узкой гористой дорогѣ.

Штабсъ-капитанъ Михайловъ еще раньше немного, чѣмъ мы услышали выстрѣлы, остановилъ свой баталіонъ и сдѣлалъ маленькій привалъ. Остановились и мы, и послѣ небольшаго отдыха двинулись дальше. Черезъ нѣсколько времени дорога вдругъ поворачиваетъ вправо, и выстрѣлы оказались какъ разъ впереди насъ. Очевидно стало для всѣхъ, что перестрѣлка не въ Понбренѣ, а въ Мечкѣ. Это, впрочемъ, почти тотчасъ-же и подтвердилось. На встрѣчу намъ скакалъ кавалеристъ и, подъѣхавъ къ капитану Рыдзевскому, передалъ ему, что турки напали на Мечку и сильно тѣснятъ прусскій баталіонъ. Мы прибавили шагу. Не успѣлъ скрыться первый кавалеристъ, мчится оттуда-же второй, на этотъ разъ съ запиской отъ командира 4-го баталіона Прусскаго полка маіора Мячкова въ штабъ дивизіи съ просьбой о подкрѣпленіи. «Пока держусь въ деревнѣ», доноситъ маіоръ Мячковъ, «но скоро принужденъ буду уступить превосходнымъ силамъ непріятеля». Помощь ему явилась раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, потому что въ это время мы были уже верстахъ въ трехъ отъ Мечки. Скорымъ шагомъ спѣшили мы на выручку пруссаковъ, но уже не застали ихъ въ деревнѣ. Отбиваясь отъ турокъ съ самаго утра, пруссаки не въ состояніи были держаться больше въ деревнѣ. Они вышли изъ нея и заняли лѣвѣе ея горку, представившую имъ довольно сильную позицію, такъ какъ турки были расположены на совершенно открытой полянѣ, а гора, занятая пруссаками, кромѣ того, была довольно крутая и представляла для нихъ хорошее закрытіе. Но и сюда турки уже лѣзли отчаянно и угрожали согнать пруссаковъ съ этой послѣдней позиціи. Отступивши отсюда, прусскій баталіонъ былъ бы неминуемо весь уничтоженъ, потому что пруссаки расходовали свой послѣдній патронъ и только изрѣдка поддерживали огонь. Затѣмъ оставалась только одна надежда—на штыкъ. Но хотя, безъ сомнѣнія, пруссаки и дорого продали бы свою жизнь (ихъ штыковая работа уже извѣстна была туркамъ по Ташкисену), однако численный перевѣсъ на столько превосходилъ у турокъ, что въ результатѣ сомнѣваться было невозможно.

Видя, что турки отчаянно лѣзутъ на гору и зная отъ своихъ драгунъ, что мы уже близко, капитанъ Бураго, командиръ эскадрона лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка, стоявшаго вмѣстѣ съ пруссаками въ Мечкѣ, полетѣлъ самъ на встрѣчу къ намъ и просилъ, какъ можно скорѣе поспѣшить на помощь пруссакамъ и занять горку, на которой расположились пруссаки, какъ единственную и самую хорошую позицію. Въ это время мы уже находились въ сферѣ выстрѣловъ, хотя еще не видѣли ни своихъ, ни турокъ. Капитанъ Рыдзевскій приказалъ мнѣ съ ротой отдѣлиться отъ баталіона и какъ можно поспѣшнѣе занять горку, путь на которую взялся указать самъ Бураго. Бѣгомъ взбѣжали мы на горку. Рота была вся разсыпана въ цѣпь между пруссаками по гребню горки и моментально открыла самый оживленный огонь, не мало поразившій турокъ и сразу заставившій ихъ поколебаться. Надо было видѣть радость пруссаковъ при видѣ насъ. «Самъ Богъ послалъ намъ Волынцевъ,

безъ нихъ совсѣмъ пропадать бы намъ», то и дѣло слышалось между ними. Еще раньше ихъ одобрили и подкрѣпили наши квартирьеры, которые въ числѣ тридцати двухъ человѣкъ подъ командою поручика Пряслова посланы были изъ Петричева чтобы занять для насъ квартиръ въ Мечкѣ. На самомъ дѣлѣ квартирьеры указали намъ не квартиры, а болѣе выгодную позицію для расположенія на горкѣ. Благодаря поручику Пряслову, рота моя сразу могла быть расположена наивыгоднѣйшимъ образомъ, такъ какъ онъ уже болѣе или менѣе ознакомился съ позиціей. У меня-же въ это время не было субалтернъ-офицера (который съ утра посланъ былъ по службѣ и возвратился къ ротѣ уже вечеромъ), такъ что я и прикомандировалъ его къ себѣ.

Осыпанные сразу массой свинца, турки не выдержали и—повернули назадъ. Но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ снова заставили перейти въ наступленіе. Повернулась собственно только одна цѣпь. Колонны-же, стоявшія за цѣпью, остановились только въ нерѣшительности—идти ли дальше или тоже послѣдовать примѣру цѣпи. Они не могли понять, въ чемъ дѣло; но до сихъ поръ они знали, что на ихъ сторонѣ громадный перевѣсъ въ силахъ. А съ другой стороны къ нимъ на подкрѣпленіе тянулась еще колонна изъ Панагюриште (Отлукіой). Голова этой колонны подходила уже къ нимъ, а хвостъ терялся еще въ ущельѣ, при выходѣ на поляну. На полянѣ-же я, кромѣ, цѣпи видѣлъ четыре колонны. Кромѣ того, турки находились еще и въ Мечкѣ. По всей вѣроятности, благодаря подходившему подкрѣпленію, турки снова продолжали свое наступленіе. Наша позиція хотя и была очень выгодна по своей высотѣ, съ которой турки видны были, какъ на ладони, но расположеніе гребня было такъ неудобно, что все превосходство позиціи могло уничтожиться разомъ,—вздумай только два, три турка расположиться на продолженіи гребня горки. Дѣло въ томъ, что направленіе горки было косвенное относительно турокъ, правый нашъ флангъ былъ позади, а продолженіе лѣваго фланга упиралось въ поляну. Такъ что зайди турки за продолженіе лѣваго фланга и—насъ отлично можно было согнать съ горки. Удивляюсь, какъ турки не замѣтили этого до нашего прихода. Опасаясь подобнаго казуса, я послалъ къ капитану Рыдзевскому донесеніе объ этомъ, и просилъ послать на лѣвый флангъ подкрѣпленіе на этотъ случай. Сюда въ скоромъ времени прибылъ поручикъ Ивановъ (командовавшій 13-й ротой) съ одной полуротой, которая впослѣдствіи соединилась съ остальной полуротой, разсыпанной въ цѣпь правѣе и впереди нашей горки.

Капитанъ Рыдзевскій съ остальными ротами продолжалъ двигаться правѣе горки, между нею и деревнею Мечкой, и вскорѣ занялъ возвышенность, сравнительно съ нашей горкой незначительную, но представлявшую большія выгоды для расположенія. Возвышенность эта находилась нѣсколько впереди горки и гребнемъ своимъ тянулась отъ подошвы горки къ деревнѣ Мечкѣ (параллельно турецкимъ).

Но еще прежде, нежели капитанъ Рыдзевскій занялъ эту возвышенность, она была занята турками, вторично начавшими свою аттаку. Видя, что турки имѣютъ очень сильное желаніе овладѣть горкой и лѣзутъ отчаянно, мы прибѣгнули къ часто употреблявшейся въ эту компанію уловкѣ—крикнули ура. Моментально крикъ понесся по всему нашему расположенію и самымъ эффектнымъ образомъ окончился позади. 3-й баталіонъ въ это время тоже подошелъ къ Мечкѣ и гаркнулъ во все свое четырехсотенное горло. Эффектъ былъ поразительный—у турокъ пятки только засверкали. 3-й баталіонъ занялъ деревню. Убѣгая отсюда, турки успѣли зажечь нѣсколько домовъ (сгорѣло, впрочемъ, только четыре). По дорогѣ они наткнулись на нѣсколькихъ раненыхъ прусскихъ солдатъ, надъ которыми мимоходомъ успѣли еще излить злость за свою неудачу.

Итакъ, на этотъ разъ всѣ турки были выгнаны на поляну, и мы заняли болѣе выгодное положеніе. Я съ ротой и пруссаками оставался все время на своей горкѣ, сдѣлавшейся теперь уже опорной точкой для лѣваго фланга нашего расположенія. 3-й баталіонъ, какъ я сказалъ, занялъ деревню на правомъ флангѣ и намѣревался какъ можно скорѣе занять гору, бывшую чуть правѣе и впереди деревни. Капитанъ Рыдзевскій съ остальными ротами 4-го баталіона оставался въ срединѣ между нами и двигался къ вышеупомянутой возвышенности.

Мы уже думали, что турки кончили свое наступленіе и уберутся во свояси. Но, видно, имъ не хотѣлось бросать такъ хорошо и удачно начатое дѣло. И досадно имъ было, съ другой стороны, что, не смотря на свое численное превосходство, цѣлый день съ самаго утра они не могли справиться съ горстью русскихъ. Былъ уже пятый часъ дня. Оправившись отъ второй неудачи, они съ новой энергіей бросились на насъ. Видно было, что теперь они рѣшились во что бы то ни стало опрокинуть насъ. И дѣйствительно, они отчаянно полѣзли на нашу горку. Я не видалъ, что въ это время происходило на правомъ флангѣ, потому что все вниманіе было устремлено на тѣхъ отчаянныхъ храбрецовъ, которые лѣзли къ намъ на вѣрную смерть. Турки доходили къ намъ на разстояніи до трехъ сотъ шаговъ и ихъ разстрѣливали буквально, какъ куропатокъ. Каждый почти стрѣлокъ имѣлъ передъ собой опредѣленную цѣль, каждый выбиралъ для себя турка и, прицѣлившись, не давалъ промаха. «Ахъ ты, такой-сякой», то и дѣло слышится въ цѣпи, «вотъ погоди, я тебѣ сейчасъ покажу!..» Смотришь, прицѣлился и—турокъ летитъ кувыркомъ. Но на мѣсто падающихъ выростаютъ все новыя и новыя цѣли, густой цѣпью карабкаются въ гору. Невольно въ это время я вспомнилъ такую же аттаку, но только въ обратномъ порядкѣ, аттаку нами Ташкисена 19-го декабря. Тамъ мы были внизу, мы карабкались въ гору, а турки угощали насъ свинцомъ. Но мы шли въ аттаку на гору безъ выстрѣла, а здѣсь и турки пускали въ насъ такую массу свинца, что казалось, будто вѣтеръ свиститъ надъ головою. И результатъ былъ совершенно обратный.

Тамъ мы опрокинули турокъ, заставили ихъ очистить свои позиціи, здѣсь было иначе. Не смотря на всю отчаянную смѣлость, турки не выдержали до конца. Не имѣя возможности овладѣть нашей позиціей, падая одинъ за другимъ, они наконецъ разомъ отхлынули и бросились назадъ, на свои резервы, которые на этотъ разъ не могли уже остановить бѣгущихъ,—напротивъ и сами повернули назадъ и—начали отступать. И во время!.. Благодаря такому оживленному огню, который мы должны были производить, патроны быстро таяли. У пруссаковъ еще передъ нашимъ приходомъ, какъ я сказалъ, ихъ оставалось по два на брата. Поэтому съ нашимъ приходомъ мы подѣлились съ ними. Теперь и у насъ патроновъ оставалось очень мало, такъ что я то и дѣло посылалъ къ капитану Рыдзевскому съ просьбой о присылкѣ ихъ, думая, что тамъ у него ихъ гораздо больше. Но посланные или совсѣмъ не являлись или являлись ни съ чѣмъ. Впрочемъ, сначала еще принесли мѣшокъ. Потомъ, когда турки отступили въ глубь поляны, я самъ отправился внизъ къ капитану Рыдзевскому, такъ какъ послѣдніе посланные ко мнѣ не возвратились. У меня патроновъ почти не оставалось. А куда какое непріятное ощущеніе испытываешь, когда то оттуда, то отсюда слышишь возгласъ: «патроновъ нѣтъ!» Турки-же хотя и отступили, но потянулись влѣво отъ насъ, такъ что возможно было разсчитывать, что, потерпѣвши неудачу съ одной стороны, они захотятъ испытать счастье съ другой, и именно съ слабой нашей стороны. Сойдя внизъ, я направился къ знаменамъ, надѣясь тамъ увидѣть капитана Рыдзевскаго. Но онъ былъ впереди, въ цѣпи, а на встрѣчу ко мнѣ шелъ командующій 11-ю ротою поручикъ Веденскій.

— Куда вы? спрашиваю его.

— Къ вамъ на горку, посмотрѣть, что тамъ впереди дѣлается. У васъ, должно быть, отлично все видно. А вы куда?

— Я къ Рыдзевскому просить патроновъ, всѣ вышли.

— Что вы, батюшка, какіе тутъ патроны! Видите, что у насъ осталось. И онъ указалъ по направленію знаменъ. Тамъ возвышались три знамени, два нашихъ и одно прусскаго баталіона. Около нихъ виднѣлась кучка солдатъ.— Вотъ видите, продолжалъ онъ, только всего и осталось въ резервѣ, что ассистенты при знаменахъ, и у нихъ по четыре коробки патроновъ. Все остальное въ цѣпи. Да и тамъ жалуются на недостатокъ патроновъ.

Мы пошли обратно на горку. Турки продолжали отступать, изрѣдка пуская въ насъ пули. Наши были уже на полянѣ. Я съ ротой остался еще на нѣкоторое время на горкѣ, не желая бросить выгоднаго пункта на случай, если бы турки вздумали обойти насъ слѣва. Но потомъ большая часть роты спустилась тоже въ лощину. На горкѣ мною оставленъ былъ только одинъ взводъ. Нѣкоторое время я тоже оставался съ этимъ взводомъ и слѣдилъ за происходившимъ на полянѣ. Посреди ея еще оставалась какая-то группа турокъ. Вдругъ изъ этой группы раздался пушечный выстрѣлъ и мигомъ надъ нашими головами прошипѣла граната... за ней другая и третья.

Это турки притащили на санкахъ какое-то маленькое орудіе, въ родѣ горнаго. Можетъ быть, оно было тутъ и раньше (не изъ него-ли и слышались намъ первые пушечные выстрѣлы?), но только въ теченіе всего боя со времени нашего прихода, изъ него по насъ не сдѣлано было ни одного выстрѣла, кромѣ этихъ трехъ послѣднихъ. Это турки на прощанье сдѣлали свой послѣдній салютъ такъ ненавистной имъ горкѣ, которую они не въ силахъ были отнять у насъ. По всей вѣроятности, турки предположили, что на этой горкѣ расположилось наше начальство, такъ какъ этотъ пунктъ былъ самый удобный для наблюденія за ходомъ дѣла. Этому предположенію помогала и большая кучка солдатъ, собравшихся на самой высокой части горки, чтобы посмотрѣть на отступающихъ по всей полянѣ турокъ.

Отдавши намъ этотъ послѣдній свой салютъ, и эта группа потянулась къ ущелью и скоро на полянѣ не осталось ни одного турка. Но вскорѣ они показались на горахъ, влѣво отъ насъ. Сначала мы думали, что они вздумали зайти намъ въ тылъ и потому моей ротѣ опять приказано было занять позицію на горкѣ, но только наоборотъ тыломъ къ Мечкѣ, а фронтомъ къ горамъ. Лѣвѣе меня расположена была 15-я рота штабсъ-капитана Неовіуса. Поручикъ Ивановъ и подпоручикъ Алексинъ, командовавшій 16-й ротой, остались на полянѣ. Но уже темнѣло и турки видимо дальше не желали двигаться, а зажгли костры по гребню горъ —знакъ, что они уже успокоились или ушли совсѣмъ.

Часовъ около восьми ко мнѣ явился ординарецъ капитана Рыдзевскаго, и принесъ отъ него приказаніе идти въ деревню. На аванпостахъ осталась 16-я рота. Квартиръ въ деревнѣ, конечно, распредѣлено не было, а такъ какъ деревушка была маленькая, то всѣ дома были уже заняты до моего прихода. Такъ что я кой-какъ отыскалъ два дома, или скорѣе сарая, для помѣщенія своей роты. Пруссаки, занимавшіе дома, потѣснились и мы наконецъ расположились на отдыхъ. Кстати, не могу не отмѣтить благодарности, которую выказывали намъ пруссаки. Съ истиннымъ удовольствіемъ усаживали они къ огню волынцевъ и предлагали имъ чуть-ли не послѣднюю щепотку табаку—этой драгоцѣнности для солдата въ походѣ.

Не успѣлъ я найти помѣщенія для себя и расположиться съ Ромашевымъ пить чай, какъ опять входитъ ко мнѣ ординарецъ капитана Рыдзевскаго, съ приказаніемъ привести роту къ его квартирѣ, у выхода изъ деревни, и расположить ее тамъ на бивуакѣ. Въ это время послышалось два-три выстрѣла со стороны турокъ и затѣмъ все опять смолкло. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это была рекогносцировка капитана Бураго. Зная, что турки имѣютъ обыкновеніе маскировать свое отступленіе кострами, капитанъ Бураго вызвался разузнать истинное значеніе турецкихъ костровъ и въ настоящемъ случаѣ. Съ десяткомъ удальцовъ поскакалъ капитанъ Бураго къ туркамъ, и чрезъ нѣсколько минутъ былъ встрѣченъ выстрѣлами съ турецкихъ аванпостовъ. Значитъ, турки на этотъ разъ не думали еще уходить,

поэтому осторожность была усилена. Вообще, нужно отдать справедливость капитану Бураго въ его энергическомъ содѣйствіи намъ въ этотъ день. Благодаря его распорядительности, многіе раненые въ тотъ-же день были отвезены на драгунскихъ лошадяхъ въ Петричево. На его-же лошадяхъ въ эту ночь на вьюкахъ доставлены были намъ и патроны изъ Петричева.

Расположивши свою роту у квартиры баталіоннаго командира, мы съ Ромашевымъ присоединились ко всему остальному обществу офицеровъ 4-го баталіона, помѣстившемуся вмѣстѣ съ капитаномъ Рыдзевскимъ. Здѣсь за общимъ чаемъ начались разсказы и впечатлѣнія каждаго о прожитомъ днѣ. Между прочимъ, тутъ было сдѣлано общее замѣчаніе о томъ, какъ турки съ большимъ самоотверженіемъ выносятъ изъ-подъ огня своихъ раненыхъ, даже простыхъ солдатъ, не говоря уже объ офицерахъ. По этому поводу поручикъ *Ивановъ* сообщилъ намъ о подвигѣ своего конвойнаго, ефрейтора *Горюка*. Находясь въ цѣпи на полянѣ уже въ послѣдній періодъ боя, Горюкъ увидѣлъ шагахъ въ трехъ стахъ отъ себя турецкаго офицера. Немедля ни мало Горюкъ прицѣлился и—угодилъ ему, кажется, въ самый лобъ. Офицеръ моментально упалъ. Къ нему сейчасъ-же подскочили два турка и потащили. Но Горюкъ одного за другимъ уложилъ и этихъ носильщиковъ. Понравилось *Горюку* кожаное пальто убитаго имъ офицера на красной подкладкѣ. «Не пропадать-же ему», сказалъ Горюкъ и направился къ офицеру. Турки начали въ него стрѣлять, но Горюкъ, ни мало не обращая на это вниманія, подошелъ къ офицеру, снялъ съ него пальто и съ этимъ трофеемъ спокойно возвратился назадъ.

Такъ окончился для насъ первый день праздника, грустный въ началѣ, но, благодаря одержанной побѣдѣ, веселый въ концѣ. Общая радость была омрачена однако потерей одного изъ нашихъ офицеромъ, молодаго, только что выпущеннаго изъ училища, подпоручика Волкова. Онъ былъ прикомандированъ къ полку и находился субалтернъ-офицеровъ въ 15-й ротѣ. Стоя въ цѣпи, онъ обернулся назадъ, чтобы отдать какое-то приказаніе бывшимъ сзади него солдатамъ, но не успѣлъ вымолвить и слова, какъ турецкая пуля пронизала его, пробила лопатку и остановилась около соска, такъ что ее можно было ощупать. Во тотъ-же день онъ былъ перевезенъ въ Петричево, а оттуда отправленъ въ *Орханійскій госпиталь*. Три недѣли промучился онъ здѣсь и наконецъ скончался, не перенесши такой тяжелой раны.

За исключеніемъ этой тяжелой для насъ потери, убыль въ нижнихъ чинахъ была незначительная. На сколько мнѣ помнится, изъ всего отряда т. е. нашихъ двухъ баталіоновъ и прусскаго, убитыми и ранеными мы потеряли шестьдесятъ человѣкъ. Кромѣ того, въ этомъ дѣлѣ турецкой пулей было отбито копье съ знамени прусскаго баталіона. Такой незначительной потерей мы обязаны были, конечно, нашему выгодному расположенію. Потеря-же турокъ была очень значительна. Впослѣдствіи, когда мы черезъ

нѣсколько дней проходили чрезъ Панагюриште, болгары передавали намъ, что въ числѣ раненыхъ нами въ этотъ день было много офицеровъ и въ томъ числѣ одинъ генералъ, перенесенные въ Панагюриште.

По разсказамъ тѣхъ-же болгаръ, не задолго передъ тѣмъ въ Панагюриште со всѣхъ сторонъ начали собираться турецкія войска. Пріѣхалъ даже самъ Сулейманъ-паша, который хвалился, что онъ скоро заставитъ русскихъ опять убраться за Балканы. Самъ онъ, впрочемъ, скоро уѣхалъ, а начальство надъ всѣми собравшимися войсками поручено было Шакиръ-пашѣ. Онъ-то и вздумалъ начать оправдывать слова Сулеймана. Узнавши, что Мечка занята только однимъ баталіономъ русскихъ, онъ навалился на этотъ баталіонъ всѣми своими силами, разсчитывая, вѣроятно, еще болѣе на 25-е декабря, какъ день большаго праздника у русскихъ. Этой вѣроятной легкой побѣдой надъ русскими онъ думалъ, конечно, поднять хоть нѣсколько нравственный духъ своихъ войскъ, принужденныхъ цѣлую недѣлю бѣжать безъ оглядки. Результаты показали, на сколько несбыточны были его мечты.

Трехдневный бой подъ Филипполемъ 3, 4 и 5-го Января 1878 г.

Подъ стѣнами Филипполя разыгрался послѣдній актъ великой кровавой драмы, окончившейся совершеннымъ пораженіемъ Турціи и освобожденіемъ изъ-подъ ея владычества нѣсколькихъ милліоновъ болгарскаго населенія, возрожденіемъ Болгаріи къ новой жизни.

Бой подъ Филипполемъ былъ послѣднимъ боемъ. Начался онъ занятіемъ 3-го января сѣвернаго предмѣстья города, а окончился верстахъ въ десяти южнѣе, у деревень Карагача, Бѣластицы и Дермендере, окончился совершеннымъ пораженіемъ арміи Сулеймана-паши, войска котораго разсѣялись по Родопскимъ горамъ и сдѣлались, благодаря этому, совершенно неспособны для дальнѣйшаго сопротивленія русской арміи.

Л.-гв. Волынскій полкъ принималъ участіе въ началѣ и концѣ этого боя, 3-го и 5-го января. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію этого участія полка въ Филиппольскомъ бою, считаю не лишнимъ, для связи разсказа съ предъидущими дѣйствіями полка, пробѣжать хоть въ бѣгломъ очеркѣ время отъ занятія д. Мечки до занятія гор. Филипполя, т. е. съ 25-го декабря по 3-е января.

Въ своемъ разсказѣ о дѣлѣ подъ Мечкой, я остановился на томъ, что, отбивши турокъ, мы расположились въ деревнѣ. На другой день рано утромъ къ намъ пріѣхалъ нашъ полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ

Мягковъ, съ извѣстіемъ, что и остальные баталіоны, 1-й и 2-й, скоро придутъ къ намъ на подрѣпленіе.

Если намъ не удалось отпраздновать первый день Рождества, за то мы были порадованы подъ конецъ дня своей побѣдой и этимъ во сто кратъ были вознаграждены. Между тѣмъ, положеніе оставшихся въ Смольскѣ нашихъ баталіоновъ было не въ примѣръ хуже нашего. Мы, по крайней мѣрѣ, знали, чѣмъ кончилось наше путешествіе, мы уже совершенно успокоились. 1-й же и 2-й баталіоны въ это время испытывали и физически и нравственно крайне тяжелое положеніе. Вечеромъ 25-го же числа казакъ, посланный изъ штаба дивизіи въ Смольску съ приказаніемъ 1-му и 2-му батальонамъ немедленно выступить въ Мечку къ намъ на подкрѣпленіе, распространилъ по деревнѣ ужасное извѣстіе, что мы почти всѣ перебиты. Онъ ѣздилъ по деревнѣ и кричалъ, что турокъ видимо-невидимо навалилось на насъ, и что скоро съ нами совсѣмъ покончатъ. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести подобное извѣстіе на всѣхъ, и на солдатъ въ особенности. Спасибо тутъ нашему старшему доктору Ракитанскому: всѣ были заняты поспѣшнымъ приготовленіемъ къ выступленію, а онъ тѣмъ временемъ прекратилъ это безобразіе со стороны казака, и съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ постарался парализовать впечатлѣніе этого извѣстія, увѣряя солдатъ, что казаки всегда говорятъ, что непріятеля видимо-невидимо. Тѣмъ не менѣе положеніе было неопредѣленное, кромѣ только того, что у насъ идетъ бой съ турками. Съ тяжелымъ чувствомъ этой неопредѣленности выступили 1-й и 2-й баталіоны изъ Смольски. Если намъ, при совершенно мирномъ путешествіи по горамъ и вдобавокъ еще днемъ, переходъ до Мечки былъ затруднителенъ, то каковъ-же онъ долженъ былъ показаться 1-му и 2-му баталіонамъ ночью, когда, кромѣ этого, каждую миниту нужно думать, не поздно ли, нужно спѣшить, не разбирая уже, гдѣ хорошо, гдѣ худо идти, обрываться, скользить на каждомъ шагу, и этимъ еще болѣе замедлять движеніе. Въ Петричевѣ баталіоны были задержаны еще раздачей лишнихъ патроновъ, такъ какъ въ штабѣ дивизіи было извѣстно уже о недостаткѣ патроновъ у насъ.

Какъ бы то ни было, но наше дѣло было уже кончено; баталіоны пришли уже на другой день и были несказанно обрадованы, найдя насъ цѣлыми и невредимыми. Съ ихъ приходомъ наше положеніе въ Мечкѣ закрѣпилось, на случай новаго нападенія турокъ. Да врядъ ли, впрочемъ, они и вздумали повторить его, потерпѣвъ такую неудачу. Хотя, нужно сказать, наша осторожность относительно турокъ, благодаря ихъ попыткѣ перейти въ наступленіе, была до ежеминутнаго ожиданія ихъ появленія. Турки не очищали своихъ позицій, занятыхъ по гребню горъ, окружающихъ долину Мечки со стороны Панагюриште, а въ этой деревнѣ, по разсказамъ болгаръ, бѣжавшихъ оттуда, сосредоточилась армія Сулеймана-паши. Панагюриште-же отъ Мечки находилось всего въ десяти вер-

стахъ. Возможность, стало быть, новаго нападенія не исчезала. Благодаря этому ожиданію, первые дни нашей стоянки въ Мечкѣ были очень тревожны. Каждый день раздавался сигналъ тревоги по деревнѣ, роты выходили на заранѣе назначенныя имъ мѣста, но тревога оказывалась напрасною: турецкія колонны, показывавшіяся на гребнѣ горъ и въ долинѣ, оказывалось, смѣняли стоявшія здѣсь части войскъ.

28-го числа въ Мечкѣ сосредоточились уже три полка, прибыли Кексгольмскій гренадерскій полкъ и остальные баталіоны С.-Петербургскаго. Втащили даже два орудія.

Вмѣсто ожидаемаго нападенія 28-го же числа съ турецкой стороны въ пятомъ часу дня пріѣхалъ къ намъ парламентеръ со всѣми знаками своего званія, съ бѣлымъ флагомъ и трубачемъ. Очень представительный полковникъ, свободно изъясняется по французски. Онъ привезъ письмо отъ Шакира-паши, начальника турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Панагюриште. Въ своемъ письмѣ Шакиръ-паша увѣдомляетъ генерала, начальника русскихъ войскъ въ Мечкѣ, что имъ изъ Константинополя получена телеграмма, извѣщающая о заключеніи перемирія. Условій перемирія онъ еще не знаетъ, но, основываясь на телеграммѣ, проситъ до разъясненія подробностей не предпринимать рѣшительныхъ дѣйствій, во избѣжаніе недоразумѣній. Если-же генералъ не приметъ во вниманіе этого извѣстія, то Шакиръ-паша проситъ объ этомъ увѣдомить. Парламентеру обѣщано на другой день дать знать о нашемъ рѣшеніи. Съ этимъ онъ и уѣхалъ. Письмо Шакира-паши было тотчасъ-же послано въ Петричево, къ командующему дивизіей генералъ-маіору Курлову. На другой день, 29-го, утромъ отъ насъ былъ посланъ нашего полка штабсъ-капитанъ Неовіусъ парламентеромъ къ туркамъ съ письмомъ къ Шакиру-пашѣ, въ которомъ его увѣдомляли, что по неимѣнію съ нашей стороны никакихъ извѣстій о перемиріи, мы оставляемъ за собой свободу дѣйствій. Послѣдствія этого увѣдомленія мы узнали на другое-же утро: въ ночь турки очистили свои позиціи и отступили изъ Панагюриште. А намъ между тѣмъ 29-го же числа изъ штаба генералъ-адъютанта Гурко прислана была диспозиція, которой предписывалось снова начать общее наступленіе. Утромъ 30-го въ Мечку пріѣхалъ генералъ Криденеръ, къ корпусу котораго мы были въ это время прикомандированы. Всѣ три полка были выведены на площадь передъ Мечкой для встрѣчи корпуснаго командира. Генералъ Криденеръ объѣхалъ полки, поблагодарилъ за службу и, остановившись передъ нашимъ полкомъ, вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ рѣчь, въ которой выразилъ надежду, что офицеры поддержатъ славу и честь полка. Причиной такого особеннаго благоволенія къ нашему полку было то, что генералъ Криденеръ самъ служилъ въ нашемъ полку, что онъ и заявилъ въ началѣ своей рѣчи. По объѣздѣ генералъ Криденеръ пожелалъ пропустить полки мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Мѣстность не вполнѣ благопріятствовала такому про-

хожденію, лошадь генерала Криденера завязла въ снѣгу и еле выкарабкалась. Пришлось поэтому отыскивать мѣсто менѣе снѣжное. Прошлись по кочкамъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, перескакивая иногда черезъ турецкіе трупы.

Вечеромъ того-же дня нашъ полкъ выступилъ въ Панагюриште; остальные должны были выступить на слѣдующій день.

Панагюриште—громадное и богатѣйшее болгарское село, это цѣлый городъ. Постройка домовъ, порядокъ, чистота, костюмъ жителей—все это сразу давало чувствовать, что жители находятся въ цвѣтущемъ благосостояніи. И видъ ихъ не былъ такой забитый и приниженный, какой мы встрѣчали до сихъ поръ. Напротивъ, народъ все видный, красивый, бодрый и довольный. Громадное количество магазиновъ и лавокъ показывало, что городъ производитъ большую торговлю. Товары большою частью мѣстнаго, болгарскаго происхожденія.

Не смотря на то, что здѣсь до нашего прихода долго пировали и веселились турки, опустошить запасы города имъ однако не удалось. Болгары приняли насъ и угощали всѣмъ съ радушіемъ, какое трудно описать. Впрочемъ, если на что и былъ значительный расходъ во время пребыванія здѣсь турокъ, такъ это на вино. Хозяинъ моей квартиры разсказывалъ мнѣ, что у него стоялъ турецкій паша, который съ ранняго утра то и дѣло требовалъ себѣ вина, такъ что хозяинъ не успѣвалъ подносить ему бутыль за бутылью. Такимъ-же времяпровожденіемъ занимались и прочіе паши.

Къ сожалѣнію, намъ не пришлось воспользоваться радушіемъ хозяевъ, чтобы встрѣтить новый годъ. Наше мѣсто 31-го числа заняли остальные полки дивизіи, а мы отправились дальше въ с. Попенцы, гдѣ встрѣтили новый годъ уже не съ такой роскошью, такъ какъ эта деревня представляла совершенный контрастъ съ Панагюриште.

На слѣдующій день, 1-го января, нашему полку приказано дойти до Татаръ-Базарджика, расположиться въ немъ на ночлегъ, и озаботиться распредѣленіемъ квартиръ для остальныхъ полковъ дивизіи. Подобное распоряженіе было сдѣлано въ виду того, что Татаръ-Базарджикъ, по свѣдѣніямъ, былъ очищенъ турками. Впереди насъ пошла сотня казаковъ.

Однако до Татаръ-Базарджика мы не дошли, во-первыхъ, по громадности перехода, такъ какъ до него отъ Попенцовъ было слишкомъ сорокъ верстъ, а во-вторыхъ потому, что, подходя къ Татаръ-Базарджику, мы узнали, что онъ занятъ значительнымъ турецкимъ отрядомъ. Остальные-же полки находились отъ насъ въ цѣломъ переходѣ. Имъ было послано приказаніе немедленно двинуться къ намъ, не останавливаясь въ Попенцахъ.

Становилось уже темно, а мы находились еще верстахъ въ десяти отъ Татаръ-Базарджика, около деревни Гомилены. Дальнѣйшее наше движеніе задержано было еще на нѣсколько времени появленіемъ вправо отъ насъ колонны войскъ, направлявшихся тоже къ Татаръ-Базарджику. По даль-

ности разстоянія трудно было различить, свои это или турки, отступавшіе отъ Ихтимана. Для объясненія въ эту сторону былъ посланъ кавалерійскій разъѣздъ. По всей вѣроятности, и оттуда была замѣчена наша колонна съ подобнымъ-же сомнѣніемъ, потому что и съ ихъ стороны по направленію къ намъ тоже показались разъѣзды. Послѣ нѣсколькихъ осторожныхъ маневровъ, съ цѣлью уяснить себѣ по возможности скорѣе, кто находится передъ ними, и тѣ и другіе разъѣзды смѣлымъ движеніемъ бросились на встрѣчу другъ къ другу. Оказалось, что это была колонна графа Шувалова.

Еще задолго до этого мы замѣтили между собой и городомъ двѣ или три зажженныя деревни. Дымъ отъ пожара скрывалъ отъ насъ самый городъ. Въ то-же время въ направленіи города слышались ружейные и иногда пушечные выстрѣлы. Впереди насъ, какъ я сказалъ, находилась казачья сотня, которая далеко обогнала нашъ пѣшій отрядъ. Изъ этой-то сотни и было послано донесеніе генералу Криденеру, ѣхавшему при нашемъ полку, что Татаръ-Базарджикъ занятъ турками.

Генералъ Криденеръ приказалъ нашему полку занять деревню Гомилены и остановиться въ ней на ночлегъ.

Со всѣми предосторожностями вошли мы въ деревню, пославши предварительно цѣпь для осмотра деревни. Турокъ въ ней не оказалось. Но по тѣснотѣ мѣста весь полкъ не могъ расположиться въ этой деревнѣ и цѣлый первый баталіонъ *) былъ выдвинутъ впередъ версты на двѣ, въ слѣдующую деревню. Ночлегъ 1-го баталіона, въ смыслѣ продовольствія, былъ великолѣпный, такъ какъ турки, въ поспѣшномъ бѣгствѣ, не успѣли въ ней похозяйничать,—всего было вдоволь. Но за то, съ другой стороны, ночлегъ былъ очень тревоженъ, такъ какъ турки расположились по сосѣдству, и перестрѣлка не умолкала цѣлую ночь.

2-го января вся дивизія выступила съ мѣста ночлега къ Филипопольскому шоссе, чтобы стать на пути отступленія турокъ изъ Татаръ-Базарджика. Мы уже направлялись къ городу, какъ получено было донесеніе, что Татаръ-Базарджикъ занятъ уже колонной графа Шувалова; часть войскъ поспѣшила сѣсть на желѣзную дорогу, а другая бросилась бѣжать по правому берегу Марицы. Преслѣдовать эту часть направилась колонна графа Шувалова, а намъ приказано повернуть на Филипополь.

*) За исключеніемъ 1-й роты, которая еще изъ Потопа была прикомандирована къ штабу генералъ-адъютанта Гурко. При дальнѣйшемъ движеніи отряда, она была оставлена въ Ташкисенѣ для уборки раненыхъ и убитыхъ въ Ташкисенскомъ дѣлѣ, а за тѣмъ уже, послѣ долгихъ перипетій, ей удалось снова соединиться съ полкомъ только въ Силиврѣ.

Кстати здѣсь сказать, что отъ нашего полка послѣ Петричевскаго дѣла, была откомандирована еще одна, 5-я рота, для занятія селенія Мирково; ротный командиръ ея остался комендантомъ этого села. Она присоединилась къ полку уже въ Адріанополѣ.

Такъ что послѣ 21-го декабря полкъ находился въ составѣ 14-ти ротъ.

Въ этотъ день, поздно вечеромъ, мы достигли деревни Цалапицы. Подходя къ этой деревнѣ вправо, мы увидѣли громадные костры. Это была, по всей вѣроятности, колонна графа Шувалова, расположившаяся на томъ берегу Марицы. Слѣва въ Цалапицу подходила колонна нашихъ войскъ, кажется, изъ Шипкинскаго отряда.

Часа два прошло, пока наконецъ кой-какъ удалось размѣстить роты по хатамъ. При стеченіи большаго количества войскъ, это было довольно трудно, а между тѣмъ усиливающійся морозъ заставлялъ какъ можно скорѣе каждаго пріютиться гдѣ нибудь около огонька, погрѣться и расположиться на отдыхъ. На завтра выступленіе назначалось еще до разсвѣта. Нашей дивизіи предписывалось обходное движеніе, по проселочнымъ дорогамъ выйти къ сѣверной окраинѣ Филипополя и вмѣстѣ съ остальными войсками, долженствующими къ тому-же времени окружить Филипополь, аттаковать его.

Эти обходныя движенія дались ужъ намъ. Все время почти приходилось путешествовать по проселочнымъ дорогамъ. А въ настоящее время при дневной оттепели проселочныя дороги представляли собой куда какъ неприглядную картину: и по дорогѣ, и по бокамъ невылазная грязь отъ таявшаго снѣга и оттаивающей промерзлой почвы.

Утромъ 3-го января, на дворѣ еще было совершенно темно, когда по всей деревнѣ раздались звуки сигнала «подъемъ!». Разсѣянныя по всей деревнѣ части начали собираться на заранѣе назначенныя мѣста. Выступленіе однако нѣсколько замедлилось. По предыдущей диспозиціи намъ слѣдовало идти въ одну сторону деревни,—сюда и повелъ насъ проводникъ. Но въ это время получено было другое приказаніе — выйти на Филипопольское шоссе и по немъ уже направляться къ Филипополю. Въ ночь получены были свѣдѣнія, что Филипополь очищенъ турками, и обходное движеніе отмѣнялось,—всѣ войска направлены прямо по шоссе. Нужно было двинуться въ совершенно противоположную сторону, а такъ какъ баталіоны уже шли въ это время по первоначальному направленію, то полковому адъютанту, штабсъ-капитану Мягкому, стоило не мало труда, чтобы въ темнотѣ отыскать баталіоны, двигавшіеся по разнымъ улицамъ, и передать имъ только что полученное новое приказаніе. Въ одномъ мѣстѣ, именно около нашего баталіона, онъ едва не поплатился жизнью или, по меньшей мѣрѣ, ногой. Въ темнотѣ трудно было видѣть, гдѣ ѣдешь, улицы-же, и безъ того узкія, были завалены цѣлыми кучами навоза и мусора. Вслѣдствіе дневной оттепели снѣгъ на навозѣ растаялъ, а ночной морозъ обратилъ эти кучи въ ледяныя горы. На одну изъ такихъ кучъ и наѣхалъ Мягковъ и, отдавши приказаніе, хотѣлъ было повернуть назадъ, но моментально вмѣстѣ съ лошадью рухнулся на землю. Къ счастью, онъ упалъ очень удачно и отдѣлался только сильнымъ ушибомъ.

Замедленіе наше въ Цаланицѣ не имѣло однако большаго значенія так какъ скоро мы должны были около получаса ожидать, пока мимо насъ пройдетъ кавалерія. Двинувшись далѣе, мы опять услышали, что Филипполь еще въ рукахъ турокъ. Но вслѣдъ затѣмъ, по выходѣ на Филипопольское шоссе, снова подтверждено прежнее извѣстіе объ очищеніи города.

Идя теперь уже въ полной увѣренности, что впереди насъ ожидаетъ только ночлегъ въ городѣ—въ первомъ еще городѣ турецкомъ,—зная, что турки бѣгутъ передъ нами со всѣхъ ногъ, вызвали впередъ музыку и пѣсенниковъ.

Звуки полковой музыки, веселыя пѣсни солдатъ оживили весь отрядъ. Бодро и весело шли солдатики, разговаривая и пошучивая. Легкій утренній морозецъ еще болѣе подбадривалъ, а хорошая, твердая дорога подъ ногами не оставляла желать ничего лучшаго.

Впереди передъ полкомъ со всѣмъ своимъ штабомъ ѣхалъ командующій нашей бригадой генералъ Курловъ. Къ нему присоединился и командующій нашимъ полкомъ полковникъ Оберъ. Капитанъ Игнатьевъ только что вступившій въ командованіе нашимъ 4-мъ баталіономъ, вмѣстѣ съ своими ротными командирами, тоже на лошадяхъ, составлялъ продолженіе свиты генерала Курлова.

Вотъ, наконецъ, вдали показался и Филипополь на своихъ двухъ горахъ. Странное явленіе представляютъ эти двѣ горки, точно сироты возвышающіяся посреди необозримой и совершенно плоской равнины, долины р. Марицы. Налѣво еле-еле видны покрытые снѣгомъ Балканы, направо, немного ближе, виднѣются Родопскія горы, Деспотодагъ. Между этими предѣлами ни одного сколько нибудь значительнаго возвышенія,—сплошная равнина. И будто силой оторваны гдѣ-то двѣ скалы и перенесены на средину этой равнины. Къ этимъ скаламъ и прилѣпился Филипополь.

Завидя его, нѣкоторые офицеры вызвались отправиться впередъ, чтобы заранѣе, до прихода всѣхъ войскъ, сдѣлать нѣкоторыя закупки различныхъ припасовъ, въ которыхъ офицеры чувствовали крайній недостатокъ, и все упованіе возлагали на Филипополь. Но пока на этотъ вызовъ не послѣдовало отъ начальства одобренія.

А между тѣмъ наше вниманіе было привлечено чернѣвшими вправо отъ насъ длинными колоннами войскъ. Куда они двигались, къ Филипполю или отъ него, трудно было различить. Какъ будто бы вправо, т. е. изъ Филипополя, но кому-же оттуда идти, когда Филиппополь еще раньше очищенъ турками. Вѣроятно, это графъ Шуваловъ съ той стороны Марицы тоже подходитъ къ Филипополю. Скоро однако это разъяснилось. Впереди насъ находился генералъ Красновъ съ казаками и казачьими батареями. Не успѣли мы порядочно вглядѣться въ движеніе этихъ сомнительныхъ колоннъ, какъ видимъ, что вправо отъ шоссе лихо неслись четыре

казачьи орудія и мигомъ залпъ за залпомъ послѣдовали по направленію этихъ колоннъ. Значитъ, дѣйствительно колонны двигаются изъ Филипополя, значитъ, эти колонны турецкія и, значитъ, турки только что теперь очищаютъ Филипополь.

Мы однако продолжали спокойно двигаться по шоссе. Генералъ Красновъ подъѣхалъ къ намъ на встрѣчу и отъ него мы тутъ въ первый разъ достовѣрно узнали, что Филипполь вовсе не очищенъ турками. Только теперь они начали очищать сѣверное предмѣстье, находящееся по сю сторону Марицы и, спасаясь отъ нашего преслѣдованія, зажгли мостъ черезъ Марицу.

Слѣдомъ, впрочемъ, за словами генерала Краснова, турки поспѣшили подтвердить ихъ: совершенно внезапно надъ нашими головами прошипѣла граната... Музыканты и пѣсенники—по своимъ мѣстамъ, баталіонъ—стройся по ротно. 1-я стрѣлковая, разсыпавшись, пошла впередъ и влѣво отъ шоссе, 2-я вправо, остальныя за нами. Слѣдующіе баталіоны сошли съ шоссе влѣво. 1 я бригада направлена влѣво по полямъ, чтобы подойти къ сѣверной оконечности города. Кавалерія и артиллерія также направлены влѣво. Гранаты одна за другой посыпались на насъ, но откуда, неизвѣстно; смотришь по направленію ея полета,—буквально ничего не видать, точно орудіе стрѣляетъ безъ дыму. Но у турокъ дистанціи, должно быть, хорошо были вымѣрены: только первая совершенно безвредно пронеслась надъ нами, вторая попала въ средину эскадрона, свернувшаго влѣво, и вынесла оттуда нѣсколько жертвъ, третья какъ разъ угодила въ орудійныхъ лошадей, снявши съ ними и ѣздоваго. Что было дальше тутъ, я уже не знаю, потому что въ это время я уже занятъ былъ своей ротой. Точно также невѣдомо, откуда посыпались справа пули. Я не зналъ пункта, который намъ предстояло аттаковать, и потому пошелъ къ капитану Игнатьеву за разъясненіемъ и въ то же время съ просьбой, если не предстоитъ только аттака какого либо пункта правѣе шоссе, перевести роту за шоссе. Шоссе въ этомъ мѣстѣ было возвышенное и представляло собой отличный эполементъ для идущихъ лѣвѣе его. Капитанъ Игнатьевъ разрѣшилъ перевести роту. Пули такъ и защелкали по шоссе въ то время, когда рота снова поднялась на него — она представляла въ этотъ моментъ единственную цѣль, всѣ остальныя части скрылись уже за шоссе. Но всѣ до единаго человѣка совершенно благополучно перебрались, никого не задѣло.

Дальнѣйшее движеніе было уже не такъ легко,—глубокій снѣгъ лежалъ еще по бокамъ дороги. До города оставалось еще около версты. Во время этого движенія мы потеряли трехъ человѣкъ: мѣстами приходилось показываться изъ-за шоссе, а турки неумолкаемо палили въ нашу сторону.

Наконецъ мы достигли первыхъ домовъ предмѣстья, тѣмъ не менѣе идти нужно было съ большой осторожностью: пули безпрестанно сновали вдоль улицъ, шедшихъ къ мосту. 1-я стрѣлковая рота, войдя въ предмѣстье,

пошла влѣво, остальныя также направились въ ту-же сторону, моя-же рота приняла вправо. Вправо и влѣво я считаю отъ моста чрезъ Марицу, соединявшаго предмѣстье съ самымъ городомъ. Великолѣпный старинный мостъ былъ весь въ огнѣ, когда мы вошли въ предмѣстье. Просто жаль было смотрѣть, какъ погибала въ огнѣ эта старинная, красивая постройка. Но что дѣлать — война требуетъ жертвъ и болѣе цѣнныхъ. Спасти мостъ не представлялось уже никакой возможности. Турки разбросали по всему мосту всевозможные горючіе матеріалы и боченки съ порохомъ. То и дѣло на мосту раздавались взрывы, за которыми иногда обрушались въ Марицу цѣлыя арки. Кромѣ того, чтобы помѣшать намъ въ тушеніи огня, на томъ берегу разставлена была сильная турецкая цѣпь, своими выстрѣлами не только не позволявшая близко подходить къ мосту, но даже, какъ я уже упомянулъ, дѣлавшая опаснымъ движеніе по улицамъ и площадямъ предмѣстья. Стрѣлковыя роты расположились въ домахъ, выходившихъ на берегъ Марицы и отсюда старались согнать турокъ съ того берега. Стрѣльба была битая, на выборъ, разстояніе противныхъ сторонъ было на 500, 600 шаговъ. Я самъ въ одномъ домѣ слѣдилъ за стрѣльбою. Это была положительно практическая стрѣльба въ живыя мишени. Стрѣлковъ очень занимала и интересовала такая стрѣльба. Лица ихъ сіяли, когда имъ удавалось послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ пристрѣляться. При мнѣ стрѣлялъ унтеръ-офицеръ Потаповъ. «Вотъ смотрите, ваше благородіе», съ радостнымъ лицомъ обратился онъ ко мнѣ, «вонъ лежитъ турокъ за деревомъ», говорилъ онъ, объясняя подробности мѣстонахожденія турка, «я сейчасъ выстрѣлю въ него, посмотрите, что будетъ». Выстрѣлъ... Не попалъ въ турка, но, видимо, пуля щелкнула около него, — турокъ поспѣшилъ скорѣе отодвинуться и скрыться побольше за дерево, но часть его все таки еще виднѣлась изъ за дерева. Другой выстрѣлъ... Задѣла или не задѣла,—судить объ этомъ, конечно, не всегда возможно, но результатъ былъ тотъ, что турокъ совсѣмъ исчезъ съ своего мѣста и скрылся за домомъ. «Ну, теперь слѣдующій». Переходитъ къ сосѣднему дереву. Разстояніе уже вполнѣ опредѣлилось. Первая-же пуля угодила туркѣ, должно быть, очень не въ хорошее мѣсто, потому что онъ, хотя и остался на своемъ мѣстѣ, но уже больше не стрѣлялъ. Такимъ образомъ стрѣльба продолжалась и дальше. Турки принуждены были оставить берегъ. Но, уйдя отсюда, они засѣли въ домахъ. Сюда ужъ стрѣлять было потруднѣе: вмѣсто живой мишени приходилось направлять выстрѣлы на дымокъ.

Но и у турокъ стрѣлки были не послѣдняго качества. Они стрѣляли также на выборъ и очень мѣтко. Не говорю уже о томъ, что нельзя было показаться имъ на видъ: моментально слѣдуетъ наказаніе за неосторожность,—но и по дымку нашихъ выстрѣловъ они стрѣляли поразительно мѣтко. Потаповъ стрѣлялъ изъ маленькаго окошечка на второмъ этажѣ дома, занятаго однимъ отдѣленіемъ моихъ стрѣлковъ. Окошечко это выходило не прямо на рѣку, а было въ боковомъ лѣвомъ фасѣ. Такъ вотъ, когда онъ со-

гналъ нѣсколько турокъ съ берега и они засѣли въ домахъ, то по всей вѣроятности они запримѣтили, откуда летятъ въ нихъ мѣткія пули. Лишь только Потаповъ выстрѣлилъ въ окно дома, гдѣ засѣли турки, какъ почти тотчасъ турецкая пуля влѣпилась въ лѣвый косякъ окошка. «Нѣтъ, ваше благородіе, отойдите лучше отсюда, а то неравно задѣнетъ какая», посовѣтовалъ мнѣ Потаповъ, прибавивъ при этомъ, что «хоть и въ стѣнку попадетъ, такъ пробьетъ, какъ листъ бумаги.» Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ вторая пуля попала лѣвѣе окна въ стѣну, пробила ее и другую поперечную и щелкнула гдѣ-то въ балку. Это предупрежденіе было очень дѣйствительно, такъ что я пересталъ наблюдать дѣйствіе его выстрѣловъ, отошедши по правую сторону окошка. Стѣны, въ самомъ дѣлѣ, служили только закрытіемъ отъ взора, но не защитою отъ пуль. Да и трудно было требовать этого отъ тонкой стѣнки, сдѣланной изъ глины съ примѣсью мелкаго камня; этотъ камень только увеличивалъ опасность въ подобномъ закрытіи, что очень скоро обнаружилось. Одна изъ слѣдующихъ турецкихъ пуль попала въ стѣнку по близости Потапова, какъ разъ угодивши въ какой-то камешекъ, осколокъ котораго отскочилъ въ руку Потапова, и проѣхался по косточкамъ, сильно контузивши ее, такъ что онъ не могъ согнуть пальцевъ.

Отправивши Потапова на перевязочный пунктъ (съ котораго онъ вернулся скоро обратно, перевязавши руку), я сошелъ внизъ и присоединился къ обществу, собравшемуся у того-же дома. Здѣсь находился капитанъ Игнатьевъ, съ которымъ мы вмѣстѣ вошли въ предмѣстье и который остался при моей ротѣ, и Ромашевъ. Сюда греки и болгары притащили хлѣба, вина, грецкихъ орѣховъ и разныхъ разностей. Закусить уже вполнѣ была пора, но еще болѣе утолить жажду. Вино, впрочемъ, было не изъ хорошихъ, но въ то время было, конечно, не до качества. Принесли было и своей ракіи, но ее въ ротъ нельзя взять, до того противенъ ея вкусъ. Конечно, спасибо жителямъ за такое радушіе и гостепріимство, но оно было опасно относительно солдатъ. Цѣлыми тыквами и чашками жители таскали и угощали солдатъ, въ своемъ радушіи не видя ничего дурнаго. Но отъ неразвитаго солдата трудно ожидать умѣренности въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ все время приходилось быть въ проголодь. Поэтому пришлось спасать своихъ солдатъ отъ излишней любезности жителей, учредить строгій надзоръ и возвращать жителей съ ихъ приношеніями.

Вскорѣ къ намъ присоединился генералъ Курловъ, оставшійся съ нами уже до вечера. Пріѣхалъ и полковникъ Оберъ, а слѣдомъ за нимъ подпоручикъ Рославлевъ съ какимъ-то донесеніемъ къ командующему полкомъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ свое приключеніе при входѣ въ предмѣстье. Изъ одного дома, мимо котораго онъ проходилъ, раздался выстрѣлъ, направленный въ него. Пуля пролетѣла мимо. Солдаты тотчасъ-же бросились въ домъ. Выстрѣлившій оказался турецкимъ офицеромъ, котораго солдаты тотчасъ-же прикололи штыками. И онъ былъ не одинъ, попавшій на штыкъ;

ясно, стало быть, что не всѣ еще турки успѣли перебраться на ту сторону Марицы. Мы съ капитаномъ Игнатьевымъ удивлялись только одному, что намъ такъ благополучно удалось пройти по предмѣстью, тѣмъ болѣе, что Рославлевъ вошелъ сюда уже послѣ насъ.

Между тѣмъ, въ это время и остальные баталіоны нашего полка подошли къ намъ и встали не вдалекѣ въ колоннѣ. Можетъ быть, туркамъ видна была съ ихъ шпица, на которомъ они установили свои орудія, наша колонна, или-же они вообще стрѣляли по предмѣстью, въ надеждѣ попасть въ кого нибудь или зажечь дома, но только одна граната разорвалась какъ разъ надъ самымъ 3-мъ баталіономъ.

Впрочемъ, вообще, турки не скупились на гранаты и крестили ими предмѣстье вдоль и поперегъ, безъ особеннаго, однако, вреда для насъ. При этомъ видимо они направляли свои выстрѣлы на лучшіе дома. Невдалекѣ отъ насъ находился домъ какого-то Омера-паши, очень красивый по наружности. Турки сдѣлали по немъ нѣсколько выстрѣловъ, но имъ удалось сбить только одну трубу. Нѣкоторые офицеры, выслушавъ разсказъ одного изъ жителей о богатствѣ этого дома, пожелали осмотрѣть и его внутренность. Вотъ эта-то группа офицеровъ, замѣченная, по всей вѣроятности, въ бинокль съ турецкой батареи и послужила цѣлью ихъ выстрѣловъ. Убранство внутреннихъ покоевъ, дѣйствительно, было роскошное, но жаль только, что стѣны были слишкомъ хрупки. Во время осмотра во внутрь комнаты влетѣла турецкая пуля, пронизавшая стѣну. Это обстоятельство принудило нашихъ офицеровъ отложить свой осмотръ до болѣе удобнаго времени. А тутъ еще вдобавокъ граната неловко задѣла за трубу.

Вечеромъ стрѣльба затихла, но мостъ продолжалъ горѣть цѣлую ночь. Догорали остатки около того берега. Рано утромъ 4-го января въ сторонѣ города и правѣе его слышалась ружейная трескотня. Но передъ разсвѣтомъ уже какой-то болгаринъ, перебравшись ли на ту сторону изъ предмѣстья, или-же прямо изъ города къ намъ, не знаю навѣрное, донесъ, что турки окончательно очистили городъ, ни одного не осталось.

Сообщеніе съ городомъ было однако окончательно прервано. Было предложено много проэктовъ для переправы, хотѣли искать бродъ. Но остановились на томъ, чтобы сдѣлать мостки около сгорѣвшаго моста, для перехода пѣхоты. Артиллерію и тяжести рѣшено перевезти на паромахъ. Устройство мостковъ, однако, было дѣло нелегкое, такъ какъ быстрое теченіе Марицы сносило всѣ матеріалы. Тѣмъ не менѣе искусство превозмогло наконецъ природу. Кой-какъ удалось таки настлать доски. Живѣйшее и дѣятельнѣйшее участіе принимали въ устройствѣ переправы греки и болгары. Они несли всевозможные матеріалы: дверей, досокъ, балокъ, длинныхъ бревенъ нанесено было громадное количество и съ той и съ другой стороны. Чуть-ли не половина матеріаловъ осталась безъ всякаго употребленія. Для укрѣпленія длинныхъ бревенъ и балокъ воспользовались частями

арокъ и перильной желѣзной рѣшотки, обрушившимися въ рѣку. Укрѣпивши нѣсколько бревенъ по ширинѣ, начали укладывать настилку изъ досокъ и дверей и потомъ сверху снова наложили бревенъ. Настилка, конечно, наложена была въ самомъ живописномъ безпорядкѣ, сломать ногу или полетѣть съ нее ничего не значило. Но дѣло не въ томъ,—лишь бы было по чемъ перейти. Переправа, поэтому, требовала большой осторожности, тѣмъ болѣе, что, не смотря на массу набросанной настилки и, вообще, матеріалу, прочность моста была подвержена большому сомнѣнію. Напоръ воды былъ слишкомъ силенъ, чтобы ему помѣшать разнести по кусочкамъ весь мостъ.

Стали переходить по одному человѣку на пять шаговъ дистанціи. Такъ какъ о туркахъ уже и слуху нѣтъ, то музыка перешла первая, чтобы достойнымъ и торжественнымъ образомъ войти въ городъ. За музыкой пошелъ нашъ баталіонъ справа по-ротно. Командующій полкомъ перешелъ первымъ. На той сторонѣ весь городъ былъ усѣянъ массою жителей, въ праздничныхъ нарядныхъ костюмахъ, высыпавшихъ на встрѣчу побѣдителямъ. Картина была живописная. Всѣ съ низкими поклонами привѣтствовали насъ. Взобравшись по развалинамъ какого-то дома,мы, наконецъ, вступили въ городъ. Музыка остановилась, чтобы дать время полку собраться и построиться въ порядокъ. *Но всего полка* долго ожидать, да надо и мѣсто очистить для сбора *позади*. Лишь только 1-я стрѣлковая рота построилась по отдѣленіямъ, двинулись дальше. Музыка заиграла торжественный маршъ и мы стройно, въ порядкѣ, начали свое вступленіе въ городъ. Мы шли медленно, чтобы дать время переходившимъ подбираться и становиться на мѣста.

Но... оглядываюсь назадъ — людей моей роты что-то очень мало. Накидываюсь на фельдфебеля за медленный сборъ роты. «Да вся рота, ваше благородіе, на той сторонѣ еще, тутъ не больше, какъ человѣкъ двадцать нашихъ».—Какъ, на той сторонѣ? Зачѣмъ?—«Да мостъ сломался, всѣ и остались тамъ, пока починяютъ». Доложивши объ этомъ командующему полкомъ, я отправился назадъ, къ переправѣ. Тутъ суматоха страшная,—греки и болгары изъ всей кожи лѣзутъ, стараются помогать, опять таскаютъ всякій матеріалъ, суетятся, бѣгаютъ, а главное и больше всего кричатъ, сколько силъ хватаетъ. Стонъ стоитъ въ воздухѣ отъ ихъ криковъ....

Въ одномъ мѣстѣ часть моста не выдержала напора воды и была снесена теченіемъ. Спасибо еще, что никто не попалъ при этомъ въ воду.

Начальство разноситъ виноватыхъ въ недосмотрѣ, болгары и греки кричатъ, что есть силы, однако дѣло очень медленно подвигается впередъ, даже, можно сказать, совсѣмъ не подвигается, потому никакъ съ водой не могутъ управиться, все несетъ что ни положи, веревки никакъ не уцѣпишь, не прикрѣпишь къ твердому мѣсту. Вода такъ и хлещетъ черезъ мостъ, того гляди и остальному не сдобровать. Работаютъ чуть не по поясъ въ водѣ, съ опасностью ежеминутно быть снесенными...

Цѣлый часъ провозились, пока наконецъ удалось справиться съ бурной стихіей. Переправа снова началась еще съ большей осторожностью, пускали по очереди, не дозволяя слѣдующему ступить на мостки, пока предъидущій не отойдетъ на безопасное для моста разстояніе. Переправа тянулась очень медленно. Начинало темнѣть, когда полкъ наконецъ перебрался весь.

Этимъ временемъ мы воспользовались, чтобы сдѣлать себѣ нѣкоторыя закупки, а кромѣ того, надо было поразмыслить и о закускѣ, потому что мы въ этотъ день еще ничего не ѣли. Солдатамъ тотчасъ-же по вступленіи въ городъ жители нанесли массу хлѣба, лепешекъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Офицеры отправились искать какой нибудь ресторанъ. Въ одномъ биткомъ было набито офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, успѣвшихъ переправиться другими путями. Хозяинъ и приказчики съ ногъ сбились, подавая желаемое. Кофе, чаю, вина, сколько угодно, но закуски никакой. Мы съ штабсъ-капитаномъ Неовіусомъ накупили вмѣстѣ разныхъ запасовъ какъ для себя, такъ и для офицеровъ, не успѣвшихъ еще найти этотъ ресторанъ и въ заключеніе распили по случаю вступленія въ Филиппополь бутылку шампанскаго—на тощій желудокъ: всѣ наши поиски за какимъ-бы то ни было обѣдомъ были тщетны. Вдобавокъ мы спѣшили возвратиться къ полку, опасаясь, чтобы онъ не ушелъ безъ насъ.

Но наши опасенія были напрасны, долго еще пришлось ожидать, пока всѣ собрались. Въ это время мы дополнили нѣсколько свое обозрѣніе Филиппополя. Городъ намъ показался очень грязнымъ. Улицы узенькія, кривыя, мостовая отвратительная. Картина еще болѣе омрачалась развалинами, обломками нѣкоторыхъ зданій. Кто ихъ разрушилъ, не знаю. Многія лавки на той улицѣ, гдѣ мы стояли, были очевидно разграблены, товары въ безпорядкѣ валялись повсюду. Эта картина, конечно случайная, временная, не относящаяся къ постоянному виду города. Но вообще впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ города было не въ его пользу. Мнѣ не удалось видѣть, къ сожалѣнію, лучшей части города, того мѣста, гдѣ находится конакъ. Потомъ съ полкомъ пришлось все время проходить только по узкимъ и грязнымъ уличкамъ, вдобавокъ еще въ темнотѣ.

По выходѣ на другой конецъ города, намъ приказано было расположиться на ночлегъ на его южной окраинѣ, въ южномъ предмѣстьѣ.

Турки, однако, не всѣ убрались изъ города. Нѣкоторые фанатики остались, и послѣ нашего размѣщенія на квартирахъ было сдѣлано съ ихъ стороны нѣсколько покушеній напасть на одиночныхъ солдатъ. Такъ что ходить вечеромъ одному надо было съ большой оглядкой.

II.

5-го января въ страшную рань раздался подъемъ. Было еще совершенно темно. Въ седьмомъ часу мы двинулись въ путь. Первая картина, представившаяся нашимъ глазамъ въ темнотѣ, былъ пожаръ вправо отъ дороги. Горѣлъ монастырь, зажженный еще наканунѣ турками. Утромъ догорали уже остатки.

Что дѣлалось впереди насъ, мы ничего не знали. Обыкновенная суматоха при раннемъ сборѣ съ ночлега насъ нисколько не удивила. Если и приходилось немного поспѣшить, то въ этомъ мы были виноваты сами, нашъ баталіонъ на этотъ разъ немного проштрафился, опоздалъ относительно другихъ баталіоновъ выступить изъ города. Но такъ какъ мы назначены были идти въ головѣ полка, то пришлось нѣсколько прибавить шагу, чтобы обогнать полкъ и артиллерію. А очутившись на своемъ мѣстѣ, мы уже съ спокойной совѣстью продолжали свое путешествіе, не задаваясь особыми вопросами о раннемъ выступленіи,—къ этому мы уже привыкли.

По дорогѣ при переходѣ черезъ желѣзную дорогу мы наткнулись на нѣсколько непріятныхъ картинъ, — слѣды турецкаго звѣрства. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ лежалъ остовъ маленькаго человѣчка, вполнѣ уже сформировавшагося, а черезъ нѣсколько шаговъ лежала, распластавшись на землѣ, и его несчастная мать. Она находилась, вѣроятно, уже на исходѣ беременности. Сколько мукъ и терзаній вынесла бѣдная женщина, пока съ ней не прикончили!... Съ подобными-же картинами мы встрѣтились еще и въ слѣдующей деревнѣ Пашѣ-Магалѣ. Тамъ точно также лежало по дорогѣ нѣсколько выкидышей рядомъ съ своими растерзанными и изуродованными матерями...

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда мы подходили къ Пашѣ-Магалѣ. Вправо отъ дороги напротивъ этой деревни виднѣлись еще двѣ деревушки; то были Карагачъ и, немного ближе, Бѣластица. Не смотря на ранній часъ, мы увидѣли какія-то передвиженія нашихъ войскъ отъ Карагача къ Пашѣ-Магалѣ и обратно. Что намъ показалось страннымъ, такъ это то обстоятельство, что передвиженія эти были вовсе не похожи на походный порядокъ. Нѣкоторыя части войскъ стояли въ Пашѣ-Магалѣ, другія-же кучками возвращались изъ Карагача. Что-то какъ будто не совсѣмъ ладное.

Наши недоумѣнія скоро разъяснилъ нашъ бригадный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Шенебееръ, успѣвшій уже съѣздить въ Паша-Магалу и узнать, въ чемъ дѣло. Онъ объявилъ, что мы наткнулись на всю турецкую армію, отступившую изъ Филиппополя и, кажется, на самаго Сулеймана-пашу. Вчера наша 1-я бригада имѣла блистательное дѣло, дралась чуть-ли не цѣлую ночь и отбила у турокъ 23 орудія, которыя вотъ теперь и перетаскиваютъ изъ Карагача. Но турки еще не отступили, си-

дятъ въ деревнѣ и, по всей вѣроятности, намъ предстоитъ еще большое дѣло на сегодня.

О столкновеніи 1-й бригады съ турками говорить, конечно, не мое дѣло; я долженъ только объяснить, какимъ образомъ она попала сюда, совершенно отдѣльно отъ всей дивизіи. Еще 3-го января мы заняли уже предмѣстье Филиппополя; начальникъ дивизіи, генералъ Дандевиль, прислалъ командующему нашей 2-й бригадой, генералу Курлову, приказаніе отыскать бродъ на Марицѣ ниже Филиппополя и, переправившись, направиться на Станимакскую дорогу, чтобы отрѣзать туркамъ путь отступленія. Но генералъ Курловъ послалъ донесеніе, что мы уже заняли предмѣстье и у насъ идетъ дѣятельная перестрѣлка съ турками, которыхъ необходимо согнать съ противоположнаго берега, чтобы потушить горѣвшій мостъ. Вслѣдствіе этого для цѣли, указанной начальникомъ дивизіи, направлена была 1-я бригада, не входившая еще въ предмѣстье и стоявшая въ резервѣ. 4-го января 1-я бригада стояла въ Пашѣ-Магалѣ, а въ ночь съ 4-го на 5-е и произошло столкновеніе съ турками, отступавшими на Станимаку.

Ночью дѣло доходило до штыковой работы, причемъ погибъ поручикъ Кексгольмскаго полка Криггеръ,—поднятъ буквально на штыки турками. Къ утру дѣло было кончено. Литовцы отбили у турокъ орудія и перевозили ихъ теперь въ Паша-Магалу. Но и сами Литовцы отступили туда-же, оставивши въ Карагачѣ одну роту. При нашемъ приходѣ въ Паша-Магалу и Австрійцы отходили туда-же.

Со стороны турокъ не было видно ни малѣйшей попытки преслѣдовать и, вообще, не замѣтно было никакого движенія, точно турокъ тутъ совсѣмъ по близости не было. Да и утромъ, во время нашего движенія отъ Филиппополя, мы не слыхали ни одного выстрѣла. Кругомъ была совершенная тишина.

Нашу 2-ю бригаду ввели въ Паша-Магалу, гдѣ уже отдыхали, расположившись отдѣльными бивуаками по дворамъ, Литовцы и Австрійцы. Мы тоже расположились бивуакомъ. Но 1-й баталіонъ скоро былъ потребованъ въ Карагачъ. Еще раньше, не входя въ Паша-Магалу, туда былъ отправленъ 2-й баталіонъ на усиленіе Литовцевъ.

Въ Карагачѣ, между тѣмъ, дѣло обстояло вовсе не такъ мирно, какъ это казалось по тишинѣ и мнимому спокойствію. Турки начали наступать на Литовцевъ, которые, по малочисленности, не могли сопротивляться и вышли изъ деревни, отходя на Паша-Магалу. Карагачъ былъ снова занятъ турками и его снова приходилось брать силою. Это и началъ нашъ 3-й баталіонъ, на подмогу которому и потребованъ былъ 1-й баталіонъ.

Раздались ружейные выстрѣлы и пошла трескотня. Дошла очередь и до нашей бригады. С.-Петербургскій полкъ направленъ былъ въ промежутокъ между Карагачемъ и Бѣластицей. За нимъ потребовали и остальные наши два баталіона на 2-е и 4-е. Пошли въ колоннахъ изъ середины. По

расположенію боеваго порядка мы находились въ резервѣ. По этому поводу я даже замѣтилъ Ромашеву, что и намъ, наконецъ, пришлось во время дѣла быть въ глубокомъ резервѣ; и почему-то намъ обоимъ казалось, что это дѣло будетъ уже послѣднее. Хотя мы знали очень хорошо, что впереди у насъ предстоитъ еще Адріанополь, хорошо укрѣпленный и могущій оказать еще громадное сопротивленіе, но предчувствіе это было до того сильно, что я не удержался и сказалъ Ромашеву: «а знаешь что, А.В. мнѣ почему-то кажется, что сегодня мы въ послѣдній разъ деремся съ турками».—Представь, и мнѣ кажется тоже самое, отвѣтилъ онъ мнѣ. Затѣмъ мы начали толковать о незавидномъ положеніи турокъ, сидѣвшихъ теперь въ Карагачѣ безъ артиллеріи. Намъ можно было разгромить ихъ и уничтожить издалека своими гранатами, а имъ остаются одни только ружья. Перевѣсъ, очевидно, громадный на нашей сторонѣ, не смотря на то, что у насъ одна только дивизія, половина которой еще не совсѣмъ оправилась отъ предъидущаго боя, а противъ насъ цѣлая армія. Увѣренность-же въ томъ, что у турокъ нѣтъ артиллеріи, вселили въ насъ еще при входѣ въ Паша-Магалу: намъ сказали, что у турокъ отбили ночью всю ихъ артиллерію.

Однако, какъ этой увѣренности, такъ и предположенію, что мы находимся въ глубокомъ резервѣ, очень скоро пришлось разлетѣться. Чрезъ очень короткій промежутокъ времени мы находились уже въ своей, привычной уже, сферѣ—въ передней линіи, въ цѣпи.

Почти при самомъ началѣ нашего движенія изъ деревни гдѣ-то вправо отъ насъ раздался пушечный выстрѣлъ. Мы предположили, что это начинаетъ громить турокъ наша артиллерія, и не обратили на него особеннаго вниманія. Чрезъ нѣсколько времени послышался выстрѣлъ въ лѣвой сторонѣ. И это, конечно, свой. Но вотъ... что такое?.. Шипя и свистя, летитъ граната въ насъ и, не долетѣвъ, зарылась въ рыхлую землю далеко еще передъ нами. Очевидно, это ужъ не свои выстрѣлы. Взглядъ на деревню по тому направленію, въ которомъ прилетѣлъ этотъ гостинецъ, окончательно убѣждаетъ насъ, что у турокъ остался еще запасъ артиллеріи: въ одномъ мѣстѣ надъ деревней носятся густые клубы бѣлаго дыма.

С.-Петербургскій полкъ изъ резервныхъ колоннъ развернулся уже въ ротныя колонны. Нашему баталіону также приказано построиться въ ротныя колонны и, догнавши С.-Петербургскій полкъ, идти наравнѣ съ нимъ, на правомъ его флангѣ. 2-й баталіонъ остался пока еще въ резервѣ. Развернулись въ одну линію ротныхъ колоннъ, разомкнули ряды, спѣшимъ поровняться съ С.-Петербургскимъ полкомъ, принимаемъ въ то-же время вправо. Въ это время турки начали угощать каждую роту по очереди, замѣчательно строго придерживаясь порядка нумеровъ. Послѣ того, какъ мы развернулись въ ротныя колонны, первая граната досталась на долю 1-й стрѣлковой роты, вторая на 2-ю и т. д. Перебравши послѣдовательно всѣ наши роты, турецкія орудія огрызнулись куда-то влѣво отъ себя, за-

тѣмъ вправо, а потомъ опять начали очередь съ 1-й стрѣлковой роты и т. д., пока мы не подошли наконецъ къ деревьямъ, росшимъ около деревень, и не легли тамъ, скрывшись, такимъ образомъ, у нихъ изъ виду. Хотя такая очередь со стороны турокъ была и очень любезна, потому что ни одной ротѣ обидно не было, всѣхъ угощали равномѣрно, тѣмъ не менѣе для насъ ожиданіе очередной гранаты приносило съ собой очень непріятное ощущеніе. Когда стрѣляютъ безъ разбору не въ примѣръ свободнѣй себя чувствуешь. Опасность одинакова—и такъ, и эдакъ могутъ ухлопать. Но въ одномъ случаѣ отъ постояннаго напряженія нервы притупляются, вслѣдствіе чего и относишься къ опасности равнодушнѣе, въ другомъ-же, напротивъ, нервамъ даютъ маленькій отдыхъ, знаешь, что вотъ теперь, напримѣръ, совершенно безопасно, потому что не моя очередь, за то въ слѣдующій моментъ они напрягаются гораздо сильнѣе, такъ какъ теперь вотъ уже цѣлятъ въ тебя и вотъ-вотъ сейчасъ припожалуетъ гостинецъ. Вслѣдствіе такого нервнаго ожиданія, я весь вздрогнулъ и невольно поднялъ передъ собой лѣвую руку, должно быть, чтобы защититься отъ осколковъ, когда шагахъ въ двадцати впереди меня упала моя очередная граната. Такихъ вещей со мной не случалось въ предъидущія дѣла, тѣмъ болѣе, что вообще какъ-то спокойнѣй относишься къ артиллерійскимъ снарядамъ. Вреда особеннаго, однако, и теперь намъ не сдѣлали турецкія гранаты. Только одна изъ послѣднихъ, направленная въ 1-ю стрѣлковую роту, пролетѣла между ею и моею ротою и задѣла фланговыхъ, одного контузила, другому перешибла ногу.

Малую дѣйствительность турецкихъ выстрѣловъ можно объяснить только именно ихъ любезностью, желаніемъ соблюсти очередь между всѣми наступавшими на нихъ, колоннами. Пока они переходятъ отъ одной колонны къ другой,—первая уже подошла ближе, дистанція измѣнилась и пристрѣляться трудно. Да, впрочемъ, какъ тутъ и не быть любезнымъ, когда напираютъ со всѣхъ сторонъ, а батарея всего одна и осталась, даже не батарея, а всего-то два какихъ-то орудія. Ну, и начали огрызаться во всѣ стороны, надѣясь хоть страху нагнать и держать непріятеля подальше. Однако, такое огрызаніе возможно только въ томъ случаѣ, когда артиллерія растеряется и не знаетъ въ суетѣ, что ей дѣлать. Результаты получаются совершенно не тѣ, которыхъ ожидали. Вмѣсто того, чтобы удержать, турки своимъ образомъ дѣйствій позволяли намъ, напротивъ, совершенно безнаказанно подходить все ближе и ближе.

Съ другой стороны, если туркамъ случайно и удавалось попасть близко къ цѣли, то оттаявшая рыхлая земля и снѣгъ мѣшали разрыву гранатъ,—онѣ глубоко зарывались въ землю.

Впереди насъ еще въ началѣ дѣла между деревьями находилась казачья цѣпь, наблюдавшая за турками. Когда мы подходили къ этимъ деревьямъ, изъ этой цѣпи отдѣлился одинъ казакъ и рысью направился къ

намъ. Остановившись въ нерѣшимости, къ кому обратиться, онъ увидѣлъ меня и поѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу. Не доѣзжая шаговъ десяти до меня, лошадь его споткнулась и повалилась на обѣ переднія ноги, казакъ тоже—моментально черезъ голову лошади и самъ рухнулся на земь. Но нисколько не огорчившись этимъ приключеніемъ, онъ тотчасъ-же поднялся и подошелъ ко мнѣ, приложивъ руку къ козырьку. Онъ пріѣхалъ объявить, что тутъ недалечко есть канава, въ которой очень хорошо можно расположиться и чтобы мы туда поспѣшали, тамъ и отдохнуть пока можно. Сдѣлавши свое дѣло, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ своимъ.

А отдохнуть дѣйствительно уже была пора. Весь путь нашего наступленія былъ по пахатному кукурузному полю. Земля оттаяла и представляла изъ себя густую и липкую грязь, такъ что у каждаго на ногахъ была куча грязи. А кромѣ того, ноги устали еще, разъѣзжаясь по кочкамъ. Надо было вздохнуть немного. Мы прошли, однако, шаговъ на сто впередъ отъ канавы, указанной казакомъ. Здѣсь нашли еще болѣе удобное мѣсто, залегли и пролежали часа полтора,—такъ долго потому, что передъ нами, собственно, турокъ еще не было. Все дѣло сосредоточилось у Карагача.

Тамъ между тѣмъ, у Карагача, бой въ это время былъ въ полномъ разгарѣ. Трескотня турецкихъ ружей не умолкала ни на минуту и сливалась въ одинъ общій гулъ. Трудно было за деревьями слѣдить за ходомъ боя. Я вышелъ шаговъ на сорокъ передъ цѣпью и, прилегши у дерева, досталъ свою подзорную трубу, надѣясь хоть что нибудь разсмотрѣть. Но толку было мало. Направивши трубу по направленію выстрѣловъ, я замѣтилъ только въ одномъ мѣстѣ густую полосу дыма. Гдѣ засѣли турки, за этимъ дымомъ рѣшительно нельзя было разсмотрѣть. Своихъ тоже никого не видно. Иногда только, по крикамъ «ура», можно было судить, гдѣ они находились. Каждый, заслышавъ этотъ крикъ, думаетъ, что ужъ дѣло кончено, турки побѣжали. Радостно отзывается онъ въ сердцѣ. Турецкая пальба какъ будто замолкаетъ. Но—еще минута,—и она возгарается съ новою силою. Въ трубу я поймалъ нѣсколько турокъ. Одинъ, видно, тяжело раненый, корчился на снѣгу и, собирая послѣднія силы, старался подползти къ холмику, чтобы защититься отъ нашихъ пуль. Долго мучился онъ, пока не улегся неподвижно на вѣки. Другіе турки по одиночкѣ отходили назадъ. Я остановился на этомъ мѣстѣ и ждалъ, когда, наконецъ, они побѣгутъ массой. Но ожиданія мои долго не увѣнчивались успѣхомъ. Турки то отходили назадъ, то опять возвращались. Въ походкѣ ихъ я, къ моей досадѣ, не замѣчалъ суетливости, они расхаживали тамъ совершенно спокойно... Но вотъ движеніе назадъ какъ будто усиливается. Хотя всетаки по одному человѣку, но за то все чаще и чаще отходятъ они назадъ... Потомъ пошли и по нѣсколько человѣкъ...

Въ это время я долженъ былъ прервать свои наблюденія. Сзади меня, между мной и цѣпью, бухнулась граната, но не турецкая, а своя собственная. Мы слишкомъ далеко очутились впереди своей артиллеріи, которая, защищая насъ отъ турецкой батареи, продолжавшей еще посылать гранаты въ нашу сторону, едва не оказала намъ плохую услугу. Шесть нашихъ снарядовъ легли около нашей цѣпи, одна даже въ двухъ шагахъ передъ нею, пока не было дано знать на батарею, что она разстрѣливаетъ своихъ. Еще хорошо, что кончилось благополучно, Богъ не попустилъ никого умереть или быть покалѣченнымъ своей гранатой. Мы тутъ очутились какъ разъ на рубежѣ между паденіемъ своихъ и турецкихъ гранатъ. Турки, впрочемъ, въ это время, кажется, начали стрѣлять съ дистанціонными трубками,—разрывы слышались передъ нами въ воздухѣ; но дистанція взята была, видно, очень малая, потому что осколокъ одной изъ гранатъ шлепнулся около меня, судя по его свисту, уже на послѣднемъ излетѣ, совершенно безсильно,—еле-еле только долетѣлъ.

Послѣ того, какъ послано было на батарею, я опять принялся за свои наблюденія. Случайно труба моя очутилась выше деревни, уперлась въ гору и—сердце мое возрадовалось. Хотя въ Карагачѣ турки еще продолжали неустанно свою трескотню, но вверхъ по горѣ тянулись уже цѣлыя вереницы турокъ по всѣмъ удобнымъ для всхода мѣстамъ. Наша артиллерія замѣтила также это движеніе турокъ и начала осыпать ихъ гранатами.

А наши, между тѣмъ, не вошли еще въ Карагачъ. Тамъ какъ будто дѣло было все въ томъ-же положеніи. Мало того, чуть было не хуже. Я оставилъ наблюденіе за отступавшими по горѣ и провелъ трубой по той мѣстности, которая находилась впереди насъ. Я смотрѣлъ сюда и прежде, но ничего не замѣчалъ. Теперь-же увидѣлъ между кустами двѣ колонны, что-то въ родѣ нашихъ ротныхъ. Они были шагахъ около тысячи полуторы отъ насъ. Шли откуда-то справа и видимо направлялись къ Карагачу. Насъ они навѣрное не замѣчали, потому что не обращали ни малѣйшаго вниманія въ нашу сторону,—цѣль ихъ, какъ видно, была гораздо лѣвѣе насъ. А нужно сказать, что мы, поровнявшись съ С.-Петербургскимъ полкомъ, разошлись съ нимъ: мы держали направленіе на Бѣластицу, а С.-Петербургскій полкъ принялъ на Карагачъ. Вслѣдствіе этого между нами образовался значительный интервалъ, въ которомъ въ началѣ была артиллерія. Такимъ образомъ, С.-Петербургскій полкъ открылъ свой правый флангъ. Въ это-же время и 1-й нашъ баталіонъ, подходя къ Карагачу, поддался правымъ флангомъ впередъ и тыломъ все болѣе и болѣе обращаясь къ Беластицѣ.

Этимъ-то обстоятельствомъ, по всей вѣроятности, и хотѣли воспользоваться турки, чтобы ударить намъ во флангъ, упустивши, навѣрно, изъ виду нашъ баталіонъ и предполагая, что всѣ наши силы находятся у Карагача.

Двѣ замѣченныя мною колонны медленно, осторожно, какъ воры, подкрадывались къ правому флангу нашихъ. Ротный командиръ передней ко-

лонны шелъ одинъ впереди съ обнаженной саблей и что-то сильно жестикулировалъ руками, указывая своимъ солдатамъ впередъ. Въ это время они почти подставляли уже намъ свой лѣвый флангъ. Чрезъ нѣсколько времени колонна остановилась. Отъ нея съ фланговъ и изъ середины отдѣлилось нѣсколько человѣкъ, человѣка по два отъ взвода, считая по нашему. Они вышли, держа ружья передъ собой. Выйдя впередъ, передъ ротнаго командира, шагахъ, можетъ, въ тридцати или сорока передъ колонной, они прилегли. Показались дымки, послышались ихъ выстрѣлы, направленные влѣво отъ насъ. Вслѣдъ за этимъ отъ колонны отдѣлилось еще нѣсколько человѣкъ, но уже значительно больше, чѣмъ въ первый разъ и, прилегши рядомъ съ первыми, открыли стрѣльбу всею цѣпью...

Дальше намъ ужъ нельзя терпѣть подобныхъ вещей, и мы открыли огонь по нимъ, выдвинувшись къ нимъ поближе. Турки оторопѣли отъ такой неожиданности, попятились назадъ и начали уже отстрѣливаться отъ насъ, принужденные отказаться отъ своей мечты—ударить нашимъ во флангъ.

Пользуясь деревьями, наша цѣпь перебѣгала отъ одного дерева къ другому, подходя все ближе и ближе къ туркамъ. 1-я стрѣлковая рота начала поддаваться впередъ, угрожая лѣвому флангу турокъ. И остальныхъ еле удерживаешь въ общей линіи, чтобы сзади не подстрѣлить своихъ, рвутся дальше и дальше.

Въ это-же время и 2-й нашъ баталіонъ, тоже разсыпанный, вошелъ уже въ нашу линію и перемѣшался со стрѣлками. Стрѣльба и на нашемъ флангѣ приняла ожесточенный характеръ. Но такъ какъ у насъ были только два баталіона, отдѣленные, какъ я уже сказалъ, отъ остальныхъ значительнымъ интерваломъ, то къ намъ на помощь былъ присланъ еще баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, который тоже нагналъ насъ.

Турки не выдержали. Стрѣльба мало по-малу начала стихать. Одинъ по одному, цѣлой вереницей потянулись они къ Бѣластицѣ, продолжая стрѣльбу оттуда. Наконецъ и здѣсь прекратилась почти, только какое-то звено засѣло на крышѣ дома и не хотѣло прекратить стрѣльбы, усиленно пуская въ насъ пулю за пулею.

Но вотъ ужъ не вереница, а цѣлая колонна показалась изъ Бѣластицы, направляясь въ сторону Карагача, но ужъ, какъ замѣтно было по ихъ движенію, не съ цѣлью аттаковать, а скорѣе уйти. Къ тому-же, въ Карагачѣ въ это время почти ужъ все кончилось.

Надо было видѣть, какъ солдаты рвались разстрѣлять эту колонну,—такъ и чесались руки. Но стрѣльба была запрещена, такъ какъ не задолго передъ этимъ къ намъ пріѣхалъ отъ генерала Краснова казакъ, съ извѣстіемъ, что справа идутъ наши войска и потому наша стрѣльба можетъ выйти по своимъ. Это была колонна графа Шувалова. Но она была еще далеко отъ направленія нашихъ выстрѣловъ, такъ что впослѣдствіи сожалѣли, что не позволили стрѣлять. Но вѣдь кто-жъ зналъ это въ то время...

Стрѣльба со стороны турокъ была уже рѣдкая; они только, что называется, отгрызались, уходя въ горы. Часть еще, впрочемъ, не хотѣла разставаться съ Бѣластицей. Мы направились на деревню, и скоро она была уже въ нашихъ рукахъ. Ворвавшіеся впереди солдаты уже дѣлали свое дѣло. Пошелъ въ ходъ штыкъ. Многіе турки попрятались по чердакамъ, въ сѣнѣ, гдѣ пришлось. Въ этотъ день я первый разъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ сценъ штыковой работы. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ деревню, была кучка солдатъ около нѣсколькихъ заколотыхъ уже турокъ. Они кончали уже съ послѣднимъ. Увидѣвши эту картину, я поспѣшилъ отвернуться и пробѣжать дальше. Не смотря на полное сознаніе и убѣжденіе въ необходимости, неизбѣжности подобныхъ вещей на войнѣ, глазъ не могъ выносить ихъ равнодушно. На убитаго, на раненаго—ничего, но на самое дѣйствіе — скрѣпя сердце. Для этого надо быть самому въ сильной ажитаціи, самому стать на степень звѣря, чтобы равнодушно смотрѣть на все это и даже самому принять дѣятельное участіе.

Не успѣлъ я пробѣжать мимо этой группы, вправо раздался неистовый крикъ: подъ навѣсомъ сарая солдаты въ сѣнѣ нашли еще нѣсколько турокъ... Иду дальше. На одномъ дворѣ стоятъ человѣкъ десять турокъ, уже побросавшіе оружіе. Ихъ окружили солдаты и хотѣли кончать. Только что я вошелъ во дворъ, турки бросились передо мной на колѣни и начали умолять о пощадѣ. Невольно сердце сжалось отъ жалости при видѣ физіономій этихъ турокъ, на которыхъ написанъ былъ весь ужасъ ихъ положенія. Теперь какъ будто забываешь, что вѣдь еще и получаса не прошло съ тѣхъ поръ, какъ вотъ этотъ самый, можетъ быть, что стоитъ теперь безпомощно передо мной на колѣняхъ и протягиваетъ ко мнѣ руки съ мольбою о пощадѣ, съ полнымъ удовольствіемъ, можетъ быть, цѣлилъ въ меня, желая отправить къ праотцамъ. Теперь все прошло, на сердцѣ ни капли враждебнаго чувства, видишь передъ собой беззащитнаго человѣка, которому тоже хочется жить... Я приказалъ окружить ихъ конвоемъ и до нихъ не дотрагиваться. Солдаты охотнѣе перекололи бы ихъ всѣхъ. Они ужъ озвѣроподобились, попробовавши крови. У одного изъ моихъ солдатъ даже штыкъ совсѣмъ согнулся отъ работы. Кстати сказать, по отзыву всѣхъ солдатъ, коловшихъ штыкомъ, эта работа надъ турками была очень затруднительна, вслѣдствіе того, что всѣ они закутаны въ множество ватныхъ курточекъ, такъ что приходится колоть нѣсколько разъ, чтобы добраться до настоящаго. Нѣкоторыхъ, впрочемъ, и вата не защитила отъ моментальной почти смерти съ одного удара. Эта-же самая кучка турокъ, которую я нашелъ во дворѣ, первоначально, при входѣ нашемъ въ деревню, заперлась въ домѣ. Солдаты при осмотрѣ домовъ начали разбивать дверь. Ихъ встрѣтили выстрѣломъ. Одинъ изъ солдатъ въ отместку за выстрѣлъ и разгоряченный сопротивленіемъ, налетѣлъ на выстрѣлившаго и съ такой силой всадилъ въ него свой штыкъ, что буквально пригвоздилъ его къ стѣнѣ,—штыкъ чуть не на вершокъ вошелъ

въ стѣну, такъ что большого труда стоило солдату освободить его. Остальные турки, пораженные такой расправой, окончательно растерялись и побросали свои ружья, сдаваясь въ плѣнъ. Ихъ вывели на дворъ, гдѣ я уже и засталъ солдатъ въ недоумѣніи, что дѣлать съ плѣнными.

Не менѣе оригиналенъ другой случай, бывшій подъ Карагачемъ. Турки уже побѣжали изъ канавы передъ деревней, отступили въ деревню. Одинъ только турокъ-фанатикъ, обрекшій, вѣроятно, себя на погибель, не хотѣлъ слѣдовать примѣру товарищей, остался въ канавѣ и дѣятельно продолжалъ стрѣлять въ наступавшую 3-ю линейную роту. Рота, не обращая вниманія на одного человѣка, прошла мимо канаву, стараясь скорѣе добраться до деревни. Но одинъ солдатикъ этой роты не хотѣлъ такъ даромъ прощать туркѣ и направился прямо на него. Товарищи удерживаютъ его: «куда ты, дурень, лѣзешь, убьетъ вѣдь на поваль!»—«Нѣтъ, погоди, я ему, такому-сякому, такъ не прощу, за что онъ даромъ будетъ людей портить, я ево самаво угощу...Погоди ты у меня, нехристь, я те задамъ», бормочетъ солдатикъ, приближаясь все ближе и ближе къ туркѣ. Тотъ стрѣляетъ почти въ упоръ, но словно ошалѣлый, не трогаясь съ мѣста. Наконецъ, солдатикъ совершенно благополучно добирается до турки, перевертываетъ ружье и прикладомъ по черепу кладетъ турку на мѣстѣ съ одного удара. Окончивъ свое дѣло, солдатикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, догоняетъ роту.

Выгнавши турокъ изъ Карагача, солдаты также начали свидѣтельствовать дома. Субалтернъ-офицеръ той-же 3-й линейной роты, поручикъ Доможировъ, проходя черезъ одинъ дворъ, набрелъ на цѣлую кучу разнаго хлама, принадлежавшаго, навѣрное, жителю, не успѣвшему увезти его съ собой и бросившаго его на дворѣ. Доможировъ остановился передъ нимъ и концомъ сабли началъ разбрасывать этотъ хламъ, желая посмотрѣть, что тутъ навалено. Вдругъ—выстрѣлъ, и пуля пролетѣла около самаго его уха. Онъ оборачивается — дымокъ изъ окна хаты. Слѣдомъ за этимъ дверь хаты быстро отворяется и турокъ, держа ружье на руку и наклонивши голову впередъ, устремляется на Доможирова. Кругомъ, какъ на грѣхъ, никого. У Доможирова-же единственное оружіе—сабля, а про револьверъ онъ и не вспомнилъ въ эту минуту. Но что-жъ можно сдѣлать саблей противъ штыка? Онъ уже думалъ, что настала для него послѣдняя минута. Но по необъяснимой причинѣ турокъ, не добѣгая до него шаговъ пяти, круто поворачиваетъ въ сторону и стремглавъ ударился бѣжать отъ Доможирова. Теперь только Доможировъ спохватывается, что у него есть револьверъ, спѣшитъ отстегнуть пуговку кобуры... она, на грѣхъ, не скоро подается... наконецъ вынулъ, спустилъ курокъ—осѣчка, другой разъ—выстрѣлилъ, но турокъ былъ уже далеко—пуля пролетѣла мимо. Въ это время турка замѣтили солдаты и — покончили.

Покончивши такимъ образомъ съ турками въ Бѣластицѣ, мы прошли всю деревню и остановились на противоположномъ концѣ ея, около какой-то

каменной ограды, выходившей къ горамъ. Турки безъ оглядки стремились въ горы, оставивъ и послѣднія свои орудія, и весь обозъ. Обозъ этотъ, надо сказать, былъ богатый. Въ немъ мы нашли, между прочимъ, много теплой одежды, которую роздали солдатамъ, да пользовались и сами, особенно теплыми носками, въ которыхъ у насъ былъ недостатокъ, а турецкіе, вдобавокъ, оказались очень хорошаго качества.

Въ то время, когда мы заняли внѣшнюю ограду Бѣластицы, справа показались войска 2-й гвардейской дивизіи. Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ полѣзъ было тоже на горы, но вскорѣ отошелъ назадъ.

Преслѣдовать турокъ по горамъ не было никакой цѣли. По безлюдности и дикости Родопскихъ горъ турки и безъ нашей помощи должны были очутиться въ безвыходномъ положеніи, а особенно еще въ это время года, когда на такихъ высокихъ горахъ долженъ свирѣпствовать страшный холодъ.

Дѣло было окончено. Мы занялисъ расквартированіемъ своего отряда въ Беластицѣ. Но спустя около часу послѣ этого, намъ приказано присоединиться къ дивизіи въ Карагачѣ. Выйдя изъ Бѣластицы по дорогѣ въ Карагачъ, солдатики сѣтовали, что имъ не удалось пострѣлять по турецкой колоннѣ, проходившей по этой-же дорогѣ. «Эхъ, не дозволили пострѣлять,» говорили они, «а сколько бы мы тутъ ихъ навалили—страсть, не больше тыщи шаговъ было. Вотъ по эфтому самому мѣсту они и шли тагды.»

Но и безъ того турецкихъ труповъ по всей дорогѣ была навалена масса, а около Карагача такъ цѣлыми слоями лежали,—это въ томъ мѣстѣ, гдѣ вчера Литовцы сошлись съ ними на штыки. Дорога почти все время идетъ углубленная, и представляла собой готовый ложементъ, обращенный фронтомъ прямо къ пути нашего наступленія. Въ нѣкоторыхъ, менѣе глубокихъ, мѣстахъ турки пустили въ ходъ лопаты. Весь этотъ длинный ложементъ заваленъ трупами, ящиками отъ патроновъ, сломанными карупами, зарядными ящиками съ патронами. Турки мало того, что каждый имѣлъ у себя по цѣлому ящику патроновъ, ввезли сюда-же еще и зарядные ящики съ патронами, которые и разставлены были отъ мѣста до мѣста. Стало быть, стрѣляй—не хочу, вдоволь патроновъ. Къ сожалѣнію, для турокъ, конечно, это изобиліе патроновъ мало послужило имъ въ пользу: половину они выстрѣливали на воздухъ, другая доставалась намъ.

Совсѣмъ почти стемнѣло, когда мы пришли въ Карагачъ. Здѣсь насъ встрѣтили очень грустными извѣстіями относительно убыли офицеровъ: тотъ-то убитъ, этотъ тяжело раненъ и т. д. Судя по тому огню, который цѣлый день поддерживался здѣсь турками, эти вѣсти были не удивительны. Но къ счастію, это были обычныя вѣсти, распространявшіяся послѣ каждаго мало-мальски значительнаго дѣла, пока еще все не пришло въ извѣстность. Чрезъ нѣсколько времени и убитые, и тяжело раненые весело пожимали намъ руки, цѣлы, здравы и невредимы.

Убыль, впрочемъ, была въ полку довольно значительная,—однихъ раненыхъ около ста сорока человѣкъ. Изъ офицеровъ убитъ почти на повалъ адъютантъ 1-го баталіона, поручикъ Богуцкій, и, странное дѣло, пока былъ на лошади, да еще бѣлой къ тому-же, оставался цѣлъ и невредимъ, разъѣзжая съ приказаніями, а уже въ то время, когда слѣзъ съ лошади и пѣшкомъ подходилъ къ цѣпи вмѣстѣ съ ординарцемъ начальника дивизія С.-Петербургскаго полка, поручикомъ Скабѣевымъ, пуля контузила шедшаго впереди Скабѣева, а Богуцкому пропизала правое легкое. Минутъ черезъ пятнадцать или двадцать послѣ этой катастрофы онъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Раненъ въ ногу командующій 11-й ротой поручикъ Веденскій и контужены: штабсъ-капитанъ Троицкій и поручикъ Коваленко.

6-го января мы двинулись на Станимаку. Здѣсь узнали, что наканунѣ въ Станимакѣ ночевалъ Сулейманъ-паша. Собственно, онъ даже не ночевалъ, а провелъ тотько три часа, а затѣмъ, узнавши о пораженіи своей арміи подъ Карагачемъ, поспѣшно ускакалъ верхомъ, оставивъ даже въ Станимакѣ всѣ свои экипажи.

Итакъ, главнокомандующій турецкой арміей бѣжалъ, его армія разсѣялась по дикимъ, необитаемымъ горамъ. Подъ Карагачемъ ей нанесенъ былъ послѣдній, рѣшительный ударъ, послѣ котораго она была окончательно деморализована. А нѣсколько дней передъ тѣмъ другая турецкая армія, на Шипкѣ, была взята въ плѣнъ. Событія пошли быстрымъ, неудержимымъ ходомъ впередъ. Ежедневно то здѣсь, то тамъ наши войска овладѣвали турецкими орудіями и скоро почти вся турецкая артиллерія была въ рукахъ русскихъ. Турецкое населеніе въ паникѣ бѣжало отовсюду къ Константинополю, распространяя и по столицѣ ужасъ и смятеніе. Послѣдняя опора Турціи, Андріанополь, безъ боя отданъ былъ въ руки русскихъ. Русскія войска приближались уже къ Константинополю, угрожая овладѣть послѣднимъ клочкомъ земли, оставшимся еще у турокъ въ Европѣ.... Турція запросила мира...

Война была окончена. Предпринятая съ цѣлью освобожденія балканскихъ христіанъ отъ тяжкаго, невыносимаго турецкаго ига, она окончилась достиженіемъ этой высокой цѣли. 19-го февраля, въ день, памятный для Россіи освобожденіемъ крестьянъ, между Россіей и Турціей былъ заключенъ мирный договоръ, давшій свободу и жизнь милліонному населенію Болгаріи. Да будетъ этотъ день днемъ возрожденія и началомъ новой, лучшей эпохи въ жизни балканскихъ славянъ!

Экспедиція 4-го баталіона для усмиренія баши-бузуковъ близъ Люлибургаса.

Военныя дѣйствія окончились, перемиріе заключено, остается только ожидать, пока миръ окончательно не будетъ ратификованъ, а затѣмъ... затѣмъ сѣсть на суда и—явиться, наконецъ, посреди милыхъ, родныхъ, съ которыми давно, давно уже разстались и къ которымъ давно уже стремится сердце.

Въ ожиданіи подписанія мира, войска разставили пока на квартиры. Нашей дивизіи назначенъ былъ городъ Люлибургасъ и его окрестности. Въ этомъ городѣ нашъ полкъ и расположился 2-го февраля. Тутъ-же находился и штабъ дивизіи.

Съ самаго вступленія въ городъ по полку отданъ былъ строжайшій приказъ ротнымъ командирамъ немедленно-же озаботиться приведеніемъ въ порядокъ и чистоту занимаемыя ротами помѣщенія. Восточная грязь и нечистоплотность давно уже извѣстны всѣмъ и каждому. Различнаго рода падаль—обыкновенное зрѣлище на улицахъ и дворахъ обитателей каждаго населеннаго мѣста, не исключая даже и большихъ городовъ Турціи. Между тѣмъ, начало уже становиться теплѣй. Еще немного — и вся эта нечисть тяжело отзовется на здоровьѣ солдатъ.

Началась усиленная чистка города. Вообще, надо замѣтить, жители городовъ и деревень Турціи, тѣхъ, гдѣ стояли русскія войска, должны остаться очень и очень благодарны имъ за очищеніе всякой грязи. Много всякаго навоза повывезли солдатики изъ городовъ, навоза, накопившагося, можетъ быть, цѣлымъ десяткомъ лѣтъ. Если только жители не отдадутъ себя вновь на волю Аллаха и постараются продолжить дѣло, начатое русскими солдами, то нельзя будетъ не отдать полной справедливости въ благодѣтельномъ культурномъ значеніи для Турціи этого русскаго нашествія.

Итакъ, началась усиленная чистка. Пошли въ ходъ лопаты, каруцы. Всякая нечисть вывезена далеко за городъ, а сюда взамѣнъ привезенъ песокъ, которымъ былъ усыпанъ каждый дворикъ, въ которомъ помѣщались солдаты. Въ остальныхъ домахъ очистка была возложена на самихъ хозяевъ. И здѣсь дѣятельность была не меньше, благодаря энергіи и распорядительности полковника Коссовича, коменданта всѣхъ болгарскихъ городовъ, какъ мы его называли, вслѣдствіе того, что онъ постоянно назначался начальникомъ дивизіи на эту должность во всѣхъ пунктахъ, гдѣ намъ приходилось долго стоять.

На 5-е февраля, командующій полкомъ, полковникъ Оберъ, осматривалъ всѣ помѣщенія полка. Я былъ въ этотъ день дежурнымъ по полку и слѣдовалъ за нимъ. Но по осмотрѣ помѣщеній 4-го баталіона полковникъ

Оберъ отпустилъ меня на свободу. Только что я, пришедши домой, пообѣдалъ, ко мнѣ приходитъ штабсъ-капитанъ Неовіусъ съ предложеніемъ сыграть пулечку въ преферансъ. Давно ужъ мы не брали въ руки картъ, кромѣ картъ Турціи. Теперь-же на мирномъ положеніи можно было доставить себѣ удовольствіе, сразиться на зеленомъ полѣ, а за неимѣніемъ его, на бумажкѣ.

Предложеніе было принято. Но пока искали партнеровъ, время протянулось часовъ до пяти вечера. Наконецъ противники сошлись и началась рукопашная. Мнѣ сначала не везло, я поставилъ двѣ курочки. Но вотъ пришла восьмерная игра въ червяхъ. Я уже думалъ торжествовать побѣду. Въ этотъ моментъ входитъ въ комнату фельдфебель 3-й стрѣлковой роты. «Ваше ско—родіе, стрѣлковый баталіонъ сейчасъ выступаетъ изъ города за пятнадцать верстъ на весь завтрашній день. Что прикажете взять съ собой?» — Что такое, какой стрѣлковый баталіонъ, куда выступаетъ? — о какихъ либо перемѣщеніяхъ и слуху не было. Мы рѣшительно ничего въ толкъ не могли взять. Сидимъ съ картами въ рукахъ и не понимаемъ о чемъ это онъ рѣчь ведетъ. Фельдфебелъ, вѣроятно предполагая, что намъ все уже извѣстно, прямо началъ съ того, «что прикажете взять въ походъ». Но видя, что мы его не понимаемъ, онъ объяснилъ намъ, что нашъ баталіонъ выступаетъ для усмиренія баши-бузуковъ, которые болгаръ рѣжутъ. Ну, тутъ мы сообразили, что дѣло до насъ касается, что карты нужно бросить, а взяться снова за оружіе.

Незадолго передъ тѣмъ, то оттуда, то отсюда доходили слухи отъ бѣжавшихъ болгаръ, что турки, проходя черезъ ихъ деревни, рѣжутъ ихъ, жгутъ дома, угоняютъ скотъ. Для водворенія спокойствія въ окрестныхъ деревняхъ, отъ С.-Петербургскаго полка недавно были отправлены двѣ роты, подъ командою капитана Врачинскаго. А теперь вотъ назначили даже цѣлый баталіонъ отъ нашего полка. Участь эта выпала на долю нашего 4-го батал.

Однако, скоро сказка говорится, дѣло медленно творится. Такъ и тутъ вышло. Несмотря на то, что фельдфебель объявилъ намъ немедленное выступленіе, мы еще долго стояли на улицѣ Люле-Бургаса, ожидая этого выступленія. Получались различныя приказанія, инструкціи, приготовлялись ротныя телеги съ провіантомъ. Было уже десять часовъ вечера, когда мы вышли изъ города.

Ночь была теплая и должна бы быть еще и лунною, но луна куда-то спряталась, точно стыдясь передъ нами за своихъ почитателей.

Выслали авангардъ, разослали соотвѣтствующіе патрули, двигаемся въ полномъ порядкѣ, со всѣми военными предосторожностями. Чрезъ нѣсколько времени видимъ громадный костеръ и около него цѣлую толпу пѣшихъ и конныхъ людей. Подойдя къ костру, мы увидѣли цѣлую дружину болгаръ, вооруженную съ головы до ногъ. При нашемъ приближеніи всѣ они усѣлись на своихъ коней и приготовились слѣдовать за нами. Но, къ

величайшему ихъ огорченію, командующій баталіономъ капитанъ Игнатьевъ приказалъ имъ отправиться въ Люле-Бургасъ, такъ какъ отъ нихъ трудно было ожидать какой бы то ни было пользы, скорѣе даже можно предвидѣть вредъ, такъ какъ о правильномъ управленіи подобной недисциплинированной толпой нечего было и думать. Взяли съ собой только болѣе знакомаго съ окрестностью проводника.

Наше назначеніе было сначала водворить спокойствіе въ деревнѣ Кулибы, а затѣмъ обойти окрестныя деревни, дальнѣйшая изъ которыхъ была Ахметъ-Бей. До Кулибъ мы однако въ ночь не дошли, а остановились въ какой то деревушкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Кулибъ. Неблагоразумно было бы войти въ деревню, занятую турками, ночью. По инструкціи намъ предписывалось уладить дѣло миромъ и отнюдь не употреблять въ дѣло оружія. А возможное ли дѣло исполнить это ночью съ турками, не знающими нашихъ намѣреній? Всего лучше это устроить днемъ. Поэтому къ Кулибамъ мы подошли уже 6-го числа, часовъ въ семь или восемъ утра. Но здѣсь мы ровно ничего не нашли, кромѣ совершенно пустой деревни. Потомъ уже откуда-то появились двѣ болгарки и, треща одна передъ другой, начали разсказывать, что человѣкъ двадцать баши-бузуковъ свирѣпствовали по всей деревнѣ и что наканунѣ весь турецкій обозъ направился по дорогѣ въ Ахметъ-Бей. Обслѣдовавши всю деревню, болгарскихъ труповъ мы ни одного не нашли, но турецкій одинъ попался.

Не узнавши ничего путнаго, кромѣ того, по какой дорогѣ пошелъ обозъ, мы двинулись дальше вслѣдъ за нимъ. Верстахъ въ десяти уже отъ Кулибъ мы, наконецъ, нагнали его. Транспортъ турецкій состоялъ повозокъ изъ четырехъ сотъ. Это были переселенцы съ Балкановъ, направлявшіеся, вслѣдствіе какого-то приказанія, къ Константинополю. Обозъ стоялъ на мѣстѣ. Около него находились уже двѣ роты С.-Петербургскаго полка, о которыхъ я упоминалъ выше. Турки сносили къ нимъ свое оружіе.

При нашемъ приближеніи, отъ обоза выѣхалъ къ намъ на встрѣчу маститый старецъ-турокъ и жестами началъ упрашивать, чтобы мы не подходили близко, указывая въ то-же время на обозъ. Изъ всѣхъ его жестовъ я понялъ, что женщины и дѣти боятся солдатъ. И дѣйствительно, какъ только въ обозѣ увидѣли насъ, тотчасъ же повсюду раздался плачъ женщинъ и дѣтей. Мы остановились, успокоили ихъ. Но скоро должны были подойти и окружить весь транспортъ—чтобы защитить турокъ отъ болгаръ, безцеремонно отнимавшихъ то то, то другое у турокъ.

Странное дѣло, оригинальный конецъ компаніи. Шли мы воевать противъ турокъ, защищать болгаръ, а теперь пришлось дѣлать совершенно противоположное. На самомъ дѣлѣ, во всѣхъ безпорядкахъ, совершавшихся вокругъ, на столько-же виновны были болгары, на сколько и турки. Безъ сомнѣнія, туркамъ не очень пріятно было покидать свои насиженныя мѣста. Очень можетъ быть, конечно, нѣкоторые изъ нихъ и мстили болгарамъ за

помощь, оказанную имъ русскими. Но за то, съ другой стороны, гораздо болѣе вѣроятія заслуживаетъ другое мнѣніе, что болгары, опираясь на русскую силу, не знали мѣры своей мести за все прошлое и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы излить свою месть на туркахъ. Сознавая, что мы пришли освободить ихъ отъ турокъ, болгары думали, что теперь они могутъ дѣлать съ турками все, что заблагоразсудится. Поэтому-то они начали нападать на переселяющихся турокъ, отбивая отъ нихъ скотъ, отнимая имущество, утверждая, что то или другое принадлежитъ имъ. Турки, конечно, не отдавали даромъ. Выходила всеобщая потасовка. Будучи не въ состояніи справиться одни, болгары бѣжали къ русскимъ, жалуясь, что турки ихъ обижаютъ, рѣжутъ и пр., надѣясь, что русскіе придутъ и позволятъ имъ безнаказанно въ своемъ присутствіи грабить турокъ. Трудно, конечно, при такомъ положеніи дѣлъ разобрать, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Каждый опирается на свое. И тѣ и другіе и правы и виноваты. Но нельзя-же допускать, чтобы и болгары слишкомъ безчинствовали. Поэтому и приходилось отъ турокъ отбирать оружіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ охранять ихъ и отъ покушеній болгаръ.

А болгаръ между тѣмъ къ обозу сошлась огромная толпа. По всему пути нашего слѣдованія число ихъ все увеличивалось и увеличивалось. Но такъ какъ мы не позволяли имъ слѣдовать вмѣстѣ съ собой, убѣждая ихъ разойтись, то они шли по-одаль, въ сторонкѣ. Многіе жаловались, что имъ ѣсть нечего, «турки же все зема просили у насъ хлѣба». А при приближеніи къ обозу, многіе набросились на повозки и вытаскивали оттуда кто хлѣбъ, а кто и что нибудь изъ имущества. Пришлось разставить весь баталіонъ цѣпью вокругъ обоза, пока, наконецъ, не окончена была выдача оружія.

Въ это время случился фактъ, истиннаго значенія котораго я и до сихъ поръ не понимаю. Въ одномъ мѣстѣ ко мнѣ обратился болгаринъ, указывая на мальчика лѣтъ двѣнадцати, сидѣвшаго на турецкой повозкѣ. Я понялъ такъ, что этотъ мальчикъ братъ или родственникъ болгарина. «Ну такъ возьми его къ себѣ», сказалъ я. Тотъ обратился къ мальчику, мальчикъ слѣзъ съ повозки и подошелъ къ болгарину, потомъ опять подошелъ къ повозкѣ, порылся тамъ что-то, вытащилъ какой-то рваный зипунишко, отломилъ себѣ кусокъ лепешки и снова возвратился къ болгарину, съ которымъ и удалился. Что мнѣ показалось страннымъ во всемъ этомъ происшествіи, такъ это то, что на лицѣ мальчика не отразилось ни-малѣйшаго впечатлѣнія радости. Если болгаринъ указывалъ на него, прося освободить отъ турокъ, стало быть, турки насильно увезли мальчика. Слѣдовательно, получивши свободу, мальчикъ долженъ бы, кажется, радоваться. А между тѣмъ, по выраженію его физіономіи казалось, будто ему рѣшительно все равно, слѣдовать ли за болгариномъ или оставаться у турокъ.

Турецкое оружіе, — большею частью старый, почти никуда негодный хламъ, — сложено было на одну изъ артельныхъ повозокъ, а затѣмъ, обѣ

роты С.-Петербургскаго полка вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Люле-Бургасъ.

Турецкій транспортъ также двинулся дальше. Но рисковано было оставлять его на произволъ болгаръ. Надо было одной ротой конвоировать его. Бросили жребій, которой и достался 3-й стрѣлковой ротѣ. Остальныя роты обогнали обозъ и направились по дорогѣ къ Имерли; думали здѣсь расположиться на ночлегъ.

Масса болгаръ не отставала отъ насъ и слѣдовала по пятамъ. Тутъ и тамъ поминутно раздавались выстрѣлы — это болгары охотились за зайцами.

Имерли было уже въ виду, но не успѣли мы еще свернуть на эту деревню, какъ къ намъ подлетаетъ болгаринъ. Разсказываетъ, что въ деревнѣ Ахметъ-Бей явились баши-бузуки и страшно тамъ свирѣпствуютъ, рѣжутъ и убиваютъ болгаръ, убили даже какого-то русскаго солдата.

До вечера было еще далеко. Часа три, четыре дня. Мы направились къ Ахметъ-Бею, надѣясь засвѣтло уладить дѣло. Особеннаго значенія словамъ болгарина мы уже не придавали, зная изъ опыта, на сколько они сами причастны ко всѣмъ смутамъ. Предполагая встрѣтить въ Ахметъ-Беѣ такой-же транспортъ турецкихъ переселенцевъ, мы поспѣшили только туда, чтобы засвѣтло уладить дѣло и, въ случаѣ надобности, обезоружить его, какъ и предъидущій, не ожидая, конечно, сопротивленія.

Деревня Ахметъ-Бей лежитъ въ лощинѣ. Дорога къ ней отъ Имерли ведетъ сначала по довольно пересѣченной мѣстности, потомъ поднимается на высоту, поворачиваетъ налѣво и спускается въ лощину, по которой нужно пройти еще около полуверсты до деревни.

Едва мы поднялись на высоту и увидѣли деревню, насъ тоже замѣтили. Видно было, что тамъ поднялась страшнѣйшая суматоха. Изъ-за околицы спѣшили сгонять различный скотъ въ деревню. А въ деревнѣ между тѣмъ поднялся такой крикъ, шумъ, гамъ, и плачъ, какой и вообразить трудно. Къ околицѣ же, обращенной къ намъ, мало по малу набралась цѣлая масса турокъ.

Крики и плачъ намъ были вполнѣ понятны. Но скоро мы надѣялись успокоить это смятеніе, показавши, что мы никакихъ враждебныхъ намѣреній не имѣемъ.

Мы уже совсѣмъ почти спустились въ лощину. Вдругъ пуля, другая и—цѣлый рой ихъ понесся на насъ.... Положеніе критическое. Отступать назадъ, въ гору, значитъ оставить полбаталіона на мѣстѣ. Идти впередъ нѣтъ никакого резона — безъ выстрѣла подставлять себя на разстрѣляніе. А стрѣлять намъ запрещено, приказано миромъ, а не пулей обдѣлывать дѣло.

Что тутъ будешь дѣлать? Оставалось одно—лечь на мѣстѣ и выжидать, пока турки не угомонятся, видя, что мы не хотимъ драться. Разсыпались

по полю, чтобы не было большой цѣпи. Лежимъ, а турки лупятъ не на животъ, а на смерть.

Хуже подобнаго положенія трудно себѣ что нибудь и представить. Самая скверность-то его заключается въ томъ, что вотъ тутъ ухлопаютъ ни за что, ни про что. Приходилось бывать и въ худшемъ огнѣ, да тамъ ужъ не то и думаешь, когда сыпятъ въ тебя, тамъ сознаешь, что дѣло дѣлаешь, и ухлопаютъ и покалѣчатъ, такъ ужъ знаешь, что за дѣло. Тамъ ужъ махнешь на себя рукой: будь, что будетъ, и валишь себѣ впередъ да впередъ. А тутъ что-же? Какіе-то разбойники засѣли въ деревнѣ и разстрѣливаютъ тебя. Да можетъ даже и не разбойники, а самые благодушные и мирные жители, да видятъ, что на нихъ наваливается цѣлое войско, Богъ знаетъ, съ какой цѣлью, русскіе, стало быть не съ хорошею,—ну и рѣшились не поддаться.

Лежишь и думаешь: вотъ-вотъ сейчасъ тебѣ въ голову влѣпятъ. Закрытія никакого, мѣстность, что твой паркетный полъ. Привалился за какой то холмикъ въ полвершка высотою, что и лежачій за нимъ на половину виденъ, и жду когда же это они наконецъ угомонятся. Нѣсколькихъ солдатиковъ уже хватило. Остальные просятъ открыть стрѣльбу: «что-жъ, молъ, они насъ разстрѣливать то будутъ зря». Но на эту просьбу повторено было еще разъ категорическое приказаніе не стрѣлять. Сказано миромъ, ну и лежи. Видно мирное наше настроеніе подѣйствовало наконецъ на турокъ. Стрѣльба затихала. Чтобы еще болѣе убѣдить ихъ, мы употребили ружья совсѣмъ не на то, на что они сдѣланы—навязали на штыки бѣлые платки. Турки совсѣмъ перестали стрѣлять. Поручикъ Ивановъ, находившійся съ своей ротой въ авангардѣ, съ переводчикомъ, у котораго на штыкѣ тоже былъ бѣлый платокъ, пошли вдвоемъ впередъ. Изъ деревни къ нимъ на встрѣчу выѣхали нѣсколько всадниковъ. Сошлись, начали толковать. Капитанъ Игнатьевъ также пошелъ туда.

Ожидая результата переговоровъ, мы расхаживали на томъ мѣстѣ, гдѣ остановились. Позади насъ въ это время раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Мы предположили, что это братушки тѣшатся своими ружьями, и отъ души проклинали ихъ, опасаясь, чтобы они не возбудили подозрѣнія въ туркахъ на насъ. Тогда все пропало и никакіе переговоры ни къ чему не поведутъ. Вдругъ нѣсколько пуль свиснуло откуда-то сзади и пошла трескотня: это человѣкъ тридцать баши-бузуковъ изъ деревни заѣхали за холмами на высоту и давай жарить намъ въ тылъ. Турки, находившіеся въ деревнѣ, вѣроятно подумали, что это мы открыли по нимъ стрѣльбу—снова принялись лущить насъ.... и сзади и спереди такъ и закатываютъ. Ну ужъ тутъ совсѣмъ плохо пришлось. Не знаешь, что и дѣлать съ собой: разстрѣливаютъ, точно звѣря какого въ облаву поймали. Премерзкое положеніе. Да и на кучку, что вела тамъ переговоры, со страхомъ смотришь: что имъ

стоитъ этимъ азіатамъ моментально изрубить трехъ человѣкъ, особенно въ минуту подобнаго возбужденія, покажись имъ только что нибудь подозрительное. А это отчасти и было, о чемъ я сейчасъ скажу. Но слава Богу, тамъ видимо дѣла принимали благопріятный оборотъ. Машутъ туркамъ въ деревню, чтобы перестали стрѣлять. Тѣ послушались. Затѣмъ одинъ всадникъ отдѣлился отъ группы и, проскакавши мимо насъ съ крикомъ «кардашъ (братъ), кардашъ», направился на высоту къ баши-бузукамъ. Чрезъ нѣсколько времени и эти прекратили свою пальбу. Возвратившись съ высоты, всадникъ подъѣхалъ къ намъ и, прикладывая руки къ сердцу, повторялъ свое: «кардашъ, кардашъ». Въ моей ротѣ нашелся солдатикъ изъ татаръ, который хотя плохо, но понималъ и могъ объясниться по турецки. Онъ заговорилъ съ туркомъ. Турокъ объяснилъ, что къ сожалѣнію между нами вышло недоразумѣніе. Они не знали, что мы вовсе не хотимъ ихъ обижать, а кромѣ того, они начали стрѣлять потому, что приняли насъ за болгаръ *). Что они противъ насъ ничего не имѣютъ, но что оружія своего они ни за что намъ не отдадутъ, какъ требовали этого тѣ, что вели съ ними переговоры. «Я, говорилъ этотъ баши-бузукъ, «съ дѣтства ношу оружіе, и скорѣе жизнь свою положу, нежели отдамъ оружіе». Выраженіе его физіономіи вполнѣ оправдывало его слова. Энергичное загорѣлое лицо, блескъ его глазъ, жилистыя крѣпкія руки, вся фигура его, гордо и осанисто сидѣвшая на лошади и безъ словъ изобличали въ немъ человѣка, для котораго, казалось, не было ничего такого на свѣтѣ, на что́ бы онъ не рѣшился. Конь его вполнѣ соотвѣтствовалъ хозяину, такой же крѣпкій и выносливый, лихой скакунъ, для котораго также нѣтъ никакихъ препятствій. И всадникъ, и конь представляли собой чрезвычайно типичную картину. Всадникъ былъ настоящій баши-бузукъ, кавалеристъ съ дѣтства, лихой наѣздникъ. Конь и оружіе—для него дороже всего на свѣтѣ. Вооруженъ съ головы до ногъ. Золото и серебро блестѣло на оружіи, которое происхожденіемъ своимъ обязано еще среднимъ вѣкамъ. Изъ новаго только магазинка торчала за плечами.

Наконецъ переговоры окончились. Капитанъ Игнатьевъ возвратился къ намъ и передалъ сущность разговоровъ. Они говорили то же что́ и баши-бузукъ, толковавшій съ нами. Но когда отъ нихъ потребовали выдачи оружія, они наотрѣзъ отказались. А на заявленіе, что намъ выдалъ оружіе одинъ транспортъ, они выразили крайнее удивленіе и даже неудовольствіе. Это-то и было поводомъ къ недоразумѣніямъ. Но однако и это уладилось. Они просили только, чтобы мы не вступали сейчасъ въ деревню, чтобы не

*) Нужно замѣтить, что, направляясь къ Ахметъ-Бею, мы были сопровождаемы громадной толпой болгаръ, пѣшей и конной, которая шла справа и слѣва. Просто не знаешь, что и дѣлать, разгонять ихъ или идти усмирять баши-бузуковъ. Всѣ они шли за нами въ полной надеждѣ при нашей помощи разгуляться на счетъ турокъ. Но при первыхъ же выстрѣлахъ изъ деревни изъ массы не осталось ни единаго человѣка. Всѣ удалились на почтительную дистанцію въ ожиданіи, чѣмъ окончится наше дѣло.

безпокоить женщинъ и дѣтей, которыя и теперь находятся въ величайшемъ страхѣ, просили позволенія только спокойно, однимъ, переночевать въ деревнѣ и обѣщали въ 3 часа утра выступить дальше.

Не было ни малѣйшаго основанія не уважить ихъ просьбы и капитанъ Игнатьевъ согласился. Мы отправились ночевать въ Имерли.

Скверное ощущеніе овладѣло нами на обратномъ пути. Ни разу еще не случалось отступать, привыкли всегда лѣзть впередъ, а тутъ пришлось возвращаться. Но ничего не подѣлаешь, время мирное. Сознаешь, что тутъ совсѣмъ иное, чѣмъ въ дѣлѣ, а все-таки какъ-то скверно на душѣ, а особенно при видѣ бѣдныхъ раненыхъ, которыхъ у насъ оказалось пять человѣкъ. Одинъ изъ нихъ на другой день умеръ. А другому пуля перешибла кость у бедра. До такой степени громаднаго калибра были пули! Вслѣдствіе этого и остальныя раны, хотя менѣе опасныя, но все-таки были очень тяжелыя. Судьба! не уйдешь отъ нея!

Ночь провели пресквернѣйшимъ образомъ, въ самомъ неопредѣленномъ положеніи, потому что можно ли положиться на этотъ народъ. А тутъ еще на шеѣ другой транспортъ. Что стоитъ пріѣхать какому нибудь башибузуку въ этотъ транспортъ и взбудоражить его. А Богъ вѣсть, все ли оружіе они выдали.

Мы выставили аванпосты, у транспорта караулы. Я заснулъ часу въ третьемъ. Но не надолго. Меня разбудилъ фельдфебель съ извѣстіемъ, что въ Ахметъ-Беѣ раздаются залпы. Я вышелъ на дворъ. Дѣйствительно, залпъ за залпомъ разъ шесть раздались тамъ. Но потомъ все стихло и опять воцарилась мертвая тишина. Я отправился къ аванпостной цѣпи, обошелъ, опросилъ, но на постахъ, кромѣ этихъ залповъ въ деревнѣ, ничего подозрительнаго не замѣтили. Ночь была лунная и впереди далеко было видно. Я успокоился и возвратился въ деревню.

Утромъ, проснувшись, я увидѣлъ въ своей комнатѣ двухъ офицеровъ С.-Петербургскаго полка. Оказалось, что къ намъ на подкрѣпленіе прибылъ изъ Люле-Бургаса еще батальонъ С.-Петербургскаго полка.

Наканунѣ, въ то время, когда мы спустились въ лощину и въ тылъ намъ заѣхали баши-бузуки, изъ Имерли двое грековъ пустились во весь опоръ въ Люле-Бургасъ и своими извѣстіями всполошили весь городъ. Они явились къ начальнику дивизіи, генералу Дандевилю, и объявили ему, что нашъ батальонъ окруженъ четырьмя тысячами турокъ и по всей вѣроятности теперь ужъ изъ насъ никого не существуетъ.

Выслушавши это донесеніе, генералъ Дандевиль приказалъ немедленно выступить къ намъ на помощь одному батальону С.-Петербургскаго полка и во что-бы то ни стало пробиться сквозь турокъ и выручить насъ. Но у насъ въ это время ужъ все было окончено.

На другой день капитанъ Игнатьевъ послалъ узнать въ деревню, ушли ли турки. Но они оказались еще въ деревнѣ. Трудно, впрочемъ, имъ

было и уйти. За ночь обстоятельства измѣнились. На пути ихъ движенія стоялъ батальонъ Кексгольмскаго полка. Въ Кексгольмскій полкъ, стоявшій въ Кариштиранѣ, верстъ за двадцать отъ Ахметъ-Бея, также явились греки и съ тѣми же извѣстіями, что и въ Люле-Бургасѣ. Одинъ батальонъ и оттуда поспѣшилъ на помощь къ намъ. Но не зная ничего о томъ, гдѣ мы находимся, этотъ батальонъ прямо подошелъ къ Ахметъ-Бею съ противоположной отъ насъ стороны. Турки подпустили его на самую близкую дистанцію и открыли пальбу залпами, слышанную нами ночью. Австрійцы отступили до разсвѣта назадъ и расположились на дорогѣ изъ Ахметъ-Бея, загородивши такимъ образомъ туркамъ выходъ.

Узнавши объ этомъ и мы утромъ выступили къ Ахметъ-Бею и, расположившись въ обоихъ батальонахъ въ одну линію ротныхъ колоннъ, остановились на склонѣ высоты, а въ деревню послали переводчика, къ которому для большаго убѣжденія присоединили и старшину нашего транспорта. Мы вновь потребовали выдачи оружія. Послѣ долгихъ переговоровъ, турки наконецъ согласились на это, просили только не подходить близко къ деревнѣ, чтобы не пугать женщинъ и дѣтей, и обѣщали сами принести къ намъ свое оружіе. Долго намъ пришлось ожидать. Турки все колебались, кому отдать, намъ или австрійцамъ, боясь, чтобы между нами не вышло недоразумѣнія. Наконецъ начали таскать и туда и сюда, прося только, чтобы мы послѣ выдачи оружія дали бы имъ взамѣнъ его конвой для защиты какъ отъ болгаръ, такъ и отъ своихъ баши-бузуковъ, отъ которыхъ они сами отпирались и не признавали за своихъ. Впослѣдствіи оказалось, что дѣйствительно между этимъ транспортомъ и баши-бузуками ничего общаго не было. И самихъ баши-бузуковъ я не встрѣтилъ ни одного, обходя транспортъ. По всей вѣроятности они послѣ прибытія австрійцевъ сообразили, что тутъ дѣло можетъ выйти неладное и заблагоразсудили ночью же убраться по-добру по-здорову цѣликомъ безъ всякихъ дорогъ.

По отобраніи оружія мы вошли въ Ахметъ-Бей. Сначала было прекрасный полъ забезпокоился, но скоро угомонился и началъ смотрѣть на насъ уже безъ всякаго страха.

Вскорѣ турецкій обозъ двинулся въ дальнѣйшій путь и вышелъ изъ деревни. Но почти тотчасъ же турки стали обращаться съ жалобой на болгаръ, которые начали отнимать у нихъ что́ пришлось подъ руку *). Одинъ турокъ прибѣжалъ ко мнѣ жалуясь, что болгаринъ отвязалъ у него верховую лошадь и просилъ возвратить. Я было пошелъ, но — куда, болгарина ужъ и слѣдъ простылъ. Возвращаясь обратно, я случайно увидѣлъ, что одна дверь захлопнулась при моемъ приближеніи. Я подошелъ къ избѣ. Дверь заперта изнутри. Я приказалъ людямъ, находившимся со мной,

---

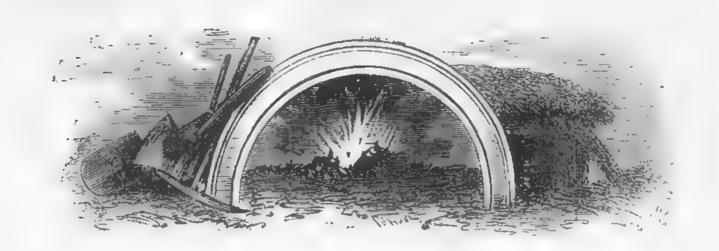
*) Ихъ уже со всѣхъ сторонъ сбѣжалась опять масса, какъ только мы заняли Ахметъ-Бей.

оцѣпить избу и войти туда. Отворивши дверь, мы уже никого въ избѣ не нашли, болгаринъ успѣлъ бѣжать черезъ чердакъ. На полу былъ цѣлый узелъ турецкихъ вещей, довольно хорошихъ и цѣнныхъ, которыя онъ видимо началъ уже разбирать.

Въ конвой къ транспорту послана была рота Австрійскаго полка, а мы потянулись обратно въ Люле-Бургасъ, куда и пришли уже часовъ въ 10 вечера. Товарищи встрѣтили насъ точно воскресшихъ изъ мертвыхъ, послѣ тѣхъ ужасовъ, которыхъ наслышались они отъ грековъ, извѣстившихъ о нашей погибели.

Этой экспедиціей окончились всѣ наши военныя дѣйствія. Началась уже совершенно мирная жизнь, въ ожиданіи кораблей, тревожимая только различными воинственными слухами. Но долго долго еще пришлось ожидать полку вступленія на родной берегъ. Даже больше, чѣмъ протекло до сихъ поръ съ выступленія изъ Варшавы. Только въ августѣ мѣсяцѣ, 26 числа, т. е. ровно черезъ годъ и одинъ день, полкъ снова увидѣлъ Варшаву.

А. Луганинъ.

Изъ похода
Лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка
въ 1877—1878 гг.

Новачинъ.

Великій, но тяжелый день выпалъ на долю лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка 10-го ноября 1877 года. Полкъ кровью написалъ объ немъ страницу въ своей исторіи. Въ этотъ день счастье было противъ насъ, но по крайней мѣрѣ драгуны доказали, что они умѣютъ умереть, когда не въ силахъ побѣдить, и если не всѣ они сложили свои головы въ этомъ злополучномъ дѣлѣ, то это была не ихъ вина, а видно воля Божія. Постараюсь описать это дѣло, на сколько самъ его видѣлъ или что́ слышалъ отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Сперва попробую описать нѣсколько предшестовавшихъ дѣйствій полка и набросать легкій топографическій очеркъ той мѣстности, по которой пришлось идти передъ началомъ дѣла, также, какъ и той гдѣ разыгралось самое дѣло.

28-го октября городъ Враца былъ взятъ Драгунскимъ и Конно-Гренадерскимъ полками, въ то время какъ л.-гв. Уланскій Его Величества полкъ оперировалъ противъ него съ сѣвера. Турки, испуганные внезапнымъ появленіямъ нашей конной артиллеріи въ тылу ихъ ложементовъ начавшей обстрѣливать ихъ, не выдержали стремительной пѣшей и конной аттаки обо-

ихъ полковъ и бросились въ разсыпную черезъ городъ въ Изгориградское ущелье, лежавшее къ юго-западу отъ него, преслѣдуемые спѣшенными драгунами и конно-гренадерами выбивавшими штыками изъ домовъ засѣвшихъ въ нихъ. Предполагали, что турки изберутъ дорогу на Софію отъ Врацы черезъ с. Дерманцы, Кара-Дербентское ущелье на Лютиково и Орханіе; въ виду этого дивизіонъ драгунъ (2-й и 4-й эскадроны), подъ командой полковника Лихтанскаго, былъ отправленъ на полныхъ рысяхъ въ обходъ занять переправы черезъ р. Искеръ у Дерманцевъ, Реберкова и Лютаго-Брода. У Дерманцевъ дивизіонъ встрѣтилъ около четырехъ сотъ черкесовъ, которые видимо были удивлены нашимъ появленіемъ и сперва даже кажется не знали, кто передъ ними—враги или свои, но разсмотрѣвъ насъ быстро встрѣтили бѣглымъ огнемъ. Наши наѣздники, подъ командой капитана Мейнандера и прапорщика Назимова 2-го, вылетѣли впередъ и завязали перестрѣлку, въ то-же время 2-й эскадронъ, подъ командой капитана барона Стемпеля, быстро перешелъ на лѣвый берегъ Искера,—хотя въ этомъ мѣстѣ рѣка очень быстра и дно покрыто большими каменьями—и обошелъ Дерманцы. По приказанію барона Стемпеля я спѣшилъ полуэскадронъ, разсыпалъ цѣпь и сталъ наступать. Въ то-же время 4-й эскадронъ подъ командой Назимова аттаковалъ съ фронта. Черкесы не выдержали и, боясь быть отрѣзанными, ускакали въ ущелье. Мы ихъ не преслѣдовали, а только послали за ними наблюдательные разъѣзды въ Кара-Дербентское ущелье, ожидая съ минуты на минуту, что въ случаѣ удачной аттаки на Врацу оттуда долженъ появиться отступающій непріятель. Я сказалъ уже выше отъ чего наши ожиданія не исполнились: непріятель бѣжалъ другой дорогой и, прождавъ напрасно до пяти часовъ вечера, мы получили извѣстіе, что Враца взята, и приказаніе, оставивъ наблюдательные посты, присоединиться къ полку. Приказаніе это пришло, когда солнце уже садилось, а до Врацы было добрыхъ верстъ пятнадцать. Полковникъ Лихтанскій сталъ разспрашивать проводника болгарина нѣтъ ли болѣе короткой дороги.

«Тука има пыть добра» (тутъ хорошая дорога), увѣрялъ послѣдній, указывая на небольшую тропинку идущую на гору, у подножія которой мы стояли. Послѣ неоднократныхъ увѣреній въ доброкачественности дороги дивизіонъ отправился. Люди шли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Сперва дорога дѣйствительно была сносна, но чѣмъ дальше мы подымались становилась все уже, чаще и чаще стали попадаться большіе камни, на которые приходилось взлѣзать. Лошадей пускали на длинномъ поводу и онѣ прыгали съ камня на камень, какъ по ступенямъ лѣстницы. Повернуть назадъ не было возможности, до того тропинка была узка, а спускъ былъ-бы еще труднѣй. Между тѣмъ темнѣло все больше и больше и, когда мы взобрались на верхъ, была уже ночь. На этотъ подъемъ по кратчайшему пути мы употребили добрыхъ два часа, и, удивительно, какъ еще лошади, не пообрывались внизъ. Въ этотъ день мы убѣдились, что и наши лошади, непривыч-

ныя къ горамъ, могутъ лазить, какъ кошки. Еще часа четыре проблуждали мы между горъ въ страшной темнотѣ, и только во второмъ часу ночи попали на бивуакъ, расположенный впереди города Врацы. Не задолго передъ нашимъ приходомъ съ плато горы, лежавшей за Врацей, бѣглецы, забравшіеся туда, дѣлали выстрѣлы по нашимъ постамъ. Всѣ были очень обрадованы взятіемъ Врацы, этотъ пунктъ оказался важнѣе чѣмъ предполагали: въ немъ захватили громадные склады ячменя и пшеницы, эта была житница сѣверо-западной Болгаріи, складочный пунктъ, откуда продовольствіе отправлялось въ Плевну и другія мѣста. Но некогда было долго отдыхать послѣ удачи. 30-го октября л.-гв. Драгунскій полкъ со взводомъ казачей батареи долженъ былъ отправиться въ рекогносцировку, подъ командой полковника Ковалевскаго, на Лютиково и, обойдя Орханіе, занять Врачешь и отрѣзать путь отступленія туркамъ изъ Орханіе, когда ихъ будутъ тѣснить оттуда, долженствовавшіе аттаковать ихъ съ фронта, бригада пѣхоты и кавказская бригада генерала Черевина. Объ силѣ Лютиковскихъ укрѣпленій, численности ихъ гарнизона, такъ же какъ Врачеша и даже Орханіе ничего не было извѣстно; и о первыхъ двухъ думали, что это незначительные ложементы съ маленькимъ гарнизономъ безъ орудій; а главное, разсчитывая на внезапность, можно было надѣяться на многое.

Полковникъ Ковалевскій выбралъ тотъ путь, часть котораго уже дѣлалъ нашъ дивизіонъ въ день взятія Врацы, т. е. черезъ р. Искеръ, д. Дерманцы, Реберково и Кара-Дербентское ущелье на Лютиково. Мы выступили рано утромъ. Для разчистки дороги была назначена особая команда съ лопатами и топорами. Полуэскадронъ былъ назначенъ помогать артиллеріи въ трудныхъ мѣстахъ дороги.

До Дерманцевъ и Реберково дорога была еще сносна, хотя и весьма камениста, а у Дерманцевъ пришлось переправляться черезъ быстрый Искеръ. Пройдя Реберково дорога идетъ на протяженіи $1^1/_2$ версты берегомъ Искера, по узенькому карнизу горы, надъ крутымъ обрывомъ, все подымаясь вверхъ, и вся усѣяна большими камнями. Тутъ приходилось идти шагъ за шагомъ. Артиллеріи въ особенности было трудно, но надо отдать справедливость молодцамъ казакамъ: чуть орудіе завязнетъ или наклонится на бокъ, уже нумера соскочили и въ мигъ поддержатъ и выправятъ орудіе, даже не давали нашей командѣ слѣзть. «Не надо, братцы, сами управимся», и управлялись лихо, любо было смотрѣть. Пройдя по этому карнизу, дорога сходитъ въ виноградники, черезъ которые идетъ версты двѣ, и затѣмъ уже входитъ въ Кара-Дербентское ущелье. Горы становятся выше и выше. По откосу одной изъ нихъ ползетъ наша дорога, съ одной стороны которой течетъ въ рытвинѣ горный ручей. Иногда эта рытвина достигаетъ большой глубины съ очень крутыми обрывами, иногда же ручей течетъ почти наравнѣ съ дорогой. Ширина ее по большей части такова, что три всадника едва могутъ ѣхать рядомъ, но мѣстами встрѣчаются

довольно широкія плато. На всемъ протяженіи она усѣяна крупными каменьями, ужасно затрудняющими движеніе. Съ большими усиліями мы прошли по ущелью верстъ пять и вдали показалось зданіе, которое мы впослѣдствіи окрестили названіемъ караулки, на картахъ же оно обозначено подъ именемъ С. Кара-Дербентъ. Не вдалекѣ отъ этого зданія дорога дѣлаетъ поворотъ, и едва голова нашей колонны появилась у него, какъ ее встрѣтила выстрѣлами изъ за караулки расположенная за ней кавалерійская часть, около двѣсти, триста черкесовъ. Въ мигъ головной эскадронъ спѣшился, разсыпалъ цѣпь и сталъ наступать на караулку. Черкесы побросали ящики съ патронами, нѣсколько ружей и лошадей и, подобравъ своихъ раненыхъ, ускакали. Но эта встрѣча сильно помѣшала нашимъ планамъ; о нечаянномъ нападеніи не могло быть и рѣчи. Тревога была сдѣлана; непріятель былъ предупрежденъ. Мы двинулись дальше. За караулкой дорога расходилась на двѣ, одна шла на Новачинъ и Орханіе, другая на Лютиково, и возлѣ перекрестка была довольно большая лощина. Полковникъ Ковалевскій повелъ отрядъ на Лютиково, между тѣмъ, пока у насъ была перестрѣлка и пока мы продвинулись еще верстъ на пять, стало почти темно, и не доходя версты три до Лютикова мы расположились въ небольшой ложбинѣ за рощицей, а передовой постъ выдвинули къ д. Радотину, изъ которой турецкіе посты быстро отступили. На ночь были приняты всѣ предосторожности, заложены секреты, а по дорогѣ къ Новачину посланъ полуэскадронъ подъ командою капитана Мейнандера для развѣдокъ. Полковникъ Ковалевскій еще съ вечера ѣздилъ на гору посмотрѣть непріятельскія укрѣпленія, но кромѣ огней ничего не было видно Между тѣмъ болгаре стали являться изъ д. Радотина и Рашково съ донесеніями, что у Лютикова цѣлыхъ три ряда укрѣпленій съ нѣсколькими орудіями и гарнизономъ около шести таборовъ, въ Новачинѣ же укрѣпленный лагерь и около трехъ таборовъ солдатъ и много черкесовъ.

На утро, чуть свѣтъ, командиръ отряда съ командиромъ артиллерійскаго взвода поручикомъ Рыковскимъ поѣхалъ на гору и тамъ они убѣдились, что укрѣпленій дѣйствительно много и даже виднѣлись орудія, но быстро сѣвшій туманъ помѣшалъ имъ разглядѣть подробности, но этого было довольно. Немыслимо было начинать аттаку съ нашими ничтожными силами, по этому полковникъ Ковалевскій приказалъ поручику Глоба остаться подождать пока туманъ подымется и снять съ горы кроки мѣстности и укрѣпленій, отряду же велѣно было отступать. Капитанъ Мейнандеръ донесъ, что они видѣли большой лагерь на горѣ у Новачина, а впереди его въ долинѣ значительную кавалерійскую часть человѣкъ до четырехъ сотъ, а два наши охотника даже близко подползали къ нимъ ночью и убѣдились, что это были черкесы. Болгары, увидавъ, что мы уходимъ, явились умолять подождать пока они успѣютъ бѣжать въ горы изъ д. Радотино и Рашково, иначе турки ихъ вырѣжутъ. Полковникъ Ковалевскій для

этого позволилъ остаться вызвавшемуся охотникомъ капитану барону Стемпель съ 1-мъ полуэскадрономъ 2-го эскадрона, поручивъ ему кстати дождаться пока поручикъ Глоба сниметъ кроки. Капитанъ Стемпель приказалъ мнѣ спѣшить взводъ и заложить секретъ у Радотина, что я и исполнилъ, пройдя скрытно по оврагу у деревни.

Нѣсколько разъ появлялись изъ деревни Рашки кучки всадниковъ и разъѣзжали впереди Радотина, но не рисковали подъѣзжать близко. Мы впрочемъ не открывали огня, чтобы не помѣшать поручику Глобѣ окончить его работу. Какъ на зло туманъ не поднимался очень долго. Только около 2-хъ часовъ поручикъ Глоба съѣхалъ съ горы и послѣдніе болгары бѣжали изъ деревень, тогда, сѣвъ на коней, мы стали отступать, но въ этотъ день уже не попали во Врацу, а ночевали въ Дерманцахъ, и только на другое утро прибыли на общій бивуакъ. Изъ этой рекогносцировки, кромѣ патроновъ и ружей взятыхъ у караулки, мы привезли важныя свѣдѣнія о силѣ укрѣпленій и гарнизоновъ, изслѣдовали дороги, которыя оказались очень трудно проходимы для артиллеріи, и добыли кроки мѣстностей и укрѣпленій у Лютикова.

На слѣдующей недѣлѣ полкъ сдѣлалъ еще двѣ рекогносцировки г. Берковаца.

8-го ноября 2-й эскадронъ былъ назначенъ идти въ Дерманцы и выставить летучую почту до уланскихъ постовъ въ д. Радомирцахъ, чтобы войдти въ связь съ д. Яблоницей на Орханійскомъ шоссе, гдѣ находился самъ Г. Гурко съ гвардейскимъ корпусомъ. Эскадронъ въ 10-ти рядномъ составѣ во взводѣ выступилъ въ 11-мъ часу, а къ двумъ былъ въ Дерманцахъ. Въ эскадронѣ были слѣдующіе офицеры: командиръ эскадрона капитанъ баронъ Стемпель, штабсъ-капитанъ Гульковскій, поручикъ Свищевскій и прапорщики Пыжовъ и Велинскій. Баронъ Стемпель поручилъ мнѣ взять сборный взводъ и выставить посты летучей почты. Я отправился немедленно и такъ какъ посты пришлось разставить верстъ на 40, то окончить это порученіе пришлось только поздно вечеромъ, поэтому, пославъ донесеніе, что мы вошли въ связь съ уланскими постами, я остался ночевать на крайнемъ посту. По дорогѣ при разстановкѣ постовъ, подходя къ одной деревнѣ, мы услыхали частые выстрѣлы. Я тотчасъ остановилъ своихъ людей и поѣхалъ узнать въ чемъ дѣло. Не напали-ли на деревню баши-бузуки или черкесы, которые часто бродили въ тѣхъ мѣстахъ. Оказалось, что это *братушки* раздобыли гдѣ-то ружья и подняли усиленную стрѣльбу въ цѣль, кстати я думаю больше для того, чтобы баши-бузуки и черкесы, если таковые были гдѣ по близости, слышали, что и у нихъ тоже есть пушки (ружья).

Утромъ я отправился назадъ въ Дерманцы. Проѣхавъ двѣ трети пути, я встрѣтилъ почтоваго и спросилъ: нѣтъ-ли чего новаго на пикетѣ?

Наши ушли, ваше высокоблагородіе, драться.—Какъ? Что! Куда? Никакой экспедиціи не предвидѣлось, когда я уѣзжалъ. Меня взяла ужасная досада. Неужели я опоздаю? Опоздаю, изъ-за того, что ночевалъ на крайнемъ посту, а какъ видно рекогносцировка серьезна: почтовый сказалъ, что кромѣ нашего полка пошли конно-гренадеры и батарея.

Я пустилъ лошадь полной рысью и къ тремъ часамъ былъ въ Дерманцахъ. Тамъ я нашелъ оставленный подъ командой прапорщика Пыжева взводъ. У Пыжева была недовольная мина, что ему пришлось остаться, чего понятно ему очень не хотѣлось. У насъ было заведено правило, когда эскадронъ шелъ въ дѣло не въ полномъ составѣ и кому либо изъ офицеровъ приходилось остаться, то младшіе офицеры оставались по очереди. Въ этотъ день приходилось кажется оставаться прапорщику Велинскому, но такъ какъ очередь у нихъ немного посбилась, то они предоставили рѣшить случаю и тянули на узелки. Судьба благопріятствовала Велинскому: онъ вытащилъ счастливый узелокъ *идти* и прыгалъ отъ радости, какъ ребенокъ. Бѣдняга не зналъ, что это была его послѣдняя экспедиція.

Итакъ, я нашелъ въ Дерманцахъ пикетъ и Пыжева. Онъ сообщилъ мнѣ, что три эскадрона конно-гренадеръ, 2-я Гвардейская конная батарея полковника Таля, наши 3-й, 4-й и полуэскадронъ 2-го, подъ командой генерала Клодта, ушли уже часа два назадъ. Они должны демонстрировать противъ Лютикова и Новачина, пока генералъ Гурко будетъ брать Правецъ.

Я отдохнулъ съ полчаса и, взявъ съ собой одного унтеръ-офицера, поѣхалъ догонять отрядъ. Они имѣли много времени впереди меня, но за то ихъ навѣрно задерживала артиллерія. Дорога мнѣ была уже порядочно знакома, такъ какъ два раза уже приходилось по ней ѣздить.

Я ѣхалъ прислушиваясь: вотъ, вотъ раздадутся выстрѣлы: наши, какъ въ первый разъ, наткнутся на передовые посты или на конную часть. Но нѣтъ, все было тихо, только и слышался шумъ ручья бѣжавшаго внизу ущелья. Уже порядочно стемнѣло, когда я подъѣхалъ къ караулкѣ и увидалъ расположившихся возлѣ нее нашихъ и артиллерію. Огни не были разведены, чтобы съ вершинъ оттуда не замѣтилъ насъ непріятель.

Первый мнѣ попалъ на встрѣчу мой эскадронный командиръ.

— А мы ужъ васъ не ждали: думали, что извѣстіе поздно дойдетъ до васъ и вы не поспѣете къ дѣлу. Пойдемте въ караулку, тамъ всѣ наши.

Дѣйствительно въ караулкѣ были собравшись всѣ. Читали вырѣзки изъ газетъ полученныя изъ Петербурга въ письмѣ поручикомъ Свищевскимъ наканунѣ выступленія въ экспедицію. Это были извѣстія съ театра войны, гдѣ мы сами дѣйствовали, а между тѣмъ не знали ничего объ дѣйствіяхъ другихъ отрядовъ. Все это глоталось съ жадностью. Всѣ были веселы: болтали, смѣялись.

«Вотъ Богъ дастъ и объ завтрашнемъ дѣлѣ узнаемъ изъ газетъ мѣсяца черезъ два».

«Господа я готовъ спорить, что мы завтра будемъ рубиться», слышались голоса съ разныхъ сторонъ.

Пошли предположенія, гдѣ будетъ лучше, то есть дѣло будетъ пожарче, въ Новачинскомъ или Лютиковскомъ отрядѣ. Я забылъ сказать, что было слѣдующее распоряженіе: нашимъ двумъ съ половиной эскадронамъ съ двумя орудіями, подъ командой полковника Лихтанскаго, идти на Новачинъ, открыть огонь въ 9 часовъ утра и поддерживать до 3 пополудни. Тремъ эскадронамъ конно-гренадеръ съ четырьмя орудіями, подъ личнымъ начальствомъ Г. Клодта, идти на Лютиково и дѣйствовать, какъ и намъ.

Въ караулкѣ уже былъ разведенъ огонекъ и кипѣли походные чайники.

— Эхъ чай-то весь. Завтра и заварить нечего послѣ дѣла, сказалъ Велинскій. Деньщикъ положилъ всего одну щепотку въ кобуру.

Появились на сцену изюмъ и грецкіе орѣхи, раздобытые во Врацѣ, гдѣ тортовля, со взятіемъ нашими этого города, перешла вся въ руки болгаръ и въ одну недѣлю истощились ихъ запасы рахатъ-лукума, орѣховъ и изюму—единственныхъ предметовъ для десерта.

Въ это время у караулки оставались только наши эскадроны и взводъ артиллеріи капитана Усова; а Конно-Гренадерскій полкъ съ четырьмя орудіями продвинулся впередъ къ деревнѣ Радотино. Долго еще шли споры и веселый говоръ, какъ около полуночи унтеръ-офицеръ привезъ полковнику Лихтанскому записку отъ начальника отряда.

Все смолкло моментально. Въ этой запискѣ была отмѣна первоначальнаго предположенія: мы не должны ужъ были идти демонстрировать къ Новачину, а только полтора наши эскадрона (4-й и половина 2-го) выдвигались версты на двѣ отъ перекрестка къ сторонѣ Новачина, и должны были служить заслономъ, въ случаѣ еслибъ турки стали наступать оттуда, а главное наше назначеніе было, во что бы то ни стало, удержать за собою караулку, такъ какъ съ потерей ее терялся единственный путь отступленія Лютиковскаго отряда и онъ оставался запертымъ между Лютиковымъ и караулкой. Третьему эскадрону и взводу артиллеріи слѣдовало присоединиться къ Лютиковскому отряду.

У всѣхъ насъ вытянулись лица. На нашу долю, по всѣмъ вѣроятіямъ, выпадала на завтра совсѣмъ пассивная роль. Трудно было предположить, что турки перейдутъ въ наступленіе изъ Новачина, и намъ придется только простоять весь день, и слушать, какъ будутъ драться у Лютикова. Ужасно грустная перспектива. Въ особенности послѣ тѣхъ блестящихъ предположеній, которыя только что высказывали и обсуждали. Все веселье сразу пропало. Съ горя каждый прикурнулъ гдѣ могъ, но, понятно, всѣмъ плохо спалось.

Я уже говорилъ, что отъ караулки дорога раздѣляется на двѣ и одна изъ нихъ идетъ на Новачинъ черезъ ущелье Кара-Дербентъ. Сперва версты на полторы она еще была сносна, хотя на каждомъ шагу встрѣчались

рытвины или большіе камни. На второй верстѣ ущелье расширяется и дорога спускается по косогору въ небольшую долину между горъ съ четверть версты ширины. На косогорѣ этомъ дорога въ особенности изрыта и плоха, съ одной стороны ее крутой бокъ горы.

Перейдя долину дорога опять входитъ въ ущелье и тутъ остановится все уже и уже. Съ одной стороны почти отвѣсная скала, съ другой обрывъ въ глубокій оврагъ, и вся ширина дороги такова, что трое конныхъ едва помѣщаются въ рядъ. Въ двухъ мѣстахъ попадаются мостики изъ положенныхъ вдоль и плохо укрѣпленныхъ бревенъ.

Наконецъ, пройдя верстъ шесть, ущелье расширяется, горы расходятся и образуютъ Новачинскую долину, шириной версты въ полторы. Въ срединѣ ее у подножья горъ находится долина Новачинъ. Въ концѣ долины къ сторонѣ Орханіе, двѣ крутыхъ горы, на вершинахь которыхъ находился укрѣпленный турецкій лагерь, а на востокъ отъ этихъ горъ лежитъ деревня Скривены. Между горой и деревней протекаетъ рѣчка, которая огибаетъ гору и идетъ вдоль долины. Новачинская долина пересѣкается двумя рытвинами крутыми и глубокими. Одна изъ нихъ, та, которая ближе къ входу въ ущелье, такой ширины, что перескочить черезъ нее невозможно, а приходится переѣзжать по очень плохому мостику.

Рано мы поднялись 10-го ноября. Погода, какъ будто сочувствовала нашему дурному расположенію духа: вершины были затянуты густымъ туманомъ и непріятная сырость забиралась въ платье. Тихо эскадроны наши сѣли на коней, и съ завистью посматривали мы на третій эскадронъ, двигавшійся къ Лютикову. Но вотъ тронулись и мы въ глубокомъ молчаніи. Полковникъ Лихтанскій рѣшилъ выдвинуться на двѣ версты, и занять спускъ изъ ущелья въ маленькую долину, про которую я уже писалъ. Мѣсто превосходное для обороны и задержки непріятеля, гдѣ нашъ спѣшенный эскадронъ могъ бы противостоять гораздо сильнѣйшему непріятелю. Молча прошли мы съ полверсты, какъ вдругъ сзади раздался грохотъ ѣдущей артиллеріи и, какъ электрическій токъ, пронеслась вѣсть: новое приказаніе, мы идемъ, какъ было рѣшено сначала, демонстрировать съ артиллеріей къ Новачину. Все въ минуту ожило, всѣ лица наши разцвѣли улыбками. Мы опять шли въ дѣло, и если не всѣ будутъ въ огнѣ, то хоть цѣпь наѣздниковъ побываетъ въ перестрѣлкѣ. Это счастливое назначеніе досталось капитану барону Стемпелю, которому полковникъ Лихтанскій поручилъ взять подъ свое начальство въ цѣпь полуэскадронъ. Колонна двигалась медленно въ туманѣ. Дальныхъ разъѣздовъ не высылали, чтобы они, наткнувшись на непріятеля, не выдали нашего присутствія и тѣмъ не предупредили ихъ.

Составъ нашей колонны былъ слѣдующій: начальникъ отряда полковникъ Лихтанскій, полуэскадронъ 2-го эскадрона, командиръ эскадрона ка-

питанъ баронъ Стемпель, офицеры: штабсъ-капитанъ Гульковскій, поручикъ Свищевскій и прапорщикъ Велинскій, 4-й эскадронъ подъ командой капитана Мейнандера, офицеры: поручикъ Тудерусъ, прапорщики Зинкевичъ, Назимовъ и корнетъ графъ Толстой. Взводъ 2-й гвардейской конной батареи, командиръ взвода капитанъ Усовъ.

Въ восемь часовъ голова нашей колонны дебушировала изъ ущелья въ Новачинскую долину. Туманъ сталъ понемногу подниматься, но верхняя половина горъ еще была окутана имъ. Въѣхавъ въ долину, мы увидали у подножія горы близъ д. Новачина небольшіи кучки пѣхотинцевъ, повидимому ихъ цѣпь. Должно быть они были предупреждены о нашемъ приходѣ, но туманъ мѣшалъ имъ видѣть нашу малочисленность, и они скрылись бѣгомъ за гору, и наши орудія, снявшись съ передковъ, едва успѣли пустить имъ гранату. Отрядъ нашъ немного пріостановился. Полковникъ Лихтанскій поскакалъ съ капитаномъ Усовымъ выбрать артиллерійскую позицію, а капитану Стемпелю приказалъ идти съ наѣздниками раскрыть непріятеля. Капитанъ взялъ подъ свое начальство 1-й взводъ 2-го эскадрона и назначенный ему взводъ 4-го эскадрона поручика Тудеруса; въ этомъ-же взводѣ находился прапорщикъ Зинкевичъ. Мой взводъ былъ разсыпанъ въ цѣпь и быстро двинулся впередъ. Взводъ поручика Тудеруса слѣдовалъ за нами въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ, составляя резервъ цѣпи. Самъ баронъ Стемпель находился съ нами въ цѣпи впереди всѣхъ, замѣтивъ неясныя линіи у подножія горъ съ лагеремъ, онъ поскакалъ впередъ съ трубачемъ осмотрѣть не были-ли то турецкіе ложементы, но оказалось, что то были кусты. Въ то-же время полковникъ Лихтанскій послалъ капитана Мейнандера съ разъѣздомъ осмотрѣть д. Новачинъ, а поручика Свищевскаго съ однимъ унтеръ-офицеромъ къ мельницѣ на рѣкѣ, узнать нѣтъ-ли тамъ непріятеля. Цѣпь наша, двигаясь на полныхъ рысяхъ, скоро достигла рѣчки огибавшей подножіе горъ съ турецкими укрѣпленіями. На вершинахъ уже можно было различить ряды палатокъ и какія-то земляныя насыпи, но не видно было ни одного человѣка и по насъ не дѣлали ни одного выстрѣла. Все, какъ будто вымерло. У рѣки мы встрѣтили старика пастуха, который сообщилъ намъ, что въ лагерѣ есть пушки, но солдатъ немного больше табора. Мы перешли рѣку въ бродъ и двинулись вдоль подножія горы слѣва. Насъ отдѣляло отъ ложементовъ разстояніе не болѣе трехъ сотъ шаговъ, но турки все упорно молчали. Ужъ не бросили-ли они Новачинъ, и не бѣжали-ли? пришла невольно мысль. Не въ ихъ характерѣ было молчать такъ долго. Бывало, чуть завидятъ, уже шлютъ намъ пули версты за двѣ. Но это предположеніе скоро исчезло: когда мы поровнялись съ д. Скривены, то увидали вправо отъ себя въ полгоры кучку кавалеристовъ. Правый флангъ наѣздниковъ замѣтилъ ихъ и мой взводный Подопригора съ рядовыми: Коняевымъ и Старухинымъ, не считая непріятеля, бросились отважно на гору и черезъ минуту исчезли съ турками за не-

большимъ уступомъ. Въ то-же время турки открыли по насъ огонь изъ ложементовъ, а сзади насъ справа раздался выстрѣлъ нашей артиллеріи. Капитанъ Стемпель приказалъ подать аппель заскакивавшимъ наѣздникамъ, а цѣпи собраться къ лѣвому флангу, по исполненіи чего мы отошли немного назадъ и спустились въ рѣку, и, чтобъ не терпѣть напрасно отъ огня, стали пока за крутымъ ее берегомъ. Еще нѣсколько разъ подали аппель заскакивавшимъ, и черезъ минуты двѣ увидали спускающуюся съ горы группу всадниковъ; три изъ нихъ шли пѣшкомъ и вели коней въ поводу, видно ранили лошадей; но что-жъ въ такомъ случаѣ они ихъ не бросятъ? Но вотъ кучка подъѣхала ближе и дѣло разъяснилось: трое пѣшихъ были плѣнные турки; въ поводу они вели вьючныхъ муловъ. Еще ближе, мы увидали, что на спинѣ одного мула былъ вьюкъ изъ подъ горнаго орудія, а у двухъ другихъ зарядные ящики.

— Гдѣ-жъ орудія? вскрикнулъ капитанъ Стемпель.

— Они сбросили что-то на горѣ, в. в—іе, когда мы наскочили рубить ихъ.

— Это орудіе, надо взять его. Ребята, за мной впередъ!

Капитанъ еще не успѣлъ кончить своихъ словъ, какъ мой взводъ уже вылетѣлъ изъ за берега и бросился въ карьеръ къ горѣ; съ нами поскакалъ прапорщикъ Зинкевичъ, хотя взводъ 4-го эскадрона оставался въ резервѣ. Но турки не дремали: предупрежденные сбѣжавшими артиллеристами, что орудіе брошено, они выслали пѣхотную цѣпь, которая бѣгомъ опустилась съ горы и встрѣтила насъ огнемъ. Въ первоначальной реляціи было сказано, что мы аттаковали спѣшенную кавалерію, это ошибка произошла отъ того, что насъ ввело въ заблужденіе то, что у большинства въ торопяхъ штыки не были примкнуты, но болгары и плѣнные изъ новачинскаго гарнизона, которыхъ брали впослѣдствіи, подтвердили, что эта была пѣхота. Въ одинъ мигъ налетѣли мы на цѣпь, немного выстрѣловъ удалось имъ дать и не успѣли они опомниться, какъ пошла потѣха. Черезъ двѣ, три минуты на дорогѣ и по горѣ валялось до сорока труповъ, девять человѣкъ были взяты въ плѣнъ, остальные убѣжали въ разсыпную въ д. Скривены и на гору. Но увы, орудія успѣли уже убрать, а изъ ложементовъ насъ осыпали пулями. Они видѣли разгромъ своей цѣпи, и хотѣли отплатить намъ за него. Пули сыпались градомъ съ разстоянія менѣе трехъ сотъ шаговъ, но Провидѣніе хранило насъ: у насъ не было ни одного убитаго или раненаго, несмотря на нашу лихую аттаку, только одной лошади была разорвана штыкомъ ноздря. Я думаю, что только благодаря стремительности аттаки взводику въ двадцать шесть человѣкъ, считая офицеровъ, удалось уничтожить цѣпь пѣхоты въ шестьдесятъ человѣкъ. Повсюду намъ служилъ примѣромъ нашъ лихой командиръ баронъ Стемпель; всегда впереди тамъ, гдѣ было всего жарче, онъ безстрашно работалъ въ свалкѣ, то саблей, то револьверомъ и на моихъ глазахъ уложилъ двухъ турокъ,

одного ловкимъ ударомъ, другаго мѣткимъ выстрѣломъ. Но какъ ни быстро мы покончили съ цѣпью, по дорогѣ изъ Орханіе уже показались конные черкесы. Баронъ Стемпель велѣлъ поручику Тудерусу съ резервомъ цѣпи податься впередъ, а взводу моему отступать цѣпью шагомъ, уводя плѣнныхъ, муловъ и забранныя повозки съ патронами. Въ ту-же минуту грянулъ первый выстрѣлъ изъ орудія съ Новачинскаго лагеря и граната, пыхтя, пролетѣла надъ нашими головами, за ней другая, третья, и пошла писать. Гранаты ложились справа, слѣва, спереди, сзади, но мы были закалдованные: онѣ не причиняли намъ вреда. Пріятно было смотрѣть какъ цѣпь, подъ градомъ пуль и гранатъ, стройно отступала шагомъ, ровняясь какъ на ученьи. Солдаты были веселы и изрѣдка слышались замѣчанія и шутки: «ловко, братцы, порубили мы турецкой капусты».

«Гуляй, гуляй, кума, подальше!» слышалось вслѣдъ пролетѣвшей гранатѣ.

У меня врѣзался въ памяти одинъ эпизодъ: подъ самымъ сильнымъ огнемъ я вдругъ вижу, какъ одинъ солдатикъ 4-го эскадрона (къ сожалѣнію не знаю его фамиліи), изъ присоединившагося уже къ намъ взвода Тудеруса, поворачиваетъ въ сторону непріятеля и ѣдетъ шагомъ. Я невольно остановился самъ, слѣдя за нимъ. Онъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ, слѣзъ, поднялъ что то и сталъ притрочивать къ сѣдлу. Оказалось, что онъ обронилъ казенную вещь—мѣдный погнутый котелокъ для варки пищи. Притрочивъ свою драгоцѣнность, онъ сѣлъ и не спѣша догналъ отступающую цѣпь. Отступая потихоньку, мы къ половинѣ одиннадцатаго отошли къ своимъ главнымъ силамъ. Во время всего отступленія у насъ былъ легко контуженъ въ колѣно осколкомъ гранаты одинъ унтеръ-офицеръ, да одной лошади осколкомъ же перебило ногу. Цѣпь наша стала лѣвѣй и впереди артиллеріи, которая въ это время уже перемѣнила позицію и стояла на горѣ у д. Новачино; взводъ прапорщика Назимова былъ посланъ занять мельницу на рѣкѣ, которую осмотрѣлъ поручикъ Свищевскій, а капитанъ Мейнандеръ съ десятью рядовыми наблюдалъ за правымъ флангомъ нашей позиціи, охраняя ее отъ обхода.

Баронъ Стемпель доложилъ П. Лихтанскому, что изъ Орханіе наступаетъ масса черкесовъ, и въ то-же время изъ Лютиковскаго отряда получена была записка, что турецкая пѣхота двигается изъ Лютикова къ Новачину, а такъ какъ посланному пришлось сдѣлать верстъ тринадцать, а на прямикъ отъ Лютиковскихъ укрѣпленій до Новачина было всего верстъ пять, то, читая записку, П. Лихтанскій увидалъ и самую пѣхоту появлявшуюся на горѣ близъ лагеря. Между тѣмъ туманъ разсѣялся и турки замѣтили нашу малочисленность. Получивъ подкрѣпленіе, они выслали густую пѣхотную цѣпь съ фронта, масса черкесовъ наступала по долинѣ, а лютиковская пѣхота пошла въ обходъ нашего праваго фланга по горамъ.

Видя невозможность держаться долѣе, П. Лихтанскій велѣлъ артиллеріи сняться съ позиціи и отступить. Взводу прапорщика Назимова тоже приказано было оставить мельницу и присоединиться къ главнымъ силамъ. Цѣпи нашей приказано было остаться на мѣстѣ задерживать черкесовъ. Поручикъ Тудерусъ былъ посланъ къ зарядному ящику оставленному въ ущельи, съ приказаніемъ отступать. Я забылъ упомянуть, что когда наша цѣпь отошла къ главнымъ силамъ, то мы увидали сзади Новачина огромную толпу болгаръ съ женами, дѣтьми, каруцами, скотомъ и всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Они по всегдашней привычкѣ при началѣ дѣла собрались сзади русскихъ, чтобъ, если мы одержимъ верхъ, вернуться въ свои деревни, если-жъ счастье будетъ противъ насъ, то бѣжать въ горы. Увидавъ, что артиллерія наша снимается, они бросились всей толпой назадъ и запрудили ущелье. Цѣпь наша стояла на мѣстѣ Въ четырехъ стахъ шагахъ отъ насъ остановилась цѣпь черкесовъ, человѣкъ болѣе пяти сотъ, и осыпала насъ пулями, но видя, что мы стоимъ твердо не дѣлая ни шага назадъ, они не рѣшались наступать. Мы даже стояли слишкомъ неподвижно; вотъ примѣръ: гранаты изъ горныхъ турецкихъ орудій хватали только до праваго фланга нашей цѣпи; я видѣлъ какъ одна изъ нихъ ударилась въ десяти саженяхъ отъ правофланговаго и разорвалась, лошадь, испугавшись, отскочила, но онъ справился съ ней и сталъ на прежнее мѣсто; вторая граната ударила гораздо ближе къ нему и обдала его камешками, лошадь опять испугалась и сдѣлала громадный скачекъ, но онъ снова заставилъ ее стать на старое мѣсто. Я едва успѣлъ приказать ему отъѣхать, какъ третья граната ударила въ то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, и, опоздай я на нѣсколько секундъ, онъ былъ-бы убитъ. Лучшіе стрѣлки были спѣшены и поддерживали частый огонь.

Полковникъ Лихтанскій, отойдя съ версту, занялъ новую артиллерійскую позицію и послалъ черкесамъ нѣсколько гранатъ. Въ то-же время онъ подалъ аппель нашей цѣпи, но капитанъ Стемпель не отступалъ, видя что только стоя на мѣстѣ мы удерживаемъ черкесовъ. П. Лихтанскій самъ подскакалъ къ цѣпи и, убѣдившись въ положеніи дѣла, велѣлъ барону Стемпелю держаться, обѣщая прислать ему подкрѣпленіе, что̀ и исполнилъ немедленно, прославъ прапорщика Данилевскаго и корнета графа Толстаго со взводомъ. Въ то-же время подошелъ къ намъ отступившій отъ мельницы прапорщикъ Назимовъ и поручикъ Свищевскій съ своимъ разъѣздомъ.

Получивъ такое огромное подкрѣпленіе въ сорокъ пять человѣкъ, мы спѣшили большую часть и открыли сильный огонь. Почти часъ наши восемьдесятъ человѣкъ удерживали болѣе пяти сотъ, въ это время артиллерія наша отступала, занимая послѣдовательно до четырехъ позицій. Къ половинѣ двѣнадцатаго турецкая пѣхота подошла къ цѣпи черке-

совъ, а та, которая пришла изъ Лютикова, появилась на нашемъ правомъ флангѣ. Приходилось отступать, но мы отступали то всей цѣпью, то частями спѣшиваясь и небольшими кучками въ пять, десять человѣкъ и почти всей цѣпью при всякой возможности, пользуясь всякимъ мѣстнымъ предметомъ, бросаясь нѣсколько разъ въ аттаку. Въ одной изъ нихъ баронъ Стемпель былъ раненъ въ лѣвую руку, но, несмотря на рану, оставался въ цѣпи, подавая всѣмъ примѣръ безстрашія. Такъ мы дошли до перваго оврага пересѣкавшаго Новачинскую долину, и, хотя онъ былъ шириной около сажени, солдатики наши лихо перехватили черезъ.

За этимъ оврагомъ засѣли снова и открыли сильный огонь, но вскорѣ подошедшая пѣхота заставила насъ снова сѣсть на коней. Едва мы начали отходить, какъ я увидѣлъ, что лошадь барона Стемпеля упала смертельно раненая, въ тотъ же мигъ бывшій его вѣстовой Шмалецъ спѣшился и подвелъ ему коня. Такой же подвигъ самоотверженія выказалъ рядовой Меньщиковъ подведшій коня прапорщику Назимову, лошадь котораго тоже была убита. Такъ мы отступали тихо до втораго оврага, но черезъ этотъ лошади уже не въ силахъ были перескочить, и цѣпи пришлось собраться къ правому флангу, чтобъ проскочить по мостику. Какъ быстро мы это ни сдѣлали, но турки всетаки сосредоточили весь огонь на мосту, и нашихъ много легло тутъ. Всѣхъ раненыхъ подобрали и, такъ какъ перевозочныхъ средствъ не было никакихъ, ихъ отправили на сѣдлахъ съ провожатыми. Проскочивъ черезъ мостъ, мы разсыпались снова, но цѣпь наша стала гораздо рѣже—убыли раненые и повезшіе ихъ. Артиллерія между тѣмъ медленно двигалась впередъ, дорога становилась хуже и лошади уставали. Къ несчастью, на послѣдней позиціи капитанъ Усовъ былъ раненъ. Онъ во все время отличался замѣчательнымъ хладнокровіемъ и командовалъ своимъ взводомъ, какъ на ученьи. Въ то-же время случилась вторая невзгода: съѣзжая съ позиціи на пригоркѣ одно орудіе перевернулось, и черкесы, замѣтивъ это, всѣ ринулись туда.

— Ребята, выручай орудіе! крикнулъ баронъ Стемпель.

Въ минуту вся цѣпь повернула и съ неудержимой силой ринулась впередъ. Нѣсколько мгновеній продолжалась свалка. Черкесы не выдержали, дали тылъ, и горсть въ нѣсколько десятковъ человѣкъ погнала всю эту массу, и гнала до перваго оврага, пока не остановила ее турецкая пѣхота. Но эта аттака дорого намъ стоила: въ самомъ разгарѣ я услыхалъ возлѣ себя голосъ барона Стемпеля: «Чортъ возьми, я раненъ». Въ ту же минуту онъ повернулъ лошадь и выѣхалъ изъ свалки. Онъ былъ раненъ въ животъ. Лихіе прапорщики Данилевскій и Зинкевичъ были тоже ранены; поручикъ Свищевскій и корнетъ Толстой контужены, подъ прапорщикомъ Назимовымъ убита вторая лошадь и онъ собственноручно зарубилъ трехъ черкесовъ, на послѣднемъ шашка его разлетѣлась вдребезги. Капитанъ Мей-

нандеръ былъ контуженъ еще раньше. Я самъ почувствовалъ, когда мы гнали черкесовъ, какъ будто кто сильно огрѣлъ меня палкой по ногѣ, но не обратилъ на это вниманія. Я уже раньше слышалъ два или три сильныхъ толчка, когда пули попадали въ мое сѣдло. Къ концу дѣла въ сѣдлѣ моемъ были четыре пули и пятая въ полушубкѣ. На этотъ разъ я былъ контуженъ въ правую ногу, но, повторяю, съ горяча не почувствовалъ сильной боли. Теперь мнѣ приходилось принять начальство надъ цѣпью. Приказавъ одному унтеръ-офицеру ѣхать съ барономъ Стемпелемъ, а другому рядовому поддерживать капитана Усова, который съ трудомъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, я повелъ назадъ остатки цѣпи. Между тѣмъ артиллерія наша втянулась въ ущелье, но движеніе ее становилось все затруднительнѣе: вся узенькая дорога была запружена бѣгущими болгарами, каруцами, скотомъ. Все это плакало, кричало, ревѣло. Приходилось сбрасывать телеги и скотъ въ пропасть, а черкесы насѣдали все ближе и ближе и были уже въ пятидесяти шагахъ отъ насъ. Спѣшивать людей не было возможности; нужно было отстрѣливаться съ коней и огонь нашъ все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ; число защитниковъ все убывало. Много пуль. предназначавшихся намъ, доставалось на долю несчастныхъ болгаръ, Мужчины, женщины, дѣти, валялись на каждомъ шагу по дорогѣ. Оставшимися въ живыхъ овладѣлъ паническій ужасъ: женщины съ плачемъ, обезумѣвъ, бросали дѣтей подъ ноги нашихъ лошадей и старались сами вскарабкаться на гору. Свисту пуль уже не было слышно, а выстрѣлы раздавались, какъ хлопанье бича.

Цѣпь моя смѣшалась съ послѣднимъ прикрытіемъ орудій,—взводомъ Велинскаго. Назимовъ былъ раненъ. Огонь нашъ слабѣлъ и слабѣлъ; я начиналъ подозрѣвать настоящую причину этого: патроны наши приходили къ концу, такъ какъ мы поддерживали огонь уже часа три. Нѣсколько разъ мы поворачивались небольшими кучками и бросались въ аттаку. Черкесы пріостанавливались на минуту и встрѣчали насъ убійственнымъ огнемъ. Половина насъ ложилась на мѣстѣ, остальные должны были отступать; и попытки наши приводили только къ тому, что артиллерія продвигалась въ это время на нѣсколько десятковъ саженъ. Полковникъ Лихтанскій во все время отступленія по ущелью подавалъ намъ примѣръ неустрашимости и энергіи, появляясь, то среди самаго сильнаго огня и свалки, то у орудій. Смерть летала кругомъ него, но онъ былъ, какъ бы заколдованъ и выходилъ невредимъ повсюду. Но самыя страшныя, самыя тяжелыя для насъ минуты были еще впереди. Мы достигли наконецъ мостика въ ущельи, первое орудіе благополучно перешло его, но когда въѣхало второе, крайнее бревно, положенное вдоль моста отдѣлилось отъ прочихъ и упало внизъ, вслѣдствіе чего лѣвое колесо орудія соскользнуло съ моста и само орудіе повисло надъ пропастью. Нумера въ мигъ соскочили и бросились къ орудію, но оно висѣло, такъ

что съ лѣвой стороны невозможно было подхватить его, поднять же и вытащить за правое колесо не было возможности. Напрасно выбивались изъ силъ прислуга и нѣсколько спѣшившихся нашихъ. Видя, что всѣ усилія ни къ чему не ведутъ, полковникъ Лихтанскій велѣлъ сбросить орудіе въ пропасть, чтобы оно не попало въ руки непріятеля, что́ и было немедленно исполнено. Оставалась надежда, что удастся спасти хоть второе орудіе. До караулки было не болѣе двухъ верстъ. Прапорщикъ Велинскій ѣхалъ возлѣ меня, вдругъ я увидалъ, что лошадь его упала, какъ пораженная громомъ, но самъ онъ быстро вскочилъ на ноги. Я схватилъ бѣжавшую возлѣ насъ трубаческую лошадь, раненую въ ногу, и подвелъ ему.

— Нѣтъ, я сяду лучше на орудіе, сказалъ онъ и, быстро догнавъ второе орудіе, вскочилъ на него. Замѣчательно то, что лошадь, которую я ему предлагалъ, вышла одна изъ огня и пришла впослѣдствіи на бивуакъ. Сядь онъ на нее и онъ былъ бы навѣрно спасенъ. На орудіи уже сидѣлъ раненый прапорщикъ Назимовъ. Мы спустились въ послѣднюю небольшую долинку, про которую я упоминалъ въ началѣ. Орудіе благополучно миновало ее и стало подыматься по косогору, но, увы, въ эту несчастную минуту одна изъ лошадей его убита на-поваль, другая сильно ранена пулями черкесовъ, которые густой лавой выскакивали изъ ущелья и разсыпались по долинѣ.

— Всѣ къ пѣшему строю, крикнулъ я что было силъ, но въ это время возлѣ меня раздались слова: «патроновъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе».

Я понялъ весь ужасъ нашего положенія: спасти орудіе мы были не въ силахъ; три человѣка, у которыхъ еще были патроны, унтеръ-офицеръ моего взвода Климовичъ, рядовой Михѣевъ и еще одинъ солдатикъ 4-го эскадрона спѣшились за орудіемъ на скатѣ горы и засѣли за камнями; имъ удалось потомъ отступить черезъ гору и присоединиться къ своимъ у караулки, при чемъ Михѣевъ, будучи раненъ въ ногу, дотащился ползкомъ.

Намъ оставалось только умереть.

— Ребята, впередъ въ шашки!.

Послѣдняя кучка бросилась на врага.

Въ одну минуту мы были окружены черкесами. Взглядъ мой упалъ на орудіе, вокругъ него уже была цѣлая толпа, а несчастные его защитники уже не были на немъ, они сложили свои головы геройски исполняя свой долгъ.

Орудіе было во власти черкесовъ.

Въ эту страшную минуту П. Лихтанскій не потерялъ самообладанія: онъ помнилъ еще про одинъ долгъ, который лежалъ на насъ. Еслибъ мы продолжали драться, то погибли-бы всѣ безполезно, а между тѣмъ, кромѣ

смерти у орудій, у насъ было еще назначеніе, отъ исполненія котораго зависѣла участь всего остальнаго отряда.

— Пробивайся къ караулкѣ,—скомандовалъ онъ. Остатки нашихъ храбрецевъ, до конца слѣпо исполнявшіе всѣ приказанія, бросились пробираться назадъ. Это были не человѣческія усилія горсти противъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ сильнѣйшаго непріятеля, но усилія эти увѣнчались успѣхомъ: густая толпа не выдержала отчаяннаго удара горсти. Кольце окружавшее насъ разорвалось и мы бросились къ караулкѣ, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Эта послѣдняя свалка стоила намъ двухъ третей остававшихся людей и трехъ офицеровъ: Данилевскаго, Назимова и Велинскаго, павшихъ у орудія и на его лафетѣ. Къ караулкѣ насъ прискакало тринадцать человѣкъ, тамъ уже находился контуженный поручикъ Свищевскій и постъ летучей почты изъ четырехъ человѣкъ, у которыхъ мы отобрали патроны и, спѣшившись всѣ, засѣли въ самой караулкѣ и кругомъ нее. Въ то-же время П. Лихтанскій послалъ меня къ генералу Клодту съ донесеніемъ о положеніи дѣла и съ просьбой о помощи. Я бросился въ карьеръ и въ верстѣ отъ д. Радотинъ встрѣтилъ нашъ 3-й эскадронъ прикрывавшій артиллерію. Дальше я былъ не въ силахъ ѣхать—со мной дѣлалось дурно; мое порученіе я передалъ штабсъ-капитану Шурмѣ, который и поскакалъ исполнять его. Я чувствовалъ страшную боль въ ногѣ, но сознавалъ, что если слѣзу, то уже не въ силахъ буду сѣсть опять на лошадь, и собралъ всѣ силы, чтобъ не поддаваться боли.

Черезъ четверть часа 3-й эскадронъ летѣлъ на выручку своихъ, а сзади самъ генералъ Клодтъ велъ 4-й эскадронъ конно-гренадеръ. Черезъ полчаса мы были у караулки, но тамъ все уже было тихо. Черкесы, появившіеся изъ ущелья, встрѣченные выстрѣлами горсти нашихъ спѣшенныхъ, вѣроятно предположили, что у перекрестка нашъ пѣхотный резервъ и быстро отступили, увозя орудіе. Благодаря энергіи и распорядительности П. Лихтанскаго, караулка была удержана нами и путь отступленія Лютиковскому отряду былъ свободенъ.

Мы выполнили вторую половину своего назначенія, но, увы, какой страшной цѣной: изъ ста тридцати человѣкъ семьдесятъ было убито и ранено. Изъ двѣнадцати офицеровъ, трое убито, трое ранено и четверо контужено. Но самое страшное, самое роковое для насъ это была потеря двухъ орудій. Генералъ Клодтъ лично повелъ эскадроны по дорогѣ къ Новачину, но когда они вошли въ долину, гдѣ происходила послѣдняя свалка, то нашли тамъ только трупы несчастныхъ нашихъ офицеровъ и солдатъ. Орудіе и черкесы уже скрылись. По всему видно было, что они уходили быстро и не успѣли даже, по своему обыкновенію, изуродовать труповъ, а удовольствовались тѣмъ только, что обобрали и раздѣли ихъ. Наступали уже сумерки; преслѣдовать дальше было слишкомъ

рискованно, а потому, подобравъ тѣла офицеровъ и похоронивъ убитыхъ солдатъ, генералъ Клодтъ велѣлъ эскадронамъ отступать. Поздно ночью прибыли мы въ д. Дерманцы, гдѣ нашли нашихъ раненыхъ, а на слѣдующее утро вернулись на бивуакъ во Врацу; въ соборѣ этого города похоронили мы своихъ несчастныхъ товарищей. Несмотря на огромныя потери, цѣль демонстраціи была достигнута: гарнизоны Лютикова и Новачина не могли пойдти на помощь къ турецкимъ войскамъ занимавшимъ Правецъ. Потеря орудій лежала тяжелымъ гнетомъ на душѣ каждаго драгуна. Чтобы уничтожить подавляющее впечатлѣніе этого несчастнаго дѣла и доказать, что полкъ съ честью исполнилъ свой долгъ 10-го ноября, командующій полкомъ полковникъ Ковалевскій просилъ командующаго дивизіей генерала Леонова 1-го нарядить формальное слѣдствіе; просьба его была исполнена. Привожу здѣсь приказъ полку по полку отъ 15-го ноября, выясняющій результаты слѣдствія.

Приказъ 15-го ноября:

«Несчастное дѣло 10-го ноября подъ Новачиномъ, окончившееся отступленіемъ драгунъ 2-го и 4-го эскадрона съ потерей двухъ орудій, преисполнило всѣхъ насъ глубокой скорбью. Никто изъ насъ не сомнѣвался, что въ дѣлѣ этомъ всѣ участники исполняли долгъ свой честно, грудью отстаивали свои орудія, чему доказательствомъ служитъ та геройская половина, которая за ранами или смертью оставила ряды его. Тѣмъ не менѣе съ большой радостью объявляю по полку, что произведенное по порученію командующаго дивизіей принцемъ Саксенъ-Альтенбургскимъ герцогомъ Саксонскимъ и полковникомъ Канищевымъ дознаніе вполнѣ подтвердило, что орудія остались въ ущельи только по тому, что одно свалилось въ кручу, другое завязло и не могло быть вытащено отъ изнуренія лошадей и отъ того, что одна изъ коренныхъ была убита, что при этомъ драгуны, несмотря на явную невозможность вывести орудія, съ самоотверженіемъ отстаивали ихъ, но были подавлены превосходствомъ непріятеля, изрубившаго трехъ офицеровъ, ѣздовыхъ и многихъ драгунъ. Такимъ образомъ, всѣ чины полка пусть знаютъ, что 2-й и 4-й эскадроны доблестно сражались за честь полка; что дѣло подъ Новачиномъ обязываетъ лишь насъ вспомнить въ первомъ сраженіи о необходимости безпощадно отомстить врагу за смерть многихъ нашихъ храбрыхъ товарищей. Командующій полкомъ полковникъ Ковалевскій».

Полкъ во многихъ послѣдующихъ дѣлахъ исполнилъ что́ предписывалъ ему долгъ и этотъ приказъ. А въ дѣлѣ подъ Филлиполемъ 2-му эскадрону удалось расплатиться за потерянныя подъ Новачиномъ орудія, захвативъ съ бою два турецкія орудія.

Гульковскій.

Восемь эпизодовъ

изъ похода Лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка.

Нападеніе на Джурилово.

После обложенія Плевны гвардейская кавалерійская дивизія расположилась на рѣкѣ Искерѣ у деревни Магалета, смѣнивъ стоявшую здѣсь бригаду румынскихъ калорашей, и получила назначеніе, прикрывая съ запада армію обложенія, производить развѣдки за Искеромъ къ сторонѣ Рахово и Врацы. Положеніе кавалеріи было не легкое по затруднительности добыванія зерноваго фуража, хотя ячменя, по слухамъ, было много въ покинутыхъ турками деревняхъ, но всѣ каруцы съ волами и буйволами, по разсказамъ болгаръ, отогнаны турками къ сторонѣ Врацы. На долю дивизіона лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка выпало сдѣлать поискъ въ этомъ направленіи, и 20-го октября драгуны, подъ командой командующаго полкомъ полковника Ковалевскаго, переправились въ бродъ чрезъ Искеръ и по указанію одного болгарина-проводника направились на Бѣлослатину. Близъ этой деревни дивизіонъ простоялъ ночь скрытно въ лощинѣ, а чуть свѣтъ тронулся на Скуляръ, гдѣ напалъ на свѣжій слѣдъ черкесовъ, едва успѣвшихъ отогнать принадлежащее жителямъ деревни стадо скота. Внезапное появленіе драгунъ въ раіонѣ деревень Комарево и Джурилово произвело страшную суматоху среди наполнявшихъ ихъ вооруженныхъ жителей, баши-бузуковъ и черкесовъ; они стали поспѣшно выбираться въ горы, но наиболѣе упорные изъ нихъ засѣли въ домахъ и встрѣтили драгунъ выстрѣлами. Полковникъ Лихтанскій со спѣшенными драгунами выбивалъ изъ домовъ фанатиковъ, а полковникъ Дубовскій съ остальными драгунами собиралъ по дворамъ каруцы, запрягалъ въ нихъ воловъ и отправлялъ ихъ на присоединеніе къ каруцамъ, собраннымъ такимъ же образомъ въ деревнѣ Комарево капитаномъ барономъ Стемпелемъ. Все дѣло продолжалось съ десяти часовъ утра до двухъ и увѣнчалось нѣсколькими сотнями скота и сотнею каруцъ, къ другому утру доставленныхъ дивизіономъ на бивуакъ въ Магалету. Всѣ полки сказали драгунамъ большое спасибо, получивъ возможность перевозить

фуражъ на бивуакъ и получивъ запасъ скота, въ которомъ начинали уже нуждаться. Поискъ этотъ стоилъ намъ одного раненаго драгуна, одной убитой и одной раненой лошади.

Нападеніе на г. Берковацъ.

Кавалерійскій отрядъ генерала Леонова, послѣ взятія города Враца, на нѣсколько переходовъ отдѣлился отъ арміи обложенія и, находясь между Раховымъ, Паланкой, Берковацемъ и Орханіе, долженъ былъ внимательно охранять себя отъ непріятеля, занимавшаго еще упомянутые города. Ближе всѣхъ находился городъ Берковацъ и уже 3-го ноября предпринятъ былъ противъ него поискъ со стороны города Врацы, поискъ обнаружившій дѣйствительно, что непріятель занимаетъ этотъ городъ. 4-го же ноября дивизіонъ гвардейскихъ драгунъ при двухъ орудіяхъ 6-й гвардейской казачьей батареи, подъ командой полковника Ковалевскаго, получилъ назначеніе освѣтить Берковацо-Ломъ-Паланкское шоссе. Въ тотъ же день головному патрулю удалось захватить въ плѣнъ около тридцати арнаутовъ отставшихъ отъ турецкой колонны, высланной изъ Рахова къ Врацѣ и возвратившейся узнавъ, что Враца занята нами. 5-го драгуны окольными путями приблизились къ шоссе и, заночевавъ въ Гаушанцахъ, на другой день рано вышли на Ломъ-Поланкское шоссе. Для обезпеченія дивизіона съ тыла, со стороны Ломъ-Паланки, послано было къ Кутловицамъ сорокъ драгунъ, а остальные шесть взводовъ съ двумя орудіями пошли къ городу Берковацу. Хотя вслѣдствіе измѣны одного мельника-болгарина, турецкій пикетъ, провѣдавъ о нашемъ движеніи, своевременно скрылся, но отрядъ появился предъ самымъ городомъ какъ бы неожиданно для турокъ, приготовлявшихся встрѣтить нападеніе со стороны города Врацы. Лихо выѣхавшая на позицію артиллерія снялась съ передковъ въ семи стахъ саженяхъ отъ казармы, въ то время какъ взводъ драгунъ съ прапорщикомъ Зенкевичемъ подошелъ на близкій ружейный выстрѣлъ къ ложементамъ и, встрѣченный огнемъ, былъ отозванъ на присоединеніе къ остальнымъ драгунамъ, составившимъ прикрытіе артиллеріи. Первая же наша граната, прилетѣвшая во дворъ казармы, нанесла большой изъянъ турецкой пѣхотѣ собравшейся тамъ, а затѣмъ шрапнель попала въ ту-же колонну, когда она занимала укрѣпленія. Открыли огонь и турки изъ своихъ двухъ орудій, но гранаты ихъ угрожали болѣе вьюкамъ и санитарамъ принужденнымъ отойти подальше. Однако послѣ десятаго выстрѣла гранаты непріятеля стали ложиться между драгунами и орудіями, а дозорные донесли, что изъ Софійскаго ущелья, лежавшаго какъ разъ влѣво отъ насъ, показались войска непріятеля, что́ торжественно подтвердилось орудійнымъ оттуда противъ насъ выстрѣломъ. Такимъ образомъ дальнѣйшая борьба слабаго отряда противъ болѣе чѣмъ въ тридцать разъ сильнѣйшаго

непріятеля была бы рискованной, а между тѣмъ отрядъ достигъ своей цѣли узнавъ о расположеніи турецкихъ окоповъ, числѣ орудій и силѣ непріятеля. Поэтому орудія взяли на задки и на рысяхъ, прикрываемые драгунами, отошли версты на двѣ отъ города, продолжая затѣмъ спокойно свой обратный маршъ къ Врацѣ и преслѣдуемыя лишь вначалѣ нѣсколькими кавалеристами. По разсказамъ убѣжавшихъ потомъ изъ Берковаца жителей, турки потеряли при этомъ нападеніи около ста человѣкъ, благодаря отличному огню казачьяго взвода поручика Рыковскаго, у насъ же потери не было.

Дѣло подъ Новачиномъ.

Кавалерійскій отрядъ генерала Клодта имѣлъ назначеніе произвести демонстрацію со стороны Врацы, противъ укрѣпленныхъ позицій турокъ въ Орханійской долинѣ и отвлечь тѣмъ силы непріятеля отъ Правецкихъ укрѣпленій, на которыя должны были направиться 10-го ноября главныя силы отряда генерала Гурко. Отрядъ, переправившись 9-го ноября въ Дерманцахъ чрезъ Искеръ, втянулся въ Реберковское ущелье и, дойдя до караулки у развѣтвленія ущелья, раздѣлился: пять эскадроновъ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ генерала Клодта, приготовились демонстрировать на другой день противъ Лютикова и заночевали у Рашкова, а полтора эскадрона гвардейскихъ драгунъ при двухъ орудіяхъ второй гвардейской батареи ночевали у караулки, чтобы на другой день пройти Новачинское ущелье и дѣйствовать въ Орханійской долинѣ со стороны Новачина. Появленіе слабаго отряда подъ покровительствомъ тумана у самаго подножія укрѣпленной горы, полуэскадронъ драгунъ капитана барона Стемпеля, отважно проскакавшій къ самой деревнѣ Скривены, по случаю преслѣдованія партіи непріятельской конницы, привлекли на себя вниманіе турокъ, занимавшихъ Орханіе, и оттуда высланы были два полка черкесовъ, вскорѣ наполнившихъ всю долину у Новачина, а изъ укрѣпленій стала спускаться пѣхота. Въ то-же время болгары поспѣшили нагрузить свои каруцы и стали уходить со своимъ скотомъ запрудивъ все ущелье, составлявшее единственный путь отступленія отряда. Полковникъ Лихтанскій, видя критическое положеніе своего отряда и невозможность дѣйствовать, какъ ему было предписано по возможности до трехъ часовъ, рѣшился уже послѣ полудня начать отступленіе. На протяженіи восьми верстъ, втеченіе трехъ часовъ, драгуны отбивались отъ назойливости черкесовъ, то спѣшиваясь отгоняли ихъ огнемъ изъ берданокъ, то на коняхъ кидались на нихъ въ шашки, но превосходство въ числѣ, непрерывный градъ свинца, сыпавшагося изъ магазинокъ, убавлялъ число храбрыхъ защитниковъ орудій. Капитанъ Усовъ успѣлъ однако занять нѣсколько позицій, но при самомъ входѣ въ ущелье былъ тяжело раненъ; затѣмъ на одномъ изъ поворотовъ ущелья, на мосту, едва соотвѣтствовавшемъ

ходу лафета, одно орудіе оборвалось въ кручу; въ другомъ, чрезъ одну версту, перебиты были коренныя лошади и орудіе завязло. Пока горсть драгунъ хлопотала около него, налетѣли черкесы, изрубили ѣздовыхъ, но нѣсколько драгунъ съ тремя молодыми офицерами уже раненными (прапорщики Данилевскій, Велинскій и Назимовъ) продолжали отбиваться отъ непріятеля, но погибли всѣ подъ его ударами на самомъ лафетѣ. Упоенные взятіемъ орудія, черкесы не достаточно энергично преслѣдовали оставшихся нѣсколько десятковъ драгунъ, благодаря чему пятнадцать человѣкъ, прибывшіе къ караулкѣ, спѣшившись заняли ее и выстрѣлами недопустили черкесовъ занять развѣтвленіе ущелій, оставивъ свободнымъ путь отступленія отряду генерала Клодта. Въ этомъ несчастномъ дѣлѣ гвардейскіе драгуны показали себя героями, отстаивая до послѣдней возможности свои орудія, причемъ потеряли изъ ста сорока человѣкъ до семидесяти человѣкъ выбывшими изъ строя, въ томъ числѣ сорокъ семь убитыхъ; изъ одиннадцати-же человѣкъ офицеровъ осталось невредимыхъ только два. Кромѣ трехъ убитыхъ, тяжело ранены капитаны баронъ Стемпель и Усовъ. Какъ ни несчастно это дѣло было для драгунъ по потерямъ, но, по свидѣтельству самаго начальника отряда генерала Гурко, оно принесло пользу главнымъ силамъ, отвлекло вниманіе турокъ къ сторонѣ Врацы и тѣмъ облегчило взятіе пѣхотою Правецкой позиціи.

Драгунскій разъѣздъ въ тылу непріятеля.

На другой же день послѣ Новачинскаго дѣла турки очистили эту позицію, а чрезъ нѣсколько дней отступили изъ самаго Орханія на Арабконакскій перевалъ. Войска же, занимавшія Лютиковскія позиціи, продолжали гнѣздиться въ трехъ укрѣпленіяхъ на высокихъ горахъ имѣя отъ главнѣйшаго изъ нихъ, называвшагося Мерово, какъ говорили, разработанную дорогу чрезъ Яблоницу на Софію. Драгунской бригадѣ пришлось простоять въ Новачинѣ съ 17-го ноября до перехода чрезъ Балканы и все это время отправлять сторожевую службу противъ Лютиковскихъ турокъ. Чтобы развѣдать, что дѣлается позади укрѣпленій и какія тамъ сообщенія, 26-го ноября былъ посланъ поручикъ Глоба съ сорока охотниками-драгунами съ приказаніемъ проникнуть до Яблоницъ. Избравъ кружный путь чрезъ Огойю, по тропѣ представлявшей громадныя трудности для болгарина-проводника, разъѣздъ въ одинъ конь то по глубокому снѣгу, то по гололедицѣ, добрался до Огойи, къ великому сюрпризу ея жителей привыкшихъ видѣть однихъ баши-бузуковъ и черкесовъ, посѣщавшихъ деревню за фуражемъ. Отправивъ взводнаго унтеръ-офицера Шкуратскаго по слѣдамъ непріятельскаго разъѣзда, самъ поручикъ Глоба произвелъ развѣдку дороги на Яблоницу и оттуда на Мерово и удостовѣрился, что таборъ пѣхоты, занимавшій Яблоницу,

расположенъ тамъ по дворамъ. Унтеръ-офицеръ же Шкуратскій настигъ разъѣздъ черкесовъ у деревни Батулеи, уничтожилъ его, потерявъ четырехъ раненыхъ драгунъ, благополучно прибывшихъ въ Новачинъ 28-го числа вмѣстѣ съ полуэскадрономъ поручика Глоба.

Дѣло при Мечкѣ за Балканами.

Отступившіе отъ Арабконака турки остановились въ укрѣпленной позиціи у Понагюрешти, а наша 3-я гвардейская дивизія занимала Петричево, имѣя авангардъ въ Мечкѣ (одинъ баталіонъ и одинъ эскадронъ драгунъ). 25-го декабря турки въ числѣ десяти таборовъ перешли въ наступленіе и потѣснили авангардъ, занявъ даже деревню Мечку, которую начали жечь. Поручивъ наблюденіе за лощиной охватывавшей нашъ флангъ драгунамъ, командиръ эскадрона капитанъ Бураго, видя недостатокъ въ пѣхотѣ офицеровъ, взялъ на себя руководство частію цѣпи и, находясь въ цѣпи подъ выстрѣлами верхомъ, своимъ хладнокровіемъ одушевлялъ солдатъ, которые по окончаніи дѣла сами благодарили его чрезъ фельдфебеля за распоряженія и за помощь оказанную раненымъ драгунами, вывозившими ихъ изъ боя на своихъ лошадяхъ и доставлявшими въ цѣпь патроны. Прибытіе двухъ баталіоновъ Волынцевъ повернуло дѣло въ нашу пользу, гвардейцы перешли въ наступленіе и турки очистили Мечку. При первоначальномъ отступленіи нашей передовой цѣпи, драгуны трубачъ Бикетовъ и рядовой Тимофѣевъ, бывшіе при капитанѣ Бураго, замѣтивъ, что одинъ тяжело раненый пѣхотинецъ остался не подобраннымъ и турки приближаются къ нему, бросились въ карьеръ къ раненому и въ ста шагахъ отъ непріятельской колонны слѣзли съ лошадей и пытались поднять раненаго. Но турки осыпали ихъ пулями, ранили обоихъ и затѣмъ бросились на нихъ въ штыки, такъ что оба молодца едва успѣли сѣсть на коней и отскочить къ своимъ.

Наступленіе къ Филиппополю.

Во время движенія гвардейскихъ драгунъ и гусаровъ къ Филиппополю почти въ каждой деревнѣ приходилось имѣть стычки съ отсталыми пѣхотинцами и баши-бузуками. Такъ 1-го января, во время боя въ деревнѣ Курукіой, одинъ черкесъ, застрѣлившій изъ избы лейбъ-гусара, выскочилъ на улицу, быстро вскочилъ на лошадь убитаго и поскакалъ по направленію къ Филиппополю. Драгунъ Филипенко тотчасъ же бросился за нимъ въ погоню, настигъ его чрезъ нѣсколько сотъ шаговъ, однимъ ловкимъ ударомъ срубилъ турку голову, а когда туловище свалилось съ лошади, схватилъ ее за поводъ и сдалъ лейбъ-гусарамъ казенную лошадь.

Занятіе города Филиппополя.

Въ ночь со 2-го на 3-е января передовой пикетъ гвардейскихъ драгунъ ротмистра Лосева обнаружилъ, что турки очищаютъ сѣверную часть Филиппополя, почему утромъ кавалерійскій отрядъ полковника Ковалевскаго направился къ городу, но съ холмовъ послѣдняго былъ встрѣченъ орудійными выстрѣлами. Чтобы вступить въ городъ съ меньшими потерями нѣсколько взводовъ драгунъ, охотники лейбъ гусары и донскіе казаки проходили послѣдовательно опасное пространство на рысяхъ въ разомкнутомъ порядкѣ, а по вступленіи въ городъ спѣшивались, занимая строенія по лѣвому берегу Марицы и перестрѣливаясь съ турецкими стрѣлками разсыпанными по правому берегу у сгорѣвшаго моста. Съ прибытіемъ же пѣхоты генерала Дандевиля во второмъ часу дня, спѣшенные кавалеристы замѣнены пѣхотинцами и отозваны къ Чифлику-Тахтали. Но въ это время прискакалъ ординарецъ генералъ-адъютанта Гурко съ приказаніемъ захватить какой-нибудь эскадронъ и привести къ Адакіойю, въ помощь конвою генерала, перевозившему пѣхоту чрезъ Марицу. Капитанъ Бураго отправился для этой цѣли изъ Филиппополя съ сборнымъ эскадрономъ драгунъ въ шестьдесятъ человѣкъ, на рысяхъ вдоль берега рѣки обстрѣливаемый непріятелемъ съ другаго берега, и подъ выстрѣлами въ нѣсколько часовъ перевезъ баталіонъ Финляндскаго полка, потерявъ лишь одного драгуна раненымъ и одну лошадь убитою. По случаю прибытія Бугскихъ улановъ, на коихъ возложена была дальнѣйшая перевозка пѣхоты, капитанъ Бураго испросилъ приказаній у генерала Гурко, который приказалъ проникнуть въ южную часть Филиппополя, горы котораго были еще иллюминованы пушечными и ружейными огнями. Переправившись на правую сторону Марицы, драгуны на рысяхъ направились къ городу. Не доходя до него верстъ шесть была замѣчена масса бивуачныхъ огней, почему эскадронъ пріостановился въ лощинѣ, а на развѣдку бивуака высланы четыре наѣздника съ прапорщикомъ Пыжовымъ, который и донесъ часъ спустя, что бивуакъ покинутъ. Для развѣдки другаго бивуака, близъ самаго города, къ которому подошелъ эскадронъ и у въѣзда котораго былъ остановленъ, вызвался охотникомъ унтеръ-офицеръ Пономаревъ. На бивуакѣ виднѣлись турки. Пономаревъ подползъ къ парѣ часовыхъ, схватилъ одного изъ нихъ, подтвердившаго слова болгаръ о начавшемся очищеніи города турками, другой же часовой убѣжалъ и поднялъ тревогу на бивуакѣ, ускоривъ очищеніе его турками. Эскадронъ бросился на бивуакъ, захватилъ въ плѣнъ бывшихъ при обозѣ, а каруцы были подожжены и драгуны подняли шумъ, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе о величинѣ подошедшаго отряда и вынудить ихъ скорѣе пройти чрезъ городъ. Развѣдка прапорщика Алымова дала знать, что пѣхота непріятеля собирается къ желѣзнодорожному воксалу. Чтобы не дать непріятелю опомниться

и чтобы онъ не успѣлъ принять мѣры къ оборонѣ станціи, капитанъ Бураго вошелъ въ городъ съ громкими пѣснями и, не увлекаясь преслѣдованіемъ отсталыхъ разсыпавшихся по улицамъ, направился на рысяхъ къ станціи. Головной патруль поручика Стольчане бросился на черкесскій пикетъ, изрубилъ двухъ часовыхъ, прочіе ускакали къ бивуаку у станціи и тамъ обнаружилось сильное движеніе и суматоха. Воспользовавшись этимъ капитанъ Бураго приблизился на шесть сотъ шаговъ, спѣшилъ пятьдесятъ человѣкъ, занявъ глубокую шоссейную канаву, а коноводовъ укрылъ за каменной стѣнкой и приказалъ стрѣлкамъ открыть рѣдкій огонь по бивуачнымъ огнямъ. Изъ-за желѣзно-дорожной насыпи турки открыли непрерывный ружейный огонь, но вскорѣ по уменьшеніи огней и шума на бивуакѣ пришлось заключить, что турки отступили, а прикрываются лишь этою цѣпью стрѣлковъ. Тогда драгуны, сѣвъ на коней, бросились за непріятелемъ, настигли хвостъ его и, изрубивъ сопротивлявшихся, заставили около пятидесяти человѣкъ положить оружіе и безъ всякой потери заняли желѣзно-дорожную станцію, въ залѣ которой накрытъ былъ ужинъ для Сулеймана-паши. При вступленіи въ городъ болгары сообщили, что на одной горѣ еще не успѣли увезти двухъ орудій, которыя цѣлый день выбрасывали гранаты по нашимъ войскамъ. Поручикъ графъ Ребиндеръ, съ пятнадцатью драгунами, поспѣшилъ по указанію болгаръ, и наскочивъ на турецкій караулъ, который торопился заклепать орудія, ударилъ на него въ шашки. Сопротивлявшіеся турки были изрублены, а часть караула разбѣжалась по городу.

Боковой авангардъ, прикрывавшій движеніе кавалерійской бригады отъ Филиппополя къ Хаскіойи.

4-го января послѣ переправы гвардейскихъ драгунъ и гусаровъ чрезъ Марицу, корнетъ Миллеръ съ шестнадцатью драгунами былъ посланъ въ боковой авангардъ для прикрытія бригады отъ Станимаки. Выславъ головной и боковые патрули, Миллеръ направился прямо на югъ къ деревнѣ Паша-Махале, гдѣ девять вооруженныхъ аскеровъ, оказавшихъ головному патрулю сопротивленіе, были изрублены разъѣздомъ. Войдя вскорѣ въ связь съ разъѣздами генерала Краснова, шедшаго на Станимаку, драгунскій авангардъ двинулся къ востоку параллельно общему направленію шоссе на деревню Конаре. Обезоруживъ въ этой деревнѣ отсталыхъ аскеровъ и передавъ ихъ оружіе болгарамъ, корнетъ Миллеръ пошелъ на деревню Катуницу, которая, какъ сообщили выбѣжавшіе изъ кустовъ болгары, была занята тридцатью аскерами, прикрывавшими находившихся въ деревнѣ больныхъ. Кромѣ того разсказывали, что утромъ изъ деревни ушло два табора пѣхоты по направленію къ горамъ, а на желѣзнодорожной станціи близъ деревни находятся до пятидесяти пѣхотинцевъ.

За позднимъ временемъ и не рискнувъ съ небольшимъ числомъ драгуновъ завязать дѣло въ деревнѣ, корнетъ Миллеръ отошелъ версты на двѣ въ маленькую деревушку и заночевалъ въ ней съ своимъ разъѣздомъ. Ночью подосланъ былъ болгаринъ въ Катуницу, чтобы извѣстить турокъ о значительныхъ силахъ авангарда, въ предположенiи, что турки не захотятъ сопротивляться, бросятъ деревню и ихъ можно будетъ настичь въ открытомъ полѣ. На разсвѣтѣ пришло извѣстiе, что турки, оставивъ небольшое число при больныхъ въ количествѣ семидесяти человѣкъ, бѣжали, почему драгуны поспѣшили въ Катуницу, но, встрѣченные выстрѣлами изъ сторожевой будки, спѣшились, перекололи нѣсколькихъ, настигли бѣжавшихъ и изрубили, а пять человѣкъ сдавшихся обезоружили; оружiе ихъ, а равно отобранное отъ больныхъ, роздано болгарамъ. Узнавъ отъ начальника станцiи, грека, что телеграфъ работаетъ еще на протяженiи двухъ станцiй, корнетъ Миллеръ послалъ телеграмму на имя начальника станцiи Попазлы. Изъ отвѣта котораго узналъ, что деревня Попазлы уже освѣщена нашимъ разъѣздомъ, почему не пошелъ на эту деревню, но углубился къ югу по слѣдамъ бѣжавшихъ. Въ деревняхъ Карадуса и Коджатъ разъѣздъ имѣлъ стычки съ отсталыми пѣхотинцами, изъ коихъ сопротивлявшiеся были убиты, а прочiе обезоружены. Въ верстѣ же отъ послѣдней деревни на дорогѣ въ деревню Ченгиръ драгуны были встрѣчены огнемъ тридцати аскеровъ, залегшихъ въ канавѣ, идущей перпендикулярно къ дорогѣ. Совершенно открытая мѣстность не представляла закрытiй, а потому разъѣздъ отошелъ къ мельницѣ, которую занялъ нѣсколькими спѣшенными драгунами, а турки перешли въ наступленiе, заняли канаву, огибавшую дугою мельницу, и пытались ее окружить. Тогда корнетъ Миллеръ послалъ пять драгунъ на рысяхъ къ деревнѣ, гдѣ трое изъ нихъ спѣшившись открыли фланговый огонь вдоль канавы. Это заставило турокъ очистить канаву и бѣжать къ деревнѣ Ченгиръ, причемъ шесть человѣкъ было убито, а настигнутые десять изъ нихъ у входа въ деревню сдались. Оружiе ихъ передано было болгарамъ, на коихъ возлагалось препровожденiе плѣнныхъ въ Филиппополь. По вступленiи въ деревню обнаружилось, что въ одной избѣ укрылись девять человѣкъ аскеровъ, которые на предложенiе сдаться отвѣчали выстрѣлами, но, окруженные спѣшенными драгунами, которые подожгли избу, были перебиты. Слѣдуя далѣе на деревни Ени-Махале, Хожакiой, Тотарево, вошелъ въ связь съ почтою 3-й бригады, а въ деревнѣ Дербентъ въ 3 часа корнетъ Миллеръ присоединился къ лейбъгвардiи Драгунскому полку. По свидѣтельству офицера, драгуны во время этого разъѣзда выказали вполнѣ свое молодечество, особенно лихо дѣйствовали рядовые Степановъ и Колесниковъ. Взводный же унтеръ-офицеръ Нѣмченко своею личною храбростью и распорядительностью служилъ примѣромъ своимъ подчиненнымъ.

Изъ дневника Офицера

Л.-гв. Павловскаго полка *).

2-го Января 1878 г.

! такъ вотъ, наконецъ, Татаръ-Базарджикъ! воскликнули многіе изъ насъ, поднявшись по шоссе на гору, откуда открывался живописный видъ на долину, съ разбросанными по ней тамъ и сямъ дачами и домами, окруженными садами и кипарисовыми деревьями, долину, перерѣзанную ручейками и рѣчками, сбросившими въ это время свой ледяной покровъ и красиво извивающимися синими ленточками по бѣлому фону долины, вдали послѣднюю окаймляли справа и слѣва большія горы, вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Прямо противъ насъ возвышался большой городъ, съ рельефно выдѣляющимися бѣлыми башнями минаретовъ и темными конусообразными вершинами кипарисовыхъ деревьевъ. Надъ городомъ, въ воздухѣ стояла какая-то черная масса колыхаемая вѣтромъ, и, время отъ времени, прорѣзываемая огненными языками. Было несомнѣнно, что турки оставили городъ сегодня ночью, зажгли его и мы подходили къ нему въ моментъ наибольшаго распространенія пожара. Мы всѣ ждали, что сегодняшній тяжелый переходъ, хотя намъ и не былъ указанъ пунктъ нашего ночлега, окончится въ Татаръ-Базарджикѣ. Невольно всѣ мы пріободрились, повеселѣли и бойче шагали впередъ; но время шло, городъ стоялъ передъ нами, но вовсе не приближался; нетерпѣніе увеличивалось, такъ же какъ и досада,

---

*) См. стран. 51 этого тома.

каждый начиналъ сознавать обманъ зрѣнія, сильно скрывшій разстояніе съ горы до города, къ этому еще прибавилось то, что турки, отступая изъ города, попортили мосты по шоссе, ихъ кое-какъ на скоро поправляли, и хотя пѣхота могла свободно пройти по нимъ, но прикомандированная къ намъ артиллерія сильно задерживала наше движеніе: сядешь и ждешь когда проѣдетъ орудіе и настанетъ твоя очередь двигаться впередъ, по обыкновенно неусидишь и вскочишь раньше времени.

Но вотъ, приходитъ приказаніе оставить артиллерію и уже однимъ идти къ городу, сильно прозябнувъ, мы прибавляемъ шагъ и спѣшимъ въ увѣренности, что насъ тамъ остановятъ по квартирамъ. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ городу, тѣмъ болѣе увеличиваются толпы братушекъ, идущихъ съ нами по одному направленію, также какъ мы они спѣшатъ въ городъ, но боятся подойти къ нему, хотя видъ пожара и указываетъ на то, что вѣроятно турки оставили городъ, по неизвѣстно ушли-ли съ ними баши-бузуки. Они не знаютъ, что наша первая линія, за которой нашъ полкъ шелъ въ резервѣ, уже вступила въ городъ; они то идутъ рядомъ съ нами, то въ нетерпѣливомъ ожиданіи, отражающемся на ихъ лицахъ, то бѣгомъ перегоняютъ насъ, но скоро останавливаются и снова насъ поджидаютъ. Но вотъ мы уже подходимъ къ городу, по обѣимъ сторонамъ шоссе тянется мусульманское кладбище, городъ горитъ во многихъ мѣстахъ, особенно его лѣвая болгарская сторона; но, несмотря на пожаръ, въ городѣ не видно людей, не слышно шуму, крику и голосовъ, все какъ будто вымерло. Но вотъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Толпа болгаръ, кинувшаяся было въ городъ впереди полка, останавливается напряженно, съ трепетомъ прислушивается къ нимъ, но выстрѣлы прекращаются и толпа снова неудержимо устремляется въ городъ, перескакивая канавы, могилы, памятники, падая и снова поднимаясь. Вотъ она уже исчезаетъ за деревьями. Невольно слѣдимъ мы за этими несчастными и за игрой ихъ выразительныхъ физіономій, за ихъ нетерпѣливыми непроизвольными движеніями,—и припоминаются какія тяжелыя минуты они должны были переживать въ настоящее время. Я спросилъ у одного сѣдого старика, шедшаго со мною рядомъ, есть ли у него родные въ Базарджикѣ, онъ глухо отвѣтилъ, что тамъ его семья и не прибавилъ больше ни слова, хотя долго еще шелъ со мною рядомъ. Очевидно, онъ не думалъ ни обо мнѣ, ни о моемъ вопросѣ, но былъ занятъ чѣмъ-то другимъ.

Невольно развивалось чувство мести къ этимъ фанатикамъ, вызывавшимъ такія страданія и тѣмъ болѣе безполезныя, что они ничѣмъ не оправдывались. Они истребляли то, что они должны были не истреблять, а то именно, на что они должны были обратить свою разрушительную силу, то они цѣликомъ неповрежденными передавали въ наши руки. Сожигая болгарскіе дома и деревни, угоняя скотъ и уничтожая

подчасъ жителей, они позабывали сожигать и уничтожать свои запасы, такъ часто переходившіе въ наши руки. Невольно проводилась параллель и думалось, что еслибы это былъ не Татаръ-Базарджикъ въ Турціи и рядомъ со мной шла толпа не болгаръ, а русскихъ, и само собою выяснялось великое чувство любви къ родинѣ и ко всему родному, которое проснется и сильно заговоритъ въ каждомъ въ тяжелую минуту для родины. Чувствовалось и становилось ясно, почему такъ могли умирать и умирали при Смоленскѣ, Бородинѣ, и въ чемъ заключалась великая сила Москвы и Севастополя.

Но судьба и намъ приготовила разочарованіе въ Базарджикѣ. Едва прошли мы кладбище и затѣмъ мимо нѣсколько погорѣвшихъ домовъ и развалинъ, какъ мы вышли на большую площадь и были пріятно удивлены, увидя, что она обнесена сохранившимися зданіями въ европейскомъ вкусѣ, а не тѣми мрачными домами, хотя и не лишенными своего рода красоты и оригинальности, напоминающими собою города средневѣковой постройки въ Западной Европѣ. Лучшее зданіе, окрашенное въ свѣтлую краску, принадлежало вѣроятно начальнику города и было совершенно цѣло, тогда какъ воксалъ сильно пострадалъ отъ пожара. Воздухъ былъ наполненъ дымомъ, но на площади сверхъ того сильно пахло керосиномъ,—вѣроятно его употребляли для поджога города, послѣдній иначе не могъ такъ скоро выгорѣть. Большія бочки отъ керосина, съ выбитыми днами, попадались не только на площади, но и по всѣмъ улицамъ, по которымъ мы проходили. Вообще городъ былъ пустъ, и пожаръ въ это время уже прекращался. Жителей почти было не видно, глазъ както странно поражался не находя здѣсь привычной суеты, движенія и криковъ. Все указывало на близкую драму. Вотъ направо стоитъ замѣчательно красивый и съ энергичнымъ лицомъ братушка, за его широкимъ поясомъ кинжалъ, въ рукахъ ружье; вся его фигура, въ красивомъ городскомъ костюмѣ, такъ выразительна и дышетъ такою рѣшимостью, что видно онъ приготовился защищать свой домъ и дорого бы продалъ свою жизнь. Вотъ дальше сидитъ толпа, это раненый въ грудь на вылетъ казакъ, около него хлопочутъ какія-то два, три солдата, стараясь ему помочь. Вотъ человѣкъ шесть братушекъ, взобравшись на загорѣвшуюся крышу еще цѣлаго дома, совмѣстными усиліями стараются ее сбросить. Внизу стоитъ мальчишка и предостерегаетъ нашихъ, чтобы они близко не подходили; за поясомъ у мальчугана кинжалъ почти такой-же величины какъ онъ самъ. Солдаты, замѣтя въ сторонѣ разбросанный табакъ, кинулись его подбирать; но вотъ нѣсколько болгарокъ, старыхъ и молодыхъ, выносятъ изъ уцѣлѣвшаго дома громадную корзину листоваго табаку, и бросаютъ его въ кучу солдатъ. Чѣмъ дальше подвигаемся мы, тѣмъ картина разрушенія становится все сильнѣе и отвратительнѣе,—вонъ цѣлая выгорѣвшая и горящая еще улица, лавки разграблены, товары

частью вывезены, частью разбросаны по улицѣ и втоптаны въ грязь. На улицѣ, кромѣ идущихъ быстро солдатъ, не видно никого.

Растаявшій отъ жары снѣгъ и ледъ образуютъ большія лужи и грязь по улицѣ. Солдаты идутъ въ разбродъ,—у большинства лица имѣетъ какое-то тяжелое задумчивое выраженіе. Картина бѣды вѣроятно напомнила и имъ родину.

Но вотъ, идущіе впереди меня солдаты второго баталіона стали быстро становиться въ ряды, за ними и наши. Покуда все это приводилось въ порядокъ, мы незамѣтно прошли городъ. Передъ нами снова лежала долина и совершенно прямое шоссе. Мы всѣ были поражены очень непріятно,—очевидно, мы обманулись въ надеждѣ и мы здѣсь не остановимся, но пойдемъ впередъ; впереди же на сколько могъ обхватить глазъ не было видно ни одного селенія, ни одного дома,—совершенно пустая долина; значитъ, предстояло намъ или ночевать въ полѣ подъ открытымъ небомъ, безъ палатокъ, такъ какъ вьючныя лошади остались далеко за нами, или же, что еще хуже, мы должны были сдѣлать очень большой переходъ.

Впереди кто-то поздоровался съ солдатами; присмотрѣвшись, я замѣтилъ нѣсколько въ сторонѣ генерала Гурко, стоявшаго вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ. Гурко подозвалъ моего баталіоннаго командира и приказалъ ему принять и конвоировать плѣнныхъ турокъ, только что забранныхъ въ Базарджикѣ, и прибавилъ при этомъ, чтобы онъ съ ними не отставалъ отъ полка.

Приказано было прибавить шагъ и спѣшить куда-то впередъ. Пронесся какой-то глухой слухъ, что мы сегодня, во что бы то ни стало, должны быть въ Филиппополѣ. Вѣрилось и не вѣрилось этому слуху. Разстояніе отъ Базарджика до Филиппополя было очень велико, верстъ около 45, и уже само по себѣ составляло трудный переходъ. Каковъ-же онъ долженъ былъ быть для людей, сдѣлавшихъ уже и безъ того значительный переходъ и уже уставшихъ, людей, не имѣющихъ никакой обуви, съ испорченными ногами. Что мы спѣшили куда-то было несомнѣнно. Безпрестанно раздавались приказанія прибавить шагъ и не оттягивать.

Быстрота движенія еще болѣе утомляла. Разгоряченныя ноги ныли, было больно ступать, передвигались чисто машинально.

Разговоры и между солдатами и офицерами прекращались мало по малу, не хотѣлось даже курить. Нельзя было остановиться ни на минуту, того и гляди, что отстанешь отъ своихъ, а потомъ будетъ трудно, а подчасъ и невозможно догнать ихъ. Это не былъ походъ, а если можно такъ сказать, состязаніе въ силахъ физическихъ и нравственныхъ. Чѣмъ дальше шли мы и чѣмъ ближе было къ вечеру, тѣмъ чаще и чаще попадались прежде одиночные, а потомъ и группы по нѣсколько солдатъ, лежащихъ на холодѣ безъ всякаго движенія. Тутъ были солдаты и Гвардейской Стрѣлковой бригады, шедшей впереди насъ, и нашего полка. Приходи-

лось удивляться и силамъ и нравственнымъ качествамъ нашего солдата; только полное истощеніе силъ и упадокъ ихъ могъ заставить его выйти изъ строя; послѣдняго въ строгомъ смыслѣ и не было, да и нельзя было требовать, чтобы онъ былъ,—были только группы ротъ, каждый шелъ самъ по себѣ, стараясь при этомъ только идти шире, чтобы дать больше притоку воздуха, и время отъ времени перекладывалъ ружье съ одного плеча на другое. Только боль, переполнившая мѣру терпѣнія, заставляла его выйти изъ этой группы и присѣсть или прилечь въ сторонкѣ.

Выступивъ раннимъ утромъ съ бивуака, по диспозиціи, приготовившись вступить въ бой, мы спѣшили все время впередъ, не знали, гдѣ мы нагонимъ турокъ, спѣшили безъ приваловъ. Узнавъ, что турки оставили Базарджикъ, разсчитывали, что мы здѣсь отдохнемъ, но разсчетъ оказался невѣрнымъ, и нашъ маршъ принялъ еще болѣе тяжелую форму.

Около шести часовъ вечера я началъ чувствовать, что мои силы быстро падаютъ, по всему тѣлу, несмотря на то, что я былъ весь мокрый, пробѣгала какая-то холодная дрожь, какое-то равнодушіе ко всему, апатія стала проявляться все сильнѣе и сильнѣе, я чувствовалъ, что непремѣнно упаду черезъ нѣсколько времени, но стыдъ, что я, офицеръ, попаду въ число отсталыхъ, былъ такъ силенъ, что я, несмотря на сильнѣйшую боль во всѣхъ членахъ, и особенно въ головѣ и ногахъ, рѣшился скорѣе упасть въ обморокъ, чѣмъ хоть на минуту остановиться, и зналъ, что разъ я остановился, мои ноги откажутся сдѣлать хоть одинъ шагъ, и усталость меня обхватитъ еще сильнѣе. Помощи ждать было не откуда, мои товарищи офицеры, какъ я же, не имѣли лошадей, баталіонный командиръ уѣхалъ впередъ къ командиру полка. Остановившись я даже не могъ разсчитывать на лазаретный фургонъ, который, какъ и вьючныя лошади, остались далеко, далеко за полкомъ. Я уже дѣлаю послѣднія усилія, почти машинально, когда насъ надогналъ поставщикъ мяса для нашего полка въ тарантасѣ на тройкѣ лошадей. Видя мое положеніе, онъ предложилъ мнѣ присѣсть къ нему на облучекъ. Даже это неудобное положеніе казалось мнѣ какимъ-то раемъ. Но усталость была такъ сильна, что я уже не могъ говорить. Рюмка водки вернула мнѣ эту способность; но черезъ нѣсколько времени ломота въ членахъ и сильная тяжесть въ головѣ еще болѣе увеличились. Вскорѣ къ намъ еще подсѣлъ такой же несчастный офицеръ, какъ и я.

Но намъ не суждено было отдохнуть: едва просидѣли мы у него съ полчаса, какъ совершенно неожиданно раздалась команда, по который мы должны были развернуться въ боевой порядокъ. Равнодушіе, боль, усталость сняло, какъ говорится, рукой. Распрощавшись наскоро съ Фридландомъ и поблагодаривъ его, офицеры быстро набросали къ нему кучу кошельковъ съ деньгами, писемъ, цѣнныхъ вещей и т. п., которыя они хотѣли брать съ собою въ бой.

Мы развернулись и стали въ резервѣ за первою линіею. Но вмѣсто ожидаемаго наступленія насъ не трогали съ позиціи, не слышно было даже и перестрѣлки. Отправились собирать справки и оказалось, что Гродненскіе гусары, охранявшіе нашъ флангъ и фронтъ, замѣтили, по другую сторону Марицы, очень большія непріятельскія силы и въ очень близкомъ разстояніи, тогда какъ турки, кажется, и не подозрѣвали о такомъ близкомъ непріятномъ для нихъ сосѣдствѣ. Ночь давно наступила, и полная луна освѣщала мѣстность. По другую сторону Марицы прямо противъ насъ лежала большая деревня. Графъ Шуваловъ рѣшился утромъ аттаковать турокъ. Было приказано немедленно переправиться и занять деревню Алкаишъ на той сторонѣ. Для этого назначалась стрѣлковая бригада и пять ротъ нашего полка. Деревня была пуста и не занята турками. Покуда переправлялись эти части, остальные баталіоны стояли въ боевомъ порядкѣ и прикрывали ихъ.

Въ одиннадцать часовъ ночи мы снялись съ боевой позиціи и, пройдя версты двѣ впередъ, подошли къ большому каменному дому, со службами, и остановились здѣсь на ночлегъ. Въ большомъ крытомъ сараѣ этого зданія помѣщалась большая партія плѣнныхъ турокъ, между которыми были двѣ или три женщины переодѣтыя въ солдатское платье, мы къ нимъ присоединили тѣхъ, которыхъ вели съ собою. Было очень холодно, дровъ же достать было болѣе чѣмъ трудно, лѣсу совсѣмъ не было видно, а версты на три въ обѣ стороны отъ этого зданія всѣ телеграфные столбы были вырублены, но бѣдные солдатики, несмотря на страшную усталость, всетаки же отправились ихъ рубить даже за такое разстояніе, кромѣ того, все, что́ только горѣло и что можно было разобрать въ окружающихъ этотъ домъ строеніяхъ, также было разобрано. Мы офицеры успѣли только отстоять одинъ сарай, въ который по этому и набралось столько народу, что нельзя было упасть яблоку. Измучены мы были до такой степени, что пропалъ всякій аппетитъ. Чай и тотъ выпитъ былъ только по необходимости, всѣ старались и заботились только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе прилечь и заснуть. Завернулись мы въ наши пальто и улеглись спать въ этомъ сараѣ всѣ въ повалку, офицеры, солдаты, турки, деньщики, здѣсь уже было полнѣйшее равенство, и отъ холода всѣ старались только покрѣпче прижаться другъ къ другу. Я спалъ какъ убитый. Задолго еще до свѣта, такъ часа въ четыре меня разбудили. Толкотня поднялась страшная, оставаться здѣсь было невозможно, и я вышелъ изъ этого сарая. Луны уже не было. Темнота отъ этого увеличилась еще больше, нѣкоторые костры еще горѣли, въ другихъ только тлѣли уголья, но какъ кругомъ тѣхъ, такъ и другихъ, спали богатырскимъ сномъ наши солдатики, около своихъ составленныхъ въ козлы ружей. Но людей уже будили и эта картина быстро измѣнилась. Послѣ сна холодъ кажется чувствительнѣе, здѣсь же онъ увели-

чился еще болѣе отъ того, что дѣйствительно дулъ сильный, рѣзкій вѣтеръ.

Солдаты стали подбрасывать въ огонь оставшіеся отъ ночи дрова, и скоро по всему бивуаку появились большіе костры, которые окружила толпа солдатиковъ, прыгающихъ съ ноги на ногу отъ холода. Фантастически освѣщенные красноватымъ свѣтомъ костра, въ башлыкахъ съ мѣшками, съ подпоясанными тесаками, какъ будто мечами, съ протянутыми къ нимъ руками, среди глубокой окружающей ихъ теми, они казалось совершали какой то обрядъ и напоминали картины изъ древней жизни нашихъ прадѣдовъ славянъ, собирвшихся ночью для совершенія какого либо обряда. Меня позвали пить чай и этимъ нарушили обояніе этой картины. Выпивъ наскоро стаканъ чаю, противнаго отъ дыма и жиру, я вышелъ снова, но солдаты уже построились, и мы скоро двинулись впередъ. Обогнули строенія и стали спускаться къ рѣкѣ. На берегу въ этомъ мѣстѣ было очень оживлено. Шедшая съ нами артиллерія давно уже начала свою переправу. Орудія и зарядные ящики стояли на берегу въ перемѣшку и дожидали своей очереди, такъ какъ въ одно орудіе или ящикъ впрягали по нѣсколько унисовъ, но и тѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи, только съ большимъ трудомъ были въ состояніи вывозить на другой берегъ эти тяжелыя девятифунтовки. Темнота попрежнему была страшная. Рѣка такъ шумѣла и ревѣла, такъ что отъ нея невольно какъ то сторонились; другой ея берегъ терялся гдѣ то во мракѣ, и только далеко, далеко впереди, прямо противъ насъ, какъ будто что то горѣло; небольшіе блѣдные, красноватые языки время отъ времени поднимались съ этого мѣста и неясно освѣщали какіе то темные силуэты, какъ будто крыши и столбы. Блѣдный красноватый оттѣнокъ распространялся въ этомъ мѣстѣ по небу, выдѣляясь болѣе свѣтлымъ пятномъ на черномъ, беззвѣздномъ небѣ. Глухой, страшный ревъ рѣки покрывалъ собою голоса, крики и брань артиллеристовъ, возящихся со своими лошадьми и орудіями, волны бѣшено били о берегъ, часто несли и разбивали одну о другую большія льдины, и осколки ихъ выбрасывали къ нашимъ ногамъ. Разговоры, съ которыми мы подошли къ рѣкѣ, постепенно стихали и замѣнились напряженными взглядами, которыми каждый старался проникнуть эту темноту и тамъ отыскать противоположный берегъ, но въ даль уходила одна только рѣка, пожаръ былъ очень далеко отъ насъ и того берега не только не было видно, но даже оттуда не доносились и голоса. Много нужно было воли, чтобы ночью «на авось» переправиться черезъ эту рѣку, ширпною въ этомъ мѣстѣ болѣе версты, во время ледохода, и притомъ зная только примѣрно направленіе брода. Бывалые уже артиллеристы говорили, что рѣка очень широка, что тамъ посрединѣ идутъ страшныя льдины, что бродъ идетъ сначала внизъ по теченію и только около того берега поднимается

вверхъ. Нарисованныя ими картины заставляли эту рѣку казаться еще страшнѣе и непривѣтливѣе, заставляли еще сильнѣе взглядываться въ ея быстро текущія воды и задавать себѣ вопросъ: снесетъ меня или нѣтъ это теченіе, при этомъ страшно опасномъ бродѣ. Но чѣмъ болѣе смотрѣли на теченіе, тѣмъ голова болѣе кружилась и тѣмъ скорѣе пропадала необходимая рѣшимость. Но насъ привели сюда не за тѣмъ, чтобы мы здѣсь стояли, переправиться нужно во чтó-бы то нистало. Нѣкоторые офицеры обратились за помощью къ офицерамъ артиллеристамъ, послѣдніе вошли въ наше положеніе и дали намъ своихъ лошадей; и вотъ, я съ однимъ товарищемъ, перекрестясь, спустились въ рѣку.

Но первыя впечатлѣнія этой страшной въ это время рѣки уже проходили. Стихнувшіе разговоры между солдатами замѣнились сначала принятымъ въ тихомолку холоднымъ рѣшеніемъ, выразившемся во всей фигурѣ солдата, когда онъ молча садился на снѣгъ, снималъ сапоги и засучивалъ на сколько можно было выше свои рваные худые штаны, а затѣмъ уже ѣдкими шутками, которыми болѣе рѣшительные подбадривали своихъ болѣе робкихъ товарищей. Переправлялись солдаты двоякимъ образомъ: нѣкоторые, какъ я уже сказалъ, снимали сапоги, нижнее платье и бѣлье и все снятое наматывали на ружье и штыки, другіе же, только подогнувъ полы своихъ шинелей, прямо въ платьи и сапогахъ спускались въ рѣку, держась другъ за друга, а передніе за хвосты артиллерійскихъ и офицерскихъ лошадей, или за орудія и зарядные ящики, и такимъ образомъ непрерывными цѣпями двигались все впередъ и впередъ. Тѣ, которые спускались прямо въ платьи, оказались значительно практичнѣе первыхъ, потому что у послѣднихъ отъ холода духъ замиралъ до такой степени, что многіе изъ нихъ навѣрно остались бы въ рѣкѣ и потонули, еслибы не ихъ товарищи, которые, положительно жертвуя своею жизнью, выносили ихъ изъ воды на рукахъ въ полубезчувственномъ состояніи; кромѣ того, опасность отъ теченія и льдинъ и неровности дна была такъ велика, что многіе часто теряли устойчивость, спотыкались, и вслѣдствіе этого добрались до другаго берега еще хуже измученные, чѣмъ ихъ товарищи, нестѣсненные въ своемъ движеніи тѣмъ платьемъ, которое тѣ несли на своихъ ружьяхъ. Кромѣ того, у переправлявшихся не въ платье, вся нога, вплоть до пятки, была испещрена мелкими изрѣзами, нанесенными льдинами, которые, въ отдѣльности хотя и не имѣли серьезнаго значенія, но въ той массѣ, въ которой они появились на ногахъ, уже нѣсколько болѣе чѣмъ безпокоили солдата.

У всѣхъ было одно желаніе—поскорѣе выбраться изъ этого ада. Но чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ становилось все хуже и хуже: вода давно уже была выше колѣнъ, а глубина продолжаетъ все увеличиваться и увеличиваться. Вотъ уже такъ тщательно береженныя полы шенелей

въ водѣ, а глубина все увеличивается, а съ нею вмѣстѣ и теченіе, вотъ стали попадаться льдины все крупнѣе и крупнѣе и нѣкоторыя уже напоминаютъ собою цѣлые острова, онѣ тихо, медленно плывутъ, но уже одинъ ихъ видъ заставляетъ васъ сторониться отъ нихъ съ ужасомъ, ударь только такая льдина, или зацѣпи, и вы навѣрно уже не встанете; теченіе страшно сильно, но оно только съ большимъ трудомъ поднимаетъ эту массу, о которую съ зловѣщимъ шумомъ, трескомъ и громомъ разбиваются не столь большія и болѣе мелкія льдины. Мнѣ съ моимъ товарищемъ попалась такая льдина, нѣкоторыя прошли раньше насъ, другія подходили къ намъ издали.

Не легко забыть эти ощущенія, которыя вызвалъ во мнѣ одинъ ея видъ, но эти ощущенія у меня должны были быть значительно легче, чѣмъ у солдата. Я былъ на лошади, онъ переправлялся пѣшкомъ. Теченіе было очень большое и наконецъ усилилось при этой значительной глубинѣ до такой степени, что наши лошади только съ трудомъ сохраняли свою устойчивость. Нѣсколько разъ онѣ уже рисковали упасть, и мы едва, едва ихъ удерживали поводьями и окоченѣлыми въ водѣ ногами, и тутъ то въ это время показался передъ нашими глазами этотъ островъ. Намъ совѣтовали, когда мы отправлялись, спускаться больше по теченію и никоемъ образомъ не брать въ верхъ по теченію, такъ какъ тамъ сразу дѣлалось страшно глубоко, поэтому принять вправо было очень рисковано, принять влѣво—мы не успѣемъ никакимъ образомъ объѣхать льдины, она нагнала бы насъ и сшибла въ рѣку, оставаться на мѣстѣ—немыслимо, лошади стоя не вынесли бы теченія, которое навѣрно опрокинуло бы ихъ. Единственнымъ исходомъ было повернуть назадъ, и мы уже хотѣли сдѣлать это, и тамъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, гдѣ не было бы такого страшнаго теченія, подождать когда пройдетъ эта масса, какъ неожиданно вправо послышались въ отдаленіи сигналы наступленія, которые вѣроятно трубили на томъ берегу, чтобы указать направленіе переправляющимся солдатамъ. Услыхавъ ихъ, мы уже храбро рѣшились пуститься вправо, въ объѣздъ льдины, а за нами направились и наши солдатики.

Тутъ уже не было шутокъ, каждый отлично сознавалъ всю опасность своего положенія, такъ какъ чѣмъ ближе къ этому берегу, тѣмъ теченіе увеличивалось, увеличивалась глубина, и все чаще приходилось сторониться и давать дорогу и объѣзжать и обходить громадныя льдины, которыя иногда шли по нѣсколько штукъ сразу. Только выбравшись на берегъ вздохнули мы свободно, но обмоченные руки и ноги закостенѣли до такой степени, что когда я сошелъ съ лошади, артиллеристъ, который ее принялъ отъ меня, поддержалъ меня, иначе я никоимъ образомъ не удержался бы на своихъ ногахъ. Они посовѣтывали намъ бѣжать поскорѣе на гору и обогрѣться тамъ въ горящей деревнѣ, пожаръ которой мы

видѣли еще съ той стороны. За нами побѣжали и наши солдатики. Сапоги хотя и были рваные, но вода въ нихъ еще хлябала, и, выливаясь, оставляла по снѣгу за каждымъ по два слѣда. При мнѣ, туда же въ деревню, почти что принесли двухъ солдатиковъ, у обоихъ были сняты сапоги, они не были безъ чувствъ, но въ такомъ состояніи, что не могли идти безъ посторонней помощи. Пожаръ въ деревнѣ уже потухалъ, но вездѣ на улицахъ, за каменными заборами, были разложены громадные костры, освѣщавшіе всю мѣстность какъ днемъ, кругомъ около нихъ копошились солдатики или отогрѣвавшіе свое полузамерзшое тѣло, или наскоро высушивающіе свою промокшую одежду. Но бѣднымъ это плохо удавалось, такъ какъ здѣсь останавливались ровно на столько, чтобы люди могли собраться и построиться; понятно, что тѣ, которые переправились раньше и обсушились до нѣкоторой степени, но большинство не успѣло этого сдѣлать и потому осталось мокрыми. То-же самое испытали и офицеры; я съ моимъ товарищемъ прибѣжалъ въ одну избу, въ которой всѣ выбитые окна были заставлены половинками дверей и въ которой у громаднаго очага сидѣлъ буквально въ одной рубашкѣ тоже мой товарищъ, но втораго баталіона, солдатики сушили его платье и бѣлье. Онъ дрожалъ отъ холода. У меня въ сумкѣ нашлась щепотка чаю и нѣсколько кусковъ сахару. Живо вскипятили мы его и пили изъ гутоперчиваго стакана, но вѣрно съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ когда-либо въ Петербургѣ. Но ему, какъ и другимъ, обсушиться всетаки же неудалось: торопили строиться и идти къ другой деревни Каратаиръ, которую мы потомъ и аттаковали. Нашъ баталіонъ переправлялся послѣднимъ, затѣмъ на эту же сторону переправили плѣнныхъ турокъ и конвоировавшую ихъ пятую роту. Съ разсвѣтомъ нашъ баталіонъ уже переправился и сбирался къ деревни, всѣ уже ушли, осталась только артиллерія, переправа которой была чрезвычайно затруднительна.

Наши солдаты переправились сравнительно благополучно, но за то изъ плѣнныхъ турокъ погибло нѣсколько человѣкъ; къ утру вода прибыла на столько, что когда начали переправлять вьючныхъ лошадей иословъ, то вмѣстѣ съ ними начали тонуть и конвоировавшіе ихъ обозные. Переправу принуждены были прекратить и всѣ вьюки отправить по шоссе къ Филиппополю. Съ большимъ трудомъ переправили только лазаретную тележку, для того, чтобы устроить въ этой деревнѣ перевязочный пунктъ. Когда нашъ баталіонъ собрался и построился, пріѣхалъ адъютантъ и передалъ приказаніе командира полка, чтобы, доставъ въ этой деревнѣ проводника, направились на деревню Каратаиръ. Съ большимъ трудомъ поймали какого то любопытнаго братушку, и нашъ баталіонъ началъ уже вытягиваться изъ деревни, какъ совершенно неожиданно загремѣли выстрѣлы, и гранаты стали ложиться шагахъ въ ста, не долетая до головы нашего баталіона.

Капитанъ генеральнаго штаба Энгельгардъ отъ имени графа Шувалова, руководившаго этимъ боемъ, приказалъ нашему баталіону остановиться въ деревнѣ, прикрывать переправляющуюся артиллерію и дожидаться покуда онъ узнаетъ, что это за кавалерія, неожиданно показавшаяся на нашемъ правомъ флангѣ, почти въ тылу отряда. Этимъ временемъ братушка, никакъ не ожидавшій, что попадетъ въ сраженіе, ухитрился незамѣтно скрыться. По счастью онъ уже намъ былъ больше не нуженъ, но искусство, съ какимъ онъ продѣлалъ этотъ побѣгъ, было замѣчательно. Возвратившись онъ сказалъ намъ, что это была наша кавалерія, сильно тѣснимая превосходящею численностью турецкою кавалеріею. Я былъ адъютантомъ въ нашемъ баталіонѣ, но потерялъ наканунѣ новаго года свою послѣднюю лошадь, почему всѣ эти дни и былъ пѣшкомъ. Когда оказалось, что мы должны остаться въ деревнѣ, командиръ нашего баталіона посадилъ меня на свою лошадь и приказалъ доложить объ этомъ командующему полкомъ. Проѣхавъ версты двѣ, я попалъ въ сферу ружейнаго и артиллерійскаго огня, послѣдній былъ особенно силенъ, но по счастью ихъ гранаты не рвались и скорѣе оказывали сильное нравственное дѣйствіе, чѣмъ причиняли серьезный вредъ. Пули, хотя и достигали сюда случайно, но всетаки были очень часты. Я проѣхалъ стрѣлковые гвардейскіе баталіоны, стоявшіе въ резервѣ, и неожиданно очутился подъ перекрестнымъ огнемъ; осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что нашъ фронтъ имѣетъ ломанную линію и что онъ обстрѣливается, какъ со стороны деревни Каратаиръ, такъ и со строны большаго кургана—горы, лежащей въ верстахъ трехъ отъ насъ, почти на берегу Марицы; наша батарея тоже стояла далеко, причемъ четыре орудія стрѣляли по кургану, а два по деревни; фронтъ противъ деревни, составляли наши два баталіона 4-й и 1-й, въ резервѣ у нихъ стоялъ 2-й, а противъ кургана стоялъ одинъ стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи. Отыскавъ командира полка у батареи, я ему передалъ за чѣмъ былъ посланъ, и получилъ новое приказаніе, чтобы нашъ 3-й баталіонъ немедленно шелъ въ первую линію и подкрѣпилъ нашъ правый флангъ, на которомъ стоялъ нашъ 1-й баталіонъ. Возвратившись обратно въ деревню, я вмѣстѣ съ баталіономъ вернулся въ боевую линію и указалъ мѣсто баталіону. Несмотря на то, что мы были развернувшись, потери въ нашемъ баталіонѣ были очень сильныя.

Пули перелетали черезъ первую линію и сильно обстрѣливали то пространство, гдѣ мы стояли, отъ нихъ даже плохо зачищали ровики и насыпи, такъ какъ онѣ падали подъ чрезвычайно большимъ угломъ, доказывая, что онѣ были пущены съ дальней дистанціи. Придя на мѣсто, я сталъ знакомиться съ дѣлами; нѣсколько лѣвѣе насъ была деревня, позади ее возвышались большія горы, прямо же противъ насъ растилалась большая долина, на которой джигитовала турецкая кавале-

рія и то оттѣсняла нашу, то отступала подъ ихъ напоромъ въ свою очередь. Но участившееся шлепанье пуль, со стороны стрѣлковъ Императорской фамиліи, заставило меня прекратить мои наблюденія. Вскорѣ пришло приказаніе двумъ ротамъ 3-го баталіона идти на правый флангъ и подкрѣпить Императорскихъ стрѣлковъ, которые въ это время подались назадъ, подъ напоромъ сильной турецкой цѣпи. Командиръ нашего баталіона самъ повелъ эти двѣ роты, гдѣ мы и стали у нихъ въ частномъ резервѣ и затѣмъ, сообща со стрѣлками, въ свою очередь перешли въ наступленіе. Мѣстность отъ насъ къ туркамъ шла все возвышаясь и наконецъ переходила въ громадную конусообразную гору; кругомъ лежалъ снѣгъ, на горѣ, подошва была у послѣдней вся рѣшительно черная отъ массы движущихся по ней турокъ, одни приходили, другіе вступали на гору, баталіоны безпрестанно смѣнялись одни другими и казалось, что имъ и конца не будетъ.

Сердце сжималось, видя дерзкую аттаку этихъ восьми баталіоновъ такой массой, численность которой было трудно даже опредѣлить, аттаки тѣмъ болѣе дерзкой, что позади насъ лежала страшная Марица, и хотя наша мѣстность, въ случаѣ еслибы мы были контръаттакованы турками, не могла намъ оказать серьезной поддержки; правда, на нашей сторонѣ было важное обстоятельство въ нашу пользу, именно—инипіатива дѣйствія и увѣренность въ себѣ, опираясь на это мы и наступали все рѣшительнѣе и все нахальнѣе. Но боязнь потерять связь съ центромъ, не подвинувшемся еще впередъ, заставила насъ остановиться. Графъ Клейнмихель, руководившій этимъ наступленіемъ, черезъ нѣсколько времени по окончаніи послѣдняго отпустилъ наши двѣ роты обратно къ полку. Едва мы поравнялись съ центромъ, какъ командиръ полка, встрѣтивъ эти двѣ роты, приказалъ намъ немедленно наступать на деревню. Объясню теперь причину, почему въ это время вышла задержка въ центрѣ и на правомъ флангѣ. Между тѣмъ какъ мы наступали на лѣвомъ флангѣ, нашъ правый фланъ тоже перешелъ въ наступленіе, но вскорѣ принужденъ былъ остановиться встрѣтивъ передъ фронтомъ очень глубокую и широкую канаву.

Командиръ 1-го баталіона флигель-адъютантъ фонъ М., желая ободрить своихъ солдатъ, остановившихся передъ канавою, хотѣлъ показать примѣръ и перескочить ее. Но не могъ, упалъ въ воду и былъ едва вытащенъ солдатами; но тѣмъ не менѣе попытки переправиться не прекращались, достали телеграфные столбы отъ желѣзной дороги, связали ихъ проволокою и такимъ образомъ устроили переправу, но она была такъ медленна, что не могла имѣть серьезнаго значенія, послѣ того-то, видя неудачность переправы, и было рѣшено воспользоваться мостомъ черезъ эту канаву и перейти его колоннами. Рѣшеніе это совпадало съ нашимъ приходомъ къ центру, почему и пришлось въ головѣ этихъ ко-

лоннѣ идти нашимъ двумъ ротамъ, которыя были въ это время подъ рукою. Живо пробѣжали мы мостъ и добѣжали до новой рѣки, отдѣлявшей насъ отъ деревни.

Деревня горѣла, турки, побросавъ раненыхъ, обозы, быстро отступали. Перебѣжать въ бродъ по колѣно рѣку и занять деревню было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Быстро разсыпались наши по опушкѣ и открыли сильный огонь по отступавшимъ въ безпорядкѣ туркамъ. Но очень скоро мы замѣтили, что деревня обстрѣливается перекрестнымъ огнемъ, быстрымъ занятіемъ ее мы отрѣзали часть турецкой пѣхоты и около четырехъ тысячъ черкесовъ, послѣдніе, прикрываясь нѣсколько за курганы, начали сильно обстрѣливать насъ изъ своихъ магазинокъ, ихъ выстрѣлы причиняли намъ тѣмъ большій вредъ, что они стрѣляли замѣчательно хладнокровно и прицѣливались. Разсыпанная противъ нихъ цѣпь не могла ихъ вышибить, они терпѣли потерю въ людяхъ, еще болѣе увеличившуюся, когда поставили противъ нихъ два орудія, обстрѣливавшія ихъ шрапнелью и гранатами. Но ихъ храбрость вызвала даже одобреніе съ нашей стороны.

Въ такомъ положеніи, несмотря на очень сильный огонь, они оставались до наступленія ночи и охраняли уходившую въ горы отрѣзанную нами пѣхоту. Мы же, въ свою очередь, не имѣли никакого желанія ихъ аттаковать, такъ какъ этимъ мы отдалялись бы отъ нашего плана. Наступившая темнота и ночь прекратили перестрѣлку. Въ деревнѣ собрался весь Павловскій полкъ. Солдаты живо разобрали брошенный турецкій обозъ, прекрасныя полотны рвались на портянки и составляли лучшую награду за только что одержанную побѣду. Такъ какъ опытъ убѣдилъ каждаго, какъ сильно нужно заботиться о своихъ ногахъ, кромѣ того, въ данномъ случаѣ, важно было то, что можно было бросить старыя, мокрыя и грязныя, и надѣть чистыя. Громадное количество скота, бѣгавшаго по деревни отъ пожара и нашихъ гранатъ, рисъ, масло, галеты, мука, и т. п. дали возможность устроить такой пиръ, какого мы давно уже не видали; каждый могъ выбирать себѣ особый кусокъ, было также много лошадей, но послѣднія почти всѣ были ранены и не годились ни куда. Турецкіе раненые и остававшіеся при нѣкоторыхъ повозкахъ старики и женщины, предоставленные самимъ себѣ, забрались всѣ по избамъ и не обращали на насъ рѣшительно никакого вниманія, также какъ и мы на нихъ. Мы совсѣмъ уже успокоились, бой давно кончился, какъ мы узнали, что только что подошли генералъ Вельяминовъ, Козловскій полкъ и гвардейская конная батарея, 6-я кажется, Таля, котораго мы и пріютили у себя; узнали это отъ Козловскаго полка, который былъ у него въ авангардѣ. Жалко, что онъ опоздалъ, тогда дѣло вѣроятно приняло бы еще болѣе блестящій оборотъ, и мы навѣрно остановили бы турокъ, заставивши ихъ развернуть всѣ свои силы.

Предвкушая удовольствіе роскошной ѣды, что особенно будетъ памятно, если принять во вниманіе, что за эти два съ половиной дня у насъ у всѣхъ ничего не было во рту кромѣ стакана чаю, я былъ въ особенно хорошемъ настроеніи духа, совершенно позабывъ, что я весь день сегодня былъ мокрый, что вода хлябала въ сапогахъ, послѣ послѣдней переправы въ бродъ, передъ занятіемъ этой деревни, что былъ сильно утомленъ послѣ боя и форсированныхъ маршей; я сидѣлъ на скамейкѣ передъ огнемъ и помахивалъ ногами, какъ былъ совершенно неожиданно выведенъ изъ этого пріятнаго состоянія нашимъ полковымъ адъютантомъ, объявившемъ мнѣ, что я долженъ ѣхать за парольнымъ приказаніемъ, верстъ за пять, въ ту деревню, около которой мы переправлялись въ бродъ (Адакіой). Положеніе было критическое: безъ лошади, не зная дороги, черезъ бродъ я долженъ былъ пропутешествовать всю ночь и затѣмъ, не отдыхая, идти завтра съ полкомъ. Аргументы самые вѣскіе съ моей стороны не могли его убѣдить. Послать больше не кого, а это обязанность баталіонныхъ адъютантовъ. Надъ моимъ положеніемъ сжалился одинъ офицеръ, у котораго была маленькая турецкая лошадка, ростомъ съ осла, которая рысью бѣжитъ почти такъ же скоро, какъ я шелъ шагомъ. Разочарованный все таки же относительно ужина, я взобрался на эту лошадь и отправился вонъ изъ деревни. Ночь была лунная и я надѣялся по памяти найти дорогу, бродъ я нашелъ, но съ дороги я положителельно сбился, особенно въ этомъ меня убѣждали кавалерійскіе трупы, разбросанные тамъ и сямъ по долинѣ, я отлично понялъ, что я здѣсь не бѣжалъ, когда занимали деревню, окончательно же въ этомъ я убѣдился, когда подъѣхалъ къ строенію, о которомъ я не имѣлъ рѣшительно никакого понятія. Осмотрѣвъ его и убѣдясь, что я заблудился, я рѣшилъ отправиться назадъ къ полку и потребовать, чтобы меня кто нибудь проводилъ на настоящую дорогу. Встрѣченные мною Кубанскіе казаки, также какъ и я, отыскивали дорогу въ штабъ и предлагали мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ, возбудившихъ во мнѣ подозрѣнія, а второе то, что они и сами не знали найдутъ ли сегодня штабъ, я не только не рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ ними, а даже былъ очень радъ, когда этотъ господинъ отъѣхалъ отъ меня къ своей кампаніи и оставилъ меня въ покоѣ. Доѣхалъ я до деревни благополучно, тамъ меня проводили къ новому броду, совсѣмъ въ противоположную сторону, и указали настоящую дорогу. Проѣхавъ бродъ, я по дорогѣ направился къ горящему строенію. Картина была дѣйствительно прелестна: полусгорѣвшая мельница, стояла надъ самымъ ручьемъ, время отъ времени горящія бревна и балки падали въ ручей и тамъ потухали съ страшнымъ шипѣньемъ и множествомъ искръ. Мельница стояла на небольшой возвышенности, которая скрывала все, что было за вершиной, черная дорога

извивалась по берегу ручья, проходила какъ разъ около мельницы и затѣмъ скрывалась за послѣднею. Все это вдобавокъ освѣщалось матовымъ свѣтомъ луны. Поглощенный всецѣло этою картиною, я позабылъ необходимыя предосторожности: лошадь шла мелкою рысью, а я думалъ, что картина нисколько не потеряетъ, если на нее смотрѣть съ вершины возвышенности, на которой стояла мельница, но то, что я увидѣлъ съ вершины было таково, что въ состоянiи вышибить изъ мозга и болѣе великолѣпныя картины. Отъ меня шла долина, въ шагахъ около тысяча-пятистахъ отъ меня заканчивавшаяся лѣсомъ, изъ лѣса же выѣзжалъ громадный кавалерiйскiй отрядъ. Это не могли быть наши, такъ какъ вся кавалерiя стояла вмѣстѣ съ нами въ деревнѣ Каратаиръ, впереди и правѣе насъ. Еще прибавленiя и подкрѣпленiя мы не ждали. Это могъ быть нашъ разъѣздъ, но разъѣздъ не бываетъ такой силы, и зачѣмъ же они, замѣтивъ меня на горизонтѣ, какъ мнѣ показалось, моментально повернулись и скрылись въ лѣсъ, и зачѣмъ же это двое маршъ-маршемъ понеслись мнѣ на встрѣчу. Промелькнула мысль бѣжать, но на этой отвратительной лошади не убѣжишь, бросить ее и спасаться пѣшкомъ, мѣстность открытая, не пересѣченная, все равно поймаютъ. А защищаться всетаки же лучше съ лошади, чѣмъ пѣшкомъ. Смерть,—да какая еще мучительная—вѣдь они остервинились послѣ пораженiя, нѣтъ, лучше застрѣлю самъ себя. Успѣю ли только сдѣлать два выстрѣла—одинъ въ него, другой въ себя. Невольно, само собою, я читалъ «отче нашъ», но болѣе занятый осматриванiемъ револьвера, и всетаки же рысью подвигался впередъ. Разстоянiе все меньше и меньше, я уже различаю костюмъ, нѣтъ сомнѣнiя, это черкесы, вотъ ихъ кафтанъ, вотъ ихъ шапка. Наши занимаютъ цѣпь передъ деревней, здѣсь они не могутъ быть. Боже, что за секунды! Да скоро ли наконецъ развязка! Я чувствовалъ, что я погибъ, и съ какою то отчаянностью понукалъ лошадь шпорами, но эта дрянь не можетъ бѣжать, она идетъ какъ будто шагомъ. Вотъ они уже снимаютъ ружья. Еще секунда и мы встрѣтимся. Съ какою то злою рѣшимостью, я крикнулъ: стой! кто ѣдетъ? и прицѣлился изъ револьвера. Какой то глухой голосъ и съ иностраннымъ, не русскимъ акцентомъ, отвѣчаетъ: «казаки», но вѣдь многiе черкесы говорятъ по-русски. Я уже хотѣлъ спустить курокъ, но въ шести, семи шагахъ отъ меня они останавливаются. Вопросъ: чьи вы? вылетаетъ у меня невольно. Отвѣтъ Бальцевскiе, заставляетъ меня переспросить, такъ какъ это показалось невѣроятнымъ. Полковникъ Бальцъ былъ нашимъ начальникомъ штаба; къ нему то я и ѣхалъ за парольнымъ приказанiемъ. Я долго не могъ придти въ себя. Переспросивши нѣсколько разъ полковника Бальца и рѣшительно ничего не понимая, наконецъ я сталъ приходить въ себя и сообразилъ, что счастливая случайность заставила полковника Бальца лично отправиться въ занятую нами деревню для переговоровъ съ генераломъ относительно

завтрашнихъ дѣйствій. Съ нимъ былъ его конвой и эскадронъ гусаръ, который долженъ былъ присоединиться къ своему полку. Вернулся я домой въ какомъ то чаду, пропалъ даже аппетитъ. Я ѣлъ какъ то машинально и думалъ объ крайней необходимости завести прекрасную лошадь, за какую бы цѣну ни было. Но усталость и сильныя впечатлѣнія этой ночи взяли свое—я заснулъ на полу богатырскимъ сномъ. Утромъ меня на силу разбудили.

Было еще темно, солдаты и офицеры, собравшись у костровъ, ждали разсвѣта, предполагалось продолжать наступленіе. Турки за ночь ушли отъ кургана, и мы намѣревались во что бы то ни стало сегодня нагнать ихъ и остановить, чтобы дать возможность другимъ нашимъ войскамъ пересѣчь имъ путь отступленія. Графъ Шуваловъ остался вмѣстѣ съ Стрѣлковой бригадой, а насъ велъ нашъ командиръ бригады генералъ Эттеръ, но наступать должны были одновременно, мы съ праваго фланга, а стрѣлки съ лѣваго. Было даже тепло отъ громаднаго числа очень большихъ костровъ, дровъ было много и мы ихъ не жалѣли, чтобы только погрѣться лучистою теплотою. Съ разсвѣтомъ мы выступили, нашъ баталіонъ шелъ во главѣ колонны. Дорога вездѣ носила слѣды страшнаго, поспѣшнаго бѣгства. Она вся была усыпана разбросаннымъ домашнимъ скарбомъ, разбитыми телегами, ранеными и убитыми животными и тому подобное.

Не доходя версты двѣ до оставленной турецкой позиціи, наша кавалерійская цѣпь, шедшая впереди, увѣдомила насъ, что на насъ наступаетъ сильный турецкій отрядъ. Приказано было немедленно бѣгомъ занять впереди лежащую, оставленную турками, гору и лежащую рядомъ съ нею деревню. Нашъ батальонъ долженъ былъ занять послѣднюю. Запыхавшись вбѣжали мы въ деревню и живо разсыпались по опушкѣ. Жители встрѣтили насъ гурьбой, съ живѣйшею радостью, и такъ какъ они сами только незадолго передъ нами вернулись въ эту деревню, то и не могли ничего намъ предложить, кромѣ воды, которую они намъ и таскали очень усердно. Деревня была почти не разрушена. По улицамъ шаталось много скота. Я уже хотѣлъ заняться отысканіемъ себѣ какого нибудь осла или лошади и выбиралъ наименѣе раненыхъ и способныхъ носить меня, какъ вдругъ на нашу деревню стала наступать наша кавалерійская цѣпь. Съ каждой минутой ожидали, что сейчасъ откроемъ огонь по наступающимъ туркамъ. Насъ особенно сильно занимало какъ турки станутъ наступать, такъ какъ намъ до сихъ поръ не удавалось видѣть ихъ въ этомъ положеніи. Но время шло, а турки не показывались, наша кавалерійская цѣпь снова пошла впередъ. Оказалось, что мы не узнали другъ друга: наступавшій на насъ отрядъ были русскій и, кажется, принадлежалъ генералу Шильдеръ-Шульднеру. Идя много правѣе насъ, онъ вообразилъ, что зашелъ въ тылъ туркамъ, развернулся

и началъ наступать. Но турки, какъ я уже говорилъ, до насъ благоразумно отступили и, такимъ образомъ, ушли отъ нашихъ рукъ. Какъ только это обстоятельство выяснилось, мы сейчасъ же свернулись и стали продолжать свое наступленіе. Въ право и влѣво отъ насъ по долинѣ шли громадныя колонны съ ихъ артиллеріею. Мы составляли среднюю колонну и принуждены были свернуть съ дороги и идти прямо по рисовому полю. Погода была теплая, снѣгъ хотя медленно, но таялъ и еще болѣе расмачивалъ мягкую почву плохо замерзшаго рисоваго поля. Было тяжело тащить ноги, на которыя прилипали громадные, тяжелые куски полузамерзшей земли. Артиллерія тащилась съ трудомъ, а мы все спѣшили и спѣшили. Мы уже не только снова нагоняли, но даже скоро должны были идти параллельно туркамъ. Отступленіе турокъ было столь поспѣшно, а мы ихъ тѣснили такъ сильно, что они принуждены были бросить обозъ, который они прикрывали раньше этого. Движеніе вдоль черкесскихъ колоннъ, нагнавшихъ голову турецкой колонны, сдѣлало невозможнымъ для послѣдней дальнѣйшее движеніе къ Филиппополю по долинѣ. Тѣснимые съ трехъ сторонъ они были принуждены свернуть нѣсколько въ горы и двигаться тамъ почти безъ дорогъ. Трудность движенія еще увеличивала ихъ артиллерія, которую они изо всѣхъ силъ старались спасти. Но предоставленный на нашу волю и брошенный ими обозъ не былъ обозомъ, составляющимъ необходимую принадлежность всякой арміи,—онъ составился изъ другихъ источниковъ. Турецкія семейства, вслѣдствіе приказа Сулеймана, бросившія свои жилища, постепенно составили громадныя массы, начали это движеніе значительно раньше отступленія Сулеймана изъ Софіи. Но, двигаясь въ одиночку, съ тяжелыми нагруженными телегами, на волахъ, съ кучей дѣтей, женщинъ, стариковъ, больныхъ, они далеко не могли двигаться такъ скоро, какъ это дѣлала отступавшая, постоянно подгоняемая турецкая армія. Къ тому-же, чѣмъ далѣе и далѣе шли они тѣмъ движеніе ихъ становилось все тише и медленнѣе. Люди и волы уставали; все чаще и чаще ощущали недостатокъ въ хлѣбѣ и кормѣ, доставать которые приходилось грабежами въ лежащихъ по пути деревняхъ. Непривычныя тяжелыя условія вызывали болѣзни. Слухи о русскихъ увеличивались. Армія ихъ настигала. Отступленіе этой арміи часто переходило въ бѣгство. Подобное состояніе не могло не отражаться на этихъ мирныхъ жителяхъ. Толпа увеличивалась больше и больше. Они дѣлали послѣднія усилія, чтобы добраться къ Филиппополю. Наконецъ паника достигаетъ своего зенита, когда мы аттаковали турокъ при Каратаирѣ. Тутъ не могло быть и рѣчи объ отдыхѣ. Турецкая армія шла и перегоняла обозъ. Наша артиллерія громила ее, а наша аттака деревни была столь стремительна, что отрѣзала часть пѣхоты и обоза. Часть этого обоза, брошенная своими хозяевами, досталась намъ въ деревнѣ, другая, прикрываемая черкесами, ушла въ горы. Но тѣ, которые не успѣли проѣхать

деревню раньше ея занятія, все-таки-же цѣлый день принуждены были принимать нѣкоторое участіе въ боѣ, и во всякомъ случаѣ выносить его впечатлѣнія; естественно, они напрягали послѣднія силы, чтобы какъ можно скорѣе уйти отъ страшнаго артиллерійскаго огня, которому они подвергались наравнѣ съ перемѣшанными между ними турецкими баталіонами. Быстрое отступленіе турецкой арміи ночью и подкрѣпленный очевидностью слухъ о томъ, что русскіе почти отрѣзываютъ ихъ отъ Филиппополя и могутъ забрать ихъ всѣхъ живыми, заставляетъ ихъ ночью, не отдохнувъ, продолжать свое бѣгство; каждый старался не быть послѣднимъ. Они перегоняютъ другъ друга и разбрасываются по всему громадному полю. Но тяжелый путь по рисовому полю и наконецъ поворотъ въ горы окончательно заставляетъ ихъ остановиться, подчиниться своей судьбѣ и ждать молча своей участи. Но страхъ плѣна у русскихъ такъ силенъ, что все способное носить оружіе бѣжитъ за арміею. Остаются дѣти, старики, больные и женщины, которые не могли бѣжать. Слухи. распускаемые турецкими начальниками, были далеко не въ нашу пользу, Разсказывались самыя невѣроятныя вещи о варварствѣ, жестокостяхъ и т. п. И имъ вѣрили, такъ какъ главнымъ образомъ, благодаря имъ, жители рѣшались бросить свои очаги и предпринять такое опасное путешествіе. Естественно, что все, что̀ такъ или иначе могло избѣжать, или отложить эту встрѣчу съ русскими, бѣжало, позабывъ связи, любовь и т. п. Такъ я по крайней мѣрѣ объяснялъ себѣ почему въ раскинутомъ на громадное пространство турецкомъ обозѣ сравнительно было очень мало людей, а тѣ, которые остались, были или дѣти, моложе 15 лѣтъ, или старики, едва передвигающіе ноги, или молодыя больныя женщины.

Я видѣлъ какъ одна молодая мать, присѣвъ къ костру, старалась успокоить своего расплакавшагося ребенка, тотъ не унимался и она стала кормить его грудью. Съ жадностью бросившійся ребенокъ, вскорѣ сердито оттолкнулъ грудь и продолжалъ кричать. Грустно опустила голову женщина и постаралась приготовить ему новую пищу.

Обозъ, какъ я уже говорилъ, раскинулся на большое пространство и всѣ фуры были повернуты къ горамъ. Волы были выпряжены и бродили около, такъ же какъ и лошади, безо всякаго присмотра. Нѣкоторыя фуры стояли въ кучѣ, другія отдѣльно. Около нихъ были разложены небольшіе огоньки, кругомъ которыхъ сидѣли на корточкахъ цѣлыя семейства. Общая черта всѣхъ была какая то полная неподвижность и полная апатія. Никто на насъ не обращалъ никакого вниманія, всѣ сидѣли какъ мертвые, только изрѣдка, какъ только начиналъ потухать огонь въ кострѣ, старшій въ кружкѣ, наклоненіемъ головы или глазами, указывалъ на то, что нужно поднести дровъ, тогда женщина или мальчишка, такъ же тихо, не суетясь, безучастно отправлялся отыскивать разбитую фуру, притаскивалъ колесо, доску или дышло, кололъ его и подбрасывалъ въ огонь. Всѣ

лица были страшно блѣдны и истощены, особенно у женщинъ. Многіе едва едва двигались, да и немудрено—впечатлѣнія вчерашняго боя лежали неприбранными тутъ же, подлѣ многихъ телегъ. Это были только что родившіеся мертвые дѣти. Ихъ нравственныя и физическія страданія были столь сильны, что они, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько не безпокоились за свое добро. Солдаты, подхватывавшіе телегу, чтобы отвести ея въ другое мѣсто и дать проѣздъ нашей артиллеріи, такъ мало обращали на себя вниманіе ихъ владѣльцевъ, что они не заявляли своего безпокойства даже простымъ оборотомъ головы. Нужда была полная и видно было, что они ее терпѣли давно. Это видно было особенно на маленькихъ дѣтяхъ, не вполнѣ раздѣлявшихъ апатію своихъ родителей, съ какою они жадностью брали послѣдніе сухари и галеты, которые имъ предлагали наши солдаты, съ большимъ сочувствіемъ отнесшіеся къ этому общему страданію и старавшіеся чѣмъ нибудь помочь имъ. Они помогали мальчишкамъ и женщинамъ таскать тяжелыя колеса, разбивали ихъ на дрова и, какъ я уже сказалъ, предлагали имъ подѣлиться съ ними такъ дорого цѣнимымъ солдатомъ сухаремъ, отдавая который онъ могъ самъ подчасъ проголодать цѣлый день. Но подобныя предложенія принимались недовѣрчиво и были сухо отклоняемы, но дѣти скоро перестали насъ дичиться и бояться и свободно расталкивали солдатъ, если имъ нужно было пройти черезъ строй. Всевозможное оружіе было разбросано въ большомъ количествѣ, встрѣчались преимущественно кремневые и пистольные ружья и пистолеты и такіе же древніе ятаганы, но какъ тѣ, такъ и другіе съ прекрасной насѣчкою. Общее впечатлѣніе этой картины было ужасное и далеко превосходило всякія предположенія. Насъ остановили какъ разъ среди этого обоза, такъ какъ нужно было очистить отъ повозокъ мѣсто для проѣзда нашей артиллеріи, провести или лучше перетащить ее черезъ очень глубокую канаву, и перетащить затѣмъ на полотно желѣзной дороги. Все это заняло у насъ около получаса, но впечатлѣніе, также какъ и мысли, возбужденныя этою картиною, не скоро исчезнутъ изъ памяти, несмотря на то, что война пріучила насъ, въ то время, равнодушнѣе относиться къ страданіямъ близкихъ и даже подчасъ и не замѣчать ихъ. Но эти впечатлѣнія такъ выходили изъ ряду тѣхъ, которыя мы привыкли видѣть, что они не могли не быть тяжелыми. Мы почти не видѣли здѣсь мужчинъ, съ которыми мы обыкновенно имѣли дѣло, здѣсь были только дѣти и женщины, собранныя какъ будто нарочно вмѣстѣ и въ такомъ числѣ, чтобы еще болѣе и разительнѣе доказать всю безсердечность и нелѣпость этого гнуснаго и звѣрскаго распоряженія Сулеймана-паши.

Я былъ очень обрадованъ, вѣроятно также какъ и другіе, что движеніе впередъ оторвало меня наконецъ отъ этого мѣста. Мы шли по полотну, среди насъ ѣхали наши орудія. Мы обогнали нашу колонну, шедшую правѣе насъ, и потеряли ее изъ виду. Въ горахъ-же чаще и чаще

виднѣлись турки, мы смотрѣли на нихъ въ бинокли; вскорѣ у нихъ стали вспыхивать огоньки и дымъ, и турки начали шибко обстрѣливать полотно дороги, по которому мы шли. Но гранаты не хватали, а падали не долетая до насъ. Замѣтивъ это, мы шли не обращая никакого вниманія на ихъ стрѣльбу и были болѣе заняты перескакиваніемъ канавъ, идущихъ по рисовому полю къ самому полотну, какъ совершенно неожиданно гранаты стали перелетать черезъ наши головы и каждую минуту могли разорваться передъ строемъ и причинить много непріятностей, потому мы были принуждены принять нѣкоторыя предосторожности, чтобы не терпѣть напрасно отъ ихъ огня.

Артиллерія продолжала свое движеніе по полотну, нашимъ-же солдатамъ мы приказали идти по лѣвой сторонѣ дороги, гдѣ они до нѣкоторой степени были прикрыты отъ выстрѣловъ насыпью, кромѣ того приказано было прибавить шагъ. Дѣло приближалось къ вечеру, дѣлалось очень холодно и мы начинали уставать, такъ какъ приходилось идти по рисовому полю и безпрестанно перескакивать черезъ канавы, которыми были перерыты эти поля по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ мы дошли до очень широкой въ этомъ мѣстѣ рѣчки, хотя она очень неглубока. Около этого мѣста турецкія батареи, стоявшія на горахъ, отдалились отъ насъ и прекратили безполезную стрѣльбу. Мостъ былъ загроможденъ десяткомъ или полтора турецкихъ подводъ, въ переднихъ что-то сломалось и они не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ. Намъ нужно было пройти во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, такъ какъ было получено донесеніе отъ разъѣздовъ, что турки развернулись противъ деревни, лежащей въ верстѣ или полторы отъ этого моста, и начинали наступать. Пѣхота проходила, но артиллерія не могла двинуться. Нужно было поскорѣе очистить мостъ. Ждать-же, когда они сами разберутся, хотя бы и при нашей помощи, было некогда. Волей не волей, пришлось ихъ вытащить на себѣ черезъ мостъ и затѣмъ сбросить съ насыпи. Обязанность непріятная, но, къ сожалѣнію, необходимая. Замѣчательно вели себя при этомъ наши солдатики; при спускѣ крутой насыпи, только двѣ, три телеги разбились и весь ихъ скарбъ вывалился, остальныя благополучно достигли до низу; будь это телеги не воловьи, отличающіяся замѣчательною крѣпостью, а какія-либо другія, онѣ навѣрно бы разбились въ дребезги. Солдаты проходили мимо раскинутаго добра и ни у одного изъ нихъ не поднялась рука поднять что либо изъ валяющихся вещей. Одинъ было взялъ полотенце, но товарищи стали его такъ срамить, что онъ принужденъ былъ его бросить обратно. Около моста стоялъ большой, какъ и большая часть въ Турціи построекъ, каменный трактиръ. Торговли въ немъ, конечно, въ это время не было. Но около него и на крыльцѣ стояла большая куча турокъ, солдатъ и мирныхъ гражданъ, вѣроятно хозяевъ этого обоза. Я вошелъ въ комнаты и подумалъ, что я попалъ въ госпиталь:

вездѣ по полу безъ подстилки валялись раненые и больные солдаты, около нѣкоторыхъ были разведены костры, очень мало впрочемъ предохранявшіе ихъ отъ холода, какъ мнѣ показалось. Во-первыхъ, у нихъ не было теплой одежды; многіе были въ однѣхъ курткахъ и не имѣли даже шинели, во-вторыхъ, всѣ окна были выбиты, и только нѣкоторые заткнуты соломою. Какъ я потомъ узналъ, это не былъ ни госпиталь, ни перевязочный пункъ. Раненые и больные открыли его сами и потому были въ такомъ ужасномъ положеніи. Впрочемъ, судя по госпиталямъ, въ Софіи и перевязочнымъ пунктамъ въ другихъ мѣстахъ, объ чистотѣ и сносности содержанія турецкихъ раненыхъ въ этой арміи заботились очень мало. А постоянный недостатокъ докторовъ лишалъ ихъ часто возможности получить какую-нибудь помощь. Воздухъ здѣсь, несмотря на прекрасную вентиляцію въ видѣ выбитыхъ оконъ и постоянныхъ костровъ, все таки былъ такой отвратительный, что я поторопился поскорѣе выйти. Нашъ полкъ свернулъ вправо съ полотна и потомъ шелъ занимать, въ верстѣ отъ шоссе и отъ моста, деревню Мечку. Онъ уже ушелъ настолько впередъ, что я его принужденъ былъ догонять бѣгомъ. Такимъ образомъ было очень вѣроятно, что мы проведемъ эту ночь на боевой позиціи, если только, что весьма возможно, у насъ не завяжется перестрѣлка. Теплый день къ вечеру смѣнился холодомъ, и преспектива провести ночь подъ кровлей была очень заманчива. Мы быстро прошли деревню и заняли третьимъ баталіономъ ея опушку; нашъ первый баталіонъ развернулся лѣвѣе ея, а второй и четвертый стали за деревней въ резервѣ. Но, когда подъѣхала артиллерія, оказалось, что для нея удобная позиція еще въ полуверстѣ впереди. Намъ приказали наступать на эту новую позицію, причемъ артиллерія заняла позицію между баталіонами. Резервные два баталіона остались въ деревнѣ. Турки открыли было артиллерійскій огонь, и, вѣроятно, надѣлали бы намъ очень много хлопотъ при большемъ количествѣ своей артиллеріи, еслибы только наступавшая темнота не вызвала у нихъ ошибки въ опредѣленіи дистанціи, отъ которой всѣ гранаты ложились между нами и деревней. Нѣкоторыя гранаты впрочемъ залетали въ деревню, но не могли смутить ни голодныхъ, усталыхъ солдатъ, ни болгаръ и грековъ, населявшихъ эту деревню. Послѣдніе преспокойно занимались своими дѣлами, а съ наступленіемъ ночи турки совсѣмъ прекратили свою стрѣльбу; тѣмъ болѣе, что мы, занявъ эту пологую возвышенность, прекратили наше наступленіе и окапались. Было такъ холодно, что мы просили позволеніе развести въ ложементахъ костры. Лежа на снѣгу, около костра, завернувшись въ пальто, мы думали объ участи нашихъ болѣе счастливыхъ на сегодняшную ночь товарищахъ, которые проводили ее въ деревнѣ. Графъ Шуваловъ до поздней ночи оставался съ нами въ ложементахъ и, узнавъ, что мы сегодня рѣшительно ничего не ѣли, обѣщался прислать намъ обѣдъ или ужинъ, но мы кромѣ этого

отправили нашихъ деньщиковъ въ деревню поискать нельзя-ли тамъ чего-нибудь купить. Деревня была болгарская и греческая и селяне охотно, особенно за деньги, уступили намъ куръ, гусей и поросятъ, кромѣ того, тутъ-же нашелся кабачекъ, въ которомъ можно было достать плохое красное вино и раки—мѣстная водка. Отправивъ ихъ обратно въ деревню варить нашъ ужинъ, мы сами занялись приготовленіемъ себѣ чаю. Впереди насъ все было тихо, у турокъ не слышно было никакого движенія. Луна свѣтила какъ-то тускло и освѣщала очень не веселую картину: большую бѣлую долину, на которой мѣстами стояли небольшія развѣстыя деревья, вдали чернѣлось какое-то строеніе, а за нимъ поднимались большія бѣлочерныя горы съ громаднымъ числомъ разведенныхъ по ихъ отлогостямъ костровъ. Офицеры разошлись къ своимъ ротамъ стараясь въ ложементахъ найти какое-нибудь прикрытіе отъ пронизывающаго вѣтра. Изъ деревни достали нѣсколько соломы. Все постепенно засыпало, стояли одни только часовые. Вскорѣ принесли ужинъ отъ графа Шувалова, затѣмъ нашъ. Какъ тотъ такъ и другой были съѣдены съ прекраснымъ аппетитомъ. Завтрашній день мало кого интересовалъ, хотя, судя по обстоятельствамъ, мы находились наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій. Мы догнали турокъ, даже больше—мы поравнялись почти съ головою ихъ колонны, чѣмъ отрѣзывали имъ путь къ отступленію къ Филиппополю. Предполагали, что имъ не оставалось ничего больше, какъ ударить на насъ и пробиваться къ послѣднему, или бросить свою артиллерію, какъ они бросили обозы, и уходить въ Большія Балканы. Первое сдѣлать очень трудно. Силы, отрѣзавшія Сулеймана непосредственно отъ Филиппополя, были очень значительны, хотя немного меньше, чѣмъ у него, Сулеймана, но за то войска хорошія, которыя съумѣли бы постоять за себя, это первое, второе то, что его задача пробиться была затруднительна тѣмъ, что одновременно съ его аттакой на насъ, онъ самъ съ тылу былъ-бы аттакованъ нашею правою колонною. Въ случаѣ если-же Сулейманъ будетъ уходить въ горы, мы не сомнѣвались въ томъ, что мы его аттакуемъ въ свою очередь, и, если не разобьемъ его прямо, то ужъ навѣрно порядочно пощиплемъ и приведемъ въ полную невозможность угрожать и стѣснять насъ своею арміею, а затѣмъ мы наконецъ-то попадемъ въ Филиппополь, отдохнемъ тамъ, купимъ необходимыя вещи, городъ большой, навѣрно мы тамъ все достанемъ, а главное, чтобы были сапоги и сапоги. Съ этими радужными мыслями, мы преспокойно заснули у костровъ. Ночь была очень холодная, вѣтеръ всю ночь леденилъ сторону, закрытую отъ огня, и отдувалъ пламя и теплоту въ противоположную сторону. Многіе во снѣ такъ близко придвинулись къ огню, что просыпались, съ прожженными полами пальто, или отъ нестерпимой боли въ ногѣ отъ накалившейся кожи на сапогахъ. Но не всѣ спали такъ крѣпко, нѣкоторые предпочитали прогуливаться.

Присматриваясь въ даль, часовые въ ложементахъ начали разглядывать какую-то человѣческую фигуру, обрисовывающуюся все яснѣе и яснѣе. Странныя движенія этой фигуры, то появляющейся, то снова скрывающейся за деревьями, побудили ихъ доложить объ этомъ моему баталіонному командиру, бывшему въ эту ночь начальникомъ передовой линіи. Фигура прежде скрывалась, потомъ же, подойдя ближе къ нашей линіи, уже безо всякой предосторожности направлялась прямо на нашу цѣпь. Наши часовые, какъ я уже сказалъ, были въ ложементахъ и ихъ почти не было видно, костры мѣстами уже потухли. Такъ какъ этотъ человѣкъ шелъ со стороны турокъ, а черезъ нашу цѣпь никто не проходилъ, то предположили, что это или успѣвшій убѣжать отъ турокъ братушка, или же шпіонъ, въ томъ и другомъ случаѣ онъ могъ дать хорошія свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у непріятеля, почему и послали двухъ человѣкъ захватить его. Удивлены были порядочно, когда узнали въ немъ одного изъ нашихъ же ротныхъ командировъ. Провѣряя своихъ часовыхъ, онъ вышелъ за цѣпь и направился къ туркамъ, дойдя до непріятельской цѣпи, и убѣдясь самъ, что они стоятъ на мѣстѣ и что у нихъ нѣтъ никакого движенія онъ отправился обратно, но принялъ нѣсколько въ сторону и вышелъ къ другой ротѣ.

Часа за два до разсвѣта вдругъ неожиданно загорѣлся этотъ отдѣльный домъ, противъ котораго мы стояли, и очень скоро былъ обхваченъ пламенемъ. Это показалось страннымъ, послали развѣдать нѣсколько человѣкъ охотниковъ:—что это такое, и доложили графу Шувалову. Охотники вскорѣ возвратились объявя, что домъ былъ подожженъ, и что, при ихъ приближеніи, находившійся тамъ турецкій постъ открылъ по нимъ огонь, но они своими маневрами и стрѣльбой принудили его бѣжать, что они были въ дому и что, когда они шли назадъ, то слышали, что въ турецкомъ лагерѣ начиналось большое движеніе. Уже начинало разсвѣтать, наши тоже поднимались, шумъ у турокъ усиливался; мы уже различали его изъ своихъ ложементахъ. Какъ только Графу доложили о возвращеніи охотниковъ, онъ сейчасъ же отправилъ состоящаго при немъ офицера генеральнаго штаба на рекогносцировку съ отрядомъ кавалеріи и ждалъ его у насъ, въ цѣпи. Когда возвратился Энгельгардъ съ рекогносцировки, или онъ прислалъ донесеніе, только прошло около часа времени, и намъ приказали сняться съ позиціи и наступать къ лѣвому флангу по направленіи къ деревни Куморъ, т. е. къ горамъ, въ началѣ прямо по полю, а затѣмъ по прекрасному шоссе. Наша 9-я рота оставалась въ прикрытіи къ артиллеріи и стояла гдѣ то правѣе деревни, недалеко отъ стрѣлковой бригады, занимавшей сегодня ночью нашъ правый флангъ. Меня послали отыскать ее и проводить къ баталіону. Вскорѣ снялась передовая линія, затѣмъ двинулась артиллерія, затѣмъ наши резервы, стрѣлковая бригада и наша 9-я рота.

Отыскавъ роту, я вмѣстѣ съ нею отправился догонять свой полкъ, который этимъ временемъ ушелъ уже далеко впередъ, и намъ приходилось для этого почти бѣжать. Мы обогнали стрѣлковъ, и только у самой деревни надогнали хвость нашего 4-го баталіона. Вдали гдѣ-то глухо гремѣла канонада такъ глухо, что на нее никто не обращалъ вниманія. Деревня была очень большая и чрезвычайно живописная, но я не видалъ ни одного мѣстнаго жителя, и только казаки шатались по домамъ или кучами стояли около своихъ лошадей. Меня поразило присутствіе нашей кавалеріи здѣсь, когда она должна была быть впереди, и я быстро вывелъ заключеніе, что мы должны быть близко отъ турокъ, если наша кавалерійская цѣпь уступила мѣсто пѣхотной, но затѣмъ такъ же скоро сообразилъ, что отрядъ нашъ очень большой и что мы идемъ почти въ концѣ его, и что вслѣдствіе этого возможно, что голова уже наша и вступила въ бой, тогда какъ мы то еще нескоро попадали въ сферу артиллерійскаго огня. На дорогѣ стоитъ казакъ, и я его спросилъ далеко ли, братъ, турки?—На носу, ваше высокоблагородіе.—Я посмотрѣлъ на него недовѣрчиво, мнѣ показалось, что онъ, какъ и всѣ вообще казаки, сильно преувеличилъ. И всякій другой на моемъ мѣстѣ также не повѣрилъ бы ему, такъ глухо звучала вдали канонада, которая однако все усиливалась и усиливалась, стрѣляли очень часто и залпами. Намъ и въ голову не могло придти, что казакъ былъ правъ, и что наше ухо было обмануто; что скрадывало звукъ—я не знаю, но только мы были убѣждены, что поле битвы еще далеко впереди и что намъ нужно торопиться, что наши уже вошли вѣроятно въ бой, и подъ непріятельскимъ огнемъ трудно будетъ отыскивать свой баталіонъ.

Намъ и въ голову не приходило, что это канонада была по нашему полку, что это его разстрѣливали турки, что мы сами находились въ сферѣ ихъ огня и что, не будь деревни, вѣроятно имѣли бы сами солидныя потери уже въ это время.

Наши солдаты отъ быстрой ходьбы разстянулись. Не выходя изъ деревни, мы остановились на нѣсколько минутъ, дали имъ подтянуться и затѣмъ направились къ выходу изъ деревни. Я шелъ съ ротнымъ командиромъ впереди роты, и первое, что мы увидали—это двухъ ротныхъ командировъ нашего 4-го баталіона, князя В. и Пор. Б. Б. шелъ самъ заложивъ руку за бортъ пальто, князя же несли два солдата. Удивленіе мое было полное тѣмъ болѣе, что совершенно неожидано, да къ тому же они только за нѣсколько минутъ до насъ вышли изъ деревни, въ которой мы считали себя въ полной безопасности. Вѣроятно я вступилъ бы съ ними въ разговоры, если бы только не дѣйствительность, живо вернувшая мое хладнокровіе. Выйти изъ деревни почти было невозможно, такъ все это пространство усыпалось гранатами. Мы уже не слыхали выстрѣловъ, а нашъ слухъ поражался только шипѣніемъ и трескомъ гранатъ, а глазъ видѣлъ только бѣлыя дымки, вспыхивавшія то тутъ, то тамъ по долинѣ, или снѣгъ, подня-

тый упавшею гранатою. Пройти по этому полю значило вывести многихъ изъ роты, а идти нужно было во что бы то ни стало. Хотя мы и не знали гдѣ стоитъ нашъ полкъ, но впереди въ верстахъ двухъ отъ насъ высокій большой курганъ и около него видны были черныя линіи,—очевидно это были наши войска и намъ нужно было туда пробраться во что бы то ни стало. Быстро окинувъ глазомъ мѣстность, я замѣтилъ, что дорога, идущая изъ деревни, только нѣсколько отклонялась отъ кургана, но за то была углублена въ землю и по обѣимъ сторонамъ ее возвышался валикъ, достаточно высокій, чтобы прикрыть до половины человѣка; этотъ валикъ мѣнялъ за тѣмъ свое направленіе, почти подъ угломъ съ дорогою, и, протянувшись на нѣсколько сажень, сравнивался съ равниною. Переглянувшись съ ротнымъ командиромъ, мы рѣшили воспользоваться этою какъ бы траншеею и по ней подойти къ кургану. Онъ скомандовалъ «бѣгомъ» и мы побѣжали по дорогѣ. За нами слѣдомъ побѣжалъ гвардейскій стрѣлковый баталіонъ. Турки еще болѣе участили стрѣльбу, но, по счастью, гранаты или ударялись въ валъ или перелетали черезъ наши головы, и мы благополучно, не потерявъ ни одного человѣка, добѣжали до пересѣченія дороги съ тѣмъ валикомъ, о которомъ я говорилъ. Валикъ этотъ оказался громаднымъ и прекраснымъ брустверомъ, за которымъ шла большая и глубокая канава. Турки осыпали это мѣсто огнемъ, но гранаты не могли принести намъ серьезнаго вреда, за этимъ прекраснымъ закрытіемъ мы чувствовали себя какъ дома, и рѣшились познакомиться прежде съ мѣстновтью и съ положеніемъ дѣлъ и уже потомъ вести людей. Не знаю такъ ли благополучно добѣжалъ стрѣлковый баталіонъ, но только онъ принялъ влѣво, и я не имѣлъ времени прослѣдить куда онъ потомъ направился.

Огонь непріятельской артиллеріи, какъ я уже сказалъ, становился все сильнѣе и сильнѣе. Рѣдко когда слышались отдѣльные залпы, чаще же они сливались въ какой-то гулъ, который стоялъ надъ склонами горъ и этою долиной. Огонь усиливался по всей линіи. Этотъ гулъ получилъ еще болѣе рѣзкій характеръ, когда постепенно одна за другою непріятелю стали отвѣчать наши батареи. Курганъ стоялъ много лѣвѣе и впереди насъ. Въ бинокль можно было видѣть на немъ большую кучку людей, и подлѣ ихъ лежали въ траншеяхъ одинъ, два баталіона. Мѣстность отъ кургана шла постепенно возвышаясь, и затѣмъ сразу переходила въ большія, крутыя горы. Нашей первой линіи не было видно, такъ же какъ и турокъ, а на горахъ можно было разсмотрѣть ихъ батареи по дымкамъ, которыя на нихъ вспыхивали все чаще и чаще. Поле сраженія раскинулось на громадное пространство и съ того мѣста, на которомъ я стоялъ, его нельзя было обнять глазомъ. Я въ бинокль отыскивалъ нашъ полкъ, и, вѣроятно, не нашелъ бы его, еслибы въ это время не подъѣхалъ къ намъ ординарецъ командующаго полкомъ и не указалъ намъ примѣрно мѣста, гдѣ онъ расположился. Полкъ нашъ развернулся въ двѣ линіи; первый и четвер-

тый баталіоны стояли одинъ за другимъ у кургана, а второй и третій значительно правѣе его. На курганѣ стояли графъ Шуваловъ, со своимъ штабомъ, и тамъ же былъ командующій нашимъ полкомъ. Въ это время мимо насъ проѣхала на позицію наша батарея. Лошади шли рысью, покуда они ѣхали по дорогѣ, но за канавой они свернули къ горамъ, прямо по полю. Тяжелыя девятифунтовыя орудія страшно вязли въ разлыхленной почвѣ рисоваго поля. Несмотря на всѣ эти усилія, лошади шли почти шагомъ. Турки замѣтили ихъ и участили и сосредоточивали огонь на этой батареи. Думалось, что счастливы они будутъ, если доберутся живыми до позиціи, такъ какъ, глядя на этотъ адскій огонь, смѣло можно было предположить какія громадныя потери, они должны будутъ вынести раньше, чѣмъ дойдутъ. Глаза такъ и приковывались къ нимъ, когда они, не смотря ни на что, хоть тихо, но все подвигались впередъ. Гранаты сыпались кругомъ, но, ударяясь въ рыхлый грунтъ, онѣ по счастью еще плохо рвались, или же углублялись на столько въ землю, что безъ того очень небольшая разрывательная сила гранатъ изъ дальнобойныхъ орудій была не въ состояніи выбросить осколка съ необходимою для того силою. Конечно, это была только небольшая часть. Большая часть рвалась прекрасно, и особенно тѣ, которыя падали подъ маленькимъ угломъ, которыя не углублялись такъ въ землю.

Но какъ бы то ни было, въѣздъ этой батареи на позицію былъ дѣйствительно геройскій подвигъ, но, къ сожалѣнію, я не знаю, которая эта батарея и не знаю сколько она потеряла людей и лошадей. Вѣроятно не мало. Но смотрѣть дальше было некогда. Полкъ могъ идти впередъ и намъ нужно было присоединиться къ нему. Мѣсто девятой роты было правѣе, а мнѣ нужно было идти лѣвѣе. Распрощавшись съ офицерами, мы разошлись. За курганомъ лежали развернувшись въ двѣ линіи наши два баталіона, одинъ за другимъ, правѣе ихъ лежали 3-й и 2-й баталіонъ. Солдаты лежали въ вырытыхъ ими длинныхъ траншеяхъ. Офицеры, собравшись кучками около ихъ, кто на барабанѣ, кто стоя толковали о сегодняшнемъ боѣ. Временами долетали до насъ глухіе крики и глухой звукъ трескотни. Турецкія батареи всѣми силами старались попасть въ курганъ, на которомъ стоялъ графъ Шуваловъ, руководившій нами. Окруженный своимъ штабомъ, начальниками частей, ординарцами, онъ представлялъ собою великолѣпную цѣль для турецкой батареи. Они его добивались всѣми силами, и во все время боя нисколько не уменьшали огня по этому мѣсту. Но гранаты, по счастью, ложились или не долетали до кургана, или въ его переднюю отлогость, или уклонялись въ сторону, и рвались на одной съ ними высотѣ или же перелитали его. Въ мертвомъ пространствѣ, кажется единственномъ на всемъ этомъ полѣ, устроили перевязочный пунктъ. Раненыхъ приносили, дѣлали имъ первую перевязку и затѣмъ отправляли дальше, или на носилкахъ, или на подводахъ. Особенное уваже-

ніе здѣсь со стороны офицеровъ и раненыхъ заслужилъ какой-то священникъ. Никто не зналъ, кто онъ такой, и его костюмъ внушалъ сначала мало довѣрія къ нему. Въ большихъ сапогахъ, въ щегольскомъ черномъ полушубкѣ, въ прекрасной мѣховой шапкѣ, онъ въ началѣ оставилъ на насъ невыгодное для него впечатлѣніе: такой чистый, вымытый, щегольски одѣтый, онъ скорѣе годился для города, чѣмъ для перевязочнаго пункта. Но когда принесли перваго раненаго, онъ, засучивъ свои рукава, умѣлою рукою быстро сдѣлалъ ему перевязку и не ограничилъ этимъ свою помощь, а задушевными словами подбадривалъ раненыхъ и продолжалъ неутомимо свое дѣло до конца, какъ будто бы нечувствуя усталости, не позабывая свои обязанности священника, успѣвая быть вездѣ. Тогда наше первое впечатлѣніе стало быстро измѣняться и все болѣе въ его пользу. Для него было одинаково былъ ли это турецкій раненый, нашъ ли. Онъ былъ вездѣ, гдѣ требовалась его помощь. Какъ взглянулъ на это одинъ турецкій тяжело раненый, когда тотъ перевязалъ его и бережно уложилъ въ носилки.

Бой не замиралъ ни на минуту; напротивъ, залпы учащались и учащались, въ то же время отъ насъ онъ отодвигался все дальше и дальше. Было несомнѣнно, что дѣло рѣшалось въ нашу пользу и турки отступали въ горы. Вотъ обсыпали курганъ страшнымъ залпомъ, затѣмъ прилетѣли еще двѣ, три гранаты и вокругъ кургана, какъ будто все замерло. Графъ Шуваловъ сошелъ съ кургана и поѣхалъ со штабомъ впередъ, къ передовымъ линіямъ. Канонада стихала, стрѣляла только наша артиллерія, да и то звуки ея выстрѣловъ все больше и больше отдалялись отъ насъ. Намъ приказали встать и идти впередъ на деревню Марково. Время уже приближалось къ вечеру. Мы приближались къ деревни, какъ насъ вернули, съ приказаніемъ возвратиться въ ту деревню (кажется Кушаръ), изъ которой мы вышли при началѣ боя. Въ ней во время боя былъ устроенъ главный перевязочный пунктъ, и подъ него были заняты лучшіе дома. Ночью уже вернулись мы въ эту деревню, и заняли для офицеровъ всего баталіона одну большую комнату. Она намъ всѣмъ понравилась, и хотя намъ предлагали занять еще другую, рядомъ съ которой помѣщались наши раненые, несравненно лучшую, чѣмъ та, которая досталась намъ, но мы не рѣшились взять ее въ виду возможности прибытія новыхъ раненыхъ, для которыхъ эта комната представляла много удобствъ. Лично мы за походъ такъ отвыкли отъ всякихъ удобствъ, что всегда были рады, даже и очень, если только имѣли возможность получить необходимое, а теперь уже возможность провести ночь подъ крышей была большая роскошь, если принять во вниманіе, что наши палатки за Балканами всѣ сгнили и порвались, а новыхъ намъ не выдавали.

Итакъ, мы возвратились, рѣшивъ, что займемъ эту комнату, и начали приводить ее въ порядокъ. Она была сильно загрязнена, на полу валялась солома, а посрединѣ комнаты былъ разложенъ костеръ, несмотря на то, что

мѣсто для очага было устроено въ стѣнѣ. Желая приготовить себѣ постель и залечь, поскорѣй спать, и такъ какъ мое мѣсто было какъ разъ тамъ, гдѣ былъ разложенъ костеръ, то я и рѣшился перенести его въ очагъ, гдѣ онъ былъ болѣе умѣстенъ. Деньщики были всѣ заняты, и я взялся за это дѣло самъ. Разгребъ золу, поотчистилъ мѣсто, и началъ перабрасывать горящія полѣнья. Въ началѣ все было благополучно и я уже перебросалъ болѣе половины, какъ вдругъ въ каминѣ поднялась такая трескотня, что всѣ моментально побросали все чѣмъ занимались. Но она по счастью скоро прекратилась. Оказалось, что по всему полу были разбросаны турецкія патроны, но такъ какъ на полу было много соломы, то мы ихъ и не замѣтили; нѣсколько такихъ патроновъ были и въ каминѣ, наколившись отъ огня, они стали рваться и надѣлали такой переполохъ. Счастье еще, что никто ими не былъ раненъ, а то, такая неосторожность могла стоить очень дорого. Вскорѣ всѣ успокоились и принялись за свои дѣла, которыя главнымъ образомъ сосредоточивались въ томъ, чтобы поскорѣе поѣсть и приготовить себѣ постель. Прошелъ слухъ, что мы завтра выступимъ въ Филиппополь, но въ городъ не войдемъ, а станемъ на пересѣченіи желѣзной дороги и шоссе въ Станиманъ, что здѣсь соберется вся наша дивизія и еще другія войска, что цѣль этого движенія опредѣленно неизвѣстна, но вѣроятно, что предпринимается вслѣдствіе какихъ то маневровъ турокъ. Въ комнатѣ было душно и я вышелъ на улицу подышать холоднымъ воздухомъ. Ночь была прекрасная, лунная, хотя очень холодная. Кругомъ кипѣла жизнь. Сотни яркихъ костровъ горѣли по всѣмъ направленіямъ и фантастически освѣщали силуэты людей, лошадей, стѣны домовъ, башни минарета, составленные козлы ружей. Тѣнь отъ нихъ, падая на землю, мѣстами покрытую не потоптаннымъ еще снѣгомъ, мѣстами на грязь, придавала еще болѣе оригинальности этой картинѣ. Часто подброшенная въ костеръ охапка соломы или полусгнившаго сѣна въ началѣ долго курилась, и не густой бѣлосѣрый дымъ взвивался клубами далеко къ небу и на нѣкоторое время затемнялъ свѣтъ костра, но за тѣмъ сразу вспыхивалъ, и ярко освѣщалъ все окружающее, окрашивая все въ какой то красный цвѣтъ. Люди суетились, которые тоскали дрова, кто ломалъ заборы, другіе цѣлой толпой окружали колодцы и наперевывъ старались зачерпнуть воды въ свои котелки и манерки. Наряженные на службу стояли тутъ же и ихъ осматривали фельдфебля. Говоръ, шумъ, крики не умолкали. Только время отъ времени, когда проѣзжала телега съ раненымъ, толпа, мимо которой она проѣзжала, стихала и на лицахъ отпечатывалось выраженіе участія; но телега проѣзжала и, на минуту стихнувшій говоръ, поднимался съ новою силою. Расказывались ощущенія сегодняшняго боя, ихъ было не мало, хотя мы и не были въ ружейномъ огнѣ, но за то мы цѣлый день пролежали подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и понесли значительную убыль. Ружейный огонь

вѣроятно вызвалъ бы большія потери, но пулю слышишь только ту, которая пролетѣла, попавшую же въ тебя ты никогда не услышишь; другое дѣло граната,—она шипитъ когда летитъ, ея полетъ слышенъ издалека, и хотя бы она летѣла на нѣсколько десятковъ шаговъ въ сторонѣ тебѣ такъ и кажется, что она летитъ въ тебя. Ее и слышишь и ждешь, а когда она разорвется съ шумомъ, какъ жалобно стонутъ ея осколки. Раны, наносимыя ею, болѣе ужасны и серьезны. Одинъ солдатъ разсказывалъ другому, какъ одна граната ударила въ грудь одного изъ его товарищей, пробила его насквозь и, не разорвавшись, ушла въ землю. Бѣдный не успѣлъ пошевельнуться и застылъ въ той позѣ, съ кускомъ хлѣба въ рукахъ, какъ его застала граната. Другой разсказывалъ, какъ граната упала въ двухъ шагахъ отъ него и какъ онъ долго ждалъ, что она разорвется и уложитъ его наповалъ. Гдѣ то далеко, за домами вспыхнулъ сильный огонь и освѣтилъ все еще новымъ и болѣе сильнымъ свѣтомъ, всѣ обернулись въ ту сторону, разговоры прекратились; имъ казалось, что гдѣ то, въ другой сторонѣ деревни, вспыхнулъ пожаръ, но пламя скоро стало потухать и къ небу вился густой столбъ дыму. Я сильно прозябъ и вернулся домой. Всѣ уже поужинали и собрались спать. Мнѣ подали мою похлебку. Спать нехотѣлось. Прочелъ въ согый разъ, два, три послѣднія письма. Записалъ въ дневникъ этотъ и вчерашній день, и уже сильно уставшій завернулся въ пальто и послѣдовалъ примѣру моихъ храпящихъ товарищй.

Утромъ насъ рано разбудили, мы напились чаю и отправились къ своимъ частямъ. Приказано было идти на сборный пунктъ. Утро было очень холодное, къ морозу присоединился еще вѣтеръ и сильно насъ доѣдалъ. Наконецъ принесли знамена и мы двинулись впередъ. При выходѣ изъ деревни, мы увидали нашу артиллерію съ запряженными лошадями, не было сомнѣнья, что она идетъ вмѣстѣ съ нами, но весь вопросъ въ томъ, которому батальону придется ее тащить, такъ какъ по этому рисовому полю она ни коимъ образомъ не могла двигаться одна безъ помощи пѣхоты. Но какъ мы ни привыкли таскать ее, и даже выработали для быстроты движенія нѣкоторые пріемы, но всетаки же она сильно замедляла наше движеніе и утомляла, кромѣ того она уже порядочно таки надоѣла всѣмъ за Балканами, гдѣ выпрягали лошадей, а орудія и зарядные ящики таскали на людяхъ. Но пришлось тащить всѣму полку, орудія и ящики раздѣлили по-ровну на баталіоны, и затѣмъ мы двинулись. Дорога дѣйствительно была тяжелая, но сравнительно не такъ худа и намъ только мѣстами приходилось вытаскивать нашу артиллерію. Двигались мы довольно скоро, дорога была очень скучная, и мы были очень рады, когда вдали стали показываться минареты, крыши, а затѣмъ и самый городъ. Дойдя до желѣзной дороги, мы повернули направо и пошли по послѣдней. Видъ города былъ прелестный. Онъ

стоялъ на трехъ громадныхъ, обрывистыхъ скалахъ. Прекрасные чистые съ балконами дома стояли на самыхъ обрывахъ. Мы прошли мимо воксала,—большаго, красиваго зданія, въ которомъ такъ незадолго поужинали турецкіе паши, затѣмъ, пройдя еще немного по желѣзной дорогѣ, свернули вправо. Мѣсто около воксала носило слѣды бивуака поспѣшно брошеннаго, кругомъ валялись кучи старой солдатской одежды, вещей, книгъ и т. п. Наконецъ вдали показались войска, построенныя для встрѣчи. Выстроились и мы. Холодъ былъ сильный, особенно отъ рѣзкаго вѣтра, хотя день былъ ясный. Наши ожиданія скрасились тѣмъ, что къ намъ вышли изъ Филиппополя на встрѣчу два наши товарища, которые были ранены наканунѣ при выходѣ изъ деревни Кушаръ; отъ нихъ мы узнали, что мы здѣсь остановимся въ городѣ и намъ дадутъ нѣсколько дней, чтобы привести въ порядокъ обувь и одежду, и что на Станимакъ назначены другія войска. Вскорѣ раздалась команда, генералъ Гурко объѣзжалъ войска и благодарилъ ихъ за послѣдній трехдневный бой. Послѣ его отъѣзда мы перестроились, развернули знамена, вызвали впередъ пѣсенниковъ, хотѣли заставить было играть батальонныхъ горнистовъ и барабаньщиковъ, но такъ какъ послѣднихъ не оказалось, изъ нихъ всего уцѣлѣло послѣ Балканъ и этого боя два, три человѣка въ нашемъ батальонѣ, то мы и отправились въ городъ, на квартиры безъ музыки. При въѣздѣ въ городъ генералъ Гурко, окруженный своимъ штабомъ, пропускалъ войска, отъ него по обѣ стороны стояла толпа народа, съ удивленіемъ смотрѣвшая на насъ. Пришлось намъ идти недолго; нашъ участокъ былъ съ этого конца. Тутъ насъ розыскали деньщики, немогшіе переправиться черезъ Марицу 3-го числа, и привели насъ въ наши квартиры.

Здѣсь я узналъ, что при переправѣ черезъ Марицу, многія мои вещи потонули. Вещи были очень нужныя, такъ какъ у каждаго изъ насъ были взяты съ собою только самыя необходимыя, но такъ или иначе эти вещи можно было замѣнить другими, и мнѣ хотя было очень досадно, но я неособенно горевалъ о потери, но съ прочими вещами сталъ тонуть и узелъ съ книгами, бумагами и картами. Деньщикъ, зная какъ я дорожилъ послѣдними, сталъ спасать вывалившіяся бумаги, но спасъ конечно очень немного,—часть дневника, написанная на отдѣльныхъ листкахъ, погибли безвозвратно. Карты и планы подмокли до такой степени, что въ нихъ нельзя было разобрать ни одной надписи. Исторію послѣдней турецкой войны я принужденъ былъ самъ выбросить, такъ она мокрая слежалась. Потеря бумагъ для меня была самою грустною потерею, тѣмъ болѣе, что уже я не могъ описать вторично то такъ, какъ это писалось подъ вліяніемъ тяжелыхъ переживаемыхъ минутъ. Особенно жалко было записокъ съ Балкана.

Желая немного разсѣяться, я принялъ приглашеніе своего баталіоннаго командира съ которымъ стоялъ на одной квартирѣ, и отправился въ городъ, поискать чего нибудь закусить. Побродили мы порядочно, но не зная города, попали совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ были трактиры, и очень были рады, когда насъ наконецъ привели къ какому то кабаку или кофейной. Къ тому же день былъ праздничный и торговли не было нигдѣ, все было заперто. Грязь въ этомъ кабачкѣ была страшная, но посѣтителей было много, и большая часть сидѣла, по турецки, поджавъ ноги. При нашемъ входѣ сразу бросились въ глаза двѣ картины, правда, въ очень грязномъ видѣ, но за то обѣ висѣли на почетномъ мѣстѣ. На одной было изображенъ Государь Императоръ, другая еще болѣе грязная изображала Павловскихъ солдатъ, въ ихъ гренадеркахъ, идущихъ куда то въ аттаку, подъ начальствомъ какого то необыкновенно большаго генерала верхомъ, тоже на необыкновенно большой лошади; надписи отъ грязи я не могъ разобрать. Душно тутъ было ужасно, особенно непріятенъ былъ распространенный здѣсь запахъ плохой виноградной водки. На-скоро выпили мы по чашкѣ турецкаго кофе, затѣмъ расплатились и поторопились выйти на свѣжій воздухъ. По улицѣ важно шагали, въ своемъ національномъ костюмѣ, греки, болгары и турки, и съ любопытствомъ осматривали насъ. Женщинъ почти не было видно на улицѣ, но за то онѣ даже болѣе пристально разсматривали насъ изъ своихъ оконъ, въ которыхъ иногда можно было разсмотрѣть, до десяти головокъ. Мы вернулись домой и пообѣдали кускомъ холодной говядины, и заказали себѣ ужинъ. На другой день началась лихорадочная дѣятельность. По приведенію въ порядокъ обуви, платья, оружія и т. п., никто не зналъ, какъ долго мы здѣсь пробудемъ, и потому всѣ старались, чтобы походъ не засталъ насъ врасплохъ. Но рынокъ былъ очень плохъ, все достать было очень трудно и на все были наложены страшныя цѣны, но мы готовы были заплатить и большія деньги, только бы достать необходимое. Городъ былъ большой и чрезвычайно оригинальный, дома были такой же архитектуры какъ и въ деревняхъ, которыя мы проходили, но конечно несравненно лучше и богаче. Всѣ зданія были каменныя, затѣмъ нѣсколько выше, чѣмъ на высотѣ человѣческаго роста, отъ дома шелъ выступъ, который затѣмъ шелъ до самой крыши. Окна были большія и расположены очень часто, въ большей части до половины и выше были вдѣланы деревянныя частыя рѣшетки; оригинальность зданій увеличивалась еще тѣмъ, что они окрашивались въ такія краски, въ которыя у насъ, въ Россіи, не принято окрашивать стѣны, это сначала бросалось очень сильно въ глаза, кромѣ того по наружнымъ и внутреннимъ стѣнамъ они любили дѣлать виньетки, но такъ какъ послѣднія стоили очевидно очень дорого, то ихъ за-

мѣняли просто тѣмъ, что другою краскою разрисовывали узоры и фигуры, но это дѣлалось тоже не безъ вкуса. Улицы были очень узки, и отъ этихъ вторыхъ этажей темны и грязны. Лавки были ужасныя. Въ нихъ не было дверей, и торговля производилась прямо съ улицы.

Преимущественно торговали табакомъ, свѣчами, сахаромъ и т. п. колоніальнымъ товаромъ. Богатыхъ лавокъ и торгующихъ цѣннымъ товаромъ я не видалъ. Говорили, что турки выжгли гостинный дворъ, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, немного пограбили. На сколько это было вѣрно судить не берусь, но на турокъ много привирали въ Филиппополѣ, мнѣ кажется они сдѣлать этого не успѣли, такъ какъ были захвачены почти врасплохъ. Не менѣе отвратительны и грязны были хваленые трактиры и кофейныя находящіеся на рынкѣ, они ни чуть не отличались отъ того, въ которомъ мы были наканунѣ, развѣ только они были не такъ пропитаны водкой, какъ тотъ. Закусить въ нихъ было трудно, во-первыхъ, потому что очень долго не подавали, во-вторыхъ, что вся стряпня приготовлялась страшно грязно и на скверномъ салѣ. Скатерти были доведены до возмутительной нечистоты, на другихъ столахъ ихъ даже совсѣмъ не было. Подавались блюда безобразно грязнымъ грекомъ. Вообще обстановка была такова, что, попавъ разъ въ этотъ трактиръ, второй разъ въ него и не заглянешь. На рынкѣ народъ толпился съ утра до вечера. Здѣсь раставлялись лотки, и греки придумали оригинальный способъ заманивать къ себѣ покупателей, они кричали на разные голоса и напѣвы почти безъ перерыва, «хорошъ, одинъ галаганъ», по справкѣ же оказывалось, что цѣны его далеко не такъ дешевы, какъ они выкрикивали. Однажды, проходя по этой улицѣ, я видѣлъ какъ въ первый разъ провезли, взятыя у турокъ за этотъ трехъ-дневный бой, орудія. Всѣ оставили свои занятія и выбѣжали посмотрѣть эти трофеи, многіе хлопали въ ладоши, и лица ихъ выражали неподдѣльное удовольствіе. Но еще большій фуроръ производили турецкіе плѣнные, особенно если ихъ конвоировали сами же болгары, тогда крики и хлопанье въ ладоши не умолкали. Сами конвоировавшіе были очень довольны возложенною на нахъ обязанностью и исполняли ее съ большею гордостью и любовью. Молодежь, не удостоившаяся чести попасть въ ряды войска, посматривала на нихъ съ завистью. Общій видъ этихъ плѣнныхъ былъ несравненно хуже нашего. Правда, одѣты они были лучше нашего, но за то несравненно болѣе истощены и изнурены. Толпа относилась къ нимъ съ страшнымъ презрѣніемъ и ненавистью. Здѣсь они не могли найти сочувствія. На этой улицѣ жилъ генералъ Гурко; его домъ можно было узнать по двумъ турецкимъ орудіямъ, стоящимъ по обѣимъ сторонамъ воротъ, дуломъ въ разныя стороны.

Здѣсь хоронили офицера лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады Бортнеманова убитаго наповалъ подъ Каратаиромъ, въ то время какъ онъ

подъѣхалъ съ рапортомъ къ графу Шувалову. Похороны его, говорятъ, обставлены были большою торжественностью, такъ какъ большинство офицеровъ сами же пожелали отдать долгъ своему товарищу, но я не могъ быть на нихъ, такъ какъ былъ занятъ по службѣ. Распространившійся слухъ, что будто бы въ городѣ осталось много спрятанныхъ турецкихъ офицеровъ и солдатъ, вызвалъ со стороны коменданта города требованія, чтобы отъ частей войскъ были наряжены офицеры, съ необходимымъ числомъ вооруженныхъ солдатъ, для единоврвменнаго обыска всѣхъ домовъ въ городѣ. Отъ нашего полка было наряжено человѣкъ восемь или десять офицеровъ, каждый съ патрулемъ изъ двадцати рядовыхъ; въ число ихъ попалъ и я. Не знаю чѣмъ кончился обыскъ у другихъ, но я, прошатавшись по домамъ цѣлый день, не нашелъ рѣшительно никого. Можетъ быть это произошло отъ того, что мнѣ достался болгарскій участокъ, такъ какъ трудно предположить, чтобы сами болгары стали скрывать своихъ злѣйшихъ враговъ. Всѣ хозяева предупредительно открывали свои шкафы, сундуки, подвалы, какъ только я объяснялъ цѣль своего визита. Многіе были даже такъ любезны, что угощали моихъ солдатъ водкой. Оружія мы рѣшились не отбирать, такъ какъ въ случаѣ еслибы пришлось отбирать его, то нужно было чуть не десятки подводъ для того только, чтобы препроводить его къ коменданту. Кромѣ того было очень трудно узнать принадлежитъ ли кто дѣйствительно къ турецкой арміи, такъ какъ стоило только переодѣться и держать себя подобно остальнымъ и мы были въ полной невозможности узнать переодѣтыхъ. Въ моемъ участкѣ было три, четыре турецкихъ дома. Городовой изъ болгаръ, сопровождавшій каждый изъ нашихъ патрулей, на мой вопросъ знаетъ ли онъ всѣхъ членовъ этого семейства, всегда отвѣчалъ отрицательно, и такъ какъ тутъ не было вещественныхъ доказательствъ въ видѣ мундировъ и тому подобнаго, то я, въ случаѣ еслибы даже и возъимѣлъ подозрѣніе, то не могъ бы ничего сдѣлать, такъ какъ былъбы не вправѣ арестовать человѣка на основаніи бездоказательнаго подозрѣнія. Кромѣ того каждый домъ, дворъ, соединялись между собой такимъ множествомъ калитокъ, большихъ оконъ, дверей, что начатый обыскъ въ одномъ концѣ участка могъ быть извѣстенъ въ другомъ, и стоило только переходить изъ одного двора въ другой, чтобы быть совершенно увѣреннымъ въ своей безопанности. Уже осмотрѣвъ только нѣсколько домовъ, у меня сложилось убѣжденіе, что я при всемъ желаніи захватить какого нибудь турецкаго полковника, никогда его не поймаю, хотя бы ихъ былъ въ моемъ участкѣ цѣлый десятокъ. Конченный вечеромъ обыскъ доказалъ ясно, что я былъ правъ.

Почти съ самаго перваго дня нашего прибытія въ Филиппополь началось обратное движеніе бѣжавшихъ турецкихъ семействъ. Попеченіе о нихъ лежало на обязанности коменданта, и имъ употреблялись всѣ мѣры для облегченія судьбы этихъ несчастныхъ. Въ большинствѣ случаевъ они

возвращались голодные, холодные, безъ пожитковъ, съ кучами небольшихъ дѣтей.

Въ распоряженіе такихъ семействъ отдавались цѣлые дома, оставшіеся свободными послѣ бѣгства ихъ турецкихъ хозяевъ; здѣсь они могли проживать до возвращенія владѣльцевъ, и затѣмъ опять черезъ коменданта получали новый домъ въ пользованіе. Имъ выдавались субсидіи и деньгами и хлѣбомъ. Нѣсколько солдатъ нашего баталіона были поставлены на постой къ одному изъ такихъ семействъ. Турки приняли ихъ враждебно, но дѣти послужили связью, и, съ самаго перваго дня, вся семья довольствовалась изъ ротной кухни и получала мясную солдатскую порцію. Солдаты одѣли мальчишекъ и дѣвочекъ, однимъ словомъ употребляли всѣ усилія, чтобы своими силами, на сколько это возможно, поставить эту семью на ноги или въ крайнемъ случаѣ облегчить ихъ жизнь. Понятно, что когда мы уходили, то вся семья вышла ихъ провожать со слезами. Старикъ турокъ съ чувствомъ жалъ руку унтеръ-офицеру и что то объяснялъ ему знаками. Я не разобралъ ничего изъ этихъ жестовъ, но они вѣроятно понимали отлично другъ друга, потому что еще долго раскланивались. Такія явленія были не рѣдки, я же описываю только то, что я видѣлъ самъ, на что я наткнулся случайно. Русскій солдатъ не любитъ кичиться добромъ, которое онъ дѣлаетъ, и не любитъ, чтобы ему объ этомъ говорили. Ни разу мнѣ не пришлось видѣть, чтобы онъ смотрѣлъ на мирнаго турку какъ на своего врага, а видя его бѣдствіе всегда сожалѣлъ и сочувствовалъ ему.

Въ эти дни полнаго отдыха случился въ нашемъ баталіонѣ, въ одной изъ ротъ, именно въ 12-й, ротный праздникъ. Солдатамъ постарались сдѣлать какое было возможно угощеніе. Офицеры же этой роты, послѣ молебствія, пригласили насъ на обѣдъ. Приготовленія къ этому стоили страшныхъ трудовъ и хлопотъ, на него ушелъ цѣлый день наканунѣ. Потребовалось кулинарное искусство всѣхъ, кто только былъ хоть немного компетентенъ дѣлѣ. На приготовленіе стола и его сервировку ушло цѣлое утро, для этого важнаго дѣла былъ назначенъ одинъ офицеръ, другой завѣдывалъ кухнею, на обязанности третьяго лежала покупка винъ и ликеровъ. И, Боже мой, что это такое было! Прежде всего былъ сдѣланъ столъ и покрытъ скатертью чистою, передъ каждымъ стояли стаканъ и тарелки, у каждаго было вилка, ножикъ и ложка. Бутылки живописно украшали средину стола. А обѣдъ, супъ, подали въ мискѣ, къ нему были сдѣланы пирожки, затѣмъ блины съ масломъ, затѣмъ курица, утка, гусь, говядина въ разныхъ видахъ, наконецъ, послѣ всего этого подали, вмѣсто фруктовъ, орѣхи, изюмъ, черносливъ и много еще въ этомъ же родѣ. Такъ мы не ѣдали чуть ли не съ самой Румыніи, особенно за столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью. Эфектъ былъ полный. Обѣдъ былъ очень оживленъ, и еслибы не служебныя обязанности, отторвавшія многихъ изъ насъ и тѣмъ нарушившія

компанію, мы врядъ ли бы разошлись такъ скоро изо стола, за которымъ мы такъ давно не сидѣли.

Весна вступила въ свои права и быстро шла впередъ. Въ воздухѣ носились теплыя испаренія, вѣтеръ потерялъ свою прежнюю рѣзкость, на нѣкоторыхъ деревьяхъ стали показываться почки. Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ становилось сырѣе и теплѣе. Снѣгъ быстро таялъ. Ручьи, рѣчки разливались съ необыкновенною быстротою. Часто небольшой ручеекъ обращался въ такую рѣку, что или переправа черезъ нее была немыслима, или же сопряжена съ большою потерею времени и труда. Такой случай былъ съ нами при переходѣ изъ Мустафа-Паши, Кипре-Су, въ Адріанополь.

Нашъ полкъ шелъ въ хвостѣ большой колонны, которая была совершенно неожиданно остановлена страшно бурливою, широкою рѣкою, въ обыкновенное время такимъ незначительнымъ ручейкомъ, что черезъ него не былъ даже переброшенъ мостъ. Движеніе наше остановилось. Казаки храбро пустились отыскивать бродъ, саперы стали устраивать пѣхотный мостъ изъ телеграфныхъ столбовъ, которые тутъ же вырубили. Донская батарея лихо спустилась въ бродъ, вода закрыла орудія, но какая-то непостижимая сила вынесла ихъ на другой берегъ. Нѣкоторые солдатики, вспоминая переправу черезъ Марицу, вооружась громадными колами, спускались въ воду и переправлялись на другой берегъ. Но такихъ смѣльчаковъ было очень не много; достаточно только указать на случай съ нашимъ бригаднымъ гарнистомъ, чтобы понять страшную опасность, угрожавшую этимъ смѣльчакамъ. Будучи посланъ на другую сторону, онъ храбро спустился въ воду. Но вода своимъ страшнымъ теченьемъ снесла его вмѣстѣ съ его лошадью и на нѣсколько секундъ они исчезли изъ глазъ. Это было отъ насъ не болѣе какъ въ 100 шагахъ, но никто не могъ рѣшиться оказать ему болѣе существенной пользы, какъ простые совѣты, которые ему выкрикивали стоя на берегу этой бушующей стихія. Онъ и лошадь дѣлали страшныя усилія, чтобы выкарабкаться, но каждый разъ, какъ онъ и лошадь успѣвали встать на ноги, ее сейчасъ же сбивало съ ногъ теченіемъ, и она вмѣстѣ съ сѣдокомъ исчезала въ водѣ на нѣкоторое время. Наконецъ гарнисту удалось высвободить ноги изъ стремянъ. Вскачившую снова вмѣстѣ съ нимъ лошадь опять бросило въ сторону, но на этотъ разъ счастливо—на отмель. Гарнистъ вскочилъ на ноги, лошадь лежала, но не могла встать, истощенная страшными усиліями, которыя она дѣлала. Ему закричали, чтобы онъ держалъ ея голову надъ водою, чтобы она не захлебнулась. Насилу съ страшнымъ трудомъ выбрался онъ наконецъ обратно къ намъ на берегъ. Одинъ изъ батарейныхъ командировъ, понадѣявшись вѣроятно на силу лошадей, сталъ переправлять свою карету; но не проѣхала она и пятидесяти шаговъ, какъ лошадь и карету страшною силою отнесло

въ сторону, и изъ воды торчалъ только одинъ ея верхъ. Лошадей спасли, карета же осталась тамъ ждать, когда вода нѣсколько спадетъ. Болѣе всего пострадали бѣдные ослы и вьючныя лошади, тонувшіе всякій разъ какъ только рѣшались ихъ переправить на ту сторону. Глубина была по грудь и къ этому еще нужно прибавить страшную силу теченія. Казалось, какъ будто какой-то водяной богъ буйствовалъ въ своемъ страшномъ гнѣвѣ и уничтожалъ все, что только не остерегалось и попадало въ сферу его могучей силы. Саперы дѣлали мостикъ, но такъ какъ ждать покуда переправляется черезъ него поодиночкѣ цѣлый полкъ и Финскій баталіонъ было очень долго, то насъ и повернули назадъ въ Мустафу-Пашу. Къ утру вода нѣсколько спала и мы, частью въ бродъ, частью по мостику переправились на другой берегъ и поздно ночью вступили въ Адріанополь, гдѣ намъ была отведена квартира почти за городомъ, въ хорошей турецкой дачѣ, вѣроятно прекрасной лѣтомъ, такъ какъ во всѣхъ комнатахъ былъ сильный сквозной вѣтеръ, но страшно холодная въ это время года, кромѣ того изъ дома все было вывезено, оставлено было только безобразно растроенное фортепьяно, подъ акомпанименты котораго офицеры пѣли и танцовали. Никоимъ образомъ нельзя было достать мангала, это большой мѣдный или бронзовый сосудъ, приспособленный для отогрѣванія зимою комнатъ посредствомъ горячихъ угольевъ, такъ что мы принуждены были приказывать приносить послѣдніе въ черепкахъ, а затѣмъ, когда купили, въ горшкахъ и сковородахъ. Ни въ одной комнатѣ въ этомъ домѣ не было ни очага, ни камина. Зато здѣсь была оранжерея, и я, послѣ многихъ усилій, выхлопоталъ себѣ у сторожа позволеніе самому срывать спѣлые лимоны.

Мнѣ уже пришлось упомянуть о томъ тяжеломъ нравственномъ настроеніи, которое овладѣвало нами, помимо всякаго желанія, во время нашихъ переходовъ отъ Филиппополя къ Адріанополю. Чѣмъ ближе подходили мы къ послѣднему, тѣмъ это настроеніе, подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, становилось все тяжелѣе и неотступнѣе. Дѣйствительно, кто разъ видѣлъ эти картины, у того онѣ никогда не изгладятся изъ памяти. Люди со стальными нервами и менѣе всего способные поддаваться впечатлѣніямъ, и тѣ не выносили этого постояннаго зрѣлища. Стоитъ только представить себѣ, что вся эта дорога, длиною около 150 верстъ, носила на себѣ характеръ не боеваго поля, нѣтъ, но она вся была усыпана, какъ само шоссе непосредственно, такъ и окружающія его поля, на десятки саженъ въ обѣ стороны, трупами женщинъ, дѣтей, стариковъ, мужчинъ, лошадей, воловъ, быковъ, ословъ, изломанными телегами, съ разбросаннымъ домашнимъ скарбомъ. Ковры, постели, подушки, одѣяла, платья, затоптанные на половину то въ снѣгъ, то въ грязь, усыпали почти безъ перерыва шоссе и безпрестанно заставляли насъ спотыкаться. Мѣстами тѣла лежали такъ густо, что наша артиллерія давила

ихъ собою, а лошади ступали на нихъ копытами. Иногда трупы встрѣчались по-одиночкѣ, иногда же вокругъ потухшаго костра лежала цѣлая семья, замерзшая за ночь, отъ морозовъ, бывшихъ въ первой половинѣ января. Тутъ же рядомъ стояли телеги, около которыхъ лежали или бродили отыскивая себѣ кормъ, буйволы и волы. Вонъ женщина, судорожно сжавъ завернутаго ребенка, такъ и застыла съ нимъ. Вотъ исхудалый старикъ съ большою сѣдою бородою, такъ близко придвинулся весь къ небольшому костру и положилъ на него свои руки, какъ будто желая ихъ отогрѣть. Далѣе лежитъ молодая, статная женщина, въ тонкомъ бѣльѣ и прекрасномъ платьѣ, подъ нею постель, но ея голова откинулась съ подушки, подлѣ валяется сбившееся одѣяло, часть его затоптана колесами. Не легка ея смерть. Какое страданіе на лицѣ, а какъ она вся разметалась. Вотъ два ребенка, крѣпко обнявшись, лежатъ у разломанной телеги, на какомъ-то рваномъ одѣялѣ.

Картины были потрясающія, но какъ онѣ были миніатюрны передъ тѣмъ, что мы видѣли между Хаскіоемъ и Германлы,—здѣсь это ужасное кладбище принимало гигантскіе размѣры. Трупы валялись тысячами. Здѣсь все лежало рядомъ и въ перемѣшку: трупы людей, разбитыя и цѣлыя телеги, быки, буйволы, ослы, вещи, все это положительно сплошной массой устилало шоссе и кругомъ громадное поле. Многіе трупы были съ огнестрѣльными ранами. Вотъ турецкій солдатъ застылъ въ какомъ-то стремительномъ движеніи, пораженный въ бою пулею, онъ даже не успѣлъ схватиться за рану и только крѣпче стиснулъ въ рукѣ ружье; вотъ ребенокъ съ раздробленною головою. Вотъ мужчина, съ раздробленною колѣнкою дотащился сюда по кровавому слѣду до костра и такъ тутъ умеръ.

Впослѣдствіи мы узнали, что мы здѣсь проходили поле сраженія. Наша кавалерія догнала въ этомъ мѣстѣ обозъ, и все вѣроятно обошлось бы благополучно, еслибы прикрывавшіе этотъ обозъ черкесы и пѣхота не открыли огня. Къ нимъ присоединились вооруженные мужчины и, какъ говорятъ, даже женщины. Обозъ остановился и началась жаркая перестрѣлка. Турки крѣпко отстрѣливались, но потомъ не выдержали и бѣжали въ паническомъ страхѣ, побрасали все, что не могло бѣжать вмѣстѣ съ ними женщины бросали дѣтей, дѣти больныхъ родителей, осуждая ихъ такимъ образомъ на голодную и холодную смерть. Но не столько легло здѣсь отъ пуль, сколько отъ этой полной безпомощности, въ которой очутились эти слабые больные и дѣти. Послѣдствія этого ужаснаго боя были болѣе страшны, чѣмъ самый бой. Смерть отдѣльныхъ личностей здѣсь не имѣла значенія, мертвыя тѣла лежали массами, которыхъ не могъ обнять глазъ, а мозгъ отказывался опредѣлить численность труповъ. Казалось, что невѣдомыя силы привлекли сюда весь народъ, чтобы погубить его.

Потомъ, однако, мы узнали, что эта картина, поразившая своимъ ужасомъ насъ, людей привычныхъ къ раздирающимъ сценамъ, представляла только конецъ обоза, главная часть котораго простиралась до Константинополя, а голова уже переправлялась черезъ Босфоръ. Да, это было поголовное выселеніе мусульманъ съ Балканскаго полуострова. Но не насъ русскихъ слѣдуетъ винить въ этомъ, мы были не болѣе какъ орудіе въ рукахъ предопредѣленія, осудившаго правнуковъ испытать тѣ-же жесточайшія страданія, какими сопровождалось завоеваніе странъ ихъ предками, этими кровожадными послѣдователями луны. Точно какая-то могучая сила разогнала эти десятки и сотни тысячъ, и, не довольствуясь тѣмъ, что они, послушныя ея воли, оставивъ свои жилища, могилы, шли, она ихъ безпрестанно подгоняла, заставляла бросать за собою полуживыхъ или отъ болѣзни или отъ истощенія силъ, она стояла даже надъ послѣдними въ видѣ какого-то грознаго призрака, мѣшала имъ умирать спокойно и заставляла такъ идти впередъ и впередъ. Куда, зачѣмъ, что будетъ? Она же давила и не позволяла разрѣшать этихъ вопросовъ, а все гнала и гнала. Сила страшная, уже тогда поражавшая всѣхъ, когда счастье улыбалось этому народу, когда русскіе принуждены были перемѣнить свой наступательный образъ дѣйствій на оборону. Сила, уже тогда заставившая ихъ несомнѣваться въ пораженіи своихъ войскъ, и, не взирая ни на время года, ни на что, бѣжать и бѣжать. Сила, убивавшая нравственно каждаго, прежде чѣмъ давала ему умереть физически. Сила, сдѣлавшая изъ полновластнаго господина наканунѣ раба сегодня, раба подавленнаго, согбеннаго и неспособнаго даже на самозащиту.

Я участвовалъ самъ въ сраженіи, я испыталъ самое худшее и самое тяжелое, я раздѣлялъ въ этомъ сраженіи пораженіе цѣлой арміи, геройски въ послѣдній разъ отстаивавшей свою страну и отступившей затѣмъ въ паническомъ страхѣ. Я видѣлъ поле страшной битвы, на которомъ лежали убитыми и ранеными мои лучшіе друзья, и сравнивая эти впечатлѣнія съ впечатлѣніями этой громадной страшной картины я пришелъ къ заключенію, что мнѣ не приходилось еще испытывать такого ужаснаго, тяжелаго и убійственнаго по своей продолжительности чувства, какъ въ это время.

Картины боя тяжелы. О нихъ писали и разсказывали много. Но эти картины видишь подъ извѣстнымъ сильнымъ чувствомъ, поглащающемъ человѣка настолько, что часто онъ и не замѣчаетъ всего ужаса той обстановки, въ которой онъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ. Видите вы поле въ моментъ битвы. Ваше собственное чувство самосохраненія, ваше опасеніе за другихъ, сознаніе важности этой минуты, новыя и болѣе сильныя потрясенія, какъ смерть близкихъ вамъ, быстрота движенія, частыя перемѣны мѣста и опять новыя картины, постоянный

шумъ и грохотъ стрѣльбы, постоянное малѣйшее нервное возбужденіе, постоянно развивающееся чувство мести и жажда крови, въ критическій моментъ доходящія у васъ до самозабвенія, настолько наполняютъ вашу душу, что, продолжая воспринимать впечатлѣнія, вы ихъ какъ-то не замѣчаете, относитесь къ нимъ индиферентно, послѣ вы ихъ можете вызвать въ памяти и картины рельефно, ясно, по вашему желанію, возстанутъ одна за другою. Но, здѣсь вы не думаете о нихъ. Картины смерти и страданія гармонируютъ съ состояніемъ вашего духа, объясняются одно другимъ и заставляютъ ваше сердце биться сильнѣе и сильнѣе. Вы въ это время живете въ двойнѣ. Мысли съ замѣчательною быстротою и ясностью пробѣгаютъ у васъ въ головѣ. Но эта страшно быстрая жизнь сожигаетъ васъ, утомляетъ. Потребность эта проявляется все болѣе и болѣе и часто вы засыпаете при случаѣ съ полнымъ пренебреженіемъ къ окружающей васъ опасности. Чѣмъ чаще испытываете вы чувство страха и ужаса, тѣмъ сильнѣе вашъ слухъ потрясается ужасными воплями и стонами раненыхъ; чѣмъ съ большимъ трескомъ разрываются надъ вашею головою и около васъ гранаты, чѣмъ пронзительнѣе воютъ и свистятъ пули, чѣмъ рѣшительнѣе звучатъ голоса вашихъ товарищей, чѣмъ чаще вашъ глазъ видитъ видитъ смерть и пораженіе окружающихъ васъ, чѣмъ быстрѣе мѣняются картины, чѣмъ воспріимчивѣе ваша натура, тѣмъ скорѣе воспламеняется въ васъ этотъ намекъ, который часто изъ самаго незамѣтнаго человѣка дѣлаетъ героя, которому всѣ удивляются и передъ которымъ всѣ преклоняются, тѣмъ менѣе страдаете вы сами.

Видите вы поле сраженія послѣ битвы. Если оно близко касалось васъ, если на этомъ полѣ легли люди близкіе вамъ, друзья, родные, то у васъ начинаетъ проявляться нетерпѣніе, съ каждымъ шагомъ все увеличивающееся и увеличивающееся и, наконецъ, наполняющее вашу душу. Вы вспоминаете уже испытанныя вами страданія, причиненныя смертью этихъ людей, и подъ вліяніемъ этихъ чувствъ вы все погоняете свою лошадь. Вы быстро проѣзжаете это поле, и уже вслѣдствіе этой быстроты и ожиданія увидѣть поскорѣе мѣста, на которыхъ разыгрался рѣшительный моментъ, неясный обрисъ котораго рисуется въ вашемъ воображеніи, вы не можете быстро и ясно воспринять впечатлѣніе разстилающагося передъ вами поля. Многое вы не замѣчаете, много, много вы проѣзжаете не останавливаясь. Но вотъ вы уже на мѣстѣ. Воображеніе начинаетъ дѣйствовать, оно дополняетъ, объясняетъ и даже оживляетъ поле. Картины тѣснятся, наполняютъ васъ и возбужденное ими тяжелое чувство заставляетъ васъ такъ же скоро оставить это поле, какъ нетерпѣливо стремились вы его увидѣть. Возвращаясь вы отворачиваетесь, не хотите волноваться. Душа насыщена. Вы чувствуете необходимость дать ей поскорѣе отдыхъ. Вы убѣгаете.

Вотъ чувства, испытанныя мною при видѣ поля сраженія во время боя и послѣ него. Въ данномъ случаѣ страданія были сильнѣе уже по одной

ихъ продолжительности. Въ бою они заглушались разными сильными, волновавшими меня ощущеніями, здѣсь же я былъ совершенно спокоенъ, тамъ мой глазъ постоянно отвлекался, здѣсь онъ безжалостно работалъ, тамъ я видѣлъ страданія подобныхъ мнѣ мужчинъ, я къ нимъ привыкъ, картины же непомѣрнаго страданія и ужасной смерти дѣтей и женщинъ, этихъ беззащитныхъ существъ, были совершенно новы и, слѣдовательно, больнѣе отзывались въ сердцѣ; да и самая смерть отъ пули неожиданно, среди работъ, казалась несравненно легче предшествуемой страшными муками гогода, холода и сознанія полнѣйшей безпомощности. Наконецъ, въ бою умирали люди за святое дѣло, за идею, въ которую они вѣровали, люди воодушевленные великимъ чувствомъ любви къ родинѣ и къ религіи, примирившіеся до нѣкоторой степени съ мыслью о смерти, болѣе или менѣе подготовленные къ ней разсудкомъ, да умирали они подъ вліяніемъ страшно бушующихъ страстей, въ полной надеждѣ, что они будутъ отомщены. Напротивъ того, здѣсь умирало все самое безпомощное, все самое слабое, все что́, сами божескіе и человѣческіе законы охраняютъ отъ ужасовъ и страданій войны. Здѣсь умирали люди, истощенные непомѣрными усиліями, голодомъ, муками, умирали въ страшномъ количествѣ, тихо, беззащитно, съ полнымъ сознаніемъ своего безсилія отъ руки непреодолимаго противника, лишившаго ихъ уже всѣхъ близкихъ и родныхъ на ихъ же глазахъ въ страшныхъ мукахъ.

Нѣтъ, дай Богъ, чтобы никогда никому не приходилось видѣть того, что выпало на нашу долю.

Мы были очень счастливы, когда вступили въ Андріанополь и развязались съ этими тяжелыми впечатлѣніями. Весна уже окончательно вступила въ свои права, солнце чувствительне пригрѣвало землю, было живительно, тепло, тѣмъ болѣе, что намъ уже не приходилось проводить такое число часовъ на воздухѣ, какъ прежде во время похода.

Цѣлые дни уходили у насъ на шатанье по городу, грязь была ужасная, но мы къ ней привыкли, и она насъ не особенно стѣсняла и безпокоила. Видѣли мы тріумфальную арку, построенную для встрѣчи Великаго Князя изъ мирты и лавра, слышали разсказы объ этой встрѣчѣ, когда Николая Николаевича усыпали цвѣтами, какъ народъ кричалъ «ура» и сплошной массой стоялъ за войсками, разставленными шпалерами по обѣ стороны дороги, осмотрѣли снаружи чрезвычайно красивый конакъ (дворецъ), въ которомъ онъ остановился. Побѣгали по улицамъ, и, только усвоивъ себѣ характеръ города, успокоились и принялись за необходимыя и совсѣмъ ненужныя покупки. Къ числу необходимыхъ опять-таки принадлежала обувь, страшно скоро рвущаяся въ походѣ. Но достать сапоги было болѣе чѣмъ трудно.

Турки носятъ башмаки, и ихъ было два образца, одни очень толстые, грубые и большіе, другіе изъ очень тонкой, но хорошей кожи и

годились скорѣе для города, чѣмъ для похода; но такъ какъ ничего другого не оставалось дѣлать, а всѣ толстые башмаки закупались для солдатъ, то или мы отдавали починять наши сапоги, или же покупали эти тонкіе башмаки, и къ нимъ лакированные кроки. Затѣмъ здѣсь еще въ большомъ количествѣ дѣлались закупки платковъ, бѣлья и т. п.

Хотя часто эти вещи закупались въ количествѣ превышающемъ нашу потребность въ нихъ, но все таки же это были необходимыя вещи; другое другое дѣло, трудно подъискать объясненія къ чему мы накупали кучу вещей, совершенно ненужную, плохого достоинства и за очень дорогую цѣну. Скверный, но очень длинный и крытый пассажъ въ Адріанополѣ наполненный жидами и хуже еще—греками, поглотилъ много русскаго золота. Одинъ купилъ ковры и заплатилъ въ трое дороже, чѣмъ слѣдовало, другой купилъ кусокъ тонкой шелковой матеріи и узналъ потомъ, что это сбыто въ Турцію изъ Россіи, какъ вещь чрезвычайно недоброкачественная; онъ сдѣлалъ себѣ изъ нея рубашку, которая разорвалась въ первый же день, какъ онъ ее надѣлъ. Я накупилъ кучу мелкихъ вещей, какъ то: вышитыхъ скатертей, полотенецъ, платковъ, а по приходѣ домой уже сильно разочаровался въ своемъ пріобрѣтеніи, вопервыхъ, все это было старое, гнилое, рваное, однимъ словомъ негодное для употребленія; долго не зналъ куда ихъ пристроить, покуда мнѣ не удалось ихъ раздарить.

А какую массу накупили турецкихъ женскихъ костюмовъ, за двое или трое большую цѣну. Накупили, а потомъ тоже не знали, что съ ними дѣлать. Отправлять въ Россію немедленно нельзя было, приходилось ихъ возить съ собою, но въ началѣ не думали, что это сильно стѣснитъ, такъ какъ, по случаю заключенія перемирія, мы всѣ были увѣрены, что скоро вернемся въ Россію, ради чего и были готовы но нѣкоторыя неудобства. Но когда, вмѣсто мира, которой предполагался непосредственно за перемиріемъ, насъ двинули впередъ, а наша боевая жизнь должна была начаться снова, то мы сильно призадумались о пристройкѣ этихъ вещей.

Адріанополь не такъ красивъ издали какъ Филиппополь, но онъ больше послѣдняго и имѣетъ болѣе европейскій видъ. Главная улица широка и красива, и у большей части домовъ на ней нѣтъ этихъ выдающихся вторыхъ этажей; кромѣ того, по всѣмъ улицамъ расположено много каменныхъ фонтановъ, отдѣланныхъ мраморомъ. Мечети города снаружи несравненно больше и лучше Филиппопольскихъ. Они не были брошены, и при насъ у нихъ бывали обыкновенно молебствія. Когда мы входили въ это время въ мечеть, насъ просили снять нашу обувь и затѣмъ не обращали никакого вниманія. Особенную оригинальность и прелесть придаютъ этимъ мечетямъ ихъ дворы съ фонтанами посрединѣ кругомъ которыхъ расположены каменныя скамейки. На улицахъ женщинъ встрѣчаешь очень рѣдко, и развѣ только кого нибудь изъ про-

стонародья, въ ихъ живописномъ костюмѣ, но всегда старыхъ, рѣдко, рѣдко когда торопливо прошмыгнетъ молодая, но закутанная при этомъ такъ тщательно, что никогда не удавалось разсмотрѣть больше пары глазъ, обыкновенно потупленныхъ. Воду изъ фонтановъ таскаютъ мальчишки и маленькія дѣвочки, но чуть чуть дѣвочка побольше ее никогда не выпустятъ изъ дома. Этому обычаю не выпускать женщинъ равномѣрно придерживаются и другія народности. Извощиковъ не было, поэтому всякое путешествіе по городу приходилось дѣлать или пѣшкомъ, или верхомъ на своей лошади. На улицахъ съ утра до вечера была большая толпа, особенно на главной,—офицеры, солдаты, греки, турки, болгары, жиды, все это большую часть дня проводило внѣ дома и толкалось съ одного конца до другого и посѣщало трактиры и кофейныя; трактиры были лучше Филиппопольскихъ, но кормили въ нихъ тоже неособенно хорошо, но они были уже значительно чище. Что особенно было оригинально, такъ это то, что иногда въ одной и той же залѣ помѣщались и трактиръ и парикмахерская. Въ свободное время трактирщикъ стригъ, а его подмастерье парикмахеръ прислуживалъ намъ.

Къ сожалѣнію, сильно простудившись, я былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія познакомиться поближе съ Адріанополемъ, и успѣлъ только поверхностно осмотрѣть одну мечеть, а постройка ихъ и оригинальна и не безъинтересна въ архитектурномъ отношеніи.

19-го января мы были совершенно неожиданно выведены изъ спокойнаго состоянія страшными криками раздавшимися кругомъ на улицахъ, на дворахъ, въ домахъ, и иллюминаціей. Многіе побѣжали узнать; оказалось, что Николай Николаевичъ поздравилъ съ заключеніемъ перемирія. Радость всѣхъ была неописанная. Конецъ войны, никто не сомнѣвался, что за перемиріемъ послѣдуетъ миръ, а затѣмъ возвращеніе въ Россію. Вечеромъ вышелъ приказъ подтвердившій, что заключено перемиріе и приказывавшій всѣмъ офицерамъ собраться въ церковь, для слушанія молебствія. Мы рано отправились въ церковь, но она уже была полна генералами, офицерами, болгарами и греками. Даже женщины и тѣ, противъ своего обыкновенія, наполнили хоры. Крики «ура» предупредили всѣхъ, что пріѣхалъ Великій Князь. Вскорѣ началось молебствіе, служилъ русскій священникъ и дьяконъ. По окончаніи молебствія и многолѣтія священникъ сказалъ рѣчь обращаясь къ Великому Князю, въ которой обрисовалъ все великое значеніе этой компаніи, указалъ на труды, перенесенные всѣми чинами безъ различія, и завершилъ ее поздравленіемъ съ окончаніемъ этого дѣла. Николай Николаевичъ вышелъ; овація была еще больше. Маханье шапками, «ура», крики, страшной толпы, стоявшей на Его пути, провожали вплоть до дворца.

Кругомъ кипѣла жизнь, были назначены черезъ нѣсколько дней смотры обмундированія и обуви у солдатъ. И никто и не предполагалъ,

что мы скоро уйдемъ, какъ неожиданно, мнѣ было приказано отправиться въ городъ Чорлу съ квартирьерами для занятія для полка квартиръ. Такъ какъ рапортъ о болѣзни подавать было поздно, то я и отправился на воксалъ желѣзной дороги, по которой мы должны были ѣхать въ этотъ городъ. Воксалъ былъ цѣлъ, изъ него даже не успѣли вывести мебель, и вообще вся станція не носила на себѣ никакихъ особенныхъ отпечатковъ, также на занятыхъ путяхъ стояли вагоны, также къ платформѣ былъ поданъ поѣздъ, съ вагонами перваго, втораго классовъ и товарными, также суетились служащіе на желѣзной дорогѣ, одѣтые въ черное пальто. Также торопились нагрузкой товарныхъ вагоновъ, на двухъ платформахъ, среди поѣзда стояла великолѣпная карета и ландо. Однимъ словомъ, общій видъ былъ самый успокоительный и совсѣмъ мирный.

Вскорѣ ко мнѣ присоединились офицера другихъ полковъ второй дивизіи и саперы, ѣхавшіе съ такою какъ и я цѣлью, и мы совмѣстными усиліями начали хлопотать, чтобы на этотъ поѣздъ взяли насъ съ нашими людьми и лошадьми. Прежде и комендантъ и начальникъ станціи не хотѣти объ этомъ и слышать, такъ какъ этотъ поѣздъ былъ назначенъ для турецкихъ уполномоченныхъ, подписавшихъ перемиріе; никакіе аргументы не дѣйствовали, а мы уже начинали горячиться, тѣмъ болѣе, что объ нашей поѣздкѣ изъ штаба наканунѣ было послано распоряженіе коменданту, и мы навѣрно не уѣхали бы, если бы не счастливая, случайность, выручившая насъ изъ непріятнаго положенія. Паши давно уже пріѣхали, и съ нетерпѣніемъ ожидали когда ихъ отправятъ, и поѣздъ долженъ былъ скоро двинуться, какъ кто-то изъ офицеровъ замѣтилъ, что одинъ товарный вагонъ былъ пустъ, а въ другихъ было нѣсколько лишнихъ мѣстъ. Потребовали коменданта, здѣсь уже онъ не могъ упорствовать, мы быстро поставили нашихъ лошадей и людей въ эти вагоны, сами забрались въ свободное купэ второго класса и поѣздъ тронулся. Переѣздъ до первой станціи былъ чрезвычайно оживленъ,—мы всѣ такъ давно оставили Россію, и вмѣстѣ съ Россіею свои привычки къ удобствамъ, что этотъ переѣздъ во второмъ классѣ, скорая ѣзда, полнѣйшее спокойствіе, настроили всѣхъ насъ очень весело. Сидѣвшій съ нами вмѣстѣ грекъ, въ прекрасной шубѣ, съ укутанными въ плэдъ ногами, въ началѣ искоса поглядывалъ на насъ, но, наконецъ, рѣшился вступить въ разговоръ. Но это продолжалось не долго. Долгія остановки на станціяхъ, гдѣ конечно нельзя было ничего найти, а мы всѣ были голодные, постепенно портили наше хорошее расположеніе духа. Къ этому еще прибавились и виды, открывавшіеся по долинѣ.

Чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ Адріанополя, тѣмъ рѣже можно было встрѣтить горящее село,—это было дѣло рукъ баши-бузуковъ и черкесовъ, разсказы о которыхъ и объ ихъ грабежахъ ходили еще въ Адріанополѣ, здѣсь мы видѣли разительное подтвержденіе ихъ—кругомъ все го-

рѣло. Турки отступили давно, но оставили за собою множество мелкихъ отрядовъ, пересѣкавшихъ эту страну по всѣмъ направленіямъ, и пожгли не церемонясь съ народонаселеніемъ и не обращая никакого вниманія на заключенное перемиріе.

Ночью мы пріѣхали въ Чорлу, на станцію, и были очень обрадованы, что здѣсь можно кое-что достать. Покуда выгружали мы нашихъ людей и лошадей, покуда отыскали помѣщенія для первыхъ, ужинъ намъ уже былъ готовъ: макароны, пилафъ и какой-то особенный сыръ. Трактирщикъ былъ въ восхищеніи и говорилъ, что онъ уже давно лишенъ такого заработка, и разсказывалъ намъ разныя страсти про баши-бузуковъ. Мы уже готовились тутъ-же улечься спать на столахъ и на полу, какъ пріѣхалъ казакъ заказать ужинъ для Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, ѣздившаго на рекогносцировку турецкихъ позицій со свитой и эскадрономъ кавалеріи. Онъ поужиналъ тѣмъ-же ужиномъ, что и мы, и остался здѣсь ждать поѣзда, который долженъ былъ придти рано утромъ, оставаться здѣсь намъ было неудобно, и мы пристали къ трактирщику, чтобы онъ намъ далъ какое-нибудь помѣщеніе. Послѣ долгаго колебанія онъ рѣшился насъ проводить наконецъ въ комнату съ выбитыми окнами и заставленную всякимъ скарбомъ. Деньщики живо вынесли все это, завѣсили окна бумагой и притащили даже кровати отъ хозяина, который на нашъ вопросъ откуда и зачѣмъ ему столько кроватей объяснилъ, что они ему оставлены на сохраненіе бѣжавшими окрестными жителями, но что онъ думаетъ, что теперь это его собственность, такъ какъ вѣроятно всѣ настоящіе хозяева не вынесли и перемерли. Быстро устроились мы и прекрасно проспали до утра. Торопиться намъ было некуда, такъ какъ здѣсь мы должны были ждать офицера генеральнаго штаба капитана Энгельгарда, которому мы всѣ подчинялись въ эту командировку.

По его пріѣздѣ, мы, оставивъ свои вещи и людей въ воксалѣ, отправились верхами въ городъ, чтобы осмотрѣть его, узнать отъ коменданта, какое число солдатъ можетъ быть помѣщено здѣсь, и если городъ будетъ подходящій, то раздѣлить его на участки для всей дивизіи.

Комендантъ намъ свѣдѣній не далъ никакихъ, такъ какъ самъ ровно ничего не зналъ и у него при всемъ желаніи дѣло не клеилось. Потерявъ здѣсь цѣлое утро, не узнавъ ничего обстоятельно, мы принуждены были ограничиться тѣмъ, что сами видѣли, и возвратились обратно на воксалъ, который отстоялъ отъ города въ полутора, двухъ верстахъ. Точно также была безполезна и слѣдующая наша поѣздка; комендантъ наговорилъ намъ кучу комплиментовъ, отдавалъ себя въ наше распоряженіе, но ни только не дѣлалъ отъ себя этакихъ распоряженій, а, напротивъ, всячески старался отдѣлаться отъ насъ; такъ, онъ говорилъ, что Чорлу городъ небольшой, что помѣститься въ немъ дивизіи невозможно, что здѣсь очень скверный воздухъ,

что селъ здѣсь въ окрестности нѣтъ, исключая двухъ и тѣхъ вызженныхъ, но что въ верстахъ въ двадцати отъ Чорлу лежитъ прекрасный, приморскій большой городъ Эрекли, что онъ совѣтуетъ намъ туда съѣздить и т. п. Видя такое упорство съ его стороны, было рѣшено дѣйствовать самимъ и быстро, такъ какъ нужно было осмотрѣть и окрестныя деревни, съѣздить въ Эрекли, и въ случаѣ если тамъ нельзя будетъ помѣстить всю дивизію, вернуться обратно, отвести въ городѣ квартиры и встрѣтить полкъ. Окрестныя деревни мы поѣхали осматривать немедленно, но измучили лошадей, устали сами, и убѣдились въ невозможности расположить здѣсь войска, такъ какъ все рѣшительно было вызжено и разграблено. Рѣшили отправиться на другой день въ Эрекли, вмѣстѣ съ вещами. До Эрекли было значительно дальше, чѣмъ двадцать верстъ, было верстъ тридцать или немного болѣе. Постепенно воздухъ становился лучше и лучше, вдали стали показываться синія полосы, постепенно увеличивавшіяся и, наконецъ, съ одной горы я увидалъ море. Я ожидалъ встрѣтить что-то особенное, такъ какъ никогда не видѣлъ ничего кромѣ большихъ рѣкъ и озеръ, но былъ очень обманутъ,—это море имѣло видъ совсѣмъ озера, такъ какъ на горизонтѣ виднѣлись большія синія горы. Передъ городомъ, я съ однимъ офицеромъ отсталъ и не участвовалъ въ тріумфальномъ въѣздѣ нашихъ товарищей въ городъ. Жители толпой вышли къ намъ навстрѣчу, кричали «ура, живіо Александръ», хлопали въ ладоши, и затѣмъ проводили ихъ въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Затѣмъ греческій священникъ сказалъ какую-то рѣчь, послѣ которой въ церкви поднялся ужасный гвалтъ; когда тотъ стихъ мэръ города, объясняющійся по-французски, торжественно передалъ приглашеніе капитану Энгельгарду съ офицерами на обѣдъ отъ города. Мы всѣ были очень голодны и это приглашеніе было принято съ удовольствіемъ. Въ ожиданіи обѣда, мы отправились въ квартиру нашихъ товарищей, раскрыли окна и стали любоваться дѣйствительно роскошнымъ видомъ; прямо подъ нашими окнами начиналась бухта, около берега стояло нѣсколько рыбачьихъ большихъ и маленькихъ лодокъ, далеко вдали виднѣлся берегъ и на немъ чрезвычайно живописныя строенія, справа растилалось Мраморное море, сливающееся съ горизонтомъ, видъ его дѣйствительно напоминалъ мраморъ, но былъ значительно нѣжнѣе, мѣстами на немъ виднѣлись бѣлые паруса и оживляли весь этотъ ландшафтъ. День клонился къ вечеру и заходящее солнце, отражая въ водѣ, сдѣлало эту картину довольно привлекательною, такъ что отъ нее трудно было оторваться. Сильный голодъ напоминалъ намъ какъ бы не просрочить обѣдъ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились въ тотъ домъ, гдѣ для насъ готовилось это угощеніе. Хозяйка хлопотала о столѣ, насъ пригласили въ сосѣднюю комнату и объявили, что обѣдъ сейчасъ будетъ готовъ. Чрезвычайно добродушный хозяинъ грекъ пришелъ насъ занимать, что

было трудно дѣлать, такъ какъ мы не понимали другъ друга. Прошелъ добрый часъ, нетерпѣніе наше увеличилось, столъ уже давно былъ накрытъ, но обѣдать не подавали. Но вотъ появляется слуга съ подносомъ, на которомъ стояли рюмки и графинъ съ водкой; предполагая, что немедленно за водкой послѣдуетъ обѣдъ, мы налили рюмки и чокнулись съ хозяйкой и хозяиномъ, но, выпивши, хозяинъ преспокойно усѣлся на старое мѣсто, а хозяйка исчезла. Прошло еще добрыхъ полчаса, опять несутъ водку. Оставшись безъ закуски первый разъ, многіе отказались и только искоса поглядывали на столъ въ сосѣдней комнатѣ; прошелъ еще часъ, смотримъ опять несутъ водку, но это наконецъ невыносимо, неужели насъ вмѣсто обѣда будутъ угощать только водкой; мы всѣ рѣшительно отказываемся, дѣлаемъ видъ, что не понимаемъ жестовъ хозяина, приглашающаго насъ еще чокнуться съ нимъ. Проходитъ еще полчаса и наконецъ появившаяся хозяйка въ дверяхъ раставляетъ руки, дѣлаетъ реверансъ и при этомъ очень граціозно склоняетъ голову на бокъ. Мы поняли. Кое-какъ, преодолѣваемъ наше нетерпѣніе, боясь посмотрѣть другъ на друга, чтобы не расхохотаться, мы пошли къ столу и разсаживаемся съ чувствомъ собственнаго достоинства. Но, едва намъ налили по тарелки супа и не успѣли его раздать всѣмъ, какъ у первыхъ тарелки были пусты, и ихъ пришлось наполнять снова, тоже было и съ слѣдующимъ блюдомъ, и хорошо, что мы не разсчитывали на третье, намъ бы пришлось раскаяться въ своемъ заблужденіи. Вотъ меню этого званаго обѣда: супъ изъ рисовыхъ крупъ, безъ говядины, послѣдняя была вынута и подана на второе съ какою-то приправою, затѣмъ простое мѣстное вино и все. Но мы больше чѣмъ дѣлали честь хозяевамъ, если-бы только они захотѣли составить себѣ мнѣніе объ насъ по этому обѣду, то вѣроятно оно было-бы далеко не въ нашу пользу; во-первыхъ мы по два раза спрашивали каждаго блюда, во-вторыхъ, ѣли не обращая никакого вниманія на хозяевъ, и только начали разговаривать съ ними жестами, когда убѣдились, что больше не подадутъ ничего. Во время этихъ разговоровъ намъ подали по маленькой чашки турецкаго кофе. Этимъ и кончился обѣдъ, заставившій наши желудки такъ страдать. Мы поблагодарили хозяевъ и вышли на балконъ.

Ночь была великолѣпная, лунная, теплая на столько, что мы оставались въ однихъ мундирахъ, подъ нами лежалъ городъ, еще далѣе заливъ, съ его лодками и затѣмъ голубое, Черное море. Разговоръ перешелъ на службу, начертали программу завтрашняго дня, начали было обыкновенный разговоръ, но онъ не вязался и, наконецъ, совсѣмъ прекратился. Намъ было слишкомъ хорошо, мы наслаждались глядя на этотъ видъ, вдыхая чистый морской воздухъ. Только сильный холодъ, дрожъ заставили насъ уйти обратно въ домъ, гдѣ намъ внимательная хозяйка приготовила тѣмъ временемъ постель. Въ комнатѣ было душно, я долго вертѣлся на мягкомъ

тюфякѣ, отъ котораго мы уже совсѣмъ отвыкли, наконецъ не вытерпѣлъ, набросилъ на себя пальто и вышелъ опять на балконъ. Луна свѣтила, какъ и прежде, но появились облака, затемнявшія время отъ времени ея свѣтъ, и заставляли ее еще больше играть въ волнахъ, то появляясь, то снова исчезая. Въ городѣ всѣ спали, все было тихо, только время отъ времени раздавался лай собаки или ржаніе нашихъ лошадей. Отъ дома, въ которомъ мы остановились, шла улица, по обѣимъ сторонамъ стояли мрачные, почернѣвшіе отъ времени, деревянные дома; ближайшій ко мнѣ домъ развалился, остались только его каменныя стѣны покрытыя какими то черными пятнами. Я посмотрѣлъ сверху на дома; луна была за мною и своимъ освѣщеніемъ придавала какую то новую прелесть и таинственность, мнѣ вспомнились мраморные разбитые бюсты, барельефы и надписи на каминахъ, которые я видѣлъ здѣсь разбросанными по улицамъ и дворамъ, старинная постройка домовъ, передъ глазами стала рисоваться картина изъ жизни этого города прошлой и настоящей, явились сравненія. Но едва они родились, какъ я замѣтилъ, что у меня пробѣжала дрожь по тѣлу. Поскорѣй вернулся въ комнату, завернулся въ теплое одѣяло, и постарался заснуть. На другой день Энгельгардъ съ однимъ изъ офицеровъ отправились осматривать чифлики, а мы переписывать дома и квартиры въ городѣ.

Это заняло у насъ цѣлый день и въ концѣ концовъ мы убѣдились въ невозможности помѣстить здѣсь больше двухъ полковъ. Стоянка была заманчива, и каждому хотѣлось оставить это мѣсто для своего полка. Въ виду такого полнаго разногласія, дѣло предоставили на благоусмотрѣніе Энгельгарда, который рѣшилъ предоставить ее старшимъ по нумерамъ полкамъ, и саперамъ. Такимъ образомъ стоянка Павловскаго и Финлядскаго полковъ утверждалась въ Чорлу. Съ грустью отправились мы обратно. Погода измѣнилась, дѣлалось все холоднѣе и холоднѣе и наконецъ пошелъ сильный снѣгъ. Морозъ сильно щипалъ носъ, уши, отмороженныя руки и ноги. Эта перемѣна была тѣмъ чувствительнѣе, что была совершенно неожиданна. Комендантъ растерялся окончательно,—наканунѣ пришла гвардейская стрѣлковая бригада и остановилась тоже въ Чорлу. Кромѣ того, здѣсь были проходящіе армейскіе полки. Добиться толкомъ распоряженія было немыслимо. Мы еле-еле вытащили его показать намъ участки города, которые бы мы могли занять для полка, но онъ и тутъ выдержалъ себя до конца, махнулъ рукою на раіоны, сказалъ, «это вамъ, а это вамъ», повернулъ лошадь и ускакалъ. Положеніе становилось критическое, въ дома насъ не пускали, а лучшія квартиры въ нашемъ участкѣ были заняты пріѣзжими офицерами и чиновниками, которые намъ отвѣчали, что они безъ коменданта не выѣдутъ отсюда, а времени оставалось едва-едва столько, чтобы отвести квартиры, къ тому же жители не слушали городовыхъ, и отчаянныя усилія послѣднихъ часто пропадали даромъ. Въ одномъ домѣ сварливая старуха переговаривалась съ нами изъ окна

цѣлый часъ и ни за что не хотѣла отворить вороты, а въ концѣ концовъ плюнула на городоваго грека. Я приказалъ принести бревно и вышибить ворота. Старуха и тутъ не сдалась, она причитывала, но не отворяла. Ворота вышибли, эта мѣра помогла, и въ другіе дома насъ уже боялись не пускать, хотя и съ переговорами, но пускали.

Едва, едва справились мы къ приходу полка, но солдаты были размѣщены далеко не такъ, какъ это было желательно. Офицерскія помѣщенія были еще того хуже. Дѣлать было нечего, всѣ помѣстились на этихъ квартирахъ, съ новой разбивкой города на роты, сдѣланной уже новымъ камендантомъ.

Но всѣ эти треволненія, особенно же осмотръ квартиръ и возвращеніе въ Чорлу въ эту непогоду, такъ сильно на меня подѣйствовали, что я слегъ въ постель и пролежалъ все время, покуда полкъ стоялъ здѣсь.

Очень недурно напомнили намъ здѣсь объ времени, проведенномъ въ Эрекли, когда мы уѣзжали, то поручили одному изъ нашихъ товарищей, которые остались тамъ, расплатиться. Мы тамъ простояли два дня и имѣли два обѣда, изъ нихъ одинъ былъ званый, а другой не уступавшій и не превосходившій достоинствомъ тотъ, который я описалъ, уже за деньги. Можете же представить наше удивленіе, когда оказалось, что мы должны заплатить за оба, и такую сумму, какую даже жиды не рѣшились бы потребовать. Трудно повѣрить, а я долженъ былъ заплатить за это два съ половиной золотыхъ, т. е. на наши деньги 20 рублей. Поневолѣ приходилось сознаться, что всякій грекъ въ Турціи хуже жида.

9-го февраля рано утромъ я, взявъ проводника изъ камендантскаго управленія, отправился изъ города Чорлу впередъ по дороги къ Силиври. Мнѣ было приказано описать село Кинеклы на половинѣ дороги, но такъ какъ носились слухи, что оно выжжено, то мнѣ позволено было уклониться въ сторону. Дорогой меня догналъ квартирьеръ Финляндскаго полка, и мы вмѣстѣ, убѣдясь въ невозможности найти даже одного цѣлаго дома въ этомъ совсѣмъ выжженномъ селѣ, отправились версты за четыре въ сторону. Село Чанай лежало въ горахъ, имѣло много жителей, грековъ, и, благодаря своему мѣстоположенію, сильно затруднявшему доступъ къ нему, избѣжало общей участи—оно не было выжжено и не разграблено. Жители встрѣтили насъ очень дружелюбно, и мы занялись отводомъ квартиръ. Но съ квартирьерами шли ротныя и артельныя повозки двухъ полковъ, и мнѣ скоро пришли доложить, что онѣ подошли къ селу, и первыя, которыя попробовали въѣхать въ самую деревню, такъ и остались тутъ, вслѣдствіе обвала и страшной грязи.

Народу у меня было очень мало, поэтому я послалъ за старостой, чтобы онъ пришелъ съ людьми намъ помочь. Съ этой стороны въ деревню можно было въѣхать только по одной дорогѣ прорытой по склону

хребта, около самой деревни, она шла надъ глубокимъ обрывомъ. Грунтъ разрыхлился до такой степени, что колеса уходили больше чѣмъ по ступицу. Двѣ телеги въѣхали въ страшную грязь и лошади не могли вывезти.

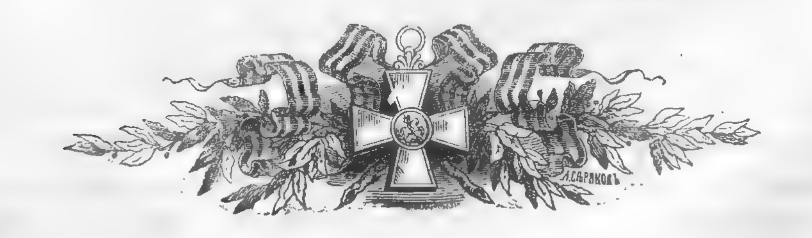
Народу собралась большая толпа, я обратился къ нимъ съ просьбою помочь, и эти двѣ телеги были живо вытащены. Но дорогу нужно было чинить для прохода полка. Греки вооружились кирками, мотыгами и лопатами, а мои солдаты и дѣти стали таскать каменья. Послѣднія были моими самыми усердными помощниками, такъ неутомимо они работали. Едва успѣли мы починить дорогу и переправить нашъ обозъ, какъ вдали показалась головы нашей бригады. Священники въ ризахъ съ хоругвями вышли на встрѣчу. Это была первая встрѣча, выпавшая на долю нашему полку.

Мы здѣсь переночевали и утромъ рано я опять уѣхалъ квартирьеромъ въ Силиври. Здѣсь жизнь кипѣла, всѣ лавки были открыты, все заманчиво было выставлено на показъ, и сильно раздражало вкусъ. Городъ былъ очень красивъ и греческій кварталъ, сравнительно, великъ. По случаю прихода войскъ, здѣсь были устроены нѣсколько трактировъ, въ европейскомъ вкусѣ, съ европейской кухней. Вывѣски были очень оригинальны, на одной красовалась, надпись: «Pour les héros de Doubnik, Plewna, Teliche,» на другой, «Pour les heros,» на третьей, «Pour la garde Impériale Russe,» и т. п. Чистота и приличная сервировка, прислуга чисто одѣтая, выборъ газетъ. Обо всемъ этомъ давно ходили слухи, и мы были рады попасть въ этотъ городъ, въ которомъ намъ пророчили продолжительную стоянку. Но, едва успѣли мы придти и кое-какъ устроиться, какъ неожиданно по всему городу раздались сигналы тревоги и сбора, быстро стали наводиться справки и оказалось, что Московцы, и Гренадеры вызваны впередъ по тревоги что они уходятъ сейчасъ, а что завтра утромъ выступаемъ и мы. Такимъ образомъ наши предположенія неожиданно разбивались, но мы не особенно унывали и постарались провести лучше этотъ вечеръ, еще остававшійся въ нашемъ распоряженіи.

Къ вечеру 11-го февраля мы уже были въ Буюкъ-Чекмедже. Здѣсь мы узнали, что срокъ перемирія кончился, что мы уже перешли демаркаціонную линію, что о мирѣ ничего неизвѣстно. Въ городѣ жизни и движенія не было видно, жителей не было никого, дома стояли пустые, безъ хозяевъ. Утромъ здѣсь еще были турки, отступившіе при нашемъ приближеніи. Въ домахъ вездѣ было страшно грязно, вездѣ валялись тряпки и рваные турецкіе мундиры. Мы ожидали, что насъ двинутъ завтра впередъ, поэтому и не особенно безпокоились объ удобствѣ. Но 12-е февраля прошло и мы только 13-го февраля получили приказаніе двигаться на деревню Сафракіой. Двигались мы скоро, только присутствіе артиллеріи указывало намъ, что это движеніе легко могло быть остановлено и могло завершиться

боемъ. Мы двигались къ берегу моря, и около деревни Кучукъ-Чекмедже должны были идти по узкой полосѣ земли, отдѣлявшей озеро отъ моря, и затѣмъ, повернувъ налѣво, пройти мостъ и вступить въ деревню; прямо противъ насъ шелъ большой хребетъ, на которомъ высились турецкія батареи, защищавшія оставленную турками чрезвычайно сильную позицію. Но теперь около нихъ уже стоялъ нашъ лагерь, кажется стрѣлковый. Въ этомъ селѣ у нихъ долженъ былъ быть большой привалъ. Но каково же было наше удивленіе, когда въ деревнѣ мы увидали вооруженныхъ турецкихъ солдатъ. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ ихъ было больше, вонъ даже нѣсколько турокъ стоятъ на часахъ. Для насъ это была загадка, тѣмъ болѣе, что впереди уже стояли наши войска. На привалѣ мы узнали, что деревня Сафракіой, куда мы должны были идти, занята турками въ числѣ нѣсколькихъ баталіоновъ, но что, несмотря на это, мы все-таки же будемъ продолжать туда наше движеніе.

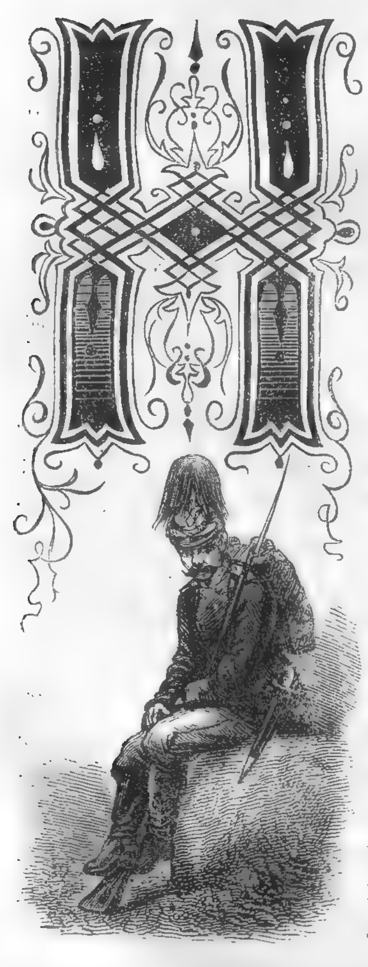
Удивленіе наше не знало границъ, тѣмъ болѣе, что турецкіе кавалеристы собрались на нашихъ глазахъ и преспокойно уѣхали. Но, наконецъ, привалъ нашелся, и мы отправились, оставивъ море въ правой сторонѣ. Дорога шла по очень крутой горѣ, и мы принуждены были втаскивать на нее нашу артиллерію. До села было не далеко, но турки не стрѣляли и не уходили. Вслѣдствіе чего мы принуждены были остановиться. Командиръ полка уѣхалъ въ Сафракіой одинъ и послалъ спросить въ Кучукъ-Чекмедже, что́ ему дѣлать. Вскорѣ пришло приказаніе возвратиться назадъ и стать лагеремъ въ Кичукіи. Солдаты стали бивуакомъ. У офицеровъ же палатокъ не было, а отходить далеко отъ своихъ частей было нельзя, потому мы коекакъ размѣстились и въ полуразвалинахъ. Въ деревнѣ оставался турецкій складъ сѣна и около него стояли и турецкіе часовые и наши, причемъ очень дружелюбно бесѣдовали. Деньщики, пронюхавъ про сѣно, живо окружили турокъ и просили часовыхъ дать имъ по охапкѣ. Тѣ оказались очень любезными, и, съ своей стороны, дали позволеніе расхищать оберегаемое ими добро. Но противодѣйствіе встрѣтилось со стороны тѣхъ, отъ которыхъ его менѣе всего ожидали, со стороны нашихъ часовыхъ, положительно отказавшихся уступить хоть горсточку сѣна и прогнавшихъ навязчивыхъ деньщиковъ.

Изъ похода Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Воспоминанія о дѣлѣ при Горномъ Дубнякѣ.

(12-го Октября 1877 г.).

Не имѣвъ никогда случая писать для печати, я прошу полной снисходительности у всякаго, кто прочтетъ эти строки. Да не осудятъ меня за частое повтореніе мѣстоимѣнія «я»; въ свое оправданіе скажу, что намѣренъ писать только то, что видѣлъ, чувствовалъ, испыталъ—волею-неволею пришлось говорить о своемъ «я» то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ. Что дѣлали «они»—во время битвы не знаютъ того и сами участники дѣла: районъ наблюденій ротнаго командира очень невеликъ. Я желалъ бы одного: возможно полно описать то, что́ непосредственно меня окружало.

11-го октября, въ 8 часовъ утра полкъ, выстроенный въ баталіонныхъ колоннахъ, поджидалъ прибытія начальника отряда. На лицахъ молодцевъ солдатъ выражалось что-то торжественное; признаковъ робости рѣшительно не было замѣтно, зато сосредоточенное и бодрое выраженіе каждаго отдѣльнаго человѣка ясно свидѣтельствовало о томъ, что каждый чувствовалъ наступленіе серьезной минуты жизни и, со свойственной русскому стойкой смѣлостью, онъ спокойно ожидалъ наступленія этой минуты.

Въ 8½ часовъ генералъ-адъютантъ Гурко въ сопровожденіи своего штаба объѣхалъ нашъ полкъ. Поздоровавшись съ каждымъ баталіономъ нѣсколькими прочувствованными словами, онъ сказалъ людямъ то, что

онъ отъ нихъ ожидалъ въ памятный всѣмъ намъ слѣдующій день. Его энергичная фигура, молодецкій видъ и хотя суровый, но прямо въ душу идущій голосъ сразу вселялъ довѣріе, и довѣріе полное, безпредѣльное, какимъ лишь способенъ проникнуться русскій солдатъ къ своему начальнику. На насъ офицеровъ это краткое привѣтствіе тоже оставило пріятное впечатлѣніе; каждый изъ насъ сознавалъ, что попадалъ подъ команду энергичнаго начальника. Еще болѣе мы въ этомъ убѣдились послѣ того, какъ генералъ-адъютантъ Гурко насъ собралъ и выяснилъ кратко и дѣльно ту роль, которую намъ придется играть въ слѣдующій день. Я не берусь повторить этой рѣчи изъ боязни исказить ее, каждое слово было сказано мѣтко, подготовки не было, и въ сердце вселялось глубокое чувство уваженія къ произносившему ее.

Этотъ день, канунъ боя, прошелъ совершенно спокойно въ нашей офицерской средѣ: кое-кто писалъ письма, къ казначею приносились казенныя и частныя деньги съ краткими поясненіями; къ намъ ротнымъ командирамъ приходили солдаты, съ просьбою приберечь, на всякій случай, скромные ихъ капиталы, причемъ къ кровнымъ грошамъ присовокуплялись записки съ обозначеніемъ точнаго адреса тѣхъ, кому переслать это скудное достояніе ихъ въ случаѣ бѣды.

Настало время нашего обѣда, и тутъ какъ-то невольно западала безпокойная мысль и туманное предчувствіе, что, пожалуй, это будетъ послѣднею трапезою, но грусти или упадка духа не было замѣтно; разговоръ шелъ также весело и беззаботно какъ и всегда, главною темою служило, конечно, предстоящее дѣло.

Вечеромъ мы, ротные командиры, собрались къ баталіонному, у котораго была подробная карта той мѣстности, на которой намъ придется дѣйствовать. Со всею подробностью былъ намъ разсказанъ планъ предстоящаго боя. Диспозиція была составлена прекрасно и каждый изъ насъ вернулся къ себѣ въ палатку съ убѣжденіемъ, что дѣло будетъ легкое и кончится въ какіе нибудь два, три часа.—Одно обстоятельство меня смутило, 5-й (командиромъ которой я состоялъ) и 6-й ротамъ было поручено изготовить фашины изъ дубоваго лѣса, который росъ въ изобиліи на нашемъ бивуакѣ *), онѣ должны были быть доставлены къ непріятельскимъ окопамъ, для облегченія штурма, переноска ихъ была распредѣлена такъ, что изъ трехъ рядовыхъ на долю двухъ приходилось по двѣ фашины, а третьему предстояло нести три ружья.

Рано залегли мы спать, въ виду того, что выступленіе назначено было въ первомъ часу ночи.—Около часу были погашены огни и полкъ тронулся. Люди шли бодро, даже весело, кое-гдѣ слышались остроты въ родѣ того, что фашины послужатъ для наказанія розгами турокъ. Холод-

*) Село Эски-Баркачъ.

ная ночь заставляла идти быстрѣе обыкновеннаго; луна тускло проглядывала сквозь густой туманъ, но широкая дорога, по которой мы шли, ясно рисовалась передъ нами. На четвертой верстѣ нашего ночнаго странствованія мы прошли черезъ Іени-Загру—красивое село, раскинувшееся на склонѣ горы, по бокамъ дороги у костровъ грѣлись и потягивались казаки. Становилось все свѣжѣе и свѣжѣе, тихій говоръ солдатъ замѣтно умолкалъ: тяжелыя фашины (вѣсъ ихъ доходилъ до двухъ съ половиною и трехъ пудовъ) заставили пріумолкнуть молодцевъ. Прошли мы еще верстъ шесть и очутились въ большой деревнѣ Чириковѣ на берегу Вида. Здѣсь намъ дали перевести духъ. Холодъ дѣлался нестерпимымъ, люди были въ мундирахъ. Около часу продолжалась остановка и вскорѣ запылали костры. Люди, сплошной толпою обступивъ благодатный огонь, грѣли озябшія руки и словно оживали подъ вліяніемъ тепла.

Въ это время переправлялась черезъ Видъ въ бродъ наша артиллерія; за послѣднимъ орудіемъ тронулась голова нашей колонны.

Видъ быстро течетъ по каменному дну, въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ брода глубина рѣки не превышала трехъ четвертей аршина; многіе солдаты сняли сапоги и стали перебираться въ такомъ видѣ, другіе шли прямо, дескать намъ море по колѣно, ледяныя струйки проникали въ обувь и производили не совсѣмъ пріятное ощущеніе. По другой сторонѣ рѣки раскинулась турецкая часть деревни, хотя полураззоренная, но всетаки съ признаками болѣе высокой степени культуры, чѣмъ въ болгарской: на топкихъ мѣстахъ дороги показывалась мостовая, дома были обширнѣе болгарскихъ съ пристройками въ родѣ балконовъ и верандъ, изъ ряда прочихъ построекъ выдѣлялась болѣе солидными размѣрами мечеть съ высокимъ минаретомъ, крытымъ бѣлою жестью, ярко блестѣвшей освященная луною.

Начинало разсвѣтать. Мы сошли съ большой дороги и направились проселкомъ по гористой и голой мѣстности. Намъ предстояло пересечь Софійское шоссе южнѣе Горнаго Дубняка и начать наступленіе съ юго-западной стороны этой деревни. Послѣ довольно утомительнаго движенія, достигли мы высшей точки лѣваго берега Вида. На востокѣ, при постепенномъ появленіи свѣта, все яснѣе и яснѣе рисовался высокій правый берегъ, покрытый густымъ дубнякомъ; впереди, по по направленію къ сѣверу, въ туманѣ наши глаза съ трудомъ замѣчали высоты и рощи. Несмотря на особенное вниманіе, съ которымъ мы стремились открыть расположеніе противника, наши усилія оказались тщетными. Наконецъ мы достигли шоссе, причемъ пришлось то подниматься, то спускаться по довольно неровной мѣстности. На шоссе расположился перевязочный пунктъ. Отдѣлились санитары изъ ротъ, фельдфебеля провѣрили разсчетъ. Здѣсь былъ данъ часовой отдыхъ. Мимо насъ прошла рысью батарея, орудія блестѣли, освѣщенныя восходящимъ солнцемъ,—двинулась она

куда-то вправо и скоро скрылась въ балку. Съ сѣверной стороны высокіе холмы, поросшіе отдѣльными дубами, закрывали насъ со стороны непріятеля. Наконецъ тронулись и мы; за холмами мѣстность стала ровнѣе и обширный горизонтъ открылся впереди насъ. Далеко впереди виднѣлись двѣ темныя возвышенности въ родѣ кургановъ; у каждаго изъ насъ мелькнула мысль—это редуты.... Съ большимъ любопытствомъ вглядывались мы въ эти турецкія твердыни, ежеминутно ожидая, что вотъ, вотъ мелькнетъ бѣлый дымокъ и загрохочетъ непріятельское орудіе. Но редуты молчали. Стройно двигались баталіоны по мелкому кустарнику, утренникъ унималъ невольное чувство волненія, одолѣвшее многихъ изъ насъ. Я какъ-то особенно напрягалъ слухъ, какое-то нетерпѣливое желаніе овладѣло мною услышать первый выстрѣлъ, но вокругъ все было безмолвно.... Вдругъ, откуда-то слѣва, раздался выстрѣлъ изъ орудія, одновременно съ нимъ послышался какой-то шумъ все усиливающійся и усиливающійся, достигнувъ наибольшей силы, онъ вдругъ прекратился, шагахъ въ ста слѣва отъ баталіона показался клубъ пыли—то упалъ турецкій снарядъ. Первую турецкую гранату не разорвало, солдаты какъ-то весело смотрѣли на нее. Послышался второй полетъ, а за нимъ и слѣдующіе; направленіе выстрѣловъ вскорѣ перемѣнилось, бѣлые дымки ясно означали, что огонь на насъ направленъ былъ изъ редута близъ Горнаго Дубняка. Гранаты хотя падали не вдалекѣ, но только второй выстрѣлъ заставилъ людей нѣсколько пригнуться къ землѣ, при дальнѣйшемъ слѣдованіи поклоны болѣе не повторялись. Впереди шедшіе баталіоны 3-й и 4-й развернулись по-ротно и, разсыпавъ цѣпь, быстро подавались. Вдругъ послышалась частая ружейная стрѣльба на довольно большомъ отъ насъ разстояніи; мѣстность не позволяла разсмотрѣть, чтó происходило впереди насъ. Вскорѣ раздалось продолжительное «ура», выстрѣлы стали рѣже и, наконецъ, совсѣмъ замолкли. Это было первое столкновеніе съ турками, которыхъ выбили изъ траншей, выдвинутыхъ далеко впереди Горнаго Дубняка. Въ это время было получено приказаніе 2-мъ баталіонамъ Финляндскаго и Павловскаго полковъ составить бригадный резервъ и вступить подъ команду флигель-адъютанта полковника Рунова. Недолго шли мы въ баталіонномъ строю. Вотъ и у насъ раздалась команда: «по-ротно въ двѣ линіи стройся!» — Во время всего слѣдованія мы офицеры шли впереди баталіона, слѣдя за полетомъ снарядовъ и прислушиваясь къ звукамъ все учащающихся выстрѣловъ нашихъ батарей, открывавшихъ огонь одна за другою правѣе насъ за покрытымъ дубнякомъ пригоркомъ. Команда баталіоннаго командира захватила меня впереди баталіона, я поспѣшилъ къ своей ротѣ и остолбенѣлъ.... Люди шли въ порядкѣ, но фашинъ оказалось не болѣе десяти вмѣсто ста пятидесяти. Остановивъ роту (такъ какъ мнѣ приходилось находиться во второй линіи), я выждалъ, чтобы переднія роты отошли, и, обратившись къ людямъ, вы-

сказалъ всю предосудительность ихъ поступка; видно волненіе въ голосѣ моемъ было сильно, потому что на многихъ лицахъ показалось выраженіе стыда и сожалѣнія. Къ счастью мѣстность, по которой мы двигались, покрытая лѣскомъ, дала возможность въ нѣсколько минутъ собрать и помощью тесаковъ устроить около семидесяти фашинъ. Солдаты старательно работали, силясь загладить свою вину, при этомъ выказывали полнѣйшее пренебреженіе къ опасности; въ раіонѣ роты падали и рвались гранаты довольно часто, но это не мѣшало людямъ рубить молодые дубки, обчищать и вязать ихъ также хладнокровно и спокойно какъ на практическихъ занятіяхъ въ мирное время. Прямое направленіе, которому мы держались, было измѣнено и мы стали принимать влѣво. Гранаты уже перестали насъ безпокоить, ихъ замѣнили пули, сперва изрѣдка свиставшія вокругъ насъ, а затѣмъ все чаще и чаще пролетали надъ нами, то взвизгивая, то словно съ плачемъ рикошетируя.

Изъ резервовъ выдѣлились всѣ роты 2-хъ баталіоновъ Павловскаго и Финляндскаго полковъ, за исключеніемъ 5-хъ подъ командою полковника Борисова.

Мы вошли на пригорокъ, сильно обросшій дубками, движеніе сомкнутымъ строемъ было невозможно; хотя мы были скрыты отъ взоровъ противника, но онъ видѣлъ, что мы вошли въ густой лѣсокъ и этого было достаточно, чтобы направить въ насъ буквально градъ пуль, наносившій однако лишь умѣренный вредъ. Двигались мы, по возможности, быстро и затѣмъ ложились. Стали появляться раненые, поддерживаемые санитарами, у меня въ ротѣ убывали сначала изрѣдко люди, но потомъ все чаще и чаще доходила вѣсть отъ фельдфебелей о раненіи того или другаго. Ни громкихъ криковъ, ни возгласовъ не было слышно. Однѣ лишь летѣвшія пули пѣли свои разнообразныя пѣсни, пощелкивая, задѣвая сучья или шлепались о землю, чтобы опять съ воплемъ продолжать свой загадочный путь.

Время шло, а огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался безостановочно. На гребнѣ возвышенности сзади роты снялась наша батарея и громкіе выстрѣлы ея стали часто потрясать воздухъ. Большое красное пламя, взвиваясь вблизи турецкой позиціи, свидѣтельствовало объ успѣшномъ дѣйствіи нашихъ гранатъ. Промчавшіяся надъ головами непріятельскія гранаты, направленныя противъ батареи, заставили меня отвести роту въ сторону такъ, чтобы стать съ боку нашей артиллеріи; на мѣстѣ, гдѣ я остановилъ роту, проходила проселочная дорога по прямому направленію къ укрѣпленіямъ Горнаго Дубняка, она же служила кратчайшимъ путемъ къ перевязочному пункту; по ней безпрерывно шли или появлялись на носилкахъ блѣдные раненые съ окровавленными бѣлыми повязками. Тяжело было видѣть эти жертвы случая, слѣпой судьбы, просто наткнувшіеся на пули или гранаты. Не вдалекѣ отъ меня лежала полурота 8-й роты съ тремя знаменами полка. Отъ командира ея я узналъ, что было велѣно бросить фаши-

ны. Больно было душѣ при мысли, что люди мучились и выбивались изъ силъ, неся на протяженіи 18-ти верстъ тяжелую ношу для того чтобы ее бросить, безъ всякой кому-либо пользы...

Протяжное «ура» и до наивысшей степени доведенная учащенная стрѣльба прекратили мое раздуміе. Было около двухъ часовъ. Стрѣльба стала постепенно утихать, но на нѣкоторое время прекратившіеся выстрѣлы артиллеріи снова загудѣли. Зачастили носилки и пѣшіе раненые по дорогѣ къ перевязочному пункту. Отъ нихъ я узналъ, что аттака отбита и что много «нашихъ господъ» убито и ранено (такъ называли солдаты офицеровъ своихъ). Мимо меня пронесли командира 15-й роты *): «Что вы здѣсь стоите?! Подготовка огнемъ доведена до конца, слѣдуетъ штурмовать! Мало насъ тамъ, за вами дѣло!» —Пассивная роль, выпавшая на мою долю, дѣлалась невыносимою. Тотчасъ же отправился я на розыски 5-й роты Павловскаго полка, прикрывавшей правый флангъ батареи, въ надеждѣ отыскать полковника Борисова. Поиски были тщетны, ни 5-й роты, ни начальника резерва на томъ мѣстѣ уже не было. Я рѣшился двинуться къ полку. Подходя къ опушкѣ лѣска саженяхъ въ 500-хъ впереди меня совершенно ясно показались склоны довольно крутой возвышенности, разрѣзанной оврагами, надъ нею, впереди лѣваго оврага виднѣлись турецкія палатки, соломенные шалаши, а за ними нѣсколько правѣе черныя линіи окоповъ, постоянно покрывающіеся дымками отъ выстрѣловъ. Я привелъ роту до опушки, но сильный непріятельскій огонь заставилъ подумать какъ пройти пространство отдѣляющее меня отъ полка, который темнымъ пятномъ лежалъ въ мертвомъ пространствѣ на крутомъ скатѣ между двумя оврагами... На чистой равнинѣ вплоть до горы лежали въ разныхъ позахъ убитые, кое-гдѣ ползли раненые, стараясь уйти изъ смертельнаго раіона паденія пуль,—зрѣлище было въ высшей степени тяжелое... Чтобы избѣгнуть этой совершенно открытой мѣстности, я направилъ своихъ людей поодиночно вдоль кустовъ вправо, такъ какъ этимъ путемъ люди могли безопаснѣе достигнуть шоссе, вдоль котораго мѣстность позволяла подойти къ расположенію полка почти незамѣтно. Пропустивъ человѣкъ тридцать по указанному направленію, я также перебѣжками достигъ шоссе. На пути я встрѣтилъ командующаго дивизію графа Павла Андреевича Шувалова, которому я доложилъ о томъ, что, не получивъ особеннаго приказанія, я рѣшился присоединиться къ полку, къ тому же батарея, которую мы прикрывали, снялась съ позиціи и отъѣхала въ сторону. — Прекрасно! Подвигайтесь осторожнѣе, берегите людей! — Графъ сидѣлъ на лошади, спокойно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на массу пуль, направленныхъ въ него, онъ смотрѣлъ на нашу бригаду, облѣпившую лѣвый флангъ турецкой позиціи. Только около 4-хъ часовъ достигъ я до полка, залегшаго на

*) Штабсъ-капитанъ Плѣшко.

склонѣ горы; оттуда я могъ слѣдить за идущими за мною, на большомъ другъ отъ друга разстояніи, одиночными людьми роты.

Полкъ лежалъ густою массою, мелькомъ видѣлъ я людей 7-й роты, были и роты прочихъ баталіоновъ; я пристроился къ правому флангу въ ожиданіи сбора своихъ солдатъ, въ это время командиръ 7-й роты штабсъ-капитанъ фонъ-Вольскій подошелъ ко мнѣ:—Лавровъ *) рѣшилъ сейчасъ идти на штурмъ, прими начальство надъ правымъ флангомъ, я буду вести своихъ, воспользуясь овражкомъ!... Въ это время раздалось три сильныхъ выстрѣла изъ орудій, вѣроятно залпы, затѣмъ лежавшіе люди поднялись и достигнувъ вершины горы, съ крикомъ «ура» бросились впередъ; стремглавъ бѣжалъ и я не оглядываясь шаговъ 150, достигъ противоположнаго спуска въ овражекъ, перебѣжалъ черезъ него,—за мною слѣдовало человѣкъ 50. Я увидѣлъ нѣсколько турокъ стрѣлявшихъ изъ за шалашей; при видѣ насъ, они быстро очистили свой лагерь и присоединились къ своимъ въ ретраншаменты. Въ нѣсколько секундъ достигли мы турецкаго лагеря, находившагося въ тылу ихъ же укрѣпленій. Шалаши, палатки, лежавшія убитыя лошади дали возможность укрыться отъ непріятеля и хотя насъ отдѣляло разстояніе не болѣе ста шаговъ отъ него, я рѣшился остановить людей и дать имъ вспыхнуть. Осмотрѣвшись, я приказалъ занять представляющіяся укрытія и открыть огонь. Мѣстность какъ нельзя болѣе способствовала этому. Я не могъ объяснить себѣ, что сдѣлалось съ полкомъ... Неужели и этотъ штурмъ не удался!? Турки продолжали стрѣлять изъ за своихъ ретраншаментовъ. Прошло не болѣ получаса и, несмотря на оживленную стрѣльбу турокъ въ отвѣтъ на нашъ огонь, мы потеряли лишь четырехъ убитыми и трехъ ранеными. Моимъ-же людямъ удалось нанести гораздо болѣе существенный уронъ въ рядахъ непріятеля. Мнѣ извѣстно, что одному стрѣлку удалось убить шесть турокъ.

Въ это время подошелъ къ намъ состоящій при графѣ Шуваловѣ ординарецъ штабсъ-капитанъ Гершельманъ 2-й. Отъ него я узналъ, что штурмъ неудался вслѣдствіе громадной убыли, которую понесъ полкъ. Во главѣ штурмующихъ пали: командиръ полка генералъ-маіоръ Лавровъ, командующій 1-мъ баталіономъ полковникъ Прокопе 2-й смертельно раненъ, командиръ 3-го баталіона полковникъ Кислинскій, и пять офицеровъ ранены.

Вершина горы, по которой шелъ полкъ, буквально была усѣяна ранеными и убитыми.—Обидно было находиться въ такомъ близкомъ и выгодномъ положеніи относительно непріятеля и по ничтожности имѣющихся подъ рукою силъ быть въ невозможности схватиться въ рукопашную.

Болѣе полутора часовъ люди стрѣляли спокойно и мѣтко, я все ожидалъ вторичнаго наступленія.—Чтобы пополнить израсходованныя патроны, одинъ смѣльчакъ выбрался на совершенно открытое мѣсто и ото-

*) Василій Николаевичъ Лавровъ, командиръ полка.

бралъ десятокъ пачекъ у лежавшихъ убитыхъ и раненыхъ. Вдругъ, надъ нашими головами раздались три взрыва одинъ за другимъ, я услышалъ какой-то вопль,—человѣкъ десять моихъ стрѣлковъ лежали безжизненно вокругъ, на лицахъ столькихъ-же видно было страданіе и я получилъ сильный ушибъ въ бедро; инстиктивно всѣ бросились въ овражекъ, чтобы, пройдя по немъ, достигнуть мѣста, занятое полкомъ. Надъ нашими головами разорвало три шрапнелевыя гранаты, которыя своимъ пульнымъ дождемъ осыпали насъ такъ жестоко. Подойдя къ полку, я настоятельно сталъ просить принявшаго начальство надъ нами командира 4-го баталіона полковника Вейса повезти полкъ въ только-что покинутый нами лагерь, пока турки не займутъ его снова. Видимо ему было трудно согласиться на это, такъ какъ полкъ дѣйствительно потерпѣлъ такъ сильно. Онъ приказалъ окапать вершину горы и занять ее въ случаѣ перехода турокъ въ наступленіе; мнѣ-же онъ позволилъ вызвать охотниковъ.

Пока собирались люди и выстраивались въ тылу полка, я почувствовалъ, что кажущійся мнѣ ушибъ оказался раною. Перевязавъ ее, я съ нѣкоторымъ трудомъ подошелъ къ охотникамъ и повелъ ихъ снова въ овражекъ. Начинало смеркаться. Огонь турокъ сталъ слабѣть. Быстро обогнали меня люди, я же не могъ бѣжать, а только плелся за ними; поспѣшно заняли наше мѣсто нами же покинутое, такъ какъ турки не догадались имъ снова завладѣть.—Въ это время послышалось гдѣ-то вправо и впереди «ура», оно было подхвачено Павловскими и Финляндцами; мои охотники тоже стали подаваться; собравшись съ силами и я добрался до нихъ. Переходъ къ темнотѣ довольно коротокъ, ночь вступала въ свои права, лагерь освѣтился пылавшими шалашами. Мы подошли къ линіямъ укрѣпленій—они уже были покинуты непріятелемъ бросившемся къ сѣверу. Высокій четырехъугольный редутъ съ двумя стальными орудіями освѣщался пламенными столбами горѣвшей соломы, масса ящиковъ съ патронами загоралась и производила неумолкаемую пальбу. Всюду лежали груды труповъ людей, лошадей и овецъ. Осколки гранатъ, множество брошенныхъ ружей и фесокъ доказывали, что турки бѣжали въ совершенномъ смятеніи. Впослѣдствіи оказалось, что они наткнулись на Московскій полкъ и часть нашей и румынской кавалеріи—ни одинъ изъ нихъ не ушелъ. Картина турецкой позиціи, освѣщенная мерцающимъ пламенемъ пожара, слѣды кровавыхъ происходившихъ на ней сценъ, раззореніе всюду глубоко запечатлялись въ памяти всякаго, бывшаго на мѣстѣ. Восторгъ солдатъ выражался восклицаніями радости, и было чему радоваться—12-ти часовой тяжкій бой увѣнчался побѣдою; нѣкоторый упадокъ силъ отнялъ у меня возможность прослѣдить что происходило тамъ, гдѣ упорные защитники Горнаго Дубняка сдавались русской гвардіи. Люди всѣхъ полковъ бѣжали по разнымъ направленіямъ прислушиваясь къ полковымъ сигналамъ, я тоже воспользовался горнистомъ, чтобы забрать своихъ людей. Втеченіе получаса

удалось мнѣ сгруппировать человѣкъ 700, въ это время подошли ко мнѣ штабсъ-капитанъ фонъ-Вольскій и командующій 3-ей ротою поручикъ Безсоновъ, *) мы разобрались по-баталіонно. Въ другомъ концѣ лагеря раздался сигналъ полка; воспользавшись подведенною турецкою лошадью, по какому-то непостижимому случаю уцѣлѣвшую отъ выстрѣловъ, я сѣлъ на нее и повелъ людей къ мѣсту, откуда послышался сигналъ. Тамъ оказалась большая часть полка, а также и офицеры. Общими силами намъ удалось разобрать полкъ по-ротно, въ нѣкоторыхъ убыль оказалась весьма значительною.

Потеря крови и физическое утомленіе заставили меня покинуть полкъ и отправиться въ сопровожденіи раненаго товарища, поручика Безсонова къ перевязочному пункту, расположенному верстахъ въ трехъ отъ Горнаго Дубняка. По пути я узналъ подробности о раненіи генерала-маіора Лаврова, шедшаго во главѣ полка послѣ полученіи раны въ руку; а также о смерти постигшей молодаго полковника Ожаровскаго, пораженнаго пулею въ голову въ то время, какъ онъ шагомъ проѣзжалъ подъ страшнымъ огнемъ и указывалъ направленіе, которому должны были держаться люди при движеніи.

Кромѣ полковаго командира жертвами штурма были ранеными полковники Кислинскій и Прокопе 2-й, штабсъ-капитанъ баронъ Функъ 1-й, поручикъ Пчельниковъ и подпоручики Пашковскій, Гершельманъ 3-й и Гагманъ, послѣдній палъ убитымъ на мѣстѣ. Втеченіе дня былъ убитъ поручикъ Пороженко, ранены: капитанъ Мясниковъ, шт.-капитанъ Плѣшко, поручики Львовъ, Безсоновъ и Болдыревъ, подпоручики Ивановъ 2-й и Воробьевъ 2-й и нижнихъ чиновъ около 450.

Тяжела была потеря Финляндцевъ въ эту первую встрѣчу съ врагомъ. Кроваво было это огненное крещеніе. Миръ праху павшихъ за святое дѣло!

Л.

---

*) Поручикъ Безсоновъ былъ раненъ еще около часу дня пулею навылетъ въ ногу, но оставался въ строю до конца боя.

Разсказъ о рядовомъ 2-й роты л.-гв. Финляндскаго полка Ипполитѣ Киселевѣ.

Въ своемъ разсказѣ я приведу не какой либо изъ ряду выдающійся боевой подвигъ, а примѣръ беззавѣтной смѣлости и простоты съ какою дѣлаетъ свое дѣло нашъ русскій солдатъ.

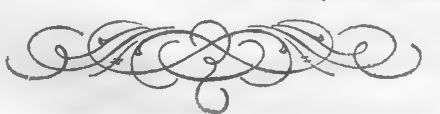
Первые годы со времени производства въ офицеры, я состоялъ во 2-й линейной ротѣ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка; много въ это время перемѣнилось народу въ ротѣ, бóльшая часть позабылась, но одинъ изъ нихъ, именно рядовой Ипполитъ Киселевъ, остался у меня въ памяти, по качествамъ далеко не рекомендующимъ его: постоянно сонный, неопрятный, часто пьяный, онъ совершенно заслужилъ передѣлку своей фамиліи изъ Киселева въ Киселя; эта кличка скоро приняла право гражданства, такъ что и офицеры его называли не иначе, какъ Кисель; охарактеризовавъ такимъ образомъ личность Киселя въ мирное время, я перейду къ разсказу, который достаточно охарактеризуетъ того же Киселя въ бою.

Въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ моя рота заняла гору шагахъ въ шестистахъ отъ главнаго редута и залегла въ мертвомъ пространствѣ, затѣмъ, когда къ намъ подошло нѣсколько людей другихъ ротъ, бывшій около меня полковникъ Прокопе 3-й повелъ мою роту и ближайшихъ людей на штурмъ главнаго редута; подъ страшнымъ свинцовымъ градомъ мы пробѣжали шаговъ четыреста и не добѣжавъ до редута сажень шестьдесятъ, потерявъ около половины людей убитыми и ранеными, мы принуждены были прилечь; тутъ не было рѣшительно никакихъ закрытій, не прошло и минуты какъ полковникъ Прокопе былъ раненъ двумя пулями къ пахъ и животъ, подпоручикъ Пашковскій, бывшій тутъ же, пулею въ руку; увидѣвъ такимъ образомъ, что, оставаясь здѣсь еще, я потерялъ бы всѣхъ своихъ людей совершенно безъ всякой пользы для дѣла, я приказалъ оставшимся еще цѣлыми ползти въ ближайшее мертвое пространство, находившееся отсюда шагахъ въ ста пятидесяти; въ это время недалеко отъ себя я услыхалъ голосъ Киселя: «Позвольте мнѣ,

ваше высокоблагородіе, здѣсь остаться, потому что вѣдь все равно скоро пойдемъ опять на редуты, такъ отсюда ближе бѣжать»; не помню, что́ я на это ему отвѣтилъ, только, сползши въ мертвое пространство, я около себя Киселя не видалъ. Черезъ нѣсколько времени вдругъ раздалась, по направленію на насъ, учащенная ружейная пальба и тотчасъ же къ намъ влетѣлъ кубаремъ улыбающійся и довольный Кисель, на мои вопросы онъ отвѣтилъ: «Когда вы сползли назадъ, я и еще шесть человѣкъ остались тамъ, да ужъ больно не въ моготу стало тамъ лежать, насъ изъ семи человѣкъ въ живыхъ остался только я одинъ, ну я и порѣшилъ удрать къ вамъ».

Когда былъ раненъ Прокопе его понесли внизъ, но забыли его саблю и бинокль; затѣмъ мнѣ, сползая въ мертвое пространство, пришлось поочереди сбросить съ себя, для удобства, пальто, свернутое и надѣтое черезъ плечо, саблю и сумку съ разными закусками. Кисель, замѣтивъ, что я безъ сабли, сумки и пальто, предложилъ совершенно просто сходить за всѣмъ этимъ, конечно я ему запретилъ, зная какъ эта прогулка опасна по опыту; несмотря на то, онъ, незамѣтно для меня, выползъ и черезъ нѣсколько времени опять раздалась учащенная пальба и Кисель, какъ и въ первый разъ, влетѣлъ къ намъ съ добычею: съ моею саблею и биноклемъ Прокопе; передавъ мнѣ эти вещи, онъ замѣтилъ, что сумки и пальто не видать, а что за саблею полковника онъ опять сходитъ; за эту смѣлую вылазку поплатилась только шапка Киселя, прострѣленная пулею; несмотря на мои самыя строгія приказанія, Кисель такимъ же порядкомъ сходилъ опять и за саблею полковника Прокопе, на этотъ разъ ему опять прострѣлили шапку, причемъ пуля задѣла голову; не захотѣвъ идти на перевязочный пунктъ, онъ попросилъ своимъ же платкомъ перевязать себѣ голову, и, оставшись на горѣ, своею веселостью и простымъ разсказомъ безъ хвастовства о своихъ вылазкахъ значительно способствовалъ поддержанію бодрости между людьми. Тутъ произошла вторая общая аттака нашимъ полкомъ главнаго редута, послѣ которой мы опять должны были вернуться на свои прежнія мѣста, потерявъ дорогою командира генерала Лаврова и много товарищей; счастье и тутъ улыбнулось Киселю—онъ вернулся совершенно цѣлымъ и невредимымъ. Наконецъ въ послѣднюю аттаку—удачную, Кисель, какъ и всегда, ранѣе бросившись впередъ, обогналъ всѣхъ, и затѣмъ я его увидѣлъ только на другой день, когда убирали всѣхъ убитыхъ, лежащимъ на брустверѣ, съ тремя штыковыми ранами въ груди и, конечно, бездыханнаго.

Шт.-кап. Пыхачевъ.

Дневникъ Лейбъ-Гренадера.

21-го Августа. Николаевская ж. д.

ъ воскресенье, 21-го августа и для нашего полка наступила очередь проститься со всѣмъ дорогимъ и отдаться полной неизвѣстности своей будущности. Выступленіе изъ Петербурга происходило по-эшелонно, причемъ весь полкъ былъ разбитъ на шесть эшалоновъ; первый изъ нихъ выступилъ въ семь часовъ двадцать минутъ утра, а послѣдній въ пять часовъ вечера. Въ день выступленія въ полку состояло пятьдесятъ-четыре офицера и три тысячи триста-пятьдесятъ штыковъ.

Такъ какъ мнѣ приходилось отправиться съ пятымъ эшелономъ, выступившимъ въ четыре часа десять минутъ дня, то я воспользовался свободнымъ утромъ, чтобъ сдѣлать еще кое-какія послѣднія закупки и ими завершить мои сборы въ походъ.

Около трехъ часовъ дня, я отправился на станцію Николаевской *желѣзной дороги*. При выходѣ изъ экипажа, мы были поражены густою массою народа, провожавшую отъѣзжавшихъ; самый-же воксалъ и платформа были, въ буквальномъ смыслѣ слова, запружены родными и знакомыми, которыми гвардейскіе офицеры, въ большинствѣ случаевъ, очень богаты.

Поѣздъ тронулся въ четыре часа десять минутъ дня.

Еще послѣ перваго звонка хоръ музыки заигралъ «полковой маршъ», но только что раздался третій, какъ музыка замолкла и нашъ знаменитый

корнетистъ Бѣлицкій исполнилъ соло изъ романса «Помолись, милый другъ, за меня». Мелодія этого романса, соединенная съ послѣднимъ свисткомъ поѣзда и неумолкаемымъ прощальнымъ «ура!», безъ сомнѣнія, должна была произвести не особенно пріятное впечатлѣніе на остающихся родныхъ и усилила и безъ того обильныя и неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ слезы.

Прощаясь съ родными, большинство изъ насъ выдержали характеръ, но грустное и очень тяжелое чувство камнемъ легло на душу, когда всѣ дорогія лица скрылись изъ нашихъ глазъ.

22-го Августа.

Продолжаемъ движеніе на Москву.

23-го Августа. Москва.

Въ Москву мы прибыли въ пять часовъ сорокъ минутъ утра; причемъ уже застали въ ней первые четыре эшелона нашего полка, шестой же и седьмой слѣдуютъ за нами.

Люди размѣщены частью въ Спасскихъ, а частью въ Покровскихъ казармахъ, офицеры-же въ гостинницахъ. Нашъ эшелонъ помѣстили въ гостинницѣ Толмачева.

Сегодня, утромъ, будучи въ Покровскихъ казармахъ, встрѣтилъ командира полка, который, на основаніи только-что полученнаго имъ изъ дѣйствующей арміи письма, сообщилъ, что Государь съ нетерпѣніемъ ждетъ насъ на театръ военныхъ дѣйствій и возлагаетъ на гвардію всѣ свои надежды.

Наши солдатики ведутъ себя примѣрно: пьяныхъ почти не видно.

24-го Августа. Московско-Курская ж. д.

Изъ Москвы нашъ эшелонъ тронулся въ пять часовъ дня, при отходѣ поѣзда не только платформа, но и вся мѣстность, прилегающая къ ней, были покрыты густыми толпами народа провожавшими насъ громкими «ура!».

25-го Августа.

Продолжаемъ движеніе на Курскъ.

На одной изъ промежуточныхъ станцій мѣстные жители раздавали нашимъ солдатикамъ полу-бѣлый хлѣбъ.

Въ Бастьевѣ мы встрѣтились съ санитарнымъ поѣздомъ. На немъ было много выздоравливающихъ, но были также безрукіе, безногіе и съ обезображенными лицами.

Какъ офицеры, такъ и солдаты тотчасъ-же бросились къ своимъ пострадавшимъ товарищамъ, распрашивали ихъ о дѣлахъ и желали скорѣйшаго выздоровленія; раненые, въ свою очередь, пожелали намъ благополучнаго возвращенія на родину. Здѣсь въ первый разъ даже при самомъ поверхностномъ осмотрѣ, намъ невольно бросилась въ глаза замѣчательная заботливость и вниманіе къ раненымъ, оказываемыя имъ со стороны сестеръ милосердія. Въ устройствѣ вагоновъ видна полная предусмотрительность: здѣсь на каждомъ шагу попадаются всевозможныя приспособленія для всѣхъ родовъ ранъ.

Это былъ одинъ изъ санитарныхъ поѣздовъ Цесаревны.

Когда тронулись наши товарищи, уже успѣвшіе пролить свою кровь за отечество, то мы провожали ихъ «Полковымъ маршемъ» и громкимъ «ура!»

26-го Августа. Курско-Кіевская ж. д.

Въ Курскъ мы прибыли въ часъ тридцать минутъ ночи. Нижнихъ чиновъ помѣстили въ деревнѣ, а намъ отвели нумера въ какой-то крайне грязной и изобилующей всякими насѣкомыми гостиницѣ, но такъ какъ ночью заниматься отыскиваніемъ болѣе удобнаго помѣщенія было не время, то пришлось довольствоваться и этимъ; къ тому-же, вѣдь надо-же когда-нибудь привыкать ко всѣмъ невзгодамъ походной жизни: можетъ быть придется еще ознакомиться и съ гораздо худшимъ помѣщеніемъ, а также за частую обходиться и вовсе безъ него!

Въ четыре часа десять минутъ дня мы двинулись далѣе на Кіевъ.

27-го Августа.

Всю ночь мы провели безъ сна. Причина этого обстоятельства заключается въ какомъ-то крайне-странномъ устройствѣ подвижнаго состава этой линіи: поѣздъ, прежде чѣмъ сдвинуться съ мѣста остановки, дѣлаетъ такіе страшные толчки, что положительно надо удивляться нашей цѣпкости, благодаря которой мы не перелетаемъ съ одного конца вагона на другой,—но за то наши вещи нерѣдко дѣлаютъ весьма значительные прыжки.

Вообще, какъ кажется, администрація этой линіи отличается замѣчательнымъ равнодушіемъ по отношенію ко всему тому, что происходитъ съ ея пассажирами: сегодня, втеченіе какихъ-нибудь десяти часовъ движенія, мы останавливались то посреди дороги, то на полу-станціяхъ,

которыя должны бы были миновать, по крайней мѣрѣ, разъ шесть; и каждый разъ—новая бѣда: то не хватаетъ дровъ, то воды, то является необходимость въ пропускѣ какого-нибудь поѣзда; словомъ, въ Бровары мы опоздали только на часъ!

Спрашивается: Когда-же будемъ въ Кіевѣ?

Семь часовъ вечера.

Опять стоимъ и когда двинемся—неизвѣстно! До Кіева остается всего восемьнадцать верстъ: авось до ночи дотащимся! (По росписанію движенія мы должны были быть въ Кіевѣ въ шесть часовъ вечера).

Простоявъ болѣе полу-часа, наконецъ, двинулись. Около восьми часовъ мы проѣзжали черезъ знаменитый Днѣпровскій мостъ.

Девять часовъ вечера.

Вотъ уже почти часъ какъ мы стоимъ на товарной станціи Кіева, до пассажирской осталось всего три версты; но тѣмъ не менѣе, по заявленію желѣзно-дорожнаго начальства, намъ удастся двинуться не ранѣе какъ часа черезъ полтора. Причиною такой маленькой задержки послужилъ какой-то миѳическій, почтовый поѣздъ, вышедшій съ пасажирской станціи Кіева уже десять минутъ тому назадъ и ожидаемый на товарную,—не ранѣе какъ черезъ полтора часа. Это объясненіе остановки поѣзда дано было намъ оберъ-кондукторомъ, но мы, конечно, отнеслись къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и, въ составѣ нѣсколькихъ человѣкъ, отправились для личныхъ переговоровъ съ начальникомъ станціи; но каково-же было наше удивленіе, когда послѣдній, вмѣсто всякихъ объясненій, сказалъ: «Да что вы волнуетесь, господа, еще не бѣда простоять два часа, иногда приходится стоять и по пяти.»

Одиннадцать часовъ вечера.

Слава Богу, наконецъ-то мы двинулись!

Прибыли въ Кіевъ въ одиннадцать часовъ пять минутъ ночи.

Нижніе чины расположены бивуакомъ около воксала, офицерамъ-же помѣщенія не было отведено вовсе, а потому намъ пришлось отыскивать себѣ пристанища въ гостиницахъ. Я и нѣсколько моихъ товарищей помѣстились въ «Европейской гостиницѣ», во многомъ сильно напоминающій мнѣ мой ночлегъ въ Курскѣ.

28-го Августа. Кіево-Брестская ж. д.

Продолжаемъ движеніе на Кишиневъ.

29-го Августа. Одесская ж. д.

Въ Жмеринку прибыли только въ пять часовъ утра (по росписанію движенія мы должны были быть въ ней въ двѣнадцать часовъ тридцать

семь минутъ ночи). Здѣсь эшелонъ былъ пересаженъ на одесскую желѣзную дорогу. Тутъ-же, между прочимъ, произошелъ случай, повторявшійся затѣмъ неоднократно въ другихъ мѣстахъ: только что наши люди принялись за щи, какъ, вслѣдствіе требованія желѣзно-дорожнаго начальства, раздался призывъ «къ вагонамъ»! и наши бѣдные солдатики, простясь со щами должны были наскоро хватать куски варенаго мяса, которое и составило всю ихъ дневную порцію.

Въ Бирзулу мы опоздали на шесть часовъ и желѣзнодорожное начальство, потерявъ надежду на возможность довести насъ до Унгенъ, испросило у завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ разрѣшеніе на высадку эшелона на станціи Корнешти.

30-го Августа.

Въ полдень мы прибыли на станцію Мирени (въ восемнадцати верстахъ отъ Кишинева) и простояли на ней до восьми часовъ вечера (вмѣсто десяти минутъ назначенныхъ росписаніемъ). На этой станціи была получена телеграмма, отмѣняющая высадку въ Корнешти и предписывающая везти насъ прямо въ Яссы, что́, какъ я полагаю, не особенно утѣшительно для ожидающихъ насъ войскъ дѣйствующей арміи, потому что пѣшкомъ мы, безъ сомнѣнія, дошли-бы несравненно скорѣе.

Въ Кишиневъ прибыли только въ девятомъ часу вечера; тогда какъ еще въ десять часовъ утра мы должны были быть въ Унгенахъ. Я полагалъ что только нашему эшелону такъ посчастливилось относительно всякаго рода остановокъ, но на повѣрку оказалось, что мы не составляемъ исключенія: при входѣ въ Кишиневскій вокзалъ я встрѣтилъ тутъ офицеровъ всего нашего полка, кромѣ шестаго эшелона, который, впрочемъ, также вскорѣ ожидается, но «нѣтъ худа безъ добра», какъ говоритъ русская пословица: сегодня у насъ много имянниковъ, а потому мы устроили здѣсь ужинъ съ шампанскимъ и музыкою и вечеръ прошелъ довольно незамѣтно; тѣмъ болѣе, что почти каждому изъ насъ было что́ поразсказать своимъ товарищамъ какъ о встрѣчахъ, такъ и о различныхъ курьезахъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, я считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о томъ радушномъ пріемѣ, который оказали нашему третьему эшелону жители Тулы: при выходѣ на платформу эшелонъ былъ встрѣченъ священникомъ и депутаціей, поднесли ему образъ Спасителя и хлѣбъ-соль; кромѣ того былъ приготовленъ прекрасный ужинъ, впродолженіи котораго все время гремѣла музыка, воксалъ освѣщенъ бенгальскими огнями.

31-го Августа.

Два часа дня.

Въ Кишиневѣ намъ не только пришлось ночевать, но и до сихъ поръ мы все еще «сидимъ у моря и ждемъ погоды», какъ гласитъ русская пословица.

Утромъ кишиневскій вокзалъ былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, наполненъ офицерами, такъ какъ, кромѣ нашего полка, сюда собрался и весь московскій.

Съ Московцами было еще болѣе приключеній, чѣмъ съ нами, такъ: одинъ изъ ихъ эшелоновъ два раза подвергся весьма сильной опасности: первый разъ ихъ поѣздъ налетѣлъ на товарный,—но по счастью, дѣло окончилось только сильнымъ поврежденіемъ одного изъ вагоновъ послѣдняго; во второй едва не произошло столкновенія съ пассажирскимъ,—и только въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень ихъ поѣзду былъ данъ задній ходъ и онъ благородно ретировался на предъидущую станцію.

Шесть часовъ вечера.

Наконецъ-то мы тронулись въ дальнѣйшій путь въ шесть часовъ вечера.

Въ восемь часовъ вечера мы, по какимъ-то неисповѣдимымъ судьбамъ, снова остановились среди дороги.

Вскорѣ насъ нагналъ шестой эшелонъ и также былъ остановленъ. Многіе изъ товарищей зашли въ нашъ вагонъ и сообщили намъ, что желѣзнодорожное начальство, ради уменьшенія накопленія поѣздовъ, къ ихъ поѣзду приказало прицѣпить одинъ изъ пассажирскихъ. Это вызвало нѣсколько остротъ. Кто-то изъ насъ пророчилъ, что имъ не добраться до Унгенъ, такъ какъ конь ихъ на дорогѣ крякнетъ;—и дѣйствительно, едва были окончены эти слова, какъ пронеслась ужасная вѣсть: оказалось, что трубы ихъ локомотива текутъ, а потому, очевидно, дальнѣйшее движеніе становится невозможнымъ.

Но какъ-же распорядилось, въ этомъ случаѣ, желѣзно-дорожное начальство? Оно безъ всякой церемоніи приказало отцѣпить нашъ локомотивъ и дать его шестому эшелону. Конечно, все это сдѣлано никакъ не ради воинскаго поѣзда.

Итакъ, мы ждемъ локомотива!

1-го Сентября.

Пять часовъ утра.

Вотъ уже прошло девять часовъ, какъ мы ждемъ локомотива, а его нѣтъ, какъ нѣтъ! Всѣ наши съѣстные припасы истреблены, и удовлетворить аппетиту положительно не чѣмъ; но, впрочемъ, что говорить о насъ: мы обѣдали вчера довольно поздно (въ четыре часа дня), но каково-то на-

шитъ бѣднымъ солдатикамъ, которые уже почти цѣлыя сутки ничего не ѣли, да и неизвѣстно когда еще представится имъ эта счастливая возможность. Хотя въ силу пословицы: «привычка вторая натура», безконечныя, и весьма продолжительныя остановки, повидимому, и должны-бы представить прекрасное средство для развитія похвальной привычки ѣсть черезъ день, но бѣда въ томъ, что нашъ желудокъ поддается этому не очень скоро! Вотъ, если-бы Одесская желѣзная дорога покатала насъ еще недѣльки съ двѣ, то мы вѣроятно достигли-бы въ этомъ смыслѣ нѣкотораго совершенства.

Шесть часовъ десять минутъ утра.

Слава Богу, локомотивъ прибылъ и мы двинулись!

На станцію Корнешти прибыли около семи часовъ утра. Немедленно было отдано приказаніе о приготовленіи пищи нижнимъ чинамъ, а мы отправились закусить въ воксалъ, къ чести котораго нужно сказать, что здѣсь кормятъ очень порядочно и берутъ недорого. Мнѣ особенно понравилось чистое виноградное вино (по пятидесяти копеекъ за бутылку).

Около воксала собралась цѣлая толпа крестьянъ со сливами и виноградомъ. Сливы здѣсь продаются по три копейки за рѣшето, а виноградъ по одной копейкѣ за фунтъ.

Выѣхали изъ Корнешти въ четыре часа дня.

Въ шесть часовъ тридцать-пять минутъ вечера раздались страшные двойные свистки, а вслѣдъ затѣмъ нашъ поѣздъ остановился: оказалось, что онъ чуть не налетѣлъ на пассажирскій, шедшій изъ Яссъ и показавшійся изъ-за горы, на крутомъ поворотѣ, такъ что случись эта пріятная встрѣча нѣсколькими секундами позже, то катастрофа сдѣлалась-бы неизбѣжною, но тутъ, по счастью, нашъ поѣздъ находился еще въ такомъ разстояніи отъ своего противника, что машинистъ во время успѣлъ затормозить ходъ, и оба богатыря остановились другъ передъ другомъ не далѣе, какъ въ тридцати саженяхъ. Простоявъ въ такомъ положеніи около десяти минутъ, нашъ vis-à-vis долженъ былъ ретироваться назадъ.

Въ восьмомъ часу мы прибыли въ Унгены.

Здѣсь я познакомился съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ, командированнымъ изъ Бреста въ Бухарестъ съ боевымъ транспортомъ. Онъ находится въ дорогѣ не болѣе не менѣе какъ полтора мѣсяца, изъ которыхъ въ одной Жмеринкѣ прождалъ двѣнадцать дней и почти столько-же высидѣлъ и въ Унгенахъ. По его словамъ, также быстро движутся и всѣ транспорты интендантскаго вѣдомства.

2-го Сентября. Г. Яссы.

Слава Богу, окончилось наше путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ, а съ нимъ печальная необходимость голодать, но, впрочемъ, что нападать

на желѣзныя дороги. Онѣ могутъ привести въ свое оправданіе хоть то обстоятельство, что, начиная съ курско-кіевской дороги, вездѣ одноколейный путь, слѣдствіемъ чего неминуемо является накопленіе поѣздовъ, дѣлающееся замѣтнымъ уже на кіево-брестской линіи; но желалъ-бы я знать: какъ объясняютъ свое внимательное отношеніе къ дѣлу гг. коменданты желѣзно-дорожныхъ станцій, которыхъ всегда заблаговременно извѣщали о прибытіи эшелона и которые, тѣмъ не менѣе, весьма часто отдавали заготовленную для эшелона пищу какимъ-либо другимъ приходящимъ командамъ и, не заготовивъ новой, отпускали нашимъ бѣднымъ солдатикамъ, вмѣсто щей и мяса, по шести копеекъ приварочныхъ денегъ; послѣдніе, получивъ эту сумму, положительно не знали, что дѣлать такъ какъ прокормиться на эти деньги, особенно еще при движеніи по желѣзнымъ дорогамъ, довольно трудно!

Нѣкоторые изъ этихъ господъ объясняли это нашимъ неисправнымъ движеніемъ; но едва-ли подобное объясненіе можно принять во вниманіе, тѣмъ болѣе, что если-бы варкѣ и пришлось прождать насъ такъ долго, что она сдѣлалась негодною къ употребленію, то отвѣтственность за это, безъ сомнѣнія, пала-бы никакъ не на нихъ.

Итакъ, мы простились съ Россіей и вступили на чуждую для насъ почву! Впрочемъ, Яссы еще во многомъ напоминаютъ намъ наше отечество, потому что здѣсь много русскихъ, особенно раскольниковъ и скопцовъ, не говоря уже объ извощикахъ, которые почти всѣ безъ изъятія принадлежатъ къ нашимъ соотечественникамъ; словомъ, на каждомъ шагу слышишь русскій говоръ.

Городъ имѣетъ очень приличную внѣшность: улицы чисты и широки, вымощены асфальтомъ; много есть хорошихъ магазиновъ. Лучшая въ городѣ гостиница, подъ названіемъ «Romania», имѣетъ хорошую обстановку и кормятъ въ ней сносно, за то и берутъ дорого; такъ: стаканъ чаю стоитъ одинъ франкъ, что̀ по курсу составляетъ на наши деньги сорокъ копѣекъ серебромъ.

3-го Сентября. Дер. Поэне.

Полкъ, раздѣленный на два эшелона, совершилъ переходъ въ восемнадцать верстъ изъ города Яссъ въ мѣстечко Поэне, гдѣ и расположился бивуакомъ на ночлегъ. Этотъ первый переходъ, совершенный подъ палящими лучами солнца и при полномъ отсутствіи всякой привычки къ походу какъ людей, такъ и лошадей, былъ для насъ въ высшей степени труденъ, а потому и на бивуакъ мы прибыли очень поздно и совершенно выбившись изъ силъ. Поэне—небольшое мѣстечко, не представляющее собою ничего интереснаго.

4-го Сентября. Мѣстечко Кодоэшти.

Сдѣлавъ переходъ въ двадцать-пять верстъ, полкъ расположился бивуакомъ въ мѣстечкѣ Кодоэшти.

Командиръ полка и полковой штабъ помѣстились во дворцѣ князя Гика, бывшаго нѣкогда молдавскимъ господаремъ. Дворецъ этотъ представляетъ собою замѣчательную смѣсь роскоши и убожества: здѣсь, на некрашеномъ полу стоитъ богатая мебель и драгоцѣнныя вазы и на голыхъ стѣнахъ висятъ превосходныя штофныя драпри.

Кодоэшти—значительно больше Поэне; въ немъ много русскихъ, но главную массу населенія составляютъ евреи, въ рукахъ которыхъ находится вся мѣстная торговля, а потому всякому, кто сегодня до четырехъ часовъ дня не успѣлъ закупить съѣстныхъ припасовъ, придется сидѣть на діэтѣ, такъ какъ завтра у евреевъ новый годъ и всѣ, безъ изъятія, лавки будутъ заперты.

5-го Сентября.

Сегодня у насъ дневка.

6-го Сентября. Г. Васлуй.

Послѣ двадцати-пяти-верстнаго перехода, мы прибыли въ городъ Васлуй, гдѣ расположились бивуакомъ. Васлуй, по своему внѣшнему виду, во многомъ напоминаетъ уѣздные города Малороссіи. Главную массу населенія его составляютъ тѣ-же евреи, русскихъ очень мало, хотя и есть даже русская гостинница или, вѣрнѣе сказать, харчевня (содержимая однимъ ярославцемъ), въ которой, впрочемъ, дерутъ вполнѣ по румынски и кормятъ очень скверно.

7-го Сентября. Дер. Диколины.

Переходъ въ шестнадцать верстъ.

Русскаго языка уже не слышно и единственнымъ напоминаніемъ нашего отечества (и то Малороссіи) могутъ служить развѣ только неизбѣжно встрѣчаемыя на каждомъ шагу воловьи подводы, представляющія собою по своимъ деревяннымъ осямъ и очень незатѣйливой упряжи первообразъ перевозочныхъ средствъ. Главную массу населенія составляютъ и здѣсь евреи. Кстати скажу о нихъ нѣсколько словъ: потомки Израиля, поселившіеся въ Румыніи, представляютъ собою совершенно иной типъ, чѣмъ русскіе: грязь нашихъ замѣняется нѣмецкою опрятностью здѣшнихъ; также—румынскій еврей, по крайней мѣрѣ по внѣшности,

отличается гораздо меньшею продажностью, сравнительно съ русскимъ; впрочемъ, это и совершенно естественно, такъ какъ у насъ всѣ они занимаются исключительно торговлею, здѣсь-же значительный процентъ—земледѣліемъ и скотоводствомъ.

8-го Сентября. Г. Бырлатъ.

Сегодня пришли на ночлегъ очень поздно, потому что переходъ состоитъ изъ тридцати-пяти верстъ.

Обѣдали, или вѣрнѣе ужинали, въ лучшей гостинницѣ города, носящей названіе: «Bella Romania»; кормятъ въ ней сносно и берутъ значительно дешевле, чѣмъ во всѣхъ предъидущихъ.

9-го Сентября.

Сегодня обѣдалъ въ «Петербургскомъ ресторанѣ» и очень жалѣю, такъ какъ въ немъ обѣдъ и хуже и дороже, чѣмъ въ гостиницѣ «Romania».

Послѣ обѣда ѣздилъ по дѣламъ службы въ городской префекторатъ, гдѣ впервые познакомился съ румынскими чиновниками, изъ нихъ главные произвели на меня извѣстное впечатлѣніе, какъ люди хорошо воспитанные и въ совершенствѣ владѣющіе французскимъ языкомъ, о степени образованія ихъ судить, конечно, довольно трудно; но за-то этого затрудненія не встрѣчается относительно мелкаго чиновничьяго мірка, представляющаго собою крайне безотрадную картину: засаленное и ободранное платье, небритая физіономія и полное отсутствіе всякихъ слѣдовъ европейской цивилизаціи—вотъ характерные признаки людей этого рода.

На возвратномъ пути я ознакомился нѣсколько и съ самымъ городомъ, который значительно больше и чище Васлуя, улицы вымощены порядочно, но большинство домовъ состоитъ изъ тѣхъ-же мазанокъ, покрытыхъ соломою, какъ и въ Васлуѣ; однако, въ видѣ исключенія, иногда попадаются зданія, имѣющія видъ красивыхъ загородныхъ дачъ.

10-го Сентября. Гидежени.

Сдѣлавъ переходъ въ двадцать верстъ, мы остановились на полустанціи Бырлатской желѣзной дороги, Гидижени. Такъ какъ квартиръ здѣсь не оказалось, то всѣ офицеры помѣстились въ палаткахъ, и только для командира полка и небольшой части полковаго штаба былъ отведенъ станціонный домъ.

11-го Сентября. Г. Текучъ.

Послѣ двадцати-четырехъ-верстнаго перехода мы прибыли въ городъ Текучъ. Это небольшой городишко, крайне грязный и не имѣющій ни одного мало-мальски порядочнаго магазина, но за-то въ немъ есть театръ, но какой?... Невообразимый!

12-го Сентября. Г. Фокшаны.

Такъ какъ отъ города Текучъ до Фокшанъ по шоссе считается сорокъ двѣ версты, то весь полкъ, за исключеніемъ обоза, двинулся по проселочной дорогѣ, но, не взирая на довольно значительную разницу въ протяженіи этихъ дорогъ (около 12-ти верстъ), благодаря непроходимой грязи и толстому слою глины, крайне затруднявшему движеніе, мы пришли всего на часъ ранѣе обоза.

Знаменитыя побѣдами Суворова—Фокшаны, хотя и неособенно красивый, но довольно большой и благоустроенный городъ; въ немъ двѣ хорошія гостинницы, нѣсколько банкирскихъ конторъ, много порядочныхъ магазиновъ и зданій.

13-го Сентября.

Дневка.

Утромъ, проходя по базару, я невольно обратилъ вниманіе на одну вывѣску: «Русская харчевня». Будучи за-границею, проходить мимо всего русскаго, по моему мнѣнію, грѣхъ, а потому и счелъ необходимымъ зайти въ харчевню. Оказалось, что хозяйка ея—уроженка херсонской губерніи, живущая въ Румыніи уже пятнадцать лѣтъ и, тѣмъ не менѣе, отъ всей души ненавидящая румынъ: по ея словамъ, они относятся враждебно не только ко всѣмъ русскимъ переселенцамъ, но даже и къ проходящимъ черезъ ихъ территорію нашимъ войскамъ.

Все это вѣроятно въ благодарность за наше серебро и золото, котораго мы оставили въ Румыніи не малое количество.

Не даромъ-же кто-то изъ моихъ товарищей сострилъ, что звонкая монета всей Румыніи состоитъ изъ четырехъ «Leu», изъ которыхъ два отчеканены въ ознаменованіе восшествія на престолъ Карла и два—въ честь его бракосочетанія. И дѣйствительно, еслибы было возможно собрать всю румынскую монету, то, пожалуй, оказалось-бы весьма немногимъ болѣе четырехъ «Leu», такъ какъ въ обращеніи приходится встрѣчаться исключительно только съ нашими родными четвертаками, полтинниками, рублями и полуимперіалами.

Обѣдалъ въ гостинницѣ «Петербургъ», гдѣ въ первый разъ, послѣ перехода границы, намъ удалось имѣть въ рукахъ русскую газету «Новое

Время». Вообще эта гостинница отличается замѣчательною предупредительностью относительно русскихъ офицеровъ. Слѣдствіемъ такой предупредительности было появленіе въ нашей столовой пѣвца, который, подъ акомпаниментъ гитары, затянулъ всѣмъ извѣстную русскую пѣсню: «По улицѣ мостовой», но тутъ-то, какъ говоритъ нашъ православный народъ, онъ и опростоволосился, потому что, вслѣдствіе маленькой перестановки словъ, у него вышло слѣдующее:

По улицѣ молодой
Шла дѣвица ключевой
За водицей мостовой.

14-го Сентября. Мѣстечко Тырго-Кукулуй.

Хотя весь сегодняшній переходъ и составляетъ всего восемьнадцать верстъ, тѣмъ не менѣе, на бивуакъ мы пришли очень поздно, благодаря страшной распутицѣ, являющейся слѣдствіемъ проливныхъ дождей, которые насъ преслѣдуютъ еще съ Фокшанъ.

Тырго-Кукулуй — это ничтожное мѣстечко, въ которомъ нѣтъ ни одного строенія могущаго носить названіе дома, а потому даже командиру полка было отведено такое помѣщеніе, которое скорѣе можно назвать курятникомъ, нежели избою; вдобавокъ къ этому всѣ стеклы выбиты, такъ что по всему помѣщенію свирѣпствуетъ сквознякъ.

За послѣдніе дни температура замѣтно понизилась и дуютъ сильные вѣтры. Все это вмѣстѣ съ проливными дождями крайне дурно отзывается на нашихъ бѣдныхъ солдатикахъ, которые, не имѣя возможности просушить своихъ палатокъ, не только вынуждены спать въ сырости, но еще и таскать на себѣ весьма почтенный грузъ, потому что намокшая палатка очень тяжела.

15-го Сентября. Г. Рымникъ.

Послѣ двадцати-верстнаго перехода мы достигли знаменитаго въ исторіи Россіи Рымника; здѣсь еще до сего времени сохранились два памятника побѣдъ Суворова.

Рымникъ меньше Фокшанъ; въ немъ нѣтъ ни большихъ магазиновъ, ни особо-красивыхъ зданій, но тротуары, мосты и водопроводы не хуже, чѣмъ въ Фокшанахъ.

Большинство изъ насъ обѣдало въ лучшей гостинницѣ города, носящей названіе «Россія», въ которой, не взирая на родное для русскихъ имя, дерутъ съ насъ хуже, чѣмъ въ какой-нибудь «Hôtel Romania», «Bella Romania» и т. п.; однако, несмотря на это, большинство моихъ

товарищей сидитъ въ «Россіи» безвыходно и платитъ за это удовольствіе страшныя деньги, причиною такой осѣдлости служитъ хорошенькая буфетчица, родомъ сербянка.

16-го Сентября. Г. Бузео.

Сдѣлавъ переходъ въ тридцать-двѣ версты, мы остановились на ночлегъ и дневку въ городѣ Бузео, при входѣ въ который полкъ былъ встрѣченъ командующимъ дивизіей, нашедшимъ какъ людей, такъ и полковой обозъ въ прекрасномъ состояніи. Бузео, по своему внѣшнему виду и величинѣ, напоминаетъ во многомъ Фокшаны; но въ населеніи замѣтна разница: здѣсь главную массу жителей составляютъ валахи, говорящіе болѣе мягкимъ и чистымъ языкомъ, чѣмъ молдоване; евреи встрѣчаются рѣдко; приказчики лучшихъ магазинахъ знакомы съ французскимъ и, отчасти, съ нѣмецкимъ языками; русскій-же мало употребителенъ.

Въ городѣ есть нѣсколько хорошихъ гостинницъ; лучшія между ними «Молдавія» и «Concordia», первая изъ нихъ построена въ западно-европейскомъ вкусѣ и имѣетъ прекрасный садъ...

17-го Сентября.

Дневка.

18-го Сентября. Г. Мезиль.

Переходъ въ тридцать-двѣ версты.

Мѣста, черезъ которыя намъ приходилось сегодня проходить, отличаются замѣчательною плотностью населенія: не говоря уже о долинахъ, почти сплошь покрытыхъ пашнями,—здѣсь не пропадаетъ даромъ ни одна скала, и по нимъ, также какъ и по горамъ, лѣпится цѣлая масса домиковъ. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько таборовъ цыганъ, представляющихъ, по своимъ ободраннымъ костюмамъ, еще болѣе безотрадную картину, чѣмъ наши.

Уже 5-й день какъ дожди смѣнились палящимъ солнцемъ, вслѣдствіе чего переходы сдѣлались крайне утомительными и наши солдатики начинаютъ поминать добромъ даже свои мокрыя палатки. Вообще, какъ видно, человѣку угодить трудно!

На бивуакъ прибыли въ пятомъ часу.

Мезиль маленькій городишко, въ которомъ не только нѣтъ ни одной сносной гостинницы, но даже и базаръ существуетъ только номинально.

19-го Сентября. Альбэшти.

Послѣ шестьнадцати-верстнаго перехода мы достигли мѣстечка Альбэшти, состоящаго всего изъ пятьнадцати дворовъ, вслѣдствіе чего за всѣми съѣстными припасами приходится посылать за 4 версты.

20-го Сентября. Плоэшти.

Сдѣлавъ переходъ въ шестьнадцать верстъ, полкъ расположился на ночлегъ и дневку въ Плоэшти—довольно большомъ и благоустроенномъ городѣ, но съ крайне узкими, кривыми и запутанными улицами.

Сегодня прибыли къ полку двое изъ нашихъ товарищей, командированныхъ еще въ началѣ лѣта въ Кавказскую армію; двое-же другихъ находятся еще въ дорогѣ,—ожидаются не ранѣе какъ дня черезъ два.

Обѣдать мы отправились въ гостинницу «Молдавію», гдѣ остановились наши Кавказцы, и вотъ тутъ, за стаканомъ пива, они намъ поразсказали много, касающагося стратегическаго положенія нашей арміи на Кавказѣ, состоянія войсковаго хозяйства, звѣрства турокъ и т. п.

По ихъ словамъ, Кавказская армія до сихъ поръ не терпитъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, но за то большой—въ одеждѣ и обуви; войсковые обозы, благодаря своей конструкціи, совершенно неприспособленной къ движенію по горамъ, пришли въ окончательное разстройство, такъ что турки, употребляющіе для перевозки всѣхъ грузовъ вьючинныхъ лошадей и ословъ, оказываются, сравнительно съ нами, въ большой выгодѣ.

По поводу дальнѣйшихъ дѣйствій нашей арміи существуетъ нѣсколько противорѣчивыхъ мнѣній; одни полагаютъ, что въ нынѣшнемъ году еще возможны серьезныя дѣйствія, другія-же, напротивъ, считаютъ компанію этого года уже оконченою и въ подтвержденіе своего мнѣнія, между прочимъ, приводятъ и то обстоятельство, что какъ русскіе, такъ и турки съ нѣкотораго времени ограничиваются дѣйствіями одной пассивной обороны; правда, Измаилъ-паша пытался два раза двинуться впередъ, но и то къ этому его побудили не стратегическія соображенія, но холодъ и снѣгъ, такъ какъ его позиціи была на горахъ, наша-же въ долинѣ.

Относительно звѣрствъ, производимыхъ баши-бузуками, наши Кавказцы говорятъ, что они сами были неоднократно ихъ свидѣтелями; такъ въ одной деревнѣ, только что оставленной турками, они наткнулись на трупы обезглавленнаго старика, беременной женщины, съ распоротымъ желудкомъ, и молодой дѣвушки, которую злодѣи изнасиловали и страшно изуродовали.

21-го Сентября.

Дневка.

Большинство изъ насъ обѣдало въ гостинницѣ «Викторія», которая не только по качеству обѣда, но и по относительной дешевизнѣ его стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ извѣстныхъ намъ румынскихъ гостинницъ.

22-го Сентября. Чолпаны.

Послѣ двадцати-двухъ-верстнаго перехода, мы остановились въ Чолпанахъ, гдѣ находится женскій монастырь.

Около двухъ часовъ дня раздались удары пономаря въ чугунную доску. Этотъ обычай сохраняется въ Румыніи въ воспоминаніе еще временъ гоненія, когда колокольный звонъ очевидно не могъ имѣть мѣста. Простучавъ около 10 минутъ, пономарь отправился на колокольню и вслѣдъ затѣмъ раздался призывной звукъ колокола. Я былъ удивленъ несвоевременностью богослуженія, а потому отправился посмотрѣть въ чемъ дѣло: оказалось, что происходилъ обрядъ погребенія одного изъ румынъ, который, какъ говорятъ, былъ отравленъ своею женою.

Обстановка церкви, одежда священниковъ и самая обрядная сторона почти ни чѣмъ не отличается отъ нашихъ.

23-го Сентября. Бонсаръ.

Сдѣлавъ переходъ въ двадцать-шесть верстъ, мы остановились на ночлегъ въ Бонсарѣ, состоящемъ всего изъ однаго дома и еще одной руины какого-то средне-вѣковаго замка, а потому, не взирая на крайне неблагопріятную погоду, всѣмъ намъ пришлось помѣститься подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ, мы сидѣли здѣсь недолго: не прошло и часу послѣ прихода полка, какъ въ Бухарестѣ, или, какъ его называютъ румыны, «маленькій Парижъ», потянулся цѣлый кортежъ офицеровъ.

Главная улица Бухареста, подобно нашему Невскому проспекту, представляетъ нескончаемый рядъ магазиновъ, между которыми есть нѣсколько торгующихъ русскими офицерскими вещами; также и въ книжныхъ лавкахъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ книгами, на первомъ листѣ которыхъ красуются слова «Москва» или «Петербургъ». На той-же улицѣ находится и главная гостинница города «Grand hôtel de Boulevard», весьма похожая на «Славянскій Базаръ» въ Москвѣ: здѣсь также, какъ и въ «Базарѣ» обѣдаютъ въ роскошномъ саду, увѣнчаннымъ стекляннымъ куполомъ.

24-го Сентября. Жилява.

Выступили изъ Бонеазъ въ шесть часовъ утра.

При входѣ въ Бухарестъ, полку былъ произведенъ смотръ начальникомъ тыла арміи, генералъ-адъютантомъ Дрентельнъ, при чемъ какъ личный составъ полка, такъ и обозъ генералъ Дрентельнъ нашелъ въ отличномъ состояніи.

На ночлегъ и дневку полкъ остановился въ мѣстечкѣ Жилявѣ, находящейся въ двѣнадцати верстахъ отъ Бухареста.

Вечеромъ ко мнѣ зашелъ мой сосѣдъ по комнатѣ, мѣстный агентъ (изъ евреевъ) товарищества Когенъ, Горвицъ и ком., съ этимъ агентомъ, отъ нечего дѣлать, я и проболталъ почти весь вечеръ; причемъ, конечно, на первый планъ выдвинулся еврейскій вопросъ. Мой собесѣдникъ горько жаловался нв угнетеніе своихъ единоплеменниковъ въ Румыніи, такъ какъ здѣсь они лишены не только всѣхъ политическихъ правъ, но также и многихъ гражданскихъ. Этимъ-то тяжелымъ положеніемъ румынскихъ евреевъ объясняется, между прочимъ, ихъ симпатія къ Россіи, гдѣ ихъ единоплеменники поставлены несравненно лучше.

25-го Сентября.

Дневка.

Хотя Жилява и имѣетъ церковь, а потому какъ-бы соотвѣтствуетъ нашему селу, но достать въ ней рѣшительно ничего нельзя, и даже за хлѣбомъ приходится посылать въ Бухарестъ.

26-го Сентября. Калугурени.

Сдѣлавъ переходъ въ двадцать двѣ версты, полкъ остановился на ночлегъ въ дер. Калугурени, которая еще меньше и бѣднѣе Жилявы.

27-го Сентября. Дер. Киріяку.

Переходъ въ тридцать пять верстъ.

Стоянка еще хуже предъидущей.

Начинаетъ пахнуть порохомъ —вотъ уже второй день, какъ до насъ доносятся звуки канонады, происходящей между Рущукомъ и Журжево.

28-го Сентября. Дер. Путинею.

Благодаря проливнымъ дождямъ, преслѣдующимъ насъ уже четвертый день сряду, всѣ проселочныя дороги, по которымъ намъ приходится теперь слѣдовать, сдѣлались почти непроходимыми, а потому обозныя лошади

зачастую, не взирая на всѣ ихъ усилія, не могутъ вытянуть повозки изъ липкой грязи, такъ что почти весь переходъ обозъ тащили на своихъ плечахъ наши бѣдные солдатики. Въ виду всего этого, несмотря на то, что отъ Киріяку до Путинею всего пятнатцать верстъ, мы прибыли на бивуакъ только въ пятомъ часу вечера.

Въ Путинею во главѣ мѣстной администраціи, кромѣ примара, стоитъ еще и нашъ комендантъ, какой-то маіоръ, несчитающій нужнымъ вылѣзать изъ халата даже и тогда, когда онъ принимаетъ къ себѣ по службѣ совершенно незнакомыхъ ему офицеровъ. Вотъ съ этимъ-то бариномъ мнѣ пришлось, въ качествѣ начальника команды квартирьеровъ, имѣть объясненіе по поводу отведенія квартиръ.

Не взирая, съ одной стороны, на всѣ мои усилія убѣдить его въ нашемъ правѣ на свободныя квартиры, а съ другой — даже и на согласіе мѣстнаго примара, нашъ маіоръ, вѣроятно вслѣдствіе нежеланія разстаться съ своимъ халатомъ, стоялъ на томъ, что намъ квартиръ не полагается, такъ что во избѣжаніе необходимости остаться двое сутокъ подъ проливнымъ дождемъ, мы вынуждены были за каждую конурку платить отъ пяти до десяти франковъ въ день.

29-го Сентября.

Дневка.

Обѣдали въ одной корчмѣ, гдѣ, впрочемъ, кормятъ не хуже, чѣмъ въ любой румынской гостинницѣ, а берутъ значительно дешевле; бѣда только въ томъ, что добраться до нея очень не легко, какъ какъ она представляетъ собою островъ, лежащій среди моря грязи. Такъ какъ вслѣдствіе страшной распутицы, однихъ обозныхъ лошадей для дальнѣйшаго движенія оказалось совершенно недостаточно, то полкъ обратился съ просьбою о содѣйствіи къ коменданту; послѣдній-же сначала говорилъ, что что намъ подводъ не полагается вовсе, но когда его въ этомъ разубѣдили, то онъ, не двигаясь съ мѣста, объявилъ прямо, что во всей деревнѣ нѣтъ ни одной свободной подводы; хотя мы ссылались на то, что собственными глазами видѣли ихъ нѣсколько, онъ, считая вѣроятно насъ страждущими галюцинаціей зрѣнія, оставался при своемъ.

Такъ какъ при такомъ положеніи дѣла намъ пришлось бы оставить въ Путинею чуть не треть своего обоза и всѣхъ слабыхъ нижнихъ чиновъ, то командиръ полка былъ вынужденъ прибѣгнуть къ реквизиціи, посредствомъ которой, несмотря на ночное время, было собрано десять подводъ.

Желалъ бы я знать, какъ понимаетъ свои обязанности г. комендантъ: считаетъ ли онъ, что онѣ состоятъ въ содѣйствіи войскамъ или-же, наоборотъ—въ противодѣйствіи всѣмъ ихъ законнымъ требованіямъ?

30-го Сент. Дер. Бригадиръ.

Утромъ продолжалась реквизиція подводъ, начатая въ эту ночь; взято еще четыре подводы. Выступили съ бивуака въ шесть часовъ утра, а въ Бригадиръ прибыли только въ девятомъ часу вечера. Причина столь поздняго прибытія заключается въ томъ, что сегодня намъ пришлось совершить такой переходъ, какого еще не было за все время похода: при проливномъ дождѣ, сильномъ встрѣчномъ вѣтрѣ и непроходимой, почти по колѣно грязи, полку пришлось сдѣлать добрыхъ тридцать верстъ; къ этому нужно еще прибавить, что нескончаемые подъемы и спуски окончательно парализоровали движеніе нашихъ повозокъ, которыя, вслѣдствіе этого, до самаго Бригадира тащились нашими бѣдными людьми. Кромѣ всего сказаннаго, намъ пришлось еще втеченіе двухъ съ половиною часовъ стоять около моста и ждать, пока всѣ наши повозки по одиночкѣ переправятся на другую сторону. Эта медленная переправа произошла отъ того, что при въѣздѣ на мостъ находится столь значительная топь, что, не взирая на девятичасовую работу цѣлой роты, высланной еще съ вечера для ихъ завалки хворостомъ и соломой, она мѣстами покрываетъ грязью всю лошадь.

Въ Бригадирѣ, слава Богу, нѣтъ коменданта подобнаго тому, съ которымъ мы имѣли счастіе познакомиться въ Путенею, а потому намъ были отведены квартиры, но людямъ, вслѣдствіе темноты, нельзя было выбрать порядочнаго бивуака, такъ что имъ пришлось спать въ страшной грязи. Бригадиръ ни по своей внѣшности, ни по постройкамъ ничѣмъ не отличается отъ предъидущихъ деревень. Гостинницъ конечно въ немъ нѣтъ, но есть одна сносная корчма.

1-го Окт. Зимница.

Слава Богу, погода измѣнилась къ лучшему, но грязь, очевидно, не успѣла еще высохнуть, а потому и сегодняшній переходъ принадлежитъ къ числу очень тяжелыхъ, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть его состоитъ изъ тѣхъ-же подъемомъ и спусковъ, какъ и вчера, и только верстъ за десять отъ Земницы горы исчезаютъ и замѣняются необозримою равниною, растилающеюся вдоль низоваго берега Дуная, нагорный же берегъ (Турецкій) весьма высокъ, обрывистъ и мѣстами изрытъ ложементами и траншеями; такимъ образомъ, онъ представляетъ собою почти идеальную позицію, съ которой равнина лѣваго берега видна какъ на ладони, а потому я положительно не могу не удивляться туркамъ, совершенно не умѣвшимъ воспользоваться такимъ прекраснымъ средствомъ обороны и допустившимъ переправу нашихъ войскъ съ столь незначительными потерями.

Зимницы, хотя и довольно большой городокъ, но въ немъ нѣтъ ни одной свободной лачужки, такъ какъ здѣсь, ожидая возможности пере-

правиться, собирается огромное количество всевозможныхъ транспортовъ, присутствіе которыхъ дѣлается замѣтнымъ еще на значительномъ разстояніи: почти три версты до Зимницы намъ то и дѣло стала попадаться на глаза падаль, количество которой, по мѣрѣ приближенія къ городу, возрастаетъ такъ быстро, что около самой Зимницы даже наши солдатики, отличающіеся довольно крѣпкими нервами, затыкали себѣ носы шинелями. Итакъ, по приходѣ въ Зимницу, за неимѣніемъ свободныхъ квартиръ, намъ было предложено расположиться бивуакомъ по невообразимому берегу Дуная, къ чему и пришлось прибѣгнуть почти всѣмъ моимъ товарищамъ, и только весьма не многіе счастливцы, за очень солидное вознагражденіе, нашли себѣ уголъ подъ крышей.

Къ довершенію благополучія нашихъ бѣдныхъ людей, полковой квартирмистръ заявилъ, что пища для нижнихъ чиновъ приготовлена быть не можетъ, такъ какъ, вслѣдствіе классической грязи, доставка дровъ и продуктовъ является дѣломъ физически невозможнымъ.

2-го Октября.

Въ виду невозможности переправы, такъ какъ мостъ черезъ Дунай занятъ какими-то транспортами, намъ назначена дневка, что́ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ Зимницы представляютъ послѣдній пунктъ, въ которомъ можно запастись различными предметами, необходимыми для дальнѣйшаго похода.

Хотя Зимницы въ мирное время занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду торговыхъ городовъ Румыніи, но теперь этотъ городъ буквально превратился въ одинъ громадный рынокъ: на каждомъ шагу здѣсь встрѣчаешься то съ магазиномъ, то съ открытою лавочкою, въ родѣ нашихъ такъ-называемыхъ столбовъ, то наконецъ съ торговцами съ лотка; нѣтъ также недостатка и во всевозможныхъ барышникахъ, моклакахъ и комиссіонерахъ, большинство изъ этихъ господъ принадлежитъ или къ потомкамъ Израиля, или къ нашимъ соотечественникамъ.

Однако, хотя здѣсь ни въ товарѣ, ни въ личныхъ услугахъ недостатка нѣтъ, но пріобрѣсти что-либо, во всякомъ случаѣ, является дѣломъ далеко не легкимъ, потому что добраться до лавокъ—это положительно подвигъ и при томъ такой, о совершеніи котораго пѣшкомъ нечего и помышлять: я пожалѣлъ своего коня, но за то и былъ наказанъ тѣмъ, что влѣзъ въ грязь обутымъ, а вылѣзъ всего объ одномъ сапогѣ, и только послѣ десяти минутнаго стоянія, подобно журавлю, на одной ногѣ и самыхъ тщательныхъ розысковъ моего затонувшаго имущества, мнѣ удалось сначала извлечь изъ грязи чью-то калошу, а уже за ней и свой сапогъ.

Но нужно прибавить, что мѣсто, на которомъ со мной случился этотъ казусъ, принадлежитъ къ числу самыхъ сухихъ; такъ: на главной улицѣ

вслѣдствіе постояннаго движенія по ней транспортовъ и болотистаго грунта земли, мѣстами есть такіе провалы, что не только сапогъ, но и весь всадникъ, вмѣстѣ съ конемъ, и даже цѣлая повозка, говоря безъ малѣйшаго преувеличенія, буквально исчезаютъ съ лица земли.

Въ два часа дня пришло неожиданное извѣстіе: мы идемъ подъ Рущукъ, въ отрядъ Наслѣдника Цесаревича.

3-го Окт. Дер. Царевичъ.

Итакъ, сегодня мы перешагнули черезъ Дунай и вступили въ предѣлы Высокой Порты. Впрочемъ, выраженіе «перешагнули» мною употреблено совершенно неправильно, и дай Богъ, чтобы комомъ только былъ первый блинъ, а то если мы также скоро будемъ шагать и далѣе, то уйдемъ очень не далеко: между Зимницей и Царевичемъ всего семь верстъ и тѣмъ не менѣе, благодаря совмѣстной переправѣ насъ съ интендатскими транспортами, а также и вслѣдствіе почти отвѣсныхъ подъемовъ и спусковъ невылазной грязи, нашъ обозъ добрался до бивуака только въ одиннадцать часовъ вечера, причемъ не уцѣлѣло почти ни одной повозки: гдѣ сломано дышло, гдѣ передокъ, а гдѣ даже оси колесъ, а относительное благополучія (въ смыслѣ продовольствія), которымъ мы пользовались во время похода по Румыніи, прекратилось—бѣлый хлѣбъ, который намъ доставлялся агентствомъ, теперь надо забыть и, взамѣнъ его, приниматься за сухари.

Окрестности Царевичъ, благодаря своему холмистому очертанію и большему количеству шумящихъ горныхъ ручьевъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе живописныхъ изъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми мы познакомились за время похода. Самая деревня очень не велика и значительно бѣднѣе многихъ румынскихъ, квартиръ нѣтъ не только для полковаго штаба, но даже для командира полка, а потому всѣ мы расположились въ палаткахъ.

4-го Октября.

Капитальныя поврежденія нашего обоза вызвали необходимость дать намъ дневку.

Погода стоитъ сносная, но ночевать очень холодно; особенно это становится замѣтнымъ утромъ, при пробужденіи.

5-го Окт. Горный Студень.

Ночью получена телеграмма, измѣняющая наше дальнѣйшее движеніе: гвардія идетъ не въ корпусъ Цесаревича, какъ это было назначено прежде, но подъ Плевно.

Выступили въ шесть часовъ утра.

На половинѣ пути мы встрѣтили одного генерала (принадлежащаго къ составу полеваго штаба), ѣхавшаго на рекогносцировку окрестностей города Систова, на случай какихъ-либо непредвидѣнныхъ событій. Генералъ, говоря о нашемъ назначеніи, сказалъ, между прочимъ, что Османъ еще весьма силенъ, нашъ-же облегающій Плевну корпусъ настолько малочисленъ, что турки имѣютъ возможность безпрепятственно провозить свои транспорты изъ Софіи къ Плевно.

Въ виду этого наша будущая задача сводится, во-первыхъ—къ отраженію весьма возможной вылазки Османа, а во-вторыхъ, къ захвату вышеупомянутыхъ транспортовъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы можемъ порадоваться, что на долю гвардіи выпала довольно серьезная задача, но, съ другой стороны, надо не дремать, такъ какъ съ фронта намъ будетъ угрожать Османъ, а съ тыла—вновь формируемая армія Шакира.

По поводу боевыхъ качествъ турецкой арміи генералъ замѣтилъ, что турки дерутся довольно храбро, вооружены отлично и въ огнестрѣльныхъ припасахъ имѣютъ даже большой избытокъ: въ ихъ укрѣпленіяхъ, на каждыхъ пятнадцать, двадцать шаговъ находится всегда большой ящикъ съ патронами, которыми они пополняютъ разстрѣленные.

Подходя къ Горному Студеню, въ виду предстоящей встрѣчи полка Государемъ Императоромъ, мы пріостановились, съ цѣлью приведенія какъ самихъ себя такъ и людей въ болѣе или менѣе приличный видъ: солдатики принялись отчищать свое платье отъ налипшей на него грязи, а офицеры извлекли изъ обоза новые мундиры.

Результатомъ этихъ приготовленій было то, что, по словамъ Государя, полкъ представился Ему въ такомъ отличномъ состояніи, какъ будто сейчасъ только выступилъ изъ своихъ казармъ. Когда послѣ прохожденія мимо Его Величества, мы были остановлены, то Государь, объѣхавъ всѣ роты, весьма милостиво разговаривалъ со многими офицерами и нижними чинами.

Прощаясь съ нами, Государь снялъ фуражку и, вмѣстѣ съ полкомъ, помолился о возможно-меньшихъ потеряхъ и скорѣйшемъ возвращеніи насъ на родину.

На бивуакъ прибыли около шести часовъ вечера и остановились не въ самой деревнѣ, но на полѣ, въ разстояніи около версты отъ нея.

Ночью поднялся такой страшный вѣтеръ, что многія изъ палатокъ были снесены.

6-го Окт. Дер. Радомірцы.

Переходъ въ тридцать верстъ.

На бивуакъ пришли около семи часовъ вечера.

Ночной холодъ усилился до такой степени, что не только вся палатка покрывается инеемъ, но даже вода, оставленная на ночь въ стаканѣ, совершенно замерзаетъ.

Деревня Радомірцы ни по внѣшнему виду, ни по матеріальному благосостоянію своему почти не отличается отъ деревни Царевичъ.

7-го Окт. Дер. Пелишатъ.

Выступили съ бивуака въ шесть часовъ утра.

На половинѣ пути полку былъ произведенъ смотръ Княземъ Карломъ Румынскимъ, командующимъ всѣми войсками, облегающими Плевно.

Въ полу-верстѣ отъ деревни Пелишатъ полкъ былъ остановленъ и расположенъ бивуакомъ на ночлегъ.

8-го Окт. Дер. Боготъ.

Сдѣлавъ переходъ въ семь верстъ, полкъ былъ расположенъ бивуакомъ въ окрестностяхъ деревни Боготъ. Сегодня мы уже находимся всего въ одномъ переходѣ отъ Плевно, а потому происходящая подъ нею канонада слышна вполнѣ отчетливо.

9-го Октября.

Дневка.

Сегодня въ полку было получено распоряженіе высшаго начальства объ оставленіи въ Боготѣ всего обоза третьяго разряда и солдатскихъ ранцевъ. Обозъ втораго разряда, въ составъ котораго входятъ и офицерскія повозки, идетъ съ нами тоже всего только на одинъ переходъ, послѣ чего также будетъ оставленъ на неопредѣленное время.

Въ виду этого, чтобы не остаться слишкомъ на легкѣ, большинство нашихъ офицеровъ устремилось въ окрестныя деревни, для покупки вьючныхъ животныхъ; что удалось, впрочемъ, весьма немногимъ, потому что четвероногія животныя, въ раіонѣ расположенія нашей арміи, составляютъ въ настоящее время явленіе крайне рѣдкое.

10-го Окт. Деревня Эни-Баркачъ.

Переходъ въ тридцать верстъ.

Бивуакъ полка находится въ окрестностяхъ деревни Эни-Баркачъ.

11-го Октября.

Дневка.

Сегодня наши солдатики во время обѣда съ грустью говорили о необходимости разстаться съ своими артельными котлами (артельныя повозки также входятъ въ составъ оставляемаго здѣсь обоза втораго разряда) и довольствоваться, взамѣнъ хорошихъ щей, почти голою водою, какъ они называютъ бульонъ, приготовленный въ своихъ маленькихъ ручныхъ котелкахъ.

Такъ какъ на завтра предполагается дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ, то генералъ Гурко, съ цѣлью осмотра непріятельской позиціи и указанія направленія аттаки каждой отдѣльной части войскъ, собралъ всѣхъ начальниковъ этихъ частей.

Въ этой поѣздкѣ принялъ участіе и я, пристроясь къ командиру нашего полка. Такъ какъ пунктъ, съ котораго производился осмотръ, въ весьма значительномъ разстояніи отъ непріятельской позиціи, то конечно разглядѣть расположеніе укрѣпленія не было никакой возможности. Утвердительно можно сказать только, что по Софійскому шоссе, въ сторонѣ Плевны, было замѣтно какое-то движеніе и что подступы къ укрѣпленію покрыты кустарникомъ молодаго дуба. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ здѣсь полагаютъ, что онъ достаточно высокъ для того, чтобы замаскировать наше движеніе; но на мой взглядъ это предположеніе едва-ли вѣрно, и, по всей вѣроятности, намъ придется пройти подъ огнемъ весьма почтенное разстояніе.

Но, впрочемъ, объ этомъ судить теперь еще рано: «qui vivra—verra», какъ говоритъ французская пословица.

Вечеромъ на бивуакъ былъ принесенъ походный образъ Богоматери, передъ которымъ многіе изъ насъ, по всей вѣроятности, молятся въ послѣдній разъ.

Канунъ боя проведенъ примѣрно: на всемъ бивуакѣ нельзя было отыскать ни одного пьянаго.

12-го Окт. Горный Дубнякъ.

Выступили изъ Эни-Баркачъ въ два часа ночи; въ пятомъ часу переправились въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки Видъ, послѣ чего полкъ былъ построенъ фронтомъ къ Горному Дубняку, причемъ 4-й баталіонъ образовалъ авангардъ, а 1-й вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ вошелъ въ составъ общаго резерва.

Чтобы не выдать своего присутствія шумомъ, который легко могъ быть услышаннымъ передовыми разъѣздами противника, всѣмъ намъ приказано было говорить вполголоса; но всякому извѣстно, что когда и вполголоса за-

говоритъ цѣлый полкъ, то шумъ неизбѣженъ, тутъ же оказалось совершенно противное: въ виду ли дѣйствительнаго сознанія всей важности наступающаго дня, или же просто въ силу (какъ это нѣкоторые утверждаютъ) какого-то предчувствія, но наши солдатики совсѣмъ притихли и на всемъ бивуакѣ буквально царствовало гробовое молчаніе.

Затѣмъ, тайно отъ нижнихъ чиновъ, было отдано приказаніе о высылкѣ за фронтъ носильщиковъ.

Въ началѣ седьмаго часа къ намъ прискакалъ ординарецъ генералъ-адъютанта Гурко, съ приказаніемъ: начать наступленіе на четверть часа ранѣе, противъ назначеннаго диспозиціей, а вслѣдъ за нимъ и другой, чрезъ котораго срокъ начала наступленія полка былъ сокращенъ еще; такимъ образомъ нѣсколько ранѣе семи часовъ мы уже двинулись по направленію къ Горному Дубняку.

Благодаря пересѣченной мѣстности, почти сплошь покрытой кустарникомъ молодаго дуба, сохраненіе разъ принятаго направленія, а также и связи съ артиллеріею и лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, слѣдовавшими на нашихъ флангахъ, было дѣломъ крайне труднымъ, а потому, для возстановленія этой связи и провѣрки общаго направленія движенія, намъ приходилось пріостанавливаться на каждой полянкѣ. Причемъ, когда командира полка спросили относительно этого направленія, то онъ отвѣчалъ: «*Держаться на луну!*»

Въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Горнаго Дубника раздались первые выстрѣлы турецкихъ передовыхъ постовъ, столкнувшихся съ нашимъ авангардомъ; но вскорѣ эти посты скрылись изъ виду. Вслѣдъ затѣмъ въ лагерѣ турокъ ударили тревогу, что́ дало намъ возможность оріентироваться по звуку ихъ сигнальныхъ рожковъ.

Въ разстояніи около полуторыхъ верстъ отъ укрѣпленія снова раздались выстрѣлы противника, но на этотъ разъ уже съ передоваго редута. Авангардъ, не отвѣчая на нихъ, продолжалъ дальнѣйшее наступленіе, и только время отъ времени наше безмолвіе нарушалось орудійнымъ огнемъ артиллеріи, занявшей позицію вблизи Софійскаго шоссе.

Вскорѣ огонь непріятеля началъ замѣтно усиливаться, а съ нимъ возростали и наши потери. Въ это же время послышался вправо отъ насъ свистъ пуль, вслѣдствіе чего командиръ полка предположилъ, что нѣсколько ложементовъ, лежавшихъ въ направленіи выстрѣловъ, осталось еще въ рукахъ непріятеля, однако упавшая около насъ и поднятая нами пуля разъяснила недоразумѣніе, оказалось, что выстрѣлы производятся нашими же, очевидно, принимавшими насъ за турокъ.

Кстати, считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь объ одномъ эпизодѣ, прекрасно характеризующемъ психическое состояніе нашихъ людей; несмотря на то, что кровь уже была пролита и опасность съ каждою минутою возростала все болѣе и болѣе, достаточно было выскочить изъ кустарника

волку, чтобы наши люди, забывъ все, съ шумомъ бросились за «сѣрымъ», не прекращая свои преслѣдованія до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не покончили.

Почти въ то-же время и наши стрѣлки, достигнувъ опушки кустарника, открыли огонь по туркамъ, но, къ сожалѣнію, онъ былъ почти безвреденъ для непріятеля, прикрытаго высокими брустверами. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла всякая лишняя минута стоила намъ новыхъ, и притомъ совершенно безполезныхъ жертвъ, кромѣ того и духъ войска долженъ бы былъ неизбѣжно падать, а потому, не теряя времени, 2-му баталіону было приказано штурмовать редутъ, а 3-му поддерживать аттаку 2-го. Трудно себѣ представить, какой убійственный огонь открыли турки по наступающимъ баталіонамъ: въ какія-нибудь десять минутъ все мѣсто, по которому происходило наступленіе, было, въ буквальномъ смыслѣ слова, усыпано тѣлами убитыхъ и раненыхъ; носильщики уже и теперь не успѣвали убирать несчастныхъ и цѣлая масса ихъ, обливаясь кровью, напрасно взывала о помощи. Словомъ, это былъ какой-то адъ: надрывающіе душу стоны раненыхъ, раскаты орудійныхъ выстрѣловъ, свистъ пуль и трескъ ломаемыхъ ими вѣтвей, все это, сливаясь въ одинъ общій гулъ, производило потрясающее душу дѣйствіе, которое, впрочемъ, скоро смѣнилось полнымъ притупленіемъ всей нервной системы и почти автоматическимъ движеніемъ впередъ.

Однако, не взирая на этотъ убійственный огонь и соединенныя съ нимъ страшныя потери, баталіоны продолжали безостановочное наступленіе и уже въ 11 часовъ утра передовой редутъ былъ взятъ и всѣ защитники его переколоты штыками. Нашему успѣху, повидимому, весьма много способствовала неожиданность аттаки для непріятеля, результатомъ чего было то обстоятельство, что поджидаемая защитниками редута поддержка изъ гарнизона главнаго укрѣпленія, въ виду нашихъ успѣховъ, не состоялась; такимъ образомъ, если бы аттака была предпринята нѣсколько позже, то взятіе редута представилось бы еще болѣе трудною задачею. Теперь же дѣло подвинулось значительно впередъ: мы уже не стрѣляли наугадъ, какъ это было прежде, но видѣли непріятеля совершенно ясно, а потому ни одна турецкая голова не высовывалась изъ за укрѣпленія безнаказанно; кромѣ того, со взятіемъ редута наши стрѣлки, находившіеся до того времени подъ перекрестнымъ огнемъ съ двухъ укрѣпленій, теперь могли приблизиться къ непріятельской позиціи; также приближеніе, на одну съ нами высоту, и прочихъ частей отряда сдѣлалось несравненно легче.

Но, несмотря на все это, весьма значительныя потери, понесенныя полкомъ, и губительный огонь непріятеля были причинами положительной невозможности продолженія аттаки на главное укрѣпленіе. Не помогло и послѣдовательное введеніе въ дѣло частей лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона и всего 1-го баталіона нашего полка не помогла также и личная храбрость всѣхъ начальствующихъ лицъ и всѣхъ

офицеровъ, подававшихъ собою примѣры замѣчательнаго мужества и самоотверженія: многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и командиръ полка, не оставили строя даже и послѣ раненія и, сдѣлавъ наскоро перевязку, снова возвращались къ своимъ частямъ. Не помогли, наконецъ, и всевозможныя попытки, предпринимаемыя какъ командиромъ полка, такъ и офицерами съ цѣлью поддержать духъ людей; такъ, командиръ полка одѣлъ на себя барабанъ, и, выйдя впередъ, лично ударилъ бой къ аттакѣ.

Все было напрасно. Да что же и могло тутъ быть, когда, не говоря уже о цѣлыхъ частяхъ, достаточно было выйти изъ закрытаго пространства, которое представлялъ собою передовой редутъ, отдѣльному лицу, чтобы турки направили въ него цѣлую массу свинца, и вышедшій, почти каждый разъ, дѣлался не болѣе какъ совершенно безполезною жертвою; тѣмъ не менѣе, отдѣльныя попытки все еще продолжались и нерѣдко можно было видѣть группу людей, появлявшуюся на шоссе, отдѣлявшемъ главное укрѣпленіе отъ редута и, конечно, тутъ же положенную на мѣстѣ. Такимъ образомъ, вскорѣ все пространство между редутомъ и главнымъ укрѣпленіемъ покрылось грудами тѣлъ и цѣлыми лужами крови.

Вслѣдствіе этого, все дѣло свелось только къ жаркому стрѣлковому бою, который велся какъ частями, занимавшими редутъ, такъ и нашими стрѣлками и ротами лейбъ-гвардіи Павловскаго и Финляндскаго полковъ, расположенными лѣвѣе редута, въ разстояніи около 150 шаговъ отъ главнаго укрѣпленія, и залегшими частью въ канавахъ, окаймляющихъ шоссе, частью же впереди его въ небольшихъ лощинахъ за соломою, значительное количество которой тутъ было сложено и, наконецъ, баталіонами лейбъ-гвардіи Московскаго полка и гвардейской Стрѣлковой бригады, расположенными вправо отъ редута по опушкѣ кустарника, въ разстояніи отъ 600—800 шаговъ отъ укрѣпленія.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось втеченіе многихъ часовъ и, повидимому, не двигалось ни на шагъ впередъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, въ это время боя уже начались тѣ перебѣжки (о нихъ будетъ сказано ниже), которыя въ концѣ концовъ привели ко взятію укрѣпленія. Попытки аттаковать укрѣпленіе дѣлались также неоднократно и частями, расположенными какъ вправо, такъ и влѣво отъ редута, но всѣ онѣ не привели ни къ какому результату.

Очевидно, что все это не могло не отразиться на нравственномъ состояніи не только нижнихъ чиновъ, но и начальствующихъ лицъ, которыя начали приходить въ отчаяніе и почти потеряли всякую надежду на благополучный исходъ дѣла; вообще хаосъ былъ полный: изъ конца въ конецъ скакали и бѣгали (потому, что почти всѣ лошади были уже перебиты) адъютанты и ординарцы съ различными донесеніями и приказаніями, изъ которыхъ до насъ не доходило почти ни одного, потому что добраться до редута, не будучи по дорогѣ подстрѣленнымъ, по истинѣ было чудомъ. Въ этотъ

періодъ боя, вслѣдствіе одновременной аттаки укрѣпленія съ нѣсколькихъ сторонъ, повторился случай попаданія въ насъ нашихъ же снарядовъ и пуль. Наконецъ, рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству: артиллеріи приказано открыть пальбу залпами по укрѣпленію, а вслѣдъ затѣмъ на него двинуть одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и остававшіяся еще въ резервѣ части лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Хотя наступленіе этихъ частей и не имѣло непосредственнаго успѣха, но, поднявъ духъ людей, оно усилило отдѣльныя перебѣжки, производившіяся еще ранѣе съ тою разницею, что прежде эти перебѣжки происходили по направленію къ домику, стоявшему по другую сторону шоссе и служившему складочнымъ мѣстомъ для муки, къ канавамъ, окаймляющимъ шоссе, и къ закрытіямъ, находившимся влѣво отъ редута; теперь же съ этихъ пунктовъ люди стали перебѣгать въ ровъ лѣваго фаса главнаго укрѣпленія, и здѣсь-то съ каждой минутой количество этихъ смѣльчаковъ, которымъ мы собственно и обязаны взятіемъ укрѣпленія, возростало все болѣе и болѣе. Наконецъ, кто-то изъ нихъ крикнулъ «ура», которое было дружно подхвачено остальными, и завязался рукопашный бой какъ на брустверѣ, такъ и во рву укрѣпленія. Турки постепенно стали прекращать огонь лѣваго фаса, но вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшно приступили къ вырыванію новыхъ траншей, изъ которыхъ, равно какъ и изъ разныхъ построекъ укрѣпленія, продолжали огонь по-прежнему.

Какъ только начался штурмъ лѣваго фаса главнаго укрѣпленія, то были двинуты небольшія команды всѣхъ полковъ, остававшіяся до того времени въ кустарникѣ, для прикрытія знаменъ. Общій дружный натискъ завершилъ дѣло окончательно: со стороны праваго, наиболѣе безопаснаго для турокъ, фаса былъ выкинутъ бѣлый флагъ; но, къ сожалѣнію, они прибѣгли къ этой послѣдней мѣрѣ слишкомъ поздно:—мы уже ворвались въ редутъ у исходящаго угла его, а потому, при томъ страшно возбужденномъ состояніи, въ какомъ находились наши солдаты, остановить огонь и рѣзню не было никакой возможности: два первыхъ парламентера были убиты и турки, уже начавшіе выходить изъ воротъ праваго фаса и сдаваться находившемуся тамъ лейбъ-гвардіи Московскому полку, снова хватились за оружіе и снова открывали огонь, и только, когда былъ выкинутъ бѣлый флагъ уже въ третій разъ, то офицерамъ, хотя и съ неимовѣрными усиліями, но удалось, наконецъ, остановить эту ужасную рѣзню и окончательное истребленіе противника.

Вообще трудно изобразить, хотя бы и въ слабыхъ краскахъ, ту картину, какую представлялъ собою редутъ во время его взятія: цѣлыя груды убитыхъ и раненыхъ, лужи крови, масса разорванныхъ и не разорванныхъ снарядовъ, всевозможныя принадлежности какъ нашего, такъ и турецкаго обмундированія и снаряженія и шныряющіе посреди всего этого солдаты, вотъ, что представлялось взору всякаго, находившагося въ эту минуту въ

редутѣ; эта картина дополнялась еще яркимъ заревомъ пылающихъ турецкихъ землянокъ, шатровъ и соломы и оглушительнымъ трескомъ лопавшихся отъ огня снарядовъ и патроновъ; а среди всего этого слышались сигналы и громкія команды начальниковъ, призывавшихъ къ порядку свои части, перемѣшавшіяся во время аттаки.

И вотъ, во время этой-то суматохи вдругъ раздаются звуки тревоги, которая довершила хаосъ: люди бросились частью къ своимъ знаменамъ, а частью къ насыпямъ укрѣпленія, расположась за которыми ожидали Османа, полагая, что послѣдній, узнавъ о сдачѣ Горнаго Дубняка, сдѣлалъ вылазку, съ цѣлью вырвать его изъ нашихъ рукъ. Въ такомъ ожиданіи мы провели около полу-часа, а затѣмъ разошлись, такъ какъ тревога оказалась ложною.

Какъ только порядокъ возстановился и части разобрались, то къ полку подъѣхалъ командующій дивизіей, провозгласилъ «ура» въ честь нашего командира полка, какъ начальника части взявшей передовой редутъ и какъ лица, во многомъ способствовавшаго общему успѣху дѣла своей дѣятельностью и личнымъ примѣромъ.

То-же было повторено и прибывшимъ въ это время въ укрѣпленіе командиромъ 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи принцемъ Ольденбургскимъ.

Вообще, повидимому, всѣ сознаютъ, что главная роль въ этотъ дѣлѣ выпала на насъ.

Вскорѣ послѣдовала вторая тревога, къ которой мы уже отнеслись гораздо хладнокровнѣе, и которая, какъ и первая, была ложною.

Немедленно, послѣ этой второй и послѣдней тревоги было приступлено къ переноскѣ всѣхъ раненыхъ къ провіантскому домику, гдѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Ихъ набралось такое количество, что уже сегодня на площадкѣ, прилегающей къ этому домику, не было ни одного клочка земли не занятаго этими страдальцами, изъ которыхъ большей части, безъ сомнѣнія, очень долго придется ждать медицинской помощи, такъ какъ, на все это громадное количество раненыхъ у насъ только три врача и одинъ классный фельдшеръ.

Не можетъ быть ничего тяжелѣе того чувства, которое вызываютъ, съ одной стороны, стоны этихъ несчастныхъ, а, съ другой — сознаніе своего безсилія уменьшить ихъ страданія.

Въ числѣ выбывшихъ изъ строя девятисотъ двухъ нижнихъ чиновъ, убито триста девять и ранено пятьсотъ девяносто два человѣка. Что-же касается до офицеровъ, то изъ с о р о к а д е в я т и человѣкъ, находившихся въ строю, уцѣлѣло всего п я т ь н а д ц а т ь, причемъ три убито, двадцать-пять ранено (изъ нихъ четыре — смертельно) и шесть человѣкъ контужено.

Переходя теперь къ личнымъ подвигамъ, оказаннымъ въ этомъ дѣлѣ, я считаю совершенно излишнимъ перечислять подвиги офицеровъ, такъ

какъ только что приведенныя мною цифры потерь свидѣтельствуютъ объ ихъ самоотверженіи несравненно лучше самыхъ краснорѣчивыхъ описаній; кромѣ того, мнѣ пришлось бы повторять почти одно и то-же по отношенію къ каждому изъ моихъ товарищей или же, выставляя заслуги одного, тѣмъ самымъ какъ бы ставить его выше сравнительно съ другими, что́ было бы относительно послѣднихъ крайне несправедливо, такъ какъ всѣ одинаково честно и съ полнымъ самоотреченіемъ исполнили свой святой долгъ, детали же этого исполненія были не болѣе, какъ игрой случая.

Что же касается до нижнихъ чиновъ, которые предназначены къ дѣйствію массами, то всякое проявленіе индивидуальности между ними, по моему мнѣнію, не должно быть обходимо молчаніемъ, а потому я и считаю не лишнемъ упомянуть здѣсь о наиболѣе выдающихся изъ этихъ проявленій, къ числу которыхъ можно отнести подвиги унтеръ-офицеровъ: Ковалева, Морозова, Камокшина и Ильченко, ефрейтора Першина, рядовыхъ: Родичева, Тарговскаго и Чаплыгина и барабанщиковъ: Баранова и Рындина.

Изъ нихъ старшій унтеръ-офицеръ Ковалевъ и ефрейторъ роты Его Величества Першинъ первыми изъ нижнихъ чиновъ вскочили на валъ главнаго укрѣпленія, а старшій унтеръ-офицеръ 7-й роты Морозовъ и рядовой 5-й роты Родичевъ также первыми вскочили, но на валъ передоваго редута. Кромѣ того Морозовъ, по свидѣтельству его ротнаго командира, убилъ одного непріятельскаго офицера, который, во время аттаки редута, звалъ своихъ людей, ушедшихъ подъ закрытія главнаго укрѣпленія.

Рядовой 9-й роты Тарговской одинъ изъ первыхъ перебѣжалъ изъ передоваго редута къ главному укрѣпленію и увлекъ своимъ примѣромъ нѣсколькихъ товарищей; затѣмъ онъ залегъ въ канавѣ и стрѣлялъ по туркамъ находившимся въ главномъ укрѣпленіи, когда же всѣ патроны были разстрѣляны, то отправился за ними на другую сторону шоссе, подстрекнувъ къ тому же и трехъ другихъ нижнихъ чиновъ.

Младшій унтеръ-офицеръ 3-й роты Камокшинъ, вызвавшись добровольно отправиться съ донесеніемъ командира 1-го баталіона, бывшаго въ то время около лѣваго фаса главнаго укрѣпленія, къ командиру полка, который, возвращаясь послѣ перевязки полученной имъ раны, занялся сборомъ и устройствомъ людей разныхъ полковъ и взводовъ со знаменами, съ цѣлью вести ихъ на подкрѣпленіе частей, расположенныхъ около укрѣпленія, не только съ замѣчательною точностью и спокойствіемъ передалъ донесеніе, но и описалъ вполнѣ вѣрно и толково все положеніе дѣла, чѣмъ, конечно, способствовалъ немедленному принятію соотвѣтствующихъ мѣръ. Получивъ приказаніе отъ командира полка Камокшинъ отправился обратно къ командиру баталіона, пройдя для этого весьма значительное пространство, осыпаемое дождёмъ свинца.

Барабанщикъ 3-й роты Бакчижъ-Барановъ (магометанинъ), не имѣя возможности быть полезнымъ въ качествѣ барабанщика, положилъ свой барабанъ и занялся доставкою патроновъ своимъ товарищамъ, залегшимъ въ канавахъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ главнаго укрѣпленія; для чего ему пришлось неоднократно перебѣгать черезъ шоссе, осыпаемое градомъ пуль.

Барабанщикъ 5-й роты Рындинъ, находясь въ числѣ прочихъ нижнихъ чиновъ около передоваго редута, послѣ его взятія, первымъ изъ всѣхъ бывшихъ здѣсь барабанщиковъ вышелъ впередъ и, по приказанію командира полка, ударилъ бой къ аттакѣ на главное укрѣпленіе, подавъ этимъ примѣръ всѣмъ другимъ своимъ товарищамъ; когда же послѣдніе были перебиты, Рындинъ, не теряя присутствія духа, продолжалъ бить одинъ до тѣхъ поръ, пока и самъ не упалъ тяжело раненымъ.

Своимъ хладнокровіемъ и полнымъ презрѣніемъ опасности Рындинъ не мало способствовалъ поддержанію духа въ окружавшихъ его нижнихъ чинахъ.

Рядовой 3-й роты Чаплыгинъ увидавъ, что командующій его ротою, поручикъ Моисеевъ тяжело раненъ, поспѣшно подбѣжалъ къ послѣднему и, отведя его въ сторону, положилъ на землю, а самъ легъ впереди своего ротнаго командира, прикрывая его собственнымъ тѣломъ отъ цѣлой массы падавшихъ здѣсь непріятельскихъ пуль.

Младшій унтеръ-офицеръ 6-й роты Ильченко не только однимъ изъ первыхъ вскочилъ на валъ передоваго редута, но и, будучи на немъ раненъ въ обѣ ноги и не имѣя возможности идти далѣе, поименно назначалъ людей своего отдѣленія для перебѣжки на противоположную сторону шоссе, откуда впослѣдствіе эти июди перешли въ ровъ лѣваго фаса главнаго укрѣпленія и въ числѣ первыхъ бросились на его штурмъ.

Всѣ означенные нижніе чины награждены знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія 4-й степени.

13-го Октября.

Утромъ я осмотрѣлъ въ подробностяхъ укрѣпленіе и долженъ сознаться, что, судя по нему, турки большіе мастера по части фортификаціонныхъ работъ: не взирая на весьма значительную профиль укрѣпленія и соединенную съ нею тяжесть и продолжительность работъ, всѣ его части отдѣланы замѣчательно тщательно.

При осмотрѣ внутренности укрѣпленія, я наткнулся на цѣлую массу (нѣсколько сотъ тысячъ) боевыхъ патроновъ; кромѣ того по линіи огня, почти на каждыхъ десяти, пятнадцати шагахъ разстоянія, стоятъ большіе жестянные ящики, наполненные тѣми же патронами; если къ этому прибавить еще, что, судя по разбросанному во многихъ мѣстахъ оружію,

часть гарнизона была вооружена магазинными ружьями, то станетъ вполнѣ понятна та сила непріятельскаго огня, которая была причиною столь страшныхъ потерь.

Я упомянулъ здѣсь о магазинномъ оружіи и о томъ, что имъ была вооружена только часть гарнизона, а потому считаю не лишнимъ сказать, что вооруженіе остальныхъ составляли англійскія ружья системы Шнейдера и Пибоди-Мартини.

Итакъ, относительно вооруженія, турокъ можно развѣ только упрекнуть въ отсутствіи однообразія, но нельзя того же сказать касательно обмундированія: мундирная одежда почти всѣхъ нижнихъ чиновъ и даже многихъ офицеровъ страшно изодрана, сапоги же составляютъ повидимому предметъ роскоши.

Въ продовольствіи гарнизонъ, по всей вѣроятности, недостатка не терпѣлъ, такъ какъ, кромѣ значительнаго количества бѣлыхъ галетъ, здѣсь есть небольшой домикъ, наполненный мукою до крыши.

Кстати замѣчу, что между убитыми турками есть много стариковъ, а въ числѣ плѣнныхъ—кромѣ нихъ мальчики, не старше двѣнадцати лѣтъ, и даже одна женщина.

Около десяти часовъ дня было отправлено нѣсколько командъ для тщательнаго осмотра мѣстности, по которой происходило наступленіе, и сбора всѣхъ оставшихся тамъ раненыхъ и убитыхъ.

Въ первомъ часу дня прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ *о вылазкѣ* Османа-паши и его наступленіи по направленію къ Горному Дубняку; вслѣдствіе этого, немедленно ударили тревогу, но такъ какъ на повѣрку оказалось, что Османъ совершенно спокойно сидитъ въ Плевнѣ, то полкъ вскорѣ вернулся обратно.

Во второмъ часу дня на нашъ бивуакъ прибылъ Главнокомандующій арміею, Великій Князь Николай Николаевичъ.

Его Высочество объѣхалъ и осмотрѣлъ расположеніе всѣхъ укрѣпленій, распрашивалъ о подробностяхъ дѣла и приходилъ въ ужасъ при видѣ цѣлыхъ грудъ тѣлъ, сносимыхъ въ одно мѣсто для погребенія, и цѣлой массы раненныхъ, лежащихъ около провіантскаго домика.

Сегодня умеръ тяжело раненный поручикъ Константинъ Ѳедоровичъ фонъ-Пирвицъ. Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года покойный окончилъ курсъ въ военно-юридической академіи, но, въ виду военнаго времени, отказался отъ всѣхъ предложенныхъ ему мѣстъ и пошелъ въ походъ, въ которомъ и положилъ свою честную душу за общее святое дѣло.

Такъ какъ наши вьюки при наступленіи были оставлены за рѣкою Видъ и на бивуакъ до сихъ поръ не прибыли, то мы стоимъ подъ открытымъ небомъ (безъ палатокъ) и довольствуемся одними сухарями и мукою, доставшеюся отъ турокъ. Такъ какъ провіантскій домикъ входитъ въ раіонъ нашего бивуака, то раздатчиками муки являемся мы и надо сознаться, что

мы воспользовались этимъ какъ нельзя лучше, вспомнивъ дѣдушку Крылова, устроили «Львиный дѣлежъ».

14-го Октября.

Несмотря на неутомимую дѣятельность нашихъ полковыхъ врачей, работавшихъ день и ночь надъ своими паціентами, только сегодня окончились наложеніе повязокъ и эвакуація раненыхъ въ дивизіонный лазаретъ.

При такомъ положеніи дѣла, конечно, не могло быть и рѣчи о медицинской помощи туркамъ, теперь же хотя и принялись за нихъ, но, къ сожалѣнію, уже поздно: сегодня, когда мнѣ пришлось проѣзжать верхомъ мимо провіантскаго домика, то двое изъ раненыхъ турокъ бросились на колѣни и при словахъ: «Эфенди, бурда, бурда!» (Господинъ, здѣсь, здѣсь!) указывали мнѣ на свои обнаженныя раны; при взглядѣ на нихъ, у меня невольно сдѣлалась нервная дрожь, потому что обоихъ несчастныхъ поразила уже гангрена (антоновъ огонь).

Въ три часа дня происходило погребеніе всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ нашего полка, павшихъ 12-го октября. Вырыто три общихъ могилы (одна—для офицеровъ, двѣ—для нижнихъ чиновъ). Покойные положены рядомъ; затѣмъ собрался весь полкъ, и, послѣ окрапленія павшихъ святою водою и панихиды, за которою не одна слеза скатилась съ загорѣлыхъ лицъ, мы отдали павшимъ товарищамъ послѣднюю честь, хоръ музыки проигралъ «Коль славенъ», каждый изъ насъ, простясь съ ними въ послѣдній разъ, бросилъ горсть земли, обогренной ихъ же кровью.

Преданіе землѣ убитыхъ турокъ возложено на ихъ плѣнныхъ товарищей.

Сегодня-же приступлено и къ зарыванію труповъ животныхъ и уборкѣ не лопнувшихъ гранатъ, въ большомъ количествѣ находящихся внутри главнаго укрѣпленія.

Наконецъ-то пришли наши вьюки, такъ что завтра мы будемъ имѣть горячую пищу, которая, послѣ трехъ дневнаго пребыванія на однихъ сухаряхъ, кажется намъ роскошью.

15-го Октября.

Утромъ мы получили извѣстіе о смерти раненаго поручика Александра Николаевича Григорьева. Весною покойный подалъ рапортъ о поступленіи въ академію генеральнаго штаба, но, узнавъ объ объявленіи мобилизаціи гвардіи, отказался отъ своего намѣренія и рѣшился раздѣлить съ полкомъ всѣ невзгоды, труды и лишенія боевой жизни.

Сегодня уже выяснились потери всѣхъ шести полковъ (Московскаго, Лейбъ-Гренадерскаго, Павловскаго, Финляндскаго, Измайловскаго и Егерскаго), участвовавшихъ въ дѣлѣ 12-го октября (подъ Дубнякомъ и Телишемъ);

оказывается, что выбыло изъ строя 3 генерала (изъ нихъ командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, генералъ Лавровъ уже умеръ, а командиры обѣихъ бригадъ нашей дивизіи генералы Зеддлеръ и Розенбахъ ранены на столько опасно, что мы не надѣемся даже на ихъ выздоровленіе), 144 офицера и около 4000 нижнихъ чиновъ. Невольно приходишь въ ужасъ при видѣ этихъ цифръ, и только весьма важные результаты, добытые взятіемъ Дубняка, отчасти мирятъ съ этими громадными потерями; дѣйствительно, не говоря уже о томъ нравственномъ впечатлѣніи, которое произвела эта аттака на непріятеля, мы лишили Османа всякой возможности пользоваться подвозомъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и паденіе Плевны сдѣлалось, такимъ образомъ, не болѣе какъ вопросомъ времени; кромѣ того, мы завладѣли всею страною, лежащей къ западу отъ р. Видъ и туда уже ринулась наша кавалерія. Многіе утверждаютъ, что Дубнякъ могъ быть взятъ исключительно однимъ артиллерійскимъ огнемъ, но я считаю лучшимъ воздержаться отъ всякой критики нашихъ дѣйствій, и ограничиться одной фактической стороной дѣла, тѣмъ болѣе, что хотя аттака Дубняка была дѣломъ крайне рискованнымъ и стоила намъ большихъ жертвъ, но, какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано, цѣль достигнута! Было-ли бы то-же при дѣйствіи одной артиллеріи—это является еще вопросомъ, особенно если принять во вниманіе, что, не взирая на мѣткость нашего орудійнаго огня, жертвы его встрѣчались преимущественно во внутренности укрѣпленія, тогда какъ бóльшая часть гарнизона, образуя собою какъ бы ленту, протянутую вдоль всей линіи огня, оставалась почти неуязвимою. Итакъ, мнѣ кажется, что за успѣшный исходъ дѣла въ этомъ случаѣ поручиться трудно; думаю что никто не поручится также и за то обстоятельство, что, въ случаѣ неуспѣха въ первый день, мы на другой день имѣли бы дѣло опять только съ однимъ гарнизономъ Дубняка и что Османъ отнесся бы къ этому вполнѣ безучастно.

16-го Октября.

Сегодня утромъ въ полкъ прибылъ флигель-адъютантъ, полковникъ Энденъ, благодарившій насъ, отъ имени Государя, за дѣло 12-го октября.

Въ $9^{1}/_{2}$ часовъ утра началось наступленіе нашихъ войскъ на укрѣпленную позицію подъ Телишемъ. Въ составъ отряда, кромѣ 1-й бригады нашей дивизіи, вошли также: 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 2-я гвардейская и 3-я гвардейская и Гренадерская пѣшія артиллерійскія бригады.

Нашъ полкъ образовалъ собою правый, а Австрійскій—лѣвый флангъ боеваго расположенія отряда, части составили центръ, въ составъ котораго вошла и бóльшая часть артиллеріи. Передъ началомъ дѣла каждая изъ означенныхъ пѣхотныхъ частей построилась въ три линіи и распо-

ложилась примѣняясь къ мѣстности, а 1-я линія, немедленно по приходѣ на позицію, окопалась, что вызвано было отсутствіемъ складокъ мѣстности, могущихъ служить прикрытіемъ для цѣпи и ея резервовъ.

Когда мы были еще въ разстояніи около двухъ верстъ отъ укрѣпленія, то въ лагерѣ турокъ ударили тревогу, а спустя четверть часа послѣ нея, когда отрядъ подходилъ уже къ назначенной ему позиціи, раздались первые выстрѣлы непріятеля. Впрочемъ, ружейный огонь здѣсь былъ несравненно слабѣе, чѣмъ подъ Дубнякомъ, что объясняется нашимъ укрытымъ (отъ взоровъ противника) расположеніемъ; но артиллерійская канонада сначала была очень сильна, и надъ нашими головами безпрестанно свистали турецкіе снаряды. Однако, уже въ двѣнадцатомъ часу утра, вслѣдствіе подбитія нѣсколькихъ орудій, непріятельская артиллерія замолкла; наша-же не прекращала огня до двухъ часовъ дня. Ружейный огонь съ нашей стороны не былъ открытъ вовсе, въ виду приказанія не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока противникъ не перейдетъ въ наступленіе. Приказаніе это обусловливалось тѣмъ, что (какъ мы узнали впослѣдствіи) начальникъ телишскаго гарнизона, еще за два дня до дѣла, обѣщалъ, черезъ лазутчиковъ, сдать укрѣпленіе послѣ одной артиллерійской канонады, не доводя насъ до аттаки.

Въ началѣ третьяго часа наша артиллерія сдѣлала два залпа, послѣ которыхъ къ туркамъ былъ посланъ парламентеръ съ предложеніемъ сдаться. Въ отвѣтъ на это предложеніе, непріятель выкинулъ бѣлый флагъ.

Однако, несмотря на сдачу горнизона, вскорѣ мы увидѣли, что изъ Телишъ поскакала турецкая кавалерія по направленію къ другимъ, ближайшимъ укрѣпленіямъ, находившимся еще въ рукахъ противника, и только послѣ весьма категоричнаго требованія со стороны начальника отряда бѣжавшіе были возвращены.

Въ плѣнъ взято до двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ; кромѣ того, въ укрѣпленіи найдено около трехъ милліоновъ патроновъ, предназначавшихся, какъ говорятъ, для Плевны. Наши потери, благодаря укрытому расположенію частей, ограничились всего нѣсколькими человѣками. Люди, безъ сомнѣнія, были до-нельзя рады столь благополучному исходу дѣла, тѣмъ болѣе, что они и здѣсь ожидали повторенія того-же что было подъ Дубнякомъ.

Что касается до дѣйствій турокъ, то должно имъ отдать полную справедливость въ сохраненіи хладнокровія даже и въ самыя опасныя для нихъ минуты; такъ: во время страшной артиллерійской канонады съ нашей стороны, цѣлая масса защитниковъ укрѣпленія преспокойно разгуливала по брустверу, занимаясь его починкою.

Ружейный огонь ихъ также не отличался тою суетливостью и безпорядочностью, какъ подъ Дубнякомъ, гдѣ они брали не качествомъ

стрѣльбы, но количествомъ выпущенныхъ пуль; тутъ-же совершенно обратно—они стрѣляли не наугадъ, а только тогда, когда цѣль была видима, а потому стрѣльба ихъ отличалась замѣчательною мѣткостью, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться даже личнымъ опытомъ: когда, будучи посланъ командующимъ полкомъ осмотрѣть какъ расположеніе нашихъ стрѣлковъ, такъ и расположеніе непріятеля и желая яснѣе разглядѣть детали этого расположенія, я взобрался на небольшое возвышеніе, то не прошло и минуты, какъ около меня начали свистать пули, не оставлявшія ни малѣйшаго сомнѣнія по поводу того, въ кого онѣ направлялись. Тѣмъ не менѣе, осматривая внутренность укрѣпленія, мы лично убѣдились, что дѣло двѣнадцатаго октября и здѣсь осталось не безъ вліянія, такъ какъ потери турокъ были далеко не такъ велики, чтобы вынудить столь скорую сдачу гарнизона.

17-го Октября.

Сегодня вечеромъ мы перешли на новый бивуакъ, находящійся въ разстояніи одной версты отъ прежняго. Эта перемѣна бивуака была сдѣлана съ цѣлью избѣжать, хоть отчасти, того зловонія, которое является слѣдствіемъ огромнаго количества труповъ, зарытыхъ на мѣстѣ нашей прежней стоянки. Въ виду усиленія холодовъ и ожидаемой здѣсь продолжительной стоянки, намъ приказано приступить къ заготовленію матеріала для постройки землянокъ.

18-го Октября.

Сегодня весь день происходила очистка новаго бивуака отъ падали и неразорвавшихся снарядовъ.

Въ десять часовъ утра, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ штаба корпуса, мы узнали, что турки, при одномъ приближеніи нашихъ разъѣздовъ къ деревнямъ Радомирцамъ и Луговицамъ, бросили обѣ эти деревни и оставили въ нашихъ рукахъ весь укрѣпленный лагерь. Это служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ велика паника, наведенная на непріятеля дѣломъ двѣнадцатаго октября.

19-го Октября.

Такъ какъ плѣнные турки уже нѣсколько дней продовольствуются исключительно одной кукурузой, то, по почину командира нашего полка, со всѣхъ частей, стоящихъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и съ полною готовностью согласившихся на помощь нашимъ не равнымъ врагамъ, почти умирающимъ въ настоящее время отъ голода, было собрано по нѣсколько

головъ рогатаго скота и по нѣсколько мѣшковъ сухарей или муки. Все собранное тотчасъ-же отправлено къ этимъ бѣднякамъ, несказанно обрадовавшимся столь неожиданному для нихъ подарку.

20-го Окт. Дольный Дубнякъ.

Въ четыре часа вечера получено приказаніе о переходѣ на бивуакъ къ Дольному Дубняку, оставленному турками въ послѣднюю ночь.

Вслѣдствіе этого перемѣщенія, мы вошли въ составъ кольца, которое образуютъ войска, облегающія Плевно.

21-го Октября.

Сегодня у насъ происходила очистка новаго бивуака.

Погода измѣнилась къ худшему: весь день шелъ дождь. Ночи стали еще холоднѣе.

22-го Октября.

Въ одиннадцать часовъ утра на бивуакъ прибылъ князь Карлъ Румынскій, командующій всѣми войсками, облегающими Плевно.

Въ двѣнадцать часовъ дня мы получили телеграмму Рождественскихъ крестьянъ (тверской губ.) слѣдующаго содержанія: «Мы съ величайшимъ восторгомъ прочли телеграмму относительно того, что Лейбъ-Гренадерскій полкъ, знакомый намъ по свиданію на тверской станціи (22-го августа), доблестно отличился 12-го числа, при взятіи на Софійской дорогѣ турецкихъ укрѣпленій. Благодареніе Богу!

Тѣмъ не менѣе, съ душевнымъ прискорбіемъ узнали, что командующій полкомъ раненъ. Да поможетъ ему Богъ выздоровѣть.

Королевъ и Ивановъ, крестьяне Рождественскіе».

Изъ этой телеграммы видно, что наши страшныя потери до сихъ поръ еще неизвѣстны въ Россіи, иначе телеграмма не обошла бы и ихъ молчаніемъ. Конечно лишнее и прибавлять, что это первое выраженіе сочувствія изъ дальней родины было тотчасъ-же приведено въ извѣстность во всѣхъ ротахъ, и произвело самое глубокое впечатлѣніе какъ на офицеровъ, такъ и на нижнихъ чиновъ полка.

23-го Октября.

Утромъ наша дивизія была построена на полѣ, для слушанія заупокойной литургіи и панихиды по павшимъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Сегодня-же, съ цѣлью сплотить роты, у насъ начались строе-

выя занятія, представившія собою ту замѣчательную особенность, что на нихъ ярко отразились плоды знаній, добытыхъ цѣною крови; людямъ уже не надо (какъ въ мирное время) каждую минуту указывать на необходимость примѣненія къ мѣстности, напоминать объ измѣненіи высоты прицѣла и т. п., все это дѣлалось само-собою, словомъ, эти занятія доказали намъ, что только личный опытъ быстро научаетъ тому, надъ чѣмъ мы бились прежде цѣлыми годами.

Въ $2^1/_2$ часа дня нашъ бивуакъ посѣтилъ Государь Императоръ. Его Величество благодарилъ полкъ за дѣла 12-го и 16-го октября и подробно распрашивалъ каждаго изъ раненыхъ, но оставшихся въ строю, офицеровъ о ходѣ ихъ болѣзни, а также вспоминалъ о тѣхъ нашихъ товарищахъ, которыхъ Онъ посѣтилъ въ дивизіонномъ лазаретѣ и госпиталяхъ. Чувства, которыя волновали насъ въ эту минуту и сложились подъ вліяніемъ воспоминаній о только-что пережитыхъ событіяхъ и отношенія къ намъ обожаемаго Монарха, не могутъ быть выражены никакимъ перомъ.

24-го Октября.

Сегодня намъ снова приказано приступить къ постройкѣ землянокъ.

25-го Октября.

Сегодня съ утра у насъ начались работы по трасированію землянокъ. Занятія продолжаются.

26-го и 27-го Октября.

26-го числа утромъ мы узнали о смерти, раненнаго подъ Горнымъ Дубнякомъ, полковника Ивана Карловича Остлунда 1-го. Извѣстіе это глубоко огорчило всѣхъ офицеровъ, такъ какъ покойный втеченіе почти двадцати-лѣтней службы своей въ полку (со дня производства въ офицеры) всегда пользовался всеобщею любовью своихъ товарищей и подчиненныхъ.

28-го Октября.

Въ виду предстоящаго въ скоромъ времени движенія впередъ, намъ приказано прекратить постройку землянокъ, а потому весь заготовленный для нихъ строительный матеріалъ послужилъ не болѣе какъ для иллюминаціи бивуака кострами.

29-го Октября.

Такъ какъ, со времени перехода черезъ Дунай, довольствіе войскъ агентствомъ прекратилось и мы предоставлены исключительно своей собственной распорядительности, то сегодня утромъ въ деревнѣ Радомирцы былъ посланъ весь второй баталіонъ, съ цѣлью заготовленія на полкъ хлѣба, для предстоящаго движенія впередъ. Участь этого баталіона далеко незавидна, потому что втеченіе нѣсколькихъ дней ему придется: исправить изломанныя турками мельницы, построить печи и выпечь неимовѣрное количество хлѣба.

30-го и 31-го Октября.

Перепадавшіе за послѣднее время дожди смѣнились густыми туманами. Ночные морозы доходятъ иногда до трехъ градусовъ, такъ что наши палатки промерзаютъ насквозь.

У большинства изъ нашихъ людей открылся страшный кровавый поносъ. На бѣду еще костровое масло у насъ израсходовалось и мы вынуждены ждать подвоза его изъ Систова (въ немъ помѣщается центральный складъ медикаментовъ), куда командиромъ полка былъ посланъ на-дняхъ съ этою цѣлью особый нарочный.

1-го Ноября.

Сегодня весь день былъ употребленъ на закупку порціоннаго скота, осмотръ обоза, укладку въ него продуктовъ и вещей и другія приготовленія къ походу.

Командующій дивизіей употреблялъ всѣ усилія, чтобы снабдить насъ возможно-большимъ количествомъ сухарей и соли; причемъ за послѣднею пришлось даже послать нѣсколько повозокъ въ Турнъ-Магурели (въ Румыніи).

2-го Ноября. Дер. Радомирцы.

Въ девять съ половиною часовъ утра мы выступили изъ Дольнаго Дубняка и, послѣ двадцати-шести-верстнаго перехода, остановились бивуакомъ около дер. Радомирцъ. Проходя мимо Горнаго Дубняка, мы поклонились въ послѣдній разъ могиламъ нашихъ павшихъ товарищей. Дневка.

3-го Ноября.

Весь день прошелъ въ работахъ по трасированію и постройкѣ укрѣпленій, на случай возможнаго возвращенія на теперешнюю позицію, и обороны ея при наступленіи непріятеля со стороны Орханіе.

Весь обозъ, за исключеніемъ патронныхъ ящиковъ и лазаретныхъ линеекъ, остается здѣсь, а потому нашимъ людямъ снова придется довольствоваться варкою изъ маленькихъ котелковъ.

4-го Ноября.

Въ два часа пополудни мы выступили изъ дер. Радомирцъ и, пройдя около двѣнадцати верстъ, остановились бивуакомъ у дер. Петровенъ.

5-го Ноября. Дер. Яблоницы.

Выступили изъ дер. Петровенъ въ восемь часовъ утра. Весь сегодняшній переходъ состоялъ изъ подъемовъ на отрасли Балканъ и спусковъ съ нихъ.

Мѣстность живописна въ высшей степени; воздухъ чистъ, какъ горный хрусталь. Послѣднее обстоятельство благотворно отразилось на здоровьи и нравственномъ состояніи части; со времени выступленія изъ Дольняго Дубняка, всѣ мы замѣтно оживились, поносъ также мало-по-малу прекратился. Въ семъ часовъ вечера мы прибыли къ дер. Яблоницамъ, гдѣ и расположились бивуакомъ.

6-го Ноября.

Погода измѣнилась къ лучшему и дни сдѣлались значительно теплѣе, но ночи холодны по-прежнему.

7-го Ноября. Големый Болгарскій Изворъ.

Въ силу полученныхъ ночью приказаній, нашъ полкъ долженъ войти въ составъ передоваго отряда генералъ-маіора Дандевиль; вслѣдствіе чего, простясь съ остальными частями нашей дивизіи, въ три часа утра мы уже выступили въ дальнѣйшій походъ.

Отроги Балканъ, черезъ которые пролегалъ нашъ путь, отличаются еще большею высотою и дикостью чѣмъ тѣ, по которымъ намъ пришлось карабкаться вчера.

Крутые обрывы, узкія ущелья и вершины отдѣльныхъ возвышеній, покрытыя густымъ лѣсомъ и переходящія за облака, представляютъ по истинѣ очаровательную картину; но бѣда въ томъ, что чѣмъ живописнѣе мѣстность, тѣмъ все тяжелѣе и тяжелѣе становится нашимъ бѣднымъ людямъ, которымъ на собственныхъ плечахъ приходится тащить патронные ящики, а зачастую даже и орудія. Кромѣ того, нерѣдко подъ ногами иду-

щаго по краю оврага земля обваливалась и онъ летѣлъ внизъ. Глубину одного изъ такихъ овраговъ я чуть не измѣрилъ собственною особою и уцѣлѣлъ только благодаря встрѣтившейся, на пути паденія, каменной глыбѣ и во время подоспѣвшему на помощь ко мнѣ одному изъ унтеръ-офицеровъ.

8-го Ноября.

Дневка.

Сегодня во время обѣда нашъ квартермистръ разсказалъ о весьма курьезной тревогѣ, бывшей пятаго числа въ мѣстѣ расположенія (дер. Радомирцахъ) обоза нашей дивизіи: въ двѣнадцатомъ часу ночи, къ обозу прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ о наступленіи турокъ изъ дер. Воронова, а затѣмъ слѣдующій гонецъ извѣстилъ о движеніи противника со стороны дер. Баранова (обѣихъ деревень въ дѣйствительности не существуетъ). Этимъ и ограничились всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ, тѣмъ не менѣе обозное начальство струхнуло не на шутку: въ нѣсколько минутъ изъ находившихся на лицо писарей, фельдшеровъ, мастеровыхъ и обозныхъ были сформированы двѣ роты, которымъ тотчасъ-же и розданы всѣ запасныя ружья; начальство надъ ротами было ввѣрено полковымъ писарямъ.

Паника дошла до такихъ крайнихъ предѣловъ, что одинъ изъ обозныхъ офицеровъ стрѣлялъ по невидимому противнику, а другой, съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ, требовалъ у корпуснаго коменданта подкрѣпленій, за что и былъ арестованъ послѣднимъ.

9-го Ноября. Ханъ-Бруссенъ.

Переходъ всего въ восемь верстъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря непрерывнымъ подъемамъ и спускамъ, на бивуакъ мы пришли только въ семь часовъ вечера.

Съ половины пути, по приказанію командира полка, мнѣ пришлось отправиться въ дер. Яблоницы, гдѣ находился дивизіонный штабъ, съ просьбою о присылкѣ патроновъ. Около Болгарскаго Извора я наткнулся на интересную картину: нѣсколько ротъ отъ полковъ, оставленныхъ въ резервѣ, производили облаву на баши-бузуковъ, сновавшихъ по всѣмъ окрестностямъ Извора, но, не взирая на всю ихъ энергію и пяти-часовую прогулку, имъ не удалось поймать ни одного. Настолько ловки эти негодяи!

10-го Ноября.

Сегодня начались дѣйствія подъ Этрополемъ. Одна колонна (три баталіона, восемь орудій и три сотни казаковъ) предназначалась для операцій

противъ праваго фланга этропольскихъ укрѣпленій; другая (четыре баталіона, шесть орудій и три сотни казаковъ)—противъ фронта, а третья и четвертая (всего: двѣнадцать баталіоновъ, двадцать два орудія, одинъ эскадронъ и шесть сотень) должны были аттаковать позицію непріятеля у дер. Правицъ. Сверхъ того, двумъ полкамъ второй гвардейской кавалерійской дивизіи, съ восемью орудіями, приказано произвести усиленную рекогносцировку въ окрестностяхъ дер. Орханіе. Прочія части отряда образовали два частныхъ и одинъ общій резервъ.

Три баталіона нашего полка вошли въ составъ частнаго резерва двухъ первыхъ колоннъ, а четвертый—въ составъ правой колонны. Всѣ дѣйствія на сегодняшній день ограничились только перестрѣлкой съ непріятелемъ двухъ первыхъ колоннъ и обходнымъ движеніемъ третьей и четвертой колоннъ.

11-го Ноября.

Въ четыре часа ночи въ бивуакъ выступилъ нашъ второй баталіонъ, назначенный въ подкрѣпленіе двѣнадцатаго пѣхотнаго Великолуцкаго полка, дѣйствовавшаго противъ праваго фланга этропольскихъ укрѣпленій, а въ десять часовъ вечера туда-же отправлена и еще одна рота, съ цѣлью содѣйствовать подъему четырехъ орудій на горы.

Особыхъ перемѣнъ въ образѣ дѣйствій двухъ первыхъ колоннъ нѣтъ; о колоннахъ, направленныхъ на дер. Правецъ, мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій.

12-го Ноября. Укрѣпленный лагерь подъ Этрополемъ.

Въ одиннадцать часовъ утра на подкрѣпленіе двѣнадцатаго пѣхотнаго Велико-Луцкаго полка были посланы шесть полевыхъ орудій и всѣ остававшіяся роты третьяго баталіона нашего полка, причемъ двумъ изъ нихъ было поручено поднятіе на позицію орудій.

Такъ какъ, вслѣдствіе очень крутыхъ подъемовъ и крайне назначительной ширины, ведущей на позицію тропинки, движеніе орудій на лафетахъ было невозможно, то необходимо было прибѣгнуть къ ихъ разборкѣ и поднятію по частямъ при помощи болгарскихъ каруцъ (телегъ). Такой способъ подъема, очевидно, долженъ былъ крайне замедлить движеніе орудій, къ тому же доставка ихъ на позицію сегодня же оказалась невозможною еще и потому, что дорога, по которой они должны были слѣдовать, пролегала въ очень близкомъ разстояніи отъ горъ, занятыхъ турецкою пѣхотою. Всѣ означенныя соображенія вынудили нашего командира полка, который теперь вступилъ въ командованіе Лупенскимъ отрядомъ, оставивъ орудія и находившіяся при нихъ роты (до наступленія сумерокъ) въ ущельи,

двинуться впередъ только съ одною ротою (пять ротъ были направлены еще вчера).

Еще прежде, нежели мы успѣли добраться до позиціи, намъ неоднократно представлялась полная возможность проститься съ симъ міромъ, потому что, на протяженіи трехъ верстъ, мы были вынуждены пробираться по узкой тропѣ, прилегающей къ почти эскарпированному обрыву саженъ въ тридцать глубины, къ тому же, благодаря сильному дождю и глинистому грунту, наша тропинка представляла собою превосходный базисъ для прогулки внизъ.

По прибытіи на позицію, нашему взору представилась слѣдующая картина: турецкая пѣхота вела оживленную перестрѣлку съ колонною принца Ольденбургскаго, наступавшаго изъ Этропольскаго ущелья и старавшагося охватить расположеніе противника съ обоихъ фланговъ; нѣсколько ротъ нашего и 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка, приблизясь къ непріятельскому лагерю и открывъ огонь во флангъ, а частью и въ тылъ турецкой пѣхоты, заставили ее отступать и тѣмъ облегчили дебушированіе изъ ущелья колонны Его Высочества Принца Ольденбургскаго; всѣ прочія части Лупенскаго отряда составляли резервъ и занимали ложементы по обѣимъ сторонамъ батареи, находившейся отъ противника въ разстояніи превышавшемъ (вслѣдствіе отступленія турокъ) дальность нашего орудійнаго выстрѣла.

Изъ этого ясно, что какъ артиллерія, такъ и большая часть нашей пѣхоты были вполнѣ безвредны для непріятеля; а потому Псковскому и Великолуцкому полкамъ тотчасъ же было отдано приказаніе о немедленномъ и безостановочномъ наступленіи, съ цѣлью дѣйствія во флангъ, а частью и въ тылъ непріятеля; а всѣ наши роты, подъ личнымъ начальствомъ командира полка, были двинуты на турецкій лагерь. Въ то-же время начался спускъ орудій, представившій неимовѣрныя трудности, по причинѣ страшной крутизны ската и обилія высокихъ и обрывистыхъ скалъ; при этомъ я слышалъ, какъ артиллерійскій офицеръ, обратясь къ командиру нашего полка, просилъ дать, для спуска орудій, нашихъ людей, такъ какъ армейскіе солдаты (по его словамъ) хотя и молодцы, но слишкомъ малосильны для столь тяжелой работы.

Едва турки успѣли замѣтить наше энергичное наступленіе, какъ ихъ лагерь запылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а защитники начали отступать, и только однѣ стрѣлковыя цѣпи, лежавшія за закрытіями, оставались еще на мѣстѣ, прикрывая своимъ огнемъ отступленіе частей, занимавшихъ лагерь; впрочемъ и стрѣлки скоро были сбиты нашими, такъ что въ семь часовъ непріятель скрылся уже въ ущельи, и перестрѣлка прекратилась окончательно.

Какъ лагерь, такъ и городъ тотчасъ же были заняты нашими войсками. Въ погоню за обозомъ былъ посланъ Астраханскій драгунскій полкъ,

которому удалось догнать только хвостъ колонны, отбить у непріятеля четыре орудія и до 100 повозокъ. За темнотою дальнѣйшее движеніе впередъ, для выбора болѣе удобнаго бивуака, было невозможно, а потому всѣ части остались ночевать на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ ихъ застало прекращеніе боя. Это дѣло на долго останется у насъ въ памяти, не только по причинѣ достигнутыхъ имъ результатовъ, но также и вслѣдствіе даннаго намъ нашими доблестными соратниками (армейцами) лестнаго для насъ названія—«шальнаго полка».

Изъ числа личныхъ подвиговъ, оказанныхъ въ этомъ дѣлѣ нижними чинами полка, наиболѣе замѣчательны слѣдующіе:

1) Фельдфебеля 5-й роты, Ивана Григорьева, который, производя, подъ градомъ пуль разсчетъ людей, для постройки ложементовъ, вышелъ впередъ и оставался передъ ложементами до тѣхъ поръ, пока они не были совершенно окончены; затѣмъ, управляя стрѣлковою цѣпью, Григорьевъ, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и полнымъ знаніемъ дѣла, распоряжался огнемъ цѣпи, а потому всѣ дѣйствія послѣдней были въ высшей степени удачны.

2) Фельдфебеля 6-й роты, Поликарпъ Критининъ, который, будучи начальникомъ стрѣлковой цѣпи своей роты, отразилъ аттаку непріятеля, направленную на лѣвый флангъ цѣпи, а также съ полнымъ хладнокровіемъ и замѣчательною распорядительностью управлялъ ею при дальнѣйшемъ наступленіи и обходѣ непріятельской позиціи;—и

3) Фельдфебеля 7-й роты, Евстигнѣя Дмуха, который, подобно фельдфебелю Григорьеву, не взирая на весьма сильный огонь непріятеля, съ полнымъ хладнокровіемъ руководилъ работами по укрѣпленію позиціи и оставался впереди ложементовъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не были совершенно окончены.

За означенные подвиги Григорьевъ, Критининъ и Дмухъ награждены знакомъ отличія военнаго ордена третьей степени.

13-го Ноября. г. Этрополь.

Утромъ прибылъ изъ резерва нашъ 1-й баталіонъ, а также и двѣ роты, оставленныя нами въ Лупенскомъ ущельи при орудіяхъ.

Около полудня полкъ перешелъ на бивуакъ къ г. Этрополю.

Самый городъ ничего особаго не представляетъ: улицы узки, кривы и плохо вымощены; дома, за исключеніемъ одного (въ четыре этажа) малы и очень не высоки, оконныя стекла составляютъ здѣсь предметъ роскоши, по большей же части ихъ замѣняетъ бумага и внутренія ставни, которыми окны закрываются на ночь; впрочемъ, внутренность большинства зданій отличается замѣчательною опрятностью.

Турецкая мечеть находится въ самомъ плачевномъ состояніи и носитъ на себѣ несомнѣнные признаки того, что за послѣднее время она была обращена въ артиллерійскій складъ.

Болгарская церковь осталась не тронутою, что, впрочемъ, не слѣдуетъ считать доказательствомъ порядочности турокъ, потому что, по словамъ болгаръ, тринадцать человѣкъ лучшихъ гражданъ города (въ томъ числѣ и шесть священниковъ) уведены турками въ Орханіе; причемъ послѣдніе угрожаютъ казнью этихъ заложниковъ, если населеніе не оставитъ Этрополя.

Кстати о населеніи,—оно встрѣтило насъ съ хлѣбомъ и солью, и болгары не знаютъ, какъ принять насъ и чѣмъ угостить; солдатамъ многое они даютъ даромъ. Вообще Этропольскіе болгары рѣзко отличаются отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ ближе къ Дунаю: постоянное «Нѣма, братушка, нѣма» послѣднихъ замѣняется у первыхъ полною готовностью отдать послѣдній кусокъ.

Съ 14-го по 16-е Ноября.

Благополучно стоимъ въ Этрополѣ и молимъ Бога о продленіи нашего здѣсь пребыванія, такъ какъ, со времени перехода черезъ Дунай, Этрополь представляетъ для насъ первую стоянку, въ которой мы можемъ и отдохнуть. Для послѣдней цѣли особо отведенъ небольшой домикъ, въ которомъ, съ ранняго утра до поздней ночи, производится дѣятельная починка обуви и платья.

17-го Ноября. Златицкій перевалъ.

Сегодня въ четыре съ половиною часу утра изъ Этрополя выступили шесть нашихъ ротъ (2-й баталіонъ и двѣ роты 4-го баталіона), которымъ было приказано занять Златицкій перевалъ. Отъ Этрополя до перевала болгары считаютъ около пятьнадцати верстъ. Изъ нихъ только версты три пути еще сколько-нибудь сносны, но прочія девять представляютъ нѣчто такое, о чемъ мы, сидя въ Петербургѣ и изучая горныя ущелья только по географіямъ гг. Смирнова, Пуликовскаго и т. п., не имѣли ни малѣйшаго представленія. Прежде всего нужно замѣтить, что Златицкій перевалъ лежитъ на высотѣ четырехъ тысячъ четыреста футъ, тогда, принявъ во вниманіе разстояніе его отъ равнины (около девяти верстъ), можно будетъ создать себѣ хотя приблизительное понятіе о крутизнѣ ската; но и крутизна ската сама по себѣ — ничто, если-бы къ этому не прибавлялось еще то обстоятельство, что единственно доступная для движенія тропинка мѣстами не шире аршина и состоитъ изъ каменныхъ, иногда весьма высокихъ, ступеней; къ тому-же, справа

эта тропинка окаймляется эскарпированнымъ обрывомъ, доходящимъ до русла горной рѣки Искеръ, а слѣва обставлена каменными глыбами, нерѣдко свѣшивающимися надъ ней и Искеромъ, и, повидимому, весьма часто обваливающимися во время весенняго таянія снѣговъ, доказательсвомъ чего служитъ цѣлая масса сорванныхъ этими глыбами и загромождающихъ путь деревьевъ и огромное количество камней; что́, при крутизнѣ ската и подъ вліяніемъ горныхъ потоковъ, образовавшихся вслѣдствіе четырехъ-дневнаго снѣга, дѣлаетъ это ущелье еще опаснѣе: зачастую насыпная почва обваливается, и человѣкъ, невольно слѣдуя за движущимися подъ его ногами камнями, безпрепятственно можетъ угодить въ Искеръ, представляющій собою, во многихъ мѣстахъ, кипящую пучину.

Около десяти часовъ утра нашъ отрядъ добрался до полу-разрушеннаго блокгауза, находящагося въ разстояніи двухъ верстъ отъ перевала. Здѣсь людямъ данъ былъ отдыхъ, послѣ котораго сдѣланы распоряженія для аттаки перевала. Весь отрядъ, состоявшій всего изъ семи ротъ (шесть нашихъ и одна 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка, присоединившаяся къ намъ у блокгауза), были раздѣлены на три колонны (по двѣ роты въ каждой) и одна рота была оставлена въ резервѣ.

Средняя колонна начала наступленіе по главной тропинкѣ, двѣ другія—по горамъ, окаймляющимъ ея съ обѣихъ сторонъ.

Во время этого наступленія нашимъ взорамъ представилась большая толпа людей поспѣшно рывшихъ ложементы; но при нашемъ приближеніи эти люди (болгары изъ Златицы и прилежащихъ къ ней деревень) бросили свои заступы и быстро разбѣжались.

Несмотря на энергичный огонь противника, роты продолжали безостановное наступленіе и даже успѣли занять высоты, командующія расположеніемъ непріятеля. Турки неоднократно дѣлали попытки обхватить насъ съ фланговъ, но, угражаемые контръ-обхватомъ, должны были отказываться и отъ этого намѣренія.

Такимъ образомъ, несмотря на значительное превосходство силъ и прекрасную позицію, нашъ противникъ началъ отступать частью по восточной, а частью по западной окраинѣ Клиссакіойскаго ущелья. Первыхъ мы не могли преслѣдовать далеко потому, что ими заблаговременно были заняты, на южныхъ отрогахъ горъ, высокія и обрывистыя скалы, доступъ къ которымъ съ нашей стороны былъ совершенно невозможенъ; за отступившими-же по отрогамъ хребта, лежащимъ къ западу отъ ущелья, посланы три роты и одна сотня казаковъ, которыя и оттѣснили турокъ на южный склонъ горъ, версты на три далѣе восточнаго уступа.

Около этого времени на перевалъ прибыли прочія части полка, которымъ тотчасъ-же и было приказано идти на подкрѣпленіе, а частью и на смѣну ротъ, бывшихъ въ дѣлѣ. Смѣна эта была вызвана необхо-

димостью оставаться на позиціи втеченіе всей наступающей ночи, а также и съ цѣлью сдѣлать варку и дать отдыхъ людямъ 2-го и 4-го баталіоновъ.

Къ ночи нами были уже вырыты ложементы, въ которыхъ и расположились стрѣлки. Прочія части полка вошли въ составъ второй линіи и общаго резерва. Побѣдными трофеями этого дѣла, кромѣ брошенныхъ болгарами лопатъ, служитъ значительное количество жестяныхъ ящиковъ съ боевыми патронами.

Изъ всѣхъ личныхъ подвиговъ храбрости, оказанныхъ нижними чинами полка, при взятіи перевала, наиболѣе выдѣляется, по своимъ послѣдствіямъ, подвигъ старшаго унтеръ-офицера 5-й роты, Савелія Лукенюка, который, за недостаткомъ офицеровъ, былъ посланъ ротнымъ командиромъ для производства осмотра лѣваго фланга непріятельской позиціи. Лукенюкъ, желая исполнить возложенное на него порученіе возможно добросовѣстнѣе, настолько приблизился къ расположенію противника, что послѣдній замѣтилъ его и открылъ сильный огонь. Несмотря на это, Лукенюкъ, перебѣгая отъ одного закрытія къ другому и укрываясь такимъ образомъ отъ пуль противника, окончилъ данное ему порученіе и, возвратясь къ ротному командиру, указалъ послѣднему тропу (пролегающую по снѣжной горѣ), по которой рота, безъ большихъ потерь, обошла лѣвый флангъ непріятеля и тѣмъ заставила его очистить укрѣпленную позицію, которую онъ занималъ на Златицкомъ перевалѣ.

За означенный подвигъ Лукенюкъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

18-го Ноября.

Сегодня весь день шелъ сильный дождь съ порывистымъ вѣтромъ.

Перестрѣлка съ непріятелемъ, не прекращавшаяся всю ночь, утромъ въ значительной степени усилилась.

Въ три часа дня мы замѣтили, что турки начали возводить редутъ на своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на высокой горѣ, надъ деревней Челопечени, лежащей въ Златицкой долинѣ, у самаго подножія горъ. Вслѣдствіе этого, наша стрѣлковая цѣпь передвинулась впередъ и своимъ огнемъ заставила противника прекратить работы по сооруженію упомятаго укрѣпленія.

Въ то-же время командиръ полка приказалъ, съ наступленіемъ темноты, приступить къ работамъ по заложенію и постройкѣ редута на горѣ, лежащей противъ возвышенности, занятой турками и командующей послѣднею.

Погода не смѣняется: весь день, какъ и вчера, шелъ сильный дождь и дулъ порывистый вѣтеръ. Къ ночи стало очень холодно.

19-го Ноября.

Сегодня ночью работы по сооруженію укрѣпленія вполнѣ окончены, и редутъ названъ «русскимъ», въ отличіе отъ турецкаго, который, какъ мы надѣемся, въ непродолжительномъ времени также долженъ достаться намъ.

Укрѣпленіемъ упомянутой мною вчера высоты мы обезпечили нашъ правый флангъ отъ продольнаго огня противника, что было бы неизбѣжно, если-бы послѣдній занялъ эту высоту ранѣе насъ.

Глубокая темнота и густой туманъ препятствовали туркамъ замѣтить нашу работу, но съ другой стороны, тѣ-же условія позволили и противнику окончить постройку своего редута (сооруженіе котораго онъ началъ вчера) и снабдить его горнымъ орудіемъ.

На утро турки, замѣтивъ, что весьма важный въ стратегическомъ смыслѣ пунктъ занятъ нами, пытались обойти нашъ правый флангъ и заставить насъ очистить какъ редутъ, такъ и возведенные передъ нимъ ложементы; вслѣдствіе чего нами немедленно преступлено къ сооруженію правѣе редута, двухъ новыхъ ложементовъ, имѣвшихъ назначеніе противодѣйствовать этому обхвату. Перестрѣлка продолжалась втеченіе всего дня.

Сильный вѣтеръ и проливной дождь. Вечеромъ выпалъ снѣгъ, а къ ночи сдѣлалось настолько холодно, что мы не знали какъ и чѣмъ укутаться.

Вообще положеніе наше далеко незавидно: дожди и сильные вѣтры, гася и разнося костры, лишаютъ насъ послѣдней возможности сколько нибудь обсушиться и отогрѣться; отсутствіе фуража не только на перевалѣ, но и въ самомъ Этрополѣ, угрожаетъ голодною смертью нашимъ лошадямъ и осламъ, а весьма возможное прекращеніе сообщенія съ Этрополемъ (въ случаѣ сильнаго заноса ущелья снѣгомъ) тѣмъ-же угрожаетъ даже и намъ самимъ. Къ этому нужно прибавить еще, что, при самомъ ничтожномъ боевомъ составѣ (всего около 1000 штыковъ) и не имѣя ни одного хотя-бы горнаго орудія намъ приходится оборонять позицію въ нѣсколько верстъ и притомъ противъ непріятеля, превосходящаго насъ въ четыре раза своею численностью и имѣющаго, по словамъ болгаръ, отъ четырехъ и до шести дальнобойныхъ орудій; а также и то обстоятельство, что о дѣйствіяхъ колоннъ, находящихся по сторонамъ насъ и долженствующихъ спуститься съ Балканъ одновременно съ нами, мы имѣемъ самыя неутѣшительныя извѣстія, изъ чего, къ сожалѣнію, приходится заключить, что время пребыванія нашего въ заоблачномъ мірѣ (облака за частую спускаются ниже перевала) можетъ продлиться на неопредѣленное время.

20-го Ноября.

Утромъ непріятель сдѣлалъ еще болѣе серьезную, чѣмъ вчера, попытку, отбросить нашъ правый флангъ, для чего открылъ огонь изъ гор-

наго орудія, направляя выстрѣлы нѣсколько во флангъ нашихъ ложементовъ. Впрочемъ, это не привело къ желаемому результату, такъ какъ всѣ занятые нами ложементы мы удержали за собою. Тогда турки рѣшились прибѣгнуть къ другой болѣе существенной мѣрѣ: на гору, съ которой они старались поражать насъ еще вчера, была выдвинута ими весьма сильная цѣпь, которой, на этотъ разъ, дѣйствительно удалось обхватить нашъ правый флангъ и даже зайти въ тылъ одному изъ ложементовъ, причемъ, занявъ вблизи его командующую высоту, непріятель открылъ по ложементу мѣткій огонь, вслѣдствіе котораго въ самое непродолжительное время мы потеряли нѣсколько человѣкъ ранеными и даже убитыми, однако, находчивость начальствующаго надъ защитниками ложемента, фельдфебеля 10 роты Павла Никитина, спасла уцѣлѣвшихъ, а съ ними и самый ложементъ; вслѣдъ за появленіемъ турокъ на упомянутой высотѣ, Никитинъ тотчасъже приказалъ приступить къ насыпкѣ задняго бруствера и тѣмъ обратилъ ложементъ въ небольшой редутъ, въ которомъ онъ и держался съ своею полуротою втеченіе нѣсколькихъ часовъ, противъ непріятеля, превышавшаго насъ своей численностью въ пять разъ. Наконецъ, на помощь этой горсти храбрецовъ бросился пикетъ отъ Кубанской казачьей сотни, который, не ожидая приказаній, спѣшился и открылъ столь мѣткій огонь по непріятельской цѣпи, что послѣдняя, видя безуспѣшность своихъ дѣйствій, а слѣдовательно и безполезность потерь, начала отступать.

Но этимъ мѣры, принимаемыя противникомъ, не ограничились: съ цѣлью болѣе рѣшительнаго обхвата праваго фланга, а также, какъ это вскорѣ оказалось, и прикрытія рекогносцировки нашей позиціи, производившейся въ это время съ снѣжной высоты, командующей всѣмъ нашимъ расположеніемъ, по Челопеченскому ущелью турками была двинута довольно сильная колонна, состоящая изъ пѣхоты и кавалеріи.

Для противодѣйствія этому новому обхвату, начальникъ отряда выслалъ одинъ взводъ Кубанской казачьей сотни и полторы роты, которыя частью были разсыпаны въ цѣпь, а частью направлены на вершину одной весьма высокой скалы, лежавшей противъ фронта противника.

Непріятельская колонна, встрѣченная нашимъ огнемъ какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ, повернула назадъ и отступила въ полномъ безпорядкѣ, причемъ понесла весьма значительныя потери убитыми и ранеными: въ числѣ первыхъ былъ и одинъ изъ офицеровъ, лошадь котораго съ полнымъ снаряженіемъ досталась командиру 12-й роты.

Изъ личныхъ подвиговъ храбрости, оказанныхъ въ этотъ день нижними чинами полка, кромѣ упомянутаго выше подвига фельдфебеля 10-й роты, Павла Никитина, заслуживаетъ вниманія еще подвигъ исправляющаго должность фельдфебеля 12-й роты, старшаго унтеръ-офицера Варлаама Баранова, который, во время занятія ротою редута на правомъ флангѣ позиціи, въ моментъ, когда противникъ, обойдя этотъ флангъ, осы-

палъ редутъ градомъ пуль и даже угрожалъ тылу его, былъ посланъ съ небольшою частью роты, съ цѣлью обойти непріятельское расположеніе. Барановъ исполнилъ возложенное на него порученіе блистательнымъ образомъ и своимъ мѣткимъ огнемъ заставилъ турокъ отступить.

Какъ Никитинъ, такъ и Барановъ награждены знаками отличія военнаго ордена 3-й ст. Сегодня у насъ былъ одинъ казачій офицеръ, котораго генералъ Гурко посылалъ съ письмомъ къ Шефкету-пашѣ.

Офицеръ этотъ разсказывалъ, что, когда онъ, послѣ обычной процедуры, продѣлываемой обыкновенно надъ парламентерами, вручилъ, наконецъ, кому слѣдуетъ письмо, для передачи по назначенію, то не прошло и полчаса, какъ прискакалъ адъютантъ Шефкета, привезшій съ собою: фрукты, молотый кофе и коверъ, разославъ который, онъ пригласилъ сѣсть нашего парламентера, а затѣмъ принялся за приготовленіе любимаго напитка турокъ (кофе). Началось угощеніе и соединенный съ нимъ оживленный разговоръ, причемъ оба собесѣдника произвели другъ на друга весьма пріятное впечатлѣніе, турецкій офицеръ сталъ упрашивать нашего ѣхать съ нимъ къ Шефкету. Хотя просьба эта и не была исполнена, тѣмъ не менѣе они разстались пріятелями, и турокъ, при прощаньи, желая всякаго благополучія своему врагу-гостю, прибавилъ: «пусть Императоръ Александръ и Султанъ Гамидъ будутъ между собою врагами, намъ-же это ни мало не мѣшаетъ быть друзьями»!

Вообще, по словамъ того-же офицера, турки отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Служа на Кавказѣ, ему нерѣдко приходилось занимать кордонную линію и, приходя, такимъ образомъ, въ неоднократныя съ ними соприкосновенія, онъ имѣлъ полную возможность изучить съ этой стороны нашего теперешняго врага: даже ночью, когда турецкіе офицеры запираются въ своихъ сторожкахъ и забываютъ о существованіи контрабандистовъ, достаточно, чтобы подъ дверью этой сторожки раздался голосъ русскаго офицера, какъ послѣдняя тотчасъ-же отворяется и гость принимается обыкновенно съ замѣчательнымъ радушіемъ, и на столѣ собесѣдниковъ нерѣдко одна бутылка быстро смѣняется другою, когда-же наши указываютъ туркамъ на запрещеніе вина Махамедомъ, то послѣдніе отвѣчаютъ, что при пророкѣ было только два сорта вина (красное и бѣлое), а потому его запрещеніе не относится къ всѣмъ прочимъ.

Должно быть при пророкѣ и свиньи были другого сорта, потому что, по словамъ того-же лица, турецкіе офицеры съ аппетитомъ кушаютъ свиныя котлеты.

Однако довольно о туркахъ, тѣмъ болѣе, что поднимающійся вѣтеръ и отсутствіе на мнѣ хотя-бы одной сухой нитки (весь день шелъ проливной дождь) не очень-то располагаютъ къ шуткамъ.

Ночью поднялся такой страшный вѣтеръ, что палатки лежали одна за другой; костровъ какъ не бывало! Къ утру вѣтеръ нѣсколько утихъ,

но бѣда въ томъ, что теперь уже поздно грѣться и сушиться,—началась опять возня съ турками: еще ночью они оставили ложементы и редутъ, которые тотчасъ-же и были заняты нами; съ наступленіемъ-же утра непріятель сталъ отступать и изъ деревни Челопечени и Клиссакіой и, сосредоточивъ почти всѣ свои силы въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ г. Златицей, оставилъ передъ означенными деревнями только небольшія части пѣхоты, прикрытыя стрѣлковою цѣпью, и, кромѣ того, отъ шести до семъ сотенъ кавалеріи, маневрировавшей между деревнями. Всѣ эти дѣйствія, повидимому, имѣли своею цѣлью выманить насъ въ долину и навести на его сильно укрѣпленный и снабженный шестью орудіями лагерь, а также и на г. Златицу, опушка которой была занята стрѣлками. Видя, что эти мѣры не приводятъ къ ожидаемому результату и потерявъ всякую надежду заманить насъ въ ловушку, турки сами перешли въ наступленіе и сдѣлали нѣсколько попытокъ приблизиться къ высотамъ, но, будучи встрѣчены сильнымъ огнемъ нашей стрѣлковой цѣпи, расположенной по склону горъ и притомъ весьма недалеко отъ ихъ подошвы, вынуждены были опять уходить въ лагерь. Эти маневры продолжались до третьяго часа дня, въ исходѣ котораго мы увидѣли, что турецкая кавалерія снова начала сновать около лагеря, а затѣмъ отъ нея отдѣлилось около сотни черкесовъ, съ гиками бросившихся на дер. Челопечени и начавшихъ въ ней избіеніе болгаръ. Тогда намъ уже пришлось немедленно прибѣгнуть къ прекращенію этого безобразія, т. е., короче говоря, къ занятію деревни, что и было поручено четыремъ сотнямъ казаковъ и двумъ ротамъ нашего полка. Черкесы были изгнаны и деревня осталась за нами.

Но турки не успокоились: они выдвинули въ долину два орудія и начали стрѣлять по деревнямъ Челопечени и Клиссакіой съ очевидною цѣлью зажечь ихъ; и дѣйствительно — первую изъ нихъ имъ удалось поджечь въ девяти мѣстахъ, однако, пожаръ нами былъ скоро потушенъ, и бо́льшая часть деревни сохранилась. Деревня Клиссакіой также занята нами. Обѣ деревни представляютъ страшные слѣды пребыванія въ нихъ баши-бузуковъ: многія изъ зданій находятся въ полу-разрушенномъ состояніи, а въ деревни Челопечени, кромѣ того, зачастую попадаются и обезображенные трупы несчастныхъ болгаръ.

Изъ числа личныхъ подвиговъ храбрости, оказанныхъ въ этотъ день нижними чинами полка, наиболѣе выдѣляются слѣдующіе: 1) фельдфебеля 15-й роты Кузьмы Козлова, который, командуя (за недостаткомъ въ полку офицеровъ) всею ротою и будучи предоставленъ самъ себѣ, обнаружилъ замѣчательную распорядительность и полное презрѣніе опасности: не разъ непріятель, расположась за закрытіями, открывалъ сильный огонь по наступающей цѣпи 15-й роты, но наши стрѣлки, ободренные примѣромъ своего фельдфебеля и примѣняясь, по его указанію, къ мѣстности, продол-

жали безостановочное движеніе по склону горъ, и своимъ мѣткимъ огнемъ заставили непріятеля удалиться въ глубь долины. 2) Младшаго унтеръ-офицера 12-й роты, Григорія Яшникова, который еще вчера, во время занятія ротою редута на правомъ флангѣ позиціи, въ сильный туманъ, одинъ отправился къ турецкимъ аванпостамъ (съ цѣлью высмотрѣть ихъ расположеніе) и подошелъ при этомъ почти къ самой цѣпи непріятеля; сегодня-же, когда полурота 12-й роты была послана на правый флангъ позиціи для очищенія находящягася здѣсь оврага отъ баши-бузуковъ, Яшниковъ, съ нѣсколькимя товарищами, вошелъ въ самый оврагъ и, ставъ на перерѣзъ бѣгущимъ изъ него (отъ упомянутой полуроты) туркамъ, своими мѣткими выстрѣлами положилъ на мѣстѣ всѣхъ отрѣзанныхъ. За означенные подвиги какъ Козловъ, такъ и Яшниковъ награждены знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

Нельзя не порадоваться занятію нами деревень Челопечени и Клиссакіой, и особенно въ видѣ того, что, благодаря истощенію запасовъ фуража даже и въ Этрополѣ, мы уже пятый день находимся подъ страхомъ потери всѣхъ нашихъ лошадей иословъ, которые все это время питаются исключительно одними древесными листьями, но, съ другой стороны, если принять во вниманіе незначительность боеваго состава полка и громадность позиціи, то невольно приходится призадуматься надъ задачею удержанія за собою обѣихъ деревень, и особенно Челопечени, окруженной значительнымъ количествомъ командующихъ высотъ, занятіе которыхъ нами физически невозможно по причинѣ малочисленности отряда.

Ну, что будетъ, то будетъ! а пока и то хорошо, что мы добыли такое количество сѣна и ячменя, которое намъ хватитъ на нѣсколько дней, а тамъ авось, наконецъ, и слѣземъ внизъ!

Сегодня пришло извѣстіе о смерти раненаго при аттакѣ Горнаго Дубняка подпоручика Шейдемана. Покойный вмѣстѣ съ другимъ нашимъ товарищемъ (тяжело-раненымъ поручикомъ Мачеваріяновымъ) первымъ ворвался во внутренность непріятельскаго укрѣпленія.

22-го Ноября. Златицкій перевалъ.

Въ одиннадцатомъ часу дня изъ лагеря турокъ выступили двѣ колонны, изъ которыхъ одною непріятель демонстрировалъ противъ фронта нашей позиціи, а другою предпринялъ довольно энергичную аттаку дер. Челопечени, и, благодаря только замѣчательной стойкости нашихъ ротъ и казаковъ (которые были спѣшены), онъ былъ отбитъ съ значительными потерями.

Подробности дѣла видны изъ разсмотрѣнія личныхъ подвиговъ, между которыми особаго вниманія заслуживаютъ подвиги фельдфебеля 9-й роты, Егора Шахова и рядоваго той-же роты, Викентія Тарговскаго.

Изъ нихъ Шаховъ въ день боя командовалъ одною полуротою 9-й роты и долженъ былъ, съ этими ничтожными силами, оберегать отъ вторженія непріятеля правый флангъ деревни, на который турки (какъ это оказалось въ моментъ разгара боя) обратили главное вниманіе. Весь отрядъ, занимавшій деревню, состоялъ всего изъ двухъ ротъ и столькихъ-же сотенъ казаковъ, что вынудило насъ, оставивъ въ резервѣ всего одну полуроту, всѣ прочія части пустить въ боевую линію. Такимъ образомъ Шаховъ былъ предоставленъ исключительно самъ себѣ и на поддержку разсчитывать не могъ.

Между тѣмъ, какъ съ фронта наступало около двухъ таборовъ пѣхоты, на правый флангъ понеслась кавалерія въ количествѣ около двухъ эскадроновъ. Предвидя всю пагубность послѣдствій удачи турокъ, Шаховъ рѣшился выдвинуть свою полуроту на пятьсотъ шаговъ впередъ, и здѣсь, на совершенно открытой мѣстности онъ открылъ по непріятельской кавалеріи столь убійственный огонь, что послѣдняя была вынуждена отступить. Однако, турки этимъ не ограничились: аттаки ихъ повторялись еще нѣсколько разъ, но и онѣ были, подобно первой, блистательно отбиты горстью храбрецовъ.

Наконецъ, противникъ, видя всю безуспѣшность своего маневра, рѣшился на обходъ, который былъ замѣченъ нами только тогда, когда турецкіе всадники показались уже въ тылу деревни. Положеніе было критическое, такъ какъ на задней окраинѣ деревни не было ни одного солдата; однако, Шаховъ не растерялся: схвативъ нѣсколькихъ ближайшихъ къ нему стрѣлковъ, онъ бросился къ угрожаемому пункту и подоспѣлъ къ нему въ то время, когда непріятельскіе всадники были всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ опушки. Зарядивъ на ходу ружья, команда Шахова открыла бѣглый огонь, почти въ упоръ баши-бузукамъ, которые, не ожидавъ такой встрѣчи, въ карьеръ понеслись назадъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколькихъ всадниковъ и лошадей.

Нужно замѣтить при этомъ, что Шаховъ, будучи раненъ еще въ началѣ боя, не только не оставилъ строя, но даже и перевязку сдѣлалъ уже по окончаніи дѣйствій; такъ что, втеченіе нѣсколькихъ часовъ, рана его была прикрыта только находившимися подъ руками тряпками и перевязана носовымъ платкомъ.

Что касается до подвига Викентія Тарговскаго, то, для большей ясности его заслуги, я считаю необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ деталяхъ дѣла:

Впереди деревни, какъ уже сказано выше, была расположена наша цѣпь, а передъ нею, въ разстояніи около пятисотъ шаговъ, находилась небольшая роща, занять которую мы не имѣли никакой возможности, вслѣдствіе ничтожности отряда, оборонявшаго деревню, между тѣмъ турки, пользуясь прикрытіемъ этой рощи, подошли къ намъ очень близко. Видя это, рядовой Тарговской, вмѣстѣ съ рядовымъ Литвиновымъ (который былъ въ этотъ день убитъ), подходитъ къ своему ротному командиру и говоритъ:

«Ваше высокоблагородіе, позвольте намъ идти къ этимъ деревьямъ.»—«Зачѣмъ?»—«Да какъ-же: вѣдь турки-то пробираются къ намъ уже больно близко!»—«Да, вѣдь васъ тамъ сейчасъ-же и уложатъ.»—«Ничего»—былъ единодушный отвѣтъ обоихъ товарищей, а Тарговской еще прибавилъ при этомъ: «Меня пуля не возьметъ!»

Они были отпущены.

Перебѣгая отъ закрытія къ закрытію, они благополучно достигли рощи и тамъ, взобравшись на деревья, начали стрѣлять въ турокъ (находившихся отъ нихъ не болѣе какъ въ разстояніи двухсотъ шаговъ), какъ говорится—на выборъ.

Разстрѣлявъ свои патроны, Тарговской два раза подъ страшнымъ огнемъ приходилъ въ цѣпь, забиралъ патроны, возвращался къ рощѣ и снова взлѣзалъ на свое дерево. Наконецъ рядовой Литвиновъ былъ смертельно раненъ, но Тарговской и одинъ не покинулъ рощи и остался тамъ до конца боя; при этомъ ему пришлось еще нѣсколько разъ приходить къ товарищамъ за патронами; когда же послѣдніе говорили ему: «Да хватитъ съ тебя, турки, наконецъ, подцѣпятъ и твою буйную голову!»—«Не въ ихъ власти!»—былъ единственный отвѣтъ Тарговскаго.

Какъ Шаховъ, такъ и Тарговскій награждены знаками отличія военнаго ордена 3-й степени.

Сегодняшнее дѣло, изъ котораго выяснилась вся опасность гарнизона деревни и полная невозможность своевременной поддержки его резервомъ, доказало намъ насколько была бы полезна для насъ артиллерія, а потому, по настоянію командира полка, начальникъ отряда послалъ просить генерала Гурко о присылкѣ хоть двухъ орудій. О большемъ количествѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, потому что и съ двумя едва-ли мы справимся, такъ какъ тропинка Этропольскаго ущелья, благодаря своей ничтожной ширинѣ и обилію каменныхъ ступеней, представляетъ почти неодолимое препятствіе для подъема орудій на перевалъ. Единственно возможнымъ способомъ является доставка ихъ на людяхъ и въ совершенно разобранномъ видѣ. Для этой цѣли еще утромъ была послана 5-я рота, но такъ какъ вскорѣ она положительно выбилась изъ силъ, то вечеромъ въ помощь ей была отправлена еще и 7-я рота. Погода еще хуже вчерашней: весь день шелъ сильный снѣгъ и дулъ рѣзкій, порывистый вѣтеръ, а ночью морозъ былъ настолько силенъ, что на утро въ числѣ больныхъ (процентъ которыхъ ежедневно возрастаетъ) оказалось нѣсколько человѣкъ съ отмороженными конечностями.

23-го Ноября.

Не взирая на неутомимую работу 5-й и 7-й ротъ, орудія доставлены только сегодня утромъ. Такая медленность движенія объясняется тѣмъ,

что люди, за неимѣніемъ мѣста на тропѣ, должны были карабкаться по скаламъ, таща за собою (при помощи веревокъ) тѣло орудія и части лафета. Работа продолжалась и втеченіе всей ночи, для чего ущелье освѣщалось кострами, раскладывавшимися по мѣрѣ движенія впередъ.

Но насколько тяжела была доставка орудій, настолько-же великъ былъ эфектъ произведенный первымъ выстрѣломъ. Прежде всего нужно замѣтить, что орудія доставлены на позицію рано утромъ и тотчасъ-же, подъ прикрытіемъ тумана, расположены въ батареѣ (надъ дер. Клиссакіой), когда-же туманъ разсѣялся, то изъ лагеря турокъ вышла довольно сильная пѣхотная колонна, по которой мы не произвели ни одного выстрѣла, но когда колонна была почти на высотѣ дер. Клиссакіей, то раздалась команда: «Первая—пли!», а нѣсколько секундъ спустя мы ясно увидали разрывъ снаряда (съ дистанціонною трубкою), лопнувшаго надъ самою серединою турецкой колонны. Паника, произведенная полною неожиданностью орудійнаго выстрѣла, была настолько велика, что колонна разсыпалась по всѣмъ направленіямъ. Однако, скоро первое впечатлѣніе улеглось, и вотъ непріятель снова дѣлаетъ нѣсколько попытокъ аттаковать дер. Клиссакіой; что́, впрочемъ, не привело къ ожидаемому имъ результату, и деревня попрежнему осталась за нами. При этомъ изъ нижнихъ чиновъ полка особенно отличился старшій унтеръ-офицеръ 3-й роты, Иванъ Ковалевъ, который, будучи посланъ со своимъ взводомъ, съ цѣлью занять выходъ изъ деревни, благодаря своей распорядительности и умѣнью управлять огнемъ, отразилъ нѣсколько кавалерійскихъ аттакъ, направленныхъ на лѣвый флангъ нашего расположенія, и тѣмъ во многомъ способствовалъ общему успѣху сегодняшняго дѣла.

За означенный подвигъ Ковалевъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

Сегодня снѣгъ смѣнился дождемъ, вслѣдствіе чего на горахъ царствуетъ невылазная грязь. Вѣтеръ усилился еще больше.

24-го Ноября.

Перестрѣлка съ турками продолжается. Сегодня начальникъ Златицкаго отряда, генералъ-маіоръ Курнаковъ, предполагалъ произвести аттаку гор. Златицы, но по ближайшему разсмотрѣнію дѣла аттака эта была отложена до слѣдующаго дня.

Дождь и вѣтеръ.

25-го Ноября.

Перестрѣлка продолжается.

На основаніи особаго приказанія генералъ-адъютанта Гурко, вызваннаго, между прочимъ (какъ мы узнали впослѣдствіи), временною пріоста-

новкою наступательныхъ дѣйствій, вслѣдствіе неудачнаго дѣла подъ Еленой, аттака г. Златицъ отмѣнена вовсе, чему нельзя не порадоваться, потому что предпріятіе это было бы дѣломъ крайне рискованнным, такъ какъ спустить въ долину мы можемъ никакъ не болѣе восьми сотъ человѣкъ (остальные должны оберегать фланги и ущелье), чего весьма недостаточно для прочнаго занятія такого города, какъ Златица, протяженіе фронта котораго доходитъ до двухъ верстъ; къ тому-же не болѣе какъ на ружейный выстрѣлъ къ югу отъ города лежитъ большой, усиленный трехъ-ярусной обороный лагерь, взять который, съ нашими силами, очевидно не представлялось ни малѣйшей возможности.

Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что за Балканами нѣтъ ни одного русскаго баталіона (кромѣ нашихъ ротъ, занимающихъ деревни Челопечени и Клиссакіой), такъ что всѣ разсчеты на какую-либо поддержку не могли имѣть мѣста.

Вѣтеръ, дождь и та-же невылазная грязь, процентъ больныхъ быстро возрастаетъ.

26-го Ноября.

Сегодня непріятель повторилъ свои наступальныя дѣйствія противъ деревни Клиссакіой, но, послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ нами, отступилъ въ укрѣпленный лагерь. Въ виду недостаточности гарнизона дер. Челопечени (всего двѣ роты и нѣсколько сотенъ казаковъ), начальникъ отряда нашелъ необходимымъ спустить въ деревню еще три роты.

Сегодня весь день производились дѣятельныя работы по укрѣпленію тѣхъ участковъ нашей позиціи, которые не были укрѣплены ранѣе.

Вѣтеръ, при морозѣ около пяти градусовъ. Грязь смѣнилась гололедицей.

27-го Ноября.

Сегодня непріятель еще разъ возобновилъ свою попытку аттаки дер. Челопечени, причемъ, желая приблизиться къ ней внѣ сферы нашего орудійнаго огня, произвелъ фланговое движеніе по отрогамъ у Малыхъ Балканъ, лежащихъ къ югу отъ Златицы; но у самой деревни противникъ былъ встрѣченъ столь сильнымъ огнемъ нашей цѣпи (занимавшей ложементы впереди деревни), что послѣ непродолжительной перестрѣлки былъ вынужденъ отступить обратно къ укрѣпленному лагерю. Морозъ значительно усилился, но вѣтеръ слабѣе вчерашняго.

Въ числѣ больныхъ четыре человѣка съ отмороженными конечностями.

28-го Ноября.

Деревни Челопечени и Клиссакіой на сегодняшній день турками оставлены въ покоѣ; но на флангахъ позиціи перестрѣлка попрежнему продолжается.

Для отраженія весьма возможной аттаки перевала со стороны Шандарника и высотъ Бунова, приступлено къ сооруженію на правомъ флангѣ двухъ редутовъ и сдѣлано распоряженіе объ усиленіи съ этой стороны казачьихъ разъѣздовъ.

Такъ какъ вслѣдствіе пріостановки на всемъ театрѣ войны наступательныхъ дѣйствій, нашимъ надеждамъ на скорый спускъ съ горъ, какъ видно, не суждено осуществиться, а между тѣмъ морозъ сегодня достигъ уже до десяти градусовъ, то на всѣхъ участкахъ позиціи приказано немедленно приступить къ постройкѣ землянокъ.

Въ числѣ больныхъ опять нѣсколько челокѣкъ было съ отмороженными конечностями.

Погода не измѣняется. Сегодня на перевалъ прибылъ Свиты Его Вел. генералъ-маіоръ Брокъ, который и принялъ начальство надъ отрядомъ, вмѣсто генерала Курнакова.

29-го Ноября.

Въ десять часовъ утра изъ лагеря турокъ выступила кавалерійская колонна и направилась къ деревнѣ Челопечени, но, будучи встрѣчена огнемъ нашей стрѣлковой цѣпи, вернулась въ лагерь. Этотъ маневръ, по всей вѣроятности, былъ ничто иное, какъ усиленная рекогносцировка деревни.

Сегодня мы перебрались въ землянки, которыя, послѣ промерзшихъ насквозь палатокъ и свирѣпствовавшаго въ нихъ сквозняка, показались намъ сначала чуть не дворцами; однако уже вечеромъ пришлось горько разочароваться и въ новомъ помѣщеніи: стоило только измѣниться направленію вѣтра, и нашъ дворецъ, входъ въ который прикрывается вмѣсто двери полотномъ палатки, до половины былъ занесенъ снѣгомъ. Тепломъ похвастать тоже нельзя; но за то дымомъ—смѣло: при порывистомъ вѣтрѣ, стоитъ только положить въ нашу убогую земляную печь огонь, какъ вся землянка наполняется до такой степени дымомъ, что положительно не знаешь на чтó рѣшиться: оставаться-ли въ ней и, заливаясь горькими слезами (отъ дыму), ожидать лучшихъ временъ, т. е. конца топки, или же бѣжать на морозъ? Но вотъ наконецъ топка окончена и труба закрыта (кускомъ земли), дымъ, а съ нимъ конечно и тепло мало по малу начинаютъ выходить сквозь импровизированную дверь на свѣжій воздухъ, и землянка по прошествіи двухъ или трехъ часовъ снова принимаетъ температуру среды. Впрочемъ и эти два или три часа сравнительно высокой температуры со-

провождаются такими явленіями, что опять таки не знаешь, что выбрать: морозъ или тепло? Дѣло въ томъ, что едва теплый воздухъ коснется нашей земляной крыши, какъ съ нее въ изобиліи начинаетъ сыпаться песокъ, и если не надѣнешь во время фуражки или какой нибудь ермолки, то поверхность головы быстро превращается въ какую-то садовую клумбу; когда-же теплый воздухъ доберется до нанесеннаго на землянку толстаго слоя снѣгу, то является весьма значительная течь, а съ непокрытой головы, какъ это часто случается ночью, текутъ потоки грязи. Устранить всѣ эти неудобства — нѣтъ никакой возможности, потому что при рыхломъ грунтѣ единственнымъ средствомъ съ этому служатъ зеленыя вѣтви, которыхъ у насъ нѣтъ. Вообще положеніе наше невыносимо скверно: о спускѣ съ горъ— нѣтъ и рѣчи; а между тѣмъ, вотъ уже нѣсколько дней, какъ за неимѣніемъ порціоннаго скота мы сидимъ на одной тощей баранинѣ, да и той, того и гляди, не сегодня, завтра лишимся, такъ какъ ловля братушекъ (со стадами) въ горахъ не всегда приводитъ къ желаемому результату, а сообщеніе съ Этрополемъ съ минуты на минуту грозитъ прерваться окончательно.

Морозъ нѣсколько менѣе вчерашняго. Съ четырехъ часовъ идетъ сильный снѣгъ, а къ вечеру поднялась вьюга.

30-го Ноября.

Сегодня въ десять часовъ утра началось наступленіе непріятеля по всей линіи. Противъ обѣихъ деревень имъ были выдвинуты весьма значительныя части пѣхоты и кавалеріи, а противъ деревни Челопечени, кромѣ того, и четыре орудія. Наши стрѣлковыя роты, занимавшія дер. Клиссакіой, а также и роты, расположенныя правѣе Клиссакіойскаго ущелья, перешли въ ложементы и не подпускали турокъ ближе, какъ на шестьсотъ шаговъ; въ то же время и орудія открыли столь губительный огонь по непріятельской артиллеріи (расположенной противъ деревни Челопечени), что послѣдняя была вынуждена сняться съ позиціи и отойти назадъ. Такимъ образомъ, фронтальныя дѣйствія противника были парализированы, но не такъ легко было справиться съ нимъ на лѣвомъ флангѣ позиціи, гдѣ, занявъ командующія деревней высоты, онъ открылъ сверху внизъ весьма сильный огонь какъ по самой деревнѣ, такъ и по нашей артиллеріи. Хотя сначала намъ и удалось сбить турокъ съ этихъ высотъ и нанести имъ значительныя потери, но къ вечеру (въ пятомъ часу) противникъ, съ бо́льшими сравнительно силами, снова взобрался на тѣ-же высоты и, на этотъ разъ, открылъ столь губительный огонь по нашей артиллеріи и деревнѣ, что части, занимавшія послѣднюю, были вынуждены отойти на нѣкоторое время въ ущелье (шаговъ на четыреста назадъ), откуда онѣ, совмѣстно съ стрѣлками, расположенными на высотахъ, при-

легающихъ къ Клиссакіойскому ущелью, стрѣляли по ворвавшимся въ это время въ деревню баши-бузукамъ.

Вслѣдъ затѣмъ роты, стоявшія на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, перешли въ наступленіе и, послѣ упорной борьбы, сбили турокъ съ высотъ, а равно и прогнали ихъ изъ самой деревни, чѣмъ обезпечили запасы сѣна, ячменя и кукурузы отъ истребленія ихъ баши-бузуками.

Такимъ образомъ, невзирая на громадное превосходтство силъ противника, деревня Клиссакіой къ вечеру снова была прочно занята нами.

Но кромѣ того, какъ сказано выше, одновременно съ аттакою деревни Клиссакіой, противникомъ была аттакована также и деревня Челопечени. Противъ этой деревни, кромѣ артиллеріи, въ составѣ четырехъ орудій, дѣйствовало около четырехъ таборовъ пѣхоты и пяти сотенъ кавалеріи. Пѣхота втеченіе цѣлаго дня (до глубокихъ сумерокъ) осыпала градомъ пуль нашихъ стрѣлковъ, занимавшихъ ложементы впереди деревни, а кавалерія ринулась на часть нашихъ казаковъ, стоявшихъ лѣвѣе деревни (другая часть ихъ была спѣшена и дѣйствовала вмѣстѣ съ нами). Между турецкой кавалеріей и казаками дѣло дошло до рукопашной схватки; но казакамъ, при помощи одной изъ нашихъ ротъ, занявшей высоту на правомъ флангѣ позиціи, удалось не только отбить непріятельскую кавалерію, но и заставить ее отойти подъ прикрытіе своей пѣхоты.

Такимъ образомъ и здѣсь фронтальныя дѣйствія непріятеля не привели ни къ какимъ результатамъ; но громадное превосходство силъ давало большой перевѣсъ противнику, въ смыслѣ обхода позиціи, и непріятель воспользовался этимъ преимуществомъ какъ нельзя лучше: около пяти часовъ дня одинъ таборъ турецкой пѣхоты двинулся по направленію къ деревни Мирково, а затѣмъ, обойдя (по отрогамъ Малыхъ Балканъ) нашъ правый флангъ, перешелъ на другую сторону Челопеченскаго ущелья и здѣсь занялъ командующія деревней высоты, съ которыхъ и началъ осыпать насъ дождемъ свинца. Положеніе было крайне невыгодное, такъ какъ противопоставить этому табору мы могли всего только одну роту, и то это было сдѣлано въ ущербъ фронтальной оборонѣ. Какъ-бы то ни было, но рота взобралась на горы, лежащія по нашу сторону ущелья, и завязала съ турками оживленную перестрѣлку; потери и съ той и съ другой стороны были весьма значительны, но, къ сожалѣнію, несмотря на всѣ усилія, сбить турокъ съ высотъ намъ не удалось.

Въ такомъ положеніи дѣло осталось къ ночи, и дальнѣйшія дѣйствія были отложены до завтра.

Однако, вечеромъ на военномъ совѣтѣ, собранномъ начальствомъ отряда, съ цѣлью обсужденія предполагаемыхъ дѣйствій, большинство высказалось за совершенное оставленіе деревни, потому что самая цѣль ея занятія, т. е. защита болгаръ, теперь исчезла, такъ какъ послѣдніе уже

выселились; а между тѣмъ, значительное удаленіе деревни отъ нашего праваго фланга и полная невозможность сильнаго занятія какъ самой деревни, такъ и прилегающихъ къ ней высотъ дѣлаютъ оборону ея въ высшей степени затруднительною, къ тому-же, если-бы мы даже и рѣшились, въ ущербъ оборонѣ другихъ участковъ позиціи, спустить съ горъ еще нѣсколько ротъ, то тогда, въ случаѣ энергичнаго наступленія свѣжихъ силъ непріятеля, со стороны деревни Миркова и Бунова, намъ все-таки пришлось-бы, по всей вѣроятности, отступить и притомъ по единственной тропѣ, обстрѣливаемой съ горъ, занятыхъ противникомъ, какъ ружейнымъ, такъ и орудійнымъ огнемъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, начальникъ отряда рѣшилъ, очистивъ деревню, прочно укрѣпиться на командующихъ ею горахъ съ тѣмъ, чтобы не допустить занятія деревни турками.

Что-же касается до деревни Клиссакіой, оборона которой признана возможною, то ее, какъ единственныя для насъ двери за Балканы, рѣшено отстоять во что-бы то ни стало. Оставленіе деревни Челопечени предполагается сдѣлать ночью.

Въ этотъ трудный для насъ день многіе изъ нижнихъ чиновъ полка обнаружили замѣчательную храбрость и распорядительность. Изъ числа ихъ особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе:

1) Фельдфебель 15-й роты, Кузьма Козловъ, который, командуя въ этотъ день цѣпью 15-й роты (въ составѣ полуроты), занимавшей уступъ горы надъ деревнею Клиссакіой, и замѣтивъ критическое положеніе 13-й роты, расположенной въ деревнѣ и вынужденной отбиваться отъ сильнѣйшаго противника, быстро перемѣнялъ направленіе цѣпи своей полуроты такимъ образомъ, что сталъ дѣйствовать во флангѣ и даже въ тылъ нападавшимъ. Этимъ маневромъ Козловъ во многомъ способствовалъ безуспѣшности фронтальныхъ дѣйствій непріятеля.

2) Фельдфебель 11-й роты, Иванъ Чумакъ, который, командуя одной полуротою 11-й роты, и замѣтивъ массу непріятельской кавалеріи, несшейся на деревню, подпустилъ послѣднюю на весьма близкое разстояніе, а затѣмъ, почти въ упоръ противнику, сдѣлалъ, одинъ за другимъ, нѣсколько залповъ, чѣмъ привелъ турокъ въ безпорядочное отступленіе. Когда-же отбитый непріятель, выйдя изъ сферы нашего огня, устроился и снова пошелъ въ аттаку (притомъ не только съ фронта, но и со стороны лѣваго фланга полуроты), то Чумакъ, не теряя присутствія духа, тотчасъ приказалъ одному взводу рыть ложементы, а съ другимъ выдвинулся впередъ для вторичной встрѣчи кавалеріи, которая уже перешла съ рыси въ карьеръ.

Несмотря на критическое положеніе и полную несоразмѣрность своихъ силъ съ силами противника, Чумакъ отбилъ не только эту, но и по-

слѣдующую аттаку и непоколебимо оставался на своемъ мѣстѣ до прихода, на выручку его, остальной части 11-й роты.

3) Фельдфебель 13-йроты, Иванъ Шкиперъ, который, въ моментъ внезапнаго нападенія турокъ (благодаря густому, непроницаемому туману) на деревню Клиссакіой, немедленно собралъ изъ разныхъ взводовъ кучку людей, организовалъ изъ нихъ правильный взводъ и, занявъ неприступную позицію, держался съ этой горстью противъ несравненно сильнѣйшаго противника вплоть до прибытія остальныхъ частей своей роты.

4) Фельдфебель 14-й роты, Петръ Пасичный, который, командуя одною полуротою 14-й роты, расположенной на уступѣ горы надъ дер. Клиссакіой, и не имѣя возможности видѣть противника, благодаря густому, непроницаемому туману, а потому вынужденный соображаться только со звукомъ выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе, догадался, что нужно было измѣнить направленіе цѣпи и усилить лѣвый флангъ. Исполнивъ это замѣчательно удачно и съ полнымъ хладнокровіемъ, Пасичный ни на минуту не оставался на мѣстѣ и, переходя отъ одного звѣна цѣпи къ другому, лично дѣлалъ указанія о направленіи огня и поспѣвалъ всюду, гдѣ нужно было его присутствіе для ободренія людей.

5) Рядовой 4-й роты, Герасимъ Ермаковъ, который, будучи посланъ съ патрулемъ для осмотра одной горы, занятой непріятелемъ, ползкомъ подобрался къ двумъ турецкимъ ложементамъ, бросился на «ура!» и, выбивъ (штыками) турокъ, занялъ оба ложемента; чѣмъ лишилъ непріятеля крайне выгодной для него позиціи, съ которой онъ постоянно угрожалъ нашей ротѣ, занимавшей редутъ.

6) Рядовой 13-й роты, Григорій Новиковъ, который во время упомянутаго вторженія баши-бузуковъ въ деревню Клиссакіой находился (съ десятью рядовыми своей роты) въ одной изъ крайнихъ избъ деревни. Понявъ всю важность выигрыша времени, Новиковъ немедленно привелъ свою избу въ оборонительное положеніе и открылъ бѣглый огонь по въѣзжавшимъ въ деревню баши-бузукамъ. Огонь этотъ былъ настолько неожиданъ для непріятеля, что послѣдній пришелъ въ безпорядокъ и отступилъ, что̀ дало возможность вышедшей изъ ущелья ротѣ занять избранную для обороны позицію, съ которой и были парализированы повторившіяся вскорѣ новыя попытки непріятеля аттаковать деревню.

За означенные подвиги Козловъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена второй степени, а Чумакъ, Шкиперъ, Пасичный, Ермаковъ и Новиковъ—тѣмъ-же орденомъ третьей степени.

Сегодня вечеромъ пришло извѣстіе о взятіи Плевны. Говорятъ, что Османъ, со всѣми силами, обрушился на 3-ю гренадерскую дивизію, но, будучи отбитъ, убрался во-свояси и рѣшилъ, что такъ какъ больше уже ничего не высидишь, то самое разумное будетъ—сдаться.

Османъ препровожденъ былъ въ Боготъ, гдѣ его встрѣтилъ офицерскій почетный караулъ.

Морозъ менѣе вчерашняго. Вѣтеръ усиливается.

1-го Декабря.

Предположенное вчера оставленіе деревни Челопечени совершено втеченіе ночи. Ночью-же были переведены двѣ роты въ редуты (турецкій и нашъ), причемъ обращенные къ непріятелю склоны высотъ, на которыхъ расположены означенные редуты, укрѣплены нѣсколькими линіями ложементовъ такъ, что деревня можетъ обстрѣливаться изъ нихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Непроницаемый туманъ, покрывавшій горы и долину, препятствовалъ противнику замѣтить, что деревня нами оставлена, вслѣдствіе чего, онъ продолжалъ обстрѣливать ее (втеченіе всего дня) какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Около четырехъ часовъ дня на перевалъ прибылъ отрядъ полковника графа Комаровскаго, состоящій изъ 6-ти, 7-ми ротъ 10-го пѣхотнаго Ингерманландскаго полка. Хотя численность этого отряда и не превышаетъ пяти сотъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе, при ничтожномъ боевомъ составѣ нашего полка, и эти пять сотъ человѣкъ являются большимъ для насъ подспорьемъ, такъ какъ они даютъ возможность, хотя до нѣкоторой степени, облегчить нашъ полкъ, до крайности измученный безсмѣннымъ лежаніемъ въ ложементахъ и почти ежедневными стычками съ турками.

Погода не измѣнилась.

2-го Декабря.

Сегодня турки снова произвели наступленіе по всей линіи, причемъ ясно обнаружили намѣреніе обхватить насъ съ фланговъ. Противъ высокихъ и обрывистыхъ скалъ (на лѣвомъ флангѣ) или, такъ называемаго нами, Орлинаго гнѣзда, занятаго ротами 2-го баталіона, непріятель направилъ около полуторы таборовъ пѣхоты, которые, взобравшись на скалы, устроили здѣсь изъ камней цѣлый рядъ ложементовъ и открыли изъ нихъ по нашимъ ротамъ сильный ружейный огонь. Но этимъ противникъ не ограничился: къ вечеру онъ обнаружилъ намѣреніе пробраться на вершину одной снѣжной горы, лежащей лѣвѣе позиціи 2-го баталіона. Для противодѣйствія этому обхвату, нашимъ ротамъ пришлось передвинуться влѣво и тотчасъ-же соорудить здѣсь ложементы. Перестрѣлка продолжалась втеченіе цѣлыхъ сутокъ. Вся мѣстность вокругъ ложементовъ осыпается градомъ пуль, вслѣдствіе чего смѣну стрѣлковъ можно будетъ производить только по ночамъ или при густомъ туманѣ. Тѣми-же обстоятельствами обу-

словливается и доставка на позицію патроновъ и съѣстныхъ припасовъ, а также и отлучка людей за дровами и водой. Одновременно съ дѣйствіями противъ лѣваго фланга начался и обходъ праваго. Перейдя Челопеченское ущелье, непріятель направился на вершины двухъ снѣжныхъ горъ, командующихъ переваломъ, и, пользуясь туманомъ, возвелъ на нихъ нѣсколько редутовъ, изъ которыхъ сталъ обстрѣливать редутъ, занятый нашею 9-ю ротою (надъ дер. Челопечени). А въ четыре часа дня турки открыли по этому редуту ружейный огонь, причемъ одна изъ гранатъ лопнула въ палаткѣ командующаго 9-ю ротою. Обстрѣливаніе дер. Челопечени продолжалось и сегодня; къ вечеру въ нее ворвалось нѣсколько партій баши-бузуковъ, но, впрочемъ, они хозяйничали въ ней не болѣе пяти минутъ, да и за тѣ заплатили довольно дорого, такъ какъ все это время имъ пришлось быть подъ сильнымъ огнемъ нашихъ ротъ, расположенныхъ на высотѣ командующей деревней.

3-го Декабря.

Перестрѣлка на обоихъ флангахъ продолжается; дер. Челопечени турки на сегодня оставили въ покоѣ.

Такъ какъ занятіе непріятелемъ высотъ на нашихъ флангахъ угрожаетъ самому перевалу, то, независимо отъ прежнихъ укрѣпленій, на лѣвомъ флангѣ сооружено еще 2 редута, которые и заняты ротами Ингерманландскаго полка. Сегодня изъ Этрополя намъ доставлены сухари и спиртъ, что́ какъ нельзя болѣе кстати, потому что наши солдаты уже третій день безъ хлѣба. Они вообще уподобляются ребятамъ: «есть—такъ ѣшь, а нѣтъ—зубы на полку». Выдавая сухари, имъ всегда указывается день слѣдующей раздачи, но на повѣрку еще за два, а то и за три дня до выдачи, сухарей ни у кого не оказывается. Впрочемъ, это и не удивительно: водицей, въ которой варился кусокъ тощей баранины, сытъ не будешь!

Кстати о баранахъ: добыть воловье мясо теперь зачастую бываетъ болѣе, чѣмъ трудно, вслѣдствіе чего, главною пищею волей неволей должны служить бараны, за которыхъ братушки (болгары) хотя и дерутъ весьма почтенную, сравнительно съ прежней, цѣну, но въ нихъ годится скорѣе кожа, употребляемая нашими солдатиками (за неимѣніемъ сапогъ) для обертки ногъ, нежели мясо, количество котораго въ цѣломъ баранѣ едва-ли будетъ достаточнымъ для одного солдата.

Да, вотъ когда-бы намъ пригодились услуги гг. Коганъ, Горвицъ и комп., а не въ Румыніи, гдѣ мы сами могли пріобрѣтать все необходимое, да при томъ еще въ десять разъ дешевле.

4-го Декабря.

Перестрѣлка на обоихъ флангахъ продолжается. Замѣчено, что турецкая пѣхота, занявшая 2-го декабря высоты, противъ праваго фланга нашей позиціи, все болѣе и болѣе удаляется на западъ, чрезъ что приближается къ Челопеченскому ущелью, которое, послѣ уклоненія отъ нашего праваго фланга версты на четыре и образованія перевала, переходитъ въ тропинку, ведущую къ блокгаузу (въ концѣ Этропольскаго ущелья). Такимъ образомъ, непріятель имѣетъ полную возможность, пройдя по Челопеченскому ущелью, зайти къ намъ въ тылъ и отрѣзать насъ отъ сообщенія съ Этрополемъ, а слѣдовательно и со всѣми прочими частями отряда; вслѣдствіе этого рѣшено было выставить у блокгауза казачій пикетъ, которому и поручено зорко слѣдить за всѣми дѣйствіями непріятеля. Позднѣе туда-же послана и одна изъ ротъ нашего полка; но, очевидно, что всѣ эти мѣры окажутся далеко недостаточными, если противникъ будетъ дѣйствовать болѣе или менѣе энергично; съ другой стороны, противопоставить этому обходу болѣе сильную часть мы не имѣемъ возможности, вслѣдствіе малочисленности отряда. Такимъ образомъ, намъ ежеминутно угрожаетъ осада, которую и рѣшено, въ случаѣ надобности, принять безропотно.

Сегодня около восьми градусовъ мороза, при порывистомъ сѣверномъ вѣтрѣ и сильной мятели, занесшей всѣ наши дороги и уничтожившей вѣхи, поставленныя вдоль тропинокъ, съ цѣлью облегчить сообщеніе между участками позиціи во время сильныхъ тумановъ.

Въ Этрополь отправлено десять человѣкъ больныхъ; въ числѣ ихъ— три человѣка съ отмороженными конечностями.

5-го Декабря.

Перестрѣлка на обоихъ флангахъ продолжается. Работы непріятеля на высотахъ, командующихъ нашимъ правымъ флангомъ, не прекращаются, изъ чего ясно, что цѣль противника состоитъ въ обхватѣ нашей позиціи; поэтому сегодня приступлено къ сооруженію на этомъ флангѣ новыхъ укрѣпленій, а также рѣшено устроить еще нѣсколько казачьихъ наблюдательныхъ постовъ. Морозъ нѣсколько уменьшился. Весь день шелъ сильный снѣгъ, сопровождавшійся вьюгою.

6-го Декабря.

Вьюга усилилась настолько, что намъ пришлось прекратить всѣ работы какъ по усиленію праваго фланга, такъ и по производящейся уже третій день разчисткѣ дороги въ Этрополь. Снѣгу намело болѣе, чѣмъ на аршинъ, вслѣдствіе чего сообщеніе между отдаленными участками позиціи прер-

вано окончательно. Наши землянки такъ быстро наполняются снѣгомъ, что мы едва успѣваемъ его выгребать. О топкѣ нечего и помышлять, потому что трубы также занесены.

Каково-то теперь нашимъ бѣднымъ людямъ, занимающимъ ложементы?

7-го Декабря.

Вьюга не прекращается, а потому какъ мы, такъ и турки должны были успокоиться и прекратить всѣ попытки не только къ вооруженнымъ столкновеніямъ, но и къ работамъ по усиленію позиціи. Впрочемъ, на флангахъ даже и сегодня перестрѣлка продолжается, хотя, очевидно, что всѣ выстрѣлы дѣлаются, какъ говорится, на вѣтеръ и служатъ только доказательствомъ того, что защитники ложементовъ еще не погибли подъ сугробами снѣга.

Сегодня пришла радостная вѣсть: на-дняхъ нашъ полкъ будетъ смѣненъ 31-ю дивизіей и отправленъ на отдыхъ въ Этрополь.

8-го Декабря.

Вьюга продолжается.

Никакихъ перемѣнъ ни въ дѣйствіяхъ, ни въ расположеніи противника не замѣчено.

9-го Декабря.

Вьюга начинаетъ утихать, а потому перестрѣлка оживилась; но никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ расположеніи непріятеля не видно.

Преступлено къ работамъ по разчисткѣ дорогъ и тропинокъ, соединяющихъ отдѣльные участки нашей позиціи, а также дороги въ городъ Этрополь.

Обѣщанная намъ смѣна полка въ виду ожидаемаго, въ скоромъ времени, общаго перехода Балканъ, не состоялась, такъ что намъ придется, какъ видно, испить чашу до дна! Конечно, послѣ тѣхъ страданій, которыя намъ пришлось перенести, уступить честь окончанія дѣла другой части—не особенно пріятно; но бѣда въ томъ, что если переходъ почему либо опять затянется, то при ежедневно возрастающемъ процентѣ больныхъ, боевая сила полка можетъ уменьшиться до такой степени, что задача удержанія перевала, при ежедневной борьбѣ съ турками, сдѣлается положительно не выполнимою; такъ, за послѣдніе два дня заболѣло сорокъ девять человѣкъ нашего полка (въ томъ числѣ тринадцать человѣкъ съ отмороженными конечностями) и тридцать-семь человѣкъ изъ отряда графа Комаровскаго.

10-го Декабря.

Перестрѣлка продолжается.

Хотя турки и имѣютъ, сравнительно съ нами, гораздо больше шансовъ для борьбы съ морозомъ, такъ какъ, судя по взятымъ въ плѣнъ, большинство изъ нихъ снабжено теплымъ платьемъ, но и ихъ морозъ и вьюга, какъ видно, доняли не на шутку: уже второй день они, несмотря на неимовѣрно трудные подъемы и спуски, производятъ смѣну своихъ частей, расположенныхъ на горахъ, а также на ночь перебираются изъ лагеря въ Златицу, что́ доказывается отсутствіемъ въ лагерѣ огней, тогда какъ прежде каждый вечеръ въ немъ зажигалось цѣлая масса костровъ. Намъ же не только некуда скрыться отъ непогоды, но даже и въ платьѣ и обуви ощущается весьма сильный недостатокъ: сапоги всѣ изодраны о скалы, и зачастую, какъ уже сказано выше, не только нижніе чины, но даже и офицеры вынуждены окутывать свои ноги въ бараньи кожи; шинели же и даже шапки у многихъ обгорѣли, такъ какъ бѣдняги, съ цѣлью хоть сколько-нибудь обогрѣться, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы приткнуться къ костру, около котораго, будучи измучены почти безсмѣннымъ лежаніемъ въ ложементахъ, нерѣдко засыпаютъ и въ это время, конечно, не замѣчаютъ, что упавшая на шинель искра истребляетъ ихъ послѣднюю одежду.

Однако, несмотря на всѣ лишенія, наши люди всетаки сохраняютъ присутствіе духа и вѣру въ скорое наступленіе лучшихъ для нихъ дней; такъ, сегодня въ одной изъ ротъ, ведущихъ перестрѣлку съ непріятелемъ, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ производилась пристрѣлка ружей по туркамъ: люди нѣсколько разъ переставляли прицѣлы на различную высоту ея и, наконецъ, такъ точно опредѣлили разстояніе, что не пропускали ни одной турецкой головы, неосторожно высунувшейся изъ-за ложемента. Другимъ вѣскимъ доказательствомъ хорошаго нравственнаго состоянія нашихъ людей служитъ подвигъ одной полуроты 4-й роты, подъ начальствомъ фельдфебеля этой роты Антона Яцеля.

На одной изъ высотъ, лежащихъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ, по ту сторону Златицкаго ущелья, турки соорудили нѣсколько ложементовъ весьма сильной профили, изъ которыхъ стали обстрѣливать нашъ редутъ, лежащій ниже упомянутыхъ ложементовъ.

Тогда одной полуротѣ 4-й роты, подъ начальствомъ фельдфебеля Антона Яцеля, было отдано приказаніе: «Во что бы то ни стало, выбить турокъ изъ ложементовъ».

Спустившись подъ сильнымъ огнемъ непріятеля въ Златицкое ущелье и поднявшись затѣмъ, съ неимовѣрными усиліями, на почти эскарпированную скалу, полурота залегла цѣпью всего въ 400 шагахъ отъ непріятеля

и открыла сильный огонь. Перестрѣлка продолжалась около четверти часа, но, такъ какъ турки не отступали, то Яцель рѣшился аттаковать въ штыки.

Несмотря на то, что людямъ пришлось карабкаться по голымъ и острымъ скаламъ, а также выдержать нѣсколько залповъ противника, полурота бросилась на «ура» и штыками прогнала турокъ, причемъ двадцать изъ нихъ были положены на мѣстѣ. Но и послѣ этого непріятель, подкрѣпивъ себя свѣжими силами, три раза пытался вернуть ложементы; однако, Яцель отбилъ и эти аттаки и, такимъ образомъ, упрочилъ за нами обладаніе весьма важнымъ пунктомъ непріятельской позиціи.

За этотъ подвигъ фельдфебель Яцель награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

Сегодня въ Этрополь отправлено тридцать человѣкъ больныхъ; изъ нихъ двѣнадцать съ отмороженными конечностями.

Всѣ случаи отмороженія рукъ и ногъ, по большей части, происходятъ во время пребыванія людей въ ложементахъ.

Въ четыре часа дня на укомплектованіе полка прибыла команда въ триста человѣкъ.

Люди снабжены полушубками.

Вьюга прекратилась. Морозъ свыше десяти градусовъ.

11-го Декабря.

Совершенно ясная погода дала намъ возможность разглядѣть какъ расположеніе противника, такъ и возведенныя имъ за послѣднее время укрѣпленія.

Оказалось, что не только впереди Златицы, но также и на отрогахъ Малыхъ Балканъ, а равно и надъ дер. Мирково и Буново, лежащими къ западу отъ насъ, появилась цѣлая масса новыхъ ложементовъ и нѣсколько редутовъ сильной профили; въ промежуткѣ между гор. Златицей и нашей позиціей также сооружено нѣсколько новыхъ редутовъ.

Высокія скалы, находящіяся за нашимъ правымъ флангомъ, заняты турецкими сторожевыми постами, которыхъ прежде здѣсь не было; кромѣ того, изъ Златицы, по направленію къ деревнямъ Мирково и Буново, высылаются сильные кавалерійскіе разъѣзды. Вообще видимо, что турки зорко наблюдаютъ за нашимъ правымъ флангомъ, ожидая, по всей вѣроятности, съ этой стороны перехода нашихъ главныхъ силъ.

Перестрѣлка съ непріятелемъ продолжается.

Сегодня съ ранняго утра мы слышимъ (въ восточномъ направленіи) страшный шумъ, напоминающій сильную артиллерійскую канонаду; но, такъ какъ съ этой стороны не предполагалось никакихъ серьезныхъ дѣйствій, то мы положительно не знаемъ чѣмъ объяснить себѣ столь необычайное явленіе.

Погода не измѣнилась.

Въ числѣ больныхъ, отправленныхъ въ г. Этрополь, съ отмороженными конечностями было четырнадцать человѣкъ.

12-го Декабря.

Перестрѣлка продолжается.

Сегодня получена диспозиція общаго перехода черезъ Балканы, причемъ нашему отряду предписано, оставаясь на мѣстѣ, стараться отвлечь на себя главное вниманіе противника, и не дозволить ему посылку подкрѣпленій къ деревнямъ Мирково и Буново. Переходъ въ наступленіе разрѣшается намъ только при появленіи въ Златицкой долинѣ другихъ колоннъ, или же въ случаѣ отступленія непріятеля.

Какъ бы то ни было, но, на всякій случай, для облегченія возможнаго дебушированія отряда, сегодня вечеромъ отправлена команда саперъ, которой поручена разработка дороги, пролегающей по Клиссакіойскому ущелью.

Шумъ, о которомъ я упоминалъ вчера, не прекращается и сегодня.

Морозъ нѣсколько менѣе; вѣтру нѣтъ. Случаевъ отмороженія конечностей за сегодняшній день не было вовсе.

13-го Декабря.

Сегодня начальникъ отряда и командиръ полка, при своемъ обычномъ ежедневномъ обходѣ всѣхъ участковъ позиціи, дали подробныя инструкціи начальникамъ отдѣльныхъ частей на случай общаго спуска съ горъ.

Въ 10 часовъ утра въ дер. Клиссакіой спущены еще двѣ роты, которымъ приказано вырыть рядъ ложементовъ для образованія плацдарма, на случай дебушированія нашего отряда изъ Клиссакіойскаго ущелья. Кромѣ того, съ цѣлью привлечь на себя вниманіе противника и удержать его на мѣстѣ, нашимъ двумъ орудіямъ приказано открыть канонаду по тѣмъ кварталамъ гор. Златицы, въ которые турки, укрываясь отъ мороза, перебрались за послѣдніе дни.

Усиленіе гарнизона дер. Клиссакіой и открытіе орудійнаго огня произвели страшный переполохъ въ турецкихъ войскахъ: противникъ быстро перешелъ въ ложементы, расположенные впереди Златицы, и въ свой сильно укрѣпленный лагерь, гдѣ и оставался до наступленія ночи.

Сегодня-же начальникъ отряда вызвалъ двѣ казачьи сотни (ушедшія въ Этрополь за неимѣніемъ на перевалѣ фуража) съ цѣлью усиленія ими какъ Клиссакіойскаго гарнизона, такъ и разъѣздовъ, которые за послѣднее время содержались всего одною Донскою сотней, прибывшей къ намъ съ ротами графа Комаровскаго.

Съ ранняго утра у насъ были слышны раскаты артиллерійской канонады, происходящей подъ Шандарникомъ и Арабъ-Конакомъ. Что-же касается до необъяснимаго для насъ шума (къ востоку отъ перевала), то онъ, какъ оказалось, производится саперами, занимающимися разработкою дороги на перевалъ, и получившими приказаніе взрывать динамитомъ скалы, чтобы привлечь этимъ путемъ на насъ вниманіе турокъ.

Въ воздухѣ тихо, но морозъ усилился.

Въ числѣ больныхъ съ отмороженными конечностями восемь человѣкъ.

14-го Декабря.

Съ цѣлью обезпечить себя отъ возобновленія съ нашей стороны артиллерійской канонады, непріятель обнаружилъ намѣреніе пробраться на ту-же гору, къ которой поражалъ нашу артиллерію еще 30-го ноября, а потому 6-й ротѣ было приказано немедленно занять упомянутую гору и возвести на ней редутъ. Еще не были вполнѣ окончены работы, какъ непріятель вышелъ изъ ложементовъ, занятыхъ имъ на сосѣдней горѣ, и направился на редутъ; потерпѣвъ неудачу онъ вернулся въ ложементы, но изъ нихъ вскорѣ былъ выбитъ небольшою командою 6-й роты, подъ начальствомъ рядоваго этой роты Ефремова. Ефремовъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

Когда такимъ образомъ первая попытка непріятеля окончилась полною неудачею, то онъ выдвинулъ на опушку г. Златицы два орудія, изъ которыхъ открылъ по редуту сильный огонь. Въ отвѣтъ на этотъ огонь нашей артиллеріей было сдѣлано нѣсколько залповъ и притомъ настолько удачныхъ, что судя по страшной суматохѣ, поднявшейся около орудій, а затѣмъ и по совершенному удаленію ихъ, мы пришли къ заключенію, что одно изъ орудій или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ лафетовъ были подбиты.

Въ первомъ часу дня на перевалъ прибыли вызванныя вчера двѣ казачьи сотни. Ими тотчасъ-же былъ усиленъ гарнизонъ дер. Клиссакіой, а также разъѣзды ихъ, несмотря на глубокій снѣгъ, появились уже въ Златицкой долинѣ. Кромѣ того, казакамъ приказано испортить, при первой возможности, телеграфное сообщеніе, идущее отъ г. Златицы на дер. Мирково, Буново и далѣе.

Морозъ не уменьшается; въ четыре часа дня опять поднялась вьюга.

Канонада подъ Шандарникомъ продолжается.

15-го Декабря.

Сегодня, около одиннацати часовъ утра на дер. Челопечени направилось около табора пѣхоты и двухъ сотенъ кавалеріи, но такъ какъ сѣ-

верная часть деревни сильно обстрѣливается нами, то непріятелю пришлось довольствоваться только южной окраиной ея.

Въ пять часовъ дня противникъ направилъ около табора пѣхоты на гору, занятую нашею 9-ю ротою и ротою 12-ю пѣхотною Великолуцкаго полка. Почти одновременно съ началомъ штурма, на упомянутыя роты посыпалась цѣлая масса пуль изъ турецкихъ ложементовъ, расположенныхъ къ западу отъ Челопеченскаго ущелья. Однако, не взирая ни на этотъ страшный огонь, ни на настойчивость турокъ, бойко карабкавшихся на гору, при крикахъ «Алахъ, Алахъ!», наши ни на минуту не потеряли присутствія духа и не сдѣлали по непріятелю ни одного выстрѣла до тѣхъ поръ, пока послѣдній не приблизился почти къ самому редуту; только тогда былъ открытъ бѣглый огонь, вслѣдствіе котораго многіе изъ аттаковавшихъ быстро покатились внизъ.

Но этимъ непріятель не ограничился: отступивъ къ южной окраинѣ дер. Челопечени и подкрѣпивъ себя свѣжими силами, турки снова пошли на штурмъ, который окончился для нихъ еще плачевнѣе перваго, такъ какъ, не говоря уже о нѣсколькихъ трупахъ, оставшихся у подошвы горы, весь путь наступленія былъ обагренъ ихъ кровью.

Мятель, поднявшаяся еще вчера, сегодня усилилась еще болѣе.

Съ ранняго утра и до глубокихъ сумерокъ до насъ доносились раскаты сильной артиллерійской канонады, происходящей подъ Шандарникомъ и Арабъ-Конакомъ.

Сегодня ночью испорчено казаками телеграфное сообщеніе въ Златицкой долинѣ.

16-го Декабря.

Ночью съ цѣлью усиленія ротъ расположенныхъ надъ дер. Челопечени, а также и облегченія съ этотъ стороны спуска отряда въ долину надъ упомянутою деревнею сооружена батарея, въ которую утромъ-же, подъ прикрытіемъ тумана, перевезено одно изъ орудій Клиссакіойской батареи. Какъ только туманъ разсѣялся, то былъ открытъ орудійный огонь какъ по дер. Челопечени, такъ и по тропинкѣ, служащей единственнымъ путемъ сообщенія (вся долина покрыта очень глубокимъ снѣгомъ) этой деревни съ г. Златицей.

Послѣ двухъ, трехъ пробныхъ выстрѣловъ наша артиллерія пристрѣлялась такъ хорошо, что ни одинъ турокъ не проходилъ мимо насъ безнаказанно; такъ, во второмъ часу дня на тропинкѣ показалась партія турецкихъ всадниковъ, числомъ около двадцати; едва раздалась команда «пли», какъ одна изъ лошадей свалилась, нѣсколько всадниковъ было ранено, а партіи какъ не бывало! Но конечно артиллерія могла дѣйство-

вать только днемъ, а потому на ночь были высланы сильные казачьи разъѣзды отъ тѣхъ сотенъ, которыя расположены въ дер. Клиссакіой.

Турки, видя весь вредъ, наносимый имъ нашей артиллеріей, рѣшились во что-бы то ни стало взять редутъ, сооруженный нами 14-го декабря и обезпечивающій какъ обладаніе дер. Клиссакіой, такъ и наши орудія отъ флангового огня съ горъ, а равно и выходъ въ Златицкую долину. Они не отказались отъ своей попытки даже и тогда, когда первая аттака была отбита: отступивъ въ долину и приведя разстроенныя неудачею части въ порядокъ, они снова полѣзли на гору и снова были отбиты еще съ бо́льшими, чѣмъ въ первый разъ потерями.

Къ вечеру вьюга приняла страшные размѣры, такъ что снѣгу нанесло болѣе чѣмъ на аршинъ; тѣмъ не менѣе, въ виду настоятельной необходимости войти въ сношеніе съ генераломъ Дандевиль, отрядъ котораго расположенъ на горѣ Бабѣ (на восьмой верстѣ къ западу отъ насъ) командиромъ полка посланъ туда одинъ изъ нашихъ офицеровъ, которому придется при столь неблагопріятныхъ для поѣздки условіяхъ и притомъ ночью совершить прогулку въ добрыхъ двадцать верстъ (въ одинъ конецъ), такъ какъ попасть на мѣсто своего назначенія онъ можетъ не иначе, какъ черезъ Этрополь.

Количество больныхъ за послѣдніе три дня возрасло еще болѣе. Случаи отмороженія конечностей сдѣлались на столько часты, что я доже сбился со счету.

17-го Декабря.

Было хорошо, но хуже сегодняшняго дня, кажется, ничего и придумать нельзя! За ночь вьюга приняла такіе страшные размѣры, что многія изъ землянокъ были совершенно раззорены и занесены снѣгомъ, а на людей мѣстами намѣло такіе сугробы снѣга, что они едва не погибли; такъ, наши офицеры 2-го баталіона спасены только благодаря одному изъ деньщиковъ, указавшему людямъ 2-го баталіона снѣжную могилу своихъ офицеровъ. Къ сожалѣнію, означенный деньщикъ заплатилъ за свое самоотверженіе отмороженіемъ обѣихъ ногъ. Что-же касается до нашего товарища, посланнаго вчера на гору Бабу, то всѣ мы считали его уже погибшимъ и при возвращеніи (въ восьмомъ часу утра) встрѣтили—какъ выходца съ того свѣта.

Нѣсколько человѣкъ сторожевой цѣпи снесены съ перевала въ долину; при этомъ одного изъ нихъ буря принесла къ турецкимъ аванпостамъ, стоящимъ у подошвы горы, турки немедленно открыли огонь, однако ему какъ-то посчастливилось уйти отъ нихъ невредимымъ; но двое другихъ, по всей вѣроятности, не были такъ счастливы: теперь уже первый часъ ночи, а о нихъ все еще нѣтъ никакихъ свѣдѣній,—какъ

видно бѣдняги не миновали турецкихъ когтей! Трехъ человѣкъ, по всей вѣроятности заблудившихся во время мятели, нашли въ горахъ замерзшими, а двое другихъ замерзли во время пребыванія въ редутѣ (на правомъ флангѣ).

Конечно о кострахъ не можетъ быть и рѣчи, а потому люди согрѣваются только собственною животною теплотою, ложась возможно плотнѣе одинъ возлѣ другаго, но, конечно, при морозѣ свыше 15° это не могло ихъ спасти, а потому многіе изъ нихъ отморозили себѣ не только руки и ноги, но даже и лицо.

Это обстоятельство заставило начальника отряда и командира полка, забывъ всѣ тактическія соображенія и думая только о спасеніи людей, еще ночью сдѣлать немедленныя распоряженія о спускѣ въ дер. Клиссакіой тѣхъ частей, которыя занимали наиболѣе возвышенные пункты позиціи, оставивъ на этихъ мѣстахъ только по нѣсколько стрѣлковъ, для наблюденія за непріятелемъ. Для передачи соотвѣтствующихъ по этому поводу приказаній сначала были вызваны охотники, но когда послѣднимъ не удалось добраться до мѣста своего назначенія, то командиръ полка послалъ полковаго адъютанта, въ сопровожденіи одного изъ казаковъ; однако и они, едва пе погибнувъ подъ сугробами снѣга, были вынуждены безуспѣшно вернуться назадъ, и только распорядительность командира 2-го баталіона, спустившаго подчиненныя ему роты, не ожидая особаго на то приказанія, спасла людей, занимавшихъ горы, отъ страшной и неотразимой для нихъ опасности. Вьюга не прошла безслѣдно и для турокъ, которые также спустились въ долину, что́ видно изъ совершеннаго прекращенія огня на всѣхъ участкахъ позиціи.

Въ одиннадцать часовъ вьюга немного начала стихать.

Въ этотъ тяжелый для всѣхъ насъ день громадную услугу людямъ оказалъ фельдфебель Иванъ Григорьевъ, который своею неутомимою дѣятельностью и полнымъ самоотверженіемъ спасъ многихъ отъ вѣрной смерти.

Тотъ-же Григорьевъ еще ранѣе (5-го декабря) во время аттаки нашихъ ложементовъ турками, начальствуя цѣпью своей роты, отразилъ непріятеля, а затѣмъ, выдвинувшись съ однимъ взводомъ впередъ, съ цѣлью удержанія противника отъ вторичной аттаки ложементовъ, далъ возможность заложить новую линію окоповъ, оборонявшихъ нашъ лѣвый флангъ.

За такую готовность жертвовать своею жизнью, какъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, такъ и для спасенія своихъ товарищей, Григорьевъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 2-й степени.

18-го Декабря.

Вьюга, разразившаяся ночью съ прежнею силою, бушевала весь день и только къ вечеру начала немного стихать. Конечно всѣ сообщенія между отдѣльными участками позиціи прекратились совершенно.

И эта ночь, подобно предъидущей, не прошла для насъ безслѣдно: въ ложементахъ опять замерзли два солдатика изъ 5-й роты; да и въ данную минуту въ сосѣдней землянкѣ происходитъ оттираніе окоченѣвшаго, во время рубки дровъ, вѣстоваго командира полка.

Морозъ и вьюга не щадятъ и нашихъ бѣдныхъ животныхъ, которые, не взирая на всѣ предпринимаемыя нами мѣры, страдаютъ невыразимо, а многія (въ томъ числѣ и моя ослица) замерзли вовсе.

Но не даромъ говорятъ наши старики, что когда становится уже слишкомъ жутко, то слѣдуетъ только не забывать, что навѣрно на свѣтѣ есть не одинъ уголокъ, въ которомъ людямъ приходится еще хуже, чѣмъ намъ, и тогда человѣкъ, находящій всегда, по странному свойству своей природы, утѣшеніе въ чужихъ страданіяхъ, примиряется до нѣкоторой степени и со своей участью.

Я вспомнилъ объ этомъ свойствѣ человѣческой души, потому что оно находитъ полное примѣненіе къ нашей теперешней обстановкѣ: правда, жутко, и даже, можно сказать, очень жутко приходится намъ, но каково-то несчастному отряду генералъ-маіора Дандевиль, который едва успѣлъ подняться на перевалъ, какъ, будучи застигнутъ врасплохъ (безъ землянокъ) вьюгою, за одну ночь потерялъ, какъ говорятъ, нѣсколько сотъ солдатъ и двухъ офицеровъ!

Кстати о генералъ-маіорѣ Дандевиль: отъ него только-что получена записка, въ которой генералъ увѣдомляетъ насъ, что, для спасенія отряда, онъ былъ вынужденъ оставить перевалъ (гору Бабу) и спуститься въ Этрополь. Такъ какъ это непредвидѣнное обстоятельство измѣнило первоначальную диспозицію, а также всѣ наши предположенія и разсчеты, то командиръ полка отправился въ Этрополь, чтобы лично выяснить генералу Дандевилю положеніе дѣлъ у насъ, и предложить отъ имени начальника отряда, не теряя времени, идти на Златицкій перевалъ для совмѣстныхъ съ нами дѣйствій.

Къ вечеру отъ командира полка было получено донесеніе о томъ, что генералъ Дандевиль тѣмъ охотнѣе принялъ сдѣланное ему предложеніе, что самъ еще ранѣе остановился на томъ же предположеніи.

Вслѣдствіе этого, немедленно было приступлено къ постройкѣ шатровъ, чтобы доставить хоть какое-нибудь убѣжище отъ непогоды ожидаемымъ на перевалъ войскамъ.

Въ то-же время, такъ какъ вьюга начала замѣтно стихать, то мы приступили къ разчисткѣ дорогъ и обоихъ (Челопеченскаго и Клиссакіойскаго) ущелій.

Роты, спущенныя въ дер. Клиссакіой, снова заняли свои позиціи, и прекратившаяся во время мятели, перестрѣлка возобновилась съ прежнею силой.

19-го Декабря.

Вьюга прекратилась, но морозъ попрежнему очень силенъ.

Начатая вчера разчистка дорогъ и ущелій сегодня вполнѣ окончена.

Изъ ожидаемой на перевалъ бригады генерала Дандевиль прибылъ только Ингерманландскій полкъ, другой же полкъ (Воронежскій), находящійся при орудіяхъ, ожидается не ранѣе какъ завтра вечеромъ.

Перестрѣлка съ турками продолжалась цѣлыя сутки. Количество больныхъ и число людей съ отмороженными конечностями, за послѣдніе дни, возросло до неимовѣрныхъ цифръ.

20-го Декабря.

Въ виду предполагаемой завтра аттаки гор. Златицы и укрѣпленнаго лагеря, сегодня была произведена самая тщательная рекогносцировка всѣхъ подступовъ къ означеннымъ пунктамъ.

Около четырехъ часовъ дня на перевалъ прибылъ генералъ Дандевиль, который и принялъ начальство надъ всѣмъ сводным отрядомъ; но орудій все еще нѣтъ, какъ нѣтъ, а потому, въ одиннадцать часовъ вечера, мнѣ было поручено отправиться въ Этропольское ущелье, съ цѣлью осмотра въ какомъ положеніи находятся работы по подъему орудій на перевалъ, а также и передачи приказанія командиру Воронежскаго полка о безостановочномъ движеніи втеченіе всей ночи.

Только два орудія я нашелъ около блокгауза, и то одно изъ нихъ было спроважено въ р. Искеръ; что же касается до прочихъ шести—то они были еще въ разстояніи семи верстъ отъ перевала.

Такимъ образомъ, о доставкѣ орудій въ эту-же ночь въ батарею (надъ дер. Клиссакіой) нечего было и думать, вслѣдствіе чего генералъ Дандевиль вынужденъ отложить аттаку на 22-е декабря.

Нашъ противникъ сегодня окончательно переполошился: должно быть братушки (которые очень часто оправдываютъ на себѣ пословицу: «и Богу свѣча и чорту кочерга») сообщили о прибытіи къ намъ подкрѣпленій, а потому турки устроили такую перепалку, что казалось будто-бы цѣлью ея было разстрѣляніе всѣхъ патроновъ, до послѣдняго.

Морозъ не менѣе вчерашняго, но въ воздухѣ тепло.

21-го Декабря. Д. Челопечени.

Оказалось, что мое вчерашнее предположеніе, по поводу перестрѣлки, вполнѣ оправдалось; дѣйствительно, противникъ смѣло могъ разстрѣлять всѣ свои патроны, такъ какъ сегодня они ему уже не понадобились! Еще ночью перестрѣлка начала видимо ослабѣвать, а къ пяти часамъ уже прекратилась вовсе.

Чтобы объяснить себѣ столь необычайное явленіе (перестрѣлка на флангахъ, во все время нашего пребываніе на горахъ, не прекращалась, не взирая ни на какое время сутокъ) отъ ротъ, расположенныхъ на лѣвомъ флангѣ, тотчасъ-же были высланы патрули для осмотра скалъ, занятыхъ турками, а передовымъ постамъ шестой роты приказано спуститься къ подошвѣ горы.

Вскорѣ какъ патрули, такъ и казачьи разъѣзды, высланные изъ деревни Клиссакіой, донесли объ оставленіи непріятелемъ не только горъ, но и самой Златицы, а равно и укрѣпленнаго лагеря.

При этомъ слѣдуетъ прибавить, что сама природа какъ-бы покровительствовала въ этотъ день туркамъ, прикрывая ихъ отступленіе густымъ туманомъ, не покидавшемъ долины почти до самаго вечера, тогда какъ во всѣ предшествовавшіе дни долина очищалась отъ тумана гораздо ранѣе скалъ.

Едва были получены донесенія объ отступленіи противника какъ 6-я рота, а вслѣдъ за нею и всѣ прочія части, расположенныя на нашемъ лѣвомъ флангѣ, быстро устремились въ оставленный непріятелемъ городъ и завязали въ немъ перестрѣлку съ небольшою частью турецкаго арьергарда; оттѣснивъ его, они прошли насквозь всю Златицу, настойчиво преслѣдуя огнемъ и захватомъ въ плѣнъ отступавшихъ (къ востоку) турокъ.

Все это движеніе было совершено въ столь неимовѣрно-короткій промежутокъ времени, что начальникъ передоваго кавалерійскаго отряда, почтенный старикъ генералъ Красновъ, поражавшій даже и молодежь энергіей и быстротою своихъ дѣйствій, считая невозможнымъ, чтобы пѣхотная часть успѣла занять Златицу ранѣе его казаковъ, принялъ насъ за турецкій арьергардъ.

Въ погоню за частями, уже вышедшими изъ сферы ружейнаго огня, были посланы казаки, которые, довершивъ разстройство непріятеля, отбили отъ него часть обоза съ разнымъ имуществомъ, патронами и галетами, а также захватили непріятельское знамя.

Въ десятомъ часу утра роты занимавшія правый флангъ позиціи, а за ними и всѣ остальныя части отряда были спущены въ деревню Челопечени.

Кромѣ упомянутыхъ выше (послѣ каждаго дѣла) нижнихъ чиновъ полка, второю степенью знака отличія военнаго ордена за дѣйствія на Златицкомъ перевалѣ награждены фельдфебеля: 4-й роты—Антонъ Яцель и 3-й Павелъ Недосѣкинъ. Изъ нихъ Яцель за то, что во время пребыванія полка на перевалѣ онъ неоднократно ходилъ съ патрулями и охотниками въ самыя опасныя мѣста и не разъ подбирался къ непріятельскимъ ложементамъ и прогонялъ изъ нихъ турокъ. Недосѣкинъ—за то что, командуя ротою за болѣзнью своего ротнаго командира, неоднократно обнаружилъ замѣчательную распорядительность и храбрость, не разъ

его рота находилась въ очень опасномъ положеніи, вслѣдствіе обхода ея частями противника, однако Недосѣкинъ всегда твердо удерживалъ свои позиціи и не уступалъ врагу ни одной пяди земли; кромѣ того, своими смѣлыми наступательными дѣйствіями Недосѣкинъ два раза помѣшалъ сооруженію противникамъ ложементовъ на весьма опасныхъ для насъ мѣстахъ.

Итакъ, наконецъ-то наступилъ для насъ желанный день перехода изъ міра заоблачнаго въ міръ обитаемый не орлами и грифами, но подобными-же намъ людьми. Да, наконецъ-то мы дождались окончанія и непосильной борьбы съ природою, результатомъ которой была потеря въ пять сотъ-тринадцать человѣкъ больными (двѣсти-семьдесятъ-восемь нашего полка, двѣсти-двѣ—шести ротъ Ингерманландскаго и тридцати-трехъ—одной роты Великолуцкаго полка), пять-сотъ-двадцать-одинъ человѣкъ—съ отмороженными конечностями (триста-пятьдесятъ человѣкъ нашего—сто-пятьдесятъ—шести ротъ Ингерманландскаго и двадцать-одинъ человѣкъ ротъ Великолуцкаго полка) и семь человѣкъ замерзшими (шесть человѣкъ нашего и одинъ человѣкъ Ингерманландскаго полка), дождались и окончанія всевозможныхъ тактическихъ комбинацій, которыя рѣдко находятъ такое богатое для себя примѣненіе, какъ это было при нашемъ тридцати-пяти-дневномъ пребываніи на Балканахъ: были у насъ и наступательныя дѣйствія (взятіе перевала, деревень и другія болѣе мелкія дѣла), была и оборона однимъ полкомъ (шесть ротъ Ингерманландскаго полка прибыли только 1-го декабря) и нѣсколькими сотнями казаковъ позиціи, обнимающей собою отъ десяти до пятьнадцати квадратныхъ верстъ и притомъ противъ непріятеля, который былъ въ шесть разъ сильнѣе насъ, и имѣлъ полную возможность не только обхватить насъ съ фланговъ, но даже и зайти въ тылъ (по Челопеченскому ущелью), была, наконецъ, и демонстрація, состоявшая въ привлеченіи на себя возможно-большаго количества непріятельскихъ силъ, съ цѣлью облеченія перехода черезъ Балканы другимъ частямъ отряда.

Насколько серьезно было положеніе наше на перевалѣ доказывается и тѣмъ, что даже въ ближайшихъ частяхъ одно время нашъ полкъ считали окончательно погибшимъ, и одного изъ моихъ товарищей встрѣтили тамъ какъ выходца съ того свѣта; кромѣ того, генералъ-адъютантъ Гурко, который, какъ всѣмъ сколько-нибудь его знающимъ извѣстно, не очень-то щедръ на похвалы, выразился однажды, что нашъ полкъ сослужилъ службу Россіи!

Хотя такую высокую похвалу, безъ сомнѣнія, заслужилъ не одинъ нашъ полкъ: герои Шибки, Плевны, Баязета, а также и другія части нашей славной арміи вынесли на своихъ плечахъ еще болѣе насъ, но тѣмъ не менѣе и мы можемъ смѣло сказать, что честно исполнили свой святой долгъ относительно нашего отечества.

Разсмотрѣвъ дѣйствіе полка, въ заключеніе я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности моихъ товарищей, офицеровъ. Но и тутъ, также какъ и при изложеніи дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ и по тѣмъже мотивамъ, я считаю совершенно излишнимъ и даже неудобнымъ говорить о подвигахъ отдѣльныхъ личностей, а потому ограничусь только краткимъ очеркомъ общей ихъ дѣятельности. Начиная съ начальника отряда и командира полка, участвовавшихъ во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ стычкахъ съ противникомъ, и ежедневно обходившихъ всѣ участки позиціи, несмотря ни на какую погоду, а также и на весьма не удовлетворительное состояніе своего здоровья, и кончая самымъ младшимъ офицеромъ полка я могу и здѣсь, безъ малѣйшаго пристрастія, повторить то-же, что было сказано мною еще 12-го октября; дѣйствительно, не говоря уже о личной храбрости, неоднократно обнаруживавшейся втеченіе нашего тридцати-пяти-дневнаго пребыванія на Балканахъ, какъ во время самыхъ дѣйствій съ непріятелемъ, такъ и при сооруженіи укрѣпленій, нерѣдко осыпаемыхъ цѣлымъ градомъ пуль, я считаю нужнымъ упомявуть о примѣрахъ самоотверженія нѣсколько инаго характера, когда насъ застигли сильные морозы, и командиръ полка приказалъ приступить къ немедленной постройкѣ землянокъ, то большинство офицеровъ, несмотря на то, что и они, за рѣдкими исключеніями, не имѣли теплой одежды, не дозволили строить себѣ землянокъ до тѣхъ поръ, пока не былъ укрытъ отъ мороза последній солдатъ изъ роты.

У многихъ офицеровъ обувь пришла въ совершенную негодность, а постоянное хожденіе по скаламъ, при этихъ условіяхъ очевидно имѣло своимъ послѣдствіемъ кровяные подтеки на подошвахъ. Кромѣ того, весьма продолжительное пребываніе въ ложементахъ и редутахъ, во время мороза и вьюги, личное руководство работами по разчисткѣ неоднократно заносимыхъ дорогъ и тропинокъ, недостатокъ сколько-нибудь сносной пищи и другія невыгоды неминуемо должны были роковымъ образомъ отразиться на здоровьи офицеровъ, какъ онѣ отразились и на здоровьи солдатъ; и дѣйствительно, во всемъ полку не было ни одного офицера, здоровье котораго было-бы въ удовлетворительномъ состояніи; однако, несмотря на это, почти всѣ остались на перевалѣ, и только четыре человѣка, болѣзнь которыхъ была на столько серьезною, что они не могли уже держаться на ногахъ, отправлены въ Этрополь, но и изъ нихъ двое, маломальски оправясь, снова вернулись на позицію.

Безъ сомнѣнія, такое отношеніе къ дѣлу офицеровъ должно было имѣть и дѣйствительно имѣло самое благотворное вліяніе на подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ многіе оставались въ строю даже съ весьма серьезнымъ отмороженіемъ рукъ и ногъ.

Теперь я невольно припоминаю слова одного изъ нашихъ начальствующихъ лицъ, который, дѣлая оцѣнку нашихъ дѣйствій на перевалѣ,

сказалъ: «Да, храбрость великое дѣло, но мужество слѣдуетъ поставить выше ее». И дѣйствительно—нельзя не согласиться, что въ этихъ словахъ глубокая истина и полное знаніе психической стороны человѣка: хотя храбрость и есть «великое дѣло» и должна быть присуща всякому, въ комъ развито понятіе о воинской чести и долгѣ, но, въ то-же время, она нерѣдко является результатомъ качествъ, присущихъ и вполнѣ обыкновенной личности: она можетъ быть плодомъ и личнаго самолюбія, и — сильнаго увлеченія и, наконецъ—даже просто автоматическаго движенія впередъ и впередъ; но тутъ нѣсколько иное—когда человѣкъ, находясь въ полу-живомъ состояніи, а слѣдовательно имѣя полную возможность съ совершенно спокойной совѣстью отправиться на нѣкоторое время на покой, остается и исполняетъ свои обязанности до тѣхъ поръ, пока «не свалится окончательно», тутъ другого названія, кромѣ мужества, дѣйствительно не подберешь.

Правда, нѣкоторые возразятъ на это, что безполезно для службы и безразсудно относительно самаго себя, будучи больнымъ, ждать того момента, когда свалишься окончательно. «Кто-жъ здѣсь выигралъ, для кого это сдѣлано?» спросятъ меня,—согласенъ,—но всѣ эти доводы не имѣютъ мѣста тогда, когда ротами командуютъ фельдфебеля и вольноопредѣяющіе. Тогда каждый лишній день, проведенный офицеромъ на службѣ, бываетъ иногда очень и очень дорогъ! Да, переходу черезъ Балканы, по всей вѣроятности, суждено занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей военной исторіи. Велика и армія Наполеона, велика и русская армія Суворова, перешагнувшая черезъ Альпы! Но въ чемъ заключаются ихъ заслуги?

Военная исторія отвѣчаетъ намъ на это: въ томъ, что, не взирая на всѣ страданія, лишенія и невзгоды, сопряженныя съ переходомъ, онѣ сдѣлали свое дѣло и достигли той цѣли, къ которой стремились. Правда, мы перешагнули не Альпы, а только Балканы, но за то прежде, чѣмъ перешагнуть, вдоволь насидѣлись, а потому процентъ страданій, лишеній и невзгодъ на нашу долю выпалъ не меньшій!

Однако видно, что я перебрался изъ орлинаго гнѣзда въ теплую избу: не далѣе какъ вчера, сидя въ снѣгу, мнѣ и въ голову не приходило философствовать! Но вѣдь всему есть мѣра, а потому пора и кончить, тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ того, какъ выливаются на бумагу однѣ мысли, въ лабораторіи, именуемой головой, уже готовы другія, а тамъ третьи и т. д. и т. д. Вотъ и въ настоящую минуту еще многое, очень многое хотѣлось бы мнѣ внести на свѣжую память въ свой дневникъ, но уже три часа ночи, а потому я ограничусь всего одною краткою замѣткой.

Не даромъ говоритъ пословица: «нѣтъ худа безъ добра», плохо было намъ на перевалѣ, но за то и славная же онъ школа: не говоря уже о

выработанномъ ежедневною перестрѣлкою презрѣніи къ выстрѣламъ противника, пребываніе на Златицкомъ перевалѣ развило въ офицерахъ и даже въ фельдфебеляхъ и унтеръ-офицерахъ ту самостоятельность, выработать которую не могла бы ни долголѣтняя служба, ни другія какія-либо мѣры; дѣйствительно, не разъ дороги и тропинки были занесены до такой степени, что всякое сообщеніе прерывалось, а съ нимъ прекращалась и возможность передачи приказаній, не разъ турки учиняли такіе каверзы, о которыхъ не приходило никому и въ голову, и во всѣхъ этихъ случаяхъ начальники даже самыхъ мелкихъ частей были предоставлены исключительно самимъ себѣ и своей распорядительности!

22-го Декабря.

Деревня Челопечени, въ которой намъ пришлось расположиться, представляетъ слѣды страшнаго раззоренія и звѣрства. Очевидно, что турки еще ранѣе своего отступленія изъ обѣихъ деревень сознали всю непрочность своего въ нихъ положенія и не щадили ни людей, ни зданій; такъ, еще 21-го ноября, въ день спуска въ дер. Челопечени нашихъ ротъ и казаковъ, многіе изъ домовъ, какъ уже сказано выше, находились въ полуразрушенномъ состояніи, въ другихъ—были выломаны окна, въ третьихъ—печи, въ четвервыхъ—лежали трупы убитыхъ. Впрочемъ, что касается до послѣднихъ, т. е. убійствъ, то, по всей вѣроятности, бо́льшая часть ихъ произведена непріятелемъ въ роковой для него день 21-го ноября, когда турки намѣревались предать все огню и мечу и не привели въ исполненіе своего замысла только вслѣдствіе быстраго занятія деревень нами, однако, хотя и втеченіе непродолжительнаго промежутка времени, но баши-бузукамъ еще тогда удалось похозяйничать въ деревнѣ и произвести поджоги и избіеніе балгаръ. Слѣды какъ этого дня, такъ и послѣдующаго пребыванія турокъ на южной окраинѣ деревни попадаются и до сего времени: въ одномъ изъ домовъ я наткнулся на разлагающіеся трупы женщины и двухъ малютокъ; въ другомъ еще на три трупа, изъ которыхъ два скальпированы; въ послѣднемъ я встрѣтилъ молодаго балгарина, по словамъ котораго, убитые—это его мать, братъ, шестнацати-лѣтняя сестра, изнасилованная и задушенная злодѣями; самъ же онъ спасся только благодаря тому, что въ моментъ вторженія въ деревню баши-бузуковъ находился на сѣверной окраинѣ ея и успѣлъ оттуда бѣжать въ ущелье.

Послѣ обѣдни я зашелъ въ храмъ св. Николая. Боже, какое зрѣлище онъ представляетъ! не только паперть, но и самая церковь и даже алтарь покрыты нечистотами; райскія врата разбиты; многія изъ иконъ повалены на землю, другія—проколоты штыками и прострѣлены; престолъ опрокинутъ и т. п., словомъ, куда не взгляни, вездѣ видны слѣды самаго крайняго безобразія.

Въ виду такого плачевнаго состоянія деревни, рѣшено перевести насъ въ деревню Пиртопъ.

23-го Декабря. Дер. Пиртопъ.

Сегодня въ девять часовъ утра состоялось наше переселеніе въ деревню Пиртопъ, служившую житницей для турокъ, за все время пребыванія ихъ въ Златицкой долинѣ, и откупившейся такимъ образомъ отъ обычнаго погрома.

Деревня Пиртопъ представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ деревнею Клиссакіой, Челопечени и даже самой Златицей, хотя послѣдняя и считается однимъ изъ довольно значительныхъ городковъ Турціи. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на одну внѣшность домовъ, чистоту улицъ и множество водопроводовъ, въ видѣ фонтановъ, а также на громадныя стада рогатаго скота и барановъ, пасшихся около деревни, чтобы сказать, что жители ея пользуются полнымъ благосостояніемъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаешься, если заглянешь во внутренность домовъ, отличающихся замѣчательною опрятностью и обиліемъ ковровъ и подушекъ, составляющихъ неизбѣжную принадлежность всякаго зажиточнаго болгарина.

Населеніе относится къ намъ очень радушно: не говоря уже о встрѣчѣ сдѣланной полку (духовной процессіи съ крестами и хоругвіями), даже и отдѣльнымъ личностямъ болгары не знали какъ и чѣмъ выразить свою признательность. Чтобы ярче охарактезировать это радушіе, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ я провелъ нынѣшній день.

Получивъ приказаніе отъ командира полка отвести въ Пиртопѣ квартиры, я выѣхалъ изъ деревни Челопечени еще до пяти часовъ утра, а въ половинѣ шестаго былъ уже на мѣстѣ назначенія. Едва я успѣлъ въѣхать въ деревню, какъ былъ окруженъ цѣлой массой болгаръ, всячески старавшихся выразить свою призиательность нашимъ войскамъ и на перерывъ предлогавшихъ къ моимъ услугамъ свои жилища. Осмотрѣвъ нѣсколько домовъ и намѣтивъ въ нихъ квартиры, я отправился въ дальнѣйшее странствованіе, при которомъ произошла оригинальная встрѣча: проѣзжая вдоль одной незначительной рѣчки, я замѣтилъ шедшаго по противоположному ея берегу болгарскаго священника, который, завидя русскаго офицера, подобравъ свои рясы, съ ловкостью молодаго человѣка прыжками (съ камня на камень) переправился черезъ рѣчку и опрометью бросился за мной; видя погоню, я немедленно слѣзъ съ лошади и, вручивъ ее деревенскому мальчику, пошелъ на встрѣчу; послѣ обычнаго благословенія и самыхъ разнообразныхъ проявленій радости и признательности, священникъ повелъ меня въ церковь, гдѣ было отслужено благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго цѣлая масса собравшихся здѣсь болгаръ провозгласила многолѣтіе Нашему Государю; послѣ службы батюшка пригласилъ меня къ

себѣ, гдѣ, несмотря на всѣ мои усилія уменьшить проявленія его любезности, бѣгалъ и суетился, извлекая изъ своихъ шкафовъ и чулана все, чтó было у него съѣстнаго; а, въ заключеніе, усердно упрашивалъ помѣститься въ его комнаткѣ, самъ-же хотѣлъ перебраться въ какой-то чуланъ, и только послѣ того, какъ я сказалъ, что обязательно долженъ расположиться въ противоположной части деревни, священникъ успокоился, простился и просилъ почаще навѣщать старика.

Отведя необходимое для полка число домовъ, я отправился въ свою квартиру, на порогѣ которой былъ встрѣченъ всею семьею (семь человѣкъ) съ образомъ Николая Чудотворца (моего патрона) и хлѣбомъ солью; не прошло пяти минутъ, какъ на низенькомъ столѣ явилось: вино, кофе и ватрушки; трое маленькихъ ребятишекъ усердно прислуживали: одинъ подаетъ изъ жаровни уголь, для закуриванія папиросы, другой стоитъ съ подносомъ и ждетъ чашки изъ подъ кофе и т. п., словомъ, предупредительность выражалась во всѣхъ возможныхъ формахъ.

Въ четыре часа дня я отправился (въ нашу общую столовую) обѣдать, чтó составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, важное событіе, такъ какъ назвать обѣдомъ наше кормленіе на Златицкомъ перевалѣ было бы сильною натяжкою.

Возвращаясь домой, я мысленно уже потягивался на мягкомъ диванѣ и расправлялъ свои кости послѣ дневныхъ трудовъ, но, о бѣдствіе! оказалось, что хозяинъ уже трижды справлялся у деньщика о времени моего возвращенія и, когда, наконецъ, ожидаемый моментъ наступилъ, то передо мной явился обѣдъ № 2-й, на бѣду, состоящій изъ цѣлыхъ четырехъ блюдъ (пирога, супа, курицы подъ соусомъ и жареной баранины). Не ѣсть—значить обидѣть радушныхъ людей, и вотъ, volens-nolens, а пришлось приниматься за ѣду въ четвертый разъ, но такъ какъ на все есть мѣра, то я начиналъ уже чувствовать, что дѣло скверно! Выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія можно было только при помощи хитрости, и вотъ, глотая черезъ силу кусокъ за кускомъ, я въ то-же время обдумывалъ какія бы порученія пріискать мнѣ для моихъ хлѣбосольныхъ хозяевъ; наконецъ мои старанія увѣнчались успѣхомъ: одинъ былъ посланъ для размѣна денегъ, другой для розыска одного изъ товарищей и тогда, оставшись tête-à-tête съ своимъ деньщикомъ, я обратился къ нему и сказалъ: «Ну, братецъ, помогай!»—«Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе» было отвѣтомъ догадливаго деньщика, и минутъ пять спустя все было чисто. Вечеромъ было новое генеральное кормленіе (опять изъ четырехъ блюдъ), именуемое ужиномъ.

Изъ описанія проведеннаго мною дня ясно насколько радушно относится населеніе къ офицерамъ; но и по отношенію къ солдатамъ болгары болѣе, чѣмъ предупредительны; такъ, караульнымъ были высланы подушки, когда-же принесшимъ заявили, что этого у насъ не полагается и

объяснили, по возможности, въ чемъ состоятъ обязанности часовыхъ и караула, то вздохамъ и выраженіямъ сострадапія къ бѣднымъ ободраннымъ часовымъ не было конца и, чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить тягость ихъ службы, около каждаго поста были разведены костры, несмотря на то, что сегодня морозъ не свыше пяти градусовъ и, что послѣ пребыванія на Балканахъ, наши солдатики считаютъ это чуть не лѣтнею температурою; многіе изъ нихъ, расположась вокругъ костровъ и раздѣвшись до-нага, преспокойно занимались тщательной ревизіей клочковъ своего бѣлья, которое, послѣ тридцати-пяти-дневнаго безсмѣннаго ношенія безъ сомнѣнія было далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Эта-же операція продѣлывалась еще и вчера въ деревни Челопечени.

Съ 24-го по 26-е Декабря.

Всѣ эти дни мы благодушествуемъ въ полномъ смыслѣ этого слова и, подобно тому, какъ въ Этрополѣ, молимъ Бога о продленіи нашего здѣсь пребыванія, которое тѣмъ необходимо, что какъ люди, такъ и офицеры страшно обтрепались; на-дняхъ командиръ полка потребовалъ къ себѣ, по дѣламъ службы, одного изъ ротныхъ командировъ, но послѣдній не могъ своевременно исполнить этого приказанія не болѣе ни менѣе, какъ по неимѣнію брюкъ!

Хорошо, что у болгаръ не примѣняется пословица «по платью встрѣчаютъ», а то было бы просто бѣдствіе.

27-го Декабря. Дер. Мирково.

Увы! только что мы принялись за починку обуви и одежды, какъ опять говорятъ: «пожалуйте впередъ!» дѣлать нечего—надо собираться!

На прощанье я хотѣлъ было поблагодарить (матеріально) моего хозяина за гостепріимство, но онъ такъ обидѣлся, что я не зналъ, какъ загладить свою ошибку. Совершивъ partie de plaisir въ двадцать верстъ, мы остановились на ночлегъ въ деревни Мирково, гдѣ еще ранѣе насъ расположился Воронежскій полкъ, а потому часть полка пришлось поставить бивуакомъ.

28-го Декабря. Дер. Ташкисень.

Переходъ въ двадцать-три версты.

По дорогѣ намъ часто попадались трупы убитыхъ и умершихъ турокъ.

Почти на половинѣ пути намъ пришлось проходить мимо перевала, представляющаго собою превосходную позицію, взятіе которой, безъ сомнѣнія

обошлось-бы намъ очень дорого, если-бы мы были направлены сюда ранѣе, т. е. тогда, когда турки еще крѣпко держались на горахъ; но зато, овладѣвъ ею тогда-же, мы отрѣзали-бы этимъ непріятелю путь отступленія.

Въ томъ-же мѣстѣ, вправо отъ насъ, раздались выстрѣлы, производимые, по всей вѣроятности, засѣвшими въ горахъ баши-бузуками.

Кстати о баши-бузукахъ: мнѣ разсказывали, что между деревнями Ташкисень и Даушкіой было забрано въ плѣнъ нѣсколько баши-бузуковъ, которые показали, что они оставлены съ приказаніемъ стрѣлять (при прохожденіи нашихъ частей) по начальствующимъ лицамъ.

Носится слухъ, что между деревней Пиртопъ и Лаженью появились турецкіе разъѣзды, вслѣдствіе чего всѣ жители обѣихъ деревень разбѣжались. Гдѣ-то теперь мой бѣдный хозяинъ! Послѣдніе дни погода превосходная.

Приказано измѣнить направленіе движенія: идемъ не на Софію, но на Ихтиманъ, Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь.

29-го Декабря. Дер. Вакарель.

Переходъ въ двадцать-пять верстъ.

Деревня Вакарель, въ которой назначенъ намъ ночлегъ, до такой степени раззорена турками, что квартиръ нѣтъ не только для нижнихъ чиновъ, но даже и для начальниковъ частей и ихъ штабовъ, которыхъ набралось здѣсь не малое количество, такъ какъ въ Вакарели сошлись всѣ полки нашей дивизіи. Только нѣкоторымъ счастливцамъ удалось пріютиться въ полу-разрушенныхъ и до-нельзя грязныхъ избенкахъ или хлѣвахъ, бывшихъ прежде обиталищемъ буйволовъ. На бѣду еще поднялась страшная вьюга, такъ что о палаткахъ нечего было и помышлять; да ихъ-же, кстати, и немного: бо́льшая часть примерзла къ Златицкому перевалу и при сниманіи обратилась въ трепье. Въ виду всего этого не только солдаты, но и многіе изъ офицеровъ пропрыгали (морозъ около восьми градусовъ) всю ночь около нѣсколькихъ костровъ, сложенныхъ изъ остатковъ нѣкогда бывшихъ людскихъ жилищъ.

30-го Декабря. Дер. Капуджикъ.

Сначала предполагалось остановить насъ на ночлегѣ въ гор. Ихтиманъ, но въ виду оставленія турками Трояновыхъ воротъ, Ихтиманъ пройденъ безостановочно, и только послѣ тридцати-пяти-верстнаго перехода наконецъ то мы остановились въ черкескомъ селеніи Капуджикъ, состоящемъ исключительно изъ однѣхъ мазанокъ, да и тѣ въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что часть полка опять пришлось поставить бивуакомъ.

Впрочемъ, и помѣщенные въ мазанкахъ немного выгадали: не говоря уже о томъ, что на каждую изъ нихъ приходится не менѣе полуроты, большинство этихъ импровизированныхъ жилищъ не только не имѣетъ какой нибудь настилки (замѣняющей полъ) и печей, но стѣны ихъ изобилуютъ брешами, двери же составляютъ крайне рѣдкое исключеніе; такимъ образомъ, тутъ была самая сильная вентиляція, какую только можно себѣ представить! Въ Ихтиманѣ я встрѣтилъ адъютанта Сулеймана паши, который, какъ говорятъ, увѣдомляя о полученіи изъ Константинополя телеграммы съ извѣстіемъ о заключеніи перемирія, просилъ пріостановить военныя дѣйствія; но генералъ Гурко, считая это не болѣе какъ уловкою, сдѣланною съ цѣлью избѣжать пресʼѣдованія по-пятамъ, приказалъ считать упомянутаго адъютанта въ числѣ военно-плѣнныхъ.

Вьюга нѣсколько менѣе, но морозъ попрежнему довольно значителенъ.

31-го Декабря. Гор. Вѣтреново.

Выступивъ изъ деревни Капуджикъ въ шесть часовъ утра, полкъ вмѣстѣ со всей дивизіей слѣдовалъ черезъ Трояновы ворота на Вѣтреново, гдѣ и предполагалось расположить насъ на ночлегъ; но не успѣлъ я еще окончить разстановку моихъ квартирьеровъ, какъ было получено новое приказаніе, въ силу котораго квартирьеровъ пришлось немедленно снять и продолжать движеніе на Бошулю.

Только что мы тронулись, какъ насъ нагналъ казакъ, посланный начальникомъ дивизіоннаго штаба, съ цѣлью предупредить, что между Вѣтреново и Бошулю рыскаютъ большія партіи баши-бузуковъ, а потому мнѣ совѣтовали двигаться со всѣми мѣрами предосторожности, т. е. выславъ во всѣ стороны патрули.

Такъ и сдѣлано. Прошли мы версты три, и вижу я, что люди, измученные пяти-дневнымъ форсированнымъ маршемъ, крайне тяжелымъ, состоящемъ изъ непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ (при страшной гололедицѣ) переходомъ и къ тому же съ ранняго утра ничего не ѣвшіе, еле-еле плетутся. Опасаясь, чтобы въ патрули не обратилась вся моя команда, я рѣшилъ, что лучшею мѣрою предосторожности будетъ вызовъ пѣсенниковъ, и дѣйствительно, люди мои быстро подтянулись и снова бодро зашагали, несмотря на то, что уже былъ двѣнатцатый часъ ночи. Что же касается баши-бузуковъ, то мы ихъ не видѣли ни единаго: должно быть они не любятъ русскихъ пѣсенъ! Итакъ, мы уже подходили къ Бошулю, какъ вдругъ насъ нагоняетъ ординарецъ командира полка и передаетъ приказаніе вернуться обратно въ Вѣтреново.

Первое приказаніе (относительно движенія на Бошулю), какъ оказалось, было отмѣнено вслѣдствіе неимовѣрной усталости людей, но какъ

бы то ни было, а команда квартирьеровъ, а также и слѣдовавшій сзади ея 4-й баталіонъ вернулись въ Вѣтреново только въ первомъ часу ночи и съ пустыми желудками. Вотъ какъ встрѣченъ нами Новый годъ!

Во время походнаго движенія 1-й баталіонъ нашего полка, а также и 3-й баталіонъ Московскаго были направлены къ Зимчину, на перерѣзъ туркамъ, отступающимъ изъ Самакова. Прочіе три баталіона нашего полка, а также 2 баталіона Московскаго, по обыкновенію, образуютъ собою авангардъ колонны, идущей на Татаръ-Базарджикъ, подъ которымъ предполагается дѣло.

1-го Января. 1878 г. Мыза Чифтликъ.

Ночью была получена диспозиція авангарднаго дѣла подъ Татаръ-Базарджикомъ. Въ силу этой диспозиціи мы поднялись въ пять часовъ утра и при абсолютной темнотѣ едва-едва разобрались; при этомъ то и дѣло слышались возгласы: «кто идетъ? какой роты? гдѣ наша рота? гдѣ командиръ полка»? а иногда раздавались возгласы и другаго характера: «съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!» — «Да, братъ, ужъ пора бы наступить и новому счастью!» слышался отвѣтъ.

Въ довершеніе хаоса то тамъ, то сямъ раздавались шлепки объ ледъ (благодаря гололедицѣ) какъ людей, такъ и лошадей. Наконецъ мы собрались и въ шесть часовъ уже выступили изъ Вѣтренова.

Около восьми часовъ утра мы вступили въ Бошулю, а въ десятомъ часу, построясь въ боевой порядокъ, продолжали движеніе на Татаръ-Базарджикъ, причемъ прежде всего заняли мызу Чифтликъ, лежащею въ верстахъ въ трехъ отъ Татаръ-Базарджика; затѣмъ продвинулись еще на нѣсколько сотъ саженъ, остановились и открыли по городу орудійный, а по передовымъ частямъ турецкой пѣхоты и кавалеріи ружейный огонь. Турки видимо переполошились: мимо насъ взадъ и впередъ то и дѣло маневрировали не только маленькія команды, но и довольно значительныя колонны кавалеріи, а впослѣдствіи и пѣхоты; тѣмъ не менѣе, на артиллерійскій огонь непріятель не отвѣчалъ, ружейная же перестрѣлка скоро сдѣлалась обоюдною, впрочемъ, и она не была особенно сильна, хотя и нельзя ей отказать въ замѣчательной мѣткости; такъ, приблизясь къ нашей позиціи, турки направили огонь главнымъ образомъ на артиллерію, такъ какъ послѣдняя представляла для нихъ гораздо бóльшую цѣль (люди стрѣляли лежа), къ тому же на батареѣ собрались всѣ начальники частей и почти всѣ офицеры, а потому и стоило цѣлиться, и дѣйствительно, послѣ первыхъ же выстрѣловъ одна изъ пуль попала въ механизмъ орудія, а спустя не болѣе нѣсколькихъ секундъ свалилась одна изъ артиллерійскихъ лошадей.

Съ наступленіемъ сумерокъ перестрѣлка прекратилась, а потому мы отошли къ дер. Чифтликъ, гдѣ и расположились на ночлегъ, обезпечивъ себя со стороны непріятеля сторожевою цѣпью.

Мнѣ кажется, что операція подъ Татаръ-Базарджикомъ этимъ и окончится, такъ какъ наше авангардное дѣло, или вѣрнѣе усиленная рекогносцировка, повидимому, произвела на турокъ не особенно пріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, начальство приняло всѣ мѣры, чтобы непріятель втеченіе ночи не ускользнулъ изъ нашихъ рукъ, но едва ли возможно будетъ его укараулить, потому что при абсолютной темнотѣ одной бдительности кавалеріи далеко недостаточно.

2-го Января. Сторожка на жел. д.

Мое предположеніе, по поводу оставленія непріятелемъ Татаръ-Базарджина, вполнѣ оправдалось: едва успѣли блеснуть первые лучи солнца, какъ казачьи разъѣзды донесли, что городъ непріятелемъ очищенъ. Однако, несмотря на это, въ виду того, что въ домахъ зачастую остаются одиночные люди, стрѣляющіе по приходящимъ войскамъ, передъ выступленіемъ мы перестроились въ боевой порядокъ и при прохожденіи черезъ городъ обхватили его съ обоихъ фланговъ. Эта предосторожность оказалась далеко не лишнею, такъ какъ въ домахъ дѣйствительно оставалось до пятидесяти вооруженныхъ турокъ, которые и взяты въ плѣнъ нашею цѣпью; при этомъ въ одномъ изъ зданій они собрались въ такомъ количествѣ, что нашему боковому патрулю, состоявшему изъ десяти рядовыхъ, подъ начальствомъ младшаго унтеръ-офицера 16-й роты Михѣя Фунтикова, угрожала серьезная опасность и только находчивость и храбрость Фунтикова, бросившагося съ патрулемъ въ упомянутый домъ и своею смѣлостью настолько озадачившаго турокъ, что послѣдніе, несмотря на свое численное превосходство, положили оружіе безъ сопротивленія, спасло людей патруля отъ поголовнаго разстрѣлянія. За этотъ подвигъ Фунтиковъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени.

По выходѣ изъ города намъ былъ сдѣланъ небольшой привалъ, послѣ котораго мы опять двинулись впередъ.

Не доходя версты три до дер. Орта-ханъ, намъ было приказано свернуть съ шоссе вправо, перейдти въ бродъ р. Марицу, а затѣмъ продолжать наступленіе по полотну желѣзной дороги, преслѣдуя турецкій аріергардъ, численность котораго, впрочемъ, считали въ то время незначительной.

Къ вечеру мы должны были достигнуть непріятельской позиціи подъ дер. Кадакіой, аттаку которой предполагалось произвести сегодня же всей дивизіей.

Итакъ, исполняя изложенное приказаніе, мы свернули съ шоссе, прошли верстъ шесть по изрытому майсовому полю и добрались, наконецъ, до Марицы. По счастью, здѣсь къ намъ былъ присоединенъ дивизіонъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка и полуэскадронъ Лейбъ-Уланъ, а то бы пришлось, какъ говорится, «сидѣть у моря и ждать погоды», такъ какъ р. Марица, въ наиболѣе доступныхъ для переправы мѣстахъ, имѣетъ не менѣе пяти футъ глубины.

Началась переправа на гусарскихъ лошадяхъ, причемъ на каждую изъ нихъ садили по одному кавалеристу для управленія лошадью и по одному нашему. Зрѣлище было поистинѣ курьезное и доставило большой матеріалъ для солдатскихъ остротъ.

Такъ какъ уже начинало смеркаться, а до дер. Кадакіой оставалось еще добрыхъ двѣнадцать верстъ, то 2-му батальону, уже перешедшему на другой берегъ, было отдано приказаніе о немедленномъ движеніи впередъ, не ожидая переправы прочихъ частей полка.

Итакъ, Марица перейдена уже въ сумерки; добрались мы и до полотна желѣзной дороги, но, увы! при первыхъ же шагахъ наткнулись на испорченный желѣзнодорожный мостъ, послужившій новымъ препятствіемъ для безостановочнаго движенія. Приступивъ къ разборкѣ лежавшихъ здѣсь бревенъ, заготовленныхъ, по всей вѣроятности, для шпалъ, и къ починкѣ при помощи этого матеріала моста, начальникъ отряда въ то-же время послалъ гусаръ, а затѣмъ и находящихся при немъ осетинъ, при одномъ изъ нашихъ офицеровъ, узнать: кому принадлежатъ видимые съ мѣста нашего расположенія бивуачные огни?

Переправясь, гдѣ-то въ сторонѣ, на другую сторону рѣки, посланные наткнулись прежде всего на нѣсколько горящихъ стоговъ рисовой соломы и группу находившихся около нихъ турокъ, которые и взяты въ плѣнъ. По показаніямъ послѣднихъ, а также и по даннымъ, добытымъ дальнѣйшей рекогносцировкой, оказалось, что у дер. Кадакіой стоятъ значительныя силы непріятеля. Это подтвердилось и тѣмъ, что аттака деревни была отложена.

Въ виду вышеизложеннзго, начальникъ отряда нашелъ невозможнымъ даланѣйшее наступленіе и приказалъ какъ намъ (всего два съ половиною баталіона, такъ какъ 1-й баталіонъ свернулъ къ Зимчину, а двѣ роты оставлены позади, съ цѣлью содѣйствовать движенію артиллеріи), такъ и гусарамъ и уланамъ расположиться на ночь бивуакомъ у полотна дороги. Въ это время было уже совершенно темно, а потому огни замѣтны были издалека, но, кромѣ упомянутыхъ выше (впереди насъ), другихъ—пока еще не было видно; но каково же было наше изумленіе когда, спустя не болѣе четверти часа, выйдя изъ сторожки, въ которой расположились начальникъ отряда, командиръ полка и нѣсколько офицеровъ, мы увидѣли вокругъ себя иллюминацію изъ турецкихъ костровъ, расположенныхъ въ

шахматномъ порядкѣ (это расположеніе составляетъ отличительный признакъ, по которому легко различаются наши костры отъ непріятельскихъ).

Ясно, что кругомъ насъ ночуетъ цѣлая масса непріятельскихъ войскъ, такъ славно размѣстившихся, что въ какую сторону ни взгляни нигдѣ, кромѣ зловѣщихъ турецкихъ костровъ, ничего не увидишь! Что дѣлать? Огромное количество огней не оставляло сомнѣнія, что если турки дадутъ себѣ отчетъ въ нашей малочисленности, то живымъ не уйдетъ ни одинъ, а потому рѣшась сопротивляться, какъ говоритъ присяга, «до послѣдней капли крови», въ то-же время начальникъ отряда тотчасъ же приказалъ потушить всѣ костры (за исключеніемъ расположенныхъ за закрытіями) и соблюдать полную тишину. Затѣмъ, въ виду физической невозможности принятія какихъ-либо активныхъ мѣръ обороны, мы порѣшили, что ужъ если суждено въ эту ночь переселиться въ міръ праотцевъ, то, во всякомъ случаѣ, переселеніе это гораздо лучше совершить выспавшись, а потому, не теряя времени, въ сторожкѣ были разостланы бурки и пальто, и мы приготовились расположиться на ночь. Но вотъ бѣда: переселяться въ заоблачный міръ голодными — тоже не дѣло, а вьюковъ, очевидно, съ нами не было; къ счастью, у командира полка въ сѣдельной кобурѣ оказался ломоть бѣлаго хлѣба и нѣсколько кусковъ колбасы, которые онъ и раздѣлилъ съ нами по братски; начальникъ отряда также внесъ свою лепту, въ видѣ нѣсколькихъ кусковъ сахару и щепотки чаю; затѣмъ, мы раздобыли солдатскую манерку и даже два стакана (отъ нижнихъ чиновъ) и устроили чай, да еще и съ хлѣбомъ! Окончивъ этотъ мизерный ужинъ, мы улеглись спать.

3-го Января. Дер. Адакіой.

Странное дѣло! Проснулись и видимъ, что все тихо: непріятель не только не аттаковалъ насъ, но и самъ исчезъ куда-то безслѣдно. Чѣмъ объяснить подобное явленіе сказать трудно: были ли мы турками незамѣчены или-же ими обуялъ такой паническій страхъ (вызванный безостановочнымъ преслѣдованіемъ), что они не обратили на насъ ни малѣйшаго вниманія—рѣшать не берусь; знаю только, что всѣ мы живы и здоровы, выспались и только одно скверно—это то, что въ желудкахъ слишкомъ пусто; но ужъ этому помочь нельзя, а потому къ дѣлу!

Такъ какъ намъ почти ничего не было извѣстно о расположеніи противника, ни о дѣйствіяхъ нашихъ частей, то начальникъ отряда, еще на разсвѣтѣ, выслалъ во всѣ стороны разъѣзды и въ то-же время послалъ къ командующему дивизіей ординарца за дальнѣйшими приказаніями. Въ десятомъ часу утра уже былъ полученъ отвѣтъ, въ силу котораго мы тотчасъ-же двинулись къ деревни Кадакіой на соединеніе съ прочими частями нашей дивизіи, уже завязавшими дѣло съ турками.

При этомъ нужно замѣтить, что мы шли на выстрѣлы, происходившіе впереди насъ, выстрѣловъ-же справа не ожидали; но вдругъ въ разстояніе не болѣе двухъ аршинъ отъ насъ разрывается одна граната, за ней другая, третья и т. д., словомъ, турки видимо не жалѣли ни пороху, ни снярядовъ.

Тогда, по приказанію начальника отряда, полкъ сведенъ съ полотна и продолжалъ движеніе по полю, вдоль насыпи, а на полотнѣ съ цѣлью наблюденія за дѣйствіями противника остались только одни начальствующія лица съ ихъ штабами.

Такимъ образомъ, мы почти не представляли цѣли, а потому и разрывъ гранатъ происходилъ не по близости насъ, какъ при движеніи по полотну, но значительно далѣе.

На половинѣ пути намъ снова пришлось переправиться въ бродъ чрезъ одинъ изъ притоковъ рѣки Марицы, а потому, очевидно, что мы порядкомъ промокли и продрогли (гусаръ и уланъ съ нами уже не было).

По прибытіи на позицію сначала весь полкъ (здѣсь къ намъ присоединился и 1-й баталіонъ) былъ поставленъ въ частномъ резервѣ, въ окрестностяхъ деревни Адакіой, что, впрочемъ, насъ не спасло не только отъ орудійнаго, но даже и отъ ружейнаго огня непріятеля; вслѣдствіе чего, зачастую приходилось быть свидѣтелемъ самыхъ страшныхъ картинъ; такъ, одна изъ гранатъ, попавъ цѣликовъ въ голову одного изъ рядовыхъ 6-й роты, разорвалась и своими осколками разворотила всю грудную полость другому—и оторвала ногу (которая, вмѣстѣ съ сапогомъ, была отброшена на нѣсколько саженъ въ сторону) третьему изъ нижнихъ чиновъ той-же роты, а также уложила еще двухъ рядовыхъ 5-й роты, стоявшей непосредственно сзади.

Въ третьемъ часу пополудни непріятель сталъ угрожать намъ обходомъ нашего праваго фланга, а потому намъ было приказано перейти въ первую линію и, расположась на упомянутомъ флангѣ, зорко наблюдать за противникомъ.

Когда мы пришли на означенное мѣсто, то большія массы непріятельской кавалеріи уже скрылись и осталось всего нѣсколько партій башибузуковъ, а потому командиръ полка, найдя, что неприлично цѣлому полку стоять передъ этими господами «въ ружье», выслалъ впередъ всего одинъ баталіонъ, а всѣмъ остальнымъ баталіонамъ приказалъ составить ружья и отдыхать.

Въ такомъ положеніи насъ застали сумерки, а съ ними и окончаніе сегодняшняго дѣла.

На прочихъ участкахъ позиціи, занятыхъ остальными полками нашей дивизіи, 1-й бригады, 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, баталіонами гвардейской стрѣлковой бригады съ ихъ артиллеріей и нѣсколькими армей-

скими полками, велась та-же орудійная канонада и та-же оживленная ружейная перестрѣлка.

На ночлегъ полкъ былъ отведенъ въ деревню Адакіой.

Изъ числа личныхъ подвиговъ храбрости, оказанныхъ въ этотъ день нижними чинами полка, заслуживаетъ вниманія подвигъ фельдфебеля 10-й роты, Павла Никитина, который, за недостаткомъ въ полку офицеровъ, командовалъ въ этотъ день ротою и выказалъ при этомъ не только личную храбрость, но и замѣчательную распорядительность и энергію; кромѣ того, даже будучи раненъ въ обѣ ноги, онъ ни за что не хотѣлъ оставить строя, не смотря на сильное кровотеченіе, и только уже вслѣдствіе формальнаго приказанія командира баталіона былъ положенъ на носилки и отнесенъ на перевязочный пунктъ.

4-го Января. Дер. Комотъ.

Сегодня съ семи часовъ утра мы опять (уже девятый день сряду) въ составѣ средней колонны (вмѣстѣ съ Павловскимъ полкомъ и гвардейской стрѣлковой бригадой) преслѣдовали по пятамъ отступающихъ турокъ и, наконецъ, около полудня нагнали ихъ уже у деревни Мецкіой.

Опять пошла потѣха: какъ наша, такъ и непріятельская артиллерія гремѣла неумолкаемо втеченіе нѣсколькихъ часовъ; затѣмъ турки, къ великому нашему удивленію (въ то время мы еще не знали, что передъ нами цѣлая армія Сулеймана) начали наступленіе со стороны деревни Дермендере, а непріятельская кавалерія, подъ весьма сильнымъ огнемъ, преспокойно маневрировала передъ нашими глазами; однако, такъ какъ попытка аттаки была встрѣчена подобающимъ образомъ, то непріятель вскорѣ успокоился и снова свелъ дѣло къ артиллерійской канонадѣ.

Въ четвертомъ часу дня нашему полку, съ двумя орудіями, было приказано присоединиться къ колоннѣ генералъ-лейтенанта Шильднеръ-Шульднера, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ праваго фланга непріятельской позиціи.

Во все время движенія мы находились подъ сильнымъ орудійнымъ огнемъ непріятеля.

Однако, несмотря на это, наше передвиженіе было совершено въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что невольно напомнило намъ Красносельскіе маневры: даже и команда «маршъ» раздалась, какъ въ лагеряхъ, совершенно одновременно, по знаку сабли командира полка. Но, такъ какъ во время движенія мы пользовались прикрытіемъ впереди стоявшей рощи и складками мѣстности, то и добрались благополучно; остаться невридимыми, стоя на мѣстѣ, было гораздо труднѣе тѣмъ болѣе, что непріятельская артиллерія стрѣляла безподобно: одинъ, много два недолетовъ и столько-же перелетовъ, а затѣмъ—всѣ гранаты ложились уже около са-

мыхъ колоннъ. Единственнымъ средствомъ избѣжать пагубнаго дѣйствія орудійнаго огня представлялось или скрытое (мѣстностью) расположеніе частей или-же передвиженіе ихъ, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, съ одного мѣста на другое; такъ, только-что мы остановились (послѣ перехода на лѣвый флангъ) какъ непріятельскіе снаряды начали ложиться или немного сзади, или непосредственно впереди нашего 4-го баталіона, стоявшаго въ первой линіи (полкъ былъ построенъ въ двѣ линіи) и только что баталіонъ былъ отведенъ на нѣсколько шаговъ назадъ, къ проходящей здѣсь небольшой лощинѣ, какъ одну изъ гранатъ разорвало на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде командиръ полка со всѣмъ полковымъ штабомъ, т. е. всего въ двухъ, трехъ шагахъ отъ прежняго мѣста расположенія баталіона. Но намъ все-же было лучше, нежели артиллеріи, которой ни примѣняться къ мѣстности, ни переходить съ одного мѣста на другое не было возможности; и я лично, будучи посланъ на батарею, имѣлъ прекрасный случай убѣдиться, подъ какимъ адскимъ огнемъ непріятеля находилась означенная батарея, и какъ еще туркамъ не удалось перебить всѣхъ офицеровъ, орудійную прислугу и лошадей—для меня положительно непостижимо.

Канонада продолжалась до глубокихъ сумерокъ, съ наступленіемъ которыхъ огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился.

Мы разсчитывали, что на ночлегъ насъ снова отведутъ въ деревню Адакіой, такъ какъ ночевать въ деревнѣ Комотъ, лежащей почти у подножія Родопскихъ горъ, скаты которыхъ заняты массою непріятельской пѣхоты и громаднымъ числомъ дальнобойныхъ орудій, болѣе чѣмъ опасно; но, такъ какъ высшее начальство, по всей вѣроятности опасалось занятія деревни турками, то нашему и Финляндскому полкамъ, а также и полкамъ дивизіи Шильднеръ-Шульднера приказано расположиться непремѣнно въ деревнѣ, и только часть полка, за недостаткомъ мѣста, стала бивуакомъ за деревней.

Итакъ, мы опять находимся въ положеніи похожимъ на то, въ какомъ были 2-го января! Ну что будетъ—то будетъ; авось, и на этотъ разъ, кривая вывезетъ! Къ тому-же—полное изнеможеніе, вслѣдствіе девяти-дневнаго форсированнаго марша и скудной пищи, заставляетъ насъ забыть о всякой опасности, а потому не прошло и часа послѣ окончанія дѣла, какъ вся деревня огласилась такимъ страшнымъ храпомъ, какой едвали-ли была бы въ состояніи заглушить даже турецкая артиллерія.

5-го Января. Дер. Марково.

Въ восемь часовъ утра мы, вмѣстѣ съ прочими частями отряда генералъ-лейтенанта Шильднеръ-Шульднера, были двинуты на перерѣзъ туркамъ на деревню Хланъ, но вскорѣ намъ было приказано свернуть и на-

ступать на деревню Марково, подъ которой турки заняли весьма сильную арьергардную позицію.

Около девяти часовъ утра мы уже были на мѣстѣ и завязали съ непріятелемъ дѣло, которое, съ каждымъ часомъ, принимало все болѣе и болѣе острый характеръ.

Около полудня турки начали замѣтно усиливать свое лѣвое крыло. Въ виду этого, на усиленіе боевой линіи былъ посланъ изъ резерва одинъ изъ нашихъ баталіоновъ (прежде въ резервѣ были два баталіона нашего полка, а два другихъ въ боевой линіи), а затѣмъ весь полкъ былъ двинутъ на деревню Марково.

Не взирая на страшный орудійный и оружейный огонь, которымъ осыпались какъ наступающія роты, такъ и самая деревня Марково, лежащая у подножія Родопскихъ горъ, означенная деревня была нами занята, а всѣ оставшіяся въ ней небольшія команды непріятельской пѣхоты—взяты въ плѣнъ.

При занятіи деревни Марково для насъ опаснѣе другихъ батарей противника была та, которая стояла на высокой и крутой горѣ, къ востоку отъ деревни. Одна изъ гранатъ этой батареи, ударивъ въ хвостъ нашей 5-й роты, положила на мѣстѣ трехъ человѣкъ.

При самомъ вступленіи въ деревню намъ было приказано оставаться въ ней впредь до распоряженія и пропустить впередъ отрядъ генерала Вельяминова. Вслѣдъ за полученіемъ этого приказанія означенный отрядъ прошелъ черезъ деревню и уже за нею завязалъ дѣло съ непріятельскими стрѣлками, засѣвшими на крутой и высокой скалѣ. Спустя около получаса послѣ этого генералъ Эллисъ, которому нашъ полкъ былъ подчиненъ, получилъ приказаніе наступать не ожидая прибытія генерала Вельяминова. Въ виду очевиднаго въ данномъ случаѣ недоразумѣнія, генералъ Эллисъ рѣшился оставить послѣднее приказаніе безъ послѣдствій; тѣмъ болѣе, что приведеніе его въ исполненіе было сопряжено съ совершенно безполезной тратой времени на смѣну частей.

Вскорѣ, за темнотою, перестрѣлка прекратилась окончательно и притомъ не на одну ночь, какъ это было за послѣдніе дни, а съ тѣмъ, чтобы болѣе уже не возобновляться; оказалось что турки, обойденные съ трехъ сторонъ, бросили не только свой обозъ, но и всю артиллерію, а сами направились въ единственную, оставшуюся для нихъ открытую сторону, т. е. въ горы.

Итакъ, окончено еще одно дѣло, и притомъ дѣло заслуживающее вниманія не только по его результатамъ (разбитіе цѣлой арміи Сулеймана и взятіе всей его артиллеріи и обоза), но и потому, что оно собою представляетъ еще одно наглядное доказательство всей стойкости и выносливости русскаго войска. Не говоря уже о десяти-дневномъ форсированномъ (безъ дневокъ, а зачастую даже и безъ приваловъ) маршѣ, неизбѣжнымъ слѣд-

ствіемъ котораго былъ сильный недостатокъ въ средствахъ продовольствія, такъ какъ ни одинъ интендантскій транспортъ, очевидно, за нами угнаться не могъ, я укажу на то обстоятельство, что не только у нижнихъ чиновъ, но у большинства офицеровъ, вслѣдствіе кратковременности (пяти дней) промежутка между спускомъ съ Балканъ и началомъ преслѣдованія непріятеля, обувь была въ такомъ жалкомъ состояніи, что ноги несчастныхъ представляли собою нѣчто въ родѣ битаго мяса, и, тѣмъ не менѣе, всѣ до послѣдняго рядоваго безропотно слѣдовали за своею частью, а если и можно было насчитать десятокъ другой отсталыхъ, то и тѣ, просидѣвъ часъ на берегу какого-нибудь ручья или даже около лужи и обернувъ свои окровавленныя ноги въ мокрыя тряпки, снова плелись и уже къ ночи всегда бывали въ полку, а на утро съ новою энергіей опять пускались въ погоню, причемъ, съ цѣлью менѣе отстать отъ полка, эти несчастные всегда забирались въ самую голову колонны и нерѣдко подшучивали даже надъ всякимъ, который прихрамывая оставался позади ихъ.

Словомъ, во всѣ эти тяжелые для насъ дни русская Императорская гвардія представляла собою не то блестящее войско, которое привыкли видѣть жители Петербурга, но какихъ-то голодныхъ и оборванныхъ нищихъ-калѣкъ, и вотъ, эти-то нищіе-калѣки по-истинѣ представляли собою замѣчательные образцы мужества и выносливости!

6-го Января. Г. Филиппополь.

Въ восемь часовъ утра полкъ выступилъ изъ деревни Марково и по прибытіи въ Филиппополь былъ размѣщенъ по квартирамъ.

Филиппополь очень порядочный городъ, расположенный на весьма живописной мѣстности и имѣющій много красивыхъ зданій (большинство которыхъ построено въ европейскомъ стилѣ), значительное количество порядочныхъ магазиновъ и нѣсколько сносныхъ гостинницъ.

Населеніе относится къ намъ въ высшей степени радушно и встрѣтило насъ съ крестами хоругвіями и съ хлѣбомъ-солью.

Многіе изъ жителей ходятъ въ еврпейскихъ костюмахъ и говорятъ по-французски.

Съ 7-го по 9-е Января.

Всѣ эти дни мы съ истиннымъ наслажденіемъ отдыхаемъ отъ тѣхъ неимовѣрныхъ трудовъ и лишеній, которые такъ обильно выпали на нашу долю за послѣдніе десять дней.

Само собою разумѣется, что нескончаемая починка остатковъ нашей обуви и платья идетъ своимъ чередомъ.

10-го Января. Дер. Попазлы.

Ночью пришло приказаніе о дальнѣйшемъ движеніи на Адріанополь, а потому окончательная починка нашей обуви и платья опять должна быть отложена до болѣе благопріятнаго времени.

Переходъ въ двадцать-пять верстъ.

На ночлегъ мы расположены въ деревнѣ Папазлы.

11-го Января. Дер. Коялы.

Переходъ въ тридцать верстъ.

Деревня Коялы, въ которой мы должны были остановиться на ночлегъ, недостаточна для помѣщенія въ ней всей дивизіи, а потому два баталіона поставлены бивуакомъ.

Въ воздухѣ довольно тепло, но поднимается сильный вѣтеръ.

Вечеромъ получено извѣстіе объ оставленіи турками Адріанополя.

12-го Января. Г. Хассъ-Кіой.

Переходъ въ двадцать-пять верстъ.

На ночлегъ расположены въ городѣ Хассъ-Кіой, который хотя по своей внѣшности и не можетъ быть сравниваемъ съ Филиппополемъ, но зато по величинѣ едва ли ему уступаетъ, а потому мы имѣли довольно сносныя квартиры.

Отойдя верстъ пять отъ Коялы, я отдѣлился отъ своей команды (квартирьеровъ) и поѣхалъ впередъ, чтобы заблаговременно отвести полку квартиры.

Не прошло и четверти часа по прибытіи моемъ въ городъ, какъ на улицахъ поднялся страшный гвалтъ и болгары, одинъ за другимъ, являлись ко мнѣ съ просьбою о помощи противъ турокъ, заявляя, что послѣдніе ихъ бьютъ и рѣжутъ. Оказать имъ свое содѣйствіе я могъ только собственною особою (команды тогда еще не было), а потому не столько изъ убѣжденія въ моей полезности, сколько изъ простаго любопытства, я отправился на мѣсто мнимой рѣзни; говорю «мнимой» такъ какъ на повѣрку оказалось, что весь этотъ безпорядокъ былъ произведенъ всего нѣсколькими головорѣзами (баши-бузуками), засѣвшими въ домахъ и стрѣлявшими изъ оконъ.

Хотя съ этими господами тутъ-же было и покончено, тѣмъ не менѣе раздраженіе болгаръ возрасло до такой страшной степени, что они стали бросаться и на мирныхъ жителей; а когда послѣдніе, съ цѣлью какъ-нибудь спастись, кидались въ протекающую по городу рѣчку (глубиною фута въ четыре), то и тутъ, несмотря на то, что и я уже былъ въ рѣкѣ и пустилъ въ ходъ (по спинамъ моихъ единоплеменниковъ) толстую нагайку, они,

на моихъ же глазахъ, закололи одного изъ мирныхъ турокъ, и только угрозою стрѣлять мнѣ удалось, наконецъ, унять разсвирѣпѣвшихъ болгаръ и спасти пять человѣкъ, чуть не сдѣлавшихся жертвою ихъ неистовствъ; но, къ сожалѣнію, одинъ изъ турокъ былъ уже сильно раненъ въ шею, голову и правую руку и едва-ли останется живъ.

Я нарочно привелъ этотъ эпизодъ, такъ какъ онъ отлично характеризуетъ вражду болгаръ къ туркамъ и всю ту легкость, съ какою возникаютъ между ними безпорядки, могущіе привести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ.

13-го Января. Г. Германлы.

Переходъ въ тридцать верстъ.

На ночлегъ полкъ расположился въ довольно большемъ городѣ Германлы.

По крайней мѣрѣ половина (пятьнадцать верстъ) нашего пути положительно загромождена трупами людей (въ числѣ ихъ множество женщинъ, дѣтей и дряхлыхъ стариковъ), лошадей, рогатаго скота, обломками телегъ и цѣлой массой домашней утвари, а среди всего этого бродятъ раненыя и ожидающія голодной смерти животныя; людскіе трупы торчатъ даже изъ протекающей здѣсь рѣчки, такъ что на привалѣ намъ не откуда было зачерпнуть воды; словомъ, вся эта мѣстность представляетъ собою одно сплошное царство смерти, ясно свидѣтельствующее о варварскомъ избіеніи болгарами бѣжавшихъ изъ города турецкихъ семействъ.

14-го Января. Г. Мустафа-Паша-Кепри-су.

Переходъ въ тридцать-пять верстъ.

Почти весь нашъ путь, какъ и вчера, представляетъ собою картину того-же страшнаго избіенія болгарами турокъ.

Во все время перехода дождь лилъ, какъ изъ ведра. Грязь мѣстами доходитъ до колѣна.

Подходя къ городу намъ пришлось переправляться черезъ испорченный мостъ, что, благодаря абсолютной темнотѣ и отсутствію фонарей, составляло дѣло далеко не легкое!

На сколько было темно видно изъ того, что командиръ полка, послѣ переправы, долго не могъ выяснить себѣ: куда дѣлась головная часть полка? хотя въ дѣйствительности послѣдняя свернула передъ нашими глазами на ночлегъ въ городъ Мустафа-паша-Кепри-су. Мы прибыли только въ одиннадцатомъ часу вечера, при невылазной грязи намъ пришлось совершить переходъ не болѣе, не менѣе, какъ въ тридцать-восемь верстъ; но все это блѣднѣетъ передъ переправою (мостъ былъ испорченъ турками) черезъ

одинъ бурный потокъ, который, вслѣдствіе проливныхъ дождей, имѣетъ въ настоящее время до четырехъ футовъ глубины и обладаетъ столь быстрымъ теченіемъ, что не только люди, но и лошади зачастую перевертывались вверхъ ногами и относились на нѣсколько десятковъ саженъ внизъ по теченію; при этомъ, конечно, дѣло не обошлось безъ несчастій: не говоря уже о нѣсколькихъ ружьяхъ и винтовкахъ, которыя остались на днѣ означеннаго потока, нѣкоторые поплатились тутъ и жизнью, и въ числѣ послѣднихъ были даже казаки, лошади которыхъ, по большей части, отличаются и крѣпкими ногами и привычкою къ преодолѣнію препятствій этого рода.

Очевидно, что процедура переправы заняла не мало времени, а потому переправившимся въ головѣ колонны пришлось нѣсколько часовъ сидѣть вымокшими и, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, поджидать остальныхъ товарищей. Къ тому же мы еще ранѣе переправы простояли втеченіе нѣсколькихъ часовъ, ожидая починки моста саперами, и получивши приказаніе о движеніи въ бродъ только тогда, когда уже вполнѣ выяснилась полная безуспѣшность работъ, а потому неудивительно, что на походѣ насъ застигла ночь и соединенный съ нею морозъ, вслѣдствіе котораго наше мокрое платье покрылось сосульками. Вотъ въ этомъ то миломъ состояніи полку пришлось пройти еще около двадцати верстъ, и только въ третьемъ часу ночи намъ удалось наконецъ добраться до Адріанополя. Но тутъ новая бѣда! По распоряженію штабъ-офицера генеральнаго штаба, посланнаго высшимъ начальствомъ для отвода войскамъ квартиръ, не только вся наша дивизія съ ея артиллеріей, но и вся гвардейская стрѣлковая бригада, ожидаемая въ Адріанополь завтра (сегодня прибылъ только авангардъ колонны, состоящій изъ лейбъ-гвардіи Московскаго и нашего полковъ), должны помѣститься въ стоящихъ за городомъ грязныхъ и изобилующихъ отвратительнымъ тряпьемъ турецкихъ казармахъ, не имѣющихъ ни одной печи. Итакъ, сегодня намъ сильно не посчастливилось: всѣ мы страшно измучены, голодны и не имѣемъ на себѣ ни одной сухой нитки, такъ какъ бóльшая часть вьюковъ, за невозможностью переправиться, осталась по ту сторону потока, а рискнувшіе или погибли въ его волнахъ, или же по меньшей мѣрѣ на столько вымокли, что не суше насъ самихъ.

Несмотря на все это, усталость взяла свое: не прошло и часа послѣ прихода полка, какъ большинство изъ насъ разлеглись на голыхъ деревянныхъ лавкахъ и, подложивъ подъ голову мокрое пальто, спали уже сномъ праведниковъ, но скоро мы были лишены и этого послѣдняго удовольствія.

16-го Января. Г. Адріанополь.

Ровно въ шесть часовъ утра раздались зловѣщіе крики: «пожаръ, пожаръ!» а вслѣдъ за ними поднялся страшный гвалтъ и такая давка въ

окружающемъ казармы корридорѣ, что начнись пожаръ по близости къ одному изъ выходовъ (ихъ было всего два), то дѣло не обошлось бы безъ страшной катастрофы; впрочемъ, и теперь нельзя похвастать благополучнымъ исходомъ.

Нашъ полкъ былъ расположенъ въ нижнемъ этажѣ и только двѣ роты находились на верху, но и тѣ въ такомъ значительномъ разстояніи отъ мѣста, съ котораго начался пожаръ, что всѣ мы успѣли благополучно выбраться на казарменный дворъ, и только нѣкоторые изъ насъ поплатились своими вещами да выючными животными; но не такъ дешево отдѣлались бѣдные Московцы, помѣщенные во второмъ этажѣ: многіе изъ солдатъ, опасаясь, что они не успѣютъ пробиться къ выходу, стали бросаться въ окно и, несмотря на всѣ усилія офицеровъ остановить ихъ, эти прыжки продолжались безпрерывно, значительное число людей при паденіяхъ получило весьма серьезныя поврежденія.

Говорятъ, что всѣхъ раненыхъ было шестьдесятъ-три человѣка, а одиннадцать человѣкъ сгорѣло при спасеніи знамени. Выйдя на дворъ, мы построились въ резервный порядокъ и, ожидая отвода новыхъ квартиръ, должны были до конца оставаться свидѣтелями этой страшной картины разрушенія, соединенной съ кровавыми жертвами, и слушать оглушительный трескъ производимый обвалами и разрывомъ не одной сотни тысячъ боевыхъ патроновъ.

Отъ всего громаднаго зданія турецкихъ казармъ уцѣлѣли только однѣ стѣны, да двѣ мазанки (по всей вѣроятности—пороховые погреба), стоящія на двухъ противоположныхъ концахъ зданія.

Причиною пожара были, безъ сомнѣнія, костры, разведенные вымокшими солдатами; но къ какой части войскъ принадлежатъ эти неосторожные поджигатели—сказать трудно, потому что, кромѣ нашей бригады, здѣсь были еще квартирьеры отъ прочихъ полковъ дивизіи, артиллеріи, а также и отъ стрѣлковой бригады.

Въ шесть часовъ вечера мы двинулись съ пожарища и перешли на квартиры въ турецкій кварталъ города.

17-го Января.

Только сегодня я имѣлъ возможность ознакомиться нѣсколько съ городомъ и нахожу, что хотя онъ и гораздо болѣе Филиппополя, но зато значительно уступаетъ послѣднему какъ по красотѣ мѣсторасположенія, такъ и по наружному виду зданій, а также и по чистотѣ своихъ улицъ.

Особаго вниманія заслуживаютъ пассажъ и огромный каменный базаръ, обладающій несмѣтнымъ количествомъ всякаго рода лавокъ. Кромѣ

базара есть много магазиновъ, расположенныхъ въ другихъ концахъ города, а также нѣсколько хорошихъ гостинницъ.

Въ населеніи, помимо болгаръ и грековъ, встрѣчается очень много и турокъ, которые, какъ видно, сознали, что мы не занимаемся поголовнымъ истребленіемъ противника, какъ это дѣлаютъ ихъ баши-бузуки, а потому и рѣшились не покидать своихъ жилищъ.

18-го Января.

Наши солдаты опять принялись за нескончаемую починку своего платья; бо́льшую-же часть обуви, пришедшей въ соверше́нную негодность, пришлось замѣнить ботинками, такъ какъ сапогъ здѣсь очень немного, да и къ тому же они и страшно дороги.

Всѣ офицеры съ ранняго утра высыпали на базаръ также съ цѣлью пополненія своего туалета, а равно и закупки другихъ необходимыхъ вещей, взамѣнъ сгорѣвшихъ въ ночь на 16-е число.

19-го Января.

Сегодня, въ шесть часовъ вечера весь городъ огласился криками «ура!» Оказалось, что заключено перемиріе.

Да, говоря откровенно, очень хотѣлось бы поскорѣе покончить съ этою скитальческою и преисполненною всякихъ невзгодъ и лишеній жизнью, но, конечно, только въ такомъ случаѣ, если это окончаніе не приведетъ къ тому, что пролитая нами кровь пропадетъ даромъ.

20-го Января.

Сегодня, въ два часа дня, въ соборной греческой церкви было отслужено благодарственное молебствіе, по случаю заключенія перемирія. Великій Князь Николай Николаевичъ при входѣ въ церковь былъ встрѣченъ мѣстнымъ архіереемъ и массою дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и съ букетами въ рукахъ. Вся прилегающая къ собору улица была занята войсками, а подлѣ самаго собора находилось нѣсколько хоровъ музыки, исполнившихъ, по окончаніи молебствія, русскій гимнъ.

21-го Января.

Сегодня я осматривалъ главную городскую мечеть, превосходящую своею величиною даже нашъ Исакіевскій соборъ и имѣющую такой высокій куполъ, что не только самый городъ, но и всѣ его окружности видны съ

него, какъ на ладони. Внутренность мечети съ верху до низу украшена концентрическими кругами изъ маленькихъ шкаликовъ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются у насъ при иллюминаціи.

Съ 22-го по 24-е Января.

Всѣ эти дни въ полку продолжались работы по починкѣ обуви и платья; а офицеры, отъ нечего дѣлать, попрежнему усердно посѣщаютъ базаръ.

25-го Января.

Сегодня, въ виду предстоящаго въ непродолжительномъ времени выступленія въ походъ, командующій дивизіею осматривалъ въ полку состояніе обуви. Смотръ этотъ представилъ собою по-истинѣ курьезное зрѣлище: одни изъ солдатъ предстали на него въ ботинкахъ, другіе въ лаптяхъ, третьи въ сапогахъ изъ цвѣтной кожи и т. д., словомъ, разнообразіе полнѣйшее. У нѣкоторыхъ, богатыхъ обувью, кромѣ сапогъ, надѣтыхъ на ноги, за спиною болталась еще другая пара опорокъ съ безчисленнымъ количествомъ на нихъ заплатъ.

26-го Января.

Такъ какъ завтра предстоитъ выступленіе въ дальнѣйшій походъ, на Эрекли, гдѣ послѣ заключенія мира предполагается произвести посадку на суда, для перевозки въ Россію, то сегодня утромъ, по желѣзной дорогѣ, отправлены впередъ квартирьеры, для отвода полку помѣщеній.

Сегодня-же въ тылъ отряда командированъ одинъ изъ офицеровъ за обозомъ.

27-го Января. Г. Хавсо.

Переходъ въ двадцать-двѣ версты.

На ночлегъ полкъ расположенъ въ городѣ Хавсо.

28-го Января. Мѣст. Баба-Эски.

Переходъ въ двадцать-семь верстъ.

На ночлегъ расположены въ мѣстечкѣ Баба-Эски.

29-го Января. Дер. Люли-Бургасъ.

Переходъ въ восемнадцать верстъ.

На ночлегъ и дневку расположены въ деревнѣ Люли-Бургасъ.

30-го Января.

Дневка.

На дворѣ стоятъ наши майскіе дни.

Обѣдаемъ и завтракаемъ на открытомъ воздухѣ.

31-го Января. Дер. Каштиранъ.

Переходъ въ девятнадцать верстъ.

На ночлегъ расположены въ деревнѣ Каштиранъ.

Около полуночи поднялась сильная буря, снесшая не одну крышу.

1-го Февраля. Г. Чорлу.

Переходъ въ двадцать-пять верстъ.

Буря утихла.

На ночлегъ полкъ расположенъ въ довольно большемъ, но грязномъ городѣ, Чорлу.

2-го Февраля Г. Эрекли.

Переходъ въ двадцать-семь верстъ.

Въ четыре часа дня полкъ вступилъ въ прелестный, хотя и небольшой, городокъ Эрекли, расположенный на скалистомъ берегу Мраморнаго моря, такъ что издали почти всѣ зданія кажутся, какъ бы прилѣпленными къ скаламъ.

При входѣ въ городъ мы были встрѣчены не только густою толпою народа, но и всѣмъ городскимъ духовенствомъ, съ крестами и хоругвіями.

Съ 3-го по 7-е Февраля.

Въ полку производится починка обуви и платья. Офицеры почти каждый вечеръ устраиваютъ прогулки вдоль морскаго берега, и я полагаю, что, если мы простоимъ здѣсь еще цѣлый мѣсяцъ, то и тогда эти прогулки едва-ли намъ наскучатъ: находятъ-же жители Петербурга удовольствіе въ поѣздкѣ на Крестовскій островъ съ цѣлью любоваться оттуда картиною солнечнаго заката, но вѣдь картина заката солнца въ Петербургѣ

не допускаетъ и мысли сравненія съ тою-же картиною, но перенесенною съ береговъ Балтійскаго моря на Мраморное и происходящей не на грязномъ петербургскомъ небѣ, но на ярко-лазуревомъ южномъ, на которомъ зачастую и самый наблюдательный взоръ не отыщетъ ни одного облачка. Впрочемъ не одинъ закатъ привлекаетъ наше вниманіе: въ окрестностяхъ Эрекли находятся весьма замѣчательныя раскопки (также на берегу моря) древнихъ мраморныхъ колоннъ, статуй и даже подножія какого-то грандіознаго зданія, нѣкогда бывшаго, по всей вѣроятности, храмомъ или укрѣпленіемъ. Судя по слѣдамъ, оставшимся на колоннахъ, служащихъ ему подножіемъ, можно заключить, что оно когда-то подвергалось сильному дѣйствію морскихъ приливовъ, т. е. находилось на самомъ берегу моря; теперь-же зданіе это не только отстоитъ отъ берега на весьма значительное разстояніе, но покрыто еще слоемъ земли, имѣющимъ до шести футъ толщины; изъ чего ясно, что этотъ памятникъ древности принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ эпохъ исторіи.

Раскопки производятся, по приказанію Великаго Князя, гвардейскимъ сапернымъ баталіономъ.

Кромѣ этихъ рѣдкостей, заключающихся въ нѣдрахъ земли, заслуживаютъ вниманія еще развалины одного древняго языческаго храма, имѣющаго нѣсколько куполовъ и цѣлую массу мраморныхъ колоннъ, впослѣдствіе выложенныхъ (по всей вѣроятности, христіанами) кирпичемъ. Стѣны этой руины также представляютъ весьма замѣчательную особенность: на нихъ рѣдко выдѣляются три слоя, которые, по отзывамъ знатоковъ древности, суть памятники трехъ періодовъ: языческаго, генуэзскаго и позднѣйшихъ временъ христіанства.

8-го Февраля.

Увы, сегодня вечеромъ пришло приказаніе о дальнѣйшемъ движеніи впередъ! Прощай Эрекли, а съ нимъ прощай и привезенная нами изъ г. Родосто мука! Хотя тотчасъ же, по полученію приказанія о выступленіи, мы приняли всѣ мѣры къ заготовкѣ возможно бо́льшаго количества печенаго хлѣба, а также и роздали на руки людямъ часть муки, но всетаки бо́льшую ея часть приходится оставить здѣсь до изысканія средствъ къ перевозкѣ, такъ какъ обозъ нашъ находится еще за Балканами.

9-го Февраля, Г. Силиври.

Сдѣлавъ переходъ въ тридцать верстъ, мы остановились въ г. Силиври, который также лежитъ на берегу Мраморнаго моря, и по своей величинѣ и архитектурѣ зданій стоитъ даже выше Эрекли. Кромѣ того,

здѣсь есть много магазиновъ, нѣсколько порядочныхъ ресторановъ и большая пароходная пристань, на которой, какъ и въ Эрекли, ведется дѣятельная торговля; словомъ, жить будетъ не дурно и здѣсь, только дай Богъ, чтобы насъ опять куда нибудь не угнали дальше! «Отъ добра, добра не ищутъ!»

10-го Февраля. Бивуакъ у мѣст. Беюкъ-Чекмэджи.

Опять бѣда: говорятъ, что турки снова заварили какую-то кутерьму, а потому, на всякій случай, намъ приказано придвинуться поближе къ стѣнамъ Константинополя!

Такъ какъ приказаніе пришло только въ два часа дня, а выступили мы въ четыре, то ночь захватила насъ еще на половинѣ пути (весь переходъ состоитъ изъ двадцати-пяти верстъ). На бѣду движеніе происходило по проселочной, невообразимо-грязной и изобилующей страшными ухабами дорогѣ, а потому почти весь переходъ нашимъ людямъ пришлось тянуть на собственныхъ плечахъ слѣдовавшую съ нами артиллерію; но днемъ все это еще было сколько нибудь сносно, когда же наступила ночь, то трудности удесятирились: тамъ застряло орудіе, въ другомъ мѣстѣ опрокинулся зарядный ящикъ, въ третьемъ изломалась какая нибудь артиллерійская повозка; словомъ, въ десяти мѣстахъ сразу раздавались крики: «фонарь сюда, скорѣй фонарь!» а затѣмъ слышалось: «Разъ, два, три-бери, ура, ура!», а между тѣмъ орудіе или зарядный ящикъ все не съ мѣста! Затянутъ, наконецъ, наши солдатики свою любимую «Дубинушку», но и та не помогаетъ! Просто бѣда, да и только!

Моя рота была также при орудіяхъ, а потому я добрался до мѣста только въ четыре часа ночи.

Въ самый Беюкъ-Чекмэджи, къ которому мы подошли, насъ не пустили, а потому пришлось расположиться на полѣ бивуакомъ и въ полномъ смыслѣ слова подъ открытымъ небомъ, потому что палатки наши остались на Златицкомъ перевалѣ, взамѣнъ памятниковъ побѣды, одержанной нами надъ природой и турками.

11-го Февраля.

Въ десять часовъ утра мы были переведены на квартиры въ одно княжеское имѣніе Беюкъ-Чекмэджи, имѣющее нѣсколько красивыхъ зданій (въ одномъ изъ нихъ есть даже мраморныя бани) и порядочныхъ магазиновъ, но, конечно, Беюкъ-Чекмэджи значительно менѣе не только Силиври, но и Эрекли, а потому квартиры наши уже не отличаются тѣмъ просторомъ и комфортомъ, какъ на двухъ предшествующихъ стоянкахъ.

12-го Февраля.

Сегодня весь день прошелъ въ очисткѣ нашей новой стоянки отъ разнаго рода нечистотъ, составляющихъ неизбѣжные слѣды пребыванія не совсѣмъ опрятныхъ турокъ.

13-го Февраля. Мѣст. Кучукъ-Чекмэджи.

Ночью получено приказаніе о переходѣ въ Кучукъ-Чекмэджи, лежащій въ разстояніи восемнадцати верстъ отъ нашей теперешней стоянки.

Выступили въ восемь часовъ утра, а въ два часа мы были уже въ Кучукъ-Чекмэджи, грязнѣйшей деревушкѣ, окруженной сплошною массою издающихъ зловоніе болотъ и имѣющей всего двадцать полуразрушенныхъ лачугъ, часть которыхъ еще до сихъ поръ занята турками. Такимъ образомъ, мы не только не имѣемъ здѣсь помѣщеній (два баталіона поставлены бивуакомъ), но вынуждены еще чуть не задыхаться отъ страшныхъ міазмовъ, присутствіе которыхъ въ воздухѣ дѣлается особенно замѣтнымъ по вечерамъ, когда поднимаются болотныя испаренія. Мѣстный священникъ говоритъ, что съ наступленіемъ лѣта Кучукъ дѣлается гнѣздомъ различныхъ повальныхъ болѣзней, вслѣдствіе чего при первыхъ же жаркихъ дняхъ изъ него выбираются всѣ жители до единаго. Существованіе человѣческаго жилья на такомъ убійственномъ мѣстѣ обусловливается исключительно его прибрежнымъ положеніемъ.

14-го Февраля.

Такъ какъ наша новая стоянка, помимо своихъ природныхъ нечистотъ, уничтоженіе которыхъ выше силъ человѣка, изобилуетъ также и нечистотами другаго рода, т. е. являющимися прямымъ слѣдствіемъ турецкаго неряшества, то по приказанію командира полка сегодня же приступлено къ уборкѣ и зарыванію падали, засыпкѣ выгребныхъ ямъ, а также и къ очисткѣ улицъ, на которыхъ царствуетъ невылазная грязь.

Наши отношенія къ совмѣстно съ нами расположеннымъ туркамъ принимаютъ все болѣе и болѣе курьезный характеръ, не говоря уже о томъ, что наши солдатики зачастую ѣдятъ и пьютъ изъ одного съ ними котла и даже называютъ ихъ «братушками», а офицеры обмѣниваются визитами, сегодня дѣло дошло до того, что для охраненія отъ расхищенія турецкаго склада сѣна составленъ смѣшенный караулъ; словомъ, турки и мы изъ враговъ стали чуть не закадычными друзьями! Сегодня вечеромъ я былъ въ предмѣстьи Константинополя, Санъ-Стефано, гдѣ въ настоящее время расположена наша главная квартира.

Санъ-Стефано — это небольшое мѣстечко, расположенное на возвышенномъ мѣстѣ и имѣющее очень много красивыхъ зданій. Торговля здѣсь процвѣтаетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не говоря уже о значительномъ количествѣ ресторановъ и цѣлой массѣ всякаго рода магазиновъ и лавокъ, даже за городомъ расположено нѣсколько рядовъ переносныхъ шатровъ, въ которые свозится все, что только можно добыть въ Константинополѣ.

С̧ъ 15-го по 17-е Февраля.

Съ 15-го числа у насъ начались строевыя занятія.
Уборка падали и нечистотъ продолжается попрежнему.

18-го Февраля.

Сегодня въ монастырѣ св. Стефана была отслужена заупокойная литургія и панихида по покойному Императору Николаю I. На литургіи присутствовалъ Великій Князь, всѣ начальники, а также и всѣ офицеры частей, расположенныхъ въ окрестностяхъ Санъ-Стефано.

19-го Февраля.

Сегодня въ десять часовъ утра мы выступили изъ Кучука въ Санъ-Стефано на молебствіе и парадъ, назначенный по случаю заключенія мира. Парадъ предполагался въ два часа дня, но, благодаря упрямству турокъ, снова нашедшихъ какія-то препятствія къ подписанію мирнаго договора, онъ состоялся только въ седьмомъ часу вечера, вслѣдствіе чего мы уже не разъ думали, что насъ тотчасъ же двинутъ на Константинополь. Послѣ объѣзда войскъ, Его Высочество Главнокомандующій обратился къ полкамъ и сказалъ: «Поздравляю васъ, Господь Богъ благословилъ насъ миромъ!» а затѣмъ, обратясь къ офицерамъ, собравшимся у аналоя, Великій Князь благодарилъ насъ за службу, радовался, что уроки мирнаго времени не прошли даромъ, а въ заключеніе сказалъ, что въ эту войну русскія войска еще разъ доказали, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. По окончаніи рѣчи Великаго Князя былъ отслуженъ молебенъ, а послѣ него литія, которую мы прослушали стоя на колѣняхъ; особенно торжественъ былъ моментъ провозглашенія «вѣчной памяти» нашимъ павшимъ товарищамъ: Великій Князь былъ блѣденъ въ эту минуту какъ полотно, а съ суровыхъ закаленныхъ невзгодами боевой жизни лицъ скатилась не одна слеза.

Послѣ литіи войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ были распущены по домамъ.

Въ Кучукъ-Чекмэджи мы вернулись почти въ темнотѣ (въ 10 часовъ вечера) порядкомъ уставшими и вымокшими, такъ какъ весь день перепадалъ дождь.

Съ 20-го Февраля по 6-го Марта.

Все это время, мы попрежнему, чередуясь съ Московскимъ полкомъ (онъ расположенъ также въ Кучукѣ), отправляемъ регулярно каждый день цѣлые транспорты телегъ, наполненныхъ мусоромъ и всякими нечистотами, хотя и сознаемъ въ то-же время, что добиться оздоровленія Кучука— выше нашихъ силъ, потому что, зарывъ падаль и засыпавъ ямы, мы избавились только отъ самаго ничтожнаго процента міазмовъ, главнымъ источникомъ которыхъ служатъ, какъ уже сказано выше, окружающія насъ болота, а также и та трясина, на которой сооруженъ самъ Кучукъ и къ уничтоженію которой, очевидно, не представляется никакой возможности; а потому, стремленіе къ очисткѣ улицъ отъ непроходимой грязи смѣло можетъ быть уподоблено желанію вычерпать изъ океана всю воду.

Итакъ, въ этой отрасли нашихъ занятій перемѣны нѣтъ. Нѣтъ перемѣны и относительно строевыхъ ученій, происходящихъ по 2 раза въ день, и только сильные дожди, вслѣдствіе которыхъ за послѣдніе дни не разъ приходилось отмѣнять строевыя занятія, отчасти разнообразятъ теченіе нашихъ дней, похожихъ другъ на друга, какъ одинъ глазъ человѣка на другой.

Впрочемъ и свобода отъ служебныхъ обязанностей представляетъ мало удовольствія, такъ какъ положительно не знаешь за что взяться: поѣдетъ офицерство въ С.-Стефано, гдѣ уже извѣстенъ чуть не каждый уголъ, или-же заберется въ явившійся у насъ за послѣднее время ресторанъ, да и сидитъ тамъ вплоть до самой ночи; читать нечего; словомъ, тоска невыносимая! ждемъ, не дождемся когда насъ посадятъ на суда, да отправятъ въ Россію; но, къ сожалѣнію, и эта надежда начинаетъ все болѣе и болѣе блекнуть, такъ какъ отправка наша какъ-то отодвигается на задній планъ, а на правый выступаютъ упорные слухи о предстоящей войнѣ съ англичанами, къ тому-же безостановочный подвозъ изъ Россіи съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, а также и присылка командъ на укомплектованіе частей еще болѣе усиливаетъ въ насъ сомнѣніе о наступленіи скорой возможности быть въ кругу своей семьи.

7-го Марта.

Ночью поднялась буря, произведшая значительныя поврежденія нашего и безъ того до-нельзя невзрачнаго Кучука.

Въ моей канурѣ (величиною $1^1/_2$ куб. саж., съ дырявымъ поломъ и заклеенными бумагой окнами) вынесло цѣликомъ всю раму, а самый домъ трясся какъ въ лихорадкѣ, такъ что я ежеминутно ожидалъ, что буду вынужденъ совершить воздухоплаваніе, которое, безъ сомнѣнія, отразилось-бы на моей особѣ очень невыгодно, такъ какъ упомянутая канура находится въ третьемъ этажѣ. Каково-то теперь нашимъ бѣднымъ людямъ, стоящимъ въ горахъ, гдѣ вѣтеръ свирѣпствуютъ еще сильнѣе, да притомъ еще и по колѣно въ грязи и въ рваныхъ палаткахъ.

Буря весь день свирѣпствовала и на водѣ и притомъ съ такою силою, что волны хлестали даже черезъ высокій мостъ, ведущій въ Беюкъ-Чекмэджи. Только къ вечеру вѣтеръ сталъ стихать и сообщеніе съ Беюкъ-Чекмэджи возстановилось.

8-го Марта.

Тревожные слухи, по поводу натянутости нашихъ отношеній къ Англіи и отсрочки нашей отправки въ Россію, оправдались: сегодня уже объявлено оффиціально, что предполагавшаяся на-дняхъ посадка насъ на суда отложена, и что мы остаемся въ Турціи на неопредѣленное время.

Дай Богъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, насъ поскорѣе увели изъ проклятаго Кучука, въ которомъ уже начинаетъ свирѣпствовать тифъ, одной изъ жертвъ котораго сдѣлался, между прочимъ, и младшій врачъ полка, титулярный сувѣтникъ Мысовскій.

9-го Марта.

Сегодня вечеромъ я получилъ разрѣшеніе отправиться на 2 дня въ Константинополь. Такъ какъ по приказанію Великаго Князя поѣздки въ Константинополь дозволяются пока не иначе какъ въ статскомъ платьѣ, то я употребилъ не мало труда, чтобы раздобыть себѣ какой нибудь подходящій костюмъ; однако, всѣ поиски привели только къ тому, что мнѣ удалось достать какой-то поярковый колпакъ, напоминающій шляпы нашихъ пирожниковъ, да каучуковое пальто, купленное однимъ изъ моихъ товарищей въ Румыніи. Облачась въ этотъ костюмъ и взглянувъ на себя въ зеркало, я увидалъ, что сильно рискую быть принятымъ за какого-нибудь проходимца и подвергнуться неособенно деликатному ко мнѣ отношенію жителей Царьграда; но дѣлать нечего: завтра надо ѣхать, а потому не только заказать, но и купить готовый костюмъ не представляется ни малѣйшей возможности.

10-го Марта. Константинополь.

Сегодня утромъ, вмѣстѣ съ двумя другими товарищами, я отправился въ С.-Стефано, а оттуда въ Константинополь.

Только что нашъ пароходъ вышелъ въ Золотой рогъ, какъ почти вся палуба покрылась пассажирами, большинство которыхъ, вооружась биноклями, любовались на восхитительную панораму Константинополя и на массу морскихъ судовъ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами и производящихъ орудійную пальбу по случаю поѣздки султана въ главную мечеть (что бываетъ обыкновенно по пятницамъ). Пароходъ нашъ присталъ въ Галлатѣ (одна изъ европейскихъ частей города). Подкрѣпивъ свои силы сытнымъ завтракомъ и взявъ проводника, прежде всего мы отправились въ Перу, для прiисканiя себѣ помѣщенiя, а затѣмъ прошли въ монастырь дервишей, гдѣ вдоволь насмотрѣлись на неистовое ихъ верченiе.

Выйдя изъ монастыря и сѣвъ на поѣздъ желѣзной дороги, идущей черезъ подземный тонель, мы снова перебрались въ Галлату, гдѣ, нанявъ экипажъ, предоставили себя въ полное распоряженiе нашего проводника живущаго въ Константинополѣ уже 10-й годъ. Первое, что было рекомендовано нашему вниманiю—это турецкiй арсеналъ, который, впрочемъ, помимо своей величины, не представляетъ рѣшительно ничего интереснаго; затѣмъ мы осмотрѣли красивый, но запущенный дворецъ Дальма-Бахча (мѣстопребыванiе султана) и дворецъ Чераганъ (мѣсто заключенiя Мурада); садъ этого дворца находится по другую сторону улицы и соединяется съ нимъ красивымъ мостомъ, опирающимся на большую арку, основанiе концовъ которой совпадаетъ съ окраинами улицы.

Такъ какъ въ это время было уже около 6-ти часовъ вечера, то, по предложенiю нашего проводника, мы рѣшили отложить продолженiе осмотра на завтра и отправились въ «Hôtel de S.-Pétersbourg», гдѣ за 5 франковъ съ лица намъ подали прекрасно приготовленный обѣдъ изъ 7 блюдъ съ шампанскимъ.

Пообѣдавъ и отдохнувъ въ нанятомъ нами утромъ прекрасномъ помѣщенiи, въ «Hôtel de Constantinople», вечеромъ, отъ нечего дѣлать, мы отправились въ Café-chantant, въ которомъ оставались не долѣе часу, потому что это единственное мѣсто развлеченiя жителей столицы турецкой имперiи не представляетъ ровно ничего интереснаго, кромѣ развѣ созерцанiя бездарныхъ пѣвицъ, одѣтыхъ чуть не въ костюмъ нашей прародительницы, да еще возможности быть навѣрняка обыграннымъ въ находящейся въ одной изъ залъ café рулеткѣ.

Итакъ, сегодняшнимъ днемъ похвастать нельзя, такъ какъ мы имѣемъ о Константинополѣ почти такое же понятiе, какъ и всякiй познакомившiйся съ нимъ по однимъ фотографическимъ снимкамъ.

11-го Марта. Кучукъ-Чекмэджи.

Въ 9-ть часовъ утра мы уже выбрались изъ нашей гостинницы и направились въ турецкой кварталъ города (Стамбулъ), причемъ намъ пришлось проѣзжать мимо прекраснаго моста (едва-ли хуже Николаевскаго) но, по несчастью, совершенно испорченнаго мониторами.

Осмотрѣвъ сераль и всѣ болѣе замѣчательныя мечети, имѣющія почти тотъ-же типъ, какъ и описанная мною мечеть въ Адріанополѣ, мы отправились въ нѣкогда знаменитый Софійскій храмъ, нынѣ передѣланный въ мечеть и служащій убѣжищемъ для четырехъ тысячъ бѣглецовъ (во время войны), изъ которыхъ шестьсотъ человѣкъ лежатъ въ тифѣ.

Несмотря на самое варварское измѣненіе (не только стѣны, но и многія изъ колоннъ покрыты алебастрою) этого одного изъ лучшихъ произведеній искусства, до сихъ поръ нельзя не удивляться тому кропотливому труду, который потребовала превосходная мозаическая работа стѣнъ и изображенныхъ на нихъ образовъ, изъ которыхъ нѣкоторые настолько плохо закрашены, что ихъ можно разглядѣть и въ настоящее время; такъ, довольно ясно видѣнъ находящійся подъ куполомъ ликъ Спасителя; кромѣ того на перилахъ хоръ, во многихъ мѣстахъ сохранились высѣченные изъ мрамора и страшно испорченные турками кресты; мозаичной работѣ также не оказывается пощады: извлекаемые изъ стѣнъ храма камешки составляютъ предметъ торговли алчныхъ евреевъ; словомъ, Софійскій храмъ день отъ дня приходитъ все въ болѣе и болѣе плачевное состояніе.

Удивляюсь еще какимъ образомъ турки оставили въ покоѣ вдѣланную въ стѣну (надъ однимъ изъ портиковъ) по приказанію Юстіана Великаго гробницу Св. Елены.

Выйдя изъ храма и осмотрѣвъ по дорогѣ прекрасные водопроводы, имѣющіе видъ мраморныхъ бесѣдокъ, и нѣсколько колоннъ (временъ Константина Великаго), въ настоящее время сильно поврежденныхъ, мы направились въ зданіе, въ которомъ стоятъ гробницы прежнихъ султановъ, Махмуда и Абд-уль-Азиса.

Входъ въ это святилище допускается не иначе какъ въ особыхъ, спеціально для этого назначенныхъ, туфляхъ. Гробница Махмуда II-го покрыта роскошнымъ, вышитымъ серебромъ чахломъ изъ чернаго бархата, по бокамъ ея стоятъ нѣсколько низенькихъ скамеекъ, на которыхъ лежитъ развернутый коранъ, въ головѣ на особомъ деревянномъ болванѣ надѣта феска, украшенная прекраснымъ плюмажемъ и большою звѣздой, сдѣланными изъ крупныхъ бриліантовъ. Гробница Абд-уль-Азиса пока еще не отдѣлана.

Недалеко отъ этихъ гробницъ находятся и бывшія казармы янычаръ, въ которыхъ сохраняются далеко не изящные ихъ бюсты, одѣтые въ костюмы своего времени.

Изъ казармъ мы отправились въ подземелье, носящее названіе «Mille colonnes» (хотя ихъ значительно менѣе) и служившее нѣкогда грекамъ резервуаромъ для воды, во время осадъ Константинополя. Внутренность этого сыраго темнаго (свѣтъ проходитъ только черезъ нѣсколько отверстій, сдѣланныхъ на поверхности земли, для черпанія воды) въ настоящее время занято ткацкими станками, на которыхъ работаютъ нѣсколько бѣдныхъ еврейскихъ семействъ.

Выбравшись изъ подземелья, мы остановились на предположеніи предпринять прогулку въ Скутари, но такъ какъ было уже поздно, то поѣздка эта была отложена до слѣдующаго раза, а взамѣнъ ея мы отправились въ зданіе военнаго министерства, съ башни котораго, имѣющей 245 футъ вышины, видѣнъ не только весь Константинополь, Скутари и Кара-Кіой, но даже и Санъ-Стефано. Послѣ этого, заѣхавъ въ нашу гостинницу и расплатясь за ночлегъ, мы отправились на пароходную пристань, но по дорогѣ вспомнили, что еще не были на базарѣ, а потому, порѣшивъ ѣхать обратно на поѣздѣ желѣзной дороги, отходящимъ позже парохода, мы заглянули и на базаръ, имѣющій несмѣтное количество всякаго рода лавочекъ и напоминающаго по своей величинѣ и безчисленнымъ закаулкамъ египетскій лабиринтъ, а по разнообразію предметовъ торговли и самому устройству лавокъ — нашу толкучку; единственно что въ немъ заслуживаетъ вниманія—это богатый отдѣлъ прекраснаго восточнаго оружія.

Накупивъ на этой толкучкѣ кое-какой дряни, мы отправились на очень невзрачный воксалъ и въ пять час. сорокъ минутъ вечера уже выѣхали изъ Константинополя.

Составляя общее резюме того впечатлѣнія, какое произвелъ на меня Константинополь, я могу смѣло сказать, что насколько онъ хорошъ издали, настолько-же оказывается дурнымъ, когда съ нимъ познакомишься поближе. Въ Перѣ и Галлатѣ улицы узки до такой степени, что при встрѣчѣ двухъ экипажей одному изъ нихъ приходится въѣзжать на тротуаръ; въ Стамбулѣ—хотя улицы и шире, но за то здѣсь встрѣчается замѣчательный контрастъ въ архитектурѣ зданій: нерѣдко рядомъ съ пяти-этажнымъ каменнымъ домомъ находится какая нибудь лачуга, въ которой производится торговля гнилыми фруктами. Освѣщенъ городъ газомъ, но фонари расположены въ такомъ почтенномъ другъ отъ друга разстояніи, что даже на главныхъ улицахъ сломать себѣ шею не представляется ни малѣйшаго затрудненія.

Словомъ, за исключеніемъ заслуживающихъ вниманія: дворцовъ, мечетей, фонтановъ, колоннъ, тонели и другихъ общественныхъ зданій (напримѣръ, домовъ русскаго и германскаго посольства, зданія военнаго министерстерства, сераля, гостинницъ и проч.) Константинополь, какъ городъ, по моему мнѣнію хуже и грязнѣе не только любаго изъ новѣйшихъ и большихъ городовъ западной Европы, но даже и Филиппополя.

Съ 12-го по 20-е Марта.

За эти дни дожди почти прекратились и температура значительно повысилась, что, какъ кажется, является причиною ежедневнаго возрастанія числа заболѣванія тифомъ, между которыми за послѣднее время все чаще и чаще замѣчается пятнистая форма его.

Распространенію эпидеміи не мало способствуетъ также и то обстоятельство, что, вслѣдствіе порчи желѣзно-дорожнаго моста, эвакуація больныхъ въ Адріанополь пріостановлена, а потому, ни въ дивизіонномъ лазаретѣ, ни въ убогомъ помѣщеніи, отведенномъ подъ пріемный покой, уже нѣтъ ни одного свободнаго мѣста; къ тому же средства нашего обоза разсчитаны всего на 48 кроватей, а, между тѣмъ, число больныхъ доходитъ уже до четыреста человѣкъ. Въ виду изложеннаго, командиръ полка нашелъ настоятельно необходимымъ немедленно выписать изъ Константинополя нѣсколько большихъ шатровъ и заготовить возможно большее количество тюфяковъ, бѣлья и другихъ необходимыхъ для больныхъ предметовъ. Выздоравливающимъ, для подкрѣпленія силъ, дается вино и молоко. Вещи умершихъ отъ пятнистаго тифа немедленно сжигаются, словомъ, дѣлается все, что во власти человѣка. Но оказать помощь едва ли не главному горю — выше нашихъ силъ: вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы остались безъ фельдшеровъ, аптекаря и его помощниковъ, и даже полный комплектъ лазаретной прислуги хватаетъ не болѣе какъ на пять дней; докторовъ остается всего два человѣка, да и тѣ, въ виду неимовѣрныхъ трудовъ, съ которыми сопряжена въ настоящее время ихъ обязанность, могутъ не сегодня завтра слечь. Да, Кучукъ—это въ своемъ родѣ Горный Дубнякъ!

21-го Марта.

Сегодня утромъ отъ возвратнаго тифа умеръ нашъ товарищъ подпоручикъ Н. М. Козинцевъ. Вечеромъ по усопшемъ была отслужена панихида.

22-го Марта.

Сегодня въ 12 час. дня послѣ панихиды тѣло покойнаго Н. М. Козинцева изъ его палатки перенесено въ мѣстную церковь.

23-го Марта.

Сегодня въ одиннадцать час. утра началась заупокойная литургія, а послѣ нея было совершено отпѣваніе и погребеніе (въ церковной оградѣ) тѣла усопшаго Н. М. Козинцева.

Въ 2 часа дня отправлены въ С.-Стефано заболѣвшіе тифомъ: старшій врачъ полка Э. К. Росси и два офицера. Такимъ образомъ, на весь полкъ у насъ остается всего одинъ врачъ!

24-го Марта.

Сегодня упомянутые мною больные офицеры отправлены въ Россію, но докторъ Росси, вслѣдствіе полнаго упадка силъ, по мнѣнію врачей не можетъ вынести переѣздъ черезъ море, а потому онъ оставленъ на время при дивизіонномъ лазаретѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

25-го Марта.

Сегодня къ намъ прибыли двое нашихъ солдатиковъ, находившихся въ плѣну у турокъ и содержавшихся все время въ Малой Азіи. Судя по ихъ одеждѣ и отзывамъ, а также и по отзывамъ русскихъ офицеровъ, содержавшихся въ Константинополѣ, турки обращаются съ плѣнными въ высшей степени гуманно. Сопоставляя эти свѣдѣнія съ звѣрствами, совершенными надъ ранеными Егерями подъ Телишемъ, а также и на многихъ другихъ пунктахъ театра войны, остается предположить, что всѣ эти звѣрства были произведены или подъ вліяніемъ страшнаго раздраженія, или-же они являются не болѣе, какъ плодомъ дѣйствій баши-бузуковъ и другаго имъ подобнаго отребья турецкой арміи; словомъ, трудно предположить, что бы подобное безобразіе поощрялось турецкимъ правительствомъ и начальствомъ регулярныхъ войскъ.

Съ 26-го по 28-е Марта.

За эти дни, кромѣ упомянутыхъ выше офицеровъ, заболѣло тифомъ еще два человѣка. Число заболѣвающихъ и умирающихъ нижнихъ чиновъ возростаетъ ежедневно. Кресты, поставленные надъ могилами послѣднихъ, образуютъ уже двѣ длинныя шеренги. Что-то будетъ далѣе?

29-го Марта.

Сегодня утромъ на могилѣ покойнаго Н. М. Козинцева поставленъ прекрасный, привезенный изъ Константинополя, мраморный памятникъ.

Въ двѣнадцать часовъ, по случаю девятаго дня кончины Козинцева, на его могилѣ была отслужена панихида, на которой, кромѣ товарищей, присутствовала и несчастная вдова усопшаго, пріѣхавшая въ Кучукъ-Чекмэджи вчера и рѣшившаяся посвятить себя уходу за нашими больными.

Съ 30-го Марта по 2-е Апрѣля.

Температура замѣтно возвышается.

Деревья покрываются свѣжею зеленью.

Процентъ заболѣвающихъ пятнистой и другими формами тифа продолжаетъ возростать. Изъ числа офицеровъ за эти дни заболѣло тифомъ еще три человѣка.

Слухи о войнѣ съ англичанами затихли и въ Санъ-Стефано опять начинаютъ поговаривать о нашей отправкѣ въ Россію. Дай-то Богъ, чтобы поскорѣе!

3-го Апрѣля.

Сегодня въ шесть часовъ утра, вслѣдствіе общаго распоряженія Главнокомандующаго, я, вмѣстѣ съ другимъ моимъ товарищемъ и командою нижнихъ чиновъ въ сорокъ человѣкъ (изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ), отправился въ Санъ-Стефано, а оттуда въ Константинополь.

Цѣль нашей командировки состояла въ ознакомленіи находящейся при насъ команды со всѣми достопримѣчательностями столицы древней Византійской имперіи.

Несмотря на то, что на осмотръ былъ назначенъ только одинъ день, мнѣ удалось познакомить нашихъ людей не только со всѣмъ тѣмъ, что я видѣлъ самъ, во время моей первой поѣздки, но даже—провезти ихъ по Босфору и Золотому Рогу, а также, желая нашимъ молодцамъ дать возможность впослѣдствіи похвастать (передъ своими земляками), что они были и въ другой части свѣта, мы въ заключеніе предприняли прогулку въ Скутари, которое само-по-себѣ не представляетъ ровно ничего интереснаго, кромѣ развѣ громаднаго кладбища покрытаго густою рощею кипарисовъ и изобилующаго массою, врытыхъ въ землю подъ угломъ, узкихъ каменныхъ брусковъ, замѣняющихъ наши памятники.

Кстати о кладбищахъ: одну изъ замѣчательныхъ особенностей Константинополя составлялъ существовавшій тамъ до послѣдняго времени обычай хоронить покойниковъ въ садахъ или даже и на дворахъ домовъ. По словамъ нашего проводника, это обыкновеніе существовало со дня завоеванія Константинополя турками и отмѣнено только нынѣшнимъ правительствомъ. Другой обычай, оказывающій весьма вредное вліяніе на санитарныя условія города—это погребеніе усопшихъ безъ гробовъ, вслѣдствіе чего одни и тѣ-же гробы употребляются втеченіе весьма продолжительнаго промежутка времени, а потому, очевидно служатъ несомнѣннымъ источникомъ распространенія всякихъ заразительныхъ болѣзней.

Итакъ, наши люди успѣли осмотрѣть Константинополь и его предмѣстья не только съ суши, но и съ моря, успѣли накупить себѣ и разнаго

хламу на базарѣ, успѣли, наконецъ, и закусить (на каждаго нижняго чина было отпущено по пяти франковъ) и выпить въ одной изъ довольно порядочныхъ гостиницъ города, а потому возвратились домой въ самомъ благодушномъ настроеніи духа. Въ Кучукъ-Чекмэджи мы прибыли въ десять часовъ вечера.

Съ 4-го по 5-е Апрѣля.

За эти дни температура настолько повысилась, что мы ходимъ уже въ кителяхъ.

Тифъ не прекращается. Изъ числа офицеровъ за послѣднее время заболѣло еще три человѣка.

Недоразумѣнія съ Англіей, по словамъ сильныхъ міра сего, улажены окончательно. Послѣднее подтверждается отчасти и вышедшимъ на-дняхъ приказомъ Главнокомондующаго, по поводу увольненія изъ дѣйствующей арміи тѣхъ офицеровъ, которые изъявятъ желаніе на поступленіе въ военныя академіи, тогда какъ въ прошломъ году пріемъ былъ пріостановленъ.

Изъ нашего полка подали рапорты (о поступленіи въ академію) три человѣка (въ томъ числѣ и я) и хотя уже дѣло сдѣлано, но невольно приходится призадуматься надъ цѣлесообразностью такого шага: распродать своихъ лошадей иословъ, а также бо́льшую часть вещей, а затѣмъ переплыть на другой берегъ Чернаго моря—дѣло очень трудное, но, если явятся опять какія-нибудь усложненія, которыя вовлекутъ насъ въ новую войну, то запасаться снова всѣмъ необходимымъ для похода будетъ очень накладно.

Ну что будетъ—то будетъ! «Qui ne risque rien, ne gagne rien», какъ говорятъ французы, да притомъ-же, разъ уже шагъ сдѣланъ, то двигаться «на попятный» какъ-то и не подобаетъ!

Сегодня въ семь часовъ вечера застрѣлился рядовой 8-й роты, Войцѣхъ Мрачко. Никакой записки, могущей служить объясненіемъ самоубійства, послѣ покойнаго не осталось; по словамъ-же его товарищей по ротѣ, Мрачко послѣднее время страшно хандрилъ и страдалъ, такъ называемою тоской по родинѣ.

Въ девять часовъ десять минутъ вечера я лежалъ на кровати и читалъ только что полученныя изъ Петербурга письма; вдругъ наша ветхая лачуга начинаетъ покачиваться, скрипѣть и трещать, что для меня, какъ обитателя третьяго этажа, было замѣтно рѣзче, чѣмъ для другихъ, жившихъ этажемъ или двумя ниже. Я догадался въ чемъ дѣло, но тѣмъ не менѣе вставать, говоря откровенно, было лѣнь. Прошло еще нѣсколько мгновеній, послѣ которыхъ мой подсвѣчникъ, стоявшій на чемоданѣ, сталъ совершать такіе прыжки, что volens-nolens, а пришлось его взять въ руки; вслѣдъ за этимъ какъ кровать, на которой я все еще продолжалъ

лежать, такъ и стоявшій возлѣ нея чемоданъ начали двигаться то взадъ, то впередъ; тогда, видя, что оставаться подъ крышею долѣе невозможно, я выбрался на дворъ, но уже совершенно напрасно, такъ какъ явленіе прекратилось. Зайдя въ роту и отдавъ всѣ приказанія, какія счелъ необходимыми на случай повторенія землетрясенія, я вернулся домой.

Въ 10 часовъ былъ еще одинъ толчекъ, значительно слабѣе первыхъ.

Въ одиннадцать часовъ я уже легъ спать, но скоро проснулся вслѣдствіе страшнаго шума на улицѣ. Разбудивъ деньщика и пославъ его узнать о причинѣ гвалта, въ ожиданіи отвѣта, я успѣлъ уже заснуть снова, но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ опять не надолго: приходитъ дежурный по ротѣ и заявляетъ, что приказано вывести людей изъ занимаемаго ими сарая; на мой вопросъ: не знаетъ-ли онъ въ чемъ дѣло, дежурный пояснилъ, что приказаніе это есть слѣдствіе только-что полученной изъ Главной Квартиры телеграммы, увѣдомляющей, что въ четыре часа ночи нужно ожидать повторенія землетрясенія, причемъ углы колебанія земли должны быть значительно болѣе предъидущихъ.

Дѣлать было нечего: вѣрить или нѣтъ въ предсказаніе—это, конечно, представлялось произволу всѣхъ и каждаго, но выбираться всетаки было нужно, такъ какъ выводилась рота. Итакъ, я выбрался на улицу, а затѣмъ добрался и до плащадки, на которой стоялъ занимаемый моей ротою сарай и которая была сплошь покрыта не только солдатами нашего и Московскаго полковъ, но и группами офицеровъ, сидѣвшихъ на своихъ пожиткахъ и до-нельзя напоминающихъ только что возвратившихся съ аукціона сыновъ Израиля. Единственнымъ въ это время развлеченіемъ представлялась для насъ бесѣда, по поводу землетрясенія, съ нашими людьми. Они и прежде не очень то долюбливали Турцію, теперь же ругаютъ ее напропалую, то и дѣло приходится слышать: «Вотъ, проклятая то сторона, и земля то у нихъ, анаѳемъ, не похожа на христіанскую!»

Въ такомъ ожиданіи, да еще притомъ подъ дождемъ, мы просидѣли до четырехъ съ половиною часовъ ночи, а затѣмъ, порѣшивъ, что землетрясеніе, по всей вѣроятности, отказано, разбрелись по домамъ.

8-го Апрѣля.

Сегодня утромъ было произведено вскрытіе трупа застрѣлившагося вчера рядоваго 8-й роты, Войцѣха Мрачко.

Около пяти часовъ дня послѣдовалъ еще одинъ толчекъ земли, но гораздо слабѣе вчерашняго.

9-го Апрѣля.

Всѣмъ офицерамъ, изъявившимъ желаніе на поступленіе въ военныя академіи, устроили славный сюрпризъ въ видѣ провѣрочнаго экзамена,

который, послѣ восьми-мѣсячнаго похода и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи курса, неминуемо долженъ былъ явиться для насъ камнемъ преткновенія; но дѣлать нечего: брать рапортъ назадъ—дѣло зазорное, а для меня и тѣмъ болѣе, такъ какъ я собирался поступить въ академію еще въ прошломъ году и, хотя, благодаря объявленію мобилизаціи, и не успѣлъ еще окончить всего, что требовалось къ экзамену, но тѣмъ не менѣе, конечно сравнительно съ другими, имѣлъ нѣсколько лишнихъ шансовъ.

Итакъ, мы предстали предъ судилищемъ нашихъ знаній (въ штабъ гвардейскаго корпуса). Самый экзаменъ былъ курьезенъ въ полномъ смыслѣ этого слова: нѣкоторые изъ гг. членовъ экзаменаціонной коммисіи (конечно, я не говорю про всѣхъ), вѣроятно позабывъ, что они находятся въ предѣлахъ Отоманской имперіи, вздумали требовать знанія хронологіи и многихъ неважныхъ собственныхъ именъ; людъ же экзаменующійся, въ свою очередь, порядкомъ перезабывъ то, чему онъ когда то учился, зачастую вызывалъ своими отвѣтами самый задушевный смѣхъ; словомъ, вышелъ крупный скандалъ, такъ какъ изъ всѣхъ экзаменовавшихся (около тридцати человѣкъ) вполнѣ удовлетворительно выдержало испытаніе только одиннадцать человѣкъ въ академію генеральнаго штаба, а въ военно-юридическую всего двое (считая со мною).

10-го—11-го Апрѣля.

Такъ какъ на-дняхъ мы собираемся справить нашъ полковой праздникъ, то оба эти дня происходитъ установка громаднаго, привезеннаго изъ Константинополя, шатра и заготовленіе столовъ и скамеекъ.

12-го Апрѣля.

Сегодня, по случаю кануна полковаго праздника, въ здѣшней церкви была отслужена всенощная.

13-го Апрѣля.

Сегодня, по случаю полковаго праздника, въ мѣстной церкви была отслужена литургія; молебенъ же, за неимѣніемъ въ церкви мѣста для людей, происходилъ въ полѣ, въ присутствіе бригаднаго командира и командующаго дивизіей. По окончаніи молебна былъ произведенъ церковный парадъ. Обѣдъ назначенъ на 17-е число, т. е. на день рожденія нашего Августѣйшаго шефа.

Хотя мы сегодня не справляемъ праздника виномъ и ѣдою, но, во всякомъ случаѣ, этотъ день для насъ смѣло можетъ назваться праздникомъ

въ виду того, что хотя мы и не стоимъ теперь на берегахъ Невы, но находимся подъ стѣнами Константинополя, тѣмъ не менѣе, насъ не позабыли не только наши товарищи, полковыя дамы, прежніе командиры полка, а также и бывшіе начальники дивизіи, но равно Цесаревичъ и Государь Императоръ, телеграммы которыхъ мы получили почти вслѣдъ за молебномъ. Вечеромъ на всѣ телеграммы командиромъ полка были посланы отвѣты.

14-го Апрѣля.

Сегодня, по случаю великой пятницы, въ мѣстной церкви происходилъ выносъ св. плащеницы.

15-го Апрѣля.

Сегодня, послѣ свѣтлой заутрени, всѣ офицеры полка собрались въ приготовленный (для обѣда имѣющаго быть 17-го числа) шатеръ, гдѣ насъ ожидало все то, за чѣмъ обыкновенно встрѣчаетъ свѣтлый праздникъ русскій народъ. Конечно, здѣсь не хватало главнаго—это дорогихъ для насъ лицъ, отъ которыхъ мы отдѣлены теперь нѣсколькими тысячами верстъ! Но во всякомъ, случаѣ мы встрѣтили праздникъ вполнѣ по-христіански, а не какъ номады, подобно которымъ мы провели канунъ Новаго года.

Итакъ, второй великій день мы проводимъ въ чуждой для насъ странѣ и вдали отъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ! Въ эти дни разлука со всѣмъ близкимъ нашему сердцу чувствуется какъ-то еще глубже, еще сильнѣе, а потому, не взирая на хорошій обѣдъ и выпитое за нимъ значительное количество вина, выраженіе лицъ почти всѣхъ собесѣдниковъ было далеко не веселое; даже шутки и весьма удачныя остроты, которыя дѣлались нѣкоторыми изъ товарищей съ цѣлью развѣять грустное настроеніе духа общества, сегодня вызывали только однѣ принужденныя улыбки; словомъ, очень и очень не весело!

17-го Апрѣля.

Сегодня, по случаю дня рожденія Государя Императора, а также отъѣзда изъ дѣйствующей арміи Великаго Князя Николая Николаевича, всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Санъ-Стефано, былъ назначенъ прощальный парадъ.

Изъ Кучука мы выступили въ девять часовъ утра; парадъ-же состоялся въ двѣнадцать часовъ дня.

Простясь съ нашимъ Главнокомандующимъ и возвратясь домой, мы немного отдохнули, а затѣмъ въ шесть часовъ уже собрались въ нашъ шатеръ, украшенный щитами (съ надписями дѣлъ, въ которыхъ полкъ участвовалъ) и гирляндами вѣтвей и полевыхъ цвѣтовъ.

Обѣдъ удался на столько, что едва-ли уступалъ приготовленнымъ въ лучшихъ петербургскихъ ресторанахъ, въ винѣ также недостатка не было; во все время стола попеременно играли два хора музыки, нашъ и московскій. Кромѣ своихъ офицеровъ, на обѣдѣ присутствовали командующій дивизіей, бригадный командиръ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ Московскаго и Павловскаго полковъ.

Вечеромъ нашъ грязный Кучукъ былъ освѣщенъ бенгальскими огнями, а около шатра зажженъ фейерверкъ; словомъ, если принять во вниманіе обстановку походной жизни, то смѣло можно сказать, что праздникъ удался вполнѣ.

По домамъ мы разбрелись только въ двѣнадцатомъ часу ночи.

18-го Апрѣля.

Третьяго дня по полку состоялся приказъ объ увольненіи меня и другаго нашего офицера, идущаго въ академію генеральнаго штаба, а потому сегодня утромъ я уже сдалъ роту, а затѣмъ приступилъ къ распродажи моихъ лошадей,ословъ и многихъ вещей, перевозка которыхъ въ Россію стоила-бы слишкомъ дорого.

Вечеромъ я занимался упаковкою посылокъ, значительнымъ количествомъ которыхъ по обыкновенію снабжается всякій уѣзжающій изъ Дѣйствующей арміи.

Неимовѣрные труды по уходу за больными подкосили, наконецъ, и замѣчательно крѣпкое здоровье нашего послѣдняго врача, надворнаго совѣтника Попова. Къ счастью, высшимъ начальствомъ на-дняхъ прикомандированъ къ полку новый молодой врачъ, повидимому пользующійся самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, что́, при теперешнихъ обстоятельствахъ, имѣетъ весьма важное для насъ значеніе.

19-го Апрѣля.

Получивъ всѣ бумаги и слѣдуемое мнѣ содержаніе и прогоны, я утромъ же простился съ моимъ ближайшимъ начальствомъ и со всѣми товарищами, а вечеромъ предполагалъ заняться окончательной уборкой моихъ вещей, но не могъ выдержать характера, и въ девять часовъ, бросивъ весь свой хламъ, отправился въ послѣдній разъ въ нашъ «Hôtel de Grenadiers de la garde», служащій вечернею резиденціею нашихъ офицеровъ, и здѣсь, въ кругу товарищей, провелъ послѣдній вечеръ въ Турціи.

Да, только въ такія минуты въ душѣ человѣка пробуждаются со всей силой тѣ чувства, которыя въ обыкновенномъ состояніи мирно покоятся, а не разрываютъ наше нравственное я на двѣ части. Во время похода при одной мысли, что вотъ наступитъ-же наконецъ та минута, когда намъ скажутъ: «Довольно, пора и домой!» у меня не разъ какъ-то судорожно сжималось сердце; но вотъ и наступила давно желанная минута; и что же? На душѣ далеко не весело! Хотя, безъ сомнѣнія, и пріятно вообразить себя снова въ кругу своей семьи и хотя я и убѣжденъ, что разстаюсь съ полкомъ на самое непродолжительное время, но, тѣмъ не менѣе, когда приходится проститься даже и на короткое время съ этою второю семьей, съ которою походъ связалъ самыми тѣсными, неразрывными узами, то на душѣ становится очень и очень жутко!

20-го Апрѣля.

Въ шестомъ съ половиною часу утра, вмѣстѣ съ двумя больными (возвратнымъ тифомъ) товарищами, я выѣхалъ изъ Кучука, а въ девять былъ уже въ Константинополѣ.

Такъ какъ пароходъ долженъ сняться съ якоря только въ три часа дня, то я успѣлъ еще закусить и накупить на базарѣ кое-какихъ бездѣлокъ для подарковъ.

Но вотъ уже приблизился и часъ отъѣзда, а потому надо было спѣшить.

Доѣхавъ до набережной «Золотаго Рога», а затѣмъ, взявъ каика (лодку) и добравшись на немъ до стоявшаго на якорѣ судна, въ два часа сорокъ минутъ дня я вступилъ уже на палубу русскаго парахода «Олегъ» и очутился среди цѣлой массы отъѣжающихъ въ Россію нашихъ соотечественниковъ, въ числѣ которыхъ былъ нашъ боевой начальникъ, генералъ Гурко.

Пары уже были разведены, нашъ пароходъ, въ ожиданіи свистка, плавно покачивался изъ стороны въ сторону.

Наконецъ раздался свистокъ!

Прощай Турція, унесшая изъ нашихъ рядовъ не одну дорогую жизнь!

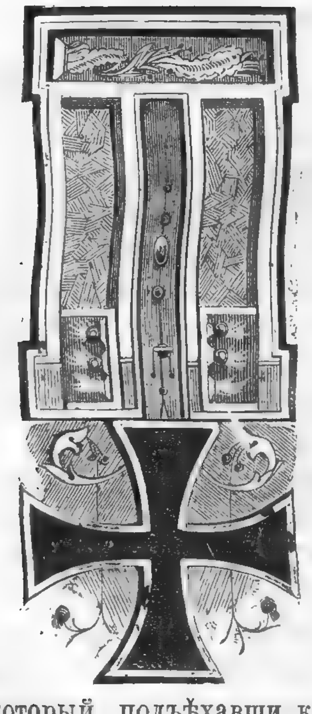
Прощайте дорогіе товарищи! Быть можетъ, мнѣ придется испить, вмѣстѣ съ вами, еще новую чашу борьбы съ врагами Россіи, но если все устроится благополучно, то, по всей вѣроятности, я уже не буду имѣть чести нести службу въ вашихъ рядахъ; тѣмъ не менѣе, когда-бы и гдѣ-бы я ни былъ, я никогда не забуду, что нѣкогда имѣлъ честь носить названіе лейбъ-гренадера и раздѣлять съ вами, дорогіе товарищи, тѣ невзгоды, труды и лишенія боевой жизни, которые такъ обильно выпали на нашу долю.

Н. Гредякинъ.

Изъ воспоминаній Офицера

Л.-гв. Егерскаго полка.

одъ конецъ ноября 1877 г. нашъ полкъ стоялъ въ деревнѣ Врачежъ. Ходили слухи, что мы тутъ простоимъ до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ Плевну. Всѣ наши разговоры начинались съ Плевны и вертѣлись вокругъ ее. «Вотъ когда возьмутъ Плевну...» или «скорѣе бы брали ее, эту проклятую Плевну!..» и т. д. то и дѣло слышалось отовсюду.

28-го ноября въ полковомъ приказѣ было сообщено, что 29-го будетъ размѣщеніе полка по квартирамъ во Врачежѣ (мы стояли бивуакомъ); 29-го командиръ полка въ сопровожденіи баталіонныхъ командировъ съ ихъ адъютантами (въ томъ числѣ и меня, какъ баталіоннаго адъютанта) выѣхалъ изъ своей квартиры размѣщать полкъ. Не успѣли мы отъѣхать трехсотъ шаговъ какъ на встрѣчу намъ показался скачущій ординарецъ генерала Гурко, подпоручикъ Шульманъ, который, подъѣхавши къ полковому командиру, поздравилъ его отъ лица генерала Гурко съ взятіемъ Плевны. Несмолкаемое «ура» заглушило его слова, мы бросали кверху фуражки, поздравляли другъ друга, жали руки—восторгъ былъ полнѣйшій.

Взятіе Плевны измѣнило наше положеніе, какъ мы и думали—чрезъ нѣсколько дней полученъ былъ приказъ двигаться на Балканы, и 6-го декабря рано утромъ полкъ нашъ былъ выстроенъ въ колонну изъ середины рядами, фронтомъ къ Балканамъ.

Утро было солнечное и морозное; дорога и мелкая трава серебрились отъ инея. Люди смотрѣли молодцовато и бодро. Въ разныхъ мѣстахъ раз-

давалось «здорово ребята» ротныхъ и баталіонныхъ командировъ и солдатское «здравія желаю в. в—іе»,—въ отвѣтъ, затѣмъ «стоять вольно, оправиться», и неизбѣжное сморканіе, гулъ, говоръ и солдатскія прибаутки. Наконецъ пріѣхалъ командиръ. Полкъ, также какъ предъ ученіемъ въ Красномъ селѣ, взялъ «на плечо», «глаза на лѣво» и замеръ. Послышались среди мертвой тишины стукъ подковъ о мерзлую землю, затѣмъ здорованье командира съ баталіонами. Наконецъ команда «шагомъ маршъ»: и мы, перекрестясь, сдѣлали первый шагъ перехода чрезъ Балканы.

До вечера мы шли по довольно ровной мѣстности; хотя были спуски и подъемы, но довольно отлогіе. Часамъ къ девяти вечера мы подошли къ самой подошвѣ Балканъ, къ такъ называемой Шуваловской позиціи, т. е. къ бивуаку начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генерала-адъютанта графа Шувалова и его штаба.

Погода измѣнилась: поднялся сильный холодный вѣтеръ, сталъ идти снѣгъ хлопьями и стемнѣло совсѣмъ. Полкъ остановился на косогорѣ и составилъ ружья въ козлы. Я слѣзъ съ лошади и хотѣлъ подняться повыше, по косогору, но не разглядѣлъ въ темнотѣ—онъ оказался круче, чѣмъ я предполагалъ, зацѣпился за какой-то корень и чуть не полетѣлъ. Деньщики отстали со вьюками отъ полка—значитъ ни провизіи, ни чаю нѣтъ и некому отдать лошадь (солдату совѣстно—каждому было холодно и каждый натаскивалъ мерзлыхъ вѣтокъ, корней, прутьевъ и листьевъ для костра), руки окаченѣли, ноги тоже, при этомъ темнота страшная, кругомъ ружья въ козлахъ—того и гляди повалишь. Я перескакивалъ съ ноги на ногу, держа за поводъ лошадь. Позади насъ виднѣлись огоньки костровъ и землянки саперной роты, состоявшей при отрядѣ графа Шувалова; а влѣво виднѣлся бивуакъ штаба графа Шувалова.

Наконецъ, когда уже все мое терпѣніе истощилось и я началъ неизвѣстно на кого сердиться (какъ это всегда случается въ подобныхъ обстоятельствахъ) подошли деньщики и я, отдавъ лошадь, и ежеминутно поскальзываясь, забѣгалъ по косогору, хлопая рука объ руку съ цѣлью согрѣться. Кто-то изъ нашихъ офицеровъ сообщилъ мнѣ, что графъ Шуваловъ приглашаетъ всѣхъ гг. офицеровъ нашего полка къ себѣ на чай; а солдатъ угощаетъ чаркой водки. Въ эту минуту врядъ-ли чему нибудь бы я такъ обрадовался, какъ этому радушному и милому предложенію. Когда я вошелъ въ землянку графа Шувалова (говоря сравнительно, довольно обширную) тамъ уже сидѣли человѣкъ десять нашихъ офицеровъ и пили чай; я тоже напился чаю, который никогда мнѣ не казался такимъ вкуснымъ, какъ въ эту минуту. Наши офицеры, продрогшіе и промокшіе, стали одинъ за другимъ собираться въ землянку и вскорѣ она вся была наполнена офицерствомъ. Остальные офицеры были приглашены на чай ординарцами и адъютантами графа Шувалова. Мы простояли на «Шуваловской позиціи» до двѣнадцати часовъ ночи. Въ двѣнадцать ча-

совъ, получивъ приказаніе взбираться на верхъ, мы, поблагодаривъ графа за гостепріимство, стали расходиться по баталіонамъ. Я въ темнотѣ едва отыскалъ свой баталіонъ и деньщика съ лошадью, и сѣвъ на послѣднюю двинулся вмѣстѣ съ баталіономъ. Мы обогнули подошву и стали подниматься по, такъ называемому, *Вражежскому* перевалу. Первый подъемъ меня не поразилъ—я ожидалъ большаго. Затѣмъ пошли подъемъ за подъемомъ. Сначала я еще обращалъ вниманіе на окружающее меня и любовался оригинальными видами. Особенно отчетливо помню нѣсколько мѣстъ, одно—въ родѣ аллеи съ высокими деревьями съ правой стороны и за ними кручь къ верху, тоже покрытая лѣсомъ; слѣва обрывъ внизъ, внизу ручей—все это въ снѣгу и освѣщено луной. По тропинкѣ длинной кишкой тянется масса солдатъ съ башлыками на головахъ—очень эффектно. Потомъ прогалина въ лѣсу, на верху одного подъема, окруженная гигантскими деревьями и на ней нашъ полкъ, на привалѣ; казачій пикетъ—землянки совсѣмъ засыпанныя снѣгомъ, тлѣющіеся костры, бросающіе мерцающій свѣтъ на лица кругомъ сидящихъ казаковъ, въ буркахъ, на воткнутыя въ снѣгъ пики и на понурыхъ лошадей и проч. и проч. Все это было похоже скорѣй на декораціи и сцены на подмосткахъ театра, чѣмъ на дѣйствительность; такихъ видовъ въ Россіи ни за что не увидишь.

Но когда у меня начали снова коченѣть ноги отъ стременъ, а когда я сходилъ съ лошади то задыхался отъ карабканья, въ полушубкѣ и резиновомъ пальто сверху него,—всякая охота любоваться необыкновенными видами исчезла—я только и видѣлъ: уши своей лошади, штыки и башлыки кругомъ—когда ѣхалъ, и свои ноги и снѣгъ—когда шелъ пѣшкомъ.

Наконецъ верхомъ ѣхать стало совсѣмъ невозможно—я окончательно спѣшился; нѣкоторые подъемы были до того круты, что я съ лошадью въ поводу разбѣгался что-бы взобраться. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ лошадь моя, вѣроятно невѣрно разсчитавъ въ своей головѣ, разбѣжалась черезъ чуръ и такъ меня толкнула мордой въ спину, что я полетѣлъ носомъ въ снѣгъ. На менѣе крутыхъ подъемахъ я садился верхомъ; но тутъ новая напасть—сонъ меня началъ одолѣвать: какъ какой-нибудь ручей переходятъ солдаты по одному, по перекинутому бревну, а идущіе сзади останавливаются, я начинаю качаться на сѣдлѣ: солдатскія ноги куда-то уходятъ, деревья качаются, затѣмъ все подергивается туманомъ—и я забываюсь на нѣсколько секундъ. Лошадь сама двигается за солдатами, я по инерціи откидываюсь назадъ, вздрагиваю и просыпаюсь. Потомъ я умудрялся даже на шагу на секунду засыпать; но тутъ пробужденіе очень бывало непріятно—каждый разъ казалось, что летишь куда-то.

Я бы могъ, пожалуй, во многихъ мѣстахъ проѣхать верхомъ; да почти вездѣ только одинъ, т. е. не бывши окруженнымъ штыками, чтобы на крутыхъ мѣстахъ можно бы было разбѣжаться; а то или, самъ на штыкъ сядешь, или лошадь посадишь или задавишъ кого-нибудь. Да и ноги отъ стремянъ

страшно мерзли; а теплой обуви у меня не было, да и вообще мало у кого она была.

Мы шли смѣнять Измайловскій полкъ на позицію противъ Шандорника и должны были его смѣнить по утру, чтобы турки не замѣтили нашей смѣны и не открыли бы по этому случаю стрѣльбы. Шли мы по тропинкамъ, протоптаннымъ Измайловцами, спускавшими съ позиціи внизъ команды за сухарями и спиртомъ (какъ и мы впослѣдствіи), и казаками, доставлявшими фуражъ на позицію. Мы взбирались часовъ до семи утра. Я усталъ до смерти, несмотря на то, что всетаки изрѣдка отдыхалъ на отлогихъ подъемахъ, садясь на лошадь. Да и вообще есть разница между человѣкомъ, идущимъ съ лошадью въ поводу, и человѣкомъ, который идетъ одинъ, даже если бы первый во все время ходьбы не сѣлъ на ведомую лошадь—его подбадриваетъ то сознаніе, что въ случаѣ если онъ очень устанетъ, то можетъ сѣсть на свою лошадь; тогда какъ у второго надежда только на свою пару ногъ и въ случаѣ если онъ устанетъ долженъ присѣсть отдохнуть—и потомъ догонять полкъ; а усталому пѣшеходу догонять полкъ да еще по Балканскимъ подъемамъ—очень тяжело. Къ утру всѣ утомились и измучились страшно; стало хотѣться ѣсть; а у меня въ добавокъ три раза отогрѣваемыя ходьбой ноги опять окоченѣли отъ стремянъ, такъ что подъ конецъ я совершенно безсознательно шагалъ вслѣдъ за солдатами или качался на сѣдлѣ. Нѣсколько разъ останавливались, потомъ опять шли и шли; наконецъ полкъ совсѣмъ остановился—мы подошли къ позиціи. Стали смѣнять Измайловцевъ: нашъ 4-й баталіонъ сталъ на лѣвомъ флангѣ въ прикрытіе Мартышевской батареи (батареи у насъ въ общежитіи назывались по фамиліямъ ихъ батарейныхъ командировъ), 1-й и 2-й баталіоны правѣе его по склону, а 3-й (гдѣ и я былъ) на правомъ флангѣ въ прикрытіе батареи Оноприенко (4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады).

Придя на позицію мы далеки еще очень были отъ отдыха: нѣсколько ротъ тотчасъ же должны были смѣнить аванпостную цѣпь Измайловцевъ и караулы. Остальные сейчасъ же принялись ставить палатки (землянокъ намъ осталось мало и далеко на половину людей не хватило). Моему баталіонному командиру и мнѣ какъ разъ пришлось ставить палатку. Деньщики начали ковырять тесаками мерзлую землю и, наконецъ, послѣ очень продолжительной работы подъ снѣгомъ и пронизываемые насквозь вьюгой, вырыли подъ палатку прямоугольную яму въ ½ аршина глубины, оставивъ на обѣихъ длинныхъ сторонахъ прямоугольника выступы для спанья; на одной короткой сторонѣ выступъ, въ которомъ прорыли подобіе печи съ выведенной внаружу трубой изъ мерзлаго дерна; а на другой короткой—ступени для входа. Начали натягивать холстъ; онъ оказался совершенно закорузлымъ—пришлось его разминать; а вьюга такъ и заносила снѣгомъ наше приготовленное жилище. Наконецъ, послѣ долгой борьбы съ вѣтромъ,

вырывавшимъ изъ рукъ полотнищи, кое-какъ удалось сколотить палатку. Изъ съѣстнаго у меня нашлось: нѣсколько сухарей и котлетка еще съ Врачежа—все было истреблено мгновенно. Лошадямъ положительно нечего было ѣсть. Спасибо еще Измайловцы оставили въ наслѣдство нѣсколько пучковъ сѣна.

Наконецъ мы кое-какъ устроились. Влѣзли въ палатку и стали готовить обѣдъ (офицерамъ во все время похода отпускался солдатскій паекъ, т. е. хлѣбъ, крупа, капуста и пр.). Устроились мы довольно уютно: на выступы разложили спальныя принадлежности, какъ-то: гутаперчевые мѣшки, полушубки и пр. Печку отдѣлали окончательно. Правда, первые наши опыты топки нашей доморощенной печи сопровождались страшнымъ дымомъ, мгновенно наполнявшимъ всю палатку; но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и подъ конецъ нашей стоянки на Балканахъ она обожглась, затвердѣла и топилась не хуже любаго камина. Одинъ разъ, ночью, какой-то солдатъ, вѣроятно шедши въ аванпостную цѣпь, попалъ ногой въ нашу трубу, сложенную изъ мерзлаго дерна. Печь въ это время топилась; мы спали на нашихъ выступахъ; деньщики у печки.

Я во снѣ начинаю чувствовать, что что-то меня давитъ, съ безпокойствомъ просыпаюсь и не могу дохнуть—кругомъ все сине и ничего не видать. Въ просонкахъ я не понялъ въ чемъ дѣло, вскочилъ съ выступа, кое-какъ выкарабкавшись изъ моего гутаперчеваго мѣшка, ногами прямо на спавшаго въ низу деньщика. Сумбуръ и суматоха поднялись въ палаткѣ невообразимые: всѣ бросились къ выходу—онъ крѣпко на крѣпко зашнурованъ; наконецъ открыли его, выскочили на морозъ, вздохнули и стали поправлять поврежденную трубу.

На другой день нашего прихода на позицію я былъ назначенъ на наблюдательный пунктъ (для наблюденія за непріятелемъ). Пошелъ по позиціи его отыскивать. Мы стояли, примѣрно, верстахъ въ $2^1/_2$ отъ турецкихъ позицій и, при ясной погодѣ, въ бинокль отлично можно было различать отдѣльныя фигуры, даже капишоны и фески. Насъ отдѣлялъ отъ турокъ громаднѣйшій оврагъ, покрытый страшными сугробами снѣгу, дѣлавшій фронтальную аттаку какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны невозможною. Отъ насъ были видны многія изъ горъ, составляющихъ такъ называемый Арабъ-Конакскій перевалъ; прямо противъ насъ Шандорникъ, засимъ, такъ называемая, Баба-гора, Ветошъ-гора и др., вправо отъ насъ долина Софіи, представлявшая въ солнечный день, съ множествомъ разбросанныхъ по ней, одна около другой, деревень, восхитительный видъ. Но въ тотъ день, когда я шелъ въ первый разъ по позиціи, отыскивая наблюдательный пунктъ, погода была хмурая: вьюга, снѣгъ и туманъ. Сугробы намѣло невѣроятные, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я буквально проваливался по поясъ и выкарабкивался. Наконецъ, обойдя всю нашу позицію съ лѣваго фланга почти до праваго, мимо всѣхъ постовъ

аванпостной цѣпи, расположенныхъ въ вырытыхъ еще до насъ ложементахъ, предъ каждымъ изъ которыхъ дымился костеръ, вокругъ котораго прыгали и согрѣвались солдаты поста, я дошелъ до наблюдательнаго поста (офицерскаго) и такъ какъ погода была пасмурная и я съ трудомъ могъ различить что-нибудь на турецкихъ позиціяхъ и усмотрѣть ничего не могъ (а въ такомъ случаѣ офицеру разрѣшалось оставлять постъ), то я зашелъ на стоявшую почти рядомъ съ наблюдательнымъ пунктомъ батарею полковника Оноприенко. Тутъ я отогрѣлся, обсушился и напился чаю. Батарея эта стояла здѣсь уже около мѣсяца и офицеры-артиллеристы разсказали мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ перестрѣлки ихъ съ турками. Такъ напр., разъ во время перестрѣлки артиллерійской принесли на батарею порціи мяса и въ одномъ изъ взводовъ солдаты положили кусокъ въ нѣсколько фунтовъ на брустверъ батареи. Не успѣли они положить, какъ турецкое ядро такъ ловко снесло его, что какъ будто бы его и не бывало. Разумѣется руготня поднялась страшная и сейчасъ же въ турокъ полетѣлъ нашъ, не менѣе ловкій, отвѣтъ. Въ другой разъ ядро шлепнулось въ солдатскій котелъ съ похлебкой и не разорвалось.

Самые опасныя мѣста, т. е. тѣ, куда болѣе всего ложились турецкія гранаты, были: пространство между двумя взводами батареи (въ одномъ изъ этихъ взводовъ у заряднаго ящика отнесло колесо незадолго до нашего прихода) и пространство за бивуакомъ артиллеристовъ, по склону въ въ лѣсу—тамъ во время перестрѣлокъ много ранило и побило спускавшихся и поднимавшихся людей. Когда я вышелъ отъ артиллеристовъ и пошелъ къ своему посту погода немного разгулялась, и немного погодя я уже могъ производить свои наблюденія.

Видно было какъ спускались турки внизъ за дровами и возвращались на верхъ съ вязанками, какъ по склону ихъ горы шли внизъ мулы ненавьюченные въ сопровожденіи людей, а къ верху навьюченные и пр.

Въ этотъ день ничего достопримѣчательнаго не случилось. На другой день. 8-го декабря, съ семи часовъ утра началась артиллерійская перестрѣлка. Турки въ наши бивуаки не попадали: снаряды ихъ ложились или впереди бивуаковъ, въ лощинѣ, или позади, по склону горы, въ лѣсу. Очень немногія гранаты ихъ рвались. (Я слышалъ, что иногда находили турецкія гранаты, начиненныя кукурузой вмѣсто пороха — видно турецкое артиллерійское вѣдомство, гдѣ было можно, охулки на руку не клало).

Что было ужаснаго во время нашей стоянки на Балканахъ это—квартирный, продовольственный и фуражный вопросы.

Я уже раньше говорилъ, что землянокъ намъ далеко на половину людей не хватило и что остальнымъ пришлось строить палатки, или вновь землянки. Но горе то было въ томъ, что у большинства изъ нашихъ людей полотнища палатокъ, веревки и пр. было потеряно въ телишскомъ бою; землянки же строить изъ мерзлой земли и снѣгу, да еще не имѣя возмож-

ности приспособить дверь—ни гвоздя, ни веревки, ни полотнища—очень было затруднительно. Люди размѣщались въ страшной тѣснотѣ, и въ иныхъ палаткахъ и землянкахъ даже и печки (дымомъ наполняющей все жилище, ежеминутно обрушивающейся, но все-таки хоть немного грѣющей) не было. По тѣснотѣ размѣщенія устроить было невозможно и солдаты, возвратясь изъ аванпостной цѣпи или смѣнившись съ караула, согрѣвались собственной теплотой, или у костра, раскладываемаго снаружи палатки для варки пищи.

Продовольствіе тоже было скудно—подвозъ его былъ крайне затруднителенъ; всѣ продукты втаскивались наверхъ, на позицію, на вьюкахъ. Все-таки мы мясо и сухари получали понемногу но почти акуратно, иногда капусту и крупу.

Фуражу, тоже по затруднительной доставкѣ и потому что и внизу его было немного, отпускалось на каждую строевую лошадь: маленькій пучекъ сѣна и около 1/2 гарнца ячменя въ день, т. е. такое количество, которое ежедневно возбуждало аппетитъ у лошадей. Спускать лошадь внизъ за фуражемъ было безполезно—я разъ попробовалъ это: она проходила два дня и принесла на верхъ двѣ жиденькихъ охапки сѣна, хватившихъ ей на день; да и она была мнѣ ежеминутно необходима, такъ какъ меня могли послать съ приказаніемъ. Бѣдныя наши животныя, т. е. лошади и ослы, дошли къ концу стоянки до крайняго положенія: отъ нихъ остались одни остовы. Они грызли кору, ѣли землю; а у одного изъ нашихъ офицеровъ оселъ отгрызъ хвостъ у лошади до основанія—фактъ повидимому невѣроятный, но тѣмъ не менѣе достовѣрный. Я своей лошади таскалъ сѣно, которое вытаскивалъ изъ подъ себя и замѣнялъ это прутьями (почва въ палаткѣ оттаяла и подо мною образовалась цѣлая лужа), таскалъ ей крупу, муку и листья. Оселъ мой вьючный чуть совсѣмъ не замерзъ: въ одно утро выйдя изъ палатки я увидѣлъ на немъ цѣлую груду снѣга, которую онъ уже и не трудился стряхивать съ себя, глаза всѣ залѣплены снѣгомъ и всѣ четыре ноги составлены вмѣстѣ (поза принимаемая осломъ, когда онъ чувствуетъ себя удрученнымъ). Онъ до того окоченѣлъ, что я съ трудомъ сдвинулъ его съ мѣста и отогрѣлъ.

Балканскіе стужа, вьюга и морозы, почти постоянные, сильно отозвались на здоровьи нашихъ солдатъ, тѣмъ болѣе, что полушубки были очень у немногихъ. Въ первый день стоянки спустились внизъ около ста человѣкъ изъ нашего полка съ отмороженными и съ совсѣмъ замороженными руками и ногами, во второй почти столько же, засимъ въ уменьшающейся прогрессіи. Всего спустилось съ Балканъ за всю стоянку нашего полка более 400 солдатъ.

Преоригинальныя фигуры представляли наши солдаты идущіе въ аванпостную цѣпь на смѣну: каждый надѣвалъ на себя все что только имѣлъ, чтобы было потеплѣе: на ноги поверхъ сапогъ бычачью или буйволью ко-

жу, иногда совсѣмъ еще свѣжую и сырую, которая, вмѣсто того чтобы грѣть ногу, съѣжившись и заскорузля отъ мороза, только сдавливала ногу (обувью мы тоже страдали—вторые сапоги, которые вначалѣ похода солдаты несли на ранцѣ, уже были на ногахъ и у многихъ дырявые). Поверхъ шинели полотнище отъ палатки, у кого таковое имѣлось, и въ обыкновенное время играло роль крыши жилища или двери. Башлыкъ на голову, рукавички, а у кого таковыхъ не имѣлось—шерстяные носки на руки. Ко всему этому прибавить кой-кому изъ солдатъ по дымящейся головнѣ на штыкъ ружья для разтопки костровъ на постахъ, да сзади команду рабочихъ съ вязанками дровъ, снѣгъ и вьюгу—и картина выйдетъ самая фантастическая.

На постахъ люди стояли молодцами: сейчасъ по смѣнѣ принимается отъ смѣненнаго поста уже потухающій костеръ, подкладываются головни и дрова, ставятся манерки (а у кого манерка осталась на Телишскомъ полѣ, тотъ ставитъ какую нибудь тыкву или глиняный болгарскій горшокъ), наполняются снѣгомъ, вмѣсто воды, который все подбавляется по мѣрѣ того какъ таетъ и начиняется варка, т. е. кто кладетъ одно мясо, кто мясо съ солью, а самый бережливый и экономный, смотришь, подсыпалъ крупъ изъ кармана. Костры всегда раскладывали впереди ложементовъ, а не въ нихъ, потому что ложементы, выстроенные еще до насъ, всѣ были завалены снѣгомъ. Вокругъ костра подпрыгиваютъ и грѣются люди, перебрасываясь неизбѣжными прибаутками и остротами на тему Балканскихъ неудобствъ. Командовавшій нашимъ отрядомъ въ первое время генералъ Дандевиль, человѣкъ уже бывавшій во многихъ походахъ и по службѣ очень строгій и требовательный, остался очень довольнымъ нашими солдатами. Когда генералъ въ первый разъ объѣзжалъ позиціи и я, встрѣтивъ его на наблюдательномъ посту, отрапортовалъ о всемъ замѣченномъ мною, онъ мнѣ сказалъ: «Передайте вашему командиру, что ваши солдаты стоятъ на постахъ молодцами: я спросилъ на одномъ посту: «Что, ребята, холодно?» и получилъ отвѣтъ: «Егерямъ никогда не холодно, ваше превосходительство!».

По поводу костровъ и варки я вспомнилъ одну мою бесѣду съ солдатами и позволю себѣ вернуться, на минуту, назадъ въ Акчаиръ, въ тотъ періодъ времени, когда еще мы шли походомъ и ни въ одномъ дѣлѣ еще не участвовали.

Я былъ въ полковомъ караулѣ—полкъ стоялъ бивуакомъ. Велѣлъ развести костеръ, поставить чай, окружилъ себя людьми караула и сталъ съ ними бесѣдовать.

Первые ряды у костра, какъ и подобало, составляли: старшій унтеръ-офицеръ, ефрейтора и старые солдаты, молодые толпились позади. Разговоръ зашелъ о томъ, кому быть въ сраженіи убиту, кому суждено остаться живу.

— Вотъ, в. б—іе, началъ одинъ ефрейторъ, генералъ Скобелевъ ужъ въ какомъ огнѣ, три лошади подъ нимъ убиты, свиты сколько побито, а

самъ даже и не раненъ. Полагать надо—онъ слово такое знаетъ, какъ, значитъ, скажетъ это самое слово—такъ его никакая пуля и никакая граната тронуть не могутъ. Я спросилъ говорящаго отчего, генералъ Скобелевъ, если знаетъ такое слово, не скажетъ его войскамъ.

— Для насъ оно недѣйствительно, в. б—іе.

— Почему?

— Нашъ братъ сквернословъ, ему коли и сказать такое слово, все равно пользы не будетъ; потому какъ онъ выругается сквернымъ словомъ, такъ то слово и не подѣйствуетъ.

Возвращаюсь на Балканы.

Вся наша стоянка продолжась пятнадцать дней, т. е. съ 6-го декабря по 21-е декабря. 19-го декабря я былъ опять на наблюдательномъ посту. День былъ туманный и пасмурнный; но изрѣдка туманъ разсѣивался и позволялъ видѣть турецкія позиціи. Надо сказать, что тогда уже шелъ обходъ Шандорника, нѣсколькими колоннами: генерала Дандевиля, генерала Рауха и пр.

Командовавшій въ это время нашимъ отрядомъ Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій приказалъ на горѣ, находившейся нѣсколько влѣво и позади нашей позиціи, зажечь костры на дивизію, чтобы ввести турокъ въ заблужденіе, увѣривъ ихъ, что на помощь намъ пришло подкрѣпленіе. Демонстрація эта удалась вполнѣ—турки поддались на удочку и стали осыпать костры и воображаемую дивизію ядрами. Это было наканунѣ моего дежурства.

Когда туманъ разсѣивался я замѣчалъ, что за дровами турки что-то стали меньше ходить, а по склону, напротивъ, массы, сравнительно большія, чѣмъ обыкновенно, все спускаются внизъ; но туманъ, застилавшій непріятельскія позиціи, время отъ времени, мѣшалъ мнѣ разглядѣть это подробно.

Я всетаки рѣшилъ доложить обо всемъ видѣнномъ Его Высочеству, и отправился съ этой цѣлью къ землянкѣ Принца, находившейся, равно какъ и къ землянкѣ Его штаба—шагахъ въ двухстахъ отъ бивуака нашего баталіона, тоже по склону горы. На мое донесеніе Его Высочество отвѣтилъ, что сейчасъ будетъ самъ на позицію, и дѣйствительно не успѣлъ я добраться до наблюдательнаго пункта, какъ увидѣлъ Его Высочество, поднимающагося на позицію, въ одномъ длинномъ сюртукѣ Преображенскаго полка, съ биноклемъ чрезъ плечо и палочкой въ рукѣ (костюмъ, который Его Высочество носилъ ежедневно, обходя позицію), въ сопровожденіи начальника штаба и ординарцевъ.

Не успѣлъ Принцъ войти на позицію, какъ раздался выстрѣлъ съ батареи полковника Онопріенко: артиллеристы тоже замѣтили движеніе непріятельскихъ колоннъ и стрѣляли по нимъ.

Принца на позиціи встрѣтили нашъ командиръ полка и полковникъ Оноприѣнко.

Послѣ тщательнаго наблюденія за непріятелемъ и совѣщанія съ командирами частей Его Высочество рѣшилъ отправить роту охотниковъ провѣдать турокъ; такъ какъ движеніе большихъ массъ внизъ можно было различить довольно ясно и было вѣроятіе, что они хотѣли продѣлать съ нами вторично то, что они уже продѣлали разъ на Кавказѣ, т. е. отступить всѣмъ, исключая необходимой для стрѣльбы изъ орудій прислуги, и задерживать насъ такимъ образомъ на позиціи до тѣхъ поръ, пока мы не догадаемся объ обманѣ. Очевидно, что пушки и прислугу (если послѣдняя не успѣетъ удрать въ случаѣ аттаки) они бы пожертвовали намъ. Пожалуй, будь погода по ненастнѣе нѣсколько дней сряду, эта хитрость могла бы имъ удасться.

Рота охотниковъ была изъ нашихъ и Семеновскихъ солдатъ и артиллеристовъ. Ей было приказано добраться потихоньку до непріятельскихъ позицій и, никого не аттакуя, высмотрѣть все, что можно; въ случаѣ непріятельскаго огня отступить, въ случаѣ если турки ушли—занять ихъ позиціи.

Охотники наши подняли страшный переполохъ у турокъ никакъ не ожидавшихъ, чтобы мы рѣшились пробраться къ нимъ по раздѣлявшимъ насъ невѣроятнымъ сугробамъ. Они были встрѣчены бѣшеннымъ огнемъ и криками «Аллахъ!» Къ счастью раненъ былъ только одинъ артиллеристъ.

Охотники донесли, что непріятель, повидимому, дѣйствительно отступалъ, прикрываясь сильнымъ арьергардомъ.

На другой день рано по утру Его Высочество велѣлъ вторично отправить охотниковъ и за ними, въ видѣ резерва, одинъ нашъ и другой Семеновскій баталіоны.

Отслужили охотникамъ молебенъ, благословили ихъ, такъ какъ на этотъ разъ непріятель, опасаясь вторичной аттаки, могъ пріостановить свое отступленіе и тогда нашимъ охотникамъ могло придтись очень плохо.

Вся позиція съ жадностью слѣдила за движеніемъ охотниковъ и за ними баталіоновъ. Ждали, что вотъ, вотъ сейчасъ встрѣтятъ адской трескотней... видимъ вязнутъ въ сугробахъ, карабкаются на Шандорникъ... взошли—послышалось нѣсколько выстрѣловъ и взвилась сигнальная ракета—турки окончательно отступили и наши насѣли на послѣднихъ. «Ура!» загремѣла вся наша позиція какъ одинъ человѣкъ... Шандорникъ былъ въ нашихъ рукахъ и на немъ забраны девять-десять орудій, стальныхъ крупповскихъ съ вынутыми замками.

Мы двинулись на Шандорникъ. Подъемъ его крутизны невозможный; мы нѣсколько разъ отдыхали, пока взобрались на него. Поднявшись на него, мы принялись спускать турецкія орудія внизъ.

Спускъ орудій былъ вообще одной изъ наитруднѣйшихъ и тяжелыхъ операцій: веревокъ мало, значитъ спускай орудіе руками и на нѣкоторыхъ

спускахъ, почти отвѣсныхъ, не было силъ удержать орудіе—оно летѣло внизъ, ломало колеса и застрявало въ кусту, его вытаскивали и уже тащили одно тѣло на плечахъ по такихъ крутизнамъ, гдѣ и самъ-то не знаешь, какъ спуститься. Съ веревками гораздо было легче, можно было зацѣпить концемъ веревки за дерево и спускать потихоньку. У насъ съ однимъ передкомъ произошелъ случай, къ счастью никому вреда не принесшій: на одномъ изъ крутыхъ спусковъ не удержали передокъ, онъ съ страшной быстротой полетѣлъ внизъ, со всего размаху стукнулся о камень—и мы услышали страшный трескъ и гулъ, какъ отъ залпа нѣсколькихъ орудій. Оказалось, что передокъ этотъ былъ наполненъ гранатами съ невынутыми боевыми винтами.

Предотвратить это было невозможно, такъ какъ онъ былъ запертъ.

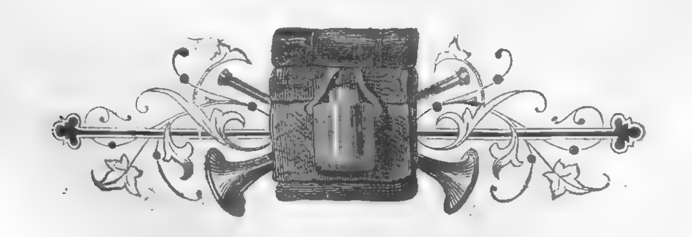
Спустивши всѣ турецкія орудія (Семеновскій полкъ спускалъ наши) и доставивъ ихъ въ назначенное мѣсто, полкъ пришелъ на дневку въ д. Стриглы. Деревня эта была биткомъ набита войскомъ; кромѣ насъ еще помѣщалось нѣсколько полковъ и тѣснота въ каждой избушкѣ была невѣроятная. Я помѣстился съ шестью офицерами въ маленькой избушкѣ, и никому буквально нельзя было повернуться; кромѣ насъ помѣщались еще: многочисленная семья болгаръ-хозяевъ, съ кричащими во все горло грудными и негрудными дѣтьми, мычащіе въ углу молочные телята, которыхъ болгаринъ ни за что продавать не соглашался, а равно и удалить изъ избы не хотѣлъ, и снующіе среди всего этого шесть деньщиковъ: кто съ чаемъ, кто съ сапогами и шинелью, кто съ закуской и пр.

Всетаки, несмотря на всѣ эти неудобства послѣ 15-ти дневной стужи, вьюки и палатки, уже одно сознаніе, что находимся подъ крышей и между стѣнами—было отрадно.

Изъ Стриглы мы сдѣлали громадный переходъ верстъ въ 60—70, причемъ конецъ его дѣлали ночью и ночевали во Враждебнѣ, приготовляясь поутру атаковать Софію. Но поутру пришло извѣстіе, что Софія взята и мы двинулись къ ней.

Вступили мы въ Софію 25-го декабря поутру, вымылись, вычистились и этотъ день, а равно и 1-е января потомъ встрѣчали съ «братушками».

Б.

Изъ похода Л.-гв. Семеновскаго полка
въ 1877—1878 гг.

Было раннее утро 27-го августа 1877 года. Послѣ безсонно проведенной ночи въ кругу своей семьи и, конечно, очень раздражительныхъ слезныхъ прощаній, я выбѣжалъ на улицу и, если можно такъ выразиться — закусилъ удила, такъ какъ слезы невольно подступали и производили какое-то спазматическое сдавливаніе горла, и крупными шагами пошелъ по дорогѣ къ казармамъ. Плакать мнѣ не хотѣлось въ особенности потому, что эта была давно желанная для меня минута, не говоря уже о томъ, что самые интересы, изъ-за которыхъ началась эта война, были всегда моими излюбленными, изъ-за нихъ я готовъ бы былъ лично на величайшія жертвы, но я уже девятый годъ былъ офицеромъ, постоянно наблюдалъ солдата, видѣлъ проявленіе въ немъ могучности русскаго духа, но не могъ быть спокойнымъ не убѣдившись на такомъ прекрасномъ опытѣ, какъ война, въ справедливости своихъ наблюденій. Да и правду сказать и себя то хотѣлось посмотрѣть, чтобы опредѣлить къ какому разряду людей и я то принадлежу: что я за человѣкъ? на сколько хватитъ у меня энергіи? что я за офицеръ и могу ли управлять людьми? Всякій, надѣюсь, согласится со мною, что при обыденной обстановкѣ труд-

но дать отвѣтъ на подобные вопросы; надобно человѣка оторвать отъ окружающей среды и поставить его въ такое положенie, гдѣ только значитъ его внутреннее я и никакiя постороннiя влiянiя не могутъ на него оказывать сильнаго дѣйствiя. Война это дѣйствительно такое положенie, гдѣ человѣкъ не принадлежитъ самому себѣ, онъ живетъ энергично жизнью массы и выдѣляемость его можетъ прямо служить мѣриломъ его способностей. Такiе то мотивы заставляли меня сдерживаться и не плакать, а если слезы и хотѣли вступить въ свои права, то единственно по какой-то слабонервности, непривычкѣ выдерживать слишкомъ слезливыя сцены.

По выходѣ на улицу я сразу почувствовалъ облегченie, свѣжiй вѣтеръ съ дождемъ пахнулъ въ лицо и прекратилъ всякую слезливую наклонность. Черезъ часъ мы уже шли по грязнымъ улицамъ Петербурга на воксалъ желѣзной дороги. Солдаты видимо чувствовали себя тоже въ какомъ-то неловкомъ положенiи, хотя по временамъ остряки и отпускали кое-какiя остроты, но чувствовалось въ его голосѣ и въ смѣхѣ окружающихъ что-то не то, какая то сдержанность, каждаго видно занимало что-то другое, и хотя онъ острилъ или смѣялся, но какъ-то по привычкѣ, очень можетъ быть, что онъ и не слышалъ самой остроты, вызвавшей его смѣхъ, а мысли его далеко блуждали отъ того предмета надъ чѣмъ онъ смѣялся. Да оно и понятно. Для солдата война представляетъ болѣе невѣдомый образъ, чѣмъ для офицера; мы, изучая военное искусство, заранѣе знакомимся съ различными положенiями военной обстановки, да и самая война не сопряжена для насъ съ такими физическими лишенiями, какъ для солдата, мы пользуемся даже извѣстнымъ комфортомъ: у насъ есть прислуга, солдатъ же тащитъ весь свой скарбъ на спинѣ, въ карманѣ ни копейки, помощниковъ нѣтъ, полнѣйшая неизвѣстность впереди, — поневолѣ задумаешься. По приходѣ на воксалъ, вскорѣ нагрузились, пришлось быть зрителемъ еще нѣсколькихъ трогательныхъ сценъ прощанiя, но вскорѣ дали звонокъ, поѣздъ тронулся, всякiй снявъ шапку перекрестился, пѣсенники затянули пѣсни и какъ то легче стало на душѣ.

По мѣрѣ удаленiя отъ Петербурга всѣ становятся какъ то оживленнѣе, громче, молодцеватѣе заливается запѣвало, дружнѣе подтягиваетъ хоръ, одинъ танцоръ старается перещеголять другаго въ выдѣлкѣ какого нибудь колѣнца, народъ собирающiйся на станцiи нравственно отдыхаетъ, видя веселье и бодрый духъ солдатъ, старики и старухи набожно крестятся, провожая своихъ «голубчиковъ», и долго еще по отходѣ поѣзда слышится «ура» проважающихъ.

Считаю излишнимъ, слѣдуя за дневникомъ, описывать всѣ свои путевыя впечатлѣнiя по Россiи, такъ какъ все это болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно, не могу только обойти молчанiемъ тотъ фактъ, что это путешествiе отъ сердца Россiи къ ея окраинамъ посреди глубоко сочувствующаго намъ населенiя оставило самое прiятное и глубокое впечатлѣнiе на

всѣхъ; самыя черствыя натуры и тѣ должны были почувствовать, что на нихъ смотритъ вся Россія, молится о нихъ и ждетъ славныхъ дѣлъ, что это не есть простой служебный нарядъ, а выраженіе самыхъ задушевныхъ стремленій русскаго народа, который слѣпо вѣритъ въ ихъ непобѣдимость и силу.

Чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ чаще начали попадаться санитарные поѣзда; тотчасъ же начинаются распросы: солдатики толпятся около вагоновъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, офицерство группируется около офицеровъ; наблюдая за постановкою вопросовъ, вы какъ то иногда невольно замѣчаете, что спрашивающій иногда и не то бы хотѣлъ спросить, ему хочется узнать страшно ли быть въ дѣлѣ, сильно-ли мурашки бѣгаютъ по кожѣ, а кончаетъ тѣмъ, что спроситъ только какъ дерутся турки, съ какого разстоянія открываютъ огонь, стойки ли они? и очень остаются довольны, когда сообщаютъ, что они боятся штыка. На этомъ успокоиваются,—хорошо хотя чего нибудь нашего да боятся. Признаться, иногда съ завистью смотришь на возвращающихся раненыхъ героевъ, особенно когда изъ распросовъ узнаешь, что они были въ горячихъ дѣлахъ, значитъ человѣкъ испыталъ уже то, къ чему я стремлюсь, и въ извѣстномъ отношеніи уже исполнилъ свой долгъ — пролилъ кровь за святое дѣло.

Мы слѣдовали на Москву, Курскъ, Кіевъ, Жмеринку, Тирасполь, Кишиневъ и пріѣхали въ Унгены въ ночь съ 6-го на 7-е сентября. Проспавши часовъ семь, я выглянулъ въ окно и увидѣлъ грязненькую рѣчушку — спрашиваю: «что это такое?» говорятъ «Прутъ». Какой величественный образъ представлялся мнѣ читая исторію нашихъ походовъ въ Турцію, и тутъ какъ на зло приходилось на столько сбавить свои представленія, что какъ то передо мной поневолѣ предсталъ образъ Гамлета объясняющаго Горацію, что глина, служащая замазкой бочкѣ, можетъ быть остатокъ Александра Македонскаго. На желѣзнодорожномъ мосту стоятъ два часовыхъ, одинъ румынъ, другой русскій. При въѣздѣ въ Румынію поѣзда, крестьяне снимали шапки и крестились. Мѣстность совершенно напоминаетъ нашу Бессарабію: деревушки построены не кучно, но изба отъ избы саженъ на тридцать и болѣе, такъ что представляетъ рядъ совершенно почти отдѣльныхъ фермъ.

Подъѣзжая къ Яссамъ уже за нѣсколько верстъ начинаешь любоваться городомъ, расположеннымъ понорамою на трехъ холмахъ, большинство домовъ каменные, красивыя церкви и все это, какъ въ нашихъ губернскихъ городахъ, залито зеленью и украшено пиромидальными тополями. Зданіе станціи очень красиво—выстроено въ готическомъ стилѣ. Со станціи прошли по городу на бивуакъ; румыны любовались нашими солдатами. Бивуакомъ расположились мы на краю горда передъ строющимися казармами—это будетъ прелестнѣйшее каменное зданіе на гранитномъ фундаментѣ—не чета нашимъ. Съ бивуака мы поѣхали на извощикахъ искать себѣ пріюта въ

гостинницѣ, такъ какъ у офицеровъ палатокъ въ полку не оказалось; извощики большею частію скопцы, отлично говорящіе по-русски, на главной улицѣ есть нѣсколько домовъ, у воротъ которыхъ насъ встрѣчали не то дворники, не то дворецкіе, прекрасно одѣтые—все изъ скопцовъ. Главная улица очень красива, дома хоть маленькіе, но довольно красиво выкрашены и всѣ отодвинуты отъ улицы назадъ, а впереди ихъ прекрасные цвѣтники съ блестящими шарами на столбахъ; мостовыя и тратуары асфальтовые.

Говорить приходится на всѣхъ языкахъ—и по-французски и по-нѣмецки и по-румынски (по толмачу), а иногда даже и такъ какъ разговаривали матросы съ англичанами въ Сициліи по разсказу лейтенанта Жевакина (Женитьба. Гоголя). Дороговизна на все страшная; счетъ все на франки, но и бѣда-же: плюнешь—плати франкъ, не хочешь плевать—опять франкъ, въ особенности послѣ русскихъ цѣнъ все кажется ужасно дорого.

На другой день выѣхали въ Плоешты, дорога напоминаетъ Бессарабію, только мѣстность красивѣе: справа постоянно видны Карпаты тянущіяся прекрасной синеватой лентой, мѣстами облака ложились на горы и застилали вершины. Въ Плоештахъ остановка была 50 минутъ, потому ихъ не видѣлъ. Отсюда отправились въ Бухарестъ и прибыли утромъ 10-го сентября. Встрѣтилъ насъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ; такъ какъ приходилось стоять часовъ пять, то выстроили людей на полянѣ, впереди вагоновъ въ каре. Генералъ здоровался; желалъ счастья и здоровья, говорилъ, что Государь ждетъ насъ, что тамъ безъ насъ не управятся, и высказывалъ надежду, что мы особенно отличимся, потому что полкъ всегда отличался примѣрнымъ порядкомъ, а порядокъ главное дѣло на войнѣ, такъ какъ онъ облегчаетъ переносить лишенія; на войнѣ одинъ день дѣло, а мѣсяцы проходятъ въ различныхъ лишеніяхъ. Проводивши Дрентельна, я съ товарищами поѣхалъ въ Бухарестъ. Городъ не дуренъ, но въ частностяхъ не такъ красивъ, какъ Яссы, улицы такія же узенькія какъ въ Яссахъ, но дома болѣе напоминаютъ европейскій городъ; великолѣпные отели и магазины, во многихъ магазинахъ выставлены вывѣски на русскомъ языкѣ, на какомъ русскомъ? это ужасъ! Какъ въ Кіевѣ я смѣялся, смотря на вывѣску, на которой были изображены—самоваръ, мельница и ножницы и подписано: «сихъ дѣлъ мастеръ», такъ здѣсь я не могъ удержаться отъ смѣха, читая на окнѣ лучшаго изъ ресторановъ: «завтраки, кофе и чай». Извощики превосходные—парами, много, какъ и въ Яссахъ, скопцевъ, но все-таки довольно дороги. Изъ Бухареста желѣзная дорога до Журжева находится въ русскихъ рукахъ, въ чемъ я убѣдился ночью: выхожу на станцію вдругъ слышу разговоръ; «чего тормозить то,—этотъ тормозъ ни къ ... не годится!» вспомнилъ тутъ я нашу матушку Русь, отрѣжетъ, такъ рублемъ подаритъ. На утро стали подъѣзжать къ Фратештамъ; тамъ мѣстность бѣдная, густой туманъ закрываетъ все, но мало-по-малу къ утру разъяснилось. По пріѣздѣ на станцію вывели людей изъ вагоновъ и построили на полѣ;

покуда вышло распоряженіе куда вести, мы пошли къ кафану, построенную при станціи—грязь, мерзость ужасная, выпилъ стаканъ кофе—заплатилъ необыкновенно толстой хозяйкѣ одинъ франкъ, и здѣсь услышалъ интересный разсказъ объ отбитіи непріятельской кавалеріи: вначалѣ кавалерію приняли за нашу, но когда она подскакала на 70 шаговъ, то увидѣли, что это турки, тогда сдѣлали по нимъ залпъ въ упоръ и, говорятъ, просто мерзко было смотрѣть на эту массу тѣлъ лошадей и людей, только двое едва ускакали. Черезъ нѣсколько времени баталіонъ выстроили, и справа по отдѣленіямъ побрели на высоты за дер. Фратешти. Выбрали довольно красивое мѣсто; даль вокругъ видна на нѣсколько верстъ. Къ югу видно Журжево, за нимъ Дунай и Рущукъ съ 17-ю минаретами, блистающими на солнцѣ, какъ бѣлыя мраморныя обелиски, вправо на турецкомъ берегу еще какая-то деревушка. Надъ городомъ на высотѣ видѣнъ громадный фортъ, вѣроятно Левантъ-Табія, видны турецкія палатки. Особенно былъ красивъ видъ вечеромъ, когда заходящее солнце, прорвавшись сквозь тучи, начало золотить минареты и дома въ Рущукѣ. Вечеръ былъ теплый, пріятный, взошла луна, турки разложили огни, а мы собрались обѣдать при темно-зеленоватомъ свѣтѣ луны,—что за поэтичный моментъ. Пошли разговоры о дѣлахъ, пожеланія почаще сходиться на подобныхъ вечерахъ, да еще послѣ удачныхъ дѣлъ и безъ потери товарищей. Плохія иллюзіи, но вообще надо отдать справедливость духъ въ полку прекрасный начиная отъ командира и кончая послѣднимъ солдатомъ, такъ что можно надѣяться на успѣхъ въ особенности потому, что изъ разговоровъ съ ранеными можно ясно видѣть, что противникъ не обладаетъ особенными боевыми достоинствами,—выдержка и спокойность съ достаточною осторожностью легко могутъ повести къ побѣдѣ.

13-го сентября въ девять часовъ утра мы выступили изъ Фратештъ въ Путиней; спустившись внизъ подъ гору мы пошли подъ дождемъ по невылазной грязи; люди такъ утомились, что еле передвигали ноги; мой порткартъ размокъ и расклеился и по немногу стали вываливаться то карандашъ, то труба, но солдатики все подобрали—теперь онъ ѣдетъ въ ротной канцеляріи; ранецъ показался такъ тяжелъ, что я вскорѣ принужденъ былъ надѣть его на ремнѣ черезъ плечо, утомленіе было ужасное, люди валились, какъ мухи, потому что шли почти безъ приваловъ, каждую минуту можно было встрѣтить сѣдящихъ съ блѣдными потными лицами или просто лежащихъ почти безъ всякихъ признаковъ жизни. Только съ половины дороги вздохнули свободнѣе — дорога пошла по шоссе, грязь и на шоссе была не мельче двухъ вершковъ, но это былъ уже песокъ, а не та черноземная грязь, когда на ногахъ налипаетъ цѣлый слой грязи и нѣтъ никакой возможности отдѣлаться отъ нея: брыкнешь ногою впередъ, полетитъ куча кусковъ грязи и на минуту облегчишь ноги, черезъ десять же шаговъ опять старая исторія, опять тѣ же пудовики, къ тому же идешь не по ровному

полю, а по кукурузѣ—подобное хожденіе напоминаетъ хожденіе по полотну желѣзной дороги, когда приходится скакать съ одной шпалы на другую. Доплелись до Путинея часамъ къ двумъ; какая безжизненная мѣстность, вѣчныя поля кукурузы, селъ же ни гдѣ не видно, въ особенности потому, что они всѣ расположены большею частью въ лощинахъ и притомъ, что особенно поразительно, земля великолѣпная; овощей же ни гдѣ не разводятъ, только немного винограду да краснаго стручковаго перцу, свиней множество—вотъ и весь обиходъ румына.

Передъ бивуакомъ долго стояли въ ожиданіи разбитія его, затѣмъ полежали подъ дождемъ и отправились въ деревню; въ это время звонили въ церкви, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я вошли въ нее, стали молиться—оказалось церковь православная,—живопись очень порядочная, въ строго византійскомъ стилѣ, мѣстные образа окружены вышитыми полотенцами, служили священникъ и дьячекъ, мѣстныхъ жителей не было никого. Священникъ высокаго роста сѣдой старикъ въ коротенькой парчевой ризѣ, дьячекъ чистый румынъ—низенькаго роста, черный, съ рѣдко бритой бородой. Служба шла на румынскомъ языкѣ, акафисты пѣли по-очередно священникъ и дьячекъ, причемъ другой во время пѣнія товарища по-очереди тянулъ разныя ноты, но въ гармоніи, чѣмъ помогалъ пѣнію товарища и такимъ образомъ выходило нѣчто въ родѣ дуэта; черезъ нѣсколько времени принесли маленькаго покойника, вѣроятно мертворожденнаго, въ чемъ я убѣдился посмотрѣвъ на его морщинистое лицо; тѣло ребенка было положено въ какой-то ящикъ, по сторонамъ прилѣпили четыре свѣчки желтаго воску, а на грудь положили пучекъ какой то травы.

Обозъ пришелъ поздно вечеромъ, мы уже не рѣшались разбивать палатки на мокрой землѣ, да и темно было, а помѣстились всѣ въ одномъ сараѣ, назначенномъ для склада кукурузы, но на половину еще пустаго. Ночь была довольно холодная, дождь лилъ, какъ изъ ведра; на утро дождь сталъ утихать и полкъ потянулся въ девять часовъ утра по дорогѣ къ Бригадиру. Я былъ съ ротою назначенъ слѣдовать въ арьергардѣ, и потому долженъ былъ выждать когда весь обозъ вытянется по дорогѣ; утомленныя еще наканунѣ лошади едва въ состояніи были двинутъ обозъ съ мѣста и я съ ротою сошелъ съ бивуака часа черезъ полтора послѣ полка; между тѣмъ дождь пересталъ, а вѣтеръ началъ разгонять тучи; кажется природа хотѣла сдѣлать намъ сюрпризъ,—въ день Воздвиженія Креста (14-го сентября) дѣйствительно проглянуло солнце и стало нѣсколько повеселѣе. Отойдя версты три пришлось опять остановиться на два часа, потому что лошади не могли взять повозки въ гору, но наконецъ мало-по-малу потащились.

Тѣмъ временемъ я вызвалъ пѣсенниковъ передъ ротою и мы пошли веселѣе подъ звуки нашихъ молодецкихъ пѣсень. Около деревни пришлось снова остановиться, такъ какъ обозъ опять застрялъ въ невылазной грязи на улицѣ деревни; я пошелъ поискать чего нибудь съѣдобнаго, но ничего кро-

мѣ соленаго овечьяго сыра, солдатскаго хлѣба и какого то вина въ родѣ розоваго уксуса не нашелъ, впрочемъ и этому страшно былъ обрадованъ. Часа черезъ два кое-какъ удалось вытащить обозъ на ту сторону деревни, но тамъ опять остановка—дорога идетъ по оврагу и чуть не хуже пройденной, а между тѣмъ дѣло уже подходило къ вечеру, часть обоза ушла впередъ, часть же завязла безнадежно, пришлось оставить взводъ при завязнувшихъ повозкахъ и идти за баталіономъ. Вначалѣ мы весело двинулись съ пѣснями впередъ, громко и далеко раздавались онѣ по проходимой нами безжизненной мѣстности. Отойдя такимъ образомъ верстъ пять, я сдѣлалъ привалъ.

Между тѣмъ облака при горизонтѣ начали золотиться и вскорѣ выкатилась луна, проѣхалъ командиръ нестроевой роты и сообщилъ, что почти весь обозъ растеряли и всего повозки три пошли на бивуакъ; непріятно эти слова отдавались въ ушахъ, потому что я не имѣлъ права придти на бивуакъ прежде обоза, приходилось ночевать въ полѣ, вдали отъ селенія и воды, но я рѣшился выдвинуться впередъ и стать хотя и въ полѣ, но всетаки ближе къ бивуаку, тѣмъ болѣе, что люди шли еще довольно бодро. Вскорѣ я встрѣтилъ цѣлый рядъ повозокъ, свезенныхъ въ сторону съ дороги, лошади были выпряжены и люди развели огонь, пройдя версту встрѣтилъ другую еще большую партію обоза и склонялся уже остановиться на ночлегъ, когда пришелъ одинъ унтеръ-офицеръ и сообщилъ, что полковникъ приказалъ, оставивши одинъ взводъ, идти прямо на бивуакъ, что я съ радостью и исполнилъ, надѣясь скоро быть на бивуакѣ, но не тутъ то было: шли, шли и конца нѣтъ; сначала весело попѣвали пѣсни, потомъ хоръ пошелъ въ разладъ, пошли мои солдатики подтрунивать другъ надъ другомъ — признакъ того, что они начали уставать; наконецъ мы подошли къ пересѣченію дорогъ, куда идти, вправо или прямо?—неизвѣстно. Луна скрылась, какъ нарочно въ этомъ мѣстѣ дорога идетъ по лугу, а потому слѣдовъ ночью на сухой травѣ не видно, пошли сначала прямо, потомъ вернулись назадъ, пошли вправо, снова усумнились въ направленіи и пошли прямо, наконецъ отдаленный лай собаки, послышавшійся съ правой стороны—какъ признакъ жилья и воды—рѣшилъ въ пользу послѣдняго направленія; хорошо еще, что я уходя съ бивуака приказалъ всѣмъ людямъ наполнить водою фляжки; вскорѣ мы обрадовались, найдя слѣды на дорогѣ, когда она шла кукурузными полями; обыкновенно послѣ баталіона остается десять или пятнадцать тропинокъ утоптанныхъ и вымощенныхъ солдатскими сапогами, между тѣмъ луна начала выглядывать, изъ за облаковъ; встрѣтили какихъ то армейскихъ солдатъ, они сказали, что осталось еще десять верстъ; всѣ даже выругали ихъ, а оказалось напрасно: идемъ, идемъ и конца нѣтъ; каждый кустъ рѣжущійся на небосклонѣ представляется намъ избой, но подходимъ ближе и горькое разочарованіе убавляетъ и безъ того надорванныя силы, пришлось привалы

дѣлать черезъ каждый часъ на полчаса; на послѣднемъ одинъ изъ моихъ субалтернъ-офицеровъ сказалъ, что онъ дальше не пойдетъ, другой тоже выбился изъ силъ, да правду и я еле-еле волочилъ ноги; отсталые люди и повозки стали попадаться чаще и чаще, наконецъ насъ встрѣчаетъ унтеръ-офицеръ отъ 11-й роты, бывшій дежурный, и говоритъ, что бивуакъ въ верстѣ, тутъ всѣ какъ бы воскресли; рота подобралась и мы вступили въ свои мѣста на бивуакъ. Тутъ мы узнали, что переходъ нашъ не менѣе тридцати-шести верстъ, слѣдовательно мы верстъ тридцать прошли уже послѣ заката солнца. Напившись чаю я заснулъ на землѣ подъ буркой, данной мнѣ однимъ товарищемъ.

Слѣдующій день до вечера все подтягивался обозъ, почему полкъ былъ оставленъ къ Бригадирѣ на дневку. Въ селѣ были двѣ кафаны, гдѣ можно было достать жареннаго гуся и кофе.

16-го сентября въ пять часовъ утра мы выступили къ Зимницѣ; день былъ довольно порядочный, но дулъ очень свѣжій вѣтеръ съ сѣвера, въ два часа подошли къ Зимницѣ, версты еще за четыре дорога съ возвышенности спускается въ равнину, которая тянется вплоть до Дуная.

Въѣздъ въ Зимницу очень живописенъ: бѣленькія избы съ галлереями въ родѣ сплошнаго крыльца съ нанизанными нитями стручковаго перца, подвѣшеннаго въ видѣ гирляндъ, зелень вокругъ, грязь на улицѣ и необыкновенное разнообразіе построекъ, все это оживленное свиньями, жидами, обозами на волахъ и буйволахъ, или повозками, въ которыхъ запряжена пара воловъ, а впереди четыре лошади въ уносъ — все это вмѣстѣ взятое представляло прелестнѣйшую картину; а налѣво сплошною стѣною, какъ бы нарочно загораживая еще невѣдомый для насъ міръ жизни и ощущеній, тянутся предгорія Балкановъ, на той сторонѣ Дуная, противъ Зимницы видѣнъ безпорядочно построенный городокъ съ каменною церковью и нѣсколькими минаретами—это Систово, далѣе горы, какъ будто ниже, а на второмъ и третьемъ планѣ, все сливаясь съ облаками, видны дальнія Балканы.

Въ одной изъ кафанъ разсказывали интересный фактъ: когда русскіе кидаются на ура, то турки для облегченія бѣгства снимаютъ шаровары.

17-го сентября въ шесть часовъ утра мы тронулись къ мосту черезъ Дунай, мостъ состоитъ изъ трехъ частей; первыя двѣ на плотахъ перекинуты черезъ мелкую часть Дуная на острова, а третья на судахъ черезъ форватеръ; настилка мостовъ двойная, поперечная, какъ обыкновенно, и еще продольная, что уничтожаетъ тряску повозки и тѣмъ, вѣроятно, способствуетъ сохраненію моста.

Дунай въ этомъ мѣстѣ совершенно напоминаетъ Днѣпръ подъ Кіевомъ, небольшая разница въ томъ, что на горахъ не Кіевъ, а Систово съ его соборомъ и минаретами; одинъ изъ этихъ минаретовъ стоитъ въ ущельи надъ страшнымъ обрывомъ и представляетъ какъ бы памятникъ, стоящій на высокомъ пьедесталѣ; вправо къ Австріи, вверхъ по Дунаю тянутся горы все

синѣя и синѣя и наконецъ сливаются съ горизонтомъ. День былъ безоблачный, ясный, что придавало нашему вступленію въ Турцію какъ бы праздничный характеръ.

На турецкомъ берегу дорога отъ моста поварачиваетъ влѣво, мимо отвѣсныхъ скалъ, поросшихъ сухою, сѣроватою травою, а затѣмъ черезъ сады круто поворачиваетъ въ гору, сначала по направленію къ Систову, а потомъ идетъ удаляясь отъ Дуная. Пройдя сады, мы остановились на правомъ. Вотъ мы уже на турецкой землѣ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наши герои переправы черезъ Дунай подъ убійственнымъ огнемъ вскарабкивались на такія кручи, что если теперь подвести къ этимъ мѣстамъ посторонняго человѣка и сказать ему, что здѣсь взошли русскіе солдатики подъ огнемъ турокъ, то я готовъ спорить, что никто не повѣритъ этому, а фактъ то совершился, такъ что съ первыхъ шаговъ по непріятельской сторонѣ приходится дивиться молодецкимъ дѣламъ нашихъ героевъ-предшественниковъ. Черезъ полчаса мы двинулись дальше; дорога (Тырновское шоссе) проходитъ сначала нѣчто вродѣ горнаго ущелья, а потомъ вплоть до Царевца идетъ по очаровательной мѣстности, которая на каждомъ шагу представляетъ рядъ прелестнѣйшихъ картинъ, высоты по бокамъ покрыты коричневатою сухою травою, а гдѣ есть какая нибудь влажность развивается такая роскошная растительность, что просто не налюбуешься, тутъ цѣлые лѣса изъ тополей, грѣцкихъ орѣховъ и чего то такого вродѣ нашей березы, листъ березовый, но кора на стволѣ не бѣлая. Колодцы вездѣ обдѣланы ввидѣ каменной стѣнки и изъ нея въ отверстіе бьетъ струя превосходной чистой воды. Царевецъ — это маленькое мѣстечко, сплошь занятое различными частями войскъ, постоянно передвигающихся по Тырновскому шоссе. Мы остановились въ долинѣ на берегу небольшой горной рѣчки; ѣли въ первый разъ превосходный виноградъ и выварибали черепахъ для пепельницъ. Въ первый разъ, раскрывая вареную черепаху, я услышалъ запахъ настоящаго черепаховаго супа и дѣйствительно можно сказать, что это блюдо должно быть великолѣпное, но далеко не то, которымъ насъ угощаютъ въ Петербургѣ подъ названіемъ супа à la tortue. Въ семь сасовъ утра 18-го сентября мы двинулись по дорогѣ къ Горному Студню. Дорога, черезъ рядъ переваловъ, идетъ въ гору; не далеко отъ Царевца мѣстность еще довольно интересна, но далѣе принимаетъ степной характеръ: сухая трава, кукуруза и почти ни одного кустика. Пройдя верстъ восемьнадцать мы пришли къ мѣсту бивуака у остаковъ деревни Акчаиръ, я называю остатками деревни потому, что изъ нѣсколькихъ сотъ домовъ осталось всего домовъ десять, — остальное все разрушено, какъ говорятъ болгары, башибузуками; убѣдиться въ справедливости ихъ показанія нельзя, такъ какъ въ Акчіарѣ живутъ болгары, бѣжавшіе изъ Рущука. Акчіарскіе же пропали неизвѣстно куда — можетъ быть они вырѣзаны, а можетъ быть скитаются гдѣ нибудь и не знаютъ, что ихъ деревня въ рукахъ русскихъ. Въ одной

ямѣ около деревни валяется съ десятокъ турецкихъ труповъ, колодецъ отравленъ мертвечиной, вѣроятно турками, почему воду изъ него не берутъ. Если всѣ болгарскія деревни такъ разрушены, то это не бѣда, поправить ихъ можно очень скоро: всѣ стѣны цѣлы, онѣ выведены изъ глины на подобіе стѣнъ нашихъ малороссійскихъ мазанокъ, а потому для приведенія деревни въ надлежащій видъ стоитъ только привезти нѣсколько возовъ жердей, сдѣлать основаніе крышн и покрыть, какъ обыкновенно они дѣлаютъ, кукурузной соломой; предположить же, что баши-бузуки въ состояніи сдѣлать большее разрушеніе нельзя, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ большаго времени и труда, на что они вѣроятно не способны.

Вся мѣстность вокругъ покрыта довольно высокою желтою травою; деревня на половину разрушена, какъ говорятъ жители, баши-бузуками, но если приглядѣться хорошенько, то все-таки болгары живутъ очень зажиточно; каждый дворъ окруженъ канавою съ валомъ, обсаженнымъ колючимъ бурьяномъ; фруктовъ нѣтъ никакихъ, табаку засѣяно порядочно—цвѣтетъ довольно красивыми розовыми цвѣтами. Земля черноземная чрезвычайно богатая; скотъ довольно хорошій и большія стада.

Въ два часа пріѣхалъ на бивуакъ Государь, милостиво разговаривалъ съ нами и шагомъ объѣзжалъ весь полкъ, люди кричали «ура!» Государь отзывался съ большою похвалою о полуротѣ конвоя, бывшей подъ командою Андр. Ив. Чекмарева 1-го въ сраженіи подъ Ловчею. Мы разбили палатку и расположились очень удобно, вырывши углубленіе настолько, что можно было, не сгибаясь, стоять въ палаткѣ.

20-го числа присоединился къ намъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и Государь снова посѣтилъ нашъ бивуакъ, причемъ назначилъ одного изъ нашихъ офицеровъ флигель-адъютантомъ за отличіе въ сраженіи подъ Ловчей. Втеченіе слѣдующихъ трехъ дней мы занимались ротными ученьями съ примѣненіемъ къ мѣстности и приготовленіемъ къ Высочайшему смотру.

24-го сентября утромъ мы выступили по направленію въ Горный Студень, при входѣ переодѣлись въ мундиры и скатали шенели, насъ встрѣтилъ главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ; пройдя Горный Студень мы остановились на полѣ, куда черезъ часъ пріѣхалъ Государь, объѣхалъ всѣ войска, а потомъ, пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, сказалъ нашему баталіону «славно С.........ы!» а затѣмъ «до скораго свиданія, ребята!..» Подъ сильнымъ дождемъ мы пошли на бивуакъ въ Овчью Могилу, дорога была порядочная, почему обозы пришли скоро; варка была поздно; нѣкоторые изъ товарищей забрались въ одну болгарскую избу и раздобылись кое-чѣмъ съѣстнымъ, впрочемъ съ большимъ трудомъ и то съ помощью переводчика болгарина, состоящимъ при нашемъ дивизіонным штабѣ; поздно вечеромъ пригласили насъ обѣдать; дождь лилъ страшно, одинъ изъ моихъ товарищей по палаткѣ отказался на-

отрѣзъ идти, другой же согласился попытать счастья и мы поплелись съ фонаремъ искать избы; грязь, вѣтеръ и дождь просто надрывали нервы, фонарь вскорѣ погасъ, хотѣли было уже вернуться, еслибы не одинъ колодецъ, который еще засвѣтло я запримѣтилъ, то мы не попали бы ни подъ какимъ видомъ. На утро мы выступили опять подъ дождемъ въ Радоницу (25-го сентября); дорога шла въ перемѣшку полями и шоссе, пришлось переходить одинъ мостъ и какой то перевалъ въ горахъ; обнаженные бока этого перевала представляли сочетанія желтыхъ, зеленыхъ, оранжевыхъ, голубыхъ и бѣлыхъ переливовъ глины; за переваломъ вѣтеръ сталъ тише (сѣверный), всѣ деревья зеленые и деревни стали попадаться гораздо чаще, пройдя деревню Вино, мы уже въ темнотѣ стали на бивуакъ вправо, впереди деревни Радоницы, надежды на прибытіе обоза не было никакой, а потому я влѣзъ на ночевку въ фургонъ; нѣкоторые пошли на рекогносцировку ночлега въ деревню, я же остался, потому что не надѣялся чего нибудь достигнуть въ темнотѣ, грязи и подъ дождемъ. Вскорѣ многіе вернулись назадъ, не отыскавши пріюта, командиръ полка тоже принужденъ былъ ночевать въ фургонѣ. Вообще при запаздываніи обозовъ всегда больше всего страдали офицеры, потому что солдатъ свою палатку несетъ на плечахъ и хотя на сырой землѣ, но все-таки какой нибудь кровъ да разобьетъ, офицерскія же повозки въ обозѣ, а отнимать у солдата палатку совѣстно и безъ того они страшно тѣсно помѣщены, почему всегда приходится примѣняться къ обстоятельствамъ. Пролежавши скрючившись часовъ до трехъ, я принужденъ былъ отъ холода встать къ костру 3-й роты, прогрѣвшись я прочистилъ трубку, закурилъ и затѣмъ ни за что не рѣшался уйти отъ костра, впрочемъ часа полтора продремалъ на соломѣ, ногами къ костру; на утро, когда стало по-теплѣе, снялъ пальто и высушилъ его у костра; пріѣхалъ обозъ къ десяти часамъ утра; начали поговаривать, что будетъ дневка и людямъ стали готовить варку. Я пошелъ въ деревню; оказалось, что наши офицеры устроились въ грязной избѣ у одного турка, но надо отдать справедливость, что наши крестьяне въ чистыхъ избахъ живутъ хуже, чѣмъ въ этой грязной. Входъ въ эту избу сдѣланъ немного выше улицы съ галлереей, въ серединѣ сдѣланъ каминъ лицомъ на улицу, направо дверь во внутрь зданія, которое перегорожено на двѣ части,—съ правой стоятъ буйволы, а налѣво довольно чистое отдѣленіе, съ каминомъ по срединѣ, выходящее въ одну трубу съ наружнымъ каминомъ; весь полъ былъ устланъ циновками, а по стѣнамъ, какъ обыкновенно, лежали ковровыя подушки. Наши ночевали съ своими лошадями. Хозяева—турки—принесли куръ, яицъ, хлѣба все время прислуживали и остались очень довольны, когда имъ дали за все четыре серебряныхъ рубля. Вообще они повидимому гостепріимнѣе нашихъ «братушекъ» — болгаръ. Народъ очень красивый, въ красныхъ фескахъ, окутанныхъ полотенцомъ (чалма), широкихъ штанахъ, съ поясомъ, въ опанкахъ, а двое въ русскихъ солдатскихъ сапогахъ,

къ которымъ они чувствуютъ большое уваженіе и даже хвастаются ими. Мы спокойно ожидали обѣда, какъ вдругъ раздалась вѣсть, что приказано тотчасъ же идти въ Парадимъ къ Плевнѣ; въ нѣкоторыхъ ротахъ начали уже варить варку,—выворотили котлы и пошли впроголодь съ пѣснями по дорогѣ къ Плевнѣ. Впрочемъ мы успѣли поѣсть супу, выпить водочки и надо сознаться, что я, не спавши ночь, отъ двухъ рюмокъ опьянѣлъ. Чортъ меня дернулъ снять мои разношенные сапоги и замѣнить ихъ новыми, впрочемъ сдѣлалъ это я по необходимости: три дня я не спускалъ ихъ съ ногъ, потому что все время былъ страшный холодъ и дождь, переобувшись въ сухіе носки уже не хотѣлось надѣвать старыхъ полумокрыхъ сапогъ, да кромѣ того я надѣлъ два пальто, чтобы гарантировать себя въ случаѣ неприбытія обоза отъ замерзанія ночью; ноги мои были совершенно какъ въ тискахъ, отъ двухъ же пальто почти дышать было нечѣмъ, такъ что я еле дотащился до бивуака; по дорогѣ стали ясно слышаться выстрѣлы, которые производили на насъ самое веселое впечатлѣніе, потому что ничто такъ не надоѣдаетъ, какъ это постоянное хожденіе, особенно въ дурную погоду и по отвратительнымъ дорогамъ; тутъ же чувствуешь себя какъ бы у цѣли. Мнѣ не разъ и на маневрахъ въ мирное время приходилось испытывать это подбадривающее вліяніе выстрѣла, при звукѣ его какъ то перерождаешься, позабываешь усталость и чувствуешь себя какъ бы освѣженнымъ. Впечатлѣніе испытанное мною было совершенно какъ на маневрахъ, да и мѣстность какъ то напоминала нашу лагерную обстановку; та-же грязь, небольшія возвышенности, только злили проклятыя кукурузныя поля, но потомъ пошелъ кустарникъ и дорога стала легче. Подходя же къ Парадиму, мы вышли въ открытую поляну съ валикомъ по срединѣ, который люди сравнивали съ нашимъ царскимъ валикомъ, на Красносельскомъ полѣ, на горизонтѣ виднѣлись возвышенія, справа слышалась канонада и видны были дымки нашихъ батарей. По невылазной грязи еле дотащились до бивуака; бивуакъ достался отвратительный на пашнѣ. Вскорѣ пріѣхалъ румынскій князь и объѣхалъ Преображенскій и нашъ полкъ, потому что остальные еще не успѣли подтянуться. Своимъ «здорова!» чрезвычайно смѣшилъ всѣхъ; впрочемъ подъѣзжая къ офицерамъ говорилъ въ полголоса «bonjour!» У Карла былъ Георгіевскій крестъ на шеѣ. Скоро стемнѣло, обозовъ ни слуху ни духу, а потому я сначала посидѣлъ у костра 3-й роты, а потомъ по предложенію моего фельдфебеля легъ въ солдатскую палатку и превосходно проспалъ до утра. На утро пошелъ въ деревню искать гдѣ обогрѣться, наконецъ вернулся и узналъ, что намъ назначена дневка. Прозябъ я ужасно и очень былъ радъ, когда фельдфебель далъ мнѣ два стакана чего то бѣловатаго, чаемъ назвать было трудно подобную желтово-бѣловатую жидкость, но съ приправою трехъ черныхъ сухарей я выпилъ его съ наслажденіемъ. Утромъ часовъ около десяти пришелъ обозъ, разставили палатку, но тутъ насъ чуть было опять не оставили безъ варки. Разнеслась

вѣсть, что сейчасъ же нашей дивизіи приказано выступить, начали трубить сборъ и солдаты снимать палатки, но вскорѣ прислали отказъ и мы всѣ съ радостью встрѣтили эту вѣсть, потому что третьи сутки приходилось людямъ быть безъ варки. Я велѣлъ тотчасъ же выдать людямъ хлѣбъ. Ночью, говорятъ, Османъ-паша хотѣлъ пробиться; канонада была ужасная, но не долго. Впрочемъ, на завтра мы идемъ на Пелишатъ и дальше на Софійское шоссе, въ тылъ арміи Османа. Третья дивизія и стрѣлки пошли уже сегодня. На дняхъ будемъ въ дѣлѣ. Что то Богъ дастъ!

28-го сентября въ девять часовъ утра нашъ полкъ двинулся въ арьергардъ дивизіи по дорогѣ въ дер. въ Тученицы, но не доходя до нее поворотили нѣсколько къ югу къ дер. Боготъ. Часа два мы были въ Боготѣ и думали, что скоро будемъ на бивуакѣ, но вдругъ получили приказъ идти на дер. Рамево—получилось свѣдѣніе, что непріятельскій обозъ въ двѣ тысячи повозокъ, сопровождаемый двадцатью баталіонами, двигается по Софійскому шоссе къ арміи Османа-паши. Шелъ дождь. Проселокъ былъ до того ужасенъ, что лошади, несмотря на всѣ усилія, не могли двинуться съ мѣста. Въ Боготѣ промыслили кое-что у маркитанта 3-й дивизіи, что дало намъ возможность закусить, а то просто хоть волкомъ вой—такъ были всѣ голодны. Переходъ черезъ Ловчинское шоссе даже для артиллеріи былъ почти невозможенъ, кое-какъ перетащили одну батарею на гору и пошли дальше. Возлѣ деревни Рамево спускъ подъ гору градусовъ въ тридцать, а потомъ дорога идетъ по улицамъ деревни и черезъ рѣку по невылазимой грязи. Артиллерія завязла и обозы остановились. Какихъ нибудь триста шаговъ спуска и переправы мы шли ровно три часа: на дорогѣ столпились въ темнотѣ обозы 3-й дивизіи и мы поодиночкѣ плелись не зная куда. Стало холодно, люди въ ожиданіи движенія развели костеръ, я сѣлъ пригрѣться. Вдругъ услышалъ крикъ фельдфебеля 4-й роты: «что же вы не идете, баталіонъ уже ушелъ!» Я всталъ, повелъ людей въ темнотѣ по кривымъ улицамъ деревни; въ одномъ мѣстѣ растащили цѣлую скирду соломы, даже я и одинъ изъ моихъ офицеровъ приняли участіе, другой гдѣ то пропалъ. На что было похоже наше шествіе гуськомъ, съ наткнутыми на штыки снопами соломы, не знаю, но зрѣлище вообще было интересное. Кое-какъ подлѣзая мѣстами подъ воловъ выбрались на какое то поле; кругомъ масса огней, темнота страшная; горизонтъ совершенно черный и полуосвѣщеная кострами трава производили въ темнотѣ совершено представленіе какого то забора, но идешь, идешь заборъ какъ будто уходитъ, но сохраняетъ отъ глаза то-же самое разстояніе, какъ и вначалѣ. Куда идти—неизвѣстно. Я оставилъ людей, а самъ пошелъ впередъ на огонекъ, оказалось то былъ караулъ л.-гв. Волынскаго полка и при немъ былъ оставленъ одинъ нашъ солдатикъ, который и провелъ насъ на мѣсто. Добравшись кое-какъ до мѣста бивуака, развели огонь, согрѣли воду и напились чаю, затѣмъ разбили палатку и

легли спать; когда уже засыпали, прибрелъ М., тоже заблудившійся въ темнотѣ, и мы втроемъ задали ѣысыпку. Утромъ 29-го узнали, что назначена дневка для того, чтобъ подтянуть обозъ, но эта мѣра не привела ни къ чему: цѣлый день шелъ дождь; обозы не двинулись ни сколько и люди безъ варки легли спать. Ночью П., бывшій въ одномъ резиновомъ пальто, вылъ волкомъ отъ холода и почти всѣ мы не могли сомкнуть глазъ, проснулись рано часа въ 4; шелъ дождь и дулъ сильный западный вѣтеръ; кое-какъ развели костеръ и стали отогрѣваться и сушить платье. Затѣмъ въ 6 часовъ выступили впередъ въ авангардъ. Прекратившійся вначалѣ дождь, снова пріударилъ кажется съ новою силою и остервененіемъ, но съ вѣтренной стороны показалась какая то бѣловатая полоса, предвѣщавшая перемѣну погоды. Дорога шла сначала кукурузою, а потомъ чрезъ отвратительный частый, колючій кустарникъ; исцарапавшись и оборвавшись, выбрались на поляну, гдѣ стали приваломъ, закусили ветчины безъ хлѣба, выпили рюмку водки, я угостилъ всѣхъ Ландриновскимъ шоколадомъ и всѣ ожили, потому-что вдали на Балканахъ проглянуло солнце. Черезъ часъ по выступленіи съ привала, когда мы стали приближаться къ долинѣ рѣки Видъ, проглянуло солнце; всѣ чрезвычайно обрадовались ему. Рѣка Видъ, ничтожная сама по себѣ, течетъ въ высокихъ берегахъ; горы мѣстами обнажены и выставили свои кремневые и известковые ребра; дорога приняла характеръ шоссе, что вселило въ насъ надежду современемъ увидѣть наши обозы.

Прошли очень богатую болгарскую деревню Беглижъ, проходя по улицамъ которой разъ десять перешли рѣку въ бродъ, впрочемъ, глубина ея не болѣе какъ три или четыре вершка. Бивуакъ расположился въ долинѣ на версту впереди отъ деревни. Въ шести верстахъ на горѣ видѣнъ былъ бивуакъ 3-й гвардейской дивизіи и стрѣлковой бригады. Прелестную картину представлялъ бивуакъ, когда стемнѣло и тысячу огней заблестѣло въ долинѣ; вокругъ ихъ расположились группы солдатъ—кто варить баранину, кто курицу, мимоходомъ купленную въ деревнѣ, кто сухари, а кто просто печь кукурузу. Я сходилъ справиться дадутъ ли намъ поѣсть чего-нибудь, сказали, что нѣтъ; тогда я самъ сварилъ супъ: взялъ сухарей и жиру съ кожей отъ ветчины, такъ какъ соли не было ни у кого, порѣзалъ мелко на куски и нѣсколько разъ скипятилъ на огнѣ, кромѣ того заварилъ чайку; къ тому же времени принесли намъ фунтовъ двѣнадцать хлѣба изъ деревни на одинъ серебряный рубль и болгарскаго табаку. Зажгли свѣчку и приготовились ѣсть, но вдругъ къ ужасу увидѣли, что на поверхности супа плаваютъ мелкіе бѣленькіе червячки изъ сухарей, мы сначала стали ихъ вылавливать, но видя, что съ червячками выплескивается и бульонъ, мы, подъ вліяніемъ голода, рѣшили отодвинуть свѣчу и ѣсть безъ разбору, что́ и исполнили съ большимъ аппетитомъ. На ночь легли спать не снимая сапогъ, такъ какъ предупредили, что можетъ быть ночное нападеніе.

1-го октября, утромъ, часовъ въ шесть я проснулся; ночь была холодная, ноги закоченѣли, а потому я пошелъ грѣться къ костру и хлопотать о чаѣ. Желтоватые лучи восходящаго солнца играли на обнаженныхъ ребрахъ Балканъ и бросали на задніе выступы темно-лиловыя тѣни; дымки отъ костровъ стояли въ долинѣ и изъ за нихъ едва вырѣзывались силуэты деревьевъ, а далѣе въ воздухѣ блестѣли освѣщенныя утренними лучами вершины, покрытыя тантъ-абри стрѣлковой бригады и 3-й дивизіи. Вскорѣ я получилъ приказаніе съ своею и 11-ю ротою идти на аванпосты; между тѣмъ солнце уже начало благодѣтельно согрѣвать наши члены, а еще лучше маціонъ при влѣзаніи на гору къ мѣсту расположенія аванпостовъ. Въ этотъ день намъ посчастливилось: разставивши аванпосты, я послалъ за обѣдомъ и намъ троимъ прислали манерку куринаго бульону, по куску хлѣба и курицы; все это мы убрали въ лучшемъ видѣ, напились чаю и поѣли кое-чего и своего, такъ что были сыты.

3-го октября я былъ назначенъ съ ротою на реквизицію въ деревни Беглижъ. Чтобы не поморить людей, мы должны были прибѣгнуть къ реквизиціи, такъ какъ разсчитывать на интендантскій подвозъ было черезчуръ рисковано. Наши обозы на прекрасныхъ лошадяхъ и при постоянной помощи людей и тѣ не могли тащиться почти безъ дорогъ и по невылазной грязи, на интендантскихъ же клячъ надѣяться было нечего, потому Принцъ Ольденбургскій самымъ энергичнымъ образомъ принялся за сборъ съѣстныхъ продуктовъ на мѣстѣ. Обыкновенно это дѣлалось такъ: ротный командиръ, придя въ деревню съ переводчикомъ, обращался къ чембарджію съ требованіемъ извѣстнаго количества хлѣбовъ и скота; чембарджій собиралъ съ каждаго участка помощника, отдавалъ приказаніе сколько хлѣбовъ должна выпечь каждая хозяйка дома, въ каждый домъ ставился солдатъ для наблюденія, чтобы выпеченный хлѣбъ не продавали и по выпечкѣ сдавалъ пріемщикамъ. Скотъ собирался на поляхъ и сгонялся въ деревню. Все это къ вечеру доставлялось къ ставкѣ Принца, онъ собственноручно мѣтилъ каждую голову и употреблялъ всѣ усилія, чтобы раздѣлить продукты уравнительно. Конечно за все тотчасъ платилось болгарамъ полностію. Только благодаря подобному порядку всѣ хотя мало, но кое-что имѣли съѣстнаго и мародерство могло быть преслѣдуемо вполнѣ, потому что солдатъ начинаетъ выказывать склонность къ мародерству тогда, когда его не кормятъ.

Въ деревнѣ Беглижъ я впервые столкнулся ближе съ болгарами и могъ хотя поверхностно наблюдать ихъ образъ жизни и порядки. Болгары-мущины чрезвычайно похожи на нашихъ малороссовъ, какъ по лицу, такъ и по костюму, разница въ костюмѣ состоитъ въ бараньей болгарской шапкѣ въ формѣ котелка и опанкахъ вмѣсто нашихъ сапоговъ, они очень добродушны, разговорчивы и вообще производятъ пріятное впечатлѣніе послѣ хмурыхъ, никогда не улыбающихся магометанъ-турокъ. Женщины-болгарки чрезвычайно красивы. Костюмъ ихъ—сверхъ бѣлой, вышитой разными узорами,

рубашки надѣта длинная безрукавка до колѣнъ съ вырѣзомъ по срединѣ груди и подтянутая поясомъ, на головѣ бѣлая повязка съ длинными концами позади; волосы заплетены въ мелкія косицы; на рукахъ браслеты и кольца, въ ушахъ серьги изъ разноцвѣтныхъ бусъ и турецкихъ монетъ.

Староста угощалъ меня какою-то медовой похлебкой.

Въ послѣдующіе дни ничего не было особеннаго, только 5-го октября разнеслась молва, что насъ двинутъ вечеромъ впередъ; приказали собрать обозы, снять палатки и проч., но оказалось, что дождались темноты и прислали отказъ; снова разставили палатки и потекла жизнь по старому порядку. Въ этотъ день утромъ мы были порадованы очень пріятною новостью.

Въ 9 часовъ, согласно приказа, я вывелъ роту на ученье; часовъ въ 10 вдругъ слышимъ необыкновенные крики «ура!» и вскорѣ ко мнѣ пришелъ желанеръ и доложилъ, что кричатъ «ура» потому, что наши взяли Карсъ. Ученье кончилось; я сошелъ съ горы внизъ на бивуакъ, и тутъ встрѣтилъ насъ генералъ и поздравилъ съ побѣдою, что Мухтаръ-паша разбитъ на голову и отрѣзанъ отъ Карса. Въ часъ было по этому случаю молебствіе. Картина была превосходная: впереди нашего полка поставили столъ съ образами и окружили зеленой декораціей изъ деревьевъ, дивизія расположилась шпалерами кругомъ: Егерскій полкъ налѣво, Преображенскій направо, Измайловскій къ намъ лицомъ. Всѣ знамена съ полковыми адъютантами выстроились къ намъ лицомъ. Бригадный адъютантъ съ возвышенія прочиталъ телеграмму громкимъ голосомъ и затѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ началось молебствіе. Шестеро писарей нашего полка и какой-то докторъ изъ Преображенскаго полка составили прекрасный хоръ.

6-го октября я ходилъ въ деревню Эски-Баркачъ для отправки писемъ, возвращаясь оттуда я съ удивленіемъ увидѣлъ, что третья дивизія собралась для встрѣчи кого-то, по дорогѣ встрѣтилъ С., который сообщилъ мнѣ, что сейчасъ будетъ объѣзжать дивизію генералъ-адъютантъ Гурко. Я вбѣжалъ въ палатку, наскоро одѣлся и вышелъ на лѣвый флангъ полка. Вскорѣ пріѣхалъ Гурко, онъ объѣзжалъ людей, разговаривалъ съ ними; говорилъ, что кто хочетъ имѣть Георгія можетъ добиться его, только надо быть всегда впереди. Обратился къ фельдфебелю роты Его Величества и сказалъ: «ты, стрѣлокъ, я вижу, убьешь штукъ 150 турокъ?»—«Постараюсь, ваше превосходительство, у меня трое часы за стрѣльбу». «Ну такъ тебѣ нужно убить ихъ триста», сказалъ Гурко. Всѣ разговоры его были въ подобномъ родѣ, вообще посадкой и голосомъ онъ напоминалъ очень кн. Мирскаго. Объѣхавши полкъ, онъ остановился между третьимъ и четвертымъ баталіонами и сказалъ гг. офицерамъ нѣсколько словъ слѣдующаго содержанія: «Господа! Государь отъ васъ ожидаетъ многаго, да и не одинъ Государь—вся Россія смотритъ на васъ и ждетъ добрыхъ вѣстей, надобно намъ постараться воскресить на этихъ поляхъ славныя Екатерининскія времена! Турки, господа, дерутся отлично, помѣряться съ ними почтетъ за честь любая европейская

армія; они очень храбры, но плохо обучены; русскому-же солдату храбрости занимать не надо и мы, господа, обучены, а потому и имѣемъ передъ противникомъ превосходство съ этой стороны. Надобно, господа, чтобы мы продѣлали теперь все то, чему насъ учили въ мирное время въ Красномъ селѣ, конечно кое-чему насъ учили къ сожалѣнію и ненужному, но вы, господа, настолько образованы, что легко отличите ненужное отъ необходимаго. Полный порядокъ на первомъ планѣ! Война—это тѣ-же маневры, разница только въ томъ, что стрѣляютъ не холостыми, а боевыми патронами. Затѣмъ, господа, я долженъ предупредить васъ, что вы обязаны по возможности беречь себя, я не говорю о тѣхъ минутахъ, когда офицеръ долженъ своимъ примѣромъ увлечь людей впередъ, и я не сомнѣваюсь въ вашемъ рвеніи и храбрости, но я прошу васъ беречь себя разсудительно, такъ какъ потеря офицеровъ очень тяжела для войска. Теперь позвольте распроститься и пожелать скораго свиданія съ вами». Затѣмъ генералъ Гурко уѣхалъ. Его слова произвели необыкновенно благопріятное впечатлѣніе на офицеровъ.

8-го октября, утромъ, 3-я гвардейская дивизія двинулась въ Боготъ назадъ, а мы на ея мѣсто стали на бивуакъ на горкѣ, впереди деревни Эски-Баркачъ.

9-го октября утромъ нашъ баталіонъ ходилъ прокладывать дорогу по высотѣ нашего бивуака по направленію въ д. Рамево. Все разстояніе 14 верстъ. Сдѣлали мы, считая по 6 шаговъ на участокъ, около четверти версты.

10-го октября я пошелъ полюбоваться на долину рѣки Видъ. Дошелъ до аванпостовъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, меня не пропустили и препроводили на главный караулъ. Начальникъ караула приказалъ меня пропустить. Что за прелесть горная дорога идущая по краю долины—кустарники всѣ обвиты различными плющами, хмѣлемъ и дикимъ виноградомъ, мѣстами какъ будто весь кустъ серебряный, это пухъ въ родѣ нашихъ одуванчиковъ остается послѣ цвѣтовъ какого-то плюща, горныя обнаженія, то розовыя, то дикія, на свѣту дикій камень совершенно зеленый. Кустарники, подобно пупырушкамъ, усѣяли склоны горъ. Я достигъ до открытаго мѣста на одномъ обрывѣ и передо мною раскинулась чудная панорама долины рѣки Вида. Долина шириною версты въ двѣ, гладкая какъ столъ, уходила далеко, далеко, по крайней мѣрѣ верстъ на двѣнадцать и по ней змѣей вился бурливый Видъ, перерѣзывая долину съ одного края къ другому, поочередно подходя то къ одному, то къ другому берегу. Скаты горъ, сдавливающіе долину, на половину обнажены, и въ концѣ какъ бы запираютъ выходъ изъ нея; но это обманъ, если вглядишься хорошенько, то начинаешь различать, что тамъ Видъ дѣлаетъ поворотъ къ пресловутой Плевнѣ, которую бы можно было видѣть, еслибы подняться немного повыше. Долго я любовался этой картиной, но скоро утомился безжизненностью вида, ни живой души на такомъ громадномъ разстояніи, такъ какъ это мѣсто

было, такъ сказать, нейтральной полосой между нашими и турецкими аванпостами. Возвратившись домой получилъ десять галетъ и новость, что завтра придется идти въ походъ. Людямъ выдали по шести крышекъ гороховой похлебки (консервъ) и по 12-ти фунтовъ сухарей.

11-го октября цѣлый день прошелъ въ приготовленіяхъ къ походу. Вечеромъ въ восемь часовъ, при лунномъ свѣтѣ, былъ отслуженъ молебенъ о дарованіи побѣды; величественная была картина, когда цѣлая бригада при великолѣпномъ лунномъ освѣщеніи опустилась на колѣна при чтеніи просительной молитвы. Въ концѣ подходили всѣ ко кресту и святой водѣ. Разсказывали, что на завтра назначена общая аттака Плевны. Было полнолуніе. Луна выкатилась изъ тумана въ видѣ кроваваго шара, и суевѣрные солдаты указывали на нее какъ на предвѣстницу кровопролитнаго дѣла. Съ вечера всѣ офицерскія палатки убрали, оставивши по одной на баталіонъ, гдѣ всѣ и улеглись въ повалку.

Въ два часа ночи 12-го октября выступили съ бивуака къ рѣкѣ Виду. Ночь была очаровательная—свѣтло какъ днемъ. Къ пяти часамъ пришли къ Виду, а когда стало свѣтать перебрались вбродъ. Всѣ мы знали, что идемъ въ дѣло, но не скажу, чтобы чувствовали что нибудь особенное, разговоры были только повидимому нѣсколько сдержаннѣе, всѣхъ казалось занимало что-то впереди, тутъ я вспомнилъ, что я находился въ подобномъ же настроеніи духа школьникомъ, когда приходилось идти на экзаменъ. Въ восемь съ половиною часовъ слѣва стали раздаваться выстрѣлы—то 2-я дивизія и Стрѣлковая бригада аттаковали Горный Дубнякъ. Какое-то чувство зависти закрадывалось въ это время въ душу; вотъ другіе счастливцы уже въ дѣлѣ, а мы стоимъ въ резервѣ; скачутъ ординарцы, смотримъ за каждымъ ихъ движеніемъ—не приказано ли насъ вести впередъ? нѣтъ, какъ нѣтъ. Какая-то лихорадочная ажитація овладѣваетъ всѣми, не сидится, не стоится, у всѣхъ глаза оживлены, каждый слѣдитъ за всякимъ дымкомъ, разсуждаютъ чей—нашъ ли, турецкій-ли? А между тѣмъ слышно, что и пѣхота затрещала. Часовъ въ десять насъ нѣсколько подвинули впередъ и поставили возлѣ самаго шоссе. Въ двѣнадцать часовъ дали знать, что Дубнякъ занятъ, только не взятымъ остался одинъ редутъ. Со стороны Плевны слышалась тоже страшная канонада. Въ два часа вызвали изъ резерва лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ на подкрѣпленіе. Получено извѣстіе, что Любовицкій, Зедлеръ, Розенбахъ и баталіонный командиръ Семеновъ ранены. Страшно поразило насъ это извѣстіе, въ особенности послѣ того какъ говорили, что осталось взять одинъ редутъ, въ ту минуту мы и не предполагали, что вся суть то въ этомъ редутѣ и есть. Впрочемъ скоро начали понемногу догадываться, что дѣло идетъ серьезное, начали говорить, что тотъ-то убитъ, тотъ-то раненъ, что наши просто выбиваются изъ силъ и никакъ не могутъ овладѣть редутомъ. Въ два съ половиною часа нашъ полкъ поставили въ первой линіи по обѣ стороны шоссе, фронтомъ къ Плевнѣ, и велѣно укрѣпиться. Ка-

нонада со стороны Плевны какъ будто приближалась и думали, что Османъ-паша выйдетъ на подкрѣпленіе защитниковъ Горнаго Дубняка. Въ резервѣ расположили Преображенскій полкъ. Мнѣ пришлось стать съ ротой на самомъ правомъ флангѣ, въ кукурузѣ. Тотчасъ-же я отдалъ приказаніе обломить кукурузу на дальности прямаго выстрѣла и сложить изъ нея завалы въ родѣ ложементовъ. Между тѣмъ у Горнаго Дубняка повидимому дѣло приняло серьезный оборотъ. Началась страшная канонада, послышалось нѣсколько залповъ батареями, потомъ начался страшный ружейный огонь, на подобіе града, бьющаго въ крышу деревяннаго дома, артиллерія же замолчала—вѣроятно это былъ моментъ аттаки. Но черезъ полчаса ружейный огонь сталъ еще сильнѣе—трудно было понять, что дѣлается—вѣроятно сразу не удалось взять редута. Оказалось, впослѣдствіи, что страшная трескотня происходила въ тѣ минуты, когда наши перебѣгали къ редуту. Къ четыремъ часамъ выстрѣлы стали ослабѣвать какъ со стороны Плевны, такъ и Горнаго Дубняка. Съ нашей стороны повидимому еще ничего не предвидѣлось—изрѣдка наша артиллерія перестрѣливалась съ непріятелемъ, но онъ былъ такъ далеко, что мы его не видѣли. Солнце стало садиться, вдругъ издали перекатами по полю прошелъ радостный крикъ «ура!» и тогда мы съ радостью перекрестились, узнавъ въ этомъ крикѣ вѣсть о побѣдѣ, вслѣдъ затѣмъ на душѣ у всякаго было горькое чувство досады, что намъ не пришлось быть участниками общаго дѣла вблизи, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Чѣмъ тусклѣе становился солнечный свѣтъ, тѣмъ ярче вырѣзывалось на горизонтѣ пламя близъ Горнаго Дубняка, это горѣли, какъ я впослѣдствіи узналъ, шалаши въ редутѣ. Мы уже располагались ночевать на позиціи, когда пришло приказаніе выводить роту на шоссе. Вскорѣ всѣ собрались и насъ повели въ дер. Горный Дубнякъ. По дорогѣ встрѣтили Измайловскій полкъ, которые нѣсколько подсмѣивались надъ нами за то, что намъ не пришлось быть въ дѣлѣ и говорили, что половина ихъ полка «тамъ» осталась. Проплутавши по темнотѣ, кое-какъ выбрались на какое-то поле вправо отъ деревни и стали на бивуакъ. Начались толки въ обществѣ офицеровъ о неудачѣ Егерскаго полка, которая, какъ говорили, произошла оттого, что они пошли въ одну линію ротъ безъ всякой почти артиллерійской подготовки (аттака Телиша) и потеряли болѣе тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, семь офицеровъ убитыми и восемьнадцать ранеными. Скоро разбили намъ изъ трехъ полотнищъ солдатскую палатку и принесли соломы. Мы легли спать, но холодъ и говоръ скоро разбудили меня. Слышно было какъ люди говорили, что недалеко отъ насъ этотъ редутъ, что многіе несутъ оттуда сабли и разное оружіе, все это такъ заинтересовало меня, что я всталъ и съ П. и человѣками пятью изъ роты отправился туда. Шагахъ въ полутораста отъ бивуака стали попадаться мертвыя тѣла, брошенныя ружья, патроны, раненые, тамъ и сямъ въ темнотѣ раздавались стоны, многіе просили ради Христа глотокъ воды и жаловались, что съ утра лежатъ не пере-

вязанными. Чѣмъ ближе къ редуту тѣмъ больше тѣлъ. Безобразнѣе картины трудно представить! При блѣдномъ свѣтѣ луны лица убитыхъ и раненыхъ казались почти бѣлыми, а кровь—какъ черныя угольныя пятна; въ одной канавѣ у насъ лежалъ убитый офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, сапоги были сняты, карманы вывернуты, погоны сорваны. Вообще мародерство было въ полномъ ходу; не щадятъ ни турокъ, ни своихъ, обираютъ всѣхъ. Въ редутѣ валялось много турецкихъ тѣлъ, плетеныя ихъ помѣщенія горѣли; изъ одного каземата высунулся баранъ и заблеялъ. Вездѣ еще вытаскивали турокъ, спрятавшихся въ ихъ жилыхъ помѣщеніяхъ, и брали въ плѣнъ. Спасибо Павловцамъ, они всѣми мѣрами старались возстановить порядокъ и гнали всѣхъ изъ редута.

Нѣсколько сотъ турецкихъ труповъ въ самыхъ обезображенныхъ позахъ подтверждали удачное дѣйствіе нашей артиллеріи и нашего русскаго штыка.

Придя на бивуакъ помѣстился около костра, холодъ былъ ужаснѣйшій, а потому, не рѣшаясь идти мерзнуть въ палатку, я пробылъ тамъ до разсвѣта. Съ разсвѣтомъ снова пошелъ на редутъ, обошелъ его весь и любовался его устройствомъ. Редутъ громадный; валы въ два ряда (съ тыльными траверсами), а внутри сдѣланы помѣщенія для людей; въ серединѣ на курганѣ насыпанъ бинетъ съ четырьмя амбразурами для двухъ орудій. Орудія на курганѣ совершенно цѣлы и даже заряжены. Цѣлый день 13-го октября мы стояли впереди Дубняка въ ожиданіи вылазки Османа-паши. Къ вечеру прибыла 3-я гвардейская пѣхотная дивизія. Говорили, что Скобелевъ отнялъ у турокъ два редута. 14-го октября мы выстроили ложементы. 15-го снова была послана одна бригада артиллеріи для аттаки Телиша. Одинъ баталіонъ Преображенцевъ высланъ въ аванпосты для подкрѣпленія кавалеріи, которой приказано было развлекать непріятеля пальбой. Въ пять часовъ вечера увидѣли скачущихъ ординарцевъ и послышались громкіе крики «ура!», догадались, что Телишь взятъ. Дѣйствительно Телишь сданъ безъ штурма; говорятъ, что наши потери—одинъ нижній чинъ убитъ и одинъ офицеръ раненъ.

19-го октября я былъ въ первый разъ подъ турецкими пулями, но только издалека. Это было на аванпостахъ. Мы стояли тысячахъ въ двухъ шагахъ отъ турокъ. Я съ М. и П. вышелъ на шоссе посмотрѣть въ бинокль на турецкія позиціи и не замѣтилъ, какъ нѣсколько турокъ подползли въ кукурузѣ поближе къ намъ и, когда мы собрались въ кучку, дали по намъ залпъ; мы не ушли—они второй, да подняли такую пальбу, что мы принуждены были идти на утекъ. Разстояніе отдѣлявшее насъ отъ турокъ было около тысячи шаговъ, но все-таки непріятно было стоять, когда знаешь, что именно каждый выстрѣлъ направленъ въ меня; главное что скверно,—сначала увидишь дымокъ, а пуля прилетитъ секунды черезъ три, и стоишь такимъ образомъ въ ожиданіи—что куда?

Смѣшно было смотрѣть на деньщиковъ, вышедшихъ пострѣлять турокъ, какъ они при свистѣ пуль, съежившись, перебѣгали съ одной стороны шоссе на другую въ канавку.

Часа въ четыре дня по неизвѣстной мнѣ причинѣ турки начали стрѣлять по нашемъ аванпостамъ; вѣроятно задрали дѣло наши, но тутъ я былъ свидѣтелемъ удали одного унтеръ-офицера: когда турки открыли огонь, онъ влѣзъ въ стоявшій возлѣ стогъ сѣна, конечно тотчасъ-же огонь обратился на него; онъ-же какъ ни въ чемъ не бывало стоитъ себѣ на стогѣ, да еще шапкой показываетъ, подобно тому, какъ при стрѣльбѣ въ мишени, куда полетѣла пуля,—вправо или влѣво.

Ночью турки пустили черезъ наши головы нѣсколько пуль.

20-го мы были посланы строить батарею; начали уже работу, вдругъ прилетаетъ штабъ-горнистъ отъ Принца Ольденбургскаго и передаетъ приказаніе идти впередъ; наши сердца радостно забились—думали, что будетъ дѣло; но ожиданія наши не сбылись, подошли къ Дольному Дубняку, прошли его и ничего,—ни слѣда присутствія турокъ; только въ одномъ мѣстѣ встрѣтили одинъ трупъ стараго турка и около него кучу патроновъ. Въ двухъ верстахъ впереди деревни стали снова укрѣпляться; на ночь отошли назадъ на бивуакъ.

21-го числа стояли опять на бивуакѣ, къ вечеру говорили, что отъ Софіи въ тылъ намъ идутъ семьдесятъ-двѣ тысячи на выручку Плевны.

22-го опять пошли на аванпосты; выстроили ложементъ съ бойницами изъ дерна, что очень всѣмъ понравилось. Стали говорить, что никакихъ семидесяти-двухъ тысячъ нѣтъ, но что у Орханіе наши два эскадрона аттаковали двѣнадцать таборовъ и обратили ихъ въ бѣгство.

23-го октября въ семь часовъ утра мы смѣнились съ аванпостовъ и едва успѣли составить ружья, какъ насъ повели къ обѣднѣ и молебну. Было воскресенье.

Утромъ былъ, по обыкновенію, церковный парадъ, на которомъ присутствовалъ генералъ-адъютантъ Гурко. Въ двѣнадцать часовъ приказано было ожидать Государя и Главнокомандующаго, но только въ три часа показалась блестящая кавалькада изъ деревни Дольній Дубнякъ въ сопровожденіи эскадрона лейбъ-Гусаръ, эскадрона лейбъ-Уланъ и Собственнаго Его Величества Конвоя. Объѣхавши артиллерію Государь подъѣхалъ къ намъ и сказалъ: «А вамъ не пришлось быть въ дѣлѣ, но я вполнѣ увѣренъ, что вы никогда не будете хуже другихъ», затѣмъ подъѣхалъ къ Измайловскому полку, поздоровался съ людьми и приказалъ служить молебенъ; Егерскій полкъ былъ построенъ противъ Измайловскаго. Пріятное для сердца было зрѣлище, когда при поминовеніи во брани убіенныхъ Государь, а за нимъ и всѣ преклонили колѣна. Послѣ молебна Государь подошелъ къ выстроеннымъ на правомъ флангѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка георгіевскимъ кавалерамъ, и поцѣловалъ рядоваго, который овладѣлъ турецкимъ знаменемъ. Затѣмъ,

полюбовавшись на перестрѣлку съ турками, Государь поѣхалъ къ шоссе и тамъ сказалъ Гурко, что за его службу онъ награждаетъ его брилліантовой саблей.

28-го октября былъ день отдыха. Я ходилъ осматривать укрѣпленія Дольнаго Дубняка и самую деревню. Меня удивила странность расположенія редутовъ и въ то-же время неприступность самой профили: треугольный ровъ глубиною на девять секундъ представляетъ такое препятствіе, что просто ума не приложишь какъ изъ него вылѣзть, наружная крутость бруствера выложена дерномъ и почти отвѣсна, но берма широкая, такъ что если вылѣзешь изъ рва, то легко на ней распространиться и присѣсть; брустверъ чрезвычайно толстый до втораго, командованіе семь секундъ, но и тутъ выразилась турецкая глупость: въ исходящихъ углахъ ровъ значительно мельче, такъ что спуститься тамъ не представляется особеннаго затрудненія; выходъ-же изъ редута расположенъ къ сторонѣ Горнаго Дубняка, почему? положительно понять невозможно. Редутъ соединенъ траншейнымъ ходомъ впереди лежащимъ редутомъ, на флангахъ тоже сдѣланы внѣшнія траншеи. Такихъ редутовъ около Дубняка четыре и сама деревня представляетъ такую-же прелестную позицію для обороны; напримѣръ, кромѣ того, что почти каждый домъ окруженъ землянымъ валомъ съ глубокой канавой впереди, многіе изъ нихъ окружены каменными стѣнами, а въ серединѣ деревни, около рѣки, дома разступаются и образуютъ фронтъ вродѣ бастіоннаго, что̀ легко могло бы служить редюитомъ. И такая-то позиція очищена безъ боя! Это только можетъ быть объяснено крайней деморализаціей гарнизона. Говорятъ, что нѣсколько плѣнныхъ изъ Телиша и Горнаго Дубняка были посланы въ Плевну и при появленіи ихъ въ Дольній Дубнякъ гарнизонъ былъ такъ пораженъ ихъ разсказами, что въ тотъ-же вечеръ всѣ бѣжали въ Плевну.

Впослѣдствіи уже, разсматривая расположеніе всѣхъ турецкихъ позицій у обоихъ Дубняковъ, Телиша и Радомирцевъ, я пришелъ къ тому заключенію, что онѣ построены съ цѣлью служить опорными пунктами для аріергарда плевненской арміи на случай, еслибы ей пришлось отступать на Софію и быть преслѣдуемой нашими войсками, окружавшими Плевну; иначе-же, принимая ихъ за пункты предназначенные для обороны Плевны, приходилось становиться въ тупикъ, потому-что фронтъ ихъ обращенъ къ Плевнѣ, а всѣ выходы изъ редутовъ къ Софіи.

Говорятъ, что Сулейманъ съ сорока тысячью двигается на выручку Османа, что вторая дивизія, стрѣлковая бригада и одна бригада Карцева двигается къ Орханіе и что мы можетъ быть будемъ аттаковать Плевну съ этой стороны—въ аттаку назначена наша бригада и на поддержку ей вторая гвардейская дивизія.

Я записывалъ всѣ подобные слухи о предполагаемыхъ нашихъ задачахъ въ виду ихъ историческаго интереса, хотя многіе и изъ нихъ и ока-

зались не болѣе какъ слухами и не приводились въ исполненіе, но такъ какъ я получалъ ихъ изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, имѣвшихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствительное значеніе, то и передаю имъ, какъ матеріалъ, въ томъ видѣ, какъ они доходили до меня.

25-го октября день былъ прелестный, теплый. Наша артиллерія пробовала пристрѣляться по непріятельскимъ редутамъ, расположеннымъ на высотахъ, командующихъ надъ рѣкою Видомъ. Снаряды ложились превосходно—видно было какъ они рвались въ самыхъ редутахъ.

Вечеромъ 27-го октября услышали пріятную новость, что компанія пойдетъ дальше по болѣе рѣшительному плану: на наше мѣсто къ СЗ. отъ Плевны станетъ вторая гренадерская дивизія, мы же, т. е. первая и вторая гвардейскія пѣхотныя дивизіи съ стрѣлковой бригадой, гвардейской кавалеріей и двумя полками кавказскихъ казаковъ, кинемся къ Ю. по Софійскому шоссе, будемъ форсировать проходы черезъ Балканы и пойдемъ впередъ, чтобы воспрепятствовать Сулейману организовать новую армію на Югѣ. Подъ Плевной-же и конца не видно; теперь она дѣйствительно окружена; Османъ-же паша не осмѣливается прорвать этотъ желѣзный кругъ, да вѣроятно это и не въ его разсчетахъ: если-бы движеніе на Софію совпадало съ его видами, то ему почти ничего бы не стоило выполнить это намѣреніе до занятія нами Телиша и обоихъ Дубняковъ; въ то время наши пятнадцать полковъ кавалеріи, оцѣплявшіе Плевну съ этой стороны до нашего прихода, и не бывшіе въ состояніи воспрепятствовать проходу транспортовъ и подкрѣпленій въ Плевну, понятно, что и не рискнули бы оказать хотя какое-нибудь сопротивленіе проходу цѣлой арміи Османа-паши; послѣ же постройки нами укрѣпленной позиціи впереди Дольняго Дубняка Осману-пашѣ нечего было и думать уйти изъ Плевны. Впрочемъ перебѣжчики говорили, что въ Плевнѣ продовольствія мало, и что Османъ для виду попробуетъ пробиться, и потомъ, дескать, положитъ оружіе, но этому трудно вѣрить—его и калачемъ изъ Плевны не выманешь, а вѣрнѣе онъ разсчитываетъ додержаться до зимы (такъ какъ, если дѣйствительно прошелъ транспортъ въ двѣ тысячи подводъ съ продовольствіемъ, то у него по меньшей мѣрѣ на два мѣсяца продуктовъ хватитъ, да и стоило посмотрѣть по сторонамъ—кукуруза по его окрестнымъ полямъ не собрана, вездѣ мы нашли массы фуража и продуктовъ, развѣ это самое не указываетъ на то, что особенныхъ-то лишеній его арміи претерпѣвать не приходится; вѣрить-же перебѣжчикамъ трудно, потому что если онъ турокъ, то навѣрное трусъ и конечно при распросахъ не сознается въ томъ, что онъ бѣжалъ отъ трусости, а вѣрнѣе будетъ говорить, что его не кормятъ, не одѣваютъ, или что-нибудь тому подобное; если-же болгаринъ, то онъ, понятно, охотнѣе даетъ о туркахъ болѣе пріятное для насъ показаніе, вѣдь уже извѣстная исторія, что худыхъ вѣстниковъ, если даже они правду говорятъ, неособенно-то чествуютъ). Всѣ эти соображенія и заставляютъ думать, что Ос-

манъ, жертвуя собою и своею арміею, будетъ стараться всѣми силами удержать насъ подъ Плевной до зимы, и заставить тѣмъ временемъ и насъ самихъ изнемочь и желать мира, а можетъ быть и просто дождаться свѣжихъ подкрѣпленій съ Юга, которымъ удалось бы опрокинуть насъ и заставить снять осаду. При такихъ обстоятельствахъ наступательная война къ Югу болѣе чѣмъ необходима и спасибо тому, кто предложилъ эту счастливую мысль.

2-го ноября вечеромъ былъ молебенъ по случаю выступленія въ походъ. Ночью была страшная пальба у Плевны и когда я вышелъ изъ палатки, то былъ пораженъ необыкновенной картиной: все небо было покрыто черными тучами и каждый выстрѣлъ изъ орудія или ружья тотчасъже отражался въ небѣ, какъ въ зеркалѣ, такъ что шумъ на землѣ былъ какъ бы звукомъ отъ небесной войны.

3-го ноября въ девять часовъ утра мы выступили къ Телишу. Подходя къ Телишу я удивился недобросовѣстности рекогносцировки, на основаніи которой послали одинъ Егерскій полкъ аттаковать эту позицію. Она представляетъ рядъ укрѣпленій вѣнчающихъ высоту, и составляющихъ какъ бы общій редутъ на Софійскомъ шоссе. Если осмотрѣть внимательно пространство, занимаемое укрѣпленіями, станетъ ясно, что отрядъ, назначенный для ихъ обороны, долженъ быть не менѣе пяти тысячъ, что и подтвердилось впослѣдствіи. Аттаковать такую позицію можно бы было по крайней мѣрѣ тремя полками. Осматривалъ покинутую деревню Телишь. Построена она, какъ и всѣ болгарскія деревни, внизу, въ безпорядкѣ. Я входилъ въ многія избы.

Почти всѣ онѣ состоятъ изъ двухъ комнатъ: первая родъ кухни съ остатками битой посуды, вторая-же чистая, вѣроятно спальня; всѣ онѣ завалены разною рухлядью, разбирая ее въ одной избѣ я нашелъ много рукописей и листъ болгарскаго журнала «Читалище», на первой страницѣ котораго начинается переводъ исторіи человѣческаго рода «Катфража». На другой день, т. е. 4-го ноября, выступленіе было назначено въ восемь часовъ, но тронулись въ двѣнадцать. Задержаны потому, что Османъ-паша дѣлалъ вылазку на Скобелева, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ, послѣ чего мы пошли въ деревню Радомірцы.

5-го ноября двинулись на Вроненицы, по дорогѣ встрѣтили прелестнѣйшія горныя обнаженія и перешли рѣку Искеръ въ дер. Луковицы.

Погода все время намъ благопріятствовала: днемъ было тепло, какъ у насъ въ августѣ мѣсяцѣ, но ночи всѣ были очень холодныя, такъ что на утро всѣ предметы были покрыты инеемъ, какъ снѣгомъ.

6-го ноября мы вступили въ горы по дорогѣ въ Яблоницы; въ первый разъ пришлось переходить черезъ настоящій хребетъ; мѣстами горы совершенно лишены растительности и состоятъ изъ чистаго сѣраго известняка и кремня. Недалеко отъ Яблоницъ мы увидѣли Якомицу-Пла-

нину, на которую спустились облака и окутали ея вершину; впрочемъ съ Юга стало понемногу разъясниваться и къ вечеру, когда мы стали на бивуакъ, совершенно разъяснилось. Вечеромъ стали говорить, что мы не скоро пойдемъ впередъ.

На утро 7-го ноября я полѣзъ на Якомицу-Планину, взбирался на нее часа два, дорога лежала вдоль тальвега употребляемаго вѣроятно вешней водой для стока. Весь склонъ покрытъ лѣсомъ. На каждомъ шагу громадныя каменныя глыбы, обросшія разноцвѣтными мхами и плющами въ сочетаніи съ прелестными формами роскошной южной растительности, представляли такія чудныя и разнообразныя картины, что мнѣ поневолѣ пришло въ голову сожалѣніе о томъ, что до сихъ поръ эта страна составляетъ невѣдомый міръ для художниковъ. Я знакомъ со Швецаріей по произведеніямъ ея лучшихъ художниковъ и положительно могу завѣрить всѣхъ, что склоны Балканъ гораздо интереснѣе, мягче; въ нихъ нѣтъ такой суровости и подавляющей человѣка дикости, которая встрѣчается почти на каждомъ шагу въ Альпахъ, и кто захочетъ искать ея здѣсь, конечно, не найдетъ; елей и сосенъ нигдѣ не встрѣтите, но за то при всей грандіозности формъ общее впечатлѣніе остается самое пріятное, какъ-то успокоительно дѣйствующее на ваши нервы. Подъемъ вверхъ особенно затруднителенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ гора представляетъ почти отвѣсный каменный обрывъ, хотя и тамъ я шелъ по сухому ложу воды, но тутъ и вода, какъ видно, должна была дѣлать скачки; а потому пришлось взбираться при помощи обѣихъ паръ оконечностей. Я взобрался на самую високую вершину и, конечно, не раскаялся въ своемъ предпріятіи, потому что картина, которую я увидѣлъ, вознаградила меня за трудъ. Передъ мною была открыта вся цѣпь Этропольскихъ и Софійскихъ Балканъ со всѣмъ ихъ разнообразіемъ въ очертаніяхъ и краскахъ, подымаясь все выше отъ густо покрытыхъ лѣсомъ до совершенно обнаженныхъ и мѣстами покрытыхъ серебристыми клочками снѣговъ. Подъ моими ногами проходило Софійское шоссе и около него бивуаки нашего отряда, съ высоты казавшіеся какими то дымящимися голубоватыми пятнышками; оглядываясь назадъ, я къ удивленію увидѣлъ, что до меня былъ уже тамъ какой то экцентрикъ англичанинъ, потому что на вершинѣ стояла вѣтвь укрѣпленія камнями, и къ ней привязана выпитая бутылка шампанскаго съ клеймомъ «Жокей клубъ». На этикетѣ я написалъ свою фамилію, сдѣлалъ набросокъ вида на нашъ бивуакъ и возвратился съ немалою опасностью назадъ. Придя на бивуакъ узналъ радостную вѣсть о взятіи Карса. Утромъ 8-го ноября было молебствіе, по случаю взятія Карса, и отданъ былъ приказъ приступить къ постройкѣ шалашей.

Чрезвычайно непріятно подѣйствовало это приказаніе на всѣхъ; вотъ тебѣ и блистательный походъ къ югу. Но не долго пришлось горевать: на слѣдующій день, 9-го ноября, въ часъ съ четвертью пополудни мы выступили къ югу по Софійскому шоссе, отойдя же верстъ шесть повернули

вправо безъ дороги на деревню Ведраръ. Въ этомъ мѣстѣ въ первый разъ горныя обнаженія Балкана показали громадныя залежи прелестнѣйшаго шифера.

Прибыли къ деревнѣ часамъ къ шести вечера и расположились на отдыхъ. Тотчасъ же собралъ насъ генералъ Раухъ и сообщилъ, что цѣль нашего движенія пройти съ артиллеріей по совершенно непроходимой дорогѣ, въ тылъ укрѣпленіямъ около деревни Правицы, и должны проложить дорогу тамъ гдѣ ея нѣтъ,въ ночь должны сдѣлать двѣнадцать верстъ, а потомъ утромъ еще восемь и къ одинадцати часамъ выдти въ долину Орханіе. Въ девять часовъ мы выступили съ бивуака; вначалѣ облачное небо стало разъясняться и вскорѣ луна начала освѣщать нашу дорогу. Мы шли въ полной тишинѣ по улицамъ деревни; картина была великолѣпная: всѣ жители вышли изъ домовъ, крестились, обнимались съ солдатами, давали имъ гостинцевъ, хлѣба и табаку и все это дѣлалось въ полной тишинѣ—видимо и они сознавали важность этой минуты. Выйдя изъ деревни Ведрары, мы пошли по теченію горной рѣчки Малый-Искеръ. Дорога все время едва лѣпилась по обрывистымъ берегамъ рѣки и часто на довольно значительной высотѣ. Пройдя версты три, мы перешли Искеръ вбродъ. Дальше дорога пошла еще хуже и все выше и выше въ гору. Мѣстами она становилась такъ узка, что едва могли пройти два человѣка рядомъ, а въ одномъ мѣстѣ даже не болѣе аршина, сбоку же скала-материкъ, и тутъ то должно было пройти артиллеріи! Я останавливался на каждомъ шагу и ахалъ, считая свою задачу невозможною. Постепенно по дорогѣ разставлены были саперы, которые указывали, что надо исправлять на дорогѣ. Начали оставлять съ 4-го взвода 4-й роты. Къ двѣнадцати часамъ дошла очередь и до меня. Оставивши 4-й и 3-й взводы, я пошелъ дальше, но потерялъ уже изъ виду Ея Высочества роту; вскорѣ дошелъ до развѣтвленія дороги. Куда идти? вверхъ къ деревни, или внизъ. Кругомъ ни души только слышится ожесточйнный лай собакъ въ деревни. Я рѣшился идти на деревню, но оказалось ошибочно; впрочемъ, разбуженный страшнымъ лаемъ, одинъ болгаринъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и проводилъ насъ весьма охотно на дорогу. Пройдя версты двѣ еще оставилъ 2-й, а потомъ 1-й взводы; они дѣлали спуски въ рѣку съ одной стороны на другтю, такъ какъ скала съ нашей стороны становилась совершенно непроходимой. Люди работали великолѣпно и быстро выполнили урокъ; тогда я собралъ всѣхъ и повелъ ихъ дальше; въ четыре часа ночи достигли дёревни Калуирово, гдѣ и ночевалъ я въ избѣ на полу. Артиллерія дотащилась еле-еле къ девяти часамъ утра, а въ одиннадцать мы по предположенію должны были выдти на шоссе. Впродолженіе всего перехода весь отрядъ былъ въ работѣ—одна часть занималась разроботкой дороги, другая тащила вмѣстѣ съ лошадями орудія. Безъ несчастій при такой дорогѣ конечно не обошлось; несмотря на всю ловкость прислуги гв. конно-казачьей батареи и дружную помощь лю-

дей, два ящика полетѣли въ пропасть съ упряжкой и лошадьми, это совершилось такъ быстро, что даже не успѣли перерубить пастромокъ; снаряды и ящики впослѣдствіи вытащили, но лошадей много пропало. Впрочемъ провозъ артиллеріи я считаю чудомъ и вполнѣ убѣжденъ, что если кому нибудь показать мѣсто, по которымъ она прошла, то онъ пожалуй бы подумалъ, что ему смѣются въ глаза. Признаться я думалъ, что лучше намъ артиллерію бросить и идти однимъ, а то только даромъ время потратимъ. Но чудо совершилось, артиллерія прибыла въ Калуирово! 10-го ноября, тотчасъ по прибытіи артиллеріи снова тронулись впередъ вдоль по руслу какой то небольшой горной рѣчки. Пришлось ее перейти разъ двадцать, дороги ни какой, артиллерія ѣхала большей частью по руслу; но что это за дорога, въ художественномъ отношеніи,—это такая роскошь, что трудно даже представить себѣ подобную красоту. Все русло закидано громадными камнями и между ними съ шумомъ пробивается вода, по бокамъ же горы покрытыя дубовымъ лѣсомъ или мѣстами совершенно обнаженныя отвѣсныя каменныя скалы, на вершинахъ и въ разселинахъ которыхъ пробивалась желтоватая трава съ массою цвѣтущихъ піоновъ. Къ четыремъ часамъ мы вышли на поляну, оттуда ясно слышалась канонада, и хотѣлось бы подать руку, но насъ отдѣляли страшныя горы, черезъ которыя надо было перевалить. Вскорѣ канонада стала утихать, а мы полѣзли на гору, гдѣ и стали бивуакомъ до утра одиннадцатаго. Люди и офицеры были въ проголодь безъ горячей пищи и мерзли отъ ночнаго холода, потому-что не велѣно было разводить огней. Отъ отряда графа Шувалова никакихъ вѣстей; мы боялись, чтобы наше опаздываніе не испортило всего дѣла, но ночью часовъ въ одиннадцать пріѣхалъ ординарецъ, нарядившійся въ бурку и папаху, на падобіе черкеса, въ сопровожденіи двухъ курбанцевъ, которымъ удалось обмануть турецкіе аванпосты и пробраться къ намъ. Наши же пропустили, узнавши по голосу своего офицера. 11-го съ восьми часовъ мы потянулись далѣе; около двѣнадцати часовъ нашъ авангардъ, стр. Его Величества бат. и Императ. Фамиліи столкнулись съ непріятелемъ и завязали дѣло; вызвали вскорѣ и нашъ 3-й баталіонъ въ обходъ. Нашъ полковой священникъ Крюковъ, скрываясь, чтобы его не видали за деревомъ, въ сферѣ непріятельскаго огня, благословлялъ идущія въ бой роты. Страшно хотѣлось броситься туда же, но пришлось стоять часа два съ половиной, наконецъ двинулись и мы; часамъ къ четыремъ мы взобрались на гору, выстроили взводы и насъ стали торопить ввести въ дѣло, артиллерія выѣхала на позицію и открыла огонь. Какая картина открылась съ горы—просто чудо! Горы освѣщены розоватыми лучами клонящагося къ западу солнца, а внизу подъ ногами облака, какъ волнующееся снѣжное море, но любоваться было некогда. Тотчасъ же двѣ роты нашего баталіона, въ томъ числѣ и моя, были посланы внизъ на поддержку стрѣлковъ. Я пошелъ впередъ съ ротой; люди шли въ большомъ порядкѣ и охотно, какъ на праздникъ.

Спустясь на плато, я уговорился съ командиромъ другой роты идти на деревню, и мнѣ занять позицію отъ протока (родъ оврага) влѣво, а ему право. Чѣмъ больше мы спускались, тѣмъ дорога становилась все круче и круче и наконецъ намъ пришлось совершенно катиться внизъ по совершенно голому песчано-каменистому склону; здѣсь насъ замѣтила непріятельская баттарея, перестрѣливавшаяся съ нашей, и обратила огонь противъ насъ. Когда я замѣтилъ первый клубъ дыма прямо по нашему направленію, а все время шелъ не спуская глазъ съ баттареи и ожидалъ этого момента, у меня сердце невольно екнуло, не отъ страха, но отъ того, что жаль было терять такихъ молодцевъ. Надо было посмотрѣть какъ люди шли—полный порядокъ, тишина и спокойствіе, просто я никогда не видѣлъ роту въ такомъ прелестномъ видѣ. Но вскорѣ прожужала граната и шлепнулась сзади въ гору, но не разорвалась. То же было и съ послѣдующими: всѣ онѣ пролетали какъ разъ надъ нашими головами и ложились на гору, нѣкоторыя изъ нихъ разрывались, а нѣкоторые глохли зарываясь въ пескѣ, одна разорвалась какъ разъ около моего праваго фланга и ранила въ ногу одного стрѣлка Имп. Ф., который вышелъ посмотрѣть кто идетъ, а у меня Богъ миловалъ все благополучно прошло. Впрочемъ надо отдать справедливость турецкой артиллеріи, стрѣляла она великолѣпно, первый же снарядъ легъ шагахъ въ десяти за ротой, но они не могли разсчитать скорости нашего спуска и каждая послѣдующая граната ложилась какъ разъ на то мѣсто, гдѣ мы были за секунду до этого, такъ что если бы мы не двигались, намъ попало бы порядочно. Когда я спустился въ долину стало совершенно темно; наступившей со мною другой роты нѣтъ, стрѣлковъ тоже, я считалъ дальнѣйшее свое наступленіе по долинѣ безразсуднымъ, занялъ оврагъ, выставилъ наблюдательные посты впередъ и по флангамъ роты, чтобы быть предупрежденнымъ о всякомъ движеніи непріятеля, если онъ покажется по близости меня, и простоялъ въ такомъ положеніи съ часъ. Въ долинѣ никакого движенія, турецкая батарея перестала стрѣлять, ближайшіе резервы въ полуторѣ верстѣ на горѣ, полнѣйшая неизвѣстность о результатѣ дѣла,—все это вмѣстѣ взятое ставило меня въ очень странное положеніе. Что дѣлать? не стоять же здѣсь въ оврагѣ цѣлую ночь. Я рѣшилъ идти назадъ на гору. Въ деревнѣ я встрѣтился съ прапорщикомъ Ч. Имп. Фам., который тоже пошелъ за мною. Подъемъ на гору былъ чрезвычайно утомителенъ, люди и я положительно выбились изъ силъ.

Часовъ въ одиннадцать ночи я получилъ приказаніе снова спуститься внизъ, разставить аванпосты по скату горы и войти въ связь съ флангомъ уже выставленной цѣпи. Гдѣ она стоитъ, отъ кого она наряжена—мнѣ не сообщили. Я обѣщалъ исполнить по мѣрѣ силъ. Между тѣмъ спустившіяся облака окутали гору такъ, что въ десяти шагахъ ничего не было видно. Опять полѣзли внизъ, я говорю полѣзли внизъ потому, что половину дороги пришлось спускаться на чемъ сидишь. Разставилъ посты

не болѣе какъ на двадцать шаговъ другъ отъ друга, потому что видѣть нельзя было ничего, надобно было наблюдать слухомъ; отъ каждаго взвода такимъ образомъ выставилъ постовъ по восьми, остальныхъ же людей назначилъ на заставы и приказалъ имъ расположиться не далѣе пятидесяти шаговъ отъ цѣпи; главнаго караула не выставлялъ, потому что въ туманѣ онъ никакой пользы принести не могъ. Наконецъ, разставляя четвертый взводъ, дошелъ до глубокаго оврага, занимать оврагъ у меня не хватало людей; вглядываюсь въ туманъ—нѣтъ ли на той сторонѣ кого нибудь—ничего не вижу; вдругъ какъ будто различаю какой то силуэтъ. Дѣйствительно видимъ, что стоитъ человѣкъ. Но вотъ вопросъ еще—кто стоитъ: нашъ солдатъ, или турокъ? Рѣшили наконецъ, что нашъ по стройности фигуры, потому-что турокъ надѣваетъ на ночь свою шинель безъ запряжника, отчего издали долженъ казаться вродѣ чего-то шарообразнаго. Послалъ донесеніе, что аванпосты разставилъ и въ связь, какъ кажется, вошелъ. Холодъ былъ страшный, шелъ не то дождь, не то какая то изморось, я разрѣшилъ на заставахъ развести огонь.

Въ ночь турки бѣжали.

Сначала они разложили огонь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли, и потихоньку удрали. Огни скоро потухли, а лай собакъ болгарскихъ деревень извѣстилъ о ихъ движеніи, оказалось дѣйствительно мы успѣли сдѣлать дѣло: турки очистили всѣ позиціи и бѣжали одни на Этрополь, другіе на Орханіе. Вечеромъ въ четыре часа я снялъ аванпосты и догналъ полкъ у деревни Правицы, гдѣ мы и расположились бивуакомъ. 13-го ноября утромъ въ три часа мы выступили съ бивуака по направленію къ Этрополю. По дорогѣ догналъ насъ генералъ Раухъ и поздравилъ насъ съ очищеніемъ Этрополя, прибавивъ, что всѣмъ этимъ мы обязаны молодецкому переходу Семеновскаго полка и въ особенности трудамъ 1-го баталіона, что онъ благодаритъ гг. офицеровъ и что въ реляціи Г. А. Гурко онъ доложилъ, что гг. офицеры выше всякихъ похвалъ. Переходъ черезъ Этропольскіе Балканы былъ очень затруднителенъ, потому что надо было протащить съ собою девяти-фунтовую батарею, чѣмъ и занимался съ нами посланнный лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, когда же оказалось, что къ ночи орудія не будутъ вытащены, насъ пропустили впередъ и къ вечеру часовъ въ шесть съ половиною мы подошли къ городу. Видъ съ перевала на Балканы былъ очарователенъ въ особенности по необыкновенному разнообразію красокъ. Дальнія вершины всѣ были покрыты снѣгомъ.

Городъ Этрополь стоитъ какъ бы прижавшись въ уютномъ уголку у подножія Балканъ, откуда идетъ нѣсколько проходовъ внутрь главнаго хребта, почему занятіе Этрополя имѣло для насъ важное стратегическое значеніе, какъ узелъ дорогъ на Стригель, на Златицу и другихъ второстепенныхъ. Когда мы подходили къ городу,поднялся страшный холодный вѣтеръ, а потому, расположивши людей на бивуакъ, офицеры рѣшились

стать по избамъ на краю города. Мы нашли почти новенькій прелестный домикъ, состоявшій изъ прихожей съ каминомъ, комнаты съ печью, которую заняли мы, и одной кладовой. Въ избѣ было много посуды и разной мелочи.

Утромъ 14-го ноября мы всѣ пошли въ церковь, гдѣ нашъ полковой священникъ, Евстафій Васильевичъ Крюковъ, отслужилъ обѣдню съ молебномъ, а въ концѣ переводчикъ, состоящій при штабѣ корпуса, сказалъ прекрасно прочувствованную рѣчь. Переводчикъ этотъ (И. Д. Вылчовъ), говорятъ, уроженецъ Этрополя и даже отецъ его уведенъ въ тюрьму за то, что отсталъ на нашу сторону. Церковь — это снаружи большой одэтажный домъ съ призматической пятиреберной крышей. Около нее выстроено какое то подобіе колокольни, гдѣ звонили и ударяли въ сухую доску мальчишки. Снутри церковь держится на четырехъ аркахъ. Живопись вполнѣ византійская и очень хорошая. Иконостасъ рѣзной, направо отъ главнаго входа стоитъ рѣзное мѣсто для архирея — великолѣпнѣйшей работы. Болгары съ удовольствіемъ слушали русское служеніе и пѣвчихъ.

Рѣчь онъ говорилъ на болгарскомъ языкѣ чрезвычайно живо и восторженно, упомянувъ объ историческомъ единствѣ русскихъ и болгаръ, упомянувъ о всѣхъ жертвахъ и лишеніяхъ, которыя несетъ русскій народъ, начиная отъ Царя до послѣдняго воина, онъ говорилъ, что вотъ уже половина нашего дорогаго отечества отбита отъ нашего вѣковѣчнаго врага, поможемъ имъ всѣми нашими силами довести это святое дѣло до конца и воскликнемъ отъ глубины нашего сердца: «да живе Русскій Царь!» «Да живе»! отвѣчали всѣ присутствующіе въ церкви болгары. «Да живе русское побѣдоносное воинство!» — «Да живе»! былъ снова общій кликъ.

Нечего конечно говорить о томъ, что насъ принимали чрезвычайно радушно; вводили въ дома офицеровъ и солдатъ, не знали чѣмъ угостить; обнимались, крестились, цѣловали руки, просто, видно было, что не знали чѣмъ бы выразить свою любовь и признательность къ русскимъ.

Городъ съ узкими немощенными улицами, тротуары страшно неровные изъ необдѣланнаго камня.

15-го ноября вечеромъ выпалъ первый снѣгъ и къ ночи морозъ былъ градусовъ пять.

17-го ноября въ часъ утра мы выступили съ бивуака, спавши всего два часа. Переходъ въ темнотѣ былъ чрезвычайно утомителенъ и медленъ, потому что пришлось пройти весь городъ гуськомъ и нѣсколько разъ перейти рѣку Малый Искеръ по узенькимъ качающимся мостикамъ; пришли мы на бивуакъ часамъ къ десяти.

Мы шли на помощь бригадѣ 3-й пѣхотной дивизіи, которая не въ состояніи была выбить турокъ изъ ихъ укрѣпленной позиціи.

Впрочемъ говорили даже, что укрѣпленія эти были въ нашихъ рукахъ, будто бы отрядъ за два дня до этого посланный преслѣдовать турецкій

обозъ, завладѣлъ передовыми укрѣпленіями и что будто бы турки бѣжали изъ нихъ, но впослѣдствіи, когда мы ближе познакомились съ дѣломъ, то естественно пришли къ тому убѣжденію, что подобныя предположенія болѣе относились къ области фантазіи, практически же были не примѣнимы, такъ какъ эта позиція была ничто иное, какъ знаменитая Арабъ-Канакская, защитниками которой была громадная армія; стало быть, чтобы овладѣть ею прочно надобенъ былъ не летучій отрядъ, а, какъ впослѣдствіи оказалось, работа трехъ корпусовъ. Конечно ворваться въ укрѣпленія было можно, и 16-го ноября бригада 3-й дивизіи работала передъ этой позиціей что то, но что навѣрное я добиться не могъ; одни офицеры говорили, что будто бы аттаковали, а другіе говорили, что не приказано было аттаковать, а только демонстрировать до нашего прибытія; знаю, что при этомъ Великолуцкій полкъ былъ окруженъ турками и очистилъ себѣ дорогу штыками, и знаю что въ этомъ же дѣлѣ человѣкъ двадцать солдатъ ворвались въ первый редутъ безъ офицеровъ съ спеціальною цѣлью раздобыться кое-чѣмъ, а совсѣмъ не съ цѣлью брать его. Разсказывалъ мнѣ это одинъ ротный командиръ.—Послѣ дѣла, говоритъ, ѣсть хочется, курить нечего, просто бѣда. Вдругъ подходитъ ко мнѣ солдатикъ, да и солдатикъ то не изъ особенно важныхъ, и предлагаетъ галету и табаку...

— Откуда это у тебя? спрашиваетъ ротный командиръ.

— Въ редутѣ взялъ, ваше высокоблагородіе.

— Когда же это?

— Да сегодня, ваше высокоблагородіе, насъ ворвалось туда человѣкъ двадцать, турки бѣжать, а мы и пошли тамъ шарить, когда же увидѣли, что насъ мало, привели цѣлый баталіонъ и погнали насъ, нашихъ человѣкъ пять тамъ осталось.

Мы отдыхали часа три, когда пришло приказаніе 2-мъ баталіонамъ идти впередъ. Послали насъ и 2-й баталіонъ. Пришлось по страшной грязи подыматься на громадную гору. Подъемъ верстъ въ десять мы совершили до наступленія темноты. Лѣсъ, казавшійся намъ снизу небольшимъ кустарникомъ, оказался великолѣпнѣйшимъ строевымъ букомъ саженъ въ пятнадцать вышиною каждое дерево. По дорогѣ всюду были развалины турецкаго обоза, — куча патроновъ и ящиковъ, гранаты, картечь, зарядные ящики и артиллерійскіе заряды были разсыпаны на каждомъ шагу.

Между тѣмъ дѣло на верху шло не на шутку; страшная трещотка частой ружейной стрѣльбы мѣшалась съ артиллерійскими залпами; начинали попадаться санитары съ ранеными на носилкахъ и говорили, что нашимъ плохо приходится; съ каждой подобной новостью мы съ большею энергіей бросались карабкаться на гору, но падали выбиваясь изъ силъ, потому что подъемъ былъ страшно крутой, а между тѣмъ свѣжій снѣгъ скользилъ подъ ногами и не давалъ никакого упора; многіе расшиблись и поранили себя штыками. Къ намъ присоединились охотники «братушки» (болгары); они

съ головы до ногъ обвѣшались оружіемъ, вооружились турецкими ружьями, найденными при разбитомъ обозѣ, и каждый, насыпавъ въ мѣшокъ чуть не тысячу патроновъ, важно выступалъ впередъ. Впрочемъ всѣ они были молодцы на видъ и смѣло шли впередъ.

Къ концу нашего подъема дѣло окончилось благополучно, наши удержались на горѣ, наступила темнота, потребовали отъ каждой роты по сорока рабочихъ съ шанцовымъ инструментомъ и подъ начальствомъ младшихъ офицеровъ послали ихъ на гору вырыть ложементы и ровики для артиллерійской прислуги, остальнымъ людямъ велѣно было расположиться бивуакомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли—въ роскошномъ буковомъ лѣсу. Развели огни и начали обсушиваться и грѣться.

18-го ноября насъ перевели выше на гору и поставили за выстроенной батареей въ лѣсу.

19-го ноября стали ходить слухи о предполагаемой аттакѣ, назначили ее уже на 21-е число, но пріѣхалъ Гурко, долго дѣлалъ рекогносцировку турецкой позиціи и наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія, находя его черезъ чуръ рискованнымъ. Вечеромъ, когда стемнѣло, начали вооружать вновь выстроенныя батареи; цѣлыя роты тащили орудія въ полной тишинѣ, такъ что въ десяти шагахъ не слышно было ничего, въ то-же время другіе увеличивали высоту батареи, дѣлали амбразуры съ тонкими блиндажами изъ накатника и дерна.

20-го ноября въ восемь часовъ утра началась канонада, изъ вновь вооруженныхъ батарей наши стрѣляли довольно хорошо и къ обѣду заставили замолчать турецкую батарею; турки отвѣчали на нашъ огонь вначалѣ очень энергично, но маленькая горбинка впереди батареи вѣроятно сбивала ихъ съ толку и потому они все время дѣлали недолеты, осколки перелетали изрѣдка черезъ голову, но не производили никакого вреда.

21-го ноября предполагалось продолжать усиленную канонаду, назначено было по сто снарядовъ на орудіе; ночью тоже была пальба залпами, но на утро пошли облака, все заслало туманомъ, на пятьдесятъ шаговъ ничего не было видно, а потому стрѣляли на удачу и очень рѣдко.

На нашъ правый флангъ, бывшій подъ командою графа Шувалова, турки сдѣлали нападеніе, послали на подкрѣпленіе два Преображенскихъ и 2-й нашъ баталіонъ. Около часу прибѣжалъ изъ аванпостной цѣпи артиллерійскій офицеръ и сообщилъ, что турки колоннами спускаются отъ редута на насъ; всѣ всполошились, я выслалъ взводъ впередъ на гору, потому что моя рота была дежурная въ ложементахъ, около батареи, выслали еще 4-ю роту вправо, а присланную для рѣзки дерна 15-ю вернули на подкрѣпленіе нижней батареи, но вскорѣ разъяснилось, что это ерунда, и всѣхъ увели на свои мѣста, роту вернули обратно на работу. Пришла вѣсть, что Московскій полкъ блистательно отбилъ пять аттакъ, что артиллерія наша подбита, и что уронъ съ нашей стороны довольно значительный.

22-го ноября былъ день туманный; артиллерія продолжала стрѣлять пользуясь искусственной точкой для наводки орудія.

23-го ноября выстроили пребезобразный люнетъ и послали мою роту занимать его, оказалось, что онъ былъ расположенъ такъ, что только за однимъ флангомъ можно было размѣстить людей, остальные же два фаса обстрѣливались непріятелемъ продольно, а другой флангъ просто въ тылъ, такъ что я былъ принужденъ вывести роту изъ укрѣпленія и расположить людей возлѣ него за камнями; въ этотъ же день воздвигли еще новую батарею на два орудія для болѣе удобнаго обстрѣливанія редута Шандорника. Батарея эта послужила впослѣдствіи ядромъ нашего лѣвофлангового редута. Непріятель снова замѣтилъ подбитыя орудія и поднялъ сильную канонаду противъ нижней батареи. Результатъ былъ — нѣсколько человѣкъ раненыхъ въ 4-мъ баталіонѣ и убитъ оселъ у одного офицера.

24-го ноября орудія молчатъ съ утра, потому что туманъ ужаснѣйшій. Вообще всѣ эти дни съ деревьевъ льетъ постоянный дождь, хотя ниже и выше сухо и даже по временамъ свѣтитъ солнце. Стоимъ въ вѣковомъ буковомъ лѣсу. Скучно, грязь невылазная, ѣсть нечего, ни мяса, ни хлѣба, ни соли; выдавали по полторы манерки сухарей на человѣка на три дня (около полуфунта на день), солдаты ходили блѣдные, худые, а между тѣмъ по шести часовъ въ день въ холодѣ и сырости приходилось работать надъ постройкой укрѣпленій. Бывало подойдешь къ солдатахъ и поторопишь ихъ:

— Ну, ребята, подтянись, надобно поскорѣе кончить редутъ!

— Рады бы, ваше высокоблагородіе, да больно скоро какъ то устаешь, лопата просто изъ рукъ вываливается; вотъ хоть бы сухариковъ немножко дали, все бы силы понабрались.

— Ничего, ребята, Богъ милостивъ, скоро доставятъ и сухарей!

И опять принимаются за работу, безропотно; изрѣдко только услышишь, что иной разсказываетъ, что это Богъ за грѣхи наши посылаетъ намъ испытаніе, но никогда не приходилось слышать что либо подобное даже ропоту. Великъ русскій человѣкъ въ перенесеніи лишеній! За неимѣніемъ табаку, солдаты курили сухіе буковые листья или просто старые трубочные чубуки.

Всю ночь съ 24-го на 25-е шелъ опять дождь, проснулись отъ холода довольно рано. Люди еле двигаются въ самыхъ несчастныхъ позахъ скрюченные, какъ старики,—видно погода убиваетъ въ нихъ всякую энергію, да и правда, стоитъ выдти изъ нашей турецкой палатки, какъ потеряешь въ грязи всякое порядочное настроеніе духа.

Большинство офицеровъ живетъ въ турецкихъ палаткахъ; мы набрали ихъ въ оставленныхъ турками лагеряхъ послѣ дѣла подъ Правцомъ. Онѣ гораздо удобнѣе нашихъ тантъ-абри, потому что въ нихъ можно, не углубляясь въ землю, стоять и разбивается она скорѣе. Насъ помѣщалось въ

палаткѣ шесть человѣкъ со всѣмъ имуществомъ. Кстати я опишу устройство палатки: она двойная, имѣетъ видъ конуса и состоитъ изъ двадцатитрехъ треугольныхъ полотнищъ длиною каждое около четырехъ съ половиною аршинъ и шириною около трехъ четвертей аршина въ сшивахъ, т. е. со внутренней стороны; палатки подшиты во всю длину какою то толстою веревочною тесьмою. Въ концѣ полотнищъ вокругъ палатки пришита полоса холста шириною около три четверти аршина. У входа разрѣзаны полотнища до двухъ съ половиною аршинъ и придѣлано внутреннее полуполотнище, закрываемое на русскія застежки. Принадлежность: на средній колъ насаживается кружекъ, къ которому прибиты полотнища узкими концами.

Веревки для натягиванія палатки продѣты черезъ отверстія, сдѣланныя въ сшивахъ нижняго конца полотнищъ.

25-го, 26-го и 27-го ноября были морозные туманные дни. Строили редутъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, потому что на 26-е полки разсчитывали спуститься на отдыхъ въ городъ Орханіе, почему мясо и сухари были двинуты на Софійское шоссе, къ намъ на встрѣчу, а тутъ вдругъ выдумали еще новый громадный редутъ, до окончанія котораго мы должны были оставаться на горахъ, и остались такимъ образомъ безъ ничего. Люди унылые и голодные еле двигаются; нѣсколько человѣкъ заболѣло тифомъ и кровавымъ поносомъ, у нѣкоторыхъ открылась цынга, слабыхъ бездна. Какъ ни стараешься утѣшить людей, но даже самому становится совѣстно, если вспомнишь, что втеченіе всего похода люди не дополучали сухарей и мяса, почему уже окончательно обезсилены.

Въ ночь съ 27-го по 28-е выпалъ небольшой снѣжокъ и морозъ дошелъ градусовъ до пяти. Обѣщаютъ на два дня сухарей для людей. Живемъ въ неизвѣстности—скоро-ли уйдемъ или нѣтъ.

На 29-е утромъ я съ Государевой ротой въ 7 часовъ утра долженъ былъ идти строить новый редутъ, но съ вечера приказаніе это было отмѣнено, и въ $5^1/_2$ часовъ утра приказано выступить въ Орханіе; мы рано проснулись, собрались, но рѣшились выступить не ранѣе 8 часовъ, такъ какъ темнота была страшная, того и гляди разобьешься при походѣ по обледенѣлой дорогѣ. Къ часу дня мы кое-какъ прошли перевалъ съ большими затрудненіями, такъ какъ дорога была скользкая и много разъ приходилось по одному бревнышку проходить рѣку, или просто прыгая съ камня на камень и рискуя на каждомъ шагу оборваться въ воду, потому что на каждомъ камнѣ образовался ледяной бугорокъ, натасканный ногами впереди идущихъ; впрочемъ паденіе въ эти горныя рѣчки не очень опасно,—рѣдко онѣ бываютъ глубже, какъ по поясъ, но выкупаться въ водѣ при 10^0 мороза, конечно, не интересно; многіе, особенно не изъ ловкихъ, выкупались какъ слѣдуетъ, я хотя и избѣжалъ этой участи, но все-таки ноги мои были мокры, потому

что сапоги были совершенно изорваны отъ проклятаго перехода черезъ каменистыя горы на деревню Правецъ, и отъ согрѣванія ногъ въ морозные дни у костра. При выходѣ на шоссе сообщили намъ кучу непріятныхъ новостей; вопервыхъ, что любимый нами князь Мирскій разбитъ подъ Еленой, но потомъ поправилъ дѣло, хотя и потерялъ одиннадцать орудій, и вовторыхъ, что Османъ прорвался изъ Плевны, нѣкоторые совершенно опустили носы. Пошли разные толки и споры; вообще настроеніе умовъ было непраздничное, радовались только тому, что вѣроятно придется драться противъ Османа и задержать его, но зато лишались въ перспективѣ отдыха, а сапоги насквозь изорваны—просто бѣда да и только! Черезъ полчаса пріѣхалъ генералъ Гурко со свитой, и, подъѣхавъ къ людямъ, сказалъ: «ребята, поздравляю, Плевна взята!» Эти слова какъ громомъ поразили всѣхъ. Прошелъ моментъ совершеннѣйшей тишины, какъ будто всякій, мысленно сознавая величіе этой минуты, не осмѣливался нарушить благоговѣйное молчаніе, въ которомъ каждый прежде всего благодарилъ Бога за его милость, но моментъ прошелъ и громкое торжественное, исходящее отъ самаго сердца «ура» раздалось въ воздухѣ, шапки полетѣли на верхъ; многіе стояли съ обнаженными головами и крестились. Гурко уѣхалъ, а мы все стояли какъ ошеломленные и подобное настроеніе преслѣдовало насъ всю дорогу до самаго Орханіе, въ особенности еще потому, что людямъ на походѣ выдали сухарей и объявили, что ихъ поставятъ въ избахъ. Всю дорогу я объяснялъ людямъ значеніе паденія Плевны. Распрашивали меня: «что же Рущукъ? Рущукъ взяли, ваше в—іе, или нѣтъ?» Между тѣмъ дорога была грязная (шоссе); по сторонамъ валялись турецкія гранаты почти на каждомъ шагу. Горы, съуживающіяся при самомъ входѣ въ Софійское ущелье, почти совершенно отвѣсныя и состоятъ: изъ цѣльнаго кремня на склонахъ и на вершинахъ, какъ вороньи гнѣзда расположены редуты и ложементы, по скатамъ ихъ проложены дороги, лѣсъ кругомъ вырубленъ. При выходѣ на поляну налѣво громадный артиллерійскій (турецкій) складъ, а направо провіантскій. Какъ только спустились съ горъ, сразу почувствовали, что въ воздухѣ стало теплѣе, даже таялъ снѣгъ. По приходѣ въ Орханіе насъ размѣстили по обывательскимъ домамъ; намъ на шестерыхъ досталась одна небольшая грязненькая комнатка, но какъ мы были счастливы, когда увидѣли подъ ногами полъ, а надъ головою потолокъ, чего мы не испытывали уже три мѣсяца; комната была хотя и безъ камина, но послѣ турецкой палатки на горахъ она намъ показалась какъ баня.

Пять дней мы благодушествовали въ Орханіе, обсушились, починили по мѣрѣ возможности сапоги и отъѣлись великолѣпно, потому что турки намъ оставили громадный запасъ продольствія въ деревнѣ Врачеши. Общество «Краснаго Креста (отдѣленіе Государыни Императрицы) тоже снабдило насъ кое-какими вещами. Пришли наши офицерскіе обозы, которыхъ мы не видѣли со времени нашего ухода изъ подъ Плевны, и мы сдѣлали за-

пасы чаю и табаку. Вообще поправились и приготовились съ большимъ удобствомъ бороться съ дальнѣйшими лишеніями.

5-го декабря, утромъ, насъ двинули къ сѣверу отъ Орханіе въ деревню Скревенъ, помѣстились мы въ деревнѣ еще лучше, чѣмъ въ Орханіе, въ отличномъ и тепломъ болгарскомъ домѣ; наши хозяева болгары съ утра до вечера пичкали насъ разными угощеніями, мы же угощали ихъ чаемъ и дарили русскія деньги, которыя имъ чрезвычайно понравились. 6-го декабря я праздновалъ свой ротный праздникъ, досталъ по этому случаю изъ Врачешскаго склада пшеничной муки и масла, и роздалъ всѣмъ людямъ на руки, люди пекли себѣ сдобныя лепешки и блины. Благодаря тому, что мы стояли въ деревнѣ, можно было отпраздновать вполнѣ, по обычаю,—собрались въ болгарской церкви и нашъ полковой священникъ отслужилъ молебенъ, болгары съ удовольствіемъ видѣли, какъ солдатики покупали на свои трудовые галаганы (монета стоимостью около двухъ съ половиною копеекъ серебромъ) и лѣпили къ образамъ свѣчи. Въ одномъ отношеніи праздникъ былъ не полонъ—ни за какія деньги не могъ достать для роты ни водки, ни вина.

7-го декабря, въ 8 часовъ утра, выступили впередъ въ горы въ дежурную часть на нашъ правофланговый редутъ. Съ этого времени начались снова наши лишенія: снѣгъ выпалъ на поларшина и морозъ началъ крѣпчать, поднявшійся сильный сѣверо-восточный вѣтеръ дѣлалъ его все невыносимѣе и рѣзче; пришлось стоять въ палаткѣ и, несмотря на мой романовскій тулупъ и теплую фуфайку подъ нимъ, начинало порядочно пробирать. Людямъ, конечно, доставалось вдвое въ ихъ уже поношенныхъ довольно шинеляхъ. Впрочемъ, мы жили еще надеждой: черезъ два дня насъ должны были смѣнить и отослать снова въ деревню Скревенъ, но скоро ожиданія наши разрушились: утромъ 9-го декабря пришло приказаніе, по смѣнѣ насъ Измайловцами, идти на Шандарникъ и смѣнить Великолукскій полкъ. Всѣ повѣсили носъ; одни начали, по обыкновенію, ругаться, а другіе, болѣе политичные, но не менѣе нетерпѣливые, выражать свое неудовольствіе на распоряженія. Большинство, впрочемъ, встрѣтило это извѣстіе съ достаточнымъ стоицизмомъ. Въ три часа насъ смѣнили Измайловцы и мы пошли въ деревню Врачеши; при выходѣ изъ нее выдали людямъ черный хлѣбъ, сухари, крупу и по полкрышки спирту, въ восемь часовъ тронулись мы по Софійскому шоссе и къ одиннадцати дошли до ставки графа Шувалова (поворотъ въ горы). Здѣсь встрѣтилъ насъ генералъ Эттеръ, поздоровался съ людьми и сказалъ имъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, а насъ пригласилъ къ себѣ на стаканъ чаю. Я съ большимъ аппетитомъ выпилъ два стакана. Черезъ полтора часа двинулись дальше, потому что холодно было ужасно, а костровъ развести было нельзя, за неимѣніемъ топлива. Пошли въ горы. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе, а между тѣмъ приходилось нѣсколько разъ переходить рѣку вбродъ, ноги намерзли

страшно, такъ что когда баталіонъ втянулся въ лѣсъ и увидѣлъ костры, разведенные впередъ прошедшими баталіонами нашего полка, и былъ пріостановленъ на полчаса, чтобы отдохнуть и дать хвосту подтянуться, потому что карабкались вверхъ справа по одному, то при дальнѣйшемъ движеніи впередъ изъ всего баталіона оказалось на лицо человѣкъ 70, а изъ офицеровъ—командиръ баталіона, я и еще одинъ ротный командиръ, остальные до того утомились, что не могли двинуться съ мѣста и какъ убитые заснули у костровъ. Мнѣ, впрочемъ, удалось подкрѣпить силы двумя стаканами чая, предложенными мнѣ фельдфебелемъ. Къ шести часамъ утра, голодный какъ волкъ, такъ какъ въ эти сутки кромѣ одного куска хлѣба ничего во рту не было, дотащился до ставки генерала Дандевиля; здѣсь приказано было стать на отдыхъ впредь до приказанія двигаться впередъ; съ радостью я бросился къ костру даже немного поджарилъ свой полушубокъ. Кстати тутъ я могу подать совѣтъ тѣмъ, кому придется совершать въ будущемъ зимніе походы: надо остерегаться близко подносить сапоги къ костру,—очень соблазнительна теплота, но если согрѣть сапоги на столько, что мазь начинаетъ какъ бы кипѣть, то кожа послѣ этого приходитъ въ совершенную негодность, и черезъ два, три дня полопается и начнетъ рваться, какъ тряпка, что и было у насъ съ сапогами многихъ офицеровъ.

10-го декабря, въ десять часовъ утра, снова потянулись ничего не ѣвши по поясъ въ снѣгу вдоль всей позиціи и пришли на лѣвый флангъ къ тремъ часамъ дня. Подъ конецъ шли, кромѣ половины офицеровъ, какіе-то несчастные остатки баталіона, напримѣръ впереди меня голову составляли 7 человѣкъ Государевой роты, представлявшихъ ее. Пришедши внизъ подъ батарею Ореуса, мы разставили палатку и начали понемногу отогрѣваться.

11-го декабря, вечеромъ, баталіонный командиръ призвалъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ на совѣтъ—обсуждали записку, полученную отъ начальника позиціи, въ которой онъ приказывалъ сдѣлать рекогносцировку, чтобы отыскать турецкую дорогу на Шандарникъ. Партіи раздѣлились: одни толковали, что отыскать занесенную снѣгомъ дорогу невозможно, я и еще одинъ командиръ утверждали противное. Однако, когда стали говорить, кому же идти, никто не хотѣлъ уступить намъ, а потребовали кинуть жребій. Жребій мнѣ не выпалъ, но я все-таки рѣшился идти, потому что съ малыхъ лѣтъ я привыкъ ходить по лѣсамъ и имѣю хорошую способность оріентироваться въ какой угодно чащѣ.

12-го декабря утромъ я съ двумя вытянувшими жребій и восемью нижними чинами, вооружившись лопатами, пошли на поиски. Около батареи Ореуса мы распросили гдѣ была дорога — намъ указали не вѣрно. Долго мы ходили вправо и влѣво по поясъ въ снѣгу, нащупывая лопатой дорогу, но нигдѣ не находили. Ноги мерзли и мы уже начинали терять надежду отыскать дорогу, какъ вдругъ я увидѣлъ на вершинѣ ската снѣжную линію, какъ будто край дороги, я сталъ подниматься кверху и чрезвычайно

обрадовался выйдя на прекрасную лѣсную аллею; я призвалъ къ себѣ другихъ и мы пошли впередъ; въ одномъ мѣстѣ дорога шла по совершенно открытому склону—тутъ мы увидѣли турокъ въ ложементѣ не далѣе, какъ въ девятистахъ шагахъ отъ насъ; мы спрятались за лѣсную опушку и пошли далѣе, вскорѣ подошли къ самому склону высоты Шандарника; весь нашъ отрядъ сѣлъ на отдыхъ, а я съ однимъ унтеръ-офицеромъ и однимъ рядовымъ пошелъ впередъ, шаговъ черезъ пятьдесятъ перешелъ ручей почти замерзнувшій, оттуда дорога пошла влѣво на гору, пройдя шаговъ полтораста, поворотила вправо, и оставалось дойти до опушки всего шаговъ пятьдесять, но тутъ вдругъ унтеръ-офицеръ увидѣлъ турка, который рубилъ дрова, и попросилъ у меня разрѣшенія подобраться къ нему потихоньку и убить его, но я конечно не разрѣшилъ и приказалъ, чтобы не показаться ему и не обнаружить нашей рекогносцировки, потихоньку удрать назадъ, что мы и исполнили. Вечеромъ написали рапортъ объ открытой нами дорогѣ и послали его командующему полкомъ.

13-го декабря утромъ часовъ въ одиннадцать услышали пріятную новость, что наканунѣ начался обходъ позиціи при Арабъ-Конакѣ тремя колоннами: 1-я лейбъ-Гренадерскій полкъ и 3-я дивизія на Златицу, 2-я Преображенскій полкъ и 3-я гвардейская дивизія въ тылъ Арабъ-Конаку—ближайшій, и 3-я въ тылъ всей позиціи 9-й корпусъ. Морозъ усилился градусовъ до десяти.

14-го декабря было днемъ тревожныхъ ожиданій результатовъ обходнаго движенія. Часовъ въ пять пришелъ одинъ изъ товарищей, стоящій на позиціи выше насъ, и сказалъ, что видны колонны Рауха и Дандевиля. Говорятъ слышны были выстрѣлы. Приказано, въ случаѣ если турки оставятъ укрѣпленія, 8-й и 9-й ротѣ занять редутъ и не кричать ура, а поднять шапки на штыкахъ въ знакъ того, что редуты оставлены и тогда всѣ должны идти впередъ, останутся же два баталіона для прикрытія орудій. Мы начали хлопотать, чтобы и насъ послали съ лѣваго фланга. Командующій полкомъ послалъ къ принцу просить разрѣшенія наступать всему полку. Вечеромъ, въ предвидѣніи скораго движенія впередъ, всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи духа и пѣли пѣсни. Стало довольно тепло, падалъ довольно мокрый снѣжокъ.

15-го декабря было ясное, довольно теплое утро. Въ серединѣ дня получено донесеніе, что видна была колонна генерала Дандевиля, спускавшаяся съ горы Бабы. Вообще томительная неизвѣстность страшно мучитъ, хочется поскорѣе конца.

16-го декабря проснулся въ семь съ половиною часовъ и лежалъ, покуривая трубку, въ ожиданіи чая. Вдругъ въ восемь съ половиною часовъ раздался съ нашей стороны выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ развивается порядочная канонада по всей линіи. Турки отвѣчали вначалѣ энергично. Гра-

натъ пятнадцать лопнуло надъ самымъ бивуакомъ. Нѣсколько осколковъ перелетѣло черезъ нашу палатку, а одна граната шагахъ въ десяти лѣвѣе зарылась, не разорвавшись, въ снѣгъ. У насъ контузило двухъ рядовыхъ роты Его Величества. Перваго ударило осколкомъ въ задъ, когда онъ выходилъ изъ землянки, и сдѣлало большой синякъ, втораго же ранило за бивуакомъ, когда онъ садился за собственною надобностію—въ животъ и ногу, но поверхностно. Вскорѣ всѣ мы собрались на батарею Геринга въ ожиданіи батальной картины — думали, что Дандевиль будетъ производить рѣшительную демонстрацію, но ничего съ его стороны не было видно, кромѣ нѣсколькихъ людей двигавшихся недалеко отъ вершины Бабы. Когда пришли на батарею, турки еще продолжали отвѣчать, но все рѣже и рѣже; впрочемъ одинъ снарядъ влѣпился въ самый брустверъ и заглохъ, а другой разорвался впереди батареи, осколки счастливо пронеслись надъ головами. Убитъ у нихъ одинъ — граната цѣликомъ попала ему въ голову, такъ что онъ и не охнулъ, другаго ранило въ животъ и ногу. Поручикъ Андреевскій контуженъ въ голову. Опять тоска, опять неизвѣстность. Просили офицера поѣхавшаго за приказаніями къ Принцу выспросить, что дѣлается кругомъ насъ. Съ вечера пошелъ сильный снѣгъ, такъ что съ трудомъ можно было выдти изъ палатки.

17-го декабря продолжалась страшная вьюга, вѣтеръ дулъ сначала съ востока, а потомъ повернулъ съ сѣверо-востока. Снѣгу навалило по поясъ. Выдти изъ палатки невозможно. Неизвѣстность относительно того, что дѣлается кругомъ, въ связи съ проклятою непогодою, мѣшающею высунуть носъ изъ палатки, извѣстіе о томъ, что сухари у людей на исходѣ—все это вмѣстѣ наводитъ страшную тоску. Вошки завелись справа и слѣва у моихъ сосѣдей, избави Богъ—скоро доберутся и до меня. Бѣдныя лошади и магары ржутъ отъ голода и холода. Приказано было артиллеріи и сегодня стрѣлять, но за мятелью ничего не видно и стрѣльбы нѣтъ. Говорятъ, что генералъ Раухъ взялъ какіе то два редута, изъ которыхъ доставлялся провіантъ на позицію при Арабъ-Конакѣ—дай Богъ! Послѣ обѣда я рѣшился выдти изъ палатки и вдругъ въ этотъ самый моментъ прекратилась вьюга и вѣтеръ сталъ замѣтно ослабѣвать. Тотчасъ-же самое веселое настроеніе духа явилось у всѣхъ; пошли разговоры, шутки, остроты, такъ что поневолѣ приходитъ на умъ, много ли человѣку надобно и какъ онъ зависитъ отъ природы.

18-го декабря утромъ получено утѣшительное извѣстіе, что всѣ колонны, за исключеніемъ колонны Дандевиля, вышли на свои мѣста и что 19-го будетъ общая аттака турецкихъ позицій. Про Дандевиля говорили, что вьюга застала его на перевалѣ и онъ принужденъ былъ пройти внизъ, оставивши гдѣ то четыре орудія. Вечеромъ ѣздилъ командиръ полка къ принцу и по его распоряженію командиръ баталіона предложилъ П. и мнѣ идти на 19-е утромъ съ охотниками по дватцать-пять человѣкъ отъ роты для того,

чтобы производить демонстрацію противъ Шандарника для облегченія движенія Дандевиля.

Велѣно было ожидать ночью окончательнаго приказанія. Мы тотчасъ же легли спать, чтобы къ утру понабраться хорошенькаго запаса силъ. Но ночью насъ никто не побезпокоилъ и мы преспокойно проснулись.

19-го декабря съ утра началась перестрѣлка съ турками; они сначала не отвѣчали, но потомъ стали быстро посылать одну гранату за другою; всѣ онѣ кажется перелетали надъ самою палаткою и нѣкоторыя цѣликомъ, а нѣкоторыя лопались, бездна сучковъ валилась съ деревьевъ. Еще третьяго дня поговаривали, что турки, пользуясь мятелью, удрали, сегодня же стрѣльба насъ убѣдила въ противномъ, такъ что офицеры, собравшись въ нашей палаткѣ пѣли, на мотивъ пѣсни «Стрѣлочекъ»:

А они ему въ отвѣтъ:
Турокъ нѣтъ, турокъ нѣтъ,
Есть одни братушки, бр., бр.,
Въ рукахъ же у нихъ пушки, пушки, пушки.

и т. д.

Въ 5 часовъ вечера мы получили давно желанное приказаніе произвести рекогносцировку непріятельской позиціи съ цѣлью опредѣлить сильно-ли она занята, но, къ сожалѣнію, не приказано было ни въ какомъ случаѣ аттаковать ее. Впрочемъ, мы были рады всякому порученію нѣсколько способному разнообразить нашу обыденную жизнь. Команда состояла изъ двухсотъ человѣкъ охотниковъ при четырехъ офицерахъ. Одновременно съ нами съ другой стороны должны были наступать еще двѣ роты нашего полка. Послѣ чрезвычайно труднаго перехода по совершенно занесенной снѣгомъ дорогѣ, такъ что мѣстами онъ доходилъ выше чѣмъ по поясъ, мы прошли линію нашихъ аванпостовъ и, перейдя ручей, стали подыматься лѣсистымъ склономъ на высоту Шандорникъ. Проходя въ одномъ мѣстѣ по открытой полянѣ мы замѣтили вправо на горѣ наступающую на турокъ цѣпь нашихъ 8-й и 9-й ротъ. Турки завидѣли насъ и открыли ружейный огонь, мы энергично гуськомъ шли впередъ. П. и я шли впереди, а потому намъ приходилось тяжелѣе всѣхъ, потому что мы первые должны были проминать снѣгъ, остальные же шли по нашимъ слѣдамъ. Взобравшись по дорогѣ до того мѣста гдѣ, судя по направленію непріятельскихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, можно было предположить, что мы уже въ тылу передоваго непріятельскаго укрѣпленія, мы повернули съ дороги вправо по направленію къ опушкѣ и, пройдя шаговъ восемьдесятъ, въ скорости достигли ея. Подходя къ опушкѣ мы разсыпали цѣпь, и увидѣвъ, что вершина горы покрыта туманомъ, такъ что главнаго укрѣпленія не было совершенно видно, а ложементъ, изъ котораго доносились до насъ голоса и который былъ не далѣе восьмидесяти шаговъ, виднѣлся только туманнымъ силуэтомъ, мы для того, чтобы по густотѣ

непріятельскаго огня судить о его количествѣ, зная его обыкновеніе открывать огонь на выстрѣлъ, приказали выпустить изъ каждаго звѣна по одной пули; при этомъ лѣвый флангъ оставался на опушкѣ лѣса, а правый, желая соединиться съ 8-ю и 9-ю ротою, вышелъ на чистое мѣсто по отлогости горы. Турки тотчасъ же открыли огонь по насъ, и, замѣтивъ отступленіе 8-й 9-й ротъ; начали кричать, но по недостаточной густотѣ огня, хотя и довольно бѣглаго, и по количеству кричавшихъ голосовъ можно было заключить, что непріятеля было немного.

Удивительный народъ эти турки: мы подобрались къ нимъ къ самому носу, на нашу сторону были обращены три орудія и они не воспользовались удобнымъ случаемъ хватить по насъ картечью, а начали усиленную стрѣльбу противъ батареи Ореуса, находящейся отъ нихъ саженяхъ въ семистахъ. Но за-то изъ ружей подняли убійственную трескотню, несмотря на то, что мы совсѣмъ не стрѣляли. Мы присѣли въ ожиданіи что-то будетъ. Пули какъ кнутомъ ударяли по вѣтвямъ и стволамъ деревьевъ и щепки летѣли во всѣ стороны. Но къ ихъ огню можно было легко примѣниться, стоило только наблюдать гдѣ преимущественно летятъ пули. Напримѣръ между мною и П. стрѣлялъ одинъ каналья постоянно въ одномъ направленіи и на одинаковой высотѣ; видно онъ положилъ ружье на брустверъ и выпускалъ пулю не цѣлившись тотчасъ-же, какъ успѣвалъ зарядить ружье. Какъ намъ хотѣлось въ эту минуту броситься впередъ, но приказаніе не ввязываться въ дѣло накладывало на насъ громадную отвѣтственность въ случаѣ неудачи, а потому мы отошли шаговъ на десять отъ опушки и пробыли въ такомъ положеніи около часу въ ожиданіи, что будетъ дальше и когда турки прекратятъ огонь. Когда стрѣльба прекратилась, стало уже совершенно темно, а потому мы собрали людей и вернулись на бивуакъ, гдѣ и донесли, что по нашему мнѣнію на позиціи турокъ немного.

20-го декабря въ девять съ половиною часовъ утра мы получили приказаніе снова двинуться съ тою же командою охотниковъ на Шандарникъ и постараться, совмѣстно съ 8-ю и 9-ю ротами и охотниками отъ л.-гв. Егерскаго полка, выбить турокъ изъ укрѣпленій и овладѣть ими. Команда была тотчасъ же собрана и мы пошли по тому же самому пути, какъ и наканунѣ. Во все время нашего движенія наши батареи оживленно обстрѣливали непріятельскую позицію, но эта стрѣльба оставалась безотвѣтною, когда же мы выходили на опушку лѣса цѣпью, 8-я и 9-я роты открыли огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, послышались было съ турецкой стороны нѣсколько выстрѣловъ—и затѣмъ все замолкло.

Выйдя изъ опушки ползкомъ по случаю страшной глубины снѣга, мы двинулись на бывшій передъ нами ложементъ; непріятеля видно не было. Ползти было невыносимо тяжело, особенно въ полушубкахъ; вдругъ одинъ изъ солдатиковъ обращается ко мнѣ:

— Ваше выс—діе, турки!

— Гдѣ? спрашиваю я.

— А вонъ влѣво, въ редутѣ!

Смотрю туда и ничего не вижу, даже предмета, похожаго на фигуру турка. Видно у моего солдатика фантазія расходилась не въ мѣру.

Между тѣмъ мы всѣ выбивались изъ силъ; признаться сказать, я никогда въ жизни не испытывалъ подобнаго утомленія, ползешь — вязнешь, встанешь—проваливаешься въ снѣгъ по грудь; вотъ если бы пришлось намъ аттаковать позицію, занятую турками, то пожалуй насъ могли бы перестрѣлять порядочно. Одно только удобно: очень легко было себѣ сдѣлать въ этомъ же снѣгу закрытіе отъ непріятельскихъ пуль. Кое-какъ мы долѣзли до передоваго ложемента, въ это время 8-я и 9-я роты съ крикомъ «ура» бросились въ главное укрѣпленіе, а за ними вошли и мы; редутъ былъ пустъ, орудія стояли на своихъ мѣстахъ съ передками и зарядными ящиками; лагерь на своемъ мѣстѣ оставленъ цѣлымъ, видно все бѣжало, не успѣвши въ торопяхъ даже побрать все необходимое. Тутъ мы нашли одного чуть живаго низама изъ босняковъ, который сообщилъ, что послѣ вчерашней демонстраціи черезъ два часа турки бѣжали, побросавъ артиллерію на позиціи; въ редутѣ мы нашли шесть орудій.

Тотчасъ же часть нашихъ силъ была двинута прямо вдоль турецкой позиціи къ Арабъ-Конаку, а насъ оставили для своза артиллеріи на Софійское шоссе. Нечего было дѣлать, пришлось опять превращаться въ ломовиковъ и тыльниковъ; всѣ пошли впередъ, а мы тащи орудія.

21-го декабря съ восьми часовъ утра потащили орудія съ Шандарника. Моей ротѣ достались два орудія и запасный лафетъ. Работали великолѣпно. Послалъ бы нашихъ франтиковъ, смѣющихся надъ солдатами и вообще надъ военными, посмотрѣть какъ эти самые солдаты, полуголодные, слѣпые отъ дыма костровъ, съ пѣснями и остротами тянули лямку и тащили въ гору орудія. Къ вечеру дотащили до второго редута, пришлось ночевать въ одной землянкѣ, не подалеку отъ ставки генерала Дандевиля.

22-го потянули орудія дальше, и, несмотря на всѣ усилія, не дотянули до ставки графа Шувалова версты $1^1/_2$. Тамъ мы получили по $^1/_2$ хлѣба на человѣка и выпили водки.

23-го съ утра снова потянули орудія и окончили все дѣло къ часу дня. Въ два часа мы выступили по Софійскому шоссе. Все шоссе было запружено провіантскими и артельными фурами, артиллеріей, повозками «Краснаго Креста», люди снуютъ впередъ и назадъ, шумъ, говоръ. Давно мы не видѣли такого оживленія, и послѣ унылой стоянки на Балканахъ наше путешествіе по шоссе скорѣе походило на прогулку по сельской ярмаркѣ. Впрочемъ это протискиванье сквозь толпу и повозки стоило намъ не мало времени. Часамъ къ шести мы дошли до спуска къ Арабъ-Конаку; предъ нами открылась широкая долина, изрѣдка пересѣкаемая невысокими отрогами

горъ, на ней подобно оазисамъ на право и на лѣво виднѣлись деревеньки, а по шоссе вдали двигалась, въ видѣ огромной колючей змѣи, солидная колонна пѣхоты. Спускъ къ Арабъ-Конаку чрезвычайно крутъ. Самъ Арабъ-Канакъ есть ничто иное, какъ почтовая станція, гдѣ обыкновенно въ мирное время перемѣняли путешественники лошадей. Тутъ мы увидѣли отнятыя у турокъ орудія и получили немного сухарей и мяса. Выступили когда уже стемнѣло и ночью добрались до Ташкесенъ, гдѣ и остановились на ночлегъ. Здѣсь мы зашли въ домъ занятый офицерами Московскаго полка. Насъ встрѣтили радушно, покормили вареной печенкой и языкомъ и напоили чаемъ. Мы были ужасно имъ благодарны, потому что въ этотъ день не обѣдали.

24-го мы пошли дальше, я еле двигалъ ногами—онѣ страшно распухли, кое-какъ впрочемъ къ четыремъ часамъ вечера пришли въ Дольній Бугаровъ. Полковникъ В. хотѣлъ идти дальше на Софію, но мы уговорили его остаться ночевать въ этой деревнѣ, потому что она была почти пустая, а въ ней много оставлено съѣстныхъ припасовъ. Насъ встрѣтили деньщики, высланные нами впередъ съ вьюками, и провели въ занятой для насъ чистенькій домикъ. Потомъ они сходили на мельницу, купили у болгаръ восемь курицъ, принесли изъ роты мясо, языкъ и мы всѣ принялись за изготовленіе кушанья,—варили щи съ курицей.

25-го съ утра двинулись на Софію, прошли деревню Врожданіе, возлѣ которой турки хотѣли сжечь мостъ черезъ рѣку Голъ, но не успѣли и артиллерія, по приказанію генерала Гурко, проскакала по горящему мосту. Софія видна становится тогда, когда подойдешь къ ней версты за три. День былъ ясный, но морозный, градусовъ десять. Пришли въ городъ часамъ къ двумъ. Это первый городъ, имѣющій видъ дѣйствительно восточный. Множество мечетей, улицы узкія и кривыя, дома выкрашены въ разные цвѣта, большею частію въ синій. Улицы были наполнены греками и евреями, которые намъ низко кланялись. Мы заняли превосходное помѣщеніе, принадлежавшее еврею-строителю желѣзной дороги, бѣжавшему изъ города въ то время, когда турки очищали Софію, изъ боязни рѣзни, домъ совершенно новый; входъ по лѣстницѣ ведетъ въ обширную прихожую всю заваленную перинами, подушками и одѣялами. На право изъ нее комнату заняли мы, а налѣво гг. офицеры роты Его Величества и третьей. Вездѣ зеркала, шкафы съ посудой и книгами; все отдѣлано заново и очень красиво, стѣны выкрашены красками и разноцвѣтными орнаментами. Придя въ городъ и занявши помѣщеніе, я пошелъ походить по улицамъ и зашелъ въ гостинницу «д'Англетеръ»; съ большимъ аппетитомъ съѣлъ яичницу и выпилъ стаканъ очень порядочнаго мѣстнаго краснаго вина, за что заплатилъ три франка. Греки—содержатели гостинницы—ужасные мошенники; всѣ они говорятъ хорошо по-французски и по-нѣмецки; дерутъ страшно и обманываютъ. Въ семь часовъ мы устроили общій обѣдъ съ маленькой выпивкой—пили коньякъ,

красное вино и ликеръ Кирасо, произносили тосты за здоровье присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ, за обѣдомъ у насъ наигрывалъ музыкальный ящикъ, найденый тоже въ домѣ, разныя пьесы: Ефендинхенъ, Султанхенъ и друг.

26-го мы были въ сторожевой части на позиціи впереди Софіи, верстахъ въ пяти по Филлипопольскому шоссе. Вся дорога усыпана ящиками съ патронами Мартини и Снайдера, дажо досадно становится при видѣ такого безобразія, кажется, если бы разрѣлять всѣ снаряды и патроны, валявшіеся на нашемъ пути отъ Плевны до Софіи, то можно бы было перебить половину всего рода человѣческаго. Цѣлый день занимался нарядомъ конвоя для возвращающихся турокъ. Всѣ они жалуются на пашей, принуждавшихъ ихъ бѣжать съ своихъ мѣстъ, и болгаръ, грабящихъ ихъ безцеремонно по дорогамъ. 27-го часамъ къ двѣнадцати мы возвратились домой.

Въ семь часовъ былъ обѣдъ, изготовленный своими средствами, но съ изысканнымъ для похода меню: ѣли супъ, пирогъ, съ капустой и яйцами, жаренаго гуся и яблоки; пили разныя вины и ликеры.

28-го ходилъ въ баню. Вода въ банѣ бьетъ изъ горы сѣрнымъ теплымъ градусовъ въ 60 источникомъ, для воды сдѣланы въ стѣнахъ краны и изъ нихъ бьетъ вода въ раковины бѣлаго мрамора; въ серединѣ сдѣлана ванна, наполняемая водою изъ отдѣльнаго крана. Передъ баней комната съ галлерей сверху, на которую сдѣланы входы по лѣстницамъ съ четырехъ сторонъ, въ серединѣ передней комнаты, назначенной для раздѣванья, стоитъ фонтанъ съ бассейномъ по срединѣ. Грязь вездѣ ужасная, куча засаленныхъ рубашекъ, подштанниковъ и фуфаекъ производили отвратительное впечатлѣніе, къ этому затхлый запахъ отъ сѣрнаго источника дополнялъ общее впечатлѣніе; но желаніе помыться превозмогло все, я раздѣлся и вошелъ въ баню, тутъ меня вторично обдало ужасомъ—чтобы взойти въ баню надо было почти до колѣна погрузиться въ какую-то грязную жидкость, но я превозмогъ и это и не раскаялся, потому что около стѣны я погрузился, ставъ на колѣна въ грязь, я сначала вымылъ голову, а потомъ постепенно все тѣло. Въ концѣ концовъ я очень доволенъ былъ баней и вернулся домой чистымъ. Съ утра начало замѣтно теплѣть; а къ вечеру дошло до 5^0 или 6^0 тепла.

29-го въ 8 часовъ утра мы выступили изъ Софіи въ деревню Ениханъ. Подулъ сильныи теплый вѣтеръ съ запада, вода лила ручьями, всѣ рѣки вздулись до ужаснаго безобразія—вода какъ водопадъ била по дорогѣ и по всѣмъ ложбинкамъ. На полдорогѣ мы стали на привалъ. Здѣсь во время закуски я услышалъ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ.

Одинъ изъ нихъ про генерала Л., особенно характеренъ: приходитъ къ нему одинъ братушка и жалуется, что у него украли буйвола. Онъ призываетъ къ себѣ начальниковъ частей, говоритъ имъ про это, и, зная что

скорѣе въ этомъ виновны казаки-артиллеристы, все время смотритъ въ глаза батарейному командиру. Тогда тотъ обращается къ Л. и говоритъ: «что это вы на меня смотрите, развѣ я (произноситъ свой титулъ полностью)—укралъ его?» Тогда Л. послѣ нѣкоторой паузы сказалъ: «такъ это я укралъ, господа», и обратившись къ братушкѣ, сказалъ: «что стоитъ твой буйволъ?» «пять золотыхъ» былъ отвѣтъ. Тогда Л. заплатилъ деньги и распустилъ начальниковъ. На другой день слышали такой разговоръ деньщиковъ: «каково, генералъ-то нашъ буйвола укралъ! Когда вчера господа приступили къ нему, да какъ начали его уличать, онъ и сознался и даже деньги заплатилъ болгарину».

Еще разсказывали про Дандевиля. Когда заговорили о стратегическихъ соображеніяхъ, исполненныхъ при переходѣ черезъ Балканы, онъ сказалъ: «какая тутъ стратегія? Тутъ просто русскій народъ валитъ за Балканы—и больше ничего».

Про казачьяго генерала Краснова. Онъ завидѣлъ три эскадрона регулярной турецкой кавалеріи и съ полусотнею бросился на нихъ въ аттаку; они подпустили казаковъ на 10 шаговъ, выстрѣлили изъ пистолетовъ и затѣмъ полетѣли назадъ. Тогда Красновъ кричитъ: «колите ихъ пикою въ ж..у!», и когда возвратился изъ преслѣдованія говорилъ: «ишь сволочь этакая, тоже на 10 шаговъ подпускаетъ».

Въ деревни Ениханъ нашли какія то громадныя развалины, вѣроятно римскихъ временъ.

30-го былъ небольшой, но довольно трудный переходъ до деревни Вакареель, потому что подморозило и артиллерія съ трудомъ при помощи людей была втащена на гору. Людямъ пришлось стоять подъ открытымъ небомъ и безъ соломы—измучились они ужасно.

31-го былъ чрезвычайно трудный переходъ до черкесской деревни Капутчикъ. Прошли по дорогѣ городъ Ихтиманъ. Отъ усталости еле доплелись, съѣли рисовой каши, напились кипятку, такъ какъ чаю не было, и легли спать. На утро проздравляли другъ друга съ новымъ годомъ.

1-го января 1878 года опять громадный переходъ—прошли Трояновы вороты—это ущелье въ горахъ. На одной изъ высотъ выстроенъ какой-то жертвенникъ, который кругомъ обросъ уже большимъ лѣсомъ. Дорога по ущелью идетъ то вверхъ, то внизъ и такъ круто, что переходъ въ 20 верстъ съ артиллеріей былъ оконченъ послѣдними къ двумъ часамъ ночи. Стали на ночлегъ въ большой болгарской деревнѣ Ветринова. Здѣсь были получены по три креста на роту за переходъ черезъ Балканы. Вышла еще порядочная комедія: кто-то донесъ, что въ окрестности есть турки, тотчасъ же вызвали наши двѣ роты, мы разсыпали цѣпь, полѣзли по виноградникамъ на горы, блуждали, блуждали до наступленія темноты и, никого не нашедши, вернулись домой.

Въ шесть часовъ утра 2-го января мы пошли на Татаръ-Базарджикъ, ночью рота была въ караулѣ, а потому, не выспавшись, это движенье, сначала въ совершенной темнотѣ, было особенно утомительно. Пройдя верстъ десять стали на привалъ и получили извѣстіе, что Татаръ-Базарджикъ очищенъ. Отдохнувши съ часъ, пошли дальше; по дорогѣ къ городу справа и слѣва тянутся безконечные виноградники; городъ издали очень красивъ особенно отъ множества красивыхъ мечетей; при входѣ мы встрѣтили страшный погромъ и мѣстами пожары; братушки били турокъ и шныряли изъ одного угла въ другой съ цѣлью грабежа. Насъ поставили на квартиры. Солдаты тоже принялись за промыселъ—кто тащитъ рисъ, кто грѣцкіе орѣхи и т. д., набили скотины и приготовились варить пищу, вдругъ бьютъ тревогу, вызываютъ весь отрядъ и ведутъ еще на пятнадцать верстъ впередъ къ Куръ-Даванкію. Ужасно не хотѣлось идти,—мы уже устроили себѣ постели и начали варить обѣдъ, пришлось снова укладываться и выворачивать котелки. Люди, которые дорвались до дароваго краснаго вина и выпили изрядно, отчего отсталыхъ была бездна, въ особенности многихъ задержала прелесть поживы въ городѣ Татаръ-Чукѣ или Базарчукѣ, какъ говорили солдаты.

3-го января двинулись впередъ на Филиппополь и къ двѣнадцати чисамъ подошли къ рѣкѣ Марицѣ, перешли мостъ и вскорѣ стали на позицію; оказалось, что турки на противоположной сторонѣ рѣки Марицы заняли позицію и обстрѣливали шоссе. Началось дѣло. Насъ постановили въ резервѣ за Архангелогородскимъ полкомъ ,затѣмъ его увели вправо. Преображенскій полкъ пошелъ въ обходъ. Турки начали довольносильную канонаду. На шоссе выставили батарею въ 20 орудій, 2-й и 4-й баталіоны были развернуты по берегу рѣки Марицы и начали перестрѣлку съ непріятельской цѣпью, а 3-й и нашъ баталіоны придвинули ближе и поставили въ ближайшемъ резервѣ. Турки стрѣляли по насъ чрезвычайно усиленно, но неудачно; очень много было перелетовъ. Скоро начали подносить раненыхъ нашихъ и Преображенцевъ. Перевязочный пунктъ устроили неподалеку отъ насъ. Развели небольшой огонь изъ турецкой телеграммы, какъ называли солдатики телеграфные столбы, и начали легко раненыхъ поить чаемъ. Тяжело раненые многіе умерли на мѣстѣ, но изъ легко раненыхъ меня заинтересовалъ одинъ солдатъ. Ему пуля попала около ключицы и прошла по груди подъ кожей, не повредивши кости; я не могу забыть его радости, когда, слѣлавъ надрѣзъ кожи, вынули пулю и дали ее ему въ руки; онъ съ такимъ вниманіемъ и любовію разсматривалъ ее, какъ другой, пожалуй, никогда не смотрѣлъ на портретъ любимой женщины.

Мы потеряли за этотъ день около тридцати человѣкъ, Преображенцы же человѣкъ восемьдесятъ, въ томъ числѣ трехъ офицеровъ: ранеными кн. Оболенскаго, полковниковъ: Стрезова и Ладыженскаго. Съ утра было тепло, но потомъ поднялся страшный вѣтеръ, холодъ былъ ужасный,

подъ ногами между тѣмъ мокро, такъ что сѣсть на землю было нельзя. Намъ приходилось стоять на позиціи цѣлый день, только когда уже стемнѣло разрѣшено было идти въ Филиппополь; какъ мы обрадовались этой вѣсти, но когда пошли, то скоро почувствовали, что наши ноги никуда не годятся. Никогда въ жизни я не испытывалъ такой усталости; ноги опухли и въ сапогахъ были какъ въ тискахъ, каждый шагъ давалъ себя знать. Подошли къ Филиппополю и сверхъ ожиданія поставили насъ бивуакомъ на полѣ возлѣ города. Мы (гг. офицеры) удрали въ городъ, а люди принялись разносить бывшіе на краю города пустые дома на дрова, нашли цѣлые склады вина и началось страшное пьянство, въ нашемъ домѣ былъ погребъ и въ немъ столько розлили вина на полъ, что положительно было по колѣна (безъ всякаго преувеличенія).

4-го января мы цѣлый день простояли на бивуакѣ за городомъ, видѣли перестрѣлку на той сторонѣ Марицы и услышали радостную новость, что девятьнадцать орудій отбили у турокъ.

5-го января въ двѣнадцать часовъ дня пришло приказаніе нашей бригадѣ идти въ авангардѣ впередъ за Филиппополь въ обходъ праваго фланга турокъ. Мы пошли. Переправились черезъ рукавъ Марицы по наведенному мосту на телегахъ и черезъ самую Марицу по набросаннымъ болгарами доскамъ, бревнамъ, заборамъ и дверямъ на камни и остатки погорѣвшаго моста, вдоль устьевъ съ нижней стороны рѣки. Переправа шла медленно, потому что тянулись мы справа по одному, къ четыремъ часамъ вся бригада была на той сторонѣ рѣки и тогда насъ двинули впередъ. Въ ожиданіи переправы я купилъ табаку, хлѣба и меда у чрезвычайно милыхъ братушекъ, которые просто убивались узнавши по какой дорогой цѣнѣ мы купили табакъ. Запаслись чаемъ, сахаромъ, такъ что чайный вопросъ былъ упраздненъ,—но что за цѣны мы платили? За полфунта цѣною въ одинъ франкъ семьдесятъ-пять сантимовъ платили одиннадцать франковъ—ровно въ шесть разъ.

Городъ Филиппополь очень недуренъ, хотя рынки и лавки разграблены турками. Нѣкоторая часть его и, кажется, болѣе красивая, расположена на каменныхъ скалистыхъ горахъ; дома на краю скалы, какъ въ Соренто, лѣпятся на самомъ краю на высокихъ фундаментахъ, на одной изъ вершинъ построена какая-то башня или мечеть; вообще наружность города весьма интересна. По выходѣ изъ города на южной сторонѣ, мы пошли по дорогѣ на Станемакъ, перешли полотно желѣзной дороги. Дѣло шло довольно жарко, а черезъ нѣсколько времени поднялась страшная трескотня, такъ мнѣ и казалось, что это послѣднее издыханіе турокъ и дѣйствительно говорили, что турки были разбиты и по одиночкѣ въ разсыпную бросились въ горы. Отойдя версты четыре дошли до кургана, на которомъ стоялъ Скобелевъ. Говорили, что турки окружены съ трехъ сторонъ, съ востока Скобелевымъ, съ сѣверной стороны Филиппополя Дандевилемъ и съ западной сто-

роны Софіи графомъ Шуваловымъ—оставалась дорога въ горы, наблюдаемая драгунами. Мы шли впередъ страшнымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, чтобы поспѣть отрѣзать турокъ отъ Станемака. Но перестрѣлка становилась все рѣже и рѣже. Начало смеркаться, мы шли по грязной дорогѣ посреди виноградниковъ; вечеръ совершенно напоминалъ нашу весну; въ воздухѣ тепло, снѣгу почти нѣтъ, мѣстами доходитъ вершковъ до трехъ, зато мѣстами чистая земля съ прекрасною зеленою травою. Пришли въ дер. Куклинъ. Я шелъ за болѣзнью въ авангардѣ. При входѣ въ деревню мы встрѣтили драгунъ, которые разсказали, какъ Литовцы подъ командой фельдфебелей, потому что офицеры были выбиты, наткнулись въ нѣсколькихъ шагахъ на батарею въ двадцать-четыре орудіи, оберегаемую двумя турецкими ротами, бросились на ура и, переколовши турокъ, овладѣли батареей. Артиллерійсты-турки, говорятъ, рубили нашихъ саблями. Насъ поставили по квартирамъ, оказалось, что вся деревня завалена орѣхами, медомъ, вареньями, кое-гдѣ виномъ, во всѣхъ домахъ оставлена почти вся посуда, скотъ, домашняя утварь, видно, что жители бѣжали внезапно и ничего не успѣли захватить съ собою. Черезъ полчаса приказано было снова перевести людей по-ближе къ мечети, а намъ расположиться въ самой мечети, что́ мы исполнили съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ помѣстились въ школѣ при мечети; въ рединѣ ея стояла желѣзная печка и кругомъ лавки, а сверху полки, въ одномъ углу висѣла на двухъ веревкахъ палка, какъ видно служившая средствомъ вразумленія дѣтей правовѣрныхъ. Мы наѣлись варенья изъ шепталы и сливъ, напились чаю, потомъ съѣли куринаго супу, запили краснымъ виномъ и легли спать. Для меня этотъ день былъ особенно счастливъ: я нашелъ прелестное албанское ружье, а рота привела мнѣ осла и лошака, которыхъ тотчасъ же мой деньщикъ принялъ подъ свое покровительство.

6-го января мы выступили изъ Куклина на городъ Станимакъ, составляя боковой авангардъ вправо отъ колонны, назначенной для аттаки Станимака; въ этой колоннѣ шла 3-я гвардейская пѣхотная дивизія. Я не забуду выхода изъ Куклина или Медовой деревни, какъ ее прозвали солдаты; наканунѣ весь мой скарбъ помѣщался на вьюкѣ одной лошади и вьюкъ былъ не великъ, ночью, какъ я уже говорилъ, мнѣ преподнесли лошака и осла; на утро я не могъ безъ ужаса смотрѣть на громадные вьюки всѣхъ трехъ животныхъ, они просто чуть не валились подъ тяжестью мѣшковъ съ орѣхами, флягъ и разныхъ баклагъ съ медомъ и краснымъ виномъ. На каждомъ посту въ аванпостахъ можно было видѣть еще цѣлые кувшины съ медомъ, совершенно непочатые. Вся дорога на Станемакъ идетъ какъ въ саду; кругомъ виноградники, усаженные грецкими орѣхами, тутовыми и фруктовыми деревьями; вправо, почти у дороги, горы, а влѣво открывается широкая равнина, посрединѣ которой на горахъ красуется Филиппополь, а вдали горы все дальше и

дальше, все синѣе и синѣе, пока не сольются съ горизонтомъ. Когда подошли къ Станемаку, оказалось, что городъ очищенъ турками; болгары съ радостными лицами, безъ шапокъ, съ крестнымъ ходомъ встрѣтили насъ; они крестились, кричали «ура», угощали солдатъ сладостями.

Мы вошли въ городъ съ распущенными знаменами и пѣснями, братушки съ радостью растворяли ворота для солдатъ и не знали чѣмъ угостить. Мы заняли домъ около церкви, хозяинъ—сѣдой старикъ, очень красивый—поздоровался съ нами, а потомъ пришелъ угощать насъ дульнымъ желе и водкой. Вечеромъ онъ принесъ еще намъ какой-то колбасы изъ говядины и свинины, жаренной въ свиномъ салѣ: такое прелестное кушанье, просто чудо, въ особенности сало, мнѣ никогда не приходилось ѣсть подобнаго. Вмѣстѣ съ этимъ онъ угостилъ насъ водкой-мастикой и предложилъ пить вина сколько угодно. Сидя въ нашей компаніи, разсказалъ, что въ два предъидущихъ дня турки разграбили у него три магазина на 70,000 грошей, увели всѣхъ лошадей, изъ которыхъ одна стоила двѣ тысячи грошей. Прислуга хозяина дома (грекъ Ѳома Михалаки), молодой болгаринъ, разсказывалъ, что они съ греками въ непримиримой враждѣ, потому что они страшно ихъ эксплуатируютъ, натравливаютъ на нихъ турокъ; изъ его разговоровъ видно, что болгары ждутъ каждую каждую минуту освобожденія своего отечества отъ турокъ и насквозь проникнуты самою искреннею любовью къ русскому народу и Государю. Онъ говорилъ, что онъ платитъ подати 250 грошей въ годъ, не имѣя ни земли, ни собственности (11 золотыхъ), самъ же за прислугу получаетъ 400 грошей, слѣдовательно на себя и на платье имѣетъ только 150 грошей. 7-го января въ десять часовъ утра мы выступили на Попосли и пришли туда безъ приваловъ (страшное безобразіе) къ четыремъ часамъ дня. Попсли совершенно разграбленное мѣстечко, такъ что съ трудомъ могли найдти цѣлый, неразрушенный домъ для офицеровъ.

8-го января принялись за устройство своей квартиры; я заклеилъ окно промасленной бумагой и отослалъ сапоги въ роту, чтобы подбить подметки.

9-го января провели день въ Попосли. Къ вечеру стали говорить, что на утро велѣно намъ выступать впередъ къ Адріанополю и что казаки генерала Краснова убили Сулеймана-пашу.

10-го января мы выступили изъ Попосли и совершили переходъ до Адріанополя безъ дневокъ въ пять дней, т. е. 14-го около двухъ часовъ были въ Адріанополѣ. Ночевка была 10-го въ дер. Каяли, здѣсь мы были обрадованы извѣстіемъ о взятіи Адріанополя и въ то же время чрезвычайно удивлены тѣмъ обстоятельствомъ, что еще утромъ слышали отъ одного встрѣтившагося пѣшаго болгарина, что Адріанополь взятъ, между тѣмъ какъ казакъ прискакалъ съ этимъ извѣстіемъ въ карьеръ только вечеромъ; 11-го мы ночевали въ Хацкіоѣ, 12-го въ Германли, 13-го въ Мустафа-пашѣ.

Поразительно, что отъ самаго Попосли почти вся дорога покрыта разнесенными обозами, трупами стариковъ, женщинъ, дѣтей; говорятъ, что изъ всѣхъ этихъ обозовъ нашу кавалерію встрѣчали залпами, а потому она вынуждена была драться съ ними.

Погода все время стояла превосходная, снѣгу почти нигдѣ нѣтъ. Дорога довольно ровная, изрѣдка только встрѣчаются маленькіе подъемы. Въ долинѣ Марицы было много дичи, преимущественно утокъ.

У Адріанополя, меня поразило не достаточно толковое расположеніе оборонительной позиціи: укрѣпленія расположены такъ, что шоссе изъ Филиппополя обстрѣливается изъ фортовъ не болѣе какъ на протяженіи какихъ нибудь саженъ 150 и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ шоссе все время идетъ въ мертвомъ пространствѣ, за высотами, обрамляющими долину рѣки Марицы. 14-го мы простояли ночь бивуакомъ въ виду Адріанополя подъ проливнымъ дождемъ. 15-го насъ ввели въ городъ и мы помѣстились у одного грека. Насъ приняли отлично, помѣстили въ двухъярусной комнатѣ, покрытой коврами, и угощали всѣмъ, только бы платили пари.

16-го мая рота была въ караулѣ на станціи желѣзной дороги. Утромъ говорили, что Англія намъ объявила войну, но я самъ лично, идучи въ караулъ, убѣдился въ противномъ, увидѣвши англійскій флагъ, спокойно развѣвающимся на зданіи консульства. По дорогѣ въ караулъ мнѣ пришлось познакомиться съ городомъ. Городъ, какъ и всѣ восточные, грязенъ, съ узкими, кривыми улицами; особенно выдающихся своею архитектурою домовъ нѣтъ, за-то мечети громадны и превосходны; при каждой изъ нихъ кладбище съ мраморными памятниками. Всѣ лавки открыты; давка на улицахъ страшная.

Все время поговаривали о мирѣ, но все какъ-то разнорѣчиво и неувѣренно; утромъ 18-го числа Великій Князь Главнокомандующій назначилъ смотръ 1-й артиллерійской бригадѣ и вдругъ отмѣнилъ,—говорили, что онъ получилъ какую-то шифрованную телеграмму и тотчасъ-же послалъ за турецкимъ посломъ; наконецъ все разъяснилось: вечеромъ 19-го января въ шесть часовъ былъ заключенъ прелиминарный миръ. Главнокомандующій самъ вышелъ на крыльцо конака-дворца и объявилъ бывшимъ на улицѣ эту радостную вѣсть—громкое, радостное «ура!» было отвѣтомъ и, далеко разливаясь волнами по городу, дошло и до нашего захолустья въ турецкій. Мы въ это время лежали и пили чай. Чувствовалось, слыша эти крики, что-то хорошее, но и какъ-то боязно было повѣрить, чтобы горькое разочарованіе не показалось тяжелѣе, но на другой день, т. е. 20-го числа мы убѣдились въ этомъ, когда насъ пригласили на парадное молебствіе въ соборъ къ часу дня. Множество офицеровъ всѣхъ частей, между которыми ординарцы Великаго Князя отличались особенно чистыми мундирами, собралось въ соборѣ, къ двумъ часамъ пріѣхалъ Великій Князь въ пальто съ

бѣлымъ крестомъ на шеѣ и золотой звѣздой сверхъ пальто, его встрѣтилъ греческій архіерей и поставилъ справа около клироса на особо устроенномъ высокомъ мѣстѣ; за Великимъ Княземъ внесли его бѣлое знамя съ синимъ крестомъ и георгіевскими лентами. Внизу были офицеры, а наверху на хорахъ размѣстилась избранная публика. О прибытіи Великаго Князя мы узнали издали по доносившимся въ церковь крикамъ «ура!» Когда послѣ молебствія полевой оберъ-священникъ въ своей короткой, но весьма прочувствованной рѣчи, въ которой онъ ловко упомянулъ, что наша армія «какъ лебедь переплыла черезъ Дунай и какъ орелъ вознеслась на Балканы», поздравлялъ Главнокомандующаго съ счастливымъ окончаніемъ великой борьбы за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ и крови, тогда уже не было сомнѣнія въ фактѣ заключенія мира и всѣ присутствующіе могли себя поздравить съ правомъ на жизнь, подчиняясь только законамъ обыденныхъ общественныхъ условій. Еще бо́льшая была радость когда стали поговаривать, а наконецъ объявили оффиціально, что намъ не придется промѣривать пѣшкомъ снова всю Болгарію и идти по изнасилованной войной мѣстности, а что пойдемъ впередъ къ Мраморному морю, сядемъ тамъ на суда и по морю отправимся на родину.

На радостяхъ послѣ такого великаго событія все офицерство начало кутить на пропалую; сами турки повидимому радовались миру и какъ-то радостнѣе начали смотрѣть ихъ угрюмыя лица.

24-го числа мы выступили изъ Адріанополя въ дер. Хавсу, 25-го пришли въ Баба-Эски, а 26-го въ Люли-Бургасъ. Вся дорога идетъ по весьма безжизненной и рѣдко населенной мѣстности, переваливаясь съ холма на холмъ; почва глинистая съ стоячими лужами и озерками, ни одного деревца вокругъ, деревень почти не видно,—и все это въ такомъ богатомъ краю; тутъ воочію видишь разницу между бытомъ турокъ и болгаръ,—какъ лѣнивы и бездѣятельны первые, такъ трудолюбивы послѣдніе.

Во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ попадаются древне римскія зданія; а мечети въ Баба-Эски и Люли-Бургасъ прямо передѣланы изъ православныхъ греческихъ домовъ, что видно по ихъ плану, расположенію престола и алтарю обращенному на востокъ; общій фасадъ представляетъ большой сводчатый куполъ посрединѣ и большое число маленькихъ по сторонамъ и тутъ же гдѣ-нибудь сбоку приклеенъ минаретъ какъ-нибудь неуклюже и не въ стилѣ, по временамъ даже портя часть фасада, такъ что даже досадно становится за такую непростительную безцеремонность въ отношеніи архитектурныхъ памятниковъ страны. До Баба-Эски идетъ шоссе, но далѣе дорога пошла цѣликомъ по полю; тутъ мы вспомнили снова наше путешествіе отъ Фратештъ по Румыніи; пуды грязи налипли около ногъ, на каждомъ шагу ручейки и лужи съ тинистымъ дномъ, такъ что переходъ въ восемьнадцать верстъ мы еле окончили въ десять часовъ времени. Артиллерія еле выплелась изъ этой грязи. Впрочемъ очень хо-

рошъ видъ на Люли-Бургасъ; за версту до него его не видно, но вдругъ доходишь до гребня высоты и передъ глазами открывается городокъ съ двумя мечетями (одна изъ нихъ навѣрное передѣлана изъ старо-греческаго храма) и соборомъ, впереди города мостъ черезъ рѣку, старой римской конструкціи. Надо замѣтить, что этихъ мостовъ мы уже много проходили; на серединѣ ихъ обыкновенно по обѣимъ сторонамъ нѣчто вродѣ портиковъ или стѣнки, въ которую были вдѣланы вѣроятно плиты съ надписью года постройки и имени императора; теперь-же, конечно, всѣ эти памятники вынуты и вставлены мраморныя плиты съ турецкими надписями. Какъ подобныя вещи поражаютъ своею наивностью и въ то-же время злятъ; вѣдь ясно видно, что плиты гораздо моложе всего окружающаго, а если понадѣяться, что время изгладитъ разницу, то тогда надобно будетъ принять мѣры и къ тому, чтобы вырвать нѣсколько страницъ всемірной исторіи. Въ городѣ мы помѣстились очень порядочно въ одномъ греческомъ домѣ. Хозяева принесли намъ хлѣба и молока, за что конечно получили хорошую плату.

28-го января мы стали на ночевкѣ въ почти раззоренной деревнѣ Кёресторанъ. 29-го въ Чорлу—довольно порядочномъ городкѣ, гдѣ удалось достать кое-чего, испить вина и поѣсть сластей. 30-го января мы свернули противъ росписаннаго маршрута на дер. Чантъ; это большое село, открывающееся глазу не болѣе какъ за полверсты, такъ какъ оно закрытъ перевалами и виноградниками. Недоходя Чанта верстъ семь открывается видъ на Мраморное море. Погода была великолѣпная; солнце такъ грѣло, какъ рѣдко у насъ бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ; трава вездѣ зеленая и кое-гдѣ по виноградникамъ попадаются совершенно зеленыя деревья; издали опредѣлить не могъ какой они породы—лавровыя или миртовыя.

Намъ отвели прекрасный домъ въ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ мы заняли три; выпили добраго вина, хозяинъ дома все время вертѣлся около насъ и преохотно пилъ на нашъ счетъ вино, даже самъ напрашивался на угощеніе. Онъ порядочнс говорилъ по-болгарски и разсказалъ, что главный ихъ промыселъ виноградъ и вино, который они продаютъ въ Стамбулъ по одному франку за восемь окъ и по четыре франка за сто окъ винограду. Изъ оконъ нашей квартиры видно Мраморное море, искрящееся милліонами огней.

Какая прелесть—вотъ страна-то гдѣ вѣчное лѣто, потому что зимой совершенно нельзя назвать подобную январьскую погоду, это нашъ май, да и то въ послѣднихъ числахъ.

1-го февраля была буря со снѣгомъ. По такой погодѣ пришлось намъ дѣлать переходъ въ десять верстъ, на берегъ Мраморнаго моря въ Силиври. Насъ расквартировали по оставленнымъ домамъ турецкаго квартала; мы цѣлымъ баталіономъ заняли одинъ двухъ-этажный домъ. Ночью меня потребовали на пожаръ—загорѣлось у артиллеристовъ и выгорѣло три дома.

Говорили, что черезъ два дня насъ поведутъ дальше, но затѣмъ, какъ говорили, по приказанію Гурко оставили эту мысль.

Жизнь течетъ у насъ какъ-то безшабашно—всѣ, мнѣ кажется, въ какомъ-то болѣзненномъ настроеніи, хочется поскорѣе домой, а тутъ каждую минуту приходятъ извѣстія одно нелѣпѣе другаго, но которыя en masse все-таки поневолѣ заставляютъ усумняться или не такъ, по крайней мѣрѣ, твердо надѣяться на скорое возвращеніе на родину. Разсказывали, что Австрія заняла Румынію и Сербію, что Англійскій флотъ въ Золотомъ рогѣ и готовится сдѣлать десантъ, такъ что война должна снова возобновиться; потомъ заговорили про конференцію—чортъ ее возьми, просто бѣда! Съ горя коротаемъ кое-какъ время: утромъ производимъ одиночныя ученья въ ротахъ, потомъ катаемся по морю, ищемъ раковинъ, вечеромъ выпиваемъ вина, а на слѣдующій день тоже—даже безъ измѣненія порядка. Привезли намъ чемоданы, а потому мы можемъ надѣяться освободиться отъ насѣкомыхъ и привести въ порядокъ свои вещи. Погода стоитъ великолѣпная—тепло, просто прелесть. Городъ довольно чистенькій, сравнительно съ другими городами Турціи, торговля идетъ бойкая—все жиды и греки. Каждый день открываются новые рестораны, достать можно все и сравнительно не дорого.

8-го февраля въ семь часовъ утра насъ вывели изъ Силиври въ дер. Плевато, но на дорогѣ измѣнили намѣреніе и двинули дальше въ дер. Пулаякіой. Преображенцевъ же поставили въ Каликратѣ. Оказалось, что у насъ такъ мало было мѣста, дома были почти разрушены, такъ что люди остались почти безъ крова.

Мы помѣстились въ большомъ домѣ,—конакѣ одного грека, который пришелъ вечеромъ бесѣдовать со мной; оказалось, что онъ знаетъ немного географію, знакомъ съ языками; говорилъ, что они Абдула-Гамида не признаютъ, но почитаютъ султаномъ Мурада, говорилъ, что Мурадъ грекъ, потому что рожденъ отъ гречанки, что онъ говоритъ хорошо по-гречески, англійски, русски, между тѣмъ какъ Гамидъ самый необразованный турокъ.

10-го февраля въ часъ ночи по тревогѣ насъ вызвали на бивуакъ передъ мостомъ къ Буюкъ-Чекмэджи. Говорили, что Серверъ-паша будто бы выразилъ то, что онъ беретъ свое слово назадъ и не считаетъ миръ возможнымъ на основаніи предложенныхъ условій въ Адріанополѣ, что будто бы Главнокомандующій далъ имъ одуматься сорокъ восемь часовъ и что срокъ этотъ истекалъ въ шесть часовъ 11-го февраля.

Въ шесть часовъ мы отслужили молебенъ, а въ шесть съ половиною лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ пошелъ черезъ мостъ на турецкую сторону, за нимъ двинулась Стрѣлковая бригада, а потомъ наша съ большимъ количествомъ артиллеріи.

Къ двумъ часамъ мы пришли за полторы версты къ Кучукъ-Чекмэджи, на линіи котораго была укрѣпленная турецкая позиція. Графъ Шува-

ловъ послалъ парламентера и предложилъ туркамъ сдать позицію безъ кровопролитія.

Послѣ довольно долгихъ переговоровъ Мухтаръ-паша согласился и мы простояли почти до заката солнца въ ожиданіи, когда турки вывезутъ орудія.

Въ сумеркахъ пошли по длинному мосту, пересѣкающему морской заливъ при Кучукъ-Чекмэджи, вошли въ городъ, который былъ почти наполненъ турецкой кавалеріей; мы предружно встрѣтились, солдатики вступили съ турками въ разговоры—Богъ ихъ знаетъ на какомъ языкѣ; впрочемъ были и интересные факты: стоитъ, напримѣръ, высокій кавалеристъ турокъ, почти черный, подходитъ къ нему солдатикъ, беретъ его за носъ и говоритъ: «ишь какой ты грязный!» и оба хохочатъ взаимно довольные обращеніемъ. Насъ провели черезъ городъ и поставили на горѣ бивуакомъ; мы (офицеры) залегли между двумя траверзами и преспокойно проспали до утра.

12-го меня съ ротой послали выставить посты демаркаціонной линіи; у меня разболѣлась нога, а потому я ѣхалъ на лошади. Къ вечеру, оканчивая разстановку цѣпи, я замѣтилъ, что отъ Константинополя идетъ колонна кавалеріи и артиллеріи, оказалось, что это Лейбъ-Уланы; когда они проѣзжалимимо турецкаго караула, стоявшаго на шоссе демаркаціонной линіи, онъ отдалъ имъ честь. Ночевалъ я въ деревнѣ Галатарія.

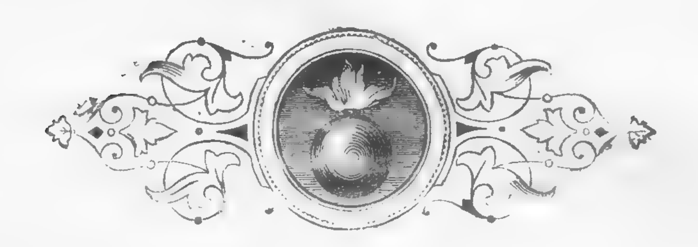
На слѣдующій день, послѣ смѣны, гуляли по морскому берегу. Погода была великолѣпная; долго я любовался на изумрудныя волны Мраморнаго моря, искрящіяся милліонами блестокъ подъ теплыми лучами южнаго, хотя и февральскаго солнца, на синѣющіе вдали острова и едва видныя горы на Азіатскомъ берегу. По берегу вездѣ почти зеленые лавры и нерѣдко кипарисы; около облетѣвшихъ грецкихъ орѣховъ вьются темно-зеленые плющи; природа праздничная, а на душѣ тоска—не знаешь что дѣлать, да и дѣло никакъ не клеится—хочется поскорѣе вернуться къ себѣ на родину; тамъ хотя не такъ тепло, да зато у себя дома. Вечеромъ полкъ тоже пришелъ въ Галатарію, людей поставили на бивуакъ, а офицеры заняли квартиры по домамъ.

Съ этого времени мы начали мало-по-малу приводить свое хозяйство въ порядокъ, строить сапоги, такъ какъ въ послѣднее время многіе солдаты ходили вмѣсто сапогъ просто въ тряпкахъ или штиблетахъ, сдѣланныхъ изъ сырой воловьей кожи.

Изъ разговоровъ ничего нельзя было узнать опредѣленнаго: сегодня говорятъ о мирѣ, а завтра о полномъ разрывѣ съ Турціею и Англіею, положительно утверждаютъ напримѣръ, что Великій Князь Главнокомандующій послалъ спеціальнаго курьера къ Государю просить разрѣшенія взять Константинополь, но чѣмъ ближе къ 19-му февралю, тѣмъ слухи становились успокоительнѣе и, наконецъ, былъ подписанъ давно желанный Санъ-

Стефанскій миръ. Этимъ заканчиваю свой дневникъ, потому что послѣдующее въ нашей жизни въ Турціи имѣетъ болѣе мирный характеръ. Началась усиленная аванпостная служба, постройка дорогъ, разбивка укрѣпленныхъ позицій, въ войскахъ открылась страшная болѣзненность отъ непривычки къ южному болотистому климату и, что всего замѣчательнѣе, валились самыя повидимому сильныя натуры, которыя втеченіе похода выказали необыкновеную энергію и устойчивость, чему это приписать— положительно становишься въ тупикъ!

Михневичъ.

Изъ Дневника
Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.
(1877 — 1878).

дороваясь 24-го сентября съ гвардейскими саперами, передъ выступленіемъ изъ Горнаго Студня, Августѣйшій генералъ-инспекторъ изволилъ сказать имъ: «Я васъ посылаю въ самое опасное мѣсто, надѣясь на васъ. Вы станете между двухъ огней». Вечеромъ того же дня баталіонъ прибылъ въ Булгарени, а на слѣдующій день въ Порадимъ. Переходы эти были очень утомительны, вслѣдствіе проливнаго дождя и грязи. Движеніе, въ особенности обоза, было крайне затруднительно.

26-го сентября, во время дневки въ Порадимѣ, посѣтилъ баталіонъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, а 27-го сентября принцъ Карлъ Румынскій произвелъ смотръ гвардейской стрѣлковой бригадѣ и баталіону, такъ какъ отрядъ этотъ поступилъ въ составъ командуемыхъ Его Высочествомъ войскъ. Во время смотра принцъ Карлъ любовался баталіономъ и при этомъ сказалъ, между прочимъ, командиру баталіона: «Вотъ войско, котораго мы давно ожидали». По окончаніи смотра баталіонъ двинулся чрезъ Пелишатъ въ Боготъ. Обозъ третьяго разряда оставленъ былъ въ Пелишатѣ.

28-го сентября баталіонъ прибылъ въ Ралево, а 29-го сентября выступилъ въ деревню Іени-Беркачь, въ составѣ лѣваго авангарда, вмѣстѣ съ гвардейскою стрѣлковою бригадою. При этомъ однако 2-я рота вошла въ составъ авангарда главныхъ силъ, а 4-я рота осталась въ Ралевѣ, по

приказанію начальника штаба гвардейскаго корпуса князя Воронцова-Дашкова, съ цѣлію чинить спускъ въ долину и дороги около Ралево. Роты же Его Величества и Его Высочества прибыли въ Іени-Беркачь, гдѣ и расположились бивуакомъ. Дождь не переставалъ втеченіе цѣлаго дня.

30-го сентября временно-командовавшій гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, въ сопровожденіи генерала Эллиса и командира баталіона, осматривалъ позицію около бивуака гвардейской стрѣлковой бригады и баталіона, имѣя въ виду укрѣпить ее къ сторонѣ Плевны. Вслѣдъ за этимъ, составленъ былъ подробный разсчетъ числа рабочихъ и инструмента, необходимыхъ для этой цѣли. Въ этотъ же день возвратилась къ баталіону и 2-я рота.

1-го, 2-го и 3-го октября баталіонъ занятъ былъ укрѣпленіемъ позиціи, съ помощью пѣхоты, причемъ въ работахъ участвовала и 4-я рота, возвратившаяся къ баталіону 1-го октября.

При работахъ этихъ оказался большой недостатокъ шанцеваго инструмента въ войскахъ, главнымъ образомъ потому, что обозъ съ инструментомъ, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, отсталъ.

5-го октября объявленъ былъ приказъ временно-командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова о томъ, что баталіонъ поступаетъ въ отрядъ генералъ-адъютанта Гурко.

Въ два часа пополудни 5-го октября рота Его Величества, подъ командою поручика Прескоттъ, выступила, для устройства переправы черезъ рѣку Видъ, къ деревнѣ Чириково, имѣя при себѣ двѣ облегченныя инструментальныя фуры. Въ пять часовъ пополудни она прибыла къ Чирикову и расположилась бивуакомъ на правомъ берегу рѣки.

Устройство переправы черезъ Видъ, передъ предстоявшею аттакою турецкой укрѣпленной позиціи у деревни Горній Дубнякъ, поручено было генералъ-адъютантомъ Гурко командиру баталіона.

Вслѣдствіе этого, вечеромъ 5-го октября, командиромъ баталіона указаны были командиру роты Его Величества, послѣ предварительной рекогносцировки, мѣста для устройства спусковъ къ бродамъ, а также мѣста, гдѣ нужно было построить мосты для перехода всѣхъ трехъ родовъ войскъ.

6-го октября генералъ-адъютантъ Гурко, назначенный начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошелъ гвардейскій корпусъ, объѣзжалъ бивуакъ гвардіи у Іени-Беркача, въ которомъ расположена была тогда главная квартира его отряда. Генералъ Гурко, поздоровавшись съ нижними чинами баталіона, выразилъ между прочимъ надежду, что они поддержатъ свою прежнюю боевую славу и далеко превзойдутъ непріятеля своимъ искусствомъ въ постройкѣ укрѣпленій. Въ заключеніе генералъ-адъютантъ Гурко прибавилъ: «Помните, братцы, что вы гвардейскіе саперы. Увѣренъ, что вы накопаете такихъ укрѣпленій, которыхъ не только никакой турокъ, но и самъ чортъ не перескочитъ».

Во время этого объѣзда, генералъ-адъютантъ Гурко обращался послѣдовательно къ офицерамъ и солдатамъ, всѣхъ расположенныхъ на бивуакѣ частей гвардiи и говорилъ въ каждой изъ нихъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующее: «Господа», говорилъ генералъ Гурко офицерамъ, «я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать, что люблю страстно военное дѣло. На мою долю выпала такая честь и такое счастiе, о которомъ я никогда не смѣлъ и мечтать — вести гвардiю, это отборное войско въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть бóльшаго счастья, какъ вести въ бой войско съ увѣренностью въ побѣдѣ, а гвардiя, по своему составу и обученiю, можно сказать, лучшее войско въ мiрѣ. Помните, господа, вамъ придется вступить въ бой и на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россiя, но весь свѣтъ и отъ успѣховъ вашихъ будетъ зависѣть исходъ дѣла. Бой, при правильномъ обученiи, не представляетъ ничего особеннаго. Это то-же, что ученiе съ боевыми патронами, только требуетъ еще бóльшаго спокойствiя, еще бóльшаго порядка. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата, что его священная обязанность беречь въ бою патронъ, а сухарь на бивуакѣ и помните, что вы ведете въ бой русскаго солдата, который никогда отъ своего офицера не отставалъ».

Обращаясь къ солдатамъ, генералъ Гурко сказалъ:

«Помните, ребята, что вы гвардiя Русскаго Царя и что на васъ смотритъ весь крещеный мiръ. Турки стрѣляютъ издалека и стрѣляютъ много, это ихъ дѣло, а вы стрѣляйте какъ васъ учили, умною пулей, рѣдко, но мѣтко, а когда придется до дѣла въ штыки, то продырявь его. Нашего «ура» врагъ не выноситъ. На васъ, гвардейцы, Государь Императоръ изливаетъ щедрыя милости. Вы излюбленные, балованные дѣти Русскаго Царя. Вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ милостей».

Въ этотъ день, въ шесть часовъ утра, рота Его Величества приступила къ работамъ по устройству переправъ черезъ Видъ. Приступлено было, между прочимъ, къ устройству четырехъ спусковъ къ четыремъ бродамъ. Прикомандированному къ баталiону поручику Заткалику поручено было съ 50 саперами построить два моста черезъ протокъ Вида, у бывшей тамъ турецкой мельницы. Матерiалъ для мостовъ взятъ былъ изъ этой мельницы. Собственно, эти работы производились одними саперами роты Его Величества, безъ помощи пѣхоты. Въ этотъ же день стрѣлки Его Величества исправляли дорогу въ самомъ Чириковѣ, подъ наблюденiемъ саперъ роты же Его Величества. Приказано было производить всѣ эти работы скрытно, чтобы не обратить на нихъ вниманiя непрiятеля. Къ вечеру 6-го октября рота Его Величества присоединена была къ баталiону. Работы доведены были до слѣдующаго состоянiя: спуски и подъемы у бродовъ были окончены, дорога въ Чириковѣ исправлена, мельница разобрана и матерiалъ для двухъ новыхъ мостовъ приготовленъ, а старый мостъ исправленъ.

Съ 7-го по 10-е октября включительно, производились баталіономъ работы по укрѣпленію позицій, причемъ, втеченіе 8-го октября, 2-я рота укрѣпляла Медованскую позицію, послѣ осмотра ея генералъ-адъютантомъ Гурко. Рота работала вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Волынскимъ полкомъ. Работы эти окончились 9-го октября и затѣмъ рота возвратилась къ баталіону.

7-го октября весь обозъ, за исключеніемъ санитарнаго, артельнаго и офицерскаго, отправленъ былъ, согласно общему распоряженію, въ Боготъ, вмѣстѣ съ ранцами нижнихъ чиновъ. Туда же отправлены были и печники для устройства хлѣбопекарныхъ печей и хлѣбопеки.

Имѣя въ виду, что отъ Іени-Беркача къ Виду у Чирикова вела только одна дорога, генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ, для избѣжанія растягиванія войскъ, сдѣлать ее такою, чтобы пѣхота могла двигаться широкимъ фронтомъ. Такъ какъ дорога пролегала по лѣсу, то приказано было, для вышеозначенной цѣли, сдѣлать широкую просѣку. Работа эта производилась 8-го октября частями гвардейской пѣхоты подъ наблюденіемъ гвардейскихъ саперъ ротъ Его Величества и Его Высочества.

8-го же октября отслужено было благодарственное молебствіе по случаю блестящей побѣды, одержанной нашими войсками надъ арміею Мухтара-паши на Кавказѣ, а 9-го октября прочитанъ былъ нижнимъ чинамъ баталіона слѣдующій приказъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею:

«Блестящая побѣда увѣнчала русское оружіе, Кавказскій дѣйствующій корпусъ, подъ начальствомъ своего Августѣйшаго Главнокомандующаго, разсѣялъ всю армію Мухтара-паши. Сраженіе происходило въ шестнадцати верстахъ отъ Карса.

«Непріятель разбитъ на голову и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. 5,000 человѣкъ съ шестью орудіями взяты въ плѣнъ во время боя. При преслѣдованіи непріятеля и обходномъ движеніи три дивизіи съ 46 орудіями были окружены и положили оружіе. Семь пашей находятся въ числѣ плѣнныхъ. Мухтаръ-паша лично бѣжалъ въ Карсъ, но остатки непріятельской арміи отброшены отъ этой крѣпости. Объявляя о такой блистательной побѣдѣ нашихъ кавказскихъ боевыхъ товарищей по войскамъ Западнаго отряда, я увѣренъ, что они, вмѣстѣ со мною, увидятъ въ ней новое доказательство благословенія Всевышняго нашему правому дѣлу. Они прежде всего вознесутъ къ Небу свою благодарственную молитву, затѣмъ, въ благородномъ соревнованіи, они почерпнутъ удвоенную силу для борьбы съ исконнымъ врагомъ и притѣснителемъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови. Русскіе и румыны! Соберитесь вокругъ нашего общаго знамени. Это знамя — крестъ человѣколюбія и правды. Съ Божьею помощью онъ укажетъ намъ путь къ побѣдѣ.

Николай».

Вечеромъ 10-го октября генералъ-адъютантъ Гурко собралъ командировъ частей и передалъ имъ лично распоряженія относительно предстоявшаго на слѣдующій день боя и самой переправы. Вслѣдъ затѣмъ объявлена была по войскамъ Западнаго отряда диспозиція, которою предписывалось войскамъ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе съ цѣлію занять позицію у Горнаго Дубняка, укрѣпиться на ней, и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ. Выходъ гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе, какъ значится въ донесеніи генералъ-адъютанта Гурко помощнику начальника Западнаго отряда генералъ-адъютанту Тотлебену, назначенъ былъ 12-го октября, одновременно съ занятіемъ «Рыжей горы» отрядомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го. Горный Дубнякъ былъ выбранъ пунктомъ выхода потому, что мѣстность возлѣ этой деревни представляла наиболѣе выгодныя тактическія условія и лежала ближе всего къ комуникаціонной линіи корпуса. Позиція турокъ у Горнаго Дубняка была сильно укрѣплена и составляла одно изъ звеньевъ длинной цѣпи укрѣпленныхъ пунктовъ, защищавшихъ комуникаціонную линію Плевненской арміи. Предварительныя рекогносцировки выяснили слѣдующее: на самомъ возвышенномъ мѣстѣ позиціи турки построили довольно обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ этого редута они возвели другой. Оба редута были окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ ложементовъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Къ сѣверу отъ укрѣпленій мѣстность совершенно ровная, открытая и понижающаяся едва замѣтнымъ склономъ къ сторонѣ Дольняго Дубняка. Къ востоку мѣстность тоже понижается легкимъ склономъ и вся заросла молодымъ, очень густымъ лѣскомъ; между его опушкою и восточнымъ редутомъ около 200 саженей. Къ югу и западу позиція турецкая спадаетъ крутымъ склономъ въ узкую лощину, не болѣе 250 саженей шириною. Въ разстояніи саженей около 800 отъ восточнаго редута, по направленію къ Чирикову, въ лѣску находится довольно обширная поляна, которую турки тоже укрѣпили. Эти результаты предварительныхъ рекогносцировокъ ясно свидѣтельствовали, что турки придавали позиціи у Горнаго Дубняка весьма большое значеніе и готовили на ней упорное сопротивленіе. Впослѣдствіи оказалось, что здѣсь находился дивизіонный генералъ Ахметъ-Хивзи-паша, командовавшій войсками въ обоихъ Дубнякахъ и въ Телишѣ. Но, кромѣ сопротивленія, котораго слѣдовало ожидать на самой позиціи, операція выхода на Софійское шоссе усложнялась еще тѣмъ, что въ весьма близкомъ разстояніи отъ Горнаго Дубняка, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ при Телишѣ и Дольнемъ Дубнякѣ, были другіе турецкіе отряды, которые могли подать руку помощи Горно-Дубнякскому гарнизону. Хотя въ вышеупомянутыхъ пунктахъ отряды были и не столь многочисленны, но въ весьма близкомъ разстояніи за ними были: съ одной стороны вся армія Османа, а съ другой стороны, къ югу отъ Телиша, собиралась армія Шевкета-паши,

силы котораго опредѣлялись въ двадцать-пять баталіоновъ. Подобная обстановка дѣлала необходимымъ выставленіе въ обѣ стороны болѣе или менѣе сильныхъ заслоновъ и быстрое веденіе аттаки Горно-Дубнякской позиціи.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній планъ аттаки состоялъ, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ: для непосредственной аттаки позиціи назначено было двадцать баталіоновъ, шесть эскадроновъ и сотенъ и сорокъ восемь орудій. Войска эти должны были окружить позицію съ трехъ сторонъ и вести аттаку съ сѣверной, восточной и южной сторонъ. Для того же, чтобы гарнизонъ никуда не могъ уйти, съ западной стороны позиціи была двинута, подъ командою флигель-адъютанта полковника Черевина, Кавказская казачья бригада съ двумя румынскими кавалерійскими полками и съ шестью конными орудіями. Для заслона со стороны Дольняго Дубняка, къ сторонѣ Плевны, назначено было двѣнадцать баталіоновъ, одиннадцать эскадроновъ и сорокъ четыре орудія. Для заслона съ южной стороны къ Телишу назначено было четыре баталіона, шестнадцать эскадроновъ и двадцать орудій. Сверхъ того, такъ какъ со стороны Плевны предстояла довольно большая опасность, то къ сторонѣ ея противъ Дольняго Дубняка произведена была большая кавалерійская демонстрація тридцатью-тремя эскадронами, семью баталіонами румынъ и тремя конными батареями и открыта была со всѣхъ осадныхъ батарей бомбардировка Плевны.

Послѣ взятія позиціи у Горнаго Дубняка генералъ-адъютантъ Гурко предполагалъ немедленно приступить къ укрѣпленію позиціи фронтомъ къ Плевнѣ войсками 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, подъ прикрытіемъ войскъ 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, вслѣдствіе чего ко 2-й дивизіи былъ приданъ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ.

Войска, назначенныя для аттаки позиціи у Горнаго Дубняка, были раздѣлены на три колонны; втеченіе ночи съ 11-го на 12-го октября они были переведены черезъ Видъ и размѣщены слѣдующимъ образомъ:

Правая колонна, Свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го, поставлена была на дорогѣ изъ Чирикова къ Крушевацу, въ двухъ верстахъ отъ Чирикова.

Средняя колонна, Свиты Его Величества генералъ-маіора барона Зедделера, поставлена была недалеко отъ дороги изъ Чирикова въ Чумаковцы, въ разстояніи около полуверсты отъ Чирикова, и

Лѣвая колонна, Свиты Его Величества генералъ-маіора Розенбаха, расположилась въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Вида въ такъ называемой Свинарской балкѣ.

Согласно отданному по отряду приказанію 11-го октября сварено было въ войскахъ по три фунта мяса на человѣка, изъ нихъ полтора фунта приказано было съѣсть 11-го октября, а полтора фунта взять съ собою на 12-е октября, такъ какъ «легко можетъ быть», сказано было въ приказаніи, «что

12-го октября варки не будетъ». Вечернюю варку приказано было окончить въ четыре часа вечера.

Всѣмъ войскамъ, которымъ предстоялъ переходъ черезъ Видъ, приказано было никакого обоза, кромѣ санитарнаго, не брать.

Раздавъ послѣднія приказанія генералъ-адъютантъ Гурко, 11-го октября, вечеромъ, переѣхалъ со своимъ штабомъ изъ Ени-Беркача къ Виду, гдѣ и провелъ ночь у бродовъ. Войска провели эту ночь тоже подъ открытымъ небомъ. Дулъ холодный и рѣзкій вѣтеръ. Яркая луна освѣщала мѣстность, на которой располагались проходившія войска. Ночь была сырая, холодная, но ясная. Костровъ разводить не разрѣшалось. Предчувствіе чего то важнаго, небывалаго, гнѣздилось въ сердце каждаго. Минута была дѣйствительно торжественная—гвардіи предстояло, послѣ долгаго перерыва, вступить въ первый разъ въ бой.

Нижеизложенное описаніе боя подъ Горнымъ Дубнякомъ заимствовано изъ вышеупомянутаго донесенія генералъ-адъютанта Гурко генералъ адъютанту Тотлебену.

Всѣ колонны выступили изъ мѣстъ своего предварительнаго расположенія въ шесть съ четвертью часовъ утра, за исключеніемъ средней, двинувшейся получасомъ позже, такъ какъ ей предстоялъ самый кратчайшій путь. *Правая и лѣвая колонны* нѣсколько опоздали въ своемъ движеніи и пришли къ позиціи у Горнаго Дубняка почти получасомъ позже средней колонны, завязавшей дѣло съ непріятелемъ около восьми съ половиною часовъ утра.

Расположеніе войскъ въ средней колоннѣ было слѣдующее: въ центрѣ—двѣ батареи, 1-я и 2-я лейбъ-гвардіи 2-й Артиллерійской бригады, влѣво отъ нихъ—лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, имѣвшій 4-й баталіонъ въ первой линіи, а 3-й и 2-й баталіоны—во второй; лейбъ-гвардіи Московскій полкъ *)—вправо отъ батареи, въ такомъ же порядкѣ, наконецъ, въ резервѣ—1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ.

Около восьми съ половиной часовъ утра обѣ батареи средней колонны заняли позицію на полянѣ, о которой уже упоминалось выше, и открыли весьма удачную стрѣльбу по непріятельской позиціи, съ разстоянія около восьмисотъ саженей. Въ это время лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, шедшій густымъ лѣсомъ, принялъ нѣсколько влѣво и, отойдя отъ первоначально даннаго ему направленія, зашелъ въ расположеніе лѣвой колонны. Вслѣдствіе этого, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ баронъ Зедделеръ приказалъ ему вернуться назадъ и, принявъ вправо, приблизиться къ батареѣ,

*) 1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка былъ оставленъ на Медованской позиціи.

а для заполненія промежутка между полкомъ и батареею, вдвинулъ изъ резерва 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеровъ.

Командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, исполняя данное ему приказаніе, отвелъ свой полкъ нѣсколько назадъ и затѣмъ, войдя въ лѣсъ, вышелъ на опушку, обращенную къ восточному редуту. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ оставался все время немного впереди и вправо отъ батареи. Въ это время подошли правая и лѣвая колонны и начали обстрѣливать непріятельскую позицію. Вслѣдъ затѣмъ подошла и колонна флигель-адъютанта полковника Черевина, которая открыла огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ съ четвертой стороны. Такимъ образомъ, около девяти съ половиною часовъ утра вокругъ непріятельской позиціи образовалось кольцо артиллерійскаго огня, причемъ концентрическая стрѣльба пятидесяти-четырехъ орудій наносила непріятелю страшный уронъ.

Въ началѣ одиннадцаго часа утра флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, во главѣ своего полка, двинулся на штурмъ восточнаго редута. Турки встрѣтили аттаку самымъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ какъ изъ восточнаго редута, такъ и изъ главнаго. Но, не смотря на этотъ губительный огонь, лейбъ-гренадеры стремительно бросились впередъ и, пробѣжавъ пространство, отдѣлявшее ихъ отъ редута, съ криками «ура», ворвались въ него. Турки не выдержали удара и бросились въ главное укрѣпленіе. Лейбъ-гренадеры хотѣли было преслѣдовать, чтобы по пятамъ ихъ ворваться въ главный редутъ, но изъ него послѣдовалъ такой губительный огонь, что они не могли идти впередъ и остановились во взятомъ редутѣ.

Желая поддержать аттаку лейбъ-гренадеровъ, генералъ-маіоръ баронъ Зеделеръ двинулъ впередъ обѣ батареи, по эшелонно, а также и лейбъ-гвардіи Московскій полкъ. 1-я батарея лихо вынеслась впередъ на болѣе близкую отъ главнаго редута дистанцію, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но она не могла долго оставаться на этой позиціи и, сдѣлавъ нѣсколько очередей, вернулась на первоначальную позицію. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ подошелъ на одну высоту съ лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ и залегъ за укрѣпленіями вправо отъ восточнаго редута. Въ этотъ періодъ боя были ранены: генералъ-маіоръ баронъ Зеделеръ и флигель-адъютанты, полковники: Любовицкій и Скалонъ. Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій на восточномъ фасѣ было очищеніе непріятелемъ всѣхъ линій передовыхъ укрѣпленій и отступленіе его въ главный, центральный редутъ.

Пока все это происходило въ средней колоннѣ, правая, начавъ свое движеніе ровно въ шесть съ четвертью часовъ утра, двинулась на шоссе, въ промежутокъ между Горнимъ и Дольнимъ Дубняками. Кубанскіе эскадроны Собственнаго Его Величества конвоя, шедшіе въ головѣ колонны, очистили всю мѣстность отъ черкесовъ и, занявъ шоссе, испортили теле-

графную линію. Когда пѣхота правой колонны начала подходить по шоссе, она была встрѣчена артиллерійскимъ огнемъ изъ укрѣпленій Дольняго Дубняка. Оставивъ временно лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый баталіонъ, въ видѣ заслона противъ Дольняго Дубняка, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й завелъ свою бригаду правымъ плечомъ впередъ и, вызвавъ на шоссе обѣ батареи, построилъ боевой порядокъ. На правомъ флангѣ шелъ баталіонъ Императорской Фамиліи, на лѣвомъ лейбъ-гвардіи Финскій, а баталіонъ Его Величества въ резервѣ.

Подойдя на разстояніе около восьмисотъ-пятидесяти саженъ къ главному редуту, обѣ батареи снялись съ передковъ и открыли огонь по центральному редуту; стрѣлковые же баталіоны двинулись впередъ. Такъ какъ въ это время, вслѣдствіе дѣйствій лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, линія передовыхъ укрѣпленій была уже очищена турками, то оба стрѣлковые баталіоны заняли ихъ и, залегши за оставленными ложементами, открыли огонь съ разстояній отъ семисотъ-пятидесяти до девятисотъ шаговъ. Такъ какъ линія передовыхъ турецкихъ укрѣпленій съ того мѣста, откуда стрѣляли батареи, сливалась съ линіею главнаго редута и трудно было слѣдить за мѣстами разрывовъ нашихъ снарядовъ, вслѣдствіе чего являлась опасность, по ошибкѣ, поражать своихъ же, то велѣно было обѣимъ батареямъ подъѣхать поближе къ укрѣпленіямъ. Несмотря на самый убійственный огонь, батареи подъѣхали почти къ самой линіи передовыхъ турецкихъ укрѣпленій и начали стрѣлять съ дистанціи около четырехъ-сотъ саженъ.

Такъ какъ до сихъ поръ въ дѣло были введены только два баталіона правой колонны, а остальные два держались въ резервѣ, въ видѣ заслона отъ Дольняго Дубняка, то, желая усилить боевую линію, генералъ Гурко послалъ приказаніе 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи стать на шоссе фронтомъ къ Дольнему Дубняку, а обоимъ стрѣлковымъ баталіонамъ (1-му и 2-му) идти впередъ на усиленіе боевой линіи. Сдѣлавъ это распоряженіе, генералъ Гурко самъ подъѣхалъ къ передовымъ турецкимъ ложементамъ, чтобы съ болѣе близкаго разстоянія осмотрѣть главный турецкій редутъ и общее положеніе дѣлъ.

Здѣсь, около двѣнадцати часовъ дня, генералъ Гурко получилъ донесеніе объ отбитой аттакѣ колонны генерала Розенбаха и о ранѣ, полученной генераломъ барономъ Зедделеромъ. Тутъ же онъ увидѣлъ тѣ трудности, которыя предстояло превозмочь средней колоннѣ.

Вправо отъ того мѣста, гдѣ находился генералъ Гурко, отдѣлялась лощина, впадавшая въ долину, на днѣ которой находилось селеніе Горній Дубнякъ. Всѣ три стрѣлковыхъ баталіона, шедшіе вправо отъ батареи, ища укрытія отъ свинцоваго дождя турецкихъ пуль, принимали этой лощиной вправо и, выйдя въ долину, выходили противъ западнаго фронта главнаго редута. Вслѣдствіе этого, между батареею и стрѣлковыми бата-

ліонами мало-по-малу образовался довольно большой промежутокъ. Необходимо было заполнить этотъ промежутокъ. Съ другой стороны, генералъ Гурко нашелъ нужнымъ поддержать уже понесшія большія потери среднюю и лѣвую колонны. Вслѣдствіе этого, онъ послалъ приказаніе лейбъ-гвардіи Измайловскому полку идти на поле сраженія, причемъ направить два баталіона на фронтъ, обращенный къ Плевнѣ, упомянутый выше промежутокъ, одинъ баталіонъ отправить для поддержанія средней колонны и одинъ—для поддержанія лѣвой колонны. Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ переѣхалъ на батарею средней колонны, въ концѣ втораго часа пополудни.

Лѣвая колонна, также какъ и правая, выступила изъ мѣста своего расположенія, изъ Свинарской балки, ровно въ шесть съ четвертью часовъ утра, и направилась на шоссе въ промежутокъ между Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ. Во время слѣдованія по балкѣ, колонна была задержана переходомъ чрезъ неширокую, но очень глубокую канаву, вслѣдствіе чего она прибыла болѣе чѣмъ получасомъ позже средней колонны. Подойдя къ шоссе, колонна сдѣлала захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ и, вызвавъ обѣ батареи, открыла огонь по главному турецкому редуту. Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ шелъ влѣво отъ шоссе, лейбъ-гвардіи Павловскій—вправо отъ него. Финляндскому полку пришлось идти по весьма густому молодому лѣску; Павловскій-же полкъ шелъ по мѣстности открытой. Батареи открыли огонь первоначально съ дистанціи нѣсколько болѣе девяти-сотъ саженъ, но вскорѣ переѣхали на дистанцію около семисотъ-пятидесяти саженъ. Впослѣдствіи къ этимъ батареямъ пристроилась 5-я гвардейская батарея гвардейской конной артиллеріи.

Увидѣвъ штурмъ восточнаго редута лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, оба полка пошли впередъ и, пройдя лощину, подъ сильнымъ огнемъ турокъ, взобрались на гору и пошли на штурмъ главнаго редута. Но, встрѣченные сильнымъ, убійственнымъ огнемъ, остановились, причемъ Финляндскій полкъ прилегъ въ мертвомъ пространствѣ на скатѣ горы, а Павловскій полкъ—въ различныхъ укрытіяхъ къ югу отъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка.

Во время этихъ дѣйствій были ранены: командиръ бригады, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Розенбахъ, на полянѣ въ лѣсу, и полковникъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка флигель-адъютантъ Руновъ.

Какъ уже сказано выше, около двухъ часовъ генералъ Гурко прибылъ на батарею средней колонны. Въ это время редутъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками, которыя подошли уже на очень близкое разстояніе. Сильный артиллерійскій огонь безустанно громилъ защитниковъ редута со всѣхъ четырехъ сторонъ, начиная съ восьми съ половиною часовъ утра.

Въ это-же время генералъ Гурко получилъ свѣдѣнiе, что лейбъ-гвардiи Егерскiй полкъ отступилъ отъ Телиша, вслѣдствiе чего являлась опасность прихода подкрѣпленiй съ южной стороны; очевидно, что надо было кончать дѣло поскорѣе. Вслѣдствiе этого, генералъ Гурко рѣшилъ, по приходѣ баталiоновъ лейбъ-гвардiи Измайловскаго полка, двинуть всѣ войска на штурмъ, единовременно со всѣхъ сторонъ; время рѣшительной аттаки онъ предполагалъ около трехъ часовъ пополудни. Вслѣдствiе этого, онъ передалъ соотвѣтственныя приказанiя лично Свиты Его Величества генералу Броку, вступившему въ командованiе 1-ю бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизiи, и послалъ письменное приказанiе Свиты Его Величества генералъ-маiору Эллису 1-му.

При этомъ, для того, чтобы штурмъ всѣми войсками былъ одновременный, генералъ Гурко установилъ слѣдующiй условный сигналъ: когда всѣ распоряженiя будутъ отданы, онъ прикажетъ произвести три залпа съ батарей лѣвой колонны; послѣ этихъ залповъ, произвести три залпа съ батарей средней колонны, наконецъ послѣ этихъ залповъ произвести три залпа съ батареи правой колонны. Послѣ послѣдняго залпа правой колонны всѣ войска должны броситься на штурмъ. Генералъ Гурко разсчитывалъ, что единовременная аттака со всѣхъ сторонъ и притомъ съ разстоянiй очень небольшихъ (отъ ста до четырехъ-сотъ шаговъ) увѣнчается успѣхомъ. Сдѣлавъ эти распоряженiя, онъ поѣхалъ въ лѣвую колонну и, объѣхавъ расположенiе всѣхъ войскъ, прибылъ на батарею, гдѣ лично передалъ соотвѣтственныя распоряженiя начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизiи, генералъ-адъютанту графу Шувалову. Но прежде чѣмъ графъ Шуваловъ успѣлъ передать войскамъ свои распоряженiя, раздались три послѣдовательныхъ залпа съ батарей правой колонны и войска этой колонны пошли на штурмъ. Такимъ образомъ, условленный сигналъ не былъ выполненъ и предположенiя объ единовременной аттакѣ рушились.

Генералъ Гурко, какъ сказано въ его рапортѣ, съ замиранiемъ сердца, слѣдилъ за послѣдовавшими дѣйствiями, потому что, вмѣсто единовременнаго штурма со всѣхъ сторонъ, должны были послѣдовать одиночные и разновременные штурмы различными частями войскъ, успѣхъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Чтобы какъ-нибудь исправить дѣло и выручить войска правой колонны, уже начавшiя аттаку, онъ послалъ во всѣ стороны ординарцевъ, чтобы войска, не дожидаясь сигнала, поддержали аттаку правой колонны. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ аттакъ. Всѣ части, встрѣчаемыя въ высшей степени губительнымъ огнемъ, не могли дойти до главнаго редута. Но, за исключенiемъ лейбъ-гвардiи Финляндскаго полка, ни одна часть не отошла назадъ, а, продвинувшись впередъ, залегли за разными укрытiями, причемъ нѣкоторыя части дошли на сорокъ шаговъ къ редуту. Что-же касается до финляндцевъ, то, не встрѣчая впереди себя рѣшительно никакого укрытiя,

они были вынуждены вернуться назадъ и опять залечь на скатѣ горы, въ мертвомъ ея пространствѣ.

Во время этой аттаки былъ смертельно раненъ командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка генералъ-маіоръ Лавровъ, который съ полнымъ, дойстойнымъ удивленія, геройствомъ бросился впередъ во главѣ своего полка.

Послѣ этого ряда аттакъ, окончившихся около четырехъ часовъ пополудни, всѣ батареи должны были прекратить огонь, потому что части подошли такъ близко къ укрѣпленію, что огонь батарей наносилъ вредъ своимъ собственнымъ войскамъ. Отводить-же войска для того, чтобы обстрѣливать редутъ, было положительно невозможно, въ виду тѣхъ жертвъ, которыя они неминуемо понесли-бы при этомъ движеніи, а главное, въ виду дурнаго дѣйствія этого отступательнаго движенія на духъ войскъ.

Поэтому генералъ Гурко рѣшилъ оставить войска въ занятыхъ ими позиціяхъ съ тѣмъ, чтобы, съ наступленіемъ сумерокъ, начать новую аттаку. Сдѣлавъ соотвѣтственныя распоряженія, онъ вернулся на холмъ возлѣ Горнаго Дубняка и ожидалъ наступленія сумерокъ.

Наступило грозное гробовое молчаніе. Съ началомъ наступленія сумерокъ, нѣкоторыя части войскъ подошли еще на болѣе близкое разстояніе отъ редута. Такъ, два баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, со своимъ полковымъ командиромъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Эллисомъ 2-мъ во главѣ, проползли на колѣняхъ еще шаговъ около стапятидесяти и очутились не болѣе какъ въ пятидесяти шагахъ отъ редута. Тогда войска сразу бросились впередъ и, почти со всѣхъ сторонъ, ворвались въ редутъ. Огромное пламя вспыхнувшаго внутри редута пожара освѣтило мѣстность и возвѣстило о паденіи редута, такъ долго и упорно защищаемаго турками.

Комендантъ гарнизона, дивизіонный генералъ ферикъ Ахмедъ-Хивипаша, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, со всѣмъ своимъ отрядомъ положилъ оружіе.

Трофеями побѣды подъ Горнымъ Дубнякомъ были: одинъ паша, пятьдесятъ-три офицера, двѣ-тысячи-двѣсти-тридцать-пять нераненыхъ нижнихъ чиновъ, одно большое полковое знамя, четыре крупповскихъ дальнобойныхъ орудія и огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ. Особенно много взято металлическихъ патроновъ.

Съ нашей стороны всего было убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ: генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ сто-семьнадцать (раненыхъ генераловъ три, штабъ-и оберъ-офицеровъ девяносто-шесть, убито: штабъ-офицеровъ одинъ, оберъ-офицеровъ семьнадцать), нижнихъ чиновъ три-тысячи-сто-девяносто-пять (убито семьсотъ-девяносто, ранено двѣ тысячи-триста-восемьдесятъ-четыре, безъ вѣсти пропало двадцать одинъ).

Собственно участіе лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона какъ въ этомъ бою, такъ и въ предшествовавшей ему переправѣ войскъ черезъ Видъ заключалось въ слѣдующемъ:

Весь вечеръ 11-го и первую половину ночи съ 11-го на 12-е октября гвардейскіе саперы роты Его Величества заняты были на берегахъ Вида окончаніемъ начатыхъ ими 6-го октября работъ, такъ что 12-го октября рота Его Величества вступила въ бой не спавши болѣе сутокъ.

Общее наблюденіе какъ за устройствомъ переправы, такъ и за порядкомъ при производствѣ ея было поручено, какъ сказано было выше, командиру баталіона. При совершеніи этой переправы была настоятельная необходимость въ соблюденіи полной тишины порядка, для того, чтобы не обратить на нее вниманія непріятеля. Саперы всѣхъ ротъ были разставлены командами, при офицерахъ, при спускахъ въ броды и по ближайшимъ къ Виду путямъ, ведущимъ къ этимъ бродамъ. У каждаго изъ бродовъ находились указатели съ нумерами ихъ, для того, чтобы не могло произойти ни малѣйшаго замѣшательства и недоразумѣнія. Войска двигались къ бродамъ по указанію офицеровъ генеральнаго штаба и саперныхъ. Когда переправа всѣхъ войскъ, совершившаяся вполнѣ благополучно и съ соблюденіемъ должнаго порядка и тишины, была окончена, переправились и гвардейскіе саперы.

Въ шесть съ половиной часовъ утра 12-го октября баталіонъ *) перешелъ Видъ по броду № 3, вступилъ въ составъ частнаго резерва колонны Свиты Его Величества генералъ-маіора барона Зедделера, вмѣстѣ съ 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Резервомъ этимъ командовалъ флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ. Оба вышеозначенные баталіона двигались за колонною генерала барона Зедделера.

Перейдя Видъ въ полной тишинѣ и порядкѣ оба баталіона, въ колоннахъ изъ середины, начали подниматься на поросшій кукурузою подъемъ къ турецкой позиціи. Въ это время батареи и баталіоны уже развертывались и къ сторонѣ непріятеля послышалась перестрѣлка, постепенно разроставшаяся. Санитары суетились, пронесли по направленію къ перевязочному пункту первыхъ раненыхъ и вскорѣ послышалось «ура» нашихъ войскъ, аттаковавшихъ непріятеля. Дойдя до опушки густаго дубоваго лѣска оба баталіона были остановлены и положены. Въ это время подъѣхалъ къ резерву полковникъ генеральнаго штаба Ставровскій, который и сообщилъ извѣстіе о взятіи малаго редута. Громкое «ура» было отвѣтомъ на эту радостную вѣсть. Такъ какъ полковникъ Ставровскій сообщилъ также, что овладѣть большимъ редутомъ не удалось, что безъ под-

*) 4-й взводъ роты Его Величества, подъ командою подпоручика Мейснера, назначенъ былъ въ составъ отряда флигель-адъютанта полковника Челищева, направленнаго въ этомъ день на Телишъ.

крѣпленій двигаться дальше нельзя и что помощь настоятельно необходима, то бывшій въ резервѣ 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадерскаго полка былъ двинутъ впередъ. Полковникъ-же Ставровскій сообщилъ командиру баталіона и о томъ, что генералъ баронъ Зедделеръ раненъ.

Вскорѣ однако пули начали попадать и въ резервъ. Первая попавшая пуля пробила сухарный мѣшокъ сапера 2-й роты Зайцева. Видя, что баталіонъ подвергается напраснымъ потерямъ и имѣя въ въ виду слова полковника Ставровскаго о томъ, что помощь настоятельно необходима, командиръ баталіона перестроилъ баталіонъ по-ротно въ двѣ линіи и двинулъ его впередъ.

Баталіону пришлось двигаться при этомъ по густому молодому дубовому лѣску. Флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ ѣхалъ во главѣ 2-й роты, бывшей въ первой линіи. По мѣрѣ движенія впередъ огонь дѣлался все сильнѣе и сильнѣе и вскорѣ командиръ баталіона былъ раненъ. Сойдя съ лошади командиръ баталіона продолжалъ идти впередъ, не желая оставлять баталіонъ. Пройдя нѣкоторое пространство и пріостановивъ временно роты баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ вышелъ на находившуюся въ лѣсу поляну, гдѣ стояла наша батарея. Здѣсь онъ увидѣлъ раненаго барона Зедделера, который ознакомилъ его съ положеніемъ дѣла и высказалъ свое сожалѣніе о томъ, что принужденъ оставить строй вслѣдствіе полученной имъ раны. Доложивъ барону Зедделеру о томъ, что и онъ самъ раненъ, флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ возвратился къ ротамъ баталіона, съ которыми и продолжалъ двигаться впередъ. Замѣтя сильную блѣдность флигель-адъютанта полковника Скалона, происходившую отъ боли, которую онъ чувствовалъ, командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Ренгартенъ началъ уговаривать его идти на перевязочный пунктъ. Не будучи въ состояніи идти далѣе, командиръ баталіона выразилъ штабсъ-капитану Ренгартену увѣренность въ исполненіи баталіономъ своего долга и, передавъ затѣмъ командованіе баталіономъ исполнявшему должность младшаго штабъ-офицера капитану князю Аргутинскому-Долгорукому, отнесенъ былъ на поревязочный пунктъ, гдѣ ему сдѣлана была баталіоннымъ врачемъ докторомъ Целле перевязка. Находясь на перевязочномъ пунктѣ командиръ баталіона видѣлъ съ удовольствіемъ какъ многіе изъ гвардейскихъ саперъ, получивъ перевязку, просились обратно въ строй, вслѣдствіе чего нѣкоторымъ изъ нихъ разрѣшено было вернуться къ баталіону. Докторъ Целле, до самаго вечера, продолжалъ, съ удивительнымъ спокойствіемъ, дѣлать перевязки раненымъ, несмотря на то, что на перевязочный пунктъ долетали, хотя и рѣдко, непріятельскія пули.

Вскорѣ послѣ отнесенія командира баталіона на перевязочный пунктъ роты 1-го и роты 2-го полу-баталіоновъ, вслѣдствіе густоты лѣска, потеряли изъ виду другъ друга, но роты Его Величества и 2-я съ одной стороны, а роты Его Высочества и 4-я съ другой, держались очень близко

одна къ другой. Такъ какъ дѣйствія каждаго изъ полу-баталіоновъ были съ этого времени, по необходимости, не въ связи одни съ другими, то здѣсь разобраны отдѣльно сначала дѣйствія ротъ 1-го, а потомъ—ротъ 2-го полу-баталіоновъ.

Вслѣдствіе неясности положенія дѣла и чтобы не подвергать людей напраснымъ потерямъ отъ огня, который все усиливался, по мѣрѣ движенія впередъ, роты Его Величества и 2-я были нѣсколько отведены назадъ командирами ихъ поручикомъ Прескоттъ и штабсъ-капитаномъ Ренгартеномъ и положены впредь до разъясненія обстоятельствъ дѣла.

Вслѣдъ за этимъ подошелъ къ штабсъ-капитану Ренгартену полковой адъютантъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка капитанъ Павловскій, пришедшій за подкрѣпленіями, такъ какъ, по его словамъ, дальнѣйшее движеніе утомленныхъ боемъ войскъ отъ малаго къ главному редуту было невозможно. Имѣя, съ одной стороны, въ виду, что капитанъ Павловскій передавалъ не чье либо приказаніе, а просьбу о помощи лейбъ-гренадерамъ и не имѣя возможности получить болѣе точныя свѣдѣнія о ходѣ боя, а также какія либо приказанія, съ другой стороны, не желая отказывать въ настоятельно необходимой помощи лейбъ-гренадерамъ, штабсъ-капитанъ Ренгартенъ и поручикъ Прескоттъ двинули свои роты впередъ. Выйдя на опушку штабсъ-капитанъ Ренгартенъ замѣтилъ впереди, въ нѣкоторомъ отдаленіи, какую то часть войскъ, лежавшую густою массою по ближайшему къ сторонѣ Вида скату возвышенія, на которомъ, какъ оказалось впослѣдствіи, находился малый редутъ. Это были главнымъ образомъ лейбъ-гренадеры, а также офицеры и нижніе чины другихъ частей, лежавшіе близъ малаго редута, ими занятаго и прикрывавшіеся этимъ редутомъ отъ огня съ большаго редута, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій. Такъ какъ съ одной стороны, огонь въ это время сдѣлался чрезвычайно силенъ, а съ другой, штабсъ-капитанъ Ренгартенъ не желалъ отступать, то онъ двинулъ свою роту бѣгомъ къ малому редуту, разсыпавъ ее предварительно въ цѣпь, для избѣжанія напрасныхъ потерь. Принятіе этого рѣшенія свидѣтельствуетъ о несомнѣнной храбрости этого офицера, такъ какъ онъ двинулъ свою роту къ сторонѣ непріятеля по собственной иниціативѣ, по совершенно открытой мѣстности, не разсчитывая на какую либо поддержку отъ другихъ нашихъ войскъ, которыхъ по близости вовсе и не было въ этотъ моментъ. Добѣжавъ до малаго редута 2-я рота залегла на краяхъ пространства занятаго л.-гренадерами. Вся эта масса людей лежала на мертвомъ пространствѣ, образуемомъ насыпями малаго редута, относительно огня съ большаго редута. Такъ какъ саперы 2-й роты могли только расположиться по наружнымъ окраинамъ этого мертваго пространства, то они продолжали, даже лежа, терпѣть отъ ружейнаго огня съ фронта и отчасти съ фланговъ. Въ виду этого штабсъ-капитанъ Ренгартенъ приказалъ своимъ саперамъ немедленно лежа окопаться. Этому примѣру послѣдовали и многіе изъ пѣ-

хотинцевъ, лежавшихъ возлѣ малаго редута. Они окапывались кто чѣмъ могъ, т. е. котелками, руками и тесаками. Два сапера 2-й роты, поднявшіеся было, чтобы удобнѣе окапываться, были немедленно убиты. Было около часу дня, когда 2-я рота подбѣжала къ малому редуту. Въ то время, когда 2-я рота двинулась бѣгомъ, цѣпью, къ этому редуту, рота Его Величества, слѣдуя за 2-ю и дойдя до опушки лѣса, получила, чрезъ ординарца, приказаніе генерала Гурко перейти на правый флангъ средней колонны. Подойдя къ бывшему на правомъ флангѣ этой колонны лейбъ-гвардіи Московскому полку рота Его Величества, по приказанію генерала Брока, была разсыпана въ цѣпь и расположена на правомъ же флангѣ бывшаго въ цѣпи 4-го баталіона этого полка, съ которымъ и двинулась впослѣдствіи въ аттаку на большой редутъ.

Въ то время когда съ первыми двумя ротами баталіона происходило все вышеописанное, съ ротами Его Высочества и 4-ю происходило слѣдующее:

Пройдя по лѣсу нѣкоторое пространство послѣ перестроенія по ротно въ двѣ линіи и потерявъ ранеными командира *) роты Его Высочества и нѣсколько нижнихъ чиновъ, роты Его Высочества и 4-я были отведены назадъ къ обращенной къ Виду опушкѣ, гдѣ и рѣшено было выждать дальнѣйшихъ приказаній, такъ какъ ни направленіе движенія, благодаря густотѣ лѣска, ни цѣль его не были точно извѣстны. Кромѣ того дѣйствовавшая по туркамъ батарея, замѣтная изъ лѣска, такъ какъ она расположена была на нѣкоторомъ возвышеніи, стояла, повидимому, безъ прикрытія и потому казалось полезнымъ приблизиться къ ней.

Когда обѣ эти роты были положены у обращенной къ Виду опушки лѣса, къ нимъ подошелъ, направляясь со стороны непріятеля, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Брокъ, принявшій начальство надъ среднею колонною послѣ раненаго барона Зедделера. Генералъ Брокъ шелъ пѣшкомъ совершенно одинъ, такъ какъ разослалъ уже своихъ ординарцевъ. Увидя генерала, командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Чудовскій, подошелъ къ нему и попросилъ приказаній. Тогда генералъ Брокъ приказалъ ротамъ Его Высочества и 4-й стать на флангахъ расположенной на полянѣ батареи. Затѣмъ генералъ вновь направился къ сторонѣ непріятеля. Въ то время, когда роты Его Высочества и 4-я шли уже по направленію къ артиллеріи, штабсъ-капитанъ Чудовскій узналъ отъ встрѣченнаго имъ раненаго офицера, что аттака на большой редутъ отбита, что потери громадны и что помощь настоятельно необходима. Тогда штабсъ-капитанъ Чудовскій, увлекаемый желаніемъ помочь передовымъ войскамъ, повелъ роту по направленію къ не-

*) Командиръ роты Его Высочества капитанъ князь Кильдишевъ, будучи контуженъ пулями въ правую ногу и грудь, принужденъ былъ отправиться на перевязочный пунктъ, поручивъ командованіе ротою поручику графу Ивеличу.

пріятелю. За 4-ю ротою послѣдовала и рота Его Высочества. Командовавшій ею поручикъ графъ Ивеличъ, будучи раненъ въ ухо, просилъ штабсъ-капитана Чудовскаго распоряжаться его ротою, такъ какъ, оставшись въ строю, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ командовать ею самъ, будучи оглушенъ и контуженъ ударившею въ ухо пулею. Идя по лѣсу роты Его Высочества и 4-я были вновь встрѣчены генераломъ Брокомъ. На вопросъ куда роты идутъ, штабсъ-капитанъ Чудовскій доложилъ генералу о разговорѣ своемъ со встрѣченнымъ имъ офицеромъ. Тогда генералъ Брокъ приказалъ ротамъ продолжать движеніе и пошелъ съ ними самъ впередъ. Выйдя на опушку, генералъ приказалъ выслать цѣпь сначала отъ 4-й роты, а затѣмъ и отъ роты Его Высочества. Въ это время огонь непріятеля то усиливался, то ослабѣвалъ и роты продолжали терпѣть отъ него, причемъ ранены были подпоручи Адріяновъ и Соколовичъ, а также убито и ранено было нѣсколько нижнихъ чиновъ. Генералъ Брокъ, все время находившійся въ цѣпи, приказалъ саперамъ сдѣлать нѣсколько перебѣжекъ впередъ и тогда роты открыли рѣдкій огонь. Генералъ ожидалъ подкрѣпленій, а именно лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, и потому рѣшительныхъ дѣйствій не предпринималъ. Артиллерія наша продолжала въ это время стрѣлять по большому редуту поверхъ цѣпи. Вслѣдъ за этимъ, оказавъ своимъ спокойствіемъ самое благотворное вліяніе на офицеровъ и солдатъ, генералъ Брокъ отошелъ отъ цѣпи, предупредивъ о предстоящемъ прибытіи подкрѣпленій и приказавъ пропустить измайловцевъ чрезъ саперную цѣпь, не слѣдуя за ними. Вскорѣ огонь турокъ усилился чрезвычайно. Цѣлый градъ пуль летѣлъ большею частью надъ головами саперъ. Оказалось, что турки встрѣчаютъ этимъ огнемъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ.

Вслѣдъ за этимъ начало уже смеркаться. Роты Его Величества и 2-я продолжали лежать на прежнихъ мѣстахъ, причемъ одиночные нижніе чины 2-й роты, по примѣру другихъ лежавшихъ вмѣстѣ съ ними нижнихъ чиновъ полковъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской стрѣлковой бригады, постепенно перебѣгали по одиночкѣ къ сторонѣ непріятеля отъ закрытія къ закрытію.

Когда начало темнѣть бой совершенно замолкъ и въ большомъ редутѣ загорѣлись шалаши, зажженные вѣроятно нашей артиллеріей. Вслѣдъ за этимъ послышался сигналъ «наступленіе» и сначала слабое, а потомъ постепенно разроставшееся грозное «ура», съ которымъ окружившія большой редутъ войска бросились неудержимою лавиною на непріятеля. Всѣ четыре роты баталіона тоже двинулись впередъ и когда дошли до большаго редута, то нашли его уже занятымъ нашими войсками. Штыковая работа продолжалась однако среди редута до тѣхъ поръ, пока турки не положили оружія. Главная масса измайловцевъ ворвалась преимущественно съ сѣвера, а финляндцевъ съ запада. Впрочемъ здѣсь были нижніе чины всѣхъ полковъ, объ измайловцахъ же и финляндцахъ упомянуто здѣсь потому, что главная

масса тѣлъ, лежавшихъ у сѣвернаго и западнаго фасовъ этого редута, принадлежала именно чинамъ этихъ двухъ полковъ.

Тотчасъ послѣ взятія редута подъѣхалъ къ нему графъ Шуваловъ и поздравилъ войска съ побѣдою. Вскорѣ послѣ графа Шувалова подъѣхалъ и генералъ Гурко. Трудно описать восторгъ войскъ. Они отвѣчали громкимъ, неумолкаемымъ «ура» на привѣты своихъ начальниковъ. Офицеры и нижніе чины всѣхъ ротъ баталіона здѣсь сошедшихся, какъ и другіе, обнимались, цѣловались и поздравляли другъ друга. Увидя гвардейскихъ саперъ среди другихъ войскъ у только что взятаго редута, графъ Шуваловъ выразилъ имъ свою благодарность за то, что они показали себя такими же молодцами, какъ и другіе. Вслѣдъ за этимъ графъ Шуваловъ приказалъ штабсъ-капитану Чудовскому, бывшему старшимъ въ той группѣ офицеровъ, къ которой онъ подъѣхалъ, немедленно осмотрѣть редутъ и доложить какимъ образомъ можно было бы приспособить его въ нашу пользу. Порученіе это было тотчасъ же исполнено, причемъ обращено было особенное вниманіе на усиленіе тѣхъ фасовъ, которые обращены были къ Телишу, какъ пункту еще нашими войсками не занятому и со стороны котораго не было съ нашей стороны сильнаго заслона. Въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ ранены были изъ баталіона: командиръ его флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ, капитанъ князь Кильдишевъ, поручикъ графъ Ивеличъ и подпоручики Адріяновъ и Соколовичъ. Къ счастью раны оберъ-офицеровъ оказались настолько легкими, что всѣ они вскорѣ присоединились къ баталіону. Нижнихъ чиновъ убито было 5 и ранено 62. По общему отзыву изъ числа нижнихъ чиновъ баталіона особенно отличался храбростью и распорядительностью, какъ во время этого боя, такъ и впослѣдствіи, во время всей компаніи фельдфебель роты Его Высочества Михайловъ. Обязанности свои онъ исполнялъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и въ высшей степени дѣльно и разумно. Примѣръ его оказывалъ наилучшее вліяніе на подчиненныхъ.

13-го, 14-го и 15-го октября роты баталіона, вмѣстѣ съ гвардейскою пѣхотою, укрѣпляли занятую гвардіею позицію у Горняго Дубняка къ сторонѣ Плевны и Телиша.

13-го октября Его Императорское Высочество главнокомандующій изволилъ объѣзжать и благодарить войска гвардіи за славное дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ. Узнавъ, что командиръ баталіона лежитъ раненый въ Чириковѣ, Его Высочество изволилъ осчастливить его Своимъ посѣщеніемъ какъ до объѣзда войскъ, такъ и на возвратномъ пути, причемъ благодарилъ за службу и приказалъ перевезти его въ Боготъ, гдѣ была главная квартира арміи.

16-го октября роты 2-я, Его Высочества и 4-я участвовали во взятіи Телишской укрѣпленной позиціи, а рота Его Величества продолжала работы по укрѣпленію нашей позиціи у Горняго Дубняка.

Въ дѣлѣ подъ Телишемъ 4-я рота и полутора 2-й роты, подъ командою штабсъ-капитана Ренгартена, двинуты были съ батареми 3-й гвардейской гренадерской артиллерійской бригады къ лѣвому флангу непріятельскаго расположенія, а рота Его Высочества и другая полурота 2-й роты, подъ командою капитана князя Кильдишева, двинуты были съ батареями лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады къ правому флангу непріятельскаго расположенія. По выборѣ позицій для батарей роты строили, подъ непріятельскими выстрѣлами, ровики для артиллерійской прислуги. При этомъ раненъ былъ осколкомъ гранаты рядовой 4-й роты Пузановъ. По окончаніи работы роты присоединились къ резерву и оставались въ немъ до окончанія дѣла.

16-го октября объявлено было въ приказѣ по гвардейскому корпусу о томъ, что Его Императорское Высочество главнокомандующій изволилъ приказать временно вступить въ командованіе лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ адъютанту Его Высочества полковнику Ласковскому.

17-го октября производились работы по укрѣпленію позиціи противъ Дольнаго Дубняка передъ Горнымъ Дубнякомъ, вскорѣ однако прекратившіяся, по случаю оставленія перваго изъ нихъ турками, причемъ 4-я рота поступила 18-го октября въ распоряженіе Свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го для работъ подъ Дольнымъ Дубнякомъ.

Работы 4-й роты производились втеченіе двухъ ночей и состояли частью въ передѣлкѣ построенныхъ румынами батарей, укрѣпленій и траншей, а частью въ постройкѣ новыхъ.

19-го октября баталіонъ, одновременно съ другими войсками отряда, приступилъ, вслѣдствіе приказа по войскамъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда, къ устройству землянокъ. Землянки приказано было строить прочныя и теплыя, причемъ онѣ должны были быть выстроены не ближе шести сотъ шаговъ отъ укрѣпленій, такъ, чтобы между ними и укрѣпленіями оставалась широкая полоса совершенно свободнаго пространства.

19-го же октября получено было ротою Его Величества приказаніе немедленно прибыть къ Дольнему Дубняку, который былъ оставленъ турками. По прибытіи роты на вновь избранную позицію было немедленно приступленно къ работамъ. Остальныя роты также работали въ этотъ день по укрѣпленію позиціи у Дольняго Дубняка.

20-го октября всѣ турецкія позиціи у Дольняго Дубняка были заняты нашими войсками. Баталіонъ же вступилъ въ Дольній Дубнякъ 21-го октября. Работы по укрѣпленію позиціи гвардіи у Дольняго Дубняка продолжались баталіономъ, вмѣстѣ съ гвардейскою пѣхою, вплоть по 1-е ноября.

23-го октября Государь Императоръ изволилъ объѣзжать войска, расположенныя у Дольняго Дубняка. Баталіонъ былъ выстроенъ на лѣвомъ флангѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Громкое «ура» грянуло въ воздухѣ при приближеніи Его Величества къ войскамъ и долго, долго

не умолкало, сливаясь съ торжественными звуками народна гимна. Государь Императоръ изволилъ объѣзжать всѣ баталіоны, всѣ роты, останавливался и благодарилъ солдатъ, обращая ласковое слово и къ офицерамъ. Государь былъ видимо взволнованъ, тронутъ — Его Величество былъ снова со своей гвардіей. Государь Императоръ видѣлъ здѣсь гвардейцевъ на неостывшемъ еще полѣ битвы, вышедшими изъ огня героями. Многихъ привычныхъ, знакомыхъ Его Величеству лицъ не было уже въ строю. Государь Императоръ изволилъ вспоминать многихъ, разсказывалъ о раненыхъ, которыхъ успѣлъ уже посѣтить ранѣе, говорилъ о ходѣ ихъ ранъ, о надеждахъ на выздоровленіе, словомъ относился къ окружавшимъ какъ отецъ къ нѣжно любимымъ Имъ дѣтямъ.

Подъѣхавъ къ баталіону Его Величетьво, поздоровавшись съ нимъ, изволилъ сказать: «Спасибо вамъ, молодцы саперы». Послѣ этого Его Величество изволилъ милостиво разспрашивать о здоровьи раненаго командира баталіона, а также изволилъ спрашивать выстроенныхъ на правомъ флангѣ баталіона Георгіевскихъ кавалеровъ въ какихъ они ротахъ числятся. Обратясь затѣмъ къ баталіону Государь Императоръ изволилъ сказать: «Я надѣюсь, что васъ не будутъ болѣе употреблять какъ линейную пѣхоту». Когда священникъ провозгласилъ въ концѣ молебствія «вѣчную память убіеннымъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество», Государь Императоръ преклонилъ колѣна и все время пока пѣли молитву продолжалъ стоять на колѣняхъ, наклонивъ голову. Обильныя слезы текли по лицу Государя и со слезами на глазахъ Его Величество приложился ко кресту. Это были однако не единственныя слезы. Глядя на Своего возлюбленнаго Государя гвардія, стоя на колѣняхъ, тоже ихъ проливала и невозможно описать тѣхъ чувствъ благодарности и любви къ Богу и Государю, которыя гнѣздились въ сердцѣ каждаго. Минута была невыразимо торжественная и никто изъ присутствовавшихъ конечно никогда ее не забудетъ. Когда молебенъ кончился и Государь Императоръ хотѣлъ уже уѣзжать, повидавъ свою гвардію, безгранично Ему преданную и безпредѣльно Его любящую, восторгъ войскъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Громовое «ура» стояло въ воздухѣ. Гвардія оцѣнила посѣщеніе своего Государя, увидя Его въ трудныя минуты, вдалекѣ отъ родины, на свѣжемъ еще полѣ битвы.

Еще 15-го октября, по приказанію Его Высочества главнокомандующаго, перевезли въ Боготъ раненаго подъ Горнымъ Дубнякомъ командира баталіона и помѣстили въ кибиткѣ, около Великаго Князя. Здѣсь здоровье флигель-адъютанта полковника Скалона начало быстро возстановляться, благодаря превосходному уходу и леченію лучшихъ хирурговъ и въ томъ числѣ знаменитаго Николая Ивановича Пирогова. Его Высочество неоднократно изволилъ посѣщать командира баталіона и благодарилъ за службу его и баталіона. По возвращеніи съ объѣзда войскъ Государь Императоръ,

посѣтивъ раненаго флигель-адъютанта полковника Сколона, изволилъ выразить Свое удовольствіе видѣть его уже вставшимъ съ постели, причемъ Его Величество изволилъ сказать: «какая Мнѣ была радость видѣть Моихъ молодцовъ; саперы просто прелесть». Когда командиръ доложилъ Его Величеству, что, благодаря Бога, всѣ офицеры баталіона находятся уже въ строю, Государь Императоръ, улыбнувшись, изволилъ сказать: «нѣтъ, еще не всѣ, тебя нѣтъ, но берегись и не торопись возвращаться». Государь Императоръ часто, съ чисто отеческою заботливостью, посѣщалъ также въ Боготскомъ и другихъ госпиталяхъ раненыхъ и больныхъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ награждалъ здѣсь же знаками отличія военнаго ордена. Невозможно описать тѣхъ чувствъ благодарности, удивленія и любви, которыя возбуждали въ больныхъ и раненыхъ эти посѣщенія возлюбленнаго Государя. Милостивое вниманіе Государя Императора, дѣлившаго съ войсками труды, горе и радость, было лучшею для нихъ наградою. Они видѣли Государя и Отца, пріѣзжавшаго обласкать ихъ, утѣшить и ободрить словомъ участія и любви.

25-го октября объявлено было въ приказѣ по войскамъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда о сформированіи особаго Дольне-Дубнякскаго отряда подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го. Въ составъ этого отряда вошелъ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ вмѣстѣ съ 1-ю и 2-ю гвардейскими пѣхотными дивизіями, гвардейскою стрѣлковою бригадою, Маріупольскимъ гусарскимъ и Астраханскимъ драгунскимъ полками.

26-го октября взводъ 2-й роты отправленъ былъ въ Радомірцы для присоединенія тамъ къ лейбъ-гвардіи Московскому полку, а рота Его Высочества подъ командою капитана князя Кильдишева отправлена была 27-го октября на Волынскую гору, гдѣ и поступила въ распоряженіе начальника передовой обороны генералъ-маіора Мирковича.

29-го октября, на разсвѣтѣ, во время приступа къ постройкѣ ротою Его Высочества редута на крайнемъ правомъ флангѣ расположенія 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ то время, когда не была еще окончена разбивка редута и установка туровъ, турки открыли по работавшимъ ружейный огонь, не причинившій однако саперамъ никакого вреда. Вскорѣ затѣмъ по строющемуся редуту открытъ былъ огонь картечными гранатами, причемъ убитъ былъ рядовой Усачевъ и ранены рядовые Рыжевъ, Арепьевъ и Матвѣевъ. Первые два умерли въ тотъ же день отъ ранъ. Къ двумъ часамъ пополудни редутъ этотъ былъ настолько готовъ, что открылъ огонь изъ орудій по непріятельскимъ редутамъ. Дальнѣйшая отдѣлка редута продолжалась еще двое сутокъ, подъ выстрѣлами, хотя и рѣдкими. 1-го ноября рота Его Высочества присоединилась къ баталіону.

1-го ноября командиръ баталіона, по выздоровленіи отъ раны и послѣ представленія Государю Императору, возвратился къ баталіону и вступилъ въ командованіе имъ.

2-го ноября баталіонъ, въ составѣ Дольне-Дубнякскаго отряда, выступилъ въ головѣ колонны главныхъ силъ изъ Дольняго-Дубняка по направленію къ Балканамъ и прибылъ въ Радомірцы, гдѣ и расположился бивуакомъ. Согласно приказанію по отряду баталіонъ имѣлъ при выступленіи изъ Дольнаго Дубняка десяти-дневный запасъ сухарей (по два ф. порція), который приказано было расходовать съ величайшею осторожностью, не выдавая людямъ болѣе одного фунта въ день. Кромѣ того, вслѣдствіе вышеозначеннаго приказанія, взятъ былъ съ собою запасный скотъ и по девяносто патроновъ на человѣка. Въ Радомірцахъ построены были хлѣбопекарныя печи и началось хлѣбопеченіе.

Втеченіе 3-го ноября и до обѣда 4-го ноября 2-я и 4-я роты, вмѣстѣ съ пѣхотою, укрѣпляли позицію впереди Радомірцы, а въ два часа по-полудни 4-го ноября баталіонъ передвинулся, вмѣстѣ съ отрядомъ, въ Петровены.

5-го ноября баталіонъ прибылъ въ Яблоницу, гдѣ и расположился бивуакомъ, 4-я же рота оставлена была въ Петровенахъ для устройства мостовъ и починки, съ помощью пѣхоты, дорогъ между деревнями Яблоницы и Луковицы, что́ и продолжалось до 15-го ноября включительно.

6-го ноября баталіонъ простоялъ бивуакомъ у Яблоницы.

Въ этотъ день баталіонъ поступилъ въ составъ главныхъ силъ подъ командою генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го. Силы эти составили резервный Яблоницкій отрядъ. Съ 7-го по 9-е ноября включительно рота Его Высочества укрѣпляла позицію впереди Яблоницы, а 2-я рота присоединилась 7-го ноября къ отряду генералъ-маіору Дандевиля, который перешелъ въ этотъ день на ночлегъ въ Болгарскій Изворъ.

8-го ноября рота эта, вмѣстѣ съ частью отряда генерала Дандевиля, бывшею подъ начальствомъ командира Великолуцкаго пѣхотнаго полка полковника Рыдзевскаго, перешла на позицію у моста на Маломъ Искерѣ. Въ этотъ день отслуженъ былъ въ баталіонѣ молебенъ по случаю взятія Карса.

9-го ноября началось сосредоточеніе войскъ отряда генералъ-адютанта Гурко, для наступленія къ сѣвернымъ склонамъ Балканъ, а 10-го ноября началось и самое наступленіе къ Орханіе-Правецъ—Этропольской позиціи, предварительно занявъ позиціи у Врацы, Оссикова и Ханъ-Бруссена. Дѣйствія противъ Правецкой позиціи предоставлены были отрядамъ генераловъ Рауха и Эллиса 1-го, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова. Гвардейская драгунская бригада направлена была отъ Врацы къ укрѣпленнымъ турецкимъ позиціямъ у Новачина и Лютикова, а другіе два отряда—къ укрѣпленной позиціи у Этрополя. Этимъ двумъ отрядамъ, а равно и кавалеріи, было поставлено цѣлію: производство усиленныхъ рекогносцирококъ и удержаніе непріятеля въ его позиціяхъ, а на отряды, высланные къ Этрополю, сверхъ того, воспрепятствованіе

движенію турокъ къ Правецкой позиціи и, еслибы оказалось возможнымъ, то непосредственная аттака Этропольской позиціи. Эти послѣдніе отряды поставлены были подъ начальство генералъ-маіора Дандевиля. Первымъ изъ этихъ отрядовъ командовалъ Его Высочество Принцъ Ольденбургскій, а вторымъ—командиръ 12-го Великолуцкаго полка полковникъ Рыдзевскій, а впослѣдствіи командиръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій.

Собственно рѣшительныя дѣйствія противъ Правецкой позиціи предоставлены были отряду генералъ-маіору Рауха.

Обходное движеніе этой колонны продолжалось съ 9-го по 11-е ноября.

9-го ноября поручикъ Романовъ съ двумя унтеръ-офицерами и двадцатью рядовыми выступилъ съ отрядомъ генерала Рауха, посланнымъ въ обходъ турецкой позиціи у Ханъ-Правецъ. Ночью эта команда исправляла дорогу отъ Бедрара на Калугерово на протяженіи двѣнадцати верстъ. Просто рабочими были баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и двѣ роты гвардейскихъ стрѣлковъ. Съ утра 11-го ноября дорогу пришлось прокладывать вновь, такъ какъ имѣлась только тропинка.

Хотя послѣднюю версту работали подъ огнемъ непріятельской цѣпи, но потерь не было.

10-го ноября главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, наступали отъ Оссикова къ Правцу, гдѣ и заняли позицію по обѣ стороны шоссе близъ Правца.

Весь день 10-го, ночь съ 10-го на 11-е и отчасти 11-е ноября войска генералъ-адъютанта графа Шувалова провели въ работахъ по укрѣпленію занятой позиціи и въ тяжеломъ трудѣ втаскиванія орудій на страшныя кручи. Все время день и ночь происходила ружейная и орудійная перестрѣлка между этими войсками и непріятелемъ, находившимся въ ложементахъ и редутахъ по другую сторону длиннаго и обрывистаго оврага. Такимъ образомъ войска графа Шувалова, расположенныя противъ Правецкой позиціи, притягивали вниманія непріятеля съ фронта, въ то время, какъ колонна генерала Рауха совершала обходное движеніе.

Въ семь часовъ вечера 10-го ноября рота Его Величества была вызвана изъ резерва для постройки горизонтальной батареи на восемь орудій, на правомъ флангѣ нашей позиціи, противъ Правецкой турецкой укрѣпленной позиціи. Проработавъ два съ половиною часа она была смѣнена ротою Его Высочества. Постройка этой батареи была окончена въ два часа ночи и тотчасъ по окончаніи ея по ней былъ открытъ непріятелемъ артиллерійскій огонь.

11-го ноября, среди дня, подпоручикъ Мейснеръ строилъ, подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, окопъ на два орудія на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи подъ Правцемъ.

Къ 4 часамъ по-полудни 11-го ноября, при появленіи обходной колонны генерала Рауха, турки поспѣшно бросили свою позицію, а войска этой колонны безостановочно преслѣдовали ихъ вдоль позиціи. Непріятель бѣжалъ, осыпаемый градомъ гранатъ съ батарей отряда генералъ-адъютанта графа Шувалова.

11-го ноября, во второй день боя подъ Правцемъ, рота Его Величества начала работу по устройству прикрытій для орудій, но въ виду бѣгства турокъ прекратила эту работу.

Рота Его Высочества во время дѣла подъ Правцемъ находилась въ резервѣ и прикрывала артиллерію.

Изъ рапорта начальника отряда генералъ-адъютанта Гурко Его Высочеству главнокомандующему отъ 12-го ноября между прочимъ видно, что съ 9-го по 11-е ноября войсками выполнена была, какъ говоритъ рапортъ, «гигантская работа въ борьбѣ съ природою. Люди втаскивали на рукахъ девяти-фунтовыя орудія на недосягаемыя вершины; цѣлыя части войскъ взбирались по кручамъ, употребляя на это по нѣсколько часовъ времени; взобравшись на вершины, должны были тамъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, втеченіе 48 часовъ времени, не смыкать глазъ и поневолѣ довольствоваться только сухарями».

Съ 10-го же по 12-е ноября происходили: 10-го—усиленная рекогносцировка укрѣпленнаго города Этрополя колонною генерала Дандевиля и перестрѣлка колонны полковника Рыдзевскаго у Троицкаго монастыря; 11-го—перестрѣлка колонны генерала Дандевиля у Этрополя же и взятіе передовой турецкой позиціи охотниками лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и 12-го взятіе укрѣпленнаго города Этрополя колонною генерала Дандевиля.

9-го ноября 2-я рота строила, до обѣда, батареи вмѣстѣ съ Великолуцкимъ полкомъ, а затѣмъ возвратилась на бивуакъ, гдѣ священникомъ этого полка отслуженъ былъ молебенъ, по случаю бывшаго наканунѣ ротнаго праздника 2-й роты. Послѣ обѣда 2-я рота продолжала постройку батарей.

11-го ноября 2-я рота строила ложементы подъ Этрополемъ. На разсвѣтѣ турки открыли по ея работамъ артиллерійскій огонь и тогда рота была отведена въ резервъ. Съ наступленіемъ темноты рота докончила бруствера ложементовъ. Послѣдніе приходилось складывать изъ дерна, такъ какъ подъ дерномъ находилась скала.

Утромъ 12-го ноября 2-я рота, подъ командою штабсъ-капитана Ренгартена, двинулась на вершину одной изъ горъ подъ Этрополемъ для постройки батареи для ввезенныхъ туда болгарами четырехъ орудій. Подъ покровомъ густаго тумана, закрывавшаго вершину этой горы отъ турокъ, можно было работать вполнѣ безопасно; но имѣя въ виду, что туманъ скоро разсѣется и рота не успѣетъ насыпать брустверъ батареи, штабсъ-капитанъ

Ренгартенъ воспользовался двумя готовыми уже ложементами, которые и были тотчасъ же обращены въ батареи возвышеніемъ бруствера и придѣлкою траверзовъ. Едва туманъ разсѣялся, раздался первый выстрѣлъ съ нашей горы и тогда штабсъ-капитанъ Ренгартенъ, по заранѣе полученному приказанію генерала Дандевиля, отвелъ роту въ Лупень, гдѣ и расположился бивуакомъ. Чрезъ два часа по приходѣ на бивуакъ полковникъ Любовицкій, командовавшій лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ и назначенный начальникомъ позиціи вмѣсто полковника Рыдзевскаго, приказалъ штабсъ-капитану Ренгартену тотчасъ же приступить къ разработкѣ дороги для провоза орудій на позицію. Для этой же цѣли прибылъ туда и баталіонный адъютантъ поручикъ Миклашевскій съ динамитными вьюками. Пообѣдавъ рота двинулась въ горы и принялась за работу. Когда послѣдняя приходила къ окончанію прибылъ отъ полковника Любовицкаго казакъ съ извѣстіемъ, что непріятель оставилъ Этрополь. Вслѣдъ за этимъ рота вернулась въ Лупень для ночлега.

12-го ноября баталіонъ прибылъ въ Ханъ-Правецъ, гдѣ и расположился бивуакомъ. Въ этотъ же день рота Его Высочества укрѣпляла позицію противъ Орханіе, причемъ начата была ею постройка на высотахъ ложементовъ для 14-ти отдѣльно стоящихъ орудій. На пути у самаго Этрополя ротою Его Высочества были исправлены два моста. 4-я рота пришла въ этотъ день въ Луковицы, причемъ отысканъ былъ ею бродъ и проложена объѣздная дорога, въ обходъ сожженнаго и разрушеннаго Луковицкаго моста на девяти каменныхъ устояхъ. Мостъ этотъ былъ возстановленъ 4-ю же ротою, которою возстановлены были еще въ это время 11 меньшихъ мостовъ и исправлено много маленькихъ.

13-го ноября баталіонъ выступилъ изъ Ханъ-Правца въ Этрополь. Такъ какъ не ожидали такой быстрой сдачи Этрополя, какая произошла въ дѣйствительности, то отряду, въ составѣ котораго двигался баталіонъ (главнымъ силамъ подъ начальствомъ графа Шувалова), приказано было двигаться въ полной тишинѣ и, переваливъ Этропольскія Балканы, аттаковать Этрополь. Въ головѣ отряда шла сотня казаковъ, а за нею баталіонъ. Дорога была очень плохая. Мѣстами приходилось проходить подъ нависшими скалами и почти все время по косогору. Приходилось часто отдѣлять по отдѣленію или по взводу для починки шоссе и уборки камней, лежавшихъ на дорогѣ. Къ 12 часамъ по-полудни баталіонъ спустился въ долину Искера, откуда былъ видѣнъ оставленный уже непріятелемъ Этрополь.

Съ 13-го по 17-е ноября баталіонъ стоялъ бивуакомъ у Этрополя. Во время стоянки у Этрополя плотники баталіона передѣлывали артиллерійскіе зарядные ящики.

14-го ноября отслужено было благодарственное молебствіе, по случаю дня рожденія Ея Высочества Государыни Цесаревны. Въ этотъ же день выпалъ и первый снѣгъ, который былъ встрѣченъ съ большимъ удо-

вольствіемъ войсками, такъ какъ напоминалъ далекую и всѣмъ милую родину.

16-го ноября взятъ былъ перевалъ Вратешки колонною генерала Дандевиля.

16-го же ноября 4-я рота присоединилась къ баталіону въ Этрополѣ послѣ окончанія дорожныхъ и мостовыхъ работъ между д-ми Яблоницы и Луковицы.

Въ виду предстоящаго движенія отряда генерала Гурко за Балканы и вслѣдствіе общихъ распоряженій по войскамъ отряда, время стоянки у Этрополя было, между прочимъ, употреблено на пріобрѣтеніе вьюковъ, такъ какъ движеніе форменныхъ повозокъ по горамъ было невозможно.

17-е ноября назначено было для выступленія войскъ въ горы, а 16-го ноября отданъ былъ по войскамъ нижеслѣдующій приказъ генералъ-адъютанто Гурко, дающій ясное понятіе о предстоявшихъ войскамъ трудностяхъ при перевалѣ черезъ горы, а также о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты для уменьшенія этихъ трудностей.

«Для предстоящаго перехода за Балканы ввѣреннымъ мнѣ войскамъ принять къ руководству и къ исполненію слѣдующее:

1) Имѣть скота по разсчету на два дня похода; порціонный скотъ имѣть за баталіонами. Въ походъ выступить, имѣя по 1 фунту вареной говядины на человѣка, что́ и соблюдать при выступленіи съ ночлега.

2) Семидневный запасъ сухарей, имѣющійся на нижнихъ чинахъ, расходовать, подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, строго разсчитывая положенныя дневныя дачи (по полтора фунта), имѣя въ виду, что положеніе дѣлъ не позволяетъ точно опредѣлить время, когда и какъ можно будетъ притянуть интендантскій транспортъ для новаго снабженія войскъ сухарями.

3) Кавалеріи и на строевыхъ лошадей конной артиллеріи имѣть трехдневную дачу ячменя, а консервы имѣть согласно съ парольнымъ приказаніемъ.

4) Начальникамъ эшелоновъ предоставляется установить порядокъ движенія въ колоннахъ, съ соблюденіемъ однако же слѣдующихъ условій: а) къ каждой ротѣ прикомандировать одно орудіе съ зряднымъ ящикомъ; этой ротѣ слѣдовать непосредственно за своимъ орудіемъ и ящикомъ, ротный командиръ отвѣчаетъ за доставку ввѣреннаго ротѣ орудія; б) распредѣлить всѣ батареи по пѣхотнымъ полкамъ; в) кавалеріи, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ колоннъ; г) имѣющіеся при частяхъ вьюки вести вслѣдъ за своими частями, т. е., ротные вьюки за ротами, баталіонные— за баталіонами и т. д.

5) Никакихъ повозокъ не имѣть за исключеніемъ аптечныхъ одноколокъ.

6) Въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки, ярма и нѣсколько паръ воловъ для помощи артиллеріи.

7) Движеніе исполнять съ небольшими отдыхами, разсчитывая маршъ на время съ четырехъ часовъ утра и до шести часовъ вечера; ночлегъ имѣть тамъ, гдѣ застанетъ части вечеръ.

8) На ночлегахъ раскладывать костры и производить варку пищи въ котелкахъ.

9) Мѣры охраненія во время движенія должны состоять исключительно изъ пѣхотныхъ боковыхъ патрулей, во время ночлега—изъ пѣшихъ секретовъ.

10) Начальникамъ, передъ выступленіемъ въ походъ, подтвердить ввѣреннымъ имъ частямъ строжайшее запрещеніе поднимать тревогу и въ особенности производить стрѣльбу вслѣдствіе тревоги; нижнимъ чинамъ объяснить, что при слѣдованіи по такимъ ущельямъ и трущобамъ, по какимъ гвардія перевалитъ за Балканы, немыслимо серьезное нападеніе со стороны непріятеля и только одиночные люди или небольшія партіи могутъ покушаться тревожить.

11) Начальникамъ эшелоновъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и къ поддержанію порядка во время движенія и въ особенности наблюсти, чтобы колонны не растягивались и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта.

Намъ предстоитъ перешагнуть черезъ Балканы. Я надѣюсь что ввѣренныя мнѣ войска приложатъ все усердіе и стараніе, чтобы исполнить предстоящую задачу и, послѣ опытовъ у Правца и Этрополя, вполнѣ увѣренъ, что ввѣренныя мнѣ войска гвардіи и арміи вновь докажутъ, что горы не составятъ препятствія для русскаго солдата, чтобы проникнуть въ сердце Болгарской земли.

Командирамъ полковъ и батарей вмѣняется въ непремѣнную обязанность лично прочесть этотъ приказъ въ собраніи всѣхъ офицеровъ».

Подлинный подписалъ: «Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко».

17-го ноября отданъ былъ генералъ-адъютантомъ Гурко нижеслѣдующій приказъ по случаю полученія отъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны телеграммы въ отвѣтъ на посланную Ея Высочеству телеграмму въ день рожденія Государыни Цесаревны.

«14-го ноября, въ день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны, супруги нашего Августѣйшаго корпуснаго командира, я имѣлъ счастіе послать слѣдующую депешу Ея Высочеству:

«Петербургъ. Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Цесаревнѣ.

Гвардейскій корпусъ, послѣ неимовѣрно трудной борьбы съ природою и непріятелемъ, возсылаетъ къ Богу, въ дикихъ ущеліяхъ Балканскихъ горъ, теплыя мольбы о здравіи Вашего Высочества и поздравляетъ съ днемъ Вашего рожденія. Въ бѣдной болгарской Этропольской церкви отслуженъ сегодня молебенъ за здравіе Вашего Высочества. Да поможетъ намъ Богъ

новыми побѣдами порадовать Ваше Высочество и сослужить вѣрную службу Царю, Россіи и угнетенному Болгарскому народу».

Сегодня я имѣлъ счастіе получить слѣдующій отвѣтъ Ея Императорскаго Высочества:

«Луковицы. Генералъ-адъютанту Гурко».

«Душевно благодарю васъ и весь дорогой гвардейскій корпусъ за сердечное поздравленіе. Всей душой слѣжу и горжусь его геройскимъ походомъ; да поможетъ ему Господь въ будущемъ такъ радовать Царя и Отечество».

«Марія».

«Войска гвардейскаго корпуса! Я убѣжденъ, что воодушевляемыя столь лестнымъ вниманіемъ Ея Императорскаго Высочества, вы удвоите ваши силы и дружнымъ богатырскимъ напоромъ сломите послѣднюю опору нашего врага, перешагнете черезъ Балканы. Еще одно усиліе и горы останутся за вами. Больше половины дѣла уже сдѣлано, еще одно усиліе и мы будемъ въ долинѣ.

До сихъ поръ мы сражались и съ непріятелемъ и съ трудно доступными горами.

Пройдетъ нѣсколько дней и, при помощи Божіей, намъ придется имѣть дѣло только съ турецкими войсками.

Царь и Россія слѣдятъ за вашей богатырской борьбой. Покажите же, что духъ Суворовскихъ и Румянцевскихъ чудо-богатырей не умеръ въ васъ и что вы достойны носить званіе сыновъ столь славныхъ предковъ.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ».

Подлинный подписалъ «Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко».

17-го ноября занята была Вратешская позиція колонною Свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса и того же числа взятъ былъ Златицкій перевалъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Любовицкимъ.

17-го же ноября баталіонъ двинулся въ горы по направленію къ укрѣпленной турецкой позиціи Шандарникъ-Арабконакъ. Пройдя верстъ шесть по весьма дурной, крутой и узкой дорогѣ-тропинкѣ баталіонъ расположился бивуакомъ у такъ называемаго «Драгунскаго бивуака». Мѣсто это на картѣ Артамонова названо «Колыбы-Ромна». Тотчасъ же посланы были капитанъ князь Кильдишевъ и поручикъ Прескоттъ для осмотра двухъ дорогъ, ведущихъ къ нашей будущей позиціи у Шандарника на высоту, находящуюся саженяхъ въ шестистахъ отъ послѣдняго. По осмотрѣ этихъ дорогъ оказалось, что правая потребовала бы на исправленіе ея слишкомъ много времени и труда, такъ какъ приходилось бы прорубать дорогу въ скалѣ, а лѣвая оказалась требующею меньшихъ исправленій, а потому и была избрана для разработки. Къ исправленію этой дороги приступлено было на другой день.

Вообще съ 18-го ноября начались работы по укрѣпленію занятой нашими войсками позиціи передъ Шандарникъ-Арабконакомъ, а также по устройству сообщеній. Краткое описаніе этихъ работъ помѣщено ниже. 18-го же ноября занятъ былъ и Орханіе.

21-го ноября флигель-адъютантомъ полковникомъ Гриппенбергомъ были троекратно отбиты усиленныя непріятельскія аттаки на позицію передъ Арабконакомъ.

22-го ноября происходила сильная перестрѣлка на позиціи противъ Арабконака и Шандарника, а 23-го ноярбя отражена была непріятельская аттака на позицію передъ Арабконакомъ.

При вполнѣ выяснившейся въ то время обстановкѣ оказывалось, что позиція Арабконакъ-Шандарникъ была чрезвычайно крѣпка и защищалась не менѣе, какъ двадцатью-пятью таборами пѣхоты и двѣнадцатью орудіями. Принимая во вниманіе, что взятіе столь сильной позиціи аттакою неизбѣжно потребовало-бы громандныхъ жертвъ и что жертвы эти, въ то время, не вызывались обстоятельствами, генералъ Гурко рѣшилъ: не брать турецкую позицію аттакою, а продолжать маневры, приведшіе уже къ блестящимъ результатамъ.

Отмѣненная генераломъ Гурко аттака Шандарникскаго редута предполагалась на *21-е ноября*. *Редутъ этотъ* находился въ разстояніи около *шести-сотъ саженъ* отъ нашихъ батарей. Приблизительно на половинѣ этого разстоянія предполагалось построить гвардейскими саперами ночью траншею, долженствовавшую служить опорнымъ пунктомъ при аттакѣ вышеупомянутаго редута. Для производства рекогносцировки мѣстности, на которой предполагалась *постройка* траншеи, вызвались охотники подпоручики Романовъ и Градовъ и десять унтеръ-офицеровъ баталіона. Эта опасная рекогносцировка, вблизи отъ непріятеля, произведена была днемъ, подъ прикрытіемъ тумана.

Послѣ принятія рѣшенія не аттаковывать турецкую позицію приказано было немедленно, не теряя ни одной минуты времени, приступить къ укрѣпленію занятыхъ позицій такимъ образомъ, чтобы онѣ сдѣлались недоступными. Общее наблюденіе за укрѣпленіемъ позицій возложено было на командира баталіона флигель-адъютанта полковника Скалона.

При *возведеніи укрѣпленій предписано* было руководствоваться слѣдующими основными положеніями:

1) На каждомъ участкѣ *позиціи должно* имѣть, въ видѣ главныхъ опорныхъ пунктовъ, нѣсколько редутовъ, *въ особенности на флангахъ*.

2) Батареи и ложементы на главной позиціи, составляющіе главную оборонительную линію, должны имѣть сильныя профили и достаточную высоту, чтобы люди могли ходить за брустверами, не наклоняясь.

3) Впереди главной линіи должны быть вынесены ложементы для стрѣлковъ, расположенныхъ не звеньями, а группами, т. е. взводами, по

новой терминологіи. Ложементы должны быть вынесены довольно далеко, смотря по мѣстности и по разстоянію между главною оборонительною линіею и укрѣпленіями непріятеля. Если ложементы для стрѣлковъ будутъ вынесены впередъ отъ главной оборонительной линіи на разстояніе болѣе трехъ-сотъ шаговъ, то позади нихъ устроить ложементы для поддержекъ цѣпи. Въ мѣстахъ, гдѣ укрѣпленія проходятъ въ лѣсахъ, устраивать засѣки и завалы. Между всѣми участками позиціи устроить, внѣ выстрѣловъ и по возможности скрытно отъ взоровъ непріятеля, удобные пути сообщенія, по которымъ можно-бы было даже возить орудія. Въ особенности устроить хорошіе въѣзды на позиціи отъ шоссе, такъ какъ по нимъ будутъ направляемы снаряды, продовольствіе и поддержки.

Для производства всѣхъ этихъ работъ назначены были 23-е, 24-е и 25-е ноября. Во всѣ эти дни войскамъ, назначеннымъ въ резервъ, приказано было оставаться на позиціяхъ и принимать участіе въ прикрытіи работъ и въ производствѣ ихъ.

Въ виду крайней трудности доставки боевыхъ припасовъ предписано было расходовать ихъ съ большою осмотрительностью. Для этого приказано было, безъ особенной нужды, болѣе тридцати артиллерійскихъ снарядовъ на орудіе въ день не выпускать.

Огонь артиллеріи предписано было направлять преимущественно для демонтированія непріятельскихъ орудій. Для этого предписывалось сосредоточивать огонь возможно бо̀льшаго числа орудій по одному редуту, затѣмъ по другому и т. д. При этомъ предписывалось конечно мѣшать работамъ непріятеля и обстрѣливать войска, когда они подвернутся подъ выстрѣлы.

Укрѣпленіе обширной позиціи нашей передъ Шандарникъ-Арабконакомъ представило обширное поле дѣятельности для лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона. Съ 18-го ноября по 3-е декабря гвардейскіе саперы неустанно трудились надъ вышеупомянутыми работами, подъ руководствомъ командира баталіона, исполнявшаго должность начальника инженеровъ западнаго отряда. Роты баталіона, а иногда и отдѣльныя команды его, при офицерахъ или унтеръ-офицерахъ, назначались то на одинъ, то на другой участокъ нашей обширной позиціи. Иногда, при большихъ валовыхъ работахъ, саперы только руководили пѣхотою и были, такимъ образомъ, учителями ея по саперному дѣлу; иногда-же, какъ напримѣръ при постройкѣ батарей и пороховыхъ погребовъ, саперы работали сами непосредственно. Трудясь рука объ руку пѣхота, артиллерія и саперы другъ друга узнали и чрезвычайно сблизились.

По установшемуся дѣленію вся позиція наша раздѣлялась на три части, а именно: лѣвый ея флангъ назывался позиціей генерала Рауха, правѣе была позиція генерала Дандевиля, а еще правѣе позиція графа Шу-

валова. Въ непосредственное распоряженіе этихъ именно генераловъ и командировались обыкновенно роты и команды баталіона.

Сообщенія устраивались какъ между участками позиціи, такъ и отъ нихъ къ Софійскому шоссе, а также на отдѣльныя возвышенности, которыя требовалось укрѣпить. Работы эти представляли громадныя трудности какъ вслѣдствіе крутизны скатовъ, такъ и благодаря времени года и свойствамъ грунта. Приходилось дѣлать просѣки, работать въ скалѣ, выворачивать громадные камни, разгребать снѣгъ, дѣлать ступени въ гололедицу, или очищать отъ грязи въ оттепель. Дороги эти должны были имѣть и достаточную ширину для передвиженія какъ пѣхоты, такъ и орудій и достаточную пологость, насколько это оказывалось возможнымъ и необходимымъ и, наконецъ, должны были быть скрыты, по возможности, отъ взоровъ непріятеля. Какъ и всегда въ горныхъ странахъ, онѣ извивались зигзагами. Примѣромъ устройства горной дороги можетъ служить описаніе прокладки дороги, проведенной 20-го ноября на находящуюся противъ Шандарника высоту, считавшуюся совершенно недоступною. Когда рѣшено было, что занятіе этой высоты нашею артиллеріею должно принести намъ большую пользу, командиръ баталіона, предложившій постройку дороги на вершину ея, немедленно приступилъ къ разработкѣ этой дороги. Осмотрѣвъ эту высоту командиръ баталіона, совмѣстно съ капитаномъ княземъ Аргутинскимъ-Долгоруковымъ, также какъ и онъ служившимъ прежде на Кавказѣ и по этому знакомымъ съ устройствомъ горныхъ дорогъ, приступилъ къ разстановкѣ роты Его Величества, изъ нижнихъ чиновъ которой образовалась при этомъ какъ-бы живая лента, опредѣлившая направленіе дороги. Затѣмъ были поставлены двѣ роты Великолуцкаго полка въ промежутки между саперами. Послѣ трехчасовой усиленной работы дорога эта была готова. Вмѣстѣ съ тѣмъ 2-я саперная рота, подъ командою штабсъ-капитана Ренгартена, была послана командиромъ баталіона на ту-же высоту. Тамъ засвѣтло протрассирована была батарея, а къ раннему утру она была готова. Одновременно, противъ того-же редута, строилась другая батарея 4-ю ротою. Роты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ ту-же ночь втащили по вновь проложенной дорогѣ орудія на верхнюю батарею. Ею командовалъ полковникъ Герингъ и она впослѣдствіи приносила много вреда непріятелю. Ближайшія къ непріятелю работы наши на позиціяхъ передъ Шандарникъ-Арабконакомъ производились на участкѣ позиціи занятомъ сначала лейбъ-гвардіи Московскимъ, а впослѣдствіи лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полками, на такъ называемой «Финляндской горѣ». На этомъ участкѣ находилась нѣкоторое время команда гвардейскихъ саперъ подъ командою подпоручика Малыхина. Графъ Шуваловъ, съ неутомимою энергіею, ежедневно ѣздилъ осматривать позиціи командуемой имъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и живо интересовался не только возводимыми, по его

приказанію, укрѣпленіями на Финляндской, Павловской и Преображенской горахъ, а равно и на Софійскомъ шоссе, но и разработываемыми въ этомъ раіонѣ дорогами какъ между участками позиціи, такъ и на высоты. Дороги эти были особенно важны въ виду того, что по нимъ приходилось двигаться не только войскамъ, но и носить сухари, мясо, спиртъ, артиллерійскіе снаряды, и т. п. Генералъ Гурко часто посѣщалъ занятыя нашими войсками позиціи и въ томъ числѣ и позицію графа Шувалова, который неоднократно заявлялъ генералу Гурко о чрезвычайно полезной дѣятельности командира и чиновъ баталіона. По отзыву графа Шувалова командиръ баталіона дѣльными совѣтами и опытностью, пріобрѣтенною имъ во время горной войны на Кавказѣ, оказалъ всему отряду неоцѣненныя услуги. Замѣтивъ, что графъ Шуваловъ помѣщается въ маленькой палаткѣ, генералъ Гурко, во время одного изъ своихъ объѣздовъ передалъ командиру баталіона приказаніе о постройкѣ гвардейскими саперами землянки для графа, который согласился однако перейти въ нее только тогда, когда всѣ работы по укрѣпленію позиціи были уже окончены.

Во время стоянки на позиціяхъ передъ Арабконакъ-Шандарникомъ приходилось иногда работать и подъ огнемъ непріятеля, какъ напримѣръ: 1) 23-го ноября роты Его Величества и 2-я, при проведеніи дороги съ позиціи генерала Дандевиля къ позиціи графа Шувалова, работали, втеченіе почти цѣлаго дня, подъ гранатнымъ огнемъ. Просторабочіе были тамъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. При этомъ ранены были четыра семеновца и унтеръ-офицеръ роты Его Величества Грабовскій и 2) 28-го ноября, утромъ, пользуясь туманомъ, заложенъ былъ ротою Его Высочества редутъ на правомъ флангѣ расположенія отряда генерала Рауха. Когда къ обѣду туманъ разсѣялся, по рабочимъ открытъ былъ сильный артиллерійскій огонь. Тогда работы приказано было отложить до ночи. Впрочемъ обыкновенно работы производились, по возможности, ночью, для избѣжанія напрасныхъ потерь.

По окончаніи работъ на позиціи генерала Рауха рота Его Высочества направлена была на Златицкій перевалъ черезъ Этрополь. Роты-же Его Величества и 2-я, по мѣрѣ окончанія работъ на позиціи генерала Дандевиля, прибывали къ отряду графа Шувалова, гдѣ находилась уже раньше 4-я рота.

Работы по постройкѣ укрѣпленій затруднялись часто качествомъ грунта. Обыкновенно подъ тонкимъ слоемъ земли оказывалась скала или хрящеватый грунтъ, такъ что часто приходилось складывать бруствера изъ одного дерна, приносимаго иногда съ разстояній даже двѣсти, триста саженей. Иногда рабочихъ заставала сильная мятель съ дождемъ и снѣгомъ, какъ напримѣръ къ вечеру 24-го ноября, когда производились вышеупомянутыя работы на «Финляндской горѣ».

Если принять во вниманіе, что иногда работы не терпѣли отлагательства, что приходилось работать и подъ огнемъ, или во время мятели и что даже и возвратясь съ работъ на бивуакъ люди не могли, какъ слѣдуетъ, отогрѣться, а иногда даже и на бивуакѣ подвергались гранатному огню, что гвардейскіе саперы работали не посмѣнно, какъ пѣхота, но, большею частью, безсмѣнно, круглыя сутки, исключая только средину дня, когда было слишкомъ свѣтло, что, особенно съ 21-го по 28-е ноября, работали день и ночь, причемъ ни офицеры, ни солдаты не раздѣвались—окажется, что время, проведенное на позиціяхъ передъ Шандарникъ-Арабконакомъ было какъ для гвардейскихъ саперъ, такъ и для другихъ войскъ далеко не легкое. Для саперъ оно было еще тѣмъ тяжелѣе, что частыя перемѣны бивуаковъ ротами, при командированіи ихъ на разные участки позиціи, не позволяли людямъ устраиваться на бивуакѣ мало-мальски удобно.

28-го ноября объявлено было въ приказѣ по войскамъ о томъ, что въ Врачеши найдены большіе склады пшеничной муки (до 20,000 пудовъ). Вслѣдствіе этого предписано было немедленно приступить къ устройству хлѣбопекарныхъ печей. Доставленіемъ же скота въ Орханіе изъ Врацы предписано было озаботиться 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, причемъ скотъ этотъ долженъ былъ доставляться за установленную у жителей цѣну. Приказано было также приступить къ устройству землянокъ. Тѣмъ же войскамъ, которымъ возможно было стать на квартиры, предписано был стать на таковыя въ городахъ и деревняхъ.

29-го ноября получено было извѣстіе о взятіи Плевны. Вѣсть эта несказанно обрадовала войска. Громкое и неумолкаемое «ура» долго раздавалось на бивуакахъ. Солдаты поздравляли другъ друга, цѣловались и вообще одушевленіе было полное. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого радостнаго для всей Россіи событія былъ, какъ извѣстно, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, числящійся уже втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ спискахъ баталіона. Участіе генерала Тотлебена въ паденіи Плевны было такъ значительно, желѣзное кольцо, въ которое была сжата армія Османа-паши, было такъ крѣпко и представляетъ такъ много интереса съ точки зрѣнія военнаго искусства, что описаніе этого послѣдняго фазиса плевненской борьбы потребовало бы цѣлой статьи. Здѣсь же ограничиваемся только упоминаніемъ объ участіи генерала Тотлебена въ этомъ событіи. Въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Плевною принимали также участіе еще два числящіеся въ спискахъ баталіона офицера, а именно: 1) адъютантъ генералъ-адъютанта Тотлебена, нынѣ флигель-адъютантъ, полковникъ Мельницкій и 2) адъютантъ Его Высочества Главнокомандующаго полковникъ Ласковскій. Послѣдній принималъ еще участіе въ переправѣ черезъ Дунай, во взятіи Шипкинскаго перевала и укрѣпленіи его и, наконецъ, былъ распорядителемъ работъ при обходномъ движеніи генерала Скобелева 2-го на Иметли, во время котораго и былъ раненъ. Въ послѣдней кампаніи принималъ еще

участіе и другой, числящійся въ баталіонѣ адъютантъ Его Высочества Главнокомандующаго полковникъ Поповъ. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ послѣдней кампаніи принималъ еще не малое участіе числящійся въ спискахъ баталіона бывшій, втеченіе десяти лѣтъ, командиромъ его, свиты Его Величества генералъ-маіоръ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) Орловскій. Втеченіе полугода, онъ занималъ трудный, важный и отвѣтственный постъ начальника главнѣйшей, а вначалѣ и единственной переправы черезъ Дунай, а именно Зимницкой, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ расположенными тамъ войсками.

1-го декабря отслуженъ былъ въ войскахъ благодарственный молебенъ по случаю взятія Плевны. Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ прочелъ передъ войсками слѣдующую телеграмму Его Высочества Главнокомандующаго:

«По показанію плѣннаго начальника штаба Плевенской арміи Тевфика-паши, армія состоитъ изъ 60 таборовъ при 60 орудіяхъ, кавалеріи немного. Плѣнныхъ пашей 7, провѣрка числа плѣнныхъ и трофеевъ еще не окончена. Попытка арміи Османа-паши прорваться была геройская и достойная всей предъидущей обороны Плевны. Турки дрались какъ львы, но получили блистательный отпоръ, обрушившись всѣми силами на лѣвый флангъ гренадерскаго корпуса, занятый Сибирскимъ имени Моего полкомъ. Они, не взирая на убійственный ружейный и картечный огонь гренадеръ, отчаянно защищались, и, когда подошли Астраханскій и Самогитскій гренадерскіе полки, гренадеры дружнымъ напоромъ выбросили турокъ изъ траншей, взявъ притомъ знамя и шесть орудій.

Вслѣдъ затѣмъ весь гренадерскій корпусъ перешелъ въ наступленіе и отбросилъ турокъ за рѣку Видъ. Въ то-же время прочія войска наши и румынскія подходили съ тылу и съ фланговъ.

Доблестный защитникъ Плевны принужденъ былъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ со всей своей арміей.

Сегодня, 29-го ноября, на турецкомъ редутѣ № 5 на шоссе изъ Плевны въ Гривицу, на томъ мѣстѣ, гдѣ была ставка Османа, отслуженъ, въ Высочайшемъ присутствіи, торжественный благодарственный молебенъ, послѣ котораго Его Величество изволилъ завтракать въ Плевнѣ и затѣмъ, милостиво принявъ Османа-пашу, бесѣдовалъ съ нимъ и въ знакъ уваженія къ его храбрости возвратилъ ему саблю.

«Николай».

4-го декабря двинутъ былъ изъ-подъ Плевны въ Орханіе и Врачешъ 9-й корпусъ, который и прибылъ къ войскамъ генерала Гурко къ 11-му декабря.

Получивъ подкрѣпленія, силою въ три дивизіи пѣхоты (9-й корпусъ и 3-я Гвардейская пѣхотная дивизія), давъ имъ всего одинъ день отдыха

и снабдивъ весь отрядъ сухарями до 20-го декабря включительно (причемъ приказано было выдавать людямъ по одному фунту въ день), генералъ-адъютантъ Гурко рѣшилъ начать движеніе черезъ Балканы 13-го декабря.

Планъ движенія былъ слѣдующій: оставивъ противъ укрѣпленной турецкой позиціи у Арабконакъ-Шандарника сильный заслонъ, направить главную колонну въ Софійскую долину, на перерѣзъ пути сообщенія арміи Шакира-паши съ Софіею. Для облегченія же дебушированія главной колонны, двинуть еще двѣ: одну вправо, для прикрытія праваго фланга главныхъ силъ и для образованія заслона со стороны Софіи, а другую, влѣво отъ нашей укрѣпленной позиціи, съ цѣлью отвлечь вниманіе турокъ отъ истиннаго пути наступленія главныхъ силъ.

Для движенія главной колонны былъ выбранъ слѣдующій путь: сначала отъ Врачеша по шоссе, затѣмъ, не доходя верстъ шесть до Бабаконака, на право, чрезъ перевалъ, въ долину Чуріака и, наконецъ, не доходя версты четыре отъ Потопа, влѣво, еще черезъ одинъ перевалъ въ долину Софіи, у Негошева. Для правой колонны путь шелъ изъ Врачеша, чрезъ гору Умургачъ, въ деревню Желяву. Но такъ какъ дорога съ вершины Умургача въ Желяву оказалась непроходимою, по причинѣ огромныхъ снѣжныхъ заносовъ, то правая колонна свернула въ долину Чуріака, откуда направилась, чрезъ Потопъ, въ Елешницу. Наконецъ лѣвая колонна должна была выступить изъ Этрополя и слѣдовать, чрезъ Баба-гору, въ тылъ Шандарника и, затѣмъ, встревоживъ турокъ, спуститься въ долину Златицы у Бунова или Миркова.

Независимо отъ главнаго заслона и движенія трехъ колоннъ, оставленъ былъ еще одинъ заслонъ, противъ Златицы, на укрѣпленной позиціи, устроенной и занятой Златицкимъ отрядомъ генерала Брока. Заслонъ этотъ отвлекъ противъ себя значительно превосходныя силы турокъ и тѣмъ ослабилъ главную армію Шакира-паши въ Комарційской долинѣ. Этому отвлеченію турецкихъ силъ много помогла производившаяся втеченіе нѣсколькихъ дней разработка дороги изъ Этрополя на Златицкій перевалъ, съ сильными взрывами динамитныхъ патроновъ.

Наконецъ, необходимо было оставить еще одинъ заслонъ противъ занятой еще въ то время Лютиковской позиціи. Такимъ образомъ весь отрядъ разбитъ былъ на три колонны и на три заслона.

Это обстоятельство значительно усложняло и затрудняло весь ходъ совершеннаго маневра. Главною колонною командовалъ генералъ-лейтенантъ Каталей; правою—генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ; лѣвою — генералъ-маіоръ Дандевиль.

Въ главномъ заслонѣ, состоявшемъ подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кридинера, войска, находившіяся на нашей укрѣпленной позиціи къ востоку отъ шоссе, были подъ начальствомъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго, а находившіяся къ западу отъ шоссе —

подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова. Одна бригада 5-й пѣхотной дивизіи поставлена была въ резервѣ на шоссе. Златицкимъ заслономъ командовалъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Брокъ, а Лютиковскимъ генералъ-маіоръ Похитоновъ. Главной колоннѣ приказано было двигаться тремя эшелонами, а именно: авангардъ — подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха; первый эшелонъ — подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова и второй эшелонъ — подъ начальствомъ генералъ-маіора Философова. Такъ какъ по пути слѣдованія главныхъ силъ не было дороги, то вслѣдствіе этого для разработки ея еще 9-го декабря высланъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и три роты лейбъ-гвардіи Саперкаго баталіона (роты Его Величества, 2-я и 4-я). Наблюденіе за разработкою этой дороги возложено было на командира баталіона флигель-адъютанта полковника Скалона.

Втеченіе нѣсколькихъ дней тяжелыхъ трудовъ, сначала въ страшную грязь, а потомъ при сильныхъ морозахъ, частямъ этимъ удалось проложить весьма порядочную дорогу. Къ утру 13-го декабря всѣ предварительныя работы были окончены и войска могли двинуться.

Хотя вышеупомянутая дорога была разработана очень хорошо, но, тѣмъ не менѣе, она представляла одинъ длинный, непрерывный и довольно крутой подъемъ на протяженіи около шести верстъ. Ко времени движенія войскъ, вслѣдствіе бывшихъ въ началѣ дождей и оттепелей, а потомъ сильныхъ морозовъ, весь путь покрылся одною сплошною ледяною корою. Вслѣдствіе этого, движеніе орудій на лошадяхъ было положительно невозможно, а потому на каждое орудіе и на каждый ящикъ было назначено по одной ротѣ и люди на плечахъ тащили на верхъ передки, орудія и ящики *). Трудъ этотъ, будучи самъ по себѣ очень тяжелъ, увеличивался до невозможныхъ размѣровъ по причинѣ страшной гололедицы и сильныхъ морозовъ. Первое орудіе начало подъемъ въ гору ровно въ одиннадцать часовъ утра 13-го декабря, прибыло же на перевалъ около двухъ часовъ ночи съ 13-го на 14-е декабря, пробывъ въ пути пятнадцать часовъ и сдѣлавъ въ это время около шести верстъ. Слѣдующія орудія сильно отставали и вся колонна выбралась на перевалъ только къ вечеру 15-го декабря. Спускъ орудій съ перевала представлялъ еще болѣе трудностей, нежели подъемъ, во-первыхъ, потому, что разработка этой части пути не могла быть тщательно произведена: необходимо было скрыть отъ противника работы, а слѣдовательно вести ихъ съ возможною поспѣшностью; имъ была посвящена одна ночь. Во-вторыхъ, если при подъемѣ орудій приходилось заботиться лишь о безостановочной тягѣ груза, то, при спускѣ ихъ, слѣдовало соблюдать извѣстную осторожность, разсчетъ

*) Отъ каждой батареи взято было всего по одному дивизіону, съ приказаніемъ отобрать самыхъ лучшихъ лошадей.

движенія, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ при столкновеніи частей артиллеріи, спускавшихся послѣдовательно одна за другой. Въ-третьихъ, при чрезвычайной крутизнѣ спуска и скользкости пути, люди не находили никакой опоры для ноги и потому не могли ни сдерживать орудій, ни регулировать ихъ движеній. Вслѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, пришлось спускать артиллерію на канатахъ и лямкахъ, причемъ веревки обматывались вокругъ придорожныхъ пней, камней и кустовъ и вытравлялись, подобно якорямъ, послѣдовательно одна за другой; такимъ-то образомъ орудія и ящики постепенно переходили отъ одного пня къ другому, отъ камня до куста, съ самыхъ вершинъ Балкановъ до дна Чуріакскаго ущелья. Для ускоренія движенія генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ проложить еще одну дорогу, которая хотя пролегала среди глубокаго снѣга, но въ этомъ именно и заключались, до нѣкоторой степени, ея удобства, такъ какъ люди могли найти тамъ хотя нѣкоторый упоръ ногамъ въ снѣжныхъ сугробахъ; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ трудностей, спускъ производился на столько медленно, что вся колонна могла собраться въ долину Чурьяка только 18-го декабря. Такимъ образомъ, чтобы пройти съ шоссе до Чуріака, т. е. сдѣлать всего шестнадцать верстъ, колонна употребила шесть дней времени. Да и то, чтобы не затягивать слишкомъ долго выходъ въ долину, велѣно было оставить двѣ батареи. Движеніе было замедлено сильною мятелью, начавшеюся вечеромъ 16-го декабря, продолжавшеюся всю ночь съ 16-го на 17-е и окончившеюся днемъ 17-го декабря.

«Здѣсь не мѣсто», говоритъ рапортъ генерала Гурко, «описывать всѣ тѣ труды, лишенія и тяжелыя испытанія, которые были перенесены и пережиты войсками въ эти знаменательные для русскаго оружія дни. Скажу только, что они были ужасны и что войска вытерпѣли все это съ геройскою твердостью и терпѣніемъ».

Такъ какъ, со времени спуска войскъ въ долину Чуріака, скрывать болѣе движеніе ихъ было невозможно, то генералъ-адъютантъ Гурко рѣшилъ 15-го декабря завладѣть переваломъ, отдѣляющимъ долину Чуріака отъ долины Софіи, въ окрестностяхъ Негоша. Овладѣніе переваломъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ совершилось очень легко. Въ тоже время Козловскій полкъ занялъ Потопъ и Елешницу безъ выстрѣла, т. е. овладѣлъ другимъ выходомъ изъ Чуріакской долины у Елешницы. Занявъ такимъ образомъ два выхода въ долину Софіи, генералъ-адъютантъ Гурко ожидалъ прибытія остальныхъ войскъ главной и правой колоннъ. Легкость овладѣнія выходами изъ горъ въ долину, въ виду значительныхъ непріятельскихъ силъ, объясняется тѣмъ, что всѣ работы по устройству дороги и все начало движенія были совершены съ соблюденіемъ полнѣйшей тайны и совершенно скрытно отъ турокъ, такъ что появленіе нашихъ войскъ въ долинѣ Чуріака было полнѣйшею для нихъ неожиданностью.

Отчасти же это можно объяснить и тѣмъ, что турецкіе военно-начальники были глубоко убѣждены, что переходъ черезъ Балканы въ такое суровое время года есть дѣло совершенно невозможное.

Минуя описаніе движенія чрезъ горы всѣхъ трехъ колоннъ, а также дѣйствія заслоновъ, скажемъ здѣсь только вкратцѣ объ участіи баталіона въ этомъ славномъ переходѣ.

3-го декабря приступлено было ротою Его Высочества, подъ командою капитана князя Кильдишева, къ разработкѣ дороги на Златицкій перевалъ. Она была назначена въ отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Брока. 4-го декабря 2-я и 4-я роты, подъ командою штабсъ-капитановъ Ренгартена и Чудовскаго, двинуты были къ Врачешу въ отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова для работъ по устройству дорогъ и укрѣпленію позиціи. Рота же Его Величества, подъ командою поручика Прескоттъ, перешла на бивуакъ въ ущелье у «Драгунскаго бивуака», въ верстѣ отъ Софійскаго шоссе и въ пяти верстахъ отъ Орханіе, для разработки дороги на Чуріакъ, по которой предположено было сдѣлать обходное движеніе непріятельской позиціи.

Генералъ Гурко поручилъ 4-го декабря командиру баталіона произвести рекогносцировку дороги, ведущей на Чуріакъ. По докладу флигель-адъютанта полковника Скалона, производившаго эту рекогносцировку вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Ставровскимъ, было признано возможнымъ разработать удобную дорогу для главной колонны чрезъ Чуріакъ.

5-го декабря роты производили работы по устройству тѣхъ дорогъ и укрѣпленію тѣхъ позицій, на которыя были назначены 3-го и 4-го декабря.

6-го декабря, въ виду разработки обходной дороги на Чуріакъ, рота Его Величества, вмѣстѣ съ частями лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, приступила къ заготовкѣ фашинъ, а остальныя роты продолжали прежнія работы.

7-го декабря производились тѣ-же работы; но 4-я рота присоединилась къ ротѣ Его Величества. Вмѣстѣ съ этими двумя ротами работалъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

8-го, 9-го и 10-го декабря производилась разработка ротою Его Величества съ преображенцами обходной дороги. Она шла отъ Софійскаго шоссе, съ мѣста бивуака баталіона, по ровной мѣстности на протяженіи одной версты. Здѣсь были устроены два моста изъ фашинъ. Далѣе дорога круто поворачивала влѣво и начинался подъемъ на перевалъ. Дорога шла все время или по скату горъ или по гребню ихъ. Она имѣла 4 шага ширины. Пришлось дѣлать зигзаги, чтобы избѣжать слишкомъ крутыхъ подъемовъ. Горы покрыты были высокимъ, прекраснымъ лѣсомъ. Прибывшая для ускоренія работъ 4-я рота стала бивуакомъ на срединѣ подъема. Для

вышеозначенной дороги изготовлено было всего тысяча-пятьсотъ фашинъ. Рота Его Величества работала отъ шоссе до половины подъема, а 4-я рота— отъ половины подъема до перевала, причемъ та и другая—съ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ. Погода была очень холодная; морозы доходили до восемнадцати градусовъ по Реомюру. Генералъ-адъютантъ Гурко почти ежедневно посѣщалъ эти работы, пріѣзжая для этого изъ Орханіе. Чтобы не обратить вниманія непріятеля, приказано было разработать сначала только подъемъ.

10-го декабря вечеромъ дорога до перевала была окончена на подъемѣ къ Чуріаку. Въ этотъ день поручикъ Прескоттъ имѣлъ счастіе получить фотографическій портретъ Государя Императора съ собственноручною Его Величества подписью. Портретъ этотъ переданъ былъ лично Государемъ Императоромъ прапорщику Богомолову въ Порадимѣ для пересылки къ поручику Прескотту.

11-го декабря и всю ночь съ 11-го на 12-е была оттепель. 11-го же баталіонный адъютантъ поручикъ Миклашевскій посланъ былъ на регносцировку спуска въ долину перевала по направленію къ Чуріаку. Въ этотъ день, около трехъ часовъ пополудни, генералъ Гурко съ командиромъ баталіона осматривали спускъ, причемъ рѣшено было на другой день ночью приступить къ разработкѣ спуска, чтобы произвести это скрытно отъ непріятеля.

12-го декабря былъ морозъ, вслѣдствіе чего сдѣлалась такая гололедица, что даже одиночнымъ людямъ трудно было подниматься. Въ виду этого приказано было ротѣ Его Величества сдѣлать борозды на всѣхъ подъемахъ, что и было исполнено ротою втеченіе дня и слѣдующей ночи. Одна полурота этой роты съ двумя офицерами перешла на бывшій бивуакъ 4-й роты, для болѣе удобнаго наблюденія за второю половиною подъема. 12-го же въ десять часовъ вечера приступлено было къ разработкѣ спуска въ долину. Работа производилась подъ руководствомъ командира баталіона 4-ю ротою, подъ командою штабсъ-капитана Чудовскаго. Рабочіе были отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Часть этого полка назначена была для прикрытія работъ, а другая разработывала спускъ. Ночь была очень темная и морозная и разработка дороги представляла большія затрудненія вслѣдствіе крутости спуска и свойства грунта, состоявшаго большею частью изъ гранита, такъ что при работахъ часто сыпались искры. На самомъ крутомъ мѣстѣ спуска разработка дороги производилась взводомъ гвардейскихъ саперъ съ двумя ротами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подъ руководствомъ баталіоннаго адъютанта поручика Миклашевскаго. Послѣ труднѣйшей работы къ разсвѣту 12-го декабря дорога была окончена и рабочіе отправились въ Чуріакъ, гдѣ приказано было не выходить изъ домовъ, чтобы не привлечь на себя вниманіе непріятеля, расположеннаго въ Потопѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Чуріака. Во все время

разработки дороги черезъ перевалъ командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій и офицеры этого полка находились на работахъ, чѣмъ много способствовали успѣху этого дѣла.

13-го декабря войска продолжали поднимать къ перевалу артиллерію. Въ ночь съ 13-го на 14-е декабря начали спускать орудія, причемъ команды саперъ отъ 4-роты постоянно исправляли дорогу, вырубая на крутыхъ и особенно скользкихъ мѣстахъ ступеньки и наблюдая за правильнымъ движеніемъ орудій и зарядныхъ ящиковъ. Къ разсвѣту были спущены въ долину 4 орудія, которые по долинѣ прослѣдовали въ Чуріакъ на лошадяхъ. По этой долинѣ гвардейскими саперами были устроены мосты чрезъ ручей, покрытый не прочной ледяной корой, которая могла проломиться подъ тяжестью орудій.

15-го, въ ночь съ 15-го на 16-е, 16-го и въ ночь съ 16-го на 17-е декабря войска продолжали спускать артиллерію въ долину, гвардейскіе же саперы исправляли дорогу. 2-я рота прибыла въ этотъ день изъ Врачеша.

17-го декабря, для ускоренія движенія войскъ и артиллеріи, предположено было командиромъ баталіона устроить другой спускъ въ долину, чтобы войска могли одновременно двигаться по двумъ спускамъ. Работа по устройству этого втораго спуска производилась 2-ю ротою. По окончаніи этой работы артиллерія начала двигаться по двумъ спускамъ.

18-го декабря артиллерія продолжала двигаться по вновь устроенному спуску. Ночью съ 18-го на 19-е декабря 2-я рота отправлена была къ деревнѣ Негошево.

19-го декабря прибыла въ Чурьякъ рота Его Величества, исправлявшая до этого времени дорогу до перевала черезъ горы. Въ этотъ-же день роты Его Величества и 4-я отправлены были въ Негошево, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Втеченіе производства работъ съ 13-го по 18-е декабря включительно гвардейскіе саперы были раставлены на протяженіи всей дороги и въ случаѣ ея порчи немедленно исправляли ее. Рота Его Величества разставлена была на подъемѣ, а 4-я рота на спускѣ. Такъ какъ войска двигались день и ночь, то саперы во всѣ эти дни почти не спали. 18-го декабря кончилось движеніе войскъ и начали переваливать интендантскіе вьюки. По устроенному гвардейскими саперами и лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ перевалу прошло тридцать-два съ половиною баталіона, шестьнадцать эскадроновъ, сорокъ-четыре орудія и интендантскій транспортъ въ двѣсти лошадей.

Рота Его Высочества, подъ командою капитана князя Кильдишева, съ 3-го по 12-е декабря включительно устраивала дорогу на Златицкій перевалъ, которую и окончила 12-го декабря. 13-го, 14-го и 15-го де-

кабря рота Его Высочества разработывала дорогу на самомъ Златицкомъ перевалѣ и спускъ въ Клисъ-Кіой. Рота Его Высочества присоединилась къ баталіону только 6-го января въ Филиппополѣ. Во время нахожденія на Златицкомъ перевалѣ ротѣ Его Высочества поручена была перевозка десяти четырехъ-фунтовыхъ орудій. 19-го и 20-го декабря эти орудія перевозились, а 21-го благополучно перевалили Балканы. 23-го декабря рота Его Высочества перешла Златицу. 27-го и 28-го декабря она исправляла мосты отъ Златицы до Дольнихъ-Комарцовъ. Всего исправлено было по этой дорогѣ двадцать-три моста. 30-го декабря рота присоединилась къ 9-му корпусу въ Петричево. 31-го декабря она исправляла подъемы и спуски по дорогѣ къ Мечкѣ, гдѣ и ночевала. 1-го января, исправляя по пути дорогу, она пришла въ Пенюгерешти. 2-го января она перешла въ Черногорово, гдѣ и пробыла 3-е и 4-е января. 5-го января она получила приказаніе двигаться къ Филиппополю, куда и прибыла 6-го января.

18-го декабря объявлена была диспозиція для аттаки Ташкиссенской позиціи, согласно которой три роты баталіона, находившіяся въ Чурьякѣ и его окрестностяхъ, должны были слѣдовать въ колоннѣ генералъ-маіора Курлова.

19-го декабря происходилъ бой при Ташкиссенѣ и артиллерійскій бой у Арабконака и Шандарника, а 20-го декабря заняты были непріятельскія позиціи Арабконакъ-Шандарникъ и Дольніе-Комарцы. Въ этотъ-же день происходило сраженіе при Горномъ-Бугаровѣ и отраженіе непріятельской аттаки генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ. 20-го-же декабря началось преслѣдованіе арміи Сулеймана-паши войсками Западнаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко.

Въ этотъ день роты Его Величества и 4-я двинуты были въ Ташкиссенъ, занятый нашими войсками послѣ ожесточеннаго боя, бывшаго наканунѣ. 2-я же рота отправлена была для работъ къ Арабконаку, гдѣ, между прочимъ, заваливала ровъ перекопа, устроеннаго турками у самой подошвы Арабконакской горы, поперегъ Софійскаго шоссе. Въ два часа ночи съ 20-го на 21-е декабря роты Его Величвства и 4-я, вмѣстѣ съ прочими войсками, двинулись по шоссе къ Софіи. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, 21-го декабря, 2-я рота двинулась туда-же.

Колонна генерала Рауха выступила изъ Ташкиссена въ два часа утра 21-го декабря и къ вечеру подошла къ большому крытому мосту черезъ Искеръ, возлѣ Враждебны. Оказалось, что мостъ занятъ былъ турками и что тутъ было около трехъ таборовъ пѣхоты и до шести сотенъ кавалеріи. Пѣхота занимала небольшіе ложементы по обѣимъ сторонамъ моста. Генералъ Раухъ рѣшилъ немедленно, еще до наступленія темноты, овладѣть мостомъ. Вслѣдствіе этого онъ послалъ впередъ лейбъ-гвардіи 2-й, 3-й и 4-й Стрѣлковые баталіоны съ батареею артиллеріи прямо на

шоссе, а влѣво лейбъ-гвардіи 1-й Его Величества Стрѣлковый баталіонъ и лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ вмѣстѣ съ ротою Его Величества лейбъ-гвардіи Саперпаго баталіона, приказавъ командиру этого полка флигель-адъютанту полковнику князю Оболенскому отыскать переправу въ бродъ или по льду и ударить въ правый флангъ турокъ. Когда турки замѣтили переправу обходной колонны, совершенною ею по льду, то бросили свои укрѣпленія и поспѣшно отступили къ фортамъ Софіи, зажегши предварительно большой крытый мостъ, молодецки занятый вслѣдъ за симъ стрѣлками Императогской Фамиліи. Между тѣмъ уже наступила темнота и преслѣдовать непріятеля не представлялось никакой возможности. Весь отрядъ расположился на бивуакѣ у Враждебны, которая была зажжена турками при ихъ отступленіи. Генералъ-адъютантъ Гурко, вызвавъ командира баталіона, поручилъ ему остановить пожаръ моста. Вслѣдствіе этого гвардейскіе саперы немедленно были двинуты изъ резерва бѣгомъ къ мосту. Прибѣжавъ къ нему они тотчасъ приступили къ тушенію пожара. Особенно труденъ былъ этотъ день 2-й ротѣ, которая пришла къ Враждебнѣ отъ Арабконака, не имѣя пищи втеченіе сутокъ. Хотя было уже совершенно темно, однако гвардейскимъ саперамъ удалось погасить горѣвшіе устои моста, для чего разобрана была часть настилки. Сверху и снизу моста саперы закладывали снѣгомъ горящія части и заливали ихъ водой, принося ее въ манеркахъ. Часа черезъ два, три—мостъ былъ окончательно возстановленъ, послѣ чего начала переправляться артиллерія. Мостъ этотъ смазанъ былъ керосиномъ и горѣлъ чрезвычайно сильно несмотря на то, что покрытъ былъ большею частью ледяною корою. Повидимому въ самыхъ устояхъ находились горючіе матеріалы. Ночью, послѣ того какъ его уже погасили, онъ снова загорѣлся. Все время на мосту находилась команда саперъ, наблюдавшая за правильностью переправы и за исправностью моста. Роты баталіона расположились на ночлегъ въ Враждебнѣ, большая половина которой сожжена турками.

22-го декабря, вслѣдствіе сильнаго тумана, не было движенія впередъ и войска оставались въ Враждебнѣ. 4-я рота укрѣпляла въ этотъ день позицію впереди Враждебны къ сторонѣ Софіи, вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ и Измайловскимъ полками.

23-го декабря пришедшій изъ Софіи болгаринъ принесъ извѣстіе о томъ, что турки въ ночь съ 22-го на 23-е декабря очистили Софію, вслѣдствіе чего немедленно было приказано войскамъ двинуться къ ней и около полудня они вступили съ распущенными знаменами въ оставленный непріятелемъ городъ, гдѣ были восторженно встрѣчены населеніемъ. Баталіонъ былъ размѣщенъ по квартирамъ и простоялъ здѣсь до 29-го декабря.

Въ Софіи найдены были громадные запасы продовольственные ивоенные. Одной муки найдено было около двухъ-сотъ тысячъ пудовъ. Въ ра-

портѣ Его Высочеству главнокомандующему генералъ-адъютантъ Гурко говоритъ: «Трудно себѣ представить сколько найдено въ Софіи боевыхъ припасовъ, сосчитать ихъ невозможно, да и не безопасно». Въ одной самой большой въ городѣ мечети, наполненной до самаго верху ящиками и патронами, на которыхъ написано было «въ Плевну», было найдено гораздо болѣе двадцати тысячъ ящиковъ.

Такъ какъ войска, вслѣдствіе чрезвычайно труднаго перехода черезъ Балканы, послѣ продолжительной службы въ горахъ, требовали отдыха и теплаго крова, то генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ размѣстить ихъ по квартирамъ и далъ имъ небольшой отдыхъ.

24-го декабря, канунъ Рождества Христова, баталіонъ провелъ въ Софіи.

25-го декабря, по случаю праздника Рождества Христова, въ Софійскомъ соборѣ была отслужена Божественная литургія и молебствіе, на которомъ присутствовали, въ числѣ прочихъ, офицеры и нижніе чины баталіона. По окончаніи литургіи генералъ-адъютантъ Гурко, выйдя изъ собора, объявилъ окружавшимъ его офицерамъ и войскамъ, что Государь Императоръ за примѣрные труды и лишенія, понесенныя войсками при переходѣ черезъ Балканы, изволилъ пожаловать въ каждую часть по три Георгіевскихъ креста на каждую роту.

Въ этотъ же день объявленъ былъ по войскамъ нижеслѣдующій приказъ генералъ-адъютанта Гурко:

«Войска ввѣреннаго мнѣ отряда! Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнимъ Дубнякомъ и 16-го октября подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій Плевну, съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паши сдѣлались вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28-го октября лихимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу.

Передавъ затѣмъ завоеванныя вашею кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ Гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ 5-го ноября противъ другой арміи Мегмета-Али, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіе и шедшей на выручку арміи Османа-паши. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ и 12-го ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ, послѣ блестящаго дѣла, высотами Вратешти 16-го ноября и, наконецъ, разбивъ турокъ 21-го ноября на высотахъ Бабаконака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами, вытѣснили турокъ изъ многихъ, чрезвычайно сильныхъ позицій и прижали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

Въ это же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ переваломъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной, невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ моро-

зовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго, постояннаго тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которые выпали на вашу долю. Вы все перенесли съ по истинѣ геройскою, русскою твердостью и стойкостью. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи, и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

Наконецъ пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было; кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ. Вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги и на высотахъ Умургача, Чернаго-верха и Бабы-горы заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты. Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительные труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

19-го декабря вы спустились въ долину Софіи, причемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи Петровскому Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда Рауха. Въ тотъ же день вы мужественно аттаковали сильную Ташкиссенскую позицію, штурмомъ завладѣли турецкими редутами и трудно доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать втеченіе ночи съ крѣпкой Арабконакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по Орханійскому шоссе.

Оставивъ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и бо́льшую часть 9-го корпуса, подъ начальствомъ барона Криденера, для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, я, съ остальною частію отряда, двинулся 21-го декабря противъ Софіи,—этой древней славянской столицы Сербскаго царства.

Въ то время, когда бо́льшая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, меньшая часть, а именно пять баталіоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горномъ-Бугаровѣ, гдѣ небольшая горсть нашихъ храбрецовъ отбила аттаки въ три раза сильнѣйшаго непріятеля.

Завладѣвъ съ боя 21-го декабря мостомъ черезъ Искеръ у Враждебны, вы подошли къ Софіи и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ двадцати-пяти баталіоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія и помощи.

Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи—переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь чему болѣе удивляться, храбрости ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ,

или же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

Пройдутъ года и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостію и торжествомъ скажутъ: «здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу Суворовскихъ и Румянцевскихъ чудо-богатырей».

Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли Имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова!

Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о трудахъ и заслугахъ командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта барона Криденера.

Пользуясь симъ приказомъ, чтобы выразить мою душевную и сердечную признательность начальнику штаба моего отряда генералъ-маіору Нагловскому. Его мудрымъ совѣтамъ и поразительному хладнокровію отрядъ во многомъ обязанъ добытымъ нами блестящимъ результатомъ.

Съ чувствомъ особаго удовольствія сердечно благодарю командующаго 2-й гвардейской пѣхотною дивизіею генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го, командира 2-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Дандевиля, командующаго 1-й гвардейской пѣхотной дивизіею генералъ-маіора Рауха, начальника артиллеріи отряда Свиты Его Величества генералъ-маіора Бреверна, начальника 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, начальника штаба 9-го корпуса генеральнаго штаба генералъ-маіора Липинскаго, командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Его Высочества Принца Ольденбургскаго, командира гвардейской Стрѣлковой бригады Свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса, командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора Брока, командира 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Московскаго флигель-адъютанта полковника Гриппенберга, С.-Петербургскаго Гренадерскаго Короля Прусскаго генералъ-маіора Курлова, лейбъ-гвардіи Волынскаго генералъ-маіора Мирковича, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полковника Шмита, лейбъ-гвардіи Преображенскаго флигель-адъютанта полковника князя Оболенскаго и 10-го Новоингерманландскаго полковника графа Комаровскаго, командира лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона флигель-адъютанта полковника Скалона, командировъ стрѣлковыхъ баталіоновъ: 1-го Его Величество полковника Васмунда и 4-го Императорской Фамиліи флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля и командующихъ полками: 11-го Псковскаго подполковника Кабардо и 12-го Великолуцкаго маіора Беатра, генеральнаго штаба полковника Сухотина, подполковниковъ: Ставровскаго и Пузыревскаго и штабсъ-капитана Протопопова и всѣхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, начальниковъ штабовъ

дивизій, командировъ артиллерійскихъ бригадъ, командировъ баталіоновъ, батарей и ротъ и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Благодарю также командующаго 2-й гв. кавалерійскою дивизіею Свиты Его Величества генералъ-маіора барона Клодта, начальника штаба этой дивизіи полковника Бунакова, командира сводно-драгунской бригады генералъ-маіора Краснова; командировъ полковъ: л.-гв. конно-Гренадерскаго Свиты Его Величества генералъ-маіора графа Ламсдорфа, л.-гв. Уланскаго Свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера, л.-гв. Гусарскаго Его Величества флигель-адъютанта полковника барона Мейендорфа, командующаго л.-гв. Драгунскимъ полкомъ полковника Ковалевскаго, командира 3-й бригады 2-й гв. кавалерійской дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора графа де-Бальмена, командировъ полковъ: л.-гв. Уланскаго Его Величества флигель-адъютанта полковника барона Притвица и л--гв. Гродненскаго Гусарскаго Его Высочества Принца Саксенъ-Альтенбургскаго, командира сводно-кавказской бригады Свиты Его Величества генералъ-маіора Черевина, командира Владикавказскаго казачьяго полка полковника Левиса, командира сводно-казачьей бригады генералъ-маіора Курнакова, командира 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка полковника Ребиндера и всѣхъ командировъ кавалерійскихъ полковъ, командировъ дивизіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и командировъ конныхъ батарей, генеральнаго штаба капитана Храповицкаго и всѣхъ вообще офицеровъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Сихъ послѣднихъ въ особенности за молодецкія и лихія развѣдки. Благодарю также штабъ-и оберъ-офицеровъ всѣхъ штабовъ офицеровъ, состоящихъ при мнѣ ординарцами. Благодарю полковника Доманевскаго, благодаря трудамъ и распорядительности котораго весь отрядъ никогда не нуждался въ предметахъ продовольствія.

Благодарю за неутомимые и полезные труды по санитарной части отряднаго врача статскаго совѣтника доктора медицины Энкгофа, уполномоченнаго при летучихъ отрядахъ для гвардейскаго корпуса и этапѣ отъ Государыни Цесаревны коллежскаго совѣтника Петлина и всѣхъ врачей, состоящихъ при дивизіонныхъ лазаретахъ, при частяхъ войскъ и въ санитарномъ отрядѣ Государыни Императрицы.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Подлинный подписалъ: «Начальникъ отряда генералъ-адъют. Гурко».

25-го же декабря объявлена была по войскамъ западнаго отряда диспозиція, которою предписывалось войскамъ отряда произвести наступленіе на Татаръ-Базарджикъ четырьмя колоннами подъ начальствомъ генераловъ Вельяминова, графа Шувалова, Шильдеръ-Шульднера и барона Криденера. Баталіонъ (роты Его Величества, 2-я и 4-я), назначенъ былъ въ отрядъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, вмѣстѣ съ 1-ю и 2-ю гвардейскими пѣхотными дивизіями. Отряду этому назначено было двигаться по шоссе черезъ Ихтиманъ для овладѣнія позиціею турокъ у Троя-

новыхъ-воротъ. Всѣмъ начальникамъ отрядовъ предписывалось диспозиціею немедленно снабдить части, входящія въ составъ отрядовъ, порціоннымъ скотомъ, въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ на 4 дня. При дальнѣйшемъ движеніи начальникамъ отрядовъ предписывалось заботиться о своевременномъ снабженіи частей порціоннымъ скотомъ, употребляя для сбора скота, въ случаѣ крайности, состоящія при отрядахъ кавалерійскія части. За собираемый у жителей скотъ предписывалось уплачивать немедленно звонкою монетою. Всюду, гдѣ только окажется малѣйшая возможность приказано было заставлять крестьянъ печь хлѣбъ, уплачивая за него деньги. Покупаемый хлѣбъ показывать къ зачету и тѣмъ сберегать сухари. При этомъ обращено было особенное вниманіе всѣхъ начальниковъ на то, что при тогдашнемъ крайне дурномъ состояніи дорогъ подвозъ сухарей встрѣчалъ невообразимыя затрудненія и что по этому необходимо пользоваться всякимъ представляющимся случаемъ сберегать сухари. «Заботиться о сбереженіи сухарей», гласила диспозиція, «есть долгъ чести и патріотизма всякаго начальника».

28-го декабря происходилъ послѣдній Шипкинскій бой: сраженіе у Шенова и Шипки и взятіе генералъ-лейтенантомъ Радецкимъ въ плѣнъ всей Шипкинской арміи Весселя-паши.

Извѣстіе это возбудило въ войскахъ западнаго отряда величайшій восторгъ.

29-го декабря баталіонъ выступилъ изъ Софіи и прибылъ въ Ени-Ханъ, гдѣ и остановился на ночлегъ.

Передъ самымъ выступленіемъ изъ Софіи баталіонъ былъ несказанно обрадованъ извѣстіемъ о томъ, что Государь Императоръ, во время бывшаго въ Петербургѣ 14-го декабря парада, изволилъ высказать полковнику Прескоттъ нѣсколько въ высшей степени милостивыхъ отзывовъ о службѣ какъ вообще всего баталіона, такъ и въ частности брата полковника Прескотта, поручика Прескотта, состоявшаго въ конвоѣ Его Величества. Радостныя извѣстія эти были переданы поручику Прескоттъ въ письмѣ его брата.

30-го декабря генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ взялъ, послѣ упорнаго боя, Самаковъ, а генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ безъ выстрѣла занялъ Трояновы-ворота, выставивъ кавалерію къ Ветренову. Трудный перевалъ чрезъ Трояновы-ворота достался нашимъ войскамъ безъ сопротивленія, потому что Сулейманъ-паша, получивъ, 29-го вечеромъ, извѣстіе о шипкинской катастрофѣ, въ ту-же ночь началъ поспѣшно отступать по всей линіи.

Баталіонъ же выступилъ въ этотъ день изъ Ени-Хана и прибылъ въ Вакарель.

31-го декабря баталіонъ прибылъ въ Капуджикъ.

Изъ походныхъ воспоминаній

Лейбъ-гвардіи Конной Артиллеріи.

I.

Къ 17-му ноября, простоявши у деревни Новачина, батарея наша 12-го декабря получила приказаніе выступить на Орханіе и Врачеши, съ тѣмъ, чтобы 13-го числа утромъ присоединиться къ правой колоннѣ генералъ-лейтенанта Вельяминова, въ составѣ которой намъ предстояло переходить Большіе Балканы. Морозъ на дворѣ стоялъ сильный, онъ давалъ о себѣ знать и въ хатѣ нами занимаемой, а въ чуланѣ, гдѣ я помѣщался, замерзла даже бутылка съ уксусомъ. Къ вечеру онъ еще усилился, достигши до 12°—14° по Реомюру. Густой непроницаемый туманъ разстилался по всей горной лощинѣ. На счастье наше, ночь была лунная. Въ 11-омъ часу вечера батарея *) собралась въ паркѣ, заплягли лошадей, подъѣхали деньщики съ вьюками и мы тронулись, разставаясь съ нашими временными квартирами, съ которыми впрочемъ уже успѣли свыкнуться.

Переходъ предстоялъ не легкій, трудности всякаго рода не малыя, но наступила наконецъ минута перешагнуть черезъ эти бѣлоголовые великаны, успѣвшіе порядкомъ намозолить намъ глаза за послѣдній мѣсяцъ, и люди и офицеры были рады командѣ впередъ.

---

* Четыре орудія 1-го и 2-го взводовъ, 3-й же взводъ велѣно было оставить въ Орханіе, онъ выступилъ изъ Новачина послѣ насъ.

Въ туманномъ, лунномъ освященіи колонна таинственно подвигалась. Слышенъ былъ лишь скрыпъ орудійныхъ колесъ по снѣгу, отъ холода спиралось дыханіе.—Вотъ опустились къ Искеру, обрамлявшему наше бывшее бивуачное расположеніе, перешли бродъ и въѣхали въ Скривинское *) ущелье.

Вправо отъ насъ тянулась гора, увѣнчанная турецкими укрѣпленіями не шуточной постройки, брошенными ими послѣ взятія Правецы, влѣво ручей. Перешли еще два, три небольшихъ брода и очутились въ узкихъ и кривыхъ улицахъ деревни Скривенъ, пробраться черезъ которую не скоро удалось. Здѣсь играли «сборъ», на который сбирались и выстраивались на скоро роты стоявшихъ тамъ баталіоновъ Тамбовскаго полка.

Благодаря плетнямъ и деревьямъ фруктовыхъ садовъ, тьма на улицѣ была непроницаема. Небольшіе костры, тамъ и сямъ разведенные солдатами, лишь служили маяками. То и дѣло раздавались возгласы блуждающихъ: «3-я рота, «эй!» «2-я рода—сюда»; «Петровъ—гдѣ?» и т. п.

Пока батарея стягивалась, люди и мы слѣзли съ коней и подошли погрѣться къ кострамъ. Оно было не лишнее, руки и ноги ныли порядкомъ. Раздалась команда «по кóнямъ, садись» и снова потянулись, съ трудомъ пробираясь сквозь спѣшившую впередъ пѣхоту. Остальныя верстъ шесть до Орханіе путь лежалъ снѣжною равниною, минуя въ двухъ мѣстахъ курганы, но здѣсь уже дорога была значительно тяжелѣе, ухабистѣе.

Спѣшенной прислугѣ приходилось пособлять лошадямъ. Попадались полуразрушенные мостики и, въ одномъ мѣстѣ, изъ обледенѣлаго ручья выглядывалъ застрявшій тамъ зарядный ящикъ прошедшей наканунѣ пѣшей батареи. Паръ столбомъ поднимался съ лошадей. Батарея уже спѣшилась и мы шли молча, бодрымъ шагомъ, стараясь сколько нибудь согрѣть коченѣющіе свои члены.

Подойдя къ Орханіе, мы выѣхали вправо на шоссе и потянулись къ ущелью Врачешскому. Здѣсь намъ пришлось не мало помучиться съ отысканіемъ брода черезъ старый знакомый намъ Искеръ. Тонкій слой льда проламывался, лошади скользили, падали, люди мокли........

12-го Декабря.

Между тѣмъ ночь подвигалась, дѣло шло къ разсвѣту. Не доходя деревни Врачеши, батарея остановилась въ ожиданіи приказаній начальства. Ко сну сильно склоняло, чему, кромѣ усталости, способствовала и ночь, проведенная на холодѣ. Не знаю, чтобы я не далъ тогда за стаканъ чая, и тутъ какъ разъ я помню пришлось выдержать порядочное испытаніе.

---

*) Деревня Скривены—къ востоку отъ Навачина верстахъ въ $2^1/_2$—3-хъ.

Мы съ нѣкоторыми товарищами отошли въ сторону отъ батареи и, блуждая, зашли въ небольшую хату или скорѣе баракъ, стоящій у дороги.

Оказалось, что здѣсь помѣстился полковникъ Н. Онъ въ то время кончилъ пить чай, и увидѣвъ насъ пригласилъ присѣсть. Мы, конечно, не заставили себѣ этого повторить и обрадовались перспективѣ согрѣться чайкомъ. Увы! Горькое разочарованіе скоро послѣдовало: призвали деньщика и приказали убрать. Это первый и единственный разъ во всемъ походѣ, что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ столь полнаго пренебреженія къ понятіямъ о русскомъ хлѣбосольствѣ.

Около 8-ми часовъ утра, 13-го декабря, батарея наша стояла вытянутою по улицѣ деревни Врачешъ, присоединившись къ отряду генералъ-лейтенанта Вельяминова (Пензенскій и Томбовскій пѣхотные полки 31-ой дивизіи 6 батальоновъ), 4 орудія нашей (2-ой) гвардейской конной батареи и 2 орудія 5-ой батареи нашей-же бригады. Начинало разсвѣтать.

Выступили мы изъ Врачешъ на Умургачскій перевалъ часовъ около одиннадцати утра. Дорога шла по правому скату ущелья, дѣлая небольшіе изгибы и подъемы. Во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе промоинъ, она съуживалась до такой степени, что передки и орудія склонялись на бокъ, нависая надъ кручею, и не разъ приходилось спѣшивать прислугу, выпрягать передніе выносы и помощью лямокъ на рукахъ протаскивать ихъ мимо опасныхъ мѣстъ. День былъ болѣе теплый, нежели наканунѣ, но все же морозъ градусовъ въ 9—10. Стемнѣлось уже, когда колонна наша, пройдя небольшой лѣсъ, въѣхала въ котловину, обрамленную скалами. Понятіе о трудности нашего движенія въ этотъ день можно себѣ составить изъ того факта, что мы употребили около двѣнадцати часовъ на разстояніе не многимъ болѣе пяти верстъ. Здѣсь рѣшено было ночевать. Выпрягли орудія разбили коновязь и солдатики разбрелись рубить хворостъ. Прошло недолго и запылали костры, озаряя багровымъ свѣтомъ наше горное убѣжище. Расчистили кое-какъ снѣгъ и размѣстились вокругъ костровъ, кто на буркѣ, кто на американской постели, кто на коврикѣ. Солдатики стали варить ужинъ, а офицерство, подкрѣпившись приготовленною наскоро закускою, принялось за чаепитіе. Всѣ ужасно устали и сонъ не заставилъ себя ждать. Кто заснулъ, какъ лежалъ, а трое изъ нашихъ забрались въ найденныя дровни съ сѣномъ. Скоро весь бивуакъ, за исключеніемъ часовыхъ, храпѣлъ.

14-го Декабря.

До сихъ поръ мы шли хотя по тяжелой, но еще возможной дорожкѣ. Приходилось иногда прибѣгать къ помощи своихъ сотоварищей пѣхоты, но мало; большею частію обходились одною спѣшенною прислугою. Начиная же съ 14-го декабря движеніе наше впередъ стало въ полной зависи-

мости отъ нашего прикрытія и оно насъ геройски вынесло на своихъ плечахъ.

Утромъ, съ разсвѣтомъ, отрядъ приготовился продолжать подъемъ, между тѣмъ на бивуакъ вернулись отправленные впередъ для осмотра единственной существующей тропинки офицеры. Отвѣтъ ими былъ привезенъ далеко неутѣшительный. Крутая, узкая, заваленная камнями и снѣгомъ тропа, служащая жителямъ горныхъ деревень для прогона козъ и овецъ, представляла для глаза непреодолимыя препятствія. Пѣхота могла здѣсь пройдти, для артиллеріи же казалось немыслимымъ. Послали объ этомъ донесеніе генералу Гурко, на которое послѣдовалъ отвѣтъ начальника отряда: никакія препятствія не считать непреодолимыми и двигаться безъ замедленія впередъ, таща артиллерію хоть зубами. Между тѣмъ начальство собиралось и разсуждало о средствахъ для продолженія движенія. Сборная саперная команда отъ Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ была выслана впередъ для исправленія слишкомъ выдающихся неровностей пути и для высѣканія во льду ступенекъ, и скоро по нашей котловинѣ разнеслось эхо работающихъ кирокъ и мотыгъ. Среди преній и толковъ, какъ сдѣлать съ артиллеріею, явился сѣдой капитанъ Ч., командиръ одной изъ ротъ Тамбовскаго полка, участвовавшій въ *Сербской кампаніи*, и предложилъ примѣнить способъ, видѣнный имъ въ горахъ въ Сербіи.

Первымъ дѣломъ надо было пріобрѣсти по возможности болѣе простыхъ дровней. На мѣстѣ ихъ оказалось нѣсколько штукъ, а за недостающими было отправлено во Врачеши и Орханіе. Затѣмъ, при помощи отвозовъ, постромокъ и лямокъ, разобранныя по частямъ орудія были прикрѣплены къ этимъ дровнямъ. Работа началась съ 4-го орудія. Сняли его съ лафета и, вынувъ клиновой механизмъ, крѣпко на крѣпко привязали къ дровнямъ; тутъ же рядомъ былъ прикрѣпленъ механизмъ въ чехлѣ. Лафетъ отдѣльно безъ колесъ былъ привязанъ на другія дровни, колесы надѣты каждое отдѣльно на палку и послѣднія такимъ образомъ катились впередъ двумя солдатами. Такимъ же образомъ сдѣлано было и съ передкомъ отъ 4-го орудія; передокъ (со снятыми колесами) былъ поставленъ на дровни, а колеса надѣты на палки. Сначала думали изъ передковъ вынуть (для облегченія) заряды, но, вслѣдствіе большаго расхода людей, требуемыхъ на переноску ихъ, этотъ планъ былъ оставленъ. Такъ какъ дровней было мало, то при приспособленіи къ подъему слѣдующихъ орудій расходъ имъ сокращался, ставя орудіе вмѣстѣ съ лафетомъ на одни дровни и оставляя передокъ съ неснятыми колесами, за спицы которыхъ люди брались и такимъ образомъ помогали преодолѣвать встрѣчаемыя препятствія. Къ дровнямъ и передкамъ были прикрѣплены длиннѣйшіе канаты. При каждомъ орудіи съ передкомъ назначено было отъ одной роты до полуторы. Нѣсколько человѣкъ прислуги были снабжены толстыми дручками въ видѣ рычаговъ.

Я забылъ упомянуть, что вслѣдствіе предстоящихъ трудностей и испытаннаго наканунѣ опыта, рѣшено было четырехколесные зарядные ящики препроводить обратно во Врачеши, откуда они впослѣдствіи присоединились къ намъ послѣ очищенія Араба-Конакскаго шоссе. Вообще, во всѣхъ движеніяхъ нашихъ въ минувшей кампаніи, эти ящики своею громоздкостью оказывались большою обузою, такъ что мы разставались съ ними всегда охотно.

Около полудня четвертое орудіе было готово и мнѣ приказано было съ нимъ начать подъемъ. Съ Богомъ! тронулись. Человѣкъ 50 — 60 тамбовцевъ взялись за канаты и отвозы, и приведенная чисто на зимнее положеніе система двинулась впередъ. За орудіемъ послѣдовалъ и передокъ. Сзади шла вторая половина людей, неся ружья своихъ товарищей, а за ними ѣздовые и коноводы вели лошадей. По бокамъ патрули.

Изъ котловины дорожка, перейдя обледенѣлый ручей, круто подымалась въ гору, оставивъ слѣва по ущелью ручей пробираясь по покрытому снѣгомъ, поросшему молодымъ лѣсомъ и кустарникомъ скату. Черезъ каждые два, три шага приходилось останавливаться передъ попадающимися препятствіями, то камень, то горный ключъ. Люди сильно утомлялись, скользили, падали, но, остановившись на минуту перевести дыханіе, снова съ удвоеннымъ рвеніемъ и настойчивостью брались за тягу.

Смѣна съ носящими сзади ружья дѣлалась часто.

Понятно движеніе каждой отдѣльной части, орудія или передка, постоянно задерживаемое мѣстными преградами, мало-по-малу увеличивало интервалы и, такимъ образомъ, понемногу, *вся* гора усѣивалась отдѣльными борящимися съ природою партіями. Но довольно уже того, что дѣло подается; мы двигаемся, правда, медленно, черепахами, но мы чувствуемъ, какъ постепенно поднимаемся выше и выше, а главное знаемъ, что отступленія нѣтъ.

Вообще солдаты являли рѣдкій примѣръ выносливости и терпѣнія. Не обходилось, конечно, безъ одиночныхъ случаевъ ругательства, когда ужъ больно не можилось, какъ напримѣръ: «чтобъ тебѣ лопнуть»! «Вотъ связались съ проклятыми! (т. е. орудіями)» и т. п., но за-то какъ отрадно было подслушать, спустя нѣсколько дней (послѣ удачнаго дѣла подъ Горнымъ Бугаровымъ, 20-го декабря) отъ тѣхъ же солдатъ: «видишь, братъ, не даромъ потрудились, таскали, таскали; какую за то службу сослужили намъ сегодня»!

Послѣ продолжительнаго подъема, мы достигли большаго снѣжнаго плато, гдѣ назначенъ былъ привалъ въ ожиданіи, чтобы третье, сзади идущее орудіе подтянулось. Отдохнувъ около часа или полутора и закусивъ сухарикомъ да говядинкою отъ вчерашней варки, мы пошли впередъ. Подъемъ отсюда шелъ лѣсомъ, уже крупнымъ, буковымъ. Начинало темнѣть, но

мы все шли, шли впередъ, пока за наступившею ночью и истомленіемъ людей не пришлось, наконецъ, рѣшиться устроиться на ночлегъ.

Гдѣ очутились тогда въ лѣсу, тамъ и остановились. На дорогѣ остались дровни съ орудіями и передками, а отрядъ расположился по сторонамъ.

Лошадей привязали къ деревьямъ, мѣстами расчистили кое-какъ снѣгъ. Сначала не велѣно было разводить огня, но затѣмъ пришло разрѣшеніе развести только ограниченное, необходимое число костровъ. Лѣсъ былъ мокрый, страшный дымъ безпощадно ѣлъ глаза, такъ что невольный плачъ сдѣлался общимъ. Разстопили въ чайникахъ снѣгу и заварили чай. Одному изъ нашихъ офицеровъ деньщикъ, такъ какъ чай уже весь вышелъ, вздумалъ заварить настой изъ сухихъ дубовыхъ листьевъ, и тотъ тогда только, когда уже напился, узналъ о вяжущемъ декоктѣ имъ принятымъ. Вообще дѣло было не въ чаѣ, а лишь бы выпить чего либо горячаго.

Костеръ кое-какъ разгорался и, закутавшись въ буркахъ и плащахъ, мы лежали, уставивъ подошвы къ огню. Ноги сильно страдали отъ холода и сапоги, набравъ за день сырости, медленно нагрѣвались. Только, когда они начинали дымиться и теплота по немного переходила въ болѣзненное ощущеніе, тогда рѣшался отодвинуться подальше.

Ночью разразилась сильная мятель; деревья съ трескомъ раскачивались, осыпая насъ снѣгомъ.

Рано, на разсвѣтѣ, къ нашей компаніи подошелъ начальникъ штаба отряда и сталъ насъ будить. Оказалось, что онъ ѣздилъ впередъ осматривать дорогу, въ мятели чуть не сбился, замерзъ и пришелъ къ убѣжденію, что дальше идти невозможно.

15-го Декабря.

Заявленіе начальника штаба осталось безъ послѣдствій и мы пошли впередъ. День 15-го декабря прошелъ въ такихъ-же трудахъ, какъ и наканунѣ.

Около полудня мы огибали высокую голую вершину, покрытую снѣгомъ.

Холодъ былъ пронзителенъ. Тамъ и сямъ, по сторонамъ тропы валялся солдатъ, другой окончательно выбившійся изъ силъ и неимѣющій отъ холода.

Такихъ, конечно, старались, всѣми способами, подбодрить и убѣдить въ томъ, что останавливаться въ такомъ мѣстѣ—вѣрная смерть, между тѣмъ, не будь здѣсь довольно глубокаго снѣга, не знаю, какъ-бы протащили орудія до слѣдующаго лѣса, столь крутъ былъ скатъ, а держаться было не зачто.

Люди страшнымъ отпоромъ насилу сдерживали скользящія по кручѣ и ежеминутно грозящія сорваться орудія. Наконецъ, Слава Богу, мы опять въ лѣсу. Около этого мѣста случилось приключеніе съ состоящимъ при нашей батареѣ вольнонаемнымъ поваромъ. Онъ велъ въ поводу лошадь. Вдругъ она поскользнулась и, вырвавши изъ рукъ его поводъ, скатилась внизъ по кручѣ. «Ну», думалось, «лошадь навѣрно пропала». Каково-же было всеобщее удивленіе, когда, черезъ какихъ-нибудь часъ, два, лошадь, выбравшись сама, Богъ вѣсть какъ, присоединилась къ намъ, не получивъ другихъ поврежденій, кромѣ царапинъ и легкихъ ушибовъ.

. . . .

Слѣдующую ночь провели опять въ лѣсу. Остановившись на ночлегъ, получили извѣстіе, что въ верстахъ полутора впереди находятся нѣсколько стоговъ сѣна. Всѣ обрадовались за лошадей, не видавшихъ сѣна съ самаго начала подъема на Балканы.

Это время они довольствовались небольшою дачею овса и сухими листьями деревьевъ, а 14-го числа былъ командированъ во Врачеши и Орханіе за овсомъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, подпоручикъ Д. съ 16-ю заводными лошадьми. Онъ насъ догналъ уже 16-го числа пополудни.

Тьма была кромѣшная и я поѣхалъ отъискивать стоги, но безъ успѣха.

16-го Декабря.

На слѣдующее утро оказалось вотъ что: баталіонъ, шедшій въ авангардъ, ночевалъ на горной площадкѣ и, немедля, по прибытіи на ночлегъ, до чиста разобралъ два стога, подостлавъ сѣно подъ себя, для прикрытія сколько нибудь отъ снѣга.

Вещь очень понятная, но возмущавшая кавалериста. Когда, на слѣдующее утро, весь нашъ отрядъ собрался на плато Умургача, откуда уже начинался спускъ съ перевала, нѣкоторые изъ насъ занялись сбираніемъ изъ подъ пѣхотныхъ солдатъ сѣна по клочкамъ и кормленіемъ имъ лошадей, между тѣмъ, въ небольшомъ разстояніи открыто было еще нѣсколько зародовъ и за сѣномъ была отправлена команда съ арканами и заводными лошадьми.

Здѣсь на плато Умургача снѣгъ былъ такъ глубокъ, что, отступая отъ тропы, сѣдокъ проваливался съ конемъ по брюхо. Сѣрое небо предвѣщало новую мятель, которая не замедлила разразиться; вѣтеръ дулъ страшный и морозъ доходилъ до пятнадцати градусовъ или болѣе по Реомюру. Маршрутъ нашъ отсюда лежалъ вправо на Златицу. Пока отрядъ собирался въ ожиданіи приказаній, я проѣхался версты двѣ по этой тропѣ. Ея, собственно, уже не существовало. Для глаза виднѣлась одна лишь снѣжная, необъятная сѣдловина. Отъ предъидущихъ и свирѣпствовавшей въ ту минуту мятелей снѣга накопилось страшно; лошадь ежеминутно остана-

вливалась, проваливаясь по брюхо; отъ рѣзкаго, ледянаго вѣтра спиралось дыханіе, глаза залѣплялись снѣгомъ, идти дальше было рисковано. Я повернулъ лошадь на обратномъ пути къ отряду, мнѣ повстрѣчались идущіе въ разбродъ человѣкъ пять пѣхотинцевъ. На вопросъ, куда они идутъ, они отвѣчали, что они посланы были отъ Архангелородскаго полка во Врачеши за сухарями и теперь, получивъ ихъ, идутъ на присоединеніе съ полкомъ. Архангелогородскій полкъ составлялъ отдѣльную на нашемъ правомъ флангѣ летучую колонну, которая должна была идти на Яблоницу въ тылъ турецкимъ позиціямъ у Лютикова.

Не знаю удалось-ли несчастнымъ добраться до полка. Сомнѣваюсь, чтобы всѣ дошли при той мятели, которая тогда свирѣпствовала. Помню, что весьма обрадовался, когда снова выѣхалъ на плато Умургача и увидѣлъ батарею.

Въ виду дознанной невозможности идти на Златицу, рѣшено было идти на Чуріакъ, куда, по донесенію состоящаго при штабѣ отряда маіора Квитницкаго, имъ найденъ довольно удобный спускъ. Мятель все продолжала свирѣпствовать. Между тѣмъ, къ начальнику отряда, генералу Вельяминову, явился пастухъ, который доложилъ ему, что отряду долѣе оставаться на открытой площадкѣ Умургачскаго плато значило рисковать быть окончательно занесеннымъ снѣгомъ (столь сильны здѣсь въ горахъ мятели).

Вслѣдствіе этого, приказано было отряду, со всею поспѣшностью, приготовиться покинуть площадку и начать во что-бы то ни стало спускаться.

Первоначальный спускъ (съ Умургача) представлялся настолько отлогимъ, что снова можно было прибѣгнуть къ помощи лошадей. Люди бросились къ дровнямъ развязывать орудія и надѣвать ихъ на лафеты, и столь сильно подѣйствовало чувство самохраненія, что прошло не болѣе получаса и орудія, разбросанныя по частямъ, были собраны и надѣты на передки. Лошадей запрягли и отрядъ тронулся.

Путь шелъ по глубокому снѣгу, спускаясь съ одной горной площадки, усѣянной старыми деревьями, на другую и, затѣмъ, вступивъ въ густой молодой лѣсъ, съуживался, становясь все круче и круче. Скоро пришлось опять выпречь лошадей и обратиться къ помощи людей—для спуска орудій.

На счастье 1-му взводу, шедшему впереди, ему удалось, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, спуститься въ нижнее горное ущелье. Начавъ спускать 2-й взводъ, я, воспользовавшись приваломъ, поѣхалъ впередъ на своемъ казакѣ—за приказаніями. Становилось уже темно и, протискиваясь между шедшими по узкой тропѣ пѣхотными солдатами, приходилось то и дѣло кричать: «штыкъ вправо, влѣво штыкъ», рискуя ежеминутно самъ, да и конь также, лишиться глаза или получить какое-нибудь другое

увѣчье. Дорога отъ гололедицы была къ тому ужасно скользка. Догнавъ начальство, я получилъ приказаніе, что-бы 2-му взводу до разсвѣта ночевать на горѣ, слѣзъ съ лошади и, ведя ее въ поводу, сталъ снова подниматься въ гору, такъ какъ подняться верхомъ на плохо кованномъ конѣ было почти немыслимо. Возвратившись къ своему взводу, я передалъ приказаніе.

Гдѣ орудія находились, тамъ и стали, лошадей отвели вправо и влѣво, по глубокому снѣгу, въ лѣсъ и привязали къ кустамъ. Солдатики лопатами стали разсчищать небольшое мѣсто для офицерства и затѣмъ начали рубить хворостъ на костры, развести которые съ трудомъ удалось—столь мокръ былъ лѣсъ.

Только что начали было располагаться на ночлегъ, какъ получаемъ приказаніе: «Немедля продолжать спускаться на Чиріакъ». Дѣлать было нечего, какъ повиноваться. Поднялись и подошли снова къ дровнямъ съ орудіями и лафетами и къ передкамъ.

Ночная работа, со спускомъ орудій, по страшно крутой лѣсной тропинкѣ, при гололедицѣ, являлась чисто адскою. Люди какъ-бы предсмертнымъ, отчаяннымъ отпоромъ еле сдерживали летящія внизъ и грозящія ежеминутно увлечь ихъ тяжелыя дровни.

Хватались за кусты по сторонамъ падали и, вставъ насилу, снова падали. Падали не одни только спускающіе орудія, но шедшіе сзади, относительно на-легкѣ, и несшіе ружья товарищей. Идя сбоку и слѣдя за спускомъ то орудія, то лафета, я, при свободныхъ рукахъ, не разъ ощущалъ какъ-бы спускаюсь на конькахъ съ ледяныхъ горъ, а что-же было для людей? Къ дышлу передковъ и дровней становились по два нумера, которые, налегая вѣсомъ туловища, давали направленіе. На малѣйшемъ поворотѣ останавливались вздохнуть. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаянной работы, достигли подошвы горы, откуда тропа, перейдя у глубокаго обрыва ручей, сворачивала на лѣво и, врѣзаясь въ нависшую скалу, съуживалась до-нельзя. По лѣвой сторонѣ тянулся обрывъ. У поворота дороги, саперною шедшей впереди командою разведено было два небольшихъ костра, для освѣщенія пути. Проходя здѣсь до этого, я оступился и упалъ въ обрывъ, но къ счастью въ паденіи былъ задержанъ снѣжнымъ сугробомъ, съ котораго и вытащили меня нумера моего взвода.

Бывали моменты страшной нравственной пытки: это именно, когда дорога такъ съуживалась, что орудіе одною стороною надвисало надъ пропастью. Вотъ, вотъ, думалось, и орудіе пропало, можетъ, безвозвратно; но Богъ съ нами и мѣсто минуто.

Около двухъ, трехъ часовъ утра кончили послѣдній спускъ и въѣхали въ горную лощину, гдѣ у громаднаго костра сдѣланъ былъ небольшой привалъ.

Но и тутъ еще не суждено было нашимъ мученіямъ окончательно прекратиться.

Дорога на Чуріакъ, шедшая лощиною рядомъ съ вьющеюся змѣею замершею рѣчкою, была совершенно неразработанною и представляла снѣжный скосъ, съ котораго не разъ слетали и опрокидывались уже запряженныя орудія. Путь приходилось выбирать то по льду рѣчки, то по снѣжнымъ грудамъ.

17-го Декабря.

Былъ уже восьмой часъ утра, 17-го декабря, когда мы, измученные до послѣдняго предѣла, наконецъ въѣхали въ небольшое село Чуріакъ.

Шелъ снѣгъ. Мы застали всѣ хаты и дворы биткомъ набитыми войсками, такъ какъ, кромѣ нашего отряда, здѣсь расположился на отдыхъ спустившійся наканунѣ съ Балкановъ отрядъ генералъ-маіора Дандевиля.

Я отъискалъ на одномъ дворѣ дровни и зарывшись въ сѣно, подъ сѣнью бурки, уснулъ сномъ убитаго часа на два съ половиною. Около одиннадцати съ половиною часовъ дня отрядъ нашъ выступилъ изъ Чиріака на Потопъ и Плешница, гдѣ предполагалась ночевка.

Е. И.

II.

Отъ Чуріака до Филиппополя.

17-го декабря 1877 года наша батарея, часовъ около десяти дня, выступила съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова изъ дер. Чуріака на деревню Елешницу.

Колонна генерала Вельяминова, съ которой мы только что спустились съ Балканъ, была тогда въ составѣ двухъ баталіоновъ Пензенскаго полка и всего Тамбовскаго. Какъ артиллерія, при ней было четыре конныхъ орудія 2-й батареи и два орудія 5-й Гвардейской конной артиллеріи.

Отрядъ нашъ былъ страшно уставши: вчерашнюю ночь мы только къ утру кончили спускъ съ Умургача, подъемъ на который начался еще 13-го декабря; собственно говоря, отрядъ почти не переставалъ двигаться съ девяти часовъ вечера 12-го декабря. Нужно еще прибавить, что пѣхота отряда вынесла поистинѣ неимовѣрные труды, такъ какъ ей пришлось, буквально на своихъ плечахъ, перетащить орудія черезъ Умургачъ. Орудія, разобранныя на дровняхъ все время везлись людьми, такъ какъ мѣсто, по которому проходилъ отрядъ, есть козья тропинка, гдѣ только полудикіе горцы, болгары прогоняютъ свои стада.

Отрядъ генерала Вельяминова имѣлъ назначеніе выдти на Софійско-Орханійское шоссе и служить заслономъ, за которымъ остальныя войска генерала Гурко могли бы спокойно маневрировать въ тылу Арабъ-Конака. Весьма вѣроятно, что турецкія силы, находившіяся въ Софіи, попытались бы подать помощь отряду Шакира-паши, расположенному въ Балканскихъ проходахъ.

Несмотря на усталость, отрядъ весело двинулся впередъ: «покончили съ несносными горами», думалось каждому; но горы не прекращались, хотя мѣстность и стала гораздо ровнѣе и площе. Часовъ до двѣнадцати шелъ снѣгъ густыми хлопьями и каждый прятался, кто въ башлыкъ, кто во что.

Около часу дня пришлось проходить въ бродъ горную рѣчку Потокъ, покрытую тонкой ледяной корой. Такъ двигались мы почти до сумерекъ,

къ вечеру морозъ усилился, но отрядъ уже вступалъ въ деревню Елешницу.

По дорогѣ мы встрѣтили цѣлый турецкій обозъ, захваченный на Софійскомъ шоссе Кавказской казачьей бригадой. Это былъ первый военный успѣхъ по южной сторонѣ Балканъ. Ночь провели мы въ болгарскихъ хатахъ, хотя и тѣсно, но за то тепло. На дворѣ стоялъ страшный морозъ, градусовъ пятнадцать.

На другой день къ вечеру весь отрядъ собрался въ деревнѣ Яновѣ, а кавалерія отряда, т. е. двѣнадцать сотенъ Кавказской казачьей бригады, подъ командой генерала Черевина, въ дер. Горномъ Бугаровѣ.

Весь день 18-го былъ чудный морозный день. Солнце даже грѣло немного, снѣгъ такъ и блисталъ милліонами искръ.

19-го генералъ Вельяминовъ съ начальниками отдѣльныхъ частей поѣхалъ на рекогносцировку. Турки стояли за рѣчкой Хиджи-Карамандере, верстахъ въ пяти отъ Горнаго Бугарова.

На этой рекогносцировкѣ была выбрана оборонительная фланговая, относительно шоссе, позиція, упиравшаяся лѣвымъ флангомъ въ шоссе, правымъ же она примыкала къ деревнѣ Бутонецъ. Центръ позиціи составляла высота впереди деревни Горнаго Бугарова, гдѣ должна была встать батарея. Почти противъ центра верстахъ въ $3^1/_2$—4 отъ него была деревня Дольній Бугаровъ, гдѣ былъ мостъ черезъ рѣку. Рѣка шла почти параллельно позиціи, на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ отрядѣ, т. е. пѣхотѣ и артиллеріи, этотъ день прошелъ довольно спокойно; пекли въ деревнѣ хлѣбъ, чинились, варилась хорошая пища, вообще это былъ собственно первый день, когда мы порядкомъ выспались, поѣли и отдохнули, а то съ 12-го все время въ движеніи. Погода въ этотъ день была превосходная, ясный морозный день и солнышко, къ вечеру только поднялся довольно рѣзкій вѣтеръ. Весь отрядъ радовался, всякій думалъ: «вотъ, наконецъ, цѣлый день оставятъ въ покоѣ, никуда не погонятъ!...» Вдругъ часовъ около четырехъ съ половиною на аванпостахъ послышалась ружейная трескотня, потомъ уже въ самой деревнѣ Горномъ Бугаровѣ стали трубить кавалерійскую тревогу. Барабанщикъ дежурной части подхватилъ, за нимъ другой, третій, конно-артиллерійскій трубачъ и менѣе чѣмъ черезъ двадцать минутъ весь отрядъ былъ на ногахъ. Шумъ и гамъ стоялъ надъ деревней, между тѣмъ генералъ со своимъ штабомъ уже выѣзжалъ, я галопомъ присоединился къ свитѣ. Весело было какъ-то на душѣ; вотъ, думается, опять пойдетъ потѣха, старая пѣсня на новый ладъ. Неужели турки осмѣлились наступать; большинству отряда какъ-то невѣроятно показалось это. Турки наступаютъ! аттакуютъ насъ! да еще въ чистомъ полѣ. Нѣтъ, думалось, это вѣрно только такъ, аванпостная забава. Но вотъ прискакалъ казакъ въ своемъ живописномъ черкесскомъ костюмѣ. «Донесеніе привезъ!» послышалось во-

кругъ меня. Генералъ остановился, всѣ столпились возлѣ него, каждому хотѣлось услышать донесеніе, которое читалъ громко одинъ изъ ординарцевъ, такъ какъ генералъ не могъ читать безъ очковъ, а вынимать ихъ тутъ было неудобно.

Турки, въ довольно большихъ силахъ, наступая по Софійскому шоссе, тѣснятъ наши аванпосты пѣхотой, за которой видна и артиллерія. Ими занятъ мостъ въ Дольнемъ Бугаровѣ и самая деревня. Вотъ что приблизительно доносилъ генералъ Черевинъ, нашъ начальникъ кавалеріи. Между тѣмъ стемнѣло. Генералъ поѣхалъ рысью, догналъ дежурную часть, выступившую на выстрѣлы по первымъ звукамъ тревоги, поздоровался съ ней на ходу и продолжалъ путь къ Горному Бугарову.

Вся дорога отъ Бугарова до Янова покрылась бѣгущими болгарами, которые съ плачемъ и воемъ спѣшили выбраться назадъ, думая, что турки займутъ Горный Бугаровъ. Матери тащили младенцевъ, старики и парни управляли буйволами въ каруцахъ, куда свалено было все самое дорогое для нихъ. Стонъ и вопли стояли въ воздухѣ, нѣкоторые изъ бѣглецовъ были даже изъ Дольняго Бугарова, занятаго турками. Быстро проѣхавъ деревню Горный Бугаровъ и выѣхавъ на возвышенность впереди деревни, нашимъ глазамъ представилось волшебное зрѣлище. Деревня Дольнее Бугарово горѣла какъ свѣчка и зарево сильно освѣщало мѣстность, милліоны искръ вдругъ подымались тучами къ небу, надъ селомъ стоялъ огромный столбъ багроваго дыма. Замѣчательно красивое впечатлѣніе производили огоньки, то здѣсь, то тамъ вспыхивавшіе вдоль всей линіи нашихъ аванпостовъ,—то были выстрѣлы. Изрѣдка шальная пуля жужжала мимо насъ и производила свой обыкновенный «шлепъ» гдѣ-то тутъ же, возлѣ. Никто не обращалъ вниманія на нихъ, всѣ были заняты тѣмъ, что происходило впереди. Между тѣмъ части отряда подходили одна за другой, каждая получала особое приказаніе и затѣмъ, спустившись, которая влѣво, которая вправо, съ возвышенія, всѣ скрывались во мракѣ ночи; только глухой гулъ доносился до насъ, да отставшіе, быстро пробѣгая мимо насъ, напоминали намъ направленіе, по которому ушли ихъ части. Между тѣмъ перестрѣлка мало-по-малу совсѣмъ умолкла, генералъ уѣхалъ въ деревню, туда же къ нему собралось начальство за приказаніями на завтрашній день.

Позволено было развести по одному костру на роту и батарею, дабы ввести турокъ въ заблужденіе количествомъ костровъ.

Ночь все больше и больше окутывала своимъ темнымъ покровомъ наше расположеніе. Сонъ бралъ свое, бивуакъ мало-по-малу умолкалъ и наконецъ все заснуло, кромѣ часовыхъ.

Расположеніе наше было приблизительно такое: весь Тамбовскій полкъ въ боевой линіи, два баталіона Пензенцевъ въ резервѣ и шестиорудійная батарея на позиціи. Вотъ весь составъ нашего отряда. За ночь пѣхота вырыла себѣ ложементы отчасти шанцевымъ инструментомъ, а главнымъ об-

разомъ штыками. Генералъ ночевалъ въ деревнѣ. Вечеромъ была разослана диспозиція для другаго дня.

Каждый заснулъ съ мыслями о завтрашнемъ днѣ, всякій думалъ засну-ли я завтра вечеромъ такъ же спокойно?..

Настало утро 20-го декабря, чудное зимнее утро. Солнце взошло въ видѣ красноватаго большаго шара, по всей долинѣ лежалъ довольно густой розовато-голубой туманъ, верхушки какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ Балканъ горѣли тысячами огней залитыя розовато-краснымъ свѣтомъ восходящаго солнца.

Въ восемь часовъ утра начали приходить донесенія отъ разъѣздовъ, что непріятель, дебушируя съ моста черезъ Хиджи-Карамендере, не идетъ на шоссе, а прямо сворачиваетъ направо и идетъ южнѣе, направляясь въ обходъ насъ, какъ бы на Ташкиссенъ на выручку своимъ. Поэтому составленъ былъ генераломъ такой планъ: снявшись съ позиціи у Горнаго Бугарова идти форсированнымъ маршемъ на Желяву, Буково, по направленію къ Ташкиссену, чтобы, предупредивъ непріятеля, занять снова оборонительную позицію у Узенли, гдѣ бы мы были гораздо ближе къ подкрѣпленію. Согласно этому плану были даже уже отданы соотвѣтствующія приказанія, даже приступлено было къ ихъ исполненію, какъ вдругъ получено было донесеніе, что непріятель, перейдя мостъ у деревни Дольнаго Бугарова, направляется на сѣверъ, на деревню Бутонецъ, обходя нашъ правый флангъ.

Тогда стало ясно, что эти обходы чисто тактическіе и что турки просто развертываются и строятъ боевой порядокъ, причемъ, располагая большими силами, одновременно обходятъ оба наши фланга. Согласно этихъ донесеній, которыя очень быстро пришли одно за другимъ, было отмѣнено первое приказаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилены фланги, и отправлено нѣсколько разъѣздовъ для ближайшаго наблюденія за южнымъ обходомъ непріятеля.

Эти разъѣзды должны были дойти до деревень Музыкіой и Гозди-Караманъ. Въ это время на батареѣ, гдѣ находился самъ начальникъ отряда, артиллерійскіе офицеры занимались, отчасти скуки ради, приблизительнымъ промѣромъ дистанціи впереди позиціи. Дѣлалось это такимъ образомъ: посылали коннаго доѣхать шагомъ до такого-то мѣстнаго предмета и обратно и по времени опредѣляли дистанцію, разумѣется весьма не вѣрно, но за-то уже во время дѣла при пристрѣливаніи отдѣльныхъ взводовъ батареи по движущейся цѣли нельзя было сдѣлать грубыхъ ошибокъ въ пятьдесятъ, сто саженъ; поэтому при малочисленности нашихъ снарядовъ эти промѣры очень пригодились: батарея не тратила лишнихъ двухъ снарядовъ для пристрѣлки по наступавшей пѣхотѣ.

Около девяти часовъ утра непріятель, построивъ боевой порядокъ и прикрывшись кавалеріей (баши-бузуками и черкесами), началъ наступленіе.

Насъ прикрывала густая цѣпь Кавказской казачьей бригады, которая завязала живую перестрѣлку съ турецкими всадниками и даже оттѣснила ихъ за ихъ пѣхоту. Но увидѣвъ передъ собой густыя турецкія пѣхотныя цѣпи, начавшія по своему обыкновенію страшную пальбу, казаки начали шагъ за шагомъ подаваться назадъ и, наконецъ, свернувшись въ сотни и дивизіоны, ушли за наше расположеніе, открывъ этимъ самымъ нашу пѣхоту и артиллерію.

Огонь густыхъ турецкихъ стрѣлковыхъ лавъ (этого строя иначе назвать нельзя) былъ до того частъ, что дробь его похожа была en grand на то, если-бы на барабанъ сыпали горохъ.

Начавъ такимъ образомъ стрѣльбу съ дистанціи по меньшей мѣрѣ въ четыре тысячи шаговъ, турки подвигались довольно смѣло впередъ. Стрѣлковая цѣпь ихъ была поддержана частными резервами, а затѣмъ двигались густыя колонны въ уступномъ порядкѣ. Конца края имъ не было этимъ туркамъ, все лѣзли, лѣзли изъ деревни, какъ будто ихъ десятки тысячъ; раздавятъ казалось нашихъ: мокро только будетъ, такъ ихъ было много. Да еще фланги обходятъ! Два табора пѣхоты при двухъ орудіяхъ пошли на Бутонецъ.

Много нужно было воли и характера, чтобы, глядя на эту горсть нашихъ и полчища турокъ, остаться на мѣстѣ, а не отдать приказанія о немедленномъ отступленіи. Генералъ нашъ между тѣмъ совершенно спокойно прогуливался по батареи перебрасываясь веселыми словами то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ штаба.

Пули между тѣмъ ужъ давно жужжали мимо него, и гранаты лопались тутъ-же въ нѣсколькихъ шагахъ. Думалось, неужели ему суждено быть убитымъ, столько лѣтъ прожилъ, чтобы наконецъ тутъ около какой-то болгарской деревушки быть убитымъ шальной вылетѣвшей пулей изъ, можетъ быть, очень незлобиваго ружья.

Старикъ-же генералъ въ это время, судя по словамъ, думалъ такъ: «ну меня убьетъ ничего, я ужъ отжилъ свой вѣкъ, а за что-же молодежь, вѣдь у ней столько радостей впереди, имъ жизнь дала еще такъ мало».

Между тѣмъ турки не дремали, выставили батарею (горную сначала) и открыли огонь по нашей артиллеріи, но снаряды ихъ по причинѣ огромной дистанціи не долетали, тогда они, присоединивъ еще нѣсколько дальнобойныхъ орудій, придвинулись къ намъ и начали поражать насъ артиллерійскимъ огнемъ.

На батареѣ турокъ было до десяти орудій и они очень быстро пристрѣлялись, но вслѣдствіе болѣе чѣмъ плохихъ разрывовъ и частыхъ перелетовъ особеннаго вреда намъ не надѣлали.

Одна изъ огромныхъ заслугъ нашей артиллеріи въ этомъ дѣлѣ было то, что она привлекла весь артиллерійскій огонь непріятеля на себя, такъ что пѣхота была освобождена отъ этого развлеченія.

Нашей пѣхотѣ и артиллеріи съ утра еще было отдано приказаніе даромъ не тратить зарядовъ, такъ какъ ихъ было очень мало, а дожидаться, пока турки подойдутъ на вѣрный выстрѣлъ, и затѣмъ уже начать мѣткую, но все-же рѣдкую стрѣльбу. Не надо забывать, что пѣхота отряда была вооружена ружьями Крынка, а конная артиллерія четырехъ-фунтовыми мѣдными орудіями.

Такимъ образомъ отрядъ генерала Вельяминова, осыпаемый градомъ пуль и гранатъ, молча дожидался приближенія врага на хорошую дистанцію.

Ободренныя такимъ молчаніемъ, турки смѣло подвигались впередъ, потрясая воздухъ неистовыми криками «Алла-Алла». Недолго впрочемъ молчали и мы, вскорѣ по огню съ батареи раздались отчетливые, рѣзкіе раскаты нашихъ выстрѣловъ. Пушки тоже заговорили.

Турки, вѣроятно сразу потерявъ многихъ товарищей, съ первыхъ же нашихъ выстрѣловъ остановились, но не надолго. Колебаніе длилось нѣсколько минутъ: ободряя себя новыми криками «Алла» и побуждаемые къ наступленію ежеминутными сигналами, они пошли опять впередъ. Вслѣдствіе густоты и глубины ихъ строя, они теряли очень много людей. Батарея стрѣляла шрапнелью по густымъ непріятельскимъ колоннамъ, начиная съ дистанціи 750 саженъ, необращая вниманія на артиллерію. Въ это время уже по всей линіи завязался жестокій бой, въ которомъ каждый шагъ нашей позиціи заливался турецкой кровью.

Еще во время наступленія своего турки противъ нашего праваго фланга сосредоточили большія массы, по этому генералъ отдѣлилъ весь 2-й баталіонъ Пензенскаго полка на кряжъ холмовъ, тянувшійся отъ нашего центра къ деревни Бутонецъ.

Почти въ центрѣ нашей позиціи находился курганъ занятый 1-мъ баталіономъ Тамбовскаго полка; этотъ курганъ и кряжъ, на которомъ были Пензенцы, имѣли огромное значеніе на позиціи: съ занятіемъ ихъ бой у Горнаго Бугарова становился невозможнымъ.

Около деревни Бутонца въ это время также кипѣло дѣло, тамъ турки вытѣснили казаковъ изъ деревни, но казаки спѣшившись упорно залегли за лошадей и задерживали турокъ.

Такимъ образомъ около двухъ часовъ оба наши фланга были обойдены, и батарея вслѣдствіе ея центральнаго расположенія осыпалась пулями, какъ съ фронта, такъ почти и съ тыла.

Въ это же время пришелъ казачій разъѣздъ изъ Музыкіойя и донесъ, что выслѣдить непріятеля нельзя, такъ какъ мѣстность къ югу отъ шоссе крайне болотиста и для кавалеріи положительно непроходима.

Съ батареи видно было, что 5 турецкихъ таборовъ наконецъ бросились въ аттаку, въ штыки, на кряжъ правѣй деревни только что передъ тѣмъ занятый, по приказанію генерала, Пензенцами; но, несмотря на всѣ отчаянныя попытки турокъ, храбрые Пензенцы и Тамбовцы хладнокровно подпускали ихъ, безъ выстрѣла, на самое близкое разстояніе и затѣмъ залпами и штыками отбрасывали ихъ каждый разъ назадъ съ громадными потерями.

Въ это же время турки аттаковали 1-й баталіонъ Тамбовцевъ, защищавшихъ курганъ и пространство по обѣ стороны его, на этомъ мѣстѣ туркамъ также неудалось сломить стойкость нашихъ. Молодцы—Тамбовцы, успѣвшіе за ночь вырыть себѣ отчасти имѣвшимся шанцевымъ инструментомъ, отчасти штыками, кой-какіе ложементы, подпустили турокъ безъ выстрѣла на дистанцію около 30 шаговъ, встрѣтили ихъ нѣсколькими убійственными залпами и затѣмъ ударили на «ура» въ штыки.

Ударъ въ штыки былъ такъ дружнъ и неожиданъ для непріятеля, что турки моментально были смяты и отброшены назадъ съ большимъ урономъ.

Одновременно съ турецкими аттаками на нашъ правый флангъ и центръ на лѣвомъ флангѣ происходило слѣдующее: туда, вслѣдствіе видимаго обхода турокъ съ юга, были посланы изъ резерва двѣ роты Тамбовскаго полка, которыя, по приказанію командира 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Радзишевскаго, усиливъ уже бывшую тамъ стрѣлковую цѣпь, выдвинулись шаговъ на 500 впередъ для занятія болѣе выгодной стрѣлковой позиціи. Турки приняли это движеніе за наступленіе и попятились; тогда командиръ 3-го баталіона Тамбовскаго полка, маіоръ Артоболевскій, приказалъ играть наступленіе, сталъ подвигаться впередъ и, наконецъ, съ криками «ура» ударилъ въ штыки.

Этотъ ударъ пришелся какъ разъ въ одно время съ отбитіемъ вторичной турецкой аттаки на курганѣ центра. Во время этой аттаки турокъ Тамбовцы еще ближе подпустили аттакующихъ и затѣмъ, давъ залпъ на 15 шаговъ, бросились съ кургана въ аттаку, въ штыки, опрокинули непріятеля, обратили его въ полное отступленіе и бросились преслѣдовать. Пензенцы на правомъ флангѣ сдѣлали то-же самое, такъ что энергичное наступленіе лѣваго фланга послужило какъ бы сигналомъ для всѣхъ. По всей линіи началось преслѣдованіе сначала было отступавшихъ, а потомъ бросившихся бѣжать турокъ. 3-й баталіонъ Тамбовскаго полка, сильно увлекшись преслѣдованіемъ, дошелъ почти до деревни Дольній Бугаровъ.

При отступленіи у многихъ изъ нашихъ не хватало патроновъ, такъ что солдатики брали ружья у убитыхъ турокъ и стрѣляли ими въ догонку бѣгущимъ. Во время свалки на лѣвомъ флангѣ рядовой 2-й роты Тамбовскаго полка Антонъ Рословъ, будучи раненъ въ руку, убилъ турецкаго знаменщика и отнялъ у него знамя.

Генералъ Вельяминовъ, увидя безпорядочное отступленіе турокъ, тотчасъ приказалъ Кавказской казачьей бригадѣ преслѣдовать непріятеля, а пѣхотѣ приказано было снова отступить къ своимъ укрѣпленіямъ и быть готовой встрѣтить новый натискъ турокъ. Это приказаніе мотивировалось тѣмъ, что за рѣкой у Дольнаго Бугарова стояли еще совершенно свѣжіе таборы не бывшіе въ бою. Кромѣ того день склонялся къ вечеру, смеркалось, былъ уже шестой часъ. Кавалерія посланная преслѣдовать исполнить этого приказанія не могла потому, что встрѣтила на своемъ пути рѣчку Хиджи-Карамандере и непроходимое, даже для пѣшихъ людей, болото. Мосты черезъ рѣку у Дольнаго Бугарова были заняты турками. Деревня Дольній Бугаровъ тоже осталась въ рукахъ непріятеля, который оставилъ тамъ аріергардъ изъ нѣсколькихъ таборовъ. Поэтому нашъ отрядъ, по приказанію генерала, прикрывшись кавалеріей, занялся уборкой раненыхъ и убитыхъ. Кромѣ того въ отрядѣ сильно чувствовался недостатокъ въ снарядахъ и патронахъ. У артиллеріи осталась ровно половина зарядовъ, т. е. по одному полному передку на орудіе, такъ какъ задніе ходы ящиковъ были брошены въ четырехъ верстахъ отъ Врачеша у сѣверной подошвы горы Умургача.

Разскажу тутъ два подвига, которыхъ въ этомъ сраженіи можетъ быть были десятки, но они прошли незамѣтно, какъ многое великое и хорошее. Въ 1-й стрѣлковой ротѣ Тамбовскаго полка былъ тяжело раненъ ротный командиръ подпоручикъ Тальковскій, тотчасъ же его мѣсто заступилъ фельдфебель той же роты Иванъ Придворовъ, который потомъ, командуя ротой, нѣсколько разъ подпускалъ турокъ на двадцать-пять шаговъ къ ложементамъ и затѣмъ опрокидывалъ ихъ штыками.

Въ самый разгаръ дѣла я шелъ по батареѣ съ лѣваго ея фланга на правый, гдѣ находился генералъ, вдругъ вижу на землѣ сидитъ безъ сапога ѣздовой 2-й батареи гв. конной артиллеріи Дацукъ и ковыряетъ ножемъ въ ногѣ. Подхожу ближе, спрашиваю, что онъ дѣлаетъ—«пулю выскребъ, ваше благородіе»,—было мнѣ отвѣтомъ. Дѣйствительно въ рукѣ у него была пуля, и нога вся въ крови. Затѣмъ онъ надѣлъ при мнѣ еще сапогъ и пошелъ къ лошадямъ, немного прихрамывая. Только послѣ дѣла вспомнилъ я о немъ, снова иду посмотрѣть, что съ нимъ, и нахожу его задающимъ преспокойно ячмень лошадямъ. По моему настоянію онъ отправился на перевязочный пунктъ, гдѣ оказалось, что пуля попала въ икру и засѣла у берцовой кости, сильно оцарапавъ ее, оттуда то онъ ее и вытащилъ. Когда докторъ сказалъ ему, что его отправятъ съ ранеными въ госпиталь, онъ низачто не соглашался и пришлось приказать ему отправиться съ прочими ранеными.

Когда выѣхала впередъ казачья цѣпь, закрывъ нашихъ санитаровъ отъ турокъ, генералъ поѣхалъ тоже къ передовымъ ложементамъ, чтобы поблагодарить людей за храброе поведеніе въ дѣлѣ. Возлѣ стрѣлковаго

кургана мы увидѣли массу тѣлъ, а немного далѣе цѣлыя кучи людскаго мяса наваленнаго сюда страшнымъ дѣйствіемъ шрапнели. Батарея къ концу дѣла стрѣляла по густымъ колоннамъ шрапнелью на дистанцію триста-двадцать-пять саженъ. Послѣ объѣзда позиціи и поля сраженія, генералъ вернулся назадъ и поѣхалъ на перевязочный пунктъ.

Наши потери были слѣдующія: убиты два офицера Тамбовскаго полка, подполковникъ Богаевскій и прапорщикъ Лободовскій: ранены, того же полка штабсъ-капитанъ Шлегель, поручикъ Левковецъ, подпоручикъ Тольковскій; контужены: того же полка маіоръ Златолинскій, поручикъ Волькевичъ и прапорщикъ Масловъ. Затѣмъ нижнихъ чиновъ убито: Пензенскаго полка—одинъ, Тамбовскаго — тритцать-девять. Ранено въ Пензенскомъ полку—двадцать-девять и въ Тамбовскомъ—сто-шесдесятъ-семь. Во второй батареѣ и взводѣ 5-й батареи гвардейской конной артиллеріи ранено десять человѣкъ людей, лошадей убитыхъ двадцать, раненыхъ — пятнадцать. Въ Кавказской бригадѣ раненыхъ пятнадцать человѣкъ.

Вотъ наши потери—совершенно ничтожныя въ сравненіи съ турками, у которыхъ шесть сотъ тѣлъ осталось на полѣ сраженія. Про ихъ раненыхъ мы въ этотъ день ничего знать не могли, такъ какъ, перейдя рѣку Хаджи-Карамандере, они отступили сравнительно въ порядкѣ, аріергардъ ихъ до поздней ночи оставался въ Дольнемъ Бугаровѣ. Деревня эта и въ эту ночь пылала до разсвѣта. На утро турокъ и слѣдъ простылъ.

Тотчасъ послѣ дѣла было приступлено къ отсылкѣ раненыхъ въ Орханіе, что́ составляло не малую заботу, такъ-какъ съ большимъ трудомъ были найдены повозки и арбы, необходимыя для этой цѣли, такъ какъ при частяхъ нашего отряда, кромѣ аптечныхъ одноколокъ, никакого медицинскаго обоза не было. Страшное потрясающее впечатлѣніе производитъ такой перевязочный пунктъ, какъ нашъ, на которомъ пропасть раненыхъ и только четыре доктора. Кромѣ того, впродолженіи всего дня перевязочный пунктъ былъ подъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. Только что пришелъ генералъ Вельяминовъ на перевязочный пунктъ, какъ мы всѣ были свидѣтелями довольно курьезнаго случая.

Какой то молодой солдатикъ вмѣстѣ съ тремя товарищами несъ раненаго на носилкахъ и подходя уже къ перевязочному пункту вынулъ изъ кармана сухарь, откусилъ кусокъ и подавился имъ. Всего этого мы не видали, но вдругъ за генераломъ раздается страшное хрипѣніе, оборачиваемся, видимъ солдатика съ глазами на выкотѣ, съ разинутымъ ртомъ, посинѣвшимъ лицомъ, на которомъ налились всѣ жилы, и силящагося вздохнуть. Докторъ 2-й батареи гвардейской конной артиллеріи, Ивановъ, сталъ пробовать всевозможныя средства, чтобы вытащить сухарь, но все оказалось тщетнымъ, между тѣмъ солдатикъ началъ терять сознаніе, тогда докторъ рѣшился сдѣлать ему операцію, называемую горлосѣ-

ченіемъ, и вынуть оттуда злополучный сухарь. Это было сдѣлано и вышло очень удачно, горло зашили и отправили бѣднаго вмѣстѣ съ другими ранеными къ Орханіе.

Этотъ фактъ невольно наводитъ на размышленіе, что чему быть, того не миновать. Цѣлый день солдатикъ былъ подъ убійственнымъ огнемъ, храбро работалъ штыкомъ во время аттаки, а тутъ послѣ дѣла, когда уже опасность прошла, подавился сухаремъ. До поздняго вечера все еще слышались стоны и крики на перевязочномъ пунктѣ.

Отрядъ оставался на позиціи всю ночь, но эту ночь уже нельзя было сравнить съ прошлой; всякій солдатъ понималъ, что турки нравственно потрясены, а нашъ нравственный уровень поднялся. Я никогда не могъ объяснить себѣ то чудное ощущеніе побѣды, которое чувствуешь послѣ удачнаго дѣла; какъ-то сознаешь, что долгъ выполненъ блистательно и своей нравственной силой сломилъ упорство врага, становишься бодрымъ, веселымъ, радостнымъ. Однимъ словомъ, это ощущеніе описать и объяснить нельзя, но что оно есть, скажетъ каждый, кто былъ въ дѣлѣ.

Весь отрядъ на ночь стянулся ближе къ деревнѣ, хотя и оставаясь на позиціи; впереди, какъ и въ ночь на 20-е января, бригада генерала Черевина занимала аванпостную цѣпь. Какъ хорошо спалось въ эту ночь, совершенно не безпокойный сонъ прошлой ночи, гдѣ каждый спалъ однимъ глазомъ, съ минуты на минуту ожидая тревоги.

Для сна на морозѣ и солдатики и мы употребляли довольно остроумный способъ. Вырывалась въ снѣгу круглая яма сажени полторы въ діамедрѣ, со дна ея снимали снѣгъ до голой земли, затѣмъ въ серединѣ ямы раскладывали костры и кругомъ него спали. Правда, часто загоралось платье и болѣли глаза отъ дыма, но дѣлать было нечего.

На другой день отрядъ весь стянулся на бивуакъ къ деревнѣ; всѣ вздохнули свободнѣе.

Въ часъ дня показалась на нашемъ лѣвомъ флангѣ колонна генерала Рауха, шедшая на Софію, она догнала насъ и около пяти часовъ мы услышали канонаду верстахъ въ пяти впереди, возлѣ деревни Враждебна, гдѣ войсками этой колонны былъ взятъ большой крытый мостъ черезъ рѣку Искеръ. Мостъ этотъ былъ защищаемъ тремя таборами пѣхоты и шестью сотнями кавалеріи. Попытка турокъ зажечь мостъ не удалась, благодаря лихой аттакѣ стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Колонна генерала Рауха расположилась на бивуакѣ у деревни Враждебны, она состояла изъ 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, Гвардейской стрѣлковой бригады и Козловскаго полка, все это со своей артиллеріей.

21-го числа часовъ около двухъ дня у насъ въ отрядѣ были собраны войска для отданія послѣдней почести погибшимъ въ дѣлѣ подъ Горнымъ Бугаровомъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Отпѣваніе происходило въ болгарской церкви этого села и похоронили ихъ тутъ же, около церкви.

Въ этотъ день въ Бугарово прибылъ штабъ генерала Гурко, и къ нашему отряду присоединилась 3-я батарея Гвардейской конной артиллеріи. Когда мимо нашего расположенія проходила колонна генерала Рауха, командиръ 2-й батареи получилъ позволеніе пополнить свои передки изъ ящиковъ 8-й донской батареи, но попытка удалась только на половину: артиллерійскій офицеръ, посланный для принятія снарядовъ, получилъ только по шести зарядовъ на орудіе и то съ неимовѣрными трудами.

Я поѣхалъ въ этотъ день послѣ похоронъ убитыхъ съ однимъ изъ товарищей посмотрѣть на поле сраженія, на которомъ еще рѣзко выдѣляясь на бѣломъ фонѣ снѣга валялись убитые турки. Уборка ихъ труповъ была возложена на болгаръ, но они занялись скорѣе грабежемъ, совершенно раздѣвая мертвыхъ притѣснителей. Турки всѣ лежали въ тѣхъ же позахъ, въ которыхъ были убиты: кто на колѣняхъ, кто лежа, кто сидя и т. д. Въ особенности ихъ было много около стрѣлковаго кургана. Мнѣ кажется, что своей побѣдой мы обязаны тому, что подпустили турокъ на очень близкую дистанцію и затѣмъ открывъ по нимъ мѣткій стрѣлковый огонь, стрѣльбу залпами и стрѣльбу шрапнелью сразу, втеченіе какого нибудь получаса вывели у нихъ огромный процентъ людей изъ строя, а оставшихся въ живыхъ огорошили стремительной контръ-аттакой въ штыки.

Убитые турки были всѣ очень хорошо одѣты; по двѣ парѣ шароваръ, двѣ куртки, огромный поясъ, ватная фуфайка, у каждаго двѣ, три фески; ноги были обернуты въ огромный кусокъ холстинки, пропитанной дегтемъ, а затѣмъ сверху родъ кожаннаго лаптя. Большинство турокъ были люди не старые, большаго роста, хорошаго тѣлосложенія. Ружья были новыя — системы Пибоди-Мартини и системы Снайдера, у кавалеріи магазинки Винчестера. Изъ этого всего мы заключили, что это должны были быть свѣжія, недавно сформированныя войска. По мундирамъ судя, это былъ редифъ.

Пріѣхавъ съ этой прогулки назадъ, когда уже начинало вечерѣть, я пошелъ прямо къ себѣ въ хатку, и тамъ, закусивши, поплотнѣй, улегся спать.

На другое утро отрядъ, получивъ новое назначеніе, сталъ сниматься съ бивуака часовъ въ девять утра. Туманъ былъ страшный. Въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разобрать. Отрядъ нашъ получилъ назначеніе быть правой обходной колонной, мы должны бы были аттаковать Софію съ сѣвера, такъ какъ главная линія укрѣпленій лежитъ на востокъ, т. е. противъ генерала Гурко. Получивъ такое назначеніе, мы должны были идти на деревню Бутонецъ, Челопецъ, Неголанъ и Куманицы, гдѣ отрядъ нашъ долженъ былъ ожидать приказаній для боя 24-го числа подъ Софіей.

Наша кавалерія въ эту ночь ночевала у деревни Челопецъ. Итакъ, утромъ мы выступили. Морозъ въ этотъ день былъ довольно сильный. Часовъ около одиннадцати мы дошли до Негована, тутъ насъ обогналъ гене-

ралъ-адъютантъ Гурко со своимъ штабомъ; онъ ѣхалъ, чтобы произвести лично рекогносцировку софійскихъ укрѣпленій.

Генералъ ѣхалъ въ сюртукѣ на лисьемъ мѣху. Поздоровавшись съ войсками, онъ поблагодарилъ ихъ за блестящее дѣло подъ Горнымъ Бугаровымъ. Его простое «спасибо вамъ, ребята, за молодецкую службу!» до сихъ поръ еще звучитъ въ моихъ ушахъ. Видно было, что онъ говорилъ не избитую фразу, а что дѣйствительно службу сослужили молодецкую, что генералъ чувствуетъ это и благодаритъ отъ души.

Въ Неговане былъ сдѣланъ большой привалъ. Деревня была болгарская, турки сожгли, проходя тутъ, все сѣно. Болгаринъ, къ которому зашелъ въ хату генералъ Вельяминовъ, оказался очень гостепріимнымъ. Угостилъ насъ всѣхъ яйцами, молокомъ, хлѣбомъ, сыромъ (брынзой). Деньщики сварганили чай, а одинъ изъ кавказскихъ казаковъ успѣлъ сдѣлать на тонкой палочкѣ немного шашлыку изъ бывшей у него баранины, такъ что завтракъ вышелъ на славу. Чай обыкновенно дѣлался такъ: въ обыкновенномъ солдатскомъ котелкѣ варили кипятокъ, послѣ перваго кипѣнія бросали туда щепотку чая, затѣмъ давали еще вскипѣть, и чай готовъ. И какъ вкусенъ онъ казался, хотя иногда вмѣсто сахару мы употребляли, за неимѣніемъ его, медъ, шеколадъ, рогатъ-лукумъ и т. д. Все жъ таки чай былъ самая необходимая и самая существенная вещь въ походѣ. Въ этомъ селѣ мы узнали, что турки, уходя, забрали къ себѣ въ Софію въ видѣ заложниковъ всѣхъ джурбаджи (сельскихъ старость) изъ окрестныхъ деревень.

Пришли мы въ Куманицу засвѣтло. Деревня маленькая, а въ ней помѣстился весь отрядъ, кромѣ казачьей бригады, но за то пришла на соединѣніе съ нами гвардейская стрѣлковая бригада. Кавалерія генерала Черевина занимала аванпосты къ сторонѣ Софіи. Предполагалось 23-го остаться на мѣстѣ и отдохнуть, а на другой день аттаковать Софію. Всѣ порядкомъ устали, по этому скоро всѣ забрались въ хаты, и только одна дежурная часть, выставленная порядочно впереди деревни, бодрствовала. Вечеръ прошелъ въ отрядѣ совершенно тихо и спокойно, всякій радовался, что можетъ отдохнуть, поспать, перемѣнить бѣлье и т. д.

На другой день 24-го я всталъ поздно. Генераломъ Вельяминовымъ былъ посланъ офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Бюргеръ для того, чтобы сдѣлать рекогносцировку сѣверныхъ укрѣпленій города. При выѣздѣ изъ деревни былъ пригорокъ, съ котораго видны были мечети и колокольни Софіи.

Къ полудню между болгарами стали ходить слухи, что городъ очищенъ турками, слухи довольно упорные; говорили, что изъ Софіи вернулся какой-то братушка и разсказывалъ, что турки ушли въ Радоміръ. Къ часу дня стало оффиціально извѣстно, что турки бѣжали изъ Софіи, бросивъ тамъ около 5 тысячъ раненыхъ и больныхъ, огромне склады провіанта и военныхъ

припасовъ съ адресомъ «въ Плевну». Муки одной было до 200 тысячъ пудовъ. Кромѣ того было пропасть ружей всевозможныхъ системъ, снарядовъ, патроновъ, сухарей, галетъ, рису, ячменя, полбы и т. д. Турки бѣжали до того поспѣшно, что не сняли даже часовыхъ съ укрѣпленій, что́ долго вводило въ заблужденіе нашу кавалерію, которая заняла городъ только утромъ, тогда какъ турки вышли изъ города въ полночь съ 23 на 24.

Часамъ къ 4-мъ вечера нашему отряду приказано выступить въ Софію. Отрядъ выступилъ вмѣстѣ съ гвардейской стрѣлковой бригадой. Послѣ 2 часовъ ходу мы подошли къ городу съ сѣверной стороны, вышли на пиротское шоссе и по немъ уже подошли къ самой Софія. Около этого шоссе на двухъ холмахъ видно было два порядочныхъ редута съ траверсами и амбразурами. Кромѣ того на огромное разстояніе вправо и влѣво была траншея. По всему видно, что она сдѣлана недавно, потому что не была даже покрыта снѣгомъ, а укрѣпленія были имъ совсѣмъ завалены. Кромѣ того вдоль этихъ траншей, вынесенныхъ на огромное разстояніе впередъ, стояли рядами множество палатокъ въ шахматномъ порядкѣ, но бо́льшая часть палатокъ никуда не годилась, такъ какъ была изрѣзана вдоль полотнищъ. Лагерь имѣлъ такую физіономію, точно турки покинули его за часъ до нашего прихода. У Софіи къ намъ выѣхалъ на встрѣчу капитанъ Бюргеръ, уѣхавшій утромъ, и остановилъ отрядъ объявивъ, что намъ въ городъ вступать нельзя, а надо стать бивуакомъ на шоссе. Но генералъ Вельяминовъ сейчасъ же оправилъ еще кого-то къ генералъ-адъютапту Гурко для того, чтобы испросить позволеніе стать на квартиры.

Въ это время стало темнѣть, морозъ порядочный, такъ и щиплетъ, кромѣ того сильный холодный вѣтеръ. Солдаты, чтобы развлечь себя и согрѣться, собрались въ кружки и стали пѣть; потомъ пошелъ и плясъ; такъ простояли мы напрасно часа 4, когда наконецъ пришло съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое позволеніе войти въ городъ. Въ городъ собственно намъ войти не позволили, а разрѣшили входъ только къ предмѣстью, которое отдѣлялось отъ города узенькимъ и грязнымъ ручейкомъ. Вдоль этого ручья нами была выставлена охранительная цѣпь. Часамъ къ 10 съ лишнимъ мы вошли наконецъ въ Софійское предмѣстье и кое-какъ размѣстились въ покинутыхъ жителями хатахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оставались болгары, а турецкіе дома всѣ были пусты. Проходя мимо лагерей солдаты захватили съ собою нѣсколько палатокъ, которыя потомъ были изорваны на портянки.

Когда мы шли въ городъ, то по дорогѣ мы встрѣтили пропасть болгаръ съ волами и лошадьми нагруженными всякимъ добромъ, награбленнымъ въ покинутыхъ турецкихъ домахъ. Тутъ были и ружья, и шашки, и платки, и одѣяла, и подушки, и всякая штука.

Ночь провели мы спокойно, хотя всю ночь въ городѣ.

За ручьемъ слышна была стрѣльба, иногда довольно частая, а потомъ опять тольке одиночные выстрѣлы.

На другой день съ утра мы поѣхали осматривать городъ, хотѣли также найдти бани, чтобы вымыться, но порядочныхъ, чистыхъ не оказалось, и къ тому же онѣ были полны солдатиками. Долго мы ѣхали по турецкому кварталу, большинство домовъ котораго были пусты. Изрѣдка на углахъ было свалено въ кучу разное имущество и утварь изъ этихъ домовъ; и около каждой такой кучи стоялъ русскій часовой, сберегая пожитки бѣжавшаго турецкаго населенія. Возлѣ каждой мечети тоже стояли часовые, потому что въ нихъ было собрано всевозможное добро, провіантъ, фуражъ и боевое снаряженіе.

Поѣздивъ по городу мы замѣтили, что множество турецкихъ семействъ возвращается назадъ подъ прикрытіемъ нашихъ часовыхъ. Затѣмъ мы заѣхали въ турецкій госпиталь краснаго полумѣсяца. Госпиталь этотъ былъ подъ управленіемъ лэди Стретфордъ; онъ былъ биткомъ набитъ; больные валялись на полу, толпились въ комнатахъ, не перевязанные, голодные....

Лэди Стредфордъ сказала намъ, что съ 20 декабря въ Софію привезли съ Орханійскаго шоссе до 1800 раненыхъ. А съ 20 числа на этомъ шоссе было только два дѣла подъ Горнымъ Бугаровымъ и у Враждебны, поэтому можно безошибочно сказать, что по крайней мѣрѣ 1200 человѣкъ ранены подъ Бугаровымъ. Послѣ этого посѣщенія мы поѣхали по лавкамъ, закупать себѣ провизіи, сахару, соли, консервовъ и т. д. Затѣмъ, вернувшись домой, пообѣдали, а вечеръ провели въ бесѣдѣ о минувшихъ дѣлахъ, разсуждая вкривь и вкось, какъ это всегда бываетъ съ подначальнымъ народомъ.

На другой день рано утромъ собрались въ церковь, куда съѣхалось почти все что было офицерство въ городѣ. Потомъ, отстоявъ обѣдню, позавтракали въ скверномъ трактирѣ, носившемъ громкое названіе «Hôtel d'Europe», затѣмъ вернулись опять въ свое предмѣстье.

Тутъ мы застали командира 2-й батареи гвардейской конной артиллеріи полковника Таля, раздающимъ фельдфебелямъ Тамбовскаго полка 500 рублей золотомъ на полкъ, въ видѣ награды за то, что онъ перетащилъ артиллерію 2-й батареи на своихъ плечахъ черезъ Умургачъ.

Часовъ около пяти пришло приказаніе отряду выступить изъ Софіи и, соединившись со своей кавалеріей въ Чердакли, идти на Самаковъ, а оттуда въ долину Марицы, на Банью и Татаръ-Базарджикъ. Къ нашему отряду присоединили: Козловскій полкъ, баталіонъ Пензенцовъ, 4 орудія донской батареи, а ко 2-й батареѣ гвардейской конной артиллеріи присоединили 2 зарядные ящика 3 батареи той же бригады, а 4 орудія этой батареи отдѣлились отъ отряда. Однимъ словомъ, отрядъ состоялъ изъ полковъ: Тамбовскаго 2-хъ баталіоновъ, Пензенскаго и Козловскаго, 4-хъ орудій второй, 4 орудія 5-й батареи гвардейской конной артиллеріи, 4 орудей 8 донской батареи и всей кавказской казачьей бригады.

Назначеніе нашего отряда было, овладѣть городомъ Самаковымъ и этимъ помѣшать соединенію, отступившаго на Радоміръ и Дунницу, Софійскаго гарнизона съ арміей Шакиръ-паши въ Татаръ-Базарджикъ. Затѣмъ отрядъ долженъ былъ идти на Банью и Татаръ-Базарджикъ. Въ то-же время своими операціями противъ лѣваго фланга и тыла канудашской позиціи отрядъ долженъ былъ способствовать взятію ея войсками графа Шувалова. Но, какъ оказалось потомъ, турки покинули эту позицію безъ боя.

Итакъ, часовъ около $5^1/_2$ авангардъ отряда, Козловскій полкъ и 4 орудія 2 батареи гвардейской конной артиллеріи и 7 сотенъ кавказской казачьей бригады съ 4 орудіями 8-й донской батареи, выступилъ изъ Софіи на Чифликъ-Чердакли. Мы еще тянулись по узкимъ улицамъ города когда стемнѣло; морозъ усилился и шоссе, по которому мы шли, представляло зеркальную поверхность: была страшная гололедица. Орудія поминутно падали, то на одну, то на другую сторону, что очень задерживало движеніе колонны. Часамъ къ 10 вечера мы пришли наконецъ и увидѣли передъ собой хуторъ съ 3 — 4 избами, людямъ приходилось спать прямо на снѣгу.

Намъ достался амбаръ безъ оконъ и дверей, полъ былъ весь усыпанъ кукурузой, такъ что, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться, пришлось разгрѣсти кукурузу и разложить костеръ на полу, подъ окномъ, чтобы дымъ хотя немного вытягивался имъ. Тѣмъ не менѣе вся омната была полна дыму, который страшно ѣлъ глаза, но усталость скоро взяла свое и всѣ мы заснули крѣпкимъ сномъ.

На другое утро часовъ около восьми отрядъ выступилъ съ бивуака чрезъ деревню Лозу, на деревню Паста-Пасарель. Утро было великолѣпное, но морозное; къ полудню мы подошли къ деревнѣ Лозѣ, гдѣ былъ сдѣланъ привалъ. Отсюда дорога поднимается въ горы извиваясь зигзагами. Подъемъ на эти горы хотя и былъ не особенно крутъ, но все-жъ таки очень труденъ. Къ чести конной артиллеріи нужно сказать, что этотъ переходъ чрезъ перевалъ Брдо она совершила безъ всякой помощи пѣхоты. Послѣ полудня на горахъ стало таять, такъ что пѣхота, нагруженная восьмидневнымъ запасомъ сухарей, патронами, мясной порціей и т. д., еле-еле шла на эти кручи.

Когда мы достигли высшей точки перевала нашимъ глазамъ представился чудный видъ на Софійскую долину, всю покрытую прозрачнымъ розовоголубымъ туманомъ, а на сѣверномъ горизонтѣ, высились вершины большаго Балкана. Балканы зимою имѣютъ ужасно голый и дикій характеръ, я всегда ужасно жалѣлъ, что не придется ихъ увидѣть лѣтомъ. Еще было довольно свѣтло, когда отрядъ достигъ деревни Паста-Пасарель, куда поздно вечеромъ пришли и главныя силы съ генераломъ Вельяминовымъ и его штабомъ.

Въ этотъ день Владикавказскій полкъ имѣлъ перестрѣлку съ турками у деревни Чамурли. Турки сейчасъ же отступили по направленію деревни Новосело.

На другой день 27-го рано утромъ поднялись мы, чтобы идти дальше. Въ этотъ день путь нашъ лежалъ все время то однимъ, то другимъ берегомъ Искера. Это не значитъ, что мы шли по гладкой дорогѣ возлѣ берега, нѣтъ; наша дорога была по скаламъ, гдѣ внизу бушевалъ пѣнясь и клубясь Искеръ, два или три раза ширина дороги не превышала сажени, такъ что глядя сзади захватывало духъ, когда орудійные и ящичные колеса проходили въ трехъ или четырехъ вершкахъ отъ страшной пропасти, въ особенности страшно было когда покатость дороги была къ сторонѣ обрыва.

Подходя къ деревнѣ Кайково, мы услышали впереди довольно живую перестрѣлку. Дѣло было въ томъ, что два табора турокъ наступали изъ Новосела на Чамурли, но были встрѣчены казаками генерала Черевина; кромѣ того къ Чамурли изъ авангарда былъ тотчасъ отправленъ баталіонъ Козловцевъ съ приказаніемъ выбить турокъ изъ деревни. Одно появленіе нашей пѣхоты на флангѣ турокъ заставило ихъ снова поспѣшно отступить къ Новоселу; Козловскій полкъ тотчасъ занялъ Чамурли. Къ этому времени къ деревни Калковой подошли и главныя силы отряда. Тутъ отряду приказано было остановиться и мы расположились на ночлегъ частью въ Калковѣ, частью въ Чамурли.

На другой день предполагалась аттака Самаковскихъ позицій. Турки выставили два заслона: одинъ для защиты самого города Самакова, на высотѣ у деревень Драгочинъ и Широкій-Долъ, а другой оборонялъ Татаръ-Базарджикское шоссе. Для защиты этой позиціи они воздвигли укрѣпленія въ ущельи впереди деревни Новосело.

Принявъ во внимнніе все это генералъ раздѣлилъ нашъ отрядъ на три колонны, изъ которыхъ каждая имѣла свое назначеніе. Правая, подъ командой командира Тамбовскаго полка полковника Головина, силою въ одинъ баталіонъ пѣхоты, взводъ 5-й батареи гвардейской конной артилленіи и сотни казаковъ, должна была наступать по шоссе изъ Калкова прямо на Самаковъ. Средняя колона состояла изъ одного баталіона Пензенскаго полка и двухъ баталіоновъ Тамбовскаго, четырехъ орудій 2-й батареи гвардейской конной артиллеріи и сотни казаковъ.

Эта колонна была подъ начальствомъ генералъ-маіора Радзишевскаго; назначеніе ее было двинуться изъ деревни Чамурли къ деревнѣ Слакучинъ, гдѣ, занявъ позиціи противъ турокъ у Драгочина, аттаковать ихъ. Наконецъ лѣвую колонну составляли весь Козловскій полкъ, одинъ баталіонъ Пензенцовъ, пять сотенъ казаковъ и четыре орудія 2-й Донской батареи. Эта колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Черевина, должна была

аттаковать турокъ у Новосела и потомъ выйдти на Татаръ-Базарджикское шоссе, въ тылъ турецкимъ войскамъ расположеннымъ у Самакова.

Почти всѣ три колонны отряда одновременно завязали бой. Отряды полковника Головина и генерала Радзишевскаго имѣли характеръ скорѣе демонстративный, и должны были дожидаться рѣшительныхъ результатовъ у Новосела, и затѣмъ уже аттаковать сами болѣе настойчиво.

Оба эти отряда завязали дѣло около двухъ часовъ. Четыре орудія 2-й батареи у деревни Слакучинъ и два орудія 5-й батареи на шоссе открыли огонь по турецкимъ стрѣлковымъ цѣпямъ шрапнелью, пѣхота построила боевой порядокъ и начала тоже наступать, открывъ рѣдкій огонь. Рѣшительное наступленіе средней колонны было почти немыслимо, — насъ отдѣлялъ отъ турокъ огромный оврагъ и затѣмъ впереди ихъ укрѣпленій, расположенныхъ на уступахъ горъ, была цѣпь холмиковъ, изрытыхъ траншейками для стрѣлковъ. Турки на нашъ вялый огонь жгли патроны по своему обыкновенію въ невѣроятномъ числѣ.

Часовъ около четырехъ по приказанію генерала Радзишевскаго два орудія 2-й батареи подъѣхали поближе къ туркамъ къ самому краю оврага, на четыреста саженъ отъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Мѣстность на занимаемой нами позиціи была настолько пересѣченная, что этимъ двумъ орудіямъ для того, чтобы подвинуться на пятьсотъ-пятьдесятъ саженъ впередъ, пришлось сдѣлать объѣздъ въ три версты и то еще по самой невозможной дорогѣ.

Эти два орудія успѣли сдѣлать только два или три выстрѣла, какъ вдругъ среди начинавшаго понемногу разгораться боя турки почти одновременно по всей линіи какъ въ долинѣ, такъ и на горахъ прекратили огонь. Съ ихъ стороны послышались громкіе крики и выѣхали въ нѣсколькихъ мѣстахъ парламентеры съ трубачами и бѣлыми флагами. Одного изъ нихъ тотчасъ привели къ генералу Радзишевскому, и оказалось, что турецкое начальство получило телеграмму сераскиріята о томъ, что будто между нашимъ и турецкимъ главнокомандующими заключено перемиріе. Турецкаго парламентера задержали; при этомъ онъ заявилъ, что турки откроютъ огонь только въ случаѣ если мы будемъ продолжать наступленіе. Телеграмма привезенная имъ была на турецкомъ языкѣ.

Въ этотъ день въ обоихъ отрядахъ огня болѣе не открывали. Войска всѣ оставались на позиціяхъ, только поздно ночью весь отрядъ придвинулся вплотную къ выставленнымъ аванпостамъ и окопался насколько было возможно. Къ двумъ орудіямъ второй батареи присоединились и другія два, вся батарея подвинулась еще ближе, и за ночь вырыта была углубленная батарейка на четыре орудія.

Турецкимъ парламентерамъ было передано, что послано къ генералъ-адъютанту Гурко за разъясненіями, насъ нѣсколько человѣкъ сопровождали парламентера до ихъ цѣпи, и намъ довелось видѣть радость турокъ

по случаю заключенія перемирія. Мимо меня проходилъ таборъ въ колоннѣ, солдаты наперерывъ протягивали мнѣ и моему вѣстовому руки, крича, «братушко, джени іокъ», что значитъ «братецъ, нѣтъ войны»; нѣкоторые кричали по турецки «московъ турца кардашъ», т. е. русскій и турокъ братья. Вообще солдаты были видимо вполнѣ убѣждены, что заключенъ миръ и что войнѣ конецъ. Они, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ своихъ офицеровъ, шумно выражали свое удовольствіе по этому поводу. Офицеры тоже впрочемъ не отставали отъ нихъ, у всѣхъ на лицахъ была написана неподдѣльная радость. Одни начальствующія лица сохраняли собственное достоинство и больше молчали.

Лѣвая колонна подошла къ Новоселу также около двухъ часовъ. Здѣсь дѣло было болѣе серьезное, какъ по потерямъ, такъ и по своимъ результатамъ. Къ вечеру турки, съ большими потерями, были выбиты штыками изъ нѣсколькихъ рядовъ траншей. Наши аттаковали съ фронта, одинъ баталіонъ Пензенцевъ зашелъ имъ во флангъ. Несмотря на значительный успѣхъ люди страшно устали вслѣдствіе крутизны подъемовъ, по которымъ приходилось подниматься, затѣмъ глубокій снѣгъ ужасно затруднялъ движеніе. Поэтому наступившая темнота какъ бы послужила сигналомъ къ отдыху. Перестрѣлка прекратилась. Тотчасъ съ турецкой стороны выѣхалъ парламентеръ съ точно такой телеграммой, какъ и въ Слакучинѣ. Здѣсь съ парламентеромъ кромѣ того пріѣхалъ и начальникъ турецкихъ войскъ.

Генералъ Вельяминовъ потребовалъ, чтобы до полученія отвѣта отъ генерала Гурко непріятель перевелъ свои войска на лѣвый берегъ Искера и очистилъ бы Самаковъ, но турки на это условіе ни за что не соглашались, тогда рѣшили оставить войска до разъясненія обстоятельствъ на занятыхъ ими позиціяхъ. Дѣло подъ Новоселомъ, гдѣ всѣ вели себя примѣрно, стоило намъ убитыми одного офицера, капитана Краснокутскаго, и 26 нижнихъ чиновъ; ранеными поручика Квицинскаго и 131 нижнихъ чиновъ. Для перевозки раненыхъ подъ Новоселомъ были вызваны доктора изъ колонны генерала Радзишевскаго. Отправка раненыхъ была чрезвычайно затруднительна, ихъ нужно было отправить въ Софію, гдѣ въ то время были госпитали.

Слѣдующій день прошелъ совершенно спокойно. Генералъ Радзишевскій потребовалъ заложника и турки прислали командира табора маіора. Около избы его тотчасъ поставлено было два часовыхъ. Въ сумерки мы пошли потолковать съ туркой, такъ какъ онъ объяснялся ломанымъ французскимъ языкомъ.

Онъ между прочимъ разсказалъ намъ, что въ день дѣла у каждаго турецкаго солдата на себѣ 350 патроновъ, да кромѣ того за каждымъ таборомъ десять вьючныхъ лошадей и на каждой по 1,000 патроновъ. «А въ одномъ переходѣ сзади», прибавилъ онъ, «патроновъ сколько угодно». Вотъ причины, по которымъ турки могутъ развить свой огонь въ дѣлѣ до невѣ-

роятныхъ размѣровъ. Но самыя дѣла показываютъ, что рѣдкая, но мѣткая стрѣльба, выдержанная на болѣе близкія дистанціи, даже изъ завѣдомо дурныхъ ружей Крынка, даетъ лучшіе результаты, нежели турецкій огонь.

Весь этотъ день прошелъ совершенно спокойно, нѣкоторые офицеры ѣздили къ туркамъ въ Самаково. По ихъ разсказамъ, турки угостили ихъ на славу всевозможными яствами и т. д.

Поздно ночью турецкая цѣпь, которая днемъ была видна ясно, такъ какъ темный силуэтъ часоваго выдѣлялся на бѣломъ фонѣ снѣга, обозначилась цѣлымъ рядомъ маленькихъ костровъ; зрѣлище было довольно красивое.

30-го декабря рано утромъ наши аванпосты увидѣли, что турки за ночь исчезли, а остались одни только догоравшіе костры. Кавалерія двинулась тотчасъ же за турками, а пѣхота стала готовиться къ занятію Самакова. Это было въ Слакучинѣ. Подъ Новоселомъ кавалерія успѣла даже забрать нѣсколько (28) плѣнныхъ при отступленіи турокъ.

Непріятель ушелъ на Банью, отступая по весьма узкому ущелью. Почему генералъ Вельяминовъ и не рѣшился втянуться также въ ущелье, въ особенности имѣя въ виду то, что мы не знали навѣрно есть ли въ Дуницѣ турки или нѣтъ. Между тѣмъ слухъ, что непріятель находится въ Дунницѣ, поддерживался бѣжавшими оттуда болгарами. Въ 2 часа городъ Самаковъ былъ занятъ нами. Населеніе встрѣтило войска весьма радушно. Угощеніямъ не было конца, и офицеровъ и солдатъ потчивали одинаково.

Во время пребыванія нашего въ Самаковѣ были выставлены дежурныя части въ Дунницѣ. По этому же шоссе стояло и 4 орудія 2-й батареи Гв. Конной артиллеріи. Ихъ помѣстили около сукновальни. Рядомъ съ ихъ бивуакомъ былъ огромный хуторъ, нарочно принаровленный для вяленія баранины, приготовляемой для арміи. Артиллеристы нашли тамъ пропасть соли, сала, баранины и т. п. и такъ какъ вялильня была покинута турками, то и запаслись этими продуктами.

На другой день 31-го отрядъ подъ командой генерала Радзишевскаго выступилъ изъ Самакова. На шоссе верстахъ въ восьми отъ города мы соединились съ Новосельскимъ отрядомъ, и генералъ Вельяминовъ принялъ начальство надъ всей колонной. Переходъ этотъ черезъ Банью былъ весьма труденъ. Дорога почти все время шла узкимъ ущельемъ, надъ страшной пропастью, на днѣ которой шумѣлъ потокъ. Часто случались крутые косогоры, покрытые ледяной корой и откосъ которыхъ былъ къ сторонѣ пропасти, такъ что приходилось держать орудія на лямкахъ, чтобы они не падали туда. Бывшая ночью мятель занесла нѣкоторыя мѣста до того, что надо было отрывать дорогу. Кромѣ того по дорогѣ было три перевала, которые представили не мало затрудненія какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ.

Въ особенности послѣдній спускъ къ Баньѣ былъ невозможенъ. Ящики шли совершенно выпряженными, перескакивая съ камня на камень и волоча за собой десятка два людей. Цѣлый день по дорогѣ намъ попадались трупы замерзшихъ турокъ, раненыхъ, разбитые каруцы, патронные и зарядные ящики. Кромѣ того множество отсталыхъ и больныхъ турецкихъ солдатъ тянулось по дорогѣ. Большинство изъ нихъ едва передвигали ноги отъ усталости и изнеможенія. Ружья свои эти несчастные побросали даже до нашего появленія, чтобы легче было идти.

Часамъ къ десяти вечера отрядъ прибылъ въ Банью. Нѣтъ хуже когда войдешь въ деревню или городокъ уже занятый войсками. Всѣ постройки заняты, на улицахъ костры. Улицъ не знаешь, просто бѣда. Такъ и въ Банье. Долго мы искали избушки, чтобы пріютиться. Въ одной два или три семейства болгаръ, въ другой нѣсколько семействъ турокъ переселенцевъ (бѣженцевъ), въ третьей два или три трупа христіанъ или турокъ, и все въ такомъ родѣ. Мы заняли турецкую хату съ выбитыми окнами и дверьми. Окна и двери завѣсили попонами, бурками и приготовились встрѣтить новый годъ въ 12 часовъ. Намъ приготовили на сей день отличныхъ котлетъ, а мы сами сдѣлали соусъ изъ двухъ коробокъ консервныхъ омаровъ, которые были куплены въ Софіи. Ужинъ вышелъ на славу, а вмѣсто шампанскаго былъ коньякъ и раздобытый въ Софіи pounch royal.

На другой день раннимъ утромъ отрядъ двинулся дальше къ Татаръ-Базарджику, куда была выдвинута кавалерія еще съ вечера. Къ отряду присоединенъ былъ Финляндскій полкъ. Цѣлый день мы шли дѣлая самые короткіе привалы, такъ что не успѣешь даже чаю напиться. Всѣ селенія, которыя приходилось проходить по дорогѣ, были пожжены турками, на улицахъ валялись трупы людей и животныхъ. Костры, зажженные турками, еще не успѣли потухнуть, такъ близко отъ насъ былъ отступившій непріятель. По сторонамъ села тоже пылали. На дорогѣ то и дѣло попадались повозки съ бѣгущими жителями, брошенный обозъ турокъ, ящики съ патронами и снарядами, ружья, ранцы и т. д.

Въ этотъ день морозъ былъ очень сильный, холодъ увеличивался еще рѣзкимъ и порывистымъ сѣвернымъ вѣтромъ. По дорогѣ гололедица страшная, но путь былъ ровнѣе; не было такихъ подъемовъ и спусковъ какъ прежде. Однимъ словомъ, изъ настоящихъ горъ мы выбрались совсѣмъ. По дорогѣ намъ попадалась пропасть большихъ и малыхъ мостовъ, правда черезъ маленькія рѣчки, но за-то крутые и высокіе берега ихъ дѣлали переправу въ бродъ совершенно немыслимой; поэтому часто приходило на умъ отчего турки не уничтожили этихъ мостиковъ. Къ вечеру морозъ все болѣе и болѣе усиливался, мы должны были дойти до деревни Зимчина и переночевавъ двигаться далѣе. Но вышло иначе.

Верстахъ въ пяти отъ Зимчина насъ встрѣтилъ ординарецъ генералъ-адъютанта Гурко съ приказаніемъ, если возможно, двигаться дальше. не

останавливаясь, и постараться къ утру придти въ Татаръ-Базарджикъ. Точное исполненіе этого приказанія было немыслимо, такъ какъ люди цѣлыми десятками ложились по сторонамъ дороги и моментально засыпали. Цѣлый день, проведенный на морозѣ и сильномъ вѣтру, усталость за два дня похода, по отвратительной дорогѣ, когда имъ приходилось часто помогать артиллеріи, взяли свое; утомленіе людей было чрезвычайное. Я не помню такого ужаснаго перехода по утомленію и длинѣ, какъ былъ этотъ; поэтому, принявъ все это во вниманіе, генералъ Вельяминовъ рѣшилъ, дойдя до Зимчина, сдѣлать четырехъ-часовой привалъ и затѣмъ двигаться далѣе къ Татаръ-Базарджику.

Такъ и сдѣлали; дошли до Зимчина, свернули съ дороги на деревню и остановились обогрѣться и поѣсть. Было около двѣнадцати часовъ ночи, такъ что надо было выступить въ четыре часа утра. Не успѣлъ никто выспаться и отогрѣться порядкомъ, какъ уже затрубили сборъ и пришлось подниматься.

Отрядъ выступилъ въ темнотѣ, но сколько онъ оставилъ отсталыхъ въ деревнѣ, этого никто не знаетъ. Дошли мы такимъ образомъ до деревни Эшекъ-Каши, гдѣ застали лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, который сейчасъ же послѣ прихода нашего отряда выступилъ на Татаръ-Базарджикъ вмѣстѣ съ Финляндцами, пришедшими съ нами. Въ этотъ день предполагался бой у Татаръ-Базарджика, вотъ почему мы и спѣшили поелику возможно прибыть во время.

Послѣ получасоваго привала отрядъ двинулся далѣе и къ полудню мы пришли къ Татаръ-Базарджику, который нашли оставленнымъ турками. Они покинули городъ на разсвѣтѣ съ 1-го на 2-е января, предварительно похозяйничавъ тамъ на свой манеръ. Городъ находится на сѣверномъ берегу Марицы, а мы были на южномъ, и мостъ черезъ рѣку былъ разобранъ у двухъ крайнихъ пролетовъ, такъ что пѣхота тотчасъ занялась его починкой, а батареи перешли въ бродъ правѣе моста. По Марицѣ въ это время шло не то сало, не то ледъ; глубина брода была по брюхо конямъ.

Самый городъ мы нашли въ огнѣ, такъ что пѣхота отряда по приказанію генерала Вельяминова тотчасъ же занялась тушеніемъ пожаровъ. Кромѣ того все христіанское населеніе города было выгнано турками къ станціи желѣзной дороги, откуда жители при насъ возвращались, выражая намъ самую живѣйшую благодарность и радость за избавленіе ихъ отъ турокъ. Въ церквахъ стали трезвонить. Бóльшая часть города къ нашему появленію представляла уже груду дымящихся развалинъ, среди которыхъ валялось множество человѣческихъ труповъ, жертвъ турецкаго изувѣрства. Городъ представлялъ страшную картину: весь въ огнѣ, лавки разломаны, разграблены, въ домахъ все вверхъ дномъ, сараи съ провіантомъ сожжены, все разбросано и, главное, что городъ былъ почти пустъ, такъ какъ жители были выгнаны. Дорога отъ города къ станціи желѣзной дороги была

усыпана гранатами, зарядами, трубками, патронами, сухарями, рисомъ, фуражемъ и т. д.

Генералъ Вельяминовъ тотчасъ по прибытіи установилъ кой-какой порядокъ въ городѣ, назначивъ коменданта и роту Козловцевъ для охраны плѣнныхъ и имѣвшихся въ городѣ складовъ съ военными припасами. Еще до переправы нашей пѣхоты въ городъ, начальникъ отряда получилъ донесеніе отъ генерала Черевина, что онъ, преслѣдуя съ пятью сотнями казаковъ и четырьмя орудіями 8-й донской батареи отступающаго по правому берегу Марицы непріятеля, наткнулся у деревни Сонетли на сильный отрядъ непріятельской кавалеріи (до 3000) и принужденъ отступать, потерявъ одного казака убитымъ и шесть ранеными. Въ виду этого генералъ Вельяминовъ отправилъ къ Сонетли Козловскій полкъ и два орудія, но эти части скоро вернулись, такъ какъ турки увидѣвъ пѣхоту поспѣшили отступить на деревню Евренджили.

Казаки преслѣдовали турокъ.

Полки лейбъ-гвардіи Московскій и лейбъ-гвардіи Финляндскій по прибытіи къ Татаръ-Базарджику присоединились снова къ колоннѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова.

На другой день въ семь часовъ отрядъ уже былъ на ногахъ и мы выступили по направленію къ Филиппополю на деревню Кадыкіой. Отрядъ, вышедши изъ города, перешелъ снова по исправленному мосту на правый берегъ Марицы, орудія опять пошли въ бродъ. Въ этотъ день по Марицѣ шелъ настоящій ледъ, хотя куски его не были особенно велики. Погода была превосходная, хотя солнце скрывалось за тучами и было до 10 градусовъ мороза. Часу во второмъ генералъ Вельяминовъ, ѣхавшій во главѣ отряда, получилъ донесеніе отъ генерала Черевина, что на него у деревни Каратаира насѣли довольно значительныя массы кавалеріи, за которой видны и густыя пѣхотныя колонны.

Отрядъ прибавилъ шагу, но узкая дорога страшно затрудняла движеніе, лошади шли съ трудомъ по гололедицѣ, путь былъ изрытъ канавами, оврагами и рѣчками, берега которыхъ были весьма круты. Кромѣ того всѣ эти рѣчки надо было проходить въ бродъ. Все время впереди слышна была довольно оживленная перестрѣлка какъ ружейная, такъ и артиллерійская. Часамъ къ пяти отрядъ былъ въ виду Каратаира, но тутъ пришлось пройдти въ бродъ рѣку Кричмы-Дересси. Пѣхота переходила по поясъ въ водѣ, а морозъ былъ довольно сильный.

Перейдя рѣку, отрядъ тотчасъ же построилъ боевой порядокъ противъ лѣваго фланга непріятеля, такъ какъ на правомъ наступалъ на турокъ графъ Шуваловъ съ гвардіей. Турки занимали довольно длинный фронтъ впереди деревни Кадыкіой. Шедшій въ авангардѣ Козловскій полкъ и четыре конныхъ орудія были двинуты въ боевую линію, Тамбовцы двинулись сзади для поддержки авангарда, а Пензенцы остались въ ре-

зервѣ у рѣчки, скрывшись за высокимъ ея берегомъ. Кавказскихъ казаковъ отправили на нашъ правый флангъ для обезпеченія его отъ обхода и для дѣйствія во флангъ туркамъ. Козловцы тотчасъ вошли въ связь съ лѣвымъ флангомъ отряда графа Шувалова—лейбъ-гвардіи Павловскимъ полкомъ. Козловцы стали энергично наступать и скоро непріятель, благодаря мѣткому огню ихъ, принужденъ былъ отступить за деревню на высоты. Но дѣло тѣмъ и ограничилось, такъ какъ наступившая темнота помѣшала дальнѣйшему наступленію. Турки, отступая отъ Кадыкіоя, зажгли впереди деревни до пятнадцати стоговъ сѣна и самую деревню. Этотъ пожаръ производилъ весьма красивое впечатлѣніе.

Послѣ дѣла казаки стали на аванпосты у Кадыкіоя, а отрядъ расположился частью въ дер. Каратаирѣ, частью правѣе у подошвы горъ на рисовой мельницѣ, на нашемъ правомъ флангѣ.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли одного нижняго чина убитымъ и восемнадцать ранеными. Деревня Каратаиръ, въ которой мы ночевали, догорала при нашемъ приближеніи и представляла груду развалинъ. На одномъ изъ дворовъ мы нашли нѣсколько обгорѣлыхъ болгарскихъ труповъ. Фуража не было ни клока во всемъ селѣ, такъ что пришлось послать назадъ верстъ за пять за сѣномъ и ячменемъ.

На другой день 4-го января Тамбовскій полкъ съ четырьмя орудіями 2-й батареи гвардейской конной артиллеріи выступилъ въ восемъ часовъ утра къ рисовой мельницѣ, гдѣ захвативъ остальную часть отряда, направился на деревню Деирменъ-Дере. Цѣль дѣйствія нашего отряда была обойти лѣвый турецкій флангъ у деревни Кадыкіоя. Но вышло иначе; генералъ Вельяминовъ получилъ уже на походѣ донесеніе, что непріятель оставилъ позицію у Кадыкіоя и отступилъ на востокъ, кромѣ того казаки доносили, что впереди у деревни Деирменъ-Дере появилось много непріятельской кавалеріи, а на горахъ южнѣе этого замѣчено сильное движеніе пѣхотныхъ массъ.

Начальникъ отряда тотчасъ поскакалъ впередъ и лично произвелъ рекогносцировку, которой выяснилось, что турки заняли фланговую, относительно нашего пути наступленія, позицію на среднихъ терасахъ горнаго хребта. Позиція эта какъ, по крутизнѣ подступовъ, такъ и по командованію была просто неуязвима. На гребнѣ отрога, на которомъ были турки, стояла восьми-орудійная батарея, на правомъ флангѣ, гдѣ отрогъ сливался съ долиной Марицы, была другая батарея. Затѣмъ къ этой батареѣ примыкала густая черкесская цѣпь, тянувшаяся вдоль всей дороги до деревни Коматъ. Лѣвый турецкій флангъ терялся въ неприступныхъ горахъ.

Вдоль турецкаго фронта на разстояніи пушечнаго выстрѣла тянулся такой-же отрогъ, но гораздо ниже турецкаго. Эти высоты не командовали верхней турецкой батареей, но зато превышали значительно долину и,

кромѣ того, подступы къ этимъ высотамъ прекрасно обстрѣливались. Затѣмъ на этомъ отрогѣ было до шести холмовъ, которые представляли прекрасныя стрѣлковыя позиціи. Поэтому, только что отрядъ поровнялся съ лѣвымъ флангомъ турокъ, какъ высланъ былъ Козловскій полкъ для занятія этого гребня, кромѣ того четыре орудія 5-й батареи Гвардейской конной артиллеріи выѣхали на позицію вдоль этого отрога, про который сказано выше. Дистанція, на которую эта артиллерія открыла огонь по верхней турецкой батареѣ, была семьсотъ пятьдесятъ саженъ. Остальныя части пѣхоты были поставлены въ резервѣ. Казаки генерала Черевина спустились въ долину и оберегали нашъ лѣвый флангъ отъ турецкихъ всадниковъ.

Дѣло завязалось около двѣнадцати часовъ пополудни; турки при нашемъ приближеніи открыли по насъ какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь. Цѣпь ихъ стрѣлковъ отчасти осталась на гребнѣ горъ, частью спустилась на скаты. На этотъ турецкій огонь отвѣчала исключительно наша артиллерія, а пѣхота бездѣйствовала, вслѣдствіе дальности ихъ расположенія и сильнаго командованія. Кромѣ того какъ пѣхота, такъ и артиллерія страдала у насъ малымъ количествомъ снярядовъ. Взводъ пятой батареи часовъ около двухъ совсѣмъ съѣхалъ съ позиціи въ резервъ, потому что заряды его были разстрѣлены. Наша батарея вообще стрѣляла весьма рѣдко; недостатокъ въ снарядахъ давалъ себя чувствовать, приблизительно можно сказать, что на восемь турецкихъ выстрѣловъ мы отвѣчали однимъ.

При началѣ дѣла генералъ Вельяминовъ самъ объѣхалъ позицію, а потомъ въѣхалъ со своимъ штабомъ на курганъ, находившійся на одной высотѣ съ батареей, и сталъ оттуда наблюдать за ходомъ дѣла. Турки сейчасъ-же открыли огонь по этому кургану картечными гранатами, такъ что намъ всѣмъ пришлось слѣзть съ лошадей и отправить ихъ подъ гору къ перевязочному пункту, оставивъ только двухъ или трехъ. Турки сначала довольно долго пристрѣливались, но наконецъ двѣ гранаты, попавшія въ самую подошву кургана и обсыпавшія всѣхъ землей, убѣдили насъ, что на южномъ склонѣ оставаться нельзя и мы усѣлись на сѣверномъ, но этимъ самымъ ничуть не поправили дѣла, такъ какъ турки все-таки весь день палили по кургану, очевидно понявъ, что тутъ находилось начальство.

Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ своими глазами какое страшное дѣйствіе имѣетъ граната хорошо попавшая. Недалеко отъ кургана лежалъ баталіонъ Пензенцевъ. Какъ разъ въ середину упала граната и четырнадцать человѣкъ сразу было выведено изъ фронта съ страшными ранами.

Все это время намъ съ горы были видны отряды генералъ-адъютанта графа Шувалова и генерала Шильднеръ-Шульднера, которые двигались

по полотну желѣзной дороги, по шоссе и по правому берегу Марицы, по направленію къ Филиппополю.

Принимая во вниминіе какъ положеніе турокъ, такъ и этихъ отрядовъ наша задача представлялась нѣсколько иначе, чѣмъ когда мы выступили изъ Кадыкіоя, а именно: намъ слѣдовало задержать турокъ въ наступленіи, не пустить ихъ въ долину и дать тѣмъ самымъ отрядамъ графа Шувалова и генерала Шильднеръ-Шульднера время обойти турокъ съ сѣвера и востока, дабы отрѣзать ихъ отъ Филиппополя и прижать къ горамъ. Поэтому наша задача была скорѣе оборонительная нежели наступательная, такъ какъ наступленіе на турокъ имѣло-бы смыслъ только тогда, если-бы турки первые начали отступать. Тогда нашъ отрядъ долженъ былъ-бы насѣсть на нихъ возможно рѣшительнѣе, чтобы задержать ихъ отступленіе.

Дѣло было въ такомъ положеніи до двухъ часовъ; но потомъ мы увидѣли въ бинокли, что къ турецкой артиллеріи подвозятъ еще нѣсколько орудій. Въ то время какъ снимались эти орудія съ передковъ наша артиллерія нѣсколькими удачными залпами произвела тамъ большой безпорядокъ—видно было какъ забѣгали люди, бросились скакать подъ гору лошади и т. д. Только что турки установили эти орудія, какъ огонь усилился по всей линіи, они стали залпами поражать нашу артиллерію; картечныя гранаты одна за другой лопались надъ головами.

Замѣчательную картину представляютъ эти два порядка выстрѣловъ, одинъ на турецкой батареѣ, а другой разрывъ гранатъ надъ нашей батареей. Нашей артиллеріей тотчасъ было замѣчено, что турецкіе разрывы гранатъ весьма высоки и надъ головами артиллеристовъ, такъ что пули картечныхъ гранатъ перелетали чрезъ батарею. Поэтому тотчасъ передки были придвинуты ближе къ самымъ орудіямъ, дабы не терпѣть отъ перелетовъ. Хотя перелетовъ было много, но тѣмъ не менѣе артиллерія страдала.

Какъ разъ въ это время на батареѣ былъ раненъ пулей изъ картечной гранаты, въ плечо, штабсъ-капитанъ графъ Путятинъ, онъ хотѣлъ самъ доѣхать до перевязочнаго пункта, чтобы не отвлекать людей отъ ихъ обязанностей, и сѣлъ на лошадь, но въ ту-же минуту и лошадь его была ранена осколкомъ въ грудь; но тѣмъ не менѣе она кое-какъ доплелась до перевязки.

Въ это время генераломъ съ кургана было замѣчено, что турки имѣютъ какъ-бы намѣреніе обойти нашъ правый флангъ по горамъ. Генералъ тотчасъ-же приказалъ баталіону Тамбовцевъ и баталіону Пензенцовъ занять позицію правѣе Козловскаго полка для усиленія нашего праваго фланга. Оба баталіона заняли весьма крѣпкую и удобную для обстрѣливанію позицію на кряжѣ горъ съ двумя или тремя холмами. Турки, замѣтивъ это движеніе, повидимому отказались отъ своего намѣренія,

тогда Пензенцы и Тамбовцы подались правымъ плечомъ впередъ, такъ что они своимъ огнемъ фланкировали подступы къ позиціи Козловцевъ и артиллеріи, что было весьма выгодно, въ особенности съ турками, которые совсѣмъ не могутъ выдержать фланговаго огня.

Турки мджду тѣмъ спустили своихъ стрѣлковъ ниже, а за стрѣлками появилась и пѣхота въ порядочно большихъ массахъ. Они довольно смѣло стали подвигаться впередъ, очевидно желая аттаковать правую половину нашего расположенія.

Турки шли не останавливаясь все спускаясь въ оврагъ отдѣлявшій нашу позицію отъ ихней, но вотъ они начали подниматься, тогда сразу наша пѣхота развела свой огонь насколько возможно.

Каждый сначала берегъ свои патроны сознавая, что безъ нихъ онъ почти обезоруженъ, но тутъ на близкія дистанціи каждая пуля находила виноватаго въ густыхъ толпахъ турокъ. Когда-же турки подошли шаговъ на тридцать—пятьдесятъ, роты живо вскочили и построившись дали нѣсколько убійственныхъ залповъ. Огромное количество сразу выведенныхъ изъ фронта товарищей ошеломило турокъ. Кромѣ того почти фланговые залпы Пензенцевъ произвели также свое впечатлѣніе и непріятель быстро спустился въ оврагъ.

Однако первый урокъ не подѣйствовалъ на турокъ и они еще три раза возобновили аттаку; каждый разъ устраивались въ оврагѣ, гдѣ было мертвое пространство, и снова лѣзли. Но масса потерь во время этихъ аттакъ заставила ихъ наконецъ просто пробѣжать. Наши, видя во время предшествующихъ аттакъ огромное превосходство непріятеля и относительный порядокъ въ ихъ отступленіи, на этотъ разъ не выдержали и послѣ залповъ штыками стали подгонять уходившихъ на утекъ турокъ. Такъ ихъ проводили до оврага, изъ котораго имъ потомъ снова подъ страшнымъ огнемъ приходилось вылѣзать, чтобы бѣжать далѣе.

Козловскіе офицеры, бывшіе въ цѣпи, увѣряли потомъ, что они видѣли, какъ турокъ во время ихъ аттакъ трое или четверо верховыхъ, вѣроятно офицеровъ, подгоняли нагайками, но что во время послѣдней аттаки солдаты бросились на нихъ и сняли съ сѣдель.

Во время этихъ аттакъ турки до-нельзя усилили свой артиллерійскій огонь по остальной части позиціи и въ особенности по нашимъ батареямъ, дабы отвлечь ихъ вниманіе отъ аттакующихъ, но наши молодцы артиллеристы не смущались и открыли по наступающимъ учащенный огонь шрапнелью на двѣсти-семьдесятъ-пять саженъ. Шрапнель, тоже не церемонясь съ турками, часто вносила смерть въ ряды аттакующихъ. У береговъ оврага и около стрѣлковыхъ цѣпей мы потомъ насчитали до шестисотъ-пятидесяти труповъ, что составляетъ навѣрно цѣлый турецкій таборъ въ томъ составѣ, въ какомъ были турки въ январѣ мѣсяцѣ.

За-то въ этотъ день въ артиллеріи были довольно чувствительныя потери въ людяхъ.

Одновременно съ аттаками на нашъ правый флангъ, турки кромѣ того стали спускаться съ горы въ долину противъ нашего лѣваго фланга. Тутъ они выстроились въ колонны; ихъ было очень много, таборовъ до двѣнадцати, но вѣротяно цѣль ихъ не была аттака, такъ какъ они построились фронтомъ къ сѣверу, какъ-бы для того, чтобы наступать на наши войска, показавшіяся у деревень Мечкюръ и Кошатъ. Но наши войска не наступали и вслѣдствіе чрезвычайно неудобной мѣстности, а именно между нами и турками были огромныя рисовыя поля, пересѣченныя множествомъ иригаціонныхъ канавъ, насыпями и весьма болотистыя, такъ что они даже для пѣхоты трудно-проходимы.

Было уже около шести часовъ вечера, когда турки совершенно удалились на свои позиціи, но рѣдкая артиллерійская и ружейная перестрѣлка длилась до наступленія ночной темноты.

По показаніямъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, насъ аттаковало девять таборовъ.

Весь день слышна была канонада, какъ на востокѣ, такъ и къ сторонѣ Филиппополя, иногда выстрѣлы учащались до того, что слышенъ былъ непрерывный гулъ потрясавшій воздухъ.

Около деревни Мечкіоръ часамъ къ тремъ построилась пѣшая батарея и открыла огонь по туркамъ въ долинѣ у Дерменъ-Дере, но принуждена была скоро прекратить его, такъ какъ гранаты ея не долетали даже на одну линію съ нами, а наша батарея стояла отъ турецкой на 750 саженъ. Такъ что можно было безошибочно сказать, что девяти-фунтовая, понадѣявшись на свои силы, стала на шесть верстъ съ лишнимъ.

Наступили сумерки, перестрѣлка утихла, но войска оставались на позиціяхъ занятыхъ днемъ.

Позволено было разводить огни, такъ какъ порядочно морозило и людямъ надо было поѣсть хоть чего нибудь. Дровъ раздобыли себѣ въ деревнѣ Брестовецъ, на нашемъ правомъ флангѣ.

Туда же были свезены покуда и раненые, ихъ было 58 человѣкъ, кромѣ того офицеровъ ранено двое и контужено двое; убито шестнадцать нижнихъ чиновъ. Въ артиллеріи выбыло изъ строя убитыми и ранеными двадцать лошадей.

Въ особенности пострадалъ взводъ 3-й батареи гвардейской конной артиллеріи, подъ командой капитана князя Оболенскаго. Взводъ стоялъ на совершенно открытомъ мѣстѣ и еле-еле могъ увезти орудія, оба на четверкѣ, и то четверки составлены были на половину изъ строевыхъ лошадей; во взводѣ послѣ дѣла осталось всего двѣ гранаты.

Кавказская казачья бригада ушла на нашъ правый флангъ въ деревню Брестовецъ, выставила аванпосты на ночь и сильными разъѣздами слѣ-

дала, чтобы непріятель не воспользовался темнотой ночи для обхода нашего фланга.

Ночь генералъ провелъ въ Брестовцѣ, я тоже туда поѣхалъ, тутъ мнѣ довелось такъ поѣсть, какъ уже давно не ѣлъ. Одинъ изъ офицеровъ угостилъ меня борщемъ изъ утки и машлыкомъ такимъ, что съ трудомъ вѣрилось, что все это было дѣло казачьихъ рукъ. Впрочемъ, на что не способенъ казакъ?... Послѣ ужина, напившись чаю, мы завалились спать.

Рано утромъ все проснулось на позиціи. Вчерашнія турецкія линіи застилалъ густой туманъ, тотчасъ же были посланы казачьи разъѣзды въ сторону турокъ, чтобы убѣдиться, не ушли ли они. Казаки скоро вернулись и донесли, что непріятеля на старыхъ позиціяхъ нѣтъ и что повидимому онъ отступилъ вдоль подножія горъ на востокъ.

Генералъ тутъ же передалъ приказаніе собравшемуся у вчерашняго кургана начальству: перестроиться въ походную колонну и двигаться на деревни Дерменъ-Дере и Марково.

Такимъ образомъ отрядъ двинулся уже къ полудню; но дорога была на столько дурна, что мы только къ двумъ часамъ подошли къ деревнѣ Маркову, гдѣ застали Лейбъ-Гренадерскій полкъ.

Вся дорога между Дерменъ-Дере и Марковымъ была завалена брошенными повозками турецкаго обоза, патронными и зарядными ящиками съ порубленными и изломанными колесами, трупами животныхъ, очевидно зарѣзанныхъ нарочно, наконецъ самая дорога была крайне неудобная, взрытая и состояла изъ размокшей вязкой глины съ страшно глубокими колеями. Между прочими издыхающими животными намъ попался оселъ съ обрубленными ушами, жалобно заревѣвшій при нашемъ появленіи; солдатики изъ состраданія пристрѣлили его. Такое необъяснимое варварство по отношенію къ безвинному животному поистинѣ ужасающе. Въ деревняхъ по улицамъ видны были трупы турецкихъ отсталыхъ, а иногда попадались и раненые, не успѣвшіе отступить съ войсками; кромѣ того на улицахъ лежало довольно много и болгарскихъ труповъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Впереди все время гремѣла кононада, а въ интервалахъ слышна была и рѣзкая трескотня ружей.

Не доходя еще Маркова стали жужжать пули и, судя по унылому свисту ихъ, видно было, что онѣ на излетѣ. Я ѣхалъ рядомъ съ однимъ изъ товарищей и мнѣ невольно вспомнилось объ родинѣ, что-то тамъ дѣлается?... Я сообщилъ свой вопросъ ему; посмотрѣли на часы—половина втораго; должно быть кончили завтракъ, рѣшили мы. Между тѣмъ солдаты весело шутили надъ свистомъ пуль: «ишь ты завыла», сказалъ кто-то. «Плачетъ, виноватаго не находитъ», было ему отвѣтомъ, и все въ этомъ духѣ.

Только-что мы подошли, какъ турки усилили нѣсколькими орудіями свою батарею и участили огонь. Тотчасъ же два баталіона Пензенцевъ

построили боевой порядокъ и начали наступленіе. Козловскій полкъ былъ отправленъ на нашъ правый флангъ на горы, дабы не допустить турокъ идти на утекъ въ горы, куда турки отступали. Затѣмъ послѣ этого усилена была боевая линія баталіономъ Тамбовцевъ. Впереди деревни, фронтомъ на востокъ, тянулся небольшой перевалъ, Тамбовцы и Пензенцы тотчасъ заняли его, и отсюда фланговымъ огнемъ поражали отступавшихъ въ горы турокъ. Четыре орудія 2-й батареи гвардейской конной артиллеріи заняли очень хорошую позицію вдоль врытой дороги на 600 саженъ отъ турецкой батареи. Рѣдко удается, чтобы пристрѣлка была бы такъ удачна, какъ это было подъ Марковымъ.

Турецкая батарея стояла какъ разъ на гребнѣ большаго холма въ полъоборота къ намъ. Наши выѣхали, дали выстрѣлъ—недолетъ, другой—перелетъ, третья граната разорвалась какъ разъ на гребнѣ, на шесть сотъ саженъ дистанціи; четвертой провѣрили дистанціи, а потомъ послѣ двухъ залповъ всѣхъ четырехъ орудій турецкая батарея снялась и ушла. Скоро, однако, намъ видно было, что за турками бѣгутъ на высоту и наши, дымки ружей шли снизу вверхъ, на самой выси горъ уже тянулись длинной вереницей остатки Сулеймановыхъ таборовъ; артиллерія попробовала было пустить къ нимъ нѣсколько гранатъ, но дали огромные недолеты, несмотря на вывинченный прицѣлъ.

Тамбовцы и Пензенцы между тѣмъ прогнали аріергардъ турокъ и сами заняли гору, которая была единственная бывшая въ рукахъ турокъ, такъ какъ аріергардъ прикрывалъ отступленіе прочихъ въ горы.

Лейбъ-гренадеры и гвардейская стрѣлковая бригада были въ этотъ день въ видѣ резерва при нашемъ отрядѣ.

Часовъ въ шесть въ Марково пріѣхалъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ и приказалъ увлекшіяся преслѣдованіемъ войска остановить. Тогда занята была гора, гдѣ днемъ была турецкая батарея, выставлены аванпосты у подошвы горъ и отрядъ расположился на отдыхъ въ селеніи Марковѣ. По всему селенію валялись трупы какъ турокъ, такъ и болгаръ. Деревня во многихъ мѣстахъ горѣла, но стараніями солдатиковъ скоро пожары потушили. Около нашей хаты горѣлъ домъ и внутри его была масса патроновъ, которые поминутно рвались и производили настоящую перестрѣлку. Ночь провели мы очень спокойно, спали въ отличной хатѣ, тепло и хорошо.

На другой день присоединились къ батареѣ два передка съ задними ходами, которые были отправлены за снарядами вечеромъ въ день Горно-Бугоровскаго дѣла, т. е. 20-го декабря, кромѣ того привезли вмѣстѣ и полушубки, за которыми послано было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Подумаешь только, что это день Крещенія, а на дворѣ таетъ, хотя и сильный вѣтеръ.

Восьмаго мы выступили въ Филиппополь, надо было пройти верстъ восемь или десять. Отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова расформировался, 31-я дивизія оставалась въ Филиппополѣ, самъ генералъ былъ назначенъ губернаторомъ Пловдила.

Кавказская казачья бригада отправлена преслѣдовать отступающіе остатки 80 табаровъ арміи Сулеймана на Нареченъ, Дары-Дере и Адріанополь. Части гвардейской конной артиллеріи присоединены временно для похода въ Адріанополь ко 2-й пѣхотной дивизіи. Такимъ образомъ закончилось двадцати-четырехдневное существованіе отряда генералъ-лейтенанта Вельяминова.

По приходѣ въ Филиппополь генералъ Вельяминовъ отдалъ приказъ по своему отряду, которымъ онъ распускался; приказъ этотъ ясно выражаетъ все то, что пришлось исполнять войскамъ входившимъ въ составъ отряда втеченіе двадцати-четырехъ дней. Поэтому мы и приводимъ приказъ этотъ въ подлинникѣ.

«Приказъ по правой колоннѣ западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко. Гор. Филиппополь, 10-го января 1878 года.

«Ввѣренный мнѣ отрядъ составляетъ правую колонну западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко со времени перехода черезъ Балканы до уничтоженія арміи Сулеймана-паши и подъ Филиппополемъ распадается.

«Кавказская казачья бригада поступаетъ въ вѣдѣніе генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го.

«Гвардейская конная артиллерія возвращается къ своимъ частямъ.

«Разставаясь съ этими доблестными войсками, не могу не вспомнить о тѣхъ трудахъ, которые были ими понесены на моихъ глазахъ, и о тѣхъ подвигахъ мужества, хладнокровія, храбрости, стойкости, о которыхъ я былъ счастливъ уже свидѣтельствовать.

«При переходѣ Балканъ чрезъ грозный Умургачъ пришлось намъ бороться съ силами природы. Мы встрѣчали то морозы съ сильнымъ вѣтромъ, отъ котораго люди коченѣли, то оттепель, послѣ которой морозы покрывали горы скользкой корой льда, то мятель и вьюгу, то глубокій снѣгъ. Но ничто не могло остановить наши войска.

«Они втаскивали орудія, тяжелые ящики съ снарядами по скользкимъ горамъ шутя, весело. Всѣ преграды, казавшіяся неодолимыми, перешли съ изумительнымъ терпѣніемъ, настойчивостью и послѣ неимовѣрныхъ трудовъ спустились въ долину Софіи къ назначенному времени.

«Отрядъ нашъ предназначенъ былъ служить заслономъ со стороны Софіи, пока главныя силы арміи переходили Балканы и должны были дѣйствовать.

«Едва соединились мы съ Кавказской казачьей бригадой, какъ грозныя силы непріятеля вышли на насъ изъ Софіи, и мы встрѣтили втрое сильнѣйшого врага у Горнаго Бугарова. Впродолженіи четырехъ часовъ онъ осыпалъ насъ градомъ пуль и гранатами, велъ отчаянныя аттаки, но не могъ насъ сломить. Силы его сокрушились и послѣ громадныхъ потерь долженъ былъ, пользуясь темнотой ночи, отступить. Одной изъ главныхъ причинъ очищенія Софіи безъ боя было дѣло подъ Горнымъ Бугаровымъ.

«Послѣ дневнаго отдыха, отрядъ перевалилъ высоты Врбна, двинулся преслѣдовать непріятеля на Самаково, гдѣ нашелъ его окопавшимся на сильной позиціи.

«Пришлось оставить часть отряда противъ него и идти съ остальными ему въ обходъ. Одинъ баталіонъ Пензенцевъ и три Козловцевъ пошли на Новосело, но и здѣсь нашли шесть таборовъ турокъ, занимавшихъ сильнѣйшую позицію въ дефиле и еще укрѣпившихъ ее въ ложементахъ. Ничто не могло остановить нашихъ молодцовъ.

«Эти четыре баталіона выбивали непріятеля послѣдовательно изъ одной позиціи на другую, пока я ихъ не остановилъ вечеромъ у самаго Новосела.

«Опять, пользуясь темнотой ночи, турки бѣжали.

«Слѣдствіемъ дѣла подъ Новоселомъ и въ то-же время поднятой канонады съ другихъ позицій было очищеніе Самакова безъ боя.

«Отрядъ нашъ преслѣдовалъ непріятеля по пятамъ, недавая вздохнуть; 3-го января къ вечеру, послѣ перехода двухъ рѣкъ въ бродъ по колѣно въ водѣ, настигъ его у Карфира, гдѣ уже завязалось дѣло съ гвардіей.

«Едва успѣли Козловцы построиться въ боевой порядокъ, пошли въ аттаку—непріятель отступилъ.

«На другой день, 4-го января, слѣдуя далѣе, не доходя до деревни Дейрисенъ-Дере, мы встрѣтили непріятеля въ большихъ силахъ, укрѣпившагося въ горахъ на нашемъ правомъ флангѣ. Сейчасъ мы заняли сильную позицію и стали его громить нашей артиллеріей. Онъ повелъ на насъ аттаку, сталъ обходить нашъ правый флангъ, но мы его остановили. Несмотря на отчаянныя усилія, онъ былъ отбитъ съ бо́льшимъ еще урономъ, чѣмъ подъ Горнымъ Бугаровымъ.

«Наконецъ 5-го января вмѣстѣ съ гвардіей и 5-й пѣхотной дивизіей отрядъ нашъ участвовалъ, послѣдней аттакой, въ окончательномъ разгромленіи арміи Сулеймана-паши, слѣдствіемъ котораго вся его артиллерія была взята и войска разсыпались по горамъ.

«Такіе подвиги, при столь трудныхъ обстоятельствахъ и въ такое короткое время, свидѣтельствуютъ сами какими войсками я имѣлъ честь командовать.

«Кавказская казачья бригада съ ея лихимъ командиромъ была всегда надежнымъ сторожемъ, за которымъ пѣхота и артиллерія могли найти по-

кой и отдыхъ. Ей-же постоянно выпадало принимать первый напоръ непріятеля, наводить на пѣхоту и артиллерію приготовленную къ бою и послѣ разбитія преслѣдовать.

«Гвардейская конная артиллерія выказала замѣчательное хладнокровіе и мужество. Она дѣйствовала въ бою какъ на ученіи. Несмотря на градъ пуль, которыми ее засыпали, на значительныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, порядокъ не нарушался. Всѣ офицеры, начиная съ командировъ батарей, всѣ нижніе чины дѣлали свое дѣло съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Ни одинъ выстрѣлъ не выпускали даромъ, зарядовъ было мало, нужно ихъ было беречь и потому ихъ выпускали съ крайней осторожностью и разсчетомъ.

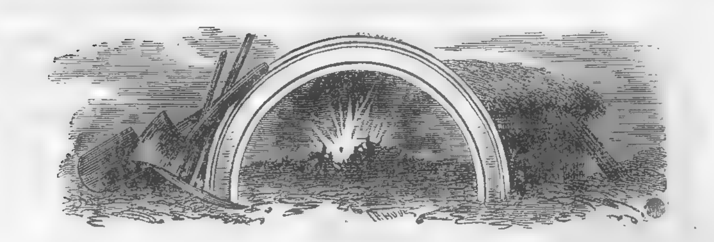
«Пензенцы, Тамбовцы и Козловцы своей храбростью, выносливостью, хладнокровіемъ и гдѣ нужно удальствомъ заслужили добрую славу въ арміи. Старая гвардія была свидѣтельницей славныхъ боевыхъ подвиговъ этихъ молодыхъ полковъ.

«Всѣ отъ генерала до солдата исполняли свой долгъ честно. Выразить имъ мою благодарность, какъ желалъ-бы, я не въ силахъ—словъ не достаетъ.

«Высшая военная награда орденъ святаго великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени, который и удостоился получить, считаю себя обязаннымъ мужеству и доблестямъ бывшаго моего отряда.

Генералъ-лейтенантъ **Вельяминовъ.**»

К. А. Д.

Изъ Дневника Офицера
Драгунскаго Орденскаго полка.

Подвигъ унтеръ-офицера Персонина.

Изъ с. Златарицы, 29-го іюля 1877 г., разъѣздъ изъ двѣнадцати человѣкъ 2-го эскадрона Драгунскаго Военнаго Ордена полка, подъ командою унтеръ-офицера Персонина, былъ посланъ ко входу въ Бебровское ущелье для наблюденія за турецкими постами. По въѣздѣ въ с. Турнадере, разъѣздъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ баши-бузуками, такъ что ему оставался одинъ лишь выходъ на крутую, неприступную гору, подъемъ на которую казался невозможенъ. По разъѣзду былъ открытъ жестокій огонь, но къ счастью, какъ и всегда, турецкія пули пролетали надъ головами нашихъ молодцевъ. Выбора не было; пришлось пробовать на сколько крутая гора неприступна, и невозможное оказалось возможнымъ — разъѣздъ съ чрезвычайными усиліями выскочилъ на нее, причемъ свалилось внизъ три лошади, люди же успѣли удержаться за кустарники. Выскочивъ на уступъ горы, унтеръ-офицеръ Персонинъ, повѣривъ своихъ людей, замѣтилъ, что недостаетъ рядоваго Болотина. Движимый высокимъ доблестнымъ чувствомъ, не желая оставить товарища на мучительную смерть въ рукахъ баши-бузуковъ, унтеръ-офицеръ Персонинъ бросился внизъ и увидѣлъ Болотина пѣшкомъ, съ берданкой въ рукахъ, окруженнаго по крайней мѣрѣ тридцатью баши-бузуками, не осмѣливавшимися броситься на него и только пускавшими въ него безвредныя пули. Персонинъ, какъ бѣшенный ринулся

впередъ, прорвалъ кольцо турокъ, схватилъ Болотина за воротъ, втянулъ на крупъ своего коня и ускакалъ, осыпаемый градомъ пуль, не причинившихъ никакого вреда. За этотъ высокій подвигъ Персонинъ удостоился знака отличія Военнаго ордена. Три свалившіяся въ крутизну лошади, слѣдуя табунному свойству, прибѣжали ночью въ Златарицу въ свой эскадронъ.

Дѣло Орденскихъ драгунъ съ черкесами

12-го Сентября 1877 г. при с. Маренъ.

Жизнь Маренскаго (подлѣ г. Елены), какъ и всѣхъ передовыхъ отрядовъ, текла то очень бурно, то до одуренія монотонно. Бурно — когда туркамъ приходила фантазія попытаться сбить насъ съ позиціи, что̀ бывало очень часто, монотонно—въ промежуткахъ этихъ попытокъ. Тогда вся дѣятельность кавалеріи отряда состояла въ посылкѣ разъѣздовъ, въ держаніи охранительныхъ и наблюдательныхъ постовъ и въ зоркомъ наблюденіи за непріятелемъ. Но это старый мотивъ, который всѣмъ пріѣлся. Такъ мы жили отъ нападенія до нападенія, они оживляли отрядъ и давали тему для истощавшихся разговоровъ.

Утромъ 12-го сентября офицеры вышли, по обыкновенію, на артиллерійскую позицію, чтобъ посмотрѣть нѣтъ ли перемѣнъ въ расположеніи непріятельскихъ аванпостовъ или, лучше сказать, отъ нечего дѣлать и по привычкѣ собираться тамъ по утрамъ, какъ въ клубѣ. Мѣстность передъ Маренскою позиціею очень живописна. Впереди на подковообразной горѣ стояли наши аванпосты, дальше волнообразная мѣстность, предгорья Балканъ, а съ правой стороны высокая Симонова гора, за которою синѣетъ главный кряжъ Балканъ, покрытый громадными буковыми лѣсами. Въ этотъ день мы не ожидали нападенія и мирно толковали о всякой всячинѣ... какъ вдругъ слышимъ выстрѣлъ, другой и пошла трескотня. Наши аванпосты скачутъ къ бивуаку, а за ними несется отрядъ черкесовъ. Видимъ мы подъ однимъ нашимъ драгуномъ (унтеръ-офицеръ Тертичный) падаетъ лошадь, три черкеса наскакиваютъ на него, драгунъ выхватываетъ шашку и отбивается, но пущенная въ упоръ изъ магазинки пуля укладываетъ его съ тѣмъ, чтобъ никогда уже ему не подниматься. Черкесы подскакиваютъ къ самой подошвѣ горы, на которой наша позиція, подъ самыя орудія, и джигитуютъ на ровной зеленой полянѣ, какъ бы подлѣ своего роднаго аула, посылая изъ магазинокъ на бивуакъ пули, и размахивая двумя знаменами—зеленымъ и бѣлымъ. Картина была новая! Но недолго имъ дали тѣшиться. Одинъ взводъ драгунъ посланъ аттаковать черкесовъ съ фронта, а другіе два съ фланговъ. Фронтальную аттаку черкесы не приняли, ловко, съ граціей превосходныхъ наѣздниковъ от-

скочили назадъ, послали въ преслѣдовавшихъ ихъ драгунъ массу пуль и продолжали скакать, стрѣляя изъ магазинокъ, черезъ плечо, назадъ. Еслибъ они замедлили нѣсколько секундъ, всѣ легли бы на мѣстѣ, потому что фланговые два взвода вынеслись на полномъ карьерѣ и стали отрѣзывать имъ путь отступленія. Прапорщикъ Кусаковъ, съ рядовыми Перервой и Семеновымъ, понесся за черкескимъ офицеромъ, несшимъ зеленое знамя, нанесъ ему шашкой ударъ по спинѣ, солдаты снесли ему верхнюю часть головы и знамя осталось въ нашихъ рукахъ. Горькая иронія! На знамени было написано по арабски: «Кто несетъ это знамя, тотъ непобѣдимъ» и много изрѣченій изъ корана. Черкесы разсѣялись и уходили по одиночкѣ, драгуны ихъ преслѣдовали и шашками укладывали дерзкихъ гостей. Было что то хватающее за сердце въ этой упорной и безпощадной охотѣ на человѣка. Черкесы метались какъ мышь, попавшая въ мышеловку—куда ни бросятся вездѣ грозная фигура опьяненнаго боемъ врага и, еслибъ не верткость ихъ небольшихъ лошадокъ и не искусство наѣздниковъ, мало кто изъ нихъ успѣлъ бы спастись. Четырнадцать страшно изрубленныхъ тѣлъ лежало на полянѣ, а одинъ ускакалъ оставивъ свою отрубленную руку; другіе же успѣли взобраться на крутую, невысокую гору, изрытую водомоинами, засѣли въ лѣскѣ и встрѣтили подскачившихъ драгунъ сильнымъ огнемъ изъ магазинокъ. Въ конномъ строю дѣйствовать было невозможно, поэтому часть драгунъ спѣшилась, конные направлены въ обходъ и черкесы должны были поспѣшно убраться восвояси. Другой эскадронъ черкесовъ, стоявшій въ резервѣ, остановленный нѣсколькими удачно пущенными гранатами, не принялъ участія въ дѣлѣ и удалился.

Нападеніе турецкой пѣхоты было также блистательно отражено нѣсколькими ротами Сѣвскаго пѣхотнаго полка.

Въ этотъ день мы имѣли дѣло съ старыми нашими знакомыми, что видно изъ того, что многіе черкесы говорили по-русски. Такъ, напримѣръ, подъ черкесомъ убита лошадь, драгунъ хватаетъ его за воротъ и говоритъ: «а-га, попался, братъ!» на что черкесъ отвѣчаетъ по-русски: «нѣтъ (крѣпкое словцо) не попался еще» и пустилъ ему пулю въ упоръ. На трупѣ убитаго черкесскаго офицера найденъ молитвенникъ, переплетъ котораго сдѣланъ изъ русскихъ служебныхъ бумагъ. Безумная отвага, выказанная черкесами, даетъ понятіе какъ трудно и дорого стоило намъ покореніе Кавказа.

Солдаты наши предпочитаютъ рукопашный бой перестрѣлкѣ; «что перестрѣлка», говорятъ они, «то ли дѣло грудь на грудь». 12-го сентября желаніе ихъ исполнилось, но, къ сожалѣнію, оно не досталось намъ безъ жертвъ—убито у насъ четыре человѣка и семь ранено. Одна только рана сабельная, всѣ же остальныя пульныя.

Мы недоумѣвали, какъ это черкесы отважились насъ затронуть. Наконецъ объяснили намъ это болгары: кто-то распустилъ между тур-

ками слухъ, что будто бы драгуны (или, какъ они называли насъ, «та кавалерія, что одинъ верхомъ, а другой пѣшкомъ») ушли, а вмѣсто ихъ на Марецкой позиціи болгары, одѣтые драгунами. Говорятъ, что послѣ дѣла у нихъ всю ночь была драка — все искали распустившаго слухъ.

Приключеніе съ рядовымъ Барковымъ.

За два дня до дѣла подъ Еленой (22-го ноября 1877 года), отъ 3-го эскадрона Орденскихъ драгунъ были посланы фуражиры по окрестнымъ селеніямъ для покупки фуража. Одинъ изъ нихъ, рядовой Барковъ, возвращаясь вечеромъ 22-го ноября на Маренскую позицію, не зналъ о занятіи турками г. Елены и безпечно въѣхалъ въ городъ. Какимъ образомъ онъ проѣхалъ непріятельскіе аванпосты, не замѣтивъ ихъ и не будучи ими замѣченнымъ, можно объяснить лишь сумерками. По въѣздѣ въ Елену Баркова поразило необычное освѣщеніе въ домахъ, шумъ и музыка, но онъ все это объяснилъ царскимъ днемъ или празднованіемъ какой нибудь побѣды. Въѣхавъ на небольшую площадь, на которой прекрасный, обильный фонтанъ, Барковъ протолкался къ нему, чтобъ напоить коня и тутъ только замѣтилъ, что проталкивается между турецкими солдатами, не обращавшими на него въ темнотѣ вниманія. Очнувшись и смекнувши въ чемъ дѣло, онъ сталъ потихоньку выбираться изъ толпы, и, когда объѣзжалъ послѣдняго турецкаго солдата, былъ узнанъ.

Съ страшнымъ крикомъ бросились къ нему турки, но Барковъ, вонзивъ шпоры въ бока своей лошади, успѣлъ выскочить, проскакалъ непріятельскіе аванпосты и ночью прибылъ въ эскадронъ на Евковскую позицію. Барковъ разсказывалъ свое приключеніе такъ спокойно и хладнокровно, какъ будто бы съ нимъ ничего особеннаго не случилось.

Кавалерійская схватка подъ г. Карнобадомъ.

Драгунскій Военнаго Ордена полкъ находился въ составѣ Еленскаго отряда, составляя авангардъ его во время движенія за Балканы. Трудности этого гигантскаго подвига достаточно уже описаны и это не входитъ въ программу эпизода, который я намѣренъ передать.

По занятіи г. Сливена, турецкій кварталъ котораго пришлось брать приступомъ, причемъ мы потеряли двухъ человѣкъ убитыми, полкъ безпрерывно посылалъ усиленные разъѣзды къ сторонѣ Бургаса, и занялъ южный выходъ Морашскаго прохода въ долину р. Тунджи, въ которую прорыва-

лись для грабежа партіи черкесовъ и баши-бузуковъ; такимъ образомъ, двигаясь постоянно впередъ и тѣсня передъ собою непріятеля, передовые разъѣзды, подъ командою штабсъ-капитана Лобановскаго и поручика Сундстрема, достигли 14-го января до г. Карнобада, гдѣ и расположились на привалѣ. Непріятеля въ то время въ городѣ не было. Чуя близость нашихъ войскъ, онъ отодвинулся къ Айдосу, посѣщая Карнобадъ и окрестныя села налетами, для грабежа. Выставивъ наблюдательный постъ къ сторонѣ Айдоса, начальники разъѣздовъ расположились бивуакомъ, чтобы покормить людей и лошадей; но не прошло и двухъ часовъ, какъ было дано знать съ поста о приближеніи со стороны Айдоса сильнаго непріятельскаго разъѣзда. Нужно было принять гостей какъ слѣдуетъ и для этаго штабсъ-капитанъ Лобановскій и поручикъ Сундстремъ распорядились такимъ образомъ: половина своднаго разъѣзда, подъ командою Ш. К. Лобановскаго, должна ожидать непріятеля въ городѣ, а другая, подъ командою поручика Сундстрема, засѣсть скрытно у въѣзда и впустить турокъ въ городъ. Розыграно было какъ по нотамъ: турки, ничего не подозрѣвая, втянулись въ узкія улицы города и, когда они достаточно углубились, Ш. К. Лобановскій отважно аттаковалъ ихъ. Произошла невообразимая сумятица и давка, на турокъ нашла паника—они хотятъ ускакать, но нельзя повернуть лошадей. Тутъ было изрублено шестеро изъ нихъ, а когда задніе успѣли повернуть лошадей и понеслись вскачь изъ города, поручикъ Сундстремъ выскочилъ съ своими изъ засады и началась охота въ одиночку. Гладкая, ровная мѣстность способствовала преслѣдованію. Непріятельскіе всадники, вмѣсто того чтобы скакать по дорогѣ, ударились вправо и попали въ глубокій оврагъ, наши настигли ихъ тамъ, и началось истребленіе...... Добродушный нашъ солдатъ внѣ боя, помня, какъ погребалъ обезглавленное турками тѣло товарища своего унтеръ-офицера Бѣликова и видя на каждомъ шагу ужасныя доказательства неистовствъ ихъ надъ несчастными болгарами, превзошелъ все, что можно представить себѣ и по истинѣ походилъ на демона истребителя. Одному лишь изъ турецкаго разъѣзда, и то благодаря случайности, удалось передать вѣсть о судьбѣ, постигшей остальныхъ товарищей. Во время сшибки въ улицахъ города одинъ изъ всадниковъ былъ сбитъ на землю, вмѣстѣ съ лошадью, и успѣлъ вползти незамѣченный въ болгарскій домъ. Всадникъ этотъ былъ начальникъ разъѣзда турецкой регулярной кавалеріи султанъ Ахметъ-Гирей, потомокъ крымскихъ хановъ, богатый землевладѣлецъ, лицо очень вліятельное во всей окрестной мѣстности, но примѣнявшій, къ сожалѣнію, свое вліяніе на организацію шаекъ баши-бузуковъ и на истребленіе болгаръ. Послѣдніе выдали его, заявивъ Ш. К. Лобановскому, что «здѣсь есть султанъ». Не понявъ ихъ, Лобановскій предположилъ, что идетъ другой непріятельскій отрядъ подъ начальствомъ какого то султана и приказалъ трубить сборъ для того, чтобъ устроиться для встрѣчи въ порядкѣ свѣжаго непріятеля. Это только и

спасло успѣвшаго ускакать всадника, который прокричалъ вездѣ до Бургаса, что въ Карнобадѣ пятнадцать тысячъ русскихъ. Турками овладѣла такая паника, что они поспѣшно очистили Айдосъ, Бургасъ, Ахіолу, Мисервію и Сизополь, оставивъ тамъ значительные продовольственные запасы. Какъ военная добыча, намъ достались всѣ лошади и оружіе непріятеля. Особенно замѣчательна дамасская сабля султана Ахметъ-Гирея, переходившая втеченіе долгаго періода времени отъ отца къ сыну, доставшаяся поручику Сундстрему.

Съ нашей стороны убитъ рядовой Колюхъ, въ то время, когда, по окончаніи дѣла, онъ нагнулся надъ раненымъ туркомъ, чтобъ подать ему помощь. Раненый, выхвативъ безсознательно револьверъ, выстрѣлилъ Колюху въ грудь въ упоръ.

Война дѣло капризное. Не всегда удается сдѣлать большимъ отрядомъ то, что удается горсти смѣльчаковъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ— распорядительность и смѣлость офицеровъ и беззавѣтная храбрость солдатъ возвысили въ разгоряченномъ воображеніи непріятеля силы наши до пятнадцати тысячъ и предоставили намъ безъ боя города Айдосъ, Бургасъ, Ахіолу, Мисеврію и Сизополь съ весьма значительными продовольственными запасами и это, надобно замѣтить, тамъ, гдѣ даже послѣ перемирія мы имѣли стычку съ непріятелемъ и потеряли двухъ человѣкъ убитыми и одного раненымъ.

Записки
Лейбъ-гвардіи Казачьяго Офицера.

е мало прошло уже времени съ тѣхъ поръ какъ полкъ нашъ, лейбъ-гвардіи Казачій Его Величества, былъ двинутъ на театръ военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ очаровательныя картины давно прошедшаго невольно возстаютъ въ памяти. Никогда не забудемъ мы святыхъ моментовъ послѣдняго прощанія съ Государемъ Императоромъ; не забудемъ Его напутственныхъ словъ; не забудемъ наконецъ «послѣдняго прости» добрыхъ Питерцевъ. Эти моменты, рѣющіе какъ молнія, останутся лучшимъ и отраднымъ достояніемъ нашей жизни, прекраснѣйшимъ залогомъ и поддержкой къ осуществленію дорогихъ надеждъ, возложенныхъ на насъ Царемъ и Отечествомъ...

Покидая Петербургъ, мы не могли оторвать глазъ отъ рыдающей, взволнованной толпы.

Не забуду я восьмидесятилѣтняго слѣпаго старика-отца одного изъ моихъ товарищей... и тотъ приплелся и дрожащей рукой благословилъ сына.

Душу разрывающія стенанія раздавались все громче и громче, «да чего вы плачете? на кладбище что-ли везете?» такъ и хотѣлось имъ крикнуть всѣмъ. Но... сотни рукъ протягивались къ намъ, крестили и благословляли въ далекій и невѣдомый путь. Но вотъ поѣздъ тронулся и застонала толпа какъ одинъ человѣкъ. Слезы, крики восторга и радости, торжественный народный гимнъ—всеслилось въ глубоко прочувствованную неизъяснимую мелодію. Чью-же безмятежную душу не взволновало все это? Кто не рыдалъ изъ насъ въ этотъ священный

моментъ? Малютки и тѣ взлѣзали на заборы, махали рученками и радостно кричали вслѣдъ удаляющемуся поѣзду.

Все скрылось, все исчезло. Тоскливо блуждалъ глазъ и не находилъ того, чего искалъ. Да, родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, но теплымъ и отраднымъ воспоминаніемъ о милыхъ сердцу. Ихъ-то мы и покинули, ихъ-то и было жалко. Добрыхъ часа два никто изъ насъ не проронилъ ни слова и только внезапно раздавшаяся пѣсня:

Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ,
Насъ прославили отцы,
А Дунай еще поближе
Нуте-жъ съ Богомъ молодцы!

нарушила до толь мертвую тишину. Хоръ подхватилъ и какъ струя полилась родимая казачья пѣсня.

* * *

Но вотъ и мы въ пути. Грѣшно было-бы съ нашей стороны умолчать о пріемѣ, сдѣланномъ намъ въ Вильнѣ. Начальникъ края, генералъ-адъютантъ Альбединскій, прислалъ Виленскаго воинскаго начальника привѣтствовать насъ. Встрѣтили казаковъ по-русски и отъ имени начальника края угостили на славу. Всѣхъ-же офицеровъ, за два часа до отхода поѣзда, пригласили въ залу виленскаго вокзала, гдѣ былъ накрытъ столъ. За обѣдомъ присутствовали: губернаторъ, городской голова, военный прокуроръ и теплымъ задушевнымъ пожеланіямъ не было конца. Ровно въ девять часовъ пріѣхалъ начальникъ края и, принявъ рапортъ отъ командира полка, подошелъ къ выстроеннымъ казакамъ и пожелалъ имъ всякаго благополучія. Прощаясь со всѣми нами онъ добрымъ голосомъ сказалъ: «Христосъ со всѣми вами!»

Вообще сочувствіе народа къ казакамъ проявлялось иногда въ самыхъ рѣзкихъ, поражающихъ сценахъ. Такъ, на одной изъ станцій къ пѣсенникамъ подошелъ какой-то благообразный, пожилой человѣкъ. Онъ былъ видимо разстроенъ и пытливо оглядывалъ всѣхъ насъ. Затѣмъ съ лихорадочною поспѣшностью онъ началъ доставать деньги и одѣлять ими казаковъ. Лицо его прояснилось, онъ радостно взглянулъ на насъ и вдругъ неожиданно для всѣхъ горько-горько зарыдалъ.

— У васъ должно быть есть кто-нибудь изъ ближнихъ въ дѣйствующей арміи? сочувственно обратился къ нему одинъ изъ офицеровъ.

— Нѣтъ, я тамъ никого не имѣю, какъ-то странно отвѣтилъ незнакомецъ...

И всюду привѣтливо встрѣчалъ насъ народъ: снимая шапки, махалъ платками и низко, низко кланялся. Благодарствуемъ, родные, за хлѣбъ-соль, за привѣтъ и за ласку!...

Семь дней спустя мы подъѣзжали къ Плоэшти. Едва я успѣлъ вылѣзть изъ вагона, какъ въ рукахъ моихъ очутилась афиша, гласившая:

Плоэшти

Циркъ Жанъ Гаутеръ.

Большое представленіе.

Онѣ, великое лошадное училище. Препорученіе: лошадей, собаки, балетъ пантоминами.

и проч. и проч.

Два дня спустя я уже возсѣдалъ на скамейкѣ этого балагана и имѣлъ храбрость досидѣть до конца. Самый городишко такъ себѣ. Одно въ немъ дѣйствительно было хорошо—это обиліе садовъ и полисадниковъ, въ нихъ хоть купайся. Впрочемъ и по части живописи румыны тоже молодцы. Замѣчательно, что въ Плоэшти нѣтъ почти ни одной лавченки, стѣны которой не были бы разрисованы. Помню, я видѣлъ даже домъ, наружная стѣна котораго изображала цѣлую картину. Лавочные ряды на базарной площади нѣсколько смахиваютъ на нашъ знаменитый Апраксинъ: тоже запрашиваніе въ три-дорога, а затѣмъ быстрая уступка чуть не за полцѣны.

А все-таки, если-бы кто нибудь полюбопытствовалъ спросить у меня: ну что Плоэшти? Да ничего, отвѣтилъ-бы я,—жить можно.

* * *

1-го іюня Государь Императоръ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ изволили прибыть на мѣсто бивуачнаго расположенія полка и Государь, освѣдомившись о больныхъ, поздравилъ полкъ съ походомъ.

ПОХОДЪ.

2-го Іюня. Бивуакъ Чалпаны.

Весь вечеръ наканунѣ выступленія въ походъ я посвятилъ осмотру оружія. Окончивъ трудное дѣло и въ послѣдній разъ убѣдившись въ прочности ремней, я наскоро поужиналъ и легъ спать. И снится мнѣ давно прошедшее золотое время. Будто я мальчишка, да маленькій такой, и па улицѣ играю въ бабки. Конъ большой... ну какъ промахнусь... Эхъ, была ни была... пусти... «Что ты спишь? раздался въ эту минуту голосъ товарища, «дивизіонъ уже на коняхъ»!

Быстро одѣвшись, я выскочилъ изъ занимаемой конурки сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ фронту. Минуту спустя я услышалъ команду: «дивизіонъ на право. Шагомъ маршъ!»

Наконецъ-то насталъ день и часъ такъ давно ожидаемаго похода.

Было 6 часовъ утра. Солнышко уже стало подниматься. Чудная роскошная мѣстность тянулась по обѣимъ сторонамъ широкой дороги. Самоцвѣтною скатертью растянулось далеко, далеко необъятное поле. Казалось все, что было здѣсь, пріодѣлось въ лучшія праздничныя одежды: засѣянныя поля сверкали въ лучахъ восходящаго солнца золотистой, роскошной одеждой; цвѣты же являли группы волшебныхъ и сказочныхъ узоровъ. Только изрѣдка попадавшійся камышъ, какъ-бы сердясь на веселое щебетаніе рѣзвившихся пташекъ, сердито качалъ головками и, подъ шумъ весело проснувшейся природы, спѣвалъ свою тихую, ворчливую пѣсню. Богъ знаетъ гдѣ то далеко, далеко кричалъ перепѣлъ, звонко распѣвалъ жаворонокъ, а тамъ.... тонкой бѣлой струйкой изъ хатки взвивался бѣлой дымокъ и фантастическими узорами разстилался въ голубой лазури.... Боже мой, какъ легко и отрадно дышалось!

Пройдя половину перехода, мы спѣшились, чтобы дать роздыхъ измученнымъ лошадямъ. Командиръ полка, окинувъ взглядомъ стройно стоящій дивизіонъ, съ грустью промолвилъ: «что за чудное войско, какъ больно лишиться и одного изъ подобныхъ молодцовъ!» Въ первый же день выступленія, кивера были замѣнены бѣлыми фуражками съ козырьками и назатыльниками. Грянула музыка и мы снова двинулись въ путь. Но вотъ и село Чалпаны—предназначенный бувуакъ и стоянка въ лѣсу. Но едва мы успѣли разсѣдлать лошадей, какъ небо заволоклось тучами и дождь хватилъ, какъ изъ ведра. Но, несмотря на все это, всѣ офицеры собрались въ наскоро устроенный изъ вѣтвей шалашъ, въ минуту собравъ всѣхъ пѣсенниковъ и музыкантовъ. Кромѣ всѣхъ офицеровъ полка въ оригинальномъ пиршествѣ приняли участіе ѣхавшіе съ нами: военный французскій агентъ полковникъ г. Черногорскій, артиллерійскій офицеръ и ординарцы Великаго Князя Главнокомандующаго. Странствующій артистъ-музыкантъ снабдилъ насъ виномъ и пиръ пошелъ на славу. Но расходились знать не на шутку; душно стало въ шалашѣ. «Братцы!» крикнулъ кто-то: «вонъ изъ палатки! Пѣсенники—казачка!!» Князь С. и полковникъ М., молодецки заломивши промокшія фуражки, пустились въ присядку. При громкихъ рукоплесканіяхъ закончила пляску уставшая пара. Но тотчасъ ее замѣнила другая и снова дружно раздалась удалая, залихватская казачья пѣсня.... А въ 6 часовъ утра на другой день съ пѣснями и музыкой дивизіонъ двинулся снова въ походъ.

3-го Іюня. Бивуакъ близъ Бухареста.

Впродолженіи цѣлаго дня шелъ дождь, и мы медленно подвигались къ Бухаресту.

Въ два часа дня показался городъ, и, не доходя 3-хъ верстъ до города, мы разбили палатки. Помню, что отъ радости, въ виду предстоящей прогулки, мы затѣяли такую возню, что передрали другъ у друга рубашки, которыя и пожертвовали въ свой лазаретъ на бинты. Знать нѣтъ худа безъ добра. «Ура!» раздалось съ другаго конца, «братцы! обозъ пріѣхалъ», завопилъ кто-то не человѣческимъ голосомъ. Какъ школьники, бросились мы къ повозкѣ и въ минуту растащили чемоданы. Не прошло и получаса, какъ одѣтые во все новенькое, мы тревожно катили въ колраскахъ по парку. Масса экипажей съ прехорошенькими дамами шныряли взадъ и впередъ. А мы, съ любопытствомъ сѣверныхъ варваровъ, безъ церемоніи разглядывали красавицъ. Болѣе всего поразило насъ обиліе кабаковъ, возлѣ которыхъ разыгрывались иногда прекурьезныя сцены.

— Шти руманешти? спрашиваетъ у румына русскій солдатъ.

— Нушти—отвѣчаетъ тотъ.

— А шти русешти?

— Шти.

— Ну, такъ скажи, разлюбезный, гдѣ теперича ваше интендантское управленіе?...

Посѣтивъ чуть-ли не всѣ кафе-шантаны, мы, усталые и веселые, довольно поздно возвратились на бивуакъ.

4-го Іюня. Бивуакъ Пересечино.

Этотъ переходъ былъ развѣ замѣчателенъ только тѣмъ, что казаки бросились преслѣдовать выгнаннаго изъ лѣсу волка, впослѣдствіи оказавшагося собакой. Мѣстомъ бивуака было село Пересечино. Подъ вечеръ мы собрались въ палаткѣ командира, поболтать и напиться чайку. Но вскорѣ оживленная бесѣда была прервана появленіемъ запыленнаго курьера-офицера. На конвертѣ была надпись: «очень секретное». Мы поспѣшили выйти изъ палатки, тихо переспрашивая другъ друга о томъ, что могла заключать присланная съ такою поспѣшностью бумага. Отвѣта, понятно, не нашлось, и мы тихо разошлись по своимъ берлогамъ.

5-го Іюня. Копачъ.

Это былъ самый маленькій и легкій переходъ въ 18 верстъ и имѣлъ стоянку великолѣпный фруктовый садъ. Отъ нечего дѣлать, я пробрался въ другіе сады, и вскорѣ очутился въ бесѣдкѣ, густо обсаженной сросши-

мися деревьями. Посреди стоялъ столъ, на которомъ красовалась слѣдующая надпись:

„5-го іюня 1877 года.

Сюда проказницей судьбой
Заброшенъ я изъ странъ мороза,
Увижусь-ли когда съ тобой
Другая, сѣверная роза?“

Я оглянулъ бесѣдку. Въ самомъ темномъ углу, склонивъ на грудь голову, безмятежнымъ сномъ спалъ мой собратъ по оружію—авторъ должно полагать скорбныхъ строкъ.

Самый паркъ, гдѣ находилась бесѣдка, принадлежалъ какому-то румынскому вельможѣ, проживавшему постоянно въ Бухарестѣ. Среди сада красовался великолѣпный домъ, съ парадным входомъ, украшеннымъ всевозможными видами и цвѣтами. Внутренность помѣщеній, куда я проникъ по протекціи старичка-служителя, отличалась полною комфортабельностію. Лучшей картиной изъ всѣхъ висѣвшихъ по стѣнамъ, была «Die Erklärung», изображавшая влюбленную парочку. Подъ вечеръ передъ этимъ самымъ домомъ шелъ пиръ горой и казачки даже дали нѣсколько замѣчательныхъ представленій съ необычайной ловкостью и переодѣваніемъ, изображая лошадей, птицъ и обезьянъ.

Публика осталась въ восторгѣ.

6-го Іюня. Драгонешти.

Въ этотъ день жара стояла нестерпимая и мы съ трудомъ подвигались впередъ. Завидѣвъ не вдалекѣ нѣчто въ родѣ кабачка, мы бросились какъ сумашедшіе, желая какъ можно скорѣе утолить мучившую жажду. Однако, кромѣ мѣстнаго вина, вонючей рыбы и лубочной картины, изображавшей знаменитую аттаку лейбъ-казаковъ подъ Лейпцигомъ, Богъ ужъ знаетъ какъ попавшую сюда, мы не нашли ничего. Перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ, мы разбили палатки и на время укрылись отъ жара; а подъ вечеръ, какъ утки полоскались въ заплѣсневшемъ пруду. Пятаго и шестаго числа была дневка, а седьмаго въ 6 часовъ утра мы выступили къ Александріи, которой и достигли ровно въ 5 часовъ вечера. Это—городъ не городъ, деревня не деревня,—что-то среднее, вонючее и грязное. Отвратительный ресторанъ «Конкордія» составлялъ гордость и красу города. Намъ пришлось подыматься по узкой грязной лѣстницѣ, прежде чѣмъ достигнуть общей столовой. Общій видъ ея былъ невообразимый. Здѣсь же въ одномъ концѣ залы была устроена лубочная сцена для зимнихъ спектаклей. Кто могъ играть на подобныхъ подмосткахъ и что за публика бывала здѣсь?—для насъ осталось загадкой. Самый отчаянный трактиръ въ какомъ нибудь захолустьѣ на матушкѣ православной Русси былъ-бы во сто разъ лучше.

Но мы были до того проголодавшись, что не обращали вниманія на то, что поданное мороженное отзывалось масломъ, а жаркое несвойственнымъ ему запахомъ. Подъ вечеръ началъ накрапывать дождь, и мы какъ кроты полѣзли въ свои «палатки-убѣжища». 9-го мы сдѣлали послѣдній переходъ и прибыли на мѣсто Главной Квартиры. Весь роскошный лугъ покрылся бѣлыми палатками и въ моментъ запылали костры. Вправо отъ нашего бивуака, нѣсколько поодаль, было разбито нѣсколько большихъ палатокъ и столовая для Великаго Князя. Со дня на день ждали прибытія Главнокомандующаго, и только 11-го числа радостно привѣтствовали его появленіе.

* * *

Вскорѣ прибылъ Государь Императоръ, и съ вечера 14-го іюня 1-й лейбъ-эскадронъ получилъ приказаніе въ шесть часовъ утра на другой день выступить къ Дунаю противъ Никополя и тамъ, близъ кургана, ожидать прибытія Императора. Еще не доходя кургана, мы въ первый разъ услышали отдаленные орудійные выстрѣлы и, снявъ шапки, перекрестились. Вскорѣ прибылъ Государь Императоръ—и бомбардированіе началось. Долго еще не могъ я очнуться и все думалъ, что гляжу въ панораму. Широкой свѣтлой лентой извивался Дунай и, какъ змѣя, сверкалъ чешуей серебристой. Никополь, утонувшій въ зелени, словно улыбался. На самомъ курганѣ стояли: Государь Императоръ, *Его Высочество Наслѣдникъ* Цесаревичъ, Великій князь Николай Николаевичъ, военный министръ, генералъ Игнатьевъ, свита Государя и иностранные офицеры. Штандартъ Конвоя Его Величества стоялъ распущенный на горѣ; а за нимъ уже за горой — сводный почетный эскадронъ Его Величества, значекъ Главнокомандующаго и 1-й лейбъ-эскадронъ—конвой Главнокомандующаго. Государь Императоръ пробылъ на курганѣ до двухъ часовъ и затѣмъ изволилъ уѣхать въ Дроча. Мы-же получили приказаніе спуститься къ Дунаю и стать бивуакомъ у Чепурчени, дабы на слѣдующій день снова встрѣтить на горѣ Государя.

Къ счастію, нашлась у кого-то палатка и мы поспѣшили ее разбить. Стало смеркаться и нѣсколько человѣкъ офицеровъ верхомъ отправились въ Турно-Магурели, отстоящій отъ мѣста бивуачнаго расположенія въ какихъ нибудь трехъ верстахъ. Оставшіеся офицеры расползлись по деревнѣ, съ цѣлію поискать чего-нибудь съѣстнаго. Одному счастливцу удалось-таки отыскать тощую курицу и нѣсколько яицъ, что, конечно, не могло утолить голода всей компаніи. Но у одного казака, Богъ уже знаетъ какимъ образомъ, нашлось немного чаю и сахару. Заразъ все въ котелъ, вскипятили и, засѣвъ въ круговую, начали прихлебывать деревянными ложками. Тутъ возвратились ѣздившіе въ Турно-Магурели и привезли гостинецъ— осколки лопнувшихъ по близости гранатъ.

* * *

Ночь была безпокойная и орудія не умолкали ни на минуту. Ближайшая къ намъ батарея, такъ долго молчавшая, какъ на зло открыла огонь. Наша цѣпь имѣла связь и сообщеніе съ пѣхотой, и на правомъ флангѣ въ полной готовности стояла дежурная часть. Ровно въ двѣнадцать часовъ вдругъ раздалась страшная ружейная канонада, залпами и учащенная пальба изъ орудій. Мы бросились вонъ изъ палатки и стали прислушиваться.

— *Открыть* затворы!! раздался голосъ дежурнаго и... снова все *смолкло*. Небо заволоклось тучами и мѣсяцъ урывками освѣщалъ и нашъ бивуакъ и грозносверкавшій во тьмѣ Дунай. Было и хорошо и какъ-то жутко.

Мимо меня въ это время кто-то пробѣжалъ. Я окликнулъ. Оказался товарищъ.

— Куда?

— Туда, туда... узнать о причинѣ тревоги; хочешь—поѣдемъ, торопился онъ, спросись! Получивъ разрѣшеніе я наскоро одѣлся, вложилъ патроны въ револьверъ, сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ товарищемъ и четырьмя казаками крупною рысью поѣхалъ по направленію выстрѣловъ. Ружья у всѣхъ были заряжены и патронныя сумки растегнуты. Пропускъ въ эту ночь былъ—«Осколокъ».

Скоро заблестали огни въ Турно-Магурели и мы влетѣли въ городъ. Получивъ самые неудовлетворительные отвѣты, мы, выѣхавъ за городъ, круто повернули налѣво и поскакали прямо къ Дунаю. Вскорѣ мы обогнали армейскихъ казаковъ и, придержавъ лошадей, спросили гдѣ стрѣляютъ.

— А кто-же ее знаетъ, отвѣчали станичники, мы сами толку не добьемся... возьмемъ, ваше благородіе, налѣво... оттуда что-ль несетъ.

Мы послушались и взяли новое направленіе. И дѣйствительно, съ каждой минутой трескотня становилась все отчетливѣй и отчетливѣй. Ясно—мы приближались къ самой линіи стрѣлковъ. Все ближе и ближе подвигались мы... все сильнѣй и сильнѣй стучало сердце въ груди. Вотъ... блеснулъ огонекъ... другой и кривая огненная линія полыхнула шагахъ въ пятидесяти... Залпъ!! мы были у цѣпи!

Темь хоть глазъ выколи. Конь фыркнулъ и остановился.

— Ваше благородіе, крикнулъ казакъ, да никакъ въ самый Дунай попали.

— Ври.

— Вѣрное слово.

Я ударилъ лошадь нагайкой и та, рванувшись впередъ, заматалась.

Казакъ сказалъ правду—мы очутились въ трясникѣ. А подъ носомъ все шла перестрѣлка и добраться до нея не было никакой возможности.

Мы подались назадъ и круто повернули налѣво. Въ этомъ направленіи должна была быть магурелевская батарея, и мы рѣшились не сворачивать съ разъ принятаго направленія.

— А ужъ мы къ туркѣ попадемъ, осклабился казакъ,—примутъ!

Не прошло и полчаса томительнаго ожиданія, какъ мы совершенно неожиданно наткнулись на роту Пензенскаго полка, шедшую на работы. Отъ нихъ намъ удалось узнать слѣдующее: Тамбовская батарея выпустила во весь день 350 снарядовъ, подбивъ самую лучшую дальнобойную турецкую батарею, чѣмъ и принудила ее преждевременно смолкнуть. Магурелевская батарея стрѣляла впродолженіи всей ночи изъ двадцатичетырехъ фунтовыхъ орудій и имѣла легкія порчи. Трескотню, переполошившую всѣхъ, произвели румыны, находившіеся вмѣстѣ съ орудіями на островѣ р. Ольты и демонстрирующіе съ огнемъ магурелевской батареи спускъ къ Турну ста-пятидесяти лодокъ, понтоновъ и плотовъ.

Такимъ образомъ, узнавъ обо всемъ случившемся въ эту грозную ночь, мы пустились въ обратный путь, захвативъ неразорвавшуюся турецкую гранату. Солнышко уже стало подыматься, когда мы одновременно съ эскадрономъ стали приближаться къ кургану. Доложивъ обо всемъ командиру полка, мы втихомолку втащили гранату на курганъ. Вскорѣ прибылъ Государь Императоръ и, увидѣвъ снарядъ, полюбопытствовалъ узнать откуда достали.

— Съ Турно, казачій разъѣздъ привезъ, Ваше Императорское Величество, отвѣтилъ командиръ.

— А разряжена она? съ безпокойствомъ спросилъ Главнокомандующій.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество, отвѣтилъ привезшій гранату офицеръ.

— Ну такъ, братъ, убери ее, сказалъ засмѣявшись Главнокомандующій. Бѣдный офицеръ смутился.

— Ничего, улыбнулся Императоръ, пусть лежитъ, ничего.

Но Великій Князь сталъ упрашивать Государя позволить отнести ее хоть немного подальше.

— Ну неси, весело сказалъ Государь, да смотри носкомъ поставь на землю.

— Слушаю, Ваше Величество, проговорилъ офицеръ и, взявъ бережно гранату, понесъ ее въ сторону. Отойдя шаговъ на сто и, не предполагая, что Государь Императоръ слѣдитъ за нимъ, опустилъ ее на землю, снялъ фуражку и самымъ вѣжливымъ образомъ началъ раскланиваться съ ней. Государь, видѣвшій всю эту комическую сцену, невольно расхохотался. Счастливо, думали мы, начался день, дай Господи удачи въ этотъ рѣшительный день готовящейся переправы. Въ этотъ день Государь Императоръ былъ необыкновенно веселъ, что̀ и сообщилось всѣмъ.

— Я сегодня, началъ Государь, нарочно надѣлъ крестъ св. Георгія покойнаго Государя Александра Павловича. Онъ счастливый, при немъ всегда одерживались побѣды.

Въ успѣхѣ мы болѣе не сомнѣвались, и полная, радостная надежда вселилась въ грудь каждаго.

* * *

За курганомъ въ пятидесяти шагахъ стояла карета, къ которой былъ проведенъ отсюду телеграфъ. На козлахъ сидѣлъ Главнокомандующій, окруженный множествомъ генераловъ и офицеровъ. А на курганѣ сидѣлъ Государь Императоръ и глядѣлъ въ подзорную трубу. Но вотъ получается телеграмма, что 14-я дивизія и 9-й полкъ благополучно переправились на вражій берегъ. Государь быстро сошелъ съ кургана и, выслушавъ радостное извѣстіе, со слезами на глазахъ обнялъ брата. Пробывъ еще съ часъ времени, Императоръ изволилъ отправиться въ Драча, куда за нимъ послѣдовали и мы. Но едва мы успѣли слѣзть съ лошадей, какъ раздалось громкое «ура!» и вслѣдъ за тѣмъ крикъ: «всѣхъ на линію!» Въ моментъ дивизіонъ выстроился, и офицеры стали на правый флангъ. Вскорѣ показался Государь Императоръ и Великій Князь, у котораго на шеѣ блестѣлъ Георгіевскій крестъ. Императоръ приблизился къ фронту и громко произнесъ:

— Съ побѣдой, братцы!

Шапки полетѣли вверхъ и долгое, громовое «ура!» огласило воздухъ. Затѣмъ всѣ бросились за Государемъ, который направился къ палаткѣ Главнокомандующаго. Государь съ Великимъ Княземъ вошелъ въ кругъ и глубоко растроганнымъ голосомъ началъ:

— Съ малолѣтства сроднившись съ арміей, я не вытерпѣлъ и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ вами труды и радости. Я радъ, что хоть частичкѣ моей гвардіи досталось трудное дѣло и она геройски исполнила его. Дай Богъ, чтобы и всегда такъ было! сказавъ эти слова Государь обнялъ Великаго Князя.

Затѣмъ Государь Императоръ подошелъ къ Терцамъ, которые встрѣтили Его слѣдующей пѣсней:

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья.
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Бусурманина врага.

Тамъ далеко за Балканы
Русскій много разъ шагалъ,
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры, славу добывать,

Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отецъ державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда;

Какъ онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите, сказалъ, брата,
Будьте каждый молодцомъ.

Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,—
Дѣдовъ славы не срамить".

Государь, прослушавъ пѣсню, обратился къ своему конвою съ слѣдующими словами.

— А знаете ли вы, какъ отличились Сунженцы на Кавказѣ? Поздравляю васъ, и, снявъ фуражку, Императоръ воскликнулъ: ура! нашимъ братьямъ-кавказцамъ!

«Ура!!» загремѣло снова по рядамъ. Послѣ этого Государь Императоръ вошелъ во внутреніи покои.

Шестнадцатаго іюня, въ семь часовъ утра, мы двинулись къ Зимницѣ. Во всю дорогу жара и пыль были нестерпимыя. Отойдя двадцать верстъ, мы увидѣли на полянѣ бѣлыя кибитки, оказавшіяся еще пустымъ подвижнымъ лазаретомъ. Но вотъ показался обозъ съ ранеными, съ которымъ мы скоро поравнялись. Большею частью были ранены въ руки и ноги.

— Во что раненъ, голубчикъ? обратился я къ одному.

— Въ ногу, ваше благородіе.

— Ну что, ничего?

— Да, ничего, ваше благородіе.

— Будь здоровъ, поправляйся.

— Покорно благодарю. Дай вамъ Господь Богъ, пожелалъ добрый солдатъ.

Но одинъ совсѣмъ не похожъ былъ на раненаго и все скалилъ зубы.

— А ты что?

— Ничего.

— Раненъ?

— А-во, и, приподнявъ рубашку, онъ указалъ на свѣжую, еще сочившуюся рану.

Исполать тебѣ могучая русская сила. Да пошлетъ тебѣ Богъ силы и терпѣнія!

Пройдя еще верстъ десять, мы нагнали 33-ю пѣхотную дивизію и были поражены тѣмъ, что солдаты, сдѣлавъ такой страшный переходъ, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Бѣдный деньщикъ, несшій ружье и тащившій на длинной веревкѣ еле двигающуюся собаку, только отплевывался отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ остротъ. Ни жаръ, ни голодъ, ни утомленіе, ни что не дѣйствовало на русскаго богатыря. Идетъ себѣ да посмѣивается, и какъ игрушку перекидываетъ ружье съ плеча на плечо. Но вотъ и Зимницы. Наконецъ то дошли. Скорѣе къ раненымъ! Я вошелъ въ палатку и... собственное я стушевалось. Леденящій ужасъ охватилъ все мое существо. Стоны изувѣченныхъ и истерзанныхъ раненыхъ и весь видъ адской физической боли поразилъ меня какъ бы смертельнымъ ядомъ. Все слышанное и читанное о войнѣ не даетъ никакого понятія о томъ, что представляетъ сама дѣйствительность. Я подошелъ къ раненому, у котораго изъ прорубленной головы торчала какая-то безобразная масса. Милосердная сестра прикладывала ледъ. Онъ судорожно схватывалъ ее за руки и, качая ее какъ бы въ забытьи, приговаривалъ: «Маша! Маша! нарви мнѣ цвѣтовъ,» и горько, горько рыдалъ. Я не утерпѣлъ и спросилъ:

— Что вы чувствуете?

— Приближеніе смерти, отвѣтилъ онъ и поблѣднѣвши устами началъ шептать молитву.

Съ грустью я отошелъ отъ него и подошелъ къ сѣдому, какъ лунь, капитану. Онъ слабо стоналъ и на лицѣ его просвѣчивалась невыразимая смертельная тоска. Безъ словъ я понялъ, что съ большой семьею разлучался на вѣки старикъ. Не имѣя болѣе силъ переносить все это и страдая не менѣе раненыхъ, я вышелъ изъ палатки. Въ это время молдованскій священникъ шелъ впереди печальной похоронной процессіи. Несли четырехъ убитыхъ на полѣ чести воиновъ. Они были обернуты бѣлыми покрывалами и свѣжая кровь сочилась сквозь нихъ. Обнаженныя восковыя ноги торчали ничѣмъ не покрытыя. Гробовъ не было, да на всѣхъ и не напасешься, несли на носилкахъ. Какъ то странно однозвучно раздавалось, какъ бы среди уснувшей природы, монотонное, тихое пѣніе священника. Провожатыхъ не было. Только служитель алтаря, да членъ «Краснаго Креста» брели за носилками. Я снялъ шапку и началъ усердно креститься. Помяни, Господи, души ихъ!...

17-го іюня за городомъ на курганѣ происходило молебствіе. Кругомъ стояли войска и пѣвчіе были сами офицеры. Государь Императоръ, а за Нимъ и всѣ войска, преклонивъ колѣна, молили Господа о дарованіи по-

бѣды. Послѣ молебна самъ Государь Императоръ раздавалъ кресты, обнимая и цѣлуя каждаго. Когда же награды были розданы, то награжденные стали на вершинѣ кургана, и всѣ бывшія здѣсь войска взяли имъ на караулъ, а музыка и громкое «ура»—потрясли воздухъ. Послѣ этого Государь объѣхалъ войска и, остановившись передъ сводныMъ полуэкскадрономъ и дивизіономъ лейбъ-казаковъ, сказалъ:

«Я надѣюсь, что и вы исполните также свой долгъ когда придетъ вамъ чередъ». Мы отвѣтили восторженнымъ крикомъ.

Въ тотъ же день войскамъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ отъ 17-го іюня:

«Войска ввѣренной мнѣ арміи! Самое трудное дѣло предстоящей кампаніи: переходъ чрезъ Дунай—совершено блистательно въ Галацѣ, Браиловѣ и Систовѣ. Тамъ и здѣсь войска, бывшія въ дѣлѣ, вели себя по истинѣ геройски. Ни казавшіяся непреодолимыми препятствія природы, ни громадныя средства обороны врага, ни его упорное сопротивленіе не остановили васъ. Вы побороли все и явились достойными тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагаетъ на васъ обожаемый нашъ Монархъ, а съ нимъ и вся Россія. Рядомъ съ непобѣдимымъ мужествомъ войскъ, одолѣвшихъ штыкомъ и пулею врага, не меньшее геройство и самоотверженіе выказано было всѣми чинами и частямя войскъ, подготовившими средства для переправы. Моряки, саперы и казаки, пѣхота, артиллерія и кавалерія на перерывъ другъ предъ другомъ работали безъ устали надъ подготовкою лодокъ, плотовъ, надъ проводомъ ихъ подъ огнемъ непріятельской крѣпости къ мѣсту переправы, надъ ослабленіемъ непріятельской артиллеріи.

«Моряки съ самыми скудными средствами на утлыхъ ладьяхъ борются съ мониторами, взрываютъ ихъ или заграждаютъ минами и дѣлаютъ ихъ безвредными.

«Не могу нахвалиться добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣми чинами своего долга, а равно мужествомъ и безстрашіемъ, съ которыми войска бились съ врагомъ.

Не моимъ заслугамъ, а вашему самоотверженію и мужеству приписываю я награду ордена Св. Георгія 2-й степени, которымъ Государь Императоръ удостоилъ меня пожаловать. Не я, а вы заслужили эту награду.

Сердечное спасибо мое всѣмъ отъ старшихъ начальниковъ до рядоваго.

Продолжайте же работать и напередъ такъ, какъ начали, и мы исполнимъ то святое дѣло, на которое послалъ насъ Царь и за успѣхъ котораго молится вся Россія».

Въ тотъ же вечеръ мнѣ удалось узнать отъ нѣкоего Григорія Гончарова не безъинтересныя подробности о переправѣ. Во-первыхъ, вотъ фактъ, который врядъ-ли до сихъ поръ былъ кому-нибудь извѣстенъ. А именно, что нѣкій болгаринъ Дмитрій Вопуръ вмѣстѣ съ своими двумя родствен-

никами въ первый моментъ переправы благополучно доставилъ и высадилъ на вражій берегъ 30 человѣкъ солдатъ второй горной батареи вмѣстѣ съ бомбардиромъ Гончаровымъ.

Послѣдній просто удивлялся искусству и храбрости, съ какою молодцы, не обращая вниманія на сыпавшіеся снаряды, направляли лодки.

Постараюсь возможно обстоятельнѣе и точнѣе передать то, что повѣдалъ мнѣ бомбардиръ. Если эти безспорно важныя подробности уже извѣстны, то тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ ихъ можно сравнить съ имѣющимися и свести концы съ концами. Если же онѣ неизвѣстны, то тѣмъ болѣе будутъ интересны для публики и полезны для составителей исторіи войны.

Какъ извѣстно, въ моментъ переправы лодки не могли быть всѣ на одной линіи—однѣ были впереди, другія—позади. Первыми лодками, достигшими берега, были двѣ лодки съ Волынцами, каждая по пятидесяти человѣкъ, и были отброшены. Вслѣдъ за ними шла третья лодка съ тѣмъ же числомъ Волынцевъ, которымъ и удалось причалить. Офицеръ, бывшій на ней и увидѣвшій вслѣдъ за собой плывущую лодку съ гвардейцами, крикнулъ: «Высаживайтесь скорѣй, а то мы пропадемъ». Гвардейцы поворотили назадъ и, причаливъ къ тому же мѣсту, быстро высадились и, съ крикомъ «ура», бросились впередъ. Въ тотъ же моментъ причалила еще лодка съ двумя орудіями 2-й горной батареи. Но лошади едва стали на берегъ, какъ загрузли. Солдаты бросились къ орудіямъ и едва вынесли ихъ на плечахъ, какъ съ ужасомъ замѣтили, что турки несутся на нихъ съ крикомъ «алла»! Долго не думая они спустили ихъ съ плечъ и хватили картечью на встрѣчу. Знать ловко пришлось — турки отступили. Вскорѣ къ двумъ орудіямъ причалили еще четыре,—гвардейцы же были за холмомъ. Лишь только турки отступили, какъ всѣ шесть орудій быстро выѣхали на позицію, а Волынскій полкъ вмѣстѣ съ гвардейцами, выскочивъ изъ-за бугра, внезапно напали на турокъ. Батарея не дремала и, черезъ головы своихъ, открыла пальбу гранатами. Успѣхъ былъ полный и быстрый — турки отступили. Въ то-же самое время два непріятельскія орудія, стрѣлявшія изъ Систова по двигающимся лодкамъ, направили огонь на нашу батарею. Первый пущенный снарядъ перелетѣлъ. Батарея во время передвинулась влѣво и стала на перевалъ. Второй снарядъ угодилъ какъ разъ на старое мѣсто батареи,—но было уже поздно. Снова непріятельскія жерла повернули къ Дунаю. При послѣднемъ моментѣ драмы, непріятельская кавалерія подошла къ своимъ орудіямъ, а прислуга при нашихъ бросилась къ постройкѣ новой батареи. Въ ту-же минуту показалась наша пѣхота, и турки, заклепавъ орудія, бросили ихъ въ Дунай, а сами обратились въ полное бѣгство.

Холмъ, на которомъ такъ молодецки дрались гвардейцы, былъ всѣми, начиная съ Драгомирова до послѣдняго солдата, названъ «гвардейскимъ». И было за что: какъ львы дрались они и по себѣ оставили громкую, неувя-

даемую славу! Если-бы я былъ художникомъ, я непремѣнно нарисовалъ бы ту картину, которая поразила всѣхъ, кто осматривалъ тотчасъ поле битвы.

На землѣ, среди разбросанныхъ труповъ, размѣтавши руки, лежитъ турецкій офицеръ. А надъ нимъ, нѣсколько наклонившись, стоитъ великанъ-гвардеецъ, всѣмъ корпусомъ налегшій на прикладъ ружья, полштыка отъ котораго всажено въ грудь басурмана. Помертвелыя очи спящаго все еще грозно глядятъ на врага.

Новое наше мѣстожительство, конечно временное, было Зимницы, признаться, мало чѣмъ отличающіеся отъ большой безолаберно-раскинутой деревни. Да и въ самомъ дѣлѣ группа разбросанныхъ въ безпорядкѣ разношерстныхъ домовъ, два, три тощихъ чахоточныхъ деревца, оврагъ, перерѣзывающій городъ на двѣ части или вѣрнѣе отдѣляющій массу въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъ простыхъ совсѣмъ хиженъ отъ трактировъ и кабаковъ, врядъ-ли напоминали городъ. Но какъ-бы то ни было, а мы скоро свыклись съ грустной обстановкой и окончательно примирились съ своимъ новымъ положеніемъ. Дома, по обыкновенію, не сидѣли и съ утра до поздняго вечера слонялись изъ угла въ уголъ. Собираемся, бывало, у порога какой-нибудь кешты, самоваръ вытащимъ, достанемъ какой-то вонючей копченой рыбы подъ названіемъ чируса и балакаемъ покуда солнышко не спрячется, а тамъ—въ хату, да и за карты. Ну и не безъ того, чтобы новостями дня не подѣлиться.

— Слыхалъ новость?

— Какую?

— Въ Зимницы Пати пріѣхала?

— Болгарская?

— Нѣтъ, братцы, чистокровная русская.

— Съ позволенія сказать оберъ-маркитанша Марья Ивановна. Здравствуйте, говорю я, г-жа Пати. Я, говоритъ, не Пати, а Марья Ивановна. Не хотите-ли чашечку кофе?

— Премного благодаренъ, г-жа Пати, пожалуйте. Марья Ивановна, улыбнулась она и снова меня поправила. Тутъ, братцы... грѣшный человѣкъ—не выдержалъ. Размилѣйшая, чуть ни Марьюшка, брякнулъ я; да вы знаете, что вы для насъ ангелъ.—За что-же, помилуйте, Богъ васъ накажетъ; еще кѣмъ назовете, застыдилась Марья Ивановна. Мнѣ вотъ и то не въ домекъ, какая это Пати. Успокойтесь, говорю, сударыня, это первѣющая пѣвица въ свѣтѣ и для насъ по голосу вы схожи.

— А-а, протянула маркитанша и успокоилась. Мы курицу Пати зовемъ, выпалилъ я, какъ изъ пушки. Она вопросительно взглянула на меня.—Не похожа что-то я на курицу, совсѣмъ разобидѣлась Марья Ивановна и отвернулась. Эхъ, сударыня, говорю я, иносказательно понимать должны-съ; сами подумайте, коли въ два дня соринки опричь куска рогатъ-лукума не

было, такъ стало любую лошадь на скачкѣ обгонишь и волей-не волей къ крику курицы станешь неравнодушенъ. Смѣется...

— Да ты, братъ, чего околесину плетешь, замѣтилъ ему одинъ изъ сидѣвшихъ.

— Околесину? обидѣлся ораторъ.

— Хотите пойдемъ, — познакомлю; табельдотъ содержитъ — будетъ рада, да и вы не меньше: по крайности на русскую женщину посмотрите.

Сговорились на другой день пойти общимъ кагалтомъ.

Бѣдная маркитанша—она положительно не знала, что ей дѣлать; на нее смотрѣли какъ на какое-то чудо.

— Дождались, орали мы какъ оглашенные.

— Да цытьте, вопила добрая хозяйка, аль съ роду не видѣли нашего брата.

— Не видѣли, огрызнулась компанія.

— Ты теперь наша, кричалъ недавній ораторъ.

— Вѣдь вотъ оглашенные, ворчала Марья Ивановна. Ѣсть-ка лучше садитесь щецъ россійскихъ.

— Идетъ, крикнули всѣ и шумно стали усаживаться вокругъ простаго стола кто на бочкѣ, кто на доскѣ, а то и прямо на землѣ подъ полузгнившимъ навѣсомъ болгаркой избушки.

Почтенная толстуха сіяла при этомъ, какъ весеннее солнышко.

Такимъ образомъ тихо, незамѣтно текла наша жизнь въ ожиданіи грядущихъ страшныхъ дѣлъ за Дунаемъ. Но вотъ пріѣхалъ Государь Императоръ, раздались звуки боевой музыки и все какъ отъ сна встрепенулось. Не проходило дня, чтобы Государь не пріѣзжалъ на мѣсто бивуачнаго расположенія своего конвоя и насъ—конвоя Великаго Князя—и подолгу ласково говаривалъ съ нами. Обыкновенно по крику «всѣхъ на линію» быстро выбѣгали за оврагъ и, выстроивъ фронтъ, искренне-радостнымъ «ура!» привѣтсвовали возлюбленнаго Монарха. Но болѣе всего Императоръ любилъ ходить въ лазаретъ Ржевскаго отряда, гдѣ, при видѣ раненыхъ, при видѣ ихъ невѣроятныхъ, не человѣческихъ мученій, ужасно страдалъ. Но были для Царя и свѣтлые дни — дни блистательно одержанныхъ побѣдъ. Никогда не забуду я той глубокой радости добраго Монарха, когда гвардейская полу-рота, славно отличившаяся при переправѣ, съ барабаннымъ боемъ торжественно шла по городу. Большинство изъ насъ, какъ уличные мальчишки, сопровождали полу-роту, съ любопытствомъ заглядывая въ лица людей, такъ недавно смѣло смотрѣвшихъ въ глаза ужасной смерти.

Эхъ, когда-то намъ придется, съ завистью думали мы. Да и какъ было не думать—скучновато становилось; службы не было никакой, кромѣ назначенія на переправу, да и тамъ пробыть двадцать-четыре часа хуже я ужъ не знаю чего. Сидишь себѣ бывало у маленькой тутъ-же разбитой па-

латки, да и слушаешь воркотню тысячей собравшихся возницъ. Безконечный рядъ повозокъ, орудій, лошадей, гремя колесами и цѣпями, съ какою-то мрачною торжественностью двигается по мосту, медленно подымается на противоположный крутой берегъ и... исчезаетъ съ глазъ за первымъ гребнемъ. Какъ-то разъ съ девятнадцатаго на двадцатое я провелъ ночь на Дунаѣ. Скука смертельная. Лежишь себѣ на матушкѣ сырой землѣ съ сѣдельной подушкой въ изголовьи, да безцѣльно глядишь на грязное сломанное колесо. Въ томъ кажется и время проходило.

— Казака раненаго везутъ, вдругъ раздалось у самой палатки. Я вышелъ. Медленно двигалась воловая телега, въ ней лежалъ рослый казакъ и спокойно глядѣлъ на небо. Впереди и позади шло по станичнику. Я догналъ возокъ и пошелъ рядомъ.

— Какого, голубчикъ, полка?

— Бакланова № 23, тихо отвѣтилъ казакъ.

— А во что раненъ?

— Въ ногу, въ самое колѣно и опасно мѣсто, в. б—діе, всю кость раздробило.

— А съ кѣмъ вы дрались? полюбопытствовалъ я.

— Да все съ этими... съ баши-бузуками. Поѣхали въ разъѣздъ, ну и вскорости запримѣтили черкесъ...

— А далеко отъ Дуная?

— Никакъ нѣтъ; съ верстъ двадцать-пять... ну ѣдемъ себѣ по маленьку, глядь стоитъ у дерева кучка человѣкъ въ тринадцать, мы на нихъ, они тягу; ну одного свалили, пуль десять влепили,—барахтается діаволъ; въ голову ударили, тогда только померъ. Ну да ужъ живучь-же, в. б—діе, просто дѣло не понятное.

— Ну, Господь съ тобой, пожелалъ я отъ души казаку, выздоравливай, на родину тихій Донъ вмѣстѣ поѣдемъ.

Казакъ только вздохнулъ—плоха была надежда.

Насталъ вечеръ; вѣстовой принесъ мнѣ на ужинъ краюху хлѣба, да кусокъ сала.

— Покушайте, в. б—діе, больше нѣтъ ничего. Я поблагодарилъ и за то. Поужинавъ чѣмъ Богъ послалъ, я завалился спать. Мгновенно черная мрачная дѣйствительность исчезла, какъ ненавистный призракъ. Воскресли давно забытые милые образы. Но *долгая*, напрасная и горькая мечта!!..

— Ваше благородіе, а ваше благородіе?.. раздалось внезапно надъ моимъ ухомъ.

— Кто тамъ? спросилъ я съ просонокъ.

— Жандармъ.

— Да что тебѣ нужно?

— А вотъ извольте прочесть.

Беру и читаю: «всепокорнѣйше прошу васъ похоронить выброшенные около вашего расположенія трупы».

— Какой тутъ сонъ!?...

Я всталъ, одѣлся и, исполнивъ приказаніе, возвратился въ свою берлогу; но не легъ, а усѣлся почти у самаго Дуная и вступилъ въ бесѣду съ старожилами.

— Ну что чай скучно, братцы?

— Да что-жъ подѣлаешь не весело. Допрежь, какъ казаки забавляли, не въ примѣръ было веселѣе.

— Какъ забавляли? полюбопытствовалъ я.

— Да такъ, в. б—іе,—понадѣлаютъ изъ вербы плотовъ, чучелъ понаставятъ, да по Дунаю и пустятъ; ну за разъ Дунай и загорится, значитъ турки запримѣтили. Сказываютъ, только не знаемъ правда аль нѣтъ, альтикрическое солнце зажигаютъ. Ну потомъ дурки по льду откроютъ, а намъ и на руку.

— Ваше благородіе, а ваше благородіе? возопилъ разсказщикъ.

— Что тебѣ?

— Одолжите папиросочку, ей Богу два дня вся махорка вышла—просто нѣтъ силъ терпѣнья.

Я засмѣялся и, вынувъ деревянный портъ-сигаръ, снабдилъ его папиросами.

— Дай вамъ Богъ здоровья, чуть не прослезился солдатикъ, — съ этимъ только и живешь, а то хоть пропадай; благодаримъ покорно.

Долго я еще бесѣдовалъ съ добрыми солдатиками и только въ двѣнадцать часовъ побрелъ въ свою укромную берлогу.

Въ девять часовъ утра на другой день я былъ смѣненъ товарищемъ Л., которому въ знакъ своей искренной благодарности хотѣлъ передать остатокъ скуднаго ужина. Но сдѣлать этого мнѣ не удалось, ибо внезапно раздался крикъ: «всѣхъ на линію!» Сунувъ поспѣшно сало въ карманъ, я добѣжалъ до выстроившагося полуэскадрона и сталъ на правый флангъ. Государь Императоръ съ блестящей свитой подъѣхалъ къ мосту и ласково поздоровался съ нами. Минуту спустя Онъ направился чрезъ мостъ въ Систовъ, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ и всѣмъ населеніемъ города.

Боже Русскаго Царя храни.
Даруй Ему побѣду надъ врагами.
Силой небесной Его осѣни.
Боже! Царя православнаго храни.
Многое! многое! лѣто!

восторженно пѣли болгары.

На другой день я отправился навѣстить больныхъ и, поздоровавшись съ однимъ тяжело раненнымъ солдатикомъ, былъ озадаченъ слѣдующимъ вопросомъ: «А что, в. б., войска все переправляются, да переправляются,

а турокъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Ну ужъ попадись только намъ,—мы бы имъ конфетами глаза засыпали-бы!» Мнѣ оставалось только глубоко удивляться такому странному присутствію духа почти передъ ежеминутно-грозящею смертью. Я подошелъ къ Житомирцу, на бѣлой рубашкѣ котораго блестѣлъ Георгіевскій крестъ. «За какое дѣло получилъ?» обратился я къ солдату. «Да за много, в. б.! Богъ помогъ турокъ побить, а пуля только оцарапала». «А ротный твой что получилъ»? «Мученическій венецъ—убитъ!» Коротко и просто.

Вскорѣ въ госпиталь внесли двухъ совершенно изуродованныхъ болгаръ; на головѣ у старика былъ вырубленъ баши-бузуками глубокій православный крестъ.

Двадцать третьяго іюня, послѣ нечеловѣческихъ страданій, онъ наконецъ скончался и былъ перенесенъ въ притворъ старинной единственной церкви.

Невозможно было безъ слезъ глядѣть на его жену, отчаянные вопли которой раздирали душу. Въ изголовьи гроба стояла глинянная кружка и каждый изъ насъ спѣшилъ помочь несчастному осиротѣвшему семейству.

Подъ вечеръ этого сумрачнаго дня хоронили Тюрберта—офицера гвардейской (пѣшей) артиллеріи, утонувшаго при переправѣ чрезъ Дунай.

Печально раздались среди тишины погребальные звуки музыки и процессія медленно стала подвигаться къ старинной церкви.

Въ это время Государь Императоръ обѣдалъ и, услыхавъ печальные звуки похоронъ, быстро всталъ изъ за стола и, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, пошелъ за гробомъ.

Передъ церковнымъ дворикомъ уже стояла музыка и караулъ сводной гвардейской роты; а въ самомъ дворѣ—съ лѣвой стороны отъ входа—караулъ отъ своднаго баталіона конвоя Главнокомандующаго.

При отпѣваніи тѣла присутствовали: Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья, Великій Князь Главнокомандующій съ сыномъ, два Принца Гесенскихъ, Генералитетъ и свита.

Императоръ, не обращая вниманія ни на страшный сквозной вѣтеръ, ни на удушливый зловонный воздухъ, достоялъ до самаго окончанія литіи. Онъ самъ показалъ какъ надо опускать гробъ и первый, взявъ лопату, со слезами на глазахъ, бросилъ землю въ могилу.

Въ самый моментъ опусканія гроба, музыка заиграла: «Коль славенъ.....,» а войска взяли на караулъ.

Послѣ похоронъ Государь отправился къ Себѣ и былъ задержанъ на дворѣ приведенными плѣнными турками.

Послѣ непродолжительнаго разговора черезъ переводчика Императоръ съ Свѣтлѣйшимъ Суворовымъ начали раздавать туркамъ папиросы.

Послѣдніе до того были въ восторгѣ, что въ знакъ своей искренней благодарности пожелали Государю хорошо поѣсть.

Императоръ разсмѣялся и совершенно весёлый вошелъ во внутренніе покои.

Не знаю самъ почему, но въ этотъ вечеръ «заря», какъ и всегда торжественная, показалась мнѣ еще болѣе торжественною.

На ветхомъ балконѣ укромной бѣдной хатки, какъ разъ у самаго обрыва къ Дунаю, сидѣлъ я въ этотъ вечеръ и подъ странные, смѣшанные звуки трубъ и барабановъ думалъ думу горькую: О! Еслибъ я могъ вѣрно и полно начертать картину торжественной вечерней зари, и во всѣхъ деталяхъ изобразить ту поэтическую мѣстность, среди которой я находился, передать со всею точностію жгучіе мучившіе меня въ то время вопросы; но.... что-жъ дѣлать, когда чувствуешь, что силъ не хватаетъ...

Вокругъ было такъ славно и тихо, несмотря и на то, что набѣгавшія Богъ вѣсть отъ куда тучки закрывали какъ бриліанты горѣвшія звѣзды, а случайно, воровски, прорвавшійся лунный лучъ чудно серебрилъ точно уснувшую рѣку;—гдѣ-то далеко на Дунаѣ мелькали огоньки быстро плывущихъ лодокъ. Но, чу—заря. Гдѣ то раздалась.... первая труба, ударилъ барабанъ, еще труба—и звуки перемѣшались.... затѣмъ все снова стихло.... и вотъ среди всеобщей какъ-бы сплошной тишины послышались тихіе звуки молитвы и какъ бы вторя имъ запѣлъ и хоръ. Но вотъ и онъ умолкъ и оживилось все. Раздался вслѣдъ затѣмъ торжественный народный гимнъ, которому вдругъ дерзко стала вторить Богъ вѣсть отъ куда раздавшаяся пѣсня *).

Гой Дунай, ты Дунай,
Ты широкій Дунай,
Принимай ты Дунай
Насъ въ родимый твой край.

Мы съ дарами въ тебѣ,
Нашъ родимый Дунай,
Со Урала рѣки,
Дона, Волги, Днѣпра.

Терекъ шлетъ свой поклонъ,
А Кубань свой привѣтъ.
Ты скажи намъ, Дунай,
Ты держи намъ отвѣтъ.

Хочешь ли ты, Дунай,
Быть свободной рѣкой,
Какъ мы, дѣти Руси,
Православной, святой? и т. д.
. . . .

---

*) Эта пѣсня сочинена однимъ изъ офицеровъ конвоя Государя Императора.

Тяжело мнѣ вдругъ стало, я накинулъ кожанное пальто и побрелъ на сходку.

— Что новаго, братцы? поздоровавшись спросилъ я у товарищей.—Да ничего, нехотя отвѣтилъ М. Сегодня офицеры, назначенные къ Наслѣднику Цесаревичу въ Рущукскій отрядъ, приходили къ Великому Князю прощаться. Но тотъ, какъ и всегда, встрѣтилъ ихъ ласково, поблагодарилъ за прежнюю службу и, прощаясь, произнесъ: «Господь же съ Вами. Храните Его Высочество Наслѣдника Цесаревича».

Двадцать четвертаго іюня, я въ послѣдній разъ пошелъ навѣстить раненныхъ, такъ какъ на завтра былъ назначенъ походъ за Дунай. Войдя въ палату, я увидѣлъ въ ней Государя Императора, разговаривающаго съ однимъ раненнымъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ.

Послѣднему въ это время дѣлали перевязку.

— Тебя можетъ быть мы безпокоимъ? ласково обратился къ нему Государь.

— Останьтесь Бога ради, Ваше Императорское Величество,—жалобнымъ голосомъ взмолился офицеръ.—Не уходите, я Васъ вижу въ первый разъ.—А ты бы закурилъ папиросу, Я полагаю тебѣ легче бы было!—Точно такъ, Ваше Величество, слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

Тогда Государь вынулъ свой портъ-сигаръ, досталъ папиросу и, Самъ закуривъ ее, подалъ офицеру.

Но едва Императоръ обернулся, какъ больной поспѣшно сбросилъ огонь и спряталъ папиросу подъ подушку. Великій Князь, шедшій сзади Государя и видѣвшій всю эту сцену, смѣясь спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. «Я ее оставилъ на память,—Ваше Императорское Высочество, и сохраню ее въ знакъ Милостиваго вниманія ко мнѣ моего Государя»,—взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ офицеръ.

Простившись со всѣми ранеными, я побрелъ въ свою хату.

Подъ вечеръ того-же дня въ послѣдній разъ мы собрались у завѣтнаго порога и съ радости устроили великое двойное, генеральное чаепитіе изъ двухъ котловъ.

Вонючій чирусъ опять украшалъ нашу скромную трапезу. Общій любимецъ нашъ Н. потѣшалъ насъ своими славными разсказами.

ЭПИЗОДЫ.

— Это случилось, началъ разскащикъ, во время дѣла при переправѣ на... высотахъ. Я былъ не дѣйствующимъ лицомъ описываемаго случая; но тѣмъ не менѣе могу дать о немъ точныя свѣдѣнія, ибо присутствовалъ при эпилогѣ этой трагикомедіи, доказывающей, что отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ.

Рота Волынскаго полка, выславъ отъ себя въ цѣпь стрѣлковъ, двинулась въ гору. Каждый шагъ занимался молодцами съ боя. Твердою поступью безъ оглядки цѣпь, закрывая роту, пробивала ей дорогу съ самоотверженіемъ русскаго солдата. Огонь непріятеля съ каждой минутой становился все сильнѣе и сильнѣе... становилось какъ то невыносимо жутко, несмотря и на то, что перестрѣлка все еще шла какъ бы трелью,—залповъ еще не было. Вдругъ какъ бы все замерло. Нужно было чего-то ждать; но чего? тишина, неизвѣстность, самое ожиданіе этой неизвѣстности какъ бы принуждали сильнѣй биться честныя солдатскія сердца. Прошло пять, шесть... десять мгновеній. Дымъ и огоньки, прежде вспыхивавшіе на ближайшемъ гребнѣ, исчезли. Вдругъ страшный залпъ огласилъ окрестность, а за нимъ и неистовый взрывъ тысячей голосовъ: «алла» и такой же крикъ нашихъ... «ура,» смѣшавшійся со стонами раненыхъ. Все перепуталось на минуту; но вотъ дымъ разсѣялся и наши молодцы съ догнавшею ротою уже работали за гребнемъ. Много тутъ было пролито православной крови... но не даромъ... противникъ бѣжалъ... Тутъ разскащикъ прервалъ на минуту разсказъ. Господа, началъ онъ, до сихъ поръ шла трагедія—тяжелая, кровавая; теперь перейдемъ къ комедіи. Въ минуту, послѣдовавшую за залпомъ, вся цѣпь, какъ одинъ человѣкъ, бросилась на ближайшій бугоръ; причемъ лѣвофланговый уронилъ ружье и, не желая отстать отъ товарищей, бросился съ кулаками на вѣрную смерть. Но почти въ то-же мгновеніе съ бугра бросился на него турокъ, но споткнулся и шлепнулся плашмя къ ногамъ беззоружнаго солдата; при этомъ штыкъ его ружья, проткнувъ ступень нашего неустрашимаго молодца, загнулся, встрѣтивъ твердое сопротивленіе камня.

«Ахъ ты...», выругался солдатикъ крѣпкимъ русскимъ словцемъ, причемъ одною рукой хватилъ его въ морду, а другой схватилъ его за... но за что онъ его схватилъ? Вотъ въ этомъ то и весь комизмъ. Желая взять его за ухо, онъ въ порывѣ усердія запустилъ ему два пальца въ ротъ, остальными же стенулъ ухо и щеку, причемъ съ физіономіею турка произошла до того комическая метаморфоза, до того его ужимки были уморительно смѣшны, что остальные бойцы, увидя несчастнаго перепуганнаго поклонника ислама, закатились русскимъ неудержимымъ, простодушнымъ смѣхомъ. «Гляди, гляди, Меркуловъ, какъ онъ его преобразилъ еси; ану-ану дай пососать ему соску... ха-ха-хо-хо-го-ги»... раздавалось въ толпѣ, подошедшей было помочь раненому; но тотъ, озлившись на непрошенную помощь, сердито заоралъ на своихъ: «Чего глотку то дерете? Ишь! съ помощью лѣзутъ; да не хочу ее, вотъ вамъ и сказъ самъ предоставлю куда слѣдуетъ.» «Да ты чего скобезиси-то,» урезонивали его товарищи, «ты вонъ глянь ружье за собою волочишь.» «Ничего, и съ этимъ турецкимъ шехфомъ (шлейфомъ) справимся;» причемъ дѣйствительно онъ манерно, въ родѣ нашихъ дамъ самаго высшаго бонъ-тона, приподнялъ ружье за

шейку приклада. Говорятъ, что не одинъ мускулъ лица его не дрогнулъ, когда, поварачивая ружье, онъ естественно разрывалъ себѣ рану, не имѣя возможности вынуть штыка изъ ноги. Оно и можно бы было, слова нѣтъ, но вѣдь турку выпустить не хотѣлось, а турка между тѣмъ, испуганный еще болѣе непонятной для него веселостью гяуровъ, продолжалъ корчить самыя уморительныя гримасы. Когда же онъ начиналъ стонать, тогда нашъ солдатикъ, предполагая въ немъ желаніе освободиться отъ непріятнаго положенія, еще болѣе стискивалъ его физіономію, причемъ положеніе несчастнаго становилось еще болѣе комично и увеличивало веселость толпы. «Отпусти ему подпруги-то, ишь онъ какой комедный; а глазищи-то, братцы, глазищи-то, что самъ вылуженный.» Солдатикъ не обращалъ вниманія ни на смѣхъ, ни на совѣты своихъ боевыхъ товарищей; онъ какъ то порывисто сапя, одервенѣвшей рукой велъ своего плѣнника куда слѣдовало и ворчалъ себѣ подъ носъ. «Ишь идолъ, ширяться вздумалъ; я те ширну въ другой разъ, махаметская образина.» На этомъ словѣ солдатъ оборвалъ воркотню и быстро повернулъ голову. «Эва, землякъ, да ты никакъ грызнуть собираешься... ну, кусни, кусни, идолова образина... на кусни» и при этомъ солдатикъ сильно стиснулъ какъ-бы въ наказаніе его физіономію. Послѣдній по неволѣ шелъ о бокъ съ нимъ, придерживаясь обѣими своими руками за руку своего неожиданнаго чичероне. Такъ онъ довелъ турку до «куда слѣдовало,» гдѣ я и видѣлъ послѣднюю сцену представленія побѣжденнаго побѣдителемъ. Здѣсь комизмъ еще болѣе увеличился, когда бѣдный служака, желая представиться какъ слѣдуетъ начальству и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая выпустить свою добычу, не имѣлъ уже больше силъ опустить ружья. Наконецъ какъ турокъ отъ намордника, такъ и солдатикъ отъ штыка были освобождены. Солдатъ по натурѣ добрый, увидя у турка ротъ разорваннымъ, сжалился надъ нимъ; онъ началъ угощать его и сухарями и трубочкой. «Ну кури—вотъ, право слово, ну... Ишь очумѣлъ; на вотъ оботри кровь-то. Нѣтъ, бѣды, братцы, совсѣмъ отупѣлъ и съ чего?» Странно тоже «братцы» вдругъ почувствовали себя какъ бы виновными и смѣхъ затихъ. Животные озлобленные инстинкты улеглись. Заговорило чувство, вложенное Господомъ, и человѣкъ принялъ опять свой образъ... Вдругъ турокъ сталъ чего то махать рукой, просить чего-то, но съ такимъ дѣтски-грустно молящимъ взоромъ, что солдатикамъ стало совсѣмъ жаль его; онъ просилъ пить и нѣсколько человѣкъ захотѣли ему услужить... Отчего-жъ такая перемѣна? А отъ того, такъ мнѣ кажется по крайней мѣрѣ, что душа каждаго была теперь настроена къ миру, прощенію, забвенію. За услугу, какъ за прощенье своей невольной вины, ухватились всѣ. Они душой, а не мозгомъ поняли, что они и страдающій турокъ—люди. Разомъ, исполнивъ эту высокую отрадную обязанность, они почувствоволи облегченіе, разомъ пропало это непонятное, тяжелое, неловкое настроеніе и всѣ заговорили. И турокъ, прежде угрю-

мый и неподвижный, началъ улыбаться и заглядывать каждому прямо въ глаза. Добрые солдатики съ своей стороны стали тоже дружелюбно поглядывать на турка. Дѣйствительно глаза есть зеркало души, говорили древніе... да, я убѣдился въ этой великой истинѣ. Тутъ побѣдители и враги были чужды: по понятіемъ, по вѣрѣ, по языку даже они не могли разговаривать; но читая въ глазахъ другъ друга, они увидѣли — одинъ (турокъ) ихъ сконфуженныхъ, а они поняли добрые, честные сострадательные русскіе люди его нѣмыя страданія. Слава же русскому солдату! Мало того, что онъ русскій храбрый защитникъ Престола и Царя, но и исполнитель воли Божіей. Вотъ отсюда то справедливо наше христолюбивое воинство носитъ это названіе. Да, русскій солдатъ—Христовъ воинъ!! Прокричимъ же и мы ему сердечное «ура,» закончилъ разскащикъ.

«Ура» гаркнули мы славному разскащику въ отвѣтъ. Разсказъ заинтересовалъ насъ, да и разскащикъ не меньше; мы пристали къ нему съ просьбою—потѣшить ужъ насъ на послѣдокъ. «Хорошо, извольте,» согласился нашъ добрякъ. «Но, господа, давайте-ка еще вскипятимъ чайку, а тамъ съ мокрымъ горломъ оно будетъ поудобнѣе». «Дѣло,» согласились мы. Чай скоро былъ готовъ. Отхлѣбнувъ изъ стакана нѣсколько глотковъ Н. началъ: «Храбрость, неустрашимость, находчивость русскаго солдата, господа, не подлежатъ никакому сомнѣнію и вамъ это, конечно, болѣе чѣмъ кому либо извѣстно. Но до чего можетъ дойти безшабашная веселость въ минуты, даже смертельной опасности, это не каждому извѣстно. Мнѣ, напримѣръ, капитанъ Р. разсказывалъ про одного солдатика слѣдующую исторію.

Рота его была въ цѣпи. Шла она быстро, наступая на непріятеля. Произошло столкновеніе и непріятель былъ опрокинутъ. При преслѣдованіи нашъ солдатикъ увлекся, опередилъ товарищей и, очутившись около самаго непріятеля, только тутъ замѣтилъ, что у него не осталось ни одного патрона. Тогда онъ обернулся и началъ кричать: «Братцы! дайте патрончикъ.... гривеникъ дамъ». Отвѣта не послѣдовало. «Братцы! пятіалтынный, двугривенный; эхъ! ну хоть одинъ.... полтинникъ! рубль"! Вскорѣ подоспѣли товарищи, подѣлились съ нимъ патронами и назвали его молодцемъ....

— А вотъ господа штука вышла, такъ это на моихъ глазахъ. Рѣчь пойдетъ о барабанщикѣ, съ которымъ я вмѣстѣ былъ въ дѣлѣ. Вы знаете, что барабанщикъ неособенно обремененъ орудіями защиты своей персоны, но иногда и его пустой барабанъ способенъ оказать услугу. Будучи артистомъ въ душѣ, музыкантъ увлекался игрой во всякое время. Такъ было и въ этотъ разъ; быстро онъ наклонилъ голову и молодецки отбивая шелъ онъ впередъ. Вдругъ ятаганъ блеснулъ надъ его головою, еще моментъ и барабанщикъ на вѣрное-бъ лежалъ съ расколотымъ черепомъ, но тутъ онъ во время увидѣлъ опасность и сообразилъ что дѣлать; инстинктъ самосохра-

нenія далъ какъ-бы толчекъ всѣмъ фибрамъ его ума. Съ быстротой молніи швырнулъ онъ палки въ стороны и, приподнявъ вверхъ по ремню барабанъ, ловко подставилъ его подъ ударъ ятагана. Затѣмъ съ такою-же быстротой онъ выхватилъ свою селедку.... (по солдатски «тесакъ») и смертельно въ животъ поразилъ басурмана. «Лежи-жъ, проклятый», проворчалъ онъ, «штрументъ только портить умѣешь».....

— Да, товарищи, послѣ нѣкоторой паузы продолжалъ разскащикъ,— славный, богатый матеріалъ—этотъ русскій солдатъ. Чего, чего изъ него нельзя только сдѣлать? Турецкій офицеръ, во время дѣла опрокинутый нашимъ солдатомъ, просилъ его о помилованіи. Онъ поспѣшно снимаетъ съ себя золотые часы, кольца и все это предлагаетъ за свою жизнь солдату. Что-жъ дѣлаетъ послѣдній? Онъ схватываетъ все въ руку и съ негодованіемъ бросаетъ далеко въ сторону.

Вотъ вамъ черта, достойная глубокаго уваженія и удивленія. Да здравствуетъ-же наше храброе, блистательное и славное Русское воинство! такъ закончилъ разскащикъ.

Вечеръ порѣшился прочтеніемъ замѣчательнаго по своей курьезности адреса жены Донскаго казака. Послѣ собственно безграматнаго адреса слѣдовало на конвертѣ подпись: «я жена Антона С..... марку не налепила слѣствіи сказано ниже, что *можно послать* безъ марки, отъ мужа я получила письмо». Надо полагать, что это *письмо, какъ и всякое* казачье, имѣло слѣдующее начало: «ляти мой листокъ съ западу на востокъ и гадыйка тому, кто милъ сердцу моему; а онъ будить читать и будить плакать гаривать»..... Далеко за полночь мы шумно разошлись по своимъ канурамъ ни чуть не помышляя о предстоящемъ походѣ. У всѣхъ на умѣ было только одно—скорѣй изъ Зимницъ!

ВТОРОЙ ПОХОДЪ.

25-го Іюня. Переходъ чрезъ Дунай.

Въ этотъ, для насъ не совсѣмъ благопріятный, день лошади были осѣдланы съ самаго ранняго утра, такъ какъ часъ выступленія былъ никому неизвѣстенъ. Только въ половинѣ втораго грянула музыка и мы двинулись къ Дунаю. Жаръ и въ особенности пыль были въ этотъ день положительно адскіе. Не прошло и десяти минутъ съ момента выступленія, какъ раздалась команда: сначала «подтянись», а потомъ и «маршъ маршъ»! Никогда я не забуду этой бѣшеной, безумной скачки. Какъ мы не переломали другъ у друга реберъ—одному Богу извѣстно! Дѣло въ этомъ, что мы подняли такую страшную пыль, что даже въ двухъ шагахъ не было ничего видно; а тутъ какъ на зло буираки, канавы и на встрѣчу ѣхавшія повозки.

Но, догнавъ Великаго Князя, мы перешли въ шагъ. Пыль разсѣялась и пострадавшихъ не оказалось. Самый переходъ оказался маленькимъ и мы скоро разбили бивуакъ на полянѣ въ лѣсу. «Братцы, а обозъ гдѣ?» взмолился я. «Въ Москвѣ», обозлился сожитель по комнатѣ, «паровикомъ что-ли его везутъ, чай какъ оглашенные скакали“. «А ѣсть что будешь»? «А тютина (тутовое дерево) на что; валяй на дерево».... И не раздѣваясь, мы тотчасъ вскорабкались на самую высь. «Раздолье», засмѣялся товарищъ, «по крайности хоть чѣмъ нибудь набьемъ свою гуттаперчивую мамону», съострилъ товарищъ, уписывая за обѣ щеки совсѣмъ съ листьями еще не спѣлую ягоду. «Вотъ это такъ „à la geurre, comme à la geurre“! крикнулъ я ему перекарабкиваясь какъ бѣлка на слѣдующій сучекъ. Наѣвшись, мы слѣзли съ дерева и пошли на поиски за съѣстнымъ болѣе питательнаго свойства. Глядимъ—казачки сухари ѣдятъ. Мы..... облизнулись. „А что, станичники, запасъ-то у васъ большой“? освѣдомился дипломатъ товарищъ. «Вотъ постойте, в.-бл., заразъ пошелъ казакъ: авось лучку раздабудетъ.... Да гляньте ужъ онъ и несетъ; садитесь, в.-бл., чѣмъ Богъ послалъ. Обозъ не раньше завтраго придетъ,—милости прочимъ». Подсѣли. «А что, в.-бл., началъ издалека казакъ, «вѣдь вотъ тамъ, сказываютъ. овечки ходятъ, кабысь одну штучкью». «Двадцать пять, другъ, за штучкью-то», подмигнулъ товарищъ. «Оно такъ-то такъ, да подводитъ; эхъ!» и казакъ вздохнулъ, «вотъ на маневрахъ въ Красномъ не въ примѣръ было лучше, потому и поджиться можно было, да и не грѣхъ». «Какъ не грѣхъ»? полюбопытствовалъ товарищъ. «Да помилуйте, в.-бл., коли кто, значитъ, гривинничекъ, али боисто и того больше для куска насущнаго тайкомъ возьметъ, ей Богу, не судятъ, потому грѣшно: съ голоду не помирать»! «А на маневрахъ»? «Пюсь и на маневрахъ гоняютъ, гоняютъ куда-жъ обозу поспѣть и черезъ-то голодаешь; а тутъ глядь бездомная курица бродитъ, ну..... и приголубишь, потому не я себѣ нутро создавалъ. Вы сами знаете, в.-бл., другаго грѣха окромя этого съ роду у насъ неводилось». «Что вѣрно, то вѣрно», ободрилъ оратора товарищъ. «А какъ позапрошедшій годъ на маневрахъ у первый день, что смѣху-то было, страсть. Кажысь помните, в.-бл.?» «Нѣтъ, а что»? «Тоже туго пришлось, почитай сутки не ѣли, что дѣлать, а стояли-то мы въ лѣсу. Глядь двѣ куры съ улыбкой на насъ идутъ; эхъ ты грѣхъ какой, и котелки вѣдь есть; а ну Господи благослови,—дыхнуть, в.-бл., не успѣли, какъ товарищъ заразъ и приголубилъ ихъ. Вдругъ слышимъ крикъ; выбѣжала баба съ махонькимъ парненкомъ. «Мои, говоритъ, тута куры и указала вѣдьма на попону. Сторожь, Митька, приказала она парнишкѣ, а я до ихъ начальства сбѣгаю». Попались, думаю, да и гляжу на товарыща, а онъ что-сь подъ попоной руками (усердно) швырко работаетъ и все-будто не нарокомъ, заглядываетъ. Ну не болѣе какъ чрезъ минутъ пять явился нашъ поручикъ. «Вы, говоритъ, чего безобразничаете». Никакъ нѣтъ, в.-бл., она вонъ говоритъ, что мы куры ея въ лѣсу поймали, анъ мы купили. «Врешь», говоритъ.

Никакъ нѣтъ, в.-бл., отвѣтилъ товарищъ, баба напраслину говоритъ, потому коли куры ее, пусть посмотритъ, мы съ мѣстовъ не сходили, парнишка наглядалъ. Хорошо, открыли попону; старая то глядѣла, глядѣла и куръ своихъ не признала. «Не мои, говоритъ, обшиблась», такъ и ушла. А онъ что-же сдѣлалъ, в.-бл.,—изъ одной куры, покуда старая ходила, бѣлыя перушки повыдергалъ, а у другой черныя; они и стали Богъ вѣсть на какихъ куръ похожи. Умора, в.-бл. Ну въ тѣ-поры хотѣли и старуху на пиръ пригласить, да водки не было, закончилъ разскащикъ». «А все-таки не слѣдуетъ брать, братцы, безъ спросу» вразумительно замѣтилъ товарищъ. «Эхъ, в.-бл., да нешто было когда у насъ что-бъ мы безъ нужды брали»?.. «Оно такъ то такъ», тономъ ниже замѣтилъ С., «а всетаки не слѣдуетъ, поняли»? «Поняли, в.-бл.». Я едва удерживался отъ смѣха и, поблагодаривъ казаковъ, поспѣшилъ отвести въ сторону юнаго педагога. «А ты, кортонный шутъ, обратился я къ нему, на маневрахъ чужую картошку не бралъ»? «Ну такъ что-жъ, что бралъ; вѣдь казакамъ говорилъ для дисциплины, оно, конечно, въ сущности это преступленіе и непреступленіе, я думаю ты тоже меня понялъ». «Ужъ какъ тебя не понять», засмѣявшись, отвѣтилъ я, и поташилъ его спать. Подославъ соломки и положивъ въ изголовьи по сѣдельной подушки, мы легли рядомъ уже съ храпѣвшими товарищами. Довольно поздно ночью всѣхъ насъ разбудилъ страшный необыкновенный шумъ; всѣ мы вскочили, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла и схватились за оружіе; думали всѣ, что это напали черкесы. Однако нашимъ догадкамъ не суждено было сбыться, вмѣсто черкесовъ мы увидѣли разъяренную конвойную лошадь, мчавшуюся по коновязи съ оторванною дверью. Лечь снова намъ уже не пришлось: стали сѣдлать коней.

26-го Іюня. Бивуакъ близъ деревни Акчаиръ.

Выступивъ съ разсвѣтомъ полкъ направился на дер. Акчаиръ, достигнувъ которой сталъ сомкнутой колонной въ ожиданіи Государя. Не прошло и десяти минутъ, какъ къ полку подъѣхалъ Государь Императоръ и, поздоровавшись, сообщилъ намъ радостную вѣсть о томъ, что гвардейская полурота славно отличилась при взятіи города Тырнова. Подъ самый вечеръ у палатки Главнокомандующаго въ походной церкви были отслужены молебенъ и панихида, послѣ которыхъ наша музыка съиграла народный гимнъ и нѣсколько маршей, затѣмъ были вызваны впередъ пѣсенники, которые начали любимую національную казачью пѣсню: «Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ», отъ которой быстро перешли къ веселой. Слова послѣдней до того были комичны, что Великій Князь попросилъ запѣвалу сказать послѣдніе два куплета.

Не хотимъ жить во станицѣ,
Хотимъ ѣхать за границы,

Бѣлый хлѣбецъ поѣдать.
И красны вины попивать.

Вашихъ курочекъ, индюшекъ,
За частую переведемъ;
Вашихъ дѣвушекъ маврушекъ;
За собою уведемъ...

отчеканивалъ запѣвало.

27-го Іюня.

Въ этотъ день мы выступили нѣсколько позднѣе обыкновеннаго, имѣя во главѣ Главнокомандующаго. Дорога была убійственная и шла съ горы на гору, такъ что приходилось иногда пробираться въ одиночку по мало-замѣтнымъ тропинкамъ. Попадающіяся картины были божественныя. Чебуръ—пахучая трава коврами покрывала роскошную долину. На вершинахъ горъ въ живописномъ безпорядкѣ красовались палатки и стоящіе на вершинахъ караулы отдавали честь блистающему поѣзду, чуть виднѣвшемуся въ глубинѣ поросшаго скалистаго оврага. Подъ самый вечеръ мы наконецъ добрели до деревеньки, которая буквально была вся раззорена. Такъ—окна и двери въ хатахъ были разбиты и по всѣмъ комнатамъ валялись клочки изодранныхъ одѣялъ и всевозможной вонючей рухляди. Какъ говорили, въ эти одѣяла турки прятали деньги. Отъ нечего дѣлать мы осторожно разрыли могилу, гдѣ по сказаніямъ долженъ бы быть кладъ, но мы, какъ и слѣдовало ожидать, его не нашли. Подъ вечеръ поднялся страшный вѣтеръ, небо заволоклось тучами и дождь хватилъ какъ изъ ведра. На этотъ разъ мы промокли до костей, такъ какъ самый бивуакъ былъ раскинутъ на совершенно открытой мѣстности; но, попривыкнувъ еще прежде ко всѣмъ невзгодамъ, мы не обратили вниманія на расходившуюся стихію и вскорѣ заснули богатырскимъ сномъ.

28-го іюня. Бивуакъ д. Иваницы.

Обыкновенно при всѣхъ переѣздахъ Великаго Князя конвой Его (лейбъ-гвардіи Казачій полкъ) шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего впереди коляски Главнокомандующаго на одну или двѣ версты высылался взводъ, который уже въ свою очередь высылалъ отъ себя головные, боковые и тыльные разъѣзды; непосредственно тотчасъ за коляской шелъ другой взводъ, тоже съ боковыми разъѣздами. За этимъ взводомъ шелъ уже полкъ, за которымъ на такомъ-же разстояніи какъ и авагардъ двигался арьергардъ, тоже со всѣми мѣрами предосторожности. Переходъ въ д. Иваницы, несмотря на то, что былъ самый громадный, прошелъ какъ-то не замѣченнымъ. Въ проходимыхъ пустыхъ покинутыхъ дерев-

няхъ оказалось множество куръ, за которыми казаки, съ разрѣшенія начальства, учинили не безъуспѣшную охоту.

Въ деревнѣ Ягожкіой всѣ жители вышли на встрѣчу съ образами и искренними сердечными криками «здравствуй, братушка!» «да живье Царь Николай», привѣтсвовали наше появленіе. Но веселому настроенію не суждено было долго продолжаться—стали попадаться истерзанные трупы.

29-го Іюня.

Все ближе и ближе мы подходили къ только взятому городу Тырнову и въ шесть часовъ вечера въ десяти верстахъ отъ города стали у большой деревни бивуакомъ. Но нигдѣ такъ радушно и задушевно тепло не встрѣчали насъ болгары, какъ на только-что пройденномъ пути. Духовенство въ полномъ облаченіи съ хоругвьями и образами, разукрашенными цвѣтами, выходило изъ всѣхъ деревень на встрѣчу. Народъ, разодѣтый по праздничному, высыпалъ на дороги. Жирныя поля, великолѣпные фруктовые сады, огромныя стада овецъ и всякаго рогатаго скота, все это свидѣтельствовало о полномъ благосостояніи братушекъ. Всѣ мужчины были одѣты въ бѣлыя шаровары и бѣлыя рубахи, охватываемыя широчайшими цвѣтными кушаками; на головѣ были фески безъ кистей, а сверху рубашекъ безрукавки. Одежда-же женщинъ нѣсколько напоминала нашъ малороссійскій костюмъ съ тою только разницею, что какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины въ косы лентъ не заплетали и монистовъ не носили. У дѣтей намъ пришлось замѣтить въ ушахъ сережки въ видѣ лягушекъ; это такъ называемый подарокъ «на зубокъ». Въ хатѣ послѣдней деревни, куда мы забрели поискать чего-нибудь съѣстнаго, насъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Добрые хозяева наварили и напекли всего вдоволь и на столъ поставили цѣлый жбанъ мѣстнаго добраго вина, предварительно бросивъ туда «на заводъ денегъ» кусочекъ хлѣба. За столъ мы пригласили пожаловать хозяевъ и, перекрестясь, начали безъ церемоніи уписывать за обѣ щеки. Стало вечерѣть и, кончивъ обѣдъ, мы поблагодарили хозяевъ и поспѣшили на бивуакъ. Да и было пора—всѣ остальные товарищи давно уже подзакусили въ деревнѣ и уже явились къ полку. « Итакъ, завтра побѣдителями въ Тырновъ», обратился я къ товарищу. «Да», промычалъ тотъ, «а спать лечь все-таки не мѣшаетъ» —и тутъ же, завернувшись въ бурку, вскорѣ захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Однако я не послѣдовалъ его соблазнительному примѣру и, передвинувъ одѣяло ближе ко входу палатки, прилегъ и сталъ слушать разговоры сидящихъ у костра казаковъ. «Да, братъ», продолжалъ разскащикъ, помѣшивая деревянной ложкой въ котелкѣ, «далась мнѣ эта дѣвка, сердце выболѣло; ужъ какъ ворчалъ въ тѣ-поры мой старикъ не приведи Господи; брось, говоритъ, озарникъ; отбился, въ полѣ работа стоитъ. Мах-

нешь бывало рукой, да и пойдешь куда глаза глядятъ». «Да ты бы заговоръ сдѣлалъ», перебилъ разскащика молодой казакъ, «такая-сь у станицы есть, противъ матушкиной хаты живетъ, избушка махонькая такая». «Знаю, ужъ знаю, братъ» продолжалъ первый казакъ, «ходилъ и къ ней—все толку мало; ну потомъ добрые люди присовѣтывали на плетню въ праздникъ у ее хаты заговоръ произвесть». «И что-жъ?» «Да то», засмѣялся станичникъ, «что собакъ натравили, насилу объ одной полѣ удралъ». Раздался дружный смѣхъ. «Да вотъ, вы братцы, смѣетесь, а тогды-сь мнѣ было не до смѣху—скрутило». «Ну, а дѣвка тебя любила-то?» полюбопытствовалъ кто-то. Казакъ вздохнулъ. «Любить-то любила, да высокородный ихъ тятенька ей воли не давалъ; сиди, говоритъ, да и басто. Ну у полѣ встрѣтишься, наговоришься въ сласть; а то разъ встрѣтилъ ее въ лабазѣ, да и говорю: а гдѣ отецъ съ матерью?—На ярмаркѣ, говоритъ; я такъ и вскрикнулъ. Слушай, говорю, отведемъ душу—садись ты на свою кобылу, а я у тятеньки стащю, да и поѣдемъ кручину размыкать. Ну хорошо; заразъ—это я взялъ двѣ плети, одну себѣ, а другую ей далъ. Поѣдемъ, говорю, у конецъ станицы, тамъ парни собрались, проскачимъ скрось, да и благословимъ кого придется;—смотри только не плошай. Ну дѣвка была одно слово бой—согласилась. Минуты не прошло, а ужъ мы скакали. Только смотримъ на лужайкѣ человѣкъ двадцать парней, мы на нихъ, а ужъ смерклось. Ну, братцы, да и свиснулъ я кого-то черезъ лобъ; а она-то, краля, и урони чемчуръ, ее и схватили. Вижу дѣло дрянь—вернулся. Отпустите, говорю, братцы, потому мы джигитовали.—Ладно, говорятъ, слѣзай и ты, мы на твоихъ зубахъ поджигитуемъ. Что дѣлать?! думаю. Глядь, а въ карманѣ ножъ; заразъ въ руку да и жду. Только парень отвернулся, я чикъ чемчуръ у кобылы, да парня плетью; онъ въ бокъ, я—кобылу, да и тягу. Ну хорошо, пріѣхали домой, родителевъ нѣту, я забрался въ курень. Сидимъ себѣ балакаемъ; только слышу ры-ры-ры.... это половица, я туда глядь, а передо мной ея батько съ дубиной. Я назадъ, да въ окно—въ чуланъ дѣ кобаки (тыква) у нихъ лежали. Не успѣлъ это я заховаться, братцы мои, какъ дверь отворилась и появилась сама стара корга. Ахъ ты грѣхъ какой, думаю.. исколотятъ. Схватилъ это я кобакъ, да въ нее; ну она съ ногъ, я черезъ нее, да въ поле—только и видѣли». «Ну, а потомъ что было?», полюбопытствовалъ одинъ.—«На службу чрезъ мѣсяцъ въ гвардію пошелъ». «Лента-то какъ»? «Говорятъ замужъ вышла; ну .. таперича отлегло», лѣниво отвѣтилъ казакъ... «Да давайте по вечеріимъ и спать, о завтра кончимъ исторію». Долго я вслушивался въ ихъ не безъинтересные разсказы и только въ часъ ночи захрапѣлъ во всю ивановскую.

*

Г. Тырново.

Выступивъ въ семь часовъ дня, мы не замѣтили какъ добрались до скалистой глубокой лощины. Внизу текъ хрустальный неглубокій ручекъ, надъ которымъ на верхнихъ гребняхъ лощины стояли точно утонувшіе въ зелени два православныхъ монастыря. Встрѣча, которую приготовили для Великаго Князя, не оффиціально торжественная, признаться, поразила меня своею неожиданностью. Уже почти у самаго города Его Высочество Главнокомандующій приказалъ нашему хору трубачей ѣхать впереди. У городскаго въѣзда Великаго Князя стали осыпать цвѣтами, вѣтками миртъ и дарили платками, шитыми золотомъ. На скалѣ, внизу которой протекала рѣка Янтра, было замѣтно рядъ головъ мужчинъ и женщинъ, кричавшихъ «да живе Царь Александръ, да живе Князь Николай!» и хлопали въ ладоши. Тутъ же по близости скалы встрѣтилъ Великаго Князя архимандритъ собора съ клиромъ. Его Высочество приложился къ кресту и евангелію, выслушалъ привѣтствіе и передалъ архимандриту образъ Спасителя, который былъ посланъ въ прошломъ году Москвой болгарскому комитету. Затѣмъ Его Высочество двинулся дальше уже предшествуемый духовенствомъ; крики: «здравіе» и «да живе» не прекращались ни на одну минуту. Женщины, не обращая вниманія на коней, бросались къ Его Высочеству и осыпали какъ Его, такъ и все шествіе цвѣтами. Недалеко отъ собора дѣвицы Тырновскаго училища привѣтствовали пѣніемъ Великаго Князя. Послѣ молебна съ многолѣтіемъ, отслуженнаго въ соборѣ, Великій Князь проѣхалъ въ отведенный для Него домъ, отличающійся отъ прочихъ развѣ только обширными комнатами и необыкновенной чистотою. Во время того какъ Князь завтракалъ, молодежь расположилась на дворикѣ, вымощенномъ плитами, и любовалось оживленіемъ домашнихъ лицъ обоего пола, усердствовавшихъ при угощеніи Его Высочества. Великій Князь пилъ за здоровье хозяина, толстяка въ шерстяныхъ чулкахъ, и хозяйки старушки, которая отъ волненія только махала руками и борматала, что все плохо подано. Его Высочество сталъ бивуакомъ подъ тѣнью обрикосовъ въ саду, принадлежащемъ бывшему губернатору Тырновскаго санджака. Чрезъ нѣсколько времени пришли городскія дѣвушки, дочери именитыхъ горожанъ, принесли цвѣтовъ, платковъ и пропѣли двѣ пѣсни, сочиненныя какимъ то болгарскимъ поэтомъ, томящимся въ Цареградской тюрьмѣ. Все это было сдѣлано просто, безъ ложнаго стыда и располагало къ себѣ своею непринужденною наивностью.

Затѣмъ пришли архимандритъ съ представителями временнаго правительства города. Великій Князь выразилъ имъ надежду, что они сдѣлаютъ все, что возможно, чтобы сохранить порядокъ до установленія правильныхъ учрежденій... Но скоро стало темнѣть и въ окнахъ всего Тырнова замелькали огоньки. Пора была отдохнуть и намъ въ особенности. «Да, братцы, сущій раз-

садникъ квѣтовъ,» (цвѣтовъ) идя на покой говорилъ казакъ, «пріятныя мамзели. Нѣ табѣ чага, эти фрухты ѣсть... запретныя... не равно шею сломятъ,» огрызнулся товарищъ по палаткѣ. «Толкуй сюргучъ *)...» «Да чаво тамъ, что съ тобой говорить неучъ.» «Ху! да и Тырновъ, разлюбезное дѣло,» наслаждался сидѣвшій у палатки казакъ... Да, дѣйствительно, для людей незнакомыхъ съ войной, для людей, всю жизнь проведшихъ въ комфортабельно обставленныхъ палаткахъ будетъ непонятенъ тотъ восторгъ, который обуялъ всѣхъ насъ. Послѣ большаго похода и тѣхъ норъ, въ которыхъ зачастую укрывались, мы сразу очутились въ комнатѣ съ деревянными полами, окнами и вообразили, что все это только видимъ во снѣ... такъ ужъ труденъ походъ вообще. Громадный садъ, примыкавшій къ дому, служилъ намъ, что называется, для отвода души; тамъ то, впродолженіи всего нашего житья-бытья въ новомъ городѣ, зачастую собирались пѣсенники и музыканты и пиръ шелъ за полночь. Вообще самый городъ мнѣ не понравился, онъ выстроенъ на покатости горы и кажется, что дома одинъ надъ другимъ. Ночью городъ точно какой то стоэтажный домъ. Много народныхъ преданій разсказываютъ старики о Тырновѣ, о его развалинахъ, о древнихъ болгарскихъ царяхъ, между прочимъ, вотъ что разсказываютъ. Дикая мѣстность Тырнова покрыта была колючимъ терномъ, отсюда и названіе города. Говорятъ, при царѣ Иванѣ греки разбили болгаръ. Войско болгарское разбѣжалось и царь съ семействомъ тоже хотѣлъ бѣжать въ Будинъ-градъ; но недалеко отъ Сербіи его встрѣтилъ болгарскій пастухъ, который и сказалъ ему: «стыдно царямъ бѣгать отъ непріятеля и оставлять дѣтей своихъ безъ помощи — Богъ накажетъ. Я, продолжалъ пастухъ, найду тебѣ мѣстечко, которое терномъ огорожено и тебя оттуда будетъ не достать!» Пастухъ повелъ царя на то мѣсто, гдѣ нынѣ Тырновъ, и тамъ царь Иванъ собралъ войско и спасъ свою родину... Интересно то, что болгары зазывали къ себѣ въ дома безразлично всѣхъ русскихъ и радушно предлагали имъ свой кровъ и угощенія, какое только могли выставить по своимъ средствамъ. Жилось намъ вообще до поры до времени не дурно. Но пора была и въ дѣло. Въ ночь наканунѣ передъ дѣломъ, котораго такъ скоро мы никакъ и не ждали, въ комнату, какъ бомба, влетѣлъ товарищъ. «Поздравляю тебя, поздравляю васъ, братцы; на завтра первому эскадрону съ частью втораго въ походъ и въ дѣло.» Представьте-же себѣ, какъ дико и странно звучали эти простыя слова. Да оно и понятно: до сихъ поръ мы хотя и дѣлали большіе переходы, случалось голодали и холодали, но, тѣмъ не менѣе, приходя съ Великимъ Княземъ въ городъ или деревню, пользовались и хорошимъ помѣщеніемъ и доброй пищей; мысль же внезапно очутиться подъ пулями почему то и не приходила въ голову;

*) Казаки верховьевъ Дона называютъ черкасскихъ казаковъ сюргучами, а черкасскіе верхнихъ —чигою.

мы положительно забыли, что мы на войнѣ. Однако нужно было пробудиться и не позже нѣсколькихъ часовъ, ибо въ четыре часа мы должны были тронуться къ Османъ-Базару. Зарядивъ револьверы и наложивъ въ сумку патроновъ, я осмотрѣлъ шашку, ремни, и, сложивъ все это подъ голову, съ какимъ то страннымъ чувствомъ легъ поскорѣй спать... Отъ недавняго пира трещала голова...

Рѣшившись въ своихъ запиткахъ чистосердечно разсказать все, что мнѣ пришлось видѣть, слышать и перечувствовать въ эту кампанію, я постараюсь проанализировать свои чувства какъ передъ дѣломъ, такъ и во время самаго дѣла. Говоря чистосердечно, мнѣ всегда казалось страннымъ, а пожалуй и непонятнымъ, то ледяное спокойствіе, съ которымъ всѣ безъ исключенія до сей поры такъ охотно шли на войну. Казалось, что ни предстоящіе труды переходовъ, ни ужасы кровавыхъ дѣлъ и адской рѣзни, ни увѣчья, плѣнъ, предсмертная агонія, смерть и всевозможныя пытки операціи.... ничто не страшило ихъ. Они или врутъ или притворяются, думалось мнѣ. Однако теперь, переиспытавъ все на себѣ, я понялъ все. Тряхнемъ для поясненія стариной. Припоминая дѣтство, невольно припоминаешь свои дѣтскія игры въ разбойниковъ. Какъ храбро мы, бывало, дрались тогда съ временнымъ врагомъ, употребляя въ дѣло камни, вмѣсто гранатъ, и кулаки, вмѣсто пуль. Для каждаго изъ насъ, въ тѣ счастливыя времена, война мало того, что не казалось страшною, а напротивъ самой веселой въ мірѣ штукой. Но вотъ годы дѣтскихъ игръ проходятъ, настаетъ безцѣнная юность и война мало-по-малу начинаетъ терять свою прелесть. Наконецъ настаетъ торжественный день, торжественная минута облаченія въ первый офицерскій чинъ. Тогда вовсе перестаешь думать о войнѣ, ибо заранѣе знаешь, случись она—пошлютъ непремѣнно. 10-го мая 1877 года сидѣлъ я въ своей маленькой комнаткѣ въ достославномъ Петербургѣ. «Да», думалось мнѣ, «война на носу, что то будетъ». Какъ бы инстинктивно я снималъ со стѣны револьверъ, все разсматривалъ его и въ концѣ концовъ съ какимъ то непонятнымъ отвращеніемъ бросалъ его въ сторону. Затѣмъ, съ тяжелымъ мрачнымъ раздумьемъ, я ложился па кровать и задумывался.... А что какъ войны не будетъ, думалось мнѣ, съ рукой тогда останусь, и по-прежнему буду заниматься излюбленнымъ своимъ предметомъ—живописью; и тогда все какъ то веселѣе выглядывало вокругъ меня. Проходятъ два дня и въ одно прекрасное утро поспѣшно входитъ ко мнѣ товарищъ Г. Онъ обнимаетъ меня, цѣлуетъ и говоритъ, что Государь поздравилъ полкъ съ походомъ. Куда дѣвались мрачныя картины—я забѣгалъ по комнатѣ какъ угорѣлый испуская радостные крики. Это была такая минута блаженства, такая радость, охватившая всѣхъ насъ, что мы, какъ на Свѣтло-Христовый праздникъ, цѣловались и горячо пожимали другъ другу руки. Отъ жалкаго эгоизма, отъ мучившихъ такъ недавно жгучихъ вопросовъ ничего не осталось. Напротивъ, въ грудь селилась такая отвага, такая

готовность отдать все въ защиту своей чести и славы отчества, что если бы хоть малѣйшее волненіе или грусть зашла бы въ душу самаго слабѣйшаго и нервнаго изъ насъ, то я бы оскорбилъ его безчестнымъ словомъ. Но ругаться мнѣ не приходилось: лица у всѣхъ сіяли полною свѣтлою радостью... Поймите-жъ послѣ этого человѣческое сердце?!... 13-го мая мы двинулись въ путь. Смертельная грусть царила въ сердцахъ не долго: очнулись и смѣло взглянули впередъ. Такъ въ первый разъ, увидя санитарный поѣздъ, мы немножко смутились. Но все со временемъ прошло и чортъ не казался намъ страшенъ.... И теперь при словѣ «въ дѣло!» могучій радостный крикъ «ура!» рванулся изъ спертый груди. Только въ моментъ, когда раздалась команда: «на право, шагомъ маршъ», сквозь охватившую радость, какъ бы невольно, воровски прорвалась грусть. Снявъ шапки, казаки набожно перекрестились и почти съ полчаса времени въ рядахъ хранилось глубокое молчаніе—о чемъ то думали?... Но.... тишина продолжалась не долго. Вдругъ, точно по какому то удару, слетѣли мрачныя одежды и замѣнились свѣтлыми, сіяющими. Ужъ гдѣ то начали подъ носъ мурлыкать пѣсни, да запретили—движеніе уже началось по незнакомой мѣстности и со всѣми мѣрами предосторожности.

Передъ нашимъ выступленіемъ Главнокомандующій Его Императорское Высочество Николай Николаевичъ позвалъ къ себѣ полковника Жеребкова, перекрестилъ его, и, подавая руку, сказалъ: «Съ Богомъ! Дай Богъ безъ потерь воротиться». Нужно сказать, что въ составъ нашего отряда вошелъ взводъ 2-го лейбъ-казачьяго эскадрона, дивизіонеръ, одинъ офицеръ 2-го эскадрона полковникъ Генеральнаго Штаба и, въ качествѣ проводника и переводчика, знаменитый болгарскій горный вождь Панаіотъ. Цѣль нашего движенія была открыть во всякомъ случаѣ противника и разузнать сколько у него артиллеріи, кавалеріи и пѣхоты подъ Османъ-Базаромъ. Такимъ образомъ, дѣйствовать намъ приходилось въ горахъ малоизвѣстныхъ. Каждую минуту мы должны были быть готовы, что насъ легко могутъ охватить или даже отрѣзать совсѣмъ. Но все-таки нужно было идти впередъ, впередъ и впередъ!!

Вся честь блистательно произведенной рекогносцировки, по праву, принадлежитъ одному начальнику нашего отряда, командиру лейбъ-гвардіи Сводно-Казачьяго полка, флигель-адъютанту полковнику Жеребкову.

Такъ какъ намъ пришлось выступить съ 1 баталіономъ Брянскаго полка, обозъ котораго намъ приходилось охранять, то я и былъ назначенъ со взводомъ въ арьергардъ. Жара въ этотъ день была дѣйствительно нестерпимая. Движеніе медленное: шагъ—остановка, еще шагъ — снова остановка, а солнышко все палитъ, да палитъ вызывая огненныя, красныя пятна на незащищенныхъ одеждою мѣстахъ.

Гдѣ-то тамъ съ боку что-ли дороги боковые разъѣзды поймали совершенно избитаго молодаго турка и привели его ко мнѣ. Я приказалъ его

тотчасъ обмыть, перевязать и посадить на возъ. Солдаты начали ворчать: «Они-то что дѣлаютъ, в. б., съ нашими плѣнными — просто страсть». Я, конечно, не преминулъ объяснить солдатамъ, что они не правы; тѣ поняли, и, желая справить свою ошибку, одарили его одеждой и подѣлились послѣдними сухарями. Наконецъ мы достигли деревни Кезарева, гдѣ, со всѣми мѣрами предосторожности, расположились на бивуакѣ. Подъ вечеръ было нѣчто въ родѣ генеральнаго совѣта, послѣ котораго, закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, залегли въ повалку на матушкѣ сырой землѣ и заснули богатырскимъ сномъ. О чувствахъ своихъ передъ сномъ умолчу, ибо настало какое-то глупое, тупое равнодушіе.

2-го іюля подняли насъ часа въ два ночи. Ровно въ три часа, вмѣстѣ съ двумя сотнями Баклановцевъ, мы тихо двинулись къ горамъ. Пройдя двадцать верстъ, мы достигли д. Кезарево, бо́льшая половина которой была населена не мирными турками; но такъ какъ наше появленіе было внезапное, то часть бросила оружіе и сдалась, а другая бросилась въ горы. Было ясно, что всѣ ихъ силы находятся здѣсь же, по близости. Оставшіеся здѣсь турки начали угощать насъ кофеемъ, за чашку котораго нѣкоторые платили по золотому. «Это, значитъ, сначала въ морду, а потомъ и по головѣ погладить», усмѣхнулся на это П., «съ фанатиками вздумали въ гуманность играть; подождите, останитесь довольны», однако на воркотню его, впослѣдствіи впрочемъ оказавшейся не пустой, никто не обратилъ вниманія.

Мало того, когда одинъ армейскій казакъ ударилъ плетью турка за то, что тотъ не хотѣлъ идти къ нашему начальнику, онъ былъ наказанъ за самоуправство. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ самаго гуманнаго обращенія нашихъ съ турками. Что касается до обращенія нашего съ болгарами, то по справедливости оно можетъ назваться братскимъ и святымъ. Съ горечью доводится читать, что за послѣднее время чуть-ли не ежедневно являются на столбцахъ англійскихъ и мадьярскихъ газетъ оффиціальныя донесенія и частныя корреспонденціи съ театра войны, въ которыхъ описываются жестокости, совершенныя будто бы русскими войсками въ Болгаріи. На основаніи массы имѣющихся фактовъ говорю, что это вопіющая неправда. Русскій солдатъ по природѣ добродушенъ и уже одной дисциплины достаточно, чтобы удержать его отъ правонарушеній... Однако я уклонился отъ нити разсказа... Командиръ отряда приказалъ мнѣ остаться здѣсь со сводным взводомъ Лейбъ-Казаковъ и Баклановцевъ, отобрать у всѣхъ имѣющееся еще оружіе и во все время охранять тылъ главнаго отряда. При этомъ онъ сказалъ: «со мной связи вы имѣть не будете, а въ помощь къ вамъ я сейчасъ пошлю за пѣхотой». Помнится мнѣ, что командиръ 1-го эскадрона замѣтилъ начальнику отряда о томъ, что будетъ слишкомъ рисковано оставлять среди горъ и неизвѣстной мѣстности какую нибудь горсть людей. Но началвникъ не обратилъ на это серьезнаго вниманія и,

приказавъ мнѣ остаться съ отрядомъ, бросился къ деревнѣ Демирджиляръ. Кажется русское «авось-ка» играло играло здѣсь большую роль. Конечно, первымъ моимъ распоряженіемъ было—отправка разъѣздовъ и разстановка пикетовъ. Нужно же мнѣ было тотчасъ убѣдиться гдѣ я нахожусь и есть-ли по близости противникъ и въ какомъ числѣ. Надо сказать, что гонецъ уже былъ посланъ въ дер. Кезарево, гдѣ въ то время находился Брянскій полкъ, за помощью. Баклановцы, ясно сознавая всю безвыходность нашего положенія, обратились ко мнѣ со слѣдующими словами: «Что же, ваше благородіе, умремъ, живые въ руки не сдадимся». Я отдалъ строгое приказаніе оружія не снимать и лошадей не разсѣдлывать и каждому быть при своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока отъ посланныхъ разъѣздовъ не выяснится, какой противникъ и въ какомъ числѣ находится у подножія горы, поросшей лѣсомъ и отдѣлявшейся отъ деревни рѣкой въ бродъ проходимой. На эту-то гору и бросилась бо́льшая часть вооруженныхъ жителей. Вскорѣ, съ этой же стороны, прибылъ посланный разъѣздъ, который донесъ, что въ деревнѣ, находящейся за горой, отстоящей отъ дер. Кезарева въ пяти верстахъ, собралось до 500 челов. черкесовъ. Спустя полчаса прибылъ другой разъѣздъ, посланный по направленію къ деревнѣ Кадыкіой, въ разстояніи отъ деревни Кезарева на 10 верстъ, находятся большія силы противника. Куда не окинешь взглядомъ — все турки и турки... Положеніе становилось дѣйствительно безвыходнымъ, а помощь не шла. Съ замираніемъ смотрѣлъ я не идетъ-ли родимая на встрѣчу. Но надежда была напрасная. Потомъ уже я сообразилъ: какимъ бы образомъ могла пѣхота врѣзаться въ горы, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ съ какимъ числомъ противника ей пришлось бы имѣть дѣло и, что самое главное, будетъ ли она имѣть въ случаѣ неудачи свободный путь отступленія. Дѣйствительно, положеніе было убійственное. Тронуться съ мѣста было невозможно (за это можно было бы попасть подъ судъ), а помощи впродолженіе цѣлаго дня было положительно не откуда ждать. Мало того, выславъ разъѣзды и разставивъ пикеты, я остался съ 10 человѣками передъ грудой наваленнаго оружія и передъ толпой собравшихся турокъ. Что стоило кому нибудь изъ половины бѣжавшихъ жителей сообщить близстоящимъ черкесамъ и баши-бузукамъ о такомъ ничтожномъ отрядѣ, да тѣмъ еще болѣе, что самая мѣстность способствовала самому скрытному пробиранію. «Скоро-ли бѣжавшіе вернутся и сдадутъ оружіе?» съ безпокойствомъ спросилъ я у старшины черезъ переводчика. «Скоро», отвѣтилъ тотъ какимъ-то неувѣреннымъ голосомъ. Понятно, что при такихъ милыхъ обстоятельствахъ нужно было держать револьверъ въ рукѣ, потому что не могло быть ничего легче, какъ массѣ турокъ броситься на оружіе и, расхвативъ его, передушить всѣхъ насъ. Нельзя сказать, чтобы сердце въ эти минуты совсѣмъ уже спокойно билось въ груди. Музей Гаснера, со всевозможными орудіями инквизиціонныхъ пытокъ, такъ и прыгалъ предъ глазами. Вотъ это такъ «дѣло», думалось мнѣ, будь оно

проклято, первый блинъ да комомъ. Однако нужно было на что нибудь да рѣшиться и я... рѣшился; а именно: занять цѣпью плетень или наружную канаву деревни и отстрѣливаться до послѣдней минуты; а тамъ, что Богъ дастъ... въ плѣнъ живыми рѣшились мы не даться. Однако, не желая болѣе терять драгоцѣннаго времени, я тотчасъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей. Получивъ приказаніе, во избѣжаніе могущихъ произойти безпорядковъ, самолично съ казаками выходить въ деревню, я взялъ 4-хъ казаковъ и, сопровождаемый болгарами и турками, отправился на осмотръ. Если случалось ловить турка съ оружіемъ въ какомъ нибудь погребѣ, то онъ бросалъ оружіе, проскакивалъ въ другой выходъ, смиренно складывалъ руки и знаками показывалъ, что онъ мирный. Женщины же, закутанныя въ большіе черные платки, закрывались ими, испуганно жались другъ къ другу и испускали пронзительные крики.

Продолжая осмотръ, я услышалъ крикъ скачущаго по деревни казака: «гдѣ офицеръ»? Выскакиваю изъ какого-то чулана. «Что такое»?—«Я стоялъ на пикетѣ и увидѣлъ, что у подошвы горы залегъ турокъ съ ружьемъ!» поспѣшно отвѣтилъ казакъ.—Не ладно, думаю; должно полагать, ихъ тамъ не одинъ. Но въ этотъ день пришлось такъ много перечувствовать, что, я не разузнавъ даже сколько ихъ тамъ, бросился имъ на встрѣчу; ужъ такъ надоѣла неизвѣстность и неопредѣленность этого безподобнаго положенія. Но однаго намъ удалось-таки поймать.

Измученный нравственно и физически, окончивъ осмотръ, я возвратился ко взводу, пересчитавъ оружіе (пятьсотъ патроновъ и пятьдесятъ ружей и пистолетовъ), я прилегъ, и.... представьте... заснулъ.

Но не прошло и получаса, какъ меня разбудилъ казакъ.

— Что нужно?

— Ваше благородіе! Вотъ конвертъ командиру Брянскаго полка. Завязалось дѣло. За помощью!

Отправивъ казака съ запиской, я снова обратился къ посланцу и спросилъ:

— Словеснаго приказанія нѣтъ?

— Приказали армейскому полувзводу сейчасъ ѣхать туда.

Надо было видѣть въ эту минуту болгаръ, собравшихся около меня: у нихъ вытянулись лица и съ недоумѣніемъ, съ боязнью они начали смотрѣть на меня. Но когда полувзводъ сѣлъ на коней и поскакалъ, въ одну минуту площадка очистилась. Стало еще лучше, почти никого не осталось. «Капитанъ братушка», крича подбѣжали ко мнѣ два болгарина. «Дай намъ два пушка, мы гадь-пойдемъ баши-бузуковъ ловить». «Хоть чорта съ рогами», разсердился я, и, подумавъ немного, далъ имъ и ружей и казака проводника. Дичь, за которою они собрались на охоту, была дѣйствительно заманчивая,—два разбойника баши-бузука, наканунѣ нашего налета ограбившіе

церковь и зарѣзавшіе шесть человѣкъ болгаръ. Однако они молодецки исполнили данное порученіе и скрученными привели ихъ ко мнѣ.

Но не прошло и получаса, какъ я увидѣлъ, что посланный мною взводъ рысью идетъ обратно, а за нимъ и весь отрядъ. Я подскакалъ къ командиру полка, который приказалъ мнѣ разобрать оружіе и присоединиться къ отряду. Оказалось, что отрядъ двинулся прямо на дер. Демирджиларъ. Подходя къ ней, начальникъ отряда узналъ, что здѣсь находится непріятель. Но, не довольствуясь этимъ и желая въ точности произвести рекогносцировку, онъ выскочилъ впередъ, на бугоръ, чтобы вызвать огонь, который тотчасъ-же и былъ открытъ съ непріятельской стороны. Ровно пятнадцать минутъ отрядъ находился подъ огнемъ. Понятно, по первому же выстрѣлу изъ орудія была разсыпана нами цѣпь, которой не приказано было стрѣлять.

Такимъ образомъ вся рекогносцировка была произведена подъ огнемъ. У непріятеля оказалось: шесть орудій, четыре баталіона пѣхоты, редутъ и человѣкъ пятьдесятъ кавалеріи. Подробно разузнавъ обо всемъ, отрядъ отступилъ, не понеся никакой убыли.

Во время нашего отступленія проходя деревни, гдѣ угощали насъ кофеемъ, за чашку котораго платили нѣкоторые по золотому, мы увидѣли, что изъ нихъ начали стрѣлять въ насъ.

— Нагуманничились, процѣдилъ сквозь зубы довольный П. Чья правда? Ну и вышла сущая кофейная экспедиція!...

Считаю здѣсь умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о рекогносцировкахъ вообще, произведенныхъ въ Турецко-Русскую кампанію. Мнѣ не для чего перечислять всѣ произведенныя рекогносцировки; достаточно будетъ разсмотрѣть хотя одну, но исполненную конечно блистательно и затѣмъ уже трезво взглянуть на пользу, принесенную ею. Для этого возьмемъ напримѣръ рекогносцировку только что нами описанную и посмотримъ достигнута-ли при ней самая главная и основная цѣль ее. Вспоминая, что въ Франко-Прусскую кампанію нѣмецкой кавалеріи, удалявшейся съ рекогносцировочными цѣлями на двадцать, тридцать и сорокъ верстъ, пѣлись впослѣдствіи торжественные гимны, согласимся, что нашимъ небольшимъ отрядамъ, удалявшимся въ Русско-Турецкую кампанію на пятьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ и даже сто верстъ, пѣть должны мы гимны вдвойнѣ; да тѣмъ еще болѣе, что наши рекогносцировки требовали нравственной подготовки, такъ какъ гуманные законы войны мало извѣстны не безъизвѣстнымъ черкесамъ и баши-бузукамъ. Большая разница быть взятымъ въ плѣнъ цивилизованнымъ марсомъ и быть напоеннымъ и накормленнымъ, чѣмъ попасть въ плѣнъ баши-бузукамъ, не отличающимся такою гуманностью въ обращеніи. Но какъ бы то ни было, а бóльшая часть рекогносцировокъ, произведенныхъ въ эту кампанію, была исполнена самымъ добросовѣстнымъ и блистательнымъ образомъ, и только что описанная реког-

носцировка можетъ быть взята для примѣра. Итакъ, повторимъ: какая-жъ въ самомъ дѣлѣ главная и основная цѣль рекогносцировки вообще?

Эта цѣль—разузнать о противникѣ, т. е. гдѣ онъ находится, сколько у него артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи съ тѣмъ, чтобы знать сколько нужно взять войска, чтобы одержать побѣду надъ противникомъ.... Прекрасно. Но возможно-ли это при нашихъ обыкновенныхъ рекогносцировкахъ? Возможенъ-ли полный успѣхъ? Достигнута-ли вполнѣ прямая цѣль хоть-бы только что описанной рекогносцировкой? А отрядъ сдѣлалъ все, что могъ, мало того, что было только возможно. Онъ наткнулся на противника и, несмотря на открытый огонь, продержался пятнадцать минутъ и подъ огнемъ ясно увидѣлъ: шесть орудій, четыре баталіона, редутъ и человѣкъ пятьдесятъ кавалеріи. Но, неесмотря на все это, можемъ-ли мы знать находятся-ли еще сзади его войска и сколько ихъ, чтобы знать съ какими силами нужно аттаковать противника, чтобы имѣть полный успѣхъ?

Нельзя. Вотъ почему я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ военныхъ, утверждающихъ, что во сто разъ было-бы лучше и достижимѣе посылать маленькія партія по два, по три человѣка съ рекогносцировочными цѣлями тайкомъ въ обходъ, надѣясь только на темноту ночи и на скрытное движеніе. Такимъ образомъ, если изъ ста разъѣздовъ, посланныхъ съ одною цѣлью, хоть три положимъ достигнутъ цѣ*ли*, т. е. подробно разузнать о противникѣ, то они принесутъ гораздо больше пользы, чѣмъ отрядъ въ триста, пятьсотъ и болѣе человѣкъ. Распросивъ-же ихъ по-одиночкѣ можно конечно провѣрить, сличить всѣ показанія и все это привести къ одному положительному и точному знаменателю. Вотъ для этого-то нужны: нравственная подготовка, и, такъ сказать, боевое воспитаніе, на что и не мѣшало-бы обратить серьезное вниманіе.

Итакъ, «кофейная экспедиція» кончилась для насъ самымъ прекраснѣйшимъ образомъ. Какъ трофеи намъ достались: добытыя весьма важныя свѣдѣнія, масса оружія и двое знаменитыхъ разбойниковъ изъ баши-бузуковъ. Слава ихъ дѣйствительно была велика; на пути встрѣчающіяся женщины бросались на нихъ какъ разъяренныя львицы и просили позволенія зарѣзать. Но настроеніе нашего духа нисколько не соотвѣтствовало бурному настроенію ретивыхъ болгарокъ. Послѣ дѣла намъ все казалось въ радужномъ превратномъ свѣтѣ.... и курица казалась соловьемъ, бурьянъ прекрасными цвѣтами, хижина дворцомъ, враги и личные и общіе казались намъ друзьями.... Однимъ словомъ, весь міръ улыбался.... Придя на первый бивуакъ, мы подняли ужасный шумъ,—всякій высказывалъ не стѣсняясь свои ощущенія, курьезные эпизодики и вообще массу не безъинтересныхъ вещей. Все ликовало, все радовалось. Торжественно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, что мы ужъ Богъ вѣсть что только не сдѣлали—земной шаръ перевернули, возвратились мы въ Тырновъ и были радостно встрѣчены собравшимися товарищами. «Ну теперь нашъ чередъ», говорили

они, какъ намъ казалось, съ завистью. А мы летали уже на седьмомъ небѣ—счастливѣй насъ въ этотъ моментъ положительно не было никого. На другой-же день и второму эскадрону былъ объявленъ походъ. «Другъ»! приставалъ ко мнѣ молой князь Д., «одолжи твою шашку, на счастье, моя размоталась»! И отказать и дать не хотѣлось.... «Суевѣренъ я, какъ и всякій казакъ»; однако, подумавъ я далъ. «Когда идете?» спросилъ я. «Завтра подъ вечеръ», совершенно весело отвѣтилъ товарищъ. «Сусаниными придете», засмѣялся я, «освобождать осажденныхъ идете, въ добрый часъ». На другой день, горячо обнявшись, мы простились..... Я считаю необходимымъ вновь повторить къ дѣлу идущій и близко-касающійся меня и товарищей разсказъ, дополнивъ его необходимыми и не безъинтересными подробностями. Главная задача предстоящаго дѣла (изображеннаго на картинѣ ужъ черезъ чуръ фантастически и неправильно) заключалось въ томъ, чтобы отогнать отъ города Сельви, занятаго одной сотней полка № 30 и двумя взводами Владикавказскаго полка, три тысячи черкесовъ и баши-бузуковъ, упорно осаждавшихъ городъ,—разбить, уничтожить, очистить всю мѣстность до самой Ловчи, и постараться войти въ связь съ полковникомъ Тутолминымъ, командующимъ кавказскою бригадой и находящагося на лѣвомъ флангѣ 9-го корпуса, только что взявшаго штурмомъ крѣпость Никополь. Великій Князь командировалъ въ отрядъ къ полковнику Жеребкову двухъ своихъ адъютантовъ—полковника Орлова и штабъ-ротмистра Муханова.

4-го іюля, въ пять часовъ вечера, отрядъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Жеребкова, въ составѣ одного эскадрона л.-гвар. Казачьяго полка, сотни № 23 полка и взвода 6-й Донской конной батареи, тронулся изъ Тырнова по шоссе на Сельви. Было еще довольно жарко, но когда прошли верстъ десять по живописной мѣстности, вечеръ съ закатомъ солнца сдѣлался дивно хорошъ. Веселый разговоръ офицеровъ и казаковъ, жаждущихъ свято исполнить волю Главнокомандующаго, надежда на скорую встрѣчу съ турками, все это придавало особенную оживленность всему отряду. Не доходя десяти верстъ до Сельви, около полуночи, отрядъ остановился для отдыха.

Въ восемь часовъ утра, 5-го іюля, отрядъ въ составѣ 2-го эскадрона л.-гв. Казачьяго полка, двухъ сотенъ Донскихъ № 30 и 23 полковъ при двухъ орудіяхъ, двинулся съ бивуака при пожеланіяхъ товарищей и благословеніяхъ жителей.

Отрядъ слѣдовалъ въ боевомъ порядкѣ, имѣя въ авангардѣ сотню 30 полка, за нею 2-й эскадронъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка и два орудія, а въ арьергардѣ сотню № 23 полка. Разъѣзды слѣдовали по боковымъ кручамъ, имѣя между собою и отрядомъ «глаза,» то есть одиночныхъ людей, идущихъ параллельно отряду во ста саженяхъ отъ него. На случай встрѣчи съ противникомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Жеребковъ рас-

предѣлилъ слѣдующимъ образомъ командованіе частями: лѣвымъ флангомъ (сотня № 30 полка) руководилъ полковникъ генеральнаго штаба Паренсовъ, центромъ—адъютантъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго полковникъ Орловъ, правымъ флангомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ Мандрыкинъ. Общее же командованіе надъ отрядомъ и веденіе всего дѣла осталось за полковникомъ Жеребковымъ. Обогнувъ гору Акенджиларъ и пройдя турецкое селеніе того же имени, на семиверстномъ разстояніи отъ Сельви, отрядъ былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Турки засѣли въ кустахъ и виноградникахъ, по склонамъ горы и на шоссе. Немедленно былъ выдвинутъ взводъ 6-й Донской батареи, и первый выстрѣлъ изъ орудія разрывною гранатой попалъ въ средину турецкаго расположенія, прицѣлъ былъ поставленъ на пять-сотъ саженъ. Давъ нѣсколько послѣдовательныхъ выстрѣловъ изъ орудій, полковникъ Жеребковъ, не давая опомниться туркамъ, приказалъ быстрою аттакой сбить турокъ съ позиціи. Казаки лихо понеслись въ аттаку. Для достиженія мѣста, занятаго непріятелемъ, первоначально надо было проскакать саженей сто по шоссе, потомъ повернуть влѣво по узкой дорогѣ, ведущей на гору, занятою баши-бузуками и черкесами. Справа по шести неслись казаки по шоссе, по боковой же подъемной горѣ пришлось скакать справа по три, и только по срединѣ горы можно было построиться лавой. Вся терасообразная возвышенность огласилась молодецкимъ «ура!» Турки дрогнули, и все, что было застигнуто въ лѣсу, рубилось и кололось; болѣе пятидесяти тѣлъ осталось на мѣстѣ; аттака была до того быстра и смѣла, что турки не могли при отступленіи захватывать тѣлъ своихъ убитыхъ. Первый влетѣлъ и врубился князь корнетъ Дадишкильяни. Блеснула шашка и страшная окровавленная голова скатилась съ плечъ на землю. Еще моментъ... раздался пронзительный крикъ казака: «сторонись, в. б., цѣлятъ по васъ.» Добрый конь, послушный волѣ ѣздока, немного приподнялся и ахнулъ въ сторону. Грянулъ выстрѣлъ и пуля свиснула надъ ухомъ. Что-то блеснуло въ воздухѣ и снова покатилась голова. «Впередъ, братцы, за мной!» восторженно кричалъ юный герой. Ура!.. взмахъ... еще, еще и вновь двѣ головы кровью обрызнули землю... Пока лѣвый флангъ рубилъ въ лѣсу, центръ и прикрытіе артиллеріи на рысяхъ шли по шоссе, огибавшемъ гору, чтобы принять на себя уходившаго непріятеля; отрядъ, подвигаясь впередъ по извилистому до крайности шоссе, взойдя на возвышенность, увидѣлъ въ пяти верстахъ разстоянія быстро удалявшагося непріятеля. Отрядъ собрался, пересчиталъ своихъ, раненыхъ былъ одинъ казакъ въ лѣсу: онъ вонзилъ пику въ турка, но раненный турокъ успѣлъ сдѣлать по немъ выстрѣлъ; пуля попала въ плечо; казакъ доѣхалъ до своихъ, кровь струилась изъ раны, виднѣвшейся изъ подъ растегнутаго мундира и изорванной рубашки. «Эхъ, братцы, поганый меня ранилъ, да за-то же и я его зарубилъ,»—вотъ слова, съ которыми молодчина, сидя

на конѣ, обратился къ товарищамъ. Онъ хотѣлъ самъ слѣзть съ лошади, но отъ потери крови ослабъ, и его сняли товарищи; тутъ же прискакалъ докторъ и сдѣлалъ перевязку; рана опасная, на вылетъ съ раздробленіемъ кости; положили казака на носилки и помѣстили на повозку. Подъ полковникомъ Паренсовымъ была ранена лошадь выстрѣломъ въ упоръ. Въ слѣдующемъ лѣскѣ разъѣздъ напалъ на слѣдъ нѣсколькихъ отступавшихъ баши-бузуковъ; покончивъ съ ними и взобравшись на возвышенность, съ которой отлично была видна вся окрестность, отрядъ расположился на часовой отдыхъ, въ тѣни небольшой дубовой рощи. Всѣ поздравили другъ друга съ первымъ крещеніемъ; лейбъ-казаки еще не были въ дѣлѣ, и радостно было видѣть красавцевъ-казаковъ, уже сознательно чувствовавшихъ увѣренность въ себѣ. Указывая на владикавказца, корнетъ Дедашкиліанъ говорилъ: «Не хотѣлъ меня пускать впередъ, твердя: ваше благородіе, пустите меня, васъ могутъ убить, и какъ бы заслоняя меня отъ турокъ, но лошадь моя была лучше, и я его обскакалъ.» Такіе подвиги самоотверженія солдатъ и казаковъ можно видѣть на каждомъ шагу; надо близко знать солдата, знать его молодецкую, по истинѣ рыцарскую натуру, чтобы не удивляться, встрѣчая чуть-ли ни на каждомъ шагу случаи самоотверженій: это дѣлается не изъ разсчета, нѣтъ, тутъ весь русскій солдатъ, вся его чистая, безкорыстная душа. Оживленно провели часъ отдыха, необходимаго лошадямъ: жара была нестерпимая, дѣло было горячее, скакать пришлось въ гору значительное разстояніе при охватѣ непріятеля.

Въ половинѣ втораго, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отрядъ поднялся съ бивуака, слѣдуя по дорогѣ на Ловчу.

Нѣсколько верстъ прошли безпрепятственно, и мы предполагали, что непріятель, послѣ неудавшейся попытки отразить наше наступленіе, до самой Ловчи не дастъ намъ отпора; въ Ловчѣ же, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ болгарами, находились части низама.

Полковникъ Жеребковъ шелъ во главѣ отряда, полковники Орловъ и Мандрыкинъ ѣхали съ передовыми казаками отъ авангарда, какъ вдругъ, на одномъ изъ изгибовъ шоссе, при выходѣ дороги на болѣе открытое мѣсто, передовые были осыпаны градомъ пуль. Немедленно дано было знать полковнику Жеребкову, который уже летѣлъ на мѣсто и послалъ за артиллеріей. Орудія маршъ-маршемъ понеслись впередъ для занятія позиціи; сняться съ передковъ и дать выстрѣлъ потребовалось меньше времени чѣмъ писать эти строки. Донцы 6-й батареи, не обращая никакого вниманія на пули, направленныя на нихъ, были всецѣло поглощены опредѣленіемъ дистанціи. Позиція, занятая турками, была сильна, дорога шла между двумя лѣсистыми горами, которыя были заняты непріятелемъ; опредѣлить количество турокъ было трудно, линія ихъ огня тянулась на версту. Огонь нашихъ двухъ орудій снова намъ помогъ. Послѣ двухъ первыхъ выстрѣловъ дистанція была опредѣлена,

и снаряды начали разрываться въ рядахъ турокъ. Минутъ двадцать продолжался огонь артиллеріи, нѣсколько лошадей было ранено, одинъ артиллеристъ былъ раненъ въ ухо (оставался до конца боя въ строю), у лейбъ-казаковъ раненъ одинъ опасно въ ногу, ранено и убито нѣсколько лошадей. Считая, что огонь артиллеріи достаточно подготовилъ успѣхъ аттаки, полковникъ Жеребковъ приказалъ казакамъ спѣшиться и цѣпью направилъ ихъ на взятіе возвышенности, находившейся противъ нашего лѣваго фланга; сотня 23-го полка составила правый флангъ, а центръ съ оставшейся отъ прикрытія артиллеріей, полусотней Донцовъ, одновременно двинулся на возвышенность съ фронта; огонь непріятеля участился, но, благодаря Бога, за исключеніемъ нѣсколькихъ лошадей никто не былъ раненъ. Жажда была страшная, на половинѣ горы утомленіе людей было большое, видя это съ возвышенности, съ которой наблюдалъ, полковникъ Жеребковъ послалъ штабъ-ротмистра Муханова, который и передалъ приказаніе сѣсть на коней и аттаковать. Маршъ-маршемъ полетѣли казаки на турокъ, оставлявшихъ нестройными толпами возвышенность. Отступленіе ихъ было въ разсыпную, а потому, чтобы сберечь силы коней, казаки были удержаны отъ погони за отдѣльными группами. Снова былъ собранъ нашъ маленькій отрядъ и, такъ-сказать, на плечахъ отступающаго непріятеля двинулся впередъ. Не доходя Ловчи, какъ послѣ оказалось, всего двухъ верстъ, глазамъ нашимъ представилась большая гора, покрытая, какъ всѣ предъидущія горы, лѣскомъ и виноградниками; дорога шла въ гору, огибая ее съ правой стороны, и снова отрядъ былъ встрѣченъ выстрѣлами, направленными изъ ложемента и окоповъ. Наши орудія открыли свой мѣткій огонь, но лошади и казаки были до крайности утомлены. Съ горячею теплою рѣчью обратился флигель-адъютантъ полковникъ Жеребковъ къ своимъ казакамъ. «Напрягите, братцы, ваши усилія, еще три версты и городъ вашъ. Спасибо нашего Главнокомандующаго ждетъ васъ. Исполнимъ его приказаніе, прогонимъ турокъ и завладѣемъ городомъ». «Ура!» дружное, восторженное «ура!», отвѣчало ему. Но задача была нелегкая: сбить съ фронта было трудно—ложементъ былъ занятъ ротою низама, звуки сигнальныхъ рожковъ ясно указывали намъ на присутствіе регулярной пѣхоты. 2-й л.-гв. казачій эскадронъ былъ направленъ частью для дѣйствія цѣпью, а половина людей конными въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи, сотня 23-го полка должна была взять непріятеля съ лѣваго его фланга, а центръ, когда лейбъ-казаки сдѣлаютъ обходное движеніе, аттаковать съ фронта. Лѣвому нашему флангу досталась трудная задача: на утомленныхъ лошадяхъ приходилось идти на рысяхъ верстъ пять до подножія горы, а подъемъ на гору затрудненъ виноградниками; взбираясь на кручу, спѣшанные казаки полѣзли впередъ, зацѣпивъ ногой поводъ лошади и мѣтко стрѣляя изъ своей дорогой берданки. Не доходя саженей 100 до ложемента, казаки, увидя приближеніе коннаго полуэскадрона, вскочили на коней и съ

громкимъ «ура!» бросились на турокъ, выбивая ихъ изъ окоповъ. Центръ во время поддержалъ и дружнымъ натискомъ опрокинулъ турокъ. Выбитые изъ окоповъ турки быстро отступили, орудія вскочили на высоту и съ этого мѣста открыли убійственный огонь по бѣжавшимъ туркамъ. Разъѣзды преслѣдовали до сумерокъ.

Никогда никто изъ отряда не забудетъ картины, представившейся нашимъ глазамъ когда мы вскочили на вышку горы. Съ перевала дорога шла съ одной стороны прислоняясь къ стѣнѣ, съ другой имѣла обрывъ и рѣку, у которой расположенъ довольно большой городъ, казавшійся земнымъ раемъ. Спускаясь по крутому шоссе, на полдороги полковникъ Жеребковъ былъ встрѣченъ болгарами, объявившими, что турки, оставляющіе семьдесятыхъ населенія простирающагося до 10 т., оставили городъ, забирая все, что можно взять съ собою; въ турецкомъ населеніи города паника была страшная, отступающій низамъ и бѣгущіе баши-бузуки распространили слухъ, что громадная сила русскихъ двигается на Ловчу. Оставивъ орудія на высотѣ для пораженія отступающихъ и на случай сопротивленія оставшихся въ городѣ турокъ, полковникъ Жеребковъ торжественно, окруженный народомъ, вступилъ на площадь. Духовенство отслужило краткій благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Императору Александру, мы всѣ цѣловали крестъ и евангеліе, народъ прикладывался къ нашимъ ногамъ, цѣловалъ руки казакамъ, несли вина, бросали изъ оконъ цвѣты, женщины подносили платки, вышитые по краямъ цвѣтнымъ шелкомъ, прося принять на память какъ знакъ ихъ сочувствія къ нашей усталости.

Восторгъ народа былъ громадный *).

Прислушиваясь послѣ дѣла къ говору казаковъ, я съ сердечною радостію услышалъ отзывъ о другѣ. «Ну, да и нашъ молодчина князь.... ей Богу просто огонь, доведись намъ мы бы его спереди и сзади увѣшали крестами». Вотъ доподлинныя слова казаковъ.

Самъ Государь Императоръ, увидѣвъ его спустя нѣкоторое время, улыбаясь обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Ну, что рука еще не устала рубить?» «Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество», счастливый и веселый отвѣтилъ корнетъ Дадешкильяни. Помяну также добрымъ словомъ и нашего стараго товарища боеваго кавказскаго офицера, нынѣ полковника Мандрыкина, молодцемъ и онъ показалъ себя, съ явнымъ равнодушіемъ покуривая подъ огнемъ коротенькую трубочку.

Прошло нѣсколько дней и мы снова зажили прежнею жизнью. Какъ-то разъ ѣздилъ я по приказанію Великаго Князя разузнавать о причинѣ раздавшихся не въ далекѣ отъ Тырнова двухъ орудійныхъ выстрѣловъ. Но

*) Корреспонденція Тырнова 14-го іюля. Бой подъ Ловчей 8-го іюля (дополненная).

тревога оказалась напрасной: выстрѣлы пастуховъ изъ ружей большаго калибра были приняты за орудійные. Однако эта поѣздка стоила мнѣ слишкомъ дорого: я сильно простудился и слегъ. Прошла еще недѣля и снова нашъ первый эскадронъ былъ посланъ верстъ за сорокъ отъ Тырнова для держанія связи между двумя отрядами. Мы провели тамъ цѣлую недѣлю, снимая планы и безпощадно дуясь въ сальныя карты.

Черезъ три дня я выпросилъ позволеніе у начальника отряда отправиться въ близлежащую деревню, съ цѣлью отобрать еще имѣющееся оружіе. При моемъ внезапномъ появленіи турки въ страхѣ замѣтались во всѣ стороны. Но я ихъ поспѣшилъ собрать и объявилъ имъ за чѣмъ пріѣхалъ. Однако они мнѣ наотрѣзъ сказали, что оружія у нихъ нѣтъ никакого. Тогда-то я употребилъ сильныя вымогательныя средства: я выстроилъ передъ собравшимися турками всѣхъ казаковъ и приказалъ имъ на глазахъ у нихъ зарядить ружья. Здѣсь я имѣлъ случай вновь убѣдиться въ молодцоватости и храбрости турокъ: за исключеніемъ одного только старика, который какъ-то дико застоналъ, всѣ стояли гордо, спокойно глядя на страшныя дула. Сомнѣваться болѣе въ справедливости ихъ словъ было уже невозможно. Я, конечно, тотчасъ приказалъ казакамъ разрядить ружья и, подойдя къ нимъ, ласково проговорилъ: «Добре, добре, турка». Они тотчасъ же развеселились, подружились съ казаками и натащили всякихъ явствъ. Разстались мы совершенными друзьями. Ровно на восьмой день нашей стоянки мы получили письменное приказаніе, немедленно форсированнымъ маршемъ идти въ деревню по близости Болгарени, для соединенія съ полкомъ.

22-го іюля весь нашъ полкъ былъ уже въ Чаушъ-Махалѣ, куда вскорѣ прибылъ Великій Князь Главнокомандующій съ цѣлью осмотрѣть наши позиціи, послѣ несчастнаго перваго Плевенскаго погрома и ободрить войска. 23-го іюля, въ восемь часовъ утра, съ сборнымъ взводомъ отъ 1-го лейбъ-Казачьяго эскадрона и со значкомъ Главнокомандующаго, я выступилъ изъ дер. Чаушъ-Махала на д. Болгарскій—Карагачъ, куда въ этотъ день долженъ былъ прибыть Главнокомандующій. Дорогой я разговорился съ болгариномъ Христи тѣлохранителемъ Великаго Князя, который сообщилъ мнѣ между прочимъ слѣдующее: Недавно изъ деревни Лыжанъ бѣжалъ при вступленіи нашихъ войскъ знаменитый турецкій разбойникъ Кадиръ-Хожа. Еще въ молодости, когда онъ учился въ г. Ловчѣ, онъ влюбился въ одну турчанку изъ очень богатаго и аристократическаго дома Ловчи и похитилъ ее. Продержавъ недѣлю, онъ прогналъ ее къ родителямъ. Родныя дѣвушки и все турецкое общество не оставили его безъ преслѣдованія. Они просили разрѣшенія у султана послать отрядъ, чтобы поймать разбойника. Это до такой степени его раздражило, что онъ открыто перешелъ на сторону болгаръ и съ этихъ поръ сталъ мстить всѣмъ туркамъ. Поселившись въ лѣсу близъ дер. Лыжанъ, онъ взялъ подъ свое

покровительство деревни: Лыжанъ, Болгарени, Махала, Стрижировъ и Казаръ-Бѣлинъ, и объявилъ, что за убитаго болгарина будетъ убивать десять турокъ. Само турецкое правительство боялось его; болгары-же просто боготворили. И дѣйствительно, эти деревни остались нетронутыми, тогда какъ другія деревни были раззоряемы. Съ турками Кадиръ-Хожа поступалъ жестоко: онъ рѣзалъ ихъ какъ барановъ. Удивляешься слушая разсказы болгаръ. А они говорили, что Кадиръ-Хожа никогда не обижалъ болгаръ, не трогалъ ихъ имѣній и горой стоялъ за ихъ женщинъ.

Когда онъ бѣжалъ, то домъ и все свое состояніе отдалъ болгарамъ; самъ жилъ постоянно въ лѣсу, иногда показывался съ шайкой доходившей до ста человѣкъ. Достаточно было сказать: «здѣсь Кадиръ-Хожа», что-бы баши-бузуки и черкесы обращались въ бѣгство. Семь лѣтъ онъ скрывался. Много денегъ было обѣщано за его голову, но онъ не давался какъ кладъ. Турки до того боялись его, что приводили къ нему въ лѣсъ безпрекословно всѣхъ, на кого онъ только указывалъ, была-ли это мать, сестра или жена. Горе тому, кто позволилъ себѣ ослушаться. Вотъ случай доказывающій его просто непонятную храбрость: жена его дяди бѣжала къ Кадиръ-Хожѣ съ жалобой на мужа; тотъ принялъ ее и сказалъ, что убьетъ за это ея мужа.

Тогда жена испугавшись возвратилась домой и сообщила ему, что Кадиръ-Хожа хочетъ убить его. Дядя публично объявилъ, что онъ самъ убьетъ Кадиръ-Хожу. Разбойникъ, услыхавъ это отъ постороннихъ, два дня ждалъ своего врага, но когда онъ и послѣ этого не пришелъ къ нему, то Кадиръ-Хожа взялъ ружье и отправился самъ къ нему въ домъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ его сына, который сообщилъ ему, что отца нѣтъ дома. Тогда Кадиръ-Хожа приказалъ ему сходить за отцомъ и сказать, что Кадиръ-Хожа ждетъ его, что-бы онъ бралъ ружье и шелъ-бы къ нему.

Отправивъ мальчика, разбойникъ началъ бродить вблизи этого мѣста и совершенно неожиданно увидѣлъ своего врага, который шелъ съ ружьемъ и, казалось, не замѣчалъ его. Недолго думая Кадиръ-Хожа подошелъ къ нему и сказалъ: «Я слышалъ, что ты хотѣлъ убить меня. Посмотримъ какъ ты стрѣляешъ—бей первый». У несчастнаго затряслись руки, онъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ; пуля только слегка зацѣпила плечо; тогда Кадиръ-Хожа улыбнулся и съ величайшимъ хладнокровіемъ проговорилъ: «Ну нѣтъ, братъ, такъ не стрѣляютъ!» и схватилъ свое ружье, вскрикнувъ: «вотъ какъ!» и положилъ его на мѣстѣ. Самъ Кадиръ-Хожа говорилъ: «скорѣе-бы русскіе пришли, я-бы всѣхъ турокъ перерѣзалъ».

Но этого ему не удалось, такъ какъ посланный имъ болгаринъ въ гор. Систовъ къ русскимъ съ просьбой о помилованіи запоздалъ и наши войска показались по близости дер. Лыжанъ, знаменитый разбойникъ бѣжалъ и скрылся въ горахъ.

Имя его надолго сохранится въ памяти всѣхъ болгаръ, знавшихъ его. Добрымъ словомъ и теперь болгары вспоминаютъ разбойника.

*

Разговаривая и распрашивая объ этомъ человѣкѣ у болгаръ, я незамѣтно достигъ до назначенной деревни. Около д. Болгарскій-Карагачъ въ это время расположилась на отдыхъ часть войскъ, бывшая подъ Плевной. Подстрекаемый любопытствомъ узнать подробнѣе о дѣлѣ подъ Плевной, я пошелъ сначала въ расположеніе 32-й дивизіи.

Настроеніе солдатъ было здѣсь замѣчательное: они были веселы, острили и смѣялись.

— Ну, что, братцы, какъ дѣло-то было? обратился я съ вопросомъ къ нѣсколькимъ, разговаривающимъ между собою.

— Да что, ваше благородіе, оружіе у нихъ очень славное, бьетъ здорово, въ самые резервы такъ и жаритъ.

— А что больше всего обидно,—такъ это обманъ ихъ. Какъ мы въ какой есть ложементъ заберемся, начнемъ по нихъ стрѣлять, заразъ заслышимъ «ура!» какъ есть возлѣ насъ; мы оттуда, думаемъ, что свои подошли, въ штыки сейчасъ, и какъ только вылѣземъ сейчасъ по намъ залпъ. А это что значитъ, ваше благородіе? У нихъ есть много такихъ, что по-русски говорятъ, ну это соберутся, да и кричатъ: «ура»...... А то еще ругаются по-русски.... это уже совсѣмъ обидно.

Здѣсь отъ офицеровъ я узналъ, что солдаты, идя на штурмъ, на ходу срывали арбузы и ѣли... Да то-ли еще было?!!... Такъ, одинъ генералъ, бывшій подъ Плевной, разсказывалъ мнѣ слѣдующее: «На другой день послѣ Плевненскаго дѣла, нѣсколько человѣкъ генераловъ, командиръ корпуса и я сидѣли у одной хатки. Видимъ ѣдетъ солдатъ на ослѣ и сидитъ по дамски; его спровождалъ какой-то болгаринъ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ поближе, мы увидѣли, что голова его была очень распухши.

— А гдѣ тутъ наши? обратился онъ къ намъ.

— Какіе ваши?

— Да наши солдаты, значитъ.

— Ты раненъ, что ли?

— А вотъ (и онъ указалъ на щеку) сидятъ двѣ пули, да еще вотъ и въ самомъ бедрѣ еще пуля. Мы его тотчасъ сняли съ осла и посадили на землю. Онъ былъ очень доволенъ и, не обращая за тѣмъ на насъ никакого вниманія, началъ самъ съ собою, набивая трубочку, разсуждать.

Замѣчательно то, что у солдатъ сложилось такого рода мнѣніе, что кто раненъ, для того уже какъ будто почти и не существуетъ начальства.

— И удивительная вещь, вѣдь пуля вотъ какая маленькая (и онъ указалъ, какая маленькая она), а на корточки сѣсть не могу—удивленіе!

— А откуда-же ты досталъ осла?

— Да все тамъ-же скомандовалъ.

— Какъ скомандовалъ?

— Очень просто. Какъ меня ранили, я упалъ; потомъ всталъ и пошелъ. Смотрю какая то женщина у самой деревни встрѣтилась со мной.

Сударыня, говорю, вотъ въ какое мѣсто я раненъ, пожалуйте, говорю, осла. Она сейчасъ пошла къ мужу да и скомандовала.

А вотъ еще, просто невѣроятный примѣръ терпѣнія нашего солдата. На перевязочномъ пунктѣ послѣ Плевнинскаго дѣла общее вниманіе обратилъ на себя одинъ раненный солдатъ, который, заложивъ руки назадъ, ходилъ за докторомъ и смотрѣлъ какъ дѣлали перевязку другимъ, терпѣливо выжидая своей очереди. Когда его осмотрѣли, оказалось, что пуля прошла чрезъ языкъ, нижнюю челюсть и выскочила черезъ горло.

Въ это время прискакалъ конвойный офицеръ и привезъ войскамъ благодарность отъ Государя Императора. Громкое несмолкаемое ура было отвѣтомъ. Подъ вечеръ пріѣхалъ Главнокомандующій и объѣхалъ всѣ войска. Нужно было видѣть въ эти тяжелыя для насъ минуты Великаго Князя и видѣть Его при объѣздахъ позицій, видѣть Его въ госпиталяхъ, видѣть Его окруженнаго восторженными солдатами и офицерами, слышать Его теплыя задушевныя рѣчи. Въ эти минуты я былъ безъотлучно около Великаго Князя, какъ ординарецъ Его. Обыкновенно, подъѣзжая къ какой нибудь позиціи, Великій Князь громкимъ голосомъ звалъ къ себѣ солдатъ и офицеровъ. «Молодцы, ко мнѣ, ко мнѣ скорѣе!» «Ура»! Нужно было видѣть какъ цѣлыя тучи солдатъ бросались, перегоняя и сбивая другъ друга съ ногъ, и окружали сидящаго на лошади Главнокомандующаго. «Молодцы», такъ обыкновенно начиналъ Великій Князь, «Государь Императоръ поручилъ Мнѣ передать вамъ Его Царское спасибо за вашу вѣрную и молодецкую службу.» «Ура»! «Спасибо вамъ и отъ Меня», продолжалъ Главнокомандующій. «Я надѣюсь, что вы и впередъ будете такими же молодцами и вновь пришедшимъ молодымъ товарищамъ сообщите вашъ геройскій духъ и научите ихъ драться также славно и лихо. Братцы, мы еще расколотимъ врага и этимъ докажемъ, что геройски умѣемъ стоять за славу, Царя и дорогое отечество! Еще разъ душевное Мое спасибо всѣмъ вамъ, а за службу жалую по два Георгіевскихъ креста на роту». «Ура!» При обходѣ госпиталей Главнокомандующій точно также сообщалъ тотъ же духъ воодушевленія и замѣчательно ободрялъ пострадавшихъ воиновъ. «Здорово, голубчики», входя въ палату говаривалъ Главнокомандующій.—«Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество!», дружно и громко отвѣчали раненые.

— Эхъ ты милый, ишь какъ хватила, задушевно обращался Главнокомандующій къ какому нибудь раненому.

— Да ничего, Ваше Императорское Высочество, Богъ даетъ поправлюсь, тогда снова на турку,—постоянный отвѣтъ добряка солдата. Никогда не забуду я остроумнаго отвѣта солдатика, котораго пуля хватила въ тотъ моментъ, когда кричалъ ура. «Проглотилъ?» смѣясь спросилъ Главнокомандующій. «Проглотилъ», также смѣясь отвѣтилъ солдатъ. «Ну что же вкусно?» потшутилъ Великій Князь.

— Да, какъ галушка съ масломъ, отрѣзалъ молодчина.

Осмотръ продолжался до самаго вечера, а на другой день Великій Князь объѣзжалъ войска въ первой линіи. На ночлегъ мы возвратились въ дер. Болгарени, откуда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, тронулись въ достославный Горный-Студень.

Вотъ здѣсь то жизнь наша потянулась крайне однообразно. Мы расположились въ полѣ у самой деревни, недалеко отъ ставки Главнокомандующаго, и на время укрылись отъ непогоды въ крайнихъ избушкахъ, откуда впрочемъ насъ скоро выгнали. Но отъ этого мы нисколько не упали духомъ и, доставъ въ ближайшей рощѣ деревьевъ, построили себѣ шалаши. Сюда-же мы перетащили нашего злосчастнаго походнаго маркитанта, и первое время ѣли щи съ дождемъ, но потомъ и ему устроили навѣсъ изъ вѣтвей и зажили припѣваючи... Съ болгарами жили мы довольно недружно, да и трудно было—здѣсь они были какіе-то грубые и жадные; бывало дощечка понадобится, такъ вѣдь у него валяется, а попробуйте взять, чуть съ ножемъ за вами не погонится; а ужъ какъ драли съ насъ, упаси Боже! Служба наша, какъ конвоя Главнокомандующаго, была вообще пока легкая. Обыкновенно ежедневно назначался къ Великому Князю на сутки въ качествѣ ординарца одинъ офицеръ изъ полка и нѣсколько рядовыхъ казаковъ въ нарядъ. Жили мы первое время просто не зная что дѣлать отъ скуки. Только изрѣдка наѣзжая въ Систовъ за продуктами или такъ, кое-какъ коротали скучное время. Погода стояла такъ себѣ, что называется ни чорту кочерга, ни Богу свѣчка, чрезъ что и день казался еще длиннѣе. Въ картишки пока мало играли и весь день лежали на боку. Казаки же расположились въ маленькихъ палаткахъ по всѣмъ правиламъ боевой стоянки, все чинили одежду, да мурлыкали подъ носъ себѣ пѣсни.

Съ пріѣздомъ Государя Императора все какъ будто оживилось. Государь занялъ небольшой домикъ въ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна изображала Его кабинетъ, а другая спальню. Обыкновенно Государь вставалъ около восьми часовъ утра и затѣмъ пилъ кофе. Какъ бы ни былъ Онъ утомленъ наканунѣ, какія бы заботы и дѣла не изнуряли Его, Онъ не мѣнялъ этого часа. Если же случалось, что докторъ замѣчалъ, что Онъ почивалъ мало, то Государь говорилъ. «Я не могу вставать позже, потому что не успѣю иначе все сдѣлать». Послѣ кофе Государь прогуливался, потомъ садился за чтеніе полученныхъ телеграммъ, журналовъ, слѣдилъ за военными дѣйствіями и изучалъ ихъ. За телеграммами Государь слѣдилъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, ибо каждое извѣстіе принималъ близко къ сердцу. Если же телеграммы получались ночью, то Его немедленно будили; такъ, во время боя на Шипкѣ Государя приходилось будить нѣсколько разъ въ ночь.

Въ 12 часовъ былъ завтракъ, къ которому собиралась вся свита; накрывался завтракъ въ большомъ шатрѣ, и Государь садился въ срединѣ

стола. Обыкновенно Онъ много говорилъ и всегда былъ любезенъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что нибудь особенно заботило или печалило Его. Послѣ завтрака Онъ садился работать и работалъ нѣсколько часовъ сряду, разсматривалъ бумаги и доклады, присылаемые изъ Петербурга, все внимательно прочитывалъ, дѣлалъ на поляхъ замѣчанія и полагалъ резолюціи. Въ то-же время Онъ принималъ доклады министровъ и другихъ лицъ имѣющихъ у Него доклады. Въ день отправленія курьеровъ въ Петербургъ онъ приготовлялъ почту и въ это время былъ наиболѣе занятъ. Ничто не измѣняло этого порядка. Были такіе жаркіе дни, что термометръ стоялъ въ тѣни на 32 градуса.

Государь обливался потомъ, но продолжалъ работать, несмотря на изнуряющій жаръ, разслаблявшій тѣло и заставлявшій многихъ жаловаться на духоту. Никто никогда не слышалъ изъ устъ Государя жалобы ни на жаръ, ни на утомленіе, ни на другія неудобства лагерной жизни. За завтракомъ Государь прочитывалъ свитѣ телеграммы; иногда телеграмма получалась раньше или позже, и Государь призывалъ кого нибудь изъ свиты и прочитывалъ извѣстіе непремѣнно самъ. Передъ обѣдомъ, отъ четырехъ до пяти часовъ, Государь отдыхалъ и затѣмъ дѣлалъ прогулку въ коляскѣ въ лагерь и лазаретъ, расположенный въ нѣсколькихъ палаткахъ. Это была его ежедневная прогулка. Трудно представить себѣ сколько теплоты и нѣжности обнаруживалъ Государь при посѣщеніи раненыхъ. Это не Императоръ обширной имперіи, являвшійся во всемъ своемъ блескѣ, а человѣкъ глубокочувствовавшій страданія этихъ бойцевъ, искавшій въ своемъ сердцѣ всѣхъ средствъ, которыя могли бы облегчить эти страданія. Здѣсь Царское величіе являлось въ царственной простотѣ, въ глубокомъ добродушіи, въ сердечномъ чувствѣ, въ этомъ дрожащемъ отъ слезъ голосѣ, которымъ Государь, разстроганный до глубины души, говорилъ иногда, и слезы текли изъ его глазъ и онъ напрасно старался скрыть ихъ. Никогда обращеніе Царя и народа не являлось столь близкимъ, столь теплымъ и задушевнымъ, какъ здѣсь. Цѣлыя легенды создастъ эта война, и имя Государя еще глубже проникнетъ въ народную душу и никогда не изгладится изъ народной памяти. 21-го августа Государь прибылъ въ лазаретъ съ цѣлымъ ворохомъ подарковъ для раненыхъ. Тутъ были ситцевыя, полотнянныя и ксандрицкія рубашки, кисеты для табаку, портъ-моне, ножи, книги, гармоники и проч. Все это несли за Государемъ сестры милосердія. Онъ заранѣе зналъ тѣхъ, которые умѣли играть на гармоникѣ, и спрашивалъ раненыхъ, курятъ ли они, или нѣтъ, грамотные или нѣтъ. Подарки распредѣлялись сообразно этому: «Императрица прислала вамъ гостинцевъ,» говорилъ Государь, входя въ палату, и раздавалъ по два, по три подарка каждому, причемъ справлялся о здоровьи, о ходѣ раны, о дѣлѣ, въ которомъ получена рана. Раненые цѣловали у Государя руку, принимая подарки, и онъ ласково говорилъ съ ними, ласкалъ рукою по лицу, какъ

ласкаютъ любимыхъ дѣтей. Раненые отвѣчали на вопросы Государя совсѣмъ не стѣсняясь, очевидно они привыкли къ этому сердечному обхожденію съ ними Государя и чувствовали всю его искренность, всю теплоту душевную.

Иногда при этомъ разыгрывались до того комичныя сцены, что Императоръ не могъ удержаться отъ смѣха. Войдя, кажется, въ седьмую палату и держа двѣ книги въ рукѣ Государь ласково обратился къ солдатамъ: «А кто здѣсь грамотный?» тотчасъ же отозвались два солдатика, которымъ Государь и передалъ книги, какъ кажется, духовнаго содержанія. Остальнымъ же Государь самъ сталъ раздавать различныя вещи. Когда же солдаты начали разбирать кисеты, вынимая то одну, то другую вещичку, у солдатика получившаго книгу лицо вдругъ сдѣлалось такимъ печальнымъ, что когда Императоръ подошелъ къ нему и спросилъ: «А ты уже получилъ?» Онъ чуть не плача, вздохнувъ, произнесъ: «Да, книгу получилъ, Ваше Императорское Величество!» Ну до того физіономія его была комично-печальна, что Государь разразился смѣхомъ. «Вижу, вижу, братъ, тебѣ хочется кисетъ получить... ну возьми, вотъ тебѣ;» ласково сказалъ Императоръ. Когда же Государь вышелъ изъ палатки, то другой солдатъ получившій книгу чуть не заплакалъ.

— Братцы, ну что я буду съ *этой книгой* дѣлать и за чѣмъ это я Царю батюшкѣ сказалъ, что я грамотей? — глубоко *вздохнувъ, сказалъ* солдатъ.

Въ это время Государь Императоръ стоялъ около музыки, окруженный сестрами и ранеными.

— А гдѣ тотъ, спросилъ Государь, что на гармоникѣ хорошо играетъ? Кликнули. Вышелъ солдатъ съ перевязанной лѣвой рукой и, ставъ передъ Государемъ, лихо отхватилъ комаринскаго. Государь прослушалъ до конца, улыбнулся и, обратившись къ музыкантамъ, весело сказалъ: «Ну, теперь вы съиграйте.» Никогда не забуду я несчастнаго страдальца солдата, у котораго обѣ ноги были отрѣзаны; обыкновенно при перевязкахъ онъ ужасно мучился и крикъ его слышенъ былъ во всѣхъ палатахъ; но съ того момента, какъ Государь подарилъ ему гармонику, онъ пересталъ стонать и вмѣсто того съ утра до поздняго вечера разыгрывалъ на гармоникѣ. Вотъ какъ чудотворно вліяло ласковое слово Государя Императора на нашего добраго солдата.

Государь обошелъ нѣсколько палатъ, и каждый раненый получилъ подарокъ. Офицерамъ онъ раздавалъ, между прочимъ, свои фотографическіе портреты, нѣкоторымъ раненымъ солдатамъ и офицерамъ Георгіевскіе кресты. Осмотрѣвъ комнаты, отведенныя для сестеръ милосердія, которыя только наканунѣ прибыли, Государь вошелъ на площадку, гдѣ стояли его коляска и хоръ музыкантовъ. Раненые высыпали наружу, кто въ шинели въ накидку, кто просто въ лазаретной рубашкѣ, кто въ шапкѣ, кто безъ шапки.

Въ это время пріѣхалъ ординарецъ Великаго Князя и подалъ Государю депешу. Онъ быстро ее развернулъ и началъ читать. Прочелъ разъ, прочелъ другой, потомъ сталъ складывать, потомъ опять развернулъ и опять прочелъ. Подозвавъ къ себѣ князя Суворова, Государь съ улыбкой сообщилъ ему содержаніе депеши, сѣлъ въ коляску, простился съ ранеными и уѣхалъ въ лагерь. Музыканты заиграли народный гимнъ. Всѣ сняли шапки.

Обѣдалъ Государь въ семь часовъ, въ томъ же шатрѣ, гдѣ подавался завтракъ. Великій Князь Главнокомандующій пріѣзжалъ обыкновенно разъ или два въ день, прямо къ завтраку или обѣду, иногда вечеромъ къ чаю, который подавался въ половинѣ десятаго. Въ это время читались выписки изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ, присланныя министромъ иностранныхъ дѣлъ—изъ иностранныхъ газетъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ — изъ русскихъ. Чтеніе продолжалось часъ; выписки составлялись, сколько я слышалъ, очень разнообразно, полно представляя положеніе дѣлъ и отзывы газетъ о текущихъ событіяхъ въ Россіи и заграницей. Государь внимательно слушалъ, дѣлалъ замѣчанія, обращался къ кому-нибудь съ вопросомъ: «Такъ ли это?» Обладая замѣчательною памятью, Государь иногда поражалъ присутствовавшихъ знаніемъ мельчайшихъ историческихъ фактовъ и необыкновенно мѣткими сужденіями о военныхъ и политическихъ событіяхъ. Кто бы ни пріѣхалъ въ это время, чтеніе не прекращалось. Около одиннадцати часовъ расходились и Государь уходилъ къ себѣ и работалъ еще до часу...

Въ одинъ изъ прекрасныхъ дней, передъ домомъ Государя Императора собрались всѣ деревенскія дѣвушки, которыя устроили нѣчто въ родѣ хоровода, безъ всякаго стѣсненія, съ милою наивностію онѣ танцовали и пѣли предъ Государемъ, за что и получили въ подарокъ отъ Императора по золотому. Кажется въ этотъ же день Государь сдѣлалъ пожертвованіе и въ Горно-Студенскую церковь. Болгары были счастливы и ликовали *).

Еще 15-го августа подъ Плевной все было тихо. 19-го же августа, какъ разъ на другой день, когда князь Карлъ румынскій получилъ назначеніе главнокомандующаго соединенныхъ русскихъ и румынскихъ войскъ западнаго отряда, турки изъ Плевны аттаковали нашу позицію у Пелишата и Сгалевицы.

Въ этотъ день мы были въ тревожномъ состояніи; однако извѣстіе, что наши перешли въ наступленіе и окончательно отбросили турокъ, вполнѣ успокоило насъ. 25-го августа, съ наступленіемъ темноты, наши войска западнаго отряда придвинулись къ Плевнѣ, устроили ночью батареи на высотахъ окружающихъ турецкія укрѣпленія; турки этого не замѣтили и въ шесть часовъ утра на другой день наши осадныя батареи открыли

*) Нѣсколько измѣненная и дополнененная корреспонденція „Русскаго Міра“.

огонь, сдѣлавъ залпъ. Началась канонада, продолжавшаяся цѣлый день. На другой день мы узнали, что наши батареи придвинулись ближе къ Плевнѣ, и что Гривицы уже заняты. Въ простотѣ душевной я полагалъ, что скоро и Плевна будетъ наша и въ первое же свое посѣщеніе раненыхъ сообщилъ имъ свои курьезныя догадки. Славно онѣ оправдались!?! 30-го августа всѣ въ главной квартирѣ были напряжены, съ разсвѣтомъ наши войска пошли на штурмъ и ровно въ три часа были взяты Скобелевымъ три редута на южномъ фронтѣ и генераломъ Родіоновымъ *большой* Гревицкій редутъ.

Въ этотъ страшный день, страшный потому, что наши потери одними ранеными были громадны (болѣе пяти тысячъ человѣкъ), Государь Императоръ и Великій Князь стояли на горѣ за такъ называемой «долиной смерти» и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ дѣла. Всѣ мы ждали полнаго, блистательнаго успѣха, всѣ мы думали, что порадуемъ Высокаго тезоимянитаго гостя. Не сбылись только вполнѣ наши теплыя, сердечныя желанія!!!

Въ этотъ день мнѣ довелось совершенно негаданно окреститься страшнымъ огнемъ. Не думалъ я и не гадовалъ попасть въ дѣло экспронтомъ.

За курганомъ, на которомъ *наблюдали* Государь Императоръ и Великій Князь, въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ конвой Главнокомандующаго— Лейбъ-казаки.

Ровно въ два часа 1-й дивизіонъ получилъ приказаніе отъ самаго Главнокомандующаго выставить впереди цѣпь. При этомъ первый эскадронъ, выдвинувшись приблизительно на версту впередъ, разставилъ посты, а 2-й эскадронъ составилъ резервъ. Начальникомъ дивизіона былъ храбрый полковникъ Мандрыкинъ. Объ немъ-то исключительно и буду говорить.

Не прошло и получаса, какъ мы получили приказаніе отъ командира полка еще подвинуться впередъ, однако такъ, чтобы не очутиться въ сферѣ огня.

— Какъ-же это такъ! развелъ руками полковникъ Мандрыкинъ. И впередъ—и внѣ огня!.. да это невозможно,—мы на рубежѣ.

— Г. поручикъ! спросилъ онъ снова присланнаго офицера,—повторите приказаніе. Тотъ повторилъ. Тогда-то полковникъ немедля ни минуты двинулся впередъ цѣпью и сталъ въ «долинѣ смерти» шагахъ въ ста отъ румынскихъ батарей. «Теперь будетъ ладно», засмѣялся онъ и какъ-бы въ отвѣтъ на это передъ цѣпью шлепнула граната. Ровно въ три часа сзади насъ быстро стали подходить пѣхота и артиллерія. Вотъ она поровнялась съ нашею цѣпью и бѣгомъ устремилась впередъ. Съ обѣихъ сторонъ поднялась ужасная, страшная канонада. Въ это мгновеніе къ цѣпи подлетѣлъ какъ вихрь полковникъ Мандрыкинъ. Я просто его не узналъ!

Шапка у него была передвинута козырькомъ назадъ, лицо сіяло и въ рукахъ былъ бѣлый платокъ.

— Братцы, голубчики! крикнулъ онъ какимъ-то необыкновеннымъ голосомъ, сегодня день торжественный, порадуемъ и мы Государя Императора и хоть лепту принесемъ на благо общаго святаго дѣла.

— Поручикъ!!! обратился онъ ко мнѣ, соберите цѣпь. Я крикнулъ и человѣкъ двадцать казаковъ сгрупировались около насъ. Терять нельзя было болѣе ни минуты и полковникъ скомандовалъ намъ съ мѣста: «маршъ-маршъ». Въ это самое мгновеніе шагахъ въ сорока отъ насъ взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ и шальная граната хватила подъ лошадь лихого командира. Никогда не забуду я выраженія его лица въ эту минуту. Онъ какъ-то славно улыбнулся, повернулся къ намъ лицомъ и громко крикнулъ: «Не бойсь, братцы... Господь Богъ пощадитъ меня», и дѣйствительно граната заглохла. Чистосердечно признаюсь, что въ первый моментъ, какъ мы только бросились впередъ, какъ-бы пронизавъ пѣхоту, я положительно ошалѣлъ—точно растопленнымъ желѣзомъ полыхнули мнѣ прямо въ лицо. О! чудный, божественный и страшный мигъ—не забуду я тебя никогда!!! Почти вслѣдъ за тѣмъ я ни съ того ни съ сего зарычалъ какъ животное и страшно и радостно застучало сердце въ груди. Я бы зубами готовъ былъ вцѣпиться хоть въ горло турка, лишь-бы скорѣй, скорѣй добраться до него. А что онъ мнѣ сдѣлалъ, я и самъ не зналъ. Ненавистенъ онъ былъ, да и только. «Братцы! милые! впередъ! ура!!» кричалъ я точно въ бреду. А со всѣхъ сторонъ ревѣли орудія, пѣли птички, надъ ушами пули визжали, матушка земля вздрагивала, слышались стоны и крики... адъ кромѣшный!.. адъ со всѣхъ сторонъ!! Мы проскочили деревню Гривицы и разсыпной аттакой бросились впередъ, какъ-бы нахально вызывая огонь на себя. Мы мечтали о вынесенной за валъ батареѣ, мы мечтали взять ее съ боя. Но вотъ турки понизили орудія и хватили въ насъ шрапнелями и картечными гранатами. Дѣйствительно ужъ очень и подло и скверно спѣваютъ они смертоносныя пѣсни. Вначалѣ ужъ очень почтительно раскланяешься съ ней... да нельзя, ну просто невольно, потомъ ужъ обвыкнешь.

— Братцы, голубчики, крикнулъ командиръ... не тронетъ насъ... впередъ... съ нами Богъ!

Ужъ очень хорошій онъ человѣкъ... Смѣясь и съ сжатымъ сердцемъ летѣли мы впередъ! Тр-р-р-а-хъ!!! Залпомъ встрѣтила насъ выскочившая пѣхота, а за ней показалась и кавалерія.

— Стой, крикнулъ отецъ командиръ... прикройся! Мы всѣ бросились въ боковыя къ счастію подвернувшіяся канавы и наклонились, только онъ одинъ спокойный, веселый остался на мѣстѣ.

— Эхъ!! мало насъ, чуть не заплакалъ онъ, унтеръ-офицеръ—кто есть, скачи за нашими, скажи, что ждемъ,—скорѣй, скорѣй. Поручикъ, ко

мнѣ!!! давайте покуримъ... Я бросилъ прикрытіе и подъѣхалъ къ нему. —Есть табакъ? спросилъ онъ меня.

— Есть. Сейчасъ скручу, и я началъ дѣлать папиросу. Славно я ихъ дѣлаю, а въ этотъ разъ что-то не удалось... раза два поклонился. «Ничего голубчикъ... попривыкнешь», ласково и съ какою-то любовью сказалъ командиръ.

Здѣсь мы простояли минутъ съ десять и дождались посланныхъ унтеръ-офицеровъ. Отвѣтъ былъ неутѣшительный, ибо они остальныхъ нашихъ не нашли. Въ это-же самое время справа загремѣла перестрѣлка, и наша пѣхотная цѣпь поравнялась съ нами. Ждать болѣе не приходилось и мы подъ огнемъ непріятеля стали отступать рысью. Послѣднимъ ѣхалъ полковникъ и два раза слѣзалъ съ лошади и подымалъ оброненную казакомъ шинель.

Раненныхъ по пути было очень мало, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревня пылала; какъ разъ посрединѣ ее среди пламени въ разнесенномъ дворѣ стояла болгарка съ распущенными волосами и испускала какіе-то страшные крики. Чуть-чуть по дальше съ искаженнымъ лицомъ, опершись о заборъ, стоялъ раненый солдатъ, возлѣ котораго валялись—убитая лошадь, остатки взорваннаго ящика и осколки гранатъ. Вотъ здѣсь-то подъ выстрѣлами я побратался съ лихимъ командиромъ и выпилъ съ нимъ на брудершафтъ воды изъ глиняннаго кувшина. Побродивъ минутъ пять мы наткнулись на своихъ, которые до этого съ обнаженными шашками оберегали румынскую батарею, выжидая случая броситься въ аттаку. Снова соединившись, мы цѣлымъ эскадрономъ двинулись впередъ и залегли не далеко отъ своей цѣпи въ лощинѣ. Пули летали черезъ головы и не причиняли вреда. Между тѣмъ Государю, стоящему на курганѣ, было послано извѣстіе отъ начальника пѣхоты, что появилась сотня казаковъ, которая произвела аттаку.

— Какіе казаки? спросилъ Государь Императоръ.

— Лейбъ-казаки, отвѣтилъ посланный.

— Не утерпѣли, подъ пули пошли, ласково замѣтилъ командиру полка Великій Князь. Подъ вечеръ намъ приказано было вернуться снова на курганъ. Я позабылъ упомянуть о томъ, что когда мы соединились съ остальной частью эскадрона, то полковникъ Мандрыкинъ послалъ меня къ командиру полка просить позволенія въ счастливомъ случаѣ броситься въ аттаку. Однако вмѣсто разрѣшенія послѣдовалъ... нагоняй *).

Много безспорно храбрыхъ личностей породила Турецко-Русская война. Много ихъ улеглось на полѣ честной брани. Много именъ осталось для насъ неизвѣстными. Неизвѣстность эта обидна. Вотъ почему я,

*) Цѣпь нашей аттаки должна была завязать бой и въ случаѣ, если-бы мы нашли вынесенную изъ-за редута непріятельскую батарею, аттаковать ее.

хотя и говорилъ уже о подвигахъ извѣстнаго Галдина, тѣмъ не менѣе личность его не вполнѣ была мною охарактеризована.

Извѣстно всѣмъ и каждому, что быть лично храбрымъ большая заслуга; но брать на себя отвѣтственную иниціативу въ дѣлахъ успѣха военныхъ дѣлъ—задача не легкая, да и не всякій способенъ достигнуть ее, ежели не обладаетъ извѣстною долею нужныхъ для того качествъ.

Сотникъ Галдинъ, какъ неимѣющій еще чина дающаго право на самостоятельное командованіе отдѣльною частью, не могъ вначалѣ своей боевой дѣятельности выказать во всемъ блескѣ тѣ способности, которыя разомъ поставили его на степень героя. Нужно было прежде добиться права на эту самостоятельность, онъ и добился ее. И добился не тѣмъ путемъ, какъ добиваются бездарныя личности, а исключительнымъ способомъ—это проявленіемъ на каждомъ шагу самой отчаянной храбрости, находчивостью, умѣньемъ въ самыхъ критическихъ положеніяхъ пользоваться обстоятельствами и даже самыя неблагопріятныя изъ нихъ обращать въ свою пользу...

Одною изъ его замѣчательнѣйшихъ способностей—увѣренность въ себѣ, въ своихъ дарованіяхъ, въ успѣхъ предпринимаемаго дѣла, какъ-бы неказалось оно на видъ невозможнымъ.

Умѣнье заразить *этой увѣренностью* и своихъ подчиненныхъ боевыхъ товарищей—*вотъ это то* и дѣлало его такимъ всемогущимъ, неотразимымъ и сильнымъ.

Вотъ доказательства выше сказаннаго.... 30-го іюня по приказанію своего командира полка, уже успѣвшаго оцѣнить боевыя качества этаго офицера, Галдинъ съ сотнею казаковъ двинулся по направленію къ Балканамъ и потомъ, переночевавъ въ м. Травно, на другой день уже выступилъ къ возвышенности Бедекъ, куда добрался послѣ пятичасоваго перехода. Возвышенность эта представляетъ гору у половины покрытую сплошнымъ лѣсомъ.

Только одна вершина ея представляетъ, ничѣмъ кромѣ травы не покрытую, выпуклость, за которою и расположились турки лагеремъ, выставивъ пикеты почти на самой вершинѣ горы.

Силы турокъ, сравнительно съ горстію отряда Галдина, были громадны—одной пѣхоты было до двухъ тысячъ человѣкъ. Численность-же черкесовъ и баши-бузуковъ была неизвѣстна.

Прежде, чѣмъ схватиться съ врагомъ, Галдину нужно было побѣдить другаго болѣе сильнаго врага—природу, которая поставила ему бездну препятствій: лѣсъ, покрывающій гору былъ до того сплоченъ, до того густъ, что нужно было пробираться шагъ за шагомъ побѣждая преграды, представляемыя густо переплетеными вѣтвями и лежащими поперегъ пути цѣлыми деревьями, которыя приходилось или обходить или вырубать шашками.

Кромѣ того, почва была покрыта травою жесткой и скользкой, ослизлой отъ росы. Нога скользила по ней и не было никакой везможности держаться на ней иначе, какъ ухватившись за сучья и вѣтви деревъ, которыя хлестали въ лицо и рвали не только платья, но и царапали руки и ноги до крови. Но ничто не остановило молодца, ободряющій голосъ котораго оживлялъ казаковъ....

«Впередъ братцы, дружно, выгонимъ эту орду»!

Увѣренность начальника сообщилась подчиненнымъ и спустя не много отрядъ миновалъ лѣсъ и очутился въ виду скрытаго непріятеля, до котораго оставалось не болѣе двухъ сотъ, трехъ сотъ шаговъ.

Здѣсь дорога сдѣлалась еще труднѣе: держаться было не зачто, приходилось ползти на четвереньках, хватаясь за скользкую траву и вонзая руки въ разрыхленную землю. Выставленные непріятелемъ пикеты, замѣтивъ приближающихся враговъ, до того были поражены неожиданностью ихъ появленія, что, бросивъ ружья отъ паническаго страха, оставили посты и бросились съ горы къ своему лагерю. Нѣсколько выстрѣловъ, послѣдовавшихъ съ нашей стороны, поразили двухъ бѣглецовъ. Пользуясь минутнымъ смятеніемъ, Галдинъ быстро бросился на вершину горы, на которой показались уже стройныя колонны аттакующаго непріятеля. Отступать правильно по такой мѣстности было невозможно, а идти впередъ было просто безумно—это значило идти на вѣрную смерть. Въ это самое время на возвышенности между стоящими другъ передъ другомъ отрядами показался табунъ турецкихъ лошадей штукъ въ шестьдесятъ. Тогда сотникъ Галдинъ, не желая упустить добычу, съ двумя казаками бросился къ лошадямъ, которыя, повернувъ, бросились на своихъ, но лихой сотникъ съ быстротой молніи обогналъ лошадей и погналъ ихъ въ свою сторону. По смѣльчикамъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но безуспѣшно; Галдинъ только на ходу повернулся къ непріятелю и погрозилъ ему кулакомъ. Послѣдовала страшная ружейная канонада со стороны взбѣшоннаго врага, но и она не принесла никакого урона. Вслѣдъ затѣмъ, со стороны турокъ раздался сигналъ наступленія, на который сотникъ Галдинъ отвѣтилъ своимъ сигналомъ «наступленія». Насталъ дѣйствительно страшный моментъ!. При каждомъ шагѣ противника Галдинъ дѣлалъ залпъ и непріятель какъ-бы невольно останавливался. Продержавшись такимъ образомъ довольно долгое время, Галдинъ снова приказалъ протрубить сигналъ наступленія и подъ прикрытіемъ трехъ казаковъ, невидимо для непріятеля, сталъ быстро отступать.

Догадавшійся непріятель, видя себя одураченнымъ, открылъ пальбу залпами, но наши были уже внѣ выстрѣла. На другой день Галдинъ въ виду непріятеля объѣзжалъ такъ лихо захваченныхъ коней.

Врагъ бѣсился и ничего не могъ подѣлать. Но вотъ въ турецкомъ лагерѣ, какъ донесли казаки, оставленные на опушкѣ лѣса, стало замѣтно какое-то дѣятельное движеніе. Турки стали окапываться. Предполагая,

что они хотятъ втащить орудія въ ложементы, Галдинъ двинулся обходнымъ движеніемъ по ту сторону горы, оставивъ часть сотни для присмотра за отбитымъ табуномъ. Какъ и въ первый разъ движеніе по лѣсу было сопряжено съ большими затрудненіями, но убѣдившись, что у непріятеля нѣтъ артиллеріи, Галдинъ, перекрестившись, быстро развернулъ фронтъ пошелъ чрезъ лагерь врага, не ожидавшаго его съ противоположной стороны, желая тѣмъ сократить себѣ путь. Врагъ до того растерялся, что не сдѣлавъ и выстрѣла пропустилъ чрезъ центръ храбрецовъ.

На третій день отъ командира полка, полковника Орлова, пришло предписаніе немедленно увѣдомить его о случившемся, а также прислать свѣдѣніе о численности непріятеля, о возможности обхода и о дорогахъ. На все это Галдинъ, какъ истинный герой, отвѣтилъ:

«Горы охраняютъ тысяча пятьсотъ челов. низама, черкесы и башибузуки; обходъ возможенъ и дороги есть»,—коротко и ясно.

Сообщивъ пока только факты и описавъ по возможности всѣ тѣ случаи, гдѣ Галдинъ доказалъ свою недюженную способность, какъ храбраго бойца и дѣятельнаго начальника, я перейду къ результатамъ той пользы, какую принесло его дѣло.

Узнавъ изъ донесенія Галдина о численности и стало-быть превосходствѣ силъ непріятеля, начальство *выслало* на другой день подкрѣпленіе, состоящее изъ двухъ ротъ пѣхоты Орловскаго полка (1 и 2). Рѣшено было взять приступомъ гору Бедекъ. Галдину, какъ уже испытанному бойцу и распорядительному начальнику, было поручено главное командованіе колонною, назначенною во фронтъ непріятеля, состоящей изъ второй роты, первой части и пятаго казака его сотни. На лѣвый ложементъ (ихъ было три) — хорунжій Долговъ съ двадцатью однимъ казакомъ и командиръ первой роты съ семидесятью солдатами. На правый—двадцать-восемь казаковъ подъ командою урядника Темникова. Двигаться приходилось гуськомъ по одному за трудностью пути. Какова аттака! Шли до тѣхъ поръ въ такомъ порядкѣ, пока не миновали лѣсъ и не вышли на опушку, гдѣ Галдинъ развернулъ фронтомъ своихъ казаковъ, между тѣмъ слѣдующая за нимъ рота успѣла только выдти своимъ первымъ взводомъ. На правомъ флангѣ казаки уже построились въ боевой порядокъ, ожидая только сигнала къ рѣшительному натиску. Наконецъ всѣ части выстроились какъ было условлено, но тутъ случилось неожиданное обстоятельство: болгаринъ, служившій проводникомъ правому отряду казаковъ, наткнувшись на передовой турецкій патруль, растерялся и выстрѣлилъ, чѣмъ и произвелъ тревогу и наши были открыты. Завязалась страшная ожесточенная перестрѣлка, отъ которой болѣе всѣхъ страдалъ отрядъ Галдина, какъ подвергнутый перекрестному огню. Опасаясь, стоя на мѣстѣ, безполезно терять людей онъ скомандовалъ: «впередъ на приступъ»! Быстро взобрались молодцы до окопа, но тутъ пѣхота отъ страшнаго залпа дрогнула. Видя это, неустрашимый

предводитель отряда, съ обнаженной шашкой въ одной и съ солдатскимъ ружьемъ въ другой рукѣ, забѣжалъ назадъ аттакующей колонны и закричалъ потрясающимъ голосомъ: «Отступленія нѣтъ. Кто хоть шагъ назадъ сдѣлаетъ—размозжу голову». Онъ и исполнилъ бы угрозу, но магически подѣйствовавшій голосъ начальника вернулъ на мѣсто долга позабывшихъ было его на минуту пѣхотинцевъ, и они снова, уже не разбирая и не страшась вражьихъ пуль, бросились и ворвались въ завалъ. Галдинъ же обогнавъ свой отрядъ ринулся на перевѣсъ въ самый адъ свалки и работалъ какъ простой рядовой то шашкой, то штыкомъ, то отнятымъ у врага оружіемъ.

Въ воздухѣ стоялъ стонъ. Уже не стрѣляли, шла нѣмая штыковая работа. Сражающіяся стороны тогда только оглашали воздухъ криками, когда падали израненные—не могши удержать послѣдняго предсмертнаго стона.

Галдинъ былъ нѣсколько разъ окружаемъ. Казалось не было ему спасенія: вотъ пять человѣкъ окружили его, уже замахнувшись на него штыками—вотъ она смерть!....

Не тутъ-то было, подавшись назадъ, онъ бросается какъ разъяренный левъ, сноситъ голову одному, прорвавшись и схвативъ ружье у павшаго турка, онъ вонзаетъ штыкъ въ *животъ* другому, и сваливаетъ прикладомъ третьяго. Остальные два бѣгутъ, а онъ за *ними*.

Врагъ выбитъ совсѣмъ, но надо идти на помощь къ другимъ. Собравъ свой отрядъ, Галдинъ ведетъ его къ лѣвому ложементу: «стой, не стрѣляй, своихъ побьешь», раздается голосъ изъ завала. Галдинъ, предполагая, что дѣйствительно выстрѣлилъ въ своихъ, оставилъ этотъ ложементъ и двинулся на правый, гдѣ бой шелъ съ неменьшимъ ожесточеніемъ, по прибытіи Галдина, турки бросились въ разсыпную, провожаемые нашимъ огнемъ. Работа была кончена, ибо получено предписаніе оставить преслѣдованіе и вернуться къ ложементамъ. Въ то время какъ отрядъ лѣваго фланга на возвратномъ уже пути сталъ подвигаться съ тылу къ заваламъ, онъ былъ встрѣченъ неожиданнымъ жестокимъ залпомъ. Оказалось, что раздавшееся: «стой, не стрѣляй, своихъ побьешь» было произнесено однимъ изъ черкесовъ, говорившаго по русски. Догадавшись объ обманѣ, наши бросились туда, ну и пощады уже не было.

Остервененіе дошло до того, что когда Галдинъ съ своимъ отрядомъ сталъ подходить къ ложементу, то нашъ лѣвый отрядъ, не разглядѣвъ своихъ, угостилъ ихъ двумя залпами, къ счастію не причинившими никакого вреда.

Такъ была взята гора Бедекъ.

Что Галдинъ оказалъ громадную услугу, открывъ первый эту позицію, пріобрѣлъ важный стратегическій пунктъ, но и кромѣ того онъ принялъ на себя всю тягость отвѣтственности въ случаѣ неудачи, и, та-

кимъ образомъ, своею собственною грудью прикрылъ отъ огня остальную часть войска. Личное участіе въ этомъ дѣлѣ не требуетъ поясненія. Его храбрость говоритъ за него сама.

Дай же Богъ намъ по-больше такихъ Галдиныхъ, такъ смѣло безъ оглядки идущихъ на врага въ 10 разъ сильнѣйшаго. Не считая черкесовъ и баши-бузуковъ, въ только что описанномъ дѣлѣ на каждаго человѣка отряда Галдина приходилось по 10 человѣкъ турокъ, а на самаго Галдина число ихъ опредѣлить невозможно, ибо самъ храбрецъ билъ ихъ несчитая. Но, несмотря на все превосходство врага, Галдинъ и его отрядъ не понесъ особенно большой потери, нанеся вмѣстѣ съ тѣмъ врагу сравнительно громадный ущербъ.

Разсказавъ объ этомъ подвигѣ Галдина нельзя умолчать и о другомъ хотя и не о такомъ важномъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, онъ игралъ роль молодецкую.

7-го числа того же мѣсяца Галдину было поручено двигаться къ Ловчи, для охраненія лѣваго фланга при дер. Присякахъ. Какъ и всегда, онъ немедленно двинулся въ путь. Несмотря на сильное утомленіе почти не отдыхавшаго отряда (Галдинъ все время несъ разъѣздную службу), онъ скоро прибылъ къ мѣсту назначенія. Каково же было удивленіе храбраго начальника, когда онъ засталъ деревню уже занятую врагомъ. Не долго раздумывая, онъ скомандовалъ своимъ «впередъ», ринулся въ деревню и выгналъ турокъ, причемъ захватилъ 500 штукъ рогатаго скота и 1,500 овецъ. Пріобрѣтеніе важное въ высшей степени, когда продовольствіе войскъ въ бѣдной ограбленной странѣ предславляетъ такія трудности; не говоря уже о томъ, что подобныя побѣды подрываютъ не только матеріальныя, но и нравственныя боевыя силы врага. Плохо воевать на пустой желудокъ! Занятую Галдинымъ деревню, ввиду движенія главнаго отряда генерала Скобелева, пришлось однако оставить. Когда же отрядъ его снова двинулся къ Ловчи, Галдину опять было приказано занять оставленную деревню. Онъ и занялъ и, какъ всегда—съ боя, ибо не добравшись еще и до половины пути онъ встрѣтилъ 70 вооруженныхъ черкесовъ, преградившимъ ему путь. Не раздумывая долго, сотникъ взялъ 15 человѣкъ, ударилъ на нихъ въ пики, смялъ и погналъ передъ собою. Между тѣмъ вдали онъ заслышалъ перестрѣлку и, догадавшись въ чемъ дѣло, съ 10 человѣками бросился на перерѣзъ, чтобы такимъ образомъ отрѣзать пути отступленія къ Ловчи. Черкесы, видя себя свободными отъ преслѣдованія, спѣшились и открыли огонь. Галдинъ спѣшилъ въ свою очередь своихъ и огнемъ прогналъ черкесовъ, которые, оставивъ на мѣстѣ 4 убитыхъ, поспѣшили отступить.

Вернувшись на бивуакъ, Галдинъ опять засталъ тамъ черкесовъ; но и эти долго не удержались—молодецкимъ натискомъ онъ заставилъ ихъ скрыться.

Многое еще можно было бы сказать, пересчитывая подвиги Галдина... но всего не перескажешь.

Одно можно еще сказать и сказать утвердительно, что ни въ какихъ случаяхъ Галдинъ не отступалъ отъ грозившей ему опасности. Никакое утомленіе, ни кажущаяся невозможность не останавливали его на пути.... численное превосходство врага, какъ бы оно ни было велико, только увеличивало его стойкость и его храбрость. Когда нужно было разузнать мѣстность, сосчитать силы непріятеля до точности, никто лучше Галдина не съумѣлъ бы этого сдѣлать, какъ это напримѣръ сдѣлалъ онъ при наступленіи всего отряда Скобелева на Ловчу, гдѣ онъ съ двумя сотнями подлетѣлъ такъ близко къ непріятелю, что можно было переговариваться съ нимъ. Его встрѣтили тремя залпами, но онъ, не обращая на нихъ вниманія, сдѣлалъ свое дѣло: преспокойно разъѣзжая передъ фронтомъ и на флангахъ непріятельскаго расположенія, разсмотрѣлъ и опредѣлилъ силы врага, привезъ самыя точныя свѣдѣнія, а именно: что у противника 15,000 пѣхоты.

Ежели нужно было подать куда нибудь быструю рѣшительную помощь, Галдинъ являлся тутъ какъ тутъ, рискуя при этомъ собою самымъ беззавѣтнымъ образомъ.

Примѣръ подобнаго самоотверженнаго мужества, — помощь Кубанцамъ, оказанная имъ во время общаго наступленія на Ловчу бригады Тутолмина, гдѣ весь огонь непріятеля онъ отвлекъ на себя, давъ такимъ образомъ возможность выбраться Кубанцамъ изъ критическаго положенія... Нынѣ офицерскій Георгій украшаетъ грудь молодого воина. Самъ Государь Императоръ лично пожелалъ видѣть не только храбраго Галдина, но и всѣхъ тѣхъ казаковъ, которые были подъ его начальствомъ. Картина эта не можетъ быть ни описана, ни разсказана. Когда Государь подъѣхалъ къ Галдину и подалъ ему свою державную руку, то послѣдній до того былъ пораженъ такою высокою Царскою милостью, что никогда ни въ какой бѣдѣ не терявшій головы онъ при видѣ этой отеческой ласки нашего обожаемаго Монарха смутился и не могъ выговорить ни слова...

Вотъ самая высшая награда, какой только можетъ удостоиться русскій воинъ. Мнѣ, какъ казаку, выпала большая честь говорить о подвигахъ донца-сослуживца. Насколько я выполнилъ эту задачу не мнѣ цѣнить, я желалъ-бы быть искреннимъ и правдивымъ... пусть и другіе не обходятъ молчаніемъ такихъ заслугъ, какъ заслуги Галдина и ему подобныхъ, ибо обязанность истинно-русскаго состоитъ не только въ душевной признательности героямъ, проливающимъ свою кровь за великое дѣло, но и сохранить ихъ имена для будущей исторіи нашей святой войны.

Честно и свято передъ Богомъ и людьми сослужили донскіе казаки Царю и Отечеству. Знать, не рыбья кровь течетъ въ ихъ жилахъ; знать, вспомнили они вожаковъ своихъ славныхъ и кровавой тризной помянули павшихъ на полѣ брани прадѣдовъ и дѣдовъ!...

Солдатъ подчуетъ и угощаетъ казака: знаетъ шельма—казакъ на часахъ и спитъ спокойно. Ужъ не подкрадется черкесъ, ужъ не срубитъ удалой, безшабашной башки... Вотъ офицеръ пѣхотный ѣдетъ, за нимъ казакъ.

— Стой! сбились съ дороги—ищи, казакъ, слѣдъ потеряли.

— Не сумливайся, ваше благородіе, заразъ найдемъ.

Моментъ,—свистнула нагайка въ воздухѣ и казакъ пропалъ.

— Трогай! кричитъ онъ Богъ вѣсть откуда,—дорога есть, до свѣту доберемся.

* * *

Длинный, предлинный тянется обозъ. Возницы дремлятъ. Толкните одного, надъ ухомъ крикните, что турки. Зѣвнетъ только, да съ просонковъ пробормочитъ: казаки съ нами.

Чу, зарево! То станція горитъ. Съ громомъ летятъ взорванные шпалы и рельсы. Казаки работаютъ: *приказано дорогу* разрушить...

— Съ дороги сбились, кричитъ начальникъ части.

— Тута, тута, раздается среди гробовой ночной тишины голосъ проводника казака, правѣе... осторожнѣй—обрывъ. Теперь гладко,—трогай помаленьку.

Тихо, стройно подвигается впередъ линія разсыпанныхъ казаковъ.

Вотъ въ туманѣ блеснула пика, еще, еще—послѣдняя скрылась... Вотъ выстрѣлъ, другой: то казаки завязали дѣло.

— Пѣхота впередъ! «Ура!», и бой гремитъ.

Казачье ухо, да казачій глазъ и въ пѣсню вошли.

— Ваше благородіе! обращается казакъ къ офицеру.

— Что нужно?

— В-о-н-ъ, что на тѣхъ горахъ, турецкая силища ходитъ.

Офицеръ смѣется.

— Морочь другаго, станичникъ, почитай верстъ двадцать будетъ,—ври.

— Никакъ нѣтъ, *ваше благородіе*, упорствуетъ казакъ,—это точно басурманъ.

Раздумье беретъ офицера. Достаетъ онъ бинокль и смотритъ.

— Ай-да молодецъ, вскрикиваетъ офицеръ,—доподлинно турокъ; получи, братъ, франкъ; молодецъ, нечего сказать!

* * *

«На нашихъ глазахъ совершается фактъ перерожденія Донскихъ боевыхъ казаковъ въ мирныхъ землепашцевъ». Гласитъ учебникъ.— Аминь!!!

Ну, взгляните-же теперь на пахарей: Галдина, Антонова, Дукмасова и другихъ; взляните на простыхъ казаковъ: Аведикова, Микулина, Олферова и увидите, что славные они землепашцы. Только не плугами они землю роютъ, не навозомъ удобряютъ ее—нѣтъ! завѣтной дѣдовской шашкой бороздятъ ее, переворачивая все вверхъ дномъ; удобряютъ кровью бусурмановъ; тризну справляютъ среди дыма и пламени. Вотъ гдѣ казаки! въ нихъ оплотъ дорогой отчизны!

— Казакъ любитъ пограбить... безтолковые твердятъ. Казакъ близко— держи ухо востро.

— Нѣтъ! съ боя возьметъ; своего не отдастъ. Казну найдетъ—подѣлится.

— Что дѣлаемъ? спрашиваютъ казаки у солдата, а сами дѣлятъ съ боя отбитую казну.

— Не знаю, отвѣчаетъ солдатъ.

— Проходи!

— Что дѣлаемъ? обращаются снова къ другому солдату.

— Казну дѣлите.

— Садись! бери и ты! рѣшаютъ казаки.

Вотъ казаки!

Когда-же среди пламени, это было въ Адріанополѣ, появилась женщина, съ воплемъ простирающая руки:

— Да гдѣ-же? гдѣ мои дѣти?

Лейбъ-казаки минуту спустя вынесли ихъ на подушкахъ, ихъ грубыя руки ласкали дѣтей!

Но это не все. Безъ приказанія сами стали у дверей ея комнаты и сохранили до нитки все ея добро...

Не бейте-же казака камнемъ, лучше бросьте въ сторону, подойдите къ казаку; онъ вамъ разскажетъ про свое житье-бытье на нѣкогда богатомъ Дону. Скажетъ вамъ, какъ и чѣмъ собирается на службу, какъ продаетъ послѣднюю корову, да покупаетъ шашку, которою онъ свято оберегаетъ наши священныя права и честь дорогаго отечества; разскажетъ вамъ какъ прощается онъ съ родимой хатой, какъ цѣлуетъ жену свою и на ухо шепчетъ: «Господь не безъ милости—приду, заработавъ и долги заплачу». Долго смотритъ казачка вслѣдъ дорогому милому и слеза за слезой, и только ближе прижимаетъ къ сердцу осиротѣвшихъ дѣтей. И пѣснь не веселая на умъ сама понапросится:

Поѣхалъ казакъ на чужбину далекую
На добромъ и вѣрномъ своемъ онъ конѣ,

Свою онъ крайну на вѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ отеческій кровъ.

Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ, поджидаетъ съ далекаго края,
Когда-же къ ней милый казакъ прилетитъ и т. д.

Бываетъ и придетъ онъ домой, рублей сто принесетъ, купитъ быка, и, перекрестясь, пойдетъ на поле, и до кровавато пота съ утра до поздняго вечера начнетъ онъ работать! Было когда-то время золотое, да прошло оно безвозвратно. Банки появились, все достояніе отцовъ мы заложили. Нѣтъ денегъ на Дону. Тяжело! и—какъ стало тяжело жить.

. . . .

Петръ Архиповичъ Дукмасовъ, хорунжій 26-го Донскаго казачьяго полка, вмѣстѣ съ полкомъ 25-го іюня перешелъ Дунай. Съ этого момента начинается славная боевая дѣятельность юнаго офицера.

Съ первыхъ-же дней, тотчасъ послѣ перехода, полкъ занялъ аванпостную цѣпь противъ черкесовъ сосредоточивавшихся у Бѣлы и Тырнова. Понятное дѣло, что кромѣ стычекъ быть ничего не могло. Дукмасовъ скучалъ и все время стремился куда-то впередъ. Вскорѣ мечтамъ его суждено было осуществиться. Отрядъ генерала Гурко, въ составъ котораго вошелъ и 26-й полкъ, двинулся къ Тырново и взялъ его съ боя. Въ первый-же моментъ, т. е. до входа войскъ, генералъ Гурко приказалъ одной сотнѣ 26-го полка на рысяхъ войти въ городъ и осмотрѣться. Тамъ былъ и Дукмасовъ. Странную встрѣчу горожане приготовили казакамъ.

Между тѣмъ какъ съ одной стороны дѣвушки бросали имъ букеты, съ другой стрѣляли изъ домовъ; хорунжій, упоенный встрѣчей, не обращалъ никакого вниманія и ѣхалъ впереди.

— Дьяволы! осерчалъ казакъ, каблукъ да подошву сбили, почитай гологановъ на восемь убытку понесу. Чумбуръ перебили, нехристь триклятая.

При послѣднихъ словахъ казакъ пошатнулся, пуля ударила въ плечо...

Пройдя городъ, сотня остановилась на площадкѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Спустя значительный промежутокъ времени, подъѣхало два орудія.

— Вы куда? спрашиваетъ Дукмасовъ.

— Генералъ прислалъ насъ для преслѣдованія непріятеля.

— А прикрытіе гдѣ у васъ? засмѣялся хорунжій.

— Должно полагать на васъ разсчитывали, замѣтилъ офицеръ.

Круто повернувъ своего коня, Дукмасовъ подскакалъ къ сотенному командиру.

— Генералъ приказалъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя присланными орудіями броситься преслѣдовать непріятеля.

— Возьмите полу-сотню и съ Богомъ, отвѣтилъ сотенный.

Не прошло и пяти минутъ,—полу-сотня летѣла.

Далеко опередивъ своихъ казаковъ, Дукмасовъ вдругъ сразу налетѣлъ на какую-то кавалерійскую часть, которую принялъ за драгунъ.

— Вотъ тебѣ разъ, мелькнуло у него въ головѣ. Что за преслѣдованіе когда драгуны уже здѣсь. Стой... полусотня!

Но одинъ казакъ, не разслышавшій команды, вынесся впередъ.

— Куда тебя чортъ несетъ, крикнулъ Дукмасовъ на казака.

Мнимые драгуны тоже остановились, заслышавъ за собою погоню. То были арнауты, которые не замедлили въ отвѣтъ дать нѣсколько залповъ!

— А лупи ихъ, голубчики! радостнымъ голосомъ крикнулъ Дукмасовъ артиллеріи, и самъ, бросившись къ казакамъ, тотчасъ разсыпалъ часть.

Въ карьеръ заѣхала артиллерія, хватила въ арнаутовъ картечью. Тѣ струсили и, бросившись въ сторону, открыли за ней скрывавшуюся пѣхоту.

Послѣдняя, бросивъ ружья, ранцы и мѣшки обратилась въ бѣгство. Но въ это-же самое время одно непріятельское орудіе выѣхало на позицію и открыло пальбу. Ей отвѣчала наша артиллерія, направляя огонь и въ массы, которыя не замедлили сгрупироваться около орудія.

Немыслимо было съ такою горстью людей броситься на пѣхоту, и минуту спустя Дукмасовъ бросился на нихъ съ двумя казаками. Убивъ нѣсколько человѣкъ онъ вернулся опечаленный.

— Экая жалость, чуть не плача проговорилъ онъ,—кабы полкъ!

Къ вечеру казаки собрались и, выставивъ аванпосты, оберегали спокойно спящихъ драгунъ...

Отрядъ генерала Гурко двинулся дальше. 26-й-же полкъ вскорѣ свернулъ на дер. Хаскіой, съ цѣлью отрѣзать путь отступленія непріятелю. Снова является Дукмасовъ съ шестью казаками и, по приказанію генерала Чернозубова, летитъ занять дер. Хаскіой. У самой деревни у него оказался только одинъ казакъ,—остальные-же были имъ посланы съ донесеніемъ. Но и съ однимъ казакомъ онъ ворвался въ деревню и понесся по главной улицѣ. Передъ нимъ въ страхѣ бѣжали вооруженные турки и баши-бузуки. У моста, въ концѣ деревни, произошла слѣдующая сцена.

Баши-бузукъ бросился за дерево и, порпустивъ Дукмасова на десять шаговъ, поднялъ ружье и прицѣлился. Удалой хорунжій остановился, какъ-бы презирая кремневку... Грянулъ выстрѣлъ—мимо!

— Врешь! вскричалъ Дукмасовъ,—я тебя лучше по своему,—и соскочилъ съ лошади. Но пуля подоспѣвшаго казака хватила турка на повалъ.

— Лежи! такъ-то лучше будетъ, проворчалъ сквозь зубы казакъ.

Въ это-то самое время показалась 2-я сотня, которой командовалъ Полухинъ.

Баши-бузуки же собрались за деревней.

Хорунжій сталъ на правый флангъ сотни и вмѣстѣ съ ней врубился въ ряды баши-бузуковъ. Тѣ дрогнули и, бросивъ обозъ, обратились въ безпорядочное бѣгство.

Полухинъ, занявъ такимъ образомъ деревню, разсыпалъ казаковъ по опушкѣ. Аттаковать-же таборъ, въ которомъ находилась пѣхота и артиллерія, онъ не рѣшился.

Стало тихо—и Дукмасову скучно; и вотъ, взявъ съ собою четырехъ казаковъ, онъ отправился въ другую деревню на поиски. На полудорогѣ онъ наткнулся на восемь человѣкъ баши-бузуковъ, которые засѣли въ кукурузѣ и открыли пальбу. Тогда, остановивъ казаковъ въ двадцати шагахъ отъ нихъ, Дукмасовъ вынулъ револьверъ и тотчасъ-же приказалъ казакамъ начать стрѣльбу.

— По казачьему—чья добрѣй!!!

На раздававшіеся выстрѣлы къ нему подъѣхалъ ротмистръ Мартыновъ съ трубачемъ отъ генерала Чернозубова, узнать причину тревоги. Дукмасовъ, вмѣсто отвѣта, показалъ рукой на баши-бузуковъ,—и Мартыновъ вмѣстѣ съ трубачемъ присоединились къ нему.

Двѣ минуты спустя бой былъ конченъ: турки до одного были перебиты, а трубачъ смертельно раненъ въ животъ.

26-й полкъ, разбивъ турокъ на всѣхъ пунктахъ и занявъ всѣ деревни и обозы, выставилъ цѣпь и, расположась бивуакомъ, сталъ ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Нѣсколько дней спустя хорунжій участвовалъ въ усиленной рекогносцировкѣ подъ Эни-Загрой.

Отрядъ, состоящій изъ пяти и шести сотенъ, подъ командой Мартынова, блистательно исполнилъ возложенное порученіе. Когда-же, неожиданно для молодцовъ, изъ лощины показалась пѣхота, артиллерія открыла ужасный огонь,—они не смутились и перешли въ тихое отступленіе. Какъ ни старались черкесы насѣсть,—имъ этого не удалось; казаки щетинились. Зарвались молодцы, да и вырвались, лошадей раненыхъ и то подобрали.

«Зачѣмъ бросать», думали казаки, «за шкуру чего добраго рубль дадутъ сами-же братушки—возьмемъ».

Слѣдующее дѣло, въ которомъ участвовалъ Дукмасовъ, было подъ Эски-Загрой, когда черкесы въ количествѣ эскадрона вздумали было снова ворваться въ городъ, хорунжій встрѣтилъ ихъ съ восемнадцатью человѣками залпами и аттаковалъ. Видимо существенную помощь оказали при этомъ человѣкъ четыреста собравшихся болгаръ, которые въ первый

моментъ аттаки крикнули «ура!» Черкесы отступили. Послѣ этого онъ неоднократно ѣздилъ на рекогносцировки дорогъ, проходящихъ черезъ Малыя Балканы, за что и получилъ благодарность.

По прошествіи нѣкотораго времени отрядъ, состоящій изъ дивизіона драгунъ, шести сотенъ и двухъ орудій, былъ посланъ Его Высочествомъ Николаемъ Максимиліановичемъ съ цѣлью испортить желѣзную дорогу станціи Кичарли (не далеко отъ Акбунаръ) и уничтожить запасы. Другой отрядъ не менѣе сильный былъ посланъ съ тою-же цѣлью слѣва.

Въ авангардъ былъ назначенъ хорунжій Дукмасовъ съ двацатью казаками, который и исполнилъ одинъ всю задачу, за что и получилъ искреннюю благодарность отъ Его Высочества Николая Максимиліановича.

Съ своимъ отрядомъ онъ распорядился такъ: десять человѣкъ подъ командою урядника онъ отправилъ слѣва по направленію къ станціи, а съ остальными десятью онъ направился вправо. Вскорѣ первый собственноручно онъ испортилъ телеграфъ, повалилъ будку и показалъ казакамъ, какъ нужно портить шпалы,—одинъ направился по полотну желѣзной дороги и какъ бомба влетѣлъ на станцію начальника. Перепуганный смотритель тотчасъ передалъ въ его руки казну, къ которой Дукмасовъ тотчасъ приставилъ часоваго. Затѣмъ показалъ казакамъ, посланнымъ слѣва, какъ портить шпалы, рельсы и колодезь. Минуту спустя всѣ строенія были объяты пламенемъ...

Далѣе хорунжій участвовалъ въ дѣлѣ подъ Ловчей, гдѣ съ десятью человѣками задержалъ черкесовъ, прогналъ ихъ, въ то-же время зорко наблюдая за движеніемъ отряда.

Подъ Плевной 27-го августа съ полусотней на Зеленой горѣ занималъ аванпосты и во время аттаки Калужскаго полка шелъ впереди, отбросилъ черкесъ и затѣмъ въ концѣ за неимѣніемъ роли переносилъ раненыхъ.

Послѣ участія въ дѣлахъ 28, 29, 30 и 31-го сильно заболѣлъ тифозной горячкой и принужденъ былъ отправиться въ Яссы.

Проболѣвъ мѣсяцъ, онъ въ первыхъ числахъ октября вернулся въ отрядъ генерала Скобелева и участвовалъ въ послѣднемъ актѣ кровавой драмы подъ Плевной.

Съ этого момента начинается его ординарческая служба у генерала Скобелева 2-го.

26-го декабря совершилъ геройскій подвигъ, за который и получилъ орденъ св. Георгія.

При спускѣ съ Балканъ отряда генерала Скобелева, Казанскій батальонъ, ушедшій слишкомъ впередъ, былъ отрѣзанъ и окруженъ турками. Отстрѣливаясь мало-по-малу, онъ залегъ въ углубленной дорогѣ. Вскорѣ положеніе ухудшилось, такъ какъ сто человѣкъ турокъ взобрались на гору, чуть не прилегающую къ дорогѣ и, пользуясь закрытіями, стали бить на

выборъ: тотъ кто показывался на дорогѣ моментально падалъ сраженный пулей. Офицеръ, посланный на выручку генераломъ Скобелевымъ, едва показался, какъ былъ раненъ....

— Дукмасовъ! крикнулъ Скобелевъ,—возьмите молодцевъ и выбейте турокъ во что-бы то ни стало! Задача была почти невозможная, всѣ ждали... Двадцать человѣкъ казаковъ-охотниковъ, имѣя впереди себя лихаго хорунжаго, выскочили и отправились на правый флангъ непріятельскаго расположенія. Съ неимовѣрными усиліями цѣпляясь за камни, кусты, взобрались на гору охотники, и сбросивъ дерзкаго врага, погнали его какъ стадо барановъ. Слѣдствіемъ молодецкой рѣшимости вся дорога до Иметли была очищена. Казанскій баталіонъ вздохнулъ свободно: онъ былъ спасенъ...!!!

Отрядъ двинулся впередъ и снова остановился. Турки построили траншеи и усилились на слѣдующей горѣ то же близко отстоящей отъ дороги.

На разсвѣтѣ 28-го числа Дукмасову дана была рота солдатъ съ приказаніемъ отъ генерала Скобелева—выбить и этихъ турокъ съ позиціи. Генералъ зналъ кому поручить дѣло. Съ полуротой хорунжій устремился впередъ, разсыпавъ предварительно цѣпь, другая полурота осталась въ резервѣ. Турки открыли ужасную пальбу... въ ста шагахъ Дукмасовъ остановился, передохнулъ, подтянулъ силы... и, съ крикомъ «ура!»—ударилъ въ штыки. Противникъ дрогнулъ... и побѣжалъ.

Самъ генералъ Скобелевъ любовался на эту чудную картину безстрашія. Наконецъ передъ шейновскимъ дѣломъ генералъ Скобелевъ послалъ удалаго хорунжаго къ генералу Радецкому за приказаніемъ. «Только онъ и можетъ исполнить это!» говорили всѣ. Это была бѣшенная скачка вблизи противника вокругъ горы Св. Николая. Ровно черезъ двѣнадцать часовъ блистательно было исполнено и это приказаніе. Затѣмъ подъ Шейновымъ Дукмасовъ участвовалъ въ качествѣ ординарца генерала Скобелева.

31-го августа мы больше не аттаковывали, а обстрѣливали съ близкаго разстоянія всѣ турецкія укрѣпленія и городъ, который около четырехъ часовъ дня загорѣлся; кромѣ того, было замѣчено два большихъ взрыва въ турецкихъ укрѣпленіяхъ. Турки отвѣчали на огонь мало, напротивъ, всѣ усилія были обращены противъ нашего лѣваго фланга, угрожавшаго ихъ тылу. Пять ожесточенныхъ аттакъ было отбито генераломъ Скобелевымъ, но къ вечеру, послѣ шестой аттаки, онъ принужденъ былъ оставить взятыя имъ 30-го августа укрѣпленія.

Съ самаго начала боя до перваго часа дня 31-го августа привезено на перевязочные пункты шесть тысячъ раненыхъ.

Считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь два прекрасныхъ боевыхъ эпизода, случившихся—одинъ 30-го августа подъ дер. Яблоницей, а другой 31-го августа на лѣвомъ флангѣ подъ Плевной.

1) Подъ Яблоницей 30-го августа два солдата изъ стрѣлковой бригады отправились изъ дер. Яблоницы, гдѣ стояла ихъ бригада, на фуражировку за сѣномъ, зайдя очень далеко, версты три впередъ,—они совершенно неожиданно наткнулись на пять человѣкъ турокъ, которые не замедлили открыть по нимъ стрѣльбу. Долго не думая, солдаты схватили ружья и съ крикомъ «ура!» бросились на нихъ въ аттаку. Понятно, тѣ до того растерялись, что, оставивъ одно ружье, сами обратились въ постыдное бѣгство. Побѣдители-же, захвативъ ружье и забравъ сѣно, вернулись домой, явились къ своему начальнику и отрапортовали, что разбили турокъ и, какъ трофей, захватили еще ружье.

2) 31-го августа во время непріятельской аттаки на взятый нами редутъ, находящійся на лѣвомъ флагѣ (подъ Плевной), вся прислуга у одного орудія, за исключеніемъ рядоваго 4-й батареи 2-й артиллерійской бригады, была перебита. Этотъ молодецъ не покинулъ орудія и одинъ, безъ посторонней помощи, бѣгалъ за снарядами, заряжалъ орудіе, наводилъ его и стрѣлялъ довольно мѣтко въ наступающія колонны.

«Ваше превосходительство! кричалъ онъ между дѣломъ сидящему на траверсѣ генералу:—отойдите-съ въ сторону,—турки цѣлятъ сюда!»

И дѣйствительно: едва генералъ успѣлъ отойти, какъ граната угодила на указанное мѣсто. «Молодцы, *хорошо!» одабривалъ ихъ лихой* артиллеристъ. «А ну, испробуй теперь нашего гостинца: *динарцію привѣтъ посылаю,—ѣшь»*.

Раздавался выстрѣлъ и въ рядахъ противника замѣчалось смятеніе. Въ то время когда наводчикъ несъ зарядъ молодой солдатикъ пригнулся, заслышавъ свистъ гранаты.

«Не гнись», треснувъ его по затылку, внушительно замѣтилъ артиллеристъ:—коли свиснула,—значитъ пролетѣла». Но въ это самое мгновеніе взлетаетъ на воздухъ зарядный ящикъ, а молодецъ артиллеристъ и тутъ не смутился; онъ быстро подбѣгаетъ къ орудію и, съ прибауточками зарядивъ его въ послѣдній разъ картечью, ахнулъ, что называется въ самую середину. Затѣмъ, видя, что въ редутѣ почти уже никого не осталось, онъ бросился къ орудіямъ и у всѣхъ повытаскивалъ замки и разбросалъ ихъ по сторонамъ. Послѣ этого снова вернулся къ орудіямъ и, не обращая вниманія на близость противника, собралъ отъ всѣхъ орудій кольца Вродвеля, повязалъ ихъ на руку и послѣднимъ вышелъ изъ редута. За столь геройскій подвигъ онъ награжденъ знакомъ св. Георгія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. П. Полушкинъ.

Изъ походныхъ записокъ строеваго Офицера.

емь часовъ двадцать минутъ утра, 22-го августа 1877 года. На Петербургской станціи Николаевской желѣзной дороги раздался свистокъ оберъ-кондуктора вызвавшій такое громкое и продолжительное «ура», что никто изъ присутствующихъ не слышалъ пронзительнаго свиста паровоза, стука отъ удара буферовъ, скрыпа колесъ, и поѣздъ незамѣтно сталъ отдѣляться отъ платформы, на которой стояла небольшая кучка людей, собравшаяся проводить отъѣзжавшій 1-й эшелонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка.

Старики и дамы посылали вслѣдъ крестное знаменіе, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ махали платками и шляпами, а другіе кричали «ура!» въ отвѣтъ на сплошной гулъ несшійся изъ удалявшагося поѣзда, въ окнахъ котораго, вмѣсто коротко остриженныхъ солдатскихъ головъ съ разинутыми ртами и налившимися отъ крику жилами на лбу, виднѣлись только руки махавшія бѣлыми фуражками.

Но прошла минута, другая и какъ изъ поѣзда не устремляй взора, не увидишь уже не только платформы, но стушевывается само зданіе станціи, потомъ заволакиваются туманомъ городскія строенія и окружающая картина ровныхъ низкихъ полей, въ ихъ непривлекательномъ осеннемъ убранствѣ, съ частыми болотцами, грязными наполненными дождевою водою канавами и заставляетъ запереть окно и сѣсть.

Не знаю, что въ это время дѣлали наши солдатики, но въ офицерскомъ вагонѣ было тихо. Разговоры не клеились, да правду сказать и говорить было не о чемъ. Только что пережитая минута разста-

ванья, физическое утомленіе отъ безсонной ночи и разныхъ послѣднихъ хлопотъ какъ-то притупляли способность мысли и только спустя около часа времени въ вагонѣ нашемъ стала проявляться жизнь.

Вмѣсто отрывочныхъ фразъ, начались разговоры, дѣлались предположенія, вспоминалось недавно еще пережитое время и тутъ только я принялся за тетрадь заранѣе приготовленную для своихъ походныхъ записокъ. Невольно вспоминалось, что война Россіи съ Турціею предвидѣлась давно; начиная-же съ 1876 года она казалась неизбѣжною и части войскъ исподоволь приготовлялись, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ въ моментъ объявленія мобилизаціи и похода.

Неприкосновенные запасы предметовъ обмундированія и снаряженія пополнялись до штата военнаго времени; шитье сапогъ не прекращалось втеченіе цѣлаго года для того, чтобы каждый солдатъ имѣлъ, во всякую минуту, полагающіяся ему по штату двѣ пары вполнѣ годныхъ сапогъ, а запасъ ихъ могъ бы удовлетворить и всѣхъ призывныхъ нижнихъ чиновъ.

Подвижные дивизіонные лазареты формировались и принимались войсками; но такъ какъ лазареты эти представляли собою новость, прежде не существовавшую, то обозы ихъ не были еще заготовлены въ надлежащемъ количествѣ, вслѣдствіе чего каждая дивизія снабжалась только однимъ отдѣленіемъ, вмѣсто положенныхъ *по штату* двухъ.

Вообще приготовленія дѣлались усиленно *и невидная* для посторонняго глаза войсковая дѣятельность шла съ напряженною и лихорадочною поспѣшностью.

Неиспытанные еще способы мобилизаціи и общей конской повинности пугали своею новизною и короткимъ двадцати-дневнымъ срокомъ, въ который полкъ изъ мирнаго состава долженъ былъ превратиться въ боевой и выступить по назначенію; поэтому для избѣжанія почти неизбѣжной путанницы и суеты приказано было полкамъ составить подробные мобилизаціонные планы, съ распредѣленіемъ не только дней, но и часовъ работы, причемъ заготовлялись необходимые: требованія, рапорты, отношенія и прочее, чтобы въ моментъ объявленія мобилизаціи, нетеряя времени на канцелярское дѣло, проставлять только число и № бумаги.

Къ декабрю 1876 года приготовленія были окончены и всѣ со дня на день ожидали Высочайшаго манифеста.

Но минулъ годъ и прошли первые три мѣсяца новаго 1877 года; газетныя извѣстія, какъ всегда, противорѣчили одно другому вплоть до 12-го апрѣля, когда наконецъ былъ объявленъ такъ долго ожидавшійся манифестъ и война должна была рѣшить то, чего не могла сдѣлать дипломатія.

Гвардія не вошла въ число войскъ назначенныхъ въ дѣйствующую армію, и только нѣсколькимъ нижнимъ чинамъ съ каждаго полка и одному офицеру съ бригады выпалъ завидный жребій принять участіе въ кампаніи,

состоя въ конвойномъ отрядѣ Государя Императора; остальные-же должны были по обыкновенію идти въ Красносельскій лагерь.

Понятно напряженіе, съ которымъ мы слѣдили за формированіемъ и движеніями частей дѣйствующей арміи.

Понятно съ какою жадностью бросались мы на газеты, желая угадать недосказанное въ сообщаемыхъ ими извѣстіяхъ; какъ радовались первымъ блестящимъ успѣхамъ на обоихъ театрахъ войны и какъ въ то-же время скучали и тяготились своимъ лагернымъ сборомъ, гдѣ обыкновенныя занятія потеряли для насъ свой интересъ и не могли не казаться слишкомъ мелкими и непривлекательными въ то время, когда на Дунаѣ гремѣли уже пушечные выстрѣлы, лилась русская кровь и нѣкоторые изъ товарищей, ставъ грудью противъ исконнаго врага Россіи, попали уже въ число пострадавшихъ въ бою за святое дѣло освобожденія угнетенныхъ мусульманскимъ игомъ Балканскихъ христіанъ.

Лагерный сборъ окончился рано, и 21-го іюля въ девять часовъ утра полкъ выступилъ, чтобы, пріѣхавъ по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ, распустить людей на вольныя работы и отдохнуть до начала зимнихъ занятій.

День былъ ясный и теплый, казалось сама природа принарядила солнечными лучами окрестности Краснаго села, чтобы, покидая ихъ, мы унесли лучшее воспоминаніе объ скучно проведенномъ лѣтѣ.

Всѣ были рады окончанію лагеря, но расположеніе духа офицеровъ и разговоры между ними далеко не носили на себѣ праздничнаго отпечатка; такъ какъ газеты принесли уже извѣстіе о неудачахъ и потеряхъ подъ Плевною, и имя ее успѣло сдѣлаться извѣстнымъ чуть не всей Россіи и вызывало грустныя мысли и воспоминанія многихъ безслѣдно павшихъ въ этихъ бояхъ.

Подъ этими впечатлѣніями оставили мы Красное село; но не успѣлъ поѣздъ отойти отъ станціи, какъ въ лагерѣ была получена телеграмма Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, которою Онъ поздравилъ «свое родное дѣтище» гвардію съ мобилизацію и походомъ на Дунай.

Какъ молнія пробѣжала вѣсть о продстоящемъ походѣ и громомъ разнеслось солдатское «ура», переливаясь изъ конца въ конецъ Красносельскаго лагеря. Минута была торжественная, но въ то-же время и совершенно неожиданная, такъ какъ, выдѣливъ конвой къ Государю Императору, давъ офицеровъ для службы по народному управленію Болгаріи, отправивъ по четыре офицера съ каждаго полка въ дѣйствующую Кавказскую армію и, наконецъ, передавъ часть обоза двинутому въ іюлѣ на Дунай остатку Гвардейскаго экипажа, мы были почти убѣждены, что останемся въ Петербургѣ обреченными на бездѣйствіе втеченіе всей кампаніи.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, некогда уже было думать объ вольныхъ работахъ, отдыхѣ, отпускахъ и прочемъ, а съ первой-же минуты надо было хлопотать о размѣщеніи въ казармахъ людей и работать по мобилизаціи, первымъ днемъ которой было назначено сначала 22-е, а потомъ 25-е іюля, въ виду того что полиція узнала о ней позже насъ и не успѣла сдѣлать надлежащихъ распоряженій о созывѣ призывныхъ нижнихъ чиновъ и сбора лошадей конской повинности.

Съ 26-го іюля работа закипѣла и дѣло пошло на ладъ. Люди прибывали безпрерывно по нѣсколько партій въ день и тотчасъ-же распредѣлялись по ротамъ; за лошадьми были отправлены пріемщики, г. Порховъ и г. Везенбергъ; штыки и тесаки оттачивались, патроны обсаливались, а незначительные антракты между разбивками людей, ихъ медицинскимъ осмотромъ, пригонками обмундированія и снаряженія, посвящались ученьямъ и стрѣльбѣ, такъ какъ многіе изъ нижнихъ чиновъ прибывшихъ изъ запаса никогда еще не видѣли бердановскихъ ружей, и нѣкоторые изъ нихъ, проведя всю свою прежнюю службу въ нестроевыхъ должностяхъ, совсѣмъ не знали строя и не могли быть поставлены въ ряды.

Одиночная подготовка этихъ людей значительно увеличивала и безъ того громадныя хлопоты офицеровъ, отнимая послѣднія свободныя минуты дня. Впрочемъ большинство призывныхъ представляло собою прекрасный боевой контингентъ какъ по знанію службы, такъ и возрасту полнаго развитія физическихъ силъ.

Сочувствуя войнѣ и понимая необходимость покинуть свой домъ, семью и мирныя занятія, для того чтобы вновь стать подъ знамена, люди эти смотрѣли сознательно и весело. Были между ними и такіе, которые, узнавъ о мобилизаціи полка, не будучи еще призваны, сами являлись изъ отпуска, прося о зачисленіи на службу.

Какъ примѣръ подобнаго доблестнаго отношенія къ исполненію принятой разъ присяги, могу назвать ефрейтора роты Его Высочества Николая Чугунова.

Солдатика этого я зналъ давно какъ одного изъ лучшихъ нижнихъ чиновъ командуемой мною роты.

Года четыре назадъ онъ былъ уволенъ во временной отпускъ и занимался торговлею странствуя, вмѣстѣ съ молодою женою, по внутреннимъ губерніямъ Россіи, такъ называемымъ коробейщикомъ. Вѣсть о мобилизаціи гвардіи застала его подъ Москвой и вотъ, недолго думая, Чугуновъ сдаетъ товаръ свой на храненіе какому-то земляку и черезъ два, три дня является на полковой дворъ побритый, подстриженный и въ чистомъ отлично сохраненномъ казенномъ мундирѣ.

— Ты какъ здѣсь? спрашиваю я его.

— Услышалъ, что полкъ на войну идетъ, такъ бросилъ все и пріѣхалъ въ Петербургъ явиться вашему выкоблагородію.

— Это хорошо, но скажи отчего ты одинъ, а не съ партіей со сборнаго пункта?

— Меня никто не требовалъ еще, а я самъ своею волею являюсь, в. в., и покорнѣйше прошу не оставить меня своею милостью, зачислить по старому къ вамъ, въ роту Его Высочества.

Въ это время командиръ полка разбивалъ по ротамъ вновь прибывшую партію. Я представилъ ему Чугунова, котораго тотчасъ же отправили на сборный пунктъ, а черезъ часъ онъ уже былъ въ казармахъ, разговаривая со старыми товарищами и знакомясь съ молодыми.

Жена приходила каждый день повидать мужа, но прощалась безъ слезъ, набожно крестя его и прося меня не оставить стараго своего подчиненнаго, если бы съ нимъ случилось какое несчастіе.

Другой ветеранъ кампаніи 1848 года, рядовой Григорій Сухоребренниковъ, явился въ полкъ просясь идти охотникомъ и, несмотря на свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, не отставалъ отъ молодыхъ, а исполнительностью приказаній и строгимъ отношеніемъ къ мельчайшимъ обязанностямъ службы служилъ достойнымъ примѣромъ чуть не цѣлому батальону. Сказавъ объ этихъ, не могу не упомянуть, что въ числѣ призывныхъ попадались и дряхлые старики, скорѣе похожіе на инвалидовъ чуть-ли не прошлаго столѣтія, чѣмъ на боевыхъ солдатъ; эти послѣдніе конечно представляли собою рѣдкое исключеніе и призывъ ихъ объяснился тѣмъ, что поступивъ на службу, или какъ въ то время говорили, будучи забритыми по волѣ помѣщиковъ, въ немолодыхъ уже годахъ, они были уволены на родину для поправленія здоровья, но по окончаніи срока отпуска при переосвидѣтельствованіи оказались вновь неспособными и много лѣтъ пробыли такимъ образомъ въ отпуску не бывъ уволенными въ отставку.

Одинъ же изъ нихъ, проживая въ деревнѣ, ошибочно считался въ бѣгахъ и по этому тоже не былъ перечисленъ изъ безсрочно-отпускныхъ въ число уволенныхъ въ отставку, вслѣдствіе чего попалъ въ призывные списки и проѣхался въ Петербургъ.

Понятно, что по медицинскому освидѣтельствованію старики эти были признаны негодными къ службѣ и уволены отъ нее навсегда.

Въ первыхъ числахъ августа началось выступленіе войскъ изъ С.-Петербурга, причемъ части съ ихъ артиллеріею слѣдовали одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ: Гвардейская кавалерія, кромѣ кирасирской дивизіи, оставшейся въ С.-Петербургѣ; полки 24-й пѣхотной дивизіи; гвардейская стрѣлковая и сводная саперная бригада; 2-я и 1-я гвардейская пѣхотныя дивизіи, каждая начиная съ младшихъ по №№ полковъ или отдѣльныхъ баталіоновъ.

19-го августа въ 9 часовъ утра полкъ нашъ представился на Марсовомъ полѣ командиру бригады, Свиты Его Величества генералъ-маіору барону Зедделеру; а въ 11 часовъ командующему дивизіею и въ то-же время

начальнику штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа генералъ-адъютанту графу Шувалову.

Вышли мы на смотръ съ полнымъ числомъ рядовъ (по 84 въ ротѣ, при 25 унтеръ-офицерахъ), уложенными ранцами и обозомъ.

По окончаніи смотровъ баронъ Зеделеръ и графъ Шуваловъ вызывали впередъ офицеровъ и говорили съ ними, а потомъ и съ нижними чинами. Трудно запомнить слово въ слово сказанное, по этому, не надѣясь на память, я не берусь воспроизвести ихъ рѣчи; а скажу только, что оба они говорили вполнѣ хорошо и тепло. Обращаясь къ офицерамъ высказали полное къ нимъ довѣріе и выразили надежду на то, что офицеры всегда и вездѣ съумѣютъ показать себя достойными, полезными и вѣрными слугами долга присяги своему Государю и отечеству; а солдатамъ графъ Шуваловъ, между прочимъ, сказалъ: «Ребята, офицеровъ у васъ мало; безъ нихъ вы скоро обратитесь изъ войска въ толпу, поэтому берегите ихъ хорошенько и знайте, что за цѣлость ихъ вы отвѣчаете».

21-го числа въ 7 час. вечера на полковомъ дворѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ, въ присутствіи временно-командовавшаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта барона Бистрома и большаго стеченія членовъ нашихъ семействъ и бывшихъ однополчанъ, пришедшихъ помолиться о дарованіи намъ побѣды надъ врагами и благополучномъ окончаніи похода. Въ 3 часа пополуночи 1-му эшелону ударили сборъ. Было еще совершенно темно когда мы вышли на полковой дворъ и начали строить и повѣрять людей своихъ ротъ.

Черезъ часъ почти совсѣмъ разсвѣло и мы вышли изъ казармъ. Всякій пойметъ, что минуты разставанья съ семьей и близкими родными, передъ отправленіемъ на неопредѣленное время въ походъ, не могутъ не быть тяжелыми. Возвращеніе съ войны подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и то, что застанетъ у себя дома благополучно вернувшійся; поэтому да не осудятъ меня если я скажу откровенно, что былъ душевно радъ когда минуты эти миновали и я очутился у своихъ рядовъ.

Строй дѣлаетъ свое; собственные интересы теряются и изъ отдѣльной личности становишься извѣстною частицею того одушевленнаго цѣлаго, которое называется фронтомъ.

Выйдя изъ казармъ ударили въ барабаны, потомъ вызвали пѣсенниковъ и такъ то съ боемъ, то съ пѣснями пришли къ вокзалу Николаевской желѣзной дороги.

Несмотря на ранній часъ нашего отъѣзда, не было офицера, котораго бы не провожали нѣкоторые изъ его родныхъ и знакомыхъ.

Платформы были уже нагружены и людей посадили скоро.

Повѣряя число ихъ по вагонамъ, я встрѣтилъ начальника 37 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Ченгеры и проводилъ его вдоль всего поѣзда. Какъ старый однополчанинъ, генералъ Ченгеры пріѣхалъ проводить не

служившее при немъ молодое поколѣніе. Онъ останавливался у всякаго вагона и мы съ удовольствіемъ слушали его напутствія нашимъ солдатамъ, такъ они были просты, сердечны и въ то же время такъ по солдатски подымали духъ у слушавшихъ.

Но вотъ свистокъ, «ура», поѣздъ отошелъ и началось мѣрное покачиваніе вагоновъ и толчки при нашемъ медленномъ ходѣ по 20 верстъ въ часъ.

По заранѣе составленному главнымъ штабомъ маршруту, мы останавливались для обѣдовъ въ Твери, Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Жмеринкѣ и Бирзулѣ; но чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ чаще опаздывали наши поѣзда; тѣмъ неправильнѣе были остановки и тѣмъ болѣе встрѣчалось санитарныхъ поѣздовъ наполненныхъ по преимуществу не ранеными, а больными воинами. При одновременныхъ остановкахъ съ этими поѣздами мы заходили въ нихъ и каждый любовался не столько удобствами и чистотою этихъ благихъ учрежденій, сколько мощью духа страдальцевъ въ нихъ помѣщенныхъ, у которыхъ ни разу не сорвалось съ устъ ни стона, ни жалобы, или чего либо подобнаго. Они наглядно доказывали насколько крѣпокъ духомъ и выносливъ къ физическимъ страданіямъ нашъ русскій солдатъ.

Во время нашего пути отъ С.-Петербурга до Курска на каждой станціи насъ встрѣчали и провожали поклонами, привѣтствіями, пожеланіями успѣховъ и пр. Изъ встрѣчныхъ пассажирскихъ поѣздовъ виднѣлись поклоны, крестныя знаменія стариковъ обоего пола, а иногда грустные, задумчивые и даже отуманенные слезой глазки прекрасной половины рода человѣческаго.

Въ Твери насъ встрѣтилъ уѣздный воинскій начальникъ, полковникъ Пейкеръ, и комендантъ станціи, ветеранъ 1828 года, подполковникъ Бѣлокопытовъ, которые просили позволенія угостить нижнихъ чиновъ чаркою вина и бѣлымъ хлѣбомъ, а офицерамъ предложили завтракъ, приготовленный въ отдѣльной комнатѣ вокзала.

Долго мы не могли узнать кому обязаны этимъ вниманіемъ и только передъ отъѣздомъ услышали, что угощало насъ общество желѣзнодорожныхъ машинистовъ Тверской станціи.

Подобное открытіе не могло не порадовать насъ, потому что въ немъ видно было сочувствіе людей проявлявшихъ его отъ чистаго сердца, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала кампаніи тѣ же машинисты жертвуютъ 2 проц. своего содержанія въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ. Другое угощеніе ожидало насъ въ Москвѣ, гдѣ на станціи курской желѣзной дороги Общество московскаго трактирнаго купечества поило чаемъ нижнихъ чиновъ и предлагало изящную холодную закуску офицерамъ всѣхъ проходившихъ войскъ.

Проѣхавъ Курскъ мы, уже не представляли собою ничего новаго для окружающей публики, такъ какъ тутъ войсковые поѣзда безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ со дня формированія дѣйствующей арміи.

2-го сентября, т. е. опоздавъ двое сутокъ противъ маршрута, мы пріѣхали въ Унгены; было 4 часа утра. Проснувшись отъ остановки и видя что еще совершенно темно, мы хотѣли не выходить изъ вагона и спать до г. Яссъ, но вдругъ къ намъ входитъ какой-то саперный офицеръ и объявляетъ, что дальше насъ не повезутъ и поэтому проситъ поторопиться выходомъ людей изъ вагоновъ и разгрузкою лошадей и обоза. Не вполнѣ вѣря этому сюрпризу, нѣкоторые изъ офицеровъ отправились на станцію, чтобы узнать причину, измѣнившую предполагаемое движеніе, и въ то же время спросить, куда поставить людей и гдѣ выгружать обозъ.

Утро было холодное, темнота полная, а до станціи оставалось дойти версты двѣ.

Спотыкаясь о шпалы и цѣпляясь за рельсы, мы едва добрались до вокзала, гдѣ узнали, что желѣзныя дороги не могутъ перевозить такую массу войскъ, вслѣдствіе чего для возстановленія правильности движенія поѣздовъ мы должны пройти пѣшкомъ всю Румынію вплоть до Зимницы. Скопленіе поѣздовъ дѣйствительно было такъ велико, что не толька выгружать обозъ, но и вывести людей не представлялось никакой возможности до 7 часовъ утра, когда мы разстались съ нашими вагонами и вмѣстѣ съ тѣмъ простились съ отечественными желѣзными дорогами, благополучно доставившими насъ на берегъ рѣки Прута.

Къ вечеру 3-го сентября собрался весь полкъ, а 4-го съ разсвѣтомъ мы перешли границу и двинулись къ г. Яссы.

Изъ Унгенъ полкъ пошелъ двумя эшелонами, въ первомъ, 1-й и 2-й баталіоны со своимъ обозомъ, имѣя роту Его Высочества въ авангардѣ и 8 въ аріергардѣ, а во второмъ—3-й и 4 баталіоны съ ихъ баталіонными и полковымъ обозами.

Переходъ въ Яссы былъ труденъ; съ ранняго утра солнце жгло ужасно и намъ, непревычнымъ къ нему, сѣвернымъ жителямъ приходилось плохо. По маршруту отъ Унгенъ до Яссъ значилось 17 верстъ, разсчитывая на это и имѣя въ виду, что полкъ отличался въ Петербургѣ и Красномъ селѣ отличными походными движеніями, ради которыхъ Его Высочество Главнокомандующій не разъ называлъ насъ въ шутку четвероногими, командиръ полка, думалъ придти въ Яссы къ полудню и, зная что графъ Шуваловъ будетъ встрѣчать полкъ, хотѣлъ войти въ городъ чуть не парадомъ, почему и приказалъ выступить въ мундирахъ и войти съ музыкой и барабаннымъ боемъ; самъ же онъ, будучи вызванъ телеграммою, уѣхалъ въ Яссы наканунѣ вечеромъ. Первую половину перехода, т. е. верстъ около 12-ти, мы сдѣлали хорошо.

Но когда остановились, то неумѣлость наша выказалась сразу; воды не было, т. е. былъ только одинъ колодезь и то на столько глубокій, что помощью палаточныхъ веревокъ люди съ трудомъ черпали ее ранцевыми котелками. Понятно, что не всѣ могли быть удовлетворены.

Вторую половину перехода мы шли съ трудомъ; солдаты обливались потомъ и каждый шагъ вызывалъ новыя усилія. Двѣнадцать дней ѣзды по желѣзной дорогѣ, съ поджатыми въ вагонѣ ногами и уложенными сверхъ положенія ранцами сдѣлали свое.

Не доходя 3-хъ—4-хъ верстъ до города, насъ встрѣтилъ и остановилъ командиръ полка; тутъ мы стояли часа два поджидая 2-й эшелонъ и часъ времени для его отдыха. Эти три часа, вмѣсто подкрѣпленія силъ, окончательно ослабили людей; палящій зной въ открытомъ полѣ, съ скверною водою и, въ крайне недостаточнымъ количествомъ ея разслабляли силы.

Наконецъ тронулись и, пройдя версты двѣ, три, вошли въ городъ.

Солдатики подбодрились, думая вотъ-вотъ привалъ, но городъ тянется и вмѣсто ожидаемаго отдыха пришлось идти въ ногу, соблюдая равненіе и держа ружья на плечо.

Встрѣчали полкъ графъ Шуваловъ и баронъ Зедделеръ.

Прошли мимо начальства, взяли ружья вольно, а все бьютъ барабаны и все идемъ и идемъ; а тутъ какъ на зло подъемъ въ гору.

Подъемъ этотъ зарѣзалъ насъ окончательно. Люди начали отставать и было нѣсколько случаевъ солнечныхъ ударовъ, къ счастію окончившихся благополучно.

Но вотъ и бивуакъ. Всѣ подтянулись, составили ружья, разбили палатки и позабыли, что сдѣлали не 17, а около 30 верстъ въ такую жару и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Вѣсъ солдатскаго снаряженія въ пѣхотѣ доходилъ до 2-хъ пудовъ.

Вступая въ Яссы вѣсъ этотъ увеличивался не положенными по штату: шерстяною фуфайкою, туфлями изъ суконной кромки и полотнищемъ палатки съ палкою и концемъ веревки.

Кромѣ того трехдневный сухарный запасъ оставался нетронутымъ и висѣлъ черезъ одно плечо, тогда какъ черезъ другое была надѣта фляга съ водой.

Понятно, что при такихъ условіяхъ перехода онъ оказался болѣе чѣмъ труднымъ и мы сразу поняли какъ надо беречь силы солдата, не форсируя ими ради старой привычки показывать товаръ лицемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ когда это и не нужно.

5-го числа была дневка и я воспользовался ею, чтобы посмотрѣть городъ. Много слышалъ я раньше про красоту Яссъ, и, ожидая чего-то особеннаго, былъ разочарованъ дѣйствительностью.

Главная часть города, покрытая асфальтовыми мостовыми, дѣйствительно хороша, но боковыя улицы и предмѣстья плохи и, по моему, красоту города составляютъ не зданія его, а сады и окружающая природа.

*

Желая провести вмѣстѣ день первой дневки за границею, почти всѣ офицеры полка собрались обѣдать въ «Hotel Romania» какъ лучшую, по рекомендаціи, гостинницу г. Яссъ; но обѣдъ былъ очень плохъ, а сервировка и прислуга вполнѣ ему гармонировали.

Пресловутое же мѣстное виноградное вино оказалось такою скверненькою кислятиною, что врядъ-ли я ошибусь сказавъ, что почти всѣ мы съ удовольствіемъ промѣняли бы его на нашъ россійскій квасъ.

6-го утромъ выступили на мѣстечко Поэни, считая переходъ въ 17 верстъ по маршруту, который согрѣшилъ и тутъ, прошли болѣе 20-ти. Казалось, что природа хотѣла наказать насъ за жалобы на палящее солнце во время движенія изъ Унгенъ, и весь переходъ до Поэни мы сдѣлали подъ проливнымъ дождемъ, который былъ такъ силенъ, что по мостовой г. Яссъ бѣжали ручьи, доходившіе на перекресткахъ улицъ, чуть не до колѣнъ. Дорога постепенно подымалась въ гору, причемъ нѣкоторые подъемы были на столько круты, что обозъ нашъ, на сытыхъ еще лошадяхъ, приходилось поднимать людьми. Въ первые полчаса пути дождь промочилъ насъ до нитки, а холодный горный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, заставляя дрожать всѣмъ тѣломъ.

Начиная съ этого перехода, почти половина ротныхъ командировъ обзавелась верховыми лошадьми, которыя хотя были невзрачны на видъ, но, доставляя удобство сидящему на ней, въ то-же время приносили и несомнѣнную пользу, давая возможность слѣдить за ротою на походѣ, а придя на бивуакъ неутомленнымъ, командиръ роты могъ посмотрѣть затѣмъ какъ устроятся его люди и своевременно побывать на кухнѣ, попробовать пищу, или распорядиться скорѣйшимъ ея приготовленіемъ.

Пѣшему-же это было трудно, вслѣдствіе усталости, а наблюденіе за порядкомъ во время движенія дѣлается почти невозможнымъ, отъ значительной глубины походной колонны роты; остановившись-же, чтобы пропустить ее мимо себя, ротный командиръ былъ принужденъ оставаться сзади до привала, такъ какъ не всегда можно обогнать роту на ходу.

Вопросъ о томъ, чтобы ротные командиры во время похода были верхомъ, подымался давно, но не былъ рѣшенъ окончательно. — Передъ выступленіемъ изъ Петербурга намъ было объявлено, что Его Высочество Главнокомандующій желаетъ, чтобы гг. ротные командиры были верхомъ, при чемъ на покупку лошадей и фуража для нихъ денегъ отпущено небудетъ; равно какъ не разрѣшается брать съ собою лошадей изъ Петербурга, чтобы не увеличивать ими числа вагоновъ въ войсковыхъ поѣздахъ.

Походъ по Румыніи надо было сдѣлать по возможности скоро, вслѣдствіе чего маршрутъ на Зимницу былъ составленъ такимъ образомъ, что дневки были назначены не черезъ два дня, какъ это обыкновенно бываетъ, а черезъ три, и только первая изъ нихъ была послѣ двухъ переходовъ вслѣдствіе того, что мы выступили днемъ раньше изъ Унгенъ.

7-го сентября пришли въ дер. Кодоэшти и дневали около нея бивуакомъ.

Въ этотъ день по всей Румыніи служились благодарственныя молебствія по случаю занятія 30-го августа войсками ихъ редута подъ Плевною.

Мѣстный священникъ по окончаніи церковной службы вышелъ къ намъ на бивуакъ и вторично отслужилъ молебенъ передъ офицерскими палатками 1-го баталіона; желавшихъ помолиться собралось много и молились усердно, хотя изъ всей довольно продолжительной службы мы поняли только тѣ эктеніи, въ которыхъ провозглашались имена нашихъ: Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и Наслѣдницы Цесаревны. Облаченіе священника схоже съ нашимъ, равно какъ и кадило, но на цѣпяхъ его повѣшены четыре серебряные бубенчика.

Служба болѣе похожа на католическую; евангеліе напечатано славянскими буквами, но на румынскомъ языкѣ.

Къ концу службы одинъ изъ офицеровъ вынулъ изъ кармана Leu (франкъ) и положилъ на фуражку близь стоявшаго унтеръ-офицера, сказавъ, чтобы тотъ обошелъ съ нею офицеровъ. Съ легкой руки, священнику собрали порядочную кучку мелкой монеты; а солдатики видя, что офицеры кладутъ деньги, начали вынимать свои мѣдяки, и, собирая ихъ отъ сосѣдей, носили на столикъ, передъ которымъ служился молебенъ, причемъ нѣкоторые брали сдачу и задумывались отъ непривычки къ счету румынскихъ «бань», что выходило нѣсколько комично.

Послѣ молебна священникъ подошелъ къ офицерамъ съ крестомъ и святою водою; солдаты, желая приложиться къ кресту, подходили къ нему одинъ за другимъ, терпѣливо ожидая своей очереди, причемъ заднимъ пришлось простоять болѣе часа времени.

9-го сентября мы пришли въ г. Васлуи, называемый панскимъ городомъ Румыніи потому, что населеніе его составляютъ по преимуществу помѣщики, т. е. люди болѣе или менѣе образованные, изобиліемъ которыхъ, какъ намъ кажется, не могутъ похвалиться прочіе города лежавшіе на пути нашемъ къ Бухаресту. Подойдя къ городу мы остановились, чтобы дать время подтянуться хвосту колонны и были пріятно удивлены любезностью встрѣтившихъ насъ нѣсколькихъ человѣкъ мѣстныхъ жителей, весьма порядочно объяснявшихся съ нами на французскомъ языкѣ. Въ числѣ ихъ былъ и представитель полицейской власти, въ очень красивомъ и щегольскомъ мундирѣ.

Заигравшая при входѣ въ городъ музыка и удалыя пѣсни солдатъ чрезвычайно имъ понравились, а желаніе быть любезными до конца, заставило усердно просить, чтобы полкъ не выступалъ на другой день съ бивуака въ 5-ть час. утра, какъ было назначено, а сдѣлалъ имъ праздникъ проведя въ городѣ большую половину дня, въ виду того, что слѣ-

дующій переходъ на м. Доконани такъ невеликъ, что его можно пройти въ нѣсколько часовъ и успѣть стать на бивуакъ до захода солнца.

Понятно, что предложеніе это не могло быть исполнено и вниманіе къ намъ представителей г. Васлуи должно было ограничиться любезнымъ пріемомъ командира полка у мера города и таковымъ-же оказаннымъ полковнику Аничкову, который, не командуя въ то время частью, могъ остановиться въ городѣ, а не на бивуакѣ.

На обѣдъ къ меру были приглашены всѣ офицеры полковаго штаба.

Рано утромъ 10-го числа мы выступили и среди дня были уже въ м. Доконани, откуда, послѣ отдыха и варки, выступили въ 7 часовъ вечера, чтобы сдѣлать часть предстоявшаго намъ на другой день громаднаго перехода до г. Бирлата.

Въ этотъ день намъ случилось въ первый разъ увидать тарантулъ и змѣй, и вотъ какимъ образомъ:

Во время завтрака на большомъ привалѣ, нашъ докторъ сообщилъ, что видѣлъ тарантула перебѣгавшаго шоссе; съ радостью ухватились мы за новую тему разговора и завтракъ прошелъ довольно оживленно. Говорили о томъ, что тарантулъ обыкновенно ловятъ опуская на ниточкѣ шарикъ воску въ ихъ норку; разсерженный причиняемымъ безпокойствомъ, тарантулъ такъ впивается въ воскъ, что не можетъ уже освободиться отъ него и, вытащенный изъ норки, попадаетъ обыкновенно въ банку съ масломъ, для того чтобы настоемъ своимъ лечить укушенія собратій. Говорили также, что бараны ѣдятъ ихъ во множествѣ и что поэтому тарантулы такъ боятся шерсти, что всякій завернувшійся нетолько въ овчину, но даже въ бурку, можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ ихъ укушенія.

Окончивъ завтракъ, усталые отъ перехода, мы тутъ-же улеглись, растянувъ на штыкахъ близь стоящихъ ружей полотнища палатокъ, чтобы хоть сколько нибудь укрыться отъ палящихъ солнечныхъ лучей; но только начали дремать, какъ деньщикъ, убиравшій остатки завтрака, обращается къ одному изъ насъ и говоритъ: «в. в-діе, что это у васъ на груди?» Тотъ кому это было сказано, машинально проводитъ по себѣ рукою и сбрасываетъ препорядочнаго тарантула, который такимъ образомъ очутился чуть не на лицѣ сосѣда.

Этотъ въ свою очередь вскакиваетъ и тарантулъ, не успѣвшій никого укусить, раздавливается ногою.

Происшествіе это помѣшало намъ заснуть и вотъ, отъ нечего дѣлать, начинаемъ приглядываться къ мѣсту своего отдыха и къ удивленію замѣчаемъ, что все оно испещрено норками новыхъ знакомыхъ; началась охота и къ концу привала мы убили ихъ 7 штукъ.

Выступая вечеромъ изъ Доконани, я съ ротою шелъ въ авангардѣ и отойдя около версты долженъ былъ остановиться, чтобы дать время полку

вытянуться на дорогу. Когда наконецъ тронулись, я по обыкновенію пропустилъ мимо себя роту и только хотѣлъ поѣхать впередъ, какъ услышалъ крикъ въ головномъ отдѣленіи, вслѣдъ за которымъ люди начали разступаться, очищая середину шоссе. Прискакавъ къ мѣсту произшествія я увидѣлъ довольно большую змѣю, которая вѣроятно отдыхала на шоссе и будучи встревожена нашимъ движеніемъ запрыгала такъ быстро, что совершенно озадачила моихъ солдатъ.

Но неожиданная встрѣча съ нами для нее прошла не благополучно, такъ какъ въ числѣ нижнихъ чиновъ шедшихъ впереди нашелся одинъ много разъ видѣвшій змѣй и, не долго думая, ловкимъ ударомъ каблука, онъ размозжилъ ей голову. Наступившая темнота не позволяла хорошо разсмотрѣть убитую змѣю, поэтому нельзя было опредѣлить породу ея по наружному виду, но длина превышала $1^1/_2$ аршина.

Поздно ночью пришли мы къ д. Стренктура и позабывъ о возможной встрѣчѣ съ новыми знакомыми, легли спать не разбивая даже палатокъ. Ночь была холодная и сырая, пришлось кутаться во что ни попало, а разбирать обозъ было неудобно, да и не стоило для нѣсколькихъ часовъ отдыха.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я былъ пораженъ странною картиною, которую представлялъ нашъ бивуакъ. Различные костюмы и позы офицеровъ спавшихъ на скученныхъ въ безпорядкѣ складныхъ деревянныхъ кроватяхъ, чемоданахъ или просто землѣ, укрывшись бурками, разноцвѣтными одѣялами, форменными пальто и проч., а рядомъ большой фруктовый садъ какъ бы съ позолоченными верхушками деревъ, лучами восходящаго солнца; у сада широкая, пыльная дорога съ неизбѣжнымъ на каждомъ перекресткѣ кабакомъ и евреемъ хозяиномъ. Нѣсколько далѣе козлы ружей и заспанныя фигуры солдатъ, одѣтыя дымомъ отъ разложенныхъ костровъ, на которыхъ уже кипѣли ранцевые котелки съ засыпанными въ нихъ щепоточками чая.

11-го сентября, пройдя около 15-ти верстъ, мы подошли къ г. Бирлатъ; жара была страшная и ради ее случайно купленный арбузъ заставлялъ позабыть всѣ неудобства и чувствовать себя совершенно счастливымъ.

Городъ Бирлатъ насчитываетъ у себя до 30-ти тысячъ жителей обоего пола, но не смотря на это онъ значительно отстаетъ отъ Васлуи. Бѣдное населеніе, маленькіе домики съ скверными лавченками, въ лучшей изъ которыхъ вы найдете рядомъ съ швейцарскимъ сыромъ, сардинами и виномъ заржавленные гвозди, веревки и какую-то маленькую мѣстную рыбку. Устроившись на бивуакѣ мы отправились обѣдать въ рекомендованную намъ артиллеристами лучшую гостиницу, кажется «Romania», но вышли изъ нее съ пустыми желудками и въ скверномъ расположеніи духа, несмотря на сильное ухаживаніе за нами хозяина и прислуги. Большая

комната предложенная намъ имѣла грязный и нежилой видъ, обѣдъ... но лучше и не вспоминать объ немъ, и затѣмъ прислуга съ претензіей на пониманіе французскаго языка, но не понимающая ни слова и въ то-же время одинаково грязная съ поданнымъ намъ столовымъ бѣльемъ, до котораго страшно было дотронуться.

Дѣлать нечего, поковыряли спрошенныя кушанья, выбранились по русски и ушли.

Дождь накрапывалъ, а до бивуака версты три, да и на немъ мало привлекательнаго; грязь чуть не по колѣно, а въ воздухѣ невольное воспоминаніе объ останавливавшихся тутъ передъ нами нѣсколькихъ тысячахъ русскихъ солдатъ.

Обходя лавки, чтобы запастись закусками для дальнѣйшаго похода, мы случайно узнали, что въ городѣ есть клубъ, куда и отправились, думая пересидѣть постепенно усиливавшійся дождь. Клубъ этотъ, какъ и всякій другой, имѣетъ своихъ членовъ, но насъ, какъ иностранцевъ и притомъ русскихъ офицеровъ, нетолько не остановили при входѣ или не спросили рекомендаціи членовъ, но встрѣтили съ возможною любезностью, т. е. зажгли двѣ люстры и лампы въ простѣнкахъ между окнами верхней залы клуба. Нижняя же, переполненная сѣренькимъ людомъ, представляла собою открытое съ улицы помѣщеніе, напоминающее нѣчто вродѣ портерной лавки. Большая, теплая, прилично меблированная и освѣщенная комната подѣйствовала успокоительно на нервы и, просидѣвъ нѣсколько минутъ на мягкой мебели, мы чувствовали себя такъ хорошо, что позабыли о непривлекательномъ бивуакѣ съ его палатками, которыя, кстати сказать, не представляютъ особыхъ удобствъ, мало защищая отъ солнца, дождя и вѣтра, въ то-же время не давая возможности стоять иначе, какъ нагнувшись. Но сила привычки велика такъ, что, очутившись въ порядочной обстановкѣ, въ первую минуту мы какъ-то притихли и невольно женировались, смотря на бронзу, зеркала и картины, послѣ того, какъ успѣли привыкнуть сначала къ грязнымъ вагонамъ 2-го класса, а потомъ къ разнообразной обстановкѣ походныхъ бивуаковъ. Рѣшивъ остаться въ клубѣ, надо было найти себѣ какое нибудь занятіе; спросить что нибудь съѣсть побоялись, а такъ сидѣть совсѣстно; оставались карты, за которыя мы и усѣлись. Въ Румыніи карты составляютъ монополію правительства и стоятъ по пяти франковъ колода, а клубъ беретъ восемь. Карты нехороши, но имѣютъ нѣсколько оригинальный рисунокъ; такъ на тузахъ помѣщены виды городовъ, отъ четырехъ до шести и даже восьми штукъ на каждомъ, короли, дамы и валеты такъ размалеваны, что различаются съ трудомъ.

Во время игры мы приказали подать себѣ чай, но выпить его не могли, потому что вкусъ этого напитка былъ болѣе похожъ на настой нюхательнаго табаку съ перцомъ, чѣмъ на то, что мы привыкли называть чаемъ. Прислуживавшій намъ французъ разсказалъ, что въ городѣ есть

театръ и въ этотъ день дается экстраординарное представленіе въ пользу раненыхъ подъ Плевною румынъ. Размякнувъ, такъ сказать, отъ помѣщенія клуба, мы съ удовольствіемъ заплатили по два франка за первыя мѣста въ партерѣ, предвкушая удовольствіе пріятно провести вечеръ и въ то-же время внести свою лепту въ пользу раненыхъ союзниковъ.

Но не все коту масляница, говоритъ пословица; театръ оказался много хуже нашихъ балагановъ; въ партерѣ стояли деревянныя скамейки, первые пять рядовъ которыхъ были покрыты грязными красными тряпками. Представленіе состояло изъ очень обыкновенныхъ и посредственно исполненныхъ фокусовъ съ картами, монетами, платкомъ и часами. Въ антрактѣ пѣла какая то нѣмка въ короткомъ платьѣ и откровенномъ декольте, а другая глотала цѣлыя пачки ружейныхъ шомполовъ и зажженную смолу. Такъ что, несмотря на крайнюю любезность и вниманіе, оказанныя намъ городскимъ полиціймейстеромъ, предложившимъ сѣсть вмѣсто партера въ среднюю ложу бель-этажа, мы уѣхали послѣ перваго антракта, считая вполнѣ достаточнымъ видѣнное и не желая промѣнять часъ сна на удовольствіе посмотрѣть повтореніе того же представленія, главный интересъ котораго заключался для насъ въ крайне комическомъ путешествіи фокусника со сцены въ партеръ и обратно, такъ какъ ему приходилось исполнять при этомъ довольно трудныя гимнастическія упражненія въ виду того, что никакой сходни устроено не было. Дневку мы провели на бивуакѣ не прельщаясь удовольствіями, которыя могъ доставить г. Бирлатъ, тѣмъ болѣе, что втеченіе всего дня моросилъ дождь, а до города надо было проѣхать двѣ или три версты.

Въ Бирлатѣ собрались всѣ шесть батарей нашей 2-й гвардейской артиллерійской бригады и дальнѣйшій походъ слѣдовало дѣлать вмѣстѣ.

13-го мы ночевали у мѣстечка Гадижены, 14-го у города Текучи, а 15-го пришли въ городъ Фокшаны, гдѣ дневали.

Переходы были довольно большіе, отъ двадцати-пяти до двадцати-восьми верстъ каждый, какъ по маршруту, такъ и въ дѣйствительности.

Погода была порядочная, но осень уже вступала въ свои права и начиная съ ночи на 15-е число начались морозы, не совсѣмъ пріятные въ палаткахъ, низъ которыхъ не могъ обкапываться землею за недостаткомъ времени и шанцеваго инструмента, который не носился на людяхъ, а возился въ обозѣ на патронныхъ ящикахъ.

Всѣ пройденные нами города напоминаютъ другъ друга большимъ протяженіемъ главныхъ улицъ, идущихъ по ломанной линіи, узкими переулками, одноэтажными довольно плохенькими домиками и вообще грязнымъ и бѣднымъ видомъ.

Двухъэтажные дома составляютъ исключеніе, а хорошенькіе по наружному фасаду или имѣющіе большія зеркальныя окна и крыши изъ

бѣлой жести заставляютъ останавливаться и смотрѣть, какъ на какую-нибудь рѣдкость.

Единственными украшеніями каждаго города служатъ великолѣпные тополи, посаженные преимущественно у въѣзда въ городъ и затѣмъ отдѣльно стоящіе въ садикахъ у нѣкоторыхъ домовъ. Лавки бѣдны и товаръ въ нихъ продаваемый можетъ быть смѣло отнесенъ къ такъ называемымъ рыночнымъ издѣліямъ, несмотря на что съ насъ брали за все чуть не вдвое, какъ говорили городскіе жители, но въ чемъ, конечно, не сознавались купцы.

Торговля находится въ рукахъ евреевъ, эксплоатирующихъ, какъ намъ показалось, народъ, благодаря кредиту, дѣлаемому въ трудныя минуты уплаты податей и громадному количеству кабаковъ, стоящихъ во множествѣ не только въ городахъ и въ деревняхъ, но и на всѣхъ большихъ дорогахъ. Скверная, но крѣпкая и сильно опьяняющая водка вполнѣ способствуетъ къ порабощенію добродушныхъ и лѣнивыхъ румынъ ловкими, назойливыми и неразбирающими средствъ для наживы сынами израиля.

Идя походомъ, офицерство довольствовалось горячею пищею только по приходѣ на бивуакъ, т. е. большею частью спустя три, четыре часа послѣ остановки, пока наши повара-самоучки успѣвали сварить борщъ или щи и поджарить неизбѣжные офицерскіе битки.

Понятно поэтому, что почти каждый изъ насъ, придя засвѣтло на бивуакъ у какого-нибудь города, торопился ѣхать въ рекомендованный заранѣе квартирьеромъ ресторанъ, въ надеждѣ пообѣдать лучше и разнообразнѣе, чѣмъ въ своей артели, а главное—скорѣе. Всѣ эти обѣды можно подвести подъ общій уровень: грязь, скверныя кушанья, кислое вино и вдобавокъ страшно-надоѣдающіе цыгане-музыканты, шарманщики или пѣвицы съ неизмѣннымъ «стрѣлочкомъ», распѣваемымъ на разные лады и на всѣхъ нарѣчіяхъ. Но какъ ни мало привлекательно все это, а человѣкъ такъ уже устроенъ, что всегда ожидаетъ чего-то лучшаго; поэтому убѣдясь, что наши солдаты-повара готовятъ лучше и вкуснѣе, мы все-таки продолжали во всякомъ городѣ ѣздить обѣдать въ рестораны, надѣясь, что авось въ этомъ накормятъ лучше, чѣмъ въ предъидущихъ.

17-го сентября пришли въ городъ Тырго-Кокулай, а 18-го въ знаменитый въ военной исторіи городъ Рымникъ. Въ эти переходы пришлось перейти рѣки Серетъ и Рымникъ и невольно удивляться ширинѣ ихъ при весеннихъ разливахъ, которая ясно видна, какъ по изрытымъ берегамъ, отстоящимъ чуть не на двѣ версты другъ отъ друга, такъ и по страшной длинѣ мостовъ ихъ соединяющихъ. Во время нашего похода обѣ рѣки были мелки и скромно текли по своимъ узкимъ фарватерамъ, причемъ Рымникъ можно было перейти въ бродъ не зачерпнувъ даже воды голенищемъ солдатскаго сапога.

Мосты очень хороши,—желѣзные съ шоссированнымъ полотномъ и гербами Румыніи на тумбахъ перилъ крайнихъ устоевъ.

Шоссе, какъ на мостахъ, такъ и вообще почти по всему пройденному нами пути было тоже довольно хорошо, какъ кажется, впрочемъ, благодаря сухому времени года, а не особенной заботливости при ремонтированіи, которое должно обходиться гораздо дешевле, чѣмъ у насъ, потому что вмѣсто битаго щебня служитъ мелкій камень, по большей части довольно плоской овальной формы, которымъ сплошь покрыты русла рѣкъ во всю ширину ихъ при разливахъ и, кромѣ того, его много на отлогостяхъ горъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на поляхъ. Въ Рымникѣ насъ встрѣтилъ графъ Шуваловъ. По отъѣздѣ его начали носиться различные слухи о могущей быть перемѣнѣ нашего маршрута въ виду того, что турки навели будто-бы у Силистріи мостъ черезъ Дунай, и что поэтому насъ могутъ свернуть на Каларашъ и вообще дальнѣйшій походъ надо будетъ дѣлать съ военными предосторожностями.

Говорили также, что дойдя до Бухареста, мы сядемъ на желѣзную дорогу и доѣдемъ до Журжева.

Однимъ словомъ, не было недостатка въ самыхъ разнорѣчивыхъ слухахъ, которые появились послѣ разговора графа Шувалова съ барономъ Зедделеромъ, генераломъ Брокъ и полковникомъ Сиверсомъ.

Не получая давно писемъ и газетъ и скучая однообразіемъ похода, офицеры, слышавшіе кое-что изъ этого разговора, передавали его со своими коментаріями, которые росли съ такою быстротою, что самые смѣлые разсказчики не могли узнать, а тѣмъ болѣе повѣрить новостямъ, переданнымъ ими-же самими нѣсколько часовъ тому назадъ. Наконецъ дошли до того, что чуть не слѣдующій-же переходъ можно ожидать встрѣчи съ башибузуками изъ Силистріи, или бандами генерала Клапка со стороны Венгріи.

Правду сказать, хотя смотря на карту и зная о движеніи впереди насъ 24-й пѣхотной дивизіи и трехъ полковъ нашей, трудно было вѣрить въ возможность подобной встрѣчи, но въ то-же время хотѣлось обмануть самого себя, чтобы, сдѣлавъ всевозможныя натяжки, придти къ заключенію о возможности встрѣтить въ Румыніи какую-нибудь подобную банду, для того, чтобы маленькимъ дѣломъ приготовить людей къ ожидавшимъ насъ за Дунаемъ труднымъ и серьезнымъ боямъ съ турками.

Изъ Рымника мы выступили 18-го числа и пошли походнымъ порядкомъ съ военными предосторожностями, т. е. высылая отъ авангарда патрули и имѣя артиллерію между батальонами; но это все-таки не помѣшало отправлять впередъ ротныя кухни при однихъ квартирьерахъ и, слѣдовательно, разбивало окончательно слабый лучъ надежды на возможность встрѣчи съ незначительными силами непріятеля и легкой надъ нимъ побѣды.

19-го пришли въ г. Бузео; 21-го сдѣлали переходъ почти въ сорокъ верстъ и ночевали у г. Мезгичъ; 22-го пришли въ Альбешти; 23-го въ Плоэшти, а 25-го стали на бивуакъ въ прелестной дубовой рощѣ у женскаго монастыря при м. Челпани и жалѣли, что это только ночлегъ, а не дневка. Бивуакъ былъ дѣйствительно очень хорошъ, сухой и чистый, а вѣковые дубы защищали отъ рѣзкаго, холоднаго, осенняго вѣтра, преслѣдовавшаго насъ всѣ послѣдніе переходы настолько, что приходилось ложиться спать не раздѣваясь и кутаться во что только было можно.

Бивуакъ отстоялъ отъ монастыря не болѣе какъ на полверсты, а такъ какъ намъ еще ни разу не приходилось видѣть Румынскихъ монастырей, то понятно, что не прошло и часу временя, какъ большинство офицеровъ было уже за его оградою, чтобы познакомиться съ устройствомъ монастыря и въ то-же время посмотрѣть на хорошенькихъ монахинь. Послѣднее обстоятельство конечно служило чуть ли не главнымъ двигателемъ для посѣщенія его нашею молодежью.

Въѣхавъ въ ворота монастыря, мы увидѣли по обѣимъ сторонамъ дороги маленькіе бѣленькіе домики очень чисто содержанные и окруженные небольшими палисадниками.

Каждый домикъ служитъ для помѣщенія двухъ или трехъ монахинь, съ неизбѣжною старухою при молодыхъ, которыя, какъ намъ показалось, не успѣли еще совершенно позабыть свѣтъ съ его удовольствіями и соблазнами.

Въ концѣ дороги, какъ бы замыкая ее, стоитъ довольно большой двухъ этажный домъ, игуменьи или старицы, въ которомъ помѣщается также и общая трапеза.

Привязавъ лошадей у одного изъ палисадниковъ, мы пошли въ церковь, и съ перваго же шага не могли не обратить вниманія на неизвѣстные намъ обычаи и обряды. Было три часа пополудни; монахини собирались къ вечернѣ; причемъ ранѣе благовѣста, одна изъ нихъ, обходя кругомъ церкви, стучала молоткомъ по узкой деревянной доскѣ аршина въ два длиною, очень чисто выбивая по ней дробь съ разными вѣроятно заучеными переливами окончившимся тремя отдѣльными ударами, на паперти передъ входною дверью церкви.

Вслѣдъ за этимъ раздался короткій благовѣстъ жидкихъ монастырскихъ колоколовъ.

Церковь хороша и напоминаетъ наши, но иконостасъ поставленъ за подлицо съ сѣвернымъ и южнымъ выступами ея, вслѣдствіе чего увеличивается алтарь и совершенно уничтожаются клиросы. Упомянутые выступы полукруглой формы; а по стѣнамъ ихъ устроены мѣста для монахинь съ высокими спинками и ручками и откиднымъ сидѣньемъ.

Посрединѣ каждаго изъ выступовъ поставленъ деревянный столъ на одной ножкѣ, въ родѣ музыкантскихъ пюпитровъ, имѣющихъ скосы на

всѣ четыре стороны. Пюпитры эти служатъ для церковныхъ книгъ и нотъ, по которымъ поютъ на два хора монахини-пѣвчіе, становящіяся вокругъ ихъ.

Мѣсто игуменьи представляетъ собою нѣчто въ родѣ трона, обильно вызолоченнаго и раскрашеннаго красками чуть-ли не всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Свѣчей въ церкви не продаютъ, поэтому когда мы изъявили желаніе поставить ихъ передъ иконами, то за свѣчами должна была идти мать казначея въ одно изъ отдѣльныхъ строеній монастыря.

Маленькія свѣчи не употребляются и стоячихъ паникадилъ нѣтъ.

Образъ праздника былъ выставленъ противъ южныхъ дверей, а у сѣверныхъ стоялъ овальный орѣховый столъ, покрытый красною салфеткою, совершенно похожій на тѣ, которые въ доброе старое время можно было видѣть передъ диванами почти всѣхъ гостиныхъ.

Назначеніе этого стола осталось намъ неизвѣстнымъ. Чтица стояла въ западномъ выступѣ церкви и читала очень громко хорошимъ груднымъ контральто. Пѣнія я не слышалъ; бывшіе-же у всенощной товарищи говорили, что оно напоминаетъ собою армянское по своимъ мотивамъ и исполненію, вслѣдствіе чего настолько хуже нашего, что и сравнивать не приходится. Выйдя изъ церкви, мы, по приглашенію матери казначеи пошли посмотрѣть ея домикъ, въ одну изъ комнатъ котораго она, съ разрѣшенія игуменьи, помѣстила на ночлегъ одного изъ нашихъ полковниковъ, чувствовавшаго себя несовсѣмъ здоровымъ. Чистота въ домѣ, несмотря на кирпичные полы, замѣчательна; комнаты маленькія, но свѣтлыя и уютныя, а меблировка такъ хороша и удобна, что, находясь въ этихъ комнатахъ, трудно повѣрить, что онѣ представляютъ собою монастырскія кельи.

Штабъ полка былъ помѣщенъ въ большомъ домѣ, а командиръ у игуменьи, которой онъ сдѣлалъ визитъ тотчасъ по приходѣ на бивуакъ.

Трое изъ моихъ товарищей помѣстились въ домикѣ у очень любезной старушки монахини, которая угощала ихъ фруктами и постоянно повторяла: «все отдамъ, только побейти турокъ». Надо сказать, что монахини очень боялись, чтобы турки не сдѣлали имъ сюрприза своимъ визитомъ, переправившись черезъ Дунай у Калараша.

Осмотрѣвъ монастырь, я уѣхалъ къ себѣ на бивуакъ, вслѣдствіе чего и не попалъ ко всенощной, которую слушали почти всѣ офицеры.

Каждаго входящаго въ церковь встрѣчала монахиня и предлагала мѣсто, прося сѣсть въ виду того, что они вѣроятно устали послѣ перехода.

Командира полка встрѣтила игуменья и посадила рядомъ съ собою; причемъ она помѣстилась не на своемъ тронѣ, а рядомъ съ нимъ на простомъ сидѣньи.

Всѣхъ монахинь до 300, не считая непоступившихъ еще въ монастырь юныхъ дочерей и племянницъ нѣкоторыхъ старыхъ монахинь, у которыхъ они живутъ.

Понятно, что при такой массѣ монастырской и полковой молодежи во время всенощной завязалось нѣсколько интересныхъ знакомствъ. Поводомъ къ одному изъ нихъ послужило то, что молодой офицеръ, несмотря на приглашеніе монахини, никакъ не рѣшался сѣсть; разшаркиваясь же передъ нею вѣроятно столкнулъ сидѣнье съ мѣста, вслѣдствіе чего въ моментъ когда опускался, сидѣнье выскочило и упало.

Офицеръ сконфузился, но, несмотря на всѣ старанья, никакъ не могъ поправить свой стулъ.

Монахини начали переглядываться, улыбаться, но ни одна изъ нихъ не подошла, чтобы помочь горю. Кончилось тѣмъ, что чтица молодая и очень красивая, видя неловкое положеніе гостя, передала книгу очередной монахинѣ, подошла и только что начала нагибаться, чтобы поднять сидѣнье, какъ офицеръ поторопился сдѣлать то же самое, чтобы не затруднить красавицу, и они звонко стукнулись лбами и, отскочивъ другъ отъ друга, невольно разсмѣялись. Происшествіе это обратило на себя общее вниманіе и зоркіе глаза офицеровъ замѣтили, что сидѣвшій рядомъ съ этимъ, другой *молодой товарищъ*, несмотря на то, что казался какъ бы умиленнымъ церковною службою, *нѣжно жалъ* ручку сидѣвшей о бокъ съ нимъ юной послушницѣ.

На другой день, подшучивая надъ увлекшимся офицеромъ, я услышалъ, будто бы высокая ручка между сидѣньями не позволяла ему даже видѣть свою сосѣдку и что поэтому онъ чрезвычайно удивился, когда совершенно неожиданно почувствовалъ, какъ чья-то рука, просунутая подъ ручкою сидѣнья, взяла его за руку и, крѣпко сжавъ ее, не выпускала во все время службы. Кто изъ нихъ правъ, повѣрить было трудно, но фактъ долгихъ и нѣжныхъ рукопожатій замѣченъ и подтвержденъ многими. Рано утромъ 26-го числа мы съ сожалѣніемъ разстались съ бивуакомъ у мѣстечка Челпани и пошли къ мѣстечку Боніазъ, отъ котораго оставалось только четыре версты до столицы Румыніи—Бухареста.

На бивуакъ мы стали въ большомъ и хорошемъ, но запущенномъ паркѣ.

Дождь насъ преслѣдовалъ и дороги становились все грязнѣе и вязче.

27-го числа предстояло пройти черезъ Бухарестъ и представиться на смотръ генералъ-адъютанту Дрентельну, какъ командующему войсками расположенными въ Бессарабіи и Румыніи. Съ шести часовъ утра мы начали осматривать обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ; почистили мундиры, уровняли пригонку ранцевъ, сухарныхъ мѣшковъ, флягъ и прочаго; надѣли чистые чехлы на фуражки и побрили бороды.

Сборы были пріятны, напоминая подобные же въ нашемъ миломъ Петербургѣ передъ парадами и Высочайшими смотрами.

Въ началѣ восьмаго часа выступили съ бивуака и, пройдя двѣ-три версты, выстроились на полѣ у городскаго парка, по-баталіонно въ двухъ взводныхъ колонахъ справа. Въ восемь съ половиною часовъ пріѣхалъ баронъ Зеддлеръ, а въ девять часовъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, объѣхавшій полкъ при звукахъ полковаго марша.

Проѣхавъ къ артиллерійской бригадѣ и вернувшись обратно къ полку, генералъ Дрентельнъ сталъ передъ серединой его, гдѣ уже были собраны всѣ офицеры, и, обратясь къ намъ съ привѣтствіемъ, сказалъ краткое поученіе и нѣсколько теплыхъ напутственныхъ словъ. Рѣчь генерала Дрентельна не заключала въ себѣ громкихъ фразъ или выраженій бьющихъ на эфектъ, но была сильна своею правдою, глубокимъ знаніемъ дѣла, пониманіемъ людей и сознаніемъ трудности минуты, которыя высказывались просто, логично и въ то-же время безъапеляціонно.

Лучшимъ доказательствомъ достоинства сказанныхъ генераломъ Дрентельномъ словъ можетъ служить то, что ни вслѣдъ за рѣчью, ни послѣ, бесѣдуя о ней, никто изъ офицеровъ не только не вздумалъ подымать ее на смѣхъ, какъ это иногда бываетъ, но даже не рискнулъ критиковать отдѣльныхъ выраженій, а всѣ находили неоспоримое достоинство въ ея правдѣ, такъ просто и сильно высказанной. Объѣзжая вновь баталіоны, генералъ-адъютантъ Дрентельнъ обратился къ солдатамъ, говоря: «ребята, Его Величество Государь Императоръ ждетъ свой славный лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, надѣясь, что вы съумѣете и молодецки сослужите свою службу»,—обычное «рады стараться, ваше превосходительство», и затѣмъ дружное, громкое «ура», не по приказу начальства, а по собственному побужденію нижнихъ чиновъ, были отвѣтомъ на столь лестныя слова генерала.

Затѣмъ командующій войсками поѣхалъ въ головѣ полка, черезъ прелестный и отлично содержанный паркъ, въ городъ, гдѣ остановился на театральной площади и, пропустивъ мимо себя полкъ, сказалъ генералу Броку: «Полкъ прекрасно стоялъ и молодецки прошелъ мимо меня, не видно ни утомленія, ни изнуренія; у васъ отличные люди».

Дѣйствительно, мы прошли черезъ городъ очень хорошо. Солдаты шли бодро и въ полномъ порядкѣ; неуспѣвала музыка окончить игру марша, какъ веселыя пѣсни слышались уже передъ каждою ротою, не прекращаясь во время всего пути.

Выйдя за городъ, мы сдѣлали получасовой привалъ и тронулись далѣе, сначала по проселку, а потомъ по грязному отъ дождя и исковерканному артиллеріей и обозами шоссе, къ деревнѣ Жилява, гдѣ провели дневку 28-го числа.

Изъ Жилявы большинство офицеровъ ѣздило въ Бухарестъ, чтобы осмотрѣть его и сдѣлать необходимыя закупки въ этомъ, такъ сказать, послѣднемъ для насъ городѣ, имѣющемъ европейскія удобства жизни. Дѣйствительно, мы нашли въ немъ почти все необходимое, но платили такъ дорого, что вернулись на бивуакъ съ пустыми карманами. Въ одной изъ лавокъ я случайно встрѣтилъ фельдфебеля стрѣлковаго баталіона Императорской Фамилии, присланнаго изъ-за Дуная вмѣстѣ съ офицеромъ, завѣдывающимъ хозяйствомъ, для различныхъ закупокъ.

На распросы мои я услышалъ слѣдующее: «Пришли мы къ главной квартирѣ Государя Императора подъ Горнымъ Студенемъ и стали бивуакомъ. Его Величество изволилъ каждый день приходить къ намъ и милостиво разговаривать.

«Потомъ, по нашемъ прибытіи въ пятницу 23-го числа, Его Величество поздравилъ насъ съ походомъ.

«Въ субботу изволилъ намъ сдѣлать парадъ, прямо съ котораго наша бригада и гвардейскіе полки (1-й и 3-й дивизіи) пошли подъ Плевну, а я поѣхалъ сюда». При этомъ разговорчивый фельдфебель прибавилъ: «вѣрьте, ваше высокоблагородіе, сущая правда, что кто за Дунаемъ не бывалъ, тотъ горя не видалъ. Грязь по колѣно и выше, погода сырая, да холодная, а цѣны на все такія, что противъ здѣшнихъ раза въ три будутъ».

Обѣдая у Фраскати, я услышалъ потвержденіе слуховъ о томъ, что весь гвардейскій корпусъ назначенъ дѣйствовать подъ Плевною. Разница въ слухахъ заключалась только въ томъ, что одни утверждали, что мы будемъ стоять съ южной ея стороны, отъ Софіи; тогда какъ другіе разсказывали, что прибывшіе на театръ войны гвардейскія части взошли какъ-бы клиномъ между осаждающими Плевну съ востока армейскими корпусами и приготовили уже мѣсто для нашей дивизіи. Такимъ образомъ есть надежда, что мы сразу попадемъ въ злачное мѣсто, не теряя времени въ передвиженіяхъ. Дѣлая покупки я промокъ насквозь, дождь, мочившій насъ уже нѣсколько переходовъ, не переставалъ, а лишь смѣнялся изрѣдка изморосью для того, чтобы начаться съ новою силою.

Не смотря на грязь, покрывавшую улицы и мокрыя стѣны домовъ, Бухарестъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе своими чистыми домами, прекрасными магазинами, мостовою, извощиками, hotel'ями и проч. Жаль только, что нѣкоторыя улицы до того узки, что съ трудомъ допускаютъ разъѣздъ встрѣчныхъ экипажей. Изъ Бухареста я вдвоемъ съ товарищемъ поѣхалъ на бивуакъ въ извощичьей коляскѣ.

Покупки наши занимали все мѣсто, предназначенное для ногъ и, кромѣ того, лежали на колѣняхъ и держались въ рукахъ. Тутъ была складная деревянная кровать, сѣдельныя кабуры и путлища, теплые носки, сдобныя булки, чернила, записная книжка, свѣчи, коньякъ и проч. и проч., однимъ словомъ, чуть не цѣлый транспортъ. Ночь была темная, хоть

глазъ коли, а дождь лилъ какъ изъ ведра. Возница нашъ не понималъ порусски ни одного слова, вслѣдствіе чего мы серьезно побаивались, что вмѣсто Жилявы, близъ Бухареста, попадемъ въ другую Жиляву у Браилова. Усердствуя какъ-нибудь объяснить возницѣ конечную цѣль нашего путешествія, мы нѣсколько разъ останавливали его, но понять другъ-друга никакъ не могли и успокоились только тогда, когда должны были зажать носы, чтобы не слышать удушливаго смрада, которымъ былъ пропитанъ воздухъ отъ полнаго разлаженія многихъ десятковъ труповъ лошадей, павшихъ на шоссе близъ столицы Румыніи и никѣмъ неубранныхъ. Часа черезъ полтора пути мы пріѣхали къ бивуаку, но и тутъ долго бѣдствовали, не видя возможности перебраться черезъ глубокую шоссейную канаву, а потомъ, очутившись среди какихъ-то ямъ, систематично вырытыхъ въ полѣ. Прошло много времени, пока совершенно усталые мы добрались до палатокъ, скользя по грязи и проваливаясь въ канавы.

29-го мы сдѣлали переходъ около тридцати верстъ по шоссе, покрытому вершка на два жидкою рыжеватою грязью; холодный вѣтеръ и дождь сопровождали насъ до самаго бивуака у дер. Колу-Горени.
Переночевавъ подъ дождемъ, который не прекращался ни на минуту, мы выступили и съ трудомъ шли по увеличивавшейся грязи шоссе.

Пройдя около трехъ верстъ, пришлось свернуть на проселокъ и тутъ только въ первый разъ мы испытали всю прелесть осенняго похода. Ноги вязли и разъѣзжались; каждый шагъ прибавлялъ вѣсъ сапогамъ отъ налипавшей на нихъ грязи, а къ довершенію удовольстія обозъ нашъ, подойдя къ подъему горы у дер. Уцуну, сталъ окончательно.

Съ выхода съ бивуака въ помощь обозу былъ назначенъ 2-й баталіонъ и до упомянутаго подъема кое-какъ его вытаскивалъ, но тутъ силы почти восми-сотъ человѣкъ нижнихъ чиновъ оказались недостаточными. Полкъ остановился и баталіоны, смѣняя другъ друга, тащили повозки на себѣ, причемъ нѣкоторыя четверки лошадей отъ напряженія чуть не вырвались изъ хомутовъ; а другія съ обожженными уже плечами упирались на мѣстѣ и мѣшали людямъ. Пробившись съ обозомъ часа полтора, онъ наконецъ въѣхалъ на гору и потянулся къ деревнѣ, въ концѣ которой былъ пологій спускъ къ ручью, а за нимъ хотя и некрутой, но длинный подъемъ въ гору. Дождь, не пересталавшій втеченіе многихъ дней, такъ размягчилъ грунтъ, что колеса врѣзывались болѣе чѣмъ на четверть аршина въ густую и липкую черноземную грязь.

Пришлось опять подымать обозъ людьми, и такъ какъ 4-й и 3-й баталіоны прошли уже далѣе, то на этомъ подъемѣ въ помощь 2-му баталіону были оставлены только двѣ роты перваго. Опять началось втаскиванье телегъ; но подъемъ длиненъ, а лошади изнурены окончательно. Тащили выносными канатами, веревками отъ палатокъ и просто цѣпью людей, взявшихся за руки. Подпрягали запасныхъ лошадей, а въ нѣкоторыхъ

повозкахъ выпрягали совсѣмъ остановившихся и втаскивали ихъ одними людьми. А дождь все шелъ и портилъ безъ того уже невозможную дорогу; такимъ образомъ шесть ротъ работали съ девяти часовъ утра до трехъ съ половиною часовъ пополудни. Тронулись далѣе, верста, другая—благополучно, на третьей опять подъемъ и хотя небольшой, но стоившій новыхъ усилій и потери времени, вслѣдствіе чего, выбившіеся изъ силъ солдаты и заморенныя лошади были остановлены въ шесть часовъ вечера на бивуакѣ, но не на указанномъ въ маршрутѣ у дер. Киріаку въ двадцати-шести верстахъ отъ Колу-Горени, а у дер. Стоенешти, сдѣлавъ въ двѣнадцать часовъ времени переходъ всего только около десяти верстъ.

Убійственное состояніе дорогъ сдѣлало то, что обозъ агентства продовольствовавшаго армію, тоже гдѣ-то застрялъ и баталіоны, пришедшіе въ Киріаку, не нашли приготовленной варки, которую имъ кое-какъ состряпали уже поздно ночью.

Достать что либо въ Киріаку было невозможно, такъ что едва къ утру агентство успѣло привести хлѣбъ изъ Журжева. Офицеры же этихъ баталіоновъ остались безъ обоза, т. е. положительно безъ ничего.

Для нижнихъ чиновъ баталіоновъ, остановившихся въ Стоенешти пришлось вынуть изъ артельныхъ повозокъ запасную крупу и сварить кашицу въ ранцевыхъ котелкахъ, причемъ на 8 ротъ и обозныхъ съ трудомъ достали 16 фунтовъ горькаго масла, такъ какъ свои котлы, а съ ними и запасное сало, уложенные въ облегченныя повозки, ушли въ Киріаку съ квартирьерами. Офицеры имѣли обозъ и холодную закуску, но не было хлѣба; поваръ же нашъ съ провизіей былъ въ Киріаку вмѣстѣ съ квартирьерами.

1-го октября погода разъяснилась, ночью былъ морозикъ, утромъ туманъ, а среди дня и давно невиданное солнышко.

3-й и 4-й баталіоны остались дневать въ Киріаку, а 1-й и 2-й пришли туда опять, помогая обозу и втаскивая его на рукахъ на каждый подъемъ.

Артиллерія подымала свои зарядные ящики, припрегая орудійные уносы, такъ что ящикъ, возимый 6-ю лошадьми подымался въ гору 14 и даже 16 и то не безъ помощи прислуги.

Для большей наглядности не мѣшаетъ прибавить, что 1-го октября при хорошей погодѣ, т. е. когда дорога не размягчалась дождемъ, а даже нѣсколько подсохла, переднія повозки сдѣлали 15 верстъ втеченіе 8 час. времени, а тѣ, у которыхъ лошади были послабѣе, приходили позже, вплоть до 8 час. вечера, несмотря на то въ помощь имъ были высланы лошади отъ облегченныхъ повозокъ, простоявшихъ сутки въ Киріаку и наняты волы. Въ этотъ день въ обозѣ пало 2 лошади.

2-го октября 3-й и 4-й баталіоны выступили изъ Киріаку въ пять съ половиною часовъ утра, чтобы, пройдя м. Путинео, идти верстъ десять

далѣе, для исправленія дороги; а 1-й и 2-й баталіоны опять потащились съ обозомъ. Дороги подсыхали, но для обоза были еще настолько тяжелы, что въ Путинео мы едва пришли къ шести часамъ вечера, выступивъ изъ Киріаку въ десять часовъ утра.

Нѣсколько повозокъ, несмотря на постоянную помощь людей и подпряжку наемныхъ воловъ и лошадей, пришли уже ночью, а двѣ артельныя съ оставленными при нихъ сорока нижними чинами только къ десяти часамъ утра 3-го октября. Дальнѣйшій переходъ долго не могъ быть рѣшенъ. Идти надо, чтобы поспѣть во время къ Зимницѣ, а между тѣмъ плачевное состояніе лошадей и дороги на м. Бригадиръ останавливало рѣшеніе командира полка въ выборѣ между дорогами: маршрутнымъ проселкомъ на Бригадиръ и кружнымъ путемъ, по шоссе, на д. Атырнаца.

Пока осматривались дороги, мы отдыхали, не зная останемся ли дневать въ Путинео или пойдемъ далѣе.

Пользуясь свободнымъ временемъ, ротные командиры осмотрѣли продукты, уложенные еще въ Петербургѣ въ провіантскія повозки и пополнили сухарный запасъ, носимый на людяхъ.

Надо сказать, что дожди, часто перепадавшіе въ началѣ сентября и не прекращавшіеся въ послѣдніе 12 дней этого мѣсяца, сильно подмочили сухари и они частью проплѣснили и были выброшены, а частью съѣдены людьми въ тѣ дни, когда агентство поздно доставляло булки и въ д. Стоенешти послѣ перваго тасканья людьми завязавшаго на каждомъ шагу обоза.

Поэтому, выдавая сухари для пополненія носимаго на себѣ запаса, пришлось не пополнить его, а выдать вновь изъ находившагося въ повозкахъ. Пройдя около 500 верстъ, солдаты стали опытнѣе и привычнѣе къ нуждамъ и складу походной жизни, поэтому когда я приказалъ имъ сыпать сухари въ свои мѣшки, они, не боясь лишней тяжести, такъ плотно набивали ихъ, что свѣсивъ одинъ изъ мѣшковъ я убѣдился, что, вмѣсто полагающихся на три дня 6 фунтовъ, мѣшокъ можетъ помѣстить въ себѣ до 9 фунтовъ сухарей.

Набивъ мѣшки, солдаты не застегивали ихъ на пуговицы, а зашивали накрѣпко какъ для прочности, такъ и во избѣжаніе соблазна грызть сухари въ незаконное время.

Едва успѣли окончить эту операцію и пересмотрѣть остальное, какъ раздался сигналъ полка и сборъ.

Оказалось, что вмѣсто ожидаемаго ночлега въ Путинео мы должны были выступить въ 6 час. пополудни, чтобы пройдя часть перехода на Бригадиръ, на слѣдующій день быть уже въ Зимницѣ.

Начавъ говорить о сухаряхъ, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ и о продовольствіи полка вообще.

Съ выступленія изъ Петербурга нижніе чины довольствовались горячею пищею слѣдующимъ порядкомъ: во время движенія по желѣзнымъ до-

рогамъ варки дѣлались почти черезъ день на продовольственныхъ пунктахъ, устроенныхъ близъ желѣзно-дорожныхъ станцій.

Пункты эти были назначены маршрутомъ и начальникъ эшалона телеграфировалъ только о числѣ людей, на которыхъ должна была готовиться пища. Хлѣбъ частью взяли изъ Петербурга, частью-же получали на продовольственныхъ пунктахъ, и вообще все шло хорошо. Были только недоразумѣнія или вѣрнѣе опаздыванія въ приготовленіи пищи, начиная съ Бирзулы, что произошло вслѣдствіе громаднаго стеченія воинскихъ поѣздовъ, двигавшихся по этой линіи въ концѣ августа.

До Бирзулы за продовольствіе нижнихъ чиновъ начальники эшелоновъ платили наличными деньгами, въ размѣрѣ мѣстнаго кормоваго оклада изъ выданныхъ имъ авансомъ въ тысячу рублей каждому.

Отъ Бирзулы выдавались только квитанціи.

Перейдя границу продовольствіе полка перешло частью въ руки агенства, кормившаго дѣйствующую армію; мяснаго подрядчика и самаго полка, при чемъ роты давали ассигновки по числу людей, а полковой квартермистръ, идя съ квартирьерами и облегченными повозками, заготовлялъ и принималъ все слѣдуемое до прихода полка; такъ что варка начиналась ранѣе, а иногда была даже готова ко времени остановки полка на бивуакѣ.

Ежедневно готовились щи, со свѣжей капустой и бураками и полуфунтомъ мяса; а съ середины сентября мясная порція была увеличена до одного фунта въ день на человѣка. Каша варилась въ дни дневокъ, т. е. въ четвертый день, а хлѣбъ выдавался всегда наканунѣ трех-фунтовыми прѣсными булками, не совсѣмъ бѣлой муки, изъ которой пекутъ вообще весь хлѣбъ въ Румыніи.

Мы слышали, что агентство побаивалось продовольствовать гвардію и въ виду этого при нашемъ полку и артиллерійской бригадѣ ѣхалъ, вмѣсто какого-нибудь жидка-приказчика, племянникъ одного изъ главныхъ учредителей агентства, человѣкъ образованный и, какъ говорятъ, милый. Я лично не могу ничего сказать о немъ, такъ какъ не имѣя съ нимъ прямыхъ служебныхъ отношеній, ни разу не сказалъ ни единаго слова.

Надо, впрочемъ, отдать полную справедливость этому господину, что все поставляемое имъ было хорошо, доставлялось почти всегда во время и въ надлежащемъ качествѣ; въ тѣхъ-же довольно рѣдкихъ случаяхъ, когда что-нибудь было не совсѣмъ удовлетворительно, приказчики агентства быстро мѣняли забракованное и видимо старались сдѣлать все возможное, чтобы только полкъ не имѣлъ случая жаловаться на агентство. Съ другой стороны правда тоже и то, что утвержденныя цѣны были такъ высоки, что я врядъ-ли ошибусь если скажу, что агентство наживало чуть ли не сто процентовъ.

Возвращаюсь къ 3-му октября. Услышавъ сигналъ, я поторопился къ своему бивуаку и на скоро—пообѣдавъ одѣлся, чтобы выступить далѣе. Въ

шесть часовъ мы тронулись, солнце сѣло и, несмотря на прекрасную лунную ночь, дорога какъ-бы ускользала изъ глазъ и сливалась съ окрестностью. Наступившіе ясные дни, чуть не съ іюльскимъ жаромъ въ полдень, хотя и подсушили нѣсколько грязь, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она доходила почти до колѣна, а глубокія колеи сильно затрудняли движеніе обоза. Переходъ до деревни Какалеца мы сдѣлали незамѣтно, но чтобы стать на бивуакъ слѣдовало пройдти сначала черезъ лощину съ бьющими въ ней родниковыми ключами, затѣмъ по узкому и мало-надежному мосту, а отъ него по топкому болоту, дорога по которому для укрѣпленія ее была устлана соломой. Подобное путешествіе заняло не мало времени и мы довольно поздно стали на бивуакъ, сдѣлавъ всего восемь верстъ. Обозъ не могъ ночью переходить черезъ названныя препятствія, вслѣдствіе чего офицеры остались безъ вещей и улеглись около своихъ солдатъ, разостлавъ на травѣ полотнища ихъ походныхъ палатокъ. Часа черезъ два явились деньщики и принесли кому бурку, кому теплое пальто, фуфайку или что нибудь подобное. Закутались и весело смѣясь и шутя улеглись поближе другъ къ другу, но спали плохо; холодъ и сырость будили и заставляли вставать, чтобы прыгая по бивуаку размять и согрѣть застывшія руки и ноги.

4-го октября поднялись рано, но не тотчасъ вышли съ бивуака; надо было посылать команды за соломой, устилать ею топкія мѣста и переправить обозъ. Дорога на д. Бригадиръ была-бы хороша, еслибъ не глубокія колеи, а мѣстами такая-же не просохшая грязь.—Вышли въ шинеляхъ, потому что утро хотя было и ясное, но холодное, а къ полудню жарко было идти въ гимнастическихъ рубахахъ.—Пришли-же въ Бригадиръ только къ тремъ часамъ, опять-таки задержанные завязавшимъ обозомъ; заварили кашицу и думали идти въ шесть часовъ къ Зимницѣ, но позднѣе прибытіе третьяго баталіона шедшаго за обозомъ и неполученіе проводника, необходимаго при ночномъ движеніи, заставило насъ противъ воли ночевать у Бригадира и, слѣдовательно, опоздать на сутки прибытіемъ въ Зимницу, что было крайне нетріятно. Деревня Бригадиръ опоясывается съ южной стороны рѣчкой или ручьемъ, шаговъ въ семьдесять-пять ширины; рѣчка эта хотя не глубока, но быстра и моста черезъ нее нѣтъ, или вѣрнѣе есть что-то въ родѣ пѣшеходнаго на козлахъ, въ двѣ доски шириною; но и это подобіе моста не доходитъ до лѣваго берега рѣки шаговъ на двадцать.

Переправляясь въ бродъ верхомъ, я замочилъ ступни ногъ и чувствовалъ головокруженіе отъ быстроты теченія, которымъ сбивало мою лошадь въ сторону. Первое отдѣленіе роты я было направилъ на мостикъ, но, видя, что подобная одиночная переправа будетъ продолжаться Богъ знаетъ сколько времени и задержитъ весь полкъ, я приказалъ людямъ разуться и идти въ бродъ.

Солдатики, видя глубину воды при моемъ переѣздѣ, сняли вмѣстѣ съ сапогами и все прочее кромѣ мундира; такъ что переправа въ подобномъ костюмѣ, при полномъ вооруженіи, представляла чрезвычайно оригинальный видъ. Такимъ же образомъ переправлялись и другія роты.

Часовъ около шести, когда было рѣшено, что мы ночуемъ у Бригадира, я пошелъ къ кухнямъ и въ какой нибудь часъ времени видѣлъ два случая поломки мостика подъ переправлявшимися по немъ солдатами 1-й бригады 24 пѣх. дивизіи, подошедшей къ нашему бивуаку. Оба раза солдаты падали въ воду, причемъ одинъ изъ нихъ легъ плашмя и долго не показывался изъ подъ воды, такъ что другіе, болѣе счастливо упавшіе принуждены были его вытаскивать.

Вмѣстѣ съ бригадой 24 пѣх. дивизіи пришло 3 батареи артиллеріи, переправа которыхъ, а также и нашего обоза такъ углубила бродъ, что въ срединѣ его вода была выше пояса.

Утромъ 5-го октября мы выступили изъ Бригадира; густой туманъ застилалъ окрестность и не подымался часовъ до 11-ти.

Было холодно и сыро; но благодаря тому, что подъемовъ и спусковъ не было, шли скоро и хорошо, почти не помогая обозу вплоть до привала у Палаточнаго Зимницкаго госпиталя. Лихо сдѣлали переходъ наши втянувшіеся солдатики, а молодецкія пѣсни, съ присвистомъ и трелями подголосковъ, вызвали изъ госпитальныхъ шатровъ чуть не всѣхъ больныхъ и раненыхъ, могущихъ двигаться.

Военный госпиталь почти на берегу Дуная, да еще вскорѣ послѣ потерь подъ Плевною 30 и 31 августа, конечно интересовалъ меня, или вѣрнѣе интересовали люди, попавшіе въ него послѣ боя, какъ было не взглянуть и порасспросить ихъ, когда быть можетъ не за горами день, въ который суждено и намъ сослужить свою службу и не досчитаться товарищей.

Подойдя къ раненымъ, я узналъ, что большинство изъ нихъ прибыло дѣйствительно изъ подъ Плевны, послѣ упомянутыхъ дѣлъ; но это были по преимуществу легкораненые и идущіе уже на выписку. Поразила меня однообразность полученныхъ ими ранъ; рѣдкій не прихрамывалъ, такъ какъ почти всѣ мною видѣнные были ранены въ ноги и по большей части ниже колѣна. Разговаривая съ однимъ изъ нихъ я едва повѣрилъ, услыша, что наканунѣ, т. е. 4-го октября, въ госпиталь было доставлено до 480 нижнихъ чиновъ съ отмороженными носами вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и обильно выпавшаго въ горахъ снѣга.

Какъ то странно прозвучали для меня эти слова.

Туманъ давно уже разсѣялся и солнце грѣло такъ, какъ грѣетъ въ Петербургѣ среди іюля мѣсяца, а тутъ лежитъ масса людей съ отмороженными ногами.

Положимъ, что ночные холода, а иногда и довольно чувствительные утренніе морозы, намъ довелось уже испытать; но тѣмъ не менѣе возможность видѣть воочію ознобившихся въ это время года и при той географической широтѣ, въ которой мы находились, казалась невѣроятною. Желая провѣрить слышанное, я распрашивалъ всѣхъ кого могъ объ этомъ ужасномъ транспортѣ 4-го числа и фактъ прибытія отмороженныхъ подтвердился вполнѣ, хотя дѣйствительное число ихъ осталось невыясненнымъ. Между тѣмъ обозъ подошелъ, а съ нимъ подтянулись и конвоировавшая его роты. Разобрали ружья, простились съ ранеными и двинулись черезъ Зимницу, чтобы стать бивуакомъ на низкомъ полуостровѣ, образуемымъ лѣвымъ рукавомъ Дуная.

Устроившись на бивуакѣ у самаго берега рѣки, имя которой такъ славно въ боевыхъ преданіяхъ нашей арміи, включая и недавнюю переправу черезъ нее въ ночь съ 14 на 15 іюня, доставившую новую блестящую страницу въ лѣтописяхъ отечественной военной исторіи, я невольно вышелъ изъ палатки, чтобы полюбоваться пресловутымъ Дунаемъ и посмотрѣть на мѣсто переправы и перваго славнаго боя настоящей кампаніи.

Видъ Дуная не произвелъ на меня того впечатлѣнія, которое я какъ бы предвкушалъ; плоскій лѣвый берегъ, такой-же островъ впереди, закрывающій собою правый рукавъ рѣки, и мутно рыжеватыя волны не представляли ничего особеннаго, чарующаго или поражающаго.

Только повернувшись лицемъ къ Зимницѣ и смѣривъ глазомъ разстояніе до нее отъ берега, можно понять ту величественную картину, которую являетъ собою разлитіе Дуная, уширяющее лѣвый рукавъ его почти на версту, т. е. вплоть до самыхъ Зимницкихъ строеній.

Горы противоположнаго берега какъ-то странно смотрѣли своими неправильными контурами, а городъ Систовъ, или какъ перекристили его Свищевъ, казался бѣдненькою деревенькою, прилипившеюся на полугорѣ.

Солнце такъ сильно грѣло, что палатка какъ бы манила подъ свой кровъ и, повинуясь ея обаянію, я вернулся къ себѣ, раздѣлся и принялся за эти строки. Офицерство разбрелось, кто пошелъ въ Зимницу, обѣдать въ скверныхъ подобіяхъ ресторановъ, кто отправился въ Систово, дѣлать покупки или повидать старыхъ знакомыхъ, изъ числа штабныхъ офицеровъ, тамъ проживавшихъ. Вечеромъ ко мнѣ зашелъ одинъ изъ товарищей и сообщилъ, что обѣдая въ кругу штабныхъ, слышалъ будто-бы изъ Главной Квартиры получена телеграмма, увѣдомляющая о сдачѣ Османомъ пашей на капитуляцію всѣхъ Плевненскихъ укрѣпленій и занимавшей ихъ арміи.

Хотѣлось повѣрить слышанному; новость была слишкомъ заманчиво пріятна, но какое то безотчетное чувство не позволяло радоваться и

вѣрить ей, тѣмъ болѣе, что мы только что передъ тѣмъ узнали о пораженіи подъ Карсомъ арміи Мухтара-пуши и, радуясь этому извѣстію, не рѣшились радоваться еще болѣе крупному, какъ сдачѣ Османа, чтобы потомъ не испытать горькаго разочарованія.

Завтра, 6-го октября, мы должны переправиться черезъ Дунай.

Зимница, какъ предѣльный пунктъ нашего мирнаго до сихъ поръ похода, дѣлитъ его на двѣ части. Кончая сегодня записки этой первой половины, я невольно подумалъ о томъ гдѣ я вновь примусь за нихъ, и долго-ли и возможно-ли будетъ продолжать ихъ?

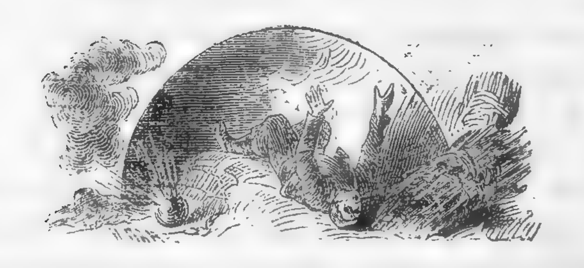
Чьи имена попадутъ на эти страницы какъ отличившихся на полѣ брани и чьи какъ павшихъ на немъ или пострадавшихъ во время частнаго исполненія священной обязанности войны передъ Государемъ и родиною.

Переходя эту черту, хотѣлось бы приподнять завѣсу будущаго и въ то же время радуешься тому, что не можешъ видѣть черезъ нее; такъ какъ съ этимъ будущимъ, при какомъ бы то ни было исходѣ его, связано многое въ положеніи и судьбѣ дорогихъ сердцу.

По странной случайности эти строки дописываются на послѣднемъ листкѣ моей записной книжки и слѣдующій разъ начну новую, вмѣстѣ съ описаніемъ новой страны, новаго образа жизни и обстановки, новыхъ картинъ и ощущеній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Паснинъ.

Тяжелыя минуты на Балканахъ.

(Отрывки изъ дневника гвардейца).

15-го Ноября 1877 года.

Грязное хмурное небо не обѣщаетъ скоро очиститься, густыя хлопья облаковъ ползутъ между отрогами Этропольскаго ущелья.—Дождь, мелкій и спорый, такъ и сѣчетъ въ лице. Холодъ пронизываетъ износившіяся солдатскія шинелишки. Офицеры по большей части ѣдутъ верхомъ и закутавшись кто въ бурку, кто въ кожанъ, а кто въ простое резиновое пальто. У всѣхъ надѣты башлыки, что придаетъ очень оригинальный видъ движущейся вереницѣ людей.

Измайловцы, послѣ дѣла подъ Правцемъ 11-го ноября, совершивъ ночной походъ до Ганъ-Брусенъ, идутъ теперь на усиленіе колоны Генерала Дандевиля въ городъ Этрополь.

Дорога тянется вдоль берега Искера; почва страшно камениста, и розмякшіе солдатскіе сапоги, скользя между острыми камнями, рвутся, и многіе солдаты идутъ уже на собственной ступнѣ.

На-право и налѣво высятся непроглядные вершины Балканъ. Страшные обломки висятъ иногда надъ головою, и невольно бросаетъ въ дрожъ каждаго кто проходитъ подъ ними; «ну что, если оборвется?»

Солдаты идутъ почти гуськомъ, выбирая мѣста по-суше. Но вотъ стали попадаться на пути ручейки, которые приходится переходить въ бродъ. Уставшіе и промокшіе солдаты, переходя ихъ, забираютъ воду за голенища и продолжаютъ апатично идти впередъ, хлябая на каждомъ шагу.

Ущелье начало расширяться, на лѣво, вдали, показался монастырь Св. Троицы, а вотъ и мѣсто ночлега—городъ Этрополь, или какъ сол-

даты его окрестили—Антрополь. Дрянный городишко раскинулся по берегу рѣки, на правой сторонѣ лощины; онъ мнѣ показался больше Зимницы и, что самое главное, грязи здѣсь меньше, такъ какъ почва чистый камень.

Полкъ остановили на вспаханномъ полѣ, по обѣ стороны какой-то не то канавы, не то рѣчки или ручья.

Грязи здѣсь было по колѣно и солдаты, составивши ружья, уныло смотрѣли, гдѣ бы имъ можно было раскинуть свои палатки. На-лѣво за дорогою мѣстность возвышалась сразу уступомъ и офицеры нашего баталіона живо примѣнились къ мѣстности.

На самомъ краю уступа, ближе къ своему баталіону, начали расчищать снѣгъ и ставить палатки. Деньщики за-суетились, и черезъ какіе-нибудь пол-часа, можно было видѣть уже лагерь изъ нѣсколькихъ палатокъ и между ними сновавшихъ деньщиковъ. Костры разведены и пошло приготовленіе, кому чаю, а кому обѣда.

Кормилецъ нашей артели, баронъ Ф-ъ, уже сидитъ около костра и по обыкновенію хлопочетъ, распекаетъ своего дураковатаго деньщика, и вмѣстѣ съ нимъ нашего повара Никифорова.

Походъ живо пріучилъ всѣхъ примѣняться къ обстоятельствамъ и по большей части всѣ офицеры устраивались сносно. Въ артели насъ было четыре человѣка сначала одной роты; но послѣ Горнаго Дубняка мой братъ и баронъ Ф-ъ приняли роты, одинъ въ третьемъ, другой во второмъ баталіонѣ, такъ что у меня остался одинъ офицеръ подпоручикъ Г. Но не смотря на то, что мы состояли въ разныхъ баталіонахъ, все-же таки намъ не хотѣлось разставаться и мы весь походъ сдѣлали вмѣстѣ. Много нужно было желанія, чтобы не расходиться, потому что поминутно то одинъ идетъ въ отдѣлъ, то другой. Вотъ и теперь брата нѣтъ уже цѣлую недѣлю, онъ съ ротою стоитъ въ д. Сводахъ, для охраненія нашего праваго фланга.

Раздѣвшись, я разлегся на своемъ резиновомъ мѣшкѣ, взятомъ еще изъ Петербурга. Ф-ъ лежитъ около, а Г. стоитъ и по обыкновенію что-то разсказываетъ на своемъ ломанномъ языкѣ. Онъ шведъ и еще не совсѣмъ правильно выражается по-русски, отчего у насъ часто хохотъ раздается на весь бивуакъ.

Деньщики принесли гороховый супъ, приготовленный изъ готовой консервной муки. Супъ выходитъ всегда очень хорошъ, а если есть время сварить въ немъ кусокъ говядины, то кушанье это годится хоть и не въ походѣ. Позакусивши и напившись чайку, начали приводить въ порядокъ свой бивуакъ и располагаться по возможности комфортабельнѣе. Во-первыхъ, въ палаткѣ ощущается холодъ и, въ то время какъ Ф-ъ возится на кухнѣ и приготовляетъ какое нибудь замысловатое блюдо къ обѣду, мы съ Г. начинаемъ устраивать печь.

Для этого обыкновенно мы вырываемъ четыреугольную яму и въ наружной стѣнѣ выдѣлываемъ печь, а трубу выводимъ за палаткою. Такимъ образомъ сама печь оказывается на аршинъ ниже уровня пола; но это нисколько насъ не безпокоитъ, а вотъ если полѣнишься аккуратно обскоблить верхнюю часть печи и не дашь потолку наклона отъ трубы къ выходу, то приходится очень безпокоиться, потому что дымъ идетъ вмѣсто трубы прямо въ палатку и положительно выкуриваетъ всѣхъ вонъ.

Но казусы эти случались вначалѣ, а потомъ наши познанія по части постройки печей на столько усовершенствовались, что мы безъ всякаго риска сразу топили только что приготовленную печь и небоялись сюрпрюзовъ.

Въ работѣ и устройствѣ незамѣтно наступила темнота и мы поужинавши улеглись поскорѣе спать.

Въ походѣ мы выработали такое правило: какъ только придешь на мѣсто сейчасъ же первое дѣло напиться чайку, поѣсть и выспаться. Правило это вошло въ законную силу послѣ нѣсколькихъ сюрпризовъ, когда замѣшкавшись не успѣвали ни закусить, ни отдохнуть и трогались далѣе на тощій желудокъ и уставши. Вслѣдствіе этого же, какъ только открывали мы утромъ глаза, первое дѣло кричали, чтобы давали ѣсть и потомъ уже чай.

16-го Ноября.

Утро наступило, противъ ожиданія, очень ясное и теплое. Офицеры и солдаты высыпали изъ своихъ палатокъ погрѣться на солнышкѣ; время до 12 часовъ прошло незамѣтно.

Къ 12 часамъ, по дорогѣ изъ Ганъ-Брусена, показалась колонна нашихъ войскъ; оказалось, что пришли четыре роты, охранявшія нашъ правый флангъ.

Братъ по обыкновенію верхомъ и въ буркѣ, повязавши шею башлыкомъ, ѣдетъ къ самой палаткѣ; за нимъ деньщикъ ведетъ вьючную лошадь. Пошли обыкновенные здорованья и разспросы о томъ хорошо-ли жилось, какъ теперь и что будетъ далѣе. Закусивши я собрался ѣхать въ городъ, и такъ-какъ у насъ не было фуража, а солдатъ однихъ въ городъ не пускали, то я собралъ всѣхъ деньщиковъ верхами и съ такимъ конвоемъ отправился за сѣномъ, котораго въ городѣ было очень много.

Городъ съ обыкновенными узкими улицами и маленькими домиками. Изобиліе воды страшное, она часто течетъ по улицамъ цѣлыми ручьями и намъ приходится ѣхать положительно по водѣ. Набравъ сѣна и вернувшись назадъ я узналъ, что 13-я и 14-я роты назначены въ караулъ по охраненію города отъ посѣщенія его одиночными людьми.

Закусивъ и собравъ роту я повелъ ее къ городу и, согласно приказанію, занялъ восточную его сторону, расположившись самъ съ главнымъ карауломъ на окрайнѣ города.

Расположивъ посты и проискавъ по пустякамъ часа два коменданта, я вернулся къ караулу и тутъ узналъ, что двумъ баталіонамъ приказано идти на Врачешскій перевалъ въ помощь отряду генерала Дандевиля.

Полкъ нашъ до того былъ раскасированъ, что двухъ полныхъ баталіоновъ изъ своихъ ротъ собрать было нельзя, а потому и пошли роты Его Величества, 3, 4, 6, 7, 8, 15 и 16. Изъ остальныхъ же ротъ двухъ первыхъ баталіоновъ 2 и 5 роты были на работахъ въ тылу отряда.

Составленные такимъ образомъ два баталіона выступили въ путь подъ общимъ командованіемъ полковника К., такъ какъ командующій въ то время полкомъ полковникъ Тарасовъ заболѣлъ.

Много пришлось испытать этимъ ротамъ сначала въ страшно трудномъ ночномъ походѣ по горнымъ тропинкамъ, а по приходѣ на мѣсто сразу-же вступить въ дѣло, для отвлеченія вниманія турокъ отъ зарвавшихся ротъ Великолуцкаго полка.

По слухамъ кажется и демонтрація то вся велась совершенно напрасно и наши только даромъ потеряли тридцать два человѣка.

17-го Ноября.

Смѣнившись съ караула и придя на бивуакъ я узналъ, что остаткомъ нашего полка приказано было двигаться съ артиллеріею на перевалъ.

Вотъ когда начинаются удовольствія, подумалъ я, но за сборами мысль объ неудобствахъ подъема въ дождь, слякоть и грязь какъ-то стушевалась. Къ пяти часамъ вечера колонна вытянулась и направилась черезъ городъ къ западу; но пройдя версты три или четыре и дойдя до бивуака Преображенцевъ оказалось, что идемъ не туда и повернувъ оглобли назадъ пошли по улицамъ города, который въ этой части былъ страшно грязенъ, такъ что солдаты вязли почти по колѣна. Пройдя снова весь городъ мы вытянулись на горную дорогу къ перевалу и тутъ насъ разбили по орудіямъ.

1-му взводу 13-й роты досталось идти въ авангардѣ, а остальные три взвода слѣдовали каждый за своимъ орудіемъ, чтобы помогать при подъемахъ или спускахъ.

Темнота уже наступила когда мы выступили. Авангардъ, шедшій шагахъ во ста впереди подъ командою подпоручика Г., едва былъ виденъ. Погода была сырая и пасмурная, дорога страшно камениста и трудна. Ночной походъ еще болѣе утомляетъ людей не спавшихъ ночь въ караулѣ и теперь обязанныхъ быть на чеку, чтобы не попасть въ какую-нибудь яму или подъ колесо орудія. При всемъ этомъ дорогу очень часто, что-бы не сказать на каждомъ шагу, пересѣкали горные ручьи, которые приходилось

переходить въ бродъ иногда по колѣно въ водѣ. Темь стояла страшная, впереди какъ будто-бы какая-то бездна, по бокамъ высятся страшныя скалы, принимающія ночью какіе-то фантастическіе образы.

Часамъ къ десяти вечера вдали показалось зарево отъ бивуачныхъ огней: то были драгуны, преслѣдовавшіе турокъ изъ Этрополя и расположившіеся тутъ на бивуакѣ. Куда идти, гдѣ остановиться—никто не зналъ. Первое орудіе пошло прямо и при переѣздѣ черезъ ручей застряло. Солдаты по колѣно и выше въ водѣ схватились за пастромки, колеса и за всѣ выдающіяся части, чтобы помочь вытащить. Раздались обычные въ этихъ случаяхъ возгласы и понукиванія. Наконецъ, при страшныхъ усиліяхъ орудіе вытащили; но за первымъ идетъ второе, для котораго почва уже размягчена и несмотря на то, что оно пошло рысью, что-бы съ налета вынестись на другой берегъ, все-таки по серединѣ ручья застряло и его тоже пришлось вытаскивать почти на рукахъ. Работа была адская, темная, холодная ночь, низги не видно, а тутъ по колѣно въ водѣ приходится возиться съ девяти-фунтовымъ орудіемъ.

Провозившись страшно долго съ вытаскиваніемъ ввѣренныхъ намъ дѣтищъ, мы наконецъ пошли на отдыхъ и перейдя еще разъ ручей, на который промокшіе солдаты не обратили уже ровно никакого вниманія, мы были остановлены на площадкѣ буквально *покрытой* грязью въ пол-аршина глубиною, *размолотой копытами* лошадей. Составивъ тутъ ружья, солдаты разбрелись отыскивать гдѣ-бы погрѣться.

Дровъ нѣтъ, соломы—тоже, прилечь нельзя, а на утро еще работа, да притомъ самая труднѣйшая. И вотъ разбрелись стрѣлки отыскивать гостепріимнаго огонька, гдѣ-бы можно было погрѣться и посидѣть хоть на корточкахъ до утра.

Я тоже пошелъ отыскивать, куда-бы прилечь и найдя кучу сѣна, предназначенную къ утренней выдачѣ лошадямъ, завалился на нее спать, несмотря на всѣ протесты, стоявшаго около нея дневальнаго.

Къ довершенію всѣхъ удовольствій ночью пошелъ дождь, промочившій насъ насквозь, но я далъ слово не шевелиться до утра и пролежалъ такимъ образомъ до пяти часовъ, когда пришли за сѣномъ.

18-го Ноября.

Въ половинѣ шестаго часа утра меня позвалъ къ себѣ командующій полкомъ и объявилъ, что для подъема орудій на перевалъ онъ раздѣляетъ полкъ на эшелоны и что первый эшелонъ подъ моимъ начальствомъ выступаетъ въ шесть часовъ утра.

Ко мнѣ присоединилась 14-я рота, а потому, передавъ командиру ея что намъ пора собираться, мы вмѣстѣ пошли смотрѣть какъ артиллеристы приспособляютъ орудія для перевозки ихъ на быкахъ.

Къ дышлу передка пристроили ярмо и впрягли двухъ тощихъ буйволовъ, а къ носу привязали другое ярмо и въ него заложили двухъ небольшихъ бычковъ. Второе орудіе было готово раньше и оно тронулось, сопровождаемое 14-ю ротою, а я пошелъ сзади съ своимъ первымъ орудіемъ. Съ мѣста пришлось подыматься на крутой подъемъ и тутъ-же оказалось, что всѣ приспособленія артиллеристовъ перепортились, порвались и все пришлось перестраивать и перемѣнять.

Въ ротѣ у меня нашелся чистокровный хохолъ, который и былъ по общему выбору назначенъ кучеромъ. Онъ живо приспособилъ ярмо и, ставъ между буйволами, пошелъ помахивать палкой и выкрикивать свои хохлацкія «Цобъ, цобе!» Несмотря на страшный трудъ при подъемѣ, гдѣ по узкой дорогѣ приходилось толкаться и скатываться подъ орудіе, солдаты потѣшались надъ хохломъ Хоменко и спрашивали отчего буйволы не понимаютъ такого буйволинаго языка, какъ хохлацкій. Хохолъ пресурьезно отвѣчалъ: «а бисъ ихъ знае, что винъ не разумятъ».

Дорога повернула направо и пошла по крутому косогору, такъ что кромѣ того, что надо было тащить орудіе, но еще и приходилось его поддерживать, что-бы оно не покатилось въ долину Малаго Искера.

Такимъ образомъ тащились мы шагъ за шагомъ и солнце уже давно стояло на горизонтѣ, когда дошли мы до сравнительно пологаго хребта. Направо возвышалась остроконечная вершина, увѣнчанная огромнымъ турецкимъ редутомъ.

— И для чего право турки строятъ редуты братцы? говорили солдатики, которымъ я далъ четверть часа отдохнуть тутъ.

— И сколько понастроятъ и все побрасаютъ, продолжаетъ развивать говорунъ.

— Разѣ не видишь, что тебѣ на смотръ постройны, чтобы ты, значитъ учился какъ ихъ строить, вотъ тебѣ и отгадка,—перебиваетъ разглагольствованіе другой.

Въ этомъ мѣстѣ насъ перегнала 11-я рота, которая несла гранаты и шрапнель, вынутыя изъ зарядныхъ ящиковъ, слѣдовавшихъ сзади. Поотдохнувши снова взялись за лямки и тронулись далѣе. Дорога пошла лѣсомъ и начала подниматься на страшную крутизну, казалось не только орудію, но даже и верховому трудно подняться по этой тропинкѣ, потому что лошади приходится почти прыгать съ камня на камень, а орудіе шагъ за шагомъ все поднимается впередъ и впередъ.

Кромѣ всѣхъ неудобствъ присоединилось еще то, что по этой тропинкѣ, отъ дождя-ли или постоянно, но въ это время, бѣжалъ маленькій ручей, который перемѣшавшись съ глиною, выжатою дождемъ межъ камней, представлялъ какую-то жидкую кашу, въ которую нога уходила выше колѣна.

Это тѣмъ болѣе затрудняло путь, что не видно куда становишься и во время самой натуги, когда орудіе только что тронулось, вдругъ нога у кого-нибудь и попадаетъ въ яму, онъ валится и увлекаетъ за собою другихъ, а измученные буйволы сейчасъ-же и ложатся въ грязь.

Этотъ семи-верстный подъемъ оставилъ всю роту безъ сапогъ, такъ какъ всѣ почти износившіяся подметки поотваливались отъ полосканія ихъ въ такой кашѣ.

Солнце уже перешло давно полдень, а мы все тащились шагъ за шагомъ и все понемногу подвигались впередъ.

Вотъ направо стоятъ три ружья, составленныя въ козелъ, что это такое, людей около не видно, подхожу и вдругъ глазамъ моимъ представилась картина, которой долго я не забуду. Рядышкомъ лежали три трупа, одинъ унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ Великолуцкаго полка. Бѣднягъ ихъ подобрали вѣроятно и положили рядкомъ, чтобы закопать послѣ, да и забыли.

Глядя на нихъ мнѣ невольно пришла на умъ мысль: «при жизни стояли все время въ строю, да и послѣ смерти-то пришлось лежать въ одну шеренгу, точно на одиночномъ ученьѣ».

И странно, не мнѣ одному пришла эта мысль; солдаты проходя дѣлали тоже свои замѣчанія: «ишь выровняли голубчиковъ, точно въ струнку, а унтеръ то и по смерти лежитъ сердечный на правомъ флангѣ». Часамъ къ двумъ доползли мы до передоваго эскадрона драгунъ, который расположился среди лѣса на полянкѣ при подножіи послѣдняго, но за то самаго страшнаго подъема. Орудіе остановили и людямъ дали отдохнуть. Командиръ эскадрона очень любезно приглашалъ офицеръ выпить по стакану чаю, отъ чего мы конечно не отказались, такъ какъ съ пяти часовъ утра у насъ не было маковой росинки во рту. Солдаты до того были уставши, что остановившись сейчасъ же ложились и не подымались до того времени, пока не приказано было трогаться далѣе.

На этомъ перевалѣ обогналъ насъ командующій полкомъ, за которымъ верхами слѣдовалъ полковой штабъ. Невольно становилось досадно глядѣть на нихъ. Веселые, довольные и сытые они ѣхали впередъ, выспавшись предварительно и закусивши.

Часа полтора и они будутъ уже на мѣстѣ и устроются въ палаткахъ, а нашъ братъ строевой офицеръ бейся съ утра и до глубокой ночи не ѣвши и не пивши, словно чернорабочій какой нибудь.

Но вотъ поднявши людей снова тронулись мы въ путь. Дорога пошла по сорокапяти градусному подъему и потому шла зигзагами и притомъ со страшно крутыми поворотами, такъ что съ длинными канатами и двойной запряжкой была страшная возня. Поднявши орудіе до поворота приходилось на боевой оси поворачивать его и переводить быковъ и буйволовъ въ

сторону по новому направленію, а такъ какъ дѣло происходило въ лѣсу, то не малого труда стоило лавировать съ ними между деревьями.

Дорога притомъ состояла изъ огромныхъ камней, такъ что по полчаса приходилось иногда употребить, чтобы втащить колеса орудія на полутороаршинный камень, обойти который не было физической возможности.

Сначала мы думали подрубать деревья, которыя мѣшали ходу; но разсчетъ нашъ оказался не правильный, такъ какъ имѣть дѣло съ балканскимъ букомъ не все равно, что съ сосной или березой; нашъ русскій топоръ, да притомъ и тупой совсѣмъ, не бралъ это почти желѣзное дерево, такъ что пришлось бросать рубку и тащить орудія, лавируя между деревьми. Темнота уже наступала, а мы подались очень немного впередъ.

Къ вечеру люди выбились изъ силъ окончательно, притомъ наступившая темнота еще болѣе затрудняла слѣдованіе. Люди цѣлыя двое сутокъ не имѣли варки, такъ что волей неволей пришлось остановиться. При всемъ этомъ колесо орудія застряло между громаднымъ камнемъ и деревомъ и вытащить его не удалось впродолженіе почти получасовой работы.

Въ виду всего этого я послалъ назадъ сказать въ 14-ю роту, которую я перегналъ въ дорогѣ, что останавливаюсь отдыхать, свелъ роту въ сторону и, расположивъ около горнаго ручейка, приказалъ росполагаться на отдыхъ для ночлега.

Солдатики пріободрились, живо зажглись огни, закипѣли котелки и пошла обычная бивуачная возня.

Нужно замѣтить, что я, думая поспѣть на мѣсто за-свѣтло, отправилъ Г. съ своею верховою лошадью и багажемъ впередъ на перевалъ, а самъ шелъ всю дорогу пѣшкомъ, и вотъ теперь, остановившись на ночлегъ, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ съ собою моего кавказскаго друга—бурки и что спать мнѣ придется на голой, сырой землѣ, покрываясь только воздухомъ.

Но здѣсь проявилась находчивость и заботливость русскаго солдата о своемъ офицерѣ.

Въ сторонѣ отъ бивуака люди развели большой костеръ и, по мѣрѣ того какъ онъ разгорался, они все раздвигали уголья дальше и дальше, такимъ образомъ вышла длинная полоса горячихъ углей почти въ сажень длиною и до аршина шириною.

На мой вопросъ, что они дѣлаютъ, я получилъ категорическій отвѣтъ: «постель вашему высокоблагородію»; и дѣйствительно, давъ нагрѣться почвѣ, они сгребли уголья прочь, разослали по землѣ полотнище своей палатки и напоивъ предварительно меня фельдфебельскимъ чаемъ изъ турецкой манерки, они очень заботливо предложили мнѣ улечься на теплую и сухую землю и сверху покрыли другою палаткою, положивъ при этомъ подъ голову мнѣ одинъ изъ своихъ мѣшковъ. Я и теперь не могу вспо-

мнить безъ чувства глубокой благодарности за ту заботливость, которую они проявляли относительно меня и не въ этотъ только разъ, а при всякомъ удобномъ случаѣ.

Я былъ до того утомленъ, что не успѣлъ еще положить голову на жесткій мѣшокъ съ сухарями, какъ уже спалъ словно убитый, а солдаты, чтобы не мѣшать мнѣ, отошли въ сторонку и тихонько стали умащиваться на ночлегъ.

19-го Ноября.

Ровно въ двѣнадцать часовъ ночи надъ моимъ ухомъ раздался голосъ капитана Б., звавшій меня уже впродолженіи четверти часа.

Я вскочилъ, протеръ глаза и увидалъ, что люди мои уже копошатся, а Б. хлопочетъ уже о томъ, чтобы скорѣе все было готово къ выступленію. Оказалось, что люди посланные впередъ отъ моей и 14-й роты, а такъ же Г., донесли, что намъ не дойти сегодня до перевала. Вслѣдствіе этого былъ посланъ капитанъ Б. съ полутора-ротою для помощи намъ и съ приказаніемъ, чтобы во что-бы ни стало, а мы были къ шести часамъ утра на позиціи, такъ какъ, по его словамъ, ожидали наступленія со стороны турокъ. Нечего дѣлать, поднялись мы и снова завозились около застрявшаго орудія. Ночь была до того темна, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно и я, чтобы помочь горю, придумалъ освѣтить дорогу кострами. Для этого отрядивъ десять человѣкъ, я приказалъ имъ собирать сухой хворостъ и разводить по дорогѣ костры, шагахъ въ десяти одинъ отъ другого. Такимъ образомъ хоть что нибудь было видно и мы, пробираясь шагъ за шагомъ, дошли до опушки лѣса, гдѣ костровъ уже разводить было нельзя.

Пройдя съ полверсты по гладкой полянѣ, мы увидѣли насыпь нашей батареи. Я отправился впередъ и, отыскавъ часоваго на батареѣ, велѣлъ вызвать фейерверкера и, узнавъ куда ставить орудіе, велѣлъ подвозить его потише, чтобы не получить гостинца отъ турокъ.

Съ глубокимъ чувствомъ облегченія взглянули мы на девятифунтовку, важно выглядывавшую теперь изъ за насыпи батареи. Чувство сознанія, что задача исполнена, что орудіе доставлено въ цѣлости, глубоко радовало не меня одного, но и моихъ стрѣлковъ. Они почти съ любовью смотрѣли на пушку и уходя приговаривали: «ну стой себѣ, голубушка, задай жару ему, потѣшь насъ, не даромъ же мы трудились надъ тобой», и тому подобныя замѣчанія сыпались на орудіе.

Собравъ роту, я повелъ ее къ бивуаку полка, предварительно замѣтивъ время прибытія на батарею. Было ровно четыре часа утра.

19-го Ноября.

Придя на мѣсто и явясь баталіонному командиру, я расположилъ людей на бивуакъ и со спокойною совѣстью улегся досыпать то, чего не удалось доспать съ вечера.

Но недолго пришлось намъ наслаждаться отдыхомъ. Въ восемь часовъ мы уже стояли на позиціи и строили траншею на случай наступленія турокъ.

Окопавшись, отрядъ нашъ оставался весь день за своими укрѣпленіями и только на другой день по-утру насъ отвели на бивуакъ.

20-го Ноября.

Придя на бивуакъ, я первымъ дѣломъ распорядился произвести варку пищи, такъ какъ по какому-то предчувствію зналъ, что недолго оставятъ насъ въ покоѣ, и дѣйствительно едва успѣли люди позакусить, какъ пришло приказаніе послать двѣ роты на правый флангъ въ прикрытіе работъ Финляндскаго полка. Приказано было двинуться 13-й и 14-й ротамъ и вотъ мы, собравшись на скорую руку, тронулись по прямой дорогѣ къ строющейся батареѣ.

14-я рота подъ командою подпоручика *С.* остановилась лѣвѣе батареи, а 13-я, выйдя изъ за пригорка, пошла по лощинкѣ, съ которой передъ нами открылась вся турецкая позиція. Турки должно быть не зѣвали, потому что только что рота вышла изъ за пригорка, какъ на турецкомъ редутѣ показался дымокъ и граната шипя и свистя пронеслась надъ головами роты, сорвавъ шапку съ ротнаго писаря.

На редутѣ показался другой дымокъ и другая граната, ударившись передъ фронтомъ, завизжала и перелетѣла черезъ роту. Третья дала опять перелетъ и, ударившись въ дерево, съ страшнымъ громомъ разорвалась, разметавъ при этомъ дерево въ щепки. Становилось жутко; одна за другой гранаты провожали роту, пока она не зашла за спасительный пригорокъ. Оставивъ насъ въ покоѣ, турки принялись угощать финляндскихъ рабочихъ и до того надоѣдали своею стрѣльбою, что пріѣхавшій на работы генералъ Гурко приказалъ прекратить ихъ, а докончить батарею ночью.

Придя на бивуакъ, я получилъ приказаніе выступить, съ наступленіемъ темноты, на аванпосты.

Мнѣ оставалось времени только пообѣдать, да одѣться по теплѣе. Хорошо еще, что идти приходилось не очень далеко, но за-то людямъ, не спавшимъ двѣ ночи и бывшимъ двое сутокъ на ногахъ, не очень-то улыбалась перспектива простоять всю ночь на постахъ, тѣмъ болѣе, что стоять приходилось чутко, такъ какъ турецкая позиція была саженяхъ въ шестистахъ или въ тысячѣ отъ нашего лѣваго фланга. При разстановкѣ аван-

постовъ мы обыкновенно употребляли слѣдующій способъ, чтобы не обращать на себя вниманія турокъ и не страдать отъ огня. Собравъ роту за гребнемъ горы впереди бивуака, мы тутъ же разсчитывали на посты и заставы.

Затѣмъ по командѣ люди предназначенные на посты разсыпались вѣеромъ и занимали передовые ложементы.

Турки, видя, что въ ложементы каждый вечеръ вступаютъ новые люди, предполагали вѣроятно, что мы просто усиливаемъ дежурную часть, а мы со своей стороны, дождавшись когда вечерній туманъ закроетъ турецкую позицію, или когда стемнѣетъ, по свистку наступали впередъ, и держась шагахъ въ пятидесяти постъ отъ поста проходили ложементы, передовую позицію перваго баталіона и спускались съ горы къ ручью. По свистку посты останавливались и повѣрялись командирами ротъ, не образовалось ли интерваловъ и правильно ли взято направленіе. Заставы обыкновенно располагались въ передовыхъ ложементахъ, такъ какъ самые посты не могли быть выдвинуты далѣе трехъ сотъ шаговъ впередъ ложементовъ.

Ночью обыкновенно было морозно и потому на постахъ стоять приходилось очень тяжело. Вслѣдствіе этого люди все время ходили отъ поста къ посту и, такимъ образомъ, впереди фронта позиціи образовывалась довольно густая цѣпь гуляющихъ людей.

Утромъ часовъ въ шесть цѣпь убиралась на бивуакъ и впереди оставались только дежурныя части, сидящія за ложементами.

21-го Ноября.

Придя утромъ на бивуакъ, я занялся постройкою стѣнки для защиты своей палатки отъ сильныхъ вѣтровъ, которые положительно рвали палатку съ кольевъ. Вдругъ въ восемъ часовъ утра грянулъ залпъ съ обѣихъ нашихъ батарей и гранаты шипя понеслись на поднебесный редутъ, называемый у насъ Шандарникомъ. Турки опомнившись стали отвѣчать и пошла канонада, продолжавшаяся весь день и всю ночь съ извѣстными перерывами.

Турецкія гранаты большею частью перелетали наши батареи и, ударяясь въ деревья, лопались со страшнымъ трескомъ и визгомъ.

Раскаты эхо по лѣсу и горамъ еще болѣе придавали грандіозности этимъ разрывамъ и въ особенности жутко становилось ночью, когда гранаты рвались недалеко отъ бивуака.

Съ 22-го Ноября по 6-е Декабря.

Съ этого дня жизнь потянулась однообразно тяжелая. Съ утра на какой нибудь работѣ или службѣ. Почва промерзла до того, что лопата не

брала земли, а манія постройки укрѣпленій въ нашемъ отрядѣ достигла до смѣшнаго. Мы настроили столько укрѣпленій, что большую половину ихъ не могли занять совсѣмъ. Такъ, напримѣръ, второй баталіонъ занималъ огромный люнетъ только шестью человѣками. У насъ былъ построенъ тоже люнетъ, въ которомъ находился постъ изъ четырехъ человѣкъ, а между тѣмъ постройка его намъ стоила страшныхъ усилій, такъ какъ я самъ находился при этой работѣ съ шести часовъ вечера и до шести часовъ утра 24-го ноября подъ страшнымъ вѣтромъ и дождемъ. Люди возились въ землѣ словно печники: переноска мокраго и холоднаго дерна много вывела изъ строя людей, такъ что въ одинъ разъ было отправлено въ Орханіе до двухъ сотъ больныхъ.

Лѣвѣе этого люнета было построено что-то отъ двадцати до тридцати ложементовъ и ихъ занимала одна рота, разставляя по пяти человѣкъ и то черезъ ложементъ. Потомъ мы соединили ихъ по двѣ и по три въ одинъ и приходилось, что въ громадной траншеѣ въ сорокъ шаговъ сидѣло пять или шесть человѣкъ и нужно принять во вниманіе то, что въ случаѣ аттаки людей болѣе и взять было не откуда, такъ какъ для ротъ второй линіи особо еще имѣлись ротныя траншеи. Между тѣмъ работы эти были сопряжены со страшнымъ физическимъ трудомъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ производились ночью.

Кромѣ всѣхъ трудовъ по постройкѣ массы укрѣпленій, намъ и на службу доставалось идти чуть ли не каждый день. Смѣнишься съ дежурной части—иди на работу, пришелъ съ работы—иди на аванпосты, которые и не считались службой. При всемъ этомъ погода стояла страшно холодная, сапогъ у солдатъ не было, да и у офицеровъ тоже. Всѣ мы ходили обернувъ ноги въ овчины и обмотавъ икры старымъ сукномъ отъ турецкихъ халатовъ, взятыхъ во Врачешскихъ складахъ. Солдаты представляли изъ себя преоригинальную картину. Надѣнетъ башлыкъ, изъ котораго виденъ только одинъ носъ. Поверхъ пальто накинетъ полотнище палатки; на ногахъ оболтанъ чуть ли не цѣлый складъ тряпья и овчинъ, и въ такомъ видѣ выступаетъ онъ на службу. Одно изъ самыхъ страшныхъ лишеній для насъ было—это вѣтеръ.

Солдаты соберутся около костровъ, чтобы погрѣться, а вѣтеръ рветъ и мечетъ костеръ во всѣ стороны. Дымъ крутится и ѣстъ глаза сидящимъ вокругъ костра, а тепла не даетъ никакого.

У всѣхъ людей глаза были воспалены и слезились. Многіе почти потеряли зрѣніе, до того дымъ выѣдалъ глаза.

Пробовали солдатики устраивать приспособленія, но и это мало помогало.

Обыкновенно въ концѣ ложементъ загнутъ круто назадъ въ видѣ закорючки и оставятъ только выходъ изъ этой комнатки у самаго бруствера и, такимъ образомъ, сидятъ въ этой комнаткѣ закрытые отъ пронзительнаго

вѣтра. Ружья же стоятъ за ложементомъ на случай тревоги, а часовой гуляетъ впереди ложемента. По поводу этого у насъ былъ очень забавный случай. Въ дежурной части стоитъ рота; командиръ сидитъ вмѣстѣ съ солдатами; ружья стоятъ за серединою ложементовъ, а часовые преисправно разгуливаютъ впереди. Проѣзжаетъ за линіею ложементовъ командиръ армейской бригады и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ отрядный начальникъ и видитъ, что за ложементами стоятъ одни ружья и ходятъ только часовые; людей-же, сидящихъ въ комнаткахъ, ему не видно, да и дымъ отъ костровъ, разносимый вѣтромъ, тоже не даетъ о себѣ знать.

Вниманіе часовыхъ обращено впередъ, а начальство объ отданіи чести не заботилось. И вотъ, предполагая, что люди разошлись изъ дежурной части или распущены командиромъ, генералъ подлетаетъ къ нашему бивуаку, вызываетъ полковника и давай на него кричать, что это криминалъ, что за это онъ отдастъ подъ судъ командира роты, что развѣ можно распускать людей изъ дежурной части. Полковникъ держитъ руку подъ козырекъ и только удивляется какъ могъ допустить подобный казусъ ротный командиръ. Генералъ требуетъ, чтобы сейчасъ-же разобрали дѣло и взыскать съ виновныхъ.

Командующій полкомъ идетъ къ ложементамъ и подходитъ какъ разъ къ тому, гдѣ находится командиръ роты.

Тотъ выходитъ и на вопросъ гдѣ у васъ были люди, что ихъ не видѣлъ генералъ Д., поручикъ Г. хладнокровно заявляетъ, что люди грѣются въ ложементахъ, потому что на дворѣ градусовъ пятнадцать морозу и сильный вѣтеръ, а чтобы удостовѣрить полковника, онъ приказываетъ часовымъ передать, чтобы люди встали въ ружье, что и было исполнено.

Исторія эта такъ и пропала безслѣдно.

За это время особыхъ казусовъ не было, только 26-го ноября осколокъ турецкой гранаты пожаловалъ къ моей палаткѣ и ранилъ двухъ моихъ стрѣлковъ, изъ которыхъ одной въ голову, отъ чего тотъ и умеръ.

28-го Ноября.

У насъ пронесся слухъ, что Османъ-паша вышелъ изъ Плевны, но куда—никто не зналъ. Одни говорили, что въ Виддинъ, другіе говорили—къ намъ въ тылъ. Никто почти этому не вѣрилъ, но слухъ упорно держался до того времени, когда 29-го числа отрядный генералъ пріѣхалъ къ намъ и объявилъ, что Османъ думалъ прорваться, но былъ разбитъ и сдался со всею своею арміею. Громкое и продолжительное «ура» было отвѣтомъ на слова генерала. Забытъ морозъ и вѣтеръ; шапки полетѣли вверхъ и солдаты съ радостными криками бросились ловить ихъ, такъ какъ вѣтеръ дѣлалъ свое дѣло и далеко уносилъ брошенныя шапки.

Веселѣе стало у насъ на душѣ, все думалось: авось придетъ подкрѣпленіе и намъ удастся сбить Шефкета или Шакира-пашу. Намъ казалось, что мы давно бы могли сбить турокъ съ ихъ позиціи, да начальство наше не послало насъ, ну мы и сидѣли себѣ, да ждали сдачи Османа.

30-го декабря приказано было начать строить землянки и мы начали постройку по четыре на роту, но окончили ихъ тогда, когда пришелъ Егерскій полкъ на смѣну насъ. Такимъ образомъ намъ пришлось не воспользоваться своими трудами.

5-го декабря пришло извѣстіе, что къ намъ идутъ на смѣну наши кумовья Егеря и вотъ мы начали понемногу собираться въ путь. Давно пора, полкъ убавился почти на третью часть своего состава отъ страшныхъ лишеній и холодовъ.

6-го декабря дѣйствительно изъ подъ горы показалась вереница Егерей. Они стали на наши мѣста, смѣнили наши дежурныя части; мы сдали имъ свои землянки и, вытянувшись въ одну линію, тронулись внизъ по дорогѣ, продѣланной саперами къ отряду графа Шувалова, стоявшаго на Софійскомъ шоссе.

13-я рота по обыкновенію шла впереди, и вотъ мы гуськомъ одинъ за однимъ, словно пилигримы, съ палками въ рукахъ тронулись въ путь.

Дорога шла вся лѣсомъ, извиваясь между деревьями и все время спускалась съ горы. Спуски иногда были до того круты, что солдаты съѣзжали съ нихъ какъ съ горъ на собственныхъ саняхъ.

Много выходило курьезныхъ случаевъ, въ особенности когда кто-нибудь, думая сойти, трогался въ путь и вдругъ кувыркомъ, при общемъ хохотѣ, валился внизъ, до новаго поворота.

Полкъ растянулся страшно да и немудрено, когда дорога была шириною въ два шага, а въ полку было до полуторы-тысячи человѣкъ. Такимъ образомъ тянулись мы до бивуака графа Шувалова, гдѣ и остановились чтобы подтянуться и выждать спуска всего полка. Нашъ командующій полкомъ не хотѣлъ показать вѣроятно, что полкъ можетъ по горной дорогѣ растянуться, а потому переднимъ пришлось ждать около двухъ часовъ, стоя въ снѣгу.

Вслѣдствіе этого, придя въ Орханіе, мы принуждены были многихъ сдать въ госпитали съ отмороженными ногами. Простоявъ около бивуака графа Шувалова нѣсколько часовъ, мы наконецъ двинулись по шоссе къ Орханіе. Оригинальную картину представлялъ изъ себя полкъ въ этомъ походѣ. Шоссе было сначала оттаявши, потомъ вдругъ замерзло, такъ что идти можно было только по пѣшеходнымъ тропамъ, продѣланнымъ по бокамъ дороги, вслѣдствіе этого солдаты, стараясь каждый идти по протоптанной тропинкѣ, шли гуськомъ и полкъ растянулся на нѣсколько верстъ.

Люди промерзшіе на остановкѣ теперь согрѣвались и полкъ, несмотря на то, что растягивался, шелъ все пока очень скоро.

Подойдя къ городу, уже при наступленіи темноты, мы собрались въ колонны и, пославши отыскивать квартирьеровъ, стали ждать размѣщенія насъ по квартирамъ. Долго и очень долго пришлось дожидаться намъ, этакъ часа полтора, а то и всѣ два ждали мы, пока наконецъ явились унтеръ-офицеры полка, квартировавшіе все время въ Орханіе, и размѣстили насъ по хлѣвамъ. Для офицеровъ нашего баталіона отвели пустой и не жилой домъ, съ окнами безъ стеколъ и съ очагами вмѣсто печей, но не въ этомъ было дѣло, мы, не видавшіе крыши впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, съ радостью размѣстились и въ этой квартирѣ. Тѣсновато было, да что-же дѣлать, кой-какъ разложились и живо по всему дому водворилась мертвая тишина.

Всѣ спали сномъ убитыхъ.

7-го Декабря.

На другой день, вставши, первою моею заботою было найти себѣ отдѣльную и притомъ теплую квартиру.

Снарядившись въ путь, я обрыскалъ весь городъ и наконецъ нашелъ маленькій домикъ, гдѣ жила старая болгарка. Комнату намъ она дала съ охотой, такъ какъ у ней была *лишняя* и вся наша артель переселилась сюда.

Первымъ долгомъ намъ надобно было отогрѣться и привести въ порядокъ свое снаряженіе, пришедшее въ негодность отъ службы въ горахъ.

8-го Декабря

Но недолго намъ пришлось наслаждаться спокойствіемъ. 8-го ноября почти всѣ пошли на службу: кто въ оцѣпленіе города, кто въ караулъ въ комендантское и т. д., а 9-го ноября приказано было 1-му и 4-му баталіонамъ выступать къ деревнѣ Скревены и занять тамъ два редута, построенные на горахъ.

9-го Декабря.

Такимъ образомъ, только что спустившись съ горъ въ центрѣ позиціи, мы поднялись снова на горы, но уже на правый флангъ.

Собравшись, мы тронулись въ путь. Дороги никто не зналъ и мы потянулись по картѣ къ деревнѣ Скревены. Войдя въ деревню, мы не знали куда идти, одни показывали впередъ, другіе-же говорили, что надобно вернуться назадъ, гдѣ-то обойти рѣку и тому подобное. Покрутившись, мы наконецъ потянулись впередъ и уперлись въ рѣку, которую надо было переходить по одному бревну. Морозъ былъ градусовъ до пятнадцати, а

бревно обледенѣло и вотъ кто не былъ ужъ очень ловокъ, валился въ воду, многіе просто, не желая валиться, прямо шли въ бродъ и переходя рѣку останавливались, дожидая разсыпавшихся по берегу въ отыскиваніи удобнаго перехода, товарищей, а морозъ дѣлалъ свое дѣло и ноги начинали понемногу терять чувствительность и мерзнуть. Люди, стоя на одномъ мѣстѣ, переминались съ ноги на ногу, прыгая, толпясь на одномъ мѣстѣ. Много народу ушло въ госпитали изъ за этого перехода, а между тѣмъ была дорога и вдвое ближе и суше, по которой мы и воротились назадъ въ городъ послѣ смѣны.

Странно только то, что на позицію, отстоящую всего на пять верстъ отъ главной квартиры, не зналъ никто дороги.

Перейдя рѣку снова потянулись впередъ, и, наконецъ, пришли на гору, совершенно занесенную снѣгомъ, среди котораго обозначался редутъ и стояло нѣсколько орудій.

Расположились мы въ палаткахъ и вышло, что промѣняли мы кукушку на ястреба. На Шандарникѣ мы построили землянки и тамъ было много лѣсу, тутъ приходилось стоять въ палаткахъ и, чтобы добыть какихъ-нибудь несчастныхъ прутиковъ, надо было посылать команды версты за двѣ.

10, 11 и 12-го *Декабря.*

Кромѣ 9-го декабря мы простояли тутъ 10 и 11-е число. Морозъ завернулъ страшный, такъ-что, по словамъ пріѣзжавшаго на визитацію доктора, было двадцать-два градуса мороза.

Стоять при такой температурѣ въ палаткахъ, не имѣя почти ничего теплаго и съ трудомъ добывая топливо, приходилось жутко. Нужно прибавить къ этому, что у всѣхъ солдатъ были промочены ноги при переходѣ 9-го декабря, а такъ какъ на пятнадцати-градусномъ морозѣ не совсѣмъ удобно разуваться и сушить портянки, то и немудрено, что многіе поотморозили себѣ ноги до того, что впослѣдствіи имъ отрѣзывали пальцы прочь.

Такимъ образомъ прожили эти три томительные дня. Вся наша забота была приготовить побольше топлива и поддерживать въ палаткахъ огни.

Наконецъ 12-го утромъ пришли насъ смѣнить 2-й и 3-й баталіоны, а мы, собравшись, потянулись по ближайшей и удобнѣйшей дорогѣ въ Орханіе. Придя въ городъ и размѣстивъ съ грѣхомъ пополамъ людей, я пошелъ на старую свою квартиру, гдѣ отогрѣлся и оправился отъ двухъ предыдущихъ дней. Часовъ въ восемь вечера пришли въ городъ 2-й и 3-й баталіоны, которыхъ смѣнили въ редутахъ въ виду того, что полкъ нашъ предназначался въ авангардъ генерала Рауха, для перехода черезъ Балканы.

Всѣ пришли, а брата не было; по собраннымъ свѣдѣніямъ онъ, уславъ свою лошадь за фуражемъ, не могъ дойти пѣшкомъ до города и отсталъ. Онъ пришелъ только въ часъ ночи больной, усталый и измученный. Природа взяла свое, и онъ, долгое время крѣпившійся, наконецъ, слегъ. Грустно было мнѣ смотрѣть на него какъ онъ лежалъ блѣдный, истомленный и безучастный ко всему. Одна его кажется и была забота, чтобы полежать спокойно и отдохнуть отъ страшнаго утомленія. У него начались мучительныя колотья въ боку и я боялся воспаленія легкихъ. А тутъ пришелъ приказъ быть готовымъ къ 2¾ час. утра и вытягиваться по Софійскому шоссе, для слѣдованія по Чурьякскому ущелью.

Спать было некогда, надо было собираться въ путь, закусить и одѣваться.

Вотъ уже 2½ часа, я одѣлся, подпоясалъ револьверъ, перекинулъ черезъ плечо шашку, подошелъ къ брату, онъ все лежалъ блѣдный и больной. Видя, что я подошелъ прощаться, онъ первый сказалъ: «ну, съ Богомъ, прощай».

Я поцѣловалъ его въ лобъ и мнѣ невольно мелькнула мысль не въ послѣдній ли разъ приходится мнѣ видѣть его. Поцѣлуй въ лобъ, словно покойника, наводилъ еще болѣе на грустныя мысли. Тамъ впереди предстоятъ, можетъ быть, лишенія, муки и жизни угрожаетъ опасность, а здѣсь болѣзнь болѣе вѣрнымъ путемъ можетъ прибрать и довести свое дѣло до конца, овладѣвъ этимъ ослабшимъ организмомъ. «Ну, прощай, братъ», сказалъ я, «не поминай лихомъ, авось въ Софіи увидимся» и вышелъ поскорѣе, чтобы не видѣть тяжелой для меня картины человѣка, желавшаго всею душою слѣдовать за товарищами и не въ состояніи этого сдѣлать потому, что какія-то легкія изволятъ расхвораться. Подойдя къ своей ротѣ я собралъ ее въ кружокъ (невеликъ былъ этотъ кружокъ) и сказалъ: что сегодня имъ придется доказать, что не даромъ они носятъ имя русскаго солдата, чтобы, перенеся съ твердостью лишенія, они доказали, что стоятъ тѣхъ заботъ, которыми ихъ окружали въ Петербургѣ. Но, говоря это, мнѣ невольно лѣзло въ голову: «да развѣ они уже не страдали и не доказали уже, что могутъ сдѣлать». Невольно слеза пробивалась, глядя на этихъ когда-то щеголеватыхъ молодцовъ гвардейцевъ, а теперь оборванныхъ, безъ сапогъ, въ какихъ-то кожахъ намотанныхъ на ноги, закутанныхъ въ рваные башлыки и прожженыя палатки. Лица заскорузли, почернѣли, похудѣли до самыхъ костей и только блескъ глазъ доказывалъ сколько еще энергіи въ этомъ общипанномъ, полуголодномъ и полураздѣтомъ человѣкѣ.

13-го Декабря.

Темная ночь покрывала городокъ Орханіе, когда мы вытянулись по дорогѣ къ Врашну. Вѣтеръ, дувшій изъ ущельевъ, обдавалъ холодомъ

лицо и руки: было ровно 13 гр. мороза. Полкъ, вытянувшись и отойдя отъ города версты четыре, остановился и прождалъ часа два. Солдаты страшно мерзли и страдали отъ холода. Остановка эта стоила каждой ротѣ человѣкъ по пяти, а не то и болѣе.

Казалось, что можно было бы вывести людей по позже, но.......

Въ 5 часовъ пришло приказаніе трогаться далѣе и мы пошли по Софійскому шоссе. Начало разсвѣтать, тогда стало сноснѣе, изъ ущелій потянуло тепломъ и солдатики пріободрились. Дойдя до драгунскаго бивуака, приказано было остановиться; людей свели съ дороги и поставили бивуакомъ по поясъ въ снѣгу. Разрѣшено было варить пищу, но ходьба по глубокому снѣгу и неимѣніе топоровъ для рубки сучьевъ сдѣлали то, что только незначительная часть сварила себѣ чего нибудь поѣсть.

Въ диспозиціи перехода Балканъ было очень красиво изображено все движеніе до мельчайшихъ подробностей. Полкъ выступаетъ за полкомъ черезъ полчаса, движеніе идетъ безостановочно и черезъ шесть часовъ весь корпусъ перелетаетъ Балканы; но должно быть писавшіе диспозицію не принимали во вниманіе скорость движенія пѣхоты въ горахъ съ артиллеріею на плечахъ.

Съ самаго уже начала, начало выходить что-то совсѣмъ не по диспозиціи. Козловскій полкъ, дойдя до перваго подъема, застрялъ съ четырехъ-фунтовыми пушками. Стрѣлки, шедшіе сзади Козловцевъ, поневолѣ еле-еле плели ноги, да и имъ самимъ приходилось нелегче и вотъ, вмѣсто того, чтобы колоннѣ генерала Рауха къ вечеру быть уже на той сторонѣ Балканъ, вышло то, что хвостъ ея ночью еще не трогался съ шоссе. Эта ночь надолго останется въ памяти у всѣхъ. Роты размѣстили по орудіямъ и каждой досталось или орудіе или зарядный ящикъ. Не знаю почему, но намъ досталось тащить девяти-фунтовыя орудія и вслѣдствіе того, что переднія части застряли на первыхъ подъемахъ, намъ пришлось заночевать на дорогѣ. Ночь наступила темная, солдаты, будучи цѣлый день на ногахъ, истомились и пользовались каждой удобной минутой, чтобы прилечь. Орудіе останавливается, солдаты моментально какъ есть ложатся на дорогу и сейчасъ же засыпаютъ. Офицеръ тоже пристраивается гдѣ нибудь, или просто кладетъ голову на бокъ какого нибудь рядоваго. Проходитъ минутъ десять, пятнадцать и вотъ надъ ухомъ раздаются слова: «ваше высокоблагородіе, тронулись!» Встаешь и видишь, что переднее орудіе пошло, приказываешь людямъ встать, идешь въ путь до новой остановки.

14-го Декабря.

Такъ провели мы ночь съ 13-го на 14-е декабря. Утро застало насъ въ началѣ перваго подъема, дорога пошла все въ верхъ и извивалась по скатамъ горъ. Лошадей отпрягли и болѣе не видали до самаго перевала.

Съ моимъ орудіемъ шелъ артиллеристъ-офицеръ, очень хорошій товарищъ, и мы съ нимъ дѣлили всѣ невзгоды перехода черезъ горы.

Шагъ за шагомъ подавалось орудіе вверхъ; на трудныхъ мѣстахъ солдатики, приналегши на лямку и дружно подхвативши, сразу вывозили тяжелую махину на подъемъ. Чтобы хоть нѣсколько разнообразить движеніе, мы вызвали запѣвалъ и вотъ по лѣснымъ занесеннымъ снѣгомъ трущобамъ Балканъ раздалась звонкая и удалая русская «Дубинушка», при помощи которой кажется все можно сдѣлать.

„Эхъ, дубинушка, ухни!
Эхъ, зеленая, сама пойдетъ!"

выкрикивалъ запѣвало и хоръ, дружно подхватывая послѣднее слово, напрягши всѣ силы, сразу трогался впередъ «Идетъ!! идетъ!! идетъ!!» раздавалось по горнымъ вершинамъ и стопудовая пушка, хотя и тяжело, но всетаки подавалась впередъ.

Солнце высоко свѣтило, а мы все тащили безъ отдыха, безъ остановки впередъ и впередъ; по горамъ дружно раздавалась во всѣхъ концахъ «Дубинушка» и вся масса, подобно живому змѣю, вползала на неприступныя вершины.

Но вотъ у стрѣлковъ случилось несчастіе: орудіе, кажется, свалилось въ оврагъ и придавило одного или двухъ человѣкъ. Пришлось остановиться пока справятся, мы, воспользовавшись этой невольной остановкой, варимъ второпяхъ себѣ пищу.

Разогрѣетъ солдатъ воду, наложитъ туда сухарей и, дождавшись, чтобы они размокли, начинаетъ помолившись обѣдать; не казистъ обѣдъ, да что же дѣлать, какой есть и то слава Богу. Хотя костровъ и не приказано было разводить, но они горѣли всю дорогу, такъ какъ отъ турокъ мы были закрыты переваломъ.

Простоявши около часу, тронулись снова въ путь; дорога пошла еще круче и уже того и гляди, что орудіе оборвется въ пропасть, а тогда какъ его достанешь, между тѣмъ оно дано на отвѣтственность ротнаго командира.

Послѣ полудня поднялся страшный вѣтеръ, почти ураганъ, онъ несъ массу снѣга на дорогу, залѣплялъ глаза и уши; идти свободному человѣку было почти не подъ силу, а тутъ приходилось тащить орудіе. Но среди вихря и свиста бури неумолкаемо гремѣла русская «Дубинушка», а при помощи ее девятифунтовки подвигались, да подвигались себѣ впередъ.

Вечеромъ подошли къ одному изъ самыхъ крутыхъ подъемовъ. По всей дорогѣ были сдѣланы ступеньки, идти и такъ было трудно, а тутъ дорога шла между деревьями и притомъ зигзагами, что страшно затрудняло путь. Къ дышлу передка были привязаны канаты, за которые бралось человѣкъ до пятидесяти народа и длинной кишкой тянулись по

дорогѣ, и если встрѣчался поворотъ, то надо было орудіе дотянуть до самаго поворота, а слѣдовательно всѣмъ людямъ приходилось сходить съ дороги и карабкаться по скаламъ по поясъ въ сугробахъ снѣга, протаскивая орудіе.

Потомъ подъ колеса подкладывали камни и вся вереница людей выползала на дорогу, поворачивала орудіе и снова затягивала неизмѣнную «Дубинушку».

Уже впослѣдствіи, въ Санъ-Стефано, офицеры, вспоминая Балканы, добавили свои куплеты къ извѣстной пѣснѣ о русской дубинушкѣ:

Намъ случалось видать на Балканахъ крутыхъ
Солдатъ тащитъ огромную пушку,—
И все тотъ-же родной, заунывный мотивъ
Помогаетъ тащить вверхъ игрушку.

А игрушка-то та не совсѣмъ-то легка,
Натираетъ солдатскую спину,
Какъ-же имъ, молодцамъ, отдохнувши слегка,
Не запѣть про родную дубину.

Уже совсѣмъ было темно, когда рота подошла къ страшному подъему, тянувшемуся шаговъ на сто вверхъ. На верху стоялъ нашъ командиръ баталіона, онъ поджидалъ насъ.

Давши людямъ вздохнуть передъ труднымъ подъемомъ, я отправился вверхъ, но дорога была на столько крута, что подъ конецъ я протянулъ впередъ руку съ палкою и полковникъ, ухватившись за другой конецъ ея, помогъ мнѣ взобраться на перевалъ. Здѣсь рѣшено было остановиться на ночлегъ; я спустился снова къ ротѣ и объявилъ людямъ, что какъ только они втянутъ орудіе на подъемъ, то мы расположимся на ночлегъ. Люди взялись за канаты, подпоручикъ Г., хлопотавшій все время около орудія, тоже стоялъ съ лямкою, это, нужно замѣтить, очень подбодрило солдатъ, рядовой Блиновъ затянулъ дубину, Бобовъ ему подтянулъ и въ извѣстномъ мѣстѣ вся рота, дружно подхвативши, такъ двинулась впередъ; крики: «идетъ, идетъ!» раздавались изъ могучихъ грудей и тяжелая девяти-фунтовка поѣхала въ гору. Паръ валилъ отъ кучи этихъ тружениковъ; облѣпивши орудіе, какъ рой муравьевъ, съ красными отъ напряженія лицами, возились они у своей старушки (выраженіе солдатъ про орудіе), охрипшіе голоса неумолкаемо гремѣли по лѣсу, и орудіе безъ остановки въѣхало на перевалъ.

Но тутъ наступила реакція. Истомленные солдаты всѣ полегли отдохнуть и на похвалу полковника: «ну, молодцы-же вы, братцы», они тихо отвѣчали: «рады стараться».

Пройдя по гребню еще шаговъ сто, чтобы дать мѣсто заднимъ орудіямъ, я остановилъ роту или, лучше сказать, орудіе и, помѣстивши пер-

вую полуроту впереди, а вторую сзади орудія, составилъ ружья и велѣлъ варить пищу и укладываться на отдыхъ. Не спали только часовые у орудія и по флангамъ роты, они, прогуливаясь, нарушали ночную тишину. Я съ Г. легли на носилки и, закутавшись въ бурки, живо очутились въ объятіяхъ Морфея. Ночью пошелъ снѣгъ и поднялся вѣтеръ, но люди, закутавши голову башлыками и завернувшись въ полотнища палатокъ, прижавшись близко другъ къ другу, лежали недвижимо и поутру оказались засыпанными на полъ-аршина снѣгомъ. Но это не тревожило ихъ, напротивъ, подъ этимъ естественнымъ одѣяломъ было тепло и не продувало вѣтромъ.

Въ три часа надъ моимъ ухомъ раздался голосъ фельдфебеля. Онъ докладывалъ, что мѣсяцъ взошелъ и пора трогаться. Дѣйствительно, поднявшись или, лучше сказать, выбравшись изъ подъ снѣга и бурки, я увидалъ, что луна ярко горѣла на горизонтѣ и снѣжная дорога отчетливо обрисовывалась при свѣтѣ ея.

Напившись поскорѣе чайку, мы тронулись далѣе на послѣдній перевалъ. Дорога потянулась все также зигзагами въ гору и вотъ дошли мы до мѣста, гдѣ дорога съузилась до того, что колеса орудія еле-еле помѣщались на ней. Налѣво крутой подъемъ горы, а направо почти отвѣсный обрывъ въ пропасть. Орудіе *накренилось* и еле держится на карнизѣ. Я послалъ *двадцать* человѣкъ съ канатомъ на обрывъ налѣво для того, чтобы поддерживать орудіе и не дать ему опрокинуться въ пропасть и оказалось, что, благодаря только этой мѣрѣ, я спасъ порученную мнѣ девяти-фунтовку.

Люди, посланные мною, въ трудныхъ мѣстахъ окручивали канатъ за деревья, и вотъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, орудіе скользнуло и поѣхало правымъ колесомъ въ пропасть; верхніе люди успѣли захлестнуть веревку и орудіе повисло на ней. Всѣ обмерли, выдержитъ веревка или нѣтъ? Но думать долго не приходилось, живо бросились всѣ къ канатамъ и потянули орудіе къ верху.

Въ дополненіе всѣхъ бѣдъ на этомъ самомъ мѣстѣ случился крутой поворотъ дороги налѣво на верхъ, такимъ образомъ орудіе приходилось вмѣстѣ и втаскивать и поворачивать въ сторону.

Закрѣпивъ канатами за деревья, принялись мы тащить нашу старуху и крехтя, и крича, и натуживаясь, наконецъ подняли ее на подъемъ и потянули по сравнительно отлогому мѣсту.

Около двѣнадцати часовъ дали намъ знать, что скоро подъемъ кончится и мы взойдемъ на перевалъ Балканъ. Дорога пошла отлогая, мы впрягли лошадей и, построившись по возможности въ колонну, тронулись на перевалъ. Артиллеристы не выдержали и ударили лошадей, орудіе тронулось рысью, люди не захотѣли отстать и вотъ послѣдніе пять, десять или сто шаговъ, бросились бѣглымъ шагомъ и ровно въ двѣнад-

цать часовъ съ радостными лицами вбѣжали мы на площадку перевала и передъ нами открылась вдали Софійская долина, а налѣво позиція турокъ на Шандарникѣ. Сведя роту съ дороги, по приказанію полковника, расположились на отдыхъ и стали варить пищу. Куда дѣвалась усталость, солдаты весело и беззаботно болтали, точно они не сдѣлали страшнаго подъема среди зимы на вершину Балканъ. Все забыто и осталось въ головѣ одно только, что самое трудное пройдено, а теперь берегись, турка, не сдобровать тебѣ!

Часа черезъ полтора роту подняли и намъ приходилась теперь работа иного рода. Тамъ мы тащили орудіе и заставляли его лѣзть на гору, а тутъ приходится останавливать и задерживать его, чтобы оно не слишкомъ скоро катилось съ горы. Лямки перевязали назадъ орудія, впрягли лошадей и до крутого спуска пошли за орудіемъ; но вотъ дорога идетъ почти въ обрывъ, лошади отпрягаются, колеса тормозятся и рота, схватившись за канаты, удерживаетъ орудіе. Два артиллериста стоятъ у дышла и направляютъ ходъ передка; орудіе трогается, все шибче и шибче идетъ оно подъ гору. Люди почти лежатъ и еле-еле держатся на ногахъ, упираются и не пускаютъ орудіе. Вотъ одинъ поскользнулся, упалъ и подбилъ другаго, тотъ третьяго, валятся уже многіе, орудіе пріобрѣтаетъ новую силу и въ концѣ концовъ вся эта масса людей, дерева, колесъ и металла летятъ внизъ до перваго большаго камня, поворота или дерева. Орудіе сразу останавливается, а раскатившіеся солдатики по инерціи катятся далѣе, наѣзжаютъ другъ на друга и изъ всего этого образуется огромная куча, надъ которою стоитъ стонъ отъ смѣха, возгласы, а иногда и оханья.

Но вотъ оправились, снова взялись за веревки и снова тѣмъ-же порядкомъ катятъ далѣе. Такимъ образомъ доѣхали мы до площадки, съ которой оставался послѣдній, но за-то почти отвѣсный спускъ. Тутъ собралось порядочно орудій и ящиковъ, такъ какъ стрѣлки не успѣли спустить свою батарею, а мы насѣдали всѣмъ полкомъ.

Баталіонъ нашъ собрался и мы офицеры забрались въ шалашъ, построенный тутъ драгунами; сидимъ себѣ и разговариваемъ о минувшемъ переходѣ, да попиваемъ чаекъ, время было уже около 8 часовъ вечера и на дворѣ было темно, вдругъ слышимъ голосъ: «здравствуйте, господа», вскакиваемъ съ мѣстъ—оказывается, что пріѣхалъ нашъ полковой командиръ, заболѣвшій послѣ Горнаго-Дубняка и теперь догнавшій насъ въ самое критическое время. Мы несказанно обрадовались ему.

Полкъ безъ командира или безъ головы въ походѣ—это ужасъ что такое, а тутъ наконецъ является хозяинъ полка, который знаетъ все гдѣ и какъ распорядиться и не станетъ оглядываться да побаиваться какъ на это взглянетъ потомъ настоящій командиръ. Еще болѣе обрадовались мы, когда генералъ передалъ намъ, что Государь Императоръ, узнавши о дѣлѣ охотниковъ нашего баталіона подъ Правцемъ 11 ноября, лично благода-

рилъ его за молодецкую нашу службу. Съ своей стороны онъ былъ очень доволенъ этимъ и видимо былъ въ духѣ и въ восторгѣ, находя въ насъ очень много бодрости и смѣлости, совсѣмъ негармонировавшими съ тяжелыми обстоятельствами.

Пошли разговоры, мы повѣдали ему наши горести и лишенія на Шандарникѣ и при подъемѣ на Балканы.

Незамѣтно время тянулось и только что мы собрались улечься спать, какъ пришло приказаніе выдвинуть одинъ баталіонъ нашего полка впередъ, въ Чуріакъ, для поддержки Преображенцевъ. Третій баталіонъ еще раньше былъ отправленъ налѣво по лощинѣ для прикрытія фланга движенія противъ предполагаемаго наступленія турокъ. Второй баталіонъ еще не подтянулся; первый былъ еще въ горахъ и потому пришлось трогаться нашему.

16-го Декабря.

Живо собрались мы и въ 2 часа утра тронулись внизъ, оставивъ орудія на площадкѣ. Спускъ былъ страшно труденъ и кто былъ по слабѣе тотъ безъ посторонней помощи не могъ сойти. Часто люди и офицеры валились и съѣзжали по нѣсколько саженъ на собственныхъ салазкахъ. Другой, упавши не ловко, валился внизъ черезъ голову и, попавши въ сугробы снѣга, застрявалъ тамъ. Баталіонъ розбрелся и только внизу уже всѣ мы собрались и, выславши въ авангардъ полуроту отъ 13-й роты подъ командою подпоручика Г., тронулись въ д. Чуріакъ, куда и прибыли къ 6 часамъ утра. Генералъ намъ обѣщалъ, что здѣсь мы отдохнемъ и тревожить насъ не будетъ, а потому мы и начали располагаться по домамъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а начальство приказываетъ, и потому въ 8 часовъ утра мы уже двигались на позицію противъ Ташкисенскихъ редутовъ для прикрытія артиллеріи. Придя на мѣсто мы расположились на бивуакъ и, получивъ изъ полка по быку на двѣ роты, начали варить себѣ обѣдъ. Офицерство принялось устраивать себѣ шалашъ изъ сучьевъ и залегло въ него всей компаніей. Передъ нами тянулась налѣво узкая и длинная лощина, которая выходила на Софійскую долину; направо стояли Преображенцы, налѣво Козловцы, они предохраняли переходъ всего корпуса черезъ Балканы.

17-го Декабря.

На утро пріѣхалъ къ намъ бригадный командиръ и приказалъ баталіону выдвинуться впередъ и, занявъ пространство между Преображенцами и Козловцами, укрѣпиться.

Пришли мы на мѣсто и разошлись по обѣ стороны ручья. 13-я и 14-я рота стали направо, а 15 и 16 налѣво. Придя на позицію, мы стали держать совѣтъ, какъ-бы укрѣпиться.

Дѣло въ томъ, что еще до перехода Балканъ мы сдали весь шанцевый инструментъ въ Преображенскій полкъ и въ ротахъ оставалось всего по двѣ лопаты. Какъ тутъ вырыть ровикъ и траншею, да при томъ въ мерзлой землѣ; подумали, подумали да и рѣшили построить изъ снѣга, который кстати былъ по поясъ человѣку, и вотъ живо закипѣла работа и на глазахъ у турокъ выросли восемь ровиковъ для стрѣлковъ усиленной профили и двѣ траншеи на полуроту каждая. Укрѣпившись такимъ образомъ мы стали сидѣть и ждать у моря погоды, и чтобы показать туркамъ, что у насъ дѣйствительно укрѣпленія, то мы наскребли манерками земли и посыпали ею ложементы съ турецкой стороны. Подъ вечеръ пріѣхалъ къ намъ нашъ полковникъ и привезъ 5 барановъ и быка, все это мы зарѣзали и вкусно поужинавши залегли на отдыхъ.

18-го Декабря.

Ночь прошла благополучно, а на другой день пришелъ смѣнить насъ второй баталіонъ и мы, вытянувшись гусемъ, потянулись въ деревню Негашово на отдыхъ. Дорога была очень узка и все время пришлось идти справа по одному. Придя въ деревню много труда стоило, чтобы размѣстить людей по домамъ. Всѣ они были позаняты и мы по необходимости размѣстили людей по хлѣвамъ, да и то со страшнымъ трудомъ и хлопотами. Одинъ напримѣръ полковникъ стоявшаго уже здѣсь полка поставилъ свою лошадь въ отличный и свѣтлый сарай и никакъ не хотѣлъ вывести ее и поставить въ хлѣвъ, хотя я доказывалъ ему, что госпожа лошадь можетъ постоять въ хлѣву, а ея мѣсто у меня займутъ двадцать человѣкъ солдатъ. Нѣтъ, никакіе резоны не повліяли на учтиваго и салоннаго (въ Петербургѣ) полковника и лошадь осталась въ чистомъ сараѣ, а люди помѣстились въ хлѣву.

Разставивши людей, я пошелъ искать себѣ помѣщеніе и вмѣстѣ съ другими офицерами нашего баталіона пристроился въ комнатѣ, занимаемой поручикомъ барономъ Р.

Уставши я былъ страшно, а потому сейчасъ-же велѣлъ внести себѣ сѣна и пославши свой спальный мѣшокъ завалился на отдыхъ—время было около 10 часовъ вечера.

19-го Декабря.

Все въ домѣ успокоилось и кажется пришелъ конецъ нашимъ шатаніямъ; но нѣтъ, ровно въ часъ съ половиною утра въ дверь раздался стукъ

и дневальный пришелъ объявить, что люди одѣваются и въ два часа приказано выступать, что, какъ, куда, зачѣмъ—никто не зналъ; знали одно въ два часа выступать, вотъ и все.

Поспѣшно начали мы собираться, а потомъ мнѣ предстояло еще собрать роту, которую я размѣстилъ очень разрозненно. Вотъ, слава Богу, все сдѣлано, только десяти человѣкъ втораго взвода со взводнымъ унтеръ-офицеромъ нѣтъ, я ихъ никакъ не могъ найти по деревнѣ; но что-же дѣлать, собравши что можно, повелъ на сборный пунктъ и тутъ узналъ отъ генерала, что идемъ аттаковать деревню Ташкисенъ.

Ночь была очень темная и части страшно путались; тутъ спрашивали куда пошли Преображенцы, тамъ Измайловцы отыскивали другъ друга; въ другомъ мѣстѣ артиллеристы, запутавшись въ переулкахъ деревни, не могли попасть къ своимъ паркамъ; вообще кутерьма была страшная. Наконецъ мы выступили, потянулись по направленію Софійской долины и, ставъ за какими то двумя пригорками, стали поджидать начальство.

При повѣркѣ людей и разсчитываніи ихъ на взводы (въ это время отставшіе люди втораго взвода уже явились) я съ грустью увидѣлъ, что изъ 210 человѣкъ, вышедшихъ изъ Петербурга, у меня осталось только неполныхъ восемъ рядовъ во взводѣ, то-есть въ общей численности, считая и 15 унтеръ-офицеровъ, всего семьдесятъ девять стрѣлковъ, вотъ что сдѣлали походъ и мѣсячная стоянка на Балканахъ. Но за то эти остатки, хотя и оборванныхъ и полуголодныхъ и безъ сапогъ солдатъ, могли постоять за себя.

Въ такомъ-то составѣ мы приготовлялись аттаковать крѣпкія позиціи у Ташкисена. Часовъ около восьми мы тронулись впередъ и отъ 13-й роты, какъ шедшей впереди, была вызвана полурота въ авангардъ, подъ командой подпоручика Г. Выславъ впередъ и въ стороны сильные (челов. по 6) патрули, Г. быстро двинулся впередъ подъ гору и скрылся у насъ изъ виду.

Генералу это не понравилось и онъ послалъ баталіоннаго адъютанта нашего баталіона остановить порывы Г-на, но тотъ, пріостановивши немного, снова ускорилъ шагъ и поперъ въ темноту. Тогда полковой адъютантъ К. поскакалъ къ нему и передалъ приказаніе чаще оглядываться и не терять баталіона изъ вида.

Тихо подвигались мы въ утреннемъ полусвѣтѣ и наконецъ вышли на Софійское шоссе. Тутъ снѣгу было меньше и люди ужъ не вязли по колѣна, какъ то было до шоссе.

Подвигаясь впередъ генералъ часто обращался къ состоящему при насъ за офицера Генеральнаго Штаба штабсъ-капитану М-л-р-д-в-чу со словами: «кажется не вѣрно вы взяли направленіе», но тотъ, хорохорясь и горячась, увѣрялъ, что вѣрно и все обстоитъ благополучно.

Когда-же разсвѣло, то оказалось, что мы перли мимо деревни Ташкисена къ Арабъ-Конаку.

Генералъ плюнулъ и, отвернувшись отъ запутавшагося М—ча, велѣлъ построить баталіонъ по-ротно въ двѣ линіи и, повернувъ сначала въ полуоборотъ, а потомъ и совсѣмъ на лѣво, самъ повелъ полкъ противъ деревни.

Баталіонъ перестроился по-ротно, головныя полуроты пошли въ цѣпь и все наше боевое расположеніе ясно обрисовалось на чистомъ и бѣломъ снѣгу.

Вотъ впереди одиноко и отрывисто треснула магазинка, выстрѣлъ изъ которой можно уподобить удару арапника или хлопушки, потомъ другой, третій и поднялась стрѣльба изъ цѣпи черкесовъ, разсыпанныхъ передъ деревнею. Пули еще не долетали; мы сняли шапки и, перекрестившись, тронулись далѣе. Вотъ впереди обрисовывается темная масса подъема на гору, вершина ея увѣнчена двумя темными пятнами, то турецкіе редуты.

Съ одного изъ нихъ показался круглый бѣлый пушистый шаръ, который началъ расширяться и подниматься къ верху, разстилаясь облакомъ надъ горою. Грянулъ далекій выстрѣлъ, и первая гостья, шипя и свистя, пронесясь надъ ротой, зарылась въ снѣгу не разорвавшись. Нѣкоторые изъ людей снова перекрестились, а рота все подвигалась впередъ и впередъ.

Вотъ на другомъ редутѣ показался дымокъ, и вторая граната, перелетѣвъ роту, поѣхала въ гости ко второму баталіону, наступившему у насъ въ резервѣ. Вотъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ мелькнули огни съ дымомъ и гранаты со свистомъ летятъ къ намъ въ гости, не причиняя вреда. Лѣвѣе насъ наступаютъ Преображенцы, около ихъ выѣзжаютъ восемь нашихъ девятифунтовокъ и, поднявшись съ трудомъ, открываютъ огонь, сначала по орудійно, а потомъ залпами. По всей позиціи раздается голосъ полковника К., онъ поминутно выкрикиваетъ «Шарохи». «Батарея залпъ будетъ». Команды его не слышно, но вотъ сразу батарея окутывается дымомъ и четыре гранаты, ударившись въ брустверъ редута, покрываютъ его дымомъ.

Мы подошли настолько уже близко, что пули начали бороздить снѣгъ и проноситься черезъ головы. Первый баталіонъ, наступающій правѣе насъ, взбирается на горку, лежащую передъ деревней, и открываетъ рѣдкую стрѣльбу по башибузукамъ и черкесамъ, собравшимся около деревни.

Пули начали летать чаще и чаще, но по счастію еще не задѣвали никого. Перестрѣлка разгоралась сильнѣе, а въ особенности на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ наступалъ Волынскій полкъ, она обратилась уже въ непрерывную трескотню. Потомъ мы узнали, что въ это время полкъ понесъ чувствительныя потери въ людяхъ и лишился, раненымъ, своего полковаго командира генерала Мирковича. Подвигаясь все впередъ и впередъ,

мы увидали наконецъ деревню, въ которой видны были пѣхотныя части. Огонь все поддерживался. Тутъ намъ пришлось полежать порядочно и ждать пока Преображенцы обойдутъ турокъ съ лѣваго фланга. Орудія наши все гремѣли, и вотъ послѣ одного изъ залповъ въ редутѣ поднялся страшный столбъ дыма, а потомъ раздался ужасный трескъ. Всѣ мы замахали шапками и крикнули «ура!» Казалось бы вотъ минута для аттаки, но нѣтъ никакого приказанія, и мы лежимъ себѣ все на одномъ мѣстѣ. Наконецъ часа въ четыре объѣхалъ насъ адъютантъ съ приказаніемъ, что по знаку генерала ротамъ двигаться. Вотъ нашъ командиръ поднялся съ барабана и, махнувши рукою по направленію турокъ, крикнулъ: «съ Богомъ!»

Роты быстро встали, по всей линіи турокъ затрещала стрѣльба, но наши молодцы, не останавливаясь, пренебрегая закрытіями, дружно пошли впередъ; цѣпь на ходу открываетъ рѣдкій огонь, роты двигаются сомкнуто. Турки не выдержали и, не допустивъ насъ шаговъ на сто пятьдесятъ, потянулись въ гору, бросая деревню. Шагъ нашъ началъ переходить въ бѣгъ, люди увлекались догнать врага, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крикнули «ура!» и всѣ лавиной устремились къ деревнѣ.

Въ описаніи кампаніи 1877 г. полковникъ Пузыревскій упрекаетъ Измайловцевъ зачѣмъ они рано *закричали* «ура», а какъ было не увлечься солдату, когда въ виду отступленія непріятеля шагъ перешелъ въ бѣгъ и солдаты рвались изъ рядовъ впередъ, чтобы догнать уходящаго врага.

Чтобы не позволять одиночнымъ людямъ заходить въ дома, мы держали все время свои роты въ колоннахъ. 14-я рота сдалась по деревнѣ вправо, а 13-я и 15-я тронулись прямо на гору къ редутамъ, къ которымъ съ лѣвой стороны подходили Преображенцы. Передъ нами отступало около табора турокъ. Они быстро уходили вверхъ и намъ непремѣнно хотѣлось догнать ихъ или не дать имъ возможности укрѣпиться на гребнѣ. На полгорѣ къ намъ присоединилась справа 14-я рота и мы всѣ тронулись далѣе, занявъ гребень и разсыпавъ цѣпь за камнями, мы залегли отдохнуть, такъ какъ люди, не ѣвшіе съ утра и не спавшіе почти всю ночь, крайне утомились и еле могли отдышаться.

Турки заняли слѣдующій перевалъ и, выставивъ орудія около сторонки, пускали къ намъ изрѣдка по гранатѣ, которыя, перелетая гребень, ложились далеко за деревнею.

Въ это время съ правой горы началъ спускаться какой то солдатъ и кричать, что турки сдаются. Отъ насъ подняли было одинъ баталіонъ, но сдающіеся открыли такой огонь, что командующій дивизіею призналъ лучше положить людей и не подвергать ихъ напрасно огню противника.

Бой затихъ. По всѣмъ вѣроятіямъ на завтра надо было ожидать продолженія его, такъ какъ, сбивъ турокъ съ одного кряжа, надо было до-

канчивать дѣло и гнать ихъ до Арабъ-Конака и, окруживъ, забрать въ плѣнъ.

Къ намъ на гору начали поднимать артиллерію и такъ какъ сама она подняться не могла, то послали 13-ю роту и мы, втащивъ орудія на редуты къ Преображенцамъ, пошли на бивуакъ своего баталіона, который расположился въ турецкомъ лагерѣ.

Командиръ 14-й роты поручикъ Г. ждалъ насъ и мы начали варить себѣ чай въ солдатскихъ манеркахъ и хотя онѣ были всѣ въ салѣ и чай заваренъ былъ тоже взятый заимообразно у солдатъ же, но я рѣдко находилъ его вкуснѣе и слаще. Усталость была страшная, а потому всякій выгадывалъ поскорѣе заснуть и скоро лагерь погрузился въ глубокій сонъ.

20-го Декабря.

На другой день намъ дали отдохнуть, т. е. мы, поднявшись съ бивуака въ восемь часовъ утра, прошли черезъ деревню и стали бивуакомъ же на Софійскомъ шоссе.

Проходя по деревнѣ мы встрѣтили генерала Философова, который объявилъ намъ, что мы назначены въ его отрядъ, для преслѣдованія отступавшихъ турокъ. Никто не предполагалъ *тогда печальной катастрофы*, покончившей сразу съ двумя нашими генералами у Мирково.

Въ этотъ день многіе офицеры ѣздили въ деревню навѣстить нашихъ раненыхъ вчерашняго числа, ихъ было немного, но между ними былъ одинъ вольноопредѣляющійся, котораго командиръ полка представилъ къ Георгію 3-й степени.

За этотъ день многое измѣнилось; получено было извѣстіе, что пятнадцать таборовъ аттаковали генерала Вильяминова у Горнаго-Бугорова и потому двумъ полкамъ (нашему и Преображенскому), стрѣлковой бригадѣ и двумъ батареямъ предписано было немедленно двинуться на Софію и вотъ въ два часа утра 21-го декабря мы двинулись форсированнымъ маршемъ къ Софіи.

21-го Декабря.

Путь хотя и шелъ все время по шоссе, но въ Горной-Малинѣ встрѣчались очень крупные подъемы и спуски, такъ что движеніе было обременительно для артиллеріи и мы всю почти дорогу шли около орудій.

Пройдя около тридцати-пяти верстъ мы дошли до Горнаго-Бугорова, гдѣ происходилъ бой бригады Вельяминова. По шоссе попадались массы разстрѣлянныхъ гильзъ, но тѣлъ пока было мало, потому что аттака происходила въ сторонѣ отъ дороги.

Отдохнувши мы тронулись снова въ путь и къ вечеру дошли до деревни Враждебно, на берегу рѣки Большой-Искеръ; мы уже думали, что идемъ на бивуакъ, когда впереди раздались частые выстрѣлы и насъ развели въ боевой порядокъ. Преображенцы пошли въ обходъ и турки, видя, что наши перешли Искеръ по льду, зажгли мостъ и отступили къ Софіи. Деревня Враждебно пылала, мостъ горѣлъ и намъ приходилось ждать пока потушатъ его, я съ поручикомъ Г. пошли на рѣку и, кое-какъ перебравшись по льду на другую сторону, пошли къ деревнѣ, но, не видя ничего, повернули назадъ и пробрались къ полку черезъ дымящійся мостъ.

У рѣки меня встрѣтилъ нашъ полковникъ со словами: «гдѣ вы перешли рѣку?» Я сейчасъ-же повелъ показывать и мы, гуськомъ перебравшись на другой берегъ, расположились на бивуакъ, чтобы отдохнуть послѣ сорокаверстнаго перехода.

22-го Декабря.

На другой день мы вышли на позицію. Передъ нами раскрывалась великолѣпная картина. Софія со своими минаретами красиво раскинулась у подножія горъ Витошъ; бѣленькіе домики и высокія деревья красиво оттѣнялись на чистомъ зимнемъ небѣ. Одно не гармонировало этой мирной картинѣ—это темное кольцо земляныхъ укрѣпленій, окружающее городъ. Смотря на нихъ невольно приходило на мысль, что на завтра предстоитъ грудью брать эти твердыни, а брать надо, такъ какъ не въ полѣ-же намъ встрѣчать Рождество Христово, да и Государю надо поднести къ празднику хоть какой-нибудь подарочекъ.

Вечеромъ пришелъ изъ Дальныхъ-Комарцевъ третій баталіонъ, и я увидѣлъ брата своего, котораго считалъ уже чуть-ли не въ горячкѣ, а онъ, пролежавши три дня, догналъ свой баталіонъ и несъ всю службу наравнѣ съ здоровыми.

Закусивши чѣмъ Богъ послалъ, мы расположились отдыхать въ ожиданіи завтрашняго дня. Съ утра была назначена рекогносцировка, а послѣ и штурмъ Софіи.

23-го Декабря.

На утро тринадцатая рота пошла въ передовые ложементы, и на моихъ глазахъ собиралась кавалерія отряда на рекогносцировку. Но вотъ изъ Софіи бѣжитъ одинъ болгаринъ и кричитъ: «братушки, турка бѣгалъ! турка бѣгалъ!»

Кавалерія двинулась уже въ это время впередъ и скрылась въ утреннемъ туманѣ; но что это не слышно выстрѣловъ, отъ чего турки подпу-

скаютъ такъ близко наши войска? Разгадка не заставила долго себя ждать, какъ молнія облетѣло отрядъ извѣстіе, что Софія брошена и достается намъ безъ выстрѣла. Войска начали стягиваться на шоссе, Преображенцы потянулись къ городу, а за ними и наши, четвертый баталіонъ шелъ впереди, мы, вызвавъ пѣсенниковъ и снявъ со знаменъ чахлы, весело вступали въ городъ.

Всѣ власти стояли у городскаго вала, и когда нашъ баталіонъ подходилъ, то поровнялся съ процессіей и Гурко. Вслѣдствіе этого баталіонъ былъ остановленъ и около нашего знамени служили первый молебенъ при входѣ русскихъ въ Софію. Восторгъ жителей былъ полный, да и мы радовались. Вотъ безкровный подарокъ къ праздникамъ Государю и Россіи, вотъ и наше теплое пристанище на праздники.

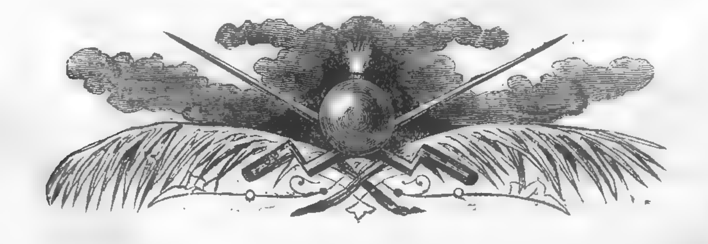
Такъ кончились эти тяжелыя минуты испытанія нашихъ силъ и способностей.

Выступивъ изъ подъ Плевно 3-го ноября, простоявъ на страшной высотѣ Греота, напротивъ Шандарника, съ 17-го ноября по 6-е декабря и затѣмъ при 22 мороза, въ редутахъ у деревни Скревенъ 9, 10 и 11 декабря въ палаткахъ, выступивъ съ девяти-фунтовками на рукахъ 13-го декабря въ Балканы, полкъ 15-го переправилъ ихъ не попортивши ни одного орудія и не потерявъ *ни одного* человѣка раздавленнымъ или ушибленнымъ, мы 19-го декабря взяли съ боя *деревню* Ташкисенъ въ то время, когда Преображенцы брали редуты, а Волынцы правую гору, 21-го сдѣлали сорокаверстный переходъ и 23-го вошли въ древнюю болгарскую столицу короля Стефана. Перенеся эти лишенія, войска имѣли право на отдыхъ и получили его.

Здѣсь мы забыли лишенія пережитыхъ дней, здѣсь мы пообжились и отогрѣлись. По этому наврядъ ли кто изъ насъ вспоминаетъ Софію зломъ; нѣтъ, у всѣхъ у насъ сохранилось теплое воспоминаніе о старомъ городѣ, который суждено было намъ вырвать изъ рукъ невѣрныхъ и въ настоящее время образовывается столица вновь возникшаго христіанскаго княжества.

Гвардіи суждено было дать болгарамъ столицу.

Н. З. Б.

Изъ Дневника Офицера

ЗА ПОХОДЪ 1877—78 ГОДОВЪ *).

Такимъ образомъ раненые обошлись безъ нашей помощи, а полученное докторомъ Гаусманомъ приказаніе указывало на то, что завтра боя не будетъ. Утромъ подошелъ Преображенскій полкъ, тащившій орудія на страшную гору, возвышавшуюся передъ нами. Д. сейчасъ присоединился къ нему; мнѣ же было приказано остаться здѣсь и открыть, при помощи одного больнаго студента, перевязочный пунктъ. И послѣ перевязки эвакуировать всѣхъ раненыхъ и сильно больныхъ въ Этрополь. Ни чаю, ни сахару, ни мяса у меня не было, и мнѣ пришлось глодать солдатскіе сухари, къ довершенію всего вышелъ и тотъ табакъ, который одолжили студенты. Явилось двое больныхъ солдатъ, и я ихъ помѣстилъ въ полуразрушенномъ домикѣ. Кое-какъ притащили почти на рукахъ офицера Финляндскаго полка В., сломавшаго или вывихнувшаго себѣ ногу. Ихъ полкъ тащилъ орудія, и одно изъ нихъ сбросило его въ оврагъ. Сначала мы съ нимъ усѣлись у костра и очень мирно бесѣдовали о страшной трудности движенія по Балканамъ, но вскорѣ поднялась такая страшная буря, съ дождемъ, снѣгомъ, вѣтромъ, что сидѣть здѣсь было уже не въ мочь, и, несмотря на страшную грязь, вонь и смрадъ въ избушкѣ, мы все-таки перебрались туда. Вскорѣ явился деньщикъ В. и послѣдній, вмѣстѣ съ нимъ, несмотря на погоду, потащился верхомъ на лошади въ Этрополь. Ѣсть котѣлось страшно, но сухарей уже больше не было, и я, вмѣстѣ съ солдатами, принялся жарить на угляхъ кукурузу; но послѣдняя не столько удовлетворяла аппетитъ, сколько помогала коротать время, и, въ этомъ случаѣ, играла ту-же роль, какую подсолнечники и орѣхи у московскихъ купчихъ. Подъ вечеръ я только получилъ позволеніе возвратиться въ полкъ со своею командою. Собрались мы живо, но какъ не бѣжали домой, а все-таки же запоздали и пришли въ Этро-

---

*) Настоящая статья не есть отдѣльная; она составляетъ прямое продолженіе статьи подъ такимъ же заглавіемъ, по ошибкѣ прерванной на стран. 51-й этого же тома. Окончаніе же этой статьи начинается съ страницы 211.

поль уже ночью, такимъ образомъ самая трудная часть дороги оставалась у насъ впереди. Нашъ полкъ стоялъ здѣсь въ караулѣ и мы всѣ зашли отдохнуть въ караульный домъ. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ на смѣну нашего караула, совершенно неожиданно, явился Егерскій караулъ, а изъ полка получено было извѣстіе, что мы выступаемъ завтра въ Орханіе. Нужно было торопиться, чтобы дать отдохнуть и людямъ, и моей бѣдной измученной лошади.

20-го Ноября.

Едва успѣлъ я отдохнуть часа два, три, какъ насъ подняли и мы въ эту страшную грязь и темноту отправились прежде на Правецъ, а потомъ на Орханіе. Переходъ этотъ сравнительно былъ не очень большой, всего около тридцати верстъ, но за-то эта была та самая дорога, которую я уже разъ описывалъ, безпрестанные то подъемы, то спуски, грязь, все это, несмотря на то, что мы уже втянулись и привыкли къ переходамъ, все это сильно утомило насъ, когда мы добрались до Правецъ, отсюда до Орханіе мы шли по шоссе. Бивуакомъ мы стали пройдя Орханіе. Разница между этими городами, Этрополемъ и Орханіе, была громадная. Какъ тотъ, такъ и другой лежали въ долинахъ, но характеръ послѣднихъ былъ совершенно различенъ. Трудно себѣ представить что либо прелестнѣе Орханійской долины, видъ ея былъ роскошенъ, несмотря на снѣгъ, уже покрывавшій всю землю, на деревья стоящія безъ листьевъ, на пустыя полуразрушенные и выжженные чифлики и села, частое расположеніе которыхъ по долинѣ, между Правцами и Орханіе, уже указывало на плодородіе земли въ этихъ мѣстахъ. И кругомъ Орханіе высились громадныя горы, но далеко не столь мрачныя и дикія, которыя окружаютъ Этрополь, давятъ и тѣснятъ его и этимъ самымъ сообщаютъ ему какой то мрачный, таинственный, темный характеръ. Орханіе, напротивъ, раскинулась на большое пространство. Изобиліе домовъ, выкрашенныхъ бѣлою краскою, сообщаетъ ей веселенькій, чистенькій видъ. Мечети, стоящія отдѣльно, и нѣсколько большихъ бѣлыхъ въ европейскомъ вкусѣ зданій еще болѣе увеличиваютъ красоту этого небольшаго городка. Вдали, на горизонтѣ, уходятъ въ облака громадныя горы. Какъ въ Этрополѣ, такъ и въ Орханіе жителей почти не было видно. Многіе дома были раззорены, и выставляли на показъ свои черныя отъ дыма стѣны. Съ лѣвой стороны слышались постоянные выстрѣлы, но на расположенныхъ кругомъ Орханіе турецкихъ редутахъ все было тихо, они также какъ и ложементы, пересѣкающіе подступы къ Орханіе, были давно оставлены турками, опять таки вслѣдствіе маневрированія нашихъ войскъ. Въ верстахъ двухъ отъ Орханіе, у самой подошвы горъ, на вершинѣ которыхъ

виднѣлся большой турецкій лагерь, хотя стоявшіе тутъ уже Лейбъ-Гусары и говорили, что онъ пустой, но въ бинокль можно было видѣть тамъ людей,—тамъ, у подошвы этихъ горъ лежало небольшое село или городишко Врачеши,—въ которомъ, какъ говорили, были найдены большіе запасы и складъ турецкихъ галетъ, сѣна, муки, масла, овса, платья, госпитальныхъ принадлежностей и т. п. Склады были въ Орханіе, но значительно меньшіе чѣмъ во Врачеши, гдѣ бо́льшая часть домовъ была завалена всѣми этими продуктами. Для содержанія тамъ карауловъ, 21-го числа, въ шесть часовъ утра, туда ушелъ нашъ второй баталіонъ, а въ восьмомъ часу ушелъ и 4-й баталіонъ, втаскивать на гору орудія, для установки ихъ противъ села Лютикова. Съ утра уже съ лѣвой стороны доносилась стрѣльба изъ орудій, и постепенно отдѣльные выстрѣлы все чаще и чаще стали смѣняться залпами, что прямо показывало, что тамъ разыгрывается что то серьезное. Я отправился въ другіе баталіоны съ цѣлью пораспросить ихъ объ этомъ. Говорили, что сегодня была назначена рѣшительная аттака Арабъ-Конака, и что мы должны быть готовы, что насъ могутъ потребовать каждую минуту; тѣмъ не менѣе на бивуакѣ ничего не указывало на близость выступленія: палатки не снимались, люди кипятили себѣ въ манеркахъ чай, или варили себѣ кашицу, однимъ словомъ, все шло самымъ заурляднымъ и обыкновеннымъ порядкомъ. Но вотъ два гусара промчались маршъ-маршемъ, спрашивая на лету, гдѣ командиръ полка. Солдаты поняли въ чемъ дѣло и, не дожидаясь приказа, стали собираться и сдѣлали это такъ скоро, что мнѣ едва успѣли осѣдлать лошадь. Командующій полкомъ уже стоялъ передъ баталіонами, снялъ шапку и перекрестился. Екнуло сердце у многихъ отъ этого движенія, но головы живо обнажились, и солдаты тоже стали креститься. Что то такое было, но что именно—никто не зналъ. Но ломать себѣ голову, на этомъ вопросѣ, пришлось не долго: едва подошли мы къ мосту, не болѣе какъ въ верстѣ отъ нашего бивуака, на встрѣчу къ намъ выѣхалъ графъ Шуваловъ, и, обратившись къ солдатамъ, прямо высказалъ намъ цѣль нашей тревоги: «Братцы, нашихъ тѣснятъ, нужно ихъ выручать, да выручать поскорѣе». Съ горъ спускался въ это время нашъ 4-ый баталіонъ, возвращавшійся съ работъ. Командиръ полка поѣхалъ къ нимъ и что то сказалъ, и вотъ тѣ бѣгомъ обгоняютъ насъ и скорымъ шагомъ пошли впереди насъ. Хотя безпрестанно и раздавалась команда о томъ, чтобы прибавили шагъ, но это было лишнее, солдаты сами бѣжали, бѣжали такъ, что нельзя было остановиться ни на одну минуту, такъ какъ тогда было бы невозможно догнать свой баталіонъ. Во Врачеши многіе солдаты набрали муки, говядины и вообще всякихъ припасовъ, и вотъ теперь на бѣгу стали они вытряхивать свои сумки, и бѣлая пыль стала покрывать баталіоны. Духъ спирало отъ этого бѣга, а все не было ему

конца, безпрестанно раздавались вопросы: «да гдѣ же это, скоро ли?» Никто ничего не зналъ, кто говорилъ три, кто четыре, кто пять, но говорилось это наобумъ, мы пробѣгали эти три, четыре версты, а все не было конца. Но чѣмъ дальше бѣжали мы, тѣмъ чаще и чаще попадаются по шоссе разбитые ящики, съ разбросанными около нихъ турецкими гранатами и патронами. Вотъ раздались крики «вправо, вправо». Сторонимся, и видимъ, что отступаетъ наша артиллерія, впереди зарядные ящики и много ихъ, а затѣмъ и орудія. Видно туго приходится нашимъ, если начала отступать артиллерія. Всѣ невольно собираются съ силами и прибавляютъ шагъ, перекидываясь на бѣгу вопросами и отвѣтами. Но послѣдніе становятся все хуже и хуже; первые говорили, что турки навалились на Московцевъ, что наше одно орудіе подбито, затѣмъ говорятъ, что уже четыре подбито, или взято, что Московцы умираютъ героями, но сила ломаетъ, чтобы мы спѣшили ихъ выручать. Этого, кажется, и не нужно бы было говорить, мы такъ вонъ сколько пробѣжали и, если бы не разстояніе, давно уже дрались бы. Орудійная стрѣльба почти смолкла, она гремѣла еще вдали, но прямо противъ насъ она давно уже прекратилась. Чѣмъ дальше идемъ мы, тѣмъ лица отступающихъ становятся сконфуженнѣе, на всемъ лежитъ какой то отпечатокъ, всѣ какъ то молчатъ и стараются не встрѣчаться глазами. Но усталость дѣлаетъ свое дѣло, мы продолжаемъ бѣжать, но видно, что это уже послѣднее напряженіе силъ. Вотъ стали попадаться и раненые, ихъ уже не разспрашиваютъ, только молча сторонятся и даютъ дорогу. Вотъ замелькали палатки,—это бивуакъ стрѣлковаго баталіона, поднятаго вѣроятно также по тревогѣ, нѣсколько шаговъ дальше и справа, немного внизу, у ручья, открытъ перевязочный пунктъ. Пробѣгаемъ еще сотню шаговъ и насъ останавливаютъ. Я немедленно отправился впередъ, чтобы получить хоть сколько нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Впереди стояла кучка офицеровъ и горячо объ чемъ то толковала. Мы пришли поздно, дѣло уже окончилось и громадная тяжесть сваливается съ плечъ, когда я слышу, что орудія спасены, позиція удержана. Три ужасныя аттаки страшно-превосходящихъ силъ были выдержаны, и турки отбиты. Какъ на героя указывали на командующаго Московскимъ полкомъ полковника Гриппенберга, съ обнаженной саблей, бросившагося впереди кучки солдатъ отбивать орудія, въ которыя турки уже хотѣли впрягать воловъ. Впослѣдствіи мы узнали, что хотя вся честь этого лихаго боя и принадлежитъ полковнику Гриппенбергу, но, что этого эпизода съ волами на самомъ дѣлѣ не было, и турки не впрягали воловъ въ наши орудія. Покуда мы тутъ разсуждали, на носилкахъ пронесли офицера, въ пальто, на которомъ большая окровавленная дыра, прямо противъ сердца, остановила готовый сорваться вопросъ, что онъ раненъ или убитъ. Это былъ поручикъ 1-ой артиллерійской бригады Тибольтъ, положенный на мѣстѣ осколкомъ гранаты въ то время,

когда онъ взобрался на брустверъ батареи, чтобы лучше разсмотрѣть непріятеля. Не вдалекѣ стояли графъ Шуваловъ и командующій нашимъ полкомъ, когда мы подошли къ нимъ, они разсуждали о прикрытіи нашихъ фланговъ, о старософійской дорогѣ, которая въ былое время гдѣ то тутъ по горамъ, уклоняясь въ право отъ этого вновь проложеннаго шоссе, объ обходномъ движеніи, въ концѣ концовъ выяснилось, что это придется исполнить намъ завтра. Вскорѣ пришло приказаніе — полку остаться здѣсь на бивуакѣ, а одному баталіону идти на подкрѣпленіе Московскихъ баталіоновъ. Мѣсто, отведенное для нашего бивуака, было очень небольшое и приходилось расположиться очень тѣсно. Покуда мы очищали мѣсто и вырубали мелкій кустарникъ, подошли наши вьюки и мы живо устроились, нисколько не думая о завтрашнемъ днѣ.

Наконецъ наступаетъ и утро 22-го ноября, день, въ который мы должны были столкнуться съ турками. Волненіе одолѣвало все сильнѣе, хотѣлось двигаться; а мы какъ на зло стояли построившись въ походной колоннѣ и насъ оттуда не вели. Но вотъ насъ повертываютъ, и опять мы стоимъ и ждемъ. Стало уже разсвѣтать. Командующій полкомъ съ графомъ Шуваловымъ стояли нѣсколько въ сторонѣ и кого-то поджидали, наконецъ явился какой-то солдатикъ. Графъ указалъ на него и подъѣхалъ къ полку съ пожеланіемъ ему полнѣйшаго успѣха. Мы двинулись. Солдатикъ долженъ былъ насъ вывести къ одному нашему секрету отъ Стрѣлковаго баталіона, который охранялъ нашъ правый флангъ. Мы подошли къ страшно крутой горѣ, вершину которой нельзя было и различить снизу съ долины. Командующій полкомъ сошелъ съ лошади, за нимъ это-же сдѣлали и мы, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ впереди солдатъ принялись карабкаться почти по отвѣснымъ крутизнамъ. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ лѣсъ становился все чаще и чаще, увеличивалась толщина деревьевъ и крутизна подъема. Постепенно входимъ мы въ какой-то туманъ, который застилаетъ отъ насъ дно страшныхъ пропастей, которыя спускаются по обѣимъ нашимъ сторонамъ. Съ каждымъ шагомъ двигаемся мы тише и тише, все чаще останавливаемся мы, чтобы перевести духъ. Вотъ влѣво поднимается страшная ружейная стрѣльба и пули стали ложиться по тому гребню, по которому мы поднимались. Трудно было предположить, что это стрѣляли по нашему отряду, вѣроятнѣе всего, что онѣ ложились тутъ случайно, будучи выпущены подъ большимъ угломъ. Какъ-бы то ни было, но намъ свернуть въ сторону было невозможно, и мы были принуждены идти по этому мѣсту. Наконецъ вотъ и секретъ, до котораго у насъ былъ проводникъ. Спрашиваемъ офицера: «вы знаете мѣстность, скоро-ли конецъ этой проклятой горы?» Но въ отвѣтъ на это узнаемъ, что мы едва прошли половину разстоянія до площадки, до которой доходили стрѣлковые солдаты, но что онъ не знаетъ вершина-ли это или нѣтъ, что вчера туда ходилъ его унтеръ-офицеръ, но не видалъ

тамъ турокъ, но что его крайній постъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Люди съ трудомъ, запыхавшись, начинаютъ мало-по-малу собираться и стоятъ опершись обѣими руками на ружья. Воздухъ свѣжъ и холоденъ, но отъ тяжелаго подъема надъ солдатами стоитъ какъ-бы паръ. Командующій полкомъ рѣшается дать здѣсь людямъ небольшой отдыхъ, а меня посылаетъ на рекогносцировку этой площадки, такъ какъ трудно предположить, чтобы такой важный пунктъ не былъ занятъ непріятелемъ. Со мною идетъ его ординарецъ и стрѣлковый унтеръ-офицеръ. Послѣ порядочныхъ усилій добираемся мы наконецъ до этой площадки; она составляла дѣйствительно довольно большую какъ-бы вершину, и на ней не было лѣса, который обхватывалъ ее со всѣхъ сторонъ. Удивительнѣе всего было то, что туманъ былъ такой страшный, что въ тридцати, сорока шагахъ положительно не было видно человѣка. Удостовѣрившись въ томъ, что это мѣсто дѣйствительно не занято турками, я со своимъ товарищемъ Эйлеромъ стали разсуждать объ томъ, продолжать-ли намъ нашу рекогносцировку или, такъ какъ мы уже сдѣлали то, что намъ было приказано, возвратиться къ своимъ, и затѣмъ уже съ патрулемъ продолжать развѣдки. Рѣшили возвратиться, но на дорогѣ встрѣтили командующаго полкомъ, который вмѣстѣ со своими шестью ротами шелъ за нами слѣдомъ. Туманъ спустился еще болѣе и такъ какъ время приближалось къ вечеру, то, чтобы не подвергать себя случайностямъ, рѣшили остановиться бивуакомъ на этой площадкѣ, но не выходя изъ лѣса. Итакъ, мы заняли сегодня очень важную позицію шестью ротами (такъ какъ нашъ второй баталіонъ остался во Врачеши, четвертый ушелъ на подкрѣпленіе Московцевъ и двѣ роты были оставлены и въ резервъ и въ прикрытіе перевязочнаго пункта).

Но оставаться такъ все-таки же было очень опасно, мы не знали, даже приблизительно, гдѣ мы находимся, по картамъ ничего не было видно, и мы не имѣли никакого понятія о той мѣстности, на которой стоимъ, что впереди насъ, нѣтъ-ли командующихъ высотъ, гдѣ стоятъ турки, не наткнулись-ли мы сами въ этотъ туманъ; однимъ словомъ, эти и еще куча другихъ вопросовъ побудили командующаго полкомъ немедленно вторично послать меня на рекогносцировку. Съ патрулемъ изъ двадцати человѣкъ отправился я впередъ, и, отойдя немного отъ бивуака, напалъ на небольшую едва замѣтную въ лѣсу тропинку, и такъ какъ она извивалась по тому-же направленію, по которому я предполагалъ идти, то я и направился по ней. Отъ этой площадки мѣстность шла по немногу понижаясь, и съ лѣвой стороны шелъ страшно глубокій и крутой оврагъ. Сама тропинка вилась по лѣсистому склону отрога, который, казалось, отдѣлялся отъ этой площадки и шелъ постепенно понижаясь. Туманъ сгущался все болѣе и болѣе и въ двадцати шагахъ уже было невозможно различить силуэтъ человѣка. Мы шли насколько было возможно тихо, безъ шуму, и отошли уже версты четыре отъ полка

и до насъ уже долеталъ шумъ отъ лагеря, когда шелестъ сухихъ листьевъ и трескъ сучьевъ по обѣимъ нашимъ сторонамъ заставилъ насъ предполагать тамъ присутствіе людей и быть еще внимательнѣе, тѣмъ болѣе, что этотъ шумъ шелъ по направленію противоположному нашему движенію. Мы все-таки-же продолжали наше движеніе и остановились только тогда, когда увидали большой турецкій постъ, стоявшій кучкою, съ разобранными ружьями, нѣсколько впереди поста стоялъ часовой. По доносившемуся до насъ шуму можно было заключить, что мы стояли не далеко отъ значительнаго лагеря. Спрятавшись за дерево, я наблюдалъ за турецкимъ часовымъ, стоявшемъ отъ меня не болѣе какъ въ пятнадцати шагахъ, въ башлыкѣ и опершись на ружье, вправо и влѣво отъ него тоже раздавались голоса, нельзя было и сомнѣваться въ томъ, что мы подошли къ ихъ цѣпи. Я посматривалъ на часоваго, такъ какъ вѣроятно смотритъ голодная кошка на неосторожную мышь. Мнѣ хотѣлось захватить или его, или кого либо другого въ плѣнъ, такъ какъ плѣнный во всякомъ случаѣ былъ-бы намъ очень полезенъ, давши намъ тѣ свѣдѣнія, въ которыхъ мы нуждались. Я взвѣшивалъ шансы за и противъ удачи, и, къ несчастью, убѣждался, что они были противъ меня. Если-бы намъ противъ чаянія, благодаря внезапности нападенія, и удалось-бы захватить кого-либо въ плѣнъ, то плѣннаго навѣрно бы отбили отъ насъ. Въ этой перестрѣлкѣ я бы потерялъ людей и весьма возможно, что ни одному изъ насъ не удалось-бы вернуться, такъ какъ мы значительно удалились отъ нашего полка. Будь мы всѣ верхомъ, тогда было-бы невозможно не воспользоваться такимъ случаемъ насолить врагу. На что я рѣшился-бы я не знаю, искушеніе было слишкомъ велико, если-бы только въ это время стоявшій сзади меня унтеръ-офицеръ не дернулъ меня за пальто, и знакомъ не указалъ мнѣ на моего задняго солдата, дѣлавшаго мнѣ знаки подойти къ нему поскорѣе. Зная отлично, что онъ не вызвалъ-бы меня, если-бы не случилось что-либо особенно важное, я поспѣшилъ подойти къ нему. Онъ объяснилъ мнѣ на ухо, что шумъ шаговъ по вершинѣ и по оврагу увеличился и что онъ сейчасъ видѣлъ на тропинкѣ, позади насъ, человѣка въ фескѣ. Шумъ дѣйствительно увеличивался, и теперь уже не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы самому напасть, легко могло случиться, что называется, и самому не унести ногъ. Но время еще не ушло, почему я, не бросая окончательно своего намѣренія, рѣшился нѣсколько отступить и затѣмъ обождать, убѣдиться самому въ томъ, что говоритъ солдатъ и затѣмъ уже дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ; но едва мы сдѣлали тридцать шаговъ, какъ я увидалъ дѣйствительно человѣка въ фескѣ, который, замѣтивъ меня, крикнулъ и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ по направленію къ нашему бивуаку. На его крикъ шумъ шаговъ сталъ быстро приближаться, но за туманомъ въ лѣсу людей еще не было видно, и наше от-

ступленіе поставило насъ съ ними на одну высоту. Терять времени было уже некогда, и не будь тумана мы бы сильно поплатились за свою любознательность. Я приказалъ отступать и захватить того, кого мы въ свою очередь отрѣзывали. Онъ то показывался, то исчезалъ за поворотами тропинки, но наконецъ мы стали его догонять, лишивши его передъ этимъ возможности свернуть куда нибудь въ сторону. Живо забрали мы его и затѣмъ уже тихо отступали до нашего бивуака, но раньше этого уже наткнулись на нашу цѣпь. Ротный командиръ, изъ роты котораго была выставлена эта цѣпь, пошелъ меня провожать и дорогою разсказалъ мнѣ, что тотчасъ послѣ моего ухода онъ получилъ приказаніе разставить аванпостную цѣпь, но, желая раньше познакомиться съ тою мѣстностью, на которой ночью будутъ стоять его солдаты, онъ оставилъ свою роту, а съ однимъ конвойнымъ отправился дѣлать этотъ осмотръ. Онъ уже возвращался назадъ, когда совершенно неожиданно очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ турецкаго часоваго. Сюрпризъ былъ обоюдный и тѣмъ болѣе полный, что онъ появился у турокъ съ тыла, а этотъ турецкій постъ отрѣзывалъ его отъ его роты. Ждать было нечего, тѣмъ болѣе, что турокъ крикнулъ, уже прикладывался, товарищи же его повскакали и схватили ружья. Выстрѣлъ грянулъ въ тотъ моментъ, когда онъ, согнувшись, бросился прямо на часоваго. Пуля просвистѣла мимо, и онъ вмѣстѣ со своимъ конвойнымъ отбѣжали нѣсколько шаговъ, когда остальные турки стали стрѣлять по спасающимся. Но пули и тутъ просвистѣли мимо, и они благополучно добѣжали до роты, которая уже бѣжала на выстрѣлы. Немедленно возвратились они на это мѣсто, но турки уже отступили. Когда я возвратился на площадку, то увидалъ моего плѣннаго окруженнаго толпою офицеровъ, нашихъ и штабныхъ, которые дѣлали ему допросъ, и, задавая ему сразу десятки вопросовъ, заставляли его проболтаться о томъ, что онъ, вѣроятно, при другой обстановкѣ никогда и не высказалъ бы. Онъ говорилъ по-болгарски и отлично умѣлъ читать карты и, несмотря на свой костюмъ турка, имѣлъ видъ порядочнаго и образованнаго человѣка. Когда такимъ образомъ онъ удовлетворилъ всеобщее любопытство, я его передалъ казакамъ, пріѣхавшимъ съ графомъ Шуваловымъ, тѣ живо, съ замѣчательною ловкостью, прикрутили его къ сѣдлу и вмѣстѣ съ графомъ отправились внизъ. Я въ свою очередь подошелъ съ рапортомъ къ командующему полкомъ и затѣмъ выразилъ предположеніе, что, судя по той мѣстности, которую я видѣлъ, мы стоимъ на перевалѣ. Къ этому другой офицеръ, который разставлялъ посты влѣво отъ бивуака, прибавилъ, что онъ даже видѣлъ долину и предполагаетъ, что очень близко отъ нашей горы идетъ шоссе, принявъ все это въ соображеніе мы дѣйствительно стали думать, что мы заняли перевалъ. Были ли ошибочны или нѣтъ эти мнѣнія, но только благодаря этому обстоятельству мы были въ прекрасномъ настроеніи и не особенно огорчались громадными неудобствами, которыми мы были обставлены на

этомъ бивуакѣ и хотя сильно дрожали и отъ холода, и отъ вѣтра, сидя кругомъ громаднаго костра, но тѣмъ не менѣе веселые разговоры не умолкали. Кругомъ была полнѣйшая тишина, изрѣдка прерываемая только сильными порывами вѣтра въ лѣсу, но вскорѣ снизу стали доноситься крики и шумъ, затѣмъ показался Московскій баталіонъ, который тащилъ на нашу гору два орудія. Раньше еще у насъ начались работы по постройкѣ ложементовъ и батарей, но темнота была такая страшная, что эти линіи для этихъ укрѣпленій приходилось разбивать наобумъ, къ тому же грунтъ былъ страшно крѣпкій и нужно было много труда, чтобы вырыть простые ложементы, не говоря уже о постройкѣ батареи, которую, чтобы не перестраивать по нѣсколько разъ, рѣшили отложить до утра. Когда мы возвратились съ работы на бивуакъ, то услыхали о печальной новости. Во время перестрѣлки, которая была на Филипинской горѣ, сегодня раненъ одинъ нашъ офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ, такимъ образомъ наша потеря за сегодняшній день была въ числѣ двухъ офицеровъ и нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Я считаю двухъ офицеровъ потому, что мы также потеряли одного офицера, когда поднимались на гору. Однако, какъ хорошо не были мы настроены, но сильный холодъ и сырость дѣлали свое дѣло. Хорошое настроеніе пропадало постепенно, и мы ежась и дрожа сидѣли вокругъ костра, разговоры постепенно замолкали и каждый старался какъ-нибудь поудобнѣе примоститься у огня, у котораго намъ приходилось провести всю эту ночь, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ нечего было и думать привезти сюда наши вьюки. Мирно напились мы чаю, который по-братски раздѣлили между собою, такъ какъ у многихъ не было взято съ собою этихъ чрезвычайно полезныхъ продуктовъ,—нѣкоторые уже улеглись, закутавшись въ свое пальто, другіе сбирались это сдѣлать, какъ вдругъ откуда-то снизу раздался рѣзкій крикъ, нарушая собою царствовавшую кругомъ насъ мертвую тишину. Дѣйствіе его на насъ было магическое, мы всѣ моментально повскакали съ нашихъ мѣстъ и напряженно стали прислушиваться, но крикъ не повторялся. Крикъ шелъ изъ оврага, гдѣ стояла наша цѣпь, и указывалъ на то, что тамъ что-то случилось. Командиръ той роты, которая занимала посты въ этомъ мѣстѣ, давно уже бросился туда и исчезъ въ страшной темнотѣ. Мы продолжали напряженно прислушиваться, и вотъ стали различать постепенно приближающійся трескъ сухихъ прутьевъ и черезъ нѣсколько времени передъ нами обрисовалась фигура нашего солдата съ ружьемъ, а за нимъ и другая. Рука у втораго была кое-какъ обмотана. Мы его окружили и стали разспрашивать. Прибѣжалъ фельдшеръ и сталъ ему у этого огня дѣлать перевязку, у него были обрублены пальцы и едва, едва держались на мясѣ. Молодой, красивый солдатъ былъ взволнованъ и разсказалъ, безпрестанно останавливаясь, что, стоя на часахъ въ лѣсу въ оврагѣ, онъ замѣтилъ двѣ прокрадывающіяся

къ нему фигуры. Не видя у нихъ ружей, онъ заключилъ, что они безоружны и, вмѣсто того, чтобы приколоть ихъ, рѣшился забрать ихъ живыми, но сдѣлалъ это чрезвычайно неловко. Онъ стоялъ за кустомъ и тѣ его не видали, а когда одинъ изъ нихъ совсѣмъ уже поровнялся съ нимъ, тогда онъ, не долго думая, схватилъ его за шиворотъ, но другой турокъ не растерялся, живо обнажилъ саблю и ударилъ его два раза по рукѣ, первый разъ сабля скользнула, а второй ударъ разрубилъ ему пальцы и заставилъ выпустить того, кого онъ держалъ. На крикъ его подбѣжалъ подчасокъ, но турки уже скрылись въ лѣсу. Стрѣлять по нимъ было уже поздно, преслѣдовать же ихъ они не имѣли права. Вскорѣ на этотъ-же крикъ прибѣжалъ разводящій на часы и, смѣнивъ раненаго, привелъ его къ намъ.

Остатокъ ночи прошелъ спокойно. Но спать отъ указанныхъ мною раньше причинъ было невозможно, едва заснешь на минуту отъ сильной усталости, какъ тотчасъ же проснешься, то и дѣло что безпрестанно тотъ или другой изъ насъ мѣшалъ костеръ и подбрасывалъ вѣтки, чтобы хоть немного отогрѣться пламенемъ. Отъ холода придвигались къ костру все ближе и ближе, и къ утру у многихъ были уже прозженные пальто и сапоги. Этотъ безпокойный сонъ нисколько не подкрѣпилъ насъ. Къ утру холодъ уменьшился, но лечь спать не удалось, такъ какъ пріѣхалъ полковникъ Гриппенбергъ, пришла полурота саперъ и вмѣстѣ съ нашими рабочими стали строить батареи, кромѣ того, втаскивали новыя орудія. Туманъ сталъ разсѣяваться и уже можно было различать всю площадку. Вскорѣ привели мою лошадь и командующій полкомъ назначилъ меня ординарцемъ къ полковнику Гриппенбергу. Онъ уѣхалъ впередъ, правѣе той дороги, по которой я ходилъ вчера, и мнѣ нужно было его отыскать. Я обогналъ наши три роты, которыя подъ начальствомъ капитана В., командующаго 1-мъ баталіономъ, шли на рекогносцировку турокъ; онѣ направились по той же дорогѣ, по которой ходилъ я вчера. Отыскивая полковника, мнѣ пришлось подниматься все въ гору и въ гору и чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ крутизна горы увеличивалась все больше и больше. Съ половины горы уже открылся такой видъ, что я остановился полюбоваться имъ и изучить его. По всему видно было, что въ нашихъ рукахъ находятся высшіе пункты, такъ какъ всѣ впереди лежащія горы были ниже даже того мѣста, на которомъ я стоялъ. Прямо отъ меня шелъ громадный оврагъ, заканчивающійся затѣмъ хребтомъ, за этимъ хребтомъ шелъ еще другой новый хребетъ, и на этомъ послѣднемъ были расположены ихъ лагери и редуты, слѣва вдали высились Поднебесныя укрѣпленія, и отъ насъ была видна ихъ тыловая турецкая сторона, еще далѣе вправо разстилалась сѣротуманная даль съ черными обриками селъ: это Черкесское село и Стригли. Да, эта даль была Софійская долина. Но площадка, занятая нами вчера, дѣйствительно не

была вершиною, а составляла только уступъ этой громадной горы, вершина которой шла нѣсколько впередъ и правѣе этой площадки, она возвышалась надъ послѣднею на высоту нѣсколько меньшую той, на которую возвышалась эта площадка надъ долиною. И та вершина, а не эта площадка собственно и составляла перевалъ. Мнѣ казалось страннымъ, что турки не заняли хотя незначительною частью эту вершину, и даромъ ее отдали намъ. Я отыскалъ полковника Гриппенберга и явился къ нему. Въ это время впереди насъ началась сильная перестрѣлка, и остальныя наши роты живо заняли ложементы на площадкѣ и хребетъ той горы, на которой стоялъ полковникъ Гриппенбергъ. Полковникъ послалъ меня узнать о причинѣ этой стрѣльбы. Это отступали наши три роты, тѣснимыя болѣе сильнымъ противникомъ. Онѣ отступили на свои позиціи и остановились на площадкѣ. Остановились и турки, но съ горы было отлично видно, что они стараются направить всѣ свои силы на нашъ правый флангъ, гдѣ и стала увеличиваться стрѣльба; тогда полковникъ приказалъ цѣпи принять вправо, куда также направился по его приказанію поднявшійся къ намъ на гору резервъ въ силѣ одного Преображенскаго баталіона. Въ то-же время, также по приказанію полковника Гриппенберга, артиллеріею открытъ огонь, какъ по лагерю, такъ и по наступающимъ турецкимъ баталіонамъ, разсчитывавшимъ охватить насъ съ нашего праваго фланга, и, такимъ образомъ, захватить эту гору, командующую надъ площадкой. Стрѣльба полковника Марина была чрезвычайно удачная: уже первые выстрѣлы по лагерю заставили разбѣжаться всѣхъ турокъ, а затѣмъ вернувшихся въ лагерь только затѣмъ, чтобы быстро снять его и перенести на другое мѣсто, болѣе защищенное отъ нашего огня. Фронтальное наступленіе турокъ тоже прекратилось послѣ того, какъ по ихъ резервамъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Остановились, а потомъ пошли назадъ и тѣ баталіоны, которые, казалось, были направлены въ обходъ нашего фланга. Но турки долго еще продолжали стрѣлять по занятой нами горѣ, хотя и не приносили намъ особеннаго вреда, такъ какъ стрѣляли на большую дистанцію и пули перелетали черезъ цѣпь. Едва только турки прекратили свое наступленіе, какъ мы начали наступать нашимъ правымъ флангомъ, заняли лѣсъ, но затѣмъ уперлись въ такой оврагъ, что спускаться въ него было опасно, къ тому же наступила ночь, почему и приказано было возвратиться на гору, которая съ этого дня и получила названіе Преображенской горы, а та площадка, которую мы заняли вчера, Павловской горы.

Итакъ, къ ночи всѣ наши шесть ротъ собрались на вновь открытой и занятой горѣ.

Тутъ остановился и Преображенскій баталіонъ, нумера его я не знаю. Павловскую же гору занялъ вновь пришедшій Московскій баталіонъ. Полковникъ Гриппенбергъ уѣхалъ, и командующій полкомъ прика-

залъ расположиться этимъ ротамъ на бивуакѣ въ лѣсу. Солдаты живо составили ружья и принялись устраиваться и разводить костры. Становилось холодно, къ этому же присоединился туманъ или облака, которыя, сгущаясь на деревьяхъ, падали оттуда большими, тяжелыми вонючими каплями и такъ часто, что они нѣсколько походили на дождь, дѣйствіе же ихъ было совершенно одно и то-же. Едва прошло нѣсколько часовъ, какъ мы были уже совершенно мокрые. Костры, несмотря на всѣ усилія, горѣли плохо, но давали за-то очень много дыма, отъ котораго, благодаря очень большому числу костровъ, положительно никуда нельзя было спрятаться. Къ тому же къ ночи поднялся вѣтеръ, безпрестанно мѣнявшій свое направленіе, вслѣдствіе чего и невозможно было отыскать мѣсто, защищенное нѣсколько отъ дыма, хотя бы на полчаса. А дымъ ѣлъ глаза до такой степени, что они дѣлались красными и въ нихъ чувствовалась сильная боль. Покуда приготовляли чай и супъ я просидѣлъ съ закрытыми глазами, но это мало помогло, голова и глаза все-таки же разболѣлись страшно. Но ночь, на которую мы разсчитывали, сильно нуждаясь въ отдыхѣ и во снѣ, была еще хуже предъидущей, тѣмъ болѣе, что не представлялось ни малѣйшей возможности прилечь. Земля отъ этихъ страшно тяжелыхъ и большихъ капель, безпрестанно падавшихъ съ деревьевъ, была такъ сыра и мокра, что стоило только прилечь на бокъ и полежать нѣсколько минутъ, какъ весь бокъ становился совершенно мокрымъ, и вы, несмотря на страшную усталость, просыпались отъ чрезвычайно непріятныхъ ощущеній; но едва вы открывали глаза, какъ васъ начиналъ доѣдать дымъ. Пришлось пожалѣть объ оставшихся внизу гутаперчевыхъ и кожанныхъ пальто, но безъ нихъ горю пособить нельзя было никакимъ образомъ. Дѣлать нечего, принуждены были продремать ночь кое-какъ сидя на бревнахъ, у костровъ, безпрестанно вздрагивая отъ холода. Нисколько не улучшилось наше положеніе, когда разсѣялась наконецъ эта тьма, и, вмѣсто дня, наступило что-то въ родѣ сумерокъ. Выведенные изъ себя такою неудачею, мы, какъ только насталъ день, отправились вонъ изъ лѣса на большую площадку, желая отыскать болѣе удобное мѣсто для спанья. На площадкѣ дѣйствительно не было этой холодной души, которая нисколько не уменьшилась днемъ и которая до нѣкоторой степени была похожа на холодныя души, которыми лечили въ былое время сумасшедшихъ, по крайней мѣрѣ на меня она производила сильное впечатлѣніе, вызывая нервное раздраженіе. На площадкѣ дѣйствительно этого не было и тамъ было сравнительно свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсу, хотя трудно было отличить человѣка въ 75 шагахъ и самый свѣтъ былъ какой-то туманный, неясный. Но за-то холодъ и вѣтеръ здѣсь были таковы, что уже черезъ нѣсколько времени тѣ, которые вышли на эту площадку, принялись бѣгать по ней и утаптывать снѣгъ, а затѣмъ не выдержали и вернулись къ своимъ кострамъ.

Вернулся вмѣстѣ съ ними и я. Вскорѣ подошла снизу одна изъ оставленныхъ тамъ ротъ и затѣмъ притащили еще два орудія съ Павловской горы, для которыхъ мы живо построили батарею. Кое-какъ скоротали мы за этими хлопотами время и когда вернулись назадъ на бивуакъ, то было уже совсѣмъ темно и время было ложиться спать. Но и эта ночь была столь же ужасная, какъ и предъидущія. Дождь прекратился и отъ страшнаго холода замѣнился большими ледяными сосульками. Сначала было мы и обрадовались этому холоду, разсчитывая, что можно будетъ лечь на землю, но не тутъ-то было, всю ночь пришлось продрожать у костра и засыпать только на нѣсколько минутъ. Эта мука становилась однако невыносимою; которую ночь проводимъ мы здѣсь и все не приходится спать, хоть бы дѣло было какое, а то и дѣла нѣтъ, да и не спишь; силъ нѣтъ больше такъ мучиться. Право, ужъ лучше драться, чѣмъ стоять въ небесахъ зимою, въ нашемъ истасканномъ платьѣ. Одно, что поддерживаетъ еще, это то, что мы вѣроятно пробудемъ здѣсь недолго, и насъ скоро спустятъ немного внизъ на новыя позиціи.

Но въ отвѣтъ на это, какъ нарочно, на другой день, т. е. 25 ноября, получилось приказаніе приступить къ постройкѣ укрѣпленій. Невольно пріуныли всѣ, когда это сдѣлалось извѣстно, и немудрено, вѣдь это значитъ, что мы не только не идемъ *впередъ*, но что остаемся здѣсь на эти муки еще надолго, что можетъ быть даже здѣсь намъ придется самимъ защищаться, а главное убійственнѣе все было то, что мы ничего не знали, что дѣлается кругомъ насъ.

Кое-какъ помирившись съ этою мыслью, мы рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы какъ нибудь облегчить свою участь, такъ какъ оставаться въ этомъ положеніи было невозможно, не хватило бы человѣческихъ силъ постоянно выдерживать эту муку. Поэтому рѣшено было потребовать сюда свои вьюки, ради чего и было послано приказаніе послѣднимъ во что-бы то ни стало, а подняться къ намъ. Вскорѣ пришли еще два офицера,—одинъ пришелъ являться къ командующему полкомъ, по случаю своего возвращенія изъ кавказской арміи, а другой принесъ офицерамъ письма. Давно уже мы ихъ не получали, и съ жадностью прочитывали ихъ по нѣсколько разъ. Къ этому же времени стали подходить и вьюки съ вещами и съ палатками. Но, къ несчастію, на это рѣшились только тѣ деньщики, которые были потолковѣе и подогадливѣе, такъ какъ двинулись они на верхъ безо всякаго приказанія. Со всѣмъ этимъ жизнь уже не казалась такою неприглядною; въ палаткѣ хотя нѣсколько, но все-таки-же можно закрыться отъ дождя и отъ вѣтра, въ палаткѣ не такъ мокро, въ ней можно заснуть, а это главное; впродолженіе скольких ночей и дней мы были лишены этой возможности и какъ сильно страдали отъ этого. Солдаты уже давно разбили свои палатки и не мучались эти двѣ ночи, какъ мы. Конечно, попроси мы,

они уступили бы намъ одну, двѣ палатки, но за-то имъ самимъ пришлось бы томиться въ другихъ палаткахъ, что было очень трудно, такъ какъ солдатскія палатки разсчитаны такъ, что въ нихъ очень трудно помѣстить больше того числа людей, на которое разсчитана каждая палатка.

Но нѣкоторые вьюки еще не пришли, между прочимъ и мои, но по счастью нашлась одна лишняя деньщичья маленькая палатка; въ нее забрались всѣ тѣ, кто еще былъ безъ вещей, такихъ набралось много; такъ что, заснувъ благополучно въ палаткѣ, я черезъ нѣсколько времени проснулся отъ страшнаго холода уже внѣ ея. Легли мы очень тѣсно и благодаря этому скоро согрѣлись, но когда мы заснули, то средніе вытѣснили крайнихъ, меня и еще одного офицера, причемъ оборвали полотно палатки и она едва держалась на веревкахъ. Отогрѣвъ у несчастнаго костра окоченѣлыя руки и ноги, я разбудилъ другую жертву моихъ заснувшихъ товарищей, посмѣялся съ нимъ надъ нашимъ положеніемъ и, натянувъ снова палатку, сдвинули спящихъ и снова также улеглись спать. Остальная часть ночи прошла благополучно и мы только передъ утромъ проснулись отъ страшнаго холода.

Такъ наступило и 26 ноября. Сегодня мы должны были начать постройку блиндированныхъ укрѣпленій, но такъ какъ у насъ не оказалось топоровъ и вообще рабочихъ инструментовъ, то исполненіе предписанныхъ работъ нужно было отложить. Утромъ пришли наши вьюки, мы живо начали разбивать нашу палатку и устраиваться въ ней; въ это время меня кто-то крикнулъ, чтобы я выходилъ, что выглянуло солнце. Побросавъ все, я побѣжалъ на площадку посмотрѣть это давно невиданное нами свѣтило, но въ какомъ грустномъ видѣ оно наконецъ-то рѣшилось навѣстить и порадовать насъ своимъ визитомъ, на него можно было смотрѣть прямо, ничуть не боясь потерять зрѣніе; видъ его былъ такой какъ будто бы мы смотрѣли на него черезъ фіолетовое или дымчатое стекло. Но какъ печально оно ни было, а мы всѣ ему были очень рады и, покуда оно было видно, на площадкѣ устроилось почти гулянье, выползли и солдаты и офицеры. Покрасовалось оно на небѣ недолго, не болѣе получаса, а затѣмъ снова ушло въ облака. Невольно думалось, что должно быть забрались мы очень высоко, если намъ все время приходится стоять въ облакахъ; карты къ несчастью не удовлетворяли нашего любопытства и на нихъ не было показано высоты этого мѣста, а кромѣ картъ никто не могъ дать намъ вѣрныхъ свѣдѣній, и объ высотѣ этого мѣста можно было судить только приблизительно.

Къ ночи холодъ сталъ еще сильнѣе и нужно было много воли, чтобы рѣшиться выглянуть изъ палатки, несмотря на то, что тамъ тоже было далеко не тепло и мы лежали на нашихъ постеляхъ въ платьѣ, укрывшись всѣмъ, чѣмъ только было возможно, и, несмотря на это, все-таки по-

рядочно таки зябли. Единственнымъ спасеньемъ было укутываться на ночь вмѣстѣ съ головою, а днемъ лежать въ шапкѣ.

Около этого времени холодъ для насъ сдѣлался тѣмъ чувствительнѣе, что наше продовольствіе становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Мясо еще получалось, объ хлѣбѣ-же мы позабыли и думать, а теперь къ этому присоединился еще недостатокъ соли, и эти послѣдніе дни ее приходилось расходовать болѣе чѣмъ бережно. Сухари сильно пріѣлись, но приходилось беречь и ихъ, такъ какъ продовольствіе наше на этихъ высотахъ было очень затруднительно. Первое время всѣ продукты приходилось таскать сюда на рукахъ и только пригоняли одинъ скотъ. Впослѣдствіи, когда разработали дороги, явилась возможность таскать ихъ на вьюкахъ, что́ конечно было удобнѣе, но все-таки-же припасы не могли быть доставлены въ томъ количествѣ, какое было бы желательно.

Столъ нашъ въ это время обыкновенно состоялъ изъ одного или двухъ блюдъ, смотря по времени и количеству продуктовъ. Обязательно каждый день готовился супъ или кашица. Это кушанье приготовлялось слѣдующимъ образомъ: въ манерку съ холодною водою клали кусокъ говядины, насыпали крупы, или рису, или фасоли, и затѣмъ давали вскипѣть на огнѣ. Это кушанье готовилось какъ у офицеровъ, такъ и у солдатъ. Этотъ супъ, при нѣкоторой привычкѣ, можно было еще ѣсть, если только его хорошенько посолишь, но съ 27-го числа соль у насъ вышла вся, и этотъ супъ сдѣлался положительно негоднымъ къ употребленію. Если хватало продуктовъ, то на второе блюдо готовился шашлыкъ, это небольшіе куски говядины, нанизанные на вертѣль и поджаренные въ собственномъ жирѣ или сокѣ на угольяхъ или, по недостатку послѣднихъ, прямо на огнѣ. Шашлыкъ изъ говядины не особенно вкусенъ, но во всякомъ случаѣ вкуснѣе супа, но за-то шашлыкъ, приготовленный изъ баранины могъ служить даже лакомствомъ, особенно если изжаренъ на угольяхъ, во время и въ мѣру посоленъ. Незадолго передъ этимъ намъ привезли на гору рису, захваченнаго во Врачеши, и масла, тогда стала появляться каша изъ риса съ масломъ. Но это масло опять таки было таково, что при всей невзыскательности вкуса, которая у насъ выработалась за время похода, въ сыромъ видѣ его никоимъ образомъ нельзя было ѣсть съ сухарями или лепешками и оно было еще сносно въ кушаньяхъ; когда изъ Врачеши доставили немного муки, стали появляться лепешки съ масломъ, или, какъ мы ихъ называли, блины, но послѣдніе были очень рѣдко и они замѣняли намъ дорогое и рѣдкое лакомство, вслѣдствіе чего и казались особенно вкусными. Вообще, это первое время нашей стоянки на Балканахъ продовольствіе наше было очень печальное; 27-го числа бѣдствіе наше приняло солидные размѣры, соль вышла вся, сухари были почти что на исходѣ. Сильный голодъ заставлялъ меня всетаки выпить нѣсколько ложекъ этой пряной микстуры, другими

словами нашего супа, и съѣсть нѣсколько кусковъ говядины, тоже безъ соли. Но къ вечеру, балгодаря Бога, прибыли на пополненіе трехдневнаго запаса и сухари и соль. И мы съ аппетитомъ съѣли даже этотъ же самый супъ, но только посоленный.

Но голодъ такой, какой могъ угрожать намъ, былъ всетаки неособенно важенъ, такъ какъ отъ него въ два дня нельзя было умереть, а это самое большое число дней, которое мы могли сидѣть безъ пищи. Болѣе серьезное вниманіе пришлось обратить на платье и обувь. Исправить это было значительно труднѣе, и разрѣшеніемъ этой задачи занимались одинаково ревностно всѣ отъ командующаго полкомъ до послѣдняго солдата. Холода были страшные, къ сильному морозу присоединялся еще постоянно пронизывающій вѣтеръ и страшныя мятели, навѣвающія въ нѣсколько минутъ такія горы снѣгу, что мѣстами онѣ способны были закрыть человѣка, ко всему этому нужно прибавить, что солдату все время приходилось проводить на этомъ вѣтрѣ, не имѣя малѣйшей возможности обогрѣться въ теплѣ. А одежда у солдатъ была такова, что невольно приходилось думать о возможности потерять всѣхъ людей. Отъ сапогъ остались, какъ мы тогда говорили, одни только воспоминанія—голенища, да и то подчасъ рваные. Брюки, мундиры, фуфайки, башлыки, шинели, шапки, все это износилось до такой степени, что ихъ подчасъ можно было назвать скорѣе лохмотьями, чѣмъ настоящей одеждой. У многихъ шинели и башлыки не разорваны, не прожжены, но за-то у всѣхъ, отъ безпрестаннаго спанья въ нихъ на землѣ, во всякую погоду, вмѣсто сукна осталась одна только ткань. Иногда шинель прожигалась въ такомъ мѣстѣ, что ее нужно было во что-бы то ни стало починить; на это шли всѣ тряпки и обрѣзки, но послѣднее время запросъ на нихъ такъ увеличился, что приходилось обрѣзывать полы шинелей. Съ сапогами скорѣе нашлись, что дѣлать. Снимали кожу съ убитаго скота, мясо котораго шло на продовольствіе ротъ, и отдавали ее солдатамъ, которые или завертывали въ нее ногу, какъ въ анучи, а затѣмъ обматывали веревками, а тѣ, у которыхъ еще были сапоги, тѣ дѣлали себѣ тоже нѣчто въ родѣ калошъ, мѣхомъ внутрь и надѣвали ее на сапогъ. Но вскорѣ убѣдились въ крайнемъ неудобствѣ этого послѣдняго способа. Отъ постоянной теплоты и сырости кожа на сапогѣ начинала прѣть и очень скоро приходила въ полнѣйшую негодность. Но нога, обмотанная первымъ способомъ, хотя тоже прѣла, но не зябла и была довольно удобна для ходьбы по снѣгу. Здѣсь особенно сдѣлался чувствительнымъ одинъ громадный недостатокъ нашихъ сапогъ. Стоило только разъ снять сапогъ, чтобы потомъ плакать горючими слезами, когда станешь его надѣвать. Плакали одинаково и тотъ, кто надѣвалъ сапогъ на ногу и тотъ, кто натягивалъ его другому на ногу. Страданія эти происходили отъ того, что нога безъ сапога нѣсколько распухала, а сапогъ напротивъ

высыхалъ и садился. А колодокъ конечно не было ни у одного человѣка, почему нельзя было разбить сапогъ, а такъ какъ необходимость заставляла надѣть его во что-бы то ни стало, то и приходилось испытывать такія страданія, что только самая крайняя нужда и необходимость заставляли рѣшиться другой разъ снять сапогъ. Обувь была въ одинаково печальномъ видѣ, какъ у офицеровъ, такъ и солдатъ, у многихъ кожанные личные сапоги сносились, и счастливы были тѣ у кого были захвачены на вьюкахъ другіе сапоги, были ли это личные, опойковые, это было одинаково, а не то приходилось прибѣгать къ тому же способу обматыванія ноги сырою кожею, отъ котораго нога сильно потѣла и портилась.

Съ платьемъ вопросъ уладился далеко не такъ легко. Что ни придумывали, а пособить горю было не чѣмъ. Одна надежда оставалась только на Врачеши, гдѣ, какъ говорили, были найдены большіе запасы турецкаго платья. Но такъ какъ изъ складовъ это платье выдавалось только по требованіямъ, подписаннымъ начальниками частей, то командующій полкомъ и послалъ отъ себя требованіе, конечно не на все необходимое платье, такъ какъ для этого каждаго солдата нужно было бы одѣть снова съ ногъ до головы, а только на самыхъ несчастныхъ, и чтобы другимъ дать сукна на починку того, что́ еще можно было починить. Это требованіе и было отправлено въ низъ, съ офицеромъ, идущимъ за парольнымъ приказаніемъ. Покуда еще отвѣта на это не было, а ждемъ мы его, весьма понятно, съ большимъ нетерпѣніемъ.

Недостатокъ одежды былъ тѣмъ чувствительнѣе, что служба этихъ ротъ на Балканахъ была страшно тяжела. Выдвинувшись почти угломъ въ турецкія позиціи, мы, въ силу необходимости, должны были занять и охранять очень большую позицію сравнительно съ очень незначительными силами. Покуда на этой-же горѣ стоялъ Преображенскій баталіонъ часть этой службы приходилась на его долю, но 27-го числа онъ снялся съ позиціи и спустился въ низъ, а вся тяжесть сторожевой службы легла на наши роты. Достаточно будетъ указать на ежедневный нарядъ, чтобы дать понять какова была эта тяжесть и заставить удивляться могучей силѣ и выносливости натуры русскаго солдата. На Преображенской горѣ стояло нашихъ семь ротъ, и отъ нихъ требовался нарядъ въ три съ половиною роты: на аванпосты полурота, въ главный караулъ и одна рота въ наружную часть. Такимъ образомъ ежедневно были на службѣ пять ротъ, а двѣ отдыхали. Вслѣдствіе страшно тяжелыхъ условій, въ которыя былъ поставленъ часовой на Балканахъ, которому приходилось въ это время стоять по поясъ въ снѣгу, часто на открытомъ мѣстѣ, гдѣ его продувало со всѣхъ сторонъ, было заведено, что тѣ роты, которымъ завтра приходилось идти опять на службу, не отдыхая, непремѣнно наряжались-бы или въ главный караулъ или въ наружную часть. Здѣсь имъ позволялось разводить костры, но только

не разбивать палатки, которыя они однако брали съ собою, и каждый надѣвалъ свое полотнище на себя, завязывая два его конца узломъ около шеи. Сзади оно спускалось у него въ видѣ какой-то мантіи, но только какъ будто сильно накрахмаленной, такъ какъ всѣ эти полотнища отъ сильныхъ морозовъ сверху и теплоты снизу промерзли и вслѣдствіе этого почти совсѣмъ не гнулись. Оно конечно не грѣло солдата, но во всякомъ случаѣ предохраняло его нѣсколько отъ вѣтра и этимъ самымъ оказывало ему несомнѣнную пользу, когда онъ стоялъ на открытой мѣстности, гдѣ почти постоянно бушевали суровыя мятели.

Но это еще не все, бѣдствія солдата не ограничивались этимъ. Онъ приходилъ со службы и вмѣсто того, чтобы тотчасъ-же лечь отдохнуть, ему приходилось еще разчистить мѣсто для своей палатки, поставить палатку, нарубить дровъ на день и на ночь. Дрова хотя и были подъ рукою, но достать ихъ тѣмъ не менѣе было далеко не легко. Тесаки частью полуизломались, частью сильно затупились и рубить ими крѣпкіе, столѣтніе буковые лѣса было невозможно. Приходилось взлѣзать на дерево, на громадную высоту, и тамъ, сидя или стоя въ самомъ неудобномъ положеніи, обрубливать вѣтви или вѣтки. Но на бивуакѣ и подлѣ него всѣ эти вѣтви, до которыхъ можно было добраться, были давно уже обрублены и за ними приходилось ходить въ стороны и съ каждымъ днемъ все дальше и дальше. Сухіе сучья давно уже въ первые дни были обобраны, и ихъ невозможно было достать во всемъ лѣсу. Наконецъ нарубятъ и наносятъ дровъ, нужно ихъ еще наколоть для того, чтобы развести огонь, нужно долго еще раздувать и много хлопотать, чтобы онъ разгорѣлся, такъ какъ сырое дерево горитъ плохо, а даетъ только дымъ; а костеръ необходимо развести во что-бы то ни стало, а то ночью замерзнешь въ палаткѣ и негдѣ будетъ отогрѣться, да и такъ днемъ нѣтъ своего костра, къ чужому рѣдко когда пустятъ, но если и пустятъ, то отведутъ такое мѣсто, что долго не выстоишь прямо подъ дымомъ, и отъ котораго потомъ станешь плакать. Кромѣ этого необходимъ костеръ и потому, что нужно сварить себѣ что-нибудь поѣсть. Сухарь-же нужно приберечь на службу, гдѣ отъ скуки, холода и голода навѣрно не хватитъ выдаваемой партіи—не утерпишь, прихватишь и отъ завтрашняго дня. А затѣмъ приходится сидѣть безъ сухарей, а безъ нихъ что за ѣда въ походѣ, сколько ни ѣшь безъ нихъ этой похлебки, наѣшься кажется, а потомъ смотришь очень скоро снова хочется ѣсть. Но уже все съѣдено, купилъ-бы, бросилъ-бы послѣдній кровный франкъ, но ничего не достанешь, даже и за сумасшедшія деньги. И это явленіе повторялось постоянно, несмотря на то, что въ это время партіи и сухарей и мяса были вообще сильно увеличены. Но отъ постояннаго холода потребность ѣды проявлялась такъ сильно, что сколько-бы чего не выдавали солдату, рѣдко когда

хватало того, что ему выдавалось. И онъ почти всегда былъ до нѣкоторой степени голоденъ. Не удается бѣдному солдату тоже спокойно поспать ночью: холодъ его выгоняетъ изъ палатки къ костру, у котораго онъ и проводитъ часть ночи, а утромъ ему приходится идти опять на двухдневную службу.

Облегчить чѣмъ нибудь участь солдата было невозможно. Думали давать имъ спиртъ полагая хоть этимъ поддержать ихъ силы и согрѣвать ихъ. Но спиртъ, часто производилъ совсѣмъ другое дѣйствіе. Хотя онъ и выдавался разбавленный водою, но тѣмъ не менѣе часто, вмѣсто теплоты, онъ вызывалъ опьяненіе, которое подвергало солдата опасности замерзнуть. Сами солдаты предпочитали въ это время пить больше чаю. Недѣйствуя нисколько на голову, онъ согрѣвалъ ихъ и, слѣдовательно, поддерживалъ хорошее расположеніе духа, условіе чрезвычайно важное, такъ какъ отъ него зависитъ легкость, съ которою переносятся труды и опасности. Это дѣйствіе было замѣчено, чай почти не выходилъ у нашихъ солдатъ, но нельзя того-же сказать о сахарѣ, табакѣ и свѣчахъ, въ которыхъ постоянно и сильно нуждались и офицеры и солдаты. Кромѣ того румынскій спиртъ, который поставлялся въ это время войскамъ, далеко не удовлетворялъ условіямъ спиртуозныхъ напитковъ. Онъ производилъ опьяненіе, но не поддерживалъ силы и не согрѣвалъ тѣла и, кромѣ того, былъ очень противенъ на вкусъ.

Итакъ, вотъ условія, въ которыя былъ поставленъ нашъ солдатъ на Балканахъ, гдѣ все время стояли облака, не расходясь, и осѣдающія на все, что только входило сюда, гдѣ бушевали эти страшные, рѣзкіе вѣтры, гдѣ прежде все время ходили мокрыми, а потомъ обледенѣлыми, гдѣ за водой нужно было ходить очень далеко, по горамъ, гдѣ потомъ стали бушевать страшныя мятели и бури, въ нѣсколько минутъ навѣвающія массы снѣгу, гдѣ негдѣ было укрыться отъ непогоды и отъ страшныхъ морозовъ, гдѣ нельзя было подчасъ развести огня, гдѣ часто приходилось сидѣть голоднымъ, гдѣ постоянно чувствовалъ нужду во всемъ: въ табакѣ, сухарѣ, сахарѣ, чаѣ и т. п., гдѣ по долгу не видали солнца, гдѣ время отгадывали потому, что темная ночь смѣнялась сумерками, гдѣ у солдата не было одежды, гдѣ онъ стоялъ не зная конца своихъ бѣдствій, а только со страстнымъ желаніемъ какого нибудь конца этихъ страданій, гдѣ дисциплина, въ силу этихъ ужасныхъ условій, должна была нѣсколько ослабѣть, и гдѣ солдатъ стоялъ только въ силу великаго чувства долга.

28-го Ноября.

Долго не тревожили насъ турки, но сегодня напомнили намъ о себѣ, да къ тому же появились совсѣмъ не отъ туда, гдѣ ихъ ожидали болѣе всего. Нечаянно напали они на нашего часоваго, стоявшаго въ сторонѣ

деревнѣ Чуріака, и прострѣлили ему руку. Покушеніе это не имѣло другихъ послѣдствій, какъ тѣ, что наши часовые стали еще болѣе осторожны и внимательны (разнесся было слухъ, что будто турки аттаковали Врачешъ, но безуспѣшно).

29-го Ноября.

Сегодня настала моя очередь идти въ низъ за парольнымъ приказаніемъ, которая обыкновенно приходилась на третій день. Я отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ нашихъ докторовъ Л. Бока этой чрезвычайно крутой горы обледѣнѣли, и, не будь тутъ деревьевъ, спускаться было бы въ высшей степени трудно. Деревья же здѣсь оказывали ту помощь, что, замѣтивъ дерево, стремглавъ летишь прямо на него, а затѣмъ стараешься удержаться за это дерево и остановишься, затѣмъ выбираешь новое дерево и т. д. Падая и вставая, и снова падая, мы все-таки же очень скоро слетѣли съ этихъ горъ и уже почти достигли долины, какъ встрѣтили двухъ другихъ нашихъ докторовъ, которые поднимались вмѣстѣ со своими лазаретными служителями къ намъ на гору. Они по секрету передали намъ новость, что будто бы Османъ-паша, оставивъ Плевну, навалился на Гренадерскій корпусъ. *Извѣстіе* было чрезвычайно серьезное, а не вѣрить ему было нельзя, такъ какъ они *утверждали*, что вчера была получена объ этомъ телеграмма и что объ этомъ тотчасъ же, изъ штаба, было послано секретное увѣдомленіе всѣмъ начальникамъ частей. Конецъ этого боя неизвѣстенъ. Ну что если Османъ прорвется и станетъ угрожать нашему тылу, и мы принуждены будемъ оставить эти мѣста, гдѣ мы порядочно уже пострадали. Но такъ какъ это извѣстіе было секретное, то о немъ и не говорили громко. Съ тяжелымъ чувствомъ неизвѣстности опустились мы въ низъ, на то мѣсто гдѣ стоялъ прежде нашъ полкъ, и гдѣ въ это время расположился нашъ обозъ и нашъ 2-й баталіонъ, недавно пришедшій изъ Врачеши. Не успѣлъ я отдохнуть, какъ послышался страшный шумъ, и мы стали различать крики «ура». Когда мы выбѣжали изъ палатки, то увидѣли, что солдаты сплошной массой стояли по сторонамъ шоссе, махали шапками и кричали «ура», выражая свою полную радость. Пріѣхалъ генералъ Гурко и, обнявъ встрѣтившаго его графа Шувалова, обратился затѣмъ къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой объявилъ, что Османъ-паша вышелъ вчера изъ Плевны и ударилъ на Гренадерскій корпусъ, но послѣдній, послѣ отчаяннаго боя, отбросилъ его назадъ и заставилъ положить оружіе со всею своею арміею, и сегодня безусловно сдался на волю побѣдителей, что въ этомъ дѣлѣ также много и нашей работы и что, слѣдовательно, честь паденія Плевны относится также и къ намъ. Послѣ этой рѣчи наступилъ фуроръ: всѣ поздравляли другъ друга, всѣ кричали, шумѣли, толпились и первое время невоз-

можно было ничего разобрать. Поздравляли и незнакомыхъ и генераловъ, и всѣхъ, кто только попадался на глаза. Долго не могли успокоиться и придти въ себя отъ радости. Наконецъ то разрѣшилась эта давно желаемая развязка, да разрѣшилась еще какъ. Это, безъ сомнѣнія, начало блестящаго конца, еще немного помучиться, да что теперь и муки эти будутъ не такъ страшны, когда извѣстно скорое ихъ окончаніе. За Балканы, а тамъ миръ, миръ блестящій и съ гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга возвращеніе въ Россію! Теперь мы могли радоваться и строить планы. Тормозившая насъ Плевна пала, Балканы заняты нами, а въ долинѣ мы справимся и не съ такими осколками, какими располагаетъ теперь Турція. Во всюду полетѣли гонцы съ этою радостною новостью, съ наказомъ спѣшить и спѣшить. Все поглотила собою эта новость, и вездѣ только и было разговоровъ, что о паденіи Плевны. Поздно ночью заснули мы, а утромъ я опять отправился въ обратный путь. Описывать этотъ подъемъ я не стану, отъ льда онъ сталъ еще невозможнѣе, и я едва, едва дотащился до Павловской горы, и положительно упалъ отъ усталости въ палаткѣ офицеровъ нашего 4-го баталіона, который третьяго дня поднялся на эту гору. Къ моему удивленію я встрѣтилъ здѣсь князя В., объ серьезной ранѣ котораго я упоминалъ, описывая Горный Дубнякъ. Онъ поправился настолько, что могъ ходить и, несмотря на уговоры товарищей, собраться прежде съ силами и тогда уже присоединиться къ полку, а не надламывать окончательно свое здоровье и безъ того сильно попорченное его раной, этими тяжелыми условіями, въ которыхъ мы стояли здѣсь, но онъ рѣшительно никого не слушалъ и даже принялъ роту. Здѣсь я тоже узналъ о смерти Кучинскаго, раненнаго при Горномъ Дубнякѣ и умершаго на рукахъ у князя, который, послѣ того какъ полкъ ушелъ изъ Дольняго Дубняка, возвратился въ Боготъ и ухаживалъ за бѣднымъ Кучинскимъ до самой его смерти.

30-го Ноября.

Туманъ сегодня нѣсколько разсѣялся и нашу позицію навѣстили генералъ Гурко, графъ Шуваловъ, полковникъ Гриппенбергъ, полковникъ Скалонъ со своею свитою. Затѣмъ пришла рота солдатъ, и совмѣстно съ нашими солдатами принялась за постройку укрѣпленій; кромѣ того пробовали и стрѣлять изъ нашихъ двухъ орудій, желая помѣшать туркамъ строить редутъ прямо противъ нашей позиціи, но разстояніе было очень велико и гранаты не хватали; но за-то стрѣльба по другимъ тремъ редутамъ была чрезвычайно эфектна; сначала выстрѣлили шрапнелью, но она не хватила, тогда попробовали пустить гранату. Граната попала какъ разъ въ редутъ, объ этомъ можно было судить и потому, что тотчасъ же изъ этого редута выбѣжала большая черная масса, которая и напра-

вилась въ средній. Подождавъ немного, пустили вторую гранату уже въ средній редутъ, и та-же самая масса направилась въ тотъ, изъ котораго она выбѣжала. Сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ, но перебѣгали уже только отдѣльные люди, а спускающіяся облака остановили дальнѣйшую стрѣльбу.

1-го 2-го 3 и 4 особеннаго ничего не случилось. Все было по прежнему и морозы и вьюга и снѣга, улучшилось за это время только наше продовольствіе и то только у офицеровъ, благодаря тому, что деньщики посланные на фуражировку изъ сосѣдней деревни прислали телятъ, свиней, поросятъ, сѣна, овса, фасоли, ячменной муки, и все это раздѣлили между собою по-братски. 4-го числа на нашу гору поднялся нашъ начальникъ штаба, полковникъ Б., вмѣстѣ съ прусскимъ агентомъ при гвардейскомъ корпусѣ маіоромъ Лигинцемъ. Они долго и отдыхали и осматривали нашу позицію. Офицеры имъ были конечно рады, тѣмъ болѣе, что мы уже давно никого не видали чужихъ, а маіоръ намъ много чего могъ разсказать, что́ онъ конечно и сдѣлалъ любезно отвѣчая на наши вопросы. По слухамъ и такъ изрѣдка встрѣчаясь съ нимъ, мы давно уже его знали, такъ какъ онъ почти весь этотъ походъ былъ при штабѣ гр. Шувалова, и мы въ немъ увидали и человѣка съ желѣзною волею и поистинѣ образованнаго офицера. Впослѣдствіи мы убѣдились въ этомъ примѣрами, въ которыхъ онъ высказалъ и находчивость и умѣнье подать хорошій совѣтъ. Кромѣ того, сегодня было учреждено новое дежурство, которое мы впослѣдствіи въ шутку прозвали дежурствомъ по туману, и оно возлагалось на адъютантовъ, которыхъ здѣсь было три, и видимыми знаками службы были три бинокля, которые передавались старымъ дежурнымъ новому. Дежурить по два часа на батареи и наблюдать за турками и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить командующему полками. Уйти, конечно, было нельзя, а въ то-же время ничего не было видно за постояннымъ туманомъ или облаками, которые расходились очень рѣдко. 8-го числа офицеры получили нѣкоторыя теплыя вещи, какъ то: фуфайки, носки, колпаки и т. п., высланы они были полковникомъ З., командиромъ нашего запаснаго баталіона, и пришли какъ нельзя болѣе кстати, и всѣ были конечно въ высшей степени благодарны полковнику за подобное вниманіе къ судьбѣ своихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что носились слухи, что эти вещи заготовлены на его собственныя средства. Не менѣе пріятно было и то, что были же люди, которые не забывали насъ и думали объ насъ въ наше отсутствіе. Во всякомъ случаѣ эти вещи были болѣе чѣмъ кстати и оказали громадную услугу тѣмъ кому онѣ достались.

6-го числа наконецъ нашли возможнымъ нѣсколько уменьшить нашъ ежедневный расходъ людей, сокративши сторожевую цѣпь.

Кромѣ того, прошелъ слухъ, что сегодня ночью на Чуріакъ напали 150 черкесовъ и что уланы, стоявшіе въ этомъ мѣстѣ, выдержали съ ними жестокую схватку. Съ 7-го по 12-е морозы такъ страшно усилились, что можно было опасаться, что мы всѣ замерзнемъ. Холодъ былъ просто невыносимъ. Думали, что насъ смѣнятъ другими войсками, но узнали, что Семеновцы и Преображенцы, которые одни только могли замѣнить насъ, ушли въ Орханіе на квартиры, а мы слѣдовательно должны были остаться на своемъ мѣстѣ. Опять разочарованіе, и въ высшей степени грустное, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время эти ужасные морозы совсѣмъ насъ извели и отъ нихъ не куда было и спрятаться. 10-го числа наконецъ дождались мы тюковъ съ турецкимъ платьемъ изъ Врачеши, но прислано его такъ мало, что едва хватило на заплаты. Хорошо еще, что наша сторожевая цѣпь была снова и значительно сокращена, а то много бы людей выбыло сразу изъ строя. Нашъ 4-й баталіонъ былъ счастливѣе: 7-го декабря его потребовали внизъ, и говорили, что онъ пойдетъ къ Чуріаку, для разработки тамъ дороги.

Сильно порадовалъ насъ 12-го числа приказъ по отряду генерала Гурко о скоромъ наступленіи. Слава Богу, только бы въ долину спуститься съ этихъ когда-то желанныхъ, а теперь уже сильно постылыхъ Балканъ. Тамъ несомнѣнно теплѣе, а слѣдовательно меньше и страданій. Дѣйствительно 13-го числа получена была диспозиція и вслѣдъ затѣмъ на Преображенскую гору поднялись наши 15 и 16 роты, а на Павловскую гору 2-ой баталіонъ и 13 и 14 роты. Всѣ невольно ожили, и кровь стала течь скорѣе. Одна мысль, что мы наканунѣ перехода Балканъ какъ то возбуждала и заставляла позабывать тѣ страданія, которыя мы здѣсь вынесли. Все стало готовиться. Людямъ выдали крупу, сухари, мясо по 21 число, мы потребовали сюда нашихъ лошадей. Мою верховую лошадь подстрѣлили во 2-й день нашей стоянки на Балканахъ и теперь я былъ принужденъ ѣздить на своей вьючной лошади, а вьюкъ переложить на казенную лошадь, а вслѣдствіе этого рисковалъ подчасъ остаться безъ вещей. Но это огорченіе было ничтожно въ сравненіи съ радостью, что мы наконецъ разстаемся съ Балканами. Съ утра уже 14-го числа графъ Шуваловъ пріѣхалъ на нашу позицію и мы каждую минуту ожидали, что вотъ, вотъ начнется стрѣльба, но ее не было слышно. Поднялись два Московскіе баталіона, прошли и стали впереди насъ версты на три Вскорѣ показались наши 13-я и 14-я роты, которыя притащили съ Павловской горы на нашу два орудія. Послѣдовалъ было приказъ о томъ, чтобы подвинуться впередъ, но его отмѣнили и привели въ исполненіе утромъ 15-го декабря. Началось это движеніе тѣмъ, что двѣ роты потащили два орудія съ нашей горы къ Московцамъ. Затѣмъ двинулся 4-й баталіонъ, съ Павловской горы притащили еще четыре орудія. Затѣмъ весь полкъ собрался недоходя съ

полверсты до Московцевъ, гдѣ и стали бивуакомъ. На старыхъ позиціяхъ, на Павловской и Преображенской горахъ, на каждой остались по двѣ роты для содержанія на нихъ карауловъ. День былъ сегодня ясный и съ Преображенской горы было прекрасно видно все, что дѣлалось у турокъ, къ тому же я былъ дежурнымъ въ это время «по туману» и отлично различалъ почти постоянное движеніе турокъ отъ нашего праваго фланга къ лѣвому, по направленію къ Шандарнику и Поднебеснымъ укрѣпленіямъ, влѣво отъ которыхъ долженъ былъ появиться генералъ Дандевиль. За этимъ-то появленіемъ мнѣ и было поручено слѣдить особенно внимательно, но какъ я его ни ждалъ, но только все время моего дежурства отрядъ генерала Дандевиля не показывался, было очевидно; что турки замѣтили это движеніе и старались ему противудѣйствовать, сосредоточивая тамъ большія силы. По приходѣ на бивуакъ размѣстились мы такимъ образомъ. Батарея подвезенная нами была поставлена на позицію, нѣсколько лѣвѣе ея расположились Московцы, а тотчасъ за ними нашъ 4-й баталіонъ. Въ полутора верстахъ отъ нихъ стали бивуакомъ остальные наши баталіоны. Съ батареи полковника Марина было произведено до двадцати выстрѣловъ по редутамъ, но гранаты почему-то рвались очень плохо. Турки не отвѣчали. На другой день (16-го декабря) стрѣльба продолжалась, но турки стали отвѣчать только тогда, когда замѣтили большую группу всадниковъ подъѣхавшую къ батареѣ. Группа эта состояла изъ графа Шувалова, командировъ нашихъ полковъ и ихъ свиты. Стрѣльба эта прямо показала, что туркамъ прекрасно извѣстна дистанція, такъ какъ всѣ ихъ выстрѣлы ложились какъ слѣдуетъ и еслибы подъ конецъ эта группа не отъѣхала въ сторону, то турки, вѣроятно, надѣлали бы намъ порядочной суматохи. Этимъ и ограничились наши дѣйствія въ этотъ день. 17-го, несмотря на чрезвычайно сильный и густой снѣгъ, нашъ полкъ построилъ тамъ двѣ батареи, каждую на три орудія, а вечеромъ пришли съ Павловской горы остававшіяся тамъ двѣ роты и притащили еще два орудія. 18-го 1-й нашъ баталіонъ ушелъ впередъ и занялъ аванпосты впереди Московцевъ. А наши начальники сдѣлали рекогносцировку мѣстности, по которой мы должны будемъ наступать завтра, такъ какъ 19-го, какъ носились слухи, было назначено общее наступленіе всего отряда.

19-го Декабря.

Ночью на 19-е число въ полкъ пришло приказаніе выступить около шести часовъ. Не зная объ этой перемѣнѣ, мы разсчитывали, что успѣемъ утромъ заготовить себѣ чего-нибудь холоднаго на этотъ день, когда навѣрно мы разсчитывали, что врядъ-ли будемъ имѣть время заниматься ѣдою. Но мы еще спали, когда явились наши двѣ роты съ

Преображенской горы, тотчасъ-же было приказано будить всѣхъ людей на бивуакѣ, живо строиться и немедленно же идти къ мѣсту, гдѣ стоялъ Московскій полкъ. Съ соблюденіемъ полной тишины стали мы собираться и еще за-долго до свѣта пришли на указанное намъ мѣсто. Движеніе наше отсюда должно было продолжаться прямо по горамъ, безъ дороги, спускъ былъ крутой, но не представлялъ большихъ неудобствъ и еслибы только не лошади, то мы вѣроятно очень скоро бы спустились въ долину. Порядочно измученные добрались мы до долины, прошли ее и хотѣли уже начать подъемъ на возвышавшуюся передъ нами Лысую гору, какъ пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Эн. и передалъ намъ приказаніе остановиться здѣсь въ лощинѣ, въ резервѣ, и одну роту послать на гору, незанятую нами и возвышающуюся лѣвѣе насъ, на случай еслибы турки вздумали наступать. Еще лѣвѣе приказано было выставить наблюдательные посты. Бой уже давно начался, мы конечно ничего не видѣли, но заключили это по звукамъ артиллерійской стрѣльбы, доносимой до насъ вѣтромъ, и перелетавшимъ почти черезъ наши головы гранатамъ. Едва мы разложили костры и хотѣли заняться чаемъ, какъ сначала потребовали на гору четвертый баталіонъ, а потомъ и третій. Меня послали къ ротѣ увѣдомить ее о перемѣнѣ нами нашего мѣста. По страшной кручѣ, объѣзжая безпрестанно выступы и рытвины, до половины занесенные снѣгомъ, рискуя тысячу разъ свалиться вмѣстѣ съ лошадью въ какую-нибудь пропасть, я наконецъ добрался до вершины горы и по протоптанному слѣду отыскалъ роту. Оба офицера этой роты находились еще подъ вліяніемъ роскошной картины, которая разстилалась подъ ихъ ногами, въ эту минуту она была скрыта туманомъ, но снизу доносились еще глухіе крики «ура» или «алла» и раскаты постоянной стрѣльбы, имъ пришлось наблюдать за это время ходъ боя и любоваться его дикою прелестью. Когда я возвратился на Лысую гору, на батарею, то нашелъ, что наши два баталіона и Московскій полкъ уже располагались бивуакомъ. Очевидно, что по крайней мѣрѣ на сегодня бой уже кончился и въ нашу пользу. Едва только успѣлъ я съѣсть нѣсколько ложекъ нашей похлебки, которую приготовили за время боя, а теперь разогрѣли, какъ мнѣ пришлось снова ѣхать назадъ, на Московскую гору, съ приказаніемъ привести сюда нашъ первый баталіонъ, который все это время оставался въ прикрытіи батареи, стоявшей на этой горѣ и въ цѣпи на томъ мѣстѣ, которое онъ занялъ вчера. Дорогой я встрѣтилъ нашъ второй баталіонъ, а затѣмъ, не доѣзжая до батареи, встрѣтилъ и нашъ первый баталіонъ, которому передалъ приказаніе остаться у перевязочнаго пункта, открытаго на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли наши два баталіона—3-й и 4-й. Возвратившись обратно на Лысую гору, я былъ очень непріятно удивленъ, видя два наши баталіона, 3-й и 2-й, снова въ ружьѣ. Спрашиваю, что это значитъ, гово-

рятъ, что идутъ занимать село Даушкіой. Какъ непріятно было двигаться и оставлять только что разбитыя палатки, но перспектива провести ночь въ деревнѣ, гдѣ вѣроятно можно будетъ достать и птицъ и муки и т. п. гастрономическихъ для насъ въ это время припасовъ, была очень заманчива, и у солдатъ и у офицеровъ были очень довольныя лица. Меня потребовалъ къ себѣ командующій нашимъ полкомъ, который, вмѣстѣ съ начальникомъ нашего штаба, вели наши два баталіона. Нужно было отыскать дорогу. Получивъ отъ нихъ кой-какія свѣдѣнія о томъ, гдѣ примѣрно должна находиться эта деревня и порыскавши около бивуака, я наконецъ нашелъ настоящую дорогу, и мы двинулись. Дорога вначалѣ шла по ровной мѣстности, но затѣмъ стала спускаться и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась круче и круче. Люди бѣжали подъ гору, тихо-же спускаться по этимъ обледѣнѣлымъ склонамъ было невозможно. Вскорѣ стали появляться и встрѣчные, преимущественно казаки, которые или гнали скотъ, или везли сѣно, или же куръ, гусей, утокъ. Изъ разспросовъ оказалось, что всѣ эти припасы нафуражированы ими въ той деревнѣ, въ которую мы направлялись, вскорѣ показались и плѣнные турки, захваченные тамъ-же. Но до деревни, по словамъ этихъ фуражировъ, было еще очень далеко, и все время нужно было спускаться и что этотъ спускъ становится все круче и круче. Дѣйствительно мы скоро стали различать огоньки, а затѣмъ и самую деревню, лежащую въ глубокой долинѣ, но ея очерки были такъ тусклы, неясны, что уже на глазъ можно было сказать, что до нее вовсе не близко. Кромѣ того становилось поздно и мы отошли довольно далеко отъ нашего бывшаго бивуака. Тогда было рѣшено, къ нашему полному ужасу, что мы здѣсь станемъ на бивуакъ. Ужасъ этотъ будетъ понятенъ, если я скажу, что здѣсь не было дровъ на всемъ пространствѣ, которое можетъ обнять глазъ, а мѣстами только росъ мелкій хворостнякъ, воды нигдѣ не было видно, а до долины еще очень далеко и къ довершенію всего—этотъ страшный спускъ, на которомъ стоять можно было только съ трудомъ, а если лечь, то непремѣнно скатишься внизъ. Лечь же по направленію ската было невозможно. Понять это можетъ только тотъ, кому приходилось очень много ходить, причемъ кровь сильно приливала къ его ногамъ и ему во что-бы то ни стало было необходимо продержать ихъ нѣсколько часовъ въ горизонтальномъ положеніи, чтобы дать имъ такимъ образомъ нѣкоторый отдыхъ и чтобы онѣ были способны вынести движеніе завтрашняго дня.

20-го Декабря.

Утромъ въ седьмомъ часу къ намъ подошли наши два баталіона, которые оставались на Лысой горѣ, и мы всѣ въ перемежку, кто какъ, кто

сидя, кто упираясь на палки и ружья, или держась другъ за друга, спустились наконецъ съ громадными затрудненіями въ долину и стали здѣсь собираться и строиться. Вскорѣ объяснилась цѣль нашего сегодняшняго движенія. Нашъ полкъ долженъ былъ открыть наступленіе по долинѣ, на которой мы теперь стоимъ, на караулку на шоссе, т. е. совсѣмъ уже въ тылъ турецкимъ позиціямъ, за нами слѣдомъ долженъ былъ идти Московскій полкъ. Съ радостью встрѣтили мы это извѣстіе, и быстро направились на караулку. Покуда полкъ шелъ, я вернулся на нашу старую позицію и передалъ приказаніе снять посты, которые были разставлены нами въ эту ночь, и вмѣстѣ съ ними догналъ полкъ, когда онъ подходилъ къ караулкѣ. Но къ нашему удивленію насъ нигдѣ не встрѣчали огнемъ. Вскорѣ получено было извѣстіе, что турки за ночь оставили свои позиціи и быстро отступили на Златицу, или на Петричева. Почти не останавливаясь здѣсь, насъ повернули налѣво, на горы. Крутизна увеличивалась съ каждымъ шагомъ, на лошади ѣхать уже было невозможно, я принужденъ былъ сойти и поручить ее конюху, а самъ принялся карабкаться вмѣстѣ съ другими, хватаясь за все, за что только было можно ухватиться: за громадныя каменныя глыбы, за деревья, за руки и ружья солдатъ, съ громадными усиліями добрались мы наконецъ до перевала, по которому и пошли; здѣсь насъ встрѣтилъ графъ Шуваловъ, поздравившій насъ съ переходомъ черезъ Балканы, и порадовалъ насъ, что мы пойдемъ въ деревню и отдохнемъ за эти дни мукъ. Съ горъ открывался роскошный видъ на долину, по которой двигались войска, растянувшіяся змѣею по бѣлому фону долины; солдаты долго колебались были-ли это наши, или отступающіе турки, и, наконецъ рѣшили, что это наши. Разстояніе дѣйствительно было большое, и если-бы не артиллерія, то глазомъ конечно нельзя было-бы отличить кто такія эти войска, но артиллерія блестѣла на солнцѣ.

Долго мы шли по этому перевалу, все вверхъ и вверхъ, и наконецъ стали спускаться. Измучены мы были ужасно, до такой степени, что насъ уже нисколько не занималъ вопросъ объ оконченномъ столь трудномъ дѣлѣ, у всѣхъ была только одна мысль, скоро-ли мы придемъ. Особенно тяжело было намъ, такъ какъ я уже упоминалъ о безобразно тяжеломъ бивуакѣ, на которомъ мы провели эту ночь. Ноги ныли страшно, каждый шагъ стоилъ громадныхъ усилій, а тутъ еще приходится спускаться снова по безконечному спуску, обледѣнѣлому, крутому, изрытому рытвинами и пропастями. Спускаться тихо—невозможно, а бѣжать—тяжело неимовѣрно. Страшно утомленные, едва добрались мы наконецъ до Горныхъ-Комарцъ, деревни, лежащей въ долинѣ, у подножія этихъ горъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе, прошли мы ее и стали бивуакомъ, фронтомъ къ Златицѣ и Петричеву. Деревня была разорена, брошена жителями и носила на себѣ всѣ слѣды поспѣшнаго бѣгства турокъ. Павшія лошади, разломанныя телеги и ящики, палатки, ружья, ящики съ патронами, все это

валялось по всѣмъ улицамъ. Въ своемъ поспѣшномъ отступленіи турки не успѣли захватить съ собою всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ, которыхъ и оставили на наше попеченіе. Проходя мимо одного дома, мы услыхали такой тяжелый стонъ, что я и еще одинъ офицеръ не ради одного только любопытства вошли въ этотъ домъ. Трудно пересказать ту сцену, которая открылась тогда передъ нашими глазами. Въ комнатѣ, съ выбитыми окнами и дверями у потухающаго костра, лежали человѣкъ десять турокъ, нѣкоторые были въ курткахъ, но на нѣкоторыхъ были только одна рубашка и штаны; тутъ были и больные и раненые, кто лежалъ уже совсѣмъ безъ движенія, другіе при нашемъ входѣ подняли еще большій стонъ и плачъ и, сложивъ на груди руки, о чемъ-то насъ молили. Была-ли это мольба за эти жалкіе остатки жизни, которыми они еще хотѣли пользоваться и они просили насъ о помощи, или-же они просили насъ о болѣе быстрой смерти, нанести которую себѣ они не могли рѣшиться, да ихъ руки уже пожалуй утратили необходимую для этого силу. Чтобы то ни было, но только жесты ихъ были ужасны и напоминали намъ можетъ быть не столь ужасныя, но во всякомъ случаѣ тяжелыя страданія на Балканахъ. Не войти въ ихъ положеніе было невозможно, но и помочь имъ въ данную минуту было невозможно, и мы только постарались облегчить имъ ихъ страданія на время. Позвали солдатъ, приказали наносить сухихъ дровъ и развести большой костеръ, забить соломою выбитыя окна, поставить дверь и сдвинуть ихъ больше къ огню. Потомъ ихъ забрали отсюда, когда мы доложили объ этомъ командующему нашимъ полкомъ, по распоряженію котораго сюда отправился докторъ, оказавшій имъ необходимыя пособія. Не знаю многихъ-ли онъ нашелъ живыми, но только тѣ страданія, которыя мы видѣли, были ужасны. Стоитъ только представить себѣ, что хотя здѣсь, въ долинѣ, морозъ былъ и меньше, чѣмъ на горахъ, но все-таки же былъ морозъ, который порядочно-таки щипалъ за носъ и уши, а мы все-таки же двигались и движенія насъ согрѣвали, что-же должны были испытывать эти несчастные, принужденные лежать почти голыми безъ движенія.

Кругомъ по домамъ рыскали казаки, очень усердно разсматривая каждый уголокъ, и какимъ-то чудомъ находившіе часто тамъ цѣлыя сокровища, гдѣ обыкновенный пѣхотный солдатъ никогда ничего не найдетъ. Но не думаю, чтобы они могли попользоваться чѣмъ-нибудь особеннымъ въ этой деревнѣ, хотя на многихъ лошадяхъ былъ уже положенъ вьюкъ, въ видѣ узловъ и т. п. Турки давно уже выгнали изъ этой деревни всѣхъ жителей и навѣрно сами воспользовались тѣмъ, что́ было оставлено этими послѣдними. Сами же они, хотя и отступили поспѣшно изъ этой деревни, но врядъ-ли позабыли что-либо особенно цѣнное. Мы заходили во многіе дома, и всѣ они носили одинъ и тотъже характеръ—все было разбросано. Въ одномъ домѣ валялись ружья,

въ другомъ сумки, въ третьемъ лазаретныя принадлежности, передъ домами валялись палатки, къ нѣкоторымъ домамъ подойти было чрезвычайно трудно, такъ какъ отъ нихъ несло страшнымъ смрадомъ.

Мы шли послѣдними и когда подошли къ бивуаку, то уже встрѣтили цѣлыя команды, которыя были наряжены въ деревню за продуктами и за дровами. Вскорѣ онѣ нанесли намъ большія корзины луку и чесноку, цѣлые мѣшки съ фасолью, рисомъ, мукою, достали нѣсколько масла; но хотя все это принесено было въ большомъ количествѣ, но, тѣмъ не менѣе, этихъ продуктовъ не хватило на весь полкъ и каждому они достались въ количествѣ очень ограниченномъ. Воспользовались мы также разбросанными по деревни палатками, офицеры замѣнили ими свои разорванныя, никуда негодныя палатки, въ которыхъ мы стояли на Балканахъ, солдаты же рвали турецкія палатки себѣ на портянки и на заплаты на бѣлье. Для этого онѣ были очень удобны, такъ какъ турецкія палатки конусообразны и несравненно больше нашихъ офицерскихъ палатокъ и къ тому же двойныя. Но онѣ также были болѣе удобны для жизни, чѣмъ наши, въ нихъ можно было стоять выпрямившись, что́ несмнѣнно очень важно, если вспомнить, что часто въ палаткахъ проводили мы все наше время, часто цѣлые дни, что одѣваться въ нашихъ палаткахъ было чрезвычайно неудобно и для этого иногда приходилось выходить вонъ изъ палатки, наши палатки были одиночныя, и когда во время дождя полотно намокало, то въ палаткѣ шелъ очень мелкій дождь, распространяющій тамъ страшную сырость, въ турецкой палаткѣ этого не было, она была высока настолько, что тамъ можно было стоять нисколько не сгибаясь, въ ней было больше мѣста, да къ тому-же она была двойная и внутренняя сторона рѣдко когда намокала, кромѣ того въ ней было несомнѣнно теплѣе. Но при всѣхъ этихъ удобствахъ, она обладала такимъ серьезнымъ недостаткомъ, который дѣлалъ невозможнымъ введеніе ее въ нашей арміи. Она была страшно тяжела, особенно послѣ дождя, когда она дѣлалась почти невозможною для перевозки за войсками. Офицеры, запасшіеся здѣсь этими палатками, въ большинствѣ случаевъ бросили ихъ впослѣдствіи и перебрались въ свои старыя, русскія палатки, которыя хотя и имѣли большіе недостатки, но за-то ихъ тяжесть никогда не была причиной того, что онѣ не приходили къ намъ во время.

Во всякомъ случаѣ мы были очень рады этимъ палаткамъ, такъ какъ всѣ наши вьюки не приходили и мы были безъ вещей, и если были не голодны, такъ только благодаря захваченнымъ продуктамъ. Впослѣдствіи оказалось, что наши вьюки не пришли потому, что по распоряженію графа Шувалова всѣ вьючныя лошади посланы были за сухарями.

Болѣе значительные запасы продуктовъ были найдены въ д. Арабъ-Конакѣ, въ которой мы захватили запасы галетъ, соли, рису, и т. п. Кромѣ того, тамъ находился довольно большой госпиталь съ ранеными и

больными. Побывавшіе на оставленныхъ турецкихъ редутахъ разсказывали, какъ прекрасно они были устроены и приспособлены для обороны и жилья, но что, несмотря на несомнѣнно лучшія условія, въ которыхъ стоялъ на Балканахъ нашъ непріятель, впродолженіе этой стоянки у нихъ вѣроятно было очень большое число больныхъ, раненныхъ и убитыхъ, какъ это можно было заключить по трупамъ, которые лежали непогребенными около этихъ редутовъ, а въ нѣкоторыхъ кромѣ того оставались еще и больные.

Сильно интересовались мы нашими дальнѣйшими движеніями. Увѣренные въ генералѣ Гурко, мы нисколько не сомнѣвались въ томъ, что мы очень скоро побываемъ въ Софіи, и весь вопросъ заключался только въ томъ, кто будетъ ее брать. Вѣроятно споры долго бы продолжались, если бы только не сдѣлалось извѣстно, что уже нѣкоторые наши полки двинулись сегодня же на Софію и что мы вѣроятно пойдемъ туда завтра.

Но 21-е декабря пришло и прошло, а мы все стоимъ на мѣстѣ. Безъ вещей было такъ холодно, что въ палаткахъ нельзя было оставаться и мы продремали всю ночь у костровъ, но за-то выспались утромъ, когда пришли наши вьюки. Я спалъ такъ крѣпко, что меня не могли разбудить заходившіе за мною офицеры, чтобы идти вмѣстѣ въ оставленный большой турецкой лагерь, такъ въ верстахъ въ *двухъ* отъ нашего бивуака. Какъ и изъ деревни, турки бѣжали изъ него такъ скоро, что не увезли всѣхъ своихъ ящиковъ съ патронами, гранатами и артиллерійскими трубками и не сожгли своего лагеря. Къ вечеру стали ходить новые слухи, будто бы мы не пойдемъ на Софію, съ которою справятся и тѣ войска, которыя туда направлены, но что мы идемъ на Ихтиманъ. Мы скоро помирились съ этою мислію, хотя она разбивала многіе наши планы и желанія. Вообще строить ихъ въ походѣ было очень трудно и мы съ этимъ смирились въ силу необходимости и только рѣдко позволяли себѣ заглядывать въ будущее. Ночью меня неожиданно потребовалъ къ себѣ командующій полкомъ и приказалъ утромъ пораньше отправиться по шоссе, въ Софію, отыскать деревню Горную-Малину, осмотрѣть тамъ дома и размѣстить по нимъ полкъ, затѣмъ возвратиться поскорѣе назадъ, чтобы я могъ проводить туда полкъ, такъ какъ достать проводника здѣсь было невозможно.

22-го Декабря.

Было еще темно, когда я съ однимъ солдатомъ оставилъ свой бивуакъ, по шоссе ѣхать было чрезвычайно трудно, такъ какъ оно страшно обледѣнѣло, шипы же на подковахъ нашихъ лошадей уже сильно обились, и лошади поминутно скользили. Не доѣзжая Ташкисена, шоссе поднималось на одну очень большую и крутую гору, идущую отъ Балканъ.

Спуски и подъемы здѣсь были таковы, что мы, несмотря на то, что были вдвоемъ, слѣдовательно имѣли возможность выбирать на шоссе лучшія мѣста, мы все-таки же принуждены были сойти съ лошадей и вести ихъ въ поводъ, чтобы какъ нибудь не слетѣть въ страшные овраги, идущіе по сторонамъ, но, несмотря на это, я, мой солдатъ и наши лошади безпрестанно падали и поддерживали другъ друга. Дорога получала еще болѣе печальный видъ оттого, что по всему шоссе лежали трупы турецкихъ солдатъ, у нѣкоторыхъ были видны раны, но всѣ они позамерзли; измученные этою страшно обледѣнѣлою дорогою, чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ чаще между этими трупами стали попадаться трупы лошадей и всадниковъ, нѣкоторые были въ живописныхъ костюмахъ черкесовъ, другіе баши-бузуковъ. Теперь исчезло всякое сомнѣніе въ томъ, что это была наша работа, а это все убитые при отступленіи турецкой арміи. Шоссе шло по долинѣ, по обѣимъ сторонамъ шли горы. Дорога въ сторону нигдѣ не сворачивала, потому я рѣшился ѣхать прямо, цѣликомъ по компасу, какъ на зло деревня лежала въ лощинѣ и мы ее замѣтили только тогда, когда уже почти подъѣхали къ ней. Она была болгарская и не была оставлена жителями, которые разсматривали насъ съ удивленіемъ, но впрочемъ были довольно любезны. Наскоро сдѣлавъ свое дѣло, я поторопился ѣхать на встрѣчу полка, который иначе могъ сильно проблуждать. Встрѣтили мы его уже у деревни Ташкисенъ, и я его провелъ въ эту деревню. Здѣсь, дорогою, я услыхалъ о смерти генерала Каталея, убитаго изъ-за угла, когда онъ ѣхалъ впереди своего отряда, преслѣдующаго турокъ.

Устроиться въ деревнѣ по квартирамъ было далеко не легко, такъ какъ она была очень небольшая, людямъ приходилось располагаться въ сараяхъ, конюшняхъ, дворахъ. Но не лучшія помѣщенія достались и офицерамъ, такъ, напримѣръ, офицеры нашего баталіона расположились всѣ вмѣстѣ въ такой маленькой комнаткѣ, что едва могли поставить свои небольшія узенькія кровати, которыя для этого пришлось сдвинуть одна къ другой, и затѣмъ въ комнатѣ уже не оставалось больше мѣста. Въ комнатѣ было только одно небольшое окно, и оно было заклеено лубочною картиною съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. Отъ этого у насъ постоянно была такая тьма, что безъ огня нельзя было обойтись никакимъ образомъ, зажгли бы свѣчи, но послѣднія давно уже вышли, а офицеръ, посланный въ Софію для необходимыхъ закупокъ для всего полка, уѣхалъ только сегодня утромъ и вернется только послѣзавтра. И въ другихъ баталіонахъ офицеры размѣстились не лучше нашего; въ одномъ, комната была очень большая, но за-то въ ней было очень много оконъ, совсѣмъ безъ стеколъ, и двери были выбиты. Но какъ ни тѣсно, грязно, темно было теперь въ нашихъ помѣщеніяхъ, но все-таки наше теперешнее состояніе было не въ примѣръ лучше прежняго, поэтому распо-

ложеніе духа у всѣхъ было прекрасное и эти нѣсколько дней протекли для насъ очень скоро, къ тому же здѣсь мы встрѣтили наше Рождество и хотя не могли устроить елокъ, но изъ Софіи привезли къ этому времени бѣлаго хлѣба, вина, ликеровъ, чаю, сахару, свѣчей, здѣсь въ деревнѣ достали муки, масла, макаронъ, птицъ и свиней, и такимъ образомъ здѣсь сильно благодушествовали. Но я все-таки же успѣлъ побывать въ Софіи и хотя, собственно говоря, ничего не видалъ, но за-то ѣлъ два раза по-европейски, за столомъ, съ чистою скатертью.

28-го числа мы оставили Горную-Малину, въ которой такимъ образомъ успѣли нѣсколько отдохнуть, и сдѣлали не очень большой переходъ къ Біелопоичу, большую турецкую деревню, оставленную жителями. Дорога была не очень дальная, но за-то по горамъ, да къ тому же всѣ эти дни была оттепель и снѣгъ, лежащій по полямъ, сильно таялъ и образовалъ цѣлые ручьи и большую грязь по дорогѣ и по полямъ. Сдѣлали мы этотъ переходъ все-таки же очень скоро, главнымъ образомъ благодаря тому, что въ Горной-Малинѣ каждый старался всѣми силами какъ нибудь исправить свою обувь.

29-го Декабря.

Съ утра до поздняго вечера шли мы отъ Біелопоичи до Викарели. Походъ этотъ былъ такъ тяжелъ и ночь, которая слѣдовала за этими переходами, была такъ ужасна, что и описать трудно.

Изъ Біелопоичи мы вышли рано утромъ и по скверной проселочной дорогѣ должны были пройти верстъ семнадцать до шоссе. Погода была теплая, прекрасная и мы быстро и весело шагали по грязи, снѣгу, лужамъ, переходили ручьи, начинающіе разливаться, спускались съ горъ въ долины, затѣмъ снова поднимались на горы, и хотя, правда, уставали, но прекрасная погода, теплый, уже весенній воздухъ, солнце, весело играющее на тающемъ снѣгѣ, — все это сильно отражалось на нашемъ расположеніи духа, и мы шагали, не замѣчая времени. Но не доходя версты три до шоссе, погода вдругъ измѣнилась: стало темнѣе, поднялся рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ. Погода становилась все суровѣе и суровѣе, мы прибавили еще шагу, чтобы согрѣться и къ тому времени когда мы вышли на шоссе и стали на небольшой привалъ у Lekanda della Ferario, хорошемъ трактирѣ на шоссе, теперь пустомъ, то холодъ былъ уже такъ силенъ, что не было возможности стоять на мѣстѣ. По всему бивуаку зажглись сотни костровъ изъ сухого дерева, которое набрали въ строеніяхъ. Но холодъ все усиливался и усиливался, пошелъ снѣгъ. Оставаться здѣсь долго нельзя было, такъ какъ намъ нужно было пройти сегодня еще 17—18 верстъ по шоссе, но этотъ переходъ обратился въ какую-то каторгу. Къ ужасному вѣтру и къ па-

дающему громадными хлопьями снѣгу присоединилась еще мятель и сильный морозъ, помороженныя руки сильно мерзли, солдаты безпрестанно перекладывали ружья съ плеча на плечо, держать поводья и сидѣть на лошади тоже было невозможно. Сѣрыя солдатскія шинели покрылись бѣлою корою. Несмотря на быстроту движенія, оно насъ почти не согрѣвало. Становилось все темнѣе и темнѣе, мы просто бѣжали, стараясь какъ можно скорѣе добраться до бивуака, разсчитывая, что насъ поставятъ въ самомъ селѣ. Но на наше несчастье деревня была небольшая и сильно разрушена; въ ней не было ни одного цѣлаго дома, и въ этихъ развалинахъ размѣстился уже Финляндскій полкъ, такъ что намъ пришлось стать въ полѣ по поясь въ снѣгу. Послали людей за дровами въ деревню, но тамъ Финляндцы уже захватили все, что только можно было захватить; дѣлать нечего, пришлось ломать еще цѣлыя или полуразрушенныя строенія, стаскивать крыши, рубить садовыя деревья и телеграфные столбы. Я въ этотъ день былъ дежурнымъ и долженъ былъ идти за парольнымъ приказаніемъ.

Съ большимъ трудомъ я отыскалъ наконецъ домъ, гдѣ расположился графъ Шуваловъ, но явился туда въ такомъ видѣ, что только могъ говорить, но уже о записываніи парольнаго приказанія нечего было и думать. Другіе адъютанты были почти въ такомъ же положеніи какъ и я. Я замерзъ до такой степени, что, несмотря на то, что въ этой комнатѣ горѣлъ громадный костеръ и вслѣдствіе этого было очень тепло, я отогрѣвался съ большимъ трудомъ и безпрестанно холодная дрожь мѣшала мнѣ говорить. Но большой самоваръ стоялъ на столѣ и весело шипѣлъ. Нѣсколько стакановъ хорошаго чаю, завареннаго въ чайникѣ, съ водою скипяченною въ самоварѣ, такого чаю, какого мы не пили съ самой Россіи, привели меня наконецъ въ себя.

Здѣсь въ штабѣ ходилъ слухъ, что будто бы Шакиръ-паша прислалъ письмо генералу Гурко, въ которомъ просилъ перемирія. Покуда мы здѣсь сидѣли пріѣхалъ ординарецъ генералъ Гурко и говорили, что будто бы онъ привезъ приказаніе, удерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Получивши приказаніе я возвратился въ полкъ, отдалъ полученное приказаніе и принужденъ былъ отыскать себѣ какой нибудь уголокъ въ деревнѣ, такъ какъ вьюки наши не пришли. Въ деревнѣ все уже было занято до такой степени, что отыскать себѣ какую нибудь кровлю было дѣломъ весьма труднымъ. Случайно уже забрелъ я въ полуразрушенный домикъ и засталъ здѣсь большую компанію офицеровъ, собравшихся къ двумъ нашимъ вернувшимся раненымъ полковнику фонъ-М. и Г., кстати тутъ же остановился нашъ казначей, который выдавалъ здѣсь наше жалованье. Полковникъ привезъ съ собою изъ Россіи полушубки, фуфайки и другія теплыя вещи, охотниковъ на нихъ конечно нашлось много, и вещи были живо разобраны, между прочимъ, мнѣ удалось получить по-

лушубокъ изъ овчины, завернувшись въ него, я приткнулся гдѣ то въ уголкѣ и прекрасно проспалъ всю ночь, несмотря на сильнѣйшій холодъ.

30-го Декабря.

Утромъ 30-го декабря мы снова должны были продолжать наше движеніе на Ихтиманъ. Меня отправили впередъ съ квартирьерами, съ нами вмѣстѣ отправился и начальникъ нашего штаба полковникъ Бальцъ, который и раздѣлилъ этотъ полуразрушенный оставленный жителями городъ на участки. Покуда мы отводили квартиры и переписывали дома, пріѣхалъ генералъ Гурко и снова прошелъ слухъ о присылкѣ парламентера. Вслѣдъ затѣмъ неожиданно мы узнали, что наши части, т. е. нашъ полкъ, Финляндскій, и артиллерія не остановятся здѣсь, а пойдутъ далѣе въ Копуджикъ. Новость эта была неособенно пріятна для нашихъ товарищей, сильно разсчитывавшихъ отдохнуть здѣсь, хотя и не отъ очень большаго, но за-то труднаго перехода, вслѣдствіе гористой мѣстности, тѣмъ болѣе утомительнаго, что вчера ночью почти не пришлось спать. Сильно разочарованные пришли полки въ Ихтиманъ, остановившись впереди города, на небольшой привалъ, и затѣмъ уже ночью пришли въ Копуджикъ, гдѣ расположились въ раззоренныхъ оставленныхъ жителями домахъ.

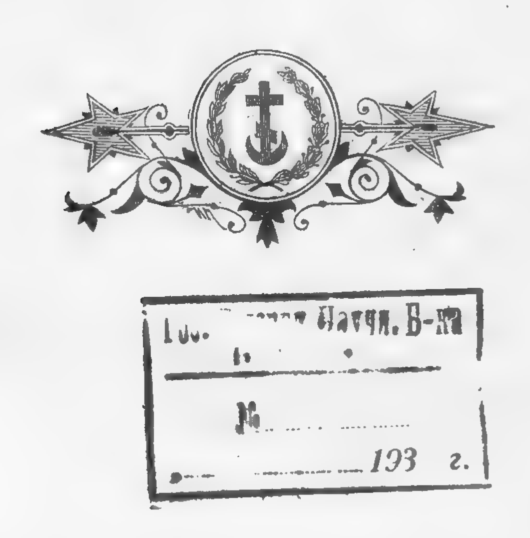
31-го Декабря.

Утромъ очень рано мы снова двинулись впередъ. Говорили, что переходъ будетъ небольшой, всего около 15 верстъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось больше, и къ тому же къ намъ опять прикомандировали артиллерію. Раздѣлили полкъ на двѣ очереди, и въ первой очереди пошли съ орудіями 3 и 4 баталіоны. Вышли мы рано утромъ, еще было темно, а пришли мы въ Вѣтреново въ 12 часовъ ночи, какъ разъ на новый годъ. Здѣсь мы перевалили черезъ Трояновы ворота, хребетъ отдѣляющій Софійскую долину отъ Филиппопольской. Здѣсь пала моя послѣдняя лошадь и я очутился пѣшкомъ, въ самомъ грустномъ положеніи. Здѣсь не было ни приваловъ, ни правильности движенія. Люди послѣ неимовѣрныхъ усилій отдыхали минутами подлѣ тѣхъ орудій, которыя они тащили, а ихъ безпрестанно приходилось то поднимать на большія крутыя горы, то спускать по страшно обледѣнѣлому шоссе. Упираться было не во что, ноги скользили даже тогда, когда шли сами по себѣ, не везя орудія. Лошади падали и не могли двигаться, ихъ выпрягли и отправили впередъ, а орудіе потащили солдаты. Часто орудія увлекали тѣхъ кто его тащилъ, и только страшное усиліе людей останавливало орудія отъ того, чтобы

оно не скатилось въ глубокіе обрывы, а неудержи его, оно неминуемо увлекло-бы за собою и тѣхъ кто его тащилъ. Солдаты тысячу разъ падали и вставали, и сново падали. Спускать орудіе съ горы было еще хуже, чѣмъ поднимать, орудіе катилось и увлекало тѣхъ, кто его спускалъ, къ тому же шоссе безпрестанно дѣлало крутые повороты, и то съ одной, то съ другой стороны шли глубокіе обрывы. Страшно измученные добрались мы наконецъ до Вѣтренова, квартира по счастью досталась порядочная и къ тому-же здѣсь была и хозяйка, отъ которой мы достали хлѣба, или, лучше, черную съ кукурузою лепешку и мѣстнаго вина. Такою закускою встрѣтили мы новый 1878 годъ, которая тѣмъ не менѣе показалось намъ очень вкусною, такъ какъ цѣлый день ни одинъ изъ насъ ничего ни ѣлъ, и я только спѣша выпилъ чаю изъ стклянки отъ телеграфнаго аппарата, которую мы достали тутъ же на брошенной турками телеграфной станціи. Вьюки наши не пришли, и мы принуждены были лечь прямо на полу. Встать было почти невозможно, отъ страшной вчерашней усталости мы были совсѣмъ разбиты, ноги ныли невыносимо, казалось, что всѣ члены перебиты и что съ каждымъ шагомъ ступаешь не на подошву, а на горячіе уголья. Тутъ уже не могло быть и рѣчи объ расположеніи духа, всѣ мучались и молчали, и въ душѣ вѣроятно большинство сильно желало, чтобы насъ поскорѣе двинули впередъ, такъ какъ единственнымъ лекарствомъ въ этомъ случаѣ оставался все-таки же походъ. Нужно было только разойтись и тогда постепенно пропала бы всякая ломота и боль въ членахъ. Проспать намъ пришлось недолго, уже въ 5-омъ часу насъ подняли, полкъ выступилъ снова въ походъ. Разсвѣтать еще не начинало и мы въ темнотѣ собрались, построились и выступили изъ Вѣтренова, котораго такимъ образомъ и не видали Мы шли въ резервѣ колонны, направленной въ аттаку на Татаръ-Базарджикъ, и разсчитывали, что намъ придется вступить въ сраженіе. Но наши предположенія не оправдались: прошли мы не болѣе 15 верстъ и насъ остановили у одной деревни Башмо или Башмому, простояли тутъ въ полѣ нѣсколько часовъ и затѣмъ пришло приказаніе, стать здѣсь бивуакомъ или расположиться въ деревнѣ. Деревня была небольшая, но какъ это не было неудобно, а именно стоять въ деревнѣ все-таки же удобнѣе, чѣмъ стоять бивуакомъ, поэтому мы и расположились тамъ. Пришли наши вьюки, и, благодаря этому, мы уже не голодали Извѣстій никакихъ не было до самаго утра. Когда 2-го числа насъ подняли рано утромъ и направили на Татаръ-Базарджикъ. «Такъ вотъ наконецъ Татаръ-Базарджикъ!» воскликнули многіе изъ насъ, поднявшись по шоссе на гору, откуда открывался живописной видъ на долину съ разброшенными по ней тамъ и сямъ дачами и домами, окруженными садами и кипарисовыми деревьями, перерѣзанную ручейками и рѣчками, сбросившими въ это время свой ледяной покровъ и красиво

извивающимися синими ленточками по бѣлому фону долины. Вдали послѣднюю окаймляли справа и слѣва большія горы, вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Прямо противъ насъ возвышался большой городъ, съ рельефно выдѣляющимися бѣлыми башнями минаретовъ и темными конусообразными вершинами кипарисовыхъ деревьевъ.

(Продолженіе статьи и окончаніе ея, см. на стр. 311).

СОДЕРЖАНІЕ

IV-го ТОМА.

